

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории материальной культуры

Славяно-русское ювелирное дело и его истоки

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
Гали Фёдоровны КОРЗУХИНОЙ

Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.

Нестор-История
Санкт-Петербург
2010

УДК 904:671.1(4-11)
ББК 63.4-41(45)
С 48

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
Проект № 08-01-16123д*

Утверждено к печати Ученым Советом ИИМК РАН

Редакторы-составители: *А.А. Пескова, О.А. Щеглова, А.Е. Мусин*

С 48 Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны КОРЗУХИНОЙ (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). — СПб. : Нестор-История, 2010. — 624 с., ил.

ISBN 978-5-98187-508-3

Предлагаемое издание основано на материалах международной научной конференции «Ювелирное дело Древней Руси и его истоки», проведенной в Санкт-Петербурге при финансовой поддержке РГНФ в апреле 2006 г. и посвященной 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной. В сборник вошли статьи участников конференции из ведущих научных и музейных центров России, Украины, Белоруссии, Молдовы, а также Болгарии, Великобритании, Польши, Румынии, Швеции. В нем собраны новейшие исследования в области изучения художественной культуры Древней Руси IX–XIII вв. и ее истоков, направленные на решение проблем становления и развития различных отраслей ювелирного дела и художественного ремесла, рассматриваемых в общеевропейском контексте. Значительная часть статей представляет собой публикации новых принципиально важных находок, происходящих из раскопок последних лет или из архивных изысканий.

Сборник открывается блоком статей, посвященных жизненному и творческому пути Г.Ф. Корзухиной. Рубрикация содержания сборника в основном связана с ее научными интересами, что позволяет оценить современное состояние проблем, поставленных или актуализированных более полувека назад.

**УДК 904:671.1(4-11)
ББК 63.4-41(45)**

Подготовка иллюстраций *В.Я. Стеганцевой*

ISBN 978-5-98187-508-3

9 785981 875083

© Коллектив авторов, 2010
© Институт истории материальной культуры РАН, 2010
© Издательство «Нестор-История»

Гали Фёдоровна Корзухина, археолог, историк средневекового художественного ремесла и материальной культуры Древней Руси, родилась 4(17) января 1906 г. в Санкт-Петербурге в семье архитектора Фёдора Алексеевича Корзухина (1875–1941). К числу созданных им зданий относятся Коммерческое училище в Лесном, придел прп. Серафима Саровского ныне разрушенной Знаменской церкви напротив Московского вокзала, несколько доходных домов в Петербурге, в том числе на Васильевском острове, поблизости от Университета, где он многие годы служил архитектором. Ее дед, Алексей Иванович Корзухин (1835–1894) был известным художником-передвижником. Всем известны такие его работы, как «Поминки на деревенском кладбище», «Возвращение из города», «В монастырской гостинице», «Петрушка идет», «Девичник» и другие, в настоящее время украшающие экспозиции Русского музея, Третьяковской галереи и другие собрания национальной живописи. Он расписывал храм Христа Спасителя в Москве, Кафедральный собор в Риге, собор города Ельца. Однако мало кто знает, что он участвовал и в росписи храма св. князя Владимира в Херсонесе в конце XIX столетия, а много лет спустя Гали Фёдоровна будет одной из первых, кто серьезно займется проблемой влияния памятников «корсунского дела» на художественную жизнь Древней Руси. Этому предшествовала долгая учеба, период которой совпал с революционными переменами в жизни России. Интересно, что в отличие от своей старшей коллеги по работе в ГАИМК М.А. Тихановой, она избегала сведений о своей семье, родителей и сестрах даже в дотошных анкетах советского времени, которые ей приходилось заполнять при поступлении на работу и аттестациях (РА НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 308; Ф. 35. Оп. 5. Д. 153; Ф. 35. Оп. 5. Д. 358). После окончания школы в 1923 г. она поступила в Петроградский университет, где училась на отделении археологии и истории искусств ФОНа — Факультета Общественных Наук. Атмосфера ФОНа того времени, с причудливым сочетанием старинных традиций университетской школы и внедряемой в науку марксистской идеологии, с постоянным преобразованием программ и структур, с пестрым и разношерстным составом студентов, многие из которых были охвачены неподдельным исследовательским энтузиазмом, замечательно воспроизведена Вениамином Кавериным в романе «Исполнение желаний». В это же время на отделении учатся Б.Б. Пиотровский, В.Ф. Гайдукевич, А.А. Иессен. На студенческой скамье впервые Гали Корзухина оказалась рядом со своим будущим мужем Николаем Ворониным, впоследствии — выдающимся историком древнерусского зодчества, и Ниной Винберг, с которой ее в зрелые годы свяжет многолетняя совместная работа в ГАИМК—ИИМК—ЛОИА, где Н.Н. Винберг будет заведовать отраслевой библиотекой. В 1926 г. через неполные три года после начала учебы в университете, в 20 лет она получила диплом об окончании факультета языкознания и истории материальной культуры (ЯМФак) Ленинградского университета. Позднее она писала: «Попав в аспиранты непосредственно с университетской скамьи, я сразу ощутила ряд пробелов в основных

дисциплинах, которые были вызваны сменой программ (их за 3 года было 5); таково, как пример, отсутствие курса русской истории...» (РА НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 308. Л. 75). То глубокое и разностороннее образование, которое позволило Гали Фёдоровне в дальнейшем стать одним из наиболее авторитетных и глубоких исследователей памятников отечественной археологии в широком историко-культурном европейском контексте, было во многом получено ею самостоятельно, приобреталось годами добросовестного и напряженного труда.

В конце 1926 г. Корзухина была зачислена «сверхштатным аспирантом без стипендии» в аспирантуру ГАИМК, где она специализировалась по истории древнерусской архитектуры под руководством профессора К.К. Романова (1882–1942), замечательного искусствоведа и этнографа, одного из основоположников научной охраны памятников культурного наследия России. В аспирантские годы, собирая материал для диссертационной работы, она много путешествовала по старым русским городам Северо-Восточной Руси. К этому периоду относятся ее первые научные труды (РА НА ИИМК. Ф. 77. Дд. 158, 159, 160, 161, 149), первая публикация, первые опыты преподавания в качестве ассистента профессора К.К. Романова в Государственном институте истории искусств. В 1927–1930 гг. одновременно с Гали Фёдоровной в первой группе аспирантов ГАИМК учились М.И. Артамонов, Н.Н. Воронин, С.Н. Замятнин, А.А. Иессен, П.Н. Шульц, впоследствии основавшие целые направления в отечественной науке, стоявшие во главе крупных экспедиций и научных учреждений. Несмотря на то, что научная биография Корзухиной складывалась внешне куда более скромно, ее имя по праву занимает достойное место в плеяде блестящих однокашников.

После успешного окончания аспирантуры без защиты диссертации, которая в те годы и не требовалась, в начале 30-х гг. Гали Фёдоровна несколько лет работала архивистом в Ленинградском областном архивном управлении, где, в частности, заведовала I Архивом Октябрьской Революции. В качестве архивиста в 1934 г. она вернулась в ГАИМК, продолжая заниматься изучением древнерусской архитектуры.

В 1935–1938 гг. она — старший научный сотрудник, хранитель фонда прикладного искусства Государственного Русского музея, в 1938–1941 гг., оставаясь научным сотрудником ГАИМК, участвовала в раскопках Киева, будучи прикомандированной к Институту археологии АН УССР. Именно в этот период основным предметом научных интересов Гали Фёдоровны становятся памятники прикладного искусства Древней Руси и предшествующего периода. Со свойственной ей исключительной пунктуальностью, она собирает и фиксирует материалы, хранящиеся в музеях и архивах, формируя уникальную по степени фундированности источниковедческую базу своих последующих исследований. После гибели или депаспортизации многих музейных коллекций во время II Мировой войны, материалы, тщательно скопированные и сохраненные Корзухиной во время работы в Киеве, приобрели статус самостоятельного источника. Именно в этот «период первоначального накопления», в годы, когда Гали Фёдоровна не опубликовала ни одной статьи, на деле была заложена основа для создания серии глубоких, продуманных, разнообразных и базирующихся на максимально широкой базе источников работ, которыми отмечен послевоенный период научного творчества исследовательницы.

Во время Великой Отечественной войны Гали Фёдоровна с сыном Николаем отправляются в эвакуацию на Урал, на родину деда-художника, в Свердловск, где, как и многие современницы, Корзухина работала там, где это было необходимо: на заводе, в больнице. Единственная награда в ее послужном списке — медаль «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны».

В конце 1943 г. Гали Фёдоровна возвращается в ИИМК, в его Московское отделение, где на один год зачисляется в аспирантуру для защиты кандидатской диссертации «Русские клады IX–XIII вв.». Стандартное извещение о предстоящей защите в «Вечерней Москве» от 10 марта 1945 г. было опубликовано вместе с приказом Верховного Главнокомандующего об очередном победном салюте. Эту газету Корзухина, в иных случаях не считавшая возможным оставлять в архиве документы личного характера, сохранила, как свидетельство личной победы...

Диссертация «Русские клады IX–XIII вв.» легла в основу фундаментальной монографии, изданной позднее, в 1954 г. в дополненном и переработанном виде. Книга стала эталонным исследованием в этой области и вошла в золотой фонд российской археологии, как пророчил в рецензии на монографию В.Л. Янин.

С 1945 г. вплоть до 1972 г. Гали Фёдоровна работала в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР, ныне Институт истории материальной культуры РАН, в секторе Славяно-русской археологии, заведовала Рукописным архивом (1964–1967 гг.), руководила Торопецкой экспедицией

(1960–1961 гг.), отрядом Староладожской экспедиции (1968 г.). Параллельно она вела занятия на кафедре археологии Ленинградского университета.

Гали Фёдоровна скончалась в Ленинграде 29 августа 1974 г. Её прах покоится на Хованском кладбище в Москве. При жизни Г.Ф. Корзухиной увидели свет всего 32 её публикации. Может показаться, что это и немного, но сохранившийся архив исследовательницы открывает подлинный размах её научной работы. Целая серия крупных монографических исследований Гали Фёдоровны, подготовленная к печати коллегами и учениками, была опубликована уже после ее кончины: 1978 г. — «Предметы убора с выемчатыми эмальями V — первой половины VI вв. н. э. в Среднем Поднепровье», ред. М.А. Тиханова; 1996 г. — «Клады и случайные находки вещей круга “древностей антов” в Среднем Поднепровье. Каталог», подготовка к печати В.М. Горюновой, 2003 г. — «Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв.», подготовка к печати и каталог А.А. Песковой.

Юбилей Гали Фёдоровны Корзухиной, отмеченный в 2006 г., в том числе и конференцией, сборник материалов которой читатель сейчас держит в руках, вновь подтвердил, что она до сих пор является признанным авторитетом в области археологического источниковедения. Действительно, ею был собран и систематизирован огромный материал по истории древнерусского декоративно-прикладного искусства и художественного ремесла Восточной Европы. Каталоги изделий с эмальями, относящихся к эпохе великого переселения народов, памятников художественного ремесла VI–VII вв., древнерусских ювелирных изделий и произведений культовой металлопластики, составленные на основе скрупулезного изучения музейных коллекций, впоследствии частично утраченных во время Второй Мировой войны, в настоящее время приобрели статус первоисточника и хранятся в Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН. Строя исторические выводы своих исследований на тщательно подготовленной фактической базе, Гали Фёдоровна одной из первых выступила против автохтонизма в вопросе о происхождении славянской культуры Среднего Поднепровья, что было в те времена свидетельством научной и гражданской смелости. Она считала, что смена стилей в художественном ремесле I тыс. н. э. в этом регионе обусловлена хронологическими разрывами и сменой населения, представленного различными этническими группами, относившимися как к оседлым, так и к кочевым культурам. Опираясь на вещественные источники, Гали Фёдоровна пыталась решить проблему раннего проникновения скандинавов на территорию Восточной Европы и понять их роль в образовании Древнерусского государства. Весомый вклад сделан ею в изучение разных аспектов материальной культуры Древней Руси: техники и организации ювелирного дела, косторезного ремесла, вещей кладов, игр, эпитафических памятников, предметов культовой металлопластики и т.д. Высокая ценность научных исследований Гали Фёдоровны подтверждена их востребованностью новыми поколениями историков и археологов, о чем свидетельствует продолжающаяся публикация ее работ. Можно даже говорить о том, что благодаря ее трудам и методам работы была создана целая школа «археологического источниковедения», которая имеет надрегиональный характер, не ограничивается стенами отдельных академических институтов и университетских кафедр. Ее очные и заочные ученики трудятся в Петербурге, Москве, Киеве, Минске, Лондоне, Париже... Настоящая книга — это попытка не только принести дань уважения Гали Фёдоровне за ее научный и человеческий вклад в наше настоящее, но и продолжить исследование поставленных ею задач и намеченных ею проблем с помощью тех методов и подходов, которые она создавала и оттачивала на протяжении своей жизни.

Редакционная коллегия

I

ГАЛИ ФЁДОРОВНА КОРЗУХИНА: МАТЕРИАЛЫ К НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ

СПИСОК ТРУДОВ Г.Ф. КОРЗУХИНОЙ

Опубликованные работы Г.Ф. Корзухиной

1. 1929 Рязань в сложении архитектурных форм XII–XIII веков // Сборник работ аспирантов ГАИМК. Л. С. 69–82.¹
2. 1946 О технике тиснения и перегородчатой эмали в древней Руси X–XII вв. // КСИИМК. Вып. 13. С. 45–54.
3. 1947 Русские клады IX–XIII вв. // Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. (АН СССР. ОИФ). М.; Л. С. 87–89.
4. 1950 Из истории древнерусского оружия XI века // СА. Т. XIII. С. 63–94.
5. 1950 Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания // СА. Т. XIV. С. 217–244.
6. 1951 Серебряная чаша из Киева с надписями XII в. // СА. Т. XV. С. 64–81.
7. 1954 Русские клады IX–XIII вв. М.; Л. 158 с. ил., 36 л. ил. и карт. Рец.: Янин В.Л. // СА. 1956. Т. 25. С. 357–365.
8. 1955 К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. // СА. Т. XXII. С. 61–82.
9. 1956 Новые данные о раскопках В.В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве // СА. Т. XXV. С. 318–337.
10. 1957 К реконструкции Десятиной церкви // СА. № 2. С. 78–90.
11. 1958 О памятниках «корсунского дела» на Руси (по материалам медного литья) // ВВ. Т. XIV. С. 129–137.
12. 1961 О времени появления укрепленного поселения в Ладоге (по археологическим данным) // СА. № 3. С. 76–84.
13. 1961 О гнездовской амфоре и ее надписи // Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь проф. М.И. Артамонова. Л. С. 226–230.
14. 1961 Список печатных работ М.И. Артамонова // Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь проф. М.И. Артамонова. Л. С. 7–9.²
15. 1962 О некоторых находках в древнем Торопце // КСИА. Вып. 87. С. 100–101.
16. 1963 Рец.: Археологический сборник. Вып. 4. Славянские древности / Гос. Эрмитаж. Л., 1962 // СА. № 3. С. 284–290.³
17. 1963 Из истории игр на Руси (О шашках по археологическим данным) // СА. № 4. С. 85–102.
18. 1963 Находки скандинавских вещей в районе г. Торопца Калининской области // ТД научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. Тарту. С. 38–39.
19. 1964 Новые находки скандинавских вещей близ Торопца // Скандинавский сборник. Вып. 8. Таллин. С. 298–314.
20. 1965 Находка на Рюриковом городище под Новгородом // КСИА. Вып. 104. С. 45–46.
21. 1965 Этнический состав населения древнейшей Ладоги // Тезисы докладов 2-ой научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. М. С. 12–14.
22. 1966 К уточнению датировки древнейших слоев Ладоги // Тезисы докладов 3-ей научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. Тарту. С. 61–63.
23. 1966 Ладожский топорик // Культура древней Руси. М. С. 89–96.

¹ Под фамилией Корзухина-Воронина.

² Совместно с Л.С. Клейном.

³ Совместно с Д.А. Мачинским, О.В. Овсянниковым, М.А. Тихановой.

24. 1966 Рец.: Петров В.П. Исторична топографія Київа (Першопочатки міста). В: Историчні джерела та їх використання. Вип. 1. Київ. 1964 // СА. № 4. С. 227–229.⁴
25. 1969 Раскопки на урочище Плакун близ Старой Ладogi // АО 1968. С. 16–17.
26. 1971 Иван Иванович Ляпушкин // КСИА. Вып. 125. С. 3–6.⁵
27. 1971 Камские огнива и Один // Тезисы докладов 5-й всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. Ч. 1. М. С. 29–30.
28. 1971 Курган в урочище Плакун близ Ладogi // КСИА. Вып. 125. С. 59–64.⁶
29. 1971 О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладogi // Скандинавский сборник. Вып. 16. Таллин. С. 123–133.
30. 1972 Русские клады в зарубежных собраниях // КСИА. Вып. 129. С. 24–30.
31. 1973 Некоторые находки бронзолитейного дела в Ладoge // КСИА. Вып. 135. С. 35–40.
32. 1974 Еще раз о Тмутараканском болване // Культура средневековой Руси. Л. С. 25–29.
33. 1976 Об Одине и кресалах Прикамья // Средневековая Русь. М. С. 135–140.
34. 1977 Об Одине и кресалах Прикамья // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М. С. 156–162.
35. 1978 Предметы убора с выемчатыми эмальями V — перв. пол. VI в. н. э. в Среднем Поднепровье / АН СССР, ИА. Л.: Наука. 124 с., 2 л. ил., карты (Археология СССР. САИ. Е 1-43).
36. 1978 Путь Абу Хаида ал-Гарнати из Булгара в Венгрию // Проблемы археологии. Вып. 2. Сборник статей в честь проф. М.И. Артамонова. Л. С. 187–194.
37. 1996 Клады и случайные находки круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье: Каталог памятников // МАИЭТ. Вып. V. С. 352–435.
38. 2003 Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. Труды ИИМК РАН. Т. 7; Archaeologica Petropolitana 14. СПб.: Петербургское востоковедение. 432 с.: ил.⁷
- Рец.:
- Мусин А.Е. // Вестник РГНФ. № 3. 2005. С. 247–256.
- Мусин А.Е. // АВ. № 12. 2005. С. 244–250.
- Гнутова С.В., Пежемский Д.В. // Ставрографический сборник. Книга III: Крест как личная святыня. М., 2005. С. 660–662.
- Пуцко В.Г. // АВ. № 13. 2006. С. 350–352.
- Дончева-Петкова Л. // Археология. XLVII. 1–4. 2006. София. С. 262–264.

О Г.Ф. Корзухиной и по следам ее работ (опубликованных и неопубликованных)

- Гуревич Ф.Д. Гали Федоровна Корзухина (к 80-летию со дня рождения) // СА. № 2. 1987. С. 291–293.
- Калашникова Н.М. Вклад ученых-археологов в изучение прикладного искусства Древней Руси (Металлический убор) // Мавродинские чтения 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки. Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2004. С. 248–250.
- Клейн Л.С. Из кладов России: Г.Ф. Корзухина // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Международная научная конференция. Тезисы докладов. СПб., 2006. С. 7.

⁴ Совместно с П.А. Раппопортом.

⁵ Совместно с М.И. Артамоновым и Д.А. Мачинским.

⁶ Совместно с О.И. Давидан.

⁷ Подготовил к печати и каталог А.А. Песковой.

-
- Клейн Л.С.* Спор о варягах. СПб., 2009: II. Выступление на дискуссии о современном состоянии «норманнского вопроса» 24 декабря 1965 г. на историческом факультете Ленинградского университета». С. 93–142.
- Лебедев Г.С.* Место Г.Ф. Корзухиной в изучении Ладоги. Доклад на VI конференции «Северо-Западная Русь в эпоху средневековья». К 30-летию работ Г.Ф. Корзухиной в Старой Ладого. Старая Ладога. 2–4 июня 1998 г.
- Михайлов К.А., Ёлишин Д.Д.* Новые архивные материалы по археологическому изучению древнего Киева // АВ. № 11. 2004. С. 226–232.
- Носов Е.Н.* Современные данные по варяжской проблеме на фоне традиции русской историографии // Stratum plus. № 5. 1999. С. 112–118.
- Пескова А.А.* О Гали Федоровне Корзухиной // *Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003. С. 9.
- Платонова Н.И.* Первая аспирантура Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) // Мавродинские чтения 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки. Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2004. С. 235–237.

Л.С. Клейн (Санкт-Петербург)

ИЗ КЛАДОВ РОССИИ: ГАЛИ ФЁДОРОВНА КОРЗУХИНА

Говорят, что стать интеллигентом очень просто — нужно окончить три университета: первый должен окончить твой дед, второй — отец, и третий — ты сам. Вот таким потомственным интеллигентом была Гали Фёдоровна Корзухина. Причем высшие учебные заведения, которые стояли за ней в ее родословной, все связаны с искусством. Это Академия художеств, кафедра археологии Университета и аспирантура Академии истории материальной культуры.

Дедом Гали Фёдоровны был известный русский художник-передвижник Алексей Иванович Корзухин (1835–1984). Сын уральского горнозаводского мастерового с Уктусского завода в Екатеринбурге, он окончил столичную Академию художеств и прославился как жанровый художник с демократическими устремлениями. Вместе с Маковским и другими он был участником бунта 14-ти выпускников Академии художеств, вышедших из нее в знак протеста против консервативного преподавания. В 1863 г., в пору движения шестидесятников, он вошел в созданную И.Н. Крамским Санкт-Петербургскую Артель художников, затем был в числе организаторов в 1870 г. «Товарищества передвижников». Картины его висят в Третьяковке («В монастырской гостинице», «Перед исповедью») и в Русском музее («Поминки на деревенском кладбище», «Птичьи враги», «У краюшки хлеба»). Бывший бунтовщик был избран академиком живописи. В 1881 г. художник нечаянно оказался свидетелем убийства народовольцами царя Александра II. Это событие потрясло его, и он долго болел, а кровь и трагедийность проявились в его картине, с необычным для него сюжетом, написанной на следующий год: «Смерть Ивана Нарышкина — сцена из стрелецкого бунта».

Отец Гали Фёдоровны, Фёдор Алексеевич Корзухин (1875–1941), был известным архитектором. Ему принадлежит архитектура некоторых доходных домов на Малом и Среднем проспектах Васильевского острова. Жили Корзухины тоже на Васильевском, на набережной адмирала Макарова, а потом Гали Фёдоровна жила на Дворцовой набережной, по соседству с нынешним зданием ИИМК и Домом ученых, на третьем этаже. Из окна можно было видеть Петропавловскую крепость и стрелку Васильевского острова.

Ничего удивительного, что выросши в такой среде и в такой исторической обстановке, Гали Фёдоровна Корзухина (1906–1974) углубилась в изучение истории русской культуры — сначала занималась древнерусской архитектурой, потом прикладным искусством — художественным ремеслом (Гуревич 1987: 291–293; Пескова 2003: 9). Более того, еще одна женщина из этой семьи стала археологом — более известная под фамилией мужа, Марьяна Дмитриевна Хлобыстина.¹

Демократическая традиция этой семьи, традиция шестидесятников, сказалась в том, каким именно археологом оказалась Гали Фёдоровна. Она вошла в тот костяк Академии (потом Института) истории материальной культуры, который при всех поворотах исторической конъюнктуры, при всех драмати-

¹ Марьяна Дмитриевна Хлобыстина (1931–2005), в девичестве Корзухина, племянница Гали Фёдоровны, дочь Оксаны Фёдоровны Корзухиной и Дмитрия Дмитриевича Иваненко, работала в ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН в 1974–1996 гг. Специалист по археологии Сибири эпохи бронзы. — *Ред.*

ческих сменах идеологии и начальства, продолжал традицию высокой науки и позволял коллективу держать марку. Это Иван Иванович Ляпушкин, Мария Александровна Тиханова, Александр Александрович Иессен, Татьяна Николаевна Книпович, Александр Маркович Беленицкий и некоторые другие, среди них, конечно, Гали Фёдоровна Корзухина. Это были люди, в мастерстве, честности и добросовестности которых никто никогда не имел оснований усомниться. А в силу специфики науки (многие ее данные непроверяемы) научная честность — это *conditio sine qua non* археологии. Можно сказать, что эти люди были воплощением совести головного учреждения отечественной археологии. По ним вынуждены были равняться другие. Почти все эти исследователи придерживались той методологической установки, которую историографы обозначают как эмпиристическое направление, эмпиристическая школа.

Занявшись в археологии древнерусским искусством, в частности ювелирным мастерством икладами драгоценностей, Гали Фёдоровна неизбежно должна была унаследовать функции крупнейшего русского археолога Н.П. Кондакова, эмигрировавшего после революции из страны. Кондаков выпустил в 1896 г. первый том «Русских кладов», Гушин — второй, а третий разработала и выпустила Г.Ф. Корзухина — в 1954 (Кондаков 1896; Гушин 1936; Корзухина 1954). Это была ее диссертация 1945 г. Кондаков был основоположником того направления в археологии, которое я назвал комбинационизмом и которое развилось из диффузионизма (Клейн 1975: 95–103). По этому учению, новое в культуре прослеживается не в его эволюции из старого и не как привнесенное извне, а как сложившееся из смешивания и рекомбинации элементов старых культур. Это учение развивали дальше М.И. Ростовцев и Б.В. Фармаковский, а в Англии — П. Риверс. Но у Гали Фёдоровны мы найдем лишь отзвуки этого учения — в том, как она понимала сложение культуры восточных славян из компонентов разного этнического происхождения, без исключительного внимания одному корню. Зато она, критикуя Н.П. Кондакова за преувеличение византийского влияния на русское искусство, с блеском применяла сам иконографический метод Кондакова и во всей полноте придерживалась другой кондаковской традиции — той, за которую его учеников (С.А. Жебелева, Я.И. Смирнова, Д.В. Айналова, В.Н. Лазарева и других) прозвали «фактопоклонниками».

Эмпиризм был выдвинут как важный принцип науки еще в XVII в., но особое направление в науке, взявшее этот принцип за основу, стало складываться лишь во второй половине XIX в. и первой половине XX, причем складывалось оно не как особая школа, а как ряд школ, формировавшихся в разное время и в разных странах. Эмпирический метод, отвергая теории, имеет ряд ограничений и без подключения теорий не позволяет продвинуться далеко. Но он позволяет строить базу для науки и отвергать злоупотребления наукой. Приверженцами этого принципа становились честные и объективные ученые там и тогда, где и когда в науке складывалось засилье некоей предвзятой идеи, теории, навязанной извне, а открытое сопротивление ей было невозможно. Именно такое положение сложилось в советской науке. Вместе с Ляпушкиным и другими ревнителями объективной науки Гали Фёдоровна вежливо, без прямых посягательств на теорию, но систематически и упорно противостояла сначала социологизаторским претензиям москвичей и теории стадильности ленинградцев, а потом угодным политической конъюнктуре концепциям этногенеза Б.А. Рыбакова и П.Н. Третьякова.

В жизни Гали Фёдоровна была очень своеобразным человеком. Все в ИИМКе знали, что она следит за проходящими мимо ее окон пароходами и баржами на Неве и внимательно отмечает на своих графиках их гудки. Она изучила последовательность их прохождения и могла узнать по гудку любое судно, знала досконально весь цикл навигации. Это была рискованная страсть: КГБ могло заподозрить ее в сборе агентурных данных. Менее известной и менее опасной была ее страсть к футбольным соревнованиям. Не играя, разумеется, в футбол и не посещая стадионов, она знала все команды первых лиг, неуклонно отмечала все игры и их результаты, удачно предсказывала ход борьбы за кубки и первенство. Дело не в том, что она так уж болела за «Зенит» или «Динамо». Она болела за ясность и красоту композиции. В этом сказывалась ее натура, ее исследовательские особенности. Она обожала находить порядок в кажущемся хаосе, чтобы из нагромождения случайных мазков прорисовывались ясные контуры. С этой же страстью она разбирала свои энколпионы и колты, подвески и фибулы, клады и погребения. Выявляла картину их распределения во времени и пространстве.

Красивые картины рисовали и энтузиасты широких концепций — П.Н. Третьяков, Б.А. Рыбаков, М.Ю. Брайчевский, но они исходили из блестящих гипотез, к которым подстраивали выборки из материала. Получившиеся теории они налагали на материал. У них получалось связанное преемственное развитие на территории Украины от Трипольской культуры через поля погребений до Киевской Руси, что очень нравилось власти предрежащим. В своем своде выемчатых эмалей Гали Фёдоровна четко

и с лукавым, едва заметным юмором, который всегда сверкал в ее прищуренных глазах, описывает создание рыбаковской концепции.

«В 1939 г. в “Вестнике древней истории” со статьей, посвященной предыстории Киевской Руси, впервые выступил Б.А. Рыбаков. Статья эта, озаглавленная “Анты и Русь”, написана исключительно целеустремленно.² Рыбаков хотел в ней доказать с помощью всех имевшихся в его распоряжении материалов прямую преемственность между культурой скифов, антов и Киевской Руси. ...Несмотря на то, что позже Рыбаков неоднократно выступал со статьями на ту же тему, ни одна из его работ не завоевала себе такой популярности среди историков и археологов, как его первая работа. Эту популярность следует приписать заманчивой ясности и стройности изложенной в ней концепции, которая, казалось, избавляла русскую историческую науку от дальнейших мучительных поисков в данной области. Она ликвидировала Великую Готию в Среднем Поднепровье и углубила на несколько столетий (потом — тысячелетий. — Л. К.) историю славян на данной территории.

Концепция Рыбакова стала краеугольным камнем в работах археологов, историков, филологов и историков литературы. Она была широко использована академиками Б.Д. Грековым и Н.С. Державиным, В.В. Мавродиным и многими другими.

Так, вслед за Б.А. Рыбаковым Б.Д. Греков утверждал, что “на основании археологических наблюдений устанавливается непрерывная цепь развития общества, сидящего в Поднепровье, ...цепь от скифов до Киевского государства включительно” (1949: 371–372).³ Ошеломленный возможностями археологического материала, Греков писал, что “надо только заставить его заговорить языком, нам понятным. Надо, конечно, уметь предъявить ему четкие требования” (Там же: 337). Требования эти были предъявлены. Они были совершенно определенными — найти корни русской государственности не только как можно глубже, но найти их именно на Днепре, доказав, что исконной территорией славян было Поднепровье (Корзухина 1978: 8).

Работа напечатана в 1978 г., посмертно, но написана она в 1969. Это Гали Фёдоровна писала, когда Рыбаков был директором Института, в котором она работала, и главой всех советских историков. За рыбаковской концепцией стояла вся огромная машина государственно-партийного аппарата с практикой идеологического и административного давления — от научного шельмования до репрессий. Гали Фёдоровна прекрасно сознавала, на что она шла. Недавно О.А. Щеглова обнаружила в ее рукописном архиве стишок на папочке, использованной в качестве суперобложки для рукописи 1951 г. (т. е. еще сталинского времени) «Происхождение Руси» (рис. 1):

Ходит птичка веселó
По тропинке бедствий,
Не предвидя от сего
Никаких последствий.⁴

Так что опасность тропинки скепсиса была для нее ясна. Но этим здоровым и смелым скепсисом пронизана вся деятельность Г.Ф. Корзухиной с самого начала.

Уже в «Русских кладах» о датировках Б.А. Рыбакова, сделанных без предварительной полной сводки и классификации (имеется в виду его «Ремесло древней Руси») (Рыбаков 1948. — *Ред.*), сказано: «Нельзя сказать, чтобы такие датировки были всегда неверны, но они всегда были шатки, ненадежны и широки» (Корзухина 1954: 6).

Гали Фёдоровна работала совершенно не так, как искатели преемственности во что бы то ни стало. Она брала всю массу материала, упорядочивала его, находила в нем самую связь и группировку и показывала: смотрите, ваши гипотезы в наличный материал не укладываются. Материал, если его объективно исследовать, им противоречит. Нет преемственной связи.

Так построена ее знаменитая статья в XXII томе альманаха «Советская археология» за 1955 г. — «К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э.» (Корзухина 1955: 61–82). Статья вышла на следующий год после «Русских кладов». Взгляд И.И. Ляпушкина об отсутствии преемственности на Левобережье Корзухина распространила на все Поднепровье. Журнал опубликовал статью как дискуссионную «без всяких редакционных изменений», т. е. сняв с себя всю ответственность. Прежде всего, Гали Фёдоровна зафиксировала лакуну в VI–VII вв., которую ее оппоненты

² Рыбаков Б.А. Анты и Киевская Русь // ВДИ. № 1. 1939. С. 319–337. — *Ред.*

³ Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1949. — *Ред.*

⁴ РА НА ИИМК РАН. Ф. 77. Д. 43. Обл. Это четверостишие неизвестного поэта второй половины XIX в. неоднократно использовалось в отечественной литературе и публицистике. — *Ред.*

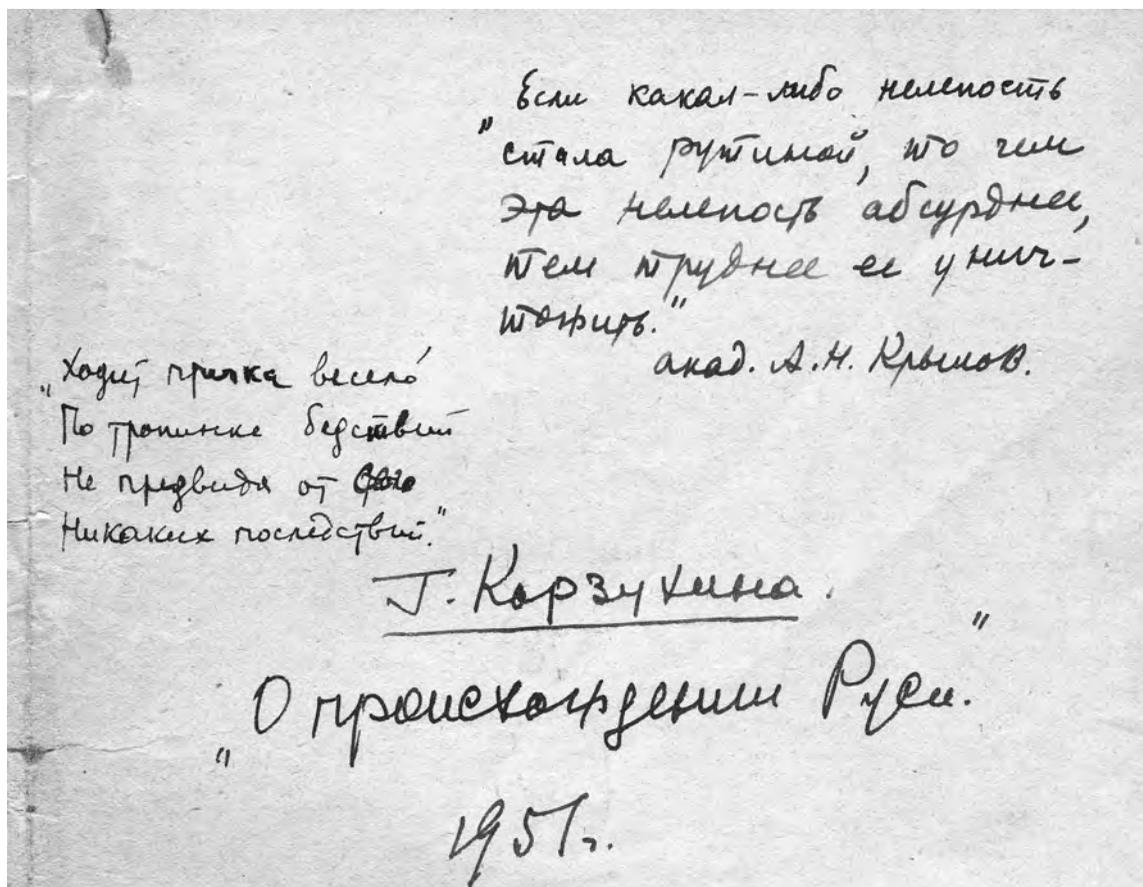

Рис. 1. «Обложка» неизданной рукописи Г.Ф. Корзухиной «О происхождении Руси», 1951 г.
 (РА НА ИИМК РАН. Ф. 77. Д. 43. Обл.)

не признавали, но в которой позже появились культуры пражского типа, тогда еще неизвестные. Затем она показала, что вся территория, которую ее оппоненты рассматривают чохом, распадается на две резко различающиеся зоны — степную и лесостепную. В первой — одни погребения, во второй встречаются и клады, в первой наборы оружия, во второй — украшения и детали одежды. Это две культуры: первая принадлежит кочевникам, вторая — оседлому населению, страдающему от кочевников и вынужденному зарывать клады. Преемственность же в этих украшениях обеспечивается тем, что в значительной части это вещи импортные с юга или возникшие под влиянием греческих городов Причерноморья.

В 1955 г. когда эта статья вышла, я был недавним выпускником кафедры археологии, работавшим в Белоруссии учителем. Я не был ни учеником Корзухиной, ни ее сослуживцем, и даже консультировался, еще будучи студентом, чаще у Марьи Александровны Тихановой. Но подруга Тихановой, Гали Фёдоровна всегда была рядом, очень доброжелательная и исполненная тихого достоинства. Всегда была готова помочь. Помню, по одному вопросу она сказала: «Это надо выяснить у жены моего мужа, я позвоню ей». Я был совершенно обескуражен и тупо сказал: «Как это? Ведь жена вашего мужа это Вы!» «Какой Вы непонятливый! — отвечала Гали Фёдоровна. — Хорошо, растолкую: нынешней жене моего бывшего мужа». Оказалось, что Гали Фёдоровна развелась со своим мужем Николаем Николаевичем Ворониным, но разошлись они очень интеллигентно, сохранив добрые отношения, и даже с новой женой своего мужа (она тоже археолог) Гали Фёдоровна пребывала в добрых отношениях.

Получилось так, что с самого начала моего вхождения в науку наши пути пересеклись и научные позиции совпали. В том же томе «Советской археологии», о котором речь шла выше, была опубликована моя первая печатная работа — «Вопросы происхождения славян...» (Клейн 1955: 257–272), большая рецензия на труды конференции Украинского Института археологии. В ней менее четко, чем у Гали Фёдоровны, были выражены те же общие убеждения: преемственность не доказана. Реакцией на эти две статьи была новая конференция в Киеве («расширенный совет института»), на который не только

Рис. 2. И.П. Шаскольский. Дружеские шаржи Л.С. Клейна середины 1960-х гг. (Личный архив Л.С. Клейна.)

меня, но и Гали Фёдоровну не пригласили и на котором нас обоих нещадно критиковали (см.: Максимов 1956: 72–78).

Вторым совпадением путей была варяжская дискуссия 24 декабря 1965 г.⁵ За год до того я организовал в университете Славяно-варяжский семинар, на котором собирались еженедельно молодые археологи (студенты и выпускники), а из старших часто приходили М.А. Тиханова и Г.Ф. Корзухина. Им imponировала та настойчивость, с которой мы, молодые, стремились установить объективные факты и конкретную меру скандинавского присутствия на территории восточнославянских и финно-угорских племен. Когда партийное руководство факультета (секретарем был профессор И.В. Степанов), обеспокоенное нашей антипатриотической, как им казалось, деятельностью, вызвало нас в декабре на публичную дискуссию, надеясь разгромить или разоблачить, мы очень серьезно подготовились к этому событию и попросили Гали Фёдоровну, поддержать нас и тоже выступить в дискуссии. Ведь Гали Фёдоровна участвовала в датировке нижних слоев Старой Ладоги, именно она установила отличия больших домов из этих слоев от восточнославянских, раскапывала чисто норманнский могильник Плакун неподалеку. Гали Фёдоровна сначала отнекивалась, но услышав, что мы на нее рассчитываем как на тяжелую артиллерию, рассмеялась и согласилась. Поскольку публика предвкушала сражение, и в 70-й аудитории ленинградского истфака было не протолкнуться, то, чтобы протащить тучную Гали Фёдоровну в первые ряды, ее пришлось тянуть спереди и подталкивать сзади. Первым в ответ на доклад И. П. Шаскольского (рис. 2) выступил я, и Гали Фёдоровне мое выступление понравилось (одобрительная реплика ее впоследствии была использована в поэтическом пересказе события). Потом с нашей стороны витийствовала молодежь, а Гали Фёдоровна выступила действительно уже в конце заседания и довершила разгром противника.

Через месяц, уже в 1966 г., к 17 января — юбилею Гали Фёдоровны (60-летию) мы описали варяжскую баталию в стихотворном послании к юбиляру, сугубо пародируя «Полтавскую баталию» Пушкина и подчеркивая роль юбиляра. Позволю себе предложить читателю этот текст, хотя в нем непомерно идеализирован мой образ (я уподоблен Петру), но уподобление диктуется самим жанром пародии, а из песни слова не выкинешь.

⁵ Подробнее об этом событии — в давно написанной, но недавно вышедшей книге Л.С. Клейна «Спор о варягах» (Клейн 2009). — *Ред.*

Норманская баталия

Г.Ф. Корзухиной в день 60-летия

Текст народный

Раздайся музыка тимпанов!
То роковой, девятый вал.
Иван Васильевич Степанов⁶
На эту битву всех созвал.
Чуть утро — серый, невесомый,
С огнем авдусинским⁷ в груди,
Спокойно шведами несомый (шведы его критиковали. — Л.К.)
Явился Игорь⁸ впереди.
Всё стихло. Выдержанный, скользкий,
Все взоры приковал Шаскольский.
Вдруг слабым манием руки
Поправил на носу очки.
И грянул бой, норманский бой!
Доклад невнятно был прочитан
Тем, кто под грековской⁹ трубой
Был вскормлен, вспоен и воспитан.
Но смолкли похвалы словенам,
Угасли слабые слова.
Тогда-то громом вдохновенным
Раздался звучный голос Льва.¹⁰
Он бледен, лик его ужасен,
Движенья быстры, он прекрасен,
Он весь — как Божия гроза.
Кто супротив него? Кто — за?
Птенцы гнезда его — за ним:
Язвящий Глеб,¹¹ наглой Владимир,¹²
Но дальше, недругом тесним,
Весь полк варягов будто вымер.
Их битвы сроду не пугали,
Не страшен враг им любой,
Но без воительницы Гали
Им бы не выиграть этот бой.

⁶ Иван Васильевич Степанов, профессор истфака ЛГУ, секретарь его парткома, специалист по истории России XVII в. и «крестьянской войне» Степана Разина, впоследствии — профессор Ивановского педагогического института, куда был переведен якобы из-за этой «норманской дискуссии», в действительности — в начале 1970-х, скончался в начале 1980-х. — *Ред.*

⁷ Даниил Антонович Авдусин (1918–1994), профессор кафедры археологии МГУ, с 1949 руководил Смоленской экспедицией, исследовавшей Гнёздово с его многочисленными скандинавскими погребениями, отрицал участие норманнов в сложении русской культуры и государства и обвинял ленинградских археологов в «норманизме». — *Ред.*

⁸ Игорь Павлович Шаскольский (1918–1995), научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР, специалист по средневековой истории Новгородской Руси, ее отношениям с западными соседями и Скандинавией, автор книги «Норманская теория в современной буржуазной науке» (М.; Л., 1965), послужившей поводом для дискуссии. — *Ред.*

⁹ Борис Дмитриевич Греков (1882–1953), академик, историк Древней Руси, творец отечественного феодализма, варяги его не интересовали. — *Ред.*

¹⁰ Автор публикации, Лев Самойлович Клейн. — *Ред.*

¹¹ Глеб Сергеевич Лебедев (1943–2003), историк, археолог, специалист по Древней Руси и Скандинавии, в 1965 — студент кафедры археологии и секретарь комсомольской организации исторического факультета, впоследствии профессор кафедры археологии ЛГУ, после депутатства в демократическом Петросовете в начале 1990-х занялся организацией и популяризацией гуманитарной науки. — *Ред.*

¹² Владимир Александрович Назаренко (род. 1945), археолог, специалист по скандинавским и чудским древностям Ладоги и Юго-Восточного Приладожья, в 1965 — студент кафедры археологии, работал в ЛОИА-ИИМК, ныне проживает с семьей в Мюнхене. — *Ред.*

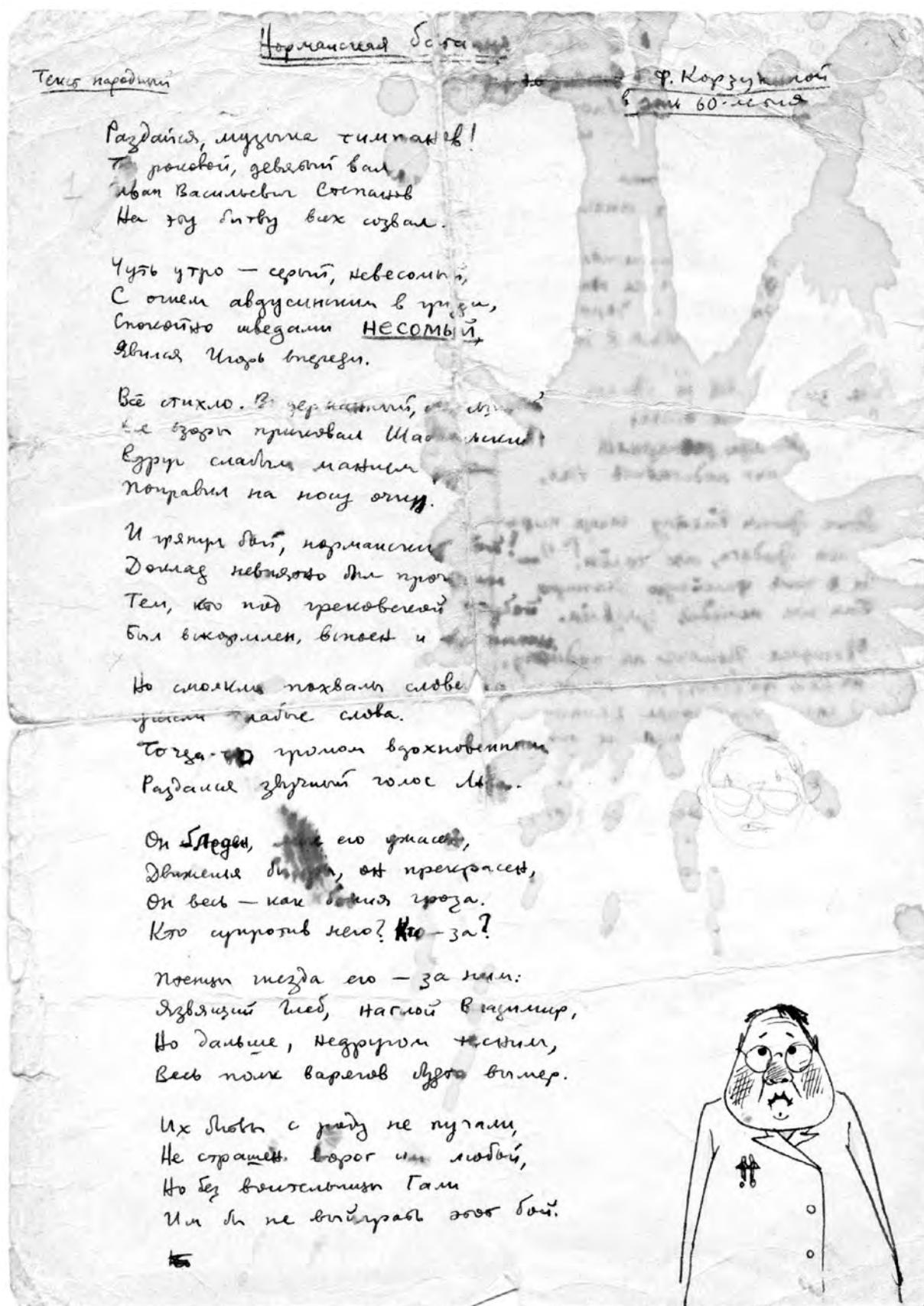

Рис. 3. Черновик «Норманской баталии» с дружескими шаржами на участников «варяжской дискуссии»

Когда уже
 ...
 На горе
 Она зная
 стала.

Твои же
 В борьбе

Когда Ша
 ...
 И откр

Но му и отню прелного
 ...
 И к победоносим прикинуть.

Вот та поэзия наша!
 Все завершено до конца,
 Когда решено и сраот
 Михайло-воидь надбил пог.

Нет нам не бы помогали —
 Восславив во пог ...
 Под сядот Фёдоровна Гали
 К победам ...
 Ура!

Какие бы помогали
 Варягам, удалив сел?
 Приисотне отвалили Гали,
 Моугрей Фёдоровна или.

1) Г.Ф. Корзухина (из устных
 воспоминаний).

Слева направо и сверху вниз: И.В. Степанов, С.Л. Пештич, И.П. Шаскольский, А.Л. Шапиро, Л.С. Клейн, Г.Ф. Корзухина (Личный архив Л.С. Клейна)

Когда уже в кровавой груди
Смешалось всё — ослы и люди,
На горе главного осла
Она явилась — и спасла.
Тот миг стал переломным мигом
В борьбе с антинорманским игом.
Когда Шаскольскому на смену
Фроянов¹³ вышел на арену,
Он вывод по дороге съел
И откровенно в лужу сел.
Еще за чару Лев не брался,
Еще от боя не остыл,
А уж Шапиро¹⁴ расстарался
Ему на миг подставить тыл.
Вид брани Клейну слаще пира —
«Силён бродяга, ах силён!» (Г.Ф. Корзухина — из устных высказываний)
И в часть филейную Шапиро
Был им немедля уязвлен.
Рванулся Пештич¹⁵ на подмогу,
Но как ни бился, не помог.
О том, о сем попел немного
И лучше выдумать не мог.
Но, отступая, Льва лягнул —
Мол, в чем-то где-то Лев загнул.
Поздненько Пештич спохватился,
За что жестоко поплатился!
Какие боги помогали
Варягам, придавая сил?
Присутствие отважной Гали,
Могучей Фёдоровны пыл.

Но мудр и опытен премного
Владимир Старый¹⁶ ждал итога,
Чтобы с дороги не свернуть
И к победителям примкнуть.
Вот чья позиция умна!
Всё завершилось дотемна,
Когда решителен и строг
Михайло-вождь¹⁷ подбил итог.
Нет, нам не боги помогали —
Восславить воинов пора!
Под стягом Фёдоровны Гали
К победам будущим! Ура!

Прошло сорок лет. Черновик, снабженный шаржами-зарисовками действующих лиц, сохранился, но сильно размыт шампанским (рис. 3).

¹³ Игорь Яковлевич Фроянов (род. 1936), окончил Ставропольский педагогический институт, в 1965 — аспирант исторического факультета ЛГУ, в 1982–2001 — декан факультета, в 1983–2003 заведовал кафедрой истории СССР, впоследствии Русской истории, ныне — профессор СПбГУ. — *Ред.*

¹⁴ Александр Львович Шапиро (1908–1994), с 1956 профессор истфака, до этого преподавал в военно-морском училище, специалист по аграрной истории средневековой России и историографии. — *Ред.*

¹⁵ Сергей Леонидович Пештич (1914–1972), заместитель декана истфака, профессор, специалист по историографии XVIII в. и трудам В.Н. Татищева. — *Ред.*

¹⁶ Владимир Васильевич Мавродин (1908–1987), в 1940–1971 декан исторического факультета ЛГУ, специалист по истории Древней Руси. — *Ред.*

¹⁷ Михаил Илларионович Артамонов (1898–1972), археолог, специалист по кочевническим культурам юга России, в 1949–1972 — заведующий кафедрой археологии ЛГУ, в 1951–1964 — директор Эрмитажа. — *Ред.*

Пародия — пародией, юмор — юмором, но истинное место Гали Фёдоровны Корзухиной в русской археологической науке становится виднее только сейчас, с расстояния времени. И.И. Ляпушкин детально обосновал разрыв в преемственности только для территории Левобережья Среднего Приднепровья во второй половине I тысячелетия н. э. Расширила эту констатацию на всю территорию степной и лесостепной Украины и на все I тысячелетие, разработав ее на огромном материале, Г.Ф. Корзухина. Она стала основным авторитетом, противостоявшим тенденциозной и спекулятивной концепции преемственного и сепаратного развития восточнославянской культуры и государственности на территории Украины в течение нескольких тысячелетий. В трудных условиях идеологического отвержения она отстояла традицию иконографического анализа русского прикладного искусства на широком европейском фоне — метод и традицию Н.П. Кондакова. Исследования Г.Ф. Корзухиной позволяли представить также истинное место норманнов в русской истории. Своим примером эта скромная и естественная женщина учила молодежь достоинству, самоуважению и преданности научным принципам — этим очень нужным качествам в условиях тоталитарного режима.

Нужны они и сейчас. Поэтому мы все чаще обращаемся к таким фигурам истории нашей науки, как Гали Фёдоровна Корзухина. Русские клады, русские сокровища — это прежде всего люди, и часто совсем не те, которым при жизни воздается много чести. Вот каким человек и ученый придет к своему столетию... Гали Фёдоровна пришла признанным корифеем науки. Ее авторитет еще вырастет, потому что в ее архиве лежат еще не напечатанные монографии. Три десятилетия ее нет в живых, а мы ждем ее новых книг, и у меня странное ощущение, что вот сейчас она войдет в аудиторию...

Литература

- Гуревич 1987 — *Гуревич Ф.Д.* Гали Федоровна Корзухина (к 80-летию со дня рождения) // СА. № 2. 1987.
- Гущин 1936 — *Гущин А.С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII веков. Л., 1936.
- Клейн 1955 — *Клейн Л.С.* Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции Института археологии АН УССР // СА. Т. XXII. 1955.
- Клейн 1975 — *Клейн Л.С.* Проблема смены культур в современных археологически теориях // Вестник ЛГУ. № 8. 1975.
- Клейн 2009 — *Клейн Л.С.* Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.
- Кондаков 1896 — *Кондаков Н.П.* Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. Т. 1. СПб. 1896.
- Корзухина 1954 — *Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.
- Корзухина 1955 — *Корзухина Г.Ф.* К истории среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. // СА. Т. XXII. 1955.
- Корзухина 1978 — *Корзухина Г.Ф.* Предметы убора с выемчатыми эмальями V — первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье // САИ. Вып. Е1-43. Л., 1978.
- Максимов 1956 — *Максимов Е.В.* Обсуждение вопросов ранней истории восточных славян в Институте археологии АН УССР // КСИАУ. Вып. 6. 1956.
- Пескова 2003 — *Пескова А.А.* О Гали Федоровне Корзухиной // *Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003.
- Рыбаков 1948 — *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.

М.В. Медведева (Санкт-Петербург)

НАСЛЕДИЕ ГАЛИ ФЁДОРОВНЫ КОРЗУХИНОЙ В ФОТОАРХИВЕ НАУЧНОГО АРХИВА ИИМК РАН

Научная деятельность Г.Ф. Корзухиной с 26 декабря 1926 г., даты поступления в аспирантуру ГАИМК, а если быть точнее, то еще и с более раннего периода, со студенческих лет, была тесно связана с Институтом истории материальной культуры — тогда Академией. К сожалению, обстоятельства жизни сложились так, что ее работа в Институте не была непрерывной, если следовать официальным документам — записям в трудовой книжке. Поэтому и материалы из собрания фотоархива Научного архива ИИМК РАН, связанные с ее именем, имеют хронологический разрыв. Небольшую часть составляют фотографии начала 1930-х гг., когда Г.Ф. Корзухина училась в аспирантуре ГАИМК, а затем работала в 1934—1935 гг. архивным сотрудником. Основной комплекс фотодокументов относится к послевоенному периоду, когда она в 1945 г. после защиты диссертации в Москве вернулась окончательно в Ленинград и работала в Ленинградском отделении Института археологии практически до конца жизни. Тематически фотоматериалы можно разделить на несколько групп: персоналия, материалы полевых исследований, материалы к научным работам.

Персоналия

1) Самый ранний портрет Гали Фёдоровны хранится в рукописной части Архива в ее личном деле за 1926—1930 гг. Это фотография на удостоверении на право бесплатного железнодорожного проезда от 14 июля 1930 г. для осуществления поездки Г.Ф. Корзухиной, в то время аспиранта Академии, в экспедицию в Эски-Кермен. Видимо, эта же фотография была на удостоверении научного сотрудника Государственной Академии материальной культуры, когда Г.Ф. Корзухина работала в Академии в должности архивиста в начале 1930-х гг. Ф. 2. Оп. 3. Д. 308. Л. 85 — (рис. 1: 1).

2) Портрет Г.Ф. Корзухиной. 1935 г. Коллекция 690/27. Альбом О.1226/8. Фотография была сделана в фотолаборатории Академии и относится к серии портретов сотрудников ГАИМК, заказанных для профсоюзных билетов. Сейчас она хранится в фонде ГАИМК в фотоархиве Института (рис. 1: 2).

3) Портрет старшего научного сотрудника ЛО ИИМК Г.Ф. Корзухиной. 1949 г. Коллекция 1373/18. Негатив I 65735 (рис. 1: 3).

4) Портреты Г.Ф. Корзухиной начала 1960-х гг. Коллекция 1108/231, 300 (3—4). Альбом О.2511/22. Негативы Л 1961/3-4 (рис. 1: 4).

5) Портрет Г.Ф. Корзухиной (1970-е гг.). Коллекция 1373/109. Негативы Л 4373/1-4 (рис. 1: 5).

6) В отчетных альбомах Староладожской экспедиции сохранились несколько фотографий Гали Фёдоровны, где она запечатлена на раскопе за работой и на общих снимках состава участников экспедиции. Фотографии сделаны во время полевых сезонов 1947 и 1958 гг.

Рис. 1. Г. Ф. Корзухина: 1 — 1930 г.; 2 — 1935 г.; 3 — 1949 г.; 4 — начало 1960-х гг.; 5 — 1970 г.

Материалы Староладожской экспедиции 1947 г. Альбомы О.1631/72, О.1643/9 (рис. 2: 1, 2).
Материалы Староладожской экспедиции 1958 г. Альбом О.2153/30.

7) Несколько отпечатков и негативов, на которых сфотографирована Гали Фёдоровна во время полевых работ, представлены в фотоколлекциях Торопецкой экспедиции 1960 г. Альбом О.2275/55,¹ 57, 62 (рис. 3: 1–3).

¹ Вариант этого снимка опубликован в недавней статье Т.К. Сотниковой, посвященной К.Д. Лаушкину, что позволило нам идентифицировать всех присутствующих на нем (Сотникова 2008: 65).

Рис. 2. Староладожская экспедиция 1947 г.
1 — на стене крепости в верхнем ряду сидит Гали Фёдоровна с сыном;
2 — Г.Ф. Корзухина (справа) за работой на раскопе

Рис. 3. Торопецкая экспедиция 1960 г. 1 — состав отряда слева направо: М.В. Малевская, Е. Вилинбахова, Т. Ратнер, Г.Ф. Корзухина, К.Д. Лаушкин; 2–3 — Г.Ф. Корзухина руководит разбивкой шурфов на «Большом городище»

Материалы полевых исследований

Полевые работы Г.Ф. Корзухиной представлены в фотоархиве материалами Торопецкой экспедиции 1960 и 1961 гг., где отражены археологические работы на «Большом» и «Малом» городищах, а также раскопки курганных могильников в г. Торопец, и материалами Староладожского отряда 1968 г. по исследованию могильника Плакун. В фотодокументах зафиксированы этапы процесса археологического изучения памятников, чертежи и находки. Они объединены в три коллекции, которые в общей сложности насчитывают 468 негативов и столько же отпечатков к ним.

Материалы Торопецкой экспедиции 1960 г. Раскопки Г.Ф. Корзухиной «Малого» и «Большого» городищ в г. Торопце, кургана на озере Заликовье, Калининская обл. Полевая работа, находки. Коллекция 2098. Альбомы О.2336, О.2275, Q 792. Отпечатков — 167. Негативов — 167.

Материалы Торопецкой экспедиции 1961 г. Раскопки Г.Ф. Корзухиной «Малого» городища и курганных могильников № 1 и 2 в г. Торопце, Калининская обл. Полевая работа, находки, чертежи. Коллекция 2113/1-272. Альбомы О.2327, О.2328, О.2452, Q 792. Отпечатков — 272. Негативов — 272.

Староладожский отряд, 1968 г. Раскопки Г.Ф. Корзухиной курганного могильника в урочище Плакун близ Старой Ладogi. Процесс археологических работ, чертежи, находки. Коллекция 2393/1-29. Альбом О.2721/1-29. Отпечатков — 29. Негативов — 29.

Материалы к печатным работам и исследованиям

Огромную ценность представляют фотоматериалы к работам Г.Ф. Корзухиной, кропотливо ею собранные к публикациям и докладам. Большая часть фотографий изготовлена в лаборатории Института по ее заказу. Они включают как репродукции из изданий, так и снимки рисунков, непосредственно подготовленных самой Гали Фёдоровной.

Материалы к работе Г.Ф. Корзухиной «Древнерусская резная кость».² Зарисовки предметов из кости. Фотографии сделаны в лаборатории ИИМК в 1950 г. Коллекция 1492/1-12. Альбом О.2022/29-40. Отпечатков — 12. Негативов — 12.

Материалы к работе Г.Ф. Корзухиной «Из истории древнерусского оружия», (Корзухина 1950: 63–94. — *Ред.*). Рисунки оружия, исполненные автором. Фотографии сделаны в лаборатории ИИМК в 1950 г. Коллекция 1614/1-11. Альбом О.2022/41-51. Отпечатков — 11. Негативов — 11.

Материалы к работе Г.Ф. Корзухиной «Русские клады» (Корзухина 1954. — *Ред.*). Древности из кладов Киева, Переяславля, Канева, Юрковцев и др. Репродукции из изданий и рисунки автора. Фотографии сделаны в лаборатории ИИМК в 1950–1951 гг. Коллекция 1458. Альбомы О.1608, О.2022. Отпечатков — 61. Негативов — 61.

Материалы к работе Г.Ф. Корзухиной «К истории Среднего Поднепровья середины I тысячелетия н. э.». (Корзухина 1955: 61–82. — *Ред.*) Вещи из клада 1928 г. с. Зачепиловки, Полтавская губ. Фотографии сделаны в лаборатории ИИМК в 1952 г. Коллекция 1394/9-10. Альбом О.2022/4-5. Отпечатков — 2. Негативов — 2.

Материалы к работе Г.Ф. Корзухиной «Забытые памятники Среднего Поднепровья».³ Вещи из клада из г. Замостья, найденного в 1839 г. Наконечник пояса и фибулы. Фотографии сделаны в Государственном Эрмитаже в 1954 г. Коллекция 1664/1-6. Альбом О.2022/87-92. Отпечатков — 6.

Материалы к работе Г.Ф. Корзухиной «О времени появления укрепленного поселения в Ладoge» (Корзухина 1962: 76–84. — *Ред.*) по материалам раскопок 1958 г. в Староладожской крепости. Чертежи и находки. Фотографии сделаны в лаборатории ЛОИА в 1961 г. Коллекция 2144/1-7. Альбом О.2022/66-72. Отпечатков — 7. Негативов — 7.

Материалы к работе Г.Ф. Корзухиной «Из истории игр на Руси» (Корзухина 1963: 85–102. — *Ред.*). Игральные доски X в. и «шашки». Фотографии сделаны в лаборатории ЛОИА в 1963 г. Коллекция 2196/11-13. Альбом О.2022/73-75. Отпечатков — 3. Негативов — 3.

Материалы к докладу Г.Ф. Корзухиной на II Скандинавской конференции в 1965 г. «Этнический состав населения древнейшей Ладogi» (Корзухина 1965: 12–14. — *Ред.*). Зарисовки украшений из Старой

² Работа осталась неопубликованной. См.: РА НА ИИМК РАН. Ф. 77. Д. 18. Лл. 1–203; Д. 19. Лл. 1–167; Д. 20. Лл. 1–11; Д. 105. Лл. 1–139. — *Ред.*

³ Работа осталась неопубликованной. См.: РА НА ИИМК РАН. Ф. 77. Д. 82. Лл. 1–86; Ф. 312. Оп. 1. Д. 383. Л. 63. — *Ред.*

Ладоги, Гнёздово, Бирки, Перми и Финляндии. Фотографии сделаны в лаборатории ЛОИА в 1970 г. Коллекция 2360/16–26. Альбом О.2022/107–117. Отпечатков — 11. Негативов — 11.

Материалы к работе Г.Ф. Корзухиной «Ладожский топорик» для сборника «Культура Древней Руси» (Корзухина 1966а: 89–96. — *Ред.*). Сравнительная таблица топоров с инкрустацией из Княжей Горы, Новгорода, д. Углы и шведских археологических памятников. Фотографии сделаны в лаборатории ЛОИА в 1965 г. Коллекция 2144/9–10. Альбом О.2022/103–104. Отпечатков — 2. Негативов — 2.

Материалы Г.Ф. Корзухиной к докладу на III Скандинавской конференции в 1966 г. «К уточнению датировки древнейших слоев Ладоги» (Корзухина 1966б: 61–63. — *Ред.*). Таблица находок в Старой Ладоге и шведские аналогии. Фотографии сделаны в лаборатории ЛОИА в 1970 г. Коллекция 2360/27–28. Альбом О.2022/118–119. Отпечатков — 2. Негативов — 2.

Материалы к работе Г.Ф. Корзухиной «Курган на урочище Плакун близ Старой Ладоги» (Корзухина 1971: 59–64. — *Ред.*). Таблица рисунков находок из кургана № 7 и на Бирке. Фотографии сделаны в лаборатории ЛОИА в 1970 г. Коллекция 2360/14. Альбом О.2022/105. Отпечатков — 1. Негатив — 1.

Материалы к работе Г.Ф. Корзухиной «Некоторые находки бронзолитейного дела в Ладоге» (Корзухина 1973: 35–40. — *Ред.*). Сравнительные таблицы бронзовых украшений из Ладоги, Швеции, Финляндии и Киева. Фотографии сделаны в лаборатории ЛОИА в 1970 г. Коллекция 2360/31–32. Альбом О.2022/122–123. Отпечатков — 2. Негативов — 2.

Материалы к работе Г.Ф. Корзухиной «Прикладное искусство Древней Руси X–XI вв.» (1947 г.).⁴ Серебряные украшения из кладов в с. Мишнево Калужской губ. и с. Угодичи Ярославской губ. Коллекция 1264/3–4. Альбом О.1608/3–4. Отпечатков — 2. Негативов — 2.

Материалы к работе Г.Ф. Корзухиной «Среднее Поднепровье в V–VI вв.» (Корзухина 1996: 352–435, 586–705; Горюнова, Щеглова 1996: 349–353. — *Ред.*). Карты распространения археологических памятников в Восточной Европе, пальчатая фибула из Суджи. Фотографии сделаны в лаборатории ЛОИА в 1970 г. Коллекция 2360/29–30, 2144/8. Альбом О.2022/102, 120–121. Отпечатков — 3. Негативов — 3.

Палаты Андрея Боголюбского в Боголюбове. Разрез. Чертеж Г.Ф. Корзухиной. Фотографии сделаны в лаборатории ИИМК в 1940 г. Коллекция 1023/74. Альбом О.1558/70. Отпечатков — 1. Негативов — 1 (ср.: Воронин 1946: 165–167; Воронин 1961: 229, рис. 105).

Фотографии памятников Грузии, Италии, Малой Азии, подаренные Г.Ф. Корзухиной. Снимки сделаны до 1917 г. Коллекция 2196/1–10. Альбомы Q 240/63–67, Q 285/85–91, Q 805/35, O.2348/38. Отпечатков — 10.

Виды некоторых архитектурных памятников с. Болгар, Казанской губ. и г. Касимова, Рязанской губ. Фотографии сделаны до 1926 г., подарены Г.Ф. Корзухиной в 1955 г. Коллекция 1797/1–4. Альбом О.180/107–110. Отпечатков — 4.

Материалы раскопок Я.В. Станкевич в 1946 г. в Шестовицах, Черниговской обл., УССР, подготовленные к печати Г.Ф. Корзухиной и М.В. Малевской (Станкевич 1947: 100; Станкевич 1962: 6–30). Чертежи и находки. Фотографии сделаны в Лаборатории ЛОИА в 1960 г. Коллекция 2140/1–21. Альбом О.2161/97–117. Негативов — 21. Отпечатков — 21.⁵

Золотые и серебряные украшения из клада [1906 г.], найденного в Киеве. Фотографии сделаны в Британском Музее, подарены Г.Ф. Корзухиной в 1970 г. Коллекция 1664/7–13. Альбом О.2022/93–99. Отпечатков — 7 (Корзухина 1972: 24–30. — *Ред.*).

Серия снимков, переданных Г.Ф. Корзухиной, полученных ею из музеев и от частных лиц. Древности из раскопок В. Городцова 1910 г. Клад, найденный у с. Мартыновка, Киевской губ. Коллекция 2360. Альбом О.2022/76–85. Отпечатков — 11. Негативов — 12.

Гали Фёдоровна Корзухина оставила нам богатейшее документальное наследие. В рукописной части архива Института истории материальной культуры ее материалы выделены в отдельный фонд. В фотографической части коллекции снимки, посвященные научным и полевым исследованиям Гали Фёдоровны, не составляют отдельного хранения, а находятся соответственно в фондах Института истории материальной культуры АН СССР и Ленинградского отделения института археологии АН СССР, что обусловлено различием в официальном названии института в разные периоды его существования. Всего в собрании фотоархива Института насчитывается около 1200 негативов и отпечатков, связанных с ее именем. Они органично дополняют фотоматериалы, представленные в личном документальном фонде Г.Ф. Корзухиной в рукописном архиве Научного архива ИИМК РАН.

⁴ Работа осталась неопубликованной. См.: РА НА ИИМК РАН. Ф. 77. Д. 48. Лл. 1–190; Д. 117. Лл. 1–144; Ф. 312. Оп. 1. Д. 264. Лл. 32, 62. — *Ред.*

⁵ Ср.: РА НА ИИМК РАН. Ф. 77. Д. 4. Лл. 1–64. — *Ред.*

Литература

- Воронин 1946 — *Воронин Н.Н.* Владимиро-суздальское зодчество XI–XIII вв. (тезисы докторской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета ИИМК 11 июля 1944 г.) // КСИИМК. XIII. 1946.
- Воронин 1961 — *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. I. XII столетие. М., 1961.
- Горюнова, Щеглова 1996 — *Горюнова В.М., Щеглова О.А.* К публикации работы Г.Ф. Корзухиной «Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье» // МАИЭТ. Вып. V. 1996.
- Корзухина 1950 — *Корзухина Г.Ф.* Из истории древнерусского оружия XI в. // СА. Т. XIII. 1950.
- Корзухина 1954 — *Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.
- Корзухина 1955 — *Корзухина Г.Ф.* К истории Среднего Поднепровья середины I тысячелетия н. э. // СА. Т. XXII. 1955.
- Корзухина 1961 — *Корзухина Г.Ф.* О времени появления укрепленного поселения в Ладого // СА. № 3. 1961.
- Корзухина 1963 — *Корзухина Г.Ф.* Из истории игр на Руси // СА. № 4. 1963.
- Корзухина 1965 — *Корзухина Г.Ф.* Этнический состав населения древнейшей Ладого // Тезисы докладов II-й научной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. М., 1965.
- Корзухина 1966а — *Корзухина Г.Ф.* Ладожский топорик // Культура Древней Руси. М., 1966.
- Корзухина 1966б — *Корзухина Г.Ф.* К уточнению датировки древнейших слоев Ладого // Тезисы докладов II-й научной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. М., 1966.
- Корзухина 1971 — *Корзухина Г.Ф.* Курган на урочище Плакун близ Старой Ладого // КСИА. Вып. 125. 1971.
- Корзухина 1973 — *Корзухина Г.Ф.* Некоторые находки бронзолитейного дела в Ладого // КСИА. Вып. 135. 1973.
- Корзухина 1996 — *Корзухина Г.Ф.* Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье: Каталог памятников // МАИЭТ. Вып. V. 1996.
- Сотникова 2008 — *Сотникова Т.К.* Веселый человек и веселый ученый, или Опыт расшифровки одного имени // История Петербурга. №1 (1941). СПб., 2008.
- Станкевич 1947 — *Станкевич Я.В.* Шестовицкие курганы // КСИИМК. XXI. 1947.
- Станкевич 1962 — *Станкевич Я.В.* Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 года // КСИА. Вып. 87. 1962.

О.А. Щеглова (Санкт-Петербург)

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Г.Ф. КОРЗУХИНОЙ В РУКОПИСНОМ АРХИВЕ НАУЧНОГО АРХИВА ИИМК РАН

Особенности образования и пополнения фонда

Гали Фёдоровна Корзухина (04 (17).01.1906–29.08.1974) принадлежит к числу тех исследователей, истинный вес и значение научных достижений которых раскрываются с течением времени, в исторической ретроспективе. Хотя при ее жизни было опубликовано только одно из четырех написанных ею капитальных монографических исследований (*«Русские клады IX–XIII вв.»*, М., 1954)¹ и менее полусотни статей, посвященных конкретным аспектам изучения археологических древностей, подлинное значение личности исследовательницы и ее вклад в науку стали отчетливо вырисовываться, когда из недр Рукописного архива ИИМК РАН, где в Фонде № 77 хранится личный архив Г.Ф. Корзухиной, одна за другой стали появляться подготовленные к печати коллегами и учениками монографии, не утратившие ни новизны, ни актуальности, несмотря на прошедшие десятилетия (1978 г. — *«Предметы убора с выемчатыми эмальями V — первой половины VI вв. н. э. в Среднем Поднепровье»*, ред. М.А. Тиханова; 1996 г. — *«Клады и случайные находки вещей круга “древностей антов” в Среднем Поднепровье»*, подготовка к печати В.М. Горюновой, 2003 г. — *«Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв.»*, подготовка к печати и каталог А.А. Песковой).

К числу особенностей формирования Фонда № 77 (личного фонда Г.Ф. Корзухиной) в РА НА ИИМК РАН является то, что основная его часть была тщательно подготовлена к передаче на хранение в архив самой Г.Ф. Корзухиной, и это было сделано человеком профессиональным. Согласно материалам личного дела Г.Ф.К., она дважды была не просто сотрудником, но руководителем архива ИИМК РАН: один раз с 1 марта 1934 по 20 декабря 1935 г., когда, после окончания аспирантуры ГАИМК, она занималась в Академии изучением раннесредневековой архитектуры, и была назначена архивистом, «и.о. Зав. Архивом», а второй — с 9 апреля 1964 по 25 января 1967 гг., когда она вернулась в архив в качестве заведующей (Ф. 2. Оп. 3. Д. 308. Л. 116²). Обладая фантастической пунктуальностью, которая позволила ей собрать уникальные по полноте и уровню систематизации тематические подборки, Корзухина постаралась сделать все возможное для того, чтобы накопленные ею материалы, отложились в архиве в качестве удобного для работы источника. В «Деле Фонда № 77» сохранилась рукописная тетрадка, содержащая подробную роспись 82-х папок, в основном содержащих тематические подборки материалов: выписки из литературы и источников, фотографии и рисунки вещей. Эти собственноручно подготовленные и описанные исследовательницей материалы составили первое поступление в личный фонд (Ф. 77. Дд. 2-20, 22-81, 90, 143, 152). В публикуемой в настоящем издании в качестве приложения к обзору

¹ Ссылки на опубликованные работы Г.Ф. Корзухиной приводятся в статье без вынесения их в отдельный список. Отсылаем читателя к «Списку трудов Г.Ф. Корзухиной», опубликованному в настоящем сборнике.

² В статье ссылки на дела Научного архива ИИМК РАН, перечисленные в публикуемых Описи Фонда № 77 (Личный фонд Г.Ф. Корзухиной) и Перечне материалов Г.Ф. Корзухиной в фондах Рукописного Архива ИИМК РАН, приводятся без выделения в отдельный список, включающий только упоминаемые материалы других архивов и фондов НА ИИМК РАН.

Описи Фонда № 77 содержание этих архивных дел, значительно более полно и правильно раскрывающее их состав, приведено курсивом в графе «Примечания» в авторской редакции Г.Ф. Корзухиной, относящейся к 1973 г.

Еще 66 дел были сформированы во время обработки той части научного наследия Г.Ф. Корзухиной, которая поступила в РА ЛОИА после 1974 г. В эту часть архива вошли, в основном, тексты работ, над которыми Гали Фёдоровна продолжала работать до конца жизни, и материалы к ним. Передачу архива из Сектора славяно-финской археологии осуществляла А.А. Пескова. Большая часть материалов готовящейся в то время к печати рукописи первой части исследования «*К истории Среднего Поднепровья в V–VII вв.*» оставалась в секторе Славяно-финской археологии и активно использовалась при редактировании рукописи М.А. Тихановой. В дальнейшем эти и некоторые другие материалы тоже поступили в РА ЛОИА.

Однако пополнение личного Фонда № 77 продолжается практически по сей день. Зав. РА ИИМК Н.А. Беловой в Фонде № 35 были обнаружены ранние работы Гали Фёдоровны, которые были переведены в ее личный фонд. Так после 1998 г. в Фонд поступило еще 10 дел. В настоящее время в опись Фонда № 77 занесено 164 дела, однако выявление документов Г.Ф. Корзухиной продолжается, и не только в РА ИИМК РАН. В начале 2000-х гг. в Разряде I Рукописного Архива (большеформатные чертежи) К.А. Михайловым и Д.Д. Ёлшиным был обнаружен неподписанный, но искусно выполненный чертеж раскопов второй половины 30-х гг. на территории древнего Киева. Авторство Г.Ф. Корзухиной было установлено по почерку (Михайлов, Ёлшин 2004). Во время конференции «Славяно-русское ювелирное дело и его истоки», посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной, в апреле 2006 г. в РА ИИМК был передан в дар из НА ИА НАНУ (Киев) скопированный на электронный носитель текст отчета о раскопках Киевского некрополя в 1938 г., авторство которого принадлежит Г.Ф. Корзухиной. Таким образом, пополнение фонда № 77, возможно, еще не закончено.

Самые ранние документы Фонда относятся к 1926 г. Это свидетельство об окончании Ленинградского (Петроградского) государственного университета, где в течение трех лет Корзухина обучалась на факультете общественных наук, выполнив требования археологического цикла в мае 1926 г. (Ф. 77. Д. 101. Л. 4). Относящаяся к тому же году рукопись попала в фонд в составе последнего поступления — это первый, по-видимому, доклад молодой исследовательницы (тогда еще студентки) в РАИМК, представленный в Архитектурном разряде профессора К.К. Романова, «Палаты Андрея Боголюбского в Боголюбском монастыре» и материалы к нему (Ф. 77. Д. 158). Рисунки, записи и чертежи, выполненные во время обмерной практики, упакованы в бумаги Владимирского окружного суда. Вообще, при знакомстве с документами архива Гали Фёдоровны, строчка ее современницы Анны Ахматовой «...а так как мне бумаги не хватило, я на твоём пишу черновике»³, перестает восприниматься, как метафора. Поскольку с бумагой в 20-е — 30-е гг. прошлого века действительно было туго, для своих записей, зарисовок и папок она использовала обороты старых документов, любовно клеила самодельные «ситцевые» папочки необходимого формата (например, Ф. 77. Д. 69 — обложка сделана из матерчатого переплета сочинений Ф. Энгельса, Ф. 77. Д. 81 — обложка склеена из штапельной ткани). В этом сказалось особое преемническое отношение к традиции, заложенной знаменитыми «корочками» А.А. Спицына, подобным образом оформлявшего свои картотеки (РА НА ИИМК. Ф. 5).

Эти мелочи вообще многое могут рассказать о времени, в которое формировался архив, и о личности фондообразователя. Возможно, нашим наблюдениям не место в сухом обзоре, но некоторые из них настолько точно фиксируют эпоху и личность, что о них хочется упомянуть. Удивительная несправедливость жизни отразилась в том, что Г.Ф. Корзухина, интересная, яркая, молодая женщина, которая знала толк в подлинных шедеврах ювелирного дела и всю жизнь изучала драгоценности великих киевских княгинь, в течение полутора десятков лет фотографировалась на служебный пропуск в одной и той же полосатой кофточке, с годами все больше выцветавшей (ср., например снимки 1935 и 1949 гг. — ФА: Коллекция 690/27. Альбом О.1226/8 и Коллекция 1373/18. Негатив I 65735 — соответственно Рис. 1: 2 и 3 к статье М.В. Медведевой в настоящем сборнике). В огромном по объему архиве исследовательницы имеется лишь одна тоненькая папка с личными документами (Ф. 77. Д. 101), которые пунктирно характеризуют внешнюю канву ее жизни. Однако подлинная судьба ученого заключается не в перипетиях его биографии, а в его научном наследии. И в этом смысле судьба Г.Ф. Корзухиной полна разнообразных сюжетов и событий.

Поскольку формирование Личного фонда происходило в несколько этапов, и дела формировались и нумеровались по мере их поступления в архив, поиск материалов по какой-либо теме бывает затруднен.

³ Анна Ахматова. Поэма без героя. Посвящение. 27 декабря 1940 г.

Для удобства в настоящем обзоре материалы Фонда № 77 поделены на тематические блоки, которые рассматриваются в следующих разделах обзора:

Материалы к опубликованным работам.

Неопубликованные работы и материалы к ним.

Статьи и монографии.

Плановые темы и незавершенные статьи.

Научные доклады.

Тематические подборки материалов, не связанные с определенными работами.

Работы других лиц.

Отзывы и рецензии.

В качестве приложений к статье публикуются Описание Фонда № 77, с комментариями Г.Ф. Корзухиной, воспроизведенными с рукописной описи первого поступления дел в Ф. 77, и О.А. Щегловой, а также перечень материалов Г.Ф. Корзухиной в других фондах Рукописного Архива ИИМК РАН, составленный Н.А. Беловой.

Материалы к опубликованным работам

Как уже упоминалось, при жизни Г.Ф. Корзухиной была опубликована меньшая часть написанных ею работ. Но даже изданные статьи и монографии представляют собой «надводную часть айсберга», состоящего из тематических подборок и иллюстраций, объем которых значительно превышает опубликованные, а также текстов рукописей, которые впоследствии перерабатывались для печати и вышли под другими названиями или были использованы для опубликованных работ. Среди этой категории дел следует выделить по хронологии рассматриваемых сюжетов следующие тематические блоки.

1. Предметы убора с выемчатыми эмалями позднеримского времени на территории Среднего Поднепровья

Изданная в 1978 г. в серии «Археология СССР. Свод археологических источников» (Вып. Е1-43) книга Г.Ф. Корзухиной «Предметы убора с выемчатыми эмалями V – перв. пол. VI в. н. э. в Среднем Поднепровье» первоначально не задумывалась ею, как отдельное самостоятельное произведение. Она была частью монументального труда «К истории Среднего Поднепровья в V–VII вв.», первоначально состоявшего из 3-х глав и 2-х каталогов, в целом законченного к середине 60-х гг. Огромный объем рукописи (более тысячи машинописных страниц) делал ее бесперспективной для публикации, и к 1969 г. Корзухина переработала ее, отказавшись от вводной главы. Раздел, посвященный выемчатым эмалям, стал первой главой исследования под заголовком «Памятники Среднего Поднепровья V — первой половины VI вв.». Однако и в значительно сокращенном виде монография не могла быть издана одним томом. Гали Фёдоровна проделала огромную работу, еще раз разделив текст, каталоги и иллюстрации на две части по хронологическому принципу: в одну вошли материалы по выемчатым эмалям, а в другую — по вещам круга «древностей антов». Однако завершить работу над изданием она не успела. Часть, посвященную эмалям, отредактировала и подготовила к печати Мария Александровна Тиханова при участии Марьяны Владимировны Малевской. Она же дала работе новое название, отражающее как предмет исследования — изделия художественного ремесла с эмалями, так и авторскую точку зрения на их датировку.

За более чем 30-летний период, прошедший с момента публикации «Предметов убора с выемчатыми эмалями...», в Среднем Поднепровье были открыты и исследованы многочисленные поселенческие памятники археологической культуры киевского типа, в контексте которых были обнаружены изделия с эмалями. Это привело к переоценке хронологической позиции изделий этого стиля, который исследователи стали соотносить с периодом второй половины II–III вв. н. э. (Гороховский 1982, Обломский, Гороховский 1986, Массалитина 1991, Фурсев 2002). Одновременно стало очевидно, что Г.Ф. Корзухиной удалось создать универсальную систему типологии рассматриваемых изделий, которая до сих пор востребована специалистами несмотря на значительный прирост числа памятников (Обломский, Терпиловский 2007).

В тематический блок архивных материалов, связанных с опубликованной монографией о предметах с выемчатыми эмалями, включены не только отобранные для нее Г.Ф. Корзухиной и М.А. Тихановой, но и подборки выписок и иллюстраций, а также каталоги и тексты, предназначенные первоначально для издания в сводной работе о древностях Поднепровья. Выявленные материалы содержат большое

количество данных, касающихся контекста и обстоятельств находок, характеристики комплексов, расширенный круг аналогий, фотографии и оригинальные рисунки изделий в натуральную величину.

Тексты аналитической части: Дд. 94, 93 — текст монографии «Предметы убора с выемчатыми эмалями...»; Дд. 110, 111 (Лл. 172-452), 114 — тексты главы «Памятники Среднего Поднепровья V — первой половины VI в.» монографии «К истории Среднего Поднепровья V–VII вв.» в разных редакциях.

Тексты каталогов: Дд. 164, 156.

Иллюстрации: Дд. 109, 133, 146.

Материалы к аналитической части: Дд. 103; 139.

Материалы к каталогам: Дд. 153, 154, 157 — выписки и иллюстрации, организованные по позициям каталога.

II. Вещи круга «древностей антов» VI–VII вв. в Среднем Поднепровье

Материалы к публикации каталога памятников «Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье» (1996)

Каталоги предметов круга «древностей антов», найденных на территории Среднего Поднепровья и их аналогий за его пределами, сопровождающие главу «Среднее Поднепровье во второй половине VI — начале VIII вв.» монографии «К истории Среднего Поднепровья в V–VII вв.» были подготовлены к печати сотрудницей Отдела славяно-финской археологии Валентиной Михайловной Горюновой. Содействие публикации оказал директор Крымского отделения Института востоковедения им. А.Е. Крымского Александр Ильич Айбабин, в студенческие годы — ученик Г.Ф. Корзухиной на кафедре археологии ЛГУ, предоставивший для этого объемного сочинения страницы издаваемого в Симферополе альманаха МАИЭТ. Издание каталога в отрыве от аналитической части работы оправдано тем, что этот свод древностей является до сих пор единственным, в котором собраны воедино все известные к началу 70-х гг. на рассматриваемой территории источники по «древностям антов» — характерным комплексам женских и мужских украшений, облик которых определяют разнообразные типы пальчатых и антропоморфных фибул. Материалы к каталогу содержат аннотированные фотографии и рисунки предметов в натуральную величину, выписки из литературы и документы, раскрывающие их происхождение и обстоятельства находок.

Тексты каталогов: Дд. 116, 156.

Иллюстрации: Дд. 83, 133.

Материалы к каталогам: Дд. 145, 144 — выписки и иллюстрации, организованные по позициям каталога.

III. Ювелирное искусство Древней Руси

1. *Материалы к монографии «Русские клады IX–XIII вв.» (М., 1954) и тематически близкие.*

Тексты:

Д. 112 — текст диссертации «Русские клады IX–XIII вв.», защищенной в 1945 г.

Материалы:

Дд. 32, 33 — Фотографии и рисунки. Дд. 34, 35 — выписки, организованные по позициям каталога. Д. 102 — Старорязанский клад 1868 года (выписки и илл.). Д. 143 — «Дополнения к «Русскимкладам».

IV. Культовая металлопластика

Материалы к монографии «Памятники домонгольского медного литья» (СПб., 2003) и статье «О памятниках «корсунского дела» на Руси (по материалам медного литья)» (1958).

Тексты — Д. 17. Материалы — Дд. 7, 14, 15, 16.

V. Памятники древнерусской эпиграфики

Материалы к статьям: «О гнёздовской амфоре и ее надписи» (1961) — Д. 49; «Серебряная чаша из Киева с надписями XII в.» (1951) — Дд. 46, 36.

VI. Оружие

Материалы к статьям: «Из истории древнерусского оружия XI века» (1950) — Дд. 22, 23; «Ладожский топорик» (1966) — Д. 12.

VII. Аспекты древнерусской культуры

Материалы к статьям:

«Новые данные о раскопках В.В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве» (1956) — Д. 97.

«Из истории игр на Руси (О шашках по археологическим данным)» (1963) — Д. 11.

«Еще раз о Тмутараканском болване» (1974) — Д. 74.

«Об Одине и кресалах Прикамья» (1976, 1978) и докладу «Камские огнива и Один» (1971) — Дд. 73, 13, 13а.

«Путь Абу Хамида ал-Гарнати из Булгара в Венгрию» (1978) — Д. 76.

Неопубликованные работы и материалы к ним

В Ф. 77 находятся 25 законченных научных работ Г.Ф. Корзухиной, датированных периодом с 1926 по 1972 г. Среди них — развернутые тексты докладов, выполненные плановые темы, а также подготовленные к печати, но по разным обстоятельствам не изданные статьи и монографии с иллюстрациями и материалами к ним. Тематика работ настолько разнообразна, что их трудно объединить в блоки, поэтому мы рассмотрим их в хронологическом порядке по трем разделам: статьи и монографии, тексты плановых тем и научные доклады.

Статьи и монографии

1944 г. «Былина о Потоке в свете археологических данных». Статья
Текст и 27 списков былины о Михайле Потоке. — Д. 42.

1951 г. «О происхождении Руси»

Издательские перспективы работы «О происхождении Руси» с самого начала рассматривались Г.Ф. Корзухиной, как маловероятные, о чем свидетельствуют шуточный эпиграф к этой работе (см. рис. 1 к статье Л.С. Клейна в настоящем сборнике) и то, что она не упомянута в перечне научных трудов, составленном Гали Фёдоровной в 1952 г. (Ф. 35. Оп. 5. Д. 358. Л. 103). В ней исследовательница возвращается к высказанной на II Археологическом Съезде в 1871 г. и впоследствии позабытой гипотезе провинциального историка Д.Ф. Щеглова о том, что первых русов следует искать в среднем течении Волги. Работа Г.Ф. Корзухиной примечательна тем, что задолго до выхода обобщающих работ и комментированных переводов сочинений арабских географов X в., она обратила внимание на историко-географические возможности географических сочинений ал-Истахри и ибн-Хаукала, а анализируемая ею карта мира из Персидского кодекса была воспроизведена в отечественных изданиях совсем недавно (см. Калинина 1988; Калинина 2007: карта 11 и 14). Остается только сожалеть о том, что это сочинение, значительно опередившее свое время, и полностью готовое к печати, не было своевременно введено в научный оборот.

Текст — Д. 43.

Материалы — Дд. 44, 38. Карты арабских и турецкого географов.

1950–1952 гг. «О роли хазарского каганата в истории восточных славян»

Работа над статьей разворачивалась в период официальной критики «хазарской теории» М.И. Артамонова, инициированной публикацией в «Правде» статьи «Об одной ошибочной концепции» П.В. Иванова (см. подробнее: Вашенко 2006: 149–156).

Статья Г.Ф. Корзухиной демонстрирует совпадение профессиональной и нравственной позиции ученого, не позволяющее пересматривать взгляды, основанные на анализе источников, в угоду сиюминутной политической конъюнктуры. Отклоненная редакцией «Вопросов истории», работа представляет историографический интерес, как характеризующая научный фон эпохи, который не всегда находил отражение в публикациях.

Текст и материалы — Д. 45.

См. также Ф. 312. Оп. 1. 1952 г. Д. 371 — Отзыв о статье в «Правде» по поводу Хазарского каганата.

1948–1957 (?) гг. «Древнерусская резная кость». Монография

Исследование посвящено памятникам костерезного ремесла древней Руси, материалу, который сама исследовательница характеризует как «плохо расчлененный». Принципы работы сформулированы как позитивистские:

«1. Строго ограничить себя территорией и временем, отказавшись от датировки путем сравнений и сопоставлений с каким-либо материалом, лежащим за пределами интересующей нас территории, в данном случае, за пределами территории др. Руси

2. Максимально использовать резную кость, связанную с комплексами и

3. ни в коем случае не заниматься формально-типологическими изысканиями, установлением взаимно-связанных типологических рядов и т.д.» (Д. 105. Лл. 5 и 5а).

Текст — Д. 105.

Иллюстрации — Д. 20.

Материалы — Дд. 18, 19.

1972. «Турьи рога черниговских курганов». Статья

Художественный анализ изделий из Черной Могилы и кургана княжны Чорны в Чернигове показывает, что они были сделаны на Руси, но связаны с разными школами: большой рог Черной могилы — со скандинавской традицией, малый рог и, по-видимому, рог из кургана княжны Чорны — с венгерской.

Текст — Д. 106.

«К истории Среднего Поднепровья V–VII вв. н.э». Монография. Неизданные главы

Монографическое сочинение «*К истории Среднего Поднепровья V–VII вв. н. э.*» в полном смысле слова было делом всей жизни Г.Ф. Корзухиной. Сбор материалов, положенных в основу работы, был начат ею во время работы в Киеве в 1938 — 1941 гг., а последние дополнения каталогов, структурные изменения и редактирование продолжались вплоть до последних дней жизни исследовательницы. Публикация «*К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э.*», отражающая первоначальную концепцию аналитической части монографии, которая впоследствии подверглась серьезным коррективам, появилась в «Советской археологии» в 1955 г., стала объектом горячих дискуссий (подробнее см. статью Л.С. Клейна в настоящем сборнике), в частности, ее обсуждению было посвящено заседание Ученого совета ИА АН УССР в Киеве, на котором выступили ведущие специалисты этого научного учреждения, а протокол обсуждения был оперативно опубликован (Максимов 1956, Брайчевский 1956). Столь же бурную реакцию вызвал в 1969 г. уже на Ученом Совете ЛОИА АН СССР доклад Г.Ф. Корзухиной «*Спорные вопросы истории Среднего Поднепровья в I тыс. н. э.*» (Ф. 77. Д. 142), представлявший новые, значительно пересмотренные выводы ее исследования, когда с «контрдокладом» выступил чл.-корр. АН СССР П.Н. Третьяков.

Однако сложилась парадоксальная ситуация: выводы работы так или иначе вводились в научный оборот, а сама монография, содержащая развернутое обоснование этих выводов и представляющая во всей полноте уникальную базу источников, скрупулезно собранных и проанализированных исследовательницей, оставалась под спудом.

Первоначальная структура работы (1968 г.) включала три больших тематических блока, разделенные на параграфы и подпараграфы, введение, заключение, каталоги и иллюстрации (Д. 111. Лл. 2–12):

Предисловие

Введение

Глава I. Памятники Среднего Поднепровья первых четырех веков н. э.

1 Вводные замечания

2. Памятники до II в. н. э.

#3 Памятники культуры полей погребений Черняховского типа и сарматские памятники III–IV вв. н. э.

Глава II. Памятники Среднего Поднепровья V — первой половины VI в.

1 Вводные замечания

2 Общие данные (территория, принципы отбора памятников, топография и данные об условиях находки)

#3 Обзор памятников

#4. О дате эмалей и времени их появления в Среднем Поднепровье

#5. О причинах появления и времени исчезновения эмалей в Среднем Поднепровье

Глава III. Среднее Поднепровье во второй половине VI — начале VIII в.»

1. Вводные замечания. История вопроса

2 Обзор памятников

3. Заключение

Заключение общее

Каталог. Часть 1. Вещи, найденные в Среднем Поднепровье

Каталог Часть 2. Вещи, найденные за пределами Среднего Поднепровья.

Общий объем рукописи составлял более 63 авторских листов текста и 187 листов иллюстраций.

После того, как стало понятно, что в полном объеме рукопись опубликована не будет, Г.Ф. Корзухина приняла решение отказаться от первой, вводной главы, и переработала рукопись, которая теперь состояла из 2-х крупных разделов (1969 г.). Однако и это не помогло, и до конца жизни исследовательница работала над формированием двух самостоятельных монографий — одной про украшения круга эмалей, другой — про памятники круга «древностей антов». Для этого пришлось разделить каталоги, заново пронумеровать памятники, написать тексты новых введений и заключений.

Отдельные разделы работы были изданы уже после ее смерти. (См выше: *Материалы к опубликованным работам I и II*). В настоящее время неопубликованными остаются две главы работы: «Памятники Среднего Поднепровья первых четырех веков н.э.» и «Среднее Поднепровье во второй половине VI — начале VIII вв.» — аналитическая часть. Последняя готовится к изданию В.М. Горюновой, одновременно с повторной публикацией соответствующего каталога.

Из-за многочисленных редактур поиск в архивных материалах документов, относящихся к двум неопубликованным разделам работы, достаточно непрост: они оседали в архиве в составе нескольких поступлений и нередко под названиями, не соответствующими содержанию.

«Памятники Среднего Поднепровья первых четырех веков н.э.» — I глава монографии «К истории Среднего Поднепровья V–VII вв. н.э». Редакция 1968 г.

Текст — Дд. 110, 111 (Лл. 13–163).

Материалы — Дд. 1, 118, 119.

«Среднее Поднепровье во второй половине VI — начале VIII вв.» — глава II (III — в ред. 1968 г.) монографии «К истории Среднего Поднепровья V–VII вв. н.э». Редакция 1972–1974 г.

Глава, посвященная анализу металлических украшений круга «древностей антов», не только не потеряла актуальности, но и настоятельно востребована сегодня, поскольку обойти вниманием ее простую, но удобную и продуктивно работающую типологию изделий, тонкие и глубокие наблюдения о распространении и происхождении вещей, не воспользоваться широким кругом привлеченных аналогий добросовестный специалист, изучающий раннесредневековые древности, не имеет права. Поэтому отсылки к соответствующим делам Ф. 77 являются обязательной составляющей публикаций, касающихся как анализа старых, так и публикации новых находок материалов круга «древностей антов» (см., например: Гавритухин, Обломский 1996: 166, Родинкова 2007: 399, Щеглова 2001). Но для широкой научной аудитории работа остается пока труднодоступной.

Причин, которые надолго задержали столь нужную публикацию, несколько. Первая и основная — это объем работы, более 40 печатных листов текста и около 100 таблиц иллюстраций, без которых аналитическая часть не может существовать.

Вторая причина — многообразие и сложность исследуемого материала, которые обусловили многоуровневую структуру главы. Как отмечали рецензенты (П.Н. Третьяков и М.А. Тиханова в 1969 г.),⁴ рукопись практически не подлежит сокращениям без серьезных смысловых потерь.

Но, помимо казавшегося непомерно большим объема рукописи, существовало и еще одно обстоятельство, препятствующее публикации главы, посвященной памятникам Поднепровья второй половины VI–VII вв. н. э. В большой и подробной историографической части Г.Ф. Корзухина критически рассматривала труды коллег, а среди них на первых местах — посвященные «древностям антов» публикации акад. Б.А. Рыбакова, который не только был тогда директором Института Археологии АН СССР, но и стоял во главе советской исторической науки в целом, являясь автором господствующей концепции ранней истории Руси, изложенной в школьных учебниках, и работы киевского археолога М.Ю. Брайчевского, поэта и интеллектуала, периодически изгоняемого из академических институтов Украины

⁴Отзывы на работу Г.Ф. Корзухиной «К истории Среднего Поднепровья в V–VII вв.», составленные М.И. Артамоновым (14.06.1968 г.), М.А. Тихановой (07.01.1969 г.), П.Н. Третьяковым (22.01.1969 г.), хранятся в Отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН.

за нескрываемое научное диссидентство. Само упоминание этих имен рядом на рубеже 60-х – 70-х гг. XX в. уже было практически недопустимо, но Гали Фёдоровна, одинаково беспристрастно и дотошно разбирая их публикации, наглядно продемонстрировала общие пороки подхода к интерпретации рассматриваемых древностей, заключающиеся прежде всего в поверхностном отношении к анализу и критике археологических источников (Ф. 77. Дд. 113, 134). На необходимость сокращения историографической части работы указывал в своей рецензии на рукопись М.Ю. Артамонов (1968 г.), но Гали Фёдоровна не успела или не захотела этого сделать.

Поскольку большие по объему материалы к отдельным подпараграфам представлены в Ф. 77 отдельными делами, архивные материалы по главе «Среднее Поднепровье во второй половине VI – начале VIII вв.» описаны в таблице, позволяющей соотнести текстовые и иллюстративные материалы.

Рубрикация неизданной главы «Среднее Поднепровье во второй половине VI – начале VIII вв.» монографии Г.Ф. Корзухиной «К истории Среднего Поднепровья V–VII вв. н.э».	Соответствующие материалы в Ф. 77 РА ИИМК РАН	
	<i>Тексты разделов</i>	<i>Подборки материалов к разделам</i>
№ 1. Вводные замечания. История вопроса	Дд. 113, 134	Д. 146
№ 2. Обзор памятников	Дд. 113, 134	Дд. 83, 86, 123, 133
Фибулы пальчатые		Дд. 86, 92, 129
Вводные замечания	Дд. 113, 134	
Группа I. Фибулы пальчатые маленькие	Дд. 113, 134	Д. 140
Группа II. Фибулы пальчатые средних размеров	Дд. 113, 134	Д. 132
Группа III. Фибулы пальчатые большие	Дд. 113, 134	Д. 141
Группа IV. Фибулы с ажурной каймой из птичьих голов во- круг верхнего щитка	Дд. 113, 134	Д. 128
Фибулы антропоморфные		
Группа V. Фибулы антропоморфные малые	Дд. 113, 134	Д. 127
Группа VI. Фибулы антропоморфные – дериваты малых антропоморфных фибул (группы V)	Дд. 113, 134	
Группа VII. Фибулы антропоморфные большие	Дд. 113, 134	Д. 89
Двупластинчатые фибулы		
Группа VIII. Фибулы двупластинчатые литые	Дд. 113, 134	Д. 88
Группа IX. Фибулы, вырезанные из кованой пластины	Дд. 113, 134	Д. 130
Группа X. Серьги	Дд. 113, 134	
Группа XI. Височные кольца	Дд. 113, 134	
Группа XII. Браслеты	Дд. 113, 134	
Группа XIII. Гривны	Дд. 113, 134	Д. 91
Группа XIV. Поясные наборы	Дд. 113, 134	Д. 87
Группа XV. Шейные, нагрудные и другие мелкие украшения	Дд. 113, 134	Д. 85
Группа XVI. Убранство конской сбруи и оружие	Дд. 113, 134	
Группа XVII. Предметы бытового назначения	Дд. 113, 134	
Группа XVIII. Памятники художественного ремесла неиз- вестного назначения	Дд. 115, 134	Д. 85
Группа XIX. Металлический лом	Дд. 115, 134	
№ 3. Заключение	Дд. 115, 134	
Заключение общее	Дд. 115, 134	
Каталог. Часть 1. Вещи, найденные в Среднем Поднепровье	Д. 156	Д. 145
Каталог Часть 2. Вещи, найденные за пределами Среднего Поднепровья)	Д. 156	Д. 144

Плановые темы и незавершенные статьи

1927–1930. Золотые ворота. Статья.

(совм. с Н.Н. Ворониным)

Текст — Д. 149.

1934. Рязано-Муромский край в X–XI вв.

Текст — Д. 155.

Древнерусское художественное ремесло и ювелирное искусство:

1939. К истории древнерусского убора.

Работа выполнена в ИА УССР.

Текст — Д. 48. Лл. 105–141.

1940. Ювелирное искусство Киевской Руси X — нач. XI вв.

Работа выполнена в ИА УССР.

Текст — Д. 48. Лл. 1–104.

1946. Очерки по истории древнерусского прикладного искусства X–XIII вв. Отдельные главы (часть 2-я).

Текст — Д. 118.

1951. Опыт хронологической классификации памятников художественного ремесла I тыс. н. э.

Текст — Д. 162. Лл. 1–178.

1951. Памятники художественного ремесла Древней Руси. VIII–IX вв.

Текст — Д. 162. Лл. 179–280.

1958. Русско-скандинавские отношения в IX–XI вв. по памятникам художественного ремесла.

Плановая тема, текст доклада и материалы его обсуждения.

Текст — Д. 163.

Б/г. Прикладное искусство I пол. I тыс. н. э.

Использовано в I главе «К истории Среднего Поднепровья...»:

Текст — Д. 107.

Археология Старой Ладogi:

1969. Ладожские постройки горизонта E3.

Незавершенная рукопись.

Текст — Д. 69.

Иллюстрации — Д. 70.

1970–1971. О кольцевых фибулах и разделителях для бус.

Использована частично в статье «Некоторые находки бронзолитейного дела в Ладогe» // КСИА. Вып. 135. 1973.

Текст и материалы — Д. 72.

Научные доклады

Древнерусская архитектура

Доклады, подготовленные Г.Ф. Корзухиной в аспирантуре ГАИМК под руководством К.К. Романова в 1926–1928 гг.

1926. Палаты Андрея Боголюбского в Боголюбском монастыре

Доклад 25.03.1926 г. в РАИМК, в Археологическом разряде проф. К.К. Романова.

Текст — Д. 158.

1927. Георгиевская церковь во Владимире

Текст и материалы — Д. 159.

1928. К вопросу о культурных взаимоотношениях Владимиро-Суздальской области и Среднего Поволжья в XII–XIII вв.

Текст — Д. 160.

1928. Преображенский собор в Переяславле Залесском

Текст — Д. 161.

Древности Среднего Поднепровья**1954. Забытые памятники Среднего Поднепровья III–IX вв.**

Доклад, прочитанный на заседании славяно-русской секции во время экспедиционного пленума 24 марта 1954.

Текст и материалы — Д. 82.

1969. «Спорные вопросы истории Среднего Поднепровья в I тыс. н. э.»

Доклад на Ученом Совете ЛОИА АН СССР 17.12. 1969 г., материалы обсуждения. Протокол, составленный Е.А. Горюновым. Программа переработки рукописи «К истории Среднего Поднепровья...». Тезисы «контр-доклада» П.Н. Третьякова.

Текст и материалы — Д. 142.

Varia**1965. <Выступление по «норманнскому вопросу»>**

на объединенном заседании кафедры археологии Исторического факультета ЛГУ и сектора феодализма ЛО ИИ АН СССР 22.12. 1965 г.⁵

Приглашение. Список выступавших. Наброски выступления, посвященного находке палочки с рунической надписью. Заметки о выступлениях.

Обстоятельства подробно рассмотрены в статье Л.С. Клейна в настоящем сборнике.

Материалы — Д. 99.

Тематические подборки материалов, не связанные с определенными работами

Традиция систематизировать информацию с помощью удобных небольшого формата тематических иллюстрированных картотек, которые могли пополняться и переформировываться, была заложена А.А. Спицыным, организовавшим свой личный рабочий архив в виде сотен пухлых «Корочек» — маленьких папок, в настоящее время составляющих ядро Ф. 5 — Личного фонда А.А. Спицына в РА НА ИИМК РАН. Подобные же «корочки», форматом в половину листа писчей бумаги, заполняла и Г.Ф. Корзухина. Внутри каждой папки существует внутренняя рубрикация, отраженная в рукописной описи дел, переданных в РА Г.Ф. Корзухиной при жизни (отражена в графе «Примечания» в Описи Фонда). С течением времени изменился формат папок, на смену профессионально выполненным карандашным и перьевым рисункам пришли фотографии, отошла в прошлое необходимость пользоваться оборотной стороной дореволюционных документов и старых ведомостей. Но принципы собственноручного создания подборки материалов, содержание которых значительно шире, чем требовалось для решения конкретной исследовательской задачи, оставались неизменными. Г.Ф. Корзухина начала создавать свой личный рабочий архив в 30-е годы, и продолжала пополнять его всю жизнь.

Уместно привести несколько примеров того, как аккумулированные в Личном фонде Г.Ф. Корзухиной материалы действительно, как было отмечено в предисловии к публикации одной из частей работы «К истории Среднего Поднепровья V–VII вв. н. э.», приобрели, по сути дела, статус первоисточника (Горюнова, Щеглова 1996: 350).

Среди подробных и добросовестно сделанных во время работы в различных музеях выписок из инвентарных книг в этом качестве выступают «Рукописные каталоги КИМ и музея Киевского Университета» (Ф. 77. Д. 77. Л. 105) и «Выписки из инвентарей Отдела Скифии и греческих колоний Киевского исторического музея 1936–1938 гг.» (Ф. 77. Д. 84). С ними можно сопоставить так называемый «Альбом Артамонова» — 20 фотографических таблиц, на которых представлены по типам пальчатые и антропоморфные фибулы, сфотографированные в 1936–1938 гг. музейным фотографом КИМ С.В. Коршенко (Ф. 77. Д. 90). На обложке альбома имеется карандашное примечание Г.Ф. Корзухиной, которое проясняет историю появления альбома и негативов таблиц в архиве ИИМК РАН. Серия отпечатков фотографий отдельных вещей была подарена М.И. Артамонову, который их смонтировал в таблицы. В 1956 г. Г.Ф. Корзухина аннотировала все таблицы, сопоставляя приведенные на них предметы с изданиями и своими довоенными рисунками и записями, и старалась получить максимально приближенные к реальным размерам отпечатки для работы над каталогом фибул (съемка 1956 и 1959 гг.). Выписки и зарисовки были сделаны Г.Ф. Кор-

⁵Л.С. Клейн называет дату 24.12.1965. — См. статью в настоящем сборнике, с. 18.

зухиной в конце 30-х гг. Во время Великой Отечественной войны оба музея: и Киевский исторический музей, и музей Киевского университета были разграблены в период фашистской оккупации Киева. Долгое время считалось, что и коллекции, и инвентарные книги были вывезены в неизвестном направлении и утрачены. Во всяком случае, во время подготовки Г.Ф. Корзухиной монографии «К истории Среднего Поднепровья V–VII вв. н. э.», в каталоге к которой фигурирует целый ряд предметов из коллекций киевских музеев, ничего, кроме констатации факта утраты вещей, сказать про их судьбу было нельзя. Однако судьба Инвентарных книг Киевского Исторического музея сложилась самым причудливым образом. Некоторые из них были обнаружены за сотни километров от Киева, на российском Северо-Западе, в разграбленном и сожженном Новгородском музее, грязные, покоробившиеся в огне, но читаемые.⁶ Они были возвращены в Киевский исторический музей, теперь уже скорее в качестве экспоната, а не документации. А в 1991 г. польский исследователь М. Парчевский опубликовал 18 предметов круга «древностей антов», которые в настоящее время хранятся в Краковском Археологическом музее, а поступили туда сразу после II Мировой войны из разбомбленных в 1944 г. на станции эшелонов, в которых фашисты вывозили музейные ценности из Восточной Европы (Parczewski 1991: 115–126; 1993). Считалось, что эти вещи происходят из частных коллекций, вывезенных из Львова, поскольку они поступили вместе с рядом предметов из львовских музеев. На некоторых вещах полностью или частично сохранились первоначальные шифры. Шифры принадлежали КИМ, но при отсутствии инвентарных книг установить происхождение находок невозможно. Вот тут-то и сыграли свою роль архивные материалы Г.Ф. Корзухиной. Те предметы, на которых сохранились старые номера или этикетки были атрибутированы по описи, скопированной в Д. 77. Происхождение большинства характерных антропоморфных фибул было установлено благодаря рисункам и фотографиям, хранящимся в Дд. 88, 89, 90, 96, 130. Справка об идентификации вещей на основании материалов Фонда № 77 была передана коллегам из Кракова и Киева.

Второй сюжет, связанный с идентификацией состава комплексов, утраченных во время Великой Отечественной войны, касается кладов «древностей антов», найденных на Харьковщине.

В начале 20-х гг. XX века на территории Харьковской губернии были сделаны находки «древностей антов» — ювелирных украшений третьей четверти I тыс. н. э., сведения о которых почти сразу же вошли в научный оборот благодаря упоминанию в «эпонимной» для этой группы археологических источников статье А.А. Спицына (Спицын 1928), где в числе наиболее представительных и интересных комплексов были поименованы Козиевский и Новоодесскийклады из Богодуховского уезда и Зайцевский из Змиевского. Материалы этих находок фиксировались, обрабатывались и готовились к изданию профессором ХГУ, директором Археологического музея при Харьковском Университете А.С. Федоровским, однако рукопись его работы не сохранилась. О серьезном намерении опубликоватьклады свидетельствует переписка с А.А.Спицыным (Ф. 5. Д. 334. Лл. 97–98 и об.) и большая серия отлично выполненных графических иллюстраций, по-видимому в полном объеме воспроизводящих вещи круга «древностей антов», хранившиеся в Археологическом музее, но, к сожалению, не всегда аннотированных (Научный архив ИА НАНУ. Личный фонд А.С. Федоровского. № 7).

Судьба же самих находок оказалась весьма драматичной — во время Великой Отечественной войны часть их была экспонирована в оккупированном Харькове в так называемом «готском» зале музея, устроенного немцами на ул. Сумской, д. 33. Скорее всего, судя по названию зала, туда могли попасть пальчатые и птицеголовые «готские» фибулы, родственные синхронным вещам Центральной и Западной Европы. Этот временный музей, так же, как и сам Харьковский государственный исторический музей им. Г. Сковороды, пострадали от огня, экспонаты и инвентарные книги погибли.⁷ В 1949 г. Б.А. Шрамко обнаружил в подвале здания Исторического музея пакет с 43 предметами, на котором была надпись «Новая Одесса» и адрес музея на Сумской ул. Сведения о находке Б.А. Шрамко сообщил Б.А. Рыбакову и Г.Ф. Корзухиной (Ф. 77. Д. 145. Лл. 198 и об.). В настоящее время эти предметы находятся в фондах и экспозиции Харьковского исторического музея.

Готовя публикацию предметов художественного ремесла VI–VII вв., по таблицам А.С. Федоровского, Г.Ф. Корзухина сделала более 385 (!) рисунков вещей кладов Харьковской губернии,

⁶ Приношу искреннюю благодарность Людмиле Владимировне Строковой (в настоящее время — директор Музея исторических драгоценностей Украины, г. Киев), которая во время заведования Отделом археологии Национального музея истории Украины, преемника КИМ, познакомила меня с обстоятельствами возвращения в Музей довоенных Инвентарей и позволила работать с сохранившейся инвентарной книгой IV.

⁷ Здесь опираюсь на консультацию зав. Отделом археологии Харьковского государственного исторического музея им. Г. Сковороды В.С. Аксёнова, который любезно предоставил возможность ознакомиться с вещами на экспозиции и документацией.

приведя их к одному масштабу, убрав дубли, выбрав наиболее качественные изображения и сличила их с данными из архива А.А. Спицына (Ф. 77. Д. 145. Лл. 261–305). Все они представлены в ее работе, увидевшей свет в 1996 г.

Это позволило идентифицировать комплексы Козиевского (в двух поступлениях) и Зайцевского кладов (Щеглова 2001). Оба этих комплекса остались доступны для исследования исключительно благодаря высокому профессионализму археологов «старой школы»: А.С. Федоровскому, А.А. Спицыну и Г.Ф. Корзухиной, которые, по разным причинам, не имея возможности опубликовать эти находки при жизни, сделали все возможное, для того, чтобы они остались в арсенале археологической науки.

И, наконец, именно с материалами, оставленными в РА НА ИИМК РАН Г.Ф. Корзухиной, связано обнаружение чрезвычайно актуального в связи с возобновившимися в последние годы в столице Украины исследованиями «сердца древнего Киева» — Десятинной горы — документа: выполненного на ватмане черной и цветной тушью и акварелью плана археологических раскопов на Десятинной горе с 1899 по 1939 г. В том числе на план нанесены границы раскопов 1936–1937 гг., документация по которым была утрачена, а сам руководитель исследований, Ф.Н. Молчановский, репрессирован (Михайлов, Ёлшин 2004: 226–232). «План Корзухиной» был составлен во время ее работы в экспедиции М.К. Каргера в Киеве в 1938–1941 гг., и находился в Разряде I РА НА ИИМК РАН (Графическая документация большого формата). В Ф. 77 материалы по археологическим исследованиям Киева, послужившие основой плана, находятся в Д. 95.

Подборки материалов, сформированные специально для подготовки монографических исследований и публикаций, были рассмотрены выше. Рабочие материалы могут быть систематизированы по тематическим блокам:

I. Каталоги и перечни материалов музеев, архивов, коллекций

Дд. 39, 51, 77, 84, 90, 104.

II. Средневековое ювелирное дело.

Дд. 9, 137, 81.

III. Средневековые ювелирные изделия

Дд. 6, 7, 8, 10, 13, 21, 36, 37, 79, 121, 122.

IV. Искусство и архитектура

Дд. 29, 75.

V. Погребальные и поселенческие памятники Поднепровья VII и VIII–IX вв.

Дд. 96, 120, 125, 136, 148.

VI. Археологические памятники Древней Руси

Дд. 3, 4, 5, 78, 80, 81.

VII. Археологическое изучение Киева

Дд. 2, 7, 39, 80, 95.

VIII. Археологическое изучение Старой Ладogi

Большой блок материалов, связанных с изучением древностей Ладogi, раскрывает еще один аспект научной работы Г.Ф. Корзухиной — ее полевую деятельность сначала как участника экспедиции В.И. Равдоникаса, а затем, в 1968 г. как руководителя отряда Староладожской экспедиции, проводившего исследования могильника в урочище Плакун на правом берегу Волхова. Несмотря на то, что перечень ее законченных работ, связанных с ладожскими материалами, невелик, каждая из них затрагивает принципиально важную проблему, будь то хронология Ладожского поселения, или этнический состав населения древнейшей Ладogi, или сложная стратиграфия и топография объектов горизонта E₃. В планах Корзухиной стояла развернутая публикация итогов раскопок В.И. Равдоникаса, сделанная со всей возможной полнотой. Об этом свидетельствует случайно попавший в Д. 115 в качестве разделителя листок, на котором Гали Фёдоровна набросала на заседании отдела возражения М.К. Каргеру в ответ на упрек в том, что она собирается опубликовать «голый отчет»: «Если не издать материалы Ладogi — потом никто этого не сделает, а историческую часть сделает любой» (Ф. 77. Д. 115, разделитель лл. 1–9).

Из курьезных, но небезынересных фактов необходимо упомянуть, что Г.Ф. Корзухина бережно сохранила в подборке газетных вырезок документ, который зафиксировал рождение праздника, ныне утвержденного в России и на Украине, как государственный: телеграмму начальника Староладожской экспедиции В.И. Равдоникаса, впервые поздравлявшего коллег с учрежденным им Днем археолога 15 августа 1947 года (Ф. 77. Д. 52. Л. 17).

Дд. 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 126, 131, 138, 147.

IX. Народы средневековой Европы

Норманны: Дд. 24, 25, 26, 27, 71. *Арабы:* Д. 124.

X. Нумизматика

Дд. 150, 151, 152, 57.

XI. Карты

Дд. 38, 135.

Работы других лиц

Дд. 28, 40, 41.

Среди работ других исследователей в Ф. 77 необходимо отметить неопубликованную рукопись С.А. Таракановой «Городища Псковское и Камно» (Дд. 40, 41), обобщающую материалы ее раскопок раннесредневековых горизонтов этих памятников.

Отзывы и рецензии

Д. 47 — Рецензия на монографию И.И. Ляпушкина «Городище Новотроицкое» // МИА. № 74. 1958. (Написана в соавторстве с П.А. Раппопортом).

Д. 50 — Отзыв на работу К.Д. Лаушкина «Некоторые вопросы восточнославянской мифологии в связи с археологическими находками в Старой Ладогге».

Д. 98 — Замечания на работу Ф.Д. Гуревич «Древний Новогрудок...».

Д. 100 — Отзывы на работы студентов ЛГУ и сотрудников ЛОИА.

Подводя итоги обзора Личного фонда Гали Фёдоровны Корзухиной, я хотела бы отступить от академического стиля и поделиться с читателем одним из впечатлений от работы над этими документами. Перебирая сухие ломкие листы архивных дел, заполненных круглым разборчивым почерком, рисунки, сделанные твердой рукой внучки художника и дочери архитектора в одну линию, без помарок, рукодельные ситцевые переплеты, я часто думала, что Гали Фёдоровна, наверное, могла бы подписаться под многими строчками известного стихотворения своего старшего современника Бориса Пастернака:

Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.

.....
И надо оставлять пробелы
В судьбе, а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
Отчеркивая на полях.

Под многими, но не под всеми. Биография Г.Ф. Корзухиной и ее научная жизнь, которая продолжается до сих пор, свидетельствуют о том, что «архивы заводить» надо!⁸

Литература

Брайчевский 1956 — *Брайчевский М.Ю.* О некоторых спорных вопросах ранней истории восточных славян // КСИАУ. № 6. 1956.

Ващенко 2006 — *Ващенко Э.Д.* «Хазарская проблема» в отечественной историографии XVIII — XX вв. СПб., 2006.

Гавритухин, Обломский 1996 — *Гавритухин О.И., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

⁸ Цитируемое стихотворение Б.Л. Пастернака (1956 г.) начинается словами:

Быть знаменитым некрасиво.
Не это поднимает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.

Гороховский 1982 — *Гороховский Е.Л.* Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982.

Горюнова, Щеглова 1996 — *Горюнова В.М., Щеглова О.А.* К публикации работы Г.Ф. Корзухиной «Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье» // МАИЭТ. Вып. V. 1996.

Калинина 1988 — *Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М., 1988.

Калинина 2007 — *Калинина Т.М.* Водные пути сообщения Восточной Европы в представлениях арабо-персидских авторов IX–X в. // «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007.

Максимов 1956 — *Максимов Е.В.* Обсуждение вопросов ранней истории восточных славян в Институте археологии АН УССР // КСИАУ. № 6. 1956.

Массалитина 1991 — *Массалитина Г.А.* Мощинский клад // КСИА. Вып. 205. 1991.

Михайлов, Ёлшин 2004 — *Михайлов К.А., Ёлшин Д.Д.* Новые архивные материалы по археологическому изучению древнего Киева // АВ. № 11. СПб., 2004.

Обломский, Гороховский 1986 — *Обломский А.М., Гороховский Е.Л.* О дате Мощинского и Межигорского кладов // Проблемы древнейшей истории Верхнего Поочья. Калуга, 1986.

Обломский, Терпиловский 2007 — *Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III — начало V в. н. э.). М., 2007.

Родинкова 2007 — *Родинкова В.Е.* Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (Ретроспективный анализ) // Восточная Европа в середине I тыс. н. э. М., 2007.

Спицын. 1928 — *Спицын А.А.* Древности антов // Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского. Л., 1928.

Фурасьев 2002 — *Фурасьев А.Г.* Проблема датировки кладов вещей с выемчатыми эмальями // Клады. Состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002.

Щеглова 2001 — *Щеглова О.А.* «Антские» клады Харьковщины. Проблемы идентификации // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001.

Parczewski 1991 — *Parczewski M.* Metalowe zabytki naddnieprzańskie z VI–VIII w. w zbiorach Krakowskiego Muzeum Archeologicznego // Archeoslavica. № 1. Kraków, 1991.

Parczewski 1993 — *Parczewski M.* Dalsze zabytki naddnieprzańskie z VI, VII–VIII w. w zbiorach krakowskich // Archeoslavica. № 2. Kraków, 1993.

Архивные материалы

Научный архив ИА НАНУ. Ф. 7 (Личный фонд А.С. Федоровского);
Рукописный Архив ИИМК РАН. Ф. 5 (Личный фонд А.А. Спицына).

Опись Фонда № 77 (личный фонд Г.Ф. Корзухиной) в Рукописном Архиве НА ИИМК РАН

№ дела	Название	Характер материалов	Время формирования дела	К-во листов	Примечания ¹
1	2	3	4	5	6
1	Находки первых веков н. э. Находки Восточной Европы.	Фотографии и рисунки, ркп. выписки.	Пополнялось до 1972 г.	275	Материалы к гл. «Памятники Среднего Поднепровья первых четырех веков н.э.» монографии «К истории Среднего Поднепровья...» в ред. 1968 г. Комплексы и отдельные вещи.

¹ Курсивом выделены комментарии Г.Ф. Корзухиной, оставленные в рукописной описи первого поступления в Ф. 77.

1	2	3	4	5	6
2	Киев. Некрополь. Киевский исторический музей.	Фотографии и рисунки, ркп. выписки.		93	<i>№ 2 по ркп. описи: Киев и Киевщина. Киев, некрополи. Киев, разное. Киевщина, собр. КИМ. Киевщина, разное.</i>
3	Райки, Любеч, Княжа Гора, Галич и др. Черниговский музей, Львовский музей.	Фотографии и рисунки, ркп. выписки.		167	<i>№ 3 по ркп. описи: Собрание Черниговского музея. Собрание Львовского музея. Райки. Любеч. Княжа Гора. Галич (Я. Пастернак). Раскопки В.В. Хвойко: Витичев, Шаргород и др. Могильники: Пересопница (Е.Мельник), Житомирский и другие Волыньские могильники. Планы городов: Киев, Черниг., Ряз., Вр-Вол., Райки, Ольгов гор. и др. Погребение с дирхемами у с. Чеботовичи Могил. губ.</i>
4	Шестовицы. Раскопки Смоличева (поТ.У. Агне), Я.В. Станкевич(1946), Д.И. Блительда.	Фотографии и рисунки, ркп. выписки.		64	<i>№ 4 по ркп. описи.</i>
5	Торопец. Находки у оз. Зеликовье (1960). Раскопки кург. 23 (1961).	Фотографии и рисунки, ркп. выписки.	После 1961 г.	97	<i>№ 5 по ркп. описи: ...Выписки по Б. и М. Городищам.</i>
6	Западные и восточные вещи на Руси.	Фотографии и рисунки.		162	<i>№ 6 по ркп. описи: Западные вещи на Руси. Восточные вещи на Руси. Среднерусские вещи в Среднем Поднепровье. Прибалтийские вещи в Среднем Поднепровье. Ткани. Браслеты разные, простые. S-образные застежки. Замочки-зверьки. Ключики византийские. Топорки вотивные. Стиль и книжные застежки. Человеческие фигурки. Трезубцы (Знаки Рюриковичей). Чернь. Стекло.</i>
7	Ювелирные вещи.	Фотографии и рисунки, перечни украшений в ГИМ, ГРМ, КИМ.		231	<i>№ 7 по ркп. описи: Киев. Находки 1830-1840-х годов.... Находки на ус. Трубецкого: на ус. Королева 1838 г., на ус. Климовича 1882 г., на ус. Кривцова 1892 г. Колты (в том числе звездчатые). Серьги трехбусинные, височные кольца простые, многобусинные и ромбошитковые. Конические подвески. Колодочки. Аграфы. Медальоны. Подвески с зернью. Подвески – лилии. Бусы. Гривны полые и витые. Цепи с наконечниками. Цепи церемониальные. Пряжки. Перстни. Наручи. Браслеты полые на шарнирах. Браслеты витые и др. Корни древнерусского искусства в искусстве более раннего времени. Богатые погребения. Различные списки ювелирных изделий: колл. Боткина, клады и ювелирные вещи ГИМ; выписки из актов на ценности, хранящиеся в Киевском Гос. Банке; вещи, полученные ИАК для Н.П. Кондакова и др.</i>

1	2	3	4	5	6
8	Серьги. Типологии.	Фотографии и рисунки.		85	<i>№ 8 по ркп. описи: Серьги с подвеской – амфоркой (античные, X в. и Прикамье), с подвеской-фонариком (от I в. н. э. до роменских), серьги «пастерского» типа, «фативижского» типа, салтовские височные кольца, семилучевые височные кольца, большие височные кольца с бусинкой, половецкие серьги.</i>
9	Формочки, штампы.	Фотографии и рисунки.		169	<i>№ 9 по ркп. описи: Формочки литейные и штампы. Оловянные вещи.</i>
10	Эмаль.	Фотографии и рисунки.		167	<i>№ 10 по ркп. описи: Эмаль перегородчатая, перегородчато-выемчатая и др., русская эмаль за рубежом.</i>
11	«Из истории игр на Руси».	Статья и материалы к ней.	1960	273	<i>№ 11 по ркп. описи: «Шашки» и игральные доски. Материалы к статье: Из истории игр на Руси (О шашках по археологическим данным) // СА. № 4. 1963. С. 85–102.</i>
12	Декоративные топоры. Типологии.	Фотографии и рисунки, выписки из источников.		178	<i>№ 12 по ркп. описи. Материалы к статье: Ладожский топорик // Культура древней Руси. М., 1966. С. 89–96.</i>
13	Кресала. Змеевики. Подвески. Лунницы. Образки. Крестики. Божки. Капища.	Фотографии и рисунки.		224	<i>№ 13 по ркп. описи.</i>
13а	Иллюстрации к докладу об Одине.		1971	14	Тезисы д-да опубликованы: Камские огнива и Один // Тезисы докладов 5-й всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. Ч. 1. М., 1971. С. 29–30.
14	Сирийские энколпионы. Типологии.	Фотографии и рисунки.		92	<i>№ 14 по ркп. описи.</i>
15	Энколпионы XI в., найденные в России, Крыму и Болгарии. Греческие и русские в музейных коллекциях.			127	<i>№ 15 по ркп. описи. Материалы к работе «Памятники домонгольского медного литья (XI–XIII вв.)».</i>
16	Русские энколпионы. Типологии.	Фотографии и рисунки.		118	<i>№ 16 по ркп. описи. Материалы к работе «Памятники домонгольского медного литья (XI–XIII вв.)».</i>
17	Памятники домонгольского медного литья (XI–XIII вв.)	Материалы к работе.		203	<i>№ 17 по ркп. описи. Текст опубликован частично : О памятниках «корсунского дела» на Руси (по материалам медного литья) // ВВ. Т. XIV. 1958. С. 129–137; полностью: Памятники домонгольского медного литья // Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты — реликварии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.</i>
18	Резная кость. (Ч. I). Вещи.	Фотографии и рисунки.		203	<i>№ 18 по ркп. описи: Резная кость. Часть 1 Гребни. Гребенки. Гребешки. Ложки. Кочедыки.</i>

1	2	3	4	5	6
19	Резная кость, дерево и камень. (Ч.П). Вещи.	Фотографии и рисунки.		167	<i>№ 19 по ркп. описи: Резная кость. Часть 2. Копюшки. Черенки. Проколки, пуговицы, шашки, шахматы и пр. Заготовки. Разное. Кочевническая кость. Скандинавская кость. Кость финская и длинных курганов. «Растительный» орнамент. Русская плетенка и резная кость XI–XV вв. Привески металлические (анalogии для гребней и ложек). Крестики костяные. Резные дерево и камень.</i>
20	«Древнерусская резная кость».	Фотоотпечатки.	1948	11	<i>№ 20 по ркп. описи: Резная кость. Часть 3. Сводные таблицы по некоторым типам вещей. Иллюстрации к работе.</i>
21	Венгерские погребения с конем. (по И. Эрдели).	Фотографии и рисунки.		122	<i>№ 21 по ркп. описи (?).</i>
22	Оружие. Типологии. «Из истории древнерусского оружия».	Материалы и иллюстрации к работе.	1950	177	<i>№ 22 по ркп. описи: ... Часть 1. Иллюстрации к статье «Из истории древнерусского оружия XI века» — опубл. СА. Т. XIII. 1950. Материалы к статье (сабли и наконечники ножен). Сабля «Карла Великого». «Арабский цветок» (Сабли, венгерские ташки и др.) Ранние ножны и сабли (от скифов до VII в.).</i>
23	Оружие. Типологии.			124	<i>№ 23 по ркп. описи: ... Часть 2: Мечи. Шлемы. Копья. Кольчуги. Кистени, булавы. Кочевническое погребение в Таганче. Материалы к работе: Из истории древнерусского оружия XI века // СА. Т. XIII. 1950. С. 63–94.</i>
24	Норманны.	Фотографии, рисунки, выписки из источников.		150	<i>№ 24 по ркп. описи: ... Часть 1. Фибулы, браслеты, гривны.</i>
25	То же.	То же.		207	<i>№ 25 по ркп. описи: ... Часть 2. Разные мелочи (русск. и сканд.); стремена; Турьи рога; Шпилевка (браслет и бляхи); капторги; насечка и платировка; русские вещи в Скандинавии и подражания им; скандинавская зернь.</i>
26	То же.	То же.		282	<i>№ 26 по ркп. описи: ... Часть 3. Танкеевка; Плиснеск; Приладожье (раск. Линеvского); Владимирщина (Савельев 1853; Гольшев и др); кург. бл. д. Верхн. Мандроги Лодейнопольского у.</i>

1	2	3	4	5	6
27	То же.	То же.		115	<i>№ 27 по ркп. описи: ... Часть 4. Гнездово (Сергеев, ИАК 15); планы погреб. сооружений Гнездова, Шестовицы и Бирки. Выписки по комплексам: Vendel (с планом мог-ка), Valsgårde (с планом мог-ка), Tuna (с планом мог-ка), Årby, Gamla Uppsala, Kvarnbacken (с планом мог-ка). План о-ва Бьерко (г-ще и мог-ки) и ситуационный план. Карты Швеции общие и детали.</i>
28	Статьи и тексты докладов других лиц.	Подборка материалов.		162	<i>№ 27 по ркп. описи.</i>
	Поулик Й. Пражский тип в Чехословакии.	Машинопись.	1958	22	<i>Доклад на славянском семинаре в Кракове.</i>
	Падалка Л.В. Происхождение и значение имени «Русь».	Оттиск.	1914		<i>Труды XV АС. Т. I. 1914. С. 365–382.</i>
	Вернацкий Г. Происхождение термина Русь.	Машинопись.	1956	15	<i>Перевод Л.С. Кухаревой.</i>
	Березовец Д.Т. Русы в Поднепровье. Доклад на XIV конференции ИА.	Машинопись.	1970	11	<i>Опубликован: Полтавський археологічний збірник 1999. Полтава, 1999. С. 321–350.</i>
	Дрейер М. Некоторые вопросы изучения эпохи викингов на севере.	Машинопись.	1958	26	<i>Доклад в ЛОИА.</i>
	Шаскольский И.П. Литература по норманнскому вопросу с 1900 по 1956 гг.	Машинопись.	1958	11	
	Ладожская руническая надпись – свидетельство о доисторической Руси.	Машинопись.	1958	10	<i>Русское резюме.</i>
	Арбман Х. Бирка и ее связи с Востоком.		1959	8	<i>Доклад в ЛОИА.</i>
	Костржи К.В. Древнейшее свидетельство о добыче и применении нефти на территории ССР.	Рукопись.	1964	17	
	Шмидт Е.А. Погребальные памятники вт. пол. I тыс. н. э. на Смоленщине.		1958	4	
29	Искусство. Архитектура. Скульптура. Миниатюра. Фрески. Иконы и др.	Фотографии и рисунки.		103	<i>№ 29 по ркп. описи. Искусство: Архитектура. Скульптура. Миниатюра. Фрески, иконы, мозаика. Торевтика (оклады). Живопись золотом по меди.</i>
30	Скифы.	Фотографии и рисунки.		125	<i>№ 30 по ркп. описи.</i>

1	2	3	4	5	6
31	Клады Восточной Европы.	Фотографии и рисунки.		192	<i>№ 31 по ркп. описи: Клады Восточной Европы послемонгольской поры. Ювелирное искусство XIV–XVII вв. Клады и отдельные вещи Польши, Болгарии, Чехии, Румынии, Вост. Прибалтики.</i>
32	Материалы к работе «Русские клады IX–XIII вв.».	Фотографии и рисунки.		265	<i>№ 32 по ркп. описи. ... Иллюстративный материал по всемкладам (не только опубликованным).</i>
33	Материалы к работе «Русские клады IX–XIII вв.».	Фотографии и рисунки.		156	<i>№ 33 по ркп. описи ... Дублетные иллюстрации</i>
34	Материалы к работе «Русские клады IX–XIII вв.». Клады № 1–80.	Ркп. выписки.		279	<i>№ 34 по ркп. описи: ... Выписки покладам (без иллюстраций), некоторые с зарисовками в музеях.</i>
35	Материалы к работе «Русские клады IX–XIII вв.» Клады № 81–175.	Ркп. выписки.		310	<i>№ 35 по ркп. описи: ... То же. Некоторые общие выписки окладах – литературные тексты, летописи и пр.</i>
36	Церковная и светская утварь.	Фотографии, рисунки, выписки из источников.		176	<i>№ 36 по ркп. описи: ... Хоросы. Лампады. Подсвечники. Светильники (сл. обр. Причерноморье). Водолеи. Кацеи, потиры, курильницы. Блюда и чаши. Купольные кресты, церковные подзоры.</i>
37	Серебро Закамское.	Фотографии и рисунки.		230	<i>№ 37 по ркп. описи: Серебро византийское и восточное: Прикамье; Среднее Поднепровье; Эстония; Поволжье и Заповолжье. Кавказ. Покупки на Нижегородской ярмарке. Находки за рубежом; покупки за границей. Местные подражания восточному серебру. Шейные гривны «пермского» типа. Слитки серебряные круглые и длинные. Позднее (арабское?) серебро.</i>
38	Карты арабских и турецкого географов.			34	<i>№ 38 по ркп. описи.</i>
39	Фотоархив ИА АН СССР. ² Коллекции 1939, 1949, 1956 гг.			129	<i>№ 39 по ркп. описи: Фотоархив ИА АН УССР (выписки 1939 г.). Фотоработы в КИМ в 1939 г. (фотодневники). Зарисовки вещей и выписки из инвентарей КИМ в 1939, 1949, 1956 гг. Списки документации и другие материалы по Киевским экспедициям 1936, 1939, 1940, 1945 и 1946 г.</i>
40	Тараканова С.А. «Городища Псковское и Камно».	Машинопись.		160	<i>№ 40 по ркп. описи: ... Сводная неопубликованная работа. 19.. г. Текст...</i>
41	Иллюстрации к работе Таракановой С.А. «Городища Псковское и Камно».	Рисунки.		82	<i>№ 41 по ркп. описи.</i>

² Ошибочно. Правильно: ИА АН УССР.

1	2	3	4	5	6
42	«Былина о Потоке в свете археологических данных» Списки былин о Михайле Потоке. 27 списков.	Рукопись.	1944	309	№ 42 по ркп. описи. Не издана.
43	«О происхождении Руси».	Рукопись.	1951	154	№ 43 по ркп. описи: ..не изд.
44	Материалы к работе «О происхождении Руси».			666	№ 44 по ркп. описи.
45	«О роли хазарского каганата в истории восточных славян».	Рукопись.	1950-1951, 1952	155	№ 45 по ркп описи: ...не изд. Предназначалось для публикации в журнале «Вопросы истории».
46	Материалы к работе «Серебряная чаша с надписями XII в.».	Рукопись, рисунки.	1949	181	№ 46 по ркп. описи: <i>Серебряная чаша Киевского клада</i> Опубликовано: <i>Серебряная чаша из Киева с надписями XII в. // СА. Т. XV. 1951. С. 64–81, но с купюрами, сделанными И.А. Орбели.</i>
47	Рецензия на работу Ляпушкина И.И. «Городище Новотроицкое».	Машинопись.		10	№ 47 по ркп. описи: <i>Г.Ф. Корзухина и П.А. Раппопорт. Рец. на И.И. Ляпушкин «Городище Новотроицкое» МИА, № 74, 1958. Возвращена из «Вопр. Истории», как археологическая.</i>
48	«Ювелирное искусство Киевской Руси X – нач. XI вв.».	Машинопись.	1939–1940	190	№ 48 по ркп. описи: <i>Работы, выполненные по АН УССР в 1939 и 1940 гг.: Ювелирное искусство Киевской Руси X – нач. XI вв. (Лл. 1–104). К истории древнерусского убора. 1939 (Лл. 105–141. [Без названия] (Лл. 142–189).</i>
49	Материалы к статье «Горуца».		До 1961 г.	89	№ 49 по ркп. описи: <i>«Горуца» – материалы, использованные в статье О гнездовской амфоре и ее надписи // Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь проф. М.И. Артамонова. Л., 1961. С. 226–230 и не использованные, собранные после выхода статьи. Отклики на статью.</i>
50	Отзыв на работу К.Д. Лаушкина «Некоторые вопросы восточнославянской мифологии в связи с археологическими находками в Старой Ладог».	Машинопись.	1970	44	№ 50 по ркп. описи.
51	Опись графической документации архивов ЛОИА и Эрмитажа по Старой Ладог».	Машинопись.	Составлена в 1963 г.	63	№ 51 по ркп. описи: <i>Старая Ладога. Опись чертежей и другой документации, хран. в ОИПК Эрмитажа и в архиве ЛОИА.</i>

1	2	3	4	5	6
52	Газетные подборки по археологическим экспедициям в Старую Ладого 1938-1958, 1965 гг.	Подборка вырезок.		254	<i>№ 52 по ркп. описи: Старая Ладога. Некоторые материалы по экспедициям 1938-1958 гг. и 1965 г. Газетные вырезки о Ладоге. «Документ», с которого начался «день советского археолога» август 1947 г. Ркп. А.Н. Юзефовича (копия) «Антропологические материалы из археологических раскопок в Старой Ладоге» 1941. Не издана.</i>
53	Рисунки вещей Старой Ладого, из коллекций Киевского исторического музея и Эрмитажа	Рисунки, тушь.	1968	93	<i>№ 53 по ркп. описи</i>
54	Старая Ладога. Курган 11.	Фотографии и рисунки вещей.	1968	136	<i>№54 по ркп. описи: Материалы по раскопкам кургана №11 на урочище Плакун бл. Ст. Ладого в 1968 г. Материалы, связанные с публикацией кургана №7 на урочище Плакун (1952). — Опул. частично: Курган в урочище Плакун близ Ладого // КСИА. Вып.125. С. 59—64.</i>
55	Урочище Плакун. Курганы по материалам архивов и музеев.	Выписки.	1965	138	<i>№ 55 по ркп. описи</i>
56	Старая Ладога. Могильники	Материалы к карте.	1964	243	<i>№ 52 по ркп. описи</i>
57	Нумизматика.	Выписки из источников.	1973	145	<i>№57 по ркп. описи: Ладога. Монетные находки в Ладоге и ее окрестностях. Тимиревский клад 1973 г.</i>
58	Старая Ладога. Постройки.	Выписки из дневников		171	<i>№58 по ркп. описи: ... (по дневникам)</i>
59	Старая Ладога. Город. Планировка	Выписки из литературы и отчетов.		294	<i>№ 59 по ркп. описи: К постройкам. Большие (не ладожские, поздние) дома. «Город», планировка. «Приспа» и вал крепости. Левый берег Ладожки, 1952. Столбы. Каменный наброс. Береста. Железные шлаки и дирхем 699 г. Датировка. Финны, балты и «славяне» и большие дома. Антропология. Стратиграфия. Ладога-Альдейгьюборг. Мелкие выписки (Земл. г-ще, посад, крепость). Гроздилов и Третьяков, 1948. Ладога XI—XVII вв. Дефекты.</i>
60	Исследования в Старой Ладоге. Материалы исследований предшественников.	Выписки.		236	<i>№ 60 по ркп. описи: Репников «О желательности раскопок...». Предшественники Бранденбурга. Жилище (не ладожское). Дубовики (Е.Носов). Засурцев, новгородское жилище. Разные города. Рыдзевская. Саги о Ладоге. Рунич. надпись Ст. Ладого. Ф. Браун и Н. Энговатов. Пирейский лев. Рюрик, Синеус и Трувор. Бирка. О. Буян. Викинги в Америке. Голубева. Медведев. Монгайт. Историч. справки о скандинавских странах. О Московии 1685—1688.</i>

1	2	3	4	5	6
61	Старая Ладога. Лыжи. Сани. Ладьи. Корабли. Колеса.	Выписки из источников.		122	№ 61 по ркп. описи:
62	Старая Ладога. Украшения.	Выписки из источников и литературы.		259	№ 62 по ркп. описи: Ладога. Украшения. Глиняные лапы. Молоточки Тора. Тисс и др. породы дерева. Кость (уточки, гребни и др.). Пестрые оселки. Гирьки. Слитки металла. Кузницы, кузнечный инструмент. Пила. Копья. Умбон. Сковорода. Керамика «по-ладожски». Амфоры. Спиральные бусы. Frisische Kanne. Ткацкие грузила и станки. Пряслица. Корыто, черпак.
63	Земледелие.	Выписки из источников и литературы		235	№ 63 по ркп. описи.
64	Сошники (не ладожские).	Выписки из источников, рисунки.		196	№ 64 по ркп. описи:
65	Ладога по сб. «Старая Ладога» 1948.			109	№ 65 по ркп. описи: ...Расписано по шурфам и раскопам с восстановлением планов и стратиграфических разрезов «схем».
66	Н.И. Репников (I). Картотека вещей 1910 г.	Картотека.		191	№ 66 по ркп. описи: Ладога. Картотека на вещи, найд. Репниковым в 1910 г. (шурфы). Рисунки взяты из сборника «Старая Ладога» (Л., 1948) и РА НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1934. Д. 241.
67	Н.И. Репников (I). Картотека вещей 1911–1912 гг.	Картотека.		210	№ 67 по ркп. описи: Ладога. Картотека на вещи, найд. Репниковым в 1911 и 1912 гг. (раскоп) Рисунки взяты из сборника «Старая Ладога» (Л., 1948) и РА НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1934. Д. 241.
68	Ладога. Вещи из раскопок Н.И.Репникова 1909–1913 гг. Опись.	Ркп. опись.		56	№ 68 по ркп. описи.
69	Ладожские постройки горизонта E ₃ .	Недоработанная рукопись.	1969	109	№ 69 по ркп. описи
70	Ладога.	Рисунки, чертежи.	1969	59	№ 70 по ркп. описи: Иллюстрации к рукописи...о постройках на земляном городище горизонта E ₃
71	Саги. Выписки из источников и лит-ры.	Рукопись.		172	№ 71 по ркп. описи: ...Выборки по разделам: Курганы. Корабли. Весовые и денежные единицы. Обручи. Оружие. Руны. Ремесло. Одежда. Палатки, дом. Домочадцы. Лыжи. Шапки. Бытовые детали. Женские драгоценности. Клад. Капища. Хавдинги —сеятели. Путешествия в разные страны. Мужские и женские имена.
72	Материалы к работе «О кольцевых фибулах и разделителях для бус».		1970–71	130	№ 72 по ркп. описи: ... Частично использована в статье: Некоторые находки бронзолитейного дела в Ладоге // КСИА. Вып. 135. 1973. С. 35–40.

1	2	3	4	5	6
73	Материалы к статье «Об Одине и кресалах Прикамья».		1971	98	№ 73 по ркп. описи Статья опубликована: 1. Средневековая Русь. М., 1976. С. 135–140; 2. Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1978.
74	Материалы к статье «Еще раз о Тмутараканском болване».		1959–1972	176	№ 74 по ркп. описи Статья опубликована: Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 25–29.
75	Материалы к статье об архитектурных деталях из проконесского мрамора.		1970 и сл.	209	№ 75 по ркп. описи.
76	Материалы к заметке «Путь Абу Хамида ал-Гарнати из Булгара в Венгрию».		1973	24	№ 76 по ркп. описи. Заметка опубликована: Проблемы археологии. Вып. 2. 1978. Л., С. 187–194.
77	Рукописные каталоги КИМ и Музея Киевского университета.	М/п и ркп. выписки.	1954 1936–1938	105	№ 77 по ркп. описи. Выписки из инвентарей Отдела Скифии и греческих колоний Киевского исторического музея 1936–1939 гг. Каталог арх. отдела КМДИ, хранящийся в КИМ, время записи вещей по годам.
78	Могильники Поднепровья.	Выписки из источников.		263	№ 78 по ркп. описи: Могильники Поднепровья. Раскопки В.Б. Антоновича, С.С. Гамченко, Д.Я. Самоквасова, В.З. Завитневича.
79	Бляшки поясные. Нагайки. Ритоны. Зеркала. Подвески и диадемы.	Рисунки пером, выписки из источников.		149	№ 79 по ркп. описи: Бляшки поясные. Нагайки. Ритоны. Зеркала. Пряслица с надписями. Подвески к диадеме. Монисто.
80	Выдубицкий монастырь. Вышгород. Княжа гора и др.	Рисунки, выписки из источников.		129	№ 80 по ркп. описи: Выдубицкий монастырь (граффити), 1945. Вышгород. Белгородка. Княжа гора. Курская обл. Вициж. Владимирщина. БССР. Псков. Новгород и Новгор. обл. Вологда.
81	Древние тексты о прикладном искусстве.	Выписки из источников.		233	№ 81 по ркп. описи: Погребальный обряд. Погребения верхом на коне. «Погребения сидя». Бдын. Борьба язычества и христианства. Древнерусские тексты о прикладном искусстве. Литературные тексты. Пояс. Иноземцы. Выписки о погребениях в Черниговском Спасе, родословии Черниговских князей и о ногте кн. Глеба. Выписки из ПСРЛ. Выписки по русской истории.
82	«Забытые памятники Среднего Поднепровья III–IX вв.»	Рукопись.	1954	86	Доклад, прочитанный на заседании сл.-русской секции во время экспедиционного пленума 24 марта 1954 г.
83	Иллюстрации к работе «Среднее Поднепровье V–VII вв.»	Рисунки, тушь, карандаш		289	Материалы к моногр. «К истории Среднего Поднепровья...»

1	2	3	4	5	6
84	Раздел «Фибулы». (часть 2-я работы) Озаглавлено М.А. Ти- хановой.	Машинопись.	1936– 1938, перепе- чатано в феврале 1954		Заголовок ГФК. Выписки из инвен- тарей Отдела Скифии и греческих колоний Киевского исторического музея 1936–1938 гг.
85	Трапециевидные подвески. Трубочки. Двуспиральные подве- ски. Цирковые игры. Трехперые стрелы. Человечки.	Выписки, ри- сунки, фото- графии.		217	Материалы к гл. «Среднее Подне- провье во второй половине VI – на- чале VIII вв.» моногр. «К истории Среднего Поднепровья...»
86	Материалы к работе «Раздел фибулы». Фибулы V–VII вв.	Рисунки, вы- писки.		241	Материалы к гл. «Среднее Подне- провье во второй половине VI – на- чале VIII вв.» моногр. «К истории Среднего Поднепровья...»
87	Материалы к работе «Среднее Поднепро- вье V–VII вв.». Пояса.	Выписки, рисунки.		283	Материалы к гл. «Среднее Подне- провье во второй половине VI – на- чале VIII вв.» моногр. «К истории Среднего Поднепровья...»
88	Фибулы двупластин- чатые.	Рисунки, фотографии.	Конец 1930-х – 1970-е	13	Материалы к гл. «Среднее Подне- провье во второй половине VI – на- чале VIII вв.» моногр. «К истории Среднего Поднепровья...»
89	Фибулы зооморфные большие.	Рисунки, фотографии, выписки.	Конец 1930-х – 1970-е	60	Материалы к гл. «Среднее Подне- провье во второй половине VI – на- чале VIII вв.» моногр. «К истории Среднего Поднепровья...»
90	Пальчатые и антро- поморфные фибулы КИМ.	Альбом фото- графий. Съем- ка [С. Кор- щенко].	1938?	20	Альбом фотографических таблиц «Альбом Артамонова».
91	Гривны.	Рисунки, фотографии.		140	Материалы к гл. «Среднее Подне- провье во второй половине VI – на- чале VIII вв.» моногр. «К истории Среднего Поднепровья...»
92	Рисунки А.А. Гумаль- ченко.	Рисунки, тушь.		24	Материалы к гл. «Среднее Подне- провье во второй половине VI – на- чале VIII вв.» моногр. «К истории Среднего Поднепровья...»
93	Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Черно- вики.	Рукопись, машинопись.	До 1972	208	Материалы к: Предметы убора с выемчатыми эмальями V – перв. пол. VI в. н. э. в Среднем Поднепровье.
94	Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Анали- тическая часть.	М/п текст.	1972 (?)	148	Опубликовано: Предметы убора с выемчатыми эмальями V – перв. пол. VI в. н. э. в Среднем Поднепровье / САИ. Е 1-43. Л., 1978.

1	2	3	4	5	6
95	Раскопки в Киеве. Хвойко (1907–1908), АН УССР 1936–1937), Каргера (1938–1946) и др.	Аннотированные фотографии, рисунки.		93	<i>№ 1 по ркп. описи: Раскопки в Киеве. В.В. Хвойко 1907–190 гг. ИА АН УССР 1936–1937 гг., М.К. Каргера 1938–1946 гг. и др. лет. Раскопки в Белгородке В.В. Хвойко 1909–1910 гг. Раскопки в Киеве у Десятинной церкви Милеева.</i>
96	Раскопки у с. Пастерского Чигиринского у. Киевской губ.	Фотографии, рисунки.	Конец 1930-х – 1970-е	122	Подборка материалов по памятнику.
97	Материалы к статье «Новые данные о раскопках В.В.Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве».	Машинопись, рукопись.	1954–До 1957 г.	182	Текст опубликован: Новые данные о раскопках В.В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве. // СА. Т. XXV. 1956. С. 318–337. Материалы по истории публикации.
98	Замечания на работу Ф.Д. Гуревич «Древний Новогрудок...»	Рукопись.		168	
99	Текст выступления на объединенном заседании кафедры археологии и сектора феодализма в 1965 г.	Рукопись.	1965	16	Выступление по «норманскому вопросу» на объединенном заседании кафедры археологии Исторического факультета ЛГУ и сектора феодализма ЛО ИИ АН СССР 22.12.1965 г. ³ Приглашение. Список выступавших. Наброски выступления, посв. находке палочки с рунической надписью. Заметки о выступлениях.
100	Отзывы на работы студентов ЛГУ и сотрудников ЛОИА.	Машинопись, рукопись.		49	
101	Личные документы			15	
102	Старорязанский клад 1868 года.	Фотографии, рисунки, выписки.	1937	56	Материалы к работе «Русские клады IX–XIII вв.» М.-Л., 1954.
103	Материалы к работе «Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье.		1972	30	
104	Переписка с Варисовой о коллекции И.А. Хойновского.			101	
105	«Древнерусская резная кость».	Рукопись монографии.	1957 ⁴	139	Не опубликована.
106	«Турьи рога черниговских курганов» Статья.	Рукопись, машинопись.	1972 (?)	51	Не опубликована.
107	«Прикладное искусство I пол. I тыс. н. э.»	Рукопись.		113	Исп. в I главе «К истории Среднего Поднепровья...»
108	Археологические памятники Среднего Поднепровья VI–VIII вв.	Рукопись.		383	

³ Л.С. Клейн называет дату 24.12.1965 — см. статью в настоящем сборнике, с. 18.

⁴ Дата установлена А.А. Песковой.

1	2	3	4	5	6
109	Илл. к I главе «Среднее Поднепровье».			28	
110	«К истории Среднего Поднепровья ...» Введение, глава I и II.	Машинопись.		173	Оглавления, тексты «Ведения» и Главы I соответственно к 1 и 2 вариантам.
111	«К истории Среднего Поднепровья ...» материалы к 1 и 2 вариантам работы .	Машинопись, рукопись.		452	Оглавления, тексты «Ведения» и Главы I соответственно к 1 и 2 вариантам работы.
112	«Русские клады IX–XIII вв.» Диссертация.	М/п текст диссертации, ркп. табл. кладов.	1945	224	Опубликована в переработанном виде «Русские клады IX–XIII вв.» М.-Л., 1954.
113	«К истории Поднепровья V–VII вв.» Глава III.	Рукопись.		543	Текст гл. «Среднее Поднепровье во второй половине VI – начале VIII вв.» моногр. «К истории Среднего Поднепровья».
114	«К истории Поднепровья V–VII вв.» Главы I и II.	Рукопись, предисловие и введение.		610	Текст предисловия и введения гл. «Памятники Среднего Поднепровья первых четырех веков н.э» монографии «К истории Среднего Поднепровья...»
115	«К истории Поднепровья V–VII вв.» Последние разделы главы 3. Заключение.	Рукопись.		132	Текст гл. «Среднее Поднепровье во второй половине VI – начале VIII вв.» моногр. «К истории Среднего Поднепровья...»
116	Каталог памятников художественного ремесла Среднего Поднепровья V–VII вв.			107	Каталог к главе «Среднее Поднепровье во второй половине VI – начале VIII вв.» монографии «К истории Среднего Поднепровья в V–VII вв.»
117	«Очерки по истории древнерусского прикладного искусства X–XIII вв.» Отдельные главы. (часть 2-ая).	Машинопись.	1946	146	Текст плановой темы.
118	Вещи первых четырех веков н. э. Зарубежные аналогии.	Ркп. выписки, фотографии, рисунки.	Конец 1930-х – 1970-е	153	Материалы к гл. «Памятники Среднего Поднепровья первых четырех веков н. э» монографии «К истории Среднего Поднепровья...»
119	Вещи первых четырех веков н. э. Зарубежные аналогии.	Фотографии, рисунки, выписки.	Конец 1930-х – 1970-е	414	Материалы к гл. «Памятники Среднего Поднепровья первых четырех веков н. э.» монографии «К истории Среднего Поднепровья...»
120	Степные находки VI–VII вв.	Фотографии, рисунки.		376	Подборка материалов.
121	Лимож.	Фотографии, рисунки.		85	Подборка материалов.
122	Прикамье.	Фотографии, рисунки.		145	Подборка материалов.
123	Памятники художественного ремесла VI–VII вв.	Фотографии.		13	Подборка материалов.

1	2	3	4	5	6
124	«Арабы».	Рукопись.		162	Выписки из источников.
125	Жилища VI–IX вв.	Рукопись.		191	Выписки из источников.
126	Акт передачи материалов Староладожской экспедиции 1938–1940. 1945 г. в Эрмитаж.	Машинопись.		16	
127	Фибулы зооморфные малые.	Фотографии, рисунки, выписки.	Конец 1930-х – 1970-е	27	Материалы к гл. «Среднее Поднепровье во второй половине VI – начале VIII вв.» моногр. «К истории Среднего Поднепровья...»
128	Фибулы с каймой из птичьих голов.	Фотографии, рисунки, выписки.	Конец 1930-х – 1970-е	36	Материалы к гл. «Среднее Поднепровье во второй половине VI – начале VIII вв.» моногр. «К истории Среднего Поднепровья...»
129	Фибулы, аналогии.	Фотографии, рисунки, выписки.	Конец 1930-х – 1970-е	205	Материалы к гл. «Среднее Поднепровье во второй половине VI – начале VIII вв.» моногр. «К истории Среднего Поднепровья...»
130	Фибулы двухпластинчатые большие.	Рисунки, фотографии.	Конец 1930-х – 1970-е	44	Материалы к гл. «Среднее Поднепровье во второй половине VI – начале VIII вв.» моногр. «К истории Среднего Поднепровья...»
131	Иллюстрации к отчету о разведке на территории Староладожской крепости в 1958 г.	Чертежи, фотографии.		6	
132	Фибулы средние.	Рисунки, фотографии. Выписки.		132	Материалы к гл. «Среднее Поднепровье во второй половине VI – начале VIII вв.» моногр. «К истории Среднего Поднепровья...».
133	Фибулы и эмали.	Фотографии	До 1956	140	Материалы к моногр. «К истории Среднего Поднепровья...». Дубликаты отпечатков фотографий
134	«К истории Среднего Поднепровья...». Глава II.	Машинопись.		451	Текст гл. «Среднее Поднепровье во второй половине VI – начале VIII вв.» моногр. «К истории Среднего Поднепровья...». Соотв. Д. 113.
135	Среднее Поднепровье. Карты.			54	
136	VIII–IX вв.	Фотографии, рисунки.		108	Подборка материалов.
137	Матрицы.	Выписки из литературы.		201	Подборка материалов.
138	Ладога. Вспомогательный материал.			50	
139	Материалы к работе «Эмали».	Фотографии, рисунки, выписки.		103	
140	Пальчатые фибулы. Фибулы маленькие	Фотографии, рисунки, выписки.		187	Материалы к гл. «Среднее Поднепровье во второй половине VI – начале VIII вв.» моногр. «К истории Среднего Поднепровья...»

1	2	3	4	5	6
141	Пальчатые фибулы. Фибулы большие.	Фотографии, рисунки, вы- писки.		84	Материалы к гл. «Среднее Поднепровье во второй половине VI – начале VIII вв.» моногр. «К истории Среднего Поднепровья...»
142	«Спорные вопросы истории Среднего Поднепровья в I тыс. н. э.» Доклад и др. материалы по теме.	Машинопись.	1969– 1973	119	Доклад на Ученом Совете ЛОИА АН СССР 17.12.1969 г., материалы обсуждения.
143	Дополнения к «Русским кладам».	Ркп. выписки.		104	<i>№ 35а по ркп. описи: ... Опубликованные и совсем новые.</i>
144	«Среднее Поднепровье...» Илл. ко II части.			404	Материалы к каталогу к главе «Среднее Поднепровье во второй половине VI – начале VIII вв.» монографии «К истории Среднего Поднепровья в V–VII вв.» №№ 323–415 (Вещи, найденные за пределами Среднего Поднепровья).
145	«Среднее Поднепровье...» Материалы к каталогу. Илл. ко II части.	Фотографии, рисунки, вы- писки.		589	Материалы к каталогу к главе «Среднее Поднепровье во второй половине VI – начале VIII вв.» монографии «К истории Среднего Поднепровья в V–VII вв.» №№ 84–182.
146	Эмали и фибулы. Черновики карт и легенды к ним.	Рисунки каранд. и тушью.		74	Материалы к монографии «К истории Среднего Поднепровья в V–VII вв. ...»
147	Выписки из архива ЛОИА.	Рукопись.		104	Материалы по Ладогe.
148	Фативижский клад Глуховского уезда Черниговской области.	Фотографии. Рисунки, вы- писки.		122	Подборка материалов.
149	Золотые ворота. Статья. (совм. с Ворониным).	Текст, рисунки.		64	Не издана.
150	Нумизматика. Выписки.			337	Выписки.
151	Куфические монеты.	Рукопись.		356	Выписки.
152	Византийские и сасанидские монеты.	Рукопись.		142	Выписки.
153	Папка 1. Каталог предметов с эмалью из Среднего Поднепровья (№1-83, 183-215). Часть I.	Аннотированные рисунки и фото, систематизированы на планшетах.	До 1974	143	Озаглавлено М.А. Тихановой: «Материалы и иллюстрации к работе Г.Ф. Корзухиной «Предметы с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья V – перв.пол. VI вв. (1975 г.).»
	Папка 2. Материалы к каталогу. № 216–291.			393	То же.
154	Каталог предметов с эмалью из Среднего Поднепровья (№ 216–322). Илл. к работе «Предметы с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья V – перв. пол. VI вв.». Часть II.	Аннотированные рисунки и фото, систематизированы на планшетах.		384	То же.

1	2	3	4	5	6
155	Рязано-Муромский край в X–XI вв.	Машинопись.	1934	12	Не издано.
156	Списки предметов с эмалями (№1-417) к работе «Среднее Поднепровье».	Рукопись.		611	Текст каталогов предметов с эмалями и круга кладов с пальчатыми фибулами к работе «К истории Среднего Поднепровья в V–VII вв.».
157	Материалы к «эмалям». Прибалтика, финские могильники. Часть IV.	Аннотированные рисунки и фото, систематизированы на планшетах.		229	Материалы к каталогу эмалей. Прибалтика.
158	Палаты Андрея Боголюбского.	Рукопись.	1926	137	Доклад подготовлен в аспирантуре ГАИМК под руководством К.К. Романова. Текст доклада и материалы.
159	Георгиевская церковь во Владимире. Доклад и материалы к нему.	Рукопись, зарисовки.	1927	62	Доклад подготовлен в аспирантуре ГАИМК под руководством К.К. Романова. Текст доклада, обмеры, зарисовки.
160	К вопросу о культурных взаимоотношениях Владимиро-Суздальской области и Среднего Поволжья в XII–XIII вв. Доклад.	Рукопись.	1928	26	Доклад подготовлен в аспирантуре ГАИМК под руководством К.К. Романова.
161	Преображенский собор в Переяславле Залесском. Доклад и материалы к нему.	Рукопись.	1928	55	Доклад подготовлен в аспирантуре ГАИМК под руководством К.К. Романова.
162	Опыт хронологической классификации памятников художественного ремесла I тыс. н. э.	Рукопись.	1951	264	2 работы: Опыт хронологической классификации памятников художественного ремесла I тыс. н. э. Лл. 1–178. Памятники художественного ремесла Древней Руси. VIII–IX вв. Лл. 179–264.
163	Русско-скандинавские отношения в IX–XI вв. по памятникам художественного ремесла.	Рукопись.	1958	42	Плановая тема, текст доклада и материалы его обсуждения.
164	Каталог предметов с эмалью из Среднего Поднепровья.	Машинопись.		302	Текст каталога №№ 1-417(?), с. 650–952.

Материалы Г.Ф. Корзухиной в фондах Рукописного Архива ИИМК РАН

Перечень составлен Н.А. Беловой

Фонд 35. ИИМК – ЛОИА – ИИМК РАН. Описание 1. Полевая документация.

Киевская экспедиция. Начальник М.К. Каргер

№	Опись Год	№ дела	Название дела	Характер документа	К-во страниц
1.	1938	Дд. 267, 268	Дневник раскопок и чертежи на участке «Б» Десятинной церкви и на территории Михайловского монастыря в г. Киеве.	Рукопись.	62, 21
2.		Д. 269	Чертежи раскопок на участке «Б» Десятинной церкви и на территории Михайловского монастыря в г. Киеве.	Полевые чертежи.	2
3.	1939	Д. 223	Полевые чертежи раскопок Десятинной церкви в г. Киеве в 1939 г.	Полевые чертежи.	17
4.	1940	Д. 186.	Отчет о раскопках Михайловского монастыря г. Киева.	Машинопись.	5
5.		Д. 187	Дневник раскопок Михайловского монастыря г. Киева с описью чертежей.	Рукопись.	39
6.	1945	Д. 14	Дневник раскопок на территории Выдубецкого монастыря в г. Киеве.	Рукопись.	52
7.		Д. 15	Акты передач материалов раскопок на территории Выдубецкого монастыря в г. Киеве.	Машинопись.	2
8.	1946	Дд. 40-41	Дневники раскопок усадьбы Софийского собора в 1946.	Рукопись.	45, 28

Старая Ладога. Раскопки и исследования разных лет

	1958		Староладожская экспедиция. Начальник В. И. Равдоникас.		
9.	1958	Д. 3	Рисунки деревянных изделий, найденных на Земляном городище.	Рисунки.	114
10.		Д. 5	Отчет о раскопках в Староладожской крепости. Дневник с описью находок и чертежи шурфа.	Машинопись.	47
11.		Д. 6	Отчет о раскопках в Староладожской крепости. Чертежи.	Чертежи. Тушь.	10
12.		Д. 7	Отчет о раскопках в Староладожской крепости. План и разрезы.	Чертежи. Тушь. Ныне в Фонде Р-І.	1
13.		Д. 10	Отчет о разведке на территории Староладожской Каменной Крепости в 1958 г. С описями находок, чертежами, фотографиями и актом передачи находок в Эрмитаж.	Машинопись.	44
14.	1965	Д. 114	Отчет о результатах командировки в Старую Ладугу (осмотр траншеи, вырытой для прокладки водопровода).	Машинопись.	4
	1968		Староладожский отряд. Начальник Г.Ф. Корзухина.		
15.	1968	Д. 65-а	Отчет о раскопке могильника на урочище Плакун близ д. Малое Чернавино. Дневник работ.	Рукопись.	51
16.		Д. 66	Отчет о раскопке могильника на урочище Плакун близ д. Малое Чернавино.	Машинопись.	24
17.		Д. 67	Отчет о раскопке могильника на урочище. Плакун близ д. Малое Чернавино. Альбом иллюстраций.	Альбом фотографий.	19
18.		Д. 68	Отчет о раскопке могильника на урочище. Плакун близ д. Малое Чернавино. Опись находок.	Машинопись.	6

19.		Д. 69	Отчет о раскопке могильника на урочище. Плакун близ д. Малое Черनावино. Чертежи полевые.	Чертежи. Карандаш.	22
20		Д. 69а	Отчет о раскопке могильника на урочище. Плакун близ д. Малое Черनावино. Чертежи чистовые.	Чертежи. Тушь.	7
21.	1968	Д. 70.	Отчет о поездке в Старую Ладугу в связи с прокладкой водопроводной трубы по Варяжской улице.	Машинопись.	3
22		Д. 71.	Отчет о поездке в Старую Ладугу в связи с прокладкой водопроводной трубы по Варяжской улице. Полевой план водопроводной траншеи по Варяжской.	Чертеж. Карандаш	1

Торопецкий отряд. Начальник Г.Ф. Корзухина

23.	1960	Д. 3	Отчет Корзухиной Г.Ф. и Малевской М.В. о раскопках на Малом Торопецком городище в 1960 г. с альбомом иллюстраций.	Машинопись.	138
24.		Д. 30	Отчет Корзухиной Г.Ф. и Малевской М.В. о раскопках на Малом Торопецком городище в 1960 г. Чертежи чистовые за 1960–1961 гг.	Чертежи. Тушь.	15. Р-I
25.		Д. 31	Отчет Корзухиной Г.Ф. и Малевской М.В. о раскопках на Малом Торопецком городище в 1960 г. Чертежи полевые за 1960 г.	Чертежи. Карандаш.	145
26.		Д. 32	Отчет Корзухиной Г.Ф. и Малевской М.В. о раскопках на Малом Торопецком городище в 1960 г. Дневник лаборанта Лаушкина.	Рукопись.	54
27.		Д. 33	Отчет Корзухиной Г.Ф. и Малевской М.В. о раскопках на Малом Торопецком городище в 1960 г. Дневник лаборанта Веребьюсовой.	Рукопись.	14
28.		Д. 34	Отчет Корзухиной Г.Ф. и Малевской М.В. о раскопках на Малом Торопецком городище в 1960 г. Дневник М.В. Малевской.	Рукопись.	69
29.		Д. 35	Отчет Корзухиной Г.Ф. и Малевской М.В. о раскопках на Малом Торопецком городище в 1960 г. Нивелировочный журнал.	Рукопись.	98
30.		Д. 36	Отчет Корзухиной Г.Ф. и Малевской М.В. о раскопках на Малом Торопецком городище в 1960 г. Полевая опись находок.	Рукопись.	29
31.		Д. 37	Отчет Корзухиной Г.Ф. и Малевской М.В. о раскопках на Малом Торопецком городище в 1960 г. Инвентарная опись находок.	Машинопись.	97
32.	1961	Д. 144	Отчет Корзухиной Г.Ф. о раскопках на Малом Торопецком городище в 1961г. Полевые дневники.	Рукопись.	97 111
33.		Д. 145			
34.		Д. 146	Отчет Корзухиной Г.Ф. о раскопках на Малом Торопецком городище в 1961г. Нивелировочные журналы.	Рукопись.	13 9 9 10 11
35.		Д. 147			
36.		Д. 148			
37.		Д. 149			
38.		Д. 150			
39.		Д. 151	Отчет Корзухиной Г.Ф. о раскопках на Малом Торопецком городище в 1961г. с альбомом иллюстраций	Машинопись.	32
40.		Дд. 151а, 151б	Отчет Корзухиной Г.Ф. о раскопках на Малом Торопецком городище в 1961г. Описи.	Рукопись.	44 50
41.					
42.		Д. 152	Отчет Корзухиной Г.Ф. о раскопках на Малом Торопецком городище в 1961г. Полевые чертежи с описью.	Чертежи. Карандаш.	107+15
43.		Д. 153			

44.		Д. 154	Отчет Корзухиной Г.Ф. о раскопках на Малом Торопецком городище в 1961г. Чистовые чертежи – в Р–I.	Чертежи. Тушь.	26
-----	--	--------	---	----------------	----

Фонд 2. ГАИМК. Опись 1. 1918–1937. Д. 53: Авторские проспекты учебной книги «История народов СССР».

45.	1934	Д. 53. Лл. 80–81	План главы «Муромо-Рязанское княжество в XII – нач. XIII вв.»	Рукопись, машинопись.	2
46.	1934	Д. 53, Лл. 121– 124	План главы «Муромо-Рязанское княжество в XII –XV вв.»	Рукопись, машинопись.	4

Фонд 312. Научно – организационная документация. ИИМК – ЛОИА – ИИМК РАН. Опись 1.

47.	Оп. 1. 1945 г.	Д. 237. Л. 44	Русские клады XI –XIII вв. (вопросы датировки). Тезисы доклада	Машинопись.	1
48.	Оп. 1. 1947 г.	Д. 264. Лл. 32, 62	Древнерусское прикладное искусство IX–XIII. Ч.1. Прикладное искусство древней Руси IX–X вв. (языческий период). Тезисы доклада	Машинопись.	2
49.	Оп. 1. 1952 г.	Д. 356. Л. 14	Отзыв о статье в «Правде» по поводу Хазарского каганата	Машинопись.	1
50.	Оп. 1.	Д. 371. Л. 120	К истории среднего Поднепровья сер. 1 тыс. н. э. Тезисы доклада	Машинопись.	1
51.	Оп. 1.	Д. 383. Л. 63	Забывшие памятники среднего Поднепровья III–IX вв. Тезисы доклада	Машинопись.	1
52.	Оп. 1.	Д. 447. Л. 101	Раскопки в Староладожской каменной крепости в 1958 г. Тезисы доклада	Машинопись.	1
53.	Оп. 1.	Д. 490. Л. 96	Раскопки в Торопце в 1961 г. Тезисы доклада	Машинопись.	1

О Г.Ф. Корзухиной: личные дела

Фонд 2. ГАИМК. Опись 3. Личные дела сотрудников

Д. 308. — Дело Г.Ф. Ворониной [зачеркнуто архивариусом. — *Ред.*]-Корзухиной. Галя (Sic! — *Ред.*) Фёдоровна. Декабрь 1926 – июль 1930 гг.
Аспирантура

Фонд 35. ИИМК–ЛОИА–ИИМК РАН. Опись 5. Личные дела сотрудников

Д. 153. — Личное дело. Корзухина Г.Ф. 10.12.1956-07-03.1957

Материалы, связанные с конкурсом на замещение должности снс

Д. 358. — Личное дело. Корзухина Гали Фёдоровна. 20.04.46 – 01.03.1971

Н.В. Пивоварова (Санкт-Петербург)

Г.Ф. КОРЗУХИНА В РУССКОМ МУЗЕЕ. О НЕКОТОРЫХ НЕИЗВЕСТНЫХ ФАКТАХ БИОГРАФИИ УЧЕНОГО¹

В биографии Гали Фёдоровны Корзухиной (1906–1974), основные вехи которой очерчены в нескольких публикациях (Гуревич 1987: 291–293; Корзухина, Пескова 2003: 9), был короткий период, связанный с работой в Государственном Русском музее. До сих пор он не получил достаточного освещения в литературе. Мало кому известно, что скрывалось за словами «хранитель фонда древнерусского прикладного искусства» и почему пребывание Корзухиной в Русском музее оказалось столь непродолжительным.

Согласно личной карточке (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 2а. Д. 51. Л. 18), Г.Ф. Корзухина состояла на службе в Русском музее с 26 октября 1935 по 7 декабря 1938 г. Спустя два дня по зачислении на должность старшего научного сотрудника Отдела древнерусского искусства, она была назначена хранителем фонда прикладного искусства. Работа музейного хранителя в 1930-е гг. была не из легких. Интенсивный приток поступлений памятников прикладного искусства в ГРМ в 1920-е – 1930-е гг. требовал проведения срочной систематизации и инвентаризации музейных коллекций. В это время в музей одно за другим поступали собрания из древлехрамения Александрово-Невской лавры, Аничкова дворца, Музейного фонда, Государственного Эрмитажа, Академии истории материальной культуры и др. В состав этих собраний входили памятники прикладного искусства: церковное серебро, произведения мелкой пластики из камня, металла и кости, изделия златошвейных мастерских. Особенно многочисленными среди них были коллекции, ранее хранившиеся в Византийском отделении Государственного Эрмитажа² и на Складе древностей Государственной Академии истории материальной культуры. Часть из них была добыта раскопками, производившимися в Киеве, Чернигове, Владимире, Старой Рязани. Именно эти находки стали впоследствии объектом пристального внимания Г.Ф. Корзухиной, посвятившей свои основополагающие статьи и монографии систематизации и атрибуции данных произведений. К сожалению, скупая документация на поступавшие коллекции во многих случаях не позволяла точно установить места находок памятников или их прежних владельцев. При составлении инвентарей в ГРМ в них заносились название, приблизительная датировка, размеры, материал, техника исполнения памятников и многочисленные номера, которые в 1920–1930-е гг. не стремились расшифровать.

Приступив к инвентаризации вновь поступавших памятников, Г.Ф. Корзухина задалась целью прояснить происхождение и источники поступления отдельных коллекций, переданных в ГРМ в предшествующие годы. Работа архивистом в ИИМК в 1934–1935 гг. позволила частично выполнить эту задачу. Свидетельством тому — инвентари древнерусского прикладного искусства ГРМ, сохранившие собственноручные пометы Гали Фёдоровны. На основе архивных дел ГАИМК

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ: проект № 06-04-00344а «Подписные произведения древнерусской светской и церковной утвари в собрании Государственного Русского музея: история коллекции, типология, атрибуция, лингво-текстологический комментарий».

² Подробнее об этом поступлении см.: Пивоварова 2008: 544–557.

Г.Ф. Корзухина выявила в фонде прикладного искусства несколько археологических коллекций, переданных в Русский музей из ГАИМК в 1930 г.³ В их числе были: археологические находки из деревни Рапти Лужского уезда Петербургской губернии и из села Киково Новгород-Волынского уезда Волынской губернии; клад, найденный около села Путилово Ленинградской губернии; отдельные археологические предметы из коллекций гр. А.А. Бобринского и псковского собирателя Ф.М. Плюшкина и т.д. Записи в инвентарных книгах были сделаны Корзухиной очень тщательно, четким каллиграфическим почерком и, что особенно важно, содержали ссылки на архивные дела ГАИМК. Приведем для примера две такие записи: «Колл<екция> Плюшкина, приобр<етенная> во Пскове в 1913 г. д. № 57 за 1913 г.»;⁴ «Ст. Назия, Мурм<анской> ж<елезной> д<ороги>, ок<оло> с<ела> Путилова Лен<инградской> губ<ернии> и у<езда> Доставлен инж<енером> Бобровым в V.1927 г. Архив ГАИМК, ф. 2, д. 92 за 1927 г.» (рис. 1).⁵ Добавим от себя, что здесь вкралась лишь одна неточность: Бобров был не инженером, а следователем.

Листая старый инвентарь собрания прикладного искусства ГРМ, можно встретить и другие пометы Гали Фёдоровны, демонстрирующие ее прекрасные знания в области материалов и техники древнерусских мастеров. Так, скупые сведения об одном из змеевиков дополняет ее уточнение: «колокольный металл» (инв. № 11151 (совр. № ДРМ-1423)). Подобные указания можно умножить.

Работа хранителя предполагала исполнение и иных обязанностей. Среди материалов Ведомственного архива ГРМ сохранились несколько заключений об экспонатах Отдела древнерусского искусства, составленных Г.Ф. Корзухиной по поручению дирекции. Одно из них, датированное 8 марта 1937 г., касается знаменитого макарьевского амвона 1533 г., затребованного в это время Новгородским музеем для экспонирования в Софийском соборе (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1196. Лл. 47–47 об.) (рис. 2). Описывая сложное состояние сохранности древнего памятника, любая перевозка которого чревата непредвиденными последствиями, Гали Фёдоровна выступает как настоящий хранитель, болеющий за вверенное его попечению имущество. «Для того, чтобы иметь возможность использовать печь в экспозиции (напомним, что еще с XIX в. амвон отождествляли с Халдейской печью. — *Н. П.*), Новгородский Музей должен будет произвести ее реставрацию, что весьма не желательно. Перевозка амвона и установка его в сыром неотапливаемом соборе может плохо повлиять на дерево, которое крайне ветхо, и на остатки старой раскраски фигур». Записка Корзухиной директору ГРМ А.Г. Сафронову сыграла свою роль. Амвон остался в собрании Русского музея, где до настоящего времени является одним из самых ценных экспонатов фонда «Древнерусского дерева» (инв. № ДРД-443).

Подобно другим хранителям, Гали Фёдоровна участвовала в отборе новых экспонатов для собрания Русского музея. В начале 1938 г. она давала заключение о коллекции произведений древнерусского медного литья, принадлежавшей «гражданке Моль» (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1278. Лл. 5, 35), а полутора годами ранее — 22 сентября 1936 г. принесла в дар Русскому музею собственную коллекцию (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1114. Л. 129). Она состояла из 34 памятников: 33 предметов медного литья XV–XIX вв., происходящих из Владимирской губернии, и одного предмета лицевого шитья — покрывца «Распятие» XV в. из Солотчинского монастыря Рязанской губернии (инв. № ДРТ-144) (цв. вкл. 1).

Однако, не все складывалось благополучно в музейной биографии Гали Фёдоровны. В 1936 г. в связи с работой комиссии по расследованию деятельности заведующего Отделом древнерусского искусства ГРМ М.К. Каргера (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1094) специально рассматривался вопрос о ее научной квалификации и соответствии занимаемой должности научного сотрудника художественного музея. В сентябре 1936 г. профессор А.И. Некрасов дал заключение о работе Корзухиной «Старо-Рязанский клад 1868 г.» (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1094. Л. 11). Охарактеризовав работу Гали Фёдоровны как «очень интересное сочинение по истории материальной культуры, обнаруживающее хорошие познания и критический ум», рецензент в то же время отметил, что оно (сочинение. — *Н. П.*) не имеет никакого отношения к искусству и художественному музею. «Это сочинение, — писал далее Некрасов, — дает право автору быть консультантом в отдельных случаях в Музеях подобного рода». В протоколе заседания Локального Бюро Секции Научных Работников от 5 ноября 1936 г. по вопросу о научной квалификации Г.Ф. Корзухиной было, в частности, записано: «Экспозиционной работы не вела; составленный ею каталог кладов, согласно обследованию <...> не может быть признан научно-исследовательской работой, т.к. дает лишь музейно-хранительское описание материала. Т.к. научная работа специалиста по истории материальной культуры является в Художественном музее лишь подсобной и не может иметь здесь определяющего значения, Локальное Бюро считает, что научная специализация Корзухиной не

³ Эта работа отражена в картотеках Г.Ф. Корзухиной, ныне хранящихся в Отделе древнерусского искусства ГРМ.

⁴ Дополнение к описанию инв. № 11011 (совр. № БК-2456).

⁵ Дополнение к описанию инв. № 11016 (совр. № БК-2701).

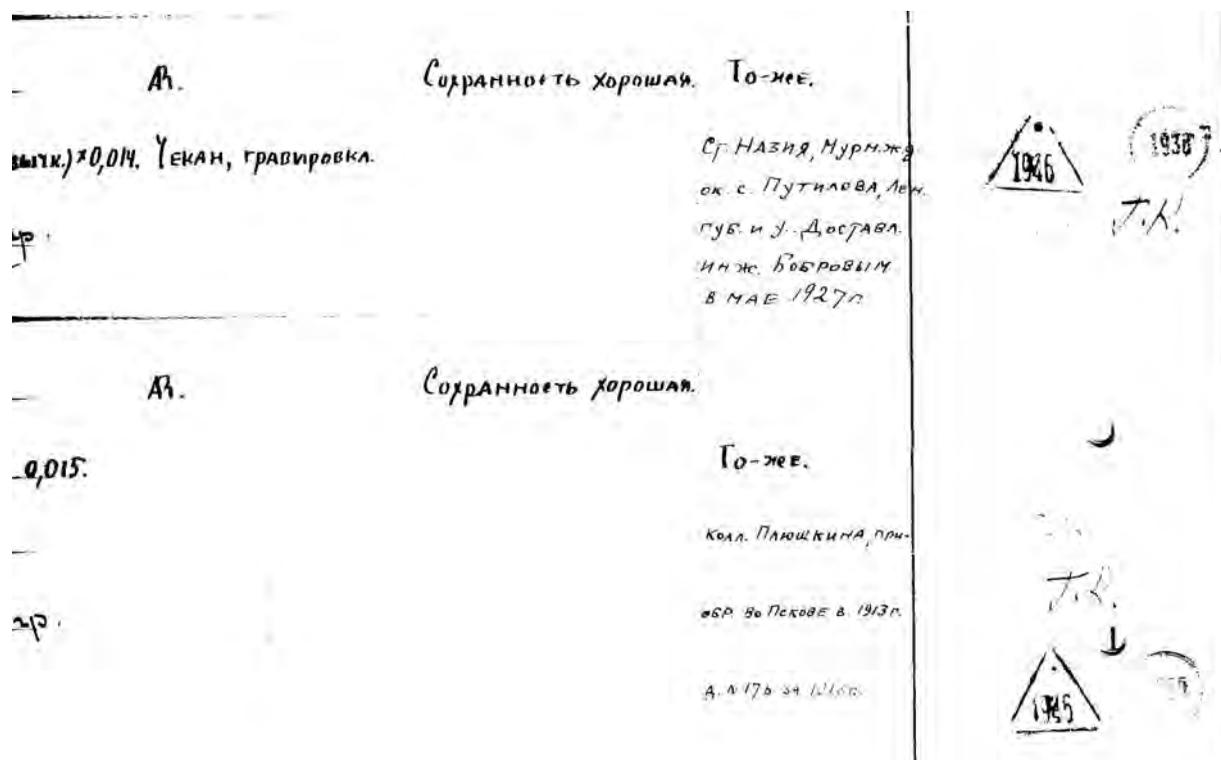

Рис. 1. Лист из инвентаря Отдела древнерусского искусства ГРМ с пометами Г.Ф. Корзухиной

соответствует занимаемой ей должности штатного ст. н. с. Отдела, специалиста по древнерусскому искусству» (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1094. Л. 10). Несмотря на такое заключение, Корзухина проработала в музее еще два года. В декабре 1938 г. она подала заявление об уходе из ГРМ по собственному желанию и всецело посвятила себя изучению памятников материальной культуры.

Опыт музейной работы не прошел для Г.Ф. Корзухиной даром. В ее статьях и монографиях фигурировали памятники из собрания древнерусского отдела Русского музея, в первую очередь те, происхождение которых ей удалось определить на основе архивных документов.⁶ В то же время она учитывала и «беспаспортные» и «депаспортизированные» в ГРМ памятники. Неоднократные упоминания о таких предметах мы находим в изданной А.А. Песковой книге «Древнерусские энколпионы» (Корзухина, Пескова 2003).

Безусловно, если бы пребывание Г.Ф. Корзухиной в Русском музее оказалось продолжительнее, мы имели бы публикацию коллекции древнерусского серебра, которую она хранила и изучала.⁷ Не приходится сомневаться, что столь же основательно были бы выявлены источники поступления в Русский музей произведений светской и церковной утвари из драгоценных металлов, осмыслена их типология, произведена тщательная атрибуция памятников. С уходом Гали Фёдоровны из Русского музея коллекцией серебра занимались Е.И. Кутилова, К.В. Корнилович, И.И. Плешанова, однако полного научного каталога серебра до сих пор не создано.⁸

⁶ См., например: Корзухина 1954. Ч. II: Перечень кладов; Корзухина 1950: 219, 222, 224, 225, 226, 229–230, 239–240, 244 и др. Среди архивных документов ГРМ сохранились несколько рукописей статей Г.Ф. Корзухиной, написанных во время ее работы в Русском музее, например: Ювелирное искусство Владимиро-Суздальской земли во 2 половине XII века. Машинопись (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1303). В научном архиве Отдела древнерусского искусства хранится рукопись составленного ею каталога русских кладов (рис. 3). Именно эта тема являлась основной на протяжении 1936–1938 гг.

⁷ Г.Ф. Корзухина занимала ответственную должность хранителя Бронекладовой, чем был обусловлен выбор второй научной темы, связанной с памятниками русского сереброрелия. В планах и отчетах Отдела древнерусского искусства за 1937–1938 гг. фигурирует составляемый ею каталог серебра XV–XVII вв.

⁸ Серьезная работа в области изучения церковного и светского серебра была произведена в конце 1950-х гг. К.В. Корнилович, составившей каталог отдельных памятников из собрания Русского музея. Этот каталог вошел в качестве приложения в кандидатскую диссертацию исследователя. См.: Корнилович 1961.

Ситуация с существованием многочисленных беспаспортных произведений древнерусского прикладного искусства, поступивших в Русский музей в 1920–1930-е гг., послужила импульсом к работе по определению происхождения и истории бытования памятников. В расчет были приняты не только археологические коллекции, как в свое время сделала Г.Ф. Корзухина, но и собрание древнерусского прикладного искусства в целом. Работа с документами архива Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры позволила отчасти выполнить поставленную задачу. Сопоставляя номера в актах, книгах поступлений, описях коллекций, удалось определить происхождение нескольких сотен произведений, ныне хранящихся в собрании ГРМ. В первую очередь это относится к памятникам, переданным в Русский музей из Государственного Эрмитажа. Так в фондах музея были

Директору ГРМ и Софронову.

На ваш запрос относительно передачи
гос. Новгородскому музею Макаравского ам-
вона сообщено следующее.

Макаравский амвон или «каудинская пещь»
1533: (а не 1535.) является одним из древней-
ших памятников деревянной резьбы в собра-
нии ГРМ. Фундаментальное деревянное фигур, по-
держивающее пещь снизу, является самым
древним стилизованным изображением
использовавшимся в искусстве. В настоящее время
по древнейшей деревянной резьбе в Европе
взята тема (сопр. Толочкой) и естественно
в первую очередь сотрудничать замечатель-
ными фигурами пещи. В ближайшем времени пещь
будет собрана и установлена в одной из
комнат запаса, т.к. ввиду угрозы в верх-
них частях орнаментальной резьбы она
не может находиться в экспозиции, но бу-
дет доступна для обозрения в запасе. Для
этого чтобы иметь возможность не только
взять пещь в экспозицию, Новгородский
музей должен будет произвести ее реставра-
цию, что весьма нежелательно. Кроме
возра амвона и установка его в софит
монументального собора может быть покла-
дана на дерево, которое крайке ветки и на
остатки старой раскраски фигур

Рис. 2. Записка Г.Ф. Корзухиной об амвоне новгородского Софийского собора
(ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1196. Лл. 47–47 об.)

В древней Руси было известно 3 "каменных
 пицци" — в Вологде, в Московском Це-
 мском соборе и в Новгородском Софийском
 соборе, но только последняя сохранилась
 до наших дней, а Московская известна
 только по миниатюре Царьвекиного ле-
 тисца XVI в. Поэтому амвон Русского музея,
 связанный с интересной полу-азиатским,
 полу-христианским типом "пиццио фриссва"
 является уникальным памятником и
 должен находиться в музее центрального
 значения.

Г. Корзухина
 8-III-27.

Рис. 2 (продолжение). Записка Г.Ф. Корзухиной об амвоне новгородского Софийского собора
 (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1196. Лл. 47–47 об.). Оборот

выявлены произведения из разрозненных частных коллекций: Ю. Балашевича, А.П. Базиловского, графа А.А. Мусина-Пушкина, гр. Ф.И. Паскевича-Эриванского, гр. Строгановых, А.К. Фаберже (Пивоварова 2007: 505–514). В их числе имеются как произведения ювелирного искусства, так и изделия из дерева, кости и металла.

Особое место среди изделий из серебра занимают две братины, кубок, три ковша и драгоценный, инкрустированный камнями ларец, поступившие в ГРМ из Эрмитажа в 1939 г. Удалось определить, что они составляли часть собрания великого князя Алексея Александровича, приобретенного для Эрмитажа в 1909 г. Дополнительную ценность этим памятникам придают гравированные надписи, свидетельствующие об их принадлежности царю Феодору Алексеевичу (кубок, конец XVII в., инв. № БК-2999), Никите Васильевичу Ромодановскому (ковшик, первая половина XVII в., инв. № БК-2982), Ивану Пругавину и Агею Шепелеву (два ковша, датируемые 1694 и 1661 гг., инв. №№ БК-3164, БК-2990), Василию Михайлову Волкову и Никите Федоровичу Панину (братины XVII в., инв. №№ БК-3158, 3166). Ценнейшим экспонатом в коллекции подписных произведений из серебра является также чаша патриарха Никона, датируемая 1652–1660 гг. (инв. № БК-3162). Сведения о ней сохранились в архивных документах. До 1922 г. чаша хранилась в ризнице Александро-Невской лавры, откуда поступила в Византийское отделение Эрмитажа, где находилась вплоть до передачи в Русский музей в 1930 г.

Значительное место среди произведений древнерусского прикладного искусства, переданных в Русский музей из Эрмитажа, занимали памятники, хранившиеся в Музее Центрального училища технического рисования барона А.Л. Штигица. В их числе несколько превосходных памятников серебряной светской утвари, произведения лицевого шитья (подробнее: Лихачева 1997: 116–124) и богатая археологическая коллекция, составленная трудами новгородского археолога-любителя В.А. Квашонкина (подробнее о нем: Любчикова 2002: 271–277). В ходе работ удалось выяснить, что часть произведений, числившихся в инвентарях Русского музея поступившими из Музея Штигица, в действительности принадлежала Музею Общества поощрения художеств, откуда была перемещена в Музей училища Штигица, а затем в Эрмитаж. Таким образом был выяснен источник поступления нескольких костяных и деревянных образков (инв. №№ ДРК-50, 86, ДРД-51, 54), медного блюда XVII в. (инв. № ДРМ-3149), двух книжных застёжек (инв. № ДРМ-2728 а, б), коробочки для жемчуга

Кам. № ; инв. № 4741
 общ. Вес: 22, 17 гр.
 колечко { 0,011 x 0,003
 0,011 x 0,005
 Размер: общ. длина 0,19.

53 ~~золотых~~ колечка в саксонском
 Золота найденные в составе клада во дворе Михайло-Знаменского
 монастыря в Киеве в 1887 г. Колечко в виде голого валика попереч-
 ного для бок с 12 гранями по краям (изнутри, со стороны) 20-
 рогами (по 6 с каждой стороны). На некоторых колечках
 обе половинки стайки не тюрно и между ними махель-
 камушек. Сохранность хорошая. Несколько колечек слегка по-
 выгнуты.

Аналогичные колечки (110 штук), но несколько иных размеров
 найдены в этом же кладе, см. Кам. № (инв. № 4742-4743).

Поступили в музей фр.-русск. экз-ва ГРМ из Ряз. отделения Гос. Эрмитажа 13-V. 1930г.

Литература: Н.П. Кандаков, "Русские клады", I, 1896, с. 135.
 Э.Ривс Талли, фонд МАК (VI), 1887, г. № 2, ч. л. 93 и сл.

11-III. 36. Т. Корзухина

Рис. 3. Г.Ф. Корзухина. Описание для каталога русских кладов (Научный архив ОДРИ ГРМ)

(инв. № БК-3140), чернильниц и других произведений, частично опубликованных в каталоге Музея Общества поощрения художеств.⁹ Особое место среди бывших экспонатов Музея Общества поощрения художеств занимает mitra архиепископа Вологодского и Белозерского Гавриила, датируемая по надписи 1685 г. (инв. № БК-3086).

Систематизация сведений о предметах из археологических коллекций, переданных через Государственный Эрмитаж и Академию истории материальной культуры, позволила выявить в собрании ГРМ отдельные предметы, поступившие в Музей училища Штигилица (МУШ) от Е.П. Султановой, петербургского и киевского антиквариера М.М. Савостина и И.А. Богданова, В.Е. Гезе, и большую группу памятников, добытых раскопками Н.Ф. Романченко и Н.И. Репникова в Старой Ладого, Старице и других местах (подробнее: Пивоварова 2007б: 109–110). Некоторые сведения, приведенные в работах Г.Ф. Корзухиной, удалось уточнить на основе книги поступлений Склада древностей ГАИМК. Именно номера книг поступлений, наклеенные на предметы и занесенные в инвентари ГРМ, нередко дают точные привязки находок к местам археологических раскопок.

Литература

Гуревич 1987 — Гуревич Ф.Д. Гали Федоровна Корзухина (к 80-летию со дня рождения) // СА. № 2. 1987.

Корзухина 1950 — Корзухина Г.Ф. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания // СА. Т. XIV. 1950.

Корзухина 1954 — Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.

⁹ Значительный интерес представляет сравнительно небольшая коллекция памятников лицевого и орнаментального шитья, поступившая в ГРМ из Музея Общества через МУШ: инв. №№ ДРТ-21, 25, 26, 29, 148, 151, 352, 353, 355, 358–362, 365, 366, 370–373, 375–377. Подробнее см.: Пивоварова, в печати.

Корзухина, Пескова 2003 — *Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII веков. СПб., 2003.

Корнилович 1961 — *Корнилович К.В.* Из истории русского серебряного дела. Дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1961.

Лихачева 1997 — *Лихачева Л.Д.* Произведения древнерусского шитья из Музея ЦУТР барона А.Л. Штигица в собрании Русского музея // Сборник материалов Всероссийской юбилейной конференции «Учебный художественный музей и современный художественный процесс». К 50-летию воссоздания Ленинградского художественно-промышленного училища и его музея (б. Центральное училище технического рисования барона А.Л. Штигица). СПб., 1997.

Любчикова 2002 — *Любчикова Е.А.* В.А. Квашонкин и его коллекция новгородских древностей // Судьбы музейных коллекций. Материалы VI Царскосельской научной конференции. СПб., 2002.

Пивоварова 2007а — *Пивоварова Н.В.* К истории коллекции древнерусского церковного и светского серебра Государственного Русского музея // Искусство христианского мира. Вып. X. 2007.

Пивоварова 2007б — *Пивоварова Н.В.* Памятники новгородской древности в Музее барона А.Л. Штигица // Новгородский архивный вестник. Научно-публикаторское издание. № 6. Великий Новгород, 2007.

Пивоварова 2008 — *Пивоварова Н.В.* «В порядке социалистического соревнования...». К предыстории обмена экспонатами между Отделением византийского Средневековья Государственного Эрмитажа и Отделением древнерусского искусства Государственного Русского музея // Византия в контексте мировой культуры. Научная конференция, посвященная столетию со дня рождения Алисы Владимировны Банк (1906–1984). СПб., 2008.

Пивоварова, в печати — *Пивоварова Н.В.* К истории формирования коллекции древнерусского шитья Государственного Русского музея в 1920-е – 1930-е гг. СПб.

Архивные материалы

ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 2 а. Д. 51: Личные карточки сотрудников ГРМ.

ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1094: Документы комиссии по обследованию деятельности М.К. Каргера и Отдела древнерусского искусства. 04.04–14.12.1936.

ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1114: Заявления о продаже музею. 1936–1939.

ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1196: Переписка с музеями Москвы, Киева, Новгорода, Татарии, Армении и др. об обмене художественными произведениями и высылке фотографий с картин, копий, об организации передвижных выставок. 01–11.1937.

ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1278: По Отделу древнерусского искусства. 24.01–23.12.1938.

ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1303: *Г.Ф. Корзухина.* Ювелирное искусство Владимиро-Суздальской земли во 2-ой половине XII века. Статья. Машинопись.

II

ЮВЕЛИРНОЕ ДЕЛО НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В III-VIII вв.: ЭМАЛИ И «ДРЕВНОСТИ АНТОВ»

В.С. Аксёнов (Харьков)

ВЕЩИ СЛАВЯНСКОГО ОБЛИКА НА САЛТОВСКИХ ПАМЯТНИКАХ ВЕРХНЕГО ПОДОНЕЧЬЯ

Бассейн Северского Донца и Оскола рассматривается большинством исследователей как район, где наиболее показательно прослеживаются контакты позднепеньковского и салтовского населения (Афанасьев 1987: 168–187; Любичев 1994: 88–91). Здесь известно несколько салтовских погребальных комплексов, в которых присутствуют вещи славянского облика.¹

В *катакомбе № 21* Старо-Салтовского могильника, в левой части грудной клетки женского костяка была обнаружена частично поврежденная в древности, но использовавшаяся по назначению, бронзовая антропо-зооморфная фибула (рис. 1: 1). Аналогичные фибулы, украшенные протомами коней, характерны для памятников пеньковского круга, и время их бытования не выходит за рамки VII в. (Амброз 1993: рис. 3: 24–26; Приходнюк 1998: рис. 10: 23, 24). Находка подобной фибулы в закрытом комплексе салтовской культуры — явление уникальное, хотя ранние вещи в салтовских захоронениях не редкость (Плетнева 1989: 111, 162; Михеев 1986: 168). Погребальный инвентарь, обнаруженный в катакомбе № 21, позволяет в целом датировать ее второй половиной VIII в. В катакомбе содержалось парное захоронение (мужчина и женщина). Первоначально в камеру было помещено тело мужчины, а спустя некоторое время к нему была подзахоронена умершая женщина. При этом костяк мужчины оказался несколько сдвинут к боковой стенке камеры, но сохранился его анатомический порядок. Поясной набор (пряжка византийского типа, штампованные бляшки) (рис. 1: 7–9), сопровождавший мужчину (Аксёнов 1999: рис. 7: 24–26), показывает, что захоронение было совершено в 40–50 гг. VIII в. (Гавритухин 2005: рис. 1: 104–106). Салтовский поясной набор (рис. 1: 2–5), сопровождавший погребенную в этой же катакомбе женщину с антропо-зооморфной фибулой пеньковского типа, позволяет датировать погребение 750–770 гг. (Гавритухин 2005: рис. 1: 100–102; Комар 1999: табл. 4: 131–133).

В *катакомбе № 42* Верхне-Салтовского могильника (раскопки В.Г. Бородулина 1986 г.) на женском костяке № 2 в области груди была найдена бронзовая трапециевидная подвеска с тремя пробитыми в верхней части отверстиями для подвешивания (рис. 1: 10). Боковые стороны подвески были украшены рубчатой каемкой, в нижней части подвеска орнаментирована широкой каймой из трех рядов тисненых мелких бусин. Подвески подобного типа встречены в Хацках, Новой Одессе, Козиевке, Судже, на ряде других пеньковских памятников (Корзухина 1996: табл. 22: 15–22; 45: 10–13; 53: 13, 14; 67: 1–5; 78: 3). К сожалению, в данной катакомбе отсутствовали узко датируемые вещи. Однако, общий облик инвентаря, наличие в его составе коромысловидной копоушки с петлей для подвешивания (рис. 1: 11) (тип 2 по С.А. Плетневой), типологический состав бусинного материала, позволяет датировать данный комплекс второй половиной VIII — серединой IX в. Выше названные вещи характерны для ранней группы катакомбных захоронений Дмитриевского могильника (Плетнева 1989: 157, 158), погребений других могильников верхнего Подонцовья (например: катакомба № 21 Старо-Салтовского могильника) (Аксёнов 1999: рис. 7: 13).

¹Хочу выразить свою признательность В.Г. Бородулину и В.К. Михееву за возможность ознакомиться с материалами их раскопок.

В катакомбе № 24 Верхне-Салтовского могильника (раскопки В.Г. Бородулина 1984 г.) была обнаружена литая трапецевидная подвеска размером 2,5–3,0 × 2,5 см с ушком для подвешивания (рис. 1: 12). Вдоль края подвески идет рубчатая каемка, оконтуренное каемкой поле подвески украшено девятью (три ряда по три) солярными знаками в виде круга диаметром 4 мм с точкой внутри. Подобные подвески с солярной символикой, но квадратной формы и вырезанные из пластины, происходят из Козиевки и Новой Одессы (Корзухина 1996: табл. 45: 9; 52: 1–4). Сближает данную подвеску с изделиями пеньковского времени использование для ее получения свинцово-оловянного сплава (Егорьков, Щеглова 2000). Камера катакомбы № 24 содержала коллективное захоронение (трое взрослых, двое детей). Из захоронения происходят элементы поясной гарнитуры, которые позволяют достаточно хорошо датировать данную катакомбу. Так, здесь найдены штампованные бляшки подквадратной формы, в нижней части которых имеется имитация прямоугольной петельки (рис. 1: 16). Данные изделия являются подражанием литым бляшкам, происходящим из комплексов предсалтовского времени (Комар 1999: табл. 3: 20). Поле бляшек украшено тисненым орнаментом, аналогичным орнаменту, отмеченному на бляшках из ранней катакомбы № 143 Дмитриевского могильника (Плетнева 1989: рис. 86). Штампованные бляшки разной формы с имитацией прямоугольной петли для подвешивания в нижней части характерны в основном для комплексов раннесалтовского времени (горизонт I / II по А.В. Комару) (Комар 1999: табл. 4: 12, 13, 15, 16). Это позволяет датировать катакомбу № 24 Верхне-Салтовского могильника 760–790 гг. (Гавритухин 2005: рис. 1: 116; Комар 1999: табл. 4: 131–133). Не противоречат такой датировке комплекса обнаруженные здесь же штампованные бляшки (рис. 1: 15), являющиеся подражанием подкововидным бляшкам с округлыми расширениями на концах и посередине дуги, встречающимся в памятниках 710–740 гг. (Гавритухин 2005: рис. 1: 166, 219, 220, 264, 266). Обнаруженные в катакомбе № 24 литая копоушка с фигурной ручкой в виде цепочки из колец (рис. 1: 13) и поясной разделитель на три ремешка, концы которого украшены стилизованными бутонами лотоса (рис. 1: 14), только подтверждают нашу датировку комплекса.

Из урнового *трупосожжения* № 29 могильника Сухая Гомольша происходит круглая подвеска диаметром 5,0 см, вырезанная из бронзовой пластины вместе с ушком, загнутым назад и образующим петлю для подвешивания (рис. 1: 17). В центре подвески — двенадцать тисненых полусфер, композиционно составляющих ромб, внутри которого, находится еще одна тисненая полусфера, но несколько большего размера. По краю подвески идет широкая кайма из трех рядов тисненых мелких бусинок. Ближайшими аналогиями данной подвеске являются подвески Пастырского клада 1949 г., изготовленные из низкопробной серебряной пластины (Корзухина 1996: табл. 27: 1–3). Датруется данное погребение по входящим в его состав двум бронзовым поясным бляшкам (рис. 1: 19). Это листовидной формы бляшки, нижний край которых оформлен в виде неподвижной петельки для подвешивания. Поле бляшек украшено орнаментом в виде нераспустившегося цветка лотоса, который соответствует начальному этапу освоения салтовскими мастерами лотосовидного орнамента (горизонт II по А.В. Комару), датируемому концом VIII — началом IX в. (Комар 1999: табл. 4: 131–133; Фоякова 1986: 45, рис. 4: 2, 5). Не противоречит такой датировке нашего комплекса и обнаруженная в данном погребении ворворка в виде усеченной четырехгранной пирамиды (рис. 1: 18). На территории Крыма аналогичные изделия характерны для комплексов второй половины VIII в. (Айбабин 1993: рис. 2: 25, 123–124, 126).

В ямной *кремации* № 54 того же Сухогомольшанского могильника была обнаружена бронзовая подвеска-ворворка в виде полого усеченного конуса высотой 1,5 см, меньший диаметр — 0,5 см, больший диаметр — 2,6 см (рис. 1: 20). По нижнему краю проходит ряд мелких вертикальных насечек. Аналогичные изделия происходят из Козиевского и Гапоновского кладов, из погребения у с. Смородино (Корзухина 1996: табл. 46: 11–18; 54: 15–28; 60: 8–11; Гавритухин, Обломский 1996: рис. 33: 7–65). Время совершения данного погребения определяется по обнаруженным в захоронении поясному наконечнику (рис. 1: 23), поясной бляшке (рис. 1: 22) и бронзовому чумбурному блоку (рис. 1: 21). Бляшка представляет собой обычную литую прямоугольную рамку, наконечник — прямоугольной формы пластину, один край которой закруглен, на другом имеются два пятиугольной формы выступа для крепления его к кожаной основе. Края наконечника оформлены в виде слегка выпуклого гладкого бордюра. И наконечник, и поясная бляшка имеют облик, характерный для вещей горизонта II по А.В. Комару (Комар 1999: табл. 4: 131–133), и, следовательно, могут быть датированы концом VIII — началом IX в. Чумбурный блок, обнаруженный в данном захоронении, представлен типом, хорошо известным в салтовских древностях, однако центральная часть изделия оформлена в манере, не свойственной «классическим» салтовским древностям. Так, отверстие в фигурной рамке блока помещено в центр восьмилепестковой розетки. Подобный орнамент был обнаружен на бронзовом кистене из раннеболгарского кургана в Среднем

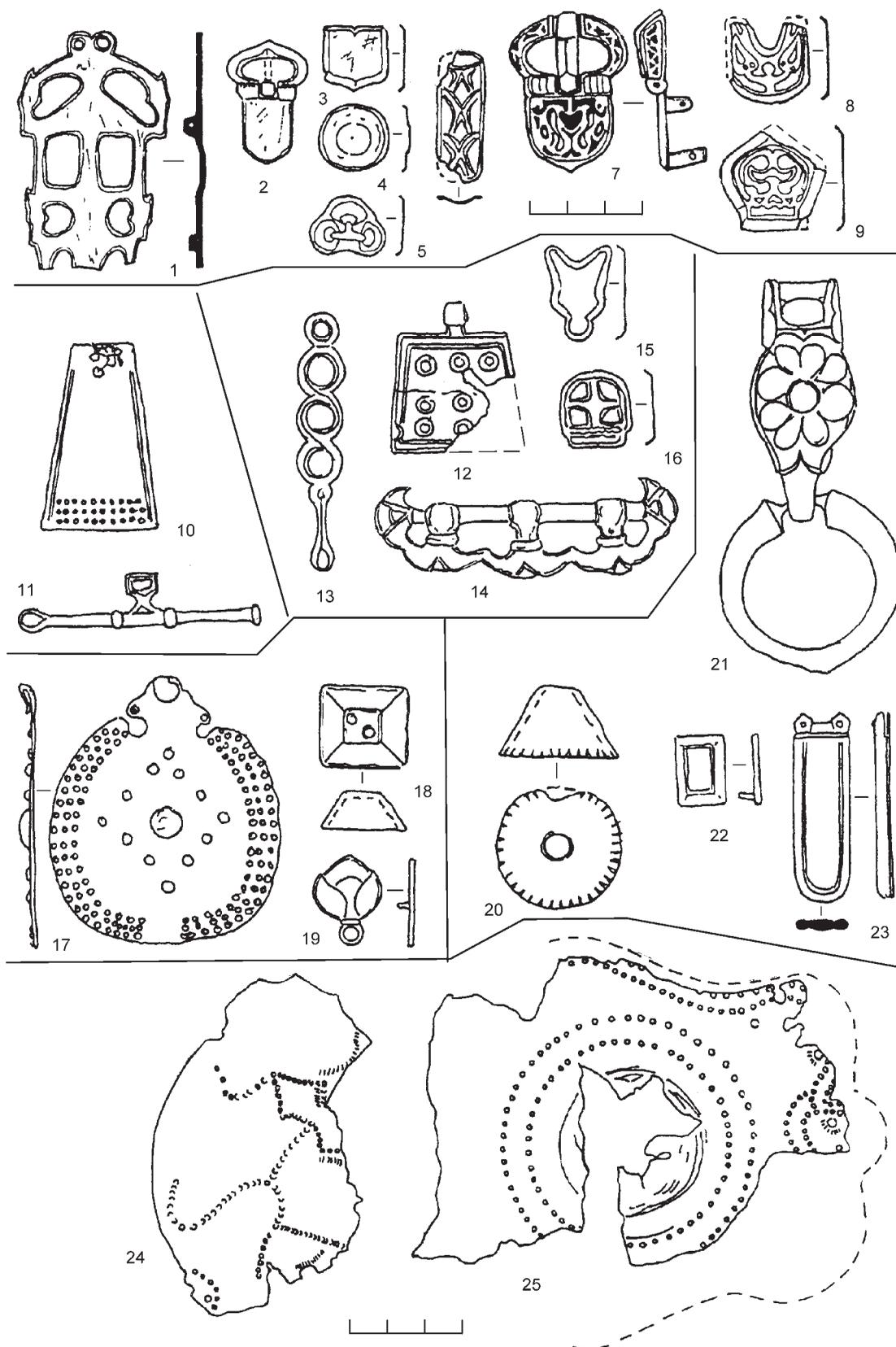

Рис. 1. Вещи славянского облика на салтовских памятниках верхнего Подонечья: 1–9 — Старо-Салтовский могильник, катакомба № 21; 10–16 — Верхне-Салтовский (основной) могильник: 10–11 — катакомба № 42, 12–16 — катакомба № 24; 17–25 — Сухогомольшанский кремационный могильник: 17–19 — погребение № 29, 20–23 — погребение № 54, 24–25 — погребение № 175, фрагменты конского начельника

Поволжье (к. 1, погр. 1, Брусяны III), датируемом второй половиной VII–VIII в. (Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998: рис. 24: 7). Сочетание в чумбурном блоке из погребения № 59 типичной для «классических» салтовских изделий формы с орнаментом, встречаемым на вещах предсалтовского времени, указывает на переходный характер данной вещи.

Таким образом, по погребальному инвентарю захоронения № 29 и 54 могильника Сухая Гомольша датируются концом VIII — началом IX в.

В совершенно не свойственном для салтово-маяцких древностей стиле оформлен конский начельник (рис. 1: 25) из кремационного *погребения № 175* могильника Сухая Гомольша. На сохранившемся фрагменте начельника нанесен точечный чеканный орнамент в виде двух параллельных линий, по-видимому, идущих вдоль края изделия. Место соединения трубочки султана с пластиной начельника украшено двумя линиями точечной окантовки. Орнамент нанесен пробойником с оборотной стороны изделия. При этом на оборотной стороне образовывались луночки, а на лицевой стороне — небольшие круглые выпуклости.

Аналогичную по стилю и по техническому исполнению орнаментацию мы видим на двупластинчатых антропоморфных фибулах с Пастырского городища (Приходнюк 1994: 65, рис. 4; Приходнюк 1998: 95, рис. 3), на антропоморфных фибулах из кладов первой половины VIII в. из Самгородка, Зайцева, Харивки (Щеглова 1990: рис. 9, 12, 13), на фибулах Ивахниковского клада (Макаренко 1908: табл. II: 8) и фибулах из Песчанки и Салтова (Амброз 1993: 182, рис. 3: 37; Приходнюк 1998а: рис. 10: 29), датируемых концом VIII — началом IX вв. Таким же тисненым орнаментом украшены пластины круглой, прямоугольной или трапециевидной формы, входившие в состав Пастырского клада 1949 г., в клады из Новой Одессы, Козиевки и Суджи (Корзухина 1996: 617, табл. 27: 1–3; 635, табл. 45: 9; 643, табл. 53: 3, 4, 8–10; 657, табл. 67: 1–5). Подобный орнамент отмечен на бронзовой пластинчатой подвеске из захоронения первой половины VIII в. (№ 59) могильника Мокрая Балка (Ковалевская 1996: рис. 6: 6).

Частью начельника, вероятно, является и обнаруженная в погребении № 175 бронзовая пластина, поле которой украшено сложным чеканным орнаментом в виде причудливо изогнутых линий (рис. 1: 24). Отчетливо видна вертикальная линия, заканчивающаяся на одном конце волутой, усложненной отростком. На втором конце вертикальная линия переходит в сложную остроконечную восьмеркоподобную фигуру, также усложненную двумя изогнутыми отростками. Орнамент выполнен оттиском пуансона, поставленного под углом к пластине, о чем свидетельствуют оставшиеся на металлической пластине следы в виде полукруга, образующие изогнутые линии орнамента. Стилистически узор на пластине начельника близок орнаменту, нанесенному на некоторые элементы поясного набора из Мартыновского клада второй половины VII в. и Хацковского клада (Корзухина 1996: 603, табл. 13: 5, 609, табл. 19: 9, 10, 13–18, 612, табл. 22: 7–11), на пластине из Мощинского клада (Седов 1982: 81, табл. XV). Различия в технике нанесения орнамента на детали поясного набора из Мартыновки и Хацков, с одной стороны, и начельника из Сухой Гомольши, с другой, объясняются характером самих изделий. Детали пояса из Мартыновского и Хацковского кладов массивные, литые, поэтому орнамент на них нанесен врезными линиями, начельник же выполнен из тонкой бронзовой пластины, что и обусловило применение техники чеканки (тиснения). В такой же технике выполнен тамгообразный знак и на пластине из Мощинского клада. В целом же сходство орнамента на этих разновременных вещах несомненно.

Все выше сказанное позволяет датировать и начельник, и само погребение № 175 Сухой Гомольши рубежом VIII–IX вв. Остальной инвентарь данного захоронения (Михеев 1985: рис. 11: 1–20) не противоречит предлагаемой датировке.

В знаках, изображенных на пластине из погребения № 175, ряд исследователей склонен видеть сарматские или тюркские тамги (Рыбаков 1953: 96; Приходнюк, Шовкопляс, Ольговская, Струина 1993: 76). А вещи, на которые они нанесены, обнаруженные в районах распространения пеньковских древностей, граничащих со степью, рассматриваются как факт влияния на славянское население культуры тюркоязычных кочевников третьей четверти I тыс. н. э., которые внедрялись в среду последних (Приходнюк 2000: 156). Культурное влияние, по-видимому, все же было обоюдным. Вещи, выполненные славянскими ремесленниками, попадали и к их степным соседям.

Исходя из всего вышесказанного, можно предположить, что общее оформление рассмотренных нами изделий, техника нанесения орнамента косвенно свидетельствует о связи населения, оставившего данные салтовские комплексы, с носителями ремесленных традиций племен Днепровского Левобережья предшествующего времени (финальный этап существования пеньковской культуры). В «классических» салтовских древностях подобные изделия достаточно немногочислены, а точечный тисненый орнамент встречается на вещах второй половины VIII — начала IX в. Это ложечка с пластинчатой рукояткой и

позолоченные наконечники пояса из Старо-Салтовского катакомбного могильника (Аксёнов 1999: 141, 144, рис. 3: 21, 24, 25), двучастные туалетные коробочки, предшествующие по времени так называемым «самоварчикам» (Аксёнов 1999: рис. 3: 18, 4: 33), щиток поясной пряжки из комплекса № 2 второй половины VIII в. у с. Новая Покровка (Кухаренко 1951: рис. 34). Поэтому попадание вещей славянского облика в салтовские комплексы следует связывать с той политической ситуацией, которая сложилась в конце VII — середине VIII в. на границе степи и лесостепи в Днепро-Донском междуречье.

Начавшийся еще в третьей четверти I тыс. н. э. процесс проникновения в славянскую среду (пеньковская культура) выходцев из степного тюркоязычного населения (с последующей их ассимиляцией) продолжился в конце VII или начале VIII в. в связи с оттоком из степи в лесостепные районы Днепро-Донского Левобережья отдельных болгарских родов (после разгрома Великой Болгарии Кубрата хазарами) (Сухобоков 1999: 36). Расселившись здесь компактной группой среди славян, также вынужденных сопротивляться хазарской экспансии, болгары становятся своего рода консолидирующим элементом северянского окружения, материальным свидетельством чего является мощный культурный импульс, который наиболее выразительно проявился в вольтинцевских древностях (Сухобоков 1998: 42; Сухобоков 2004: 163). С распространением, пусть даже номинальной, власти хазар на пограничные со степью районы Днепро-Донского лесостепного Левобережья, что выразилось в выплате дани хазарам тремя славянскими племенными объединениями, население данного региона, представленное славянами, болгарами, сармато-аланами, уграми, принимает участие в формировании салтово-маяцкой археологической культуры Подонья. Пример такого культурного симбиоза мы и видим в рассматриваемых захоронениях.

Преобладание среди рассматриваемых предметов вещей, связанных с женским костюмом, указывает путь попадания их в салтовскую среду — через брачные отношения. Пришедшие в начале VIII в. в верхнее Подонье аланы и праболгары, вероятно, в большинстве своем неженатые молодые мужчины, брали себе в жены представительниц местного населения. Присутствие же среди рассматриваемых вещей предметов, связанных с экипировкой коня воина-всадника (ворворка из погребения № 54, начальник из погребения № 175 могильника Сухая Гомольша), позволяет предположить нахождение в составе салтовских воинских отрядов выходцев из местной среды («вольтинцевцев»-славян, болгар, сармато-алан). Присутствие же в войске хазарского кагана славянских вооруженных отрядов подтверждается данными письменных источников (Новосельцев 1990: 121).

Таким образом, обнаружение в закрытых салтовских комплексах второй половины VIII — начала IX в. вещей славянского круга, подтверждает тезис о симбиозе в бассейне Северского Донца местного населения (славян и сармато-алан) с представителями пришлых этносов (аланами и праболгарами). Вместе они и создали такое яркое явление как салтово-маяцкая археологическая культура.

Литература

- Айбабин 1993 — *Айбабин А.И.* Могильники VIII — начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. Вып. III. 1993.
- Аксёнов 1999 — *Аксёнов В.С.* Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita antiqua*. № 2. Київ, 1999.
- Амброз 1993 — *Амброз А.К.* К происхождению днепровских антропо-зооморфных фибул // РА. № 2. 1993.
- Афанасьев 1987 — *Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // *Археологические открытия на новостройках*. Вып. 2. М., 1987.
- Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998 — *Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге. У истоков татар Волго-Камья. Самара, 1998.
- Гавритухин 2005 — *Гавритухин И.О.* Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ременной гарнитуры) // *Хазары*. М.; Иерусалим, 2005.
- Гавритухин, Обломский 1996 — *Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.
- Егорьков, Щеглова 2000 — *Егорьков А.Н., Щеглова О.А.* Состав свинцово-оловянных сплавов раннеславянских кладов «древностей антов» // *Археометрия та охорона історико-культурної спадщини*. Вип. 4. Київ, 2000.
- Ковалевская 1996 — *Ковалевская В.Б.* Проблемы математической обработки археологического материала VI—IX вв. (по материалам Кавказа) // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э.* Самара, 1996.

- Комар 1999 — *Комар А.В.* Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // *Vita antiqua*. № 2. Київ, 1999.
- Корзухина 1996 — *Корзухина Г.Ф.* Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // МАИЭТ. Вып. V. 1996.
- Кухаренко 1951 — *Кухаренко Ю.В.* О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. XLI. 1951.
- Любичев 1994 — *Любичев М.В.* Контакты славян Днепро-Донского междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII — начале VIII вв. // *Древности 1994*. Харьков, 1994.
- Макаренко 1908 — *Макаренко Н.Е.* Материалы по археологии Полтавской губернии // Труды ПУАК. Полтава, 1908.
- Михеев 1985 — *Михеев В.К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Михеев 1986 — *Михеев В.К.* Сухогомольшанский могильник // СА. № 2. 1986.
- Новосельцев 1990 — *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Плетнева 1989 — *Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
- Приходнюк 1994 — *Приходнюк О.М.* Технологія виробництва та витоки ювелірного стилю металевих прикрас Пастирського городища // *Археологія*. № 3. 1994.
- Приходнюк 1998а — *Приходнюк О.М.* Пастирський скарб 1992 року // *Археологічний літопис Лівобережної України*. № 1–2. Полтава, 1998.
- Приходнюк 1998б — *Приходнюк О.М.* Основні підсумки та завдання вивчення Пастирського городища // *Археологія*. № 3. 1998.
- Приходнюк 2000 — *Приходнюк О.М.* Военно-политический союз антов и тюркский мир (по данным исторических и археологических источников) // МАИЭТ. Вып. VII. 2000.
- Приходнюк, Шовкопляс, Ольговская, Струина 1993 — *Приходнюк О.М., Шовкопляс А.М., Ольговская С.Я., Струина Т.А.* Мартыновский клад // МАИЭТ. Вып. III. 1993.
- Рыбаков 1953 — *Рыбаков Б.А.* Древние русы // СА. Т. XVII. 1953.
- Седов 1982 — *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
- Сухобоков 1998 — *Сухобоков О.В.* Этнокультурная история Левобережной Украины I — начала II тыс. // *Археологія*. № 2. 1998.
- Сухобоков 1999 — *Сухобоков О.В.* До походження та інтерпретації пам'яток волинцевського етапу культури літописних сіверян // *Археологія*. № 2. 1999.
- Сухобоков 2004 — *Сухобоков О.В.* Тюркомовні народи в історії населення лівобережнодніпровської лісостепової України (археологічний аспект) // *Хазарський альманах*. Т. 3. Харьков, 2004.
- Фонякова 1986 — *Фонякова Н.А.* Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII–IX вв. // СА. № 3. 1986.
- Щеглова 1990 — *Щеглова О.А.* О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.

В.И. Баранов (Киев)

ПОГРЕБЕНИЕ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ У ХУТОРА САГИ. К ИСТОРИИ ОБНАРУЖЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ НАХОДКИ 1887 г.¹

В 1887 г. около хутора Саги случайно был обнаружен комплекс предметов, вскоре попавший в Императорскую Археологическую Комиссию, а затем в Государственный Эрмитаж. За прошедшие сто лет по мере обращения к нему исследователей комплекс публиковался под разными именами и с разной степенью полноты. Для восстановления целостности комплекса и устранения накопившихся неточностей, необходимо обратиться к истории обнаружения и публикации находки. В дальнейшем предлагаем называть весь комплекс в целом «хут. Саги 1887».

15 июня 1887 г. в газете «Новое время» появилась заметка об обнаружении необычной находки в нескольких верстах от г. Алешки Херсонской губернии, привлекающая внимание председателя Императорской Археологической Комиссии графа А.А. Бобринского:

«Крестьянские мальчики, пасшие скот, заметили на песке какой-то блестящий предмет, который оказался, по словам корреспондента «Одесского» Листка», частью седла, сделанного в свое время из дерева с золотой массивной отделкой, усыпанной драгоценными камнями. Забрав находку, крестьяне отправились в Алешки и здесь в трактире еврея Ф. продали последнюю за 1 р., а потом, когда узнали, что проданные вещи стоят гораздо больше, заявили об этом полиции. По распоряжению урядника, Ф. отдал часть вещей, от выдачи же остальной части он упорно отказывается, да и на отобранных вещах все камни, служившие украшением, по видимому, оказались вынутыми из гнезд, а взамен камней Ф. предъявил побитые куски цветного стекла, которое будто бы было вделано в гнезда. На месте, где была обнаружена находка, поднято еще несколько разных вещей, частью золотых, а частью простого металла. По рассказам очевидцев найденные вещи все сделанные из чистого золота и судя по уцелевшим остаткам, осыпаны были драгоценными камнями. Находка открыта близ места, где находилась последняя запорожская сечь, и, несомненно, есть остаток глубокой старины. Там же где найдены вещи, открыты следы погребенного человека, от которого сохранились лишь кости. Новое Время 1887 г., № 4052.» (РА НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887. Д. 7. Л. 32).

Граф А.А. Бобринский направил письмо на имя Таврического губернатора, в ведении которого в тот период находился город Алешки (Исторія міст і сіл 1972: 573—581), с просьбой уточнить обстоятельства обнаружения находки и сообщить, куда поступили вещи (РА НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887. Д. 7. Л. 32). В ответ в Императорскую Археологическую Комиссию из Таврической губернии поступило письмо с историей обнаружения находки и описью вещей, составленная лично урядником, проводившим дознание. Учитывая важность указанных документов в истории обнаружения находки, приводим два этих документа полностью (курсив наш):

«Днепровский Уездный Исправник, при рапорте от 12 Июня сего года за № 773, представил мне найденные близ г. Алешек в Алешковских хуторах, чрез которые проходит дорога из г. Алешек в с. Костогрызово, разные, мелкия древния вещи подробно перечисленные в прилагаемой при сем копии описи, при чем донес, что по произведенному

¹ Выражаю глубокую признательность И.П. Засецкой за предоставленную мне возможность ознакомиться с материалами комплекса и А.Г. Фурасьеву за неоценимую помощь, оказанную в процессе этого ознакомления.

по поводу этой находки дознанию оказалось: 1-го июня сего года явились в Полицейское Управление жена крестьянина Якова Глуценко Анастасия и жена мещанина Ксения Горская и заявили, что на второй день праздника Св. Троицы 25 Мая сего года, сын Глуценковой Кирилл 10-ти лет и таких же лет дети крестьян Липатия и Андрея Чуба и Ивана Тимошенки в кучугуре, находящейся в смежности с их хуторами, в шелюге крестьянина Савелия Логвиновскаго, нашли разныя серебряныя и золотыя, древния вещи. Глуценкова вещи продала жителю г. Алешек, еврею Давиду Флеку за один рубль, но, узнав, что Андрей Чуб будто бы продал вещи, найденныя его детьми за более высокую цену, Глуценкова пришла к Флеку и просила доплатить еще два рубля, а когда он ей отказал, то она рассказала об этом племяннице своей Ксении Горской, с которой и пришла заявить, и просила вещи отобрать от Флека. Потребованный тогда же в Полицейское Управление Херсонский мещанин Давид Флек заявил, что он вещи купил у Глуценковой и продал их в Херсоне. Посему им командирован был в Херсон полицейский Урядник, для отобрания по указанию Флека вещей, а Секретарю Полицейского Управления поручено было собрание на месте по этому предмету сведений, но Флек в Херсон не поехал, а вернувшись спустя около часу времени в Полицейское Управление вместе с Урядником, отдал Секретарю Полицейского управления, при Алешковском Полицейском Надзирателе и Уряднике Орлове, купленные у Глуценковой вещи, заявив, что он видел у Андрея и Липатия Чуба, а также у Ивана Тимошенки такие же вещи. Командированный им Исправником в Алешковские хутора «Саги», Секретарь Полицейского Управления отобрал от Липатия и Андрея Чуба и Ивана Тимошенки найденные детьми их вещи, а при осмотре, по указанию детей, нашедших эти вещи, на поверхности места находки еще найдено несколько таких же вещей сохранившиеся частично кости и части почерневшего металла. Из расспросов старожилов выяснено, что на этом месте была несколько лет тому назад песчаная кучугура, которую постепенно ветрами сносило, а теперь образовалось там углубление. При вскапывании на этом месте ничего больше не найдено и не заметно никаких следов, т.к. местность эта покрыта зыбучими песками. Произведенным дознанием не обнаружено, что бы Андрей Чуб продал Флеку какие-либо вещи, а напротив установлено, что в доме Липатия, Андрея Чуба и Ивана Тимошенки вещи эти лежали на видном месте, именно в шкафах, где стоит в крестьянских домах посуда, цены этим вещам они не знали и держали их как вещи ничего не стоящие. При этом доложил, что кроме представленных вещей, как оказалось за произведенным розыском у лиц их нашедших, более не осталось, и что раскопка на месте находки вещей частным мещанам воспрещена, дознание же передано участковому Мировому Судье, для привлечения лиц, скрывших находку и мещанина Флека за покупку таких вещей к законной ответственности. Сообщая об этом и препровождая при сем в Императорскую Археологическую Комиссию показанные в прилагаемой при сем копии описи вещи, покорнейше прошу о получении означенных вещей почтить меня уведомлением». (РА НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887. Д. 7. Лл. 34–35).

«Опись

Вещей найденных 25-го мая 1887 года в
Алешковских хуторах «Саги».

А) Сыном Якова Глуценко, Кириллом, мальчиком 10-ти лет найдено:

1. Трехгранная стрелка желтого металла, длиной 2 вершка, весом 3 ½ золотника.
2. Разомкнутое кольцо желтого металла весом 2 ½ золотника;
3. Пластина (досочка) четырех угольная с 80° красненькими камушками весом 1/16 ф.
4. Кольцо Белаго металла весом 1/16 фунта.
5. Гвоздь Белаго металла весом 1 золотник.
6. Шляпка от гвоздя желтого металла, показанного под № 5, весом ½ золотника.
7. Небольшой красненький камень со шляпки гвоздя, показанной под № 6.
8. Кусок горного хрусталя, разбитый на три части. (С правой стороны стоит приписка другим подчерком: «(уничтожен)». Слова «горного хрусталя» зачеркнуты и сверху над ними теми же чернилами надписано «простого стекла». — Прим. автора).

Б) Найденные детьми Липатия Чуба.

9. Витой прут желтого металла весом 1/16 (или 1/10, неразборчиво) фунта.
10. Пластиночка с одной стороны круглая желтого металла с 30 красненькими камнями весом 2 золотника.
11. Пряжка белого вызолоченного металла с изображением головы весом 8 золотников.
12. Кольцо белого металла, переломанное надвое, весом 9 золотников.
13. Пряжка желтого металла, в середине красный камень с подвесками белого металла весом 2 ½ золотника.
14. Обломки разной величины (десять кусков) белого металла весом 2 ½ золотника.

В) Найденные детьми Ивана Тимошенко.

15. Шесть кусков листового желтого металла весом $1\frac{3}{4}$ золотника.

16. Маленькое кольцо белого металла весом $1\frac{3}{4}$ золотника.

Г) Найденные детьми Андрея Чуба.

17. Трое целых и одна сломанная вещь, похожие на щипцы белого металла весом 15 золотников.

18. Кольцо белого металла с частью сохранившегося подвеска весом $3\frac{1}{2}$ золотника.

19. Три обломка белого металла весом $2\frac{1}{2}$ золотника.

20. Маленький кусочек листового белого металла весом $\frac{1}{4}$ золотника.

Д) Найденные при осмотре местности и производстве дознания.

21. Десять пуговиц (гвозди?) желтого металла весом $\frac{3}{4}$ золотника.

22. Подковообразная двусторонняя штучка, верхняя часть желтого металла, нижняя белого металла с 8^ю красненькими камушками весом $2\frac{1}{2}$ золотника.

23. Три пряжкообразные [?, неразборчиво] вещицы, по два красненьких камня в каждой весом $2\frac{1}{2}$ золотника. (Сверху, между словами «три» и «пряжкообразные» черным карандашом написано слово «выбр.» (? , неразборчиво). — Прим. автора).

24. Обломки желтого листового металла весом $\frac{1}{2}$ золотника.

25. Две похожих на пуговицы желтого металла с красными камушками весом $\frac{1}{2}$ золотника.

26. Два колечка: одно с привеской, а другое без привески белого металла весом $1\frac{3}{2}$ золотника.

27. Обломки белого металла весом $1\frac{1}{2}$ золотника.

28. Частицы металла черного цвета.

29. Три куса зубов.

30. Кусочки сохранившихся костей (перезженные).

Подлинно подписал Днепровский уездный Исправник Симанович.

(Другими чернилами написано: — Прим. автора.)

Обломки, значащиеся по №№ 5—14, 19—20, 24 составившие 8 золотников низкопробного серебра, отправлены для сплава на Мон. Двор в феврале 1890 г., за № 161 (см. № 63/1885 г.). Золотые тонкие, ничего не представляющие листки, всего весом 2 золотника 78 (последнее слово неразборчиво) отправлено при вышеозначенном отношении на Мон. Двор (см. опись в деле № 63/1885 г). №№ — 28, 29 и 30 совершенно искрошились и потому уничтожены». (Там же. Лл. 36—37).

За найденные предметы Императорская Археологическая Комиссия выдала вознаграждение: сыну Якова Глушенко — 80 руб. 40 коп., детям Липатия Чуба — 62 руб. 00 коп., детям Ивана Тимошенки — 11 руб. 90 коп., детям Андрея Чуба — 6 руб. 50 коп., производившему дознание и первый осмотр местности секретарю Днепровского Уездного Полицейского Управления Кияшко — 27 руб. 50 коп., Савелию Лосьиновскому, на земле которого была обнаружена находка — 60 руб. 00 коп. Всего — 248 руб. 30 коп. (Там же. Лл. 46, 46 об.). Единственный, кто пострадал во всей этой истории, был алешковский мещанин Давид Флек, которому, несмотря на его запрос в Императорскую Археологическую Комиссию (Там же. Л. 41), не только не выплатили вознаграждение, но даже взыскали с него гербовый штраф в размере 1 р. 60 коп.

28 октября 1888 г. в Императорский Эрмитаж поступило 22 предмета, записанных под 17 номерами (Там же. Лл. 48—49 об). Предметы эти и ныне хранятся в Государственном Эрмитаже в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири под грифом «Хутор Саги 1887 г.» (инв. № 2118/1—21):

1) Большая поясная серебряная пряжка с мифологическим сюжетом, отображающим бородатую маску с рожками, со змеями (или дельфинами) (рис. 1: 1—2) и растительным орнаментом (деревом?); размеры 8,0 x 1,0 x 4,2 см. Литье, чеканка, гравировка, чернение, пуансон, позолота. Пряжка отлита в двусторонней форме, нижняя сторона гладкая, лицевая орнаментированная. В месте, где на лицевой стороне изображена маска, имеется углубление. Рамка овальная, несколько утолщающаяся, орнаментирована косыми насечками и позолотой. К поясу пряжка крепилась с помощью трех штифтов, два из которых сохранились. Язычок не сохранился (Anibaldi, Werner 1963: 371—372, Taf. 48: 1, Abb. 10: 1—2).

2) Золотая гривна, выполненная из скрученной проволоки (рис. 1: 18). Длина проволоки 32 см. На одном конце сохранилась петля, другой конец обломан, гривна погнута (Засецкая 1975: 61, № 54).

3) Золотое кольцо из толстой круглой в сечении проволоки с расширяющимися несомкнутыми концами, диаметром 2,9 см (рис. 1: 11 — Засецкая 1975: 61, № 55).

4) Накладка на ремень подковообразной формы с расширяющимися раздвоенными концами и фигурным выступом сверху; размеры 2,5 x 2,6 см (рис. 1: 9). Состоит из двух пластин — нижней серебряной и верхней золотой, между которыми помещался ремень, соединенный с пластинами при помощи

восьми серебряных штифтов. На лицевой стороне расположены гнезда, образованные перегородками из узких золотых полос, припаянных ребром. В пяти из 16 ячеек сохранились вставки сердолика (Засецкая 1975: 61, № 56).

5) Обкладка золотой бляшки полуовальной формы с загнутыми внутрь краями; размеры 3,6 x 4,2 см (рис. 1: 15). Лицевая сторона украшена 30 вставками сердолика в овальных гнездах из узкой, припаянной ребром ленточки с заходящими друг за друга концами. Поверхность между гнездами заполнена треугольниками и ромбами, выполненными из зерни, края бляшки окаймлены псевдозернью, выполненной из рубленой проволоки, такая же псевдозернь разделяет бляшку на две равные половины. К бронзовой основе бляшка крепилась при помощи пяти штифтов, от которых сохранились отверстия (Засецкая 1975: 62, № 57).

6) Обкладка золотой бляшки, по орнаменту и технике изготовления аналогичная описанной выше обкладке, но прямоугольной формы. Размеры 5,9 x 6,1 см (рис. 1: 16). Украшена 80 вставками сердолика в круглых и овальных гнездах. На оборотной стороне 8 отверстий от штифтов, с помощью которых обкладка крепилась к бронзовому основанию (Засецкая 1975: 62, № 58).

7) Две шляпки от гвоздей, диаметром 1 см (рис. 1: 3–4), выполненные из круглой золотой пластины, с круглым гнездом, в которое вставлен сердолик. Гнездо образовано припаянной ребром узкой ленточкой с заходящими друг за друга концами. Вокруг гнезда — ободок псевдозерни, выполненной из рубленой проволоки, на обороте отверстие от штифта (Засецкая 1975: 64, № 64).

8) Обкладка золотого наконечника ремня прямоугольной формы; размеры 2,5 x 1,5 см (рис. 1: 17). Украшена двумя вставками сердолика в прямоугольных гнездах из припаянной ребром ленточки с сомкнутыми концами. Вокруг гнезд — ободок из псевдозерни, выполненной из рубленой проволоки. Такая же проволока окаймляет края наконечника. На концах — по два отверстия от штифтов, с помощью которых накладку крепили к основе (Засецкая 1975: 62, № 59).

9) Два золотых наконечника ремня прямоугольной формы; размеры 1,4 x 1,4 и 1,5 x 1,5 см (рис. 1: 10–13). Выполнены из сложенной вдвое золотой пластины. Их боковые стенки вырезаны из другой пластины и припаяны. Нижняя часть наконечников с лицевой стороны приподнята и образует выступающий валик. Вверху — два круглых гнезда со вставками сердолика. Гнезда — из припаянной ребром ленточки с сомкнутыми концами. По краю, с трех сторон наконечника и вокруг гнезд — ободки псевдозерни, выполненные из рубленой проволоки. Под вставками — два штифта (Засецкая 1975: 63, № 60).

10) Пряжка обувная; длина 3,2 см, ширина основания 1,6 см, диаметр кольца 1,9 см. (рис. 1: 12). Пряжка состоит из серебряного основания округлой формы, согнутого из серебряной пластины, с вырезанными в месте сгиба петлями, в которые продето литое округлое кольцо. Верхняя и нижняя, узкая прямоугольная часть основания, а также помещавшийся между ними ремень соединялись серебряным штифтом. Основание пряжки обтянуто золотым листом с загнутыми внутрь краями и на лицевой стороне украшено ромбовидным гнездом со вставкой граната. Вокруг гнезда и по краям основания расположены ободки из рубчатой проволоки. Язычок не сохранился (Засецкая 1975: 63, № 61).

11) Часть золотого основания обувной пряжки, аналогичной предыдущей, диаметром 1,7 см (рис. 1: 7). В центре расположено круглое гнездо, вокруг гнезда и по краю ободок из рубчатой проволоки (Засецкая 1975: 63, № 62).

12) Золотой наконечник ремня удлиненной остроконечной формы, трехгранный в сечении; размеры 8,3 x 1 см (рис. 1: 14). В верхней части наконечник расщеплен, в щель вставлялся ремень, скреплявшийся с наконечником тремя золотыми штифтами (Засецкая 1975: 64, № 63).

13) Серебряное кольцо от пряжки, диаметром 1,7 см. (рис. 1: 5, см. также Засецкая 1994: таб. 15: 70).

14) Серебряная накладка на ремень в виде кольца и обоймы из согнутой пластины с одной петлей. Размеры накладки 2,3 x 1,3 x 0,4 см, диаметр кольца 1,3 см. (рис. 1: 6, см. также Засецкая 1994: таб. 15: 8).

15) Кольцо из толстой круглой в сечении серебряной проволоки, диаметром 2,7 см. (рис. 1: 8, см. также Засецкая 1994: таб. 15: 17).

16) Часть удила (2 экземпляра) — зажимы уздечных ремней из согнутой серебряной пластины, между которыми помещался ремень; скреплялись посредством серебряных штифтов с круглыми шляпками; размеры зажимов 6,9 x 1 x 0,7 см, диаметр кольца 1,8 см. (рис. 1: 19, см. также Засецкая 1994: таб. 15: 14).

17) Часть удила (2 экземпляра), аналогичные предыдущим, но несколько большего размера (9,1 x 1 x 1 x 0,8, диаметр кольца — 2,1 см) (рис. 1: 20, см. также Засецкая 1994: таб. 15: 15).

Казалось бы, на этом «скитания» вещей должны были закончиться и, пролежав некоторое время в запасниках и, будучи упомянуты в Отчетах Императорской Археологической Комиссии лишь мельком (ОАК 1891: СХСІХ), они бы увидели свет в публикации какого-либо ученого. Но «приключения» только

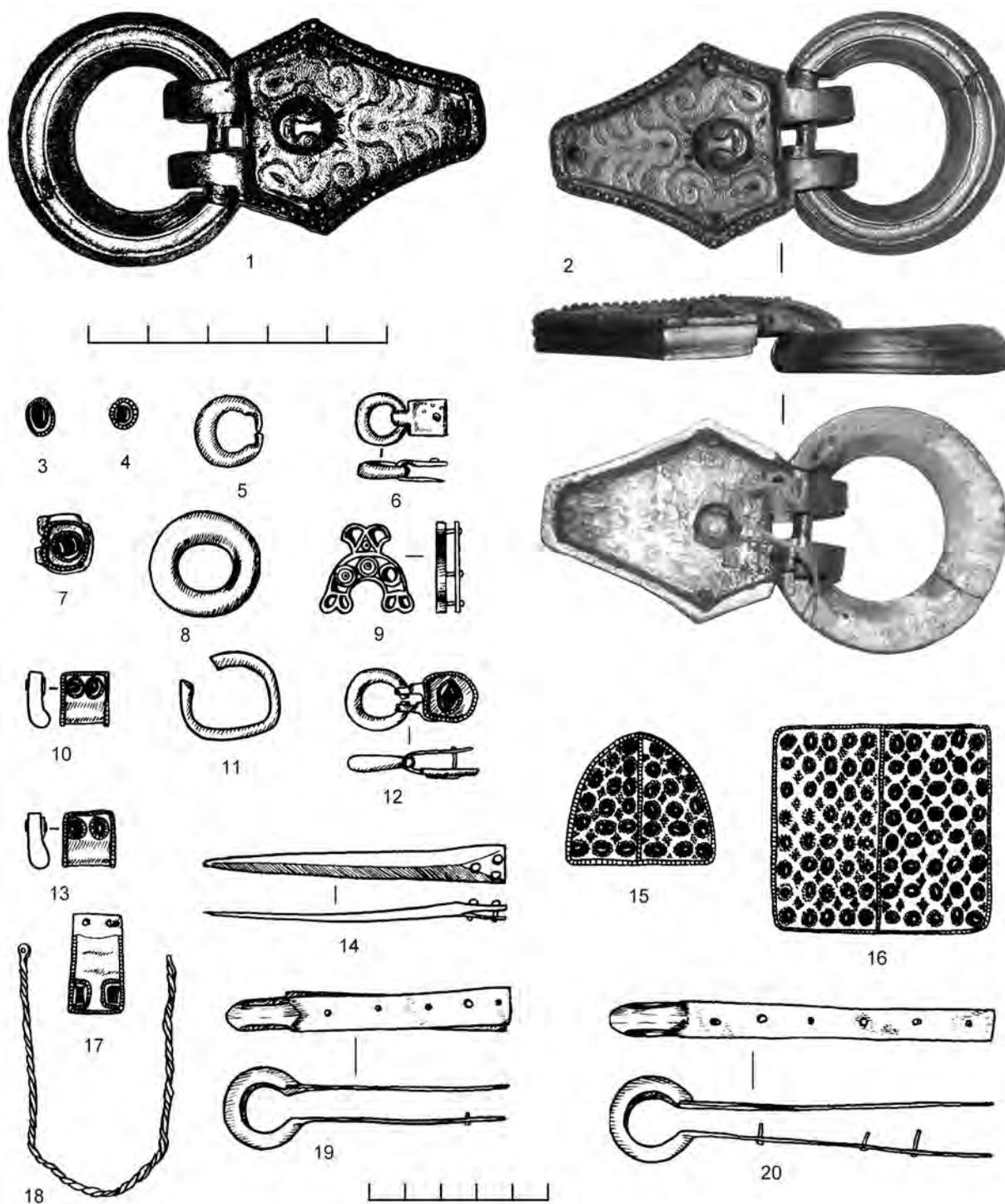

Рис. 1. Комплекс находок «Хутор Саги 1887 г.».
1-2 — большая поясная пряжка; 3-4 — шляпки от гвоздей; 5 — кольцо от пряжки; 6 — накладка на ремень;
7 — часть основания обувной пряжки; 8 — кольцо; 9 — накладка на ремень; 10, 13 — наконечники ремня;
11 — кольцо из проволоки; 12 — пряжка обувная; 14 — наконечник ремня; 15-16 — обкладки бляшек;
17 — обкладка наконечника ремня; 18 — гривна из скрученной проволоки; 19-20 — зажимы уздечных ремней.
1-2, 5-6, 8 — серебро; 7, 10-11, 13-18 — золото

начинались. Сначала, спустя почти 80 лет, «увидела свет» пряжка с маской (рис. 1: 1–2), которую немецкий исследователь Й. Вернер в своей работе, посвященной остготскому погребению из Аквасанты, привлек в качестве одной из аналогий, опубликовав там не совсем удачную фотографию и еще менее удачную прорисовку (Anibaldi, Werner 1963: Taf. 48: 1, Abb. 10: 1–2), и дал более-менее подробное описание (Anibaldi, Werner 1963: 371). Сам Й. Вернер, видимо, имевший возможность ознакомиться с остальными вещами комплекса (но, скорее всего, не видевший материалы дела), связывал пряжку и в целом комплекс с одним из погребений разрушенного могильника (считая частью этого же могильника разрушенное погребение у хутора Саги), обнаруженного в 1899 г. и опубликованного А. Альфёльди (Anibaldi, Werner 1963: Taf. 48: 1, Abb. 10: 1–2; Alföldi 1932: Taf. 25: 16–37). Вслед за Й. Вернером уже и другие исследователи писали о пряжке как о происходящей из Алешек или Саг, не связывая ее с остальными вещами комплекса 1887 г., хранящимися в Эрмитаже (например: Айбабин 1990: рис. 23: 8).

Иная судьба выпала на долю остальных вещей комплекса. После публикации Й. Вернера они еще 20 лет пролежали в фондах Государственного Эрмитажа, скрытые от глаз посторонних наблюдателей, пока, наконец, не увидели свет в замечательном каталоге, посвященном гуннским древностям Государственного Эрмитажа, подготовленном И.П. Засецкой, а затем и в монографии исследовательницы, посвященной кочевникам южнорусских степей в гуннскую эпоху (Засецкая 1975: 61–64, № 54–64; Засецкая 1994: таб. 15). Но по неизвестным причинам при публикации исчезла большая серебряная пряжка (рис. 1: 1–2), а сам комплекс (возможно, чтобы не путать с комплексом из Саг 1899 г.) был переименован в Кучугуры.

Таким образом, появилось три комплекса — один хранился (и до сих пор хранится) в Государственном Эрмитаже под шифром 2118/ 1–21, второй представлял собой пряжку, которая начала жить своей отдельной жизнью под названием «Алешки» или «Саги», третий опубликовала И.П. Засецкая, но уже без пряжки и под названием Кучугуры.

Архивные данные позволяют нам не сомневаться, что все вещи, попавшие в Эрмитаж как случайная находка 1887 г., представляют собой один комплекс разрушенного погребения, совершенного в песчаной дюне (скорее всего, трупосожжения, на что указывает то обстоятельство, что кости были обожжены, а отдельные вещи являлись почерневшими, как при воздействии огня). Тот факт, что раскопки местности, окружавшей дюну, произведенные урядником, не выявили каких либо следов иных погребений, позволяет не согласиться с мнением Й. Вернера о принадлежности двух погребений из Саг 1887 и 1899 гг. одному некрополю.

Крайне сложен вопрос о дате погребения. Большая ромбическая пряжка с маской связывалась Й. Вернером с дунайской серией пряжек с масками и датировалась первой половиной V в. (Anibaldi, Werner 1963: 371–372). А.И. Айбабин считает, что такие пряжки датируются первой или второй половиной V в. (Айбабин 1990: 29, рис. 23: 8). В то же время Я. Тейрал относит ромбические пряжки к переходному этапу D₂/D₃ (Tejral 1995: Abb. 27: 19). Встречаются пряжки с аналогичным щитком и очень близкой рамкой и в последующем периоде D₃ (очень близка по форме щитка и рамки пряжка из Кошице, орнаментированная, правда, керпшнитным орнаментом) (Шукин 2005: таб. VII). Синхронизация комплекса из Саг 1887 г. (Кучугур) и погребений из Новогригорьевки (VIII и IX), Саг 1899, Феодосии и др., предложенная А.В. Комаром (Комар 2000: 21, 44), выглядит крайне малоубедительной, т. к. главный критерий, предложенный А.В. Комаром для объединения всех этих комплексов в одну группу — пряжки с инкрустированным щитком, выглядит весьма расплывчатым. А при более глубоком анализе оказывается, что для объединения в одну группу используются пряжки явно разных типов, связанных только наличием камня на щитке. В целом хронология комплекса требует дальнейшего более подробного рассмотрения, что выходит за рамки той цели, которую мы ставили перед собой при написании данной работы — введение комплекса в научный оборот в том виде, в котором он был обнаружен и действительно существует в хранилище Государственного Эрмитажа. Датировать комплекс в целом можно предположительно или этапом D₂/D₃ или началом этапа D₃.

Литература

Айбабин 1990 — Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. 1990.

Засецкая 1975 — Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975.

Засецкая 1994 — *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв). СПб., 1994.

Історія міст 1972 — Історія міст і сіл Української РСР. Херсонська область // Історія міст і сіл Української РСР. Київ, 1972.

Комар 2000 — *Комар А.В.* Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 1. Донецк, 2000.

ОАК 1891 — ОАК за 1887 г. // Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1882–1888 годы. СПб., 1891.

Шукин 2005 — *Шукин М.Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005.

Alföldi 1932 — *Alföldi A.* Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung (mit 36 Tafeln und 20 Textabbildungen) // *АН*. IX. Budapest, 1932.

Annibaldi, Werner 1963 — *Annibaldi G., Werner J.* Ostgotische Grabfunde aus Acquasanta Prov. Ascoli Piceno (Marche) // *Germania*. 41. 2. 1963.

Tejral 1995 — *Tejral J.* Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaauraum // *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaauraum*. Brno, 1995.

Архивные материалы

РА НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887. Д. 7: «О древних серебряных византийских монетах, найденных в Таврической губернии».

А.М. Воронцов (Тула)

НОВЫЕ НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ ГОРИЗОНТА ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ВЫЕМЧАТЫХ ЭМАЛЕЙ НА ПАМЯТНИКАХ ОКСКО-ДОНСКОГО ВОДОРАЗДЕЛА

Находки предметов круга восточноевропейских выемчатых эмалей на территории верхней Оки известны с конца XIX в. и, большей частью, учтены в работе Г.Ф. Корзухиной (Корзухина 1978: 75–76) (рис. 1). Основным недостатком большинства этих материалов является отсутствие конкретной привязки к комплексам и культурно-хронологическим горизонтам. Первой публикацией подобных предметов в составе поселенческого стратифицированного комплекса в лесной зоне России является работа Н.А. Кренке и Л.Д. Сулержицкого, посвященная стратиграфии Дьякова городища (Кренке, Сулержицкий 1988: 41–42).

В ходе раскопок на городище Щепилово (рис. 1: 3) в 2002 и 2004 гг. автору удалось выделить стратиграфический горизонт, относящийся к раннему этапу мощинской культуры. Из него происходит комплекс, включающий в себя лунницу круга эмалей, колокольчатую прорезную подвеску, ажурную застежку и две бронзовые пронизи (рис. 2: 1–5). Кроме того, с горизонтом связана еще одна колокольчатая прорезная подвеска и согнутая бронзовая пластина с выполненным мелким точечным орнаментом изображением всадника с характерно согнутыми конечностями (рис. 2: 8, 9).

Выделение этого горизонта позволяет отождествить с ним две лунницы, найденные на городище в ходе раскопок С.А. Изюмовой 1952–1953 гг. (Изюмова 1958) и учтенные в своде Г.Ф. Корзухиной (Корзухина 1978: 75, табл. 14: 3, 5) (рис. 2: 6, 7). Таким образом, в нашем распоряжении имеется три лунницы, две из которых представляют собой упрощенные изделия с прорезными полями без эмали, третья лунница декорирована двумя эмалевыми вставками на корпусе и отростками на концах (рис. 2: 5, 6, 7). Согласно новейшим исследованиям по хронологии и типологии предметов круга восточноевропейских выемчатых эмалей, выделяют три этапа их эволюции (Гороховский 1982; Гороховский 1988). Согласно предлагаемым типологиям находки с Щепиловского городища относятся ко второму (предметы с эмалевыми вставками, снабженные дополнительными полями, отростками) и третьему (предметы с прорезной орнаментацией без эмалевых вставок) этапам эволюции. Хронологически второй этап относится к концу II в. — середине — второй половине III в., третий — от середины III в. до рубежа III–IV вв., хотя, возможно, отдельные вещи доживают до гуннского времени (Обломский, Терпиловский 2004: 165). Таким образом, наиболее вероятное время выпадения в слой щепиловских находок относится ко 2-й половине III в.

Кроме рассмотренного комплекса, необходимо упомянуть выявленный недавно в ходе изучения коллекции находок с Супрутского городища (раскопки С.А. Изюмовой 1953–1977 гг.) браслет круга эмалей (рис. 2: 11). Он аналогичен браслету из Мощинского клада (Седов 1982: Таб. XV), относится к типу I, по Г.Ф. Корзухиной (Корзухина 1978: 34, табл. 26: 3), и также относится к третьей стадии эволюции украшений с выемчатой эмалью.

Список известных к настоящему времени находок круга эмалей на территории Окско-Донского водораздела включает в себя еще гривну с Пореченского городища, имеющую аналогии среди предметов из Мощинского клада (Никольская 1959: рис. 15: 1).

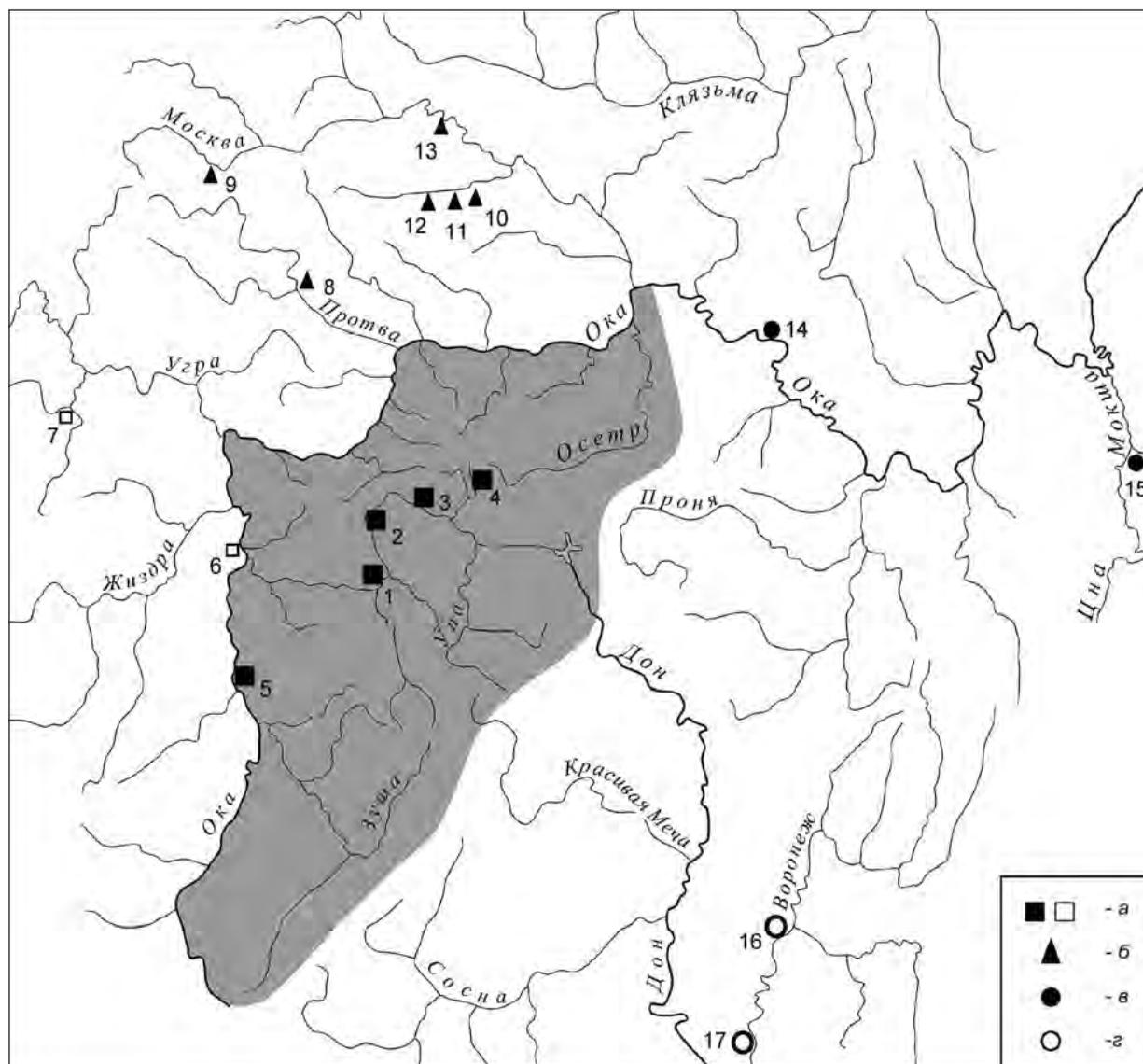

Рис. 1. Городища Окско-Донского водораздела, где встречены предметы круга восточноевропейских выемчатых эмалей, и синхронные им памятники сопредельных территорий: 1 — Супруты, 2 — Поречье, 3 — Щепилово, 4 — Торхово, 5 — Федяшево, 6 — Дуна, 7 — Мوشинское, 8 — Огубское, 9 — Троицкое, 10 — Борисоглебское, 11 — Щербинское, 12 — Кузнечики, 13 — Дьяково, 14 — могильник Кузьминский, 15 — могильник Кошибеевский, 16 — Липецкое, 17 — Подгоренское. Условные обозначения: а — мوشинские городища, б — дьяковские городища, в — рязано-окские могильники, г — верхнедонские памятники

По всей видимости, можно сделать вывод о достаточно позднем проникновении изделий круга восточноевропейских выемчатых эмалей на территорию Окско-Донского водораздела и ограничить наиболее вероятный период их бытования 2-й половиной III в.

Полученные в ходе раскопок Щепиловского городища материалы позволяют выделить комплекс находок, относящийся к этому горизонту. Среди них наиболее выразительна бронзовая пластина с выполненным мелким точечным орнаментом изображением всадника (рис. 2: 8).

Аналогичные изделия с изображенными антропоморфными фигурами с поднятыми вверх согнутыми в локтях руками известны на памятниках позднедьяковской культуры (Розенфельдт 1982: 122–124). Культурно-хронологическая интерпретация этой группы вещей в настоящее время не разработана. Абсолютное большинство находок этого типа представляет собой согнутую прямоугольную пластину, украшенную с лицевой стороны мелким точечным орнаментом, зачастую имеющую отверстия для крепления либо остатки клепок (рис. 3: 2–4, 5, 7). Исследователями они интерпретируются как обкладки

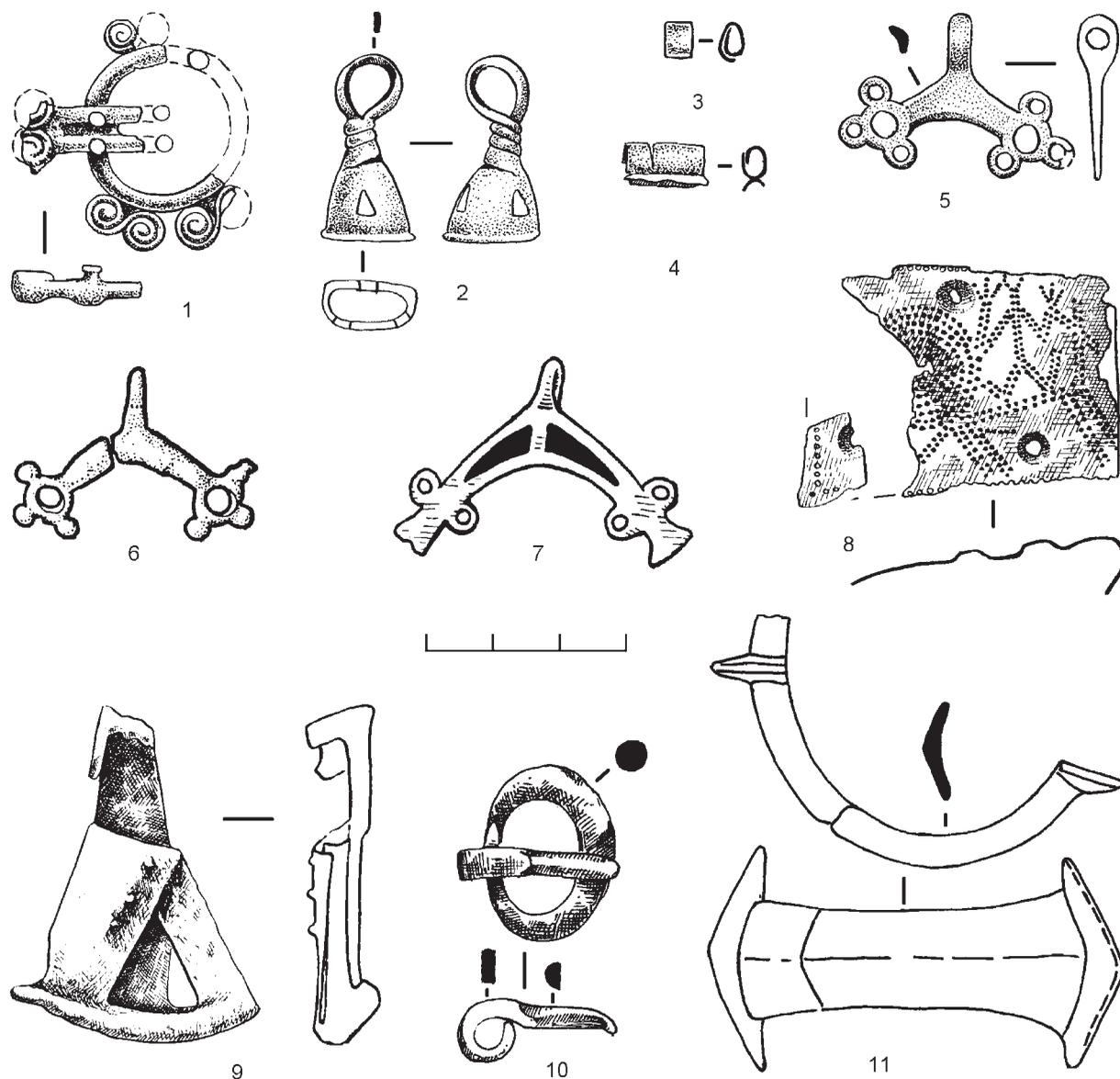

Рис. 2. Предметы из горизонта распространения восточноевропейских выемчатых эмалей памятников Окско-Донского водораздела: 1–9 — городище Щепилово; 10–11 — городище Супруты

пояса, обоймицы (Дубынин 1970: 32, 35), накладки на ремни (Смирнов 1974: 57) либо как наконечники ремней (Розенфельдт 1982: 124). К этой же группе находок относится пластина с Огубского городища, которая может интерпретироваться как поясная накладка (рис. 3: 1).

Из найденных на позднедьяковских памятниках одиннадцати предметов на шести изображены антропоморфные фигуры. Пластина со Щепиловского городища среди них является единственным изображением всадника. Единственной ему аналогией может служить найденный на Торховском городище фрагмент лепного мощинского сосуда, с рисунком «коня», выполненным мелкими точками (рис. 3: 7). Изображения людей, безусловно выполнены в едином стиле — с согнутыми в локте поднятыми вверх руками, растопыренными пальцами, туловище изображается как прямая одинарная либо двойная линия, которая оканчивается кругом — головой и имеет основание в виде треугольника — ног. У всадника ноги согнуты в суставах в том же положении, что и руки.

За пределами позднедьяковского ареала известна только одна находка такого изделия — в погребении № 72 могильника Кораблино (Белоцерковская 2000: 105, рис. 2: 11–12). В этом случае пластина использована вторично в качестве заплаты на большой нагрудной бляхе, поэтому не может служить доказательством бытования подобных изделий в культуре рязано-окских могильников.

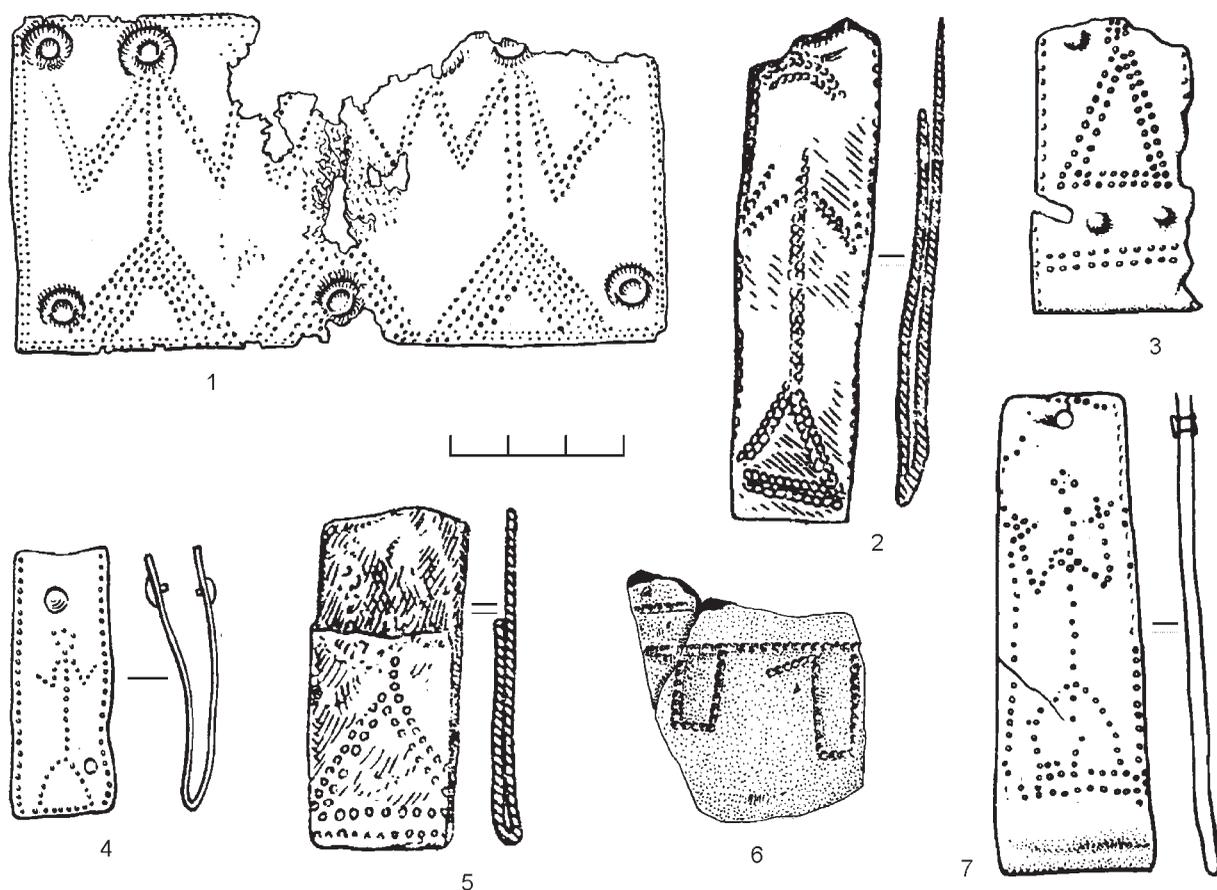

Рис. 3. 1–5, 7 — пластины с антропоморфными изображениями с позднесьяковских городищ: 1 — Огубское (по Г.Ф. Корзухиной), 2, 5 — Троицкое (по А.Ф. Дубинину), 3, 7 — Шербинское (по А.Ф. Дубинину), 4 — Кунцевское (по И.Г. Розенфельдт); 6 — фрагмент мощинской керамики с Торховского гор.

Для культурно-хронологической интерпретации этой группы находок наиболее интересно присутствие четырех пластин в составе клада, найденного на Троицком городище (Дубинин 1970: 32, рис. 19) (рис. 3: 2, 4). Клад, несомненно, относится к горизонту распространения находок круга восточноевропейских выемчатых эмалей на Верхней Оке, так как в него входят гривны, аналогичные гривнам, найденным в составе Мощинского клада (Седов 1982: таб. XV). Накладку с Огубского городища Г.Ф. Корзухина на основании стилистических особенностей также относил к кругу эмалей (Корзухина 1978: 45–46). Таким образом, можно считать достаточно обоснованной связь этой серии бронзовых пластин с антропоморфными изображениями с горизонтом бытования восточноевропейских выемчатых эмалей на верхней Оке и Окско-Донском водоразделе.

Колокольчатые подвески со Щепиловского городища имеют треугольные прорезы на поверхности и гладкий валик в основании (рис. 2: 2, 9). Одна из них имеет петлю для подвешивания, между петлей и корпусом — витой стержень. Беспетельчатая привеска сделана из склепанного бронзового листа. Аналогии этим предметам широко известны в лесной зоне, в частности в позднесьяковских материалах (Розенфельдт 1982: 18–21, рис. 2: 3). Для культурно-хронологической интерпретации этих подвесок важны случаи их находок в комплексе с предметами круга восточноевропейских выемчатых эмалей. В частности они найдены в составе уже упоминавшегося клада Троицкого городища (Дубинин 1970: 32, рис. 19) и в погребении № 21 Кузьминского могильника вместе с подковообразной фибулой с эмалевыми вставками (Спицын 1901: табл. XV: 5, рис. 10). Таким образом, колокольчатые подвески с треугольными прорезами на поверхности и гладким валиком в основании как с петлей для подвешивания, так и беспетельчатые, можно включить в состав предметов, относящихся к горизонту бытования восточноевропейских выемчатых эмалей на территории Окско-Донского водораздела. Естественно, ограничить время их распространения только этим периодом на основании имеющихся материалов невозможно.

Ажурная застежка, найденная на Щепиловском городище, так же как и рассмотренные выше колокольчатые подвески, находит много аналогий среди древностей Оки, в том числе на позднедьяковских городищах (Смирнов 1974: 48, табл. V: 13, 14) и в рязано-окских могильниках (Белоцерковская 2000: 99–104). На Окско-Донском водоразделе это первая находка. На основании имеющихся данных можно говорить только о том, что ажурные застежки использовались в рассматриваемый период и продолжали существовать в Окских древностях позднее.

К числу находок, по датировке относящихся к периоду обращения предметов с выемчатыми эмальями на территории Окско-Донского водораздела, но не имеющих достоверной привязки к комплексам, относится найденная в разрушенной части городища Супруты пряжка (рис. 2: 10). Аналогии ей находятся среди древностей позднесарматского круга, по типологии В.Ю. Малашева она относится к 7 типу, датирующемуся 2-й половиной III в. (Малашев 2000: 196, рис. 2: 6; Г2, 2). Пряжка не имеет обоймы, рамка округлой формы со слабо выраженным утолщением в передней части, язычок фасетированный, сравнительно короткий, имеет низкий уступ спереди. Полная ей аналогия происходит из погребения С могилы № 20 могильника Дружное (Храпунов 2002: 19, рис. 95: 7). Погребение датируется 2-й половиной III в., по серии предметов, в числе которых лучковые фибулы и монета 253–268 гг. Находка этой пряжки свидетельствует о существовании в период бытования восточноевропейских выемчатых эмалей на территории Окско-Донского водораздела связей с лесостепными культурами не черняховского круга.

Керамический комплекс, связанный с ранним мощинским горизонтом, не образует значительной серии, но, тем не менее, уже на этом этапе можно выделить некоторые его характерные особенности (рис. 4).

Лепная керамика с грубой поверхностью представлена горшками с высокими раструбообразными прямыми венчиками, одинаковыми по толщине на всем протяжении, с ровно срезанным краем. Переход от венчика к плечу резкий, часто подчеркнутый линией снаружи и (или) ребром внутри (рис. 4: 1–3, 5, 7–9). Плечико относительно низкое, максимальное расширение приблизительно на середине сосуда. Сказать что-либо определенное об общих пропорциях сосудов пока невозможно. Горшки часто орнаментированы по краю венчика косыми насечками либо отпечатками веревочки, по плечу встречается веревочный орнамент, иногда сопровождаемый круглыми вдавлениями. Лощеная посуда повторяет формы грубой (рис. 4: 10–14). Кроме того, в составе комплекса встречаются керамические крышки (миски?) с грубой поверхностью (рис. 4: 15–17).

Аналогичная керамика встречается на других памятниках мощинской культуры Окско-Донского водораздела, но только в переотложенном виде в смешанных слоях. В более поздних мощинских комплексах из этого набора продолжают бытовать лощеные горшковидные миски и приемы орнаментации. Выделение синхронного комплекса на мощинских памятниках левобережья верхней Оки проблематично из-за неразработанности их внутренней хронологии.

Наиболее близкие аналогии рассматриваемым типам керамики происходят с некоторых памятников сарматского времени верхнего Подонья, в том числе городищ III Чертовицкое, Подгоренское, Липецкое (Бирюков 2001: рис. 4: 6; Медведев 1996: рис. 2: 5; Медведев 1998: рис. 4). Подробное рассмотрение их связи с памятниками Окско-Донского водораздела требует специального исследования.

Одной из важных особенностей городищ римского времени на территории Окско-Донского водораздела является их последовательное заселение на протяжении II — первой половины V в. Это позволяет получить на основании стратиграфических данных достаточно подробную хронологию. Слой, содержащий находки круга эмалей, на Щепиловском городище перекрывает напластования, связанные с существованием поселения типа Ново-Клейменово, и, в свою очередь, перекрыт слоями мощинской культуры периода активного черняховского влияния (рис. 5).

Памятники типа Ново-Клейменово — недавно выделенная группа памятников II — первой половины III в. на территории Окско-Донского водораздела (Воронцов 2000; 2004), генетически связанная с памятниками сарматского времени Верхнего Подонья, датируемыми II — первой половиной III в. (Медведев 1998а). Ее хронология (рис. 5) подтверждается находкой сильно профилированной фибулы причерноморского типа (гр. 11, сер. II, вар. 1 по А.К. Амброзу) (Амброз 1966: 42, табл. 8, 9, 11, 13), группой находок ременной гарнитуры, имеющей центрально-европейские прототипы, характерные для стадии V₂ (по К. Годловскому) центральноевропейской хронологии (Madyda-Legutko 1983: 97–108, гус. 2). Наиболее поздний горизонт существования этой группы памятников датирован находкой железной двучленной прогнутой подвязной фибулы с узкой ножкой (вариант 1 по А.К. Амброзу) (Амброз 1966: 62–63, табл. 11: 6, 7).

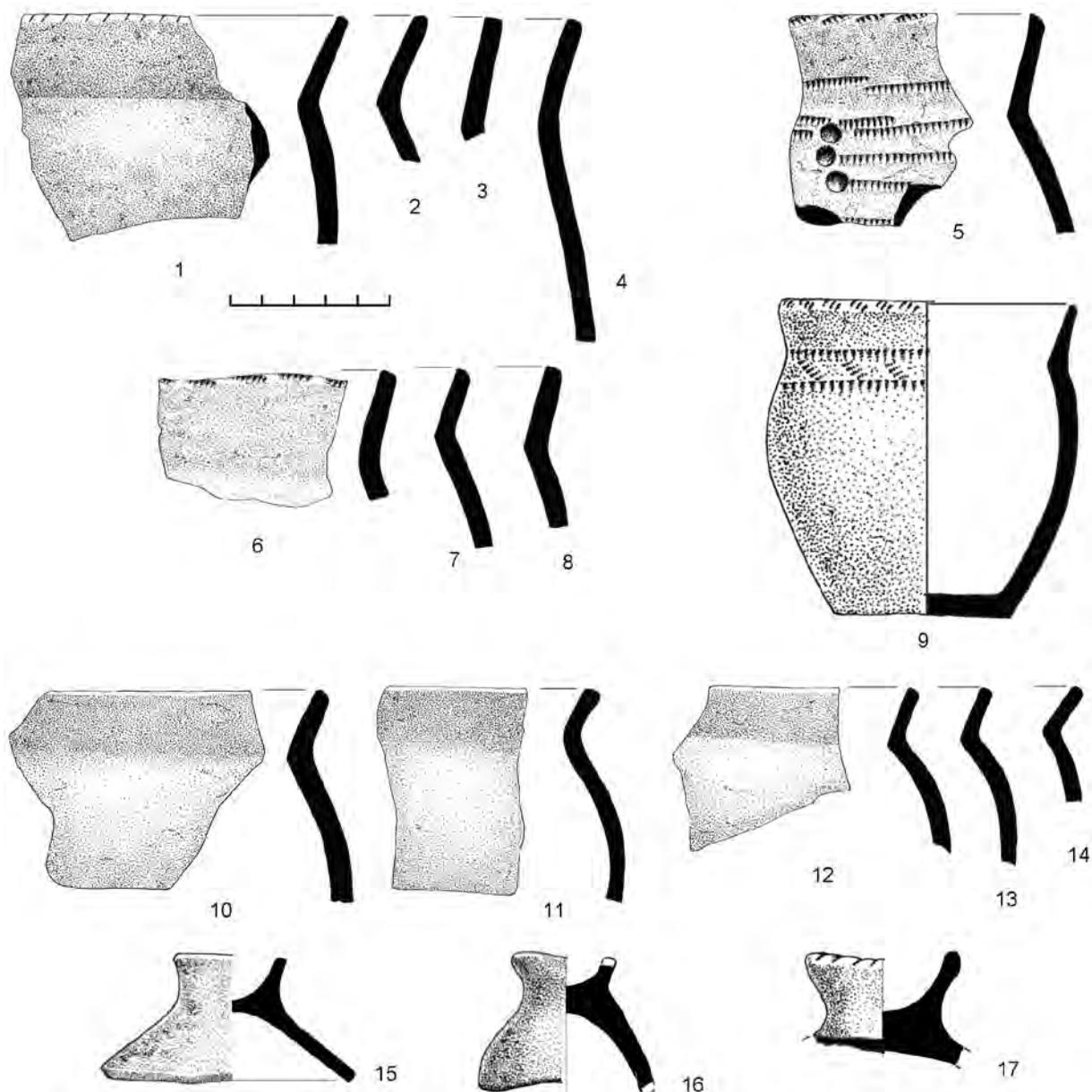

Рис. 4. Городище Щепилово. Горизонт распространения восточноевропейских выемчатых эмалей: 1–9 — грубая лепная керамика; 10–14 — лощеная лепная керамика; 15–17 — крышки

Горизонт черняховского влияния на памятники мощинской культуры Окско-Донского водораздела (рис. 5) хорошо датируется в рамках IV в. находками двучленных прогнутых подвязных фибул с узкой ножкой (вариант 3 по А.К. Амброзу), которых в настоящее время насчитывается 7 экземпляров, и одной находкой синхронной им железной двучленной «воинской» фибулы с узкой ножкой (Амброз 1966: 70–71, табл. 10: 18–19).

Выделение горизонта, связанного с распространением предметов круга выемчатых эмалей, на городище Щепилово позволяет достаточно обоснованно датировать время появления памятников мощинской культуры на территории Окско-Донского водораздела 2-й половиной III в. и положить начало выделению комплекса находок, непосредственно с ним связанных. Кроме того, этот материал представляет определенный интерес для изучения датировки и культурного контекста поздней стадии развития стиля восточноевропейских выемчатых эмалей. Достаточно обоснованно можно отнести к предметам, характерным для этого горизонта на верхней Оке и Окско-Донском водоразделе, бронзовые пластины с выполненными мелким точечным орнаментом антропоморфными изображениями. В этот период используются колокольчатые подвески, имеющие треугольные прорезы на поверхности

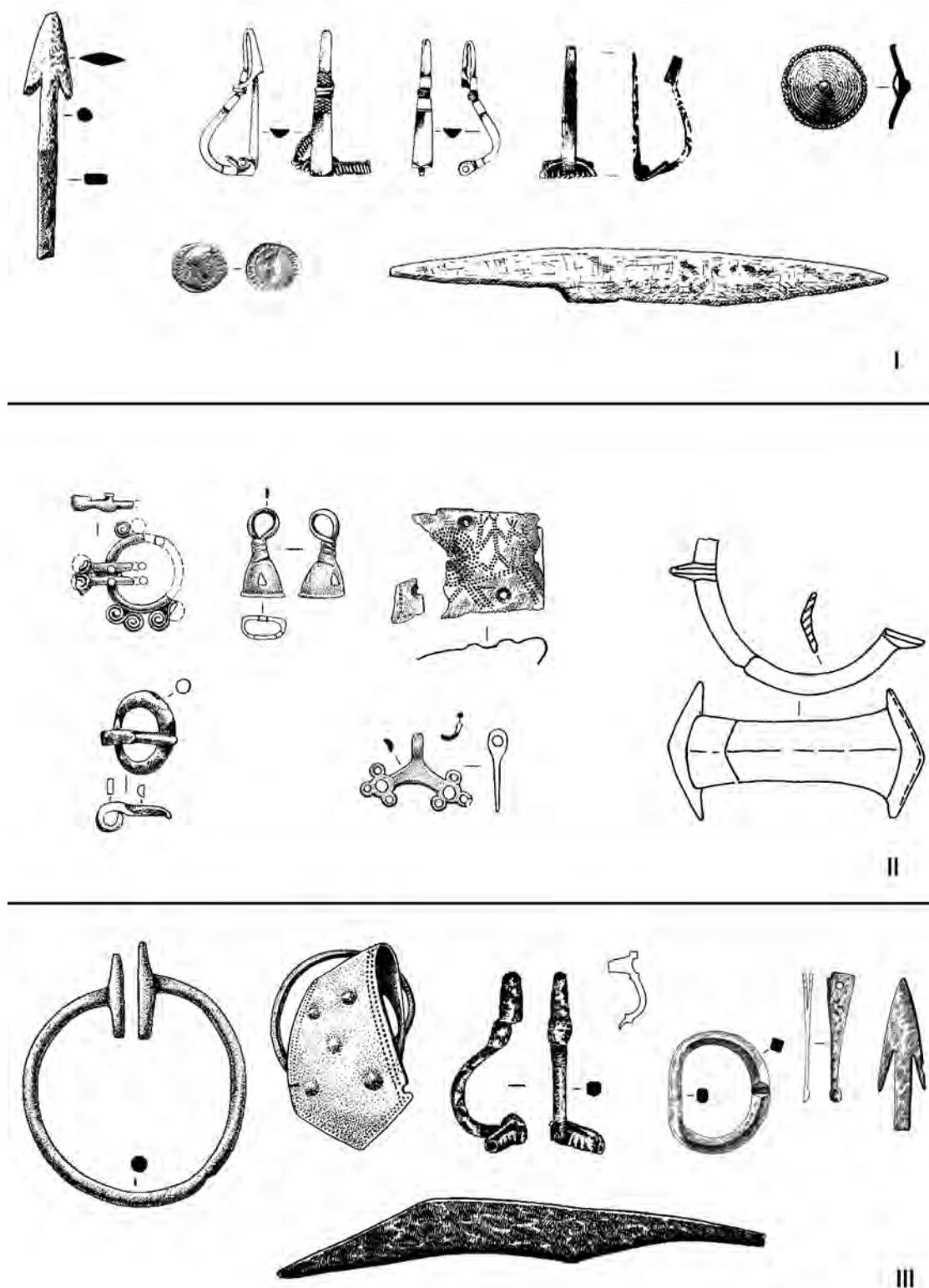

Рис. 5. Место горизонта находок восточноевропейских выемчатых эмалей в хронологии памятников Окско-Донского водораздела: I — горизонт памятников типа Ново-Клейменово; II — горизонт, связанный с находками восточноевропейских выемчатых эмалей; III — горизонт мощинской культуры периода черняховского влияния

и гладкий валик в основании, и ажурные застёжки. Также можно говорить о существовавших связях с лесостепными культурами не черняховского круга, нуждающихся в специальном исследовании.

Тот факт, что использование украшений с выемчатой эмалью на памятниках Окско-Донского водораздела приходится на период до черняховского влияния, находит прямую аналогию в процессах, происходивших на территории лесостепи (Обломский, Терпиловский 2004: 164).

Литература

- Амброз 1966 — Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР. М., 1966.
- Белоцерковская 2000 — Белоцерковская И.В. Верхнеокские элементы в культуре рязано-окских могильников / Труды ГИМ. Вып. 122. М., 2000.
- Бирюков 2001 — Бирюков И.Е. Среднее течение р. Воронеж в первые века нашей эры // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк, 2001.
- Воронцов 2000 — Воронцов А.М. Этнокультурная ситуация в раннежелезном веке и раннем средневековье на территории Окско-Донского водораздела // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000.
- Воронцов 2004 — Воронцов А.М. Новая группа памятников первых веков нашей эры в правобережье Верхней Оки // Верхнее Подонье: природа, археология, история. Т. 1. Тула, 2004.
- Гороховский 1982 — Гороховский Е.Л. Хронология украшений с выемчатой эмалью среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982.
- Гороховский 1988 — Гороховский Е.Л. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н. э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Киев, 1988.
- Дубынин 1970 — Дубынин А.Ф. Троицкое городище // МИА. № 156. 1970.
- Изюмова 1958 — Изюмова С.А. Бронзовые лунницы с городища у деревни Щепилово // СА. № 4. 1958.
- Корзухина 1978 — Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями V — первой половины VI в. н. э. в среднем Поднепровье. Л., 1978.
- Кренке, Сулержицкий 1988 — Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д. Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища // КСИА. Вып. 194. 1988.
- Малашев 2000 — Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000.
- Медведев 1996 — Медведев А.П. Подгоренское городище на р. Воронеж // Археологические памятники лесостепного Придонья. Вып. 1. Липецк, 1996.
- Медведев 1998а — Медведев А.П. Верхнее Подонье в 1-й половине I тыс. н. э. // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. Воронеж, 1998.
- Медведев 1998б — Медведев А.П. III Чертовицкое городище // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. Воронеж, 1998.
- Никольская 1959 — Никольская Т.Н. Культура племен бассейна верхней Оки в I тыс. н. э. М., 1959.
- Обломский, Терпиловский 2004 — Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Хронология и этнокультурная принадлежность украшений с выемчатыми эмалями восточноевропейского круга на территории лесостепной зоны // Евразия. Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. М., 2004.
- Розенфельдт 1982 — Розенфельдт И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М., 1982.
- Седов 1982 — Седов В.В. Восточные славяне и их соседи в VI–XIII вв. М., 1982.
- Смирнов 1974 — Смирнов К.А. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М., 1974.
- Спицын 1901 — Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. № 25. 1901.
- Храпунов 2002 — Храпунов И.Н. Могильник Дружное. Lublin, 2002.
- Madyda-Legutko 1983 — Madyda-Legutko R. Próba rekonstrukcji pasów z metalowymi częściami na obszarze środkowoeuropejskiego Barbaricum w okresie wpływów rzymskich i we wczesnej fazie okresu wędrówek ludów // Przegląd Archeologiczny. 31. 1983.

А.В. Комар (Киев)

ДЕТАЛИ ОБУВИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ КОЧЕВНИКОВ VI–VII вв.

Обувь кочевников Восточной Европы VI–VII вв. пока не становилась предметом специального исследования. Причин этому несколько, но главные — это плохая сохранность органических частей обуви, отсутствие попыток консервации сохранившихся элементов уже в поле под руководством реставратора и, наконец, неудовлетворительная документация расположения инвентаря впускных погребений в отчетах и публикациях.

Ни один из исследованных на сегодня комплексов не дает представления о покрое обуви кочевников. В редких случаях фиксируется материал обуви, но чаще всего о ее наличии говорят лишь находки металлических деталей в районе стоп погребенных. Именно расположение последних и позволяет судить о примерной высоте обуви, а также о схеме ее бандажа кожаными ремнями. Краткий анализ этой проблемы мы предложили на примере обуви из погр. 2 кург. 3 Сивашовки, погр. 2 кург. 2 Сивашского и погр. 12 кург. 1 Дмитровки (Комар, Кубышев, Орлов 2006; Комар 2006б), но вопрос, несомненно, шире, поскольку именно детали обуви представляют одну из наиболее распространенных категорий металлического инвентаря в кочевнических погребениях VI–VII вв.

Вопросы классификации и хронологии металлических деталей ремешков VI–VII вв. в той или иной степени затрагиваются в довольно большом количестве работ, хотя и преимущественно без разделения их по функциональному признаку (Ковалевская 1979; 2000; Айбабин 1990; 1999; Атавин 1996; Гавритухин, Обломский 1996; Хайрединова 2003; Комар 2006б и др.). Читатель несомненно найдет в этом списке и устраивающую его схему классификации, и приемлемые хронологические оценки, и список аналогий. В настоящей же работе мы хотим сосредоточиться на более узкой и менее исследованной проблеме реконструкции схемы бандажа обуви кочевников рассматриваемого периода.

Основания реконструкции. Единственная на сегодня попытка систематизации металлических деталей обуви V–VII вв. и ее реконструкции предпринята Э.А. Хайрединовой по материалам крымских могильников (Хайрединова 2003). Основное внимание исследователь уделила классификации обувных наборов и поиску их аналогий, отметив при этом параллели и в кочевнических комплексах, а также предложив свои варианты реконструкции обувных ремней. К сожалению, последняя часть работы довольно кратка, без детализации оснований реконструкции в каждом частном случае. Это обусловило определенную «унификацию» схемы бандажа обуви при реконструкции, чего, как будет продемонстрировано ниже, на самом деле не наблюдается ни в Крыму, ни в степи. Наиболее ценным моментом работы Э.А. Хайрединовой следует признать тщательную фиксацию расположения обувных деталей в исследованном непосредственно автором могильнике Лучистое. Эта информация крайне важна для интерпретации не только крымских материалов, но и части синхронных степных комплексов, в силу обстоятельств пока лишенных собственно кочевнических аналогий. В то же время, наличие последних в ряде случаев позволяет, напротив, уточнить реконструкции обуви из крымских погребений.

Вторым важным блоком аналогий являются памятники изобразительного искусства, фиксирующие широкое использование кочевниками Северного При-

черноморья бандажа сапог при помощи кожаных ремешков, начиная со скифского времени. Основной функцией обувного ремешка была плотная фиксация мягкой обуви вокруг пятки с сохранением максимальной подвижности и гибкости ступни (рис. 1: 1–6), необходимых всаднику при езде без стремян. Вид бандажа во многом зависел от варианта центровки ремешка. Так, в зависимости от того, наложить ли ремень на ступню сверху или же пропустить его снизу, по подошве, получался бандаж в один (рис. 1: 2–6) или два витка вокруг ступни (рис. 1: 1). Количество же витков вокруг голени, произвольное, например, у византийцев (рис. 1: 16, 17), у кочевников, напротив, имело явную тенденцию к минимальности (рис. 1: 1–6). Скифские ремешки в основном просто завязывались, такое же крепление наблюдаем и на изображениях Персеполя (рис. 1: 6) (Луконин 1977: 69, 75; Ancient Near Eastern Art 1984: fig. 68), а также на хуннских рисунках (рис. 1: 2–5) (Пыасов 2003: pl. VI; VII). Традиция же использования пряжки относится уже к сарматскому времени (Симоненко, Лобай 1991: рис. 3: 15; 28).

Бандаж «восьмеркой» активно используется в Иране до сасанидского времени (Ghirshman 1953: fig. 2; 12; 17) (рис. 1: 13). Такой бандаж на изображениях выдает наклон подпяточного ремешка, высокое расположение основного ремешка (выше «косточки»), а также расположение пряжки у подъема стопы. Но начиная со II в. н. э. в парфянской культуре появляется и бандаж сапога с жестким креплением подпяточного ремешка, широко представленный в V–VII вв. на сасанидских изображениях (Ghirshman 1962: pl. 259; Peck 1969: fig. 7; 14; 16; Harper 1981: pl. 10; 15–18; 20–22; 24; 27; 29–31; 36; 38; fig. 47) (рис. 1: 7, 9–15). Обычно основной ремень пропущен ниже «косточки» (рис. 1: 7, 9–12), но иногда он заметно оттянут вниз, чтобы не натирать при ходьбе (рис. 1: 14, 15), или же выполнен в обход «косточки» (Harper 1981: pl. 19; 33) (рис. 1: 8).

Именно два последних варианта бандажа и были заимствованы византийским населением Палестины, как о том свидетельствуют мозаики Киссуфима конца VI — начала VII в. (Schmauder 2000: Abb. 6; 7) (рис. 1: 16, 17). На стереотипных византийских консульских инаугурационных табличках изображена характерная мягкая обувь, бандаж которой перехватывает не пятку, а носок (Vuzance 1992: № 12; 13; 15; 16). Э.А. Хайрединова использовала его как аналогию для реконструкции обуви рядовых крымских погребений VI–VII вв. (Хайрединова 2003: 135), но она на самом деле неприменима к обувным наборам типа 3 (с подпятным ремнем). Собственно, аналогий такому бандажу обуви на других византийских изображениях нам так и не удалось обнаружить. Скорее всего, этот тип обуви принадлежал исключительно к церемониальным, в быту же византийцами, кроме сандалий, использовался наиболее часто представленный на светских изображениях этого времени сапожок разной высоты без бандажа (Schmauder 2000: Abb. 3; 4a; 8–13; 20). В религиозной живописи часто сохраняется сапожок с римским бандажом (густая обмотка всей ступни и голени или же только голени), но к этому жанру живописи нужно относиться осторожно, учитывая существование иконографических стереотипов раннехристианского времени. «Нестандартный» же по римским меркам бандаж сапог охотников на мозаиках Киссуфима появляется в конце VI в., во время активных войн с персами, и остается пока единственным свидетельством бытования у византийского населения бандажа с подпятным ремнем. Вполне возможно, что это заимствование было региональным и узким по времени, не распространившимся по всей империи.

Романское население Италии в VII в. использовало пряжки для застегивания мужской обуви разряда сандалий, а также для бандажа женской обуви германского покроя (Roma dall'Antichita al Medioevo 2001: 130; 131). Последняя наиболее аргументировано реконструирована по материалам погребения в саркофаге 49 базилики Сен-Дени, принадлежащего меровингской королеве Арегонде (Арнегундис) (Fleury, France-Lanord 1998: 132, 133, fig. 6, 7). Благодаря сохранившемуся здесь ремешку становится очевидно, что находившиеся в области стоп пряжки крепили именно бандаж обуви, а не застегивали саму обувь. Схема бандажа одна из самых простых — перехват голени и ступни «восьмеркой» одночастным ремешком с пряжкой и наконечником.

В целом, законодателем мод в способах бандажа мягкой обуви несомненно выступали ираноязычные племена Евразии. Появившийся на рубеже I тыс. н. э. бандаж «восьмеркой» в Европе просуществовал фактически около тысячелетия. Более же сложный вариант бандажа с подпятным ремнем использовался как минимум до XV в. (рис. 1: 18, 19); вытеснило его лишь широкое распространение жестких сапог, не нуждающихся в бандаже.

Очень любопытна расписная шкатулка VI–VII вв. из Субаши (Куча) из собрания Токийского национального музея. У персонажей здесь мы видим обувь без бандажа и с бандажом сразу нескольких типов: перехват ремешком на голени (цв. вкл. 2: 1), бандаж с подпятным ремешком (цв. вкл. 2: 2, 4, 5) и дополнительным перехватом голени (цв. вкл. 2: 3). Подобное разнообразие, очевидно, свидетельствует,

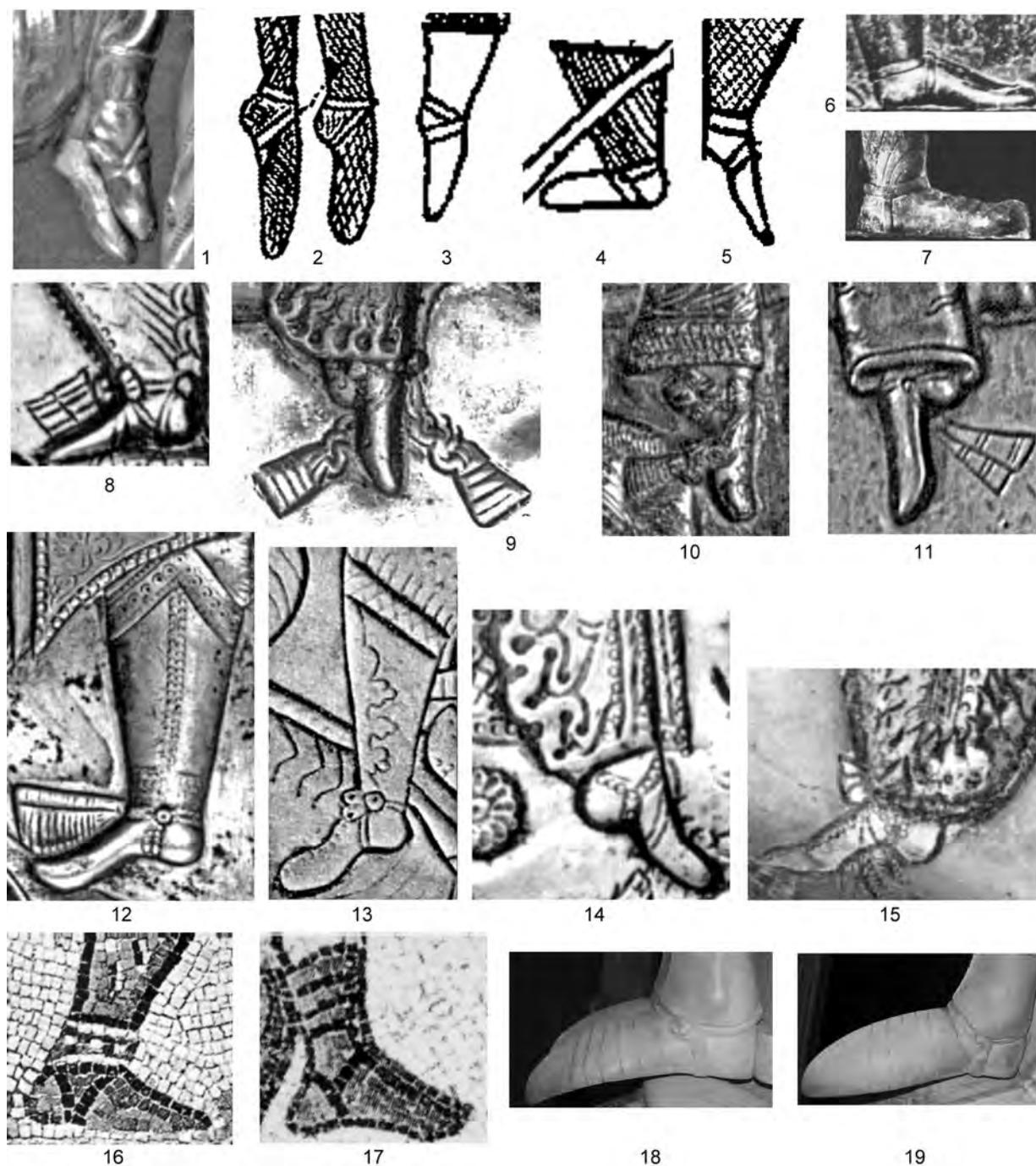

Рис. 1. Детали обуви в памятниках изобразительного искусства: 1 — Толстая могила (IV в до н. э.); 2–4 — Орлат (I–II вв. н. э.); 5 — Тахт-и-Сангин (I–II вв. н. э.); 6 — Персеполь (V в. до н. э.); 7 — статуя Канишки (сер. II в. н. э.); 8–15 — сасанидские серебряные блюда с изображениями правителей: 8 — Хосров I (531–579 гг.) (ГЭ); 9 — Кавад I (488–531 гг.) (Metropolitan Museum of Art); 10 — Хосров II? (591–628 гг.) (Bibliothèque Nationale); 11 — неизвестный (VI в.) (ГЭ); 12 — Хосров II (591–628 гг.) (ГЭ); 13 — неизвестный (VI–VII вв.) (Walters Art Gallery); 14 — неизвестный (VII в.) (Museum für Islamische Kunst); 15 — Йазигерд I (399–421 гг.) (Metropolitan Museum of Art); 16, 17 — Киссуфим (конец VI в.); 18, 19 — базилика Сен-Дени (XV в.)

что бандаж мягких сапог был весьма индивидуальным и вряд ли мог выступать этнографическим или сезонным признаком.

Изобразительные аналогии — лишь одно из оснований для реконструкции. Вторым, не менее важным основанием, является взаимное расположение ременных деталей (пряжек, наконечников, обойм, скоб, декоративных бляшек) *in situ*, которое позволяет реконструировать общее расположение ремней. К сожалению, даже очень тщательная фиксация не всегда может помочь в реконструкции. Обусловлено это двумя факторами. Во-первых, не всегда детали обуви оказываются в погребении именно на ногах, часто приходится иметь дело со снятой обувью, положенной погребенному в «напутственный багаж». Во-вторых, даже на стопах детали обуви не всегда сохраняются в первоначальном положении из-за особенностей разложения тела. В таких случаях комплекты правой и левой ног обычно расположены различно, а информативным является лишь положение части деталей.

Памятники горизонта Лихачёвки — Шипово (конец V — 1-я пол. VI в.). Кочевнические погребения рассматриваемого горизонта представлены памятниками типа Лихачёвки в Северном Причерноморье (Комар 2004) и памятниками типа Шипово в Поволжье (Засецкая 1994).

Впускное погребение кургана 6 у Лихачёвки (Зарецкий 1888: 241–242) в группе наиболее раннее (конец V — начало VI в.). Согласно описанию из отчета И.А. Зарецкого: «На уцелевшем локтевом суставе правой руки лежали обломки какого-то предмета, сделанного из дубовой доски и кожи, между доской и кожей оказались две полукруглые бронзовые пряжки (рис. 3: 1, 2), прикрепленные к ремешкам, два бронзовых колечка с надетыми на них ушками (рис. 3: 3, 4), прикрепленные тоже к ремешкам, и бронзовая пластинка — наконечник ремешка (рис. 3: 5). Какую форму имел этот деревянно-кожаный предмет, определить не было возможности» (Обломский 2004: 221). Близкие наборы металлических деталей ремней обнаружены также у правого локтя погребенного в погр. 44 Коминтерновского могильника (Казаков 1998: рис. 34) и на груди погребенного в погр. 141 Безводнинского (Краснов 1980: рис. 41: 10, 13) (Среднее Поволжье). Опираясь на находки аналогичных кольцевых распределителей с тремя обоймами в районе ступней в погребениях 1-й пол. V в. — погр. 5 склепа 88 Лучистого (Айбабин, Хайрединова 1997: рис. 21: 10, 11) и п. 27/1985 Танаиса (Арсеньева, Безуглов, Толочко 2001: табл. 22: 310–313) — А.М. Обломский предположил, что и «деревянно-кожаный предмет» из Лихачёвки также может быть остатками подобной обуви (Обломский 2004: 222, 223). Информация отчета действительно допускает вариант обуви, поскольку металлические детали на самом деле оказались расположенными в погребении «между доской и кожей», а следовательно, речь скорее идет о двух разных предметах. Только об остатках кожи речь шла и в погр. 141 Безводнинского могильника (Краснов 1980: 178).

Предположение А.М. Обломского, что такая обувь не принадлежала погребенной, а была погребальным даром (Обломский 2004: 223), маловероятно, особенно учитывая явный износ ремней (все металлические детали обломаны). Погребальная обрядность тюрков-шаманистов дает как минимум два альтернативных объяснения такому обряду. Общетюркским было представление о путешествии в загробный мир, которое длилось обычно 40 дней. Умерший снаряжался всем необходимым в дорогу — конем, пищей, средствами для добывания огня. Женщинам же (особенно погребаемым без лошади) в могилу помещали инструменты для починки одежды и обуви, а иногда — запасную обувь. Вторым вариантом объяснения может быть обычай тувинцев — всю одежду с умершего снимали, тело заворачивали в войлок, а снятая одежда захоранивалась рядом с телом (Алексеев 1980: 208, 210). Как увидим ниже, Лихачёвка — не единственный пример, когда детали, обычно принадлежащие обуви, находятся в погребении не в районе стоп, поэтому следует обратить пристальное внимание на существование указанных обрядов.

Реконструкция бандажа из Лихачёвки довольно проблематична, учитывая отсутствие информации о взаиморасположении предметов. Несомненно, что речь идет о ремешках шириной до 1,4 см, соединенных кольцевым распределителем с тремя обоймами. На конце одного из ремешков крепилась пряжка с округлой обоймой, на конце второго — «бронзовый» (низкопробное серебро?) наконечник, от которого в нашем случае сохранилась обломанная пластинка (рис. 3: 5). Места сломов наконечника указывают, что, скорее всего, он оканчивался фигурным выступом в виде «рыбьего хвоста». Его прототипами, возможно, были наконечники гуннского времени из Керчи (Засецкая 1993: табл. 36: 162), но еще ближе по форме наконечники и детали узды из Качина (Кухаренко 1982: рис. 4: 1–3, 5, 6). Оформление щитков в виде «рыбьего хвоста» характерно также для пряжек 1-й пол. VI в. из Сахарной Головки и Дюрсо (Борисова 1959; Дмитриев 1979: рис. 3: 8; 1982: рис. 5: 12). Происхождение же всего комплекта из Лихачёвки несомненно восходит к обувным комплектам гуннского времени типа 1–3 по Э.А. Хайрединовой (Хайрединова 2003: 134).

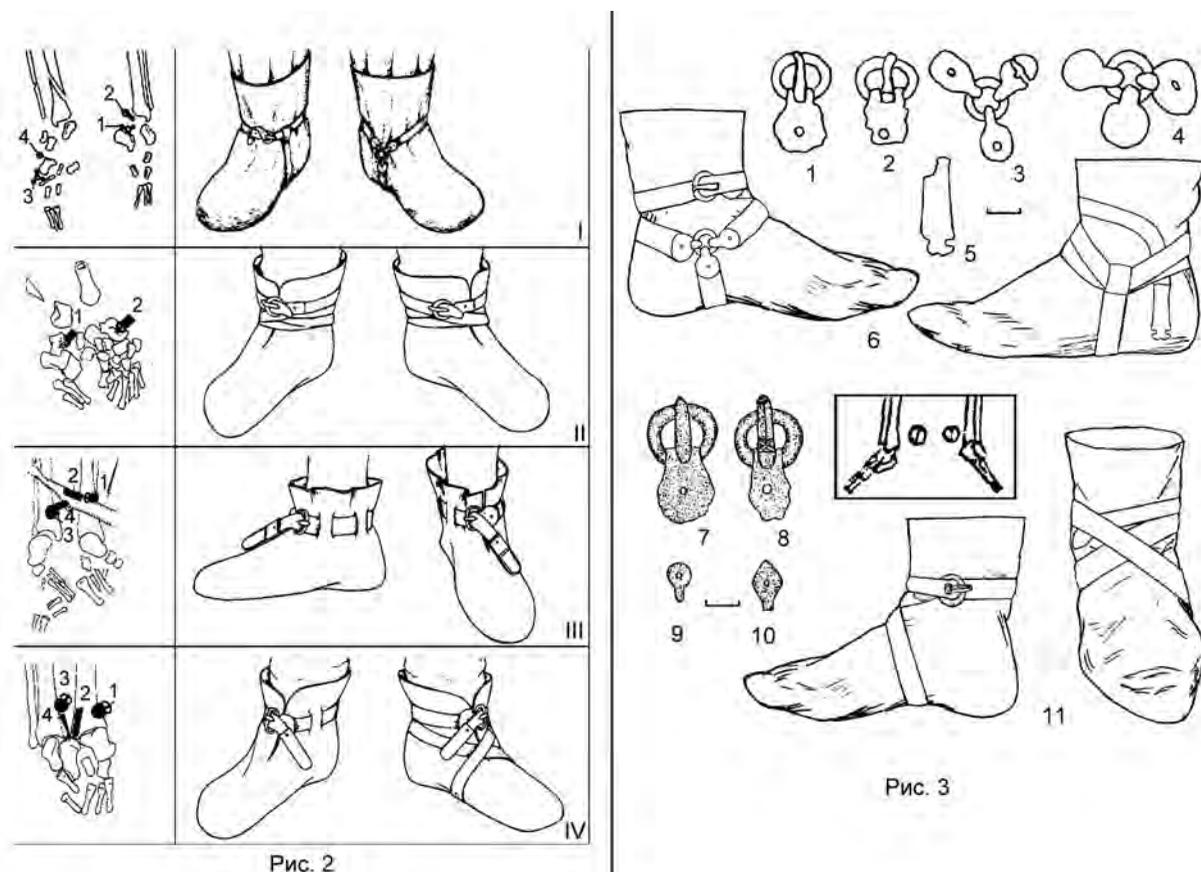

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 2. Обувь V–VI вв. из могильника Лучистое, реконструкция Э.А. Хайрединовой: I — погр. 5 склеп 88; II — могила 168; III — погр. 8 склеп 176; IV — погр. 1 могила 99 (по: Хайрединова 2003)

Рис. 3. Детали обуви кочевников конца V — 1-й пол. VI в. и варианты ее реконструкции: I–6 — Лихачёвка, кург. 6; 7–11 — Ново-Подкряж, погр. 3 кург. 3 (по: Костенко 1977)

Сравнительной информации для реконструкции схемы бандажа в нашем распоряжении также немного. В погр. 27/1985 Танаиса точное расположение деталей не опубликовано, также в нашем распоряжении нет пока и информации о расположении деталей в богатом аланском погр. 2 кург. 2 Брута (*I tesori dei kurgani del Caucaso settentrionale* 1990: № 282). Комплекс из «Поднепровья» (*Fettich* 1953: pl. 30) не документирован, и лишь в погр. 5 склепа 88 Лучистого ясно расположение деталей *in situ* (рис. 2: I). Детали правого и левого сапожков в погр. 5 расположены различно, что заставило Э.А. Хайрединову предложить две различные реконструкции (Хайрединова 2003: рис. 3: Ia, Ib). Реконструкцию по материалам правого сапожка, аналогий которой в изобразительной традиции нам неизвестно, да и практическое исполнение которой наталкивается на серьезные трудности в использовании такого бандажа, мы склонны считать ошибочной. Более продуктивна реконструкция по материалам левого сапожка (рис. 2: I), хотя и она не лишена недостатков. Внимание здесь следует обратить на расположение пряжки на внутренней стороне стопы, а не спереди, к тому же, в наклонном положении язычком кверху (рис. 2: I, 2). Это дает другой вариант реконструкции бандажа (рис. 3: 6). К сожалению, способ крепления подпяточного ремешка с внешней стороны стопы не известен, поэтому этот элемент реконструкции произвольный. Второй произвольный элемент — расположение ремешка с наконечником. Мы специально оговариваем этот момент, поскольку и в большинстве случаев ниже мы также не можем достоверно установить, пропускался ли наконечник в специальную кожаную петельку или же просто проталкивался под ближайший ремешок. Скорее всего, оба способа сосуществовали долгое время — например, в Италии римский обычай проталкивать конец пояса с наконечником под ремень сохранялся вплоть до VIII в. (*Daim* 2000: Abb. 79).

Погребение 3 кург. 3 Ново-Подкряжа (Костенко 1977: 121; 1986: 53) 1-й пол. VI в. более информативно. В области стоп здесь найдены две бронзовые пряжки, расположенные выше эпифизов с внутренней стороны стопы (рис. 3: 7, 8), крепившиеся к ремешкам при помощи фигурных шайбочек (рис. 3: 9, 10).

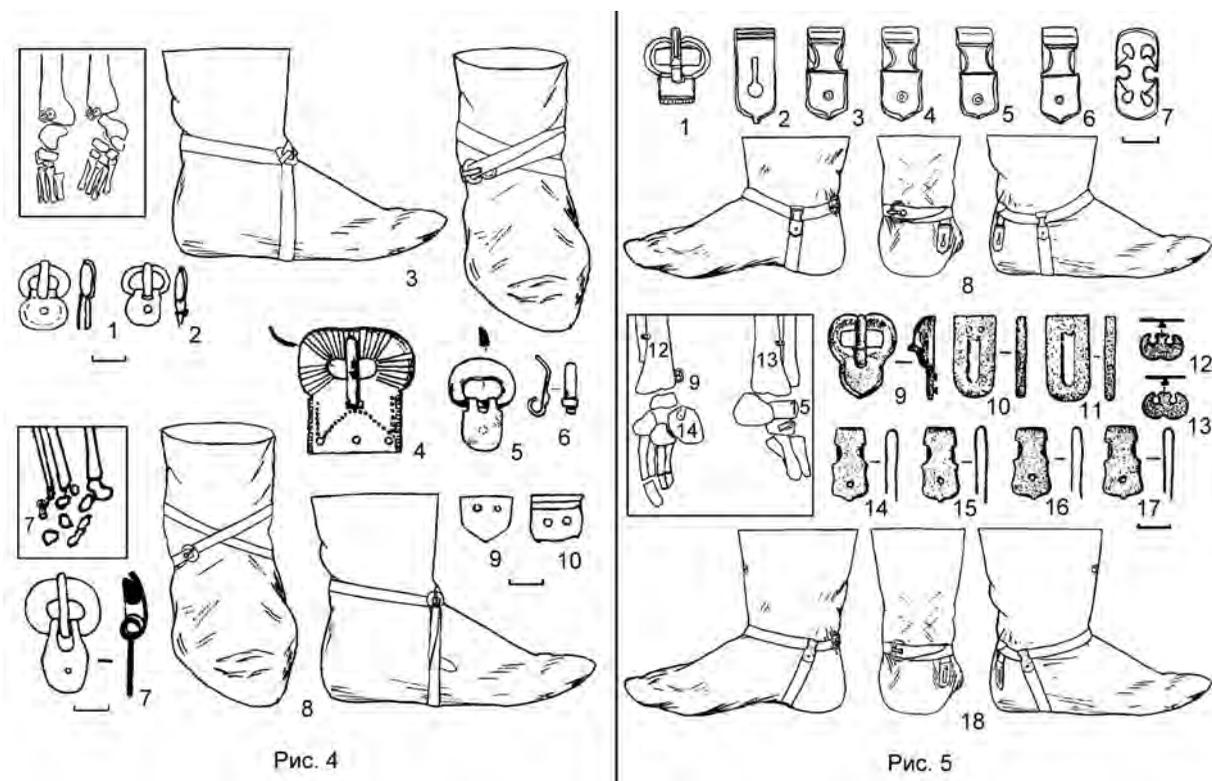

Рис. 4. Детали обуви кочевников VI в. и варианты ее реконструкции: 1–3 — Животино, погр. 4 (по: Медведев 1990); 4–6 — Шипово, кург. 2 (по: Засецкая 1994); 7, 8 — Царев, погр. 2 кург. 66 (по: Мыськов 1993); 9, 10 — Большой Токмак, погр. 1 кург. 1 (по: Смирнов 1960)

Рис. 5. Детали обуви кочевников конца VI–VII в. и варианты ее реконструкции: 1–8 — Шелюги, погр. 1 кург. 3; 9–18 — Сивашское, погр. 2 кург. 2

На схематическом рисунке из публикации заметно, что язычки пряжек расположены вертикально. Это совсем не случайная деталь — в Лучистом пряжки *in situ* часто расположены именно в наклонном положении язычком вверх или вниз (рис. 2: I, 2; II, 1, 2; IV, 1, 3), что заметно контрастирует с погр. 8 склепа 176, где пряжка и наконечник находились горизонтально на одной линии. В реконструкции Э.А. Хайрединовой все сапожки приобрели бандаж с горизонтально расположенной пряжкой (рис. 2: II–IV), тогда как в реальности в могиле 168, погр.1 могилы 99, погр.1 склепа 205 Лучистого и им подобных следует предполагать наличие обычного для алан и германцев бандажа «восьмеркой», в котором пряжка неминуемо оказывается в наклонном положении язычком вверх или вниз. Именно такой тип бандажа использован и в погр. 3 кург. 3 Ново-Подкряжа (рис. 3: 11). Ширина ремешка здесь близка лихачёвским — 1,2–1,3 см.

Любопытно, что в погребениях алтайских тюрок VIII в. расположение пряжки довольно стандартизировано — слева от ступни язычком вверх (Кубарев 2005: табл. 48: 10; 59: 10; 79: 8). В крымских же и восточноевропейских комплексах наблюдается как разнообразие стороны застегивания пряжки, так и ее ориентировки (вниз или вверх язычком).

Погребение 4 Животинного могильника (Медведев 1990: 73–75) синхронно предыдущему или несколько более позднее в рамках 1-й пол. VI в. В области стоп здесь также находились две пряжки с овальной рамкой и овальным щитком (рис. 4: 1, 2), но располагались они одинаково спереди стопы со смещением вправо, в наклонном положении язычками вниз. Схема бандажа в данном случае — все та же «восьмерка» (рис. 4: 3), ширина ремешка на конце 1–1,1 см, но в месте крепления щитка пряжек возможно больше — ок. 1,4 см. Обувной комплект из погребения близок крымским наборам 1-й пол. VI в. типа 2 по Э.А. Хайрединовой (Хайрединова 2003: 135).

Погребение кург. 2 Шипово (Засецкая 1994: 190) представляет другой регион — Среднее Поволжье. Согласно описанию, в области стоп здесь обнаружена бронзовая позолоченная пряжка (рис. 4: 4), аналогичная поясной и сбруйной из кург. 3 Шипово (Засецкая 1994: табл. 40: 3), которую И.П. Засецкая считает принадлежащей деталям обуви. Но тип и размеры пряжки совершенно выпадают из

рассмотренного выше контекста обувных деталей 1-й пол. VI в. К сбруйным относились и две сходные пряжки из погр. 3 кург. 4 Верхне-Погромного (Засецкая 1994: табл. 28: 6, 7). В погр. 42 Коминтерновского могильника такие пряжки принадлежали сбруе, а в погр. 46 — сбруе и поясу (Казаков 1998: рис. 30: 3, 4; 36: 5, 9, 20). Параметрам обувных зато полностью отвечает вторая пряжка с овальной уплощенной рамкой и подовальным щитком из кург. 2 Шипово (рис. 5: 5, 6).

Учитывая недостаточную документированность раскопок, мы склонны обратить внимание на факт находки, согласно отчету, в кург. 3 Шипово двух аналогичных пряжек, в то время, как в коллекции Саратовского музея из комплекса происходит только одна, а вторая относится к кург. 2, где, согласно отчету, как раз найдена только одна обувная пряжка. Вероятность механической ошибки в этом случае высока, поэтому версия об использовании поволжскими кочевниками 1-й пол. VI в. одинакового типа крупных пряжек с В-образной рамкой и неподвижным прямоугольным щитком не только как поясных и сбруйных, но еще и как обувных, нам представляется маловероятной.

Памятники горизонта Суханово (2-я пол. VI в.). Период 2-й пол. VI — нач. VII в. для степи Восточной Европы представлен малочисленными памятниками типа Суханово, для которых, к тому же, характерен минимум погребального инвентаря (Комар, Кубышев, Орлов 2006: 355–360; Комар 2008).

Погребение 1 кург. 1 Большого Токмака (Смирнов 1960: 177; Комар 2008: 88–91) 2-й пол. VI в. из Северного Приазовья, принадлежащее подростку, из деталей обуви содержало лишь прессованные серебряные наконечники ремешков, крепившиеся двумя гвоздиками (рис. 4: 9, 10). Как и в скифское время, кожаные ремешки здесь просто завязывались, а схема бандажа, скорее всего, была простой «восьмеркой». Ширина ремешков сходна с рассмотренными выше погребениями — 1,3–1,4 см.

Погребение 2 кург. 66 Царева (Мыськов 1993: 77), также 2-й пол. VI в., репрезентирует памятники типа Суханово в Нижнем Поволжье. На подъеме правой ступни смещенной вправо лежала овальная пряжка с подвижным подовальным щитком, язычком кверху (рис. 4: 7). По форме и сечению рамка, а также по форме щитка, эта пряжка близка к пряжке из кург. 2 Шипово (рис. 4: 5). Схема бандажа «восьмеркой» (рис. 4: 8), ширина ремня на конце — ок. 1 см, в месте крепления пряжки — ок. 1,3 см.

Памятники горизонта Шелюги — Иловатка (конец VI — 1-я четверть VII в.). В Северном Причерноморье памятники типа Суханово эволюционируют в горизонт Шелюг (Комар 2006б: 114; Комар, Кубышев, Орлов 2006: 358–360). Появление поясных наборов «геральдического» стиля, как иллюстрирует погр. 2 кург. 66 Царева, у кочевников Восточной Европы не сразу отразилось и на обувных наборах. Произошло последнее не ранее конца VI в., именно на этапе горизонта Шелюги-Иловатка.

Погребение 1 кург. 3 Шелюг (Комар, Кубышев, Орлов 2006: 358, 359; Комар 2008: 96–97) по условиям нахождения деталей обуви сходно с Лихачевкой, с той лишь разницей, что комплект обнаружен здесь в районе колен. Комплект включал пряжку, четыре серебряные прессованные обоймы, наконечник, а также, возможно, и двушитковую бляшку (рис. 5: 1–7). Наиболее близкая аналогия комплекту найдена в погр. 1 склепа 204 Лучистого (Хайрединона 2003: рис. 10). Комплект из Шелюг отличается лишь в деталях: пряжка без византийского крепления петлями, обоймы с заостренными «геральдическими» щитками, другой тип наконечников. По сравнению с упомянутым набором 2-й пол. VI в. из Лучистого (тип 3–26 по Э.А. Хайрединоной), комплект из Шелюг не просто дериватный, но и явно более поздний, что подтверждают поясная пряжка из погребения (Комар, Кубышев, Орлов, 2006: рис. 48: 23), и обоймы, находящие ближайшие аналогии в п. 2 к. 2 Сивашского (рис. 5: 14–17) и в погр. 3 склепа 77 Лучистого (Хайрединона 2003: рис. 11: 3, 4).

К сожалению, кочевнические комплексы этого времени с зафиксированным *in situ* аналогичным набором деталей пока не известны, что вновь заставляет обратиться при реконструкции за аналогией к крымским материалам. Э.А. Хайрединона предложила реконструкцию бандажа из погр. 1 склепа 204 Лучистого с пряжкой впереди (рис. 6: I), что противоречит месту реального обнаружения пряжек сзади выше пятки (рис. 6: I, I, б). С аналогичным расположением пряжки нам уже приходилось сталкиваться при реконструкции обуви из погр. 2 кург. 2 Сивашского (рис. 5: 9) (Комар, Кубышев, Орлов 2006: 317, 318). В погр. 1 склепа 204 Лучистого обе пряжки обращены язычками влево, такая же картина и в погр. 2 кург. 2 Сивашского. Перед нами несомненно одинаковый принцип бандажа обуви, который, вполне возможно, использовался и в погр. 1 кург. 3 Шелюг (рис. 5: 8, 18). В обоих упомянутых погребениях в обуви не использовались двушитковые бляшки (хотя в погр. 2 кург. 2 Сивашского такая бляшка найдена в погребении возле ножа), что позволяет нам усомниться в принадлежности к обувному комплексу и двушитковой бляшки из погр. 1 кург. 3 Шелюг (рис. 5: 7).

Погребение 2 кург. 3 Иловатки (Смирнов 1959: 219, 220) нач. VII в. вряд ли можно соотносить с памятниками типа Суханово — эта группа поволжского населения несомненно была родственной более поздним памятникам региона типа Сивашовки, хотя и хронологически предшествует им.

В погребении не обнаружено достоверного обувного комплекта, хотя в разных частях засыпки находились парные прямоугольные бесщитковые пряжки и две обоймы с круглым щитком (Смирнов 1959: рис. 7: 1, 9, 11), которые вполне могли бы составить такой комплект, особенно учитывая, что именно ступни в погребении подверглись нарушению. Непосредственно же в районе ступни найден лишь скипевший фрагмент с железной пряжкой (Смирнов 1959: рис. 7: 10).

Памятники горизонта Сивашовки (2-я — 3-я четверти VII в.). Горизонт объединяет довольно большую группу погребений типа Сивашовки, дата части из которых может включать 2-ю четверть VII в. («горизонт Рисового»), но дата совершения большинства погребений тяготеет к 3-й четверти VII в. (см.: Комар 2006б; Комар, Кубышев, Орлов 2006).

Погребение 2 кург. 2 Сивашовского (Северное Приазовье) (Комар, Кубышев, Орлов, 2006: 309–323) вмещало комплект серебряных обувных деталей из пряжки с В-образной рамкой, четырех обойм, двух наконечников и двух фигурных бляшек (рис. 6: 9–17), расположение которых на ступнях зафиксировано *in situ*. Бандаж включал подпятный ремешок шириной ок. 1,1 см, на концах которого фиксировались обоймы. Сквозь петли обойм пропускался ремешок с пряжкой и наконечником на концах, шириной ок. 1,2 см, который застегивался сзади выше пятки (рис. 5: 18). Не совсем ясным представляется назначение фигурных бляшек, которые располагались выше на голенище сапога (рис. 5: 18). Вполне возможно также допускать, что бляшки на самом деле крепились к более мягкому ремешку, который завязывался, а не застегивался пряжкой. Второй ремешок, охватывавший верх голенища сапога (правда, застегивавшийся пряжкой) зафиксирован в погр. 2 кург. 3 Сивашовки.

Остатки самой обуви в погребении прослежены по тонкому тлену кожи вокруг ступни. Это были сапожки из тонкой кожи, высотой как минимум в 17 см.

Погребение 2 кург. 3 Сивашовки (Северное Приазовье) (Комар, Кубышев, Орлов 2006: 245–309) вмещало более сложный обувной комплект, состоящий из двух железных (рис. 7: 2, 3) и двух серебряных пряжек (рис. 7: 4, 5), двух обойм с округлыми щитками (рис. 7: 6), пары больших и пары мелких наконечников (рис. 7: 7, 8, 11), серебряной двущитковой бляшки (рис. 7: 9), парная которой была обнаружена лишь выше, в засыпке, а также сдвоенных, покрытых серебряным листом, и одинарных медных заклепок с шайбочками (рис. 7: 10, 12, 13). Расположение деталей описано, а также зафиксировано на фото (Комар, Кубышев, Орлов 2006: рис. 17) и на плане, что существенно облегчает реконструкцию.

Бандаж состоял из двух комплектов ремней, шириной ок. 1,1 см. Верхний ремень, охватывавший голенище, крепился к железной пряжке без щитка при помощи медной заклепки, а на втором конце оканчивался серебряным крупным наконечником. Застегивался на голени пряжкой ближе к внутренней стороне (рис. 7: 14). На правом сапоге рядом с наконечником зафиксированы сдвоенные заклепки и одна медная, но их точное предназначение установить трудно, особенно учитывая, что такого элемента крепления не было на левом сапоге. Нижний ремень застегивался серебряной пряжкой и маленьким наконечником, пропущенным через петлю обоймы подпятного ремня. Комплект сапога включал только одну обойму, а следовательно, второй конец подпятного ремня жестко крепился или пришивался к основному ремешку возле пряжки. Сама пряжка располагалась горизонтально на внешней стороне стопы, а на ее подъеме крепилась двущитковая бляшка (рис. 7: 14).

Очень близкий набор деталей находился в крымском погр. 3 склепа 204 Лучистого (Хайрединова 2003: рис. 13), но Э.А. Хайрединова реконструировала его иначе (рис. 6: II). Обратив внимание в данном случае следует на пряжки, которые расположены так же, как и в Сивашовке, на внешней стороне стопы, а не спереди на голени (рис. 6: II, I, 6). В остальном конструкция бандажа действительно отличается. Во-первых, подпятный ремень закреплен подвижно на двух обоймах. Во-вторых, двущитковая бляшка расположена за пяткой, а не впереди на подъеме. Учитывая, что так же двущитковая бляшка расположена и в погр. 3 склепа 189 Лучистого (рис. 6: IV, 4, 8), этот элемент действительно мог скреплять дополнительный короткий подпятный ремешок (рис. 6: II).

Остатки обуви в погр. 2 кург. 3 Сивашовки, так же, как и в Сивашовском, фиксировались только по остаткам кожи вокруг стоп погребенного. Высота сапожка достигала не менее 15 см. Среди вещей из комплекса, нынешнее нахождение которых не установлено, присутствовал фрагмент кожаного изделия, шириной ок. 8,2 см (рис. 7: I). По его краю виден бортик шириной 8–9 мм, украшенный прессованным декором. Вдоль бортика видны отверстия от швов, еще один ряд прошивки расположен ближе к центру. Поскольку в отчете не задокументирована точная принадлежность данного предмета, остается лишь догадываться, что это могла быть нижняя часть многослойной войлочно-кожаной подошвы сапога (фрагмент пятки). Смушает в этой версии лишь тиснение на коже, традиционно наносимое на лицевую часть предметов.

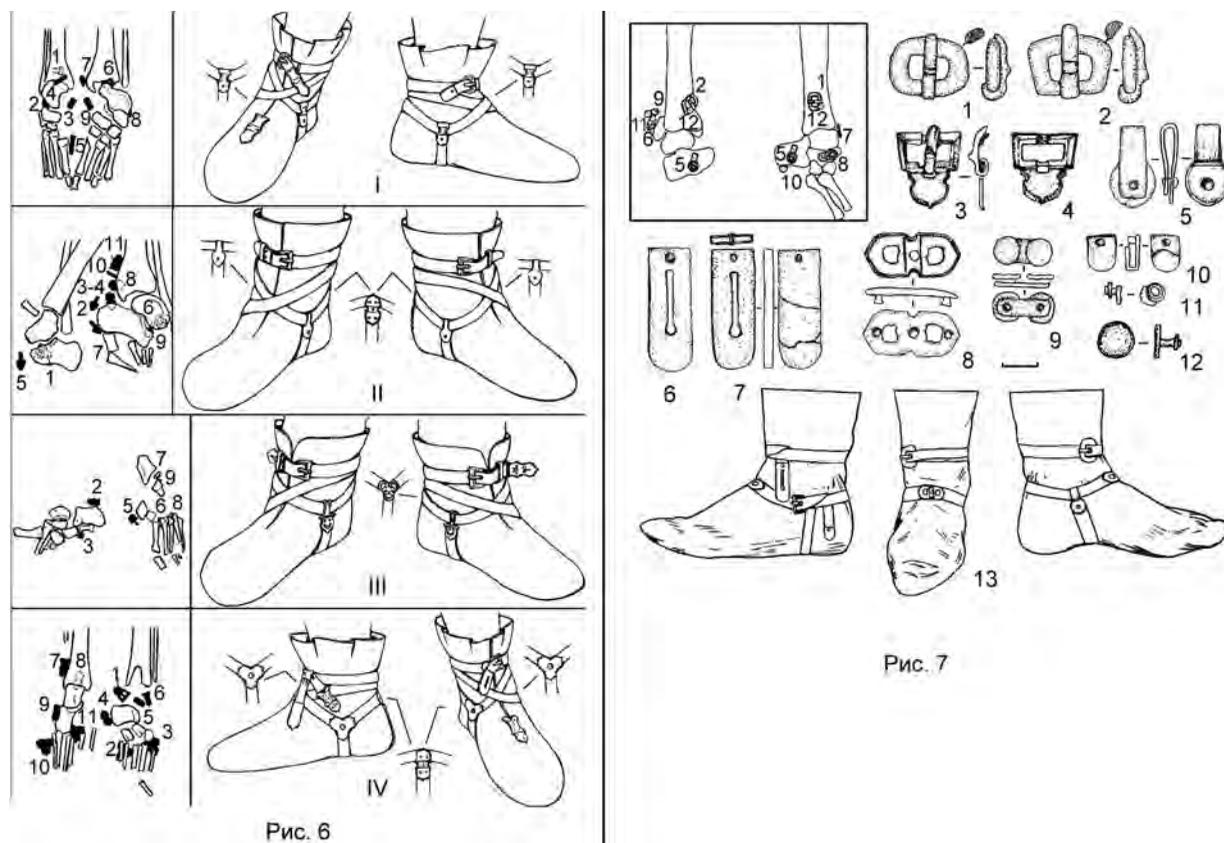

Рис. 6. Детали обуви 2-й пол. VI–VII в. из могильника Лучистое, реконструкция Э.А. Хайрединовой: I — погр. 1 склеп 204; II — погр. 3 склеп 204; III — погр. 3 склеп 170; IV — погр. 3 склеп 189 (по: Хайрединова 2003)

Рис. 7. Детали обуви VII в. из погр. 2 кург. 3 Сивашовки и её реконструкция

Погребение 1 кург. 1 Авилковского (Нижняя Волга) (Синицын 1954: 230–232) демонстрирует комплект из двух бронзовых пряжек с прямоугольной рамкой и треугольным щитком, четырех пластинчатых обойм с овальным щитком и одного наконечника (рис. 8: 1–3).

Расположение деталей документировано фрагментарно, но благодаря плану и описанию ясно, что пряжки располагались горизонтально на берцовой кости смещенными к внешней стороне; тут же, на одной линии, найден и наконечник. Пластинчатые же обоймы располагались обычно, по обе стороны от стопы. Т.е., если в Сивашском пряжка располагалась ниже эпифиза берцовой кости, а в Сивашовке это компенсировалось дополнительным ремешком, то в Авилковском бандаж несомненно имел как минимум два витка вокруг голени, причем наконечник не свисал, как предыдущих погребениях, а фиксировался кожаной петлей (рис. 8: 4). Вариантов перекрещивания основного ремешка два: спереди и сзади, на пятке. На графической реконструкции мы изобразили первый вариант (рис. 8: 4), во втором же варианте добавляется еще один ремня виток вокруг голени. Ширина ремешков обуви — ок. 1 см.

Погребение из Зиновьевки (Нижняя Волга) (Рыков 1929). Обувной комплект отличается от предыдущего прямоугольной формой щитка обувной пряжки и непарными обоймами (рис. 8: 5–7), а также присутствием бронзовой прямоугольной обоймы для конца ремешка (рис. 8: 8). Поскольку точное расположение пряжки нам не известно, допустимы два варианта реконструкции: по модели Сивашского (см.: рис. 5: 18) или же с лишним витком, чтобы пряжка оказалась на голени (рис. 8: 9). Ширина ремешков обуви — ок. 1 см.

Погребение 3 кург. 5 Виноградного (Северное Приазовье) (Орлов, Рассамакин 1996) демонстрирует один из самых дорогих обувных комплектов. Здесь на голени обнаружены по две серебряные пряжки с прямоугольной рамкой и подтреугольным щитком и по ремешковому наконечнику, а справа и слева от каждой стопы — по обойме с «геральдическими» щитками (рис. 9: 1–3, 5). Самым же дорогим предметом является серебряная двущитковая бляшка с золотой зернью и стеклянными вставками, обнаруженная у левой стопы на подъеме (рис. 9: 4); парной бляшки в погребении не было.

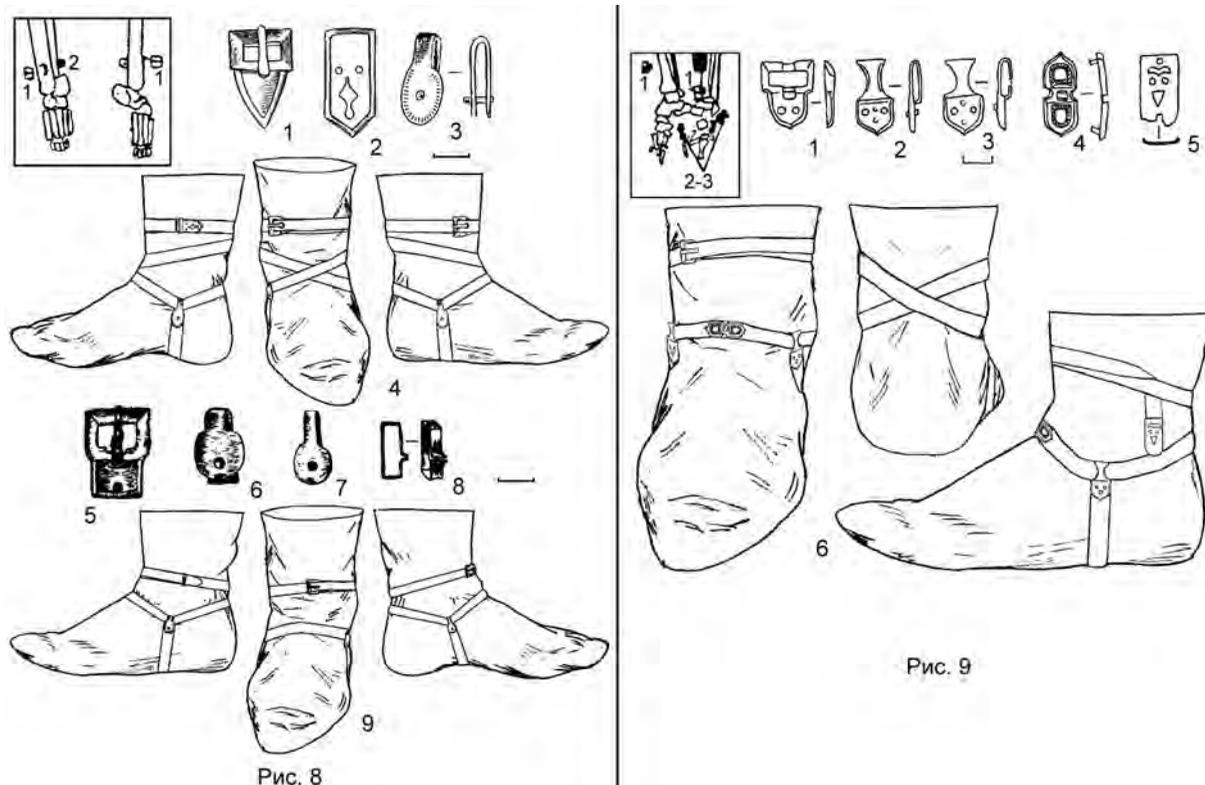

Рис. 8. Детали обуви VII в. кочевников Нижнего Поволжья и варианты ее реконструкции: 1–4 — Авиловский (по: Синецын 1954); 5–9 — Зиновьевка (по: Рыков 1929)

Рис. 9. Детали обуви VII в. из погр. 3 кург. 5 Виноградного (по: Орлов, Рассемакин 1996) и ее реконструкция

Судя по описанию отчета и схематическому плану, пряжки располагались на берцовой кости со смещением вправо. Это позволяет предложить реконструкцию бандажа с перехватом голени и с подвижным подпятым ремнем с двушитковой бляшкой на подъеме (рис. 9: 6). Ширина ремешков ок. 1,2 см.

Довольно схожий крымский комплект деталей из погр. 3 склепа 170 Лучистого (Хайрединова 2003: рис. 14) менее пригоден для реконструкции, поскольку на плане нет пряжек (рис. 6: III). Но в пользу предложенной реконструкции говорит и следующее кочевническое погребение из Дмитровки.

Погребение 12 кург. 1 Дмитровки (Южное Побужье) (Комар 2006в). Основной инвентарь погребения состоял из комплекта серебряных деталей: четыре обоймы, два наконечника и две двушитковые бляшки, а также двух латунных пряжек. Около ног найден и обломок Т-образной бляшки, но ее принадлежность к деталям обуви сомнительна (рис. 10: 7). Пряжки непарные: с В-образной и подовальной рамкой (рис. 10: 1, 2); обоймы ремонтированы; все детали крепились шпеньками при помощи медных шайбочек; рассчитаны на ремень шириной 1,1–1,2 см.

Расположение деталей документировано планом, который позволяет заключить традиционное расположение обойм по обе стороны от стопы, а двушитковых бляшек на подъеме стопы (рис. 10). Пряжки располагались на берцовой кости со смещением на внутреннюю сторону; обе повернуты по диагонали вправо. Такое расположение отражает бандаж с подвижным подпятым ремнем и одним перехватом ремня вокруг голени (рис. 10: 12).

Погребение 7 кург. 7 Христофоровки (Южное Побужье) (Prichodnyuk, Fomenko 2003) повторяет ситуацию погребений из Лихачёвки и Шелюг — предположительные детали обуви здесь располагались возле левой руки и в засыпке. Комплект состоял из двух серебряных пряжек, двух наконечников, двух трехлопастных бляшек и двушитковой бляшки, которые крепились при помощи медных шайбочек (рис. 11: 1–7). Ширина ремня ок. 1,2 см.

Крымские обувные комплекты с трехлопастными бляшками Э.А. Хайрединова выделила в тип 3-2а, предложив несколько вариантов реконструкции бандажа (рис. 6: IV; 12, II, III) (Хайрединова 2003: рис. 11; 12; 15–17). Документированное расположение деталей в погребении 3 склепа 189 Лучистого

показывает, что трехлопастные бляшки располагались симметрично по обе стороны стопы, тогда как пряжка на берцовой кости под углом язычком вниз (рис. 6: IV). Несколько неожиданным является нахождение в этом погребении в районе стоп двучастных двурогих бляшек, обычно относящихся к поясным наборам. Одна такая же бляшка найдена и в погр. 7 кург. 7 Христофоровки (рис. 11: 8), но мы все же сомневаемся в ее принадлежности обувному комплекту. В погр. 5 склепа 164 Лучистого сохранившаяся *in situ* пряжка лежит горизонтально (Хайрединова 2003: рис. 16: 6), а в погр. 3 Цибилиума-1а обе пряжки симметрично наклонены язычками вниз (рис. 12: I) (Воронов, Шенкао 1982: рис. 22: 4). В случае с погр. 7 кург. 7 Христофоровки мы должны учитывать несколько моментов: наличие лишь двух трехлопастных бляшек вместо четырех, что требует иного крепления подпятного ремешка, а также расположение двучитковых бляшек в кочевнических погребениях не на пятке, как в крымских погребениях, а на подъеме стопы. Реконструкция в таких условиях будет несколько условной, поэтому можно предложить сразу два возможных варианта (рис. 11: 9, 10).

Погребение 12 кург. 8 Богачевки (Крым) (Генинг, Корпусова 1989: 9, 10). В районе стоп обнаружен комплект металлических деталей, более точной информацией о расположении находок мы не располагаем. Комплект здесь составляют две пряжки с трапециевидной рамкой и подтреугольным щитком, два наконечника и четыре обоймы (рис. 14: 1–8). Несомненно, что речь шла о бандаже с подвижным подпятным ремнем, но его вариант без расположения пряжки не ясен. В случае с *погребением 4 кург. 1 Изобильного* (Крым) (Айбабин 1999), где более точное расположение обувных деталей нам также не известно, комплект отличался лишь типом пряжек (рис. 14: 9–16), а в случае с кенотафом из «Царского кургана» (Восточное Приазовье) (Атавин 1996) — также наличием двух прямоугольных скобочек (рис. 14: 19, 25) и одной двучитковой бляшки (рис. 14: 26). Ширина ремня во всех трех комплексах близкая — ок. 1 см.

В *погребении 12 кург. 7 Христофоровки* (Южное Побужье) (Prichodnyuk, Fomenko 2003) в заполнении могилы найдены две непарные пряжки, обломок обоймы с овальным щитком, наконечник, пропущенный сквозь прямоугольную скобочку, а также четыре заклепки (рис. 14: 37–44). Точное расположение деталей не известно, не исключено, что они могли принадлежать отдельно положенному обувному комплекту. Ширина ремня ок. 1 см.

В *погребении 10 кург. 2 Рисового* (Крым) (Щепинский, Черепанова 1969: 136, 137) в районе стоп найдены два бронзовых непарных наконечника ремня и двучитковая бляшка (рис. 14: 47–49), небольшая же пряжка, которая могла бы принадлежать бандажу (рис. 14: 50), на самом деле найдена на поясе. Ширина ремня ок. 1 см.

Аналогичная пряжка вместе с двучитковой бляшкой с инкрустацией стеклом, а также трехлопастной бляшкой (рис. 14: 51–53) найдены в *кург. 14 Белозерки* (Нижнее Поднепровье) (Скадовский 1897: 126, 127). Комплекс разрушен грабителями, поэтому точная принадлежность деталей именно обуви не установлена. Г.Л. Скадовский, доисследовавший погребение, обнаружил *in situ* в области берцовых костей лишь наконечник и бляшку с грануляцией, обычно принадлежавших поясу (Скадовский 1897: 127, рис. 45). Поэтому вероятный обувной комплект мог находиться в погребении лишь в виде отдельно уложенной в погребение обуви. С другой стороны, большинство «обувных» деталей из погребения встречаются в других комплексах в составе узды. Так, «обувные» пряжки найдены в составе узды в погр. 3 кург. 5 Виноградного, а двучитковые бляшки — в погр. 2 кург. 3 Сивашовки. Учитывая же, что крестовидные бляшки с инкрустацией из кург. 14 Белозерки несомненно принадлежали узде, наличие обувного комплекта в данном погребении вызывает сомнения. Единственная же деталь, которая все же позволяет предполагать наличие обуви — это трехлопастная бляшка (рис. 14: 51).

Погребение 3 кург. 30 Калининской (Восточное Приазовье) (Атавин 1996). Расположение деталей в публикации не документировано, но в комплексе присутствуют обувные обоймы двух вариантов и четыре небольших пряжки, пара из которых вполне могла быть обувными (Атавин 1996: табл. 13: 1–4, 7, 8).

Остальные комплексы без документации расположения находок, где присутствуют лишь отдельные элементы, использовавшиеся обычно в обуви, мы позволим себе опустить.

Памятники горизонта Уч-Тепе (4-я четверть VII в.).

Погребение 1 кург. 2 Васильевки (Северное Приазовье) (НА ИА НАНУ. № 1984/11). Обувной комплект составляли две серебряные пресованные пряжки с трапециевидной рамкой и подтреугольным щитком, две фигурные обоймы, два наконечника и бронзовая скрепа (рис. 13: 1–7). Расположение деталей документировано схематическим планом.

Обе пряжки располагались на берцовых костях с небольшим наклоном в различные стороны, язычками также в противоположные стороны. По одной обойме на каждой стопе находились с ее внешней

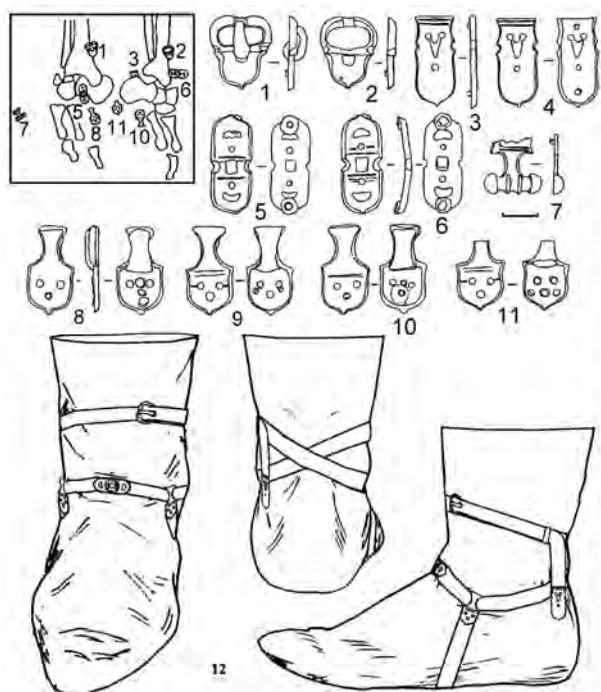

Рис. 10

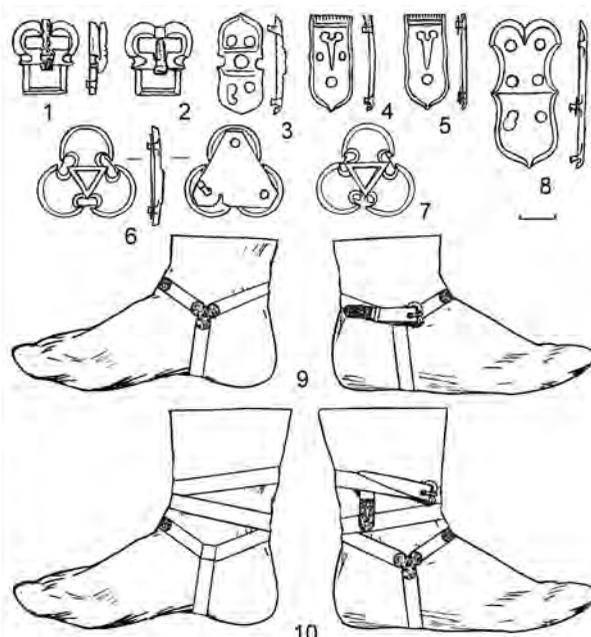

Рис. 11

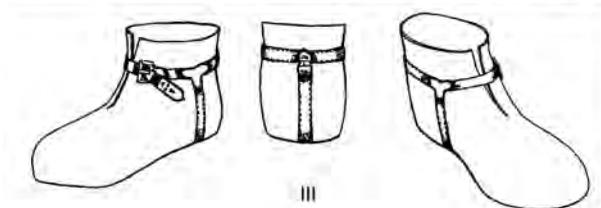
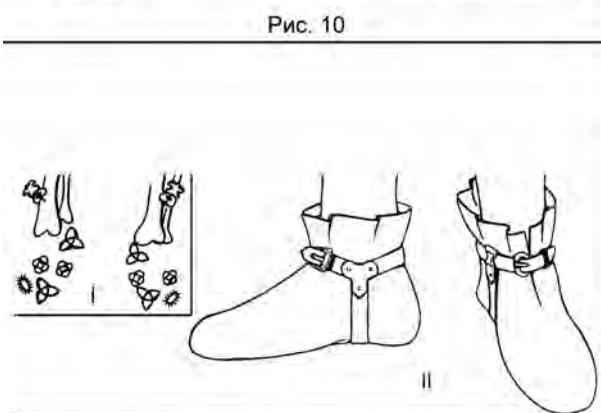

Рис. 12

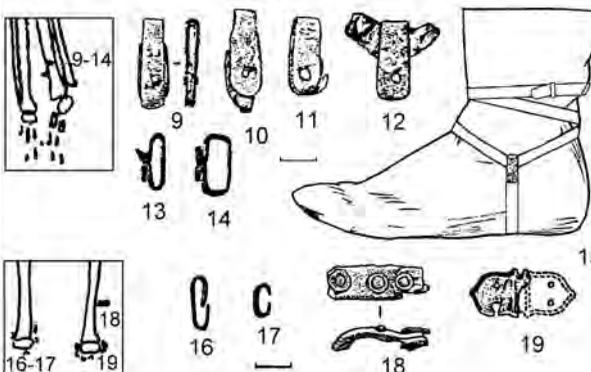
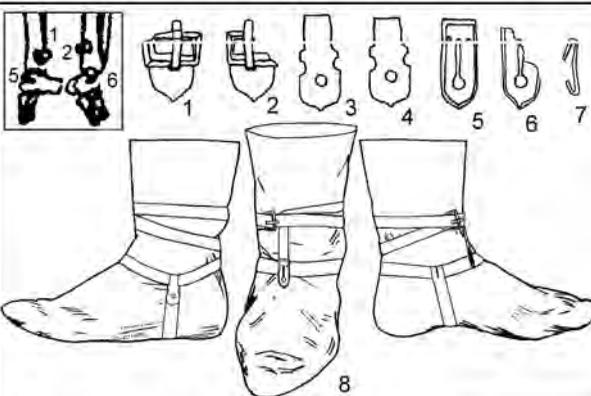

Рис. 13

Рис. 10. Детали обуви VII в. из погр. 12 кург. 1 Дмитровки и ее реконструкция

Рис. 11. Детали обуви VII в. из погр. 7 кург. 7 Христофоровки (рисунок Р.С. Орлова) и варианты ее реконструкции

Рис. 12. Обувь с биндажом варианта II-16: I — Цибилиум-1а, погр. 3 (по: Воронов, Шенкао 1982); II — Лучистое, погр. 3 склеп 77; III — Лучистое погр. 3 склеп 64 (по: Хайрединова 2003)

Рис. 13. Детали обуви кочевников 2-й пол. VII в. и варианты ее реконструкции: 1–8 — Васильевка, погр. 1 кург. 2; 9–15 — Ковалёвка II, погр. 11 кург. 1 (по: Ковпаненко и др. 1978); 16–19 — Костогрызово, погр. 7 кург. 1

стороны, а наконечники ремней оказались на подъеме стоп за линией рамки пряжек. Такое сочетание позволяет заключить, что подпятный ремень имел один жестко закрепленный скрепой конец, а второй подвижный. На втором сапоге скрепы не было, поэтому здесь ремешок мог быть сшитым или завязанным (ср.: рис. 1: 19). Для того, чтобы получить зафиксированный наклон пряжек, достаточно одной петли ремня вокруг голени, но интересное расположение наконечника на подъеме стопы за рамкой, а не за щитком пряжки могло получиться лишь повторной обмоткой конца ремня вокруг голени (рис. 13: 8). Ширина ремня ок. 1 см.

Погребение 11 кург. 1 Ковалевки II (Южное Побужье) (Ковпаненко и др. 1978). Детали обуви обнаружены на берцовой кости левой ноги, но, похоже, все в одном месте, что опять свидетельствует об отдельно уложенной обуви. Комплект состоял из четырех бронзовых подпрямоугольных скобочек основного ремешка и четырех обойм подпятного ремня, в которых сохранились остатки основного кожаного ремешка шириной ок. 1 см (рис. 13: 9–14).

Фрагмент сохранил реальный прогиб ремешка, позволяющий точно реконструировать его положение. Количество петель вокруг голени в данном случае установить невозможно, но ясно, что ремешок завязывался, а его концы пропускались в прямоугольные скобочки (рис. 13: 15).

Погребение 7 кург. 1 Костогрызово (Северное Приазовье) (Комар, Кубышев, Орлов 2006: 323–335). На ступнях погребенного зафиксированы остатки кожаной обуви: на левой ноге — фрагменты кожи, серебряных бляшек и бронзовые скрепы (рис. 13: 16, 17), на правой — фрагменты кожи, серебряных бляшек и белой ткани (рис. 13: 19). Выше, возле берцовой кости левой голени найден фрагмент ремня с заклепками (рис. 13: 18), расположенный горизонтально.

Фрагмент кожаного ремня с тремя медными заклепками шириной 0,9 см и толщиной 0,3 см; заклепки с обратной стороны крепились шайбочками. Скрепы разной длины — от 0,8 см до 1,5 см. Если реальная ширина использованных в обуви ремешков определяется сохранившимся фрагментом шириной 0,9 см, тогда длинная скрепа, скорее всего, крепила стык подпятного и основного ремешка. Судя по другим фрагментам ремней из этого же погребения, все они были двухслойные и прошиты. Без указания, найден ли фрагмент белой ткани поверх кожи или под ней, трудно определить, являлся ли он остатками чулка или же принадлежал к внешней отделке сапога. Не менее сложно утверждать принадлежность именно бандажу обуви ремня с заклепками — на этом уровне мог фиксироваться верх длинного мягкого кожаного сапожка или войлочного чулка; также ремнями перевязывались и штаны.

Погребение 5 кург. 12 Портового (Крым) (Айбабин 1985; Баранов 1990). Документация погребения не достаточно детальная. Согласно отчетному плану (НА ИА НАНУ. № 1966/31), на подъеме правой стопы со смещением влево лежали две бронзовые бляшки; а на левой, точно в такой же позиции, еще одна бронзовая бляшка, изображений которых, к сожалению, нет в отчете и публикациях. Отсутствие в области стоп пряжек позволяет заключить, что ремни просто завязывались, а расположение декоративных бляшек возле подъема стоп подсказывает, что тип бандажа был сходным с погр. 7 кург. 1 Костогрызово. Крестообразный перехват спереди в данном случае маловероятен, скорее, речь идет о конструкции с жестко закрепленным подпятным ремнем и крестообразным перехватом сзади.

Погребение кург. 17 Наташино (Крым) (Баранов 1990). В заполнении камеры подбоя найдены две пряжки с прямоугольными рамками, три обоймы с овальным щитком и 4 скрепы различной величины (рис. 14: 28–36), которые, возможно, представляют собой остатки обувного комплекта.

Погребение кург. 3 Уч-Тепе (Азейбарджан) (Иессен 1965). Возле голени погребенного найден комплект деталей из двух серебряных наконечников, четырех круглых заклепок, двух скобочек, пряжки и обломков бронзовых скреп (рис. 14: 54–64), который А.А. Иессен считал обувным. Несмотря на то, что набор вполне напоминает обувной, мы вынуждены высказать в данном случае предостережение, связанное с использованием похожих на обувные по типу и размеру деталей в погр. 2 кург. 3 Сивашовки в портупее меча и колчана. В погребении из Уч-Тепе действительно находился меч, но также нельзя не обратить внимание на то, в комплексе присутствуют две железные пряжки (Иессен 1965: рис. 27), одна из которых как раз и могла быть портупейной.

Погребение 9 кург. 5 Ясырево III (Мошкова, Фёдорова-Давыдова 1974). В засыпке погребения эпохи бронзы найдена трехлопастная литая бляшка (рис. 14: 45). Происхождение ее малообъяснимо, возможно, бляшка слетела с обуви кочевника, проводившего на кургане какие-то земляные работы. Аналогичная единичная прессованная бляшка найдена и в составе комплекса из Вознесенки (Гринченко 1950) (рис. 14: 46), где, правда, в основном представлены сбруйные и поясные комплекты.

Обувь. Всего лишь три кочевнических погребения VII в., где достоверно прослежены остатки кожи вокруг ступней, несомненно, не могут дать полного представления об используемой кочевниками VI–VII вв.

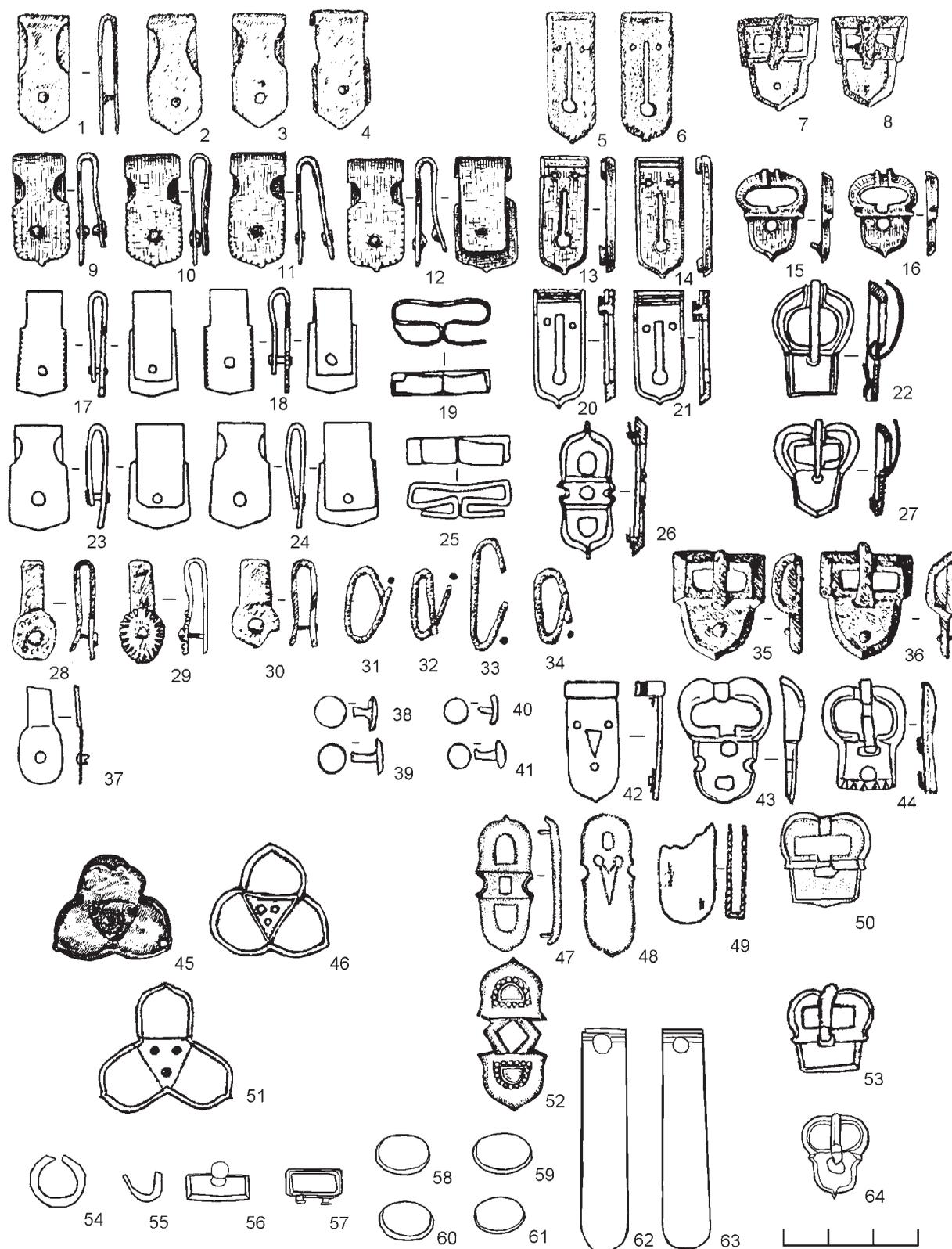

Рис. 14. Возможные детали обуви из погребений кочевников VII в.: 1–8 — Богачёвка, погр. 12 кург. 8 (по: Генинг, Корпусова 1989); 9–16 — Изобильное, погр. 4 кург. 1 (по: Айбабин 1999); 17–27 — «Царский курган» (по: Атавин 1996); 28–36 — Наташино, кург. 7 (по: Баранов 1990); 37–44 — Христофоровка, погр. 12, кург. 7 (рисунок Р.С. Орлова); 45 — Ясырев III погр. 9 кург. 5 (по: Мошкова, Фёдорова-Давыдова 1974); 46 — Вознесенка; 47–50 — Рисовое, погр. 10 кург. 2 (по: Айбабин 1990); 51–53 — Белозерка, кург. 14 (по: Айбабин 1990); 54–64 — Уч-Тепе, кург. 3

обуви. Констатировать можно лишь факт, что это была обувь из тонкой мягкой кожи с многослойной войлочной-кожаной подошвой, скорее всего, мало отличавшаяся от обуви кочевников скифского и сарматского периодов (рис. 1: 1–6). Высота сапожка в большинстве случаев превышала 15–17 см, но трудно сказать, насколько именно.

Самостоятельно на ноге сапожок держался плохо, поэтому для его фиксации применялись ремешки, выполненные из сложенной пополам по ширине и прошитой нитками или скрепленной заклепками кожи.

Типология обувных наборов. Набор деталей ремней обуви всегда подчинен конструкции бандажа, что и определяет главный принцип классификации.

Тип I — бандаж при помощи одного ремешка, который мог завязываться или застегиваться пряжкой. Вариант I-1 — бандаж «восьмеркой» (рис. 1: 1–6; 2: II; 4: 3, 8); вариант I-2 — перехват только голени (рис. 2: III; 7: 13). Последний вариант среди рассмотренных примеров у кочевников можно отметить лишь в погр. 2 кург. 3 Сивашовки как дополнительный ремень, основной же тип бандажа V–VI вв. составлял вариант I-1.

Тип II — бандаж из основного и подпяточного ремня.

Вариант II-1 — подпяточный ремень без возможности передвижения по основному ремешку, жестко закреплен обоими концами. Вариант II-1a — концы подпяточного ремешка пришиты, закреплены заклепками с круглыми шляпками или скрепами. Этот вариант выделен несколько условно, поскольку такая конструкция только предположительно возможна для погребений из Костогрызово, Портового и Уч-Тепе. Вариант II-1б — подпяточный и основной ремень соединяются одной или двумя трехлопастными бляшками (рис. 11: 9, 10; 12: I, II).

Вариант II-2 — подпяточный ремень закреплен на основном ремне при помощи подвижных обойм. Вариант II-2a — один конец подпяточного ремня с обоймой, второй жестко закреплен (рис. 7: 13; 13: 8). Вариант II-2б — оба конца подпяточного ремня закреплены обоймами (рис. 5: 8, 18; 8: 4, 9; 9: 6; 10: 12; 13: 15).

Несомненно ко второму типу принадлежит бандаж погребения из Лихачёвки (рис. 3: 6), но неясность способа крепления второго конца подпяточного ремня не позволяет отнести его к какому-то из выделенных вариантов.

Закономерности в использовании разных типов пряжек на сегодня сводятся к нескольким наблюдениям. Первое: в ремнях бандажа I типа достоверно использовались только пряжки с подвижным подовальными щитком. Второе: в составе кочевнических комплексов с бандажом варианта II-1б в качестве обувных представлены только пряжки с V-образной рамкой. Третье: ремни с бандажом варианта II-2 преимущественно оснащались пряжками с трапециевидными рамками.

Тенденции эволюции. Шестой век продолжил традиции предыдущего гуннского периода и в способах бандажа обуви, и в типе используемых деталей. На протяжении этого периода доминировал один из самых древних способов обвязывания обуви — бандаж варианта I-1. В гуннское время возникает вариант бандажа с подпятным ремнем, но мы наблюдаем этот способ бандажа только да начала VI в. Ближе к концу VI в. подпяточный ремень опять возвращается к использованию, но с новым набором деталей «геральдического» стиля, под которые несколько сужается ширина ремешка (1–1,2 см вместо 1,3–1,4 см). Наиболее ранние кочевнические комплексы с «геральдикой» демонстрируют бандаж варианта II-2б (Шелюги), но уже на этапе Сивашовки количество вариантов бандажа резко возрастает, как возрастает и количество деталей и их вариантов, используемых в обуви.

На этапе Уч-Тепе наблюдается определенная «деградация» традиции многих бляшек. Литые бляшки и даже пряжки заменяют их прессованные варианты (рис. 13: 1, 2, 5, 6, 19) или выполненные из сложенного листа (рис. 14: 62, 63), вместо обойм появляются бронзовые скрепы (рис. 13: 16, 17; 14: 54, 55), происходит отказ от пряжек, причем даже в богатых комплексах (Портовое). Объяснить эту тенденцию можно широким внедрением у восточноевропейских кочевников именно на этапе Уч-Тепе стремян и, соответственно, техники верховой езды со стремянами.

Без стремян ноги всадника выполняли довольно большой объем работы, требовавшей от ступней максимальной гибкости и цепкости. Именно поэтому всадники предпочитали мягкие кожаные сапожки простого кроя, плохо державшиеся самостоятельно на ногах при верховой езде. Внедрение же стремян изменило ситуацию. Во-первых, всадники смогли использовать более жесткие сапоги, державшиеся на пятке благодаря крою, и, во-вторых, вдевание ноги в стремяна заставило отказаться от цеплявшихся и деформирующихся деталей. Обратим внимание на тот факт, что изначально, со 2-й пол. VI в., использовавшие стремяна авары не имели столь развитой традиции обувных деталей. В погр. 2 кург. 3 Сивашовки, где на ногах погребенного располагалось наибольшее число деталей, стремян не было, хотя было седло. Зато в погребениях со стремянами: погр. 5 кург. 12 Портового, погр. 11 кург. 1

Ковалевки II, погр. 10 кург. 4 Калининской (Атавин 1996), погр. 3 кург. 5 Заплавки (Шалобудов 1983) обувных деталей либо не было вообще, либо обувные наборы максимально упрощены и лишены пряжек. Единственным исключением из этого ряда является кург. 17 Наташино, где вместе с обломками стремян обнаружен и разрозненный обувной комплект. Правда, его принадлежность именно обуви не может быть доказанной, да и в заполнении камеры находились кости еще одного скелета (погребение с ритуальным разрушением более раннего?). Связь исчезновения металлических обувных деталей у кочевников Восточной Европы именно с распространением стремян подтверждают и погребения следующего горизонта (см.: Комар 2006б), где маленькие обувные пряжки можно подозревать только в комплексе из Глодос (Сміленко 1965: рис. 17). В VIII в. у алтайских тюрок фиксируется использование обувных пряжек с наконечниками ремешков (Кубарев 2005: 47), но их характерное расположение язычками вверх указывает на архаичную схему бандажа «восьмеркой».

Социальная оценка. Абсолютное большинство погребений с деталями обуви мужские или же принадлежали подросткам, уже носившим пояс (погр. 1 кург. 1 Большого Токмака). В женских погребениях детали обуви достоверно не документированы, предположительно же обувные комплекты могут быть в Лихачёвке, кург. 2 Шипово и кург. 17 Наташино.

Э.А. Хайрединова отмечает, что в крымских комплексах обувные пряжки часто встречаются в качестве поясных в детских погребениях, рассматривая даже обувные наборы как «миниатюрные копии поясов» (Хайрединова 2003: 130). У кочевников случаи расположения мелких обувных пряжек на поясе или в составе поясных наборов отмечены в трех крымских погребениях — погр. 10 кург. 2 и погр. 12 кург. 13 Рисового (Щепинский, Черепанова 1969: рис. 52: 11; 83: 6), погр. 11 кург. 2 Вилино (Лобода, 2001: рис. 12: 13), а также в погр. 2 кург. 22 Аккермена (Вязьмитина и др. 1960: рис. 74: 6) из Северного Приазовья. Только последнее принадлежало девочке-подростку, три первых же погребения взрослые мужские (в погр. 11 кург. 2 Вилино скелет не сохранился, но об этом говорят детали поясного набора). Вполне возможно, что это объясняется определенной этнографической традицией, ведь все три погребения ориентированы в сектор С–СВ, характерной в VI–VII вв. для болгарских племен (см. детальнее: Комар 2006в; Комар, Кубышев, Орлов 2006).

В других погребениях сивашовского типа однотипные с обувными пряжки широко использовались по другому назначению: в погр. 2 кург. 3 Сивашовки — в портупеях меча и колчана; в погр. 3 кург. 5 Виноградного — в сбруе и в портупее меча; в погр. 5 кург. 12 Портового и погр. 4 кург. 1 Изобильного — в портупее меча; в погр. 3 кург. 30 Калининской — в портупее колчана; в Епифанове (Безуглов, 1985) — или в сбруе, или в портупее меча; в погр. 1 кург. 111 Бережновки (Синицын 1960) — как пряжка дополнительного ремешка у пояса. Как видим, никакой особой нагрузки маленькие «геральдические» пряжки у кочевников не несли, а их использование было подчинено исключительно практическим мотивам.

Ни в одном из кочевнических комплексов высшей знати (комплексы круга Перещепины и Вознесенки) достоверных украшений обуви не выделено, правда, в них обязательно присутствуют стремяна, с которыми, как мы уже отмечали, металлические детали обуви сочетаются очень редко. Довольно редко детали обуви представлены и в комплексах с наличием золотых элементов вещей (погр. 1 кург. 2 Васильевки, погр. 5 кург. 12 Портового, погр. 3 кург. 5 Виноградного, Уч-Тепе, кург. 14 Белозерки). Основная масса рассмотренных деталей обуви выполнена из низкопробного серебра (биллона) и бронзы или латуни и только в погр. 3 кург. 5 Виноградного и кург. 14 Белозерки биллоновые двуштитковые бляшки были украшены золотой зернью и стеклянными вставками (рис. 9: 4; 14: 52). В целом ряде случаев (погр. 12 кург. 1 Дмитровки, кург. 1 Авиловского, погр. 2 кург. 2 Сивашского, погр. 7 кург. 7 Христофоровки и др.) обувные комплекты представительнее и дороже, чем пояса, игравшие в обществе кочевников реальную ранговую роль (Комар 2005). Еще один момент, на который нам уже приходилось обращать внимание, в комплексах с поясами и обувными наборами, формировавшихся в несколько этапов, обувь обычно принадлежит к ранней группе, не связанной с позднейшими ранговыми дополнениями пояса (Комар, Кубышев, Орлов 2006: 303–307).

Приходится констатировать, что серебряные детали обуви, играя роль определенного имущественного показателя, тем не менее, были наиболее характерными для рядовых, а не знатных погребений.

Культурные традиции. Металлические детали ремней довольно редко привлекаются для анализа культурной специфики комплексов, традиционно считаясь одним из наиболее ярких проявлений «интернациональной моды». Тем не менее, своей спецификой в реальности обладает большинство изделий.

Несмотря на то, что истоки деталей предполагаемого обувного комплекта из Лихачёвки связаны с понтийскими комплектами I-й пол. V в. типа 1-3 по Э.А. Хайрединовой (Хайрединова 2003: 134), непосредственно в степи развитие этой традиции не наблюдается; не доживают до 2-й пол. V в. такие

комплекты ни в Крыму, ни на Северном Кавказе. Кочевнические погребения гуннского времени содержат лишь маленькие обувные пряжки с наконечниками, что указывает на обычный бандаж типа I-1 («восьмеркой»). Хронологически комплект из Лихачёвки ближе комплектам 1-й пол. VI в. из погр. 44 Коминтерновского и погр. 141 Безводнинского могильников из Среднего Поволжья, где традиции гуннского времени в ременных гарнитурах действительно сохранялись весь VI в. Поэтому появление комплекта из Лихачёвки мы склонны связывать именно с контактами данной группы кочевников со Средневожским регионом.

Пряжки из погр. 3 кург. 3 Ново-Подкряжа, так же, как и лихачёвские, дериватны пряжкам гуннского времени, и лишь в погр. 4 Животино обувные пряжки сходны с синхронными им крымскими (ср.: Хайрединова 2003: рис. 1: 14, 15). Еще более оригинальны пряжки из кург. 2 Шипово и погр. 2 кург. 66 Царева (рис. 4: 5, 7), сочетающие все тот же узкий округлый щиток с уплощенной рамкой, в чем, очевидно, отразилось влияние появившихся уже рамок пряжек «геральдического» стиля.

Во 2-й пол. VI в. у крымского «гото-аланского» населения появляются обувные наборы с византийскими пряжками «геральдического» стиля (Хайрединова 2003: рис. 10: 1–9), которые довольно скоро заимствуются и кочевниками Северного Приазовья (рис. 6: 1–6). Набор ременных деталей из погребений типа Суханово выразительно «дунайский» (Комар 2008), поэтому не удивительно, что и металлические детали бандажа обуви у этой группы населения заимствованы из среды византийских федератов.

Фактическая ликвидация византийского лимеса на Нижнем Дунае в нач. VII в. прервала здесь развитие литых наборов «геральдического» стиля, которые, тем не менее, в VII в. продолжали активное развитие в Крыму, на Северном Кавказе, в Среднем Поволжье и Приуралье. Юг Восточной Европы в это время превратился в довольно монолитный культурный регион в сфере рядовой «престижной» моды, вследствие чего однотипные поясные и обувные «геральдические» наборы легко распространились в разноэтничной и разноплеменной среде. Различались они лишь спецификой ремесленного исполнения, а также спецификой использования.

Сравнение обувных «геральдических» наборов из кочевнических погребений VII в. с аналогичными наборами Крыма (см.: Хайрединова 2003) показывает практически полную тождественность форм и типов используемых деталей. «Кочевническая специфика» проявляется лишь в использовании для обуви пряжек с В-образной рамкой и подтреугольным щитком (рис. 5: 9; 10: 1; 14: 27, 43), железных пряжек (рис. 7: 1, 2) и удлиненных паяных коробчатых наконечников (рис. 5: 10, 11; 7: 7, 8; 14: 62, 63). Впрочем, это может быть связано и с хронологией, ведь большинство использованных Э.А. Хайрединовой комплексов 2-й пол. — 1-й пол. VII в., тогда как кочевнические горизонты Сивашовки и Уч-Тепе в основном принадлежат уже ко 2-й пол. VII в. Реальный же кочевнический «взнос» в состав деталей обуви наблюдаем только в погр. 2 кург. 3 Сивашовки в виде «архаичных» железных пряжек верхнего ремешка (рис. 7: 1, 2), доживающих до VII в. лишь в Восточном Приаралье (Левина 1996: рис. 122: 14), а также в погр. 2 кург. 2 Сивашского виде фигурных омегаобразных бляшек (рис. 5: 12, 13) от подобного верхнего ремешка или же просто от украшения голенища, также находящихся аналогии лишь в обуви Восточного Приаралья, где близкие бляшки также украшали верх голенища сапога (Левина 1996: 208).

Наиболее существенной разницей является несовпадение конструкции бандажа, которая, как уже указывалось выше, в Крыму иногда предполагала дополнительный подпятный ремешок, скрепленный двущитковой бляшкой (рис. 6: II, IV; 12: III), тогда как в степи такие же бляшки оказывались «лишними» и использовались лишь как декоративное украшение ремешка на подъеме стопы (рис. 8: 14; 9: 6; 10: 12; 11: 9, 10). Это различие указывает, что в крымский бандаж сапог вдевался пяткой, тогда как в кочевнический — носком. Практическое же значение крымского решения состоит в возможности ходьбы в такой обуви под гору, тогда как кочевнический вариант в таком случае давил бы на подъем стопы, усиливая натяжение на металлические детали.

На материалах крымских наборов Э.А. Хайрединова высказала предположение, что довольно часто встречаемая в комплексах некомплектность обувных наборов, а точнее, присутствие в погребении только одной обувной пряжки вместо двух, может быть намеренным следованием традиции римского времени (Хайрединова 2003: 134, 138). Относительно всех деталей «геральдического» стиля здесь следует оговориться, что крепившиеся на короткие, слегка расклепанные на концах шпеньки с тонкими шайбочками пряжки и бляшки сильного усилия на разрыв не выдерживали, а следовательно, потеря деталей была явлением довольно частым. Не выдерживали серьезной нагрузки и сами серебряные детали — в этом убеждают отремонтированные и вновь сломанные обоймы из погр. 12 кург. 1 Дмитровки. Найти потерянные детали для кочевника было особенно трудной задачей, поэтому некомплектность кочевнических обувных наборов мы все же склонны связывать с их интенсивным использованием.

Как показывают материалы склепов 288, 321, 325, 381 Скалистого (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 36: 14, 15; 47: 27, 28; 48: 19; 60: 19, 20), в Крыму в конце VII — начале VIII в. обувные наборы типа 3-2а по Э.А. Хайрединовой эволюционируют, но продолжают активно использоваться. Подобной картины не наблюдаем в степи, где в это же время известны только две разрозненные находки трехлопастных бляшек (рис. 14: 45, 46). Похоже, что распространение стремян все же оказалось фатальным для моды на обувные наборы в кочевнической среде, полностью ориентированной на верховую езду.

Таким образом, сравнение развития обувных наборов кочевников Северного Причерноморья и гото-аланского населения Крыма VI–VII вв. показывает их определенную взаимосвязь при сохранении в VI в. некоторой самостоятельности кочевников в дизайне пряжек и наконечников, а VII в. — различий в конструкции бандажа, а также в использовании для обуви большего разнообразия типов пряжек.

К сожалению, отсутствие столь же детальных работ по синхронным обувным комплектам Северного Кавказа, Среднего Поволжья и Приуралья существенно ограничивает наши возможности в оценке культурной самостоятельности кочевнической обуви, что, несомненно, дало бы более полную картину.

Наша попытка, к примеру, выявить обувные комплекты в составе «антских кладов», оставленных непосредственными соседями кочевников и, к тому же, поддерживавших в сер. VII в. тесные контакты с крымским населением, привела к совершенно обратному заключению об использовании славянами иного по сравнению с кочевниками типа обуви, просто не нуждавшегося в бандаже ремнями (Комар 2006а). Различие традиций лесостепного славянского и степного тюркского населения в данном случае выглядит закономерным, но на этом фоне тем более интересной представляется схожесть традиций кочевников и гото-аланского населения Крыма VI–VII вв.

Сложнее представить ситуацию на Северном Кавказе, прежде всего, из-за состояния раскопок и публикаций основных памятников. В готском могильнике Дюрсо во 2-й пол. V — 1-й пол. VI в. обувные детали, состоящие из пары пряжек, продолжали традиции гуннского времени, но так же, как и в Крыму, в 1-й пол. VI в. дериватные гуннским пряжки здесь уже не использовались. Их сменили обычные для этого периода пряжки с овальными или В-образными рамками и вытянутыми овальными щитками (Дмитриев 1982: рис. 5: 13, 41; 6: 67; 8: 2); их более точное расположение, к сожалению, в публикациях не документировано. Позже, в VII в. в Дюрсо появляются пряжки и обоймы, характерные для обувных наборов (Дмитриев 2003: табл. 83: 8, 12, 53), но их расположение *in situ* нам также не известно. Такая же ситуация и с погр. 144 могильника Бжид (Гавритухин, Пьянков 2003: табл. 77: 75–78). Возможен обувной комплект с обоймами и в погр. 15 Борисово; случайные находки обойм происходят из пахотного слоя могильника (Саханев 1914: рис. 20: 6; табл. I: 6, 7). Судя по упомянутым находкам, в Восточном Причерноморье могли использовать «геральдические» обувные наборы с обоймами, т.е. бандажом варианта II-2.

В аланском могильнике Мокрая Балка «геральдические» обувные комплекты достоверно обнаружены только в двух погребениях: в кат. 107 на ногах располагались две пряжки с трапециевидной рамкой и обойма (Афанасьев, Рунич 2001: 159; рис. 119: 10, 12), а в кат. 37 в районе стопы — 4 обоймы без пряжек (Афанасьев, Рунич 2001: 78; рис. 55: 6, 7). Без информации о точном расположении судить о типе бандажа невозможно, но по самому составу комплектов они близки в первом случае к комплектам из Авилковского и Зиновьевки, а во втором — к комплекту из погр. 11 кург. 1 Ковалевки II. В кат. 1 двущитковая бляшка и пряжка с В-образной рамкой принадлежали к португее колчана, но в районе ног обнаружены трехщитковая бляшка и вторая пряжка, правда, без парных им деталей и, к тому же, в составе с другими бляшками-украшениями (Афанасьев, Рунич 2001: 54; рис. 13: 6, 9, 11, 12). В кат. 78, 92 маленькие «геральдические» пряжки были поясными (Афанасьев, Рунич 2001: 151, 156; рис. 91: 5; 104: 5, 6), а в кат. 45 — трехлопастная и двущитковая бляшка также найдены в районе пояса (Афанасьев, Рунич 2001: 113; рис. 62: 8, 10). В другом могильнике Кисловодской долины — Кугульском — в западном склепе 3 обнаружены листовые и литые обоймы, трехлопастная и двущитковые бляшки, пара маленьких пряжек с трапециевидной рамкой (Рунич 1979: рис. 6: 5, 20, 22, 29, 33, 34), но уже в нарушенном состоянии, что не позволяет судить об их принадлежности обуви. В кат. 16 Чми находились двущитковая бляшка и маленькая пряжка с трапециевидной рамкой и щитком с вырезами, а в кат. 11 — двущитковая трехщитковая бляшки, маленькая пряжка с В-образной рамкой (Гавритухин, Обломский 1996: рис. 82: 91, 94, 103, 110).

Судя по материалам Мокрой Балки, реально можно говорить об использовании аланами в VII в. бандажа варианта II-2, а также о вариативности в использовании «обувных» бляшек и пряжек. В Закавказье же несомненный обувной набор с бандажом варианта II-1б происходит из уже упомянутого погр. 3 Цибилиума-1а (Воронов, Шенкао 1982: рис. 22). Расположение находок обувных комплектов для бандажа варианта II-1б в зоне, огибающей византийский ареал, создает впечатление о его распространении

в первую очередь, в среде населения, контактировавшего с византийскими федератами. Впрочем, казалось бы, в совершенно отдаленном от византийских границ могильнике Селикса (Среднее Поволжье) обнаруживаем детали бандажа как варианта П-1б, так и варианта П-2 (Богачев 1992: рис. 27).

Распространение обувных наборов «геральдического» стиля точно совпадает с ареалом распространения точного воспроизведения поясных деталей, встречаемых в погребениях кочевников VII в. Это Крым, Северо-Восточное Причерноморье, Центральная часть Северного Кавказа и отдельные «выплески» в Закавказье и Среднее Поволжье. Вне этого ареала оказываются Подунавье, славянская лесостепь, Приуралье, т.е. регионы, традиции одежды и обуви которых, очевидно, довольно отличались от «южных». Также нельзя не отметить, что перечисленные ареалы в определенной степени сохраняли традиции ираноязычного аланского населения (Юго-Западный Крым, Северный Кавказ) или же пребывали под влиянием Сасанидского Ирана (Закавказье). Таким образом, столь широкое распространение на юге Восточной Европы обувных наборов для бандажа с подпятым ремешком, возникшего в Парфии и попавшего в Византию под непосредственным влиянием Сасанидского Ирана, следует связывать именно с традициями покроя обуви кочевников и оседлого населения аланского происхождения Крыма и Кавказа.

Заключение. Работы, поднимающие какие-либо вопросы впервые, редко могут претендовать на исчерпывающие решения проблемы. Еще дальше от решения, пожалуй, находится в настоящий момент проблема обуви кочевников Восточной Европы VI–VII вв.

Мы рассмотрели в динамике лишь развитие бандажа обуви и его деталей, тогда как внешний вид самой обуви, ее покроя, отделка и т.д. фактически остаются неизвестными. До новых находок сохранившихся органических частей обуви довольно трудно быть уверенным и в правильности реконструкции бандажа: предложенная нами схема анализа, основанная на изучении взаиморасположения металлических деталей, не только требует очень точной фиксации находок в поле, но и, несомненно, нуждается в проверке комплексом с реально сохранившимися ремешками обуви.

В то же время, систематизация имеющейся в нашем распоряжении информации о деталях обуви позволяет этой категории находок уже сейчас занять важное место в культурном комплексе восточно-европейских кочевников VI–VII вв.

Литература

- Айбабин 1985 — *Айбабин А.И.* Погребение хазарского воина // СА. № 3. 1985.
- Айбабин 1990 — *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. 1990.
- Айбабин 1999 — *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Айбабин, Хайрединова 1997 — *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. Вып. VI. 1997.
- Алексеев 1980 — *Алексеев Н.А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980.
- Арсеньева, Безуглов, Толочко 2001 — *Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В.* Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М., 2001.
- Атавин 1996 — *Атавин А.Г.* Погребения VII — начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара, 1996.
- Афанасьев, Рунич 2001 — *Афанасьев Г.Е., Рунич А.П.* Мокрая Балка. Вып. 1. М., 2001.
- Баранов 1990 — *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
- Безуглов 1985 — *Безуглов С.И.* Погребение кочевника VII в. н. э. на Нижнем Дону // СА. № 2. 1985.
- Богачёв 1992 — *Богачёв А.В.* Процедурно-методические аспекты археологического датирования (по материалам поясных наборов IV–VII вв. Среднего Поволжья). Самара, 1992.
- Борисова 1959 — *Борисова В.В.* Могильник у высоты «Сахарная головка» // Херсонесский сборник. Вып. V. Симферополь, 1959.
- Веймарн, Айбабин 1993 — *Веймарн Е.В., Айбабин А.И.* Скалистинский могильник. Киев, 1993.
- Воронов, Шенкао 1982 — *Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К.* Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982.

Вязьмітіна, Іллінська, Покровська... 1960 — *Вязьмітіна М.І., Іллінська В.А., Покровська Є.Ф., Тереножкін О.І., Ковпаненко Г.Т.* Кургани біля с.Ново-Пилипівки і радгоспу “Аккермень” // Археологічні пам’ятки УРСР. Т. VIII. Київ, 1960.

Гавритухин, Обломский 1996 — *Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

Гавритухин, Пьянков 2003 — *Гавритухин И.О., Пьянков А.В.* Могильники V–VII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М., 2003.

Генинг, Корпусова 1989 — *Генинг В.В., Корпусова В.Н.* Археологические памятники Крымского Присивашья. Курганы у с. Богачёвка. Киев, 1989.

Грінченко 1950 — *Грінченко В.А.* Пам’ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі // Археологія. Т. 3. 1950.

Дмитриев 1979 — *Дмитриев А.В.* Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. Вып. 158. 1979.

Дмитриев 1982 — *Дмитриев А.В.* Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов. М., 1982.

Дмитриев 2003 — *Дмитриев А.В.* Могильник Дюрсо — эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М., 2003.

Зарецкий 1888 — *Зарецкий И.А.* Заметка о древностях Харьковской губернии Богодуховского уезда слободы Лихачёвки // Харьковский сборник. Вып. 2. Харьков, 1888.

Засецкая 1993 — *Засецкая И.П.* Материалы боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V вв. н. э. // МАИЭТ. Вып. III. 1993.

Засецкая 1994 — *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994.

Иессен 1965 — *Иессен А.А.* Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе // МИА. № 125. 1965.

Казаков 1998 — *Казаков Е.П.* Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.

Ковалевская 1979 — *Ковалевская В.Б.* Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. // САИ. Вып. Е.1–2. М., 1979.

Ковалевская 2000 — *Ковалевская В.Б.* Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М., 2000.

Ковпаненко и др. 1978 — *Ковпаненко Г.Т., Бунатян Е.П., Гаврилюк Н.А.* Раскопки курганов у с. Ковалёвка // Курганы на Южном Буге. Киев, 1978.

Комар 2004 — *Комар А.В.* Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. Вып. I. Киев; Судак, 2004.

Комар 2005 — *Комар А.В.* Ранговая семантика наборных поясов кочевников Восточной Европы VII — нач. VIII в. // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев; Судак, 2005.

Комар 2006а — *Комар А.В.* К вопросу о типе обуви и ее металлических деталях у славян VII в. // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Международная научная конференция. Тезисы докладов. СПб., 2006.

Комар 2006б — *Комар А.В.* Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII — начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Донецк, 2006.

Комар 2006в — *Комар А.В.* Погребение номада середины VII в. у с. Дмитровка в Южном Побужье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Донецк, 2006.

Комар, Кубышев, Орлов 2006 — *Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С.* Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Донецк, 2006.

Комар 2008 — *Комар А.В.* Памятники типа Суханово: к вопросу о культуре булгар Северного Причерноморья 2-й половины VI — начала VII в. // Сугдейский сборник. Вып. III. Киев; Судак, 2008.

Костенко 1977 — *Костенко В.И.* Сарматские памятники в материалах археологической экспедиции ДГУ // Курганные древности степного Поднепровья III — I тыс. до н. э. Днепропетровск. 1977.

Костенко В.И. Сарматы Самарско-Орельского междуречья III в. до н. э. — IV в. н. э. Днепропетровск, 1986.

Краснов 1980 — *Краснов Ю.А.* Безводнинский могильник. М., 1980.

Кубарев 2005 — *Кубарев Г.В.* Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005.

- Кухаренко 1982 — *Кухаренко Ю.В.* О Качинской находке V в. // Древности эпохи великого переселения народов. М., 1982.
- Левина 1996 — *Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996.
- Лобода 2001 — *Лобода И.И.* Раскопки курганов у с. Вилино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2. Симферополь, 2001.
- Луконин 1977 — *Луконин В.Г.* Искусство древнего Ирана. М., 1977.
- Медведев 1990 — *Медведев А.П.* Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990.
- Мошкова, Фёдорова-Давыдова 1974 — *Мошкова М.Г., Фёдорова-Давыдова Э.А.* Работы Цимлянской экспедиции 1970 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. 1. М., 1974.
- Мыськов 1993 — *Мыськов Е.П.* Погребения кочевников IX–XI вв. на Ахтубе // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград, 1993.
- Обломский 2004 — *Обломский А.М.* Раннесредневековое труположение у с. Лихачевка Полтавской области // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004.
- Орлов, Рассамакин 1996 — *Орлов Р.С., Рассамакин Ю.Я.* Новые памятники VI–VII вв. из Приазовья // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев, 1996.
- Рунич 1979 — *Рунич А.П.* Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. № 4. 1979.
- Рыков 1929 — *Рыков П.* Поздне-сарматское погребение в кургане близ с. Зиновьевки, Саратовской губернии. Саратов, 1929.
- Саханев 1914 — *Саханев В.В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // Известия ИАК. Вып. 56. 1914.
- Симоненко, Лобай 1991 — *Симоненко А.В., Лобай Б.И.* Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. Киев, 1991.
- Синицын 1954 — *Синицын И.В.* Археологические памятники в низовьях реки Иловли // Ученые записки Саратовского государственного университета. Вып. 39. 1954.
- Скадовский 1897 — *Скадовский Л.Г.* Белозерское городище Херсонского уезда, Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингульца и началом Днепровского лимана // Труды VIII Археологического съезда. Т. III. 1897.
- Сміленко 1965 — *Сміленко А.Т.* Глодоські скарби. Киев, 1965.
- Смирнов 1959 — *Смирнов К.Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. № 60. 1959.
- Смирнов 1960 — *Смирнов К.Ф.* Кургани біля м.Великого Токмака // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. VIII. Київ, 1960.
- Хайрединова 2003 — *Хайрединова Э.А.* Обувные наборы V–VII вв. из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. Вып. X. 2003.
- Шалобудов 1983 — *Шалобудов В.Н.* Погребение кочевника VIII века у с. Заплавка // Древности степного Поднепровья III–I тысячелетия до нашей эры. Днепропетровск, 1983.
- Щепинский, Черепанова 1969 — *Щепинский А.А., Черепанова Е.Н.* Северное Присивашье в V–I тысячелетиях до н. э. Симферополь, 1969.
- Ancient Near Eastern Art 1984 — *Ancient Near Eastern Art* // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. Vol. 41. № 4. 1984.
- Byzance. 1992 — *Byzance. L'art byzantin dans les collections publiques françaises.* Paris, 1992.
- Daim 2000 — *Daim F.* "Byzantinische" Gürtelgarnituren des 8. Jahrhunderts // Die Awaren am Rand der byzantinischen Welt. Innsbruck, 2000.
- Fettich 1953 — *Fettich N.* La trouvaille d'une tombe princière hunnique à Szeged-Nagyszéksôs // АН. Т. XXXII. 1953.
- Fleury, France-Lanord 1998 — *Fleury M., France-Lanord A.* Les trésors Mérovingiens de la basilique de Saint-Denis. 1998.
- Ghirshman 1953 — *Ghirshman R.* Notes Iraniennes V. Scènes de banquet sur l'argenterie Sassanide // Atribus Asiae. Vol. 16. № 1/2. 1953.
- Ghirshman 1962 — *Ghirshman R.* Parthes et Sassanides. Paris, 1962.
- Harper 1978 — *Harper P.O.* The Royal Hunter. Art of the Sassanian Empire. New York, 1978.
- Harper 1981 — *Harper P.O.* Silver vessels of the Sassanian period I. Royal Imagery. New York, 1981.
- Пыасов 2003 — *Пыасов J.* Covered tail and "flying" tassels // Iranica Antiqua. Vol. 38. 2003.
- I tesori dei kurgani 1990 — *I tesori dei kurgani del Caucaso settentrionale.* Roma, 1990.

Peck 1969 — *Peck E.H.* The Representation of Costumes in the Reliefs of Taq-i-Bustan // *Atribus Asiae*. Vol. 31. № 2/3. 1969.

Prichodnyuk, Fomenko 2003 — *Prichodnyuk O., Fomenko V.* Early Medieval nomads' burials from the vicinity of the village of Hristoforovka, the district of Nikolaevo, Ukraine // *Archaeologia Bulgarica*. VII. Sofia, 2003.

Roma dall'Antichità al Medioevo 2001 — *Roma dall'Antichità al Medioevo*. *Archeologia e Storia*. Milano, 2001.

Schmauder 2000 — *Schmauder M.* Vielteilige Gürtelgarnituren des 6.–7. Jahrhunderts: Herkunft, Aufkommen und Trägerkreis // *Die Awaren am Rand der byzantinischen Welt*. Innsbruck, 2000.

Архивные материалы

НА ИА НАНУ. № 1984/11. *Кубышев А.И., Дорофеев В.В. и др.* Отчет о раскопках Херсонской археологической экспедиции Института археологии АН УССР в зоне строительства Каховской оросительной системы в 1984 г.

НА ИА НАНУ. № 1966/31. *Щепинский А.А.* Отчет о работе Северо-Крымской археологической экспедиции в 1966 г.

В.И. Кулаков (Москва — Калининград)

«ЧУДОВИЩНЫЕ» ФИБУЛЫ В БАЛТИИ¹

Двучленные фибулы с высоким иглоприемником составляют особый отдел в массиве украшений ряда древнегерманских племен эпохи римского влияния. Часть этого отдела составляет серия серебряных застежек крупных размеров с накладными декоративными дисками (в западноевропейской литературе известны как «чудовищные фибулы» = нем. “monströsen Fibeln”, далее для краткости — «фибулы М»). Они характерны преимущественно для населения Центральной и Северной Европы фазы С. К востоку от р. Вислы, на границе известной римлянам «земли варваров» (*Barbaricum Solum*) с территорией, определенной античным географом Клавдием Птолемеем как «Европейская Сарматия» (Шукин 2005: 59, 60), находки застежек указанного отдела отмечались в крайне малом количестве. Поэтому они не были подвергнуты детальному описанию признанным специалистом по фибулам начала нашей эры Анатолием Константиновичем Амброзом (Амброз 1966: 72).

Родоначальник изучения провинциально-римских и «варварских» фибул Оскар Альмгрен нашел «чудовищным» фибулам место (рис. 1) в Группе VII «Двучленные фибулы с высоким иглоприемником» (Almgren 1923: Taf. IX). Наиболее яркой чертой фибул М является наличие на спинке, ножке и над пружиной фибулы умбоновидных или дисковидных («коробчатых») накладок. Они весьма ненадежно крепились к корпусу фибулы на тонких шплинтах. Роскошный вид застежке такой сложной конструкции придавала дополнительно золотая фольга, покрывавшая указанные накладки. Такая специфика фибул М сделала для исследователей очевидным их церемониальное значение, т.к. упомянутая хрупкая конструкция к ежедневному или даже к относительно частому употреблению непригодна.

К фибулам М по О. Альмгрену относятся: тип А VII, 216 «С S-видной спинкой длиной около 3 см и иглоприемником длиной более 3 см», тип А VII, 217 — имеет очертания и параметры, сходные с артефактами типа А VII, 216, при этом внешнее тонкое ребро пластинчатого паяного иглоприемника прикрывается накладкой в виде удлинённого овала, тип А VII, 220 «С S-видной спинкой длиной около 2,5 см», тип А VII, 221 — очертания и параметры, сходные с артефактами типов А VII, 216 и А VII, 217, при этом накладка на внешнее ребро иглоприемника имеет две дополнительные округлые накладки (рис. 1).

В современной археологической литературе наши западноевропейские коллеги констатируют для фазы С_{1b} (ок. 240–275 гг.) связь фибул М в ареалах вельбарской и западнобалтской культур с застежками, украшенными кольцевой гарнитурой. Из Балтии и от низовий р. Вислы застежки М вместе с мигрирующими группами «гото-гепидов» попадают в Поднестровье, где известны на раннем этапе существования черняховской культуры и считаются там «импортом» из Балтии (Godłowski 1994: 485). Центром производства древнейших форм этой весьма малочисленной группы украшений по концентрации их находок признаны острова Фюне и Борнхольм. Необычный вид застежек М привел современных исследователей к выводу о сакральном смысле этих предметов, считающихся важной деталью древнегерманского женского церемониального убора (Levada 2000: 463). Эта интерпретация предназначения фибул М подчеркивается присутствием на некоторых находках из западной части Балтии самых ранних рунических надписей. Вместе с железными гребнями эти фибулы для середины III — начала IV вв. н. э. в Восточной Европе

¹ Вариант статьи опубликован: Кулаков 2009: 94–105.

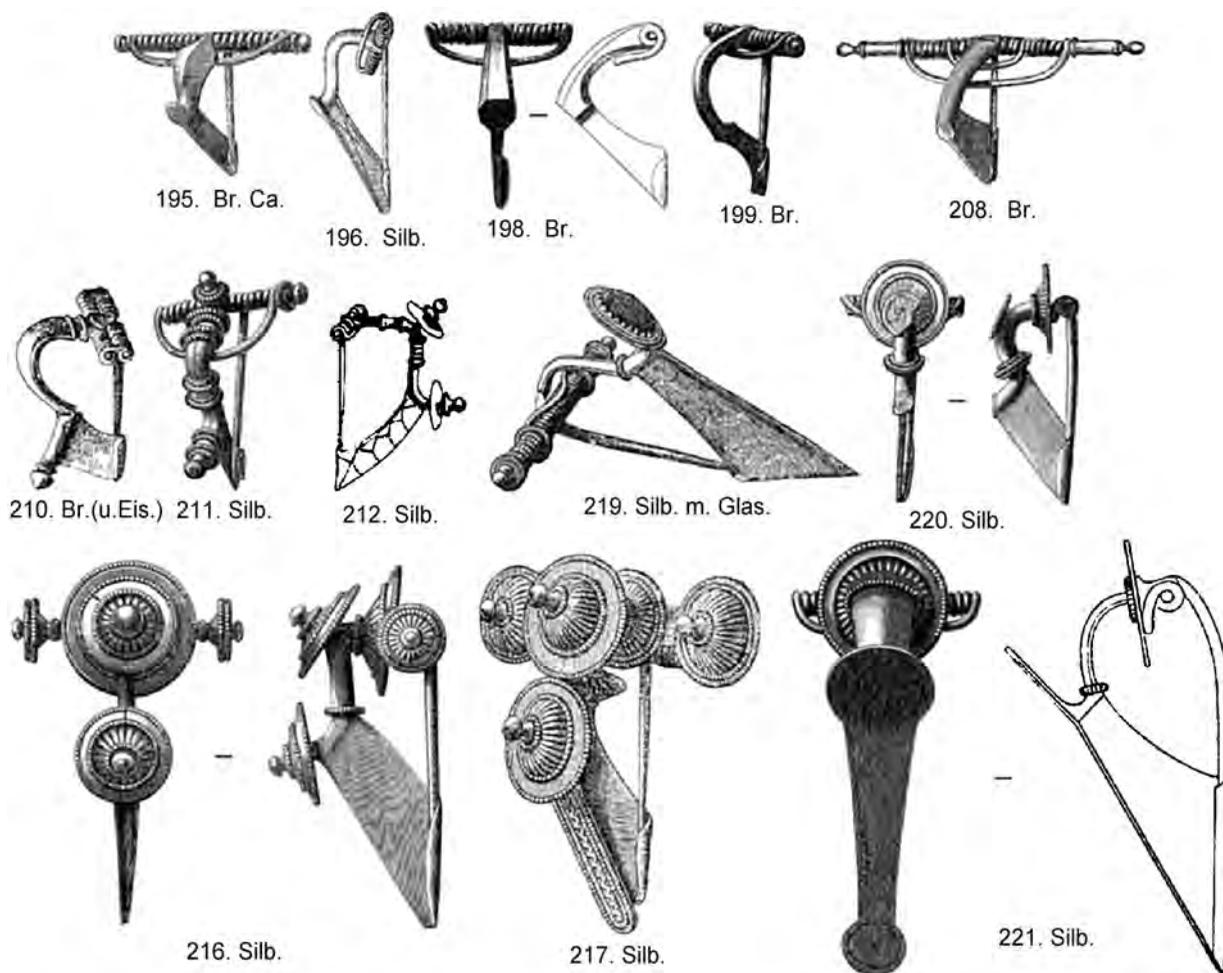

Рис. 1. «Чудовищные» фибулы и их непосредственные предшественницы в составе типологической группы Almgren VII (по: Almgren 1923: Taf. IX)

считаются подтверждением «...прямых и непосредственных контактов носителей черняховской культуры с выходцами из Дании; из Ютланда, с островов Зеланд и Фюне» (Шукин 2005: 147).

В исторической Пруссии и на правом берегу р. Немана найдено 7 фибул Monströse группы Almgren VII (рис. 2). Пункты этих находок расположены в основном вне северо-восточной границы вельбарской культуры, обозначенной большинством исследователей по р. Пасленке/Passarge-Fluß (рис. 3). В приводимом ниже каталоге номера находок фибул М представлены как продолжение нумерации Йоахима Вернера, чья карта (Werner 1988: Abb. 5) послужила основой для размещения находок фибул Monströse на восточных рубежах Barbaricum.

Каталог фибул Monströse, найденных в Балтии

7. **бывш. Гребитен**, Зеленоградский р-н Калининградской обл. (ehem. Grebieten, Kr. Samland) — серебряная, покрытая серебряной фольгой фибула типа A VII, 217 (рис. 4: 3–4), обнаружена в погр. G (Nord)-177 в урне высотой 71 см, украшенной по венчику пальцевыми (?) вдавлениями, по плечу — несколькими глиняными ленточными наклепами. Вместе с фибулой в урне обнаружены побывавшие на погребальном костре: пара железных арбалетовидных (?) фибул, железные удила с бронзовыми кольцами. Рядом с урной обнаружен камень-куррант (Vujack 1888: 176–180, Taf. V: 1a, 1b). Специфическое отличие фибулы М из погр. G (Nord)-177, выделяющее ее (как и другие фибулы Поморья и Балтии) среди застежек, представленных в классической схеме О. Альмгрена — наличие четырех (?) цилиндрических выступов, отходящих от круглой шайбовидной накладке, помещенной на пружину застежки. Судя по

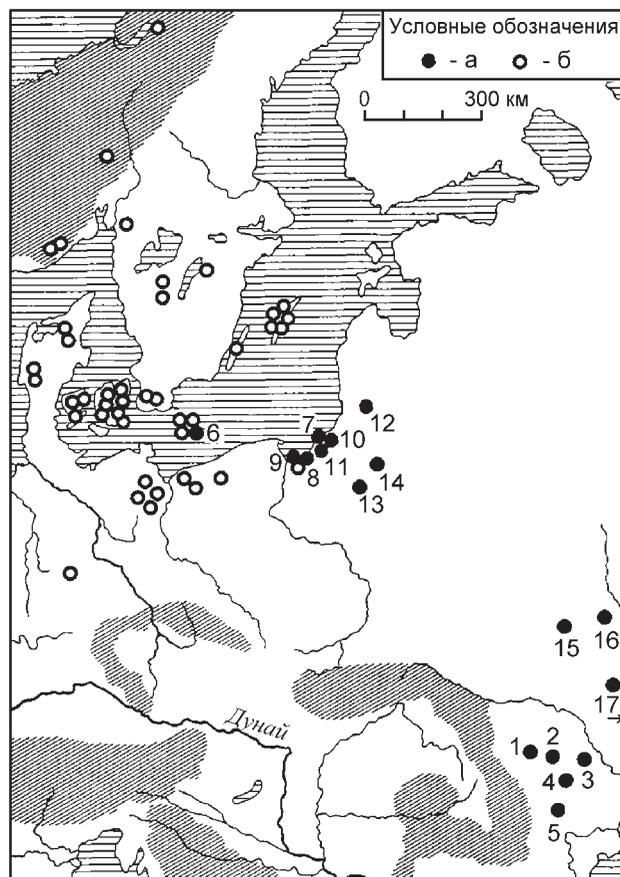

Рис. 2. Распространение «чудовищных» фибул на фазах C1 и C2. По: Werner 1988: Abb. 5, с добавлениями М. Левады и автора:
 1 — Todireni; 2 — Vasilica; 3 — Budești;
 4 — Dančeny; 5 — Chanska; 6 — Slusegaard;
 7 — Grebieten; 8 — Weklice; 9 — Lubieszewo;
 10 — Lauth; 11 — Brandenburg; 12 — Lietuva;
 13 — Polowity; 14 — Grunajki; 15 — Petrikivtsy;
 16 — Novopolovetskoje; 17 — Medvedovka

Условные обозначения:

а — тип A VII, 217; б — типы Matthes B и Matthes C

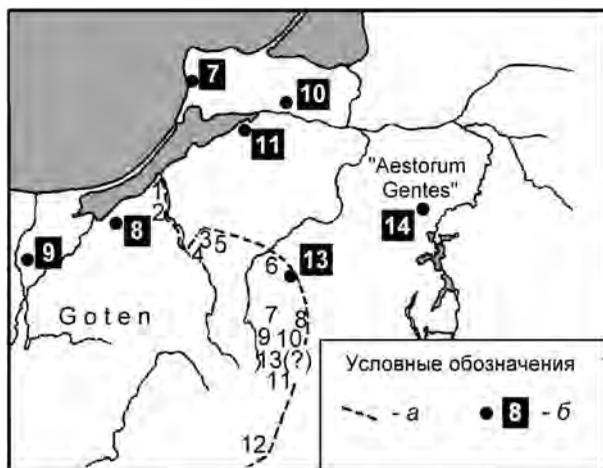

Рис. 3. Находки «чудовищных» фибул на северо-восточной границе вельбарской культуры (по Gaerte 1932). Условные обозначения: а — граница ареала «готских» древностей; б — находки «чудовищных» фибул и их номера (см. рис. 2). Археологические памятники по границе ареала «готских древностей»:
 1 — мог. Huntenberg; 2 — мог. Pettelkau;
 3 — клад Heinrikau; 4 — мог. Wormditt;
 5 — пос. Mighennen; 6 — мог. Heiligenfelde;
 7 — мог. и пос. Lengainen; 8 — мог. Gr. Bartelsdorfl;
 9 — Siedlung Schönwalde; 10 — Siedlung Hirschberg;
 11 — мог. Scheufelmühle; 12 — мог. Sagsau;
 13 — мог. Klaukendorf

обнаружению в могиле пары фибул, комплекс принадлежит женщине. Находка в составе комплекса удил сопоставима с находками аналогичных деталей конского снаряжения в женских погребениях X в. могильника Кауп (Кулаков 1998: 90). Очевидно, эти находки символизируют власть погребенной германской женщины над усадьбным хозяйством, которое включало и конский табун.

8. **Weklice, stan. 7, woj. Warminko-Mazurskie, погр. 150** — пара серебряных позолоченных фибул, близких типу AVII,217. Правда, находки из Веклиц отличает от указанного типа застёжек М трапециевидная накладка на внешнюю сторону ножки фибулы (рис. 5: 2–3). Накладки на иглоприемники имеют басменные изображения мужских голов, окруженных псевдомужским декором. Фибулы вместе с третьей арбалетовидной застёжкой (серебряная, покрытая золотой фольгой) находились в области груди на женском костяке, лежавшем на правом боку в деревянном гробу, с северной ориентировкой

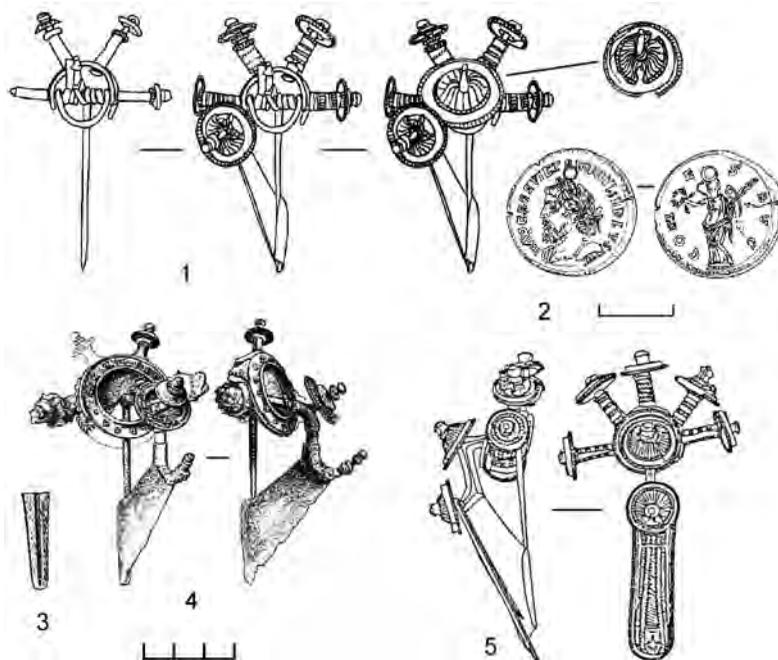

Рис. 4. 1–2 — фибула и ауреус из могильника Ушаково; 3–4 — фибула из бывш. Гребитен — G (Nord)-177 (3–4); 5 — фибула из погр. 600 могильника Slusegaard (без масштаба)

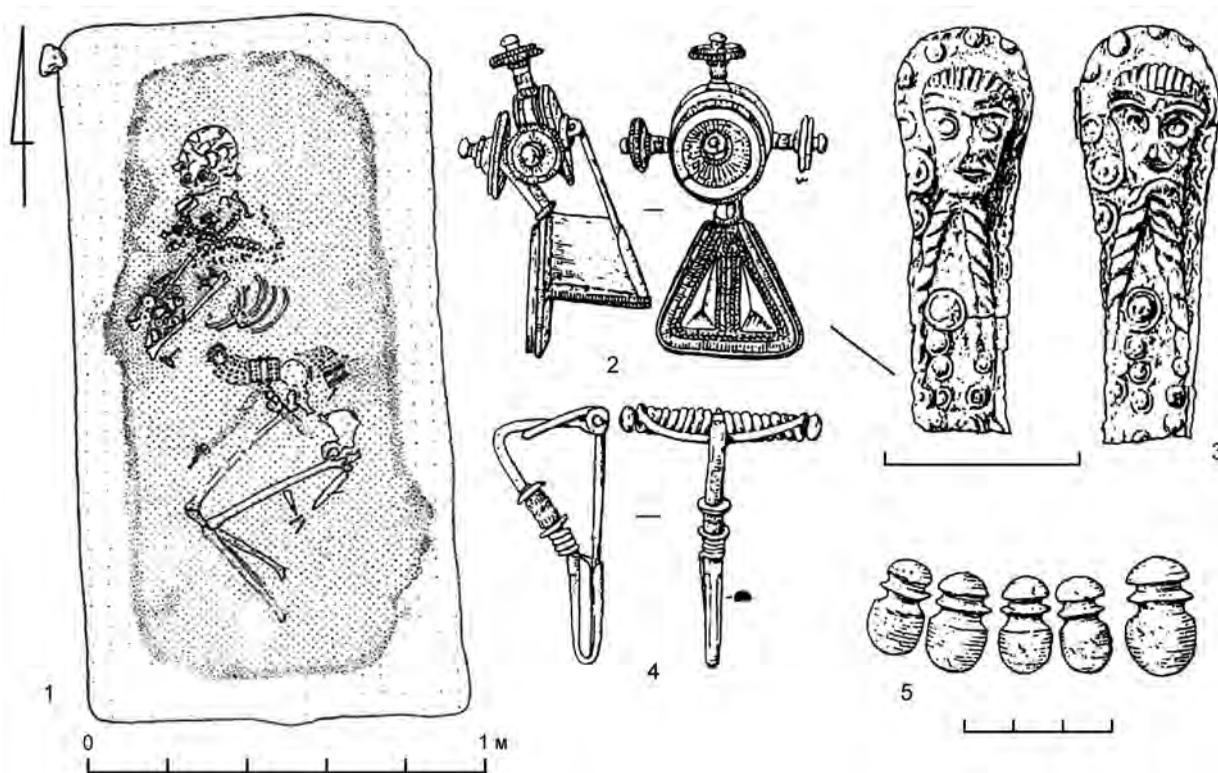

Рис. 5. Грунтовый могильник Weklisce-7, погр. 150: 1 — план; 2–5 — часть инвентаря

(рис. 5: 1). В руках, прижатых к груди погребенной, находились остатки мешочка (из шерстяной ткани, застегнут бронзовой арбалетовидной фибулой — рис. 5: 4), наполненного амулетами (бусины-подвески в бронзовой оплетке, 4 подвески-каури, медвежий коготь в бронзовой оправе, 3 янтарных бусины, вставленные в бронзовые кольца, и различные стеклянные бусины). В области шеи выявлены остатки двух ожерелий с янтарными грибовидными (рис. 5: 5) и стеклянными бусинами. На бедренных костях погребенной выявлены остатки двух поясов (один — с бронзовыми пряжкой и подвеской, другой —

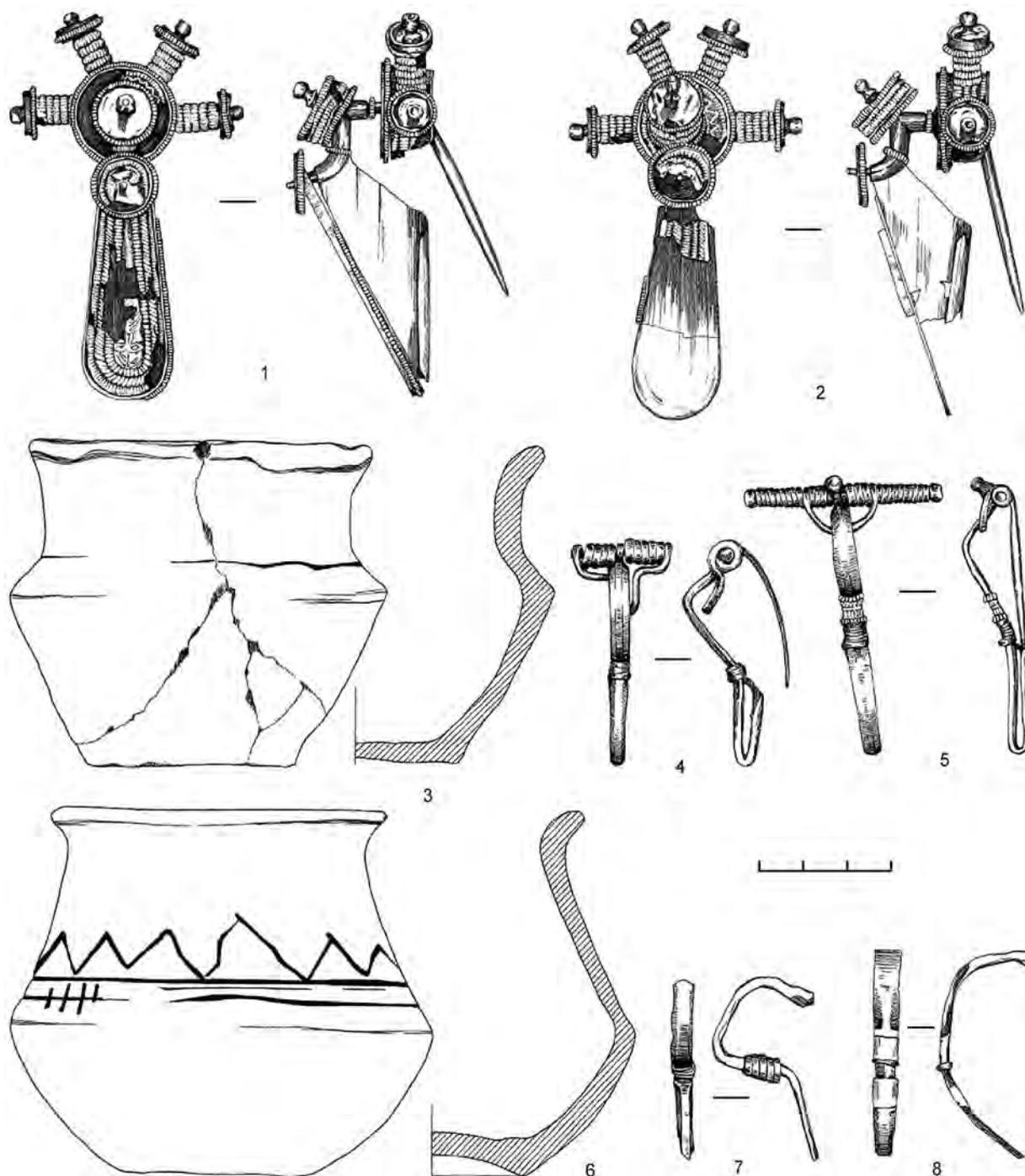

Рис. 6. Могильник Lubieszewo, погр. 10: 1–8 — часть инвентаря

шириной 7 см, с мощными прямоугольными накладками и овальной пряжкой типа Madyda-Legutko E2-3) с четырьмя окончаниями ремней и с ножом (стилетом?) в кожаных ножнах. Комплекс датируется фазой C_{1b} и началом фазы C_2 (Okulicz-Kozaryn 1992: 143). Судя по составу инвентаря, комплекс принадлежит женщине. Специфическое отличие фибулы М из Weklisce — наличие трех цилиндрических выступов, отходящих от круглой шайбовидной накладки, помещенной на пружину застежки.

9. **Lubieszewo, stan. 2, woj. Warminko-Mazurskie, погр. 10** — пара серебряных, частично покрытых золотой фольгой фибул типа А VII, 217 (рис. 6: 1–2), обнаруженных в женском труположении. Костяк имел северную ориентировку. Вместе с парой упомянутых фибул с остатками костяка обнаружены: ожерелье из 22 янтарных 8-видных бусин и из 49 бусин голубого стекла, бронзовая арбалетовидная

подвзная фибула типа A VI, 161, серебряная (с золотой плакировкой) фибула с кольцевой гарнитурой типа A VI, 168, три серебряные перстня с завязанными концами типа Beckmann 16, фрагмент бронзовой пряжки типа Madyda-Legutko H19, несколько глиняных шариков, два сосуда-приставки типа Wołagiewicz XVIII и прочий инвентарь (рис. 6: 3–8). Фибулы, обнаруженные в погр. 10 Lubieszewo, позволяют датировать этот комплекс финальной стадией фазы C₂ (Jonakowski 2001: 186, 187).

«Чудовищные» фибулы из погр. 10 Lubieszewo имеют, как и находки из Weklice, изображения мужских голов на продолговатых щитках, прикрывающих торцы иглоприемников. Специфическая особенность фибул из Lubieszewo — наличие четырех (?) цилиндрических выступов, отходящих от круглой шайбовидной накладке, помещенной на пружину застежки. Этот признак, а также накладка с изображением мужской головы сближает фибулу из Lubieszewo с находкой из погр. 600 могильника Slusegaard, Bornholm (рис. 4: 5).

10. **Малое Исаково**, Гурьевский р-н (ehem. Lauth, Kr. Samland) — серебряная фибула небольших размеров с позолоченными деталями, обнаруженная в одном из погребений римского времени в 2000 г., экспонируется в Калининградском областном историко-художественном музее².

11. **Ушаково**, Гурьевский р-н (ehem. Brandenburg, Kr. Heiligenbeil) — серебряная фибула с позолоченными деталями типа A VII, 217, происходит с грунтового могильника (частично перекрыт зданием орденовской кирхи Св. Николая, выстроенной к 1320–1340 гг.) (рис. 4: 1). Она была обнаружена в начале XXI в. «копателями» при выемке погребения вместе (?) с прекрасно сохранившейся римской золотой монетой, превращенной в древности в подвеску (рис. 4: 2) и с остатком лепной урны с горизонтальными глиняными налестками, связанной с германским населением нынешних датских островов. Один из калининградских нумизматов в 2002 г. обратился в Калининградский областной историко-художественный музей с просьбой определить упомянутую золотую монету и фибулу. Сотрудник музея К.Н. Скворцов определил монету как ауреус одного из «солдатских» императоров Викторина (в Галлии — 268–270 гг.), а фибулу отнес к типу розетковидных застежек типа Lund Hansen 3. Летом 2003 г. Балтийская экспедиция ИА РАН провела в непосредственной близости от места обнаружения фибулы раскопки, которые подтвердили существование здесь частично разрушенного грунтового могильника позднеимперского времени (А ИА РАН 2003. Б/н). Фибула некомплектна, демонтирована «копателем», из-за этого рисунок (рис. 4, 1), осуществленный по серии фотографий, не полностью воссоздает реальную ситуацию. Специфическое отличие фибулы М из Ушаково — наличие четырех цилиндрических выступов, отходящих от круглой умбовидной накладки, помещенной на пружину застежки.

12. **Lietuva**, Kariomuzejaus Vitauto Didziojo, Kaunas — бронзовая фибула типа AVII, 221 (рис. 7: 1), с остатками серебряной фольги от нижней «шайбы» (верхняя «шайба» сохранилась) на овальной накладке на торец иглоприемника, найденная на территории Литвы без точного указания пункта и условий находки. Эта фибула считается «импортом» из Скандинавии на фазах C_{1b}–C₂ (ок. 220–260 гг. н. э.) (Michelbertas 2000: 65, Abb. 2). Специфическое отличие фибулы из Литвы — наличие трех цилиндрических выступов, отходящих от круглой шайбовидной накладки, помещенной на пружину застежки.

13. **Polowity**, woj. Warmińsko-Mazurskie (ehem. Polwitten, Kr. Mohrunen) — серебряная фибула типа AVII, 221 (рис. 7: 2), частично покрытая золотой фольгой, обнаруженная в погр. б/№ (труположение?) непосредственно перед началом II Мировой войны и поэтому так и не вошедшая в широкий научный оборот (Gaerte 1937: Abb. 5).

14. **Grunajki**, woj. Warmińsko-Mazurskie, погр. D — серебряная фибула типа A VII, 221 (рис. 7: 3). Дуга тетивы и часть иглы фибулы — железные, результат древнего ремонта. Следы крепления к спинке фибулы декоративной накладки отсутствуют. К пластине, покрывающей торец иглоприемника, в древности крепились при помощи двух заклепок серебряная орнаментированная пластина, частично сохранившаяся. Верхний и нижний края дуги фибулы снабжены декоративными кольцами. Фибула обнаружена в «семейном» погребении, содержащем под общей каменной кладкой 6 урн с остатками проведенных на стороне трупосожжений. Урна, содержащая фибулу, сохранилась лишь в виде скопления многочисленных красноглиняных фрагментов. Вместе с «чудовищной» фибулой в развале этой урны с обломками кальцинированных костей найдены железная арбалетовидная фибула с подвзным иглоприемником, двухчастная железная пряжка, фрагмент бронзовой накладки с двумя отверстиями и циркульным орнаментом, фрагмент ножа, нож с остатками деревянных ножен, глиняное пряслице биS-видной формы (Stadie 1919: 411, 412, Abb. 184).

² Ввиду необходимости подробной публикации данной интереснейшей фибулы, честь открытия которой принадлежит сотруднику КОИХМ К.Н. Скворцову, подробное описание и соответствующие типологический и хронологический анализ данной фибулы М в настоящей статье отсутствуют.

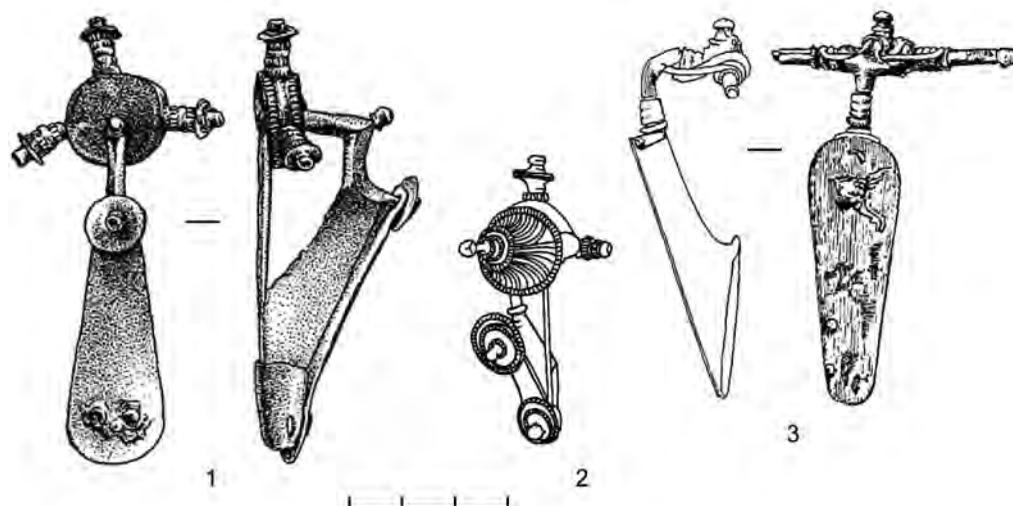

Рис. 7. Фибулы М, типологически близкие застежкам типа А VI,168:
1 — Lietuva; 2 — Polowity; 3 — Grunajki-D

Специфическое отличие фибулы из Grunajki — отсутствие каких-либо шайбовидных накладок и цилиндрических выступов. Судя по специфике набора инвентаря, погребение содержало останки женщины.

Представленные в Каталоге фибулы обладают рядом типологических особенностей, достойных внимания. К ним относятся:

А. Наличие у фибул из Восточного Поморья и с территории исторической Пруссии трех (фибулы из Weklice, Lietuva, Polowity, Grunajki) и четырех (бывш. Гребитен, Ушаково, Lubieszewo) цилиндрических выступов, крепившихся по периметру дисковидной или умбоновидной накладки, перекрывавшей пружину и дугу застежки. Многочисленные фибулы М, найденные в Скандинавии, места находок которых показаны на карте Й. Вернера (рис. 2) не залитыми черным цветом окружностями, очень редко имеют такие детали. Как правило, скандинавские фибулы М, типологизированные Мартой Макебранг, восходят к типу А VII,217 (М IV) и обладают наряду с круглой шайбовидной накладкой на дужке фибулы (группообразующий признак) прямоугольной (тип М X) накладкой, перекрывающей пружину застежки (Mackeprang 1943: Taf. 1–3). Исходный для этого типологического ряда тип фибул MIV датируется в скандинавском материале фазой C_{1b} (Lund Hansen 1987: fig. 20) в рамках 210–250 гг. (Ethelberg 1992: fig. 4). Дериваты этих фибул, составляющие тип М X, распространяются по Северной Европе позднее и фактически неизвестны на южных берегах Балтики. Как правило, на фазе C₂ (ок. 300–350 гг.) указанные дериваты, в современной археологической науке обозначенные как фибулы типа Matthes B (с полукруглыми пластинами) и Matthes C (с прямоугольными пластинами), распространены довольно узкой полосой от датских островов на севере до верховий р. Эльбы на юге (Voß 1998: 150, Abb. 13). Очевидно, они служат прототипами для некоторых видов пальчатых фибул эпохи Великого переселения народов.

Их непосредственными предвестниками для Восточного Поморья являются фибулы, обнаруженные Мирославом Петжаком на вельбарском могильнике Прушь Гданьски (пункт 7, погр. 150; пункт 5, погр. 17) и относимые к фазе C₃ (около 300–350 гг. — Pietrzak, Tyszyńska 1988: L370.1). Другие находки поздних версий фибул М в Балтии не встречены.

Как известно, цилиндрические выступы на основной пластине фибул М известны, кроме балтийского побережья между устьями рек Вислы и Немана, в юго-западной части ареала черняховской культуры. В современной типологии фибул этой культуры Гороховского–Гопкало застежки М (именуемые украинскими коллегами «чудовищно развитыми»), сведены в пятую серию, в которой вариант 2 («с коленчатой угловатой ромбической в сечении спинкой») соответствует фибулам, аналогичным балтийским находкам. Вариант 3 черняховских фибул М имеет уже не круглую шайбовидную («коробчатую»), а сегментовидную плоскую накладку на пружину застежки, которая (Данчены) датируется бережанской фазой (270–330 гг. — Шукин 1999: рис. 1), т.е. позже прусских находок. Фибулы варианта 2 с цилиндрическими выступами представлены преимущественно в Поднепровье (Василика, Данчены).

Авторы новейшей типологии черняховских застёжек группы А VII фибулы М варианта 2 с цилиндрическими выступами именуют «борнхольмским» вариантом (явно случайно, по единичной находке Slusegaard-600) и указывают на близость таких артефактов фибуле из бывш. Гребитен (Каталог, № 7) (Гороховский, Гопкало 2004: 124).

Б. Специфический признак восточнопоморских и прусских находок фибул типа А VII,217 — накладка в виде вытянутого овала, закрывающая (при помощи пайки) внешний торец пластинчатого иглоприемника (рис. 4: 3). По периметру накладки и по ее вертикальной оси при помощи покрытого псевдозернью тисненого орнамента на серебряной фольге проведены линии по всей длине накладки. На фибулах, происходящих с «Острова Гепедойос» (Эльблонгская возвышенность), линия по вертикальной оси венчается на накладке изображением мужской головы без шеи, с прической в виде вертикально зачесанных на лоб прядей волос (рис. 5: 3). Эти изображения поразительно напоминают кельтские символы конца I тыс. до н. э. — изображения принесенных в жертву мужских голов (например, на камне-омфале из Pfalzfeld St. Goar, Deutschland), воспринятые и в германском сакральном искусстве (накладки из Nudam). Расположение этих голов на «чудовищных» фибулах еще раз подтверждает установившееся среди археологов в последние годы справедливое мнение о ношении фибул в Barbaricum иглами вверх. Однако в данной статье все фибулы показаны на рисунках в соответствии с нормами, примененными в классическом труде Оскара Альмгрена.

Указанная схема орнамента на вытянутых накладках фибул из Weklisce, Lubieszewo, Slusegaard, ehem. Grebieten находит аналогии в массиве арбалетовидных застёжек из погребальных древностей самбийско-натангийской культуры. Если на ножках некоторых фибул с кольцевой гарнитурой типа А 3 представлено вертикальное, вполне технологическое ребро (для повышения прочности этой детали застёжки — рис. 8: 2), то на умышленных версиях таких фибул их уплощенные ножки снабжены орнаментом, воспроизводящим это вертикальное ребро (рис. 9). Эта связь между находками не случайна и указывает на немаловажную роль творческого импульса мастеров Янтарного края начала фазы С в процессе формирования «чудовищных» фибул (Кулаков 2005: 47).

В. Интереснейшей особенностью восточнопоморских и самбийских фибул М является наличие на шайбах, перекрывающих пружину застёжки, трех или четырех цилиндрических выступов. Как показывает вид демонтированной (находчиком?) фибулы из Ушаково (рис. 4: 1), сначала на стержень пружины фибулы, имеющий вид стержня арбалетовидной фибулы типа А VI,168 (одна из первых «варварских» застёжек с третьей «кнопкой») крепилась дугообразная пластина, симметричная тетиве пружины застёжки. Затем в отверстия, заранее высверленные в этой пластине, вставлялись тонкие трубочки из серебряной пластины. С внутренней стороны дугообразной пластины их концы закреплялись шлицеванием своих краев. Затем трубочки покрывались тонкими серебряными, нередко золочеными пластинами, закреплявшимися на трубочках при помощи кольцевидных вдавлений. Верхние торцы этих пластин фиксировались круглыми шайбами с кольцевой гарнитурой по периметру, извне крепившиеся (в распор изнутри трубчатых оснований выступов) кнопками, аналогичными кнопкам на концах пружины. Столь сложная в описании схема крайне проста в производстве (и весьма ненадежна при ношении фибулы) и не требует серьезной инструментальной базы и профессиональной ювелирной подготовки. В данном случае перед нами пример одного из первых самостоятельных опытов «варварских» мастеров, пытавшихся при непроницаемом для торговцев лимесе после начала в 251 г. Готских войн удовлетворить нужды своих соплеменников в украшениях. Однако, если появившиеся именно в это время арбалетовидные фибулы с подвязной ножкой типа А VII, 211 были подделкой римской продукции и широко распространились в «варварской» среде (Кулаков 2005: 41), то «чудовищные» фибулы являются фактически первым продуктом полностью самостоятельного творчества германских златокузнецов.

Прототипы этих фибул и процесс становления их специфической структуры пока мало изучены. Однако с достаточной долей уверенности среди источников для сложения их формы можно назвать фибулы типа А V, 101, черты которых еще прослеживаются на их дериватах типа А VII, 219 с псевдожемчужным орнаментом на диске, скрывавшем пружину застёжки, в бассейне р. Эльбы на фазе С₂ (Schulte 1998: 297). Декоративные диски, являющиеся отличительным признаком фибул, восходят, скорее всего, к аналогичным деталям фибул типа А IV, 71—А IV, 75. Правда, если на провинциально-римских образцах диски нанизывались на ножку по вертикали, то на «варварских» подражаниях диски накладывались на ножку фибулы. Прототипы фибул типа А IV, 71—А IV, 75 в виде застёжек типа Prussia-Museum попали на фазе В_{1b} на Янтарный берег из римского Подунавья с торговыми караванами, а отсюда при помощи тесных племенных контактов распространились на Ютланде. При этом традиция фибул типов А IV, 71—А IV, 75 развивалась и на юго-восточном, и на западном участках побережья

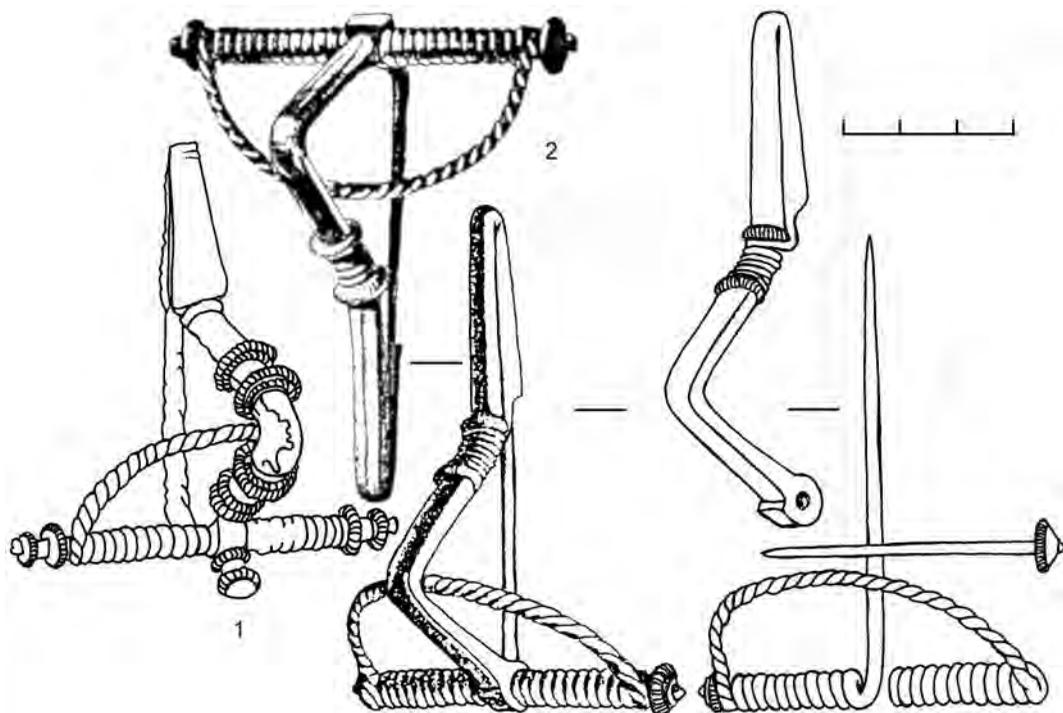

Рис. 8. Арбалетовидные фибулы из погр. 261 могильника Геройское (Eisliethen)

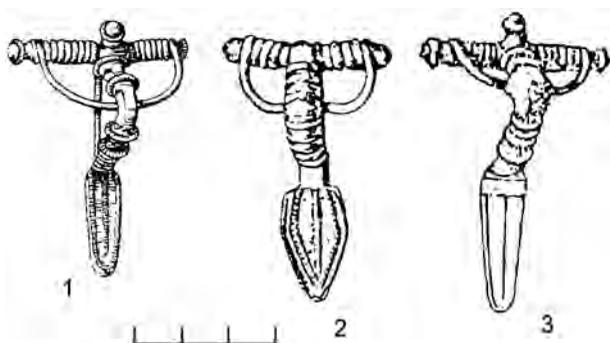

Рис. 9. Арбалетовидные фибулы с языковидной пластиной на ножке: 1 — погр. 194 могильника Геройское; 2 — погр. X (раск. 1905 г.) могильника Nowe Wozwinki; 3 — погр. 150 могильника бывш. Greibau

Балтики (Санников, Валуев 2002: 590, 592). На Янтарный берег образцы этих застежек как прототипы для фибул Monströse, могли попасть в начале «кимврского» горизонта с переселением групп германцев с Ютланда в ходе Маркоманских войн (Кулаков 2003: 88).

Трудно выяснить прямую мотивацию обращения германских умельцев эпохи Готских войн к наследию раннеримского времени в поисках изобразительных и конструктивных источников для фибул Monströse, призванных быть роскошными в составе женского парадного убора. На примере фибул с высоким иглоприемником можно предполагать попытку вернуться к традициям материальной культуры эпохи битвы в Тевтобургском лесу. Указанием на заведомо женскую принадлежность фибул «борнхольмского» варианта служат цилиндрические выступы, фактически являющиеся уменьшенными копиями римских веретен II — первой пол. IV в. (рис. 10). Эти роскошные «жезлы», составлявшиеся из роговых или янтарных шайб, подчеркивали символично-репрезентативный статус «хозяйки усадьбы» в составе женского инвентаря у древнегерманских племен (Gottschalk 1996: 483, 494). Не совсем ясен смысл множественности микрокопий веретен на фибулах Monströse. Быть может, так подчеркивалось богатство женщины, владевшей несколькими веретенами (точнее, работницами/рабынями, работавшими с веретенами)? При этом нельзя не отметить важный практический результат снабжения фибулы М «веретенообразными» выступами: как показывают натурные опыты, такие выступы создавали у струящейся из-под фибулы ткани четко организованные складки, выгодно подчеркивавшие детали женской фигуры. Этот эффект впоследствии реализовался при ношении пальчатых фибул. Правда,

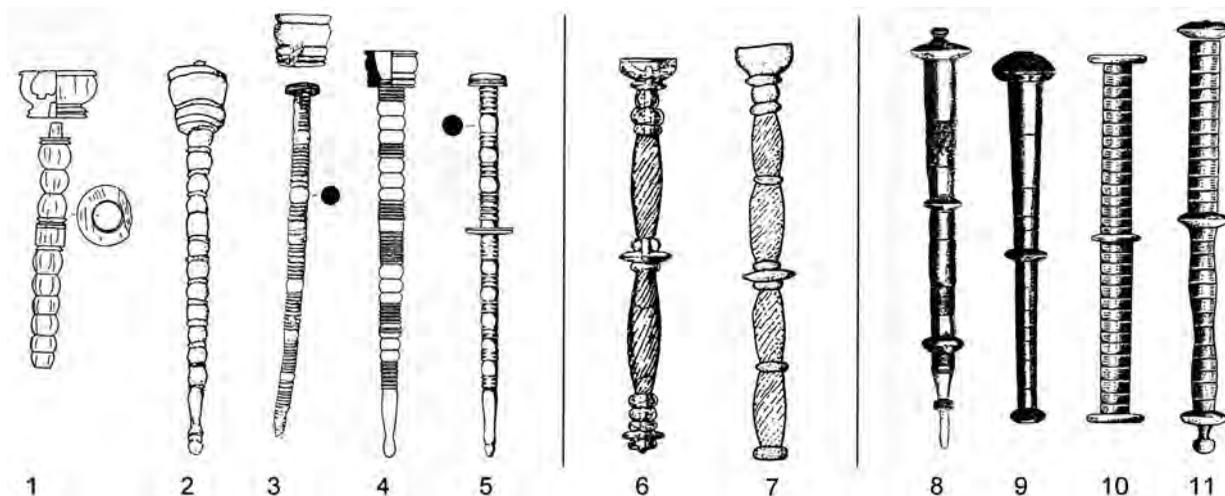

Рис. 10. Типы провинциально-римских веретён с наборным корпусом: 1–5 — роговые веретена типа Hürth-Hermülheim (II — первая пол. IV вв.): 1 — Hürth-Hermülheim; 2 — Sotteville; 3 — Poundbury; 4 — Emona; 5 — Köln; 6–7 — янтарные веретена типа Dorweiler (III — нач. IV вв.): 6 — Dorweiler; 7 — Niederzier; 8–11 — янтарные веретена типа Aquilea (вторая половина I — вторая пол. IV вв.): 8–9 — Sopron; 10 — Köln; 11 — Aquilea

пальцеобразные выступы на них, утратившие сходство с веретенами, в эпоху Великого переселения народов стали сугубо декоративными элементами.

Плотное скопление находок «чудовищных» фибул на балтийском побережье между устьями рек Вислы и Немана, связь этих артефактов с иными фибулами местных германцев (тип Å3) позволяют поставить под сомнение вывод Казимежа Годловского о распространении в Barbaricum застёжек М (их прародиной именовался п-ов Ютланд) из Поднепровья (Godłowski 1994: 485). Напротив, ряд находок целых комплексов (преимущественно женских) западнобалтского происхождения в Днепровском и Днестровском ареалах черняховской культуры позволил М.Б. Шукину сделать вполне справедливый вывод о существовании в III–IV вв. «моста» обоюдных контактов между Циркумбалтийским (от Норвегии до Янтарного края) и Черноморским регионами (Šćukin 2000: 357).

Наличие в Причерноморье более поздних, нежели в Балтии, вариантов фибул М позволяет предполагать северный импульс распространения данного, сакрального для германцев, артефакта.

Действительно, Самбия и дельта р. Вислы, основные зоны распространения фибул М в Балтии, были важнейшими участками сакрального пути, связывавшего восточногерманские ареалы в Поднепровье и Поднепровье с островными культовыми центрами на западе балтийской акватории. Как железные гребни, предметы с руническими знаками старшего футарка, фибулы Monströse являлись материальными показателями участия древних германцев (прежде всего, женщин) в культовых ритуалах (Kulakov 2001: 51, Abb. 5). Тем самым объяснимо скопление таких фибул в местах жертвоприношений на островах Фюне и Зеланд, наличие на некоторых фибулах культовых по своему характеру изображений, представленность фибул М в составе женского церемониального убора (Weklisce-150). Если культовые церемонии в германских общинах Причерноморья производились по образу церемоний на севере, то и инвентарь для этих актов также производился на юге по северным (в том числе самбийским) образцам.

Впечатляющее скопление фибул М на памятниках археологии узкого отрезка балтийского побережья между современными городами Гданьск и Зеленоградск, особая специфика местных фибул М (круглые «шайбы» с тремя и четырьмя цилиндрическими выступами, особая форма декора накладки на торец иглоприемника) имеют явно неслучайный характер, связанный с существованием локальной группы фибул М. Складывается гипотеза о местном происхождении части фибул М (как ранее — конских оголовий типа Vimose, а после Маркоманнских войн — фибул с кольцевой гарнитурой — Кулаков 2003: 82; Kulakov 2005: 29), распространившихся отсюда в третьей четверти IV в. вместе с группами местных германцев на запад к общегерманским сакральным центрам, на юго-восток, к зерновым житницам Причерноморья и к манящему лимесу, скрывавшему блеск сокровищ Константинополя. Правда, появление на фибулах копий провинциально-римских веретен логичнее было бы связать с древнегерманскими племенными ареалами в непосредственной близости от лимеса. Возможно, есть смысл

предполагать два источника формирования облика «чудовищных» фибул: юго-восточную Балтию и запад «Свободной Германии».

Часть будущей исторической Пруссии в эпоху Готских войн являлась территорией распространения (рис. 3) одного из важнейших материальных показателей традиционного древнегерманского культа — женских фибул *Monströse*. Своей необычной конструкцией они не только подчеркивали торжественность церемониального убора древнегерманских женщин, но и, благодаря своему высокому символично-репрезентативному статусу, стали прототипами для формирования части массива «пальчатых» застежек эпохи Великого переселения народов.

Косвенный вывод, следующий из краткого анализа фибул М из Восточного Поморья и Балтии, заключается в том, что, несмотря на сложившееся мнение о «балтийско-готской границе» по р. Пасленке (рис. 3), германцы расселялись и к северо-востоку от нее. В Янтарном крае присутствовали значительные группы германцев, что доказано многими особенностями местных древностей (Кулаков 2003: 88, 286). Включая нередко элементы западнобалтского происхождения, эти древности (самбийско-натангийская культура) содержали материальные показатели традиционного германского культа, в том числе, фибулы *Monströse*.

Литература

- Амброз 1966 — Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Вып. Д1-30. М., 1966.
- Гороховский, Гопкало 2004 — Гороховский Е.Л., Гопкало О.В. Фибулы VII группы О. Альмгрена в ареале черняховской культуры // Археологія давніх слов'ян. Київ, 2004.
- Кулаков 1989 — Кулаков В.И. Кауп // Становление европейского средневекового города. М., 1989.
- Кулаков 2003 — Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. М., 2003.
- Кулаков 2005 — Кулаков В.И. Подвязные фибулы в юго-восточной Балтии // РА. № 1. 2005.
- Кулаков 2009 — Кулаков В.И. Фибулы серии «чудовищные» в Восточной Балтии // РА. № 3. 2009.
- Санников, Валуев 2002 — Санников П.В., Валуев А.А. Сложносоставные римские фибулы из Музея «Пруссия» // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XII. М.; Магнитогорск, 2002.
- Шукин 1999 — Шукин М.Б. Феномен черняховской культуры эпохи Константина — Констанция или Что такое черняховская культура? // *Stratum plus*. № 4. СПб.; Кишинёв; Одесса, 1999.
- Шукин 2005 — Шукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб, 2005.
- Almgren 1923 — Almgren O. Studien über Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinziäl-römischen und südrussischen Formen. Mannus-Bibliothek, Bd. 32. Leipzig, 1923.
- Bujack 1888 — Bujack J. Das Gräberfeld zu Grebieten // *Prussia*. Bd. 13. 1888.
- Ethelberg 1922 — Ethelberg P. To grave fra Højvang, Sønderjylland. Dendrodatering og Absolut kronologi // KUML 1990. 1992.
- Gaerte 1937 — Gaerte W. Bericht über die Tätigkeit des Prussia-Museums im Jahre 1936 // *Nachrichtenblatt für deutsche Vorzeit*. Bd. 13, 1937.
- Godłowski K. 1994 — Godłowski K. Vorrömische Eisenzeit und Römische Kaiserzeit im östlichen Mitteleuropa und in Osteuropa // *Fibel und Fibeltracht. Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*. Bd. 8. Lieferung 5/6. Berlin—New York, 1994.
- Gottschalk 1996 — Gottschalk R. Ein spätrömischer Spinnrocken aus Elfenbein // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. Bd. 26. 1996.
- Jonakowski 2001 — Jonakowski M. Grób szkieletowy kultury wielbarskiej z cmentarzyska w Lubieszewie, pow. Nowy Dwór Gdański, stanowisko 2 // *Wiadomości Archeologiczne*. T. LIV. 2001.
- Kulakov 2001 — Kulakov V.I. Jütland-Dobrukscha: die Rochade der “Barbaren” vom 2. bis 4. Jh. Chr. // *Archaeologia Bulgarica*. Jg. V. 2001. H. 2. Sofia, 2001.
- Kulakov 2000 — Kulakov V.I. The Amber Lands in the Time of the Roman Empire. Oxford, 2005.
- Levada 2000 — Levada M. Metal Combs of the second Quarter of the First Millenium AD in Easter Europe // *Mączynska M., Grabarczyk T. Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź, 2000.
- Lund Hansen 1987 — Lund Hansen U. Römischer Import im Norden. København, 1987.
- Mackeprang 1943 — Mackeprang M. Kulturbeziehungen im nordischen Raum des 3.-5. Jahrhunderts. Keramische Studien. Leipzig, 1943.

Michelbertas 2000 — *Michelbertas M.* Zu den Handels- und Kulturbeziehungen der Bewohner Litauens mit Skandinavien in der Römischen Kaiserzeit // *Archaeologia Baltica*. Bd. 4. Vilnius, 2000.

Okulicz-Kozaryn 1992 — *Okulicz-Kozaryn J.* Centrum kulturowe z pierwszych wieków naszej ery u ujścia Wisły // *Barbaricum*'92. T. 2. Warszawa, 1992.

Pietrzak, Tyszyńska 1988 — *Pietrzak M., Tyszyńska M.* Période Romaine Tardive (Pruszcz Gdanski 7). *Inventaria Archaeologica. Corpus des Ensembles Archéologiques*. Fasc. LX. Warszawa- Łódź, 1988.

Schulte 1998 — *Schulte L.* Die Fibeln mit hohem Nadelhalter in Deutschland — Forschungsgeschichte und Forschungssätze // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren // *Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg*. Bd. 5, Wünsdorf, 1998.

Ščukin 2000 — *Ščukin M.* Three ways of the Contacts between the Baltic and the Black Sea Littorals in the Roman Periods // *Mączynska M., Grabarczyk T.* Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź, 2000.

Stadie 1919 — *Stadie K.* Fundberichte VII. Gräberfeld bei Gruneiken, Kr. Darkehmen // *Prussia*. H 23. Teil II. 1919.

Voß 1998 — *Voß H.-U.* Archäologische Quellen // *Voß H.-U., Hammer P., Lutz J.* Römische und germanische Bunt- und Edelmetallfunde im Vergleich. Archäometallurgische Untersuchungen ausgehend von elbgermanischen Körpergräbern // *Bericht der Römische-Germanischen Kommission*. Bd. 79. 1998.

Werner 1988 — *Werner J.* Dančeny und Drandstrup. Untersuchungen zur Černiachov-Kultur zwischen Sereth und Dnestr und zu den Reichtumszentren auf Fünen // *Bonner Jahrbücher*. Bd. 188. 1988.

Архивные материалы

А ИА РАН. Р-1. Кулаков В.И. Отчет о раскопках, проведенных Балтийской экспедицией в 2003 г. в пос. Ушаково (Гурьевский р-н Калининградской обл.).

О.А. Хомякова (Калининград)

СТИЛЬ КОЛЬЦЕВОГО ДЕКОРА В МАТЕРИАЛАХ САМБИЙСКО-НАТАНГИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕРИМСКОГО ПЕРИОДА

Изделия в стиле кольцевого декора¹ широко представлены на памятниках позднеримского времени самбийско–натангийской культуры (или культуры Доллькайм–Коврово, по Войцеху Новаковскому) (Nowakowski 1996: 14). Они являются не только одним из ее признаков (Nowakowski 1996: 57), но и отличительной чертой убора культуры данного периода в целом.

Кольцевым декором украшались такие предметы, как застезки типов А. 167², А. 211, А. 216 (так называемые «чудовищные»), «большие арбалетовидные фибулы». Подобные элементы присутствуют на различных предметах из состава убора позднеримского времени — булавах, шейных гривнах, деталях поясов и т. д. Изделия с проволочным декором представлены в материалах более чем 40 могильников самбийско–натангийской культуры (рис. 1). Необычайно большое количество застезек с проволочным декором, происходящих с территории бывшей Восточной Пруссии было отмечено шведским археологом Нильсом Обергом уже в первой четверти XX в. (Åberg 1919) (рис. 2). Данный факт позволил ему считать Самбийский полуостров регионом возникновения и этих фибул, откуда началось их дальнейшее распространение. Эта точка зрения впоследствии была поддержана исследователем раннесредневековых древностей юга Восточной Европы А.К. Амброзом (Амброз 1966: 67, табл. 23). Н. Обергу принадлежит и первая попытка типологии застезек с проволочным декором. К древностям самбийско–натангийской культуры он относит фибулы с «кольцевым декором» типов Å 1 и Å 2 (Åberg 1919: 14, Abb. 1–2), которые соответствуют типам А. 211 и А. 167, а также более позднюю форму застезек Å 3 (Åberg 1919: 14, Abb. 3), относящихся к «большим арбалетовидным фибулам». Эта классификация является достаточно общей, не учитывает ряда особенностей изделий и не позволяет отвечать на вопросы о происхождении, точной датировки предметов.

В настоящее время представляется интересным подробное рассмотрение изделий с проволочным декором в составе закрытых комплексов, выявление источников их возникновения, аспектов, связанных с хронологией. Помимо детального изучения типов украшений, внимание должно быть уделено различным вариантам декора, определению основных стилистических элементов в его составе. Это позволит выявить наиболее характерные приемы декорирования и взглянуть на отдельные типы кольцевого декора как на определенный индикатор для уточнения хронологии предметов.

Традиция украшения фибул накладным декором, вероятно, берет свое начало в раннеримский период в имперских провинциях Норикуме и Паннонии. На фибулах типов А. 236 и А. 237 (Almgren 1923: Taf. XI: 236, 237), входивших в состав норику-паннонского женского убора I–II вв. (Garbsch 1965: 26), присутствуют

¹ Дословно «кольцевой гарнитур» (от нем. *Ringgar nitur Stil*), др. — *проволочный декор* — стиль, получивший широкое распространение на территории, охватывающей практически всю территорию варварского мира в III веке н. э. Представляет собой сочетание различных вариантов кольцевого декора, как правило, в виде проволочных колец с насечками.

² Типология фибул, представленная в работе, опирается на классификацию Оскара Альмгрена (Almgren 1923).

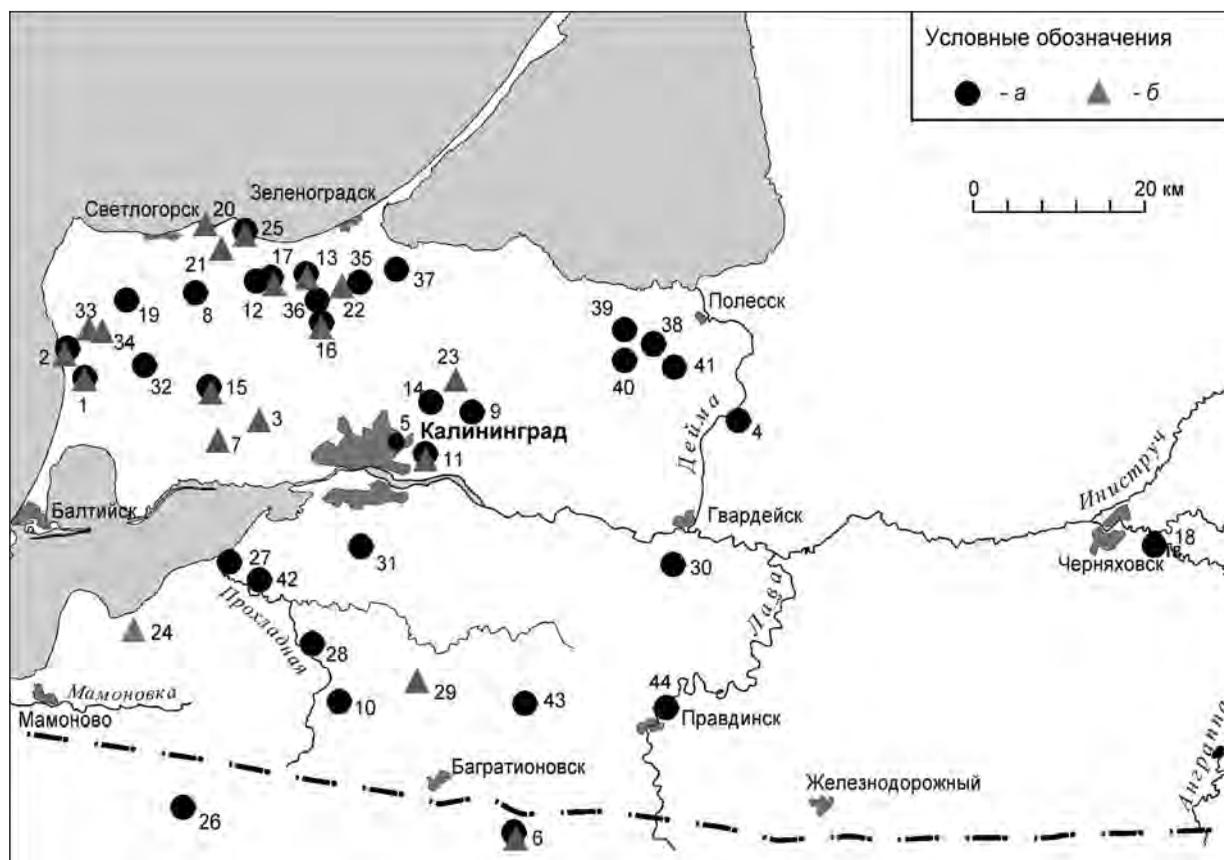

Рис. 1. Карта-схема рассматриваемых могильников
 а — фибулы типа А.211 и А.167 и другие изделия с кольцевым декором типа II и его вариантами, б — «большие арбалетовидные» фибулы с кольцевым декором типа I и III

расположенные на корпусе литые кольца, среднее из которых имело больший диаметр. Они располагались у основания литого иглоприемника и на изгибе спинки. Необходимо отметить, что окончание иглоприемника также украшалось декоративной кнопкой.

Такой декор присутствуют на так называемых сильнопрофилированных застёжках IV группы (по О. Альмгрену), характерных для древностей самбийско–натангийской культуры. Спинки этих фибул украшались накладным диском, по верху и у основания которого располагались насечки (тип А. 71–75, А. 82). Подобным образом украшались застёжки типов А. 78, А. 81 и А. 88. Так, на фибулах типа А. 78 он представлял собой несколько колец, имеющих, в том числе, насечки и перевитые в виде двойной спирали проволоочки (Almgren 1923: Taf. IV).

Одним из наиболее важных моментов, связанных с появлением изделий в стиле «проволочного декора» в материалах культуры является проблема его происхождения и истоков.

В настоящее время устойчивым остается мнение, что изделия в стиле «кольцевого гарнитура» в ареале самбийско–натангийской культуры появляются вместе с влиянием «сарматской культуры» (Кулаков 2003: 41; Кулаков 2004: 35). Это утверждение основывается, главным образом, на выводах и предположениях, изложенных в работе М. Мончиньской (Мончиньска 1999), посвященной так называемым «сарматским» фибулам, принадлежащим, по классификации О. Альмгрена, типу А. 211 (VII группы 4 серии).

На основе данных, которыми мы располагаем на сегодняшний день, эту гипотезу можно считать неверной. Основная масса фибул типа А. 211 из комплексов самбийско–натангийской культуры обладает набором морфологических признаков, отличающим их от фибул сарматского типа. Это, прежде всего, сильно профилированная форма спинки (приближенная к форме «S»), декоративные кнопки на головке и окончаниях пружины и иглоприемника. Основным отличием местных фибул является нижняя тетива, проходящая под спинкой (шейкой) фибулы, которая была изготовлена из того же дрота, что и пружина. Отсутствие признаков сарматских фибул (верхней тетивы, крючка или кнопки, в которую она

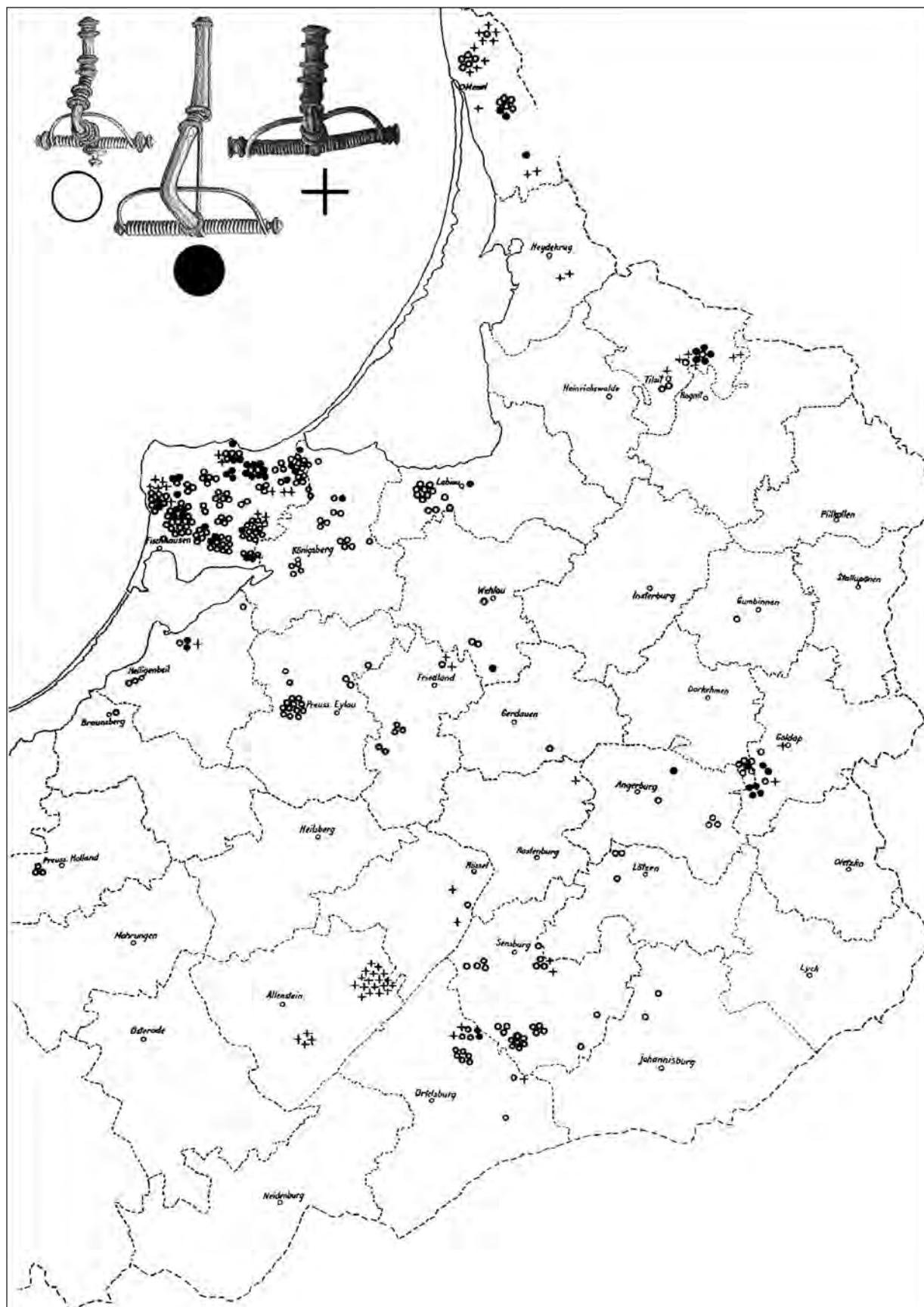

Рис. 2. Фибулы с кольцевым декором в ареале самбийско-натангийской культуры по Н. Обергу

упирается) у подавляющей массы фибул в ареале культуры, позволяет считать неоправданным тезис о «сарматском влиянии». Речь может идти лишь об отдельных экземплярах, обладающих некоторыми чертами «сарматских» фибул, которые могли попасть сюда в результате межкультурных контактов.

Фибулы типа А. 211 (VII группы 4 серии, по О. Альмгрену), обладающие схожими признаками с экземплярами из ареала самбийско–натангийской культуры широко распространены, прежде всего, на территории современного Шлезвиг–Гольштейна и Померании (Almgren 1923: 206–208; Schulte 1998: 287, Abb. 5). На германское происхождение фибул типов А. 167 и А. 211 в свое время указывали также Н. Оберг (Åberg 1919: 14) и В. Новаковский (Nowakowski 1996: 57), который находил им больше аналогий на германских территориях, нежели в сарматских древностях.

На мой взгляд, наиболее вероятна связь изделий в стиле кольцевого декора самбийско–натангийской культуры с германскими образцами, и, более всего, с влиянием вельбарского ювелирного искусства и северного «филигранного стиля». Отметим, что экземпляры застёжек, украшенные «проволочным декором», в пределах вельбарской и самбийско–натангийской культур появляются практически одновременно. Так, наиболее ранние образцы фибул типа А. 211 в ареалах обеих культур относятся к фазам C_{1a} – C_{1b3} (Godłowski 1994: 485, Abb. 99: 11, 12; Nowakowski 1996: 57). Застёжки типа А. 167 с кольцевым декором в погребениях № 96, 533 вельбарского могильника Цецеле также датированы фазами C_{1a} – C_2 (Jaskanis 1996: Taf. XIV, LXXI).

Элементы проволочного декора на изделиях вельбарской культуры появились уже в период B_2 – B_2/C и связаны с так называемым «барокко» (Шукин 2005: 85). В частности, одиночные кольца украшают застёжки в материалах могильника Любовидз, в погребении 49 (Wołagiewicz 1995: Taf. IX: 49) и S-видные держатели ожерелий, характерные для древностей этой же культуры. В материалах могильника Пруш Гданьский 10 (погребения 244 и 514) держатели ожерелий датируются соответственно фазами B_2 и B_2/C_1 (Pietrzak 1997: Taf. LXXXIV, CL). Элементы проволочного декора встречаются на вельбарских сильно профилированных застёжках типа А. 91/92 (Pietrzak 1997: Taf. XLII: 8, 9), относящихся к периоду B_{2a} и B_{2b} .

Отметим, что образцы вельбарского кольцевого декора сохраняют схему, характерную для провинциально римских образцов — одно, два, или три проволочных кольца, среднее из которых имеет больший диаметр. «Классический» кольцевой декор самбийско–натангийской культуры, состоящий из двух таких комплектов, соединённых между собой колечком — это уже своего рода стилистическое излишество, появившееся за счёт усложнения вельбарской схемы.

Еще одно заблуждение, связанное с поиском источников происхождения изделий с кольцевым декором в материалах культуры, заключается в том, что их производство могло начаться здесь под влиянием неких групп бродячих ремесленников из Дакии и Паннонии, прибывших в ареал культуры по Великому Янтарному пути (Кулаков 2005: 48). Идея о группах бродячих ремесленников, которые могли быть некими распространителями моды, впервые была предложена М.Б. Шукиным относительно изделий в стиле *opus interrasile* (Шукин 1998: 201). Развивая эту гипотезу в своих работах, В.И. Кулаков предполагает, что подобным образом в ареале самбийско–натангийской культуры появились не только ажурные изделия *opus interrasile* (Кулаков 2003: 236), но и, вероятно, многие другие категории украшений, в том числе и изделия с кольцевым декором.

В настоящее время на территории Самбии и Натангии не обнаружено каких-либо археологических подтверждений пребывания «групп бродячих ремесленников», и подобные идеи не имеют под собой каких-либо оснований.

Говорить о прямых аналогиях между фибулами с кольцевым декором самбийско–натангийской культуры и черняховскими образцами группы VII по О. Альмгрену, на мой взгляд, неверно. Это изделия, выполненные в общей стилистике, но генетически между собой не связанные, поскольку источники появления предметов с проволочным декором в ареалах обеих культур разные. В черняховской культуре они связаны, вероятно, с феноменом провинциально-римского влияния в «дакской и сарматской» среде (Мончиньска 1999: 90; Гороховский, Гопкало 2004: 111). Необходимо отметить также, что датировка черняховских фибул соотносится с периодом не ранее C_2 (Шаров 1992: 173; Гороховский, Гопкало 2004: 110), а изделия из ареала самбийско–натангийской культуры появляются в более ранний период.

³ Все хронологические определения, предложенные в статье, основываются на системе Эггерса–Годловского (Eggers 1955; Godłowski 1974) с уточнениями Ярослава Тейрала (Teiral 1987) и Рышарда Волангевича (Wołagiewicz 1987): период B_1 — ок. 10–70 гг., B_{2a} — ок. 70/80–110 гг., B_{2b} — ок. 110–150 гг., B_2/C_1 — ок. 150–200 гг., C_{1a} — ок. 200–225 гг., C_{1a} – C_{1b} — ок. 225–250 гг., C_{1b} — ок. 250–275 гг., C_2 — ок. 275–325 гг., C_2 – D_1 (C_3) — ок. 325–360/370 гг.

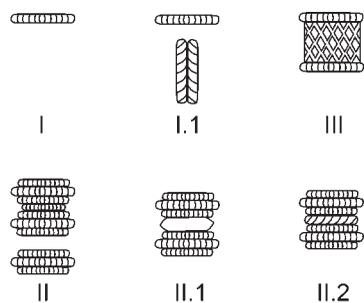

Рис. 3. Типы кольцевого декора на изделиях самбийско–натангийской культуры

Наиболее близкими образцам с территории самбийско–натангийской культуры являются черняховские застёжки с высоким иглоприемником так называемой «городничкой» серии и двойными пружинами, украшенные проволочными кольцами. Логичным кажется предположение, что эти немногочисленные застёжки — продукт ювелирного искусства черняховских мастеров, ориентированных на общеевропейский стиль «кольцевого гарнитура» (Гороховский, Гопкало 2004: 124, рис. 5).

Разновидности кольцевого декора на изделиях самбийско–натангийской культуры представлены несколькими типами (рис. 3):

Тип I — характеризуется одиночными кольцами с насечками, украшающими корпус фибулы и декоративные кнопки на головке и окончаниях пружины.

Вариант такого декора, тип I.1, образуют одиночные кольца и напаянные на корпус застёжки проволоки: с насечками, либо скрученные в спираль или «косицу».

Тип II — сложносоставной вариант декора.

Непосредственно тип II можно назвать «классическим». Декор представлял собой сочетание рифленых колец разного диаметра. Он состоял из двух блоков по три кольца, среднее из которых имело больший диаметр, чем крайние. Между собой элементы соединялись еще одним колечком.

Помимо «классического», тип II имеет два подварианта:

Отличием типа II.1 является то, что блоки из трех проволочных колец соединялись литым колечком.

В декоре типа II.2 между такими блоками находилось кольцо из тордированной проволоки в виде «спирали».

Тип III стоит особняком, поскольку представляет собой сочетание напаянной на корпус застёжки фольги с одиночными кольцами, придерживающими ее по краям.

Основные приемы, которые использовались при создании кольцевого декора, были описаны в специальной литературе, посвященной вельбарскому ювелирному искусству (Strobin 1995: 53). На мой взгляд, если мода на такой декор пришла именно с этой территории, то и техника, которую использовали мастера самбийско–натангийской культуры при его изготовлении, могла быть тоже заимствована и сильно не отличалась от вельбарской. Проволочным декором украшались, главным образом, арбалетовидные (или «двучленные» по типологии А.К. Амброза (Амброз 1966) фибулы. Конструкция такой застёжки состояла из двух частей — литого корпуса и проволочной пружины с иглой. Эти части соединялись между собой при помощи оси (Амброз 1966: 10; Магомедов 2001: 67; Никитина 1995: 87).

В изготовлении всех представленных выше типов декора использовались следующие приемы. Кольца с насечками, которыми и украшался корпус фибулы, выполнялись из проволоки, на которую предварительно острым металлическим пуансоном (рис. 4: 1) наносились декоративные бороздки. Так на ее поверхности появлялись сегменты (рис. 4: 2). В этих же целях использовался и так называемый «колесиковый штамп». Фибулы украшались также тордированной проволокой или спиралью, скрученной из двух проволочек (рис. 4: 3).

При создании кольцевого декора типа III описанные приемы сочетались с напайванием тисненой фольги на корпус фибулы. Предварительно тонкие (толщиной до 0,03–0,05 мм) пластинки протягивались между клише и материалом и прессовались. Затем орнаментированная (как правило, в виде решетки) фольга накладывалась на корпус фибулы и закреплялась на нем при помощи припоя. Край фольги дополнительно придерживались накладными кольцами. При декорировании открытых частей корпуса могла применяться и филигрань — напайвание узора из тонкой металлической проволоки (как правило, золотой или серебряной) (рис. 4: 4).

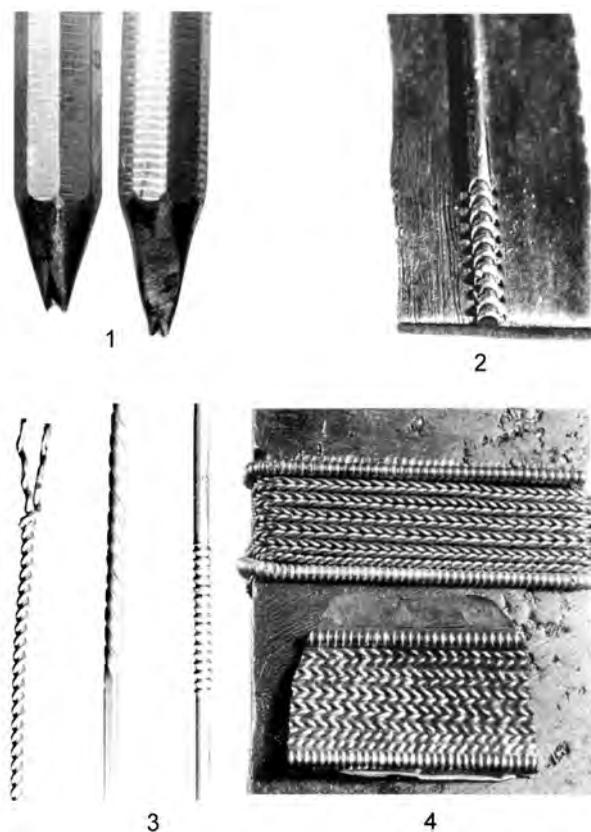

Рис. 4. Элементы кольцевого декора и способы их нанесения на изделия

Кольцевой декор типа I в древностях культуры представлен на застёжках типа А. 167 и «больших арбалетовидных фибулах»,⁴ им также украшались шейные гривны.

Отметим, что характер исполнения наиболее раннего образца фибулы типа А. 167 с декором типа I из погребения № 53 могильника Большое Исаково / бывш. Lauth⁵ (Skvorzov 2007: Taf. 66: 5) (рис. 5: 1), позволяет считать ее импортом с территории вельбарской культуры. По составу инвентаря этот комплекс принадлежит к периоду C_{1b} – C_2 . В ареале вельбарской культуры застёжки А. 167 с вариантом декора типа I (погребения № 96, 533 могильника Цецеле (Jaskanis 1996: Taf. XIV, LXXI) появляются чуть раньше — в период C_{1a} – C_2 .

В материалах самбийско-натынгийской культуры этот вариант декора был характерен, главным образом, для «больших арбалетовидных фибул» (рис. 5: 2), примером которых являются застёжки из комплексов бывш. Greibau, погр. 127 и Ровное / бывш. Pollwitten, погр. 25 (Tischler, Kemke 1902: 30, 34).

Расположение элементов декора на корпусе фибул соответствовало схеме, присущей застёжкам типа А. 167 — четыре одиночных кольца располагались у основания спинки (соединения корпуса и пружины), на месте перехода от иглоприемника к спинке, выше подвязки, а также на окончании иглоприемника. Кольцевой декор, как правило, был изготовлен из того же материала, что и застёжка — из бронзы.

В отдельных случаях проволоочный декор был серебряным, например, на застёжках из комплексов Большое Исаково / бывш. Lauth — 44 (Skvorzov 2007: Taf. 52: 48), бывш. Grebieten N, погр. 36 (Bujack

⁴ От нем. «*Grosse Armbrustfibeln*», употребляется также буквенное сокращение этого термина «*GABF*». Такое наименование рассматриваемые фибулы получили в довоенной литературе благодаря своим размерам, отличающим их от остальных застёжек группы VI по О. Альмгрену (Tischler, Kemke 1902). Современные исследователи древностей самбийско-натынгийской культуры также придерживаются этого термина (Nowakowski 1996: 19, 58; Skvorzov 2007: 125).

⁵ Раскопки грунтового могильника Большое Исаково (бывш. Lauth), относящегося к римскому времени и Великому переселению народов, проводились в 1998–2004 гг. Самбийско-натынгийской археологической экспедицией Калининградского областного историко-художественного музея под руководством ст. н. с. заведующего сектором археологии музея К.Н. Скворцова. В настоящий момент его материалы полностью не опубликованы. Автор выражает благодарность К.Н. Скворцову за возможность использования материалов его раскопок в своей работе, а также за первоначальную идею данной статьи.

1888: 206) и 177 (Vujack 1888: 224). Заслуживает внимания тот факт, что данные фибулы в составе комплексов датируются периодом $C_{1b}-C_2$, хотя в целом, появление «больших арбалетовидных застежек» в материалах женских комплексов соотносится с фазой C_2 . Подобная датировка для основной массы таких застежек была предложена В. Новаковским (Nowakowski 1996: 58) и подтверждается данными закрытых комплексов. Так, ранние экземпляры, украшенные кольцевым декором типа I, находились в составе комплексов вместе с одночленными застежками типа A. 158 и кольцевидными подвесками типа Бекман 16 (Beckmann 1969: 34, Abb. 6).

«Большие арбалетовидные фибулы», в основном, были найдены в погребениях вместе с овальными пряжками группы H по классификации Р. Мадыда-Легутко (Madyda-Legutko 1986), янтарными бусами типов ТМ 388–389, ТМ 400 по М. Темпельман-Мончинской (Tempelmann-Maczyńska 1985), серебряными ведровидными подвесками со штампованным орнаментом и браслетами с колбовидными окончаниями.

Это свидетельствует о том, что пик моды на «большие арбалетовидные фибулы» с «кольцевым декором» типа I приходился, главным образом, на IV в. (до третьей четверти — конца IV в.), и этот вариант декора в ареале самбийско-натынгийской культуры существовал на протяжении всего позднеримского времени.

Элементами декора типа I украшались и шейные гривны. Обмотка серебряной гривны из погребения Большое Исаково / бывш. Lauth — 44 заканчивается двумя проволочными кольцами с насечками (Skvorzov 2007: Taf. 51: 4). Похожие изделия встречаются не только в ареале самбийско-натынгийской культуры (Tischler, Kemke 1902: Taf. XV: 1, 1a, 2), но и в пшеворской культуре, на провинциально-римских территориях, а также в скандинавских древностях островов Оланд и Готланд, где гривны с подобным проволочным декором относятся к типу SvF 349 (Andersson 1995: 84). Датировка гривны из погребения Большое Исаково — 44 соотносится с этапом $C_{1b}-C_2$.

Образцы изделий с кольцевым декором типа I встречаются на вельбарских памятниках Побужья, Волыни и Подолии, в частности, в материалах могильника Брест-Тришин на фибулах группы VI по О. Альмгрену, где они также относятся ко второй половине — концу III в. (Кухаренко 1980: 47; табл. VIII: 8a, XVII: 56в, XXVII: 116).

Подобно самбийско-натынгийской культуре данный тип декора украшает «большие арбалетовидные фибулы» и на других балтских территориях. В массе они датируются IV — началом V в. — в материалах могильника Нетта в Сувалках (Bitner-Wróblewska 2007: 36), в Литве на могильнике Плинкайгалис (Kazakevičius 1993: pav. 114: 5; 125: 11), Тюрсамае / Türsamäe в Эстонии (Moora 1938: 137, Abb. 22: 2).

Тип декора, выделенный мною как тип I.1, был также свойственен «большим арбалетовидным фибулам». Помимо одиночных колец на спинки этих застежек дополнительно напаявались вертикальные рифленые или скрученные в спираль проволочки. Среди них экземпляры из погребения № 85 могильника Коврово / бывш. Dollkeim (Tischler, Kemke 1902: 21) (рис. 5: 3), комплексов Котельниково / бывш. Warengen — 33 (Heydeck 1909: 234) и Елановка / бывш. Wackern — 31 (Tischler, Kemke 1902: 40) (рис. 5: 4). Эти изделия также отличает декоративная кнопка на окончании корпуса, которая отсутствует у основной массы «больших арбалетовидных фибул». К сожалению, помимо самих застежек, в этих комплексах не выявлено других хроноидикаторов, поэтому однозначно датировать период возникновения данного типа кольцевого декора сложно. Вероятно, он соответствует общей датировке «больших арбалетовидных фибул» в материалах культуры и относится к периоду не ранее фазы C_2 .

Появление кольцевого декора типа I.1 связано с североευропейским влиянием. Так прототип подобной «косицы» присутствует на подвесках типа VM III с территорий северной Ютландии и Норвегии, датированных фазой B2 (Andersson 1995: 127, fig. 95). Однако этот вариант декора продолжает там существовать на других категориях украшений в период конца III — первой половины IV в.

Перечисленные застежки с элементами декора типа I.1 по совокупности признаков, вероятно, наиболее близки готландским экземплярам фибул типа A. 168 (Almgren 1923: 78, Taf. VII: 168), однако, считать их производными, на мой взгляд, было бы неверным. В данном случае, речь идет, скорее, о некоем импульсе, вызвавшем появление среди «больших арбалетовидных фибул» застежек, украшенных в подобной стилистике.

Кольцевой декор типа II является наиболее характерным, «классическим», для древностей самбийско-натынгийской культуры. Такой декор свойственен застежкам типов A. 167 и A. 211. Он выполнялся из того же материала, что и фибула — преимущественно из бронзы. Кольцевой декор и декоративные кнопки на концах пружины и головке считаются основным признаком фибул типа A. 167. Так, по классификации А. К. Амброза, эти застежки относятся ко второй подгруппе двучленных прогнутых подвязных, III серии: с одинарными зернеными декоративными кольцами (Амброз 1966: 67,

табл. 11: 8, табл. 12: 2, 3. 1–2) или с богатыми наборами колец и декоративной кнопкой на головке (Амброз 1966: 67, табл. 15: 27).

На застежках типа А. 211 три сегмента находилось у кнопки на головке фибулы, на концах пружины и на иглоприемнике. Блоком колец декорировались место перехода от иглоприемника к спинке, а также место соединения корпуса и пружины (рис. 5: 7).

В составе комплексов, например, бывш. Greibau, погр. 156 (Tischler, Kemke 1902: 31), Большое Исаково, погр. 40 и 44 (Skvorzov 2007: Taf. 48: 4–5; Taf. 52: 49–50), бывш. Grebieten, погр. 102 (по Heydek 1887: Abb. 102) застежки А. 211 находились вместе с перекладчатыми фибулами А. V. 98, арбалетовидными А. 167, D — образными пряжками типов 17, 22, 30 по классификации Р. Мадыдо-Легутко, римскими монетами, наконечниками ремней типа Радатц J II 3 (Raddatz 1957: Abb. 2: 3). Это свидетельствует о том, что такие застежки появились не ранее фазы C_{1a}, однако основной период их распространения соотносится с серединой III — началом IV в., т.е. связан с модой горизонта Лейна-Хасслебен.

В отличие от фибул А. 211, на корпусе застежек типа А. 167 находились четыре элемента декора. Дополнительный элемент располагался на месте соединения иглоприемника и корпуса, выше подвязки (рис. 5: 6).

В погребениях № 46а, 84 Коврово / бывш. Dollkeim (Tischler, Kemke 1902: 19, 21), в комплексах № 88, 99, 115, 180 Большое Исаково / бывш. Lauth (А ИА РАН. Р-1. Новые поступления. Д. 25795) фибулы А. 167 находились вместе с перекладчатыми застежками «мазурского» типа, арбалетовидными фибулами типов А. 211 и А. 161–162, D-образными пряжками, наконечниками ремней Радатц J III 1 и J II 3, бубенчиковидными и ведерковидными подвесками. Это позволяет считать, что фибулы А. 167 с «классическим» кольцевым декором также могли появиться в фазе C_{1a}, однако, пик их распространения, подобно застежкам с высоким иглоприемником А. 211, приходился на период C_{1b}–C₂.

Элементы декора типа II украшали и шейные гривны. Примером служит бронзовое изделие из парного захоронения № 4/5 Вегоржево / бывш. Groß Strengeln — II (Węgorzewo, Польша) (Tischler, Kemke 1902: Taf. XV: 1) (рис. 5: 10), также относящегося к периоду C₂.

Необходимо обратить внимание на фибулы А. 167 с «упрощенными» элементами типа II. Это, к примеру, образцы из комплексов Сиренево / бывш. Eisselbitten — 24 (Berendt 1879: 12) и Геройское / бывш. Eisliethen — 261 (Bezenberger 1896: 46) (рис. 5: 7). На мой взгляд, они являются генетически наиболее близкими вельбарским экземплярам, элементы декора которых состояли, как правило, из 1–3 колец и напоминали провинциально римские образцы накладного декора на застежках типов А. 236–237. Такой декор представлен на вельбарских фибулах типа А. 211 из погребения № 15 могильника Цецеле (Jaskanis 1996: 14, Taf. II, 15: 1–2), датированного периодом C_{1b}–C₂, фибуле А. 213 из комплекса Гжебница — 7 (Nahula, Wołagiewicz 2001: 19, Taf. XIX: 1). На корпус этой застежки помимо отдельных колец была напаяна рифленая проволока. Застежка А. 211 из погребения № 206 Пруца Гданьского — 10 (Pietrzak 1997: Taf. LXIX) с кольцевым декором из 2–3 колец относится к фазе B₂/C₁.

Отметим, что фибулы с данным вариантом декора в самбийско-натынгийской культуре имеют наиболее раннюю датировку, соотносящуюся с периодом C_{1a}. Примером является экземпляр из комплекса Большое Исаково / бывш. Lauth — 11А (Skvorzov 2007: Taf. 10: 6). В составе этого убора находились перекладчатые фибулы «мазурского» типа. Однако, в общей массе они существовали все-таки одновременно с «классическими» самбийскими образцами периода C_{1b}–C₂. Большая их часть находилась в составе комплексов вместе с фибулами типа А. 161–162 с тремя кнопками.

Образцы кольцевого декора из материалов черняховской культуры также генетически связаны с вельбарскими. Здесь элементы декора представлены как одиночными кольцами, так и блоками, состоящими из трех колец. Им украшены фибулы группы VII по Гороховскому-Гопкало, т. н. «городничкой» серии периода середины III — начала IV в. (Гороховский, Гопкало 2004: 110).

Кольцевой декор типа II.1 представлен на застежке типа А. 167 из погребения № 12 могильника Гурьевск / бывш. Klein Heide (А ИА РАН. Р-1. Д. 19799). В составе комплекса она находилась вместе с подвязной арбалетовидной фибулой с тремя кнопками А. 161–162 и двухщитковым перстнем типа Бекман 39а (Beckmann 1969: 47, Abb. 18), что позволяет датировать этот вариант декора этапом C₂.

Необходимо обратить внимание, что в таблице О. Альмгрена тип 167 (Almgren 1923: 78, 241, Taf. VII: 167) представлен экземпляром именно с таким элементом декора (рис. 5: 8). Эта фибула также происходит из материалов Восточной Пруссии (Синявино / бывш. Kampischkehmen, Гусевский район Калининградской области), но к древностям самбийско-натынгийской культуры не принадлежит. В древностях культуры классическим примером типа А. 167 можно считать фибулу из комплекса № 8 могильника Котельниково / Warengen (Heydeck 1909: 230). Наиболее близкие аналогии она находит

в западнобалтских древностях. В частности, экземпляр с аналогичными конструктивными особенностями происходит из материалов могильника Нетта (Bitner-Wróblewska 2007: pl. IX: 1–2).

Застежки типа А. 167 в древностях самбийско–натангийской культуры украшались декором типа II.2. Среди них фибула из разрушенного погребения № 368 могильника Коврово / бывш. Dollkeim (Кулаков 2007: 61, рис. 213: 1) (рис. 5: 9). Корпус этой застежки сделан из бронзы, в то время, как кольцевой декор — из серебряной проволоки. К этой группе принадлежит фрагмент фибулы из комплекса № 58 могильника Алейка 3 / бывш. Jaugehnen (Смирнова и др. 2007: 24; Радюш и др. 2009: 80–83), корпус и кольцевой декор которой сделаны тоже из серебра.

Декор типа II.2 присутствует на застежке А. 167 из Орехово / бывш. Schuditten (Bezzenberger 1909; Nowakowski 1996: Taf. 106: 4), найденной вне комплекса (рис. 5: 11). По стилистике она напоминает «чудовищные» застежки. На ее корпус были напаяны рифленые кольца и спиральная проволока, а на пружину — дополнительная декоративная пластина со штырями, украшенными кольцами и кнопками. В подобной стилистике выполнена также случайная находка с могильника Котельниково / бывш. Warengen (Åberg 1919: Abb. 10) (рис. 5: 12). Это исключительный экземпляр типа А. 167 для древностей самбийско–натангийской культуры, декор которого характеризуют проволочные элементы в виде спиралей. Этот декор находит параллели в Скандинавии, где он чаще всего встречается на изделиях, датируемых как ранним периодом V_2 , так и фазами C_1 – C_2 (Andersson 1995: 65). В частности, в период V_2 – V_2/C_1 похожими сегментами украшались фибулы типа А. 24 группы II по типологии О. Альмгрена (Almgren 1923: Taf. II: 24). Напаянные кольца присутствовали на подвесках и больших булавах из горизонта княжеских погребений горизонта Лейна–Хасслебен (могильник Skovgarde, погр. 209А, 400) (Lund Hansen 2000: 63, fig. 56).

В составе комплекса Алейка 3–58 застежка с кольцевым декором типа II. 2 находилась вместе с фибулами А. 161–162, пряжкой с прямоугольной рамкой ML группы G, в погребении № 368 Коврово такая фибула находилась вместе с пряжкой типа ML D 29.

Таким образом, бытование кольцевого декора типа II.2 в древностях самбийско–натангийской культуры также соотносится с периодом C_{1b} – C_2 и связывается с влиянием княжеской моды.

Кольцевой декор типа III не встречается ни на каких других типах застежек, кроме «больших арбалетовидных». Расположение элементов декора на корпусе также соответствовало схеме, характерной для застежек типа А. 167: два на спинке — у основания и на переходе к иглоприемнику, и два на иглоприемнике — выше подвязки и на его окончании. В материалах культуры эти фибулы представлены в составе комплексов бывш. Greibau–203a (Tischler, Kemke 1902: 32) (рис. 5: 13), Первомайское / бывш. Warnikam–61 (Tischler, Kemke 1902: 44) (рис. 5: 15), Доброе / бывш. Hünenberg–204 (А ИА РАН. Р-1. Д. 15479), Коврово / бывш. Dollkeim — 299 (Кулаков 2007: рис. 92: 1, 1а).

Они находились вместе с застежками А. 161–162, кольцевидными подвесками типа Бекман 16 (Beckmann 1969: 34, Abb. 6), спиральными перстнями типа Бекман 30 (Beckmann 1969: 42, Abb. 14). Это позволяет предположить, что фибулы с элементами декора типа III также появились в период C_2 и продолжали существовать до конца IV в. (т.е. в период C_3 – D_1). Отметим, что кольцевой декор, представляющий сочетание напаянной на корпус застежки фольги с одиночными кольцами, придерживающими ее по краям, вероятно, является наиболее поздним вариантом в древностях самбийско–натангийской культуры. Он сохраняется и на арбалетовидных застежках и в эпоху Великого переселения народов (Åberg 1919: 15–18).

Прототипы декора типа III, на мой взгляд, следует искать в вельбарских древностях третьей четверти III в. Подобным образом украшались застежки типа А. 161–162 из ареала вельбарской культуры. Примером служит фибула из погребения № 150 могильника Веклице.

Экземпляры фибул, украшенных подобным кольцевым декором, генетически связанные с образцами из ареала самбийско–натангийской культуры, происходят, главным образом, с территории Восточной Прибалтики (Lietuvos TSR 1978: 26; Moora 1929: 132–142). По классификации Н. Оберга, эти застежки принадлежат к типам Å 4–6 (Åberg 1919: 14, Abb. 4–6). На их ранних вариантах, относящихся, по материалам могильника Плинкайгалис, к первой половине — середине V в. (Kazakevičius 1993: 180), сохраняется схема расположения элементов декора, характерная для «больших арбалетовидных фибул» самбийско–натангийской культуры. На более поздних образцах второй половины V–VI в. фольга, придерживаемая одиночными кольцами, покрывает весь иглоприемник. В куршских древностях такие застежки продолжают бытовать вплоть до VIII–IX вв. (Bliujienė 1999: 81, pav. 11–15).

Наконец, элементами кольцевого декора украшались и некоторые другие предметы из древностей самбийско–натангийской культуры. Здесь, в первую очередь, речь идет о «чудовищных» фибулах типа А. 216 (Almgren 1923: 96–97) или, по-другому, двучленных фибулах с очень высоким, косо срезанным иглоприемником, украшенных накладными дисками (Амброз 1966: 73–74, табл. 12: 16, 21: 3). На кор-

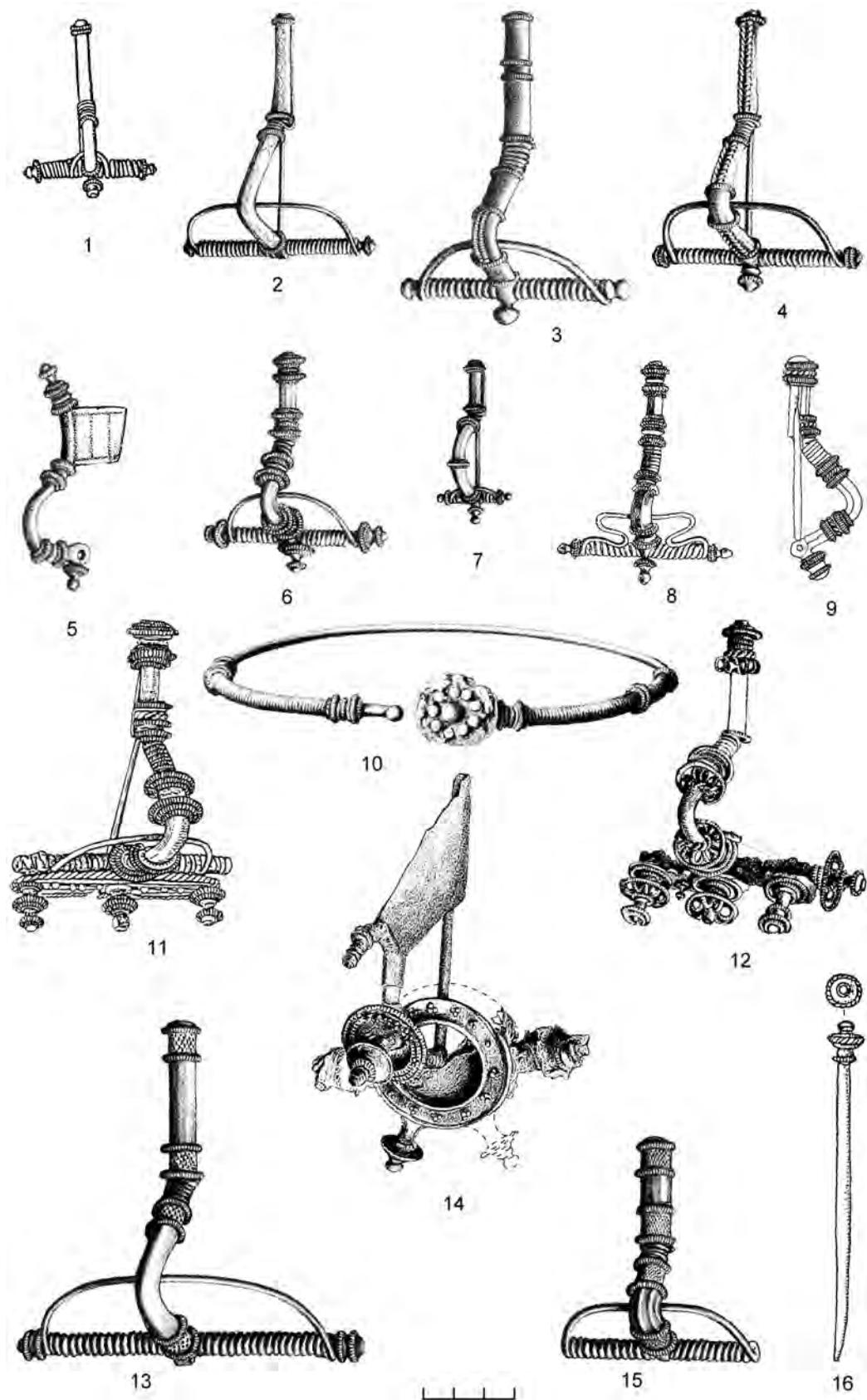

Рис. 5. Образцы фибул с кольцевым декором типов I–III из ареала самбийско-натангийской культуры

Период	Датировка	Тип II	Тип II.2	Тип I.1	Тип II.1	Тип I	Тип III
C1a	200-250	■					
C1b	250-275	■	■	■	■	■	■
C2	275-325	■	■	■	■	■	■
C3	325-360/370					■	
D1	360/370-400/410					■	■

Рис. 6. Типы кольцевого декора и их датировка

пус этих застёжек напайвались пластины из фольги с чеканным орнаментом, рифленая проволока, окончания пружины и головка украшались кнопками. Немаловажным является тот факт, что среди «чудовищных» фибул не существует одинаковых вариантов проволочного декора, как, собственно, и идентичных застёжек, потому что массового производства таких фибул не существовало — все они изготавливались на заказ для знатных представителей социума (Werner 1989: 248; Lund Hansen 2000: 52).

В ареале самбийско–натангийской культуры прямое отношение к «чудовищным» застёжкам, которые украшены элементами кольцевого декора, имеют экземпляры из погребения № 177 бывш. Grebieten (Vujack 1888: 224) (рис. 5: 14) и Большое Исаково / бывш. Lauth — 78 (А ИА РАН. Р-1. Новые поступления). Обе застёжки, вероятно, являются импортами.

Датировка «чудовищных» фибул довольно узкая и, в целом, соотносится с рубежом фаз C_{1b}–C₂. Подобным образом эти застёжки датируются в княжеских погребениях Лёйна–Хасслебен, в Шлезвиг-Гольштейне, на территории Мекленбурга (Werner 1989: 247–251; Шаров 1992: 175), а также в ареале черняховской культуры (Магомедов 2001: рис. 70: 1).

В составе женского убора самбийско–натангийской культуры застёжки были выявлены вместе с фибулами группы VI по Альмгрену, типов А. 161–162 и А. 167.

Подражанием декору типа II.2 украшена булавка из погребения 277 Доброе / бывш. Hünenberg (А ИА РАН. Р-1. Д. 15479) (рис. 5: 16), где присутствует литой элемент в виде валика, имитирующего скрученную в спираль проволоку. К сожалению, данное погребение разрушено, и иных предметов, которые бы позволили датировать булавку, не было. Булавку можно отнести к группе L по классификации Б. Бекмана (Beckmann 1969). Такие экземпляры встречаются в комплексах II–III вв. на территории бывшей Восточной Пруссии, Польши, Финляндии и Готланда. Однако большая часть таких булавок группы L происходит из района Мазурского поозерья (Beckmann 1969: 111). В материалах могильника Вышемборг — IVa, погребение 146, относящегося к богачевской культуре, похожий экземпляр, только без кольцевого декора, датируется фазой B₂/C₁–C_{1a} (Nowakowski 1998: 45–46, Abb. 11: 335, 363–346; Szymanski 2005: 29–30, tab. VI: 8). Нельзя оставить без внимания, что элементами кольцевого декора, украшались отдельные булавки из западно-литовских древностей римского периода (Gaerte 1929: Abb. 171: f).

В заключение отметим, что возникновение и развитие стиля кольцевого декора в ареале самбийско–натангийской культуры, в целом, происходит одновременно с территориями, заселенными германскими племенами. Несмотря на это, можно говорить о появлении собственных образцов проволочного декора, характерных исключительно для Самбии и Натангии.

Неверным, на мой взгляд, было бы считать, что стиль проволочного декора — это «варварский вариант и примитивизация ранних застёжек с литыми сегментами, производство которых было намного проще» (Кулаков 2003: 41). Производство таких фибул и создание элементов кольцевого декора также требовало определенного уровня развития ювелирного мастерства. Так, применялись аналогичные технические приемы: литье, художественная чеканка, тиснение, как и при создании «ранних» застёжек.

Варианты кольцевого декора (типы I–III), встречающиеся на изделиях в самбийско–натангийской культуре, имеют довольно четкие хронологические рамки бытования и, следовательно, могут считаться хроноиндикаторами второго порядка (рис. 6).

Наиболее ранним вариантом декора на местных экземплярах застежек можно считать «классический» для Самбии и Натангии тип II, который появляется на фибулах с высоким иглоприемником А. 211 в период C_{1a} – C_{1b} . Образцы, украшенные богатыми сегментами II типа и его разновидностями, характерны для предметов, относящихся ко второй половине III — началу IV в., и связаны с горизонтом Лейна–Хасслебена. Именно в этот период стиль кольцевого декора в самбийско–натангийской культуре достигает вершины своего развития.

Появление декора с одиночными кольцами (тип I) соотносится с последней четвертью III в. Отметим, что образцы с элементами типа I характерны не только для самбийско–натангийской, но и для древностей вельбарской и пшеворской культур, где они, в отличие от местных, появляются в более ранний период C_{1a} – C_{1b} . Тип III, возникший в конце III — начале IV в. (в период C_2 — начало C_3) также под влиянием моды горизонта Лейна, является наиболее поздним вариантом кольцевого декора. Он продолжает существовать и в период Великого переселения народов.

В формировании стиля проволочного декора в Самбии и Натангии преобладающую роль сыграло влияние вельбарской культуры. Появление изделий с наиболее богатым декором связано с североевропейским импульсом. Это обусловлено тем, что торговые и межкультурные связи в регионе в период C_{1b} – C_2 осуществлялись через острова Балтийского моря — Готланд, Борнхольм, Фюн и, главным образом, Зеланд (Lund Hansen 1988: 158). Это воздействие оказывалось, в первую очередь, на территорию Поморья и дельты Вислы и затем на регион Самбии и Натангии. О влиянии пшеворской культуры, на мой взгляд, следует говорить, когда речь заходит об истоках появления не кольцевого декора как стиля, а отдельных типов изделий из ареала культуры, на которых он может быть представлен, что является самостоятельной темой для исследования.

Проволочный декор, возникший в самбийско–натангийской культуре, послужил образцом для формирования кольцевого декора на изделиях с территорий, заселенных как западными, так и восточными балтами. Декор типа II.1 характерен, в первую очередь, для предметов из Мазурского поозерья, Сувалок и западно-литовских древностей. Элементы кольцевого декора на литовских экземплярах фибул А. 167 (Michelbertas 1986: pav. 40: 1), встречаются, как правило, в «классическом» самбийском варианте типа II или в наиболее позднем — типа III.

Как стиль кольцевой декор сохраняется на арбалетовидных фибулах вплоть до VI — начала VII в. именно на балтских территориях: в раннесредневековой культуре пруссов (Gaerte 1929: Abb. 215: d, e), ареале мазурской культурной группы (Åberg 1919: 14; Moora 1938: 140; Nowakowski 1998: 56, Abb. 18: 186, 610), а также на территориях, заселенных куршами. Сама традиция украшения изделий проволочным декором продолжается и в более поздний период — на так называемых круглых фибулах в древностях куршей VIII–X вв. (Bliujienė 1999: 177, pav. 47).

Достигнув вершины развития практически в начале своего существования, стиль кольцевого декора долгое время определяет облик предметов убора самбийско–натангийской культуры. Его характеризует достаточно унифицированный набор приемов декорирования, за рамки которого мастера не выходили, придерживаясь определенных представлений, обладая определенным количеством навыков и набором инструментов. Проволочный декор отражает общий уровень развития технической мысли и ювелирного искусства в регионе юго–восточной Прибалтики в период позднеримского времени.

Литература

- Амброз 1966 — Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Вып. Д1–30. М., 1966.
- Гороховский, Гопкало 2004 — Гороховский Е.Л., Гопкало О.В. Фибулы VII группы О. Альмгрена в ареале черняховской культуры // Археологія давніх слов'ян. Київ, 2004.
- Кулаков 2003 — Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 года / Prussia antiqua. Т. 1. М., 2003.
- Кулаков 2004 — Кулаков В.И. Доллькайм–Коврово. Исследования 1879 г. / Prussia antiqua. Т. 2. Monumenta, Минск, 2004.
- Кулаков 2005 — Кулаков В.И. Подвязные фибулы в юго–восточной Балтии // РА. № 1. 2005.
- Кулаков 2007 — Кулаков В.И. Доллькайм–Коврово. Исследования 1992–2002 гг. / Prussia antiqua. Т. 4. Monumenta. Минск, 2007.
- Кухаренко 1980 — Кухаренко Ю.В. Могильник Брест–Тришин. М., 1980.
- Магомедов 2001 — Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001.

Мончиньска 1999 — *Мончиньска М.* О так называемых «сарматских» фибулах в Средней и Восточной Европе // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.

Никитина 1995 — *Никитина Г.Ф.* Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у села Оселивка. М., 1995.

Смирнова и др. 2007 — *Смирнова М.Е., Кулаков В.И., Калашиников Е.А., Радюш О.А., Яковлев А.В., Богуславский О.И., Щеглова О.А., Скворцов К.Н., Зальцман Э.Б., Хохлов А.Н., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Цыбрий В.В., Бездудный В.Г.* Охранные раскопки в зоне строительства подземного хранилища газа (ПХГ) в Зеленоградском районе Калининградской области // Археологические открытия 2005 года. М., 2007.

Радюш и др. 2009 — *Радюш О.А., Скворцов К.Н., Зальцман Э.Б., Хохлов А.Н., Смирнова М.Е., Кулаков В.И.* Работы Самбийской экспедиции ИА РАН в бассейне р. Алейка в Калининградской области // Археологические открытия 2006 года. М., 2009.

Шаров 1992 — *Шаров О.В.* Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени. СПб., 1992.

Шукин 1998 — *Шукин М.Б.* Янтарный путь и венеты // Проблемы археологии. Вып. 4. СПб., 1998.

Шукин 2005 — *Шукин М.Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005.

Åberg 1919 — *Åberg N.* Ostpreußen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala, Liepzig, 1919.

Almgren 1923 — *Almgren O.* Studien über die nordeuropäische Fibelformen. Liepzig, 1923.

Andersson 1995 — *Andersson K.* Romartida guldsmede i Norden. 3. Övriga smycken, teknisk analys och verkstadsgrupper. Aun 21. Uppsala, 1995.

Beckmann Ch. 1969 — *Beckmann Ch.* Metallfingerringe der Römischen Kaiserzeit im freien Germanien // Saalburg—Jahrbuch. Bd. XXVI. 1969.

Beckmann B. 1969 — *Beckmann B.* Die Baltischen Metallnadeln der Römischen Kaiserzeit // Saalburg—Jahrbuch. Bd. XXVI. 1969.

Berendt 1879 — *Berendt G.* Zwei Gräberfelder in Natangen und zwar Tengen bei Brandenburg und Rosenau bei Königsberg // SPÖG. Bd. XIV. 1879.

Bezenberger 1896 — *Bezenberger A.* Das Gräberfeld bei Rominten // Prussia. Bd. 20. 1896.

Bezenberger 1909 — *Bezenberger A.* Gräberfeld verschiedener Perioden bei Schuditten, Kr. Fischhausen // Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia. Bd. 22. 1909.

Bitner-Wróblewska 2007 — *Bitner-Wróblewska A.* Netta. A Balt Cemetery in Northeastern Poland // MAB. T. XII. Warszawa, 2007.

Bliujienė 1999 — *Bliujienė A.* Vikingų epochos kuršių papuošalų ornamentika: (istorijos mokslo leidinys). Vilnius, 1999.

Bujack 1888 — *Bujack G.* Das Gräberfeld zu Grebieten (nördliche Hälfte) und der dieselbe begrenzende Weg aus der sogen. Römischen Periode 2 // Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia. Bd. 13. Königsberg, 1888.

Gaerte 1929 — *Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929.

Garbsch 1965 — *Garbsch J.* Die Norisch-Pannonische Frauentracht im I. und 2. Jahrhundert // Veröffentlichungen Der Kommission Zur Archäologischen Erforschung Des Spätromischen Raetien. Bd. 5. 1965.

Godłowski 1970 — *Godłowski K.* The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe // Prace Archeologiczne. T. 11. Kraków, 1970.

Godłowski 1974 — *Godłowski K.* Chronologia okresu późnorzymskiego okresu wędrówek ludów w Polsce północno-wschodniej // Rocznik Białostocki. T. XII. Z. 1. 1974.

Godłowski 1994 — *Godłowski K.* Vorrömische Eisenzeit und Römische Kaiserzeit im östlichen Mitteleuropa und in Osteuropa // Fibel und Fibeltracht. Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 8. Lieferung 5/6. Berlin; New York, 1994.

Hahula 2001 — *Hahula K., Wołagiewicz R., Grzybica.* Ein Gräberfeld mit Streinkreisen der Wielbark-Kultur in Pommern // MAB. T. VIII. Warszawa; Koszalin, 2001.

Heydeck 1909 — *Heydeck J.* Gräberfeld von Warengen // Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia für die Vereinjahre 1900–1904. 22. Königsberg, 1909.

Jaskanis 1996 — *Jaskanis J., Cecele.* Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Ostpolen // MAB. T. II. Kraków, 1996.

Kazakevičius 1993 — *Kazakevičius V.* Plinkaigalio kapinynas // Lietuvos archeologija. T. 10. Vilnius, 1993.

Lietuvos TSR 1978 — Lietuvos TSR archeologijos atlasas. T. IV. Vilnius, 1978.

Lund Hansen 2000 — *Lund Hansen U.* Skovgårde. Ein Bestattungsplatz mit reichen Frauengräbern des 3. Jhs. n. Chr. auf Seeland. København, 2000.

- Lund 1988 — *Lund Hansen U.* Handelszentren der Römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit in Dänemark // Trade and Exchange in prehistory. Studies in honor of Berta Stjernquist. Lund, 1988.
- Madyda-Legutko 1986 — *Madyda-Legutko R.* Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford, 1986.
- Michelbertas 1986 — *Michelbertas M.* Senasis geležies amžius Lietuvoje (I–IV a.). Vilnius, 1986.
- Moora 1938 — *Moora H.* Die Eisenzeit Lettlands bis etwa 500 n. Teil III. Chr. Tartu–Dorpat. 1938.
- Nowakowski 1996 — *Nowakowski W.* Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10. Marburg; Warszawa, 1996.
- Nowakowski 1998 — *Nowakowski W.* Die Funde der Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Masuren // Museum für Vor- und Frühgeschichte. Bestandskataloge. Bd. 6. 1998.
- Pietrzak 1997 — *Pietrzak M.* Pruszcz Gdański. Fundstelle 10. Ein Gräberfeld der Oksywie- und Wielbarkkultur in Ostpommern // MAB. T. IV. Kraków, 1997.
- Raddatz 1957 — *Raddatz K.* Der Thorsberger Moonfund. Gürtelteile und Körperschmuck // Offa. Bd. 13. 1957.
- Schulte 1998 — *Schulte L.* Die Fibeln mit hohem Nadelhalter in Deutschland Forschungsgeschichte und Forschungsansätze // 100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren. Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg 5, 1998.
- Skvorzov 2007 — *Skvorzov K.* Das Gräberfeld der Römischen Kaiserzeit von Bol’šoe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus den Grabungen 1998 und 1999 // Offa. 61/62, 2004/2005 (2007).
- Strobin 1995 — *Strobin J.* Die Ornamentik des Metallschmucks aus dem Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Lubowidz // *Wołagiewicz R.* Lubowidz. Ein birituelles Gräberfeld der Wielbark-Kultur aus der Zeit vom Ende des 1 Jhs. V. Chr. bis zum Anfang des 3 Jhs.n. Chr. // MAB. T. I. Kraków, 1995.
- Szymański 2005 — *Szymański P.* Mikroregion osadniczy z okresu wpływów rzymskich w regionie jeziora Salęt na Pojezierzu Mazurskim. Warszawa, 2005.
- Teiral 1987 — *Teiral J.* Zur Chronologie und Deutung der südostlichen Kulturelemente in der frühen Völkerwanderungszeit // Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums. 1987.
- Tempelmann-Maczyńska 1985 — *Tempelmann-Maczyńska M.* Die Perlen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum // Römisch-Germanische Forschungen. Bd. 43. Mainz am Rhein, 1985.
- Tischler, Kemke 1902 — *Tischler O., Kemke H.* OstpreiBische Altertümer aus der Zeit der großen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg, 1902.
- Werner 1989 — *Werner J.* Zu den Römischen Manfelfibeln zweier Krigergräber von Leuna // Jahresschrift von mitteldeutschen Vorgeschichte. Bd. 72. 1989.
- Wołagiewicz 1987 — *Wołagiewicz R.* Chronologia ceramiki kultury wielbarskiej w świetle dotychczasowego stanu badań // AP. T. XXXII. Z. 1. 1987.
- Wołagiewicz 1995 — *Wołagiewicz R.* Lubowidz. Ein birituelles Gräberfeld der Wielbark-Kultur aus der Zeit vom Ende des 1 Jhs. v. Chr. bis zum Anfang des 3 Jhs.n. Chr. // MAB. T. I. Kraków, 1995.

Архивные материалы

- АИА РАН, Р–I. Д. 13482. *Кулаков В.И.* Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1989 г.
- АИА РАН, Р–I. Д. 15479. *Кулаков В.И.* Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1990 г.
- АИА РАН, Р–I. Д. 22943. Отчет о работах Балтийской экспедиции в 2002 г. на грунтовом могильнике Доллькайм–Коврово.
- АИА РАН, Р–I. Д. 19799. *Скворцов К.Н.* Отчет о работе Натангийского отряда БАЭ ИА РАН в 1995 г.
- АИА РАН, Р–I. Д. 20266. *Скворцов К.Н.* Отчет о работе Натангийского отряда БАЭ ИА РАН в 1996 г.
- АИА РАН, Р–I. Новые поступления. *Скворцов К.Н.* Отчет о работе Самбийско-Натангийской экспедиции в 2000 г.
- АИА РАН, Р–I. Новые поступления. *Скворцов К.Н.* Отчет о работе Самбийско-Натангийской экспедиции в 2001 г.
- АИА РАН, Р–I. Д. 25795. *Скворцов К.Н.* Отчет о работе Самбийско-Натангийской экспедиции в 2002 г.

Е.А. Шаблавина (Санкт-Петербург)

ОРЛИНОГОЛОВАЯ ПРЯЖКА ИЗ СОБРАНИЯ А.А. БОБРИНСКОГО

В собрании боспорских древностей Государственного Эрмитажа хранится несколько партий серебряных и латунных орлиноголовых пряжек, представленных серийно. Трасологическое обследование этих предметов выявило следующее. В одной из серий есть два экземпляра серебряных пряжек, одинаковых с лицевой и оборотной стороны. Они выполнены по одной технологической схеме: отлиты в двухстворчатых глиняных формах, сделанных оттиском металлической модели, обработаны единообразно, и являются продукцией одного мастера. Эти пряжки были изношены, а затем отремонтированы уже вторым мастером. С этой партии готовых и отремонтированных пряжек второй мастер изготовил латунные реплики орлиноголовых пряжек. На это указывают одинаковые размеры латунных и серебряных вещей, одинаковый ремонт тех и других, дефекты, но теперь на репликах прослеживается иной исполнительский почерк механической обработки.

Среди латунных реплик имеются две (ГЭ инв. № 1820/300; инв. № 1101/5), которые идентичны с лицевой и оборотной стороны серебряной пряжке 1820/301 (рис. 1). У них совпадают параметры оборотной стороны, имеющей чашеобразную форму, местоположение отверстий со штифтами (система крепления к ремню), а также все следы ремонта и дефекты, которые есть на серебряной пряжке. На оборотных сторонах этих латунных пряжек тоже есть полукруглые выемки около петель, но уже литые, а не сверленные, как на серебряных. На месте просверленного центрального гнезда прослеживается часть выпуклости, выдавленной при высверливании каста серебряной пряжки, но теперь этот дефект воспроизведен литьем. И монтаж литых деталей латунных пряжек, и ремонт серебряных изделий произведены по одной схеме. Механическая обработка на латунных предметах отличается от обработки серебряных.

Помимо этих серебряных и латунных партий вещей, имеющих одинаковые габариты и декоративное оформление, есть еще один экземпляр орлиноголовой пряжки (инв. № 1101/6), отличающийся от всех оригинальностью, не имеющий аналогий в боспорских древностях (рис. 2). Пряжка является случайной находкой, приобретенной председателем ИАК графом А.А. Бобринским. Как свидетельствуют документы, вещь поступила в музей в составе коллекции. Среди предметов собрания А.А. Бобринского есть орлиноголовые пряжки, идентичные пряжкам, найденным в погребениях боспорского некрополя, поэтому с большой долей уверенности можно заключить, что эти вещи, как и интересующая нас пряжка, происходят с территории Керчи, возможно, из грабительских раскопок. Этот предмет в литературе рассматривается всегда отдельно (Zasetskaya 2004).

Пряжка представляет собой прямоугольный щиток с боковым выступом в виде головы хищной птицы. Длина пряжки — 12,4 см, щиток — 5,3 × 4,3 см, рамка — 6 × 4,5 см, язычок — 4,3 см. В центре щитка и в углах находятся выступы, имитирующие вставки. Рамка овальной формы, со скошенными краями. Язычок пряжки сделан из кованого дрота. Глаз птицы обозначен круглым кастом со вставкой граната. На пряжке частично сохранилась система крепления. К щитку с помощью кованых петель подвешивалась рамка с подвижным язычком. Несмотря на идентичность габаритов, абриса и конструктивных особенностей этой пряжки с боспорскими экземплярами, соответствующими группе IA по классификации И.П. Засецкой,

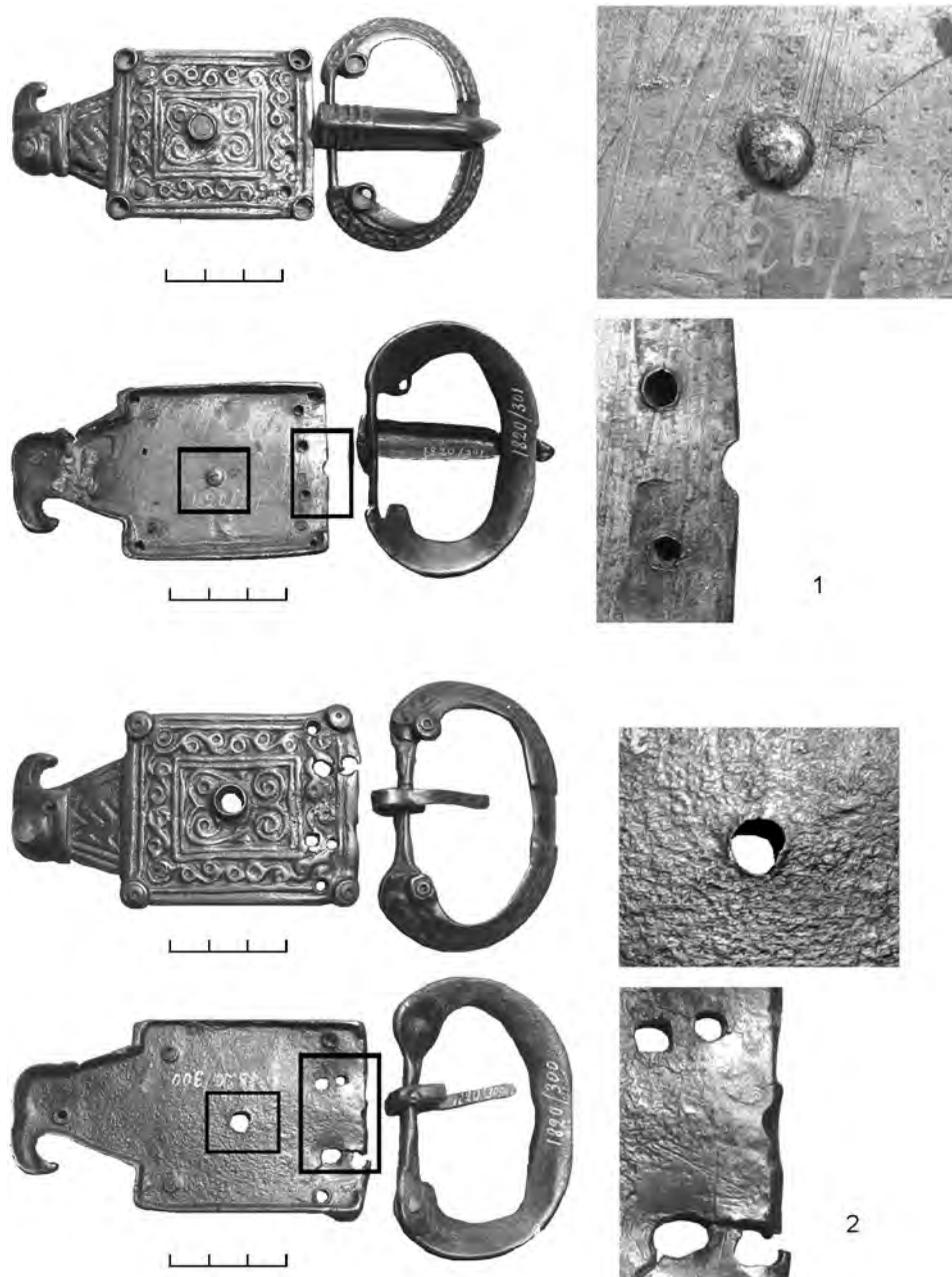

Рис. 1. Орлиноголовые пряжки с лицевой и оборотной сторон:
 1 — Керчь, склеп 152 (инв. № 1820/301), оригинал; 2 — Керчь, склеп 152 (инв. № 1820/300),
 реплика с серебряной пряжки

она резко выделяется из них по нескольким показателям. Прежде всего, обращает на себя внимание ее декоративное оформление. Лицевая сторона щитка, а также рамки, украшена орнаментом в виде кружков с точкой в центре, а не S-видными завитками, как на остальных. Кроме того, это единственный экземпляр пряжки, отлитый из бронзы, что было установлено рентгенофлуоресцентным анализом сплава металла, проведенного в лаборатории научно-технической экспертизы ГЭ аналитиком С.В. Хавриным.

Таблица 1. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа сплава металла орлиноголовой пряжки

№	Деталь	As	Sn	Pb	Sb	Ni	Ag	Zn
1101/6	Щиток	<0,5	10–14	5–8	–	–	1–2	1–2
	Язычок	<0,3	–	2–3	–	Сл.	Сл.	Сл.

Рис. 2. Орлиноголовая пряжка с лицевой и оборотной стороны. Керчь, собрание А.А. Бобринского (инв. № 1101/6). Реплика с латунной пряжки

Сравнение техники изготовления бронзовой пряжки с латунными экземплярами также подтверждает ее уникальность. Она была отлита в разъемной глиняной форме, как и все другие, о чем свидетельствует литейная поверхность с оборотной стороны предмета. В углублениях кружкового орнамента сохранилась шершавая литейная поверхность, значит, орнамент формировался литьем. Лицевая сторона предмета после литья опиливалась — на поверхности фиксируются четкие регулярные параллельные друг другу риски. На оборотной стороне пряжки по абрису читается небольшой выступ. Угол между небольшим бортом и основанием — прямой. Это говорит о том, что данную пряжку изготовили оттиском с готовой вещи, а не с помощью восковой модели, т.к. в этом случае этот угол был бы пологим.

Данные обследования позволяют определить способ изготовления рассматриваемой пряжки. Ее делали следующим образом. Мастер воспользовался готовой пряжкой, которая внешне была такой же, как более ранние серебряные и латунные вещи. По неизвестной причине орнамент на щитке вместе с кастами каменных вставок старой пряжки мастер спилил. Затем он покрыл лицевую сторону опиленной пряжки воском, на котором нанес пунсоном новый рисунок в виде кружков. На месте старых гнезд он сформировал из воска ложные выступы, имитирующие вставки. О справедливости такой реконструкции изготовления предмета свидетельствуют остатки старого, не допиленного гнезда, сохранившиеся в нижнем левом углу. На оборотной стороне старой пряжки почти заподлицо также был спилен борт. Отпечаток остатков борта сохранился на бронзовой отливке.

В данном случае мастер, наверняка, в качестве образца использовал латунную пряжку, а не серебряную. На это указывает несколько признаков. Во-первых, оставшееся центральное старое гнездо, поверх которого со смещением был наклеплен воск, не было рассверлено, как на латунных боспорских пряжках. Была сделана лишь имитация вставки. Во-вторых, сборка деталей пряжки выполнена так же, как и на латунных предметах: щиток с рамкой соединен двумя штифтами при помощи двух кованых согнутых пластин — петель, на которые подвешена рамка с подвижным язычком. В-третьих, здесь язычок для рамки сделан из кованого дрота. Если бы образец, с помощью которого была отлита бронзовая пряжка, был серебряным, он обязательно имел бы литой язычок, как на серебряных пряжках. Если бы человек, сделавший эту бронзовую вещь, копировал готовую серебряную пряжку, даже изменив ее на свой манер, он обязательно бы воспользовался литым язычком. Но в данном случае у него была именно латунная пряжка, которая, в свою очередь, делалась оттиском с серебряной, к тому же имевшей не литой, а кованый язычок. Он копировал и делал бронзовую пряжку, используя основу готового образца и конструкцию. Можно утверждать, что этот мастер не был автором латунных экземпляров, поскольку технологическая схема изготовления рассматриваемой вещи выглядит иначе. Все сказанное еще раз подтверждает вывод И.П. Засецкой, что данное изделие, найденное вне комплекса, не могло

появиться раньше «классических» образцов орлиноголовых пряжек второй трети — второй половины VI в., и поэтому его дату следует определять в пределах VI в. (Zasetskaya 2004).

Поскольку вещей, подобных этой бронзовой орлиноголовой пряжке, больше нет ни в крымских древностях и нигде более, это обстоятельство требуется прокомментировать. Каким образом мог появиться такой предмет? Трасологическое обследование пряжки показывает, что она была сделана с боспорского латунного образца. Но и по декоративному оформлению в виде рядов концентрических окружностей с точкой в центре, и по материалу, из которого она была отлита, такая вещь не характерна для боспорских древностей.

Ближайшие аналогии такой пряжке находится среди пальчатых фибул днепровского типа из так называемых «антских» кладов. Антские древности детально изучались Г.Ф. Корзухиной. Ее неопубликованное исследование «Среднее Поднепровье в V–VIII вв.» представляет огромное собрание и анализ материала по женскому раннесредневековому убору, происходящему с территории Среднего Поднепровья и его периферии. В этой работе также затрагиваются вопросы производства ювелирных изделий. О технике изготовления говорится кратко. По мнению Г.Ф. Корзухиной, поднепровские фибулы отливали по утрачиваемым восковым моделям, орнаментированным циркулем. Об этом свидетельствуют следы работы по воску, который отжимался в ту или иную сторону из-за того, что циркуль держали не в строго вертикальном положении. Этим, как полагает Г.Ф. Корзухина, вещи отличаются от крымских, у которых орнамент наносился с помощью штампа по металлу (чеканкой). Как и Б.А. Рыбаков, который тоже анализировал поднепровские фибулы, исследовательница не приводит описания этих следов (Рыбаков 1948: 62–71, 77–81). Изучение литых днепровских бронзовых фибул и сравнение их с боспорскими позволило Г.Ф. Корзухиной заключить, что изготовление поднепровских украшений было налажено выходцами из Крыма, и это производство уже осваивалось в Среднем Поднепровье вплоть до VII в. (РА НА ИИМК. Ф. 77. Д. 134). Трасологическое же исследование техники изготовления фибул из этих двух регионов показывает, что эти производства развивались самостоятельно (Минасян 1998; Шаблавина 2001).

Как известно, пальчатые фибулы днепровского типа характерны также для древностей южно-крымских могильников. Но эти украшения там часто находят с местным вариантом южно-крымских орлиноголовых пряжек, соответствующих группам IIА и IIВ по классификации И.П. Засецкой. Стилистически и технологически южно-крымские пряжки представляют собой самостоятельный (самобытный) вариант, отличный от других вариантов орлиноголовых пряжек (Шаблавина 2001; Zasetskaya 2004). В Среднем Поднепровье среди антских древностей таких пряжек нет — здесь их не носили.

Поэтому можно предположить, что бронзовая орлиноголовая пряжка, сделанная грубым и примитивным копированием боспорского образца, но орнаментированная на среднеднепровский манер, должна рассматриваться в контексте славянских древностей Поднепровья.

Литература

Минасян 1998 — Минасян Р.С. Данные о способах изготовления крымских пальчатых фибул // МАИЭТ. Вып. VI. 1998.

Рыбаков 1948 — Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М, 1948.

Шаблавина 2001 — Шаблавина Е.А. Визуально определяемые особенности литья металлических украшений по восковой модели (на материале пальчатых фибул Днепровского Левобережья VII в. н. э.) // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001.

Zasetskaya 2004 — Zasetskaya I.P. On the chronology of eagle-head buckles from the necropolis of Bosphorus and South-Crimean burial-grounds of the early medieval period (6th — early 7th centuries AD) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 10. No. 1–2. 2004.

Архивные материалы

РА НА ИИМК РАН. Ф. 77. Д. 134. Корзухина Г.Ф. Среднее Поднепровье во второй половине VI — начале VIII вв. Глава II монографии «К истории Среднего Поднепровья V–VII вв.»

О.А. Щеглова (Санкт-Петербург)

**ТАЙНА «ПЛЯШУЩИХ ЧЕЛОВЕЧКОВ»
И «СЛЕДЫ НЕВИДАННЫХ ЗВЕРЕЙ».
АНТРОПО- И ЗООМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ
В РАННЕСЛАВЯНСКОЙ МЕТАЛЛОПЛАСТИКЕ¹**

— You wrote it? There was no one on earth outside the Joint who knew the secret of the dancing men. How came you to write it?

— What one man can invent another can discover, said Holmes...

Conan Doyle A. The adventure of the dancing men

— Это написали вы? На всем земном шаре нет ни одного человека, кроме членов нашей шайки, который знал бы тайну пляшущих человечков. Как могли вы написать это?

— То, что изобретено одним человеком, может быть понято другим, — сказал Холмс...

Конан Дойль А. Пляшущие человечки.

(Перевод М. и Н. Чуковских)

...Мы всегда будем, любясь мартыновскими фигурками, стоять перед одной из многочисленных загадок, оставленных нам этой темной эпохой.

Василенко В.М. Русское прикладное искусство.

Истоки и становление (М. 1977. С. 97)

Эта работа готовилась и писалась непросто, материалы накапливались долго, а выводы претерпевали изменения, неожиданные для самого автора. Хочу искренне поблагодарить моих друзей и коллег А.И. Айбабина и Э.А. Хайрединову (Симферополь), И.Р. Ахмедова, И.О. Гавритухина и А.В. Григорьеву (Москва), М.М. Казанского (Кан), М.Е. Леваду (Киев), А.Е. Мусина (Санкт-Петербурге), Н. Чаусидиса (Скопье), Б.Ш. Шмонеvского (Краков), щедро открывших для меня свои личные библиотеки и заставивших обратить внимание на материалы, которые впоследствии заняли ключевое место в работе. Также я должна выразить глубокую признательность профессору Л.С. Клейну, труды которого, посвященные изучению славянского язычества, побудили меня набраться храбрости и обратиться к новой для себя теме, а его курс лекций по истории мировой археологии — осознанно выбрать метод исследования.

Рассматривая раннесредневековые древности Восточной Европы, можно без преувеличения назвать Мартыновский клад ювелирных изделий (украшений и предметов утвари), найденный в начале прошлого века в Поросье, самой известной археологической находкой, относящейся к начальному периоду сложения славянской культуры.

История изучения этого комплекса и та роль, которую его материалы сыграли в разное время в формировании концепций славянской археологии XX в., сами по

¹ Работа выполнена в рамках исследовательской темы «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте — Роль славянской культуры в истории мировых цивилизаций».

себе чрезвычайно интересны и еще ждут своего осмысления, мы же позволим себе кратко остановиться на основных моментах.

Клад, найденный в 1907 г., первоначально разошелся по рукам, и предметы из него в несколько этапов оказались в составе коллекций Национального музея Украины и его отдела — Музея исторических драгоценностей (Киев) и Британского музея (Лондон) (Пекарська 1991). Еще до того, как была выполнена реконструкция первоначального состава комплекса, к которому в настоящее время достоверно относят 116 целых и фрагментированных предметов (Pekarskaja, Kidd 1994: 49–90), вещи из Мартыновки стали предметом пристального внимания и обсуждения (см. библиографию: Корзухина 1996: 367; Pekarskaja, Kidd 1994: 91–92), и А.А. Спицын определил принадлежность клада к числу «древностей антов» (Спицын 1928: 492). Сама находка стала эпонимной для выделенной венгерским исследователем Н. Феттихом «мартыновской культуры», которую он соотнес с аварами (Fettich 1937: 282–293, Fettich 1951: 124–189, Erdélyi 1994), что вызвало горячую отповедь Б.А. Рыбакова, подробно рассмотревшего состав клада и настаивавшего на его местном, славянском происхождении и принадлежности племени русов (Рыбаков 1948: 82–83; Рыбаков 1953: 75–92). С этого времени вещи из Мартыновского клада и реконструкции женского и мужского костюма, сделанные Б.А. Рыбаковым на их основе, стали воспроизводиться в альбомах, учебниках, справочной и популярной литературе как характерные образцы раннеславянских древностей Поднепровья, и, конечно, на первом месте были обнаруженные в его составе серебряные фигурки «златогривых коней и златокудрых мужей в вышитых одеждах» (Рыбаков 1953: 89).

На несколько десятилетий изучение проблематики, связанной с Мартыновским и другими антскими кладами, отошло на второй план. Исследователи 60-х — 80-х гг. XX в. основное внимание уделяли исследованию впервые открытых поселений и могильников третьей четверти I тыс. н. э., очень бедных металлическими находками, что затрудняло их соотнесение с Мартыновским и близкими ему по составу комплексами. Единственное законченное в это время крупное исследование о кладах «древностей антов», выполненное Г.Ф. Корзухиной, долгое время оставалось неопубликованным (РА НА ИИМК. Ф. 77. Дд. 113, 116), да и сейчас оно издано лишь частично (Корзухина 1996). Работы второго исследователя, который специально рассматривал материалы из Мартыновки, А.К. Амброза, также увидели свет лишь после смерти автора и через много лет после того, как они были написаны (Амброз 1989; 1993). Настоятельная необходимость во введении комплекса Мартыновского клада в научный оборот была реализована в начале 1990-х гг. даже «с избытком»: независимо друг от друга были подготовлены и увидели свет сразу три публикации предметов клада (Приходнюк, Шовкопляс, Ольговский, Струина 1991: 72–92, 266–276, рис. 1–12; Pekarskaja, Kidd 1994; Корзухина 1996: № 27, 359–367, 598–610, таб. 8–20), причем все они выполнены в одном, если можно так выразиться, «позитивистском» ключе, когда идентификации, описанию и технологическому анализу предметов уделено намного больше внимания, чем их сравнительно-типологическому исследованию, установлению хронологии (в целом определяемой в рамках VII в.) и культурно-исторической характеристике находки в целом. Благодаря этим публикациям сегодня Мартыновский клад, который практически с момента своего обнаружения был самым известным из «древностей антов», введен в научный оборот полнее и качественнее других, но изучение этого комплекса во всей полноте, так же, как и детальное исследование его отдельных составляющих в контексте новых находок, — дело будущего.

Среди предметов декоративно-прикладного искусства, обнаруженных на территории распространения раннеславянских археологических культур, серебряные фигурки из Мартыновского клада, изображающие людей (4 шт.) и животных (5 шт.),² занимают исключительное место. Причин этому несколько.

Во-первых, если не учитывать клады и случайные находки, культурная принадлежность которых до недавнего времени оставалась предметом острой дискуссии, раннеславянские памятники на удивление бедны металлическими изделиями, а те предметы, что можно отнести к числу произведений пусть примитивного, но все же искусства, вообще можно пересчитать по пальцам. Этим зона распространения раннеславянских культур резко отличается от соседних областей Восточной Европы: лесного балтского и финно-угорского мира с древними традициями цветной металлургии и ювелирного дела на севере и северо-востоке; от энергичного мира степной зоны с целым рядом быстро сменяющих друг друга кочевнических культур на юге; от германского мира на западе и юго-западе, где в преддверии образования раннесредневековых варварских государств сложились своеобразные культуры, находившиеся под сильным влиянием Рима и Византии, но выработавшие свои собственные узнаваемые художественные стили и ремесленные традиции.

² Данные о рассматриваемых предметах, месте и контексте их находки, основных публикациях приведены в каталоге.

Во-вторых, среди самих изделий ювелирного ремесла в раннеславянском мире, где вплоть до X в. максимум возможной декоративности обеспечивался исключительно примитивным кружковым или спиральным орнаментом на изделиях простых форм, мартыновские «человечки» и «коньки» выделялись уже тем, что были узнаваемыми, хотя и достаточно схематизированными образами. Функция же этих предметов, в отличие от синхронных и найденных с ними в одном комплексе украшений костюма (височных колец, фибул, элементов поясного набора и т.д.) до сих пор не представляется однозначно определенной.

Соблазн распознать эти уникальные образы, а может быть, раскрыть связующий их сюжет, чрезвычайно велик, поэтому закономерно было бы ожидать большого разнообразия интерпретаций мартыновских «человечков» и «коньков». Тем более, что куда менее внятные образы и композиции двухпластинчатых антропоморфных фибул, пара которых также входит в состав Мартыновского клада, подверглись большому количеству истолкований, когда исследователи видели в одном предмете пантеон славянской мифологии, зачастую не запечатленный в других источниках, и отражение достаточно сложных космологических представлений (Эдинг 1930: 139–140; Рыбаков 1953а: 61–64; 1987: 197–208; Василенко 1977: 91–93; Амброз 1993: 179–183; Чаусидис 1999: 154–158). На этом фоне трактовка мартыновских фигурок оказывается даже однообразной.

Поскольку функция «человечков» и «зверей» также не очевидна сразу, их интерпретация зависит от того, как тот или иной автор представлял использование фигурок. Условно можно выделить два подхода — «утилитаристский», когда мартыновские фигурки рассматривают как украшения бытовых предметов, и «сакрализирующий», когда авторы реконструкций размещают их на культовых предметах, хотя четкой границы здесь не может быть, поскольку для варварского искусства раннего средневековья сам факт размещения декоративных композиций на вещи уже содержит ее сакрализацию.

Среди «утилитаристов» — венгерские исследователи Д. Ласло и А. Киш, отечественные специалисты Г.Ф. Корзухина, А.К. Амброз, О.М. Приходнюк. Интересно, что и убежденный приверженец прямого соотнесения изобразительных образов и декоративных систем с мифологией Б.А. Рыбаков, допуская принадлежность серебряных накладок к комплектам женских украшений (Рыбаков 1953: 89), подчеркивал примитивный реализм изображений, их этнографический характер, отмечал близость одежды фигурок современным вышитым рубахам восточных славян (Рыбаков 1953: 86; 1953а: 51), что далее давало ему основания считать клад принадлежащим местному племени — гипотетическим росам-русам (Рыбаков 1953: 91, 99). Однако он не только не пытался интерпретировать, но даже не упомянул эти находки в своем капитальном двухтомном труде, посвященном язычеству ранних славян и Древней Руси. В дальнейшем к декоративному оформлению мартыновских человечков как к источнику для реконструкции славянского костюма обратилась художница Зинаида Васина, автор и иллюстратор фундированного историко-художественного издания «Украинская летопись одежды» (Васина 2003: 200–217).

Автор развернутой и глубокой рецензии на австрийское издание Мартыновского клада, В. Шиманьский, специально проследил, откуда же и когда впервые появилось название «пляшущие человечки», прочно приклеившееся к мартыновским фигуркам в советской археологической литературе (Szymbański 1996: 197). Интересно, что первоначально это выражение, содержащее определенные аллюзии на название известного рассказа А. Конан Дойля, присутствовало в статьях искусствоведческой направленности, где мартыновские накладки рассматривались прежде всего как произведения декоративно-прикладного искусства. (Рыбаков 1951: 399; Брайчевский 1966: 122; Василенко 1977: 96), и уже оттуда вернулось к археологам (Седов 2002: 214–215).

Д. Ласло, сопоставляя мартыновские материалы с аварскими, нашел для фигурок место на луке седла (рис. 1: I), по аналогии с украшенными зооморфными накладками седлами германского мира и византийской периферии третьей четверти I тыс. н.э. (László 1955: 276–278, fig. 81–82; подборку аналогий см. Kiss 1984: 189–207). Его мнение поддерживал А.К. Амброз, который опознал в мартыновских лошадаках львов, и указал в материалах Северного Кавказа целый ряд комплексов, где накладки не просто зооморфные, а в деталях подобные мартыновским, сопутствовали деталям конского снаряжения (Амброз 1989: 80–81).

Близкой точки зрения придерживалась Г.Ф. Корзухина. Во время подготовки работы «Среднее Поднепровье в V–VIII вв», которая была завершена к 1972 г., она собрала на тот момент исчерпывающую серию наиболее близких мартыновским фигуркам аналогий как в европейских, так и в кавказских материалах (рис. 2, см. также: РА НА ИИМК. Ф. 77. Д. 113. Табл. 115–116), и, также придя к выводу о связи их с воинской культурой, сопоставила накладные композиции с украшением не седел, а круглых щитов, которые, в частности, встречены в лангобардских могильниках Северной Италии. Здесь Г.Ф. Корзухина заняла более взвешенную позицию, чем Д. Ласло, потому что среди накладок на сед-

Рис. 1. Варианты реконструкции использования «мартыновских фигурок»: 1 — Украшения луки седла (по: Д. Ласло 1955); 2 — Элементы мужского костюма (по: Приходнюк 1991, реконструкция П.Н. Корниенко); 3 — Накладки на деревянную основу идола (реконструкция — К.И. Бакуменко, 1999)

ла антропоморфных пластин в то время не было известно, а среди накладок на щиты были фигурки всадника и знаменосца и гравированные изображения воина на умбонах (см., например, Magistra Barbarica... 1986: ill. 118–121). Обратив внимание на то, что мартыновские наклейки изображают не просто коней, а животных с чертами хищника, в которых она видела львов и бегемотов, весьма экзотических для Среднего Поднепровья, исследовательница первая попыталась восстановить и дать толкование композиции, в которой могли быть использованы все разновидности фигурок из Мартыновки. По ее мнению, это могло быть изображение цирковых игр.

О.М. Приходнюк, создавший вместе с художником П.Л. Корниенко новые реконструкции мужского и женского костюма по материалам Мартыновского клада, разместил фигурки на плотной основе кожаного доспеха, закрывающего грудь мужчины — обладателя наборного пояса, меча и чаши (Приходнюк, Шовкопляс 1991: 241, рис. 1; Давня історія... 1995: 44). При этом авторы реконструкции не учли, что наклейки могут быть прибиты только на жесткую негнущуюся основу и, если их использовать в количестве 12 шт., как они предлагают, увеличат вес одежды более чем на 300 г (рис. 1: 2).

Второй подход изначально связывает мартыновские фигурки со сферой магии и культа.

Исследователь древнерусского прикладного искусства В.М. Василенко, которому принадлежит целый ряд тонких наблюдений над стилистическими особенностями мартыновских фигурок, видел в них «образы дружинных божеств, которым и приданы кони-звери» (Василенко 1977: 96). С легкой руки именно этого автора мартыновских лошадок стали связывать с «конями Хорса» — так они были обозначены на подписи к цветной иллюстрации (Василенко 1977: 101–102), хотя в тексте имя Хорса не упоминается ни по отношению к мартыновским фигуркам, ни к другим изображениям, единожды появляясь только в примечании к другой главе (Василенко 1977: 439–440, прим. 83).

Публикаторы мартыновского комплекса, Л.В. Пекарская и Д. Кидд, обратили внимание на то, что головы человеческих фигурок окружают золотые нимбы солнечных божеств, и такие изображения могли иметь отношение к культам племенных вождей, земных воплощений богов, являясь символом мощи и величия (Pekarskaja, Kidd 1994: 28). Фигурки животных тоже рассматриваются ими, как символы: кони — как приносящие счастье и благополучие и отвращающие беду обереги, или, если подчеркивать присутствие у них черт хищника — как знаки воинского мастерства и силы (Pekarskaja, Kidd 1994: 29).

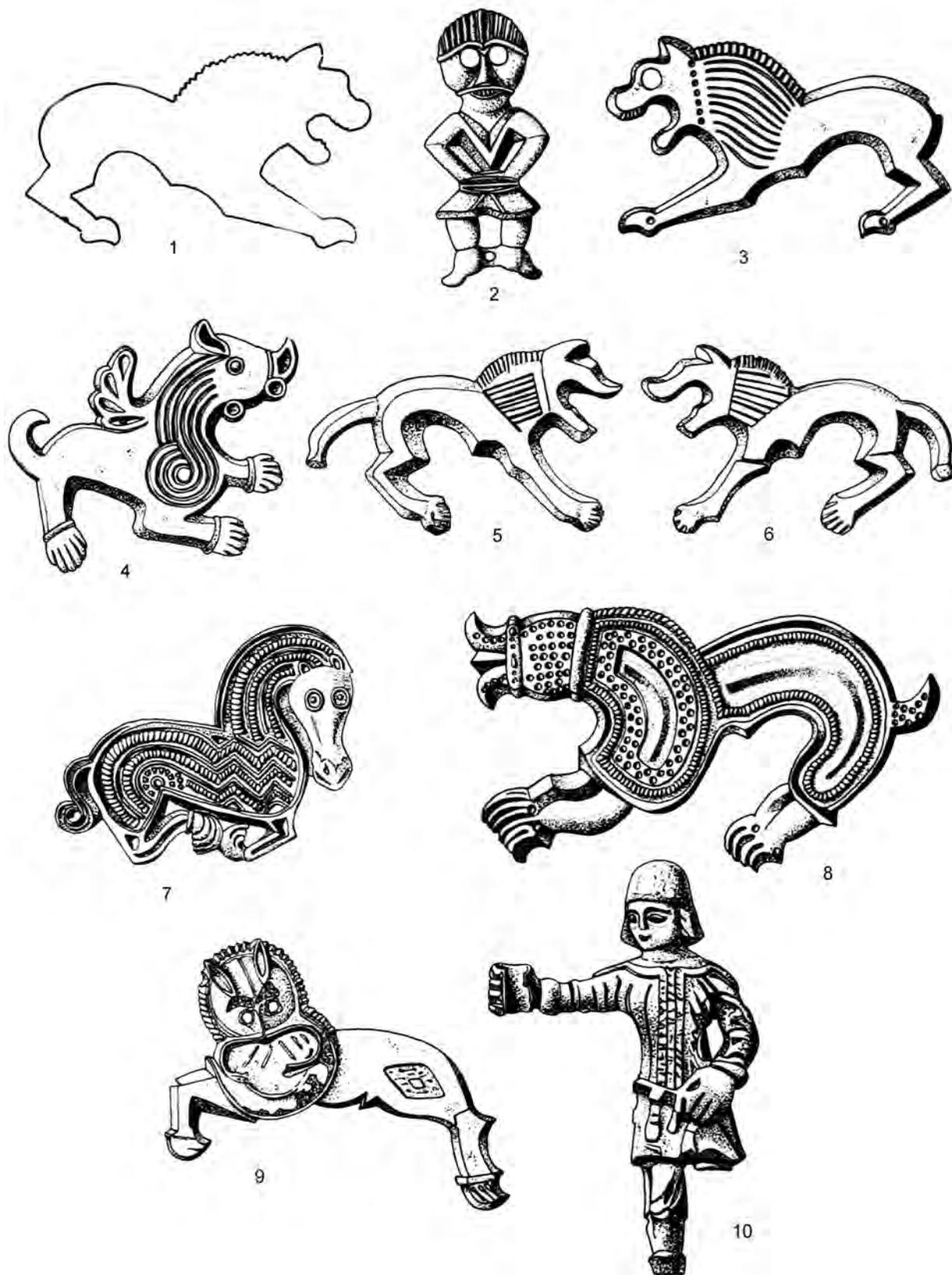

Рис. 2. Аналогии «мартыновским фигуркам», подобранные Г.Ф. Корзухиной при подготовке публикации «Среднее Поднепровье в V–VIII вв». РА НА ИИМК. Ф. 77. Д. 113. Табл. 115. 1 – вероятно, планировалось разместить фигурку из Кобани; 2, 3 – станица Преградная; 4 – Читлук; 5, 6 – Фёнлак; 7 – Бискупие; 8 – Велестинон; 9 – Самчинцы; 10 – Малая Азия

В. Шиманьский определил «биологическую принадлежность» зооморфных фигурок, разделив их на львов и бегемотов (Szymański 1996: 198, 199). Он считал, что эти предметы могли служить накладками на сундучок, или украшением церемониального платья жреца. В последнем случае В. Шиманьский реконструирует пирамидальную композицию, которую венчает фигура солнечного божества, а ниже помещены стремящиеся друг к другу или разбегающиеся пары животных. Композиция в целом олицетворяет движение светила с востока на запад (Szymański 1998: 362—363).

Харьковский исследователь К.И. Бакуменко, критически рассмотрев реконструкции О.М. Приходнюка и Д. Ласло, предложил свою, предполагающую размещение фигурок на четырех гранях деревянного идола, подобного каменному Збручскому, или деревянному Волинскому (рис. 1: 3). На каждой грани идола К.И. Бакуменко предполагает разместить по три накладки: центральную человеческую и две симметричные фигурки животных, призванных изобразить солнечного бога-колесничего с двумя конями, причем разные комплекты (с «конями-львами» и с «конями-кабанами»), должны символизировать теплое и холодное время года (Бакуменко 1999: 50—51).

В последние годы вновь вышел целый ряд работ, посвященных зооморфным фигуркам типа мартыновских. Польский исследователь Б.Ш. Шмоневский привлек большое количество новых материалов, обнаруженных за последние 30 лет (до этого самая полная сводка, к сожалению, доступная только посетителям Рукописного архива ИИМК РАН, находилась в личном архиве Г.Ф. Корзухиной — Фонд № 77), классифицировал и картировал их и указал примеры интерпретаций, принятых в современной литературе (Szmoniewski 2005). Разбирая символические значения образов животных, представленных на накладках мартыновского типа, сам автор допускает достаточно разнообразные толкования смысла конкретных образов, склоняясь к интерпретации симметричной композиции с человеческой фигурой в центре, как к изображению Солнца (солнечного божества) между Востоком и Западом или между днем и ночью. В последней по времени работе этого автора, с говорящим названием: «Два мира — один клад: о чем рассказывают металлические находки Лесостепей», подчеркивается дуализм происхождения образов металлопластики Среднего Поднепровья, причем если для подробно исследованных автором ранее антропозооморфных фибул Б.Ш. Шмоневский допускает наличие византийских истоков в образной системе их оформления (Szmoniewski 2004), то антропо- и зооморфные накладки он однозначно связывает с миром степей (Szmoniewski 2008: 291).

Независимо, в серии недавних работ А.В. Скибы (Скиба 2006; Скиба, в печати)³ активно разрабатывается сходная гипотеза о том, что происхождение антропо- и зооморфных фигурок в Поднепровье связано с проникновением в этот регион элементов кочевнической культуры, выраженным также в распространении наборных поясов геральдического круга. Корни образной системы, в рамках которой выполнены фигурки, автор выводит из скифо-сибирского звериного стиля.

Уязвимое место большинства предложенных толкований состоит в том, что они основываются на весьма общих представлениях о семантике конкретных образов в «культуре вообще». При этом лишь немногие исследователи (Г.Ф. Корзухина, А.К. Амброз, Б.Ш. Шмоневский, А.В. Скиба) пытались анализировать рассматриваемые вещи на фоне совокупности синхронных однотипных предметов, являя наиболее близкие аналогии. Этот подход не мог сразу привести к новым результатам, поскольку долгое время список находок, близких мартыновским фигуркам, не пополнялся.

* * *

... Но та надпись, которую вы мне прислали, так коротка, что я не могу ничего с ней поделать, и те факты, которые вы нам поведали, так неопределенны, что трудно сделать из них какой-либо вывод. Как только вы обнаружите где-нибудь новых пляшущих человечков, вы должны самым тщательным образом срисовать их.

Конан Дойль А. Пляшущие человечки.

В последнее время ситуация существенно переменялась. В Среднем Поднепровье обнаружили еще несколько комплексов, содержащих фигурки мартыновского типа, причем в сходных контекстах —кладах древностей антов. Первый из них был найден на расстоянии более 350 километров от места на-

³ Пользуюсь случаем поблагодарить А.В. Скибу за возможность ознакомиться с его подготовленной к печати работой в рукописи.

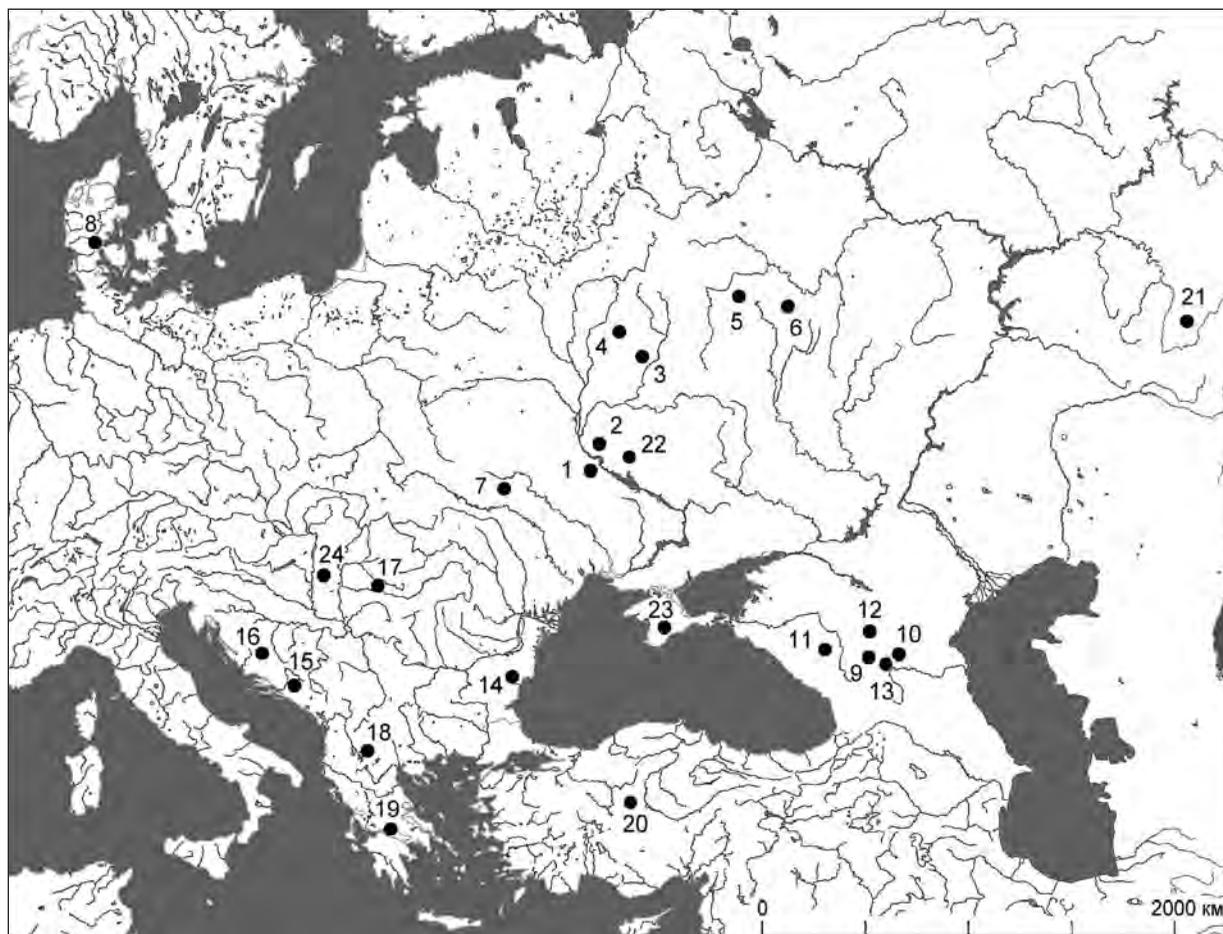

Рис. 3. Распространение фигурок «мартыновского типа» и шаблонов для их изготовления (номера соответствуют перечню комплексов):

1 — Мартыновка; 2 — Черкасская обл., клад из коллекции Платонова; 3 — Трубчевск; 4 — Дегтяревка; 5 — Серпуховский р-н Московской обл., находка 2008 г.; 6 — Шиловский р-н Рязанской обл; 7 — Самчинцы; 8 — Ньюдам; 9 — Кобань; 10 — Камунта; 11 — Преградная; 12 — гора Кугуль; 13 — Галайты; 14 — Южная Добруджа; 15 — Читлук; 16 — Бискупие; 17 — Фёнлак; 18 — Велестинон; 19 — Коринф; 20 — Сарды; 21 — Ново-Биккино; 22 — Черкасский или Чигиринский уезд, случайная находка; 23 — Лучистое; 24 — Тисафюред «Мартыновские фигурки»: 1, 2, 3, 5 — в составе кладов; 8, 14 — случайные находки; 6, 11, 12, 13, 21 — в составе погребальных комплексов; 7, 19 — в культурном слое поселений. Шаблоны для изготовления фигурок: 4, 9, 10, 15 — случайные находки; 16, 18 — в составе кладов; 17 — в погребальном комплексе, 20 — в культурном слое поселения. Подвески типа «мартыновский человек в круге»: 22 — случайная находка; 23, 24 — в составе погребальных комплексов

ходки Мартыновского клада, на окраине Трубчевска, районного центра Брянской области в среднем течении Десны (рис. 3: 3). Клад принадлежал мастеру-ювелиру, в него входило более 150 разнообразных женских и мужских металлических украшений (Приходнюк, Падин, Тихонов 1996; Падин 2004: 56–69), в том числе три комплекта поясной гарнитуры, 17 фибул, гривны, височные кольца, браслеты, и вместе с ними 3 зооморфные фигурки мартыновского типа (рис. 4).

Вторая находка имеет менее достоверную привязку, она поступила в 2003 г. с черного рынка древностей в коллекцию киевского собирателя С.Н. Платонова от анонимных находчиков («черных археологов» или перекупщиков древностей), что значительно снижает ее источниковедческую ценность. В каталоге коллекции «Платар» набор вещей, в состав которого входят две антропозооморфные фибулы, биспиральные подвески с позолотой и комплект накладок, состоящий из двух звериных и одной человеческой фигурок (цв. вкл. 4: 2), чрезвычайно близких мартыновским не только типологически, но и стилистически, привязан к Черкасской области (рис. 3: 2), т. е. мог быть найден достаточно близко к Мартыновке (Левада 2004: 215).

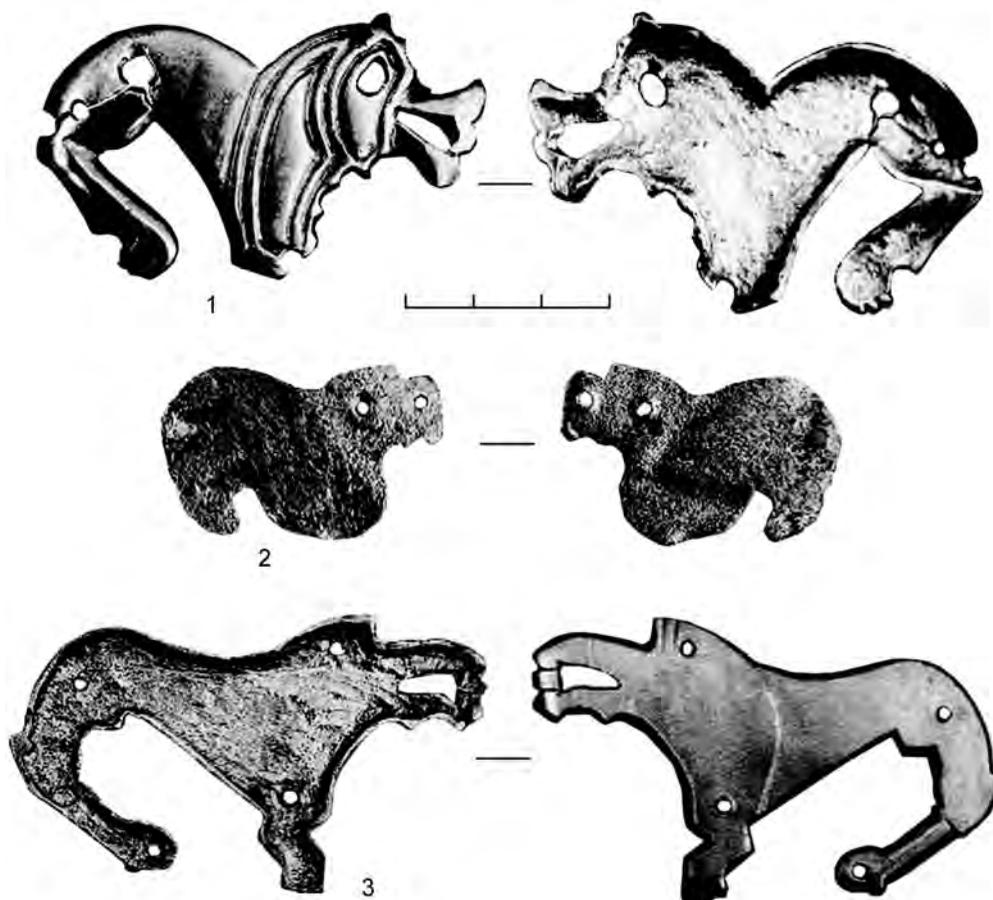

Рис. 4. Трубчевский клад.
1, 2 — литые фигурки; 3 — вырезанная из пластины фигурка. Серебро

Значение этих двух последних находок, во-первых, состоит в том, что они выводят мартыновские фигурки из разряда уникальных для кладов «древностей антов» и снимают сомнения в том, что в Среднем Поднепровье в VII в. накладки такого типа были достаточно распространены, какого бы происхождения они ни были. Во-вторых, наличие в обоих вновь найденных комплексах пар зооморфных накладок, развернутых в разные стороны, подтверждает, что они были предназначены для использования в зеркально-симметричной композиции, как это и предполагали в своих реконструкциях Д. Ласло, Г.Ф. Корзухина, О.М. Приходнюк и В. Шиманьский.

Еще одна достойная внимания находка связана совершенно с иным регионом и археологическим контекстом. Это серебряная позолоченная фигурка льва из Ньюдама в Ютландии (рис. 3: 8; рис. 5), найденная в сезон 1994/1995 г. во время исследования жертвенного места в болоте, где в течение долгого периода, начиная с римского времени вплоть до второй половины V в., совершались жертвоприношения оружия, военных атрибутов и трофеев (Rieck, Jørgensen, Petersen, Christensen 1999). В данном случае мы сталкиваемся с противоречием, связанным с датировкой комплекса в целом и датировкой рассматриваемого предмета по наиболее близким аналогиям. Авторы отчетной публикации о проекте исследований в Ньюдаме, отмечая в составе жертвенных комплексов не менее пышные, чем в римское время, приношения эпохи великого переселения народов, тем не менее, не выводят верхнюю дату комплекса в целом за рамки последней четверти V в. (Rieck, Jørgensen, Petersen, Christensen 1999). В обобщающей статье, где были выделены горизонты отложений жертвоприношений в Ньюдамском болоте, Л. Йоргенсен и П.В. Петерсен отнесли эту находку к горизонту Ньюдам Ib, к комплексу предметов, связанных с сосновой ладьей начала IV в. (Jørgensen, Petersen 2003: 263, 268), в то время как наиболее поздние комплексы жертвоприношений Ньюдам III и IV датируются соответственно первой половиной и третьей четвертью V в. (Jørgensen, Petersen 2003: 263). Но сама фигурка льва и типологически, и стилистически, и по технологическим особенностям настолько близка мартыновским накладкам,

а также вещам из коллекции Платар, что они могут рассматриваться, как продукция одной традиции. В этом случае ее сложно датировать временем ранее VII в., поскольку упокоение кладов «древностей антов», к которым причисляются и Мартыновский, и Трубчевский комплексы, и клад (?) из коллекции «Платар», относится к середине VII в. (Гавритухин, Обломский 1996: 95).

Наконец, последние по времени обнаружения известные нам находки происходят из числа практически недокументированных сборов последних лет, проведенных случайными людьми, по-видимому, с помощью металлодетектора. Информаторы связывают их с территорией России, однако не с Центральным Черноземьем, где такие находки могли бы быть ожидаемыми, а с районом Среднего Поочья.

Летом 2008 года к московскому археологу и реставратору А.В. Григорьеву обратился Г. Науменко,⁴ сообщивший о находке клада древних вещей в районе д. Игумново, Серпуховского района Московской области, на берегу притока Оки — р. Лопасня (рис. 3: 5). В составе клада⁵ были шейные гривны, браслеты, подвески разных типов, янтарные и металлические бусы, а также 7 фигурок мартыновского типа: человек с поднятыми вверх руками а также 6 фигурок зверей: 3 развернуты влево, 3 — вправо (цв. вкл. 3). Фигурки выполнены из серебристого сплава, отдельные выделенные зон (гривы и суставы лап животных, кисти рук, выполненные штрихами волосы, зона пояса и ступни человека) покрыты позолотой. Во всех фигурках имеются круглые отверстия для крепления на твердую поверхность гвоздиками (2 отверстия в фигурке человека и по 3 — в фигурках животных), у двух фигурок сохранились гвозди в отверстиях. Их длина свидетельствует о том, что в качестве основы мог использоваться предмет толщиной, превышающей 1 см.

Изображения животных однотипны и различаются только тем, что развернуты в разные стороны. Стилистически они ближе всего к изделиям из Трубчевского клада — у профильных фигурок по две лапы, выделены сомкнутые зубы, область гривы, нет хвоста. Когти, которыми завершаются лапы, острые ушки, подчеркнутые суставы, напротив, роднят эту серию с куда более изящными и проработанными коньками из Мартыновки.

Человеческая фигурка с треугольной прорезью в верхней части корпуса и воздетыми в молитвенной позе руками чрезвычайно близка фигурке в такой же позе, найденной в Южной Добрудже (Василев 1991: 273–275; Йотов 1991: 21–23; Рашев: 2000: 189, табл. 83: 8).

Именно то, что фигурки из рассматриваемого комплекта, сохраняя своеобразие в рамках общего типа, в то же время соединяют стилистические черты, которые роднят их с находками мартыновского типа, происходящими из достаточно удаленных друг от друга мест, не оставляют сомнения в их подлинности, как предметов древности. В то же время, недокументированный характер находки в целом, сомнения в комплектности и достоверности всего комплекта, не позволяют с уверенностью говорить о том, что ареал мартыновских фигурок можно распространить на северо-восток вплоть до Поочья, хотя об этом свидетельствуют и некоторые другие данные.⁶

Перечисленные находки последнего времени сразу привлекают внимание своей яркостью и принадлежностью к достаточно интересным археологическим комплексам. Однако подбирается целая серия весьма близких к ним предметов, чаще всего обнаруженных случайно, сведения о которых в разное время появлялись в археологической литературе, но не рассматривались в едином контексте. Сводка местонахождений только зооморфных фигурок «мартыновского типа», сделанная Б.Ш. Шмоневским, включает 10 пунктов (Szmoniewski 2005: fig. 1), но в настоящее время их число возросло более чем вдвое (рис. 3).

⁴ Выражаю искреннюю признательность А.В. Григорьеву, который привлек мое внимание к новому комплексу, и Григорию Науменко, предоставившему фотографии вещей для публикации.

⁵ Предметы были предложены для покупки Государственному Историческому музею, однако из-за недокументированного происхождения вещей и характера комплекса они не были приобретены. В настоящее время их местонахождение неизвестно. В моем распоряжении оказались качественные фотографии 7 фигурок, стилистические особенности которых не позволяют сомневаться в их подлинности и принадлежности к одному комплекту. Поэтому далее они будут рассматриваться вне комплекса других предметов, по словам находчика, происходящих из того же клада.

⁶ Так, в докладе И.Р. Ахмедова «Проблема датировки финала культуры Рязано-Окских могильников», представленного 05.11.2008 г. на конференции «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов (этнокультурные контакты)» в Туле были продемонстрированы 2 противостоящие фигурки львов, происходящие из Шиловского района Рязанской области. Поскольку у нас была возможность ознакомиться лишь с изображениями предметов, в каталоге они условно помещены в раздел литых накладок (Смотри каталог в настоящей статье: Кат. I.1:23, 24), хотя, возможно, являются тисненными. Благодарю автора доклада за разрешение сослаться на неопубликованные пока материалы.

Теперь, когда речь идет не об одном исключительном наборе изделий в единственном уникальном комплексе, настало время дать определение тому, что же мы, собственно, собираемся рассматривать, называя «фигурками мартыновского типа». Это небольшие, размерами не более 10 x 7 см, плоские или слегка рельефные, стилизованные, достаточно простые изображения людей и животных, исполненные в металле в технике литья по восковой модели или тиснения, и шаблоны для их изготовления. Они выполнены с использованием характерного набора приемов изображения фигур в целом, и их частей. За редким исключением, зооморфные фигурки — профильные, человеческие — даны анфас. Поверхность фигурок может быть гладкой, с лаконичной и условной передачей характерных видовых особенностей: хвоста, когтей, лап или копыт, гривы, клыкастой пасти животных и декорированных частей костюма человеческих фигур, как правило, изображенных одетыми и с украшениями, но может быть и полностью покрыта орнаментом, весьма отдаленно и схематично передающим шерсть, оперение или чешую. Видовое определение животных зачастую затруднено, потому что в одном изображении вполне успешно могут сочетаться морда и тело травоядного животного с когтями и хвостом хищника, и наоборот (это наглядно проявилось при попытке «идентифицировать» мартыновские фигурки, которые в историографии побывали и конями, и львами, и бегемотами).

Б.Ш. Шмонеvский удачно выделил три стилистические группы изображений, рассматривая при этом только зооморфные (Szmoniewski 2005), но отмеченный им факт совстречаемости предметов, относящихся к разным группам, в одном комплексе с одной стороны, и повсеместное распространение всех трех групп в ареале в целом, с другой стороны, позволяют говорить об их принадлежности к единому типу (Szmoniewski 2005: fig. 1).

Мы попытались собрать аналогии мартыновским накладкам, начав с наиболее близких, сходных с ними по формально-типологическим, стилистическим и технологическим характеристикам изделий, и постепенно расширяя круг за счет привлечения шаблонов для изготовления таких предметов, и вещей, выполненных в других техниках. В «Перечне комплексов и местонахождений антропоморфных и зооморфных накладок «мартыновского типа» или шаблонов для их изготовления», приведенном в конце статьи, указан 21 пункт, где, в комплексах или по одиночке, было найдено 27 литых (Кат. I.1), 4 тисненых (Кат. I.2) и 3 вырезанных из пластины (Кат. I.3) накладки в 13 пунктах, а также 29 шаблонов для их изготовления (Кат. II) в 8 пунктах (рис. 3).⁷ Несомненно, что на таком обширном пространстве, от Подунавья до Башкирии, и от Ютландии до Сард в сердце Малой Азии, в поле зрения археологов должны появиться новые «мартыновские фигурки».

⁷ Следует сразу обратить внимание на то, что в наши каталоги и перечень не попали две находки, традиционно приводимые в качестве аналогий мартыновским. Первая — это пара объемных тисненых золотых изображений сидящих львов из Перешепинского клада (см. например, Werner 1953: 5, Taf. 5: 4-5; László 1955: Abb. 84-85; Вернер 1988: 29, 53, прим. 114; Kidd 1992: 514, fig. 3: g; Скиба, в печати: таб.Х: 1), которые, как считал первый публикатор клада А.А. Бобринской и убедился после реставрации предметов А.И. Семенов, являются облицовкой деревянной основы, возможно, навершия жезла (Werner 1992: Abb. 5; Залеская, Львова, Маршак, Соколова, Фоянкова 1997: 212, № 89).

Вторая — пара симметричных фигурок крылатых коней-пегасов из собрания Государственного Эрмитажа (см. например Bálint 1989: 41-42; Kidd 1992: 514, fig. 3: f;). Они были обнаружены и поступили в эрмитажное собрание из Сибири еще в XVIII веке, вместе с фигуркой обнаженной танцовщицы. Эти вещи, выполненные тиснением из тонкого листового серебра (Инв. № S-189, S-190 — Тревер, Луконин 1987: 119, № 42, 43, ил. 116, 117), сделаны в манере, каноничной для сасанидского искусства, и находят соответствия в изображениях на печатях, в штукoвых декорациях VI—VII вв. К.В. Тревер и В.Г. Луконин интерпретируют их, как накладные пластины блюда (Тревер, Луконин 1987: 119). Стилистически пегасы из собрания Эрмитажа резко отличаются от экспрессивных лаконичных «лошадок» мартыновского типа, но они близки к ним по размерам и в паре тоже образуют симметричную композицию. Включению этих находок в один ряд с мартыновскими способствовало недоразумение: в первой зарубежной публикации предметов местом их находки был указан сибирский Заряск (Pósta 1905: 543, Abb. 306: 3; “Zajarsk” — Fettich 1953, со ссылкой на А.А. Спицына), но в дальнейшем, венгерские коллеги И. Бона и Ч. Балинт соотнесли находки из эрмитажной коллекции с комплексом культуры рязано-окских могильников из Зарайска под Рязанью (“Zarajsk” — Bóna 1983; Bálint 1989: 41-42), где были обнаружены «подходящие» по времени (VI—VII вв.) элементы геральдической поясной гарнитуры. Таким образом, для венгерских и германоязычных читателей пегасы «переместились» в европейскую часть России, да еще и в геральдический комплекс, то есть стали рассматриваться в числе находок, сопоставимых с мартыновскими, причем исследователи вынуждены всякий раз оговаривать их своеобразие в этом контексте (см. например, Szmoniewski 2005).

* * *

— Слушай, друг ты мой любезный, серый волк! Сослужил ты мне много служб, сослужи мне и последнюю, а служба твоя будет вот такая: не можешь ли ты оборотиться в коня златогривого наместо этого, потому что с этим златогривым конем мне расстаться не хочется.

Вдруг серый волк ударился о сырую землю — и стал конем златогривым.

Сказка об Иване Царевиче,
жар-птице и сером волке.

Афанасьев А.Н. Народные русские сказки

Анализируя списки находок, отметим прежде всего множественность комплексов и отдельных образцов шаблонов (Кат. I.4), которые, как оказалось, встречаются не реже, чем изделия, а количество и разнообразие моделей даже превосходит набор форм последних.

Это маточники — шаблоны с позитивным изображением, пригодные как для изготовления негативного оттиска в глиняной створке литейной формы, так и для тиснения пластин с обратной стороны. Наборы маточников и матриц для изготовления поясных наборов хорошо известны в погребальных древностях Подунавья, относящихся к среднеаварскому периоду (Csallány 1933; Дайм 2002: 303–304; Garam 2001: 388–390). Две модели-маточника для изготовления фигурок животных происходят из погребения ювелира в Фёнлаке (Перечень, № 17; Hampel 1905: 392–396, 747–751; Garam 2001: 388, Taf. 137), одна — из клада моделей в Бискупие (Перечень, № 16; Csallány 1933: 33; tab.VIII; Werner 1953: Taf. 4). Но самой известной и обсуждаемой находкой был и остается клад из Велестина в Фессалии (Перечень, № 18; Werner 1953), поскольку все входящие в него модели (21 шт.) служат для изготовления зоо- и антропоморфных накладок, причем среди них есть достаточно сложные композиции (например, сцены терзания хищником человека и копытного животного, изображения вооруженного всадника и нагой плясуньи с младенцем у груди и арфой в руке) и изображения персонажей, которые больше нигде не появились ни среди моделей, ни в готовых изделиях (птицы, «сфинкс» с арфой, пеший воин с топором, крылатая женщина). Часть шаблонов-маточников, несомненно изготовлена литьем по восковой модели в двустороннюю разъемную глиняную форму (Kidd 1992: 509), но некоторые, возможно, имели в качестве исходного негатив, вырезанный в каменной форме, потому что иначе трудно объяснить то, что оба вооруженных воина, пеший и конный, представлены левшами. Сложность и уникальность ряда изображений из Велестинского клада, обнаруженного в начале 20-х гг. прошлого века и поступившего к его первому издателю и комментатору Ш. Вигнеру через афинский антикварный рынок, сразу вызвала сомнения в его подлинности, в частности со стороны М.И. Ростовцева, а в дальнейшем этот комплекс попал в дважды переизданный каталог знаменитых подделок О. Курца (история исследования изложена в: Kidd 1992: 510). В дальнейшем отношение к достоверности находки сменило знак на противоположный: на смену гиперскептицизму в отношении его подлинности пришло её безоговорочное признание, и Велестинский клад стал даже рассматриваться некоторыми исследователями, как основной источник к реконструкции славянского языческого пантеона (Chausidis 1994, Чаусидис 1992, 1993, 2000; Дудко 1999). В данном случае наиболее взвешенной и безупречной позиции придерживался Й. Вернер, который показал наличие типологических и стилистических аналогий отдельным вещам комплекса и через них обосновал его датировку VII в. и принадлежность к варварской славянской культуре (Werner 1953: 6–8). Его выводы до сих пор получают независимое подтверждение с каждой новой находкой фигурок мартыновского типа (ср. оформление «чешуйчатого» тела льва из Ньюдама (рис. 5) и велестинского хищника; морды коня-льва из Трубчевского клада и велестинской фигурки (рис. 2: 8), декорированной «крестиком» вставки на груди мартыновских человечков и пешего воина со щитом и топором; композиционного построения фигуры лошади с высоко поднятым крупом из Ново-Биккино и коня под всадником из Велестинского клада и т. д.). К выделенной Б. Шмоневским «велестинской» стилистической группе изделий мартыновского типа, которую отличает богатая декорировка поверхности фигурки точками или геометрическими мотивами, кроме поджавшей ноги «лошадки» из Бискупие (рис. 2: 7), несомненно, принадлежит модель из Дегтяревки Брянской области, а вотивное литое изображение руки в перстнях и «с та-

Рис. 5. Лев из Ньюдама. Серебро

туировкой», отслеженное Д. Киддом на одном из аукционов Сотби, вполне вероятно, относится к числу изделий той же мастерской (Kidd 1992: 511, 515, fig. 4).

То, что в конечном итоге нашлись и продолжают поступать аналогии оригинальным фигуркам Велестинского клада, важно не только как доказательство его подлинности. Гораздо существеннее выявленная повторяемость стилистических признаков фигурок мартыновского типа, позволяющая выделять устойчивые наборы приемов изображения определенных персонажей, которые могут быть показаны в разных позах, могут участвовать в разных композициях, менять «видовую принадлежность», но всегда опознаются. Так, благодаря одним и тем же приемам изображения длинной морды с круглыми глазами и острыми ушками, когтистых лап, короткой гривы, зонной декорировки шеи и зигзагообразной — туловища, мы узнаем одного и того же персонажа в умильной «лошадке» из Бискупие, «драконе» из Дегтяревки (Перечень, № 4; Кат. II.1), наконец, он же обнаруживает свою ужасную сущность в сцене терзания из Велестинона. На основании этого, и других примеров, которые будут рассмотрены ниже, представляется возможным говорить о наличии определенных канонов изображения фигурками мартыновского типа не просто людей и животных, а персонажей неких, достаточно распространенных, судя по территориальному разбросу находок, сюжетов. Иногда, как в случае с кровожадным драконом и его жертвами (Бискупие-Дегтяревка-Велестинон), угадываются элементы такого сюжета, но чаще, применительно почти ко всем антропоморфным изображениям из велестинского клада, восстановить его канву пока не удается.

Набор моделей из велестинского клада несомненно, принадлежал мастеру-торевту, который находился под влиянием местного, балканского, уходящего глубокими корнями в позднеантичное и фракийское, искусства, что отмечали практически все исследователи. Как художник, он не был новатором, его более или менее сложные изображения достаточно неуклюжи и представляют собой компиляцию заимствованных деталей и мотивов, но большое число уникальных фигурок, изображающих более нигде не встреченных персонажей, выводит его за рамки обычного.

Что же касается остальных девяти известных нам находок моделей, то среди них есть 2 дракона и грифон, а остальные изображают «львов рыкающих» в позе угрозы, с раскрытой пастью, подавших на задние лапы. Парная находка симметричных моделей в Фёнлаке (Перечень, № 17) и то, что львы из Камунты (Перечень, № 10) и Кобани⁸ (Перечень, № 9) развернуты вправо, а из Сард (Перечень, № 20) — влево, предполагает совместное использование прогивающих фигурок в единой композиции. Следует также отметить унификацию этих изображений. По Б. Шмоневскому, все они должны быть отнесены к одной стилистической группе Фёнлак-Камунта (Szmoniewski 2005), отличительными признаками которой являются, помимо позы, в которой изображен зверь, отсутствие сплошной декорировки поверхности и передача гривы животного продольными линиями и штрихами по линии хребта.

⁸ В литературе обычно фигурирует одна находка фигурки льва из Камунты со ссылкой на публикации Э. Шантра (Chantre 1892: 21, fig. 24; Chantre 1887: Taf. XIX: 2, Werner 1953: Taf. 1: 7, Milošević 1990: 119, sl. 2:8; Szmoniewski 2005: fig. 5: c) или И. Толстого — Н. Кондакова (Толстой, Кондаков 1890: 121, рис. 137; Рыбаков 1953: 86, прим. 2). Но у этих авторов приведены на самом деле разные, хотя и однотипные предметы. Тот шаблон для изготовления фигурки льва, что опубликован Э. Шантром, происходит из раскопок Ольшевского на могильнике Камунта (Перечень, № 10; Chantre 1887: 94; Taf. XIX: 2), а тот, который издан в «Русских древностях...» И. Толстого и Н. Кондакова, отнесенный ими также к находкам из Камунты, в настоящее время находится в фондах Отдела Востока Государственного Эрмитажа (№ КЗ-1397). В инвентарной книге Отдела Востока находка обозначена также как происходящая из коллекции Ольшевского, но из другого пункта — из с. Кобань, совр. Пригородного района Северной Осетии (Перечень, № 9). Благодаря хранителя коллекции А.А. Иерусалимскую, которая помогла внести ясность в этот вопрос.

Переходя к рассмотрению отливок фигурок мартыновского типа (Кат. I.1), отметим, что они куда более «тематически» и стилистически однородны, чем шаблоны. Из 27 известных нам предметов 7 штук — гладкие фигурки человечков анфас, с согнутыми в коленях расставленными ногами, схематично намеченными чертами лица и деталями одежды. У трех незначительно различающихся между собой и сделанных по одному шаблону человечков из Мартыновки (Перечень, № 1), а также у менее искусно выполненного человечка из коллекции Платонова (Перечень, № 2) руки упираются в бедра, а у фигурок из Игумновской находки (Перечень, № 5) и из Добруджи (Перечень, № 14) руки подняты вверх в молитвенной позе.

Литые фигурки животных менее унифицированы. Все они представляют собой профильные изображения, кроме льва из Скибинцев (Перечень, № 7), у которого морда развернута анфас (рис. 2: 9). Животные показаны либо на бегу — тогда видны все четыре ноги (3 «коня» из Мартыновки и 2 — из коллекции Платонова), либо в позе угрозы, с крутым приподнятым крупом — тогда видны две ноги (2 «бегемота» из Мартыновки, 2 фигурки из Трубчевска (Перечень, № 3), 6 — из Игумновской находки (Перечень, № 5), 1 фрагмент из Ново-Биккино (Перечень, № 21), либо в прыжке (Нюдам, Скибинцы — по одному). О сложности «видового определения» условно выполненных фигурок уже шла речь выше, однако необходимо заметить, что у всех зверушек в наличии признаки хищника: острые когти вместо копыт, или, напротив, многопалые лапы; гипертрофированные клыки или ощеренная пасть; совсем не лошадиная мощная грива, покрывающая часть головы, затылок и шею животных, и, в случаях, где он есть, тонкий хвост с завитушкой на конце. Скорее, здесь мы видим изображения не животных определенного вида, за исключением, может быть, только двух львов в прыжке, а некоего «зверя лютого» вообще, агрессивного хищника, у которого уши могут стать рожками (Игумново), сгиб коленного сустава превратиться в острую шпору (фигурки из коллекции Платонова, Игумново), да и сам он готов в любую минуту из коня «перекинуться волком» и наоборот.

Почти во всех случаях, когда фигурки зверей происходят из кладов (кроме Трубчевского), мы видим парные противостоящие фигурки: по паре «коней-львов» и «бегемотов-львов» из Мартыновки, пара из Платоновской коллекции, 3 пары из Игумновской находки. В этих же комплексах имеются и человеческие фигурки, вокруг которых легко выстроить симметричную композицию из стремящихся к человечку или разбегающихся животных (цв. вкл. 4: 1-3), что и делали практически все исследователи и художники, которые обращались к рассматриваемым материалам.

Тисненные и вырезанные из тонкой пластины фигурки (Кат. I.2 и I.3) немногочисленны, среди них нет парных симметричных, и их находки связаны, за исключением, только одной фигурки из Трубчевского клада и, возможно, двух из Шиловского района Рязанской области, с Северным Кавказом и Предкавказьем. В этом регионе следует ждать появления и других находок, поскольку из него происходят и шаблоны для изготовления таких фигурок (Кат. I.4.1-2). Тисненные фигурки человечков и зверей из Преградной (рис. 2: 2-3) и Кугульских склепов происходят из погребений, своеобразный конек из Галайты — из клада воинского снаряжения.

Неизбежно возникающий вопрос о функции металлических фигурок очень сложен. Несомненно, что они набивались на какую-то твердую поверхность, возможно, на дощечку не менее чем сантиметровой толщины, о чем свидетельствует длина сохранившихся в отверстиях накладок из Игумнова гвоздиков (цв. вкл. 3: 3, 5). Однако примерно такую же длину имеют шпеньки не бывших употреблении поясных накладок из Трубчевского клада, а эти декоративные детали, очевидно, крепились к кожаным поясам (Щеглова, Егорьков 1998).

Прямому обращению к европейским аналогиям, где накладные фигурки служили украшением щитов и седел, препятствует состав комплексов, в которых находят фигурки мартыновского типа. Достоверно с мужской военной субкультурой связаны 4 находки — 2 происходят из кладов воинского снаряжения в Кавказском регионе (Перечень, № 11 и 13), 1 — из Башкирии (Перечень, № 21), 1 — из Дании (Перечень, № 8). Только лев из Нюдама может быть связан с украшением щита, в остальных случаях нет свидетельств о наличии и использовании щитов вообще. Что касается связи с женской субкультурой, то во всех кладах с территории Украины и России и в двух из трех кладов Подунавья «мартыновские фигурки» встречены с элементами женского убора. Не исключена возможность, что и в склепе 3 могильника на горе Кугуль человеческая фигурка, найденная среди туалетных принадлежностей, относилась к инвентарю женского погребения. Вопрос, таким образом, оказался весьма далек от однозначного решения (см. подробнее: Щеглова 2009).

* * *

Ах, зачем тебя назвали Даниилом?
Всё мне снится, что тебя
Терзают львы...

Марина Цветаева. 1916

Рассмотрев по возможности полно находки «мартыновских фигурок», я не устояла перед соблазном сделать попытку хотя бы наметить пути к тому, чтобы восстановить первоначальную композицию, в которую входили некоторые из них, и показать ее вероятные источники. Фигурки из Мартыновского клада и из коллекции Платонова обнаружены в Среднем Поднепровье, находка из Игумнова по свидетельству находчика — в Среднем Поочье. Именно материалы этих комплексов позволяют говорить об устойчивом наборе «человечек в окружении зверей». Клады Среднего Поднепровья I хронологической группы, к которым относятся Мартыновский клад и комплекс из коллекции Платонова (Щеглова 1990), датируются серединой VII в. (Гавритухин, Обломский 1996: 95). До этого времени на рассматриваемой территории не зафиксировано изображений людей или животных ни в мелкой пластике, ни на керамике, ни в каких-либо других формах, за исключением двух находок шаблонов для изготовления литых или тисненых человеческих фигурок, правда, гораздо меньшего размера, чем мартыновские и другого типа. Одна из них сделана в Мощенке на севере Черниговской области (Кат. III: 1), другая — в Днепровском Надпорожье (Кат. III: 3). Часто их помещают в один ряд с «мартыновскими человечками» (Гавритухин 2004: рис. 3; Скиба, в печати: таб. IX), но при этом рассматривают в контексте древностей поздне- и постгуннского времени (Гавритухин 2004: 210-211). Эти фигурки помимо размеров, отличаются от плоских мартыновских тем, что, хотя они не прорезные и предназначены для тиснения пластин, тело и конечности человечков выполнены в стиле, близком стилю аланских литых объемных амулетов: одной толщины, с резкими изломами колен и локтей, без одежды. Очевидные различия между антропоморфными амулетами северокавказских алан и двумя найденными в том же регионе фигурками мартыновского типа (Преградная, Кугуль — Кат. I.2: 1, Кат. I.3: 2) были отмечены В.Б. Ковалевской, которая выделила эти последние в отдельный тип (Ковалевская 1995: 143, 138, рис. 3: 8; 21: 9). Такими же исключительными выглядят на фоне «мартыновских» человечки из Мощенки и Надпорожья, которые относятся не только к более раннему времени, но и к иному культурному кругу.

Представляется перспективным привлечение иконографических параллелей как отдельным изображениям, так и реконструируемой композиции в целом. В данном случае функциональные и типологические особенности привлекаемых в качестве аналогий предметов не играют особой роли, уступая место сравнению принципов изображения, характерных деталей и приемов, которые могут воспроизводиться в предметах совершенно иного предназначения и в произведениях изобразительного искусства. По сути, это использование «иконографического метода» Н.П. Кондакова (Клейн 2005).

Фигурки мартыновских «пляшущих человечков», несмотря на очевидное разнообразие, имеют целый ряд общих черт. Они изображают безбородых одетых мужчин анфас, ноги согнуты в коленях, руки или упираются в бедра, или подняты вверх, на лицах гравировкой или отверстиями показаны глаза, нос намечен гравировкой или слабым рельефом. У человечков из Мартыновки, Преградской и из коллекции Платонова разными приемами и с разным успехом сделана попытка изобразить усы. Прическа (или нимб) человечков выполнена короткими радиальными штрихами. У всех человечков орнаментом или декоративным отверстием выделена зона на груди, подчеркнут пояс на талии, пять из них изображены в остроносой обуви, один — босиком.

Существует ряд предметов, на которых человеческая фигурка передана подобным же образом. Это серия литых подвесок-амулетов типа «человечек в круге» (Кат. IV). Они достаточно крупные, диаметром до 6-ти см, плоские, фигурка человечка вписана в круг, как акробат в цирковом колесе, с опорой на расставленные ноги и поднятые руки. Именно размеры, плоскостной характер изображения и поза человечка отличают эти подвески от распространенного на Северном Кавказе и встречающегося в зоне степных кочевнических культур кольцеобразных амулетов с вписанной в них геометрической фигуркой человечка с опущенными вниз руками (см., например, Ковалевская 1981: 181, рис. 64: 31, 37, 39, 44, 67). Одна из пяти известных нам подвесок с человечком «мартыновского типа» происходит из Среднего Поднепровья (Кат. IV: 1, Корзухина 1996: 374, № 71; 683, табл. 93: 2), два — из могильника Лучистое на Южном берегу Крыма (Кат. IV: 2, 3 — Айбабин 1990: 234, рис. 56: 1; Айбабин 1999: 148, 149: 21) и еще два — из могильника Тисафюред в Венгрии (Кат. IV: 4, 5 — Garam 1995: 26, Taf. 4; 71; 255; 37, Taf. 13;

78; 230: Abb. 15). Интересно, что погребения, из которых происходят подвески — женские (Khaïrédinova 2007: 41, fig. 14: II). В отличие от антропоморфных накладок у человечков на подвесках иная прическа или головной убор — по обе стороны головы торчит что-то вроде косичек, к которым могут крепиться ромбические украшения (Айбабин 1990: 234, рис. 56: 1). Однако безбородое лицо, поза, изображение одежды и обуви человечков сходны как на подвесках, так и на накладках. Совпадает и техника, в которой исполнены фигурки — литье в двухстороннюю форму по восковой модели, с последующей обработкой только лицевой стороны плоского изделия. Несомненно, эти вещи принадлежат одной традиции, одному кругу древностей. Но ни отдельных изображений животных, ни человечков вместе со зверями на подвесках нет.

Человеческие личины присутствуют и на синхронных мартыновским фигуркам фибулах разных типов. Так, в свое время именно оформление завершения ножки фибулы в виде бородастой мужской головы послужило основным признаком для выделения первой группы пальчатых фибул Й. Вернером (Werner 1950). Однако личины, похожие на мартыновские, представлены на фибулах другой группы, обозначенной Вернером, как антропозооморфные «днепровского типа». Несмотря на то, что полукруглая пластина, на обороте которой расположен пружинный механизм, очень часто заканчивается очертаниями верхней части человеческой фигуры (см. Родинкова 2006а: 42, рис. 1; 43, рис. 2; 2006б: 52, рис. 2; 53, рис. 3), проработанных личин совсем немного, и они украшают не серийные, а индивидуальные художественные изделия (Амброз 1993: 180, рис. 1; 181, рис. 2). Пара фибул (одна из Пастырского — Корзухина 1996: 619, табл. 29: 1; другая — из Хмельны — Корзухина 1996: 672, табл. 82: 2) занимает промежуточное положение между всеми названными типами: по форме они близки пальчатым, но выступы на щитках оформлены, как клювы хищных птиц, а три центральных на головном щитке образуют композицию «человек в окружении хищников», причем и круглая голова персонажа, и протомы обращенных к нему животных очень похожи на мартыновские фигурки (цв. вкл. 4: 5).

Если рассматривать человечков мартыновского типа и их «ближайших родственников» на широком фоне раннесредневекового изобразительного искусства, причем не только мелкой пластики, но разных его видов, то окажется, что они входят в большую группу иконографически близких образцов. Изображения стриженных под горшок безбородых мужчин, одетых в подпоясанные туники со вставками на груди, восходят к характерному для ранневизантийского изобразительного и прикладного искусства образу молодого воина или участника цирковых игр. Такие изображения присутствуют на сохранившихся византийских мозаиках Ближнего Востока (Киссуфим — см.: Bálint 2000: 147–149, Taf. 4–6; Schmauder 2000: 26, Abb. 6, 7; Герасса — Schmauder 2000: 39, Abb. 20) и Северной Африки (Карфаген, росписи Бауита в Египте — см. Bálint 2000: 158, Taf. 15; 151, Taf. 8; Schmauder 2000: 20–21, Abb. 1–3) и др. Приведенные аналогии позаимствованы нами у Ч. Балинта (Bálint 2000) и М. Шмаудера (Schmauder 2000: 39, Abb. 20), которые собирали изобразительные материалы, решая совсем другую задачу: показать распространение в VI–VII вв. поясов с подвесными ремнями, украшенными металлическими накладками. Именно с такими накладками и поясными наконечниками в едином комплексе и были найдены фигурки Мартыновского клада, что только лишним раз подтверждает закономерность привлечения указанных выше изобразительных материалов.

Немецкий исследователь М. Шмаудер собрал и представил подборку изобразительных материалов, ещё более близких к предмету нашего интереса, а именно — литых византийских подсвечников «с фигурой юноши», распространенных на территории Империи и её восточных провинций в VI–VII вв. (Schmauder 2000: 27–32, Abb. 8–13). Еще один подсвечник этой серии, неизвестный зарубежным исследователям, происходит из Среднего Поднепровья, т.е. именно из того региона, где были распространены «мартыновские человечки» (Корзухина 1996: 685, табл. 95, Панченко 2000). Шмаудер также верно подметил и явное сходство головок, украшающих антропозооморфные фибулы из Мартыновского клада, с изображениями юноши в ранневизантийском искусстве (Schmauder 2000: 43). Византийское происхождение мастера — создателя именно этой пары фибул предполагал А.К. Амброз (Амброз 1993: 181), Б.Ш. Шмоневский причислял эти изделия к выделенному им стилю I, в котором присутствуют позднеантичные элементы, встречающиеся по всей области византийского влияния (Szmoniewski 2004: 304). Фигурки «мартыновских человечков» из разных комплексов, разумеется, более разнообразны и не столь очевидно привязаны к византийским прототипам.

Рассматривая фигурки животных, не станем возвращаться к неоднократно приведенным выше доказательствам их «хищной» природы. Авторы публикаций последнего времени склонны видеть в этих изделиях проявления идеологии, стилистики и технологии кочевнического мира (Скиба 2006; Скиба в печати; Szmoniewski 2005, 2008). В ответ уместно привести распространенную цитату из работы

А.К. Амброза, которая посвящена хронологии северокавказских древностей, и поэтому ее зачастую игнорируют при обращении к материалам лесостепных кладов: «Среди археологов ходят разные версии об истоках подобных фигурок львов, в том числе их считают кочевническими, в частности аварскими. На самом деле они византийские. В этом легко убедиться, сравнив фигурки с изображениями львов на пластинах пряжек первой половины VII в. из Суук-Су. Совпадают не только поза, трактовка суставов ног, но, главное, манера изображать гриву в виде слабоволнистых линий с точками на концах. Повторяя византийские прообразы и изображая никогда не виданного экзотического зверя, мастера разных мест Восточной Европы всегда в чем-то уклонялись от оригинала. Наиболее это проявилось в мартыновских фигурках, где львиные когти и зубы соединились с ногами лошади. Но и здесь совершенно не лошадиная грива сохранила кайму из поперечных насечек по верхнему краю, как в Преградной и Кугуле» (Амброз 1989: 80).

Рассматривая весь набор мартыновских фигурок, Г.Ф. Корзухина первая попыталась реконструировать композицию, в которой им всем нашлось бы соответствующее место. По ее мнению, это могла быть сцена цирковых игр и укрощения экзотических животных на арене, сюжет, чрезвычайно популярный в раннесредневековом декоративно-прикладном искусстве Византии, откуда и могло произойти заимствование сюжета мастером мартыновских фигурок в VII в. (РА НА ИИМК. Ф. 77. Д. 13. Лл. 717–718. Табл. 117; Искусство Византии... 1977: 88, № 114; 123, № 179; 124, № 180, 181). Однако здесь возникает определенное противоречие. Цирковые сцены, к которым исследовательница возводит реконструированную по мартыновским материалам композицию, не имеют в ранневизантийском искусстве жесткого канона, фигуры людей и животных предстают в различных, зачастую достаточно сложных ракурсах. Получается, что в достаточно примитивном искусстве происходит заимствование не формы, не канона изображения, а сюжета, причем чуждого местной культуре и достаточно сложного для восприятия.

Противостояние человека и хищника запечатлено в близких формах и в сасанидском искусстве того же периода: на так называемой «чаше Исааковича», хранящейся в Государственном Эрмитаже, изображен охотник с копьем, одетый точно как мартыновский человечек — в рубаху со вставкой, оформленной косой насечкой, передающей вышивку, и мягкие сапожки. Ему противостоит поджарый лев в прыжке (Тревер, Луконин 1987: табл. 75, 78; № 26). Чаша происходит с Северного Кавказа, её находку связывают с Грозным в Чечне (Тревер, Луконин 1987: 127).⁹

Парные фигурки животных из восточноевропейских комплексов предполагают, что функциональный комплект фигурок мартыновского типа в идеале должен был бы состоять из человеческой и двух зеркально-симметрично расположенных противостоящих фигурок животных. Композиция, состоящая из антропоморфной фигурки и двух обращенных к ней протом животных, похожих на мартыновских «коней» дважды зафиксирована на щитках днепровских антропозооморфных фибул (цв. вкл. 4: 1–3, 5).

В раннесредневековом христианском искусстве существует чрезвычайно устойчивая композиция «Даниил со львами», изображающая пророка в виде оранта между двумя львами, и иллюстрирующая ветхозаветный рассказ о том, как брошенного в ров на растерзание львам Даниила спасла от неминуемой гибели обращенная к Богу молитва. Эта композиция фиксируется, начиная с I в., и существует чрезвычайно долго в разных видах изобразительного искусства (DACL. Т. III. 2: 224). Композиция имеет множество иконографических типов,¹⁰ но для нас в рассматриваемом случае представляет интерес тот, который О.В. Ошарина условно называет эллинистическим (Ошарина 2006: 96). Даниил изображается фронтально в позе адорации, с поднятыми руками, это молодой безбородый коротко подстриженный человек в подпоясанной византийской короткой тунике с декоративными вставками. Львы показаны в профиль, в позе угрозы или прыжка, с раскрытыми пастями, выделенными гривами и поднятыми хвостами.

Ярким примером композиции этого типа является одно из изображений на стеклянной Подгорицкой чаше-патере из коллекции А.П. Базилевского в Государственном Эрмитаже (цв. вкл. 4: 4 — Искусство Византии... 1977: 76, № 92; Крыжановская 2006: 70, ил. 7; Залесская 2006: 248–249, № 607). Чаша датируется IV в., гравированные по стеклу композиции на темы ветхозаветных сюжетов, обозначенные подписями, представляют собой варварскую интерпретацию позднеантичных образцов. Агрессивные

⁹ Благодарю В.М. Горюнову, которая указала мне эту аналогию.

¹⁰ К сожалению, последняя по времени фундаментальная разработка иконографии пророка Даниила, где подробнейшим образом рассмотрены как иконографические типы, так и те многообразные объекты, на которых представлены изображения: *Sörries R. Daniel in der Löwengrube zur Gesetzmäßigkeit frühchristliche Ikonographie. Wiesbaden, 2005* — осталась мне недоступна.

львы, соразмерные центральной фигуре Даниила, устремляются к нему с обеих сторон. По этому же принципу построена сцена, гравированная на другом позднеантичном стеклянном изделии — кубке из Аббевиля (Beck 2001: 558, Abb. 46).

Необходимо обратить внимание на то, что в то же самое время рассматриваемая композиция оказывается востребована и актуальна в искусстве северных германцев. Об этом свидетельствуют тисненые подвески-лунницы явно провинциально-римского происхождения с изображениями пар противостоящих львов из клада середины IV в. в Брангструпе на о. Фюн (The spoils ... 2003: 425–426; № 7–3; Werner 1988: 271–274, Abb. 18: 7–9; Abb. 19: 1–3), выполненная в стиле Ньюдам композиция на щитке фибулы из Гальстеда в Южной Ютландии (вторая четверть V в. — The spoils ... 2003: 292, fig. 14), накладка — держатель поясного кольца из Гейскопфа — горного лагеря в Ортенау конца IV–V в. (Hoepfer, Steuer 1999: 212, 215, Abb. 18). Эти композиции считаются производными от ранневизантийских, и в случае Брангstrupа это очевидно, но определяется и отличие от «эллинистического» иконографического типа Даниила — звери утрачивают диагностические львиные черты, они прильнули раскрытыми пастьми к голове центрального персонажа, стремясь не то проглотить его, не то сообщить что-то. Именно этот тип будет позднее воспроизведен в эмалевых украшениях сумочной крышки из Саттон Ху (VII в.), которые с самого начала определялись, как изображения Даниила, и рассматривались, как свидетельство проникновения христианских сюжетов в северное искусство. Однако традиционная точка зрения в последнее время подвергается критике: человек со зверями из Саттон Ху более органично смотрится в ряду образов скандинавской мифологии, запечатленных на матрицах из Торслунда (Polizzotto Greis, Geselowitz 1992: 29–48). Для нас важно, что та же композиция: человеческая голова с прильнувшими к ней пастьми зверями — присутствует на синхронных и стилистически близких «мартыновским человечкам» фибулах Поднепровья (цв. вкл. 4: 5).

На VII в. приходится чрезвычайно широкое распространение сюжета «Даниил со львами» в декоративно-прикладном искусстве христианизирующегося германского мира. Причины исключительной популярности именно этого библейского сюжета и образа в духовной жизни раннесредневековых обществ рассматриваемого времени, от книжной графики Александрии и Сирии с её тканями, каменных рельефов Армении и Грузии до древнеанглийской поэмы «Даниил», оказавшей определенное влияние на автора «Беовульфа», и многочисленных обращений к сюжету в архитектурном декоре и мелкой металлопластике визиготской Испании, как мне представляется, остаются до конца не понятными.

Большая работа, посвященная пряжкам с изображением Даниила со львами на прямоугольных щитках, была выполнена Х. Кюном (Künn 1943). Эти предметы нередко встречаются в древностях меровингского времени, но основная масса пряжек с Даниилом, в том числе и подписных, происходит из могильников бургундов VII в. (Poulain 2003: 62, fig. 3; Trefort 2002: 37, fig. 3). Большинство композиций выполнено очень схематично, но с соблюдением канона: Даниил с воздетыми руками, львы с открытыми пастьми припали к его ногам в позе подчинения, их фигуры вписаны в прямоугольный щиток пряжки головами вниз (Künn 1954: Taf. 182a; Trefort 2002: 34, fig. 1: 1–4, 8; 35, fig. 2: 7–9). Но есть и такие варианты, когда центральная фигура изображается с опущенными руками (Poulain 2003: 63, fig. 4), львы — в позе угрозы (Poulain 2003: 64, fig. 5; Germanischer Schmuck...: Taf. 27: 2).

Поскольку щитки пряжек с Даниилом достаточно большие, иногда до 10 см, бросается в глаза целый ряд совпадений в приемах и характере фронтального изображения пророка Даниила и «мартыновских человечков»: условно показанное безбородое лицо, прическа или нимб, переданные штриховкой, подпоясанная одежда с декоративной вставкой на груди. Отличие состоит в том, что Даниил на пряжках изображен в позе адорации, с поднятыми руками, а среди антропоморфных фигурок «мартыновского типа» имеется только две таких, из Болгарии, и из находки в Игумново, остальные представлены с опущенными руками, упирающимися в бедра.

Изображения львов на пряжках также имеют ряд родственных черт с мартыновскими фигурками. Более того, именно с привлечением этого сравнительного материала становится понятно, каким образом произошла трансформация хищного зверя, льва, в коня с когтями и клыком, и откуда появились в Поднепровье изображения «бегемотов» (рис. 6). Последние иконографически повторяют редуцированное изображение львов на пряжке из музея Барселоны, интересной также тем, что центральная фигура пророка Даниила на ней максимально лишена деталей и превратилась в крест (Erlande-Brandenburg 1988: 57, fig. 11). Окончательное «перерождение» львов в коней, а человеческой фигуры — в крест можно наблюдать на прорезной пряжке из некрополя Монферрана (Gaule mérovingienne... 1988: 221, № 105).

На одной из пряжек, происходящих из Южной Испании, а ныне хранящейся в собрании Римско-Германского музея в Майнце (Shultze-Dörrlamm 2002: 232–233, Abb. 87: 2), львы изображены точно так же, как на одном из шаблонов Велестинского клада и на накладке мартыновского типа из Самчинцев —

Рис. 6. Фантастические животные в композиции «Человек и кони / львы». 1 — Испания, пряжка VII в., 2 — Мартыновка

тело в профиль, а улыбающаяся морда — анфас, что лишний раз заставляет задуматься о связи мартыновских фигурок с «Данииловским циклом» в европейской металлопластике. Интересно, что человека на этой пряжке венчает двуглавый змей, головы которого свисают по обе стороны лица. Испанская исследовательница Г. Риполь-Лопес, посвятившая несколько исследований эволюции визиготского искусства и его символике, показала сложное взаимное наложение образов германской мифологии и раннесредневекового христианства, отразившееся в этой вещи (Ripoll López 1999: 423–424).

Симметричная композиция, восходящая к иконографическому типу «Даниил со львами», центральной фигурой в которой выступает христианский воин со штандартом, увенчанным крестом и голубем, представлена на щите из лангобардского погребения в Лукке (Magistra Barbarica...: ill. 120–121).

Представляется, что отмеченные иконографические соответствия не являются случайными совпадениями, а свидетельствуют о том, что мастера, создававшие фигурки мартыновского типа, образующие симметричную композицию «человек в окружении фантастических коней-львов», были знакомы с европейской традицией изображения сюжета «Даниил со львами» и заимствовали образы и формы своих изделий из произведений декоративно-прикладного искусства византийской периферии, которые иногда проникали на территорию Восточной Европы, а также из достаточно унифицированной европейской раннесредневековой воинской субкультуры. Потребность в подобных композициях и образах, по-видимому, формировалась в среде складывающейся дружинной верхушки населения Поднепровья VII в., которой, в том числе, принадлежали «антские клады». Трудно сказать, насколько осознанным был заказ на воспроизведение христианской символики. Но несомненно стремление влиться в общее русло провинциально-византийской традиции, с ее костюмом, вооружением и набором характерных образов в декоративно-прикладном искусстве.

В заключение мне кажется уместным привести цитату из статьи Никодима Павловича Кондакова, основоположника иконографического метода, в приложении к древнерусскому искусству: «Русской древности поставляли в вину (впрочем, только у нас дома), что она начала бытие свое с заимствования византийских образцов... Но история искусства, научно поставленная, показывает нам, что всякое искусство начинает свою деятельность так называемым заимствованием, правильнее говоря, — общением с высшею культурою, и потому в известных, показных сферах, где ищут нового и неизвестного, мы встречаем памятники, выполненные чужими мастерами» (Кондаков 1899: 6).

Как мы стремились показать, это положение в равной степени справедливо и для периода зарождения не только древнерусского, но, глубже, и славянского искусства в целом.

Перечень комплексов и местонахождений находок антропоморфных и зооморфных накладок «мартыновского типа» или шаблонов для их изготовления

(номера, указанные в перечне, соответствуют номерам на рис. 3)

1. Мартыновка, Каневский район Черкасской области, Украина. Клад ювелирных украшений — предметов мужского и женского убора, византийской серебряной посуды, 116 предметов [Кат. I.1.1–9] (Рыбаков 1953: 75–89; Приходнюк, Шовкопляс, Ольговский, Струина 1991: 72–92, 266–276, рис. 1–12; Pekarskaja, Kidd 1994; Корзухина 1996: № 27, 359–367, 598–610, таб. 8–20).

2. Среднее Поднепровье (Черкасская область, Украина, недокументированная находка.. Коллекция С.П. Платонова. Клад (?) женских украшений: 2 антропозооморфные фибулы, 12 биспиральных подвесок, 1 антропозооморфная и 2 зооморфные накладки [Кат. I.1.10–12] (Левада 2004: 214–215; Шедеври Платар 2004: 138–139).
3. Трубчевск, районный центр Брянской области, Россия. Клад ювелирных украшений — предметов мужского и женского убора, 153 предмета [Кат. I.1.13–14; Кат. I.3.1] (Приходнюк, Падин, Тихонов 1996; Падин 2004: 56–69).
4. Дегтяревка, Мглинского района Брянской области (бывш. Черниговской губернии), Россия — случайная находка шаблона [Кат. II.1.] (Корзухина 1996: 408, № 91; 682, табл. 92: 6).
5. Игумново, Серпуховский район Московской области, Россия. Клад (?) ювелирных украшений, находка 2008 г. [Кат. I.1.15–21]. Сообщение и фото Г. Науменко.
6. Шиловский р-н Рязанской области, Россия. Случайная находка (?) [Кат. I.1.26–27]. Сообщение И.Р. Ахмедова (см. прим).
7. Мытковский остров, близ с. Скибинцы Тростянецкого района Винницкой области, Украина — поселение пеньковской культуры, производственная постройка (землянка с центральным столбом без печи) № 1 — [Кат. I.1.22] — находка в комплексе постройки (Хавлюк 1974: 188–193).
8. Ньюдам, Sønderjyllands Amt, Ютландия, Дания — болотная находка [Кат. I.1.23] в комплексе жертвоприношений (Rieck 1996; Rieck, Jørgensen, Petersen, Christensen 1999: 11–30; Jørgensen, Petersen 2003: 263, 268).
9. Кобань, Пригородный район республики Северная Осетия — Алания, Россия, коллекция Ольшевского в ГЭ, случайное приобретение [Кат. II.2].
10. Камунта, Дигорское ущелье, Ирафский район республики Северная Осетия — Алания, Россия. Аланский могильник эпохи великого переселения народов. Депаспортизованная находка из раскопок полковника Ольшевского [Кат. II. 3] (Chantre 1892: 21, fig. 24; Chantre 1887: Taf. XIX: 2).
11. Преградная станица, республика Карачаево-Черкессия, Россия — случайная находка комплекса снаряжения всадника [Кат. I.2.1–2] (Минаева 1957; Амброз 1989: 78–82).
12. Гора Кугуль, 2 км к Ю-З от Кисловодска, Ставропольский край, Россия, могильник.
Склеп 3: погребения мужское и женское, фигурка человечка [Кат. I.3.2] среди туалетных принадлежностей (Рунич 1979: 241, рис. 6: 3; Амброз 1989: 123. рис. 37: 26; 109, рис. 23: 24).
- Склеп 5: 2 деформированных черепа и смещенные кости (Амброз 1989: 123, рис: 37: 31 — зверь вправо [Кат. I.2.3], возможно фигурка была не одна, т.к. в тексте отчета они указаны во множественном числе (А ИА РАН. Р-1. Д. 5626. Л. 8; Рунич 1979: 243, рис. 68: 12; 110, рис. 24: 14).
13. Галайты, Ножай-Юртовский район, Чечня, Россия — фрагмент тисненой накладки [Кат. I.2.4] в комплексе клада воинского снаряжения. Авторская датировка М.Х. Багаева — VI–VII вв. (Багаев 1977: 238–240; Амброз 1989: 124, рис. 38: 13).
14. Южная Добруджа, Болгария. Случайная находка фигурки человечка. Колл. Исторического музея в Добриче [Кат. I.1.24] (Василев 1991: 273–275; Йотов 1991: 21–23; Рашев: 2000: 189, табл. 83: 8).
15. Читлук (античная Колония Клаудиа Эквум), окрестности Синья, Далмация, Хорватия — случайная находка [Кат. II.4] (Milošević 1990).
16. Бискупие, около Книна, Хорватия — клад матриц [Кат. II.5] (Csallány 1933: 33–36, tab. IX).
17. Фельнак/Фёнлак, округ Арад, Банат, Румыния — клад матриц для изготовления поясной гарнитуры и фибул [Кат. II.6–7]. (Csallány 1933: 33–36, tab. IX); Garam 2001: Taf. 137).
18. Велестинон, область Магнися, Фессалия, Греция, клад матриц, 21 фигурка [Кат. II.8–28] (Werner 1953, Kidd 1992).
19. Коринф, Греция, культурный слой византийского времени, пластина (Davidson 1952: 934, pl. 68).
20. Сардис, Турция, раскопки городских кварталов Сард 1974 г., помещение S в мраморном дворе комплекса «Бани-гимнасий», шаблон [Кат. II.22] (Waldbaum 1983: 117, pl. 43: 688).
21. Ново-Биккино, Чекмагушевский р-н, Башкортостан, Россия, разрушенное погребение в кургане, сохранились отдельные элементы геральдического поясного набора и накладка [Кат. I.1.25], а также неразграбленный тайник с остатками лука и колчана. Авторская датировка Н.А. Мажитова: рубеж VII–VIII вв. (Мажитов 1981: 17–18, рис. 8; Амброз 1982: 58; Амброз 1989: 131, рис. 45: 5, 80).

Каталог

I. Накладки

I.1. Литые

1. Человечек, Мартыновка (Рыбаков 1953: 86, № 53; 85, рис. 20: 1в; Pekarskaja, Kidd 1994: Kat.-Nr. 61 – 71-72; 119, Taf. 26: 2; Корзухина 1996: 602, табл. 12: 1) [Киев, НМИУ, МИДУ Инв. № 17214 – 90 % серебро (Приходнюк, Шовкопляс, Ольговский, Струина 1991: 88, ан. 29-31)].
2. Человечек, Мартыновка (Рыбаков 1953: 86, № 54; 85, рис. 20: 1г; Pekarskaja, Kidd 1994: Kat.-Nr. 60 – 71; 119, Taf. 26: 1; Корзухина 1996: 602, табл. 12: 2) без ног [Киев, НМИУ, МИДУ, Инв. № 17213 – 90 % серебро (Приходнюк, Шовкопляс, Ольговский, Струина 1991: 87–88, ан. 26–28)].
3. Человечек, Мартыновка (Рыбаков 1953: 86, № 51; 85, рис. 20: 1а; Pekarskaja, Kidd 1994: Kat.-Nr. 13 – 54; 118, Taf. 25: 1; Корзухина 1996: 602, табл. 12: 3) [Киев, НМИУ, МИДУ, Инв. № 14695 – 90 % серебро (Приходнюк, Шовкопляс, Ольговский, Струина 1991: 87, ан. 12–15)].
4. Человечек, Мартыновка (Рыбаков 1953: 86, № 52; 85, рис. 20: 1б; Pekarskaja, Kidd 1994: Kat.-Nr. 102 – 86; 118, Taf. 25: 2; Корзухина 1996: 602, табл. 12: 4) [Киев, НМИУ, МИДУ, Инв. № 17256, 90 % серебро (Приходнюк, Шовкопляс, Ольговский, Струина 1991: 89, ан. 78–80)].
5. Конь-лев, вправо, Мартыновка (Рыбаков 1953: 87, № 56; 85, рис. 21; Pekarskaja, Kidd 1994: Kat.-Nr. 62–72; 120, Taf. 27: 2; 121, Taf. 28: 1; Корзухина 1996: 602, табл. 12: 5) [Киев, НМИУ, МИДУ, Инв. № 17215–90 % серебро (Приходнюк, Шовкопляс, Ольговский, Струина 1991: 88, ан. 32–35)].
6. Конь-лев, влево, Мартыновка (Рыбаков 1953: 87, № 55; 85, рис. 21; Pekarskaja, Kidd 1994: Kat.-Nr. 63–73; 120, Taf. 27: 1; Корзухина 1996: 602, табл. 12: 6) [Киев, НМИУ, МИДУ, Инв. № 17216 – серебро 90 % (Приходнюк, Шовкопляс, Ольговский, Струина 1991: 88, ан. 36–39)].
7. Конь-лев, влево, Мартыновка (Рыбаков 1953: 87, № 58; 85, рис. 21; Pekarskaja, Kidd 1994: Kat.-Nr. 48 – 64-65; 121, Taf. 28: 2; Корзухина 1996: 603, табл. 13: 1) без челюсти [Лондон, Британский музей, Inv.-Nr. M & LA 1912, 6-10,4].
8. Лев-«бегемот» вправо, Мартыновка (Рыбаков 1953: 87, № 57; 85, рис. 21; Pekarskaja, Kidd 1994: Kat.-Nr. 64 – 73–74; 122, Taf. 29:2; Корзухина 1996: 602, табл. 12:7), сломан [Киев, НМИУ, МИДУ, Инв. № 17217, серебро 90 % (Приходнюк, Шовкопляс, Ольговский, Струина 1991: 88, ан. 40–43)].
9. Лев-«бегемот» влево, Мартыновка (Рыбаков 1953: 87, № 59; 85, рис. 21; Pekarskaja, Kidd 1994: Kat.-Nr. 49 – 65-66; 122, Taf. 29: 1; Корзухина 1996: 603, табл. 13: 2) [Лондон, Британский музей, Inv.-Nr. M & LA 1912, 6-10,3].
10. Человечек, коллекция С.П. Платонова (Левада 2004: 215, № 45; Шедевры Платар 2004: 139, № 187), 6 x 3,7 см.
11. Конь-лев влево, коллекция С.П. Платонова (Левада 2004: 215, № 43; Шедевры Платар 2004: 138–139, № 185), 8 x 5,4 см, сломан.
12. Конь-лев вправо, коллекция С.П. Платонова (Левада 2004: 215, № 44; Шедевры Платар 2004: 138–139, № 186), 8,3 x 5,3.
13. Конь-лев вправо, Трубчевск (Приходнюк, Падин, Тихонов 1996: 86, рис. 7: 1; 96) [Трубчевский краеведческий музей, инв. № 4780/78, серебряный сплав с высоким содержанием меди — 19 % (Егорьков, Щеглова 2001: 301, ан. 20)].
14. Конь-лев влево, Трубчевск (Приходнюк, Падин, Тихонов 1996: 86, рис. 7: 2; 96) [Трубчевский краеведческий музей, инв. № 4780/79, серебро с высоким содержанием меди (26 %) и свинца (12 %) (Егорьков, Щеглова 2001: 301, ан. 21)].
15. Человечек, Серпуховский район Московской области. (цв. вкл. 3: 4).
16. Конь-лев вправо, Серпуховский район Московской области (цв. вкл. 3: 1).
17. Конь-лев влево, Серпуховский район Московской области (цв. вкл. 3: 2).
18. Конь-лев вправо, Серпуховский район Московской области (цв. вкл. 3: 3).
19. Конь-лев влево, Серпуховский район Московской области (цв. вкл. 3: 5).
20. Конь-лев вправо, Серпуховский район Московской области (цв. вкл. 3: 6).
21. Конь-лев влево, Серпуховский район Московской области (цв. вкл. 3: 1).
22. Лев влево, морда анфас, Скибинцы, остров Мытковский (Хавлюк 1963).
23. Лев вправо, Ньюдам (Rieck, Jørgensen, Petersen, Christensen 1999: 24, fig. 17; Rieck 1996), серебро, позолота.
24. Человечек, Южная Добруджа колл. Музея в Добриче. Медный сплав (Василев 1991: 273–275; Йотов 1991: 21–23; Рашев 2000: 189, табл. 83: 8).

25. Конь-лев (?) влево, Ново-Биккино, Башкирия, бронза, 5 x 4 см (Мажитов 1981: 17–18, рис. 8: 17; Амброз 1984: 80, 131, рис. 45: 5).

26 (?). Лев вправо Шиловский район Рязанской области.

27 (?). Лев влево, Шиловский район Рязанской области.¹¹

1.2. Тисненые

1. Человечек, станица Преградная, серебряная фольга, позолота (Минаева 1957: 134, рис. 52; Амброз 1989:123, рис. 37: 10). Рис. 2: 2.

2. Лев влево, станица Преградная, серебряная фольга, позолота (Минаева 1957: 134, рис. 52; Амброз 1989:123, рис. 37: 11). Рис. 2: 3.

3. Лев вправо, Кугульский склеп 5 [отнесен к тисненым по толщине и конфигурации пластины, указанной в отчете (А ИА РАН. Р-1. Д. 5626. Л. 30. Рис. 15: 8), головка обломана (Рунич 1979: 241, рис. 6: 3; Амброз 1989: 123, рис. 37: 26; 109, рис. 23: 24).

Конь-лев вправо, Галайты, тисненая из тонкой пластины, с рубчиком по краю и выпуклинами-инкрустациями (Багаев 1977: 238–240; Амброз 1989: 124, рис. 38: 13).

1.3. Вырезанные из пластины

1. Лев-«бегемот» влево, Трубчевск (Приходнюк, Падин, Тихонов 1996: 86, рис. 7: 3; 96) [Трубчевский краеведческий музей, инв. № 4780/120, медный сплав с высоким содержанием серебра — 29 % и цинка — 12 % (Егорьков, Щеглова 2001: 303, ан. 79)]. Рис. 4: 3.

2. Человечек, Кугульский склеп 3 [отнесен к вырезанным из пластины по толщине пластины, указанной в отчете (А ИА РАН. Р-1. Д. 5626: рис. 11: 8)], головка обломана (Рунич 1979: 241, рис. 6:3; Амброз 1989: 123, рис. 37: 26; 109, рис. 23: 24).

3. Лев влево, Коринф, Греция, культурный слой византийского времени, пластина (Davidson 1952: 934, pl. 68), бронза, дл. 5,4 см.

II. Шаблоны для изготовления накладок

1. Конь-дракон влево, Дегтяревка (Корзухина 1996: 408, № 91; 682, табл. 92: 6). ГЭ. Медный сплав.

2. Лев вправо, Кобань, коллекция Ольшевского, сплав на основе серебра (?). Колл. Отдела Востока ГЭ, КЗ-1397 (Толстой, Кондаков 1890: 121, рис. 137 — ошибочно отнесен к находкам из Камунты).

3. Лев вправо, Камунта (Chantre 1892: 21, fig. 24; Chantre 1887: Taf. XIX: 2 — отнесен к коллекции Ольшевского).

4. Грифон вправо, Читлук, медный сплав (Milošević 1990: 118, sl. 1; Vinski 1967). Рис. 2: 4.

5. Конь-дракон вправо, морда анфас, Бискупие (Csallány 1933: 33–36, tab. VIII: 25; Werner 1953: Taf. 4). Рис. 2: 7.

6. Лев вправо, Фельнак/Фёнлак (Werner 1953: Taf. 5: 1; Garam 2001: Taf. 137). Рис. 2: 5.

7. Лев влево, Фельнак/Фёнлак (Werner 1953: Taf. 5:2; Garam 2001: Taf. 137). Рис. 2: 6.

8. Лев-конь влево, Велестинский клад (Werner 1953: Taf. 1:1). Рис. 2: 8.

9. Хищник (дракон) вправо с оборотом, Велестинский клад, (Werner 1953: Taf. 1: 2).

10. Петух вправо, Велестинский клад (Werner 1953: Taf. 1: 3).

11. Лев с человеческим лицом анфас влево, Велестинский клад (Werner 1953: Taf. 1: 4).

12. Морской лев вправо, Велестинский клад (Werner 1953: Taf. 1: 5).

13. Дракон, терзающий человека, Велестинский клад (Werner 1953: Taf. 2: 1).

14. Птица (хищная?) влево, Велестинский клад (Werner 1953: Taf. 2: 2).

15. Копытное вправо, Велестинский клад (Werner 1953: Taf. 2: 3).

16. Корова вправо, морда анфас, Велестинский клад (Werner 1953: Taf. 2: 4).

17. Лев-дракон вправо, Велестинский клад (Werner 1953: Taf. 2: 6).

18. Олень влево, Велестинский клад (Werner 1953: Taf. 2: 5).

19. Лев вправо, терзающий кабанчика, Велестинский клад (Werner 1953: Taf. 2: 7).

¹¹ Пара львов из Шиловского района Рязанской области отнесены к числу литых условно, т.к. известны только по фотографии лицевой стороны.

20. Лев влево, морда анфас, Велестинский клад (Werner 1953: Taf. 2: 8; Kidd 1992: 509, fig. 1), медный сплав.
21. Нагая танцовщица с арфой и ребенком, Велестинский клад (Werner 1953: Taf. 3: 1).
22. Женщина-птица, Велестинский клад (Werner 1953: Taf. 3: 2).
23. Бородатый воин с топором и щитом, лицо и плечи анфас, Велестинский клад (Werner 1953: Taf. 3: 3).
24. Симметричная антропозооморфная композиция, Велестинский клад (Werner 1953: Taf. 3: 4).
25. Птица со сложенными крыльями, вправо. Велестинский клад (Werner 1953: Taf. 3: 5).
26. Сфинкс вправо, играющий на арфе, лицо анфас, Велестинский клад (Werner 1953: Taf. 3: 6).
27. Бородатый человечек анфас, тело оформлено, как щиток пряжки или фибулы, Велестинский клад (Werner 1953: Taf. 3: 7).
28. Всадник со щитом и мечом влево, Велестинский клад (Werner 1953: Taf. 3: 8).
29. Лев влево. Сарды. № 688. 5.00 x 5.70 x 0.30. Матрица (Waldbaum 1983: 117, pl. 43: 688).

Ближние аналогии накладкам «мартыновского типа» и шаблонам для их изготовления

III. Шаблоны и наклейки типа Мощенко

1. с. Мощенко Городнянского района Черниговской области, открытое поселение близ городища Горщина 1. Подъемный материал. Человечек. Шаблон (Гавритухин 2004: 210–211, рис. 3).
2. Карпатский регион, случайная находка. Человечек. Наклейка (?) Коллекция Венгерского Национального музея в Будапеште. MNM Inv. № 18/1878.3 (Kiss 1984: 198–199, Abb. 20).
3. Днепровское Надпорожье, Украина. Случайная находка шаблона (Приходнюк 1998: 143, рис. 75: 8).

IV. Подвески литые плоские с человечком в круге

1. Черкасский или Чигиринский уезд (Корзухина 1996: 374, № 71; 683, табл. 93: 2).
2. Лучистое, Крым, могильник ранневизантийского времени, склеп 65, погребение 2 второй половины VII в., женское (Айбабин 1990: 234, рис. 56: 1; Айбабин 1999: 148, 149, рис. 59: 21).
3. Лучистое, Крым, раскопки 2002 г., склеп, погребение женское (сообщение А.И. Айбабина).
4. Тисафюред (комитат Сольнок, Венгрия) — могильник аварского времени, погребение 166, женское (Garam 1995: 26, Taf. 4; 71; 255).
5. Тисафюред (комитат Сольнок, Венгрия) — могильник аварского времени, погребение 262, женское (Garam 1995: 37, Taf. 13; 78; 230; Abb. 15).

Литература

- Айбабин 1990 — *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. 1990.
- Айбабин 1999 — *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Амброз 1982 — О месте преградненской и галайтинской находок среди раннесредневековых древностей // XII Крупновские чтения: конференция по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. М., 1982.
- Амброз 1989 — *Амброз А.К.* Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М., 1989.
- Амброз 1993 — *Амброз А.К.* К происхождению днепровских антропоморфных фибул // РА. № 2. 1993.
- Багаев 1977 — *Багаев М.Х.* Галайтинский клад VI–VII вв. н. э. // СА. № 2. 1977.
- Бакуменко 1999 — *Бакуменко К.И.* К вопросу о функциональном назначении антропоморфных и зооморфных фигурок из Мартыновского клада // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докладов научной конференции. Харьков, 1999.
- Брайчевський 1966 — *Брайчевський М.Ю.* Мистецтво стародавніх східних слов'ян // Мистецтво найдавніших часів та епохи київської Русі. Історія українського мистецтва. Т. 1. Київ, 1966.
- Василев 1991 — *Василев В.Й.* Бронзовая накладка в виде человеческой фигуры из Южной Добруджи // СА. № 3. 1991.

- Василенко 1977 — *Василенко В.М.* Русское прикладное искусство. Истоки и становление. М., 1977.
- Васильев 1999 — *Васильев М.А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси (Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа Владимира). М., 1999.
- Васіна 2003 — *Васіна З.* Український літопис вбрання. Т. 1 (11000 р. до н.е. — XIII ст. н.е.). Київ, 2003.
- Вернер 1988 — *Вернер Й.* Погребальная находка от Малая Перешчепина и Кубрат — хан на болгарите. София, 1988.
- Гавритухин 2004 — *Гавритухин И.О.* Среднеднепровские ингумации второй половины V–VI вв. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе Римского времени и в раннем Средневековье. СПб., 2004.
- Гавритухин, Обломский 1996 — *Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.
- Дайм 2002 — *Дайм Ф.* История и археология авар // МАИЭТ. Вып. IX. 2002.
- Давня історія... 1995 — *Давня історія України.* Кн. 2. Київ, 1995.
- Дудко 1999 — *Дудко Д.М.* Раннеславянские культовые фигурки из Фессалии // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докладов научной конференции. Харьков, 1999.
- Егорьков, Щеглова 2001 — *Егорьков А.Н., Щеглова О.А.* Металл «антских» кладов по результатам эмиссионно-спектрального анализа // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001.
- Залеская 2006 — *Залеская В.Н.* Памятники византийского искусства IV–VII вв. СПб., 2006.
- Залеская, Львова, Маршак, Соколова, Фоянкова 1997 — *Залеская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фоянкова Н.А.* Сокровища хана Кубрата. Перешчепинский клад. СПб., 1997.
- Искусство Византии... 1977 — *Искусство Византии в собраниях СССР.* Т. 1. М., 1977.
- Йотов 1991 — *Йотов В.* Бронзовая фигура от Южна Добруджа // Векове 1–2. Варна, 1991.
- Ковалевская 1981 — *Ковалевская В.Б.* Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
- Ковалевская 1995 — *Ковалевская В.Б.* Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Алапса III. Владикавказ, 1995.
- Кондаков 1899 — *Кондаков Н. П.* О научных задачах истории древнерусского искусства. СПб., 1899.
- Корзухина 1996 — *Корзухина Г.Ф.* Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ. Вып. V. 1996.
- Крыжановская 2006 — *Крыжановская М.Я.* А.П. Базилевский и его коллекция «памятников становления христианского искусства» // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. СПб., 2006.
- Левада 2004 — *Левада М.Е.* Пізній римський — ранній візантійський часи // Платар. Колекція предметів старовини родин Платонових і Тарут. Каталог. Київ, 2004.
- Мажитов 1981 — *Мажитов Н.А.* Курганы южного Урала VIII–XII вв. М., 1981.
- Минаева 1957 — *Минаева Т.М.* Находка близ ст. Преградной на р. Урупе // КСИИМК. Вып. 68. 1957.
- Ошарина 2006 — *Ошарина О.В.* Образ св. Даниила во рву львином в византийском искусстве позднекомниновского времени // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. СПб., 2006.
- Падин 2004 — *Падин В.А.* Среднее Подесенье (Трубчевская откруга) в VI–V вв. до н. э. — X–XII вв. н. э. по материалам археологических исследований. Брянск, 2004.
- Панченко 2000 — *Панченко М.В.* Кочевническое облачение в художественном литье средневековья // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. 6(7) ноябрь–декабрь 2000 <http://archaeology.kiev.ua/journal/061100/panchenko.htm>
- Пекарська 1991 — *Пекарська Л.В.* Про долю мартинівського скарбу // Український історичний журнал. № 6. Киев. 1991.
- Приходнюк 1998 — *Приходнюк О.М.* Пеньковская культура. Воронеж, 1998.
- Приходнюк, Шовкопляс 1991 — *Приходнюк О.М., Шовкопляс Г.М.* Мартинівський скарб // Золото степу. Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991.
- Приходнюк, Шовкопляс, Ольговский, Струина 1991 — *Приходнюк О.М., Шовкопляс А.М., Ольговский С.Я., Струина Т.А.* Мартыновский клад // МАИЭТ. Вып. II. 1991.
- Приходнюк, Падин, Тихонов 1996 — *Приходнюк О.М., Падин В.А., Тихонов Н.Г.* Трубчевский клад антского времени // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев, 1996.

- Рашев 2000 — *Рашев Р.* Прабългарите през V–VII век. Велико Търново, 2000.
- Родинкова 2006а — *Родинкова В.Е.* К вопросу о типологическом развитии антропологических фибул (простые формы) // РА. № 3. 2006.
- Родинкова 2006б — *Родинкова В.Е.* К вопросу о типологическом развитии антропологических фибул (сложные и двупластинчатые формы) // РА. № 4. 2006.
- Рунич 1979 — *Рунич А.П.* Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. № 1. 1979.
- Рыбаков 1948 — *Рыбаков Б.А.* Ремесло древней Руси. М., 1948.
- Рыбаков 1951 — *Рыбаков Б.А.* Прикладное искусство и скульптура // История культуры древней Руси. Домонгольский период. Т. 2. М., 1951.
- Рыбаков 1953 — *Рыбаков Б.А.* Древние русы. К вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов И.В. Сталина // СА. Т. XVII. 1953.
- Рыбаков 1953а — *Рыбаков Б.А.* Искусство древних славян // История русского искусства. Т. I. М., 1953.
- Рыбаков 1987 — *Рыбаков Б.А.* Язычество древней Руси. М., 1987.
- Скиба 2006 — *Скиба А.В.* Платівчасті фігурки тварин у світлі взаємозв'язків кочовиків і слов'ян // Пам'ятки України: історія та культура. Спецвипуск. 2006.
- Скиба, в печати — *Скиба А.В.* Культурні паралелі в слов'янському й кочівницькому металообробному мистецтві за матеріалами дніпровських лісостепових скарбів. В печати
- Спицын 1928 — *Спицын А.А.* Древности антов // Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского. Л., 1928.
- Толстой, Кондаков 1890 — *Толстой И.И., Кондаков Н.П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. III. Древности времени переселения народов. СПб, 1890.
- Тревер, Луконин 1987 — *Тревер К.В., Луконин В.Г.* Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М., 1987.
- Хавлюк 1968 — *Хавлюк П.И.* Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга // МИА. № 108. 1963.
- Хавлюк 1974 — *Хавлюк П.И.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.
- Чаусидис 1992 — *Чаусидис Н.* Пагано-словенски култни предмети од Тесалија (I) // Годишен зборник на Филозофскиот факултет на Универзитетот «Св. Кирилл и Методиј». 19 (1992), 45. Скопје, 1992.
- Чаусидис 1993 — *Чаусидис Н.* Пагано-словенски култни предмети од Тесалија (II) // Годишен зборник на Филозофскиот факултет на Универзитетот «Св. Кирилл и Методиј». 20 (1993), 46. Скопје, 1993.
- Чаусидис 1999 — *Чаусидис Н.* Как изучать славянские двупластинчатые фибулы в дальнейшем? // История и культура древних и средневековых славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 5. М., 1999.
- Чаусидис 2000 — *Чаусидис Н.* Дажбог во хрониката на Малала и неговите релации со други средновековни и фолклорни извори // Studia mythologica Slavica. III. Ljubljana, 2000.
- Шедеври Платар — *Шедеври Платар.* Коллекция старожитностей родин Платонових та Тарут. Каталог. Київ, 2004.
- Щеглова 1990 — *Щеглова О.А.* О двух группах древностей антов в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.
- Щеглова 2009 — *Щеглова О.А.* Еще раз о функциях «мартиновских фигурок // Краеугольный камень. Археология, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. II. СПб.; М., 2009.
- Щеглова, Егорьков 1998 — *Щеглова О.А., Егорьков А.Н.* Серебряные украшения в Трубчевском кладе VII в. // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов VI коллоквиума. СПб., 1998.
- Эдинг 1930 — *Эдинг Д.Н.* Антропо- и зооморфные фибулы Восточной Европы // Ученые записки института этнических и национальных культур народов Востока. Т. 2. М., 1930.
- Bálint 1989 — *Bálint Cs.* Die Archäologie der Steppe. Steppenvölker zwischen Volga und Donau vom 6. bis zum 10. Jahrhundert. Vienna; Köln, 1989.
- Bálint 2000 — *Bálint Cs.* Byzantinisches zur herkunftsfrage des vierteiligen Gürtels // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.-7. Jahrhundert, Varia Archaeologica Hungarica X. Budapest–Napoli–Roma, 2000.
- Beck 2001 — *Beck H.* Löwe und Löwendarstellungen // Reallexikon der germanischen Altertums Kunde. Т. 18. Berlin; New York, 2001.

- Bóna 1983 — *Bóna I.* A XIX. század nagy avar leletei // Szolnok Megyei Múzeumi Évkönyv 1982–1983. 1983.
- Chantre 1887 — *Chantre E.* Recherches anthropologiques dans le Caucase. T. III. Paris; Lyon, 1887.
- Chantre 1892 — *Chantre E.* La bijouterie Caucasienne de l'époque Scytho-Byzantine. Lyon, 1892.
- Chausidis 1994 — *Chausidis N.* The magic and aesthetic Functions of mythical Images in the south Slav traditional Culture // The magical and aesthetic in the Folklore of Balkan Slavs. Belgrade, 1994.
- Csallány 1933 — *Csallány D.* A Kunszentmártoni avarkori ötvössír. Szentes. 1933.
- Davidson 1952 — *Davidson G.R.* Corinth XII. The Minor Objects. Princeton; New Jersey, 1952.
- Erdélyi 1994 — *Erdélyi I.* Die ungarischen Parallelen zum Fund von Martynovka // Pekarskaja L.V., Kidd D. Der Silberschatz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7. Jahrhundert. Innsbruck, 1994.
- Erlande-Brandenburg 1988 — *Erlande-Brandenburg A.-B.* La septimane et le royaume visigotique d'Espagne. Approche Archéologique. VIe–VIIe siècles // Gaule mérovingienne et monde Méditerranéen. Les derniers Romains en Septimanie, IVe–VIIIe siècles. Lattes, 1988.
- Fettich 1937 — *Fettich N.* Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn // AH. XXI. Budapest, 1937.
- Fettich 1951 — *Fettich N.* Archäologische Studien zur Geschichte der späthunnischen Metallkunst // AH. XXXI. Budapest, 1951.
- Hoepfer, Steuer 1999 — *Hoepfer M., Steuer H.* Eine völkerwanderungszeitliche Höhenstation am Oberrhein — der Yeiskopf bei Ortenau-kreis // Germania. 77/1. 1999.
- Garam 1995 — *Garam É.* Das awarenzeitliche Gräberfeld von Tisafüred. Budapest. 1995.
- Garam 2001 — *Garam É.* Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts. Monumenta Avarorum Archaeologica. Vol. 5. Budapest, 2001.
- Gaule mérovingienne... 1988 — Gaule mérovingienne et monde Méditerranéen. Les derniers Romains en Septimanie, IVe–VIIIe siècles. Lattes, 1988.
- Germanischer Schmuck... — Germanischer Schmuck des frühen Mittelalters. Berlin. 1933.
- Hampel 1905 — *Hampel J.* Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Band II. Braunschweig, 1905.
- Jørgensen, Petersen 2003 — *Jørgensen E., Petersen P.V.* Nydam Bog — new finds and observations // The spoils of Victory — The North in the Shadow of the Roman Empire. Copenhagen, 2003.
- Kidd 1992 — *Kidd D.* The Velestinon (Thessaly) Hoard — A Footnote // Awarenessforschungen. Band 1. Vienna, 1992.
- Kiss 1984 — *Kiss A.* Archäologische Angaben zur Geschichte der Stättel des Frühmittelalters // Alba Regia. XXI. 1984.
- Khairédinova 2007 — *Khairédinova E.* Le costume des barbares aux confins septentrionaux de Byzance (VI-e – VII-e siècle) // Kiev – Cherson – Constanninople. Ukrainian papers at the XXth International Congress of Byzantine Studies (<Paris> 19–25 August 2001). Kiev; Simferopol; Paris, 2007.
- Künn 1943 — *Künn H.* Die Danielschnallen der Völkerwanderungszeit // Jahrbuch für prähistorische & ethnographische Kunst. Band 15–16. Jahrgänge 1941–1942. Berlin, 1943.
- Künn 1954 — *Künn H.* Die kunst Alt-Europas. Stuttgart, 1954.
- László 1955 — *László G.* Études archéologiques sur l'histoire de la société des Avars // AH. 34. 1955.
- Magistra Barbarica. — Magistra Barbarica. I Barbari in Italia. Milano, 1986.
- Milošević 1990 — *Milošević A.* Mjesto nalaza i porijeklo ranosrednjovekovne brončane matrice iz arheološkog muzeja u Zagrebu // Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku. 83. 1990.
- Pekarskaja, Kidd 1994 — *Pekarskaja L.V., Kidd D.* Der Silberschatz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7. Jahrhundert. Innsbruck, 1994.
- Polizzotto Greis, Geselowits 1992 — *Polizzotto Greis G., Geselowits M.N.* Sutton Hoo Art. Two millennia of History // Voyage to the Other World. The Legacy of Sutton Hoo. Minnesota, 1992.
- Pósta 1905 — *Pósta B.* Archäologische Studien auf russischen Boden // Dritte asiatische Forschungsreise des Grafen Eugen Zichy. III–IV. Budapest; Leipzig, 1905.
- Poulain 2003 — *Poulain R.* Les plaques-boucles à motifs chrétiens en “Burgondie” mérovingienne. Approche méthodologique // Burgondes, Alamans, Francs, et Romains: Dans l'Est de la France, le Sud-Ouest de l'Allemagne et la Suisse (Ve–VIIe siècles après J.-C.) / Actes des XXI Journées internationales l'Archéologie Mérovingienne. Besançon 20–22 Octobre 2000. Valdoie, 2003.
- Rieck 1996 — *Rieck F.* Nydam-rige fund i farligt miljø // Marinarkoeologisk Nyhedsbrev fra Roskilde. Roskilde, 1996.
- Rieck, Jørgensen, Petersen, Christensen 1999 — *Rieck F., Jørgensen E., Petersen P.V., Christensen Ch.* “Som sanlede Ofre fra en Talrig Krigerfolk”. Status over Nationalmuseets Nydamprojekt 1989–1997 // Nationalmuseets Arbejdsmark 1999. København, 1999.

Ripoll López 1999 — *Ripoll López G.* Symbolic life and signs of identity in visigothic times // The Visigoths from the migration period to the seventh century. An ethnographic perspective. San-Marino, 1999.

Schmauder 2000 — *Schmauder M.* Vielteilige Gürtelgarnituren des 6.–7. Jahrhunderts: Herkunft, Aufkommen und Trägerkreis // Die Awaren am Rand der byzantinischen Welt. Studien zu Diplomatic, Handel und Technologietransfer im Frühmittelalter. Innsbruck, 2000.

Shultze-Dörflamm 2002 — *Shultze-Dörflamm M.* Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. T. I. Die schnallen ohne beschläg, mit Laschen beschläg und mit festern beschläg des 5. bis 7. Jahrhunderts. Mainz, 2002.

The spoils...2003 — The spoils of Victory — The North in the Shadow of the Roman Empire. Copenhagen, 2003.

Szmoniewski 2004 — *Szmoniewski B.Sz.* Anthropozoomorphic brooches of the Dnepr type in initial phases of the Early Middle Ages. The Migration of a style- idea-object // *Wędrówki rzeczy i idei w Średniowieczu. Spotkania Bytomskie V.* Wrocław, 2004.

Szmoniewski 2005 — *Szmoniewski B.Sz.* Cultural contacts in Central and Eastern Europe: what do metal beasts images speak about? // Ethnic Contacts and cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Jaši, 2005.

Szmoniewski 2008 — *Szmoniewski B.Sz.* Two worlds, one hoard: what do metal finds from the Forest-Steppe belt speak about? // East Central and Eastern Europe in the Middle ages, 450 – 1450. Vol. II. The Other Europe in the Middle Ages. Leiden; Boston, 2008.

Szymański 1996 — *Szymański W.* Recenzia: L. V. Pekarskaja, D. Kidd, Der Silberschatz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7. Jahrhundert. Monographien zur Frühgeschichte und Mittelalterarchäologie. Falko Daim (ed.). Innsbruck, 1994 // AP. XLI. 1-2. Warszawa, 1996.

Szymański 1998 — *Szymański W.* Wokół skarbu z Martynowki // *Kraje słowiańskie w wiekach średnich. Profanum i sacrum.* Poznań, 1998.

Trefort 2002 — *Trefort C.* Vertus prophylactiques et sens eschatologique d'un dépôt funéraire du haut Moyen Âge: les plaques boucles rectangulaires burgondes à inscription // *Archéologie Médiévale.* T. XXXII. 2002.

Vinski 1967 — *Vinski Z.* Kasnoantički starosjedioci u salonitanskoj regiji prema arheološkoj ostavštini predslavenskog supstrata // *Vjesnik za Historiju Dalmatinsku.* 69. 1967.

Waldbaum 1983 — *Waldbaum J.* Metalwork from Sardis: the finds through 1974. Cambridge, MA; London, 1983.

Werner 1950 — *Werner J.* Slawische Bügelfibeln des 7 Jahrhunderts. Reinece Festschrift. Mainz, 1950.

Werner 1953 — *Werner J.* Slawische Bronzefiguren aus Nordgriechenland. Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Gesellschaftswissenschaften, Jahrgang 1952. 2. Berlin, 1953.

Werner 1988 — *Werner J.* Dančeny und Brangstrup. Untersuchungen zur ČernjachovpKultur zwischen Sereth und Dnestr und zu den “Rechtumszentren” auf Fünen // *Bonner Jahrbücher.* Bd. 188. Köln; Wien, 1988.

Werner 1992 — *Werner J.* Neues zu Kuvrat und Malaja Pereščepina // *Germania.* Bd. 70.2. München, 1992.

Архивные материалы

РА НА ИИМК. Ф. 77. Д. 113. *Корзухина Г.Ф.* Среднее Поднепровье в V–VIII в. Глава III.

РА НА ИИМК. Ф. 77. Д. 116. *Корзухина Г.Ф.* Каталог памятников художественного ремесла Среднего Поднепровья V–VII вв.

А ИА РАН. Р-1. Д. 5626. *Рунич А.П.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кавказских минеральных вод за 1975 г.

III

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА
ДРЕВНЕЙ РУСИ IX-XIII вв.:
ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ ЮВЕЛИРНОГО
ДЕЛА И ХУДОЖЕСТВЕННОГО РЕМЕСЛА
В ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ**

Н.В. Жилина (Москва)

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО МЕТАЛЛИЧЕСКОГО УБОРА IX–XIII вв.¹

В работе Г.Ф. Корзухиной «Русские клады IX–XIII вв.», написанной более полувека назад, были выделены основные периоды древнерусских кладов: IX — рубеж IX и X вв.; вторая половина X — рубеж X и XI вв.; XI — начало XII в.; 70-е гг. XII в. — 1240 г. (Корзухина 1954). Это хорошо известное исследователям хронологическое деление служило единственным ориентиром для использования вещей из кладов в качестве источника для изучения древнерусского художественного ремесла, костюма и убора, прикладного искусства и культуры. В качестве основного показателя для отнесения клада к хронологической группе для Г.Ф. Корзухиной выступал состав предметов клада по типологическим категориям.

Следующей задачей является более дробное хронологическое деление комплекса вещей из кладов с целью реконструкции русского металлического убора.

Для этого при анализе убора каждого периода выделим такие основные характеристики: тип головного убора и ожерелья; ювелирная техника, типы и варианты украшений; стиль. Для восстановления последовательности бытования древностей и истории убора важны наблюдения за конструктивными деталями украшений. Все эти данные необходимо рассмотреть во взаимосвязи.

Главной предпосылкой реконструкции кладов является их повторяющийся по составу предметов характер. Повторяемость позволяет выделить типичный состав убора.

По способу формирования клады делятся на два основных вида: клады украшений (семейные реликвии) одного-трех поколений со следами ношения и логичным набором украшений для использования в одном-трех уборах; клады накоплений (в виде монет, металла, женских украшений в большем количестве, чем необходимо для одного-трех комплектов уборов, а также в виде лома или фрагментов).

По каждому виду клада возможна реконструкция убора или какой-либо его части. Как бы ни относились владельцы клада к украшениям или к оставшемуся от них лому, украшения и их фрагменты объективно несут информацию об уборе, существовавшем в конкретную эпоху. Недостающие звенья могут быть достроены на основании всей той информации, которая имеется об уборе данной эпохи.

Важной задачей является типологическое определение украшений, позволяющее связать части и фрагменты убора с соответствующим кругом вещей.

В зависимости от вида и состава клада по конкретнымкладам могут быть реконструированы: целостный убор одной эпохи; несколько сменяющих друг друга уборов различных эпох; несколько стилистических вариантов типологически одного убора; часть убора; фрагмент убора. Отдельные части и фрагменты убора могут быть использованы в типовых реконструкциях убора эпохи.

Наиболее древний пласт украшений в первой хронологической группе кладов относится к VIII в. или рубежу VIII–IX вв.: широкопластинчатые фибулы, височные кольца с объемными подвесками, перстень со вставкой, филигранная цепь (рис. 1: 1–3). На северном мысу Старорязанского городища аналогичные височные кольца залегают в слое VIII–IX вв. ниже слоя X–XIII вв. с семилопастными

¹ Работа поддержана Научным советом по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории».

височными кольцами (Розенфельдт 1974: 111–114, рис. 10: 35; рис. 11: 8). Филигранная цепь из клада в Мишнево — упрощенная копия византийских наградных «золотых шнуров», по монетной части клада может датироваться от середины VIII в. до 60-х гг. IX в. (рис. 1: 4). По кочевническим погребениям наиболее вероятная дата перстней со вставками определяется как конец VIII — первая половина IX в. (Халикова 1976: 167, рис. 5: 9; 6: 29; 7: 26). Эти украшения доносят последний след переработки влияния эпохи переселения народов. Далее славянский и русский убор стабилизируются на базе собственных традиций и уже новых, в основном византийских, воздействий.

Убор с височными кольцами был в IX в. наиболее дорогим, хотя его нельзя назвать в полном смысле слова ювелирным. Украшения изготовлены проволочным конструированием и литьем. В последующее время он продолжал существовать как традиционный народный убор на фоне других, более роскошных, поэтому его помогают изучить материалы более поздних погребений X–XII вв.

Тип головного убора — традиционный для формирующейся древнерусской народности ленточный. Об этом мы можем судить по несколько более ранним и более поздним материалам: Зарайский клад (закрепление на широких кольцах серег кочевнического образца конца VIII в.) (рис. 1: 1), материалы погребений X–XI вв. Березовецкого и Гочевского могильников (Жилина 2002а: рис. 2: 1; Макарова 2005: 126, 127). Основная категория подвесок к головному убору — височные кольца. Покладам известны спиральные, лучевые и браслетообразные типы.

Погребения Гочевского могильника дают случаи, подтверждающие ношение колец в лентах и цепочках (связь с тканью, сцепление их друг с другом). Согласно расположению в погребениях, на котором основана реконструкция В.В. Хвойко, спиральные височные кольца прикреплялись фризовым способом к налобным деталям головного убора. Реконструкция по одному из наиболее архаичных северянских курганов в Броварках показывает, что архаичский головной убор был шумящим, на месте одного из колец закреплялась шумящая подвеска из бубенчиков (Хвойко 1904; Самоквасов 1915: 19). Выявляется конструктивная связь шумящей подвески с височным кольцом. Фрагменты шумящих украшений есть в кладе в с. Ивахники Полтавской губ., 1905 г. (рис. 1: 5). Погребения Березовецкого могильника X–XI вв. показывают еще один способ ношения височных колец концентрическими группами, создающий предпосылку для образования лопастей-наушников (Успенская 1993: 91, 92, рис. 5).

Материалы погребений X–XI вв. дают возможность представить, что исконный славянский праздничный убор, использовавшийся для свадьбы и погребения, был сложен и громоздок, буквально сковывал голову женщины. Украшения соединялись между собой, с деталями убора и с органами человеческого тела — ушами (но такой способ ношения отличается от ношения серег в мочке уха). Случай закрепления височного кольца и в ухе, и с помощью привязывания к головному убору имеется и в кургане № 54 Гочевского могильника северян (Самоквасов 1915: 19). Для привязывания к головному убору у вятических височных колец впоследствии образовались петельки. Вятический головной убор, известный по подмосковным погребениям XI–XII вв., сохранил связь колец с волосами в виде имитации волос в уборе замужней женщины, что имеет параллели в этнографии (Жилина 2001: рис. 1; Жилина 2002б: рис. 1: 2).

Основными видами ожерелий являются гривны с замком впереди, ожерелья из подвесок круглой и лунничной формы; нити бус, шумящие ожерелья из бубенчиков.

В датировке славянских украшений можно оттолкнуться от даты Зарайского клада, определяемой по монетам как IX в. — рубеж IX–X вв. На этом основании определяется дата семилучевых височных колец типа Б (Шинаков 1980: 115–119). Пятилучевые височные кольца могут быть датированы несколько ранее. Спиральные височные кольца Полтавского клада относятся к его наиболее древней части, правомерно предположительно отнести их к первой половине — середине IX в. Это наиболее древняя и простая форма височных украшений, являющаяся надэтничной и внестилевой. Лучевые височные кольца — это первая стилистическая стадия переработки византийских оригиналов. Лучевые кольца Полтавского клада (тип Д вар. 12 типологии Е.А. Шинакова) относятся к его более позднему комплексу, своим специфическим орнаментом, являющимся огрубленной передачей филигранной орнаментации, они стилистически близки типу В семилучевых колец Зарайского клада, верхняя дата которого доходит до X в. (Шинаков 1980: 120; Григорьев 2000: рис. 46: 126–133; Макарова 2005: 129, 130). Поэтому для полтавских лучевых колец можно предполагать дату конец IX — начало X в. На рубеже столетий носятся браслетообразные височные кольца с напускными бусинами, о чем свидетельствует ранний комплекс клада в Гнёздово 1867 г. (рис. 2: 1).

Лопастные височные кольца, являются следующей стилистической стадией переработки, они начали свое бытование позже, отражены пока только в более поздних кладах и погребениях. Трансформация лучей в лопасти относится к концу XI — началу XII в. (Шинаков 1980).

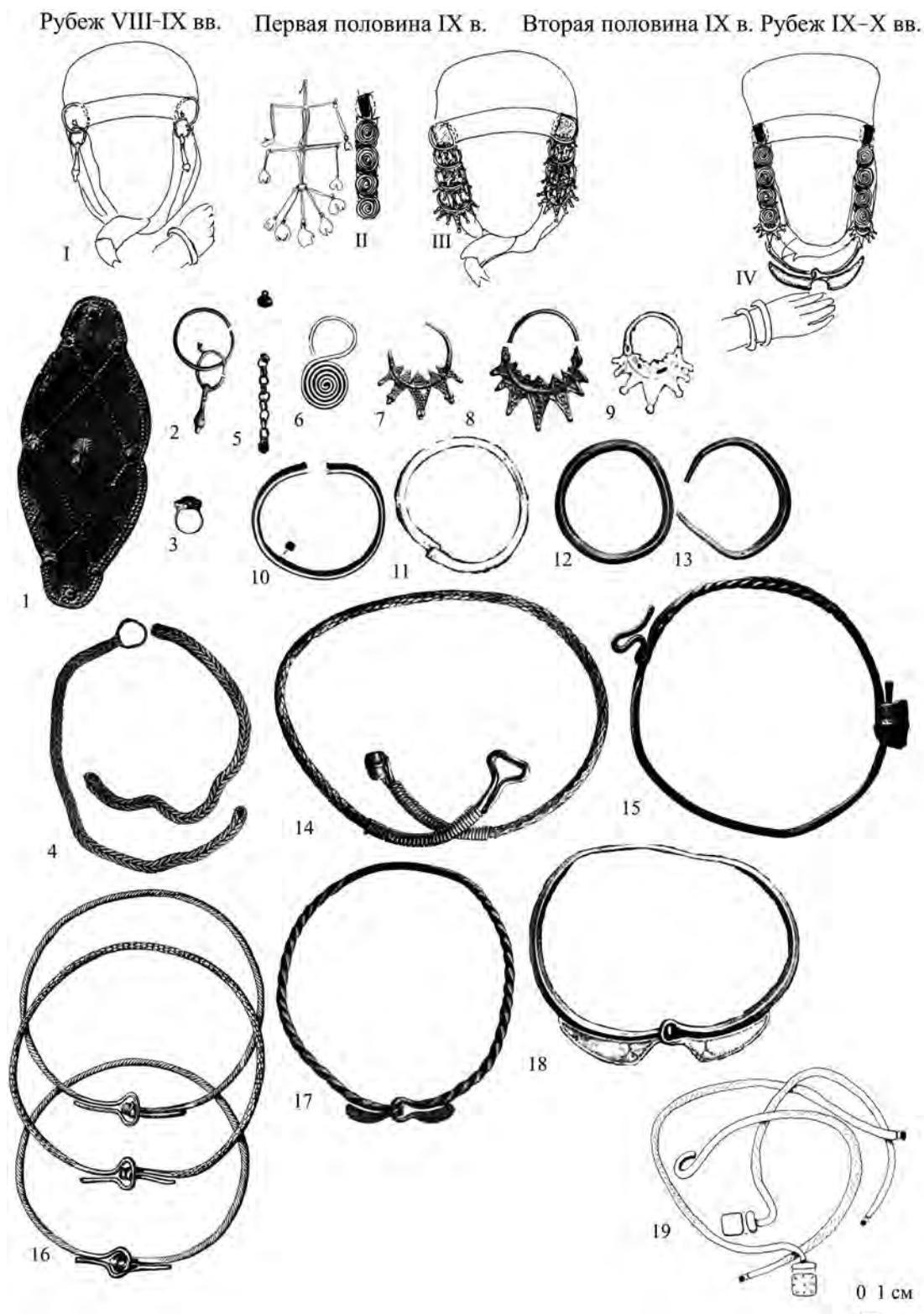

Рис. 1. Металлический убор по кладам IX века:
 1, 3, 5, 15, 17 — с. Ивахники Полтавской губ., 1905 г.; 4 — с. Мишнево Калужской губ., 1892 г.;
 I, III, 2, 7, 8, 10, 19 — Зарайский у. Рязанской губ., 1855 г.; II — Полтава, 1905 г., Броварки Полтавской губ.;
 IV, 6, 9, 11, 18 — Полтава, 1905; 12, 13 — Угодичи Ярославской губ., 1914 г.; 14 — д. Горки Петербургской губ.,
 1875 г.; 16 — д. Узьмина Петербургской губ., 1889 г. I, 1–5, 16 — рубеж VIII–IX вв.;
 6, 7, 10, 11, 14, 16, 17 — первая половина IX в.; 8, 9, 12, 13, 15 — вторая половина IX в.;
 II, III, 17, 18 — IX в.; IV, 19 — рубеж IX–X вв.

Шейные гривны Зарайского клада можно отнести к концу IX в. Они имеют развитый замок в виде петли и квадратного щитка (рис. 1: 19). Остальные гривны этой группы кладов логично относить к более раннему времени, поскольку на них наблюдается более простой замок типа двойной петли, оформленный концами гривны (рис. 1: 14–18). Развитие этого замка движется от простого загибания концов параллельно концам гривны, к усиливающемуся расплющиванию этих концов, к усложнению изгиба петли для более прочного застегивания формирующегося уплощенного щитка (Григорьев 2000: рис. 44: 133, 134).

Браслеты кладов IX в. гладкодротовые. Браслеты с расширяющимися и гвоздевидными концами, судя по дате Зарайского клада, вероятно, бытуют во второй четверти — середине X в. Исследователи отмечают для них и более ранние аналогии (Макарова 2005: 126, 127). Монетная датировка клада в с. Угодичи Ростовской области позволяет определить ориентировочную нижнюю датировку гладкодротовых браслетов с сужающимися концами и сплошных как рубеж IX–X вв. (рис. 1: 12, 13).

В итоге можно предложить следующие реконструкции убора со славянскими височными кольцами, представляющие его последовательные стадии развития: убор со спиральными височными кольцами, вероятно, шумящий, по раннему комплексу Полтавского клада первой половины IX в.; убор с лучевыми височными кольцами Зарайского клада середины — второй половины IX в.; убор с височными кольцами по позднему комплексу Полтавского клада конца IX — рубежа IX–X вв. (рис. 1: II–IV).

X век приносит в древнерусский убор развитую ювелирную культуру зерни и тиснения. Основная категория украшений дорогого убора, носившегося по сторонам головы — гроздевидные наушницы, которые в истоке, вероятно, должны были носиться, как серьги.

Однако традиции ношения височных колец и гроздевидных наушниц сближаются. Традиционные славянские височные кольца, браслетообразные, ромбоштитковые, и перстнеобразные, сочетаются с ношением ювелирных бусин, таким образом образуются довольно громоздкие формы (рис. 2: 9; рис. 3: 7, 11–13). Браслетообразные кольца из Гнёздовских кладов 1867 и 1993 гг. с напускными бусинами и без них относились к более раннему убору с височными кольцами, аналогичному убору кладов IX в., поэтому их можно датировать самым началом X в. (рис. 2: 1; рис. 3: 7).

Гроздевидные наушницы носят традиционными для височных колец способами: ленты, наушники, косы (рис. 2: 2, 3, 8). Объемная конструкция, не подходящая к традиционному ленточному убору, постепенно утрачивается. На одной, очевидно, оборотной, стороне некоторых украшений наблюдается интенсивная потертость (рис. 2: 4–7).

Судя по материалам погребений Пересопницкого могильника, продолжает бытовать ленточный убор. Различные варианты реконструкций, сделанных по описаниям Е.Н. Мельник (Мельник 1901: 493–499), показывают совместное ношение гроздевидных наушниц и проволочных височных колец: на кожаных наушниках; концентрическими группами, связанными ремешком; в ухе, прикрепленными фризным способом к головному венчику аналогично спиральным кольцам северян предыдущего периода (рис. 2: 2, 3).

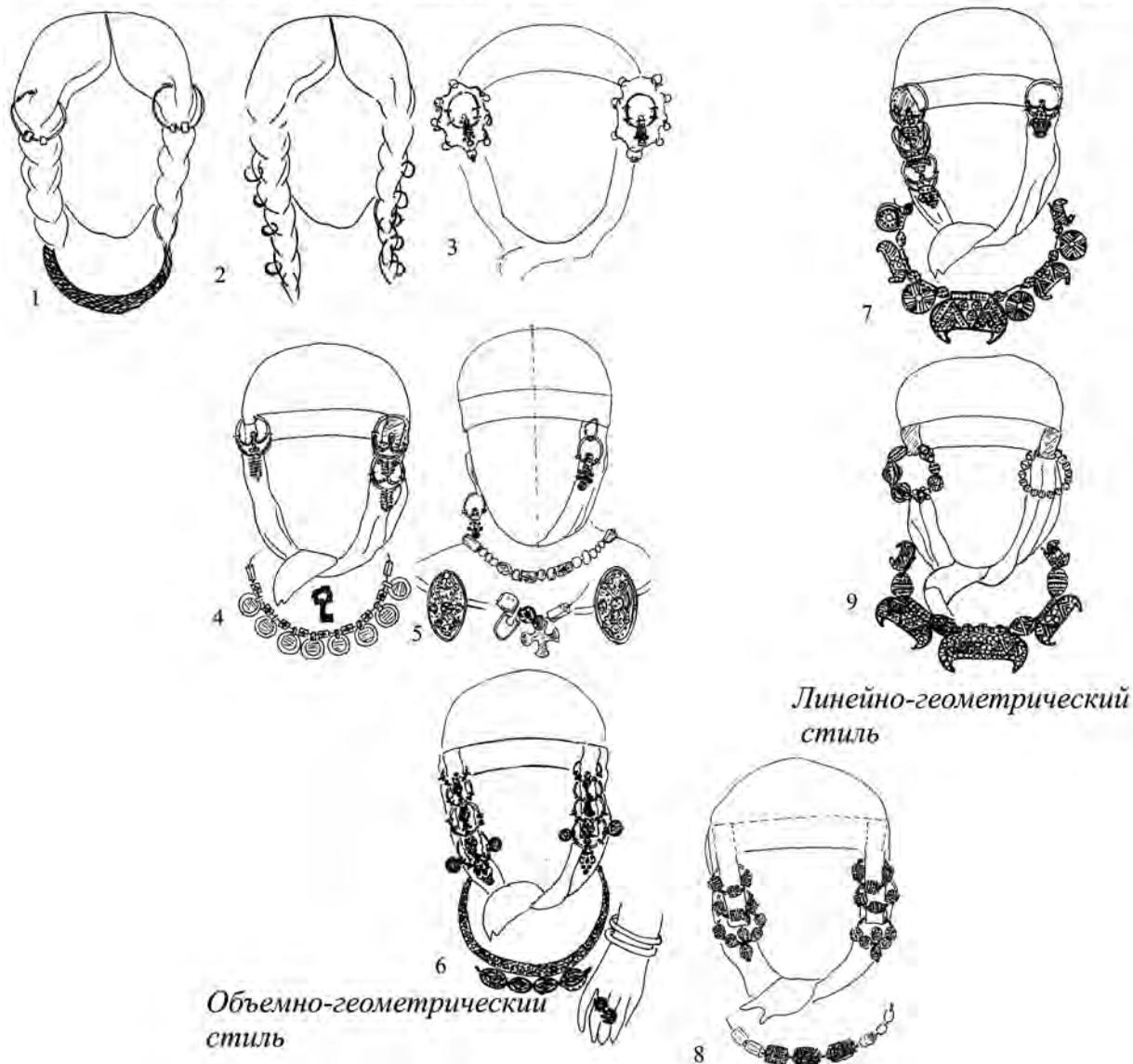
Гроздевидные наушницы отражают последовательность развития стилей зерненого убора. Объемно-геометрический стиль — конец IX — начало X в. — связан с наушницами первой типологической разновидности, корпус которых конструируется из гранул (рис. 2: 4, 5; рис. 3: 1, 2). Наушницы второй типологической разновидности совмещают спаянные из гранул и тисненные части (рис. 2: 6; рис. 3: 3, 4). На дужки наушниц 1 и 2 разновидностей надеваются шарообразные тисненные напускные бусины (рис. 2: 6; рис. 3: 2, 3). Геометрический стиль связан с наушницами третьей типологической разновидности с тисненным сложно профилированным корпусом — вторая половина X в. (рис. 2: 7; рис. 3: 5, 6).

Такая цепь развития подтверждается следующими хронологическими данными. По моравским материалам наушницы в объемно-геометрическом стиле восходят к периоду от VII до X в. (Dostál 1966: obr. 7: 1–12; Dekan 1980: № 68: 18). Перелом к распространению тиснения улавливается на рубеже IX–X вв., а развитые тисненные формы датируются по первую половину X в. включительно (Dostál 1966: 37–39, obr. 7: 7–20, 26–31). Аналогичные моравским наушницы в объемно-геометрическом стиле имеются в погребении № 112 Киевского некрополя с датой по монетам первая четверть X в. (рис. 2: 4). Наушницы первой разновидности (рис. 2: 5) имеются и в погребении № 124 Киевского некрополя, дата которого по монетам 931–944 гг. (Каргер 1958: табл. XXVIII: 208–210; Равдина 1988: табл. 6: 1). Клад из с. Копиевка с большим набором таких же наушниц по монетному комплексу можно относить к концу IX — середине X в.

Гроздевидные наушницы первой разновидности, следовательно, можно отнести к первой половине X в., второй разновидности — ко второй четверти — середине, а третьей разновидности — ко второй половине X в.

Рубеж IX–X вв. Первая половина X в.

Вторая половина X в.

Объемно-геометрический стиль

Линейно-геометрический стиль

Рис. 2. Развитие металлического убора X в.:

1, 9 — Гнёздово Смоленской губ., 1867 г.; 2, 3 — Пересопницкий могильник; Киевский некрополь;
 4 — погребение № 112 (920–923 гг.); 5 — погребение № 124 (931–944 гг.); 6 — с. Копиевка Киевской обл., 1928 г.;
 7 — Гнёздово Смоленской обл., 1993 г.;
 8 — убор по курганам дреговичей в бассейне р. Березины и округи Мозыря.
 1, 2, 4 — рубеж IX–X вв.; 3, 5, 6 — первая половина X в.; 7–9 — вторая половина X в.
 1–8 — объемно-геометрический стиль; 7, 9 — линейно-геометрический стиль

На основе ювелирной культуры гроздевидных наушниц на протяжении столетия возникают древнерусские трехбусинные кольца первого поколения. Их формы соответствуют типологическим разновидностям наушниц: сначала возникают кольца из гранулированных бусин, затем — из бусин с проволочно-каркасной конструкцией, еще позднее — из тисненых (рис. 3: 8–11, 13, 14).

Наиболее ранние бусины, гранулированные и проволочно-каркасной конструкции, можно относить к началу X в. (рис. 3: 9, 26). В Моравии они существуют со второй половины — конца IX в. (Dostál 1966: 39, obr. 9: 21–27). Бусина проволочно-каркасной конструкции найдена в одном из древнейших киевских погребений у Десятинной церкви с византийскими монетами 869–870 гг. (Голубева 1949: 109).

Общий ориентир для датирования линейно-геометрического стиля по моравским материалам — первая треть X в. — 910–940 гг. (Dostál 1966: 37–40, obr. 9: 1–20, 10: 12–17). Поэтому русские бусины

линейно-геометрического стиля логично относить к первой четверти — середине X в. Аналогично датируются и бусины раннегеометрического стиля с мелкими геометрическими и миниэлементами (рис. 3: 10, 11, 27–34). Доля геометрического стиля усиливается к концу X в. (рис. 3: 13, 14, 36).

Тисненные бусины геометрического стиля с сетчатым орнаментом появились около второй четверти X в., судя по дате погребения на Кирилловской ул. Киевского некрополя с монетами 928–944 гг. (Голубева 1949: 105, 106, рис. 2). Отработанная форма трехбусинного кольца, очевидно, сложилась к концу столетия (рис. 3: 14).

Датировка копиевского клада ориентировочно определяет и появление лопастных бусин в первой половине X в. Развитие этих бусин состоит в утрате внутренней полости, которая имеется на ранних бусинах (рис. 3: 32–34). У промежуточной формы из клада в с. Денис, монетная датировка которого простирается до первой четверти XI в., лопасти украшаются геометрическим орнаментом, как на прежних объемных формах лопастных бусин (рис. 3: 35). К концу X в. появляются так называемые ребристые бусы, такая бусина присутствует в кладах из с. Юрковцы (рис. 3: 37). В кладах из Старой Ладogi с монетами, датирующими комплекс по первую четверть XI в., ребристые бусы уже превращены в лом, то есть выходят из употребления.

Дорогое филигранное ожерелье из лунниц и медальонов широко расправлялось по плечам и могло иметь жесткую основу. Изменение формы лунниц от округлых к широким можно связать с приспособлением к дорожному широко лежащему ожерелью. Хронологическим подтверждением этого является датировка клада в с. Копиевка с лунницей округлой формы и округлым вырезом по сопутствующим монетам: конец IX — середина X в. (рис. 3: 15). Лунницы с горизонтальным вырезом по монетному составу Гнёздовских кладов 1867 г., 1870 г., 1885 г. датируются преимущественно серединой — второй половиной X в. (рис. 3: 17–21). Стиль орнаментации лунниц — линейно-геометрический, но к концу столетия возрастает доля геометрической орнаментации. Орнаментальные композиции лунниц меняются от трехчастных к более орнаментализованным зигзагообразным (рис. 3: 15–21).

Медальоны первоначально сохраняют традиционные солярные розетки, характерные и для подвесок, выполненных в технике пуансонной чеканки (рис. 3: 22). Впоследствии в линейно-геометрическом стиле формируется пятичастная композиция, ранний геометрический стиль формирует мелко-бордюрную орнаментацию (рис. 3: 23–25).

Таким образом, изделия в развитом линейно-геометрическом стиле можно относить к первой половине X в.; с большей долей геометрического — ко второй половине — концу X в.

У браслетов, гривен и перстней в X в. распространяется способ завязывания концов, вызванный, вероятно, появлением витых и плетеных изделий с утончающимися концами. Эти явления можно датировать от начала столетия по монетной датировке клада в Киеве 1851 г. (рис. 4: 1). Завязывание является вначале свободным (рис. 4: 1, 6). Затем формируется двойной перекрестный узел (рис. 4: 2, 3, 7). Позднее оформляется орнаментальный щиток или из спирально свернутой проволоки или из расплющиваемого в этом месте тела браслета (рис. 4: 4, 5). Завязывание на двойной узел датируется началом X в. по монетной датировке клада из Киева 1913 г., а в соответствии с монетной датировкой клада в Гнездово 1867 г. оно было распространено по третью четверть X в. Для гривен застежка имела большее практическое значение, поэтому вырабатывается замок типа петля-крючок или два крючка, один из которых усложняется шляпками, розетками, щитками. Опорой в датировке вновь является клад из Копиевки, позволяющий отнести наличие гривен с замком типа петля-крючок к середине века (рис. 4: 8).

Эпоха XI в. для металлического убора является переходной: заканчивают свое существование прежние уборы, появляются, но еще не успевают утвердить себя новые. Продолжает существование ленточный убор с височными кольцами, которые носят в лентах и наушниках (рис. 5: 1–5). В Невельском кладах есть пластинчатый ленточный венчик, аналогичный венчикам, во множестве представленным в погребениях (рис. 6: 1). По кладам известны браслетообразные, ромбоштитковые и перстнеобразные височные кольца, с завязанными и сомкнутыми концами (рис. 6: 2–10). По монетной датировке клада из Васьково и аналогии из кургана № 19 Березовецкого могильника их можно отнести к рубежу X–XI вв. (Успенская 1993: рис. 4).

Клады ярко демонстрируют утрату актуальности в парадном уборе традиционных форм височных колец в первой половине XI в. Во-первых, в ряде кладов они сломаны и хранятся в виде серебряного лома (рис. 6: 10, 11). Во-вторых, как и в прежний период, на них надеваются филигранные бусины (рис. 6: 9, 17–21). Эта продолжающаяся традиция является предпосылкой возникновения новых более сложных украшений. Продолжают бытование филигранные трехбусинные височные кольца с бусинами проволоочно-каркасной конструкции и гранулированными (рис. 6: 13–16).

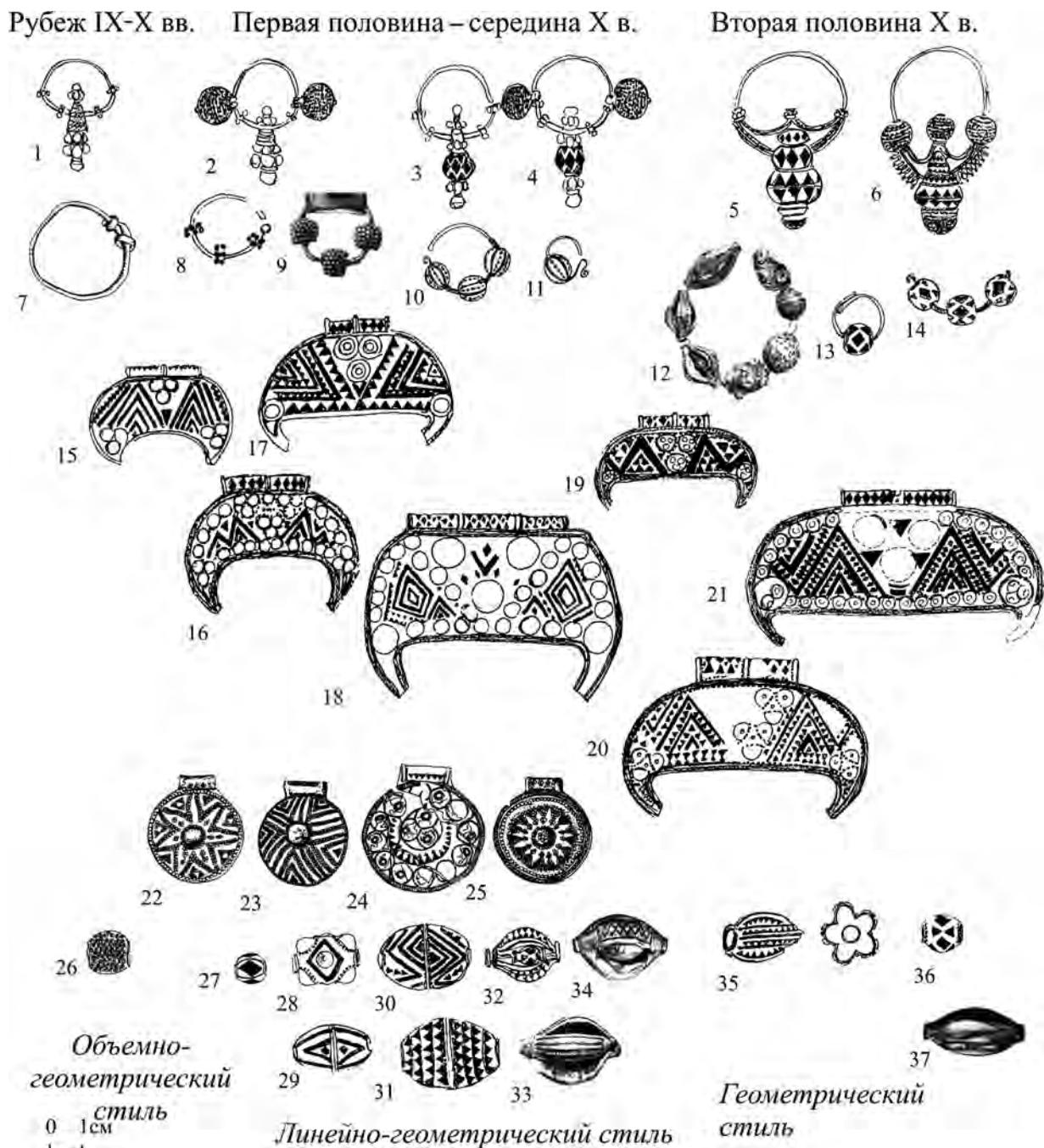

Рис. 3. Филигранные украшения убора X в.:
 1–4, 15, 29 — с. Копиевка Киевской обл., 1928 г.; 5, 6, 18 — д. Борщевка Волынской губ., 1883 г.;
 7, 22, 23, 25 — Гнёздово Смоленской обл., 1993 г.;
 8–11, 13, 14, 26, 27, 36 — Владимирские курганы, Киевский некрополь;
 12, 19, 20, 28, 30–32 — Гнёздово Смоленской губ., 1867 г.; 16 — округа Пинска;
 17 — Гнёздово Смоленской губ., 1870 г.; 21, 34, 37 — с. Юрковцы Киевской губ., 1864 г.;
 33 — Гушино под Черниговом, 1930-е гг.; 24, 35 — с. Денис Полтавской губ., 1912 г.;
 1, 7, 8, 15, 26 — рубеж IX–X вв.; 2–4, 9–11, 16–18, 22–25, 28–34 — первая половина–середина X в.;
 5, 6, 12–14, 19–21, 35–37 — вторая половина X в.; 1–4, 8, 9, 26 — объемно-геометрический стиль;
 10, 11, 15–23, 25, 27–30 — линейно-геометрический стиль; 5, 6, 13, 14, 24, 31–36 — геометрический стиль

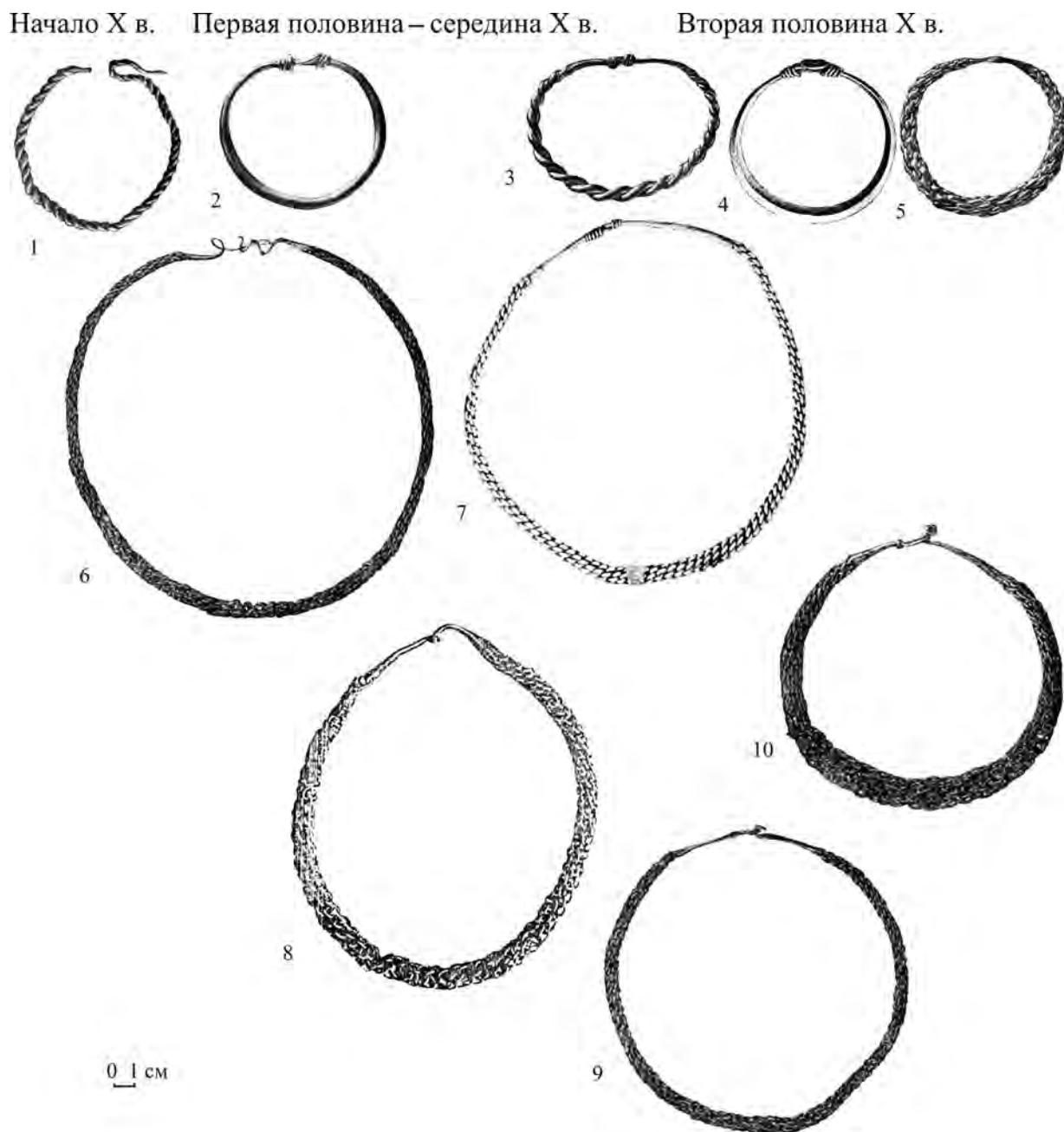

Рис. 4. Браслеты и гривны кладов X в.:

1 — Киев, 1851 г.; 2, 3, 5 — Киев, 1913 г.; 4 — с. Шпилевка Харьковской губ.; 6, 9, 10 — д. Борщевка Волынской губ., 1883 г.; 7 — Гнёздово Смоленской губ., 1867 г.; 8 — с. Копиевка Киевской обл., 1928 г.; 1, 6 — начало X в.; 2, 7, 8 — первая половина — середина X в.; 3–5, 9, 10 — вторая половина X в.

Гривны также продолжают уступать роль главного престижного дорогого украшения. Они переходят в категорию традиционных обрядовых (свадебных) атрибутов. Дошедшие в кладах гривны, вероятно, являются парными, женскими и мужскими. Гривны становятся формой хранения богатства. В эпоху смены уборов, ухода прежних форм украшений, традиционные металлоемкие гривны становятся знаком материальной достаточности и стабильности. Заметна закономерность, что целые гривны хорошего качества находятся, как правило, в безмонетных кладах (Мироновский Фольварк, 1883 г.; Пилява Киевской обл., 1895 г.; Киково Волынской губ., 1916 г.; Бужиски Гродненской губ., 1885 г.; Витебская губ., до 1907 г.; Шалахова Невельского у. Витебской губ., 1892 г.). Вероятно, в этих случаях они заменяли собой деньги. Эти данные хорошо согласуются со сведениями Ибн-Фадлана о том, что богатые русы на каждую новую сумму покупают своим женам новую гривну (Ибн-Фадлан 1939: 78, 79).

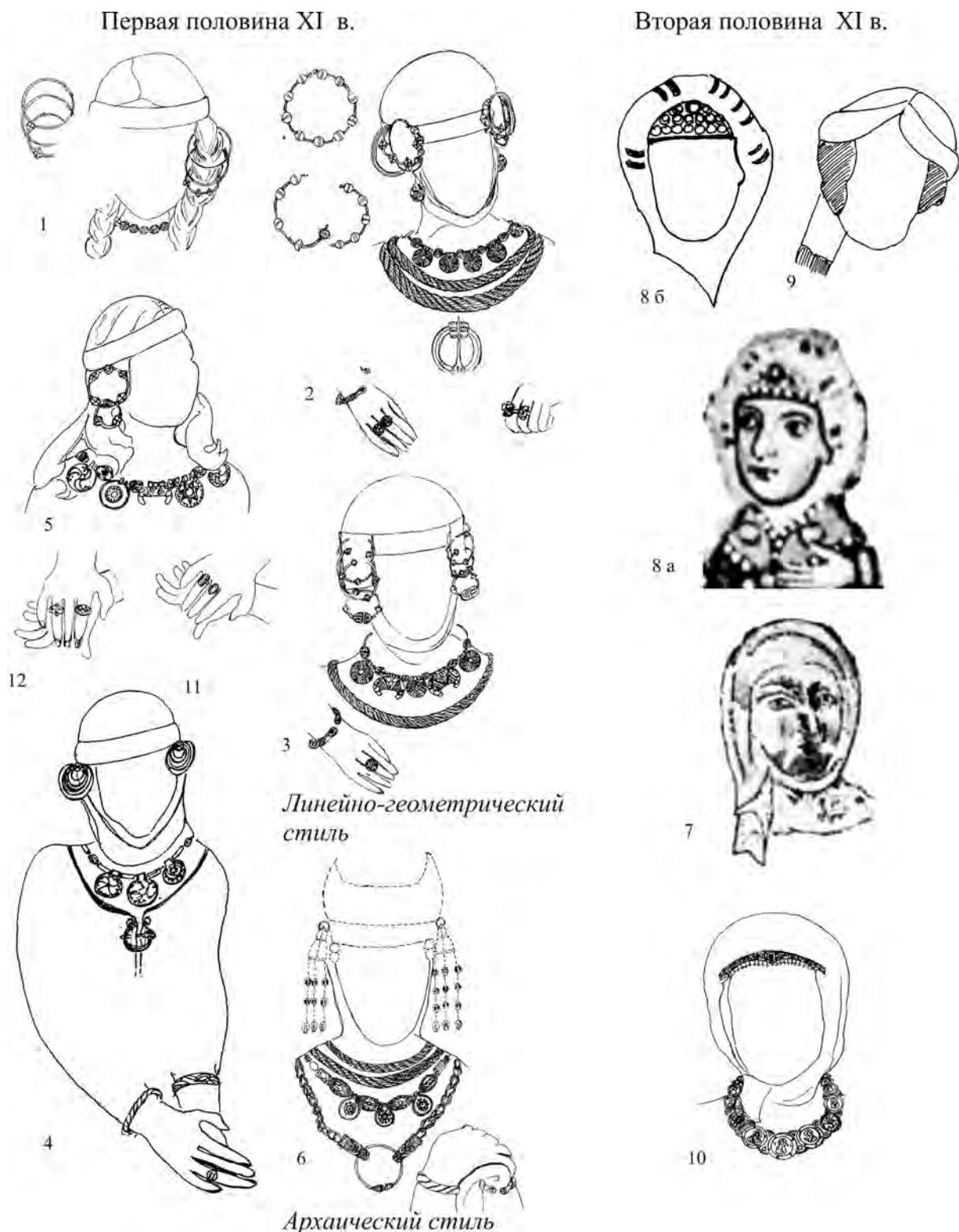

Рис. 5. Металлический убор XI в.: 1, 2, 12 — д. Шалахова Невельского у. Витебской губ., 1892 г.; 3 — Белогостицкий монастырь Ярославской губ., 1836 г.; 4 — д. Васьково Псковской губ., 1923 г.; 5 — д. Спанка Петербургской губ., 1913 г.; 6 — Мироновский фольварк Киевской губ., 1883 г.; 7 — полотенчатый убор супруги Святослава на миниатюре Изборника 1073 г.; 8 — убрус княгини Ирины, супруги Ярополка на миниатюре Трирской Псалтыри XI в.; 9 — убрус княгини Ольги на миниатюре Хроники Иоанна Скилицы 1079/1081 гг.; 10 — д. Каменный Брод Киевской губ., 1903 г.; 11 — Елецкий монастырь под Черниговом, 1848 г. 1–6, 11, 12 — первая половина XI в.; 7–10 — вторая половина XI в.; 2, 3 — линейно-геометрический стиль; 6 — архаический стиль

Рубеж X–XI в.

Первая половина XI в.

Вторая
половина XI в.

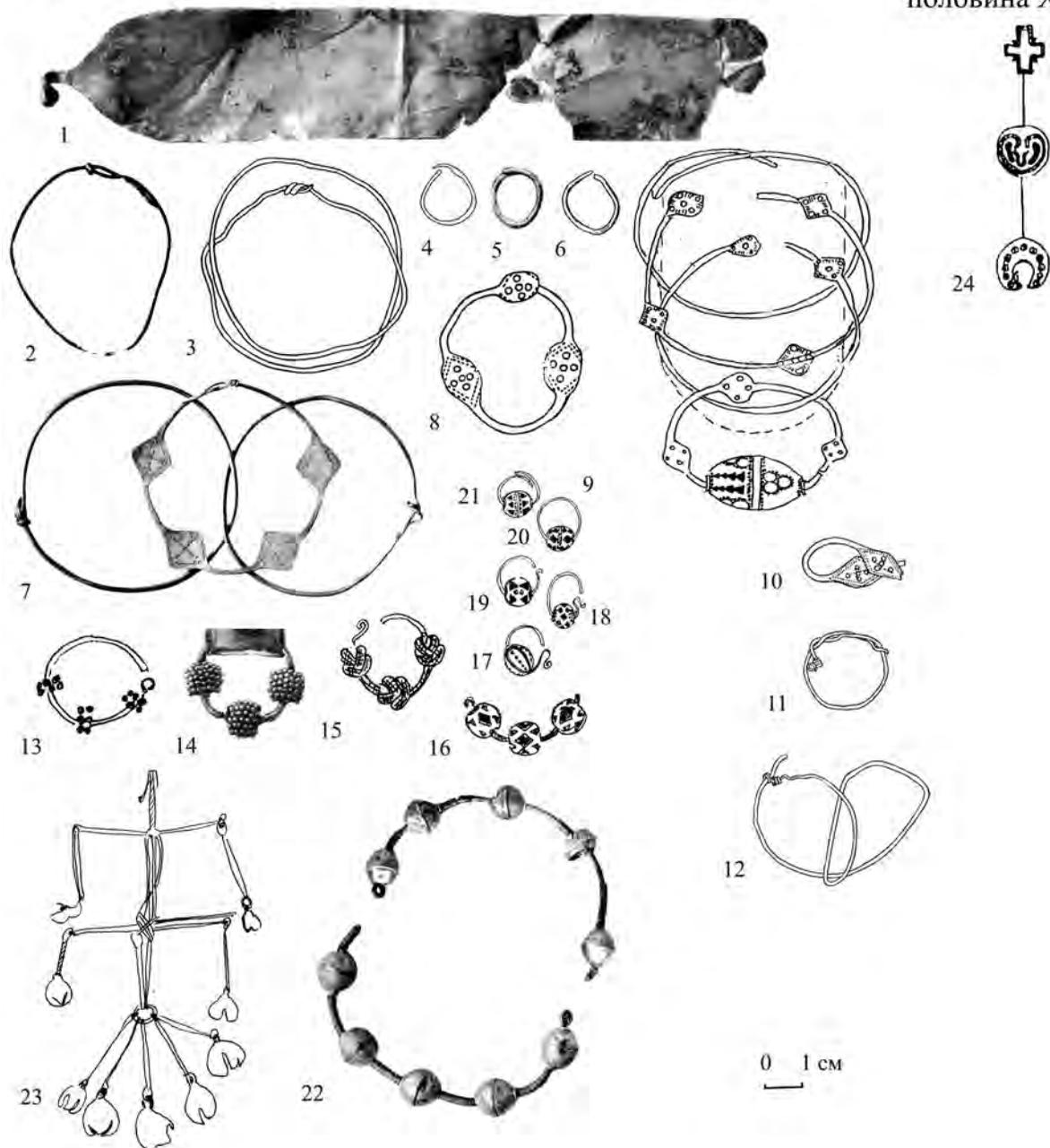

Рис. 6. Височные украшения XI в.: 1, 7, 22 — д. Шалахова Невельского у. Витебской губ., 1892 г.; 2 — Березовецкий могильник, курган № 19, рубеж X–XI вв.; 3, 4, 11, 12 — д. Васьково Псковской губ., 1923 г.; 5 — Мироновский фольварк Киевской губ., 1883 г.; 6, 8, 10 — д. Спанка Петербургской губ., 1913 г.; 9 — Белогостицкий монастырь Ярославской губ., 1836 г.; 13–21 — Владимирские курганы; 23 — курган в с. Броварки Полтавской губ.; 24 — Новгород, Троицкий раскоп, 70-е гг. XI в.; 2, 13 — рубеж X–XI вв.; 3–12, 14–23 — первая половина XI в.; 24 — вторая половина XI в.

В кладях с богатым монетным комплексом в числе другого лома имеются и сломанные гривны (рис. 7: 3, 22), но целых гривен хорошего качества в них, как правило, нет (клады в Стражевич Могилевской губ., 1898 г., 1903 г.; Крыжово Псковской губ., 1904 г.; Скадино, 1928 г. и Демшина, 1891 г. Псковской губ.; Забельская, 1914 г., Спанка, 1913 г., Старая Ладога, 1920 г. Петербургской губ.).

По кладям XI в. наблюдается развитие гривен (Корзухина 1954: 25, 26). К рубежу X–XI вв. относятся гривны с замком типа петля–крючок, или два крючка, закрепляемые друг за друга. Эти гривны продолжают ряд гривен из кладов X в. и соответствуют ранней части комплексов кладов XI в. (рис. 7: 1–4).

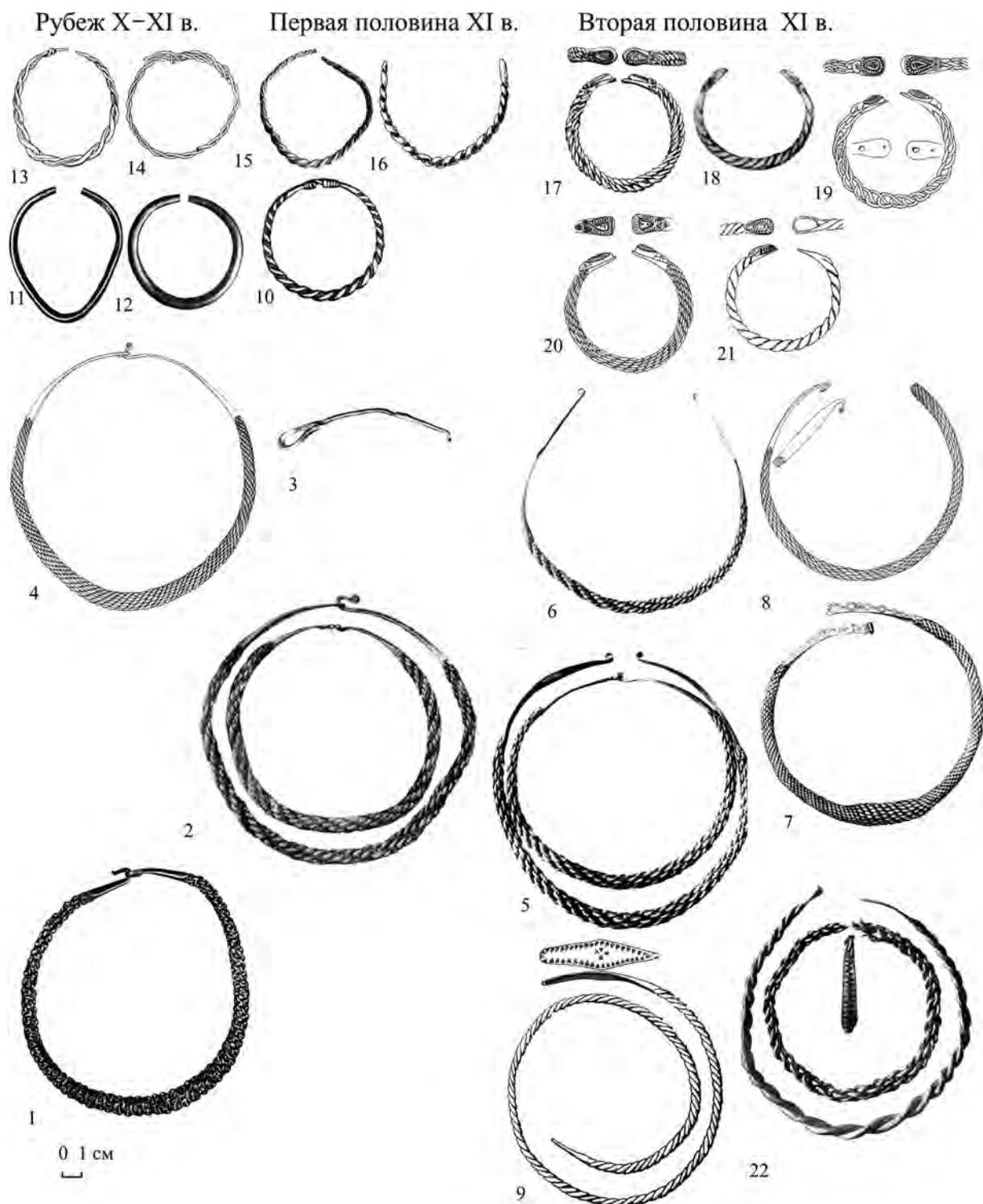

Рис. 7. Браслеты и гривны XI в.:

- 1, 10, 11 — г. Богдыхов Волынской губ., 1860-е гг.; 2, 18 — Мироновский фольварк Киевской губ., 1883 г.;
 3 — д. Стражевич Могилевской губ., 1903 г.; 4, 8, 19–21 — д. Пилява Киевской губ., 1895 г.;
 5, 6 — д. Шалахова Невельского у. Витебской губ., 1892 г.; 7, 9 — д. Бужиски Гродненской губ., 1885 г.;
 12, 15 — Киев, усадьба Бродского, 1899 г.; 13, 14 — д. Васково Псковской губ., 1923 г.;
 16, 17 — псковщина, предместье г. Канева Киевской губ., 1891 г.; 1, 4, 11–14 — рубеж X–XI вв.;
 2, 3, 10, 15, 16 — первая половина XI в.; 5–9, 17–21, 22 — вторая половина XI в.

Следующий тип замка на «две петли» соответствует середине столетия (рис. 7: 5, 6). К концу столетия появляется более развитый тип замка со шнурком из двух пластинчатых петель, завершающих пластинчатые наконечники гривны (рис. 7: 7, 8). Пластинчатые наконечники приобретают различные формы и орнаментацию, выделяются на гривне (рис. 7: 9, 22). Хронологическим ориентиром для завершающих форм является датировка клада в Крыжово с западноевропейскими монетами XI в. и отсутствием более ранних византийских и куфических монет, период накопления которого можно относить по крайней мере к середине XI в. (рис. 7: 22). На витых гривнах и браслетах в XI в. применяется сканая перевить.

Браслеты кладов XI в. четко делятся на две группы. Более раннюю группу составляют браслеты с неоформленными или завязывающимися концами, гладкодротовые и витые, известные и по кладам X в. (рис. 7: 10–16). По монетной датировке кладов из Киева в усадьбе Бродского 1899 г. и в Васьково их можно связывать с первой половиной XI в. Вторая группа витых и плетеных браслетов с черневыми наконечниками относится ко второй половине XI в. и переходит в первую половину XII в. (рис. 7: 17–21). Т.И. Макарова выделила браслеты с черневыми наконечниками кладов XI в. в один из более ранних подтипов на основании более простого орнамента и формы наконечников (Макарова 1986: рис. 13: 6; 7: 35, 36). Можно уточнить, что геометризованная черневая орнаментация браслетов конца XI в. аналогична наиболее раннему эмалевому стилю. Группа браслетов с черневыми наконечниками — одна из первых групп изделий формирующегося древнерусского ювелирного дела.

В первой половине столетия заканчивают бытование основные виды серебряных ожерелий, сложившиеся в X в. (Корзухина 1954: 25, 26).

В кладах в Старой Ладоге и Васьково пластинчатые медальоны с пуансонным орнаментом находятся во фрагментах (рис. 8: 1–3). Судя по верхней монетной датировке этих кладов — от 1025 г. до первой половины XI в. — гибкие ожерелья с пластинчатыми подвесками в технике пуансонной чеканки к этому времени выходят из употребления.

Филигранное ожерелье с медальонами, лунницами и бусинами могло быть как жестким, так и гибким, и бытовало также не долее начала XI в. Белогостицкий клад и клад в Коростово, оба с монетами конца X — начала XI в., позволяют определить верхнюю дату тисненого филигранного убора как рубеж X–XI вв. (рис. 8: 4–7). Но какое-то время в новом столетии убор все-таки бытовал, о чем свидетельствуют новые формы медальонов, являющиеся развитием медальонов гнёздовского клада с пятичастной композицией: медальоны ожерелий из кладов Елецкого монастыря и Скадино со строгой четырехчастной композицией (рис. 8: 4, 5). Завершающим звеном являются медальоны ожерелий из Невельского и Белогостицкого кладов с полусферами (рис. 8: 6, 7).

Бусы филигранных ожерелий в большинстве кладов представлены или во фрагментах, или единичными экземплярами, оставшимися от разобранных украшений. Это свидетельствует об уходе этого поколения бусин по крайней мере к середине XI в. Гранулированные и лопастные бусины из клада в Мироновском фольварке сняты с украшений также в период до середины XI в., поскольку клад содержит гривны с ранним типом замка (рис. 8: 8, 9). Три клада (Белогостицкий, из Собачьих Горбов и Спанки) имеют бусины с сетчатым зерненым геометрическим орнаментом, иногда также фрагментированные. Монетная датировка Белогостицкого клада позволяет отнести их последнее бытование ближе к началу столетия, датировка клада из Собачьих Горбов — допустить середину столетия (рис. 8: 11–13). В первой четверти XI в. выходят из употребления и ребристые бусины (рис. 8: 14).

Филигранные бусы с накладными спиральями в первой половине XI в., наоборот, только появляются и бытуют на протяжении столетия, о чем свидетельствует монетная датировка клада из д. Забельская, с верхней датой — конец XI в. (рис. 8: 6).

В XI в. появляются и нагрудные цепи в зверином стиле. К более раннему времени — началу — первой половине XI в. — можно отнести цепь из клада в Мироновском фольварке, которая, судя по проработанному звериному стилю, является эталоном, упрощаемым другими изделиями (рис. 8: 15). Таким упрощением является цепь из клада в Собачьих Горбах с монетами второй половины XI в. (рис. 8: 16).

Наличие нагрудных цепей в архаическом зверином стиле позволяет предполагать бытование стилистически соответствующих колоколовидных подвесок, в дальнейшем развитие этих категорий обнаруживают детальное стилистическое и технологическое сходство. Бытование колоколовидных подвесок в XI в. подтверждается стратиграфическими датами цепочек к рясам из Новгорода (рис. 6: 24). Можно предполагать, что по крайней мере к концу XI в. на Руси складывается кичкообразный (составной) головной убор (рис. 5: 6) (Жилина 1997). Колоколовидная подвеска с цепочками, наследующая культуре шумящих украшений, становится отдельным украшением и существует вне связи с височным кольцом

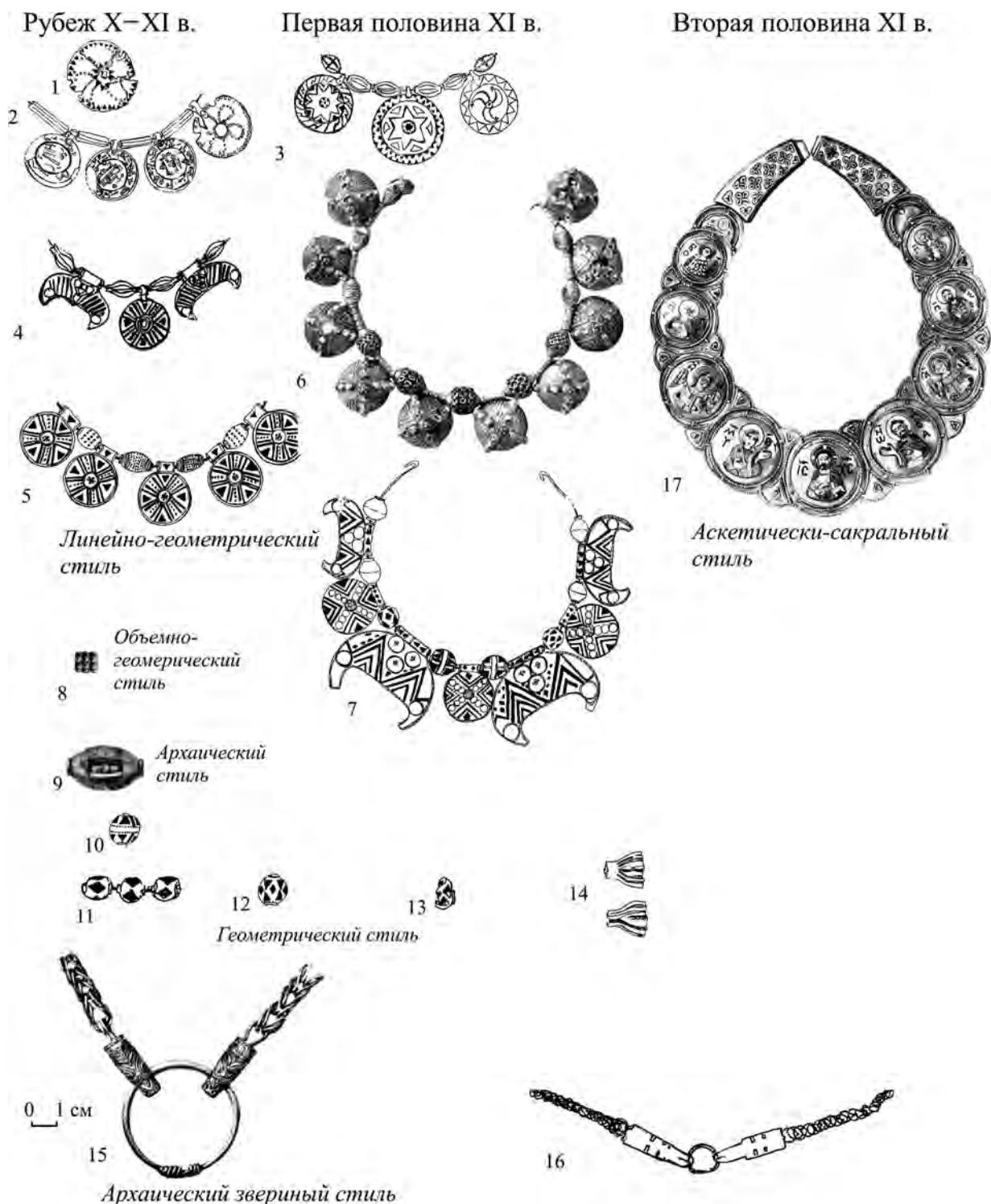

Рис. 8. Ожерелья XI в.:

1 — д. Васьково Псковской губ., 1923 г.; 2 — Витебская губ., до 1907 г.; 3, 14 — Старая Ладога, 1920 г.;
 4 — д. Скадино Ленинградской обл., 1928 г.; 5 — Елецкий монастырь, Чернигов, 1848 г.;
 6 — д. Шалахова Невельского у. Витебской губ., 1892 г.;
 7, 10, 12 — Белогостицкий монастырь Ярославской губ., 1836 г.;
 8, 9, 15 — Мироновский фольварк Киевской губ., 1883 г.; 11, 16 — д. Собачьи Горбы, Новгород, 1906 г.;
 13 — д. Спанка Петербургской губ., 1913 г. 1, 2, 4, 5, 8–12 — рубеж X–XI вв.; 3, 6, 13, 14 — первая половина XI в.;
 16, 17 — вторая половина XI в. 1, 2–4, 5, 6, 7 — линейно-геометрический стиль; 8–13 — геометрический стиль;
 15, 16 — архаический звериный стиль; 17 — аскетически-сакральный стиль

и находится в ансамбле с сетками-поднизьями (рис. 6: 23, 24). В шейно-нагрудном ярусе носятся цепи со звериноголовыми наконечниками, соединенными кольцом (рис. 5: 6).

По изображениям этого времени известен христианский убрus княгинь, отличающийся от традиционного завязывающегося полотняного убора изготовлением по определенной выкройке (рис. 5: 7–9). Убрus становится основой головного убора элиты. Можно предполагать, что некоторые эмалевые уборы с ранними формами украшений могли относиться к рубежу XI–XII вв. (рис. 5: 10; рис. 8: 17).

Следовательно, в XI в. наблюдается несколько типологически-разных уборов, пока они встречаются и сосуществуют, даже противостоят, но каждый сохраняет свою оригинальность. Стиль скано-зерненого убора движется от линейно-геометрического к геометрическому. Несмотря на уход в прошлое многих украшений, элементы их форм оказались впоследствии востребованы формирующимся древнерусским ювелирным ремеслом.

В первой половине XII в. продолжает свое развитие кичкообразный убор с колоколовидными ряснами, представленный на рис. 9: I (Жилина 1997). Серебряные филигранные подвески-рясна свидетельствуют о том, что на Руси возникает самостоятельное высококвалифицированное ювелирное дело, использующее византийские ювелирные традиции (технология штампованной филигрны). Основной стиль украшений можно определить как архаический (языческий) для него характерно следование традициям народной культуры с ее сочетанием разнородных орнаментальных элементов. В орнаментации присутствуют реликты изобразительных композиций, несущих отголоски славянских языческих представлений. Колоколовидные подвески проходят стадии линейно-геометрического, геометрического и золотого строгого стиля (рис. 9: I–4; рис. 10: I–5). Ряснам-подвескам стилистически и по технической отделке соответствуют нагрудные цепи (рис. 10: 7–10).

В первой половине XII в. совершенствуется ленточный головной убор со скано-зернеными ювелирными украшениями. Возникают лучевые колты I типологической группы на широкой дужке, носимые как височные кольца на лентах из трехбусинных колец (рис. 9: II). Эти колты образуются как логическое развитие многобусинной конструкции для утяжеления конца ленточной рясны объединением нескольких бусин в одно украшение. Лучи известных видов колтов по отделке аналогичны типам бусин: сплошь зерненные, ребристые. Ранее такую роль выполняло объединение нескольких височных колец (рис. 9: 5–9; рис. 10: 12–17).

Для убора с колтами характерно незначительное сохранение остатков линейно-геометрического стиля, но в основном он связан, как по трехбусинным кольцам, так и по колтам, с геометрическим стилем (рис. 10: 14–16). Следовательно, появление колтов I группы датируется несколько позже, чем колоколовидных рясен, вероятно, первой половиной XII в.

Трехбусинные кольца этого периода (второго поколения) созданы самостоятельным русским ювелирным делом, их варианты отличаются от вариантов колец первого поколения, связанных с гроздевидными наушницами. Как было показано нами ранее (Жилина 1998), скано-зерненные композиции соответствуют линейно-геометрическому и раннегеометрическому стилям (рис. 10: 18–26). Аналогичные стилистические стадии проходят бусины ожерелий (рис. 10: 27–31).

В составе ожерелий носятся крестики в скано-зерненных оправках, типологический ряд которых показывает подробный постепенный переход от линейно-геометрического стиля к геометрическому и золотому сканому строгому (рис. 10: 32–38).

С конца XI в. в уборе проявилось византийское влияние, связанное с принятием Русью христианства. На рубеже XI–XII вв. основным элитарным убором на Руси становится эмалевый (рис. 9: III). На убрus надевается ярус очельных дужек и диадема с христианской деисусной композицией. По сторонам головы носятся лунничные колты на двойных цепях из бляшек. Рясна прикрепляются к головному убору маленькими колечками и цепочками. В оплечном ярусе носятся медальоны с христианскими сюжетами и кресты. Мужским головным убором является венец с ряснами-сионцами (рис. 11: 1, 2).

Появление убруса тормозит развитие составного кичкообразного убора с колоколовидными ряснами, в создании которого можно видеть попытку создания парадного ювелирного убора в русских традициях. Сами колоколовидные рясна изменяются под воздействием сионцевидных византийских подвесок-рясен, приобретая четырехугольную и ярусную форму и строгую сканую орнаментацию (рис. 10: 5, 6, 11). И наоборот, распространение эмалевого убора с убрусом, конструктивно соответствующего ленточному убору, способствует консервации русского ленточного убора с колтами первой группы в более демократических кругах (рис. 9: 2).

Вторую половину XII и первую треть XIII в. можно назвать эпохой типологического и стилистического сближения уборов различных техник, взаимообмена составляющими, образования гибридных

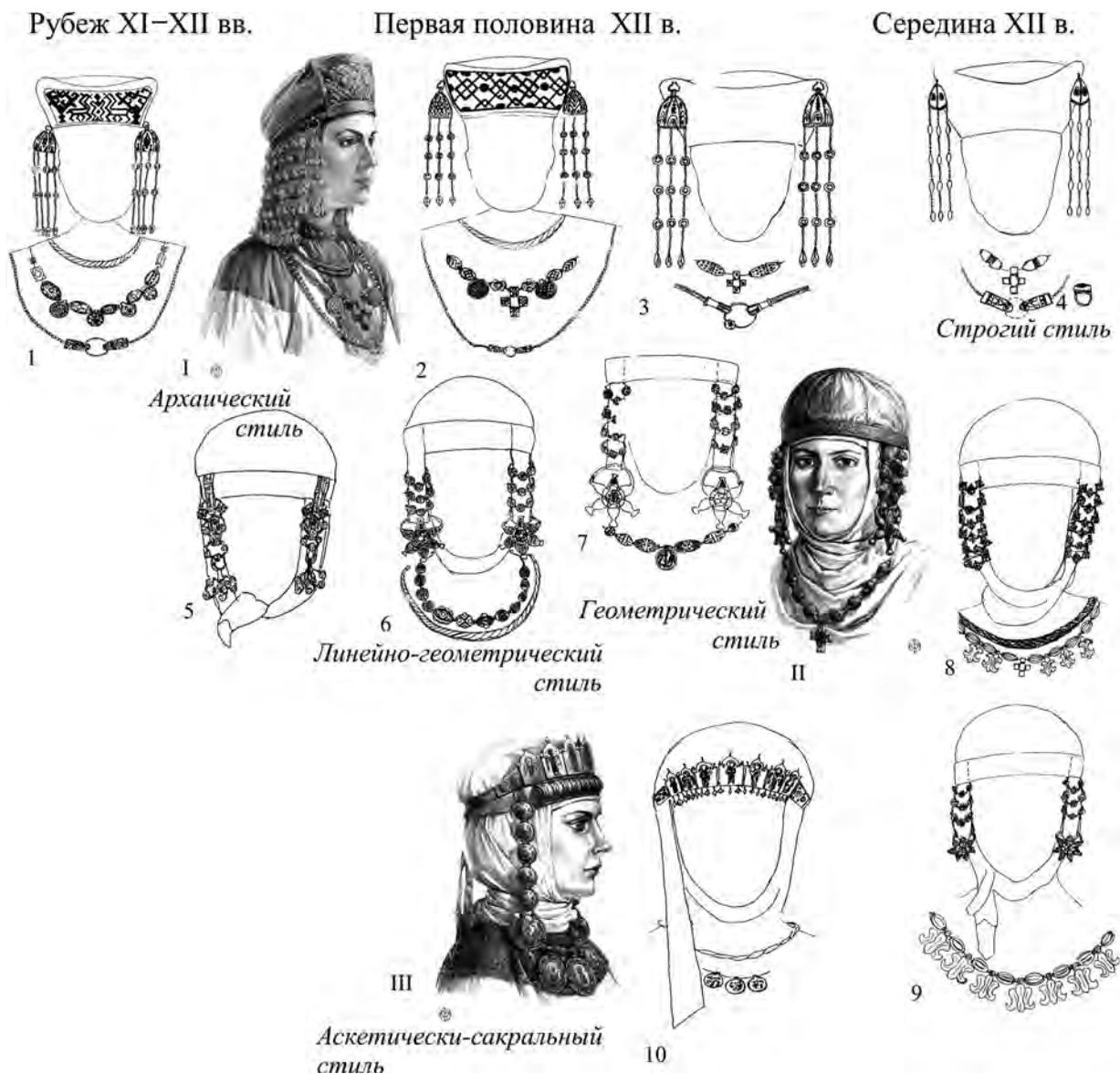

Рис. 9. Ювелирный убор в первой половине XII в.:

типичные реконструкции: I — кичкообразный убор с колоколовидными рясами и цепями; II — ленточный с колтами 1 группы; III — эмалевый убор с убрусом и диадемой; реконструкции по конкретным кладам: I — Мартыновка, 1886 г.; Мироновский фольварк, 1883 г. Киевской губ.; 2 — Старая Рязань, 1967 г., Тверь, 1906 г.; 3 — Кресты Тульской обл., 1876 г., Старая Рязань, 1868 г.; 4 — Чернигов, 1958 г., Старая Рязань, 1887 г., 1979 г.; 5 — погребение под фундаментами Борисоглебского собора, Старая Рязань, 2001 г.; 6 — Старая Рязань, 1970 г.; 7 — Владимир, 1837 г.; 8 — Киев, Михайловский монастырь, 1903 г.; 9 — Киев, усадьба Лескова, 1876 г.; 10 — Киев, усадьба Гребеновского, 1889 г. I, 1, 5 — рубеж XI–XII вв.; II, III, 2, 3, 6, 7, 10 — первая половина XII в.; 4, 8, 9 — середина XII в. I, 1 — архаический стиль; 2 — линейно-геометрический стиль; II, 3, 6–9 — геометрический стиль; III, 10 — аскетически-сакральный стиль; 4 — строгий стиль

форм украшений. При изготовлении одного убора и украшения используются различные техники. Это соответствует периоду наивысшего развития древнерусского ювелирного ремесла.

Во второй половине XII в. тип головного убора и ожерелья эмалевого и черневого уборов меняются мало (рис. 11).

Наиболее ранний стиль эмалевого убора можно определить как аскетически-сакральный по аналогии с одним из основных направлений в византийской эстетике (Бычков 1991: 99, 147). Манера изображения отличается геометризированностью. Этот стиль имеет два направления: сакральное с преобладанием христианских сюжетов и светское, где используются зооморфные и фантастические образы, связанные

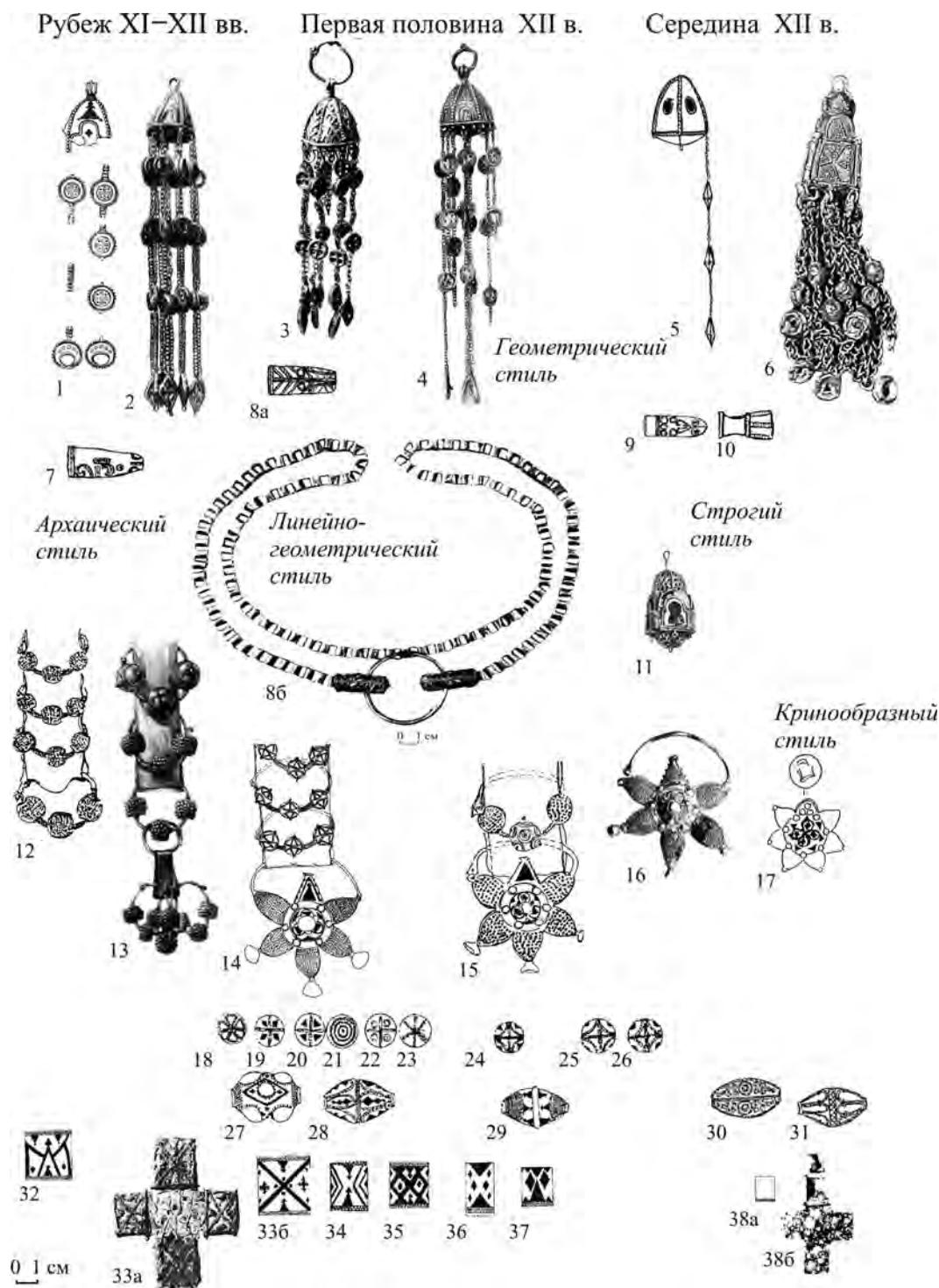

Рис. 10. Украшения скано-зернового убора первой половины XII в.: 1 — Мирополь Житомирской обл., 1938 г.; 2, 10 — Старая Рязань, 1868 г.; 3 — Старая Рязань, 1967 г.; 4 — Кресты Тульской обл., 1876 г.; 5, 9 — Чернигов, 1958 г.; 6 — Городище Хмельницкой обл., 1970 г.; 7, 17 — Киев, усадьба Лескова, 1876 г.; 8, 14, 27 — Тверь, 1906 г.; 11 — Старая Рязань, 1822 г.; 12 — Киев, 1885 г.; 13 — погребение, Старая Рязань, 2001 г.; 15 — Владимир, 1896 г.; 16, 32 — Старая Рязань, 1970 г.; 18–26 — орнаментальные композиции бусин трехбусинных колец; 28 — Москва, 1988 г.; 29, 35 — Старая Рязань, 1937/1950 гг.; 30 — Киев, 1986 г.; 31 — Сахновка Киевской губ., 1900 г.; 33 — Старая Рязань, 1979 г.; 34 — Киев, происхождение неизвестно; 36 — Лески Орловской обл., 1853 г.; 37 — Киев, Михайловский монастырь, 1903 г.; 38 — Старая Рязань, 1887 г. 1, 2, 7, 12, 13, 32 — рубеж XI–XII вв.; 3, 4, 8, 14, 15, 18–24, 27–29, 33–37 — первая половина XII в.; 5, 6, 9–11, 16, 17, 30, 31, 38 — середина XII в.; 1, 2, 7, 32 — архаический стиль; 3, 8, 14, 18–23, 27, 28, 32–35 — линейно-геометрический стиль; 4, 6, 15, 24–26, 29, 36, 37 — геометрический стиль; 5, 9–11, 30, 31, 38 — строгий стиль; 17 — растительный (кринообразный) стиль

с феодальной символикой. Ориентировочная дата стиля с конца XI по середину XII в. (рис. 11: 1, 2, 5). Следующий стиль можно определить как кринообразный. В рамках первых двух стилей господствует тип эмалевого колта с жемчужной обнизью, представленный на рис. 11: 5 (Макарова 1975: 22–26). Развитием кринообразного стиля в эмалевом уборе является утрированно-растительный с оттянутыми изгибами стеблей, относящийся к концу XII — первой трети XIII в. (Рыбаков 1987: 595). Формы лунничных колтов становятся не строго округлыми, а более широкими (рис. 11: 3, 7).

Эмалевая техника эстетически выигрышно объединяется с золотой филигранью, стили филигранны соотносятся с эмалевыми. Сканный строгий стиль с арочным и завитковым орнаментом соответствует геометризованному эмалевому стилю и относится также к началу — середине XII вв. (рис. 10: 11, 30, 31; рис. 11: 1, 2, 6; рис. 12: 1, 2). Золотой филигранный пышный стиль с орнаментом из ярусных филигранных спиралей и накладывающихся завитков соответствует растительно-утрированному стилю и относится к концу XII — первой трети XIII в. (оправы медальонов клада в Старой Рязани 1822 г.). В филигранном пышном стиле выполнена «накладная коруна», сохранившаяся в качестве приклада к иконе «Богоматерь Боголюбская из Благовещенского собора Московского Кремля. Первоначально она являлась женским городчатым венцом начала XIII в., по изображениям городчатые венцы известны с XI в. Распространяются эмалевые колты со вставкой и многолучевой каймой (рис. 11: 4). Эмалевые рясна-цепи меняются от круглых к вадрифолийным, способ их застегивания с помощью кольца и цепочки не меняется (рис. 11: 1, 4). Дужки очелья эмалевого убора также двигаются от строгого стиля к пышному, первоначально гладкие дужки украшаются филигранью и драгоценными вставками (рис. 13: 1–4).

Типологически черневой убор аналогичен эмалевому. Сакрально-аскетическому эмалевому стилю типологически и стилистически аналогичен первый стиль черногого убора, который можно назвать «проэмалевым» или геометризованным. По форме и орнаментации аналогичны небольшие лаконичные круглые колты с имитацией жемчужной обнизи (Макарова 1986: 49, 50, 62, рис. 17). Известны цепи-рясна из прямоугольных черневых пластинок в геометризованном стиле (рис. 11: 8, 13, 16). Стилистическое развитие черни поначалу идет параллельно с эмалью, складывается кринообразный стиль, все сюжеты «прорастают» (рис. 11: 9, 10, 14, 17, 22). Витые и плетеные браслеты с черневыми наконечниками переходят от геометризованного стиля к кринообразному, как показано на рис. 11: 20–22 (Макарова 1986: рис. 13: 6, 7; 14: 35, 36). Затем в черневом уборе складывается оригинальный плетеный стиль, все сюжеты «сплетаются» (рис. 11: 11, 12, 15, 18). Тип колта в элитарном уборе остается лунничным, но варианты оформления его в черневом уборе с середины XII в. становятся более разнообразны: обнизи из металлических шариков, арочек, и гофрированной ленты. Для кринообразного стиля характерны колты с ажурной каймой из гофрированной ленты; для кринообразного и плетеного — колты с каймой из полых шариков и с арочной обнизью (рис. 11: 9–12, 15). Апогей плетеного стиля приходится на конец XII в., поскольку широкие браслеты с развитым плетеным орнаментом выполнены с использованием технологии тиснения, сменившей к этому времени ручную выколотку и литье (Макарова 1986: 52, 91). Эта дата подтверждает и хронологическое размещение других стилей элитарного убора. Среди орнаментальных сюжетов широких браслетов черногого убора на уровне кринообразного и начальных стадий плетеного стиля около середины XII в. развивается «языцизирующее» направление (рис. 11: 19).

Под воздействием типологии эмалевого убора в скано-зерненном происходят важные типологические изменения. Во-первых, совершается переход к более узкой цепи-рясне из бляшек, что вызывает образование лунницы у скано-зерненных колтов. Так формируются колты 2 типологической группы (рис. 12: 3–9). Более ранними являются формы с семью и шестью лучами и четырехлепестковой розеткой (рис. 12: 7, 8). Формируется рациональная форма лучевого колта с пятью лучами и трехлепестковой розеткой в центре (рис. 12: 4–6, 9). Зернь пирамидок и завершений лучей сменяется полыми тисненными шариками (рис. 12: 6, 9).

Во-вторых, под воздействием дужек эмалевого убора трехбусинные височные кольца трансформируются в дужки очелья и используются также для рясенных лент (рис. 13). Многие скано-зерненные очелья демонстрируют процесс приспособления колец под дужки: снятие бусин, подрубание одного из концов или образование из него грубой петли (рис. 13: 5–11). В итоге возникает новая категория — трехбусинная дужка с двумя аккуратными петлями по концам для очелья или височной ленты (рис. 13: 12–17). Прямые трехбусинные стержни с двумя петлями могли соответствовать двум головным уборам: кокошнику и пирамидальному убору провизантийской формы, известному по изображениям на самих же колтах (рис. 13: 9, 10, 16, 17). Можно предполагать, что древнерусский кокошник складывается к концу XII в. Бусины трехбусинных украшений переходят к легкой ажурной конструкции (рис. 12: 10, 11).

Во второй половине XII в. орнаментация скано-зерненого серебряного убора полностью переходит к геометрическому стилю. Орнаментальные элементы лишаются миниатюрных деталей, господствуют

Конец XI – начало XII в. Середина XII в. Конец XII – первая треть XIII в.

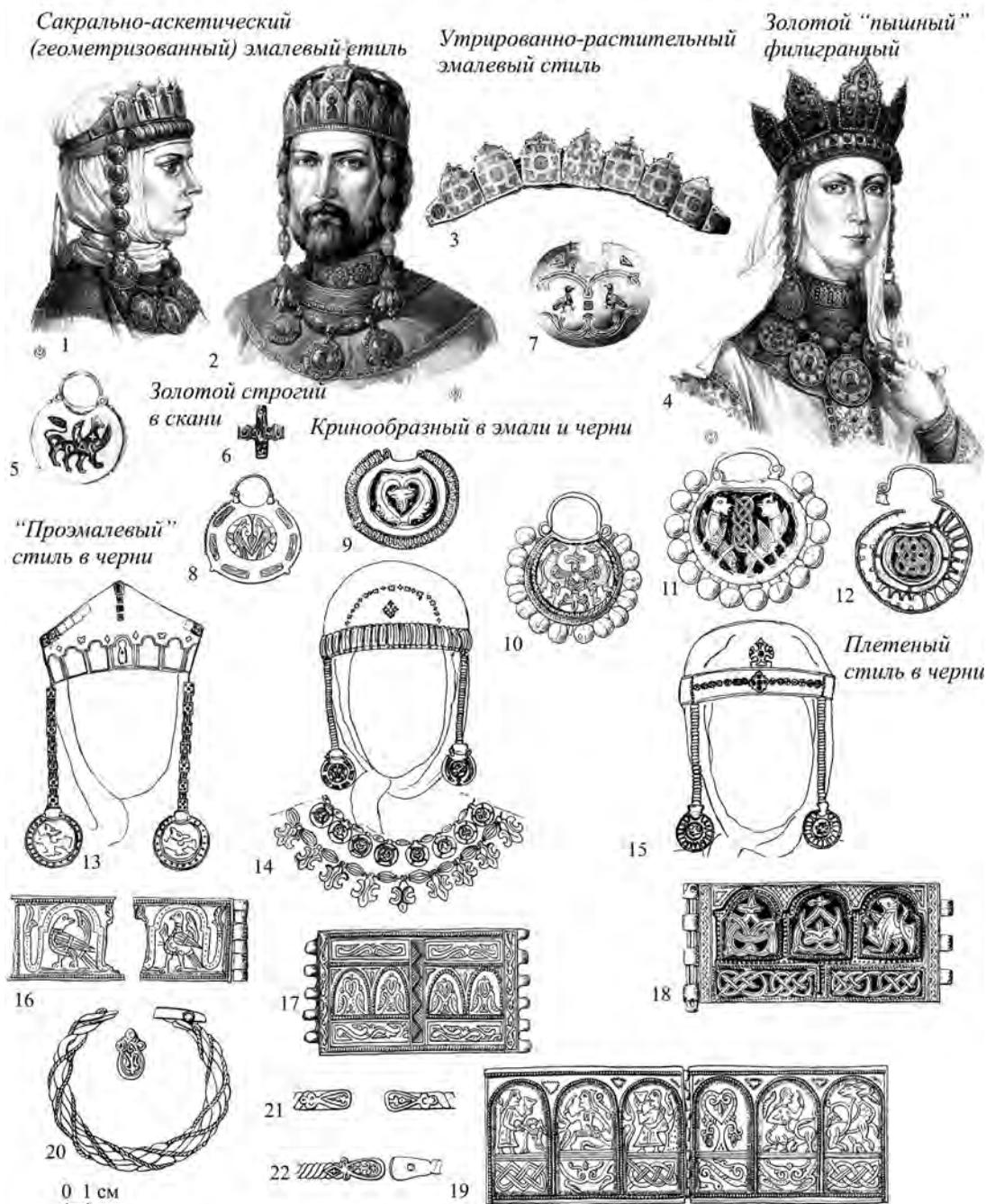

Рис. 11. Эмалевый и черневой уборы во второй половине XII – первой трети XIII в.:

1, 2 – типовые реконструкции женского и мужского княжеского эмалевого убора в сакрально-аскетическом стиле; 3 – Сахновка Киевской губ., 1900 г.; 4 – типовая реконструкция женского княжеского эмалево-филигранного убора в пышном стиле; 5 – Киев, Михайловский монастырь, 1824 г.; 6 – Старая Рязань, 1822 г.; 7, 12 – Киев, Десятинная церковь, 1842 г.; 8, 14 – Киев, усадьба Орлова, 1901 г.; 9 – Киев, ул. Мало-Владимирская, 1893 г.; 10 – Терехово Орловской губ., 1876 г.; 11, 20 – Святое Озеро Черниговской губ., 1908 г.; 13, 15, 21 – Киев, Михайловский монастырь, 1903 г.; 16 – Романово Могилевской обл., 1892–1893 гг.; 17 – Городище Хмельницкой обл., 1970 г.; 18 – Киев, ул. Стрелецкая, 1939 г.; 19 – Тверь, 1906 г.; 22 – Киев, Михайловская гора, 1841 г.
 Конец XI – начало XII вв.: 1, 2, 5 – сакрально-аскетический (геометризованный) эмалевый стиль; 6 – золотой строгий сканый стиль; 8, 13, 16, 20 – проэмалевый стиль в черни.
 Середина XII в.: 9, 10, 14, 17, 21, 22 – кринообразный стиль в эмали и черни.
 Конец XII – первая треть XIII вв.: 3, 7 – утрированно-растительный стиль в эмали; 4 – золотой пышный стиль в филигрании; 11, 12, 15, 18, 19 – плетеный стиль в черни

Рис. 12. Скано-зерненный убор во второй половине XII — первой трети XIII в. Геометрический стиль зерни:
 1 — типовая реконструкция женского княжеского эмалевого убора в сакрально-аскетическом стиле;
 2 — Киев, Михайловский монастырь, 1824 г.; 3 — Изяславль; 4, 13–15 — Старая Рязань, 1937–1950 гг., 1970 г.;
 5 — типовая реконструкция скано-зерненного убора с колтами 2 группы; 6, 9, 17, 18 — Старая Рязань, 1970 г.;
 7 — Киев, Михайловский монастырь, 1903 г.; 8 — Старая Рязань, 1974 г.; 10, 11 — ажурные бусины
 трехбусинных украшений; 12 — Старая Рязань, 1979 г.; 16 — Москва, 1988 г.; 19 — Старая Рязань, 1937–1950 гг.

орнаменты типа сетки, розетки и бордюра (рис. 12: 12–19). Кринообразный стиль элитарных уборов способствует распространению кринообразной орнаментации на скано-зерненных украшениях (рис. 10: 5, 17, 30, 31, 38; рис. 12: 9).

Около середины столетия в ювелирном производстве возникает «проблема рясен-цепей». Перейдя к типологии и конструкции эмалевого убора, уборы остальных техник встают перед

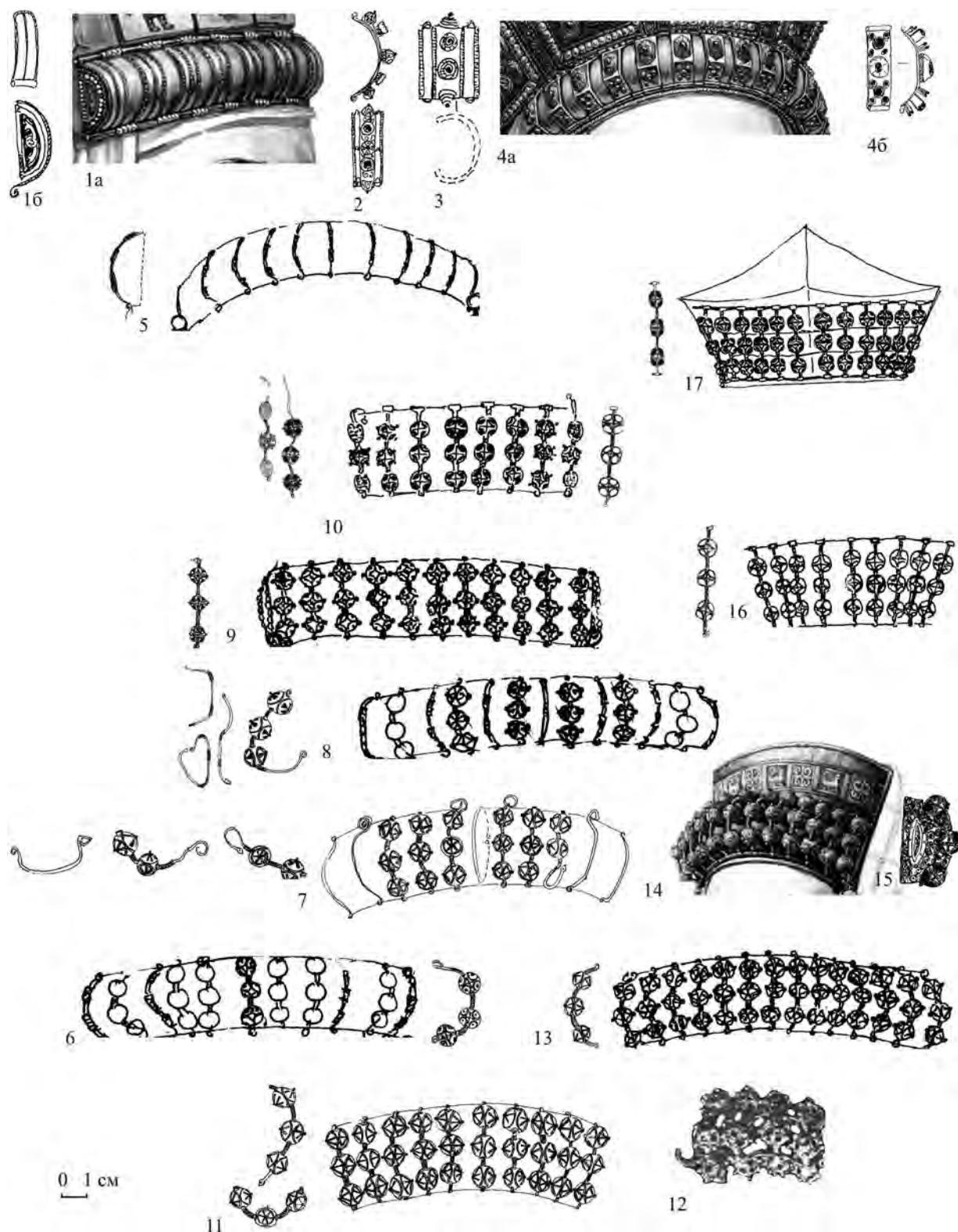

Рис. 13. Формирование очелья из трехбусинных дужек в скано-зерненном уборе во второй половине XII в.: 1a — типовая реконструкция очелья эмалевого убора; 1b — Киев, усадьба Лескова, 1876 г.; 2 — Киев, Михайловский монастырь, 2000 г.; 3 — д. Колесище Каневского у. Киевской губ.; 4 — Киев, Михайловский монастырь, 1824 г.; 5 — Киев, усадьба Гребеновского, 1899 г.; 6, 7 — Старая Рязань, 1967 г.; 8 — Старая Рязань, 1974 г.; 9 — Льгов, 1979 г.; 10 — Владимир, 1837 г.; 11 — Старая Рязань, 1979 г.; 12 — Вербов Львовской обл., 1920-е гг.; 13 — Терехово Орловской губ., 1876 г.; 14 — типовая реконструкция очелья из трехбусинных дужек; 15 — Старая Рязань, 1992 г.; 16 — Владимир, 1865 г.; 17 — Владимир, 1896 г.

Рис. 14. Развитие рясен-цепей для колтов во второй половине XII в. — первой трети XIII в. 1 — типовая реконструкция ношения эмалевых колтов на ряснах с круглыми бляшками; 2 — Киев, усадьба Есикорского, 1885 г.; 3, 16 — Киев, Десятинная церковь, 1936 г.; 4 — типовая реконструкция ношения эмалевых колтов на ряснах с квадрифолийными бляшками; 5, 12 — Киев, Михайловский монастырь, 1903 г.; 6 — Губин Болоховской земли, № 2; 7 — Киев, 1909 г.; 8 — Киев, 1906 г.; 9 — Киев, 1914 г.; 10 — Киев, усадьба Трубецкой, 1872 г.; 11 — Старая Рязань, 1937–1950 гг.; 13 — Москва, 1988 г.; 14 — Старая Рязань, 1974 г.; 15 — Киев, 1911 г.; 17 — Киев, 1898 г.; 18, 20, 22 — Вербов Львовской обл., 1920-е гг.; 19а — Старая Рязань, 2005 г.; 19б — отпечаток скано-зерновой орнаментации трехбусинной дужки на кожаной детали, микрофото Н.В. Жилиной; 21 — Болохов, клад № 5; 23 — Киев, Десятинная церковь, до 1899 г.; 24 — убор Десиславы, фреска церкви св. Пантелеймона в Бояне, Болгария, середина XIII в.

необходимостью создать конструктивно и стилистически подходящие для своего убора рясна-цепи для ношения колтов (рис. 14).

В черневом уборе первоначально существуют рясна в виде пластинок, соединенных жемчугом (рис. 14: 5). По аналогии с эмалевыми ряснами возникают рясна в виде двойных цепочек из круглых бляшек, выполненные в технике тиснения и соответствующие черневым колтам с полыми шариками (рис. 14: 6). Аналогичные рясна из круглых бляшек возникают в скано-зерненном уборе, меняясь стилистически от линейно-геометрического и геометрического к строгому стилю (рис. 14: 11–13).

Прослеживается способ самодельного конструирования рясна: для ношения колтов дорогого убора используются цепи из трехбусинных колец с которых сняты бусины, а также цепи из перстнеобразных височных колец (рис. 14: 2, 7, 17). В височных лентах продолжают использоваться обычные трехбусинные кольца (рис. 14: 15, 16). Применяются и кольца, трансформированные в дужки (рис. 14: 18, 19).

К середине XII в. в связи с развитием тиснения возникает рясно-цепь из колодочек. Первоначально это довольно широкая двойная лента из колодочек шириной около 3,0 см, возможно, приспособленная еще к колтам с широкой дужкой. Застежка ленты из колодочек первоначально аналогична эмалевой: кольцо и цепочка (рис. 14: 8). Вероятно, такая цепь одновременно наследует традиции и византийского рясна и русской височной ленты. Затем рясно-цепь из колодочек сужается, приближаясь к размеру дужки колта. На таких цепях носятся колты всех техник: эмали, черни, скани и зерни (рис. 14: 3, 9, 14). Постепенно меняется застежка и крепления рясна: известны случаи, когда она имеет по концам две цепочки, или присоединяется к колту с помощью маленькой петельки (рис. 14: 3). Сужению рясна соответствует появление концевой колодочки треугольной формы, что в свою очередь обуславливает одинарность рясенной цепи (рис. 14: 14, 19).

Иногда используются раздвоенные рясна, углом подходящие к колту. Такое крепление рясен из колодочек зафиксировано в кладе из Старой Рязани 2005 г. (рис. 14: 19). Аналогичная рясенная лента, углом подходящая к колту, хорошо видна на головном уборе Десиславы на фреске в Боянской церкви (рис. 14: 24). Реконструкцию ношения колтов на двух цепях из колодочек предлагает В.И. Якубовский по кладовым материалам Болоховской земли (Якубовский 2003: рис. 95). Треугольные колодочки рясенных цепей оформляются в геометрическом, кринообразном и завитковом строгом стилях (рис. 14: 19–21). Позже окончание становится полуквадрифолийным в соответствии с переменной в форме рясен для эмалевых колтов (рис. 14: 4, 23). Уборы дают интересные примеры сочетания рясен из колодочек и трехбусинных украшений (рис. 14: 19, 23). Крупные трехбусинные кольца могли выполнять роль концевой привески (рис. 14: 15, 16). Реконструкция рясен-цепей для черневых колтов из клада в Старой Рязани 2005 г. показывает совмещение трехбусинной ленты и раздвоенных рясен-цепей из колодочек. Петлеобразно сложенная тканая тесьма с пришитыми трехбусинными дужками первоначально была, вероятно, присоединена концами к дужке колта между двумя треугольными колодочками. На дужке колтов остались обрезанные пришитые петли из этой тесьмы (рис. 14: 19a). Между треугольными колодочками находились остатки кожи. Трехбусинные кольца, очевидно, плотно примыкали к кожаной детали, поскольку на ней сохранились хорошо-читаемые отпечатки скано-зерненной орнаментации бусин (рис. 14: 19b). Остатки кожи сохранились и на обороте колодочек. Такой способ ношения соединяет традиции русской ленточной трехбусинной ленты и новой колодочковой рясны.

В итоге тиснение предлагает еще один тип рясен-цепей в виде цепочки из подквадратных звеньев с мелким рифлением, еще более универсальный и подвижный, подходящий к любому головному убору и колтам (рис. 14: 10, 22).

Различные ювелирные техники на протяжении второй половины XII в. — первой трети XIII в. все более сочетаются с развитым металлическим декором. Важную роль здесь играет развитие тиснения, становящегося к этому времени самостоятельным видом ювелирной техники. Тиснение не только используется для изготовления корпуса и деталей украшений других техник, но формирует оригинальные типы украшений. Помимо цепей-рясен создаются ожерелья из кринообразных подвесок и накладные бляшки на одежду (рис. 15: 16–25). Стилистическое развитие тисненых изделий аналогично развитию эмалевых и филигранных. На первом этапе тисненные изделия характеризуются геометризованностью (рис. 15: 16, 18). Затем в них торжествует растительный стиль, который в данном случае наиболее правомерно назвать кринообразным, поскольку подвески имеют форму изящно изогнутого крина (рис. 15: 17, 20). На завершающих стадиях наблюдается утрированно-растительный и пышный стиль (рис. 14: 24, 25).

В начале XII в. наиболее ранние формы ожерелья из медальонов с христианскими сюжетами сохраняют традиции гривны с жестким креплением звеньев и мониста с гибким креплением и трубчатыми или пластинчатыми ушками медальонов и подвесок (рис. 15: 1, 6–8). В середине столетия складывается

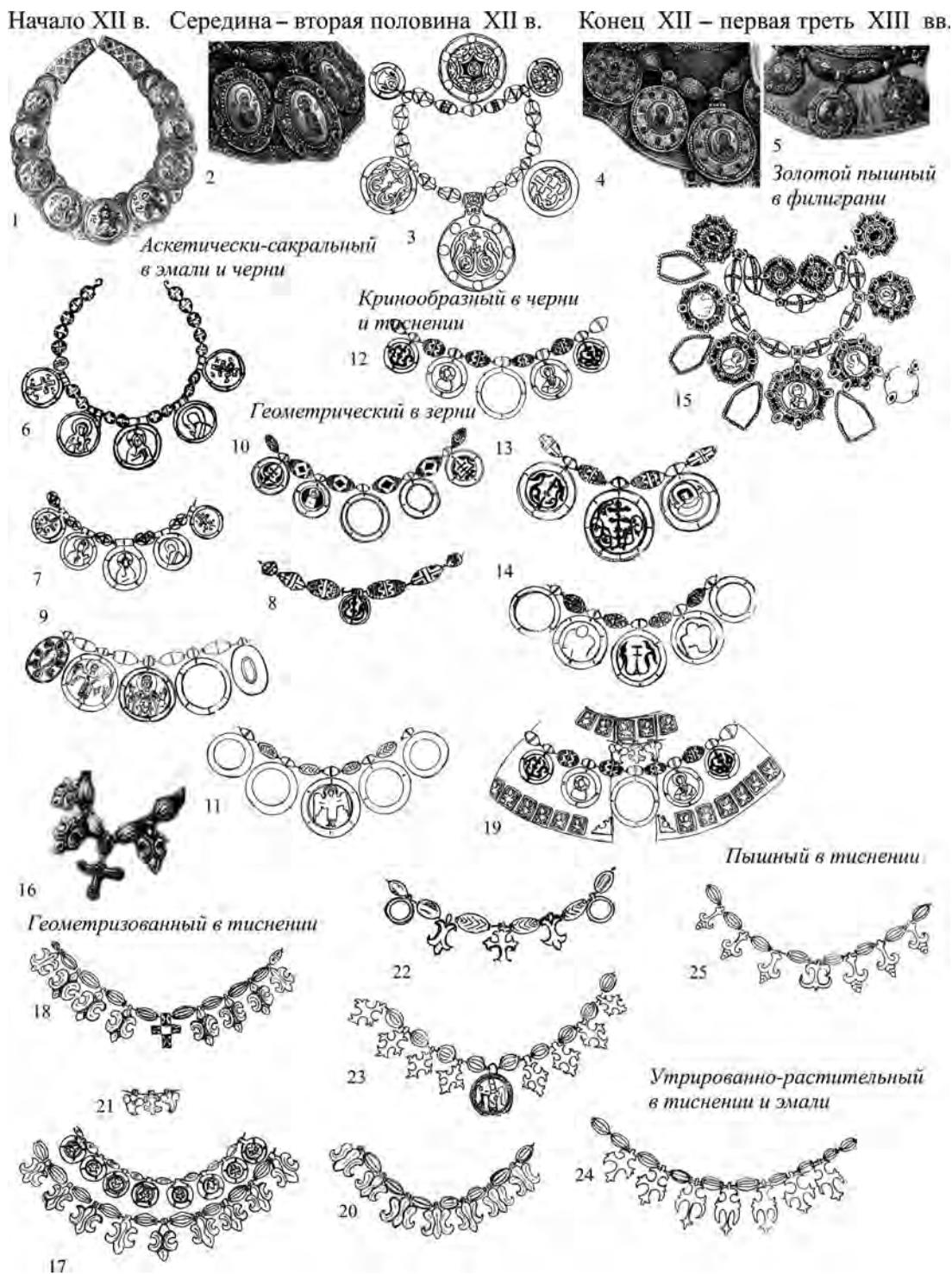

Рис. 15. Ожерелья XII в. — первой трети XIII в. (варианты реконструкций): 1 — Каменный Брод Киевской губ., 1903 г.; 2 — Киев, Михайловский монастырь, 1824 г.; 3 — Исады, Суздаль, 1851 г.; 4 — Старая Рязань, 1822 г.; 5, 15 — Сахновка Киевской губ., 1900 г.; 6, 7 — Старая Буда Киевской губ., 1908 г.; 8, 13 — Владимир, 1837 г.; 9 — Киев, ул. Стрелецкая, 1939 г.; 10 — Старая Рязань, 1970 г.; 11, 22 — Владимир, 1865 г.; 12, 19, 21 — Старая Рязань, 1868 г.; 14 — Москва, 1988 г.; 16, 20 — Киев, Михайловский монастырь, 1903 г.; 17 — Киев, усадьба Орлова, 1901 г.; 18 — Киев, усадьба Лескова, 1876 г.; 23 — Владимир, 1993 г.; 24, 25 — Киев, 1949 г. 1, 6, 8, 16 — начало XII в.; 2, 3, 9–12, 17–23 — середина-вторая половина XII в.; 4, 5, 13–15, 24, 25 — конец XII — первая треть XIII в. 1, 2, 6, 7, 9 — аскетически-сакральный стиль в эмали и черни; 8, 10 — геометрический стиль в зерни; 16, 18, 21 — геометризованный стиль в тиснении; 3, 12–14, 20, 22, 23 — растительный (кринообразный) стиль в черни и тиснении; 4, 5, 15 — золотой пышный стиль в филигрании; 25 — пышный стиль в тиснении; 14 — утрированно-растительный стиль в тиснении и эмали

ожерелье из медальонов с ушком в виде бусины и крупных бусин между медальонами, способствующих правильному расположению медальонов на широком оплечье (рис. 15: 2–4, 9–14). На завершающем этапе, в конце XII — первой трети XIII в. ожерелье входит в ансамбль тканевого оплечья, почти сливаясь с ним. Этому способствует ушко медальонов, оформленное в виде каста (рис. 15: 5, 15).

Таким образом, начало XII в. связано с сакрально-аскетическим (геометризованным) стилем в эмали и черни и тиснении, строгим — в скани, остатками линейно-геометрического стиля в зерни. Середина столетия связана с кринообразным стилем в эмали, черни и тиснении, геометрическим в зерни. В конце XII и первой трети XIII в. развивается утрированно-растительный стиль в эмали, плетеный в черни, пышный стиль в филигрании. Каждому стилю соответствуют определенные типы украшений².

Литература

- Бычков 1991 — *Бычков В.В.* Малая история византийской эстетики. Киев, 1991.
- Голубева 1949 — *Голубева Л.А.* Киевский некрополь // МИА. № 11. 1949.
- Григорьев 2000 — *Григорьев А.В.* Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.
- Гущин 1936 — *Гущин А.С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Л., 1936.
- Жилина 1997 — *Жилина Н.В.* Древнерусские рясна // Истоки русской культуры. М., 1997.
- Жилина 1998 — *Жилина Н.В.* Трехбусинные украшения древнерусских кладов XII–XIII вв. (типология, эволюция, технология и орнаментика) // Культура славян и Русь. М., 1998.
- Жилина 2001 — *Жилина Н.В.* О различии убора, воссоздаваемого по древнерусским кладам и погребениям // Звенигородская земля. История. Археология. Краеведение. Звенигород, 2001.
- Жилина 2002а — *Жилина Н.В.* Эволюция древнерусского металлического убора в IX–XI вв. // История и культура Ростовской земли. Ростов, 2002.
- Жилина 2002б — *Жилина Н.В.* Русский ювелирный убор // Родина. № 11–12. М., 2002.
- Ибн-Фадлан 1939 — Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии под ред. И.Ю. Крачковского. М.; Л., 1939.
- Каргер 1958 — *Каргер М.К.* Древний Киев. Т. I. М.; Л., 1958.
- Корзухина 1954 — *Корзухина Г.Ф.* Русские клады. М.; Л., 1954.
- Макарова 1975 — *Макарова Т.И.* Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975.
- Макарова 1986 — *Макарова Т.И.* Черное дело Древней Руси. М., 1986.
- Макарова 2005 — *Макарова Т.И.* Зарайский клад и проблема наследия в ювелирном деле восточных славян в XI столетии // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005.
- Мельник 1901 — *Мельник Е.Н.* Раскопки в земле лучан, произведенные в 1897–1898 гг. // Труды XI АС в Киеве. Т. I. Киев, 1901.
- Равдина 1988 — *Равдина Т.В.* Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М., 1988.
- Розенфельдт 1974 — *Розенфельдт И.Г.* Северный мыс городища Старая Рязань // Археология Рязанской земли. М., 1974.
- Рыбаков 1987 — *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Самоквасов 1915 — *Самоквасов Д.Я.* Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского у. Курской губ., произведенных в 1909 г. М., 1915.
- Успенская 1993 — *Успенская А.В.* Березовецкий могильник X–XII вв. // Средневековые древности Восточной Европы / Труды ГИМ. Вып. 82. М., 1993.
- Халикова 1976 — *Халикова Е.А.* Большой Тиганский могильник // СА. № 2. 1976.
- Шинаков 1980 — *Шинаков Е.А.* Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. № 3. 1980.
- Хвойко 1904 — *Хвойко В.В.* Раскопка могильника при с. Броварки // Труды Московского археологического общества. Древности. XX. 2. М., 1904.
- Якубовський 2003 — *Якубовський В.* Скарби Болохівської землі. Кам'янець-Подільський, 2003.
- Dekan 1980 — *Dekan J.* Moravia Magna. Bratislava, 1980.
- Dostál 1966 — *Dostál B.* Slovanská pohřebiště ze střední doby hradištní na Morave. Praha, 1966.

² В иллюстративных таблицах к статье использованы известные публикации вещей в работах исследователей (Корзухина 1954; Гущин 1936; Жилина 2002б; Макарова 1975 и 1986; Якубовський 2003), рисунки художника Олега Федорова и прорисовки автора статьи. Иллюстрации публикуются в авторской компоновке и художественной редакции.

И.Е. Зайцева (Москва)

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЮВЕЛИРНОГО ДЕЛА В ГОРОДАХ ДРЕВНЕЙ РУСИ¹

Поводом для обращения к вопросу об организации ювелирного дела в городах Древней Руси стал планиграфический и стратиграфический анализ производственных комплексов по обработке цветных металлов, открытых в городах «земли вятичей» Спас-Городке XI–XIV вв. и Серенске XIII в. (рис. 1). Оба эти города относятся к категории так называемых «малых» городов, выделенной А.В. Кузой (Куза 1989).

Городище Спас-Городок расположено на р. Оке в 2 км выше впадения в нее р. Угры. Город состоял из двух укрепленных частей: детинца площадью 3 тыс. кв. м и окольного города площадью около 900 кв. м, а также неукрепленных посадов. На детинце археологически исследовано 372 кв. м (Никольская 1980). В его северо-западной части около вала открыта производственная зона по обработке черного и цветного металлов. Здесь на участке площадью около 40 кв. м обнаружен мощный черный слой, насыщенный углем, обожженными камнями и кусками шлака. В слое находились развалы глинобитных сыродутных горнов. Около одного горна размерами 200 x 170 см располагалась предгорновая яма, заполненная отходами железоделательного производства. Здесь найдены несколько непрокованных криц шаровидной формы. Очевидно, в горне производились какие-то работы и с цветным металлом: на его глиняном основании были обнаружены бронзовая игла и сероглиняная льячка. Автор раскопок Т.Н. Никольская датирует это сооружение XI веком (Никольская 1980: 109). На этом же участке в слоях домонгольского и более позднего времени находились остатки еще не менее двух–трех горнов (Никольская 1981: 217).

В 4–6 м к юго-востоку от горнов исследована домонгольская двухкамерная землянка, в одном из помещений которой размерами 3 x 1,4 м на глубине 1,5 м от поверхности горизонта обнаружен развал глинобитной печи (сооружение 3). На полу собрано 16 фрагментов медных пластин от сосудов, в том числе и явные обрезки, железный молоток. Здесь же находились два скопления мелких полностью разложившихся и неопределимых бронзовых предметов. Т.Н. Никольская считает данную постройку мастерской (Никольская 1980: 111–112).

Более яркие свидетельства работы с цветными металлами получены при раскопках другого «малого» города, расположенного в «Земле вятичей» — Серенска. Серенское городище находится на высоком правом берегу р. Серены, притоке р. Жиздры. В нем топографически выделяются детинец, окольный город и посад. Детинец занимает площадь около 2500 кв. м. Окольный город площадью около 4 га располагается к югу от детинца. За окольным городом находился неукрепленный посад площадью более 25 га и пригородные села. В результате археологических работ детинец исследован на площади 1600 кв. м, что составляет около 65 % его территории (Никольская 1981: 139).

Анализ летописных сообщений в контексте с рассмотрением политической ситуации в Черниговском княжестве XII–XIII вв. приводят к убеждению, что Серенск был специально построен как крепость, охраняющая северо-восточные пределы княжества и обеспечивающая путь из Черниговской земли на Северо-Восток (Куза 1989: 84). Обилие предметов вооружения, собранных в культурном

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 06-01-00181а.

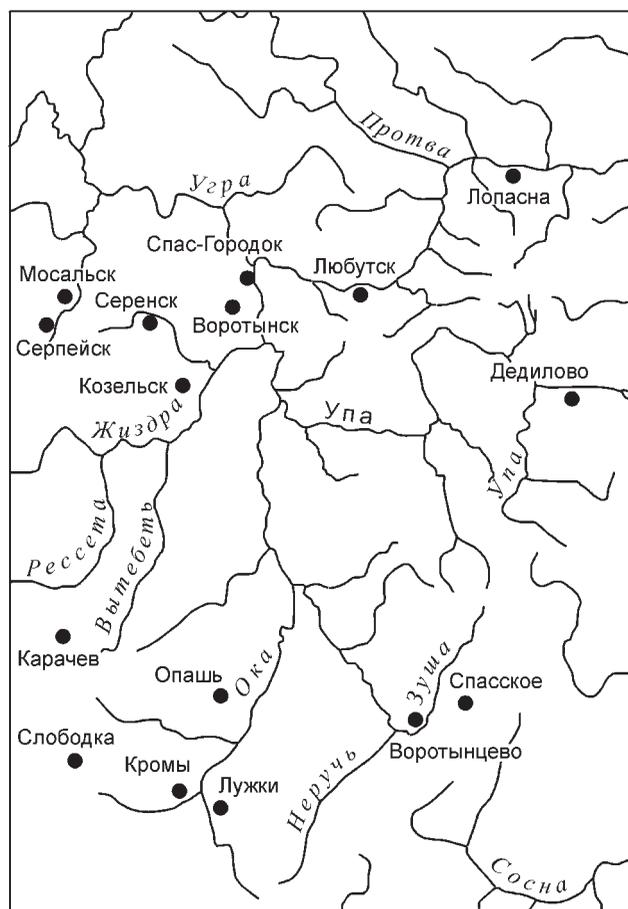

Рис. 1. Города «земли вятичей»

слое детинца, свидетельствует о том, что в крепости располагался воинский гарнизон. В 10–30-е годы XIII в. Серенск принадлежал, вероятно, Михаилу Всеволодовичу, князю Черниговскому, который стал в 30-е гг. великим Киевским князем.

В юго-западном углу Серенского детинца в горизонте первой половины XIII в. исследован крупный многопрофильный ремесленный комплекс (рис. 2). Он вплотную примыкал к валу и располагался на площади около 750 кв. м. На его территории зафиксированы остатки шести сооружений (рис. 3). В одном из них размещался производственный горн, в трех других сооружениях с печами обнаружены свидетельства ремесленной деятельности и в двух постройках без печей таких свидетельств нет. Серенский горн был кузнечным сыродутным, т.е. с принудительной подачей воздуха. Такие горны открыты на многих древнерусских городищах — на детинцах и посадах (Колчин 1985: 246), в т.ч., на городских усадьбах среди жилой застройки, например, в Рязани (Даркевич, Борисевич 1995: 156, 160).

Принадлежность сооружений серенской мастерской к единому комплексу доказывается тем, что они относятся к одному хронологическому периоду и расположены компактно, а также производственным характером находок, собранных как в постройках, так и на пространстве между ними — на участке двора. Археологически фиксируемых пределов двора выявить не удалось, и поэтому его примерные границы могут быть восстановлены планиграфически по распространению находок и включений, связанных с производственной деятельностью и зафиксированных в соответствующих пластах.

Так, в постройке, где находился горн, обнаружены 5 крупных кусков железного шлака шаровидной формы и крица, большое количество железных изделий: стрелы, гвозди, ножи, замки и ключи. В расположенной рядом постройке 12 найдены 9 железных криц, 44 ножа, 21 наконечник стрел, 11 поясных колец, 12 ключей, 11 цилиндрических замков, многие из которых были покрыты листовой медью. С площади мастерской собрано еще более 10 криц, 30 целых и фрагментированных замков, 33 железные пряжки, 43 отдельные пластины от панциря. Можно полагать, что многие изделия, например, наконечники стрел, детали конской упряжи, пластинчатые доспехи, ножи, замки и ключи, были изготовлены в мастерской. Мастерские, подобные серенской, производящие

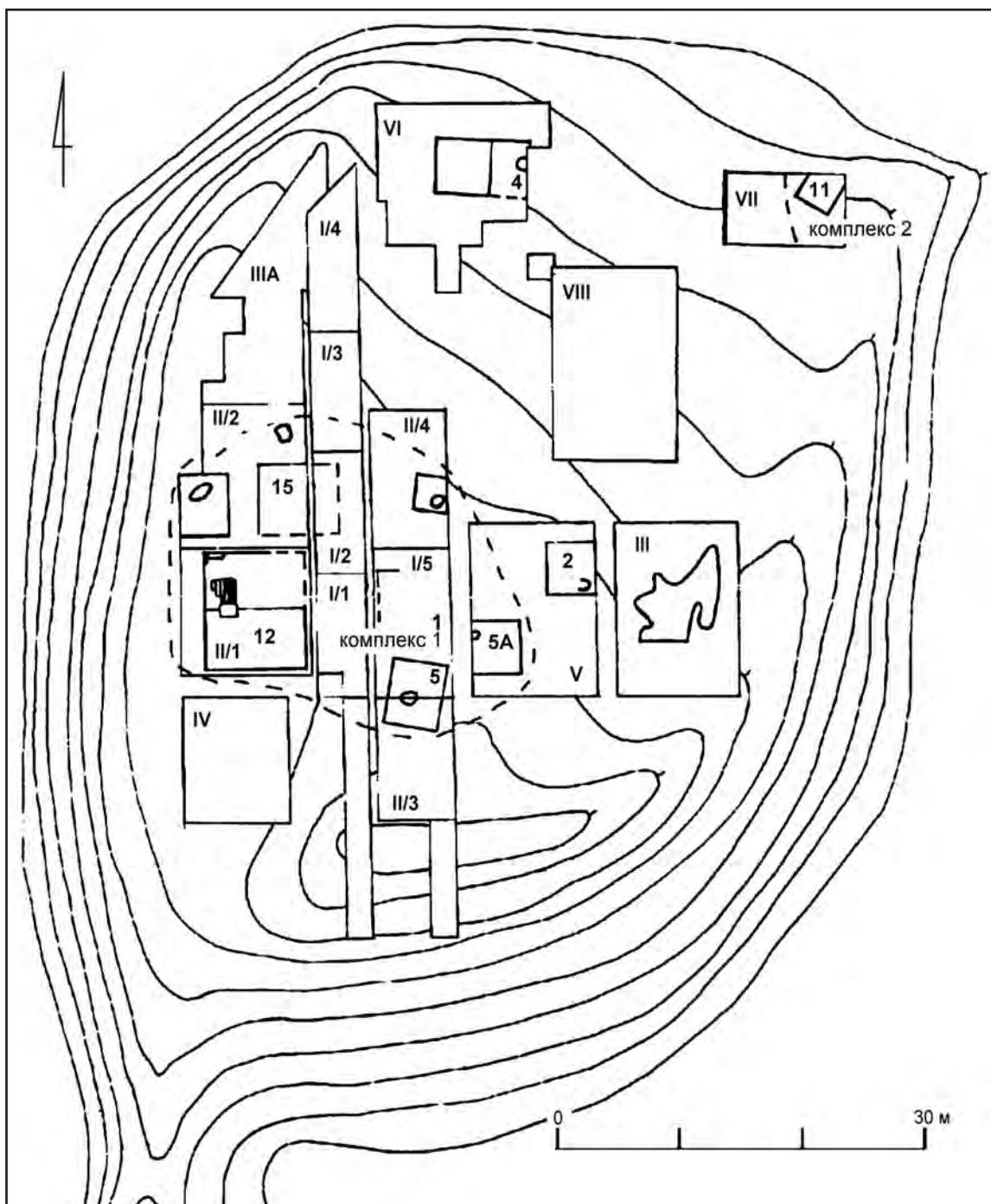

Рис. 2. Детинец Серенского городища. План горизонта 2 (первая половина XIII в.)

как железные предметы вооружения, так и бытовой инвентарь, открыты и в других древнерусских крепостях, например, на Райковецком городище, Княжей Горе и др. (Гончаров 1950: 85–86; Мезенцева 1968: 65–66).

Исследуя железные обтянутые медью замки из Слободки, Л.С. Розанова установила, что на железный корпус замка припаивались тонкие орнаментированные медные пластинки. Она полагает, что тонкий и сложный характер этих работ, знание техники пайки «сближали мастерство кузнецов-замочников с ювелирным» (Розанова 1987: 157). В Серенске изготовление замков и их обтяжка медью осуществлялись в одной мастерской. Мастерская, сочетающая работы по изготовлению ювелирных изделий с обтяжкой замков медью, открыта на Киевском детинце (Каргер 1958: 387–388).

На территории рассматриваемого нами производственного комплекса обнаружены два скопления обломков стеклянных браслетов. Общее количество фрагментов браслетов составляет более 6000 единиц. 70 % всех фрагментов оплавлены и деформированы. Тем не менее, достоверных свидетельств изготовления стеклянных браслетов в Серенске пока не получено. В качестве гипотезы можно предположить, что обломки браслетов использовались для выделки стеклянных вставок или для производства эмалей.

Многочисленные находки, обнаруженные по всей площади мастерской, свидетельствуют и о развивавшемся здесь ювелирном производстве. Это 16 бронзовых матриц, свинцовая подкладная подушка для тиснения, створки каменных литейных форм, зубила, бородки, чеканы и полировники, два железных паяльника, лучковое сверло, четыре экземпляра тисочков, конусовидный тигель и другие инструменты, а также многочисленные остатки сырья.

Работавшие здесь ювелиры изготавливали высококачественные украшения из серебра и бронзы, прежде всего, для удовлетворения запросов княжеского окружения и городских жителей. Это щитковые и квадрифолийные перстни, колты, створчатые браслеты, крупные бусы и др. Для распространения среди окрестного сельского населения в большом количестве производились бронзовые витые и плетеные браслеты.

Таким образом, как и ювелирные мастерские многих «малых» городов, ремесленные комплексы Серенска и Спас-Городка занимают периферийные участки детинцев около валов укреплений. Такая же топографическая ситуация отмечена в Изяславле, Листвене (Коваленко 1990: 160), Любече, Вышгороде (Голубева 1968: 25), Райковецком городище (Гончаров 1950: 102) и др. Наряду со специальными производственными сооружениями, ювелирные работы зафиксированы в жилых постройках и на участках дворов.

Обращаясь к проблемам организации и функционирования древнерусского ремесла, исследователи отмечают его узкую специализацию, начиная уже с XII–XIII вв. Особенно это касается одной из самых элитных отраслей ремесла — ювелирного дела (Седова 1996: 414). Подобное заключение базируется как на изучении самой природы ремесла, необходимости овладеть довольно значительным объемом специальных знаний и навыков (Шапова 1988: 179), так и на анализе упоминаний ремесленных профессий в письменных источниках (Макарова 1988: 99–100). Узкая специализация чаще всего связывается с мастерской, производящей 1–2 вида продукции (Седова 1996: 414; Макарова 1988: 101–102). Наиболее радикальную позицию в этом вопросе занимал американский исследователь Т.С. Нунан, проанализировавший динамику функционирования мастерских различного профиля в Киеве в домонгольское время. В тех случаях, когда открытые производственные комплексы представляют более одного вида ремесла, он или рассматривает их в своих подсчетах как различные мастерские, или выбирает наиболее представительный, с его точки зрения, род занятий их обитателей (Нунан 1998: 298). Отечественные исследователи тоже, зачастую, склонны «вырезать» из контекста комплекса мастерской материалы, связанные непосредственно с ювелирным делом, оставляя за пределами анализа остальные виды производств.

Между тем, детальное рассмотрение городских производственных комплексов, в рамках которых изготавливались украшения, показывает, что многие из них были многоотраслевыми. Чаще всего с ювелирным делом в них сочетались обработка черного металла, янтаря, живописные работы, работы со стеклом и эмалями. И если последние четыре вида деятельности не кажутся странными и неуместными в соседстве с обработкой драгоценных и цветных металлов, то изготовление железных вещей в этом контексте, на первый взгляд, представляется маловероятным. Такая посылка исходит из представления о связи мастерской с одним сооружением и одним мастером, работающим или в одиночку, или с учениками (Шапова 1988: 180). Соседние постройки с остатками близкой по характеру ремесленной деятельности рассматриваются как разные мастерские, даже если они располагаются в пределах одной усадьбы (см., например, Даркевич, Борисевич 1995: 150–153). Мастерские, сочетающие в своей деятельности обработку и цветного, и черного металлов, считаются, таким образом, более свойственными деревенскому ремеслу с его неразвитой технологией, ограниченным рынком сбыта и невысокими запросами потребителей (Стоксова 1954: 195; Голубева 1968: 33).

Тем не менее, анализ конкретных комплексов мастерских, открытых в древнерусских городах, показывает, что многие из них состояли из нескольких сооружений. Для производственных целей использовалось также открытое пространство двора. Работа с черным и с цветным металлами велась зачастую в одних и тех же стенах при помощи одних и тех же печей. Так, в одной из мастерских киевского Подола осуществлялась кузнечная обработка железа, изготовление стали, работы с золотом и эмальерное дело (Ивакин, Степаненко 1985: 97–99). Кроме Серенска и Спас-Городка подобные мастерские открыты в Смоленске у подножия Соборной горы (Асташова 1990: 94), на Южном городище Рязани (Даркевич,

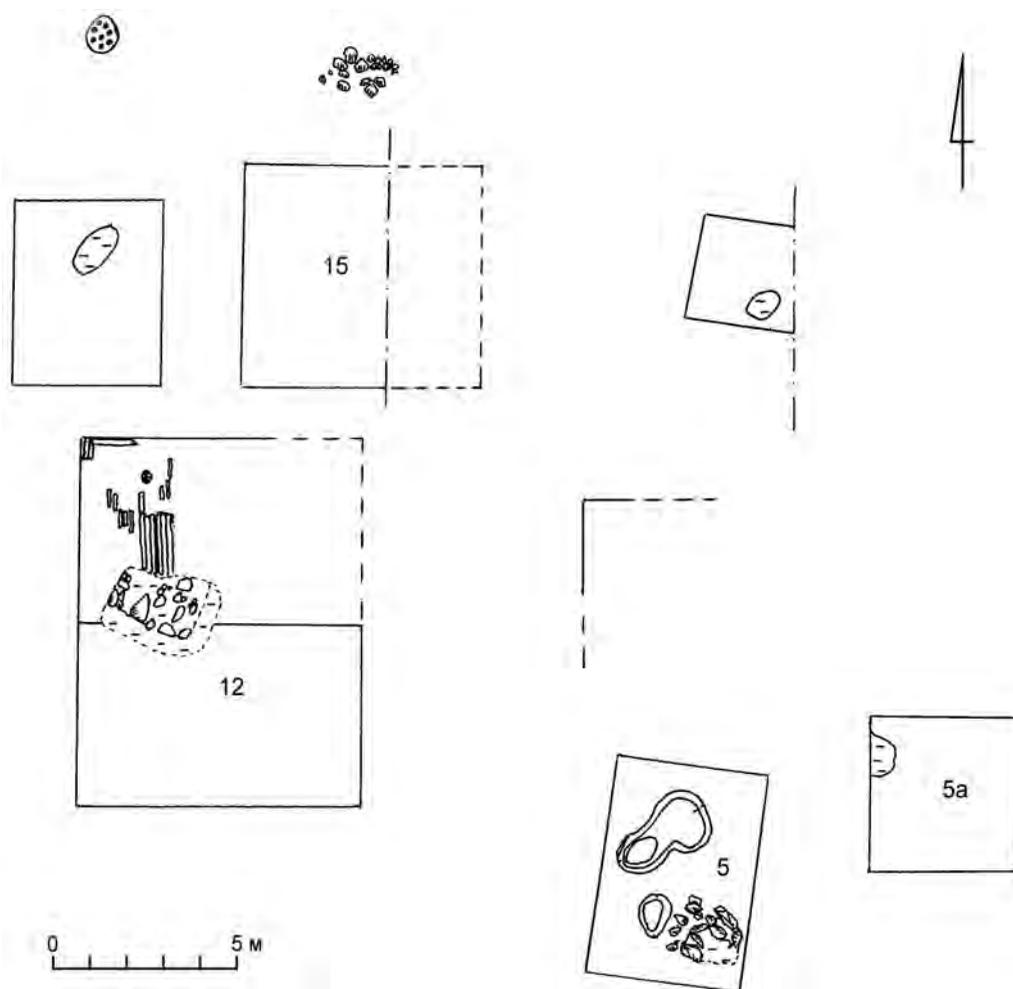

Рис. 3. Многопрофильный ремесленный комплекс в юго-западной части Серенского детинца. План

Борисевич 1995: 155–159), Среднем городе Пскова (Королева 1992: 27–32; Королева 2003: 223), в детинце и на посаде Киева (Боровский, Калюк 1993: 27; Ивакин, Степаненко 1985: 94–101; Зоценко, Брайчевська 1993: 94–94 и др.), детинцах Вышгорода (Голубева 1968: 25–33; Ивакин, Степаненко 1985: 104), Райковецкого городища (Гончаров 1950: 103), Листвена (Коваленко 1990: 160), Дмитрова (Рыбаков 1948: 209), в Тушкове. Менее выразительны материалы из Белоозера (Голубева 1973: 121–122) и Суздаля (Седова 1997: 80), однако, и они позволяют говорить о совместном существовании в одних комплексах и на одних участках разных направлений металлообработки. Как видно из приведенного перечня мастерских, многие из них располагались в крупных и даже столичных городах с богатыми ремесленными традициями, развитой специализацией мастеров и высоким уровнем развития ювелирного дела. Часть открытых комплексов принадлежала владельческому вотчинному производству, однако многие мастерские относились к свободному городскому ремеслу. Наиболее яркие примеры таких комплексов на сегодняшний день открыты в западной части Киевского Подола (Ивакин, Степаненко 1985: 94–104; Зоценко, Брайчевська 1993: 43–103) и Среднем городе Пскова (Королева 1992: 27–32).

Сочетание в одних мастерских различных видов металлообработки, как справедливо отмечал Б.А. Рыбаков, является свидетельством не примитивности, а наоборот, высокого уровня функционировавшего в них производства (Рыбаков 1948: 507). В этих комплексах, состоящих зачастую из нескольких производственных помещений, работали мастера различных узких специальностей: кузнецы по железу, в том числе инструментальщики, литейщики и ювелиры, резчики форм, мастера по стеклу и т.п. Вместе с ними трудились подмастерья, ученики и подсобные рабочие.

Организатором производства был сам мастер-хозяин, нанимающий работников, купец, а также князь или боярин. Мастерские Серенска по своему статусу являлись владельческими вотчинными (Куза 1989: 126). Изготовление ювелирных изделий, особенно из драгоценных материалов, требовало обеспечения

мастера дорогостоящим сырьем и гарантированным сбытом готовой продукции. А потому этот вид ремесленной деятельности более других был связан с высокими покровителями-заказчиками — князьями и аристократией (Коваленко 1994: 137–138). Мастерские разных профилей находились и в пределах каждого многоусадебного боярского клана в Новгороде. Это, по мнению В.Л. Янина, способствовало не только удовлетворению непосредственных потребностей клана, но и включению его в рыночные отношения, что обеспечивало дополнительный доход и создавало фундамент стабильности (Янин 2003: 69).

Самые ранние многопрофильные мастерские, относящиеся к IX–X вв., открыты на древнерусской территории в Старой Ладогe, в Гнёздово и на Крутике (Рябинин 1994: 25; Ениосова 1999: 11–12; Голубева 1991). Ремесленный участок этого же времени по обработке железа и цветных металлов исследован во внутренней части древнеудмуртского городища Иднакар (Иванова 1998: 43–48). Остальные комплексы датируются более поздним временем, преимущественно, начиная с XII в.² Их возникновение, очевидно, нужно связывать с широким развитием рынка, отмечаемым многими исследователями в XII в. (Рыбаков 1948: 521; Колчин 1985: 243 и др.), и его конъюнктурой. Подобные мастерские могли изготавливать достаточно обширный ассортимент продукции, быстро и гибко реагировать на возникающие потребности рынка и его заказы.

Таким образом, развивающиеся в непосредственной связи и взаимозависимости рыночные отношения и ремесленная специализация вызывали к жизни разные типы организации производства: от небольших мастерских, специализирующихся на стандартизованном изготовлении ограниченного ассортимента однотипных изделий, до крупных многопрофильных комплексов, способных выпускать большое количество разнообразной по материалу, технологии изготовления и номенклатуре продукции.

В более позднее время многопрофильное производство отмечается исследователями, в основном, во владельческом, вотчинном секторе экономики. Свободное городское ремесло развивается преимущественно по пути создания узкоспециальных производств (Макарова 1988: 103). Археологически изучены многопрофильные комплексы XIV–XV вв. в Москве на территории Кремля³ и в Занеглименье (Беленькая 1967: 123).

Литература

- Асташова 1990 — *Асташова Н.И.* Ювелирное ремесло и изделия из цветного металла средневекового Смоленска // Проблемы археологии Евразии / Труды ГИМ. Вып. 74. М., 1990.
- Беленькая 1967 — *Беленькая Д.А.* Остатки металлургического производства в Белом городе (Москва) // КСИА. Вып. 110. 1967.
- Голубева 1968 — *Голубева Л.А.* «Квартал металлургов» в Вышгороде // Славяне и Русь. М., 1968.
- Голубева 1973 — *Голубева Л.А.* Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973.
- Голубева 1991 — *Голубева Л.А.* Литейное дело на поселении Крутик в Белозерье // Материалы по средневековой археологии Северо-восточной Руси. М., 1991.
- Гончаров 1950 — *Гончаров В.К.* Райковецкое городище. Киев, 1950.
- Ениосова 1999 — *Ениосова Н.В.* Ювелирное производство Гнездова (по материалам курганов и поселения). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.
- Даркевич, Борисевич 1995 — *Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.
- Даркевич, Пуцко 1981 — *Даркевич В.П., Пуцко В.Г.* Произведения средневековой металлопластики из находок Старой Рязани (1970–1978 гг.) // СА. № 3. 1981.
- Зоценко, Брайчевська 1993 — *Зоценко В.М., Брайчевська О.А.* Ремісничий осередок XI–XII ст. на Київському Подолі // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984–1989. Київ, 1993.
- Ивакин, Степаненко 1985 — *Ивакин Г.Ю., Степаненко Л.Я.* Раскопки северо-западной части Подола в 1980–1982 гг. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. Киев, 1985.
- Иванова 1998 — *Иванова М.Г.* Иднакар. Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск, 1998.
- Каргер 1958 — *Каргер М.К.* Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958.
- Коваленко 1990 — *Коваленко В.П.* Вотчинные мастера-ювелиры в городах Чернигово-Северской земли // VI Международный конгресс славянской археологии. Тезисы докладов советской делегации. М., 1990.

² Только на посаде Киева открыты мастерские, одна из которых существовала непрерывно с рубежа X–XI до середины XIII в. (Ивакин, Степаненко 1985: 105), а другая со второй половины XI в. (Зоценко, Брайчевська 1993: 98).

³ Устное сообщение д.и.н. Т.Д. Пановой.

- Коваленко 1994 — *Коваленко В.П.* Майстерня ювеліра XIII ст. на дитинці Любеча // Старожитності Русі-України. Київ, 1994.
- Колчин 1985 — *Колчин Б.А.* Ремесло // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.
- Королева 1992 — *Королева Э.В.* К вопросу о ювелирных мастерских в средневековом Пскове (по материалам археологических раскопок в Среднем городе) // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1991. Материалы научного симпозиума. Псков, 1992.
- Королева 2003 — *Королева Э.В.* Ювелирные ремесленные комплексы средневекового Пскова // Псков в российской и европейской истории. Т. 1. М., 2003.
- Куза 1989 — *Куза А.В.* Малые города Древней Руси. М., 1989.
- Макарова 1988 — *Макарова Т.И.* К вопросу об организации ремесла в древнерусских городах // Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. М., 1988.
- Мезенцева 1968 — *Мезенцева Г.Г.* Древньоруське місто Родень (Княжа гора). Київ, 1968.
- Никольская 1980 — *Никольская Т.Н.* К пятисотлетию «стояния на Угре» // СА. № 4. 1980.
- Никольская 1981 — *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. М., 1981.
- Нунан 1998 — *Нунан Т.С.* Возникновение Киева как важного европейского торгового и ремесленного центра домонгольского периода // АВ. № 5. 1998.
- Розанова 1987 — *Розанова Л.С.* Изучение технологии железных изделий // *Никольская Т.Н.* Городище Слободка XII—XIII вв. М., 1987.
- Рыбаков 1948 — *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948
- Рябинин 1994 — *Рябинин Е.А.* У истоков ремесленного производства в Ладоге (к истории общебалтийских связей в предвизингскую эпоху) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994.
- Седова 1996 — *Седова М.В.* Изделия новгородских ремесленников-ювелиров X—XV вв. (по данным археологии) // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI—XV века. М., 1996.
- Седова 1997 — *Седова М.В.* Суздаль в X—XV веках. М., 1997.
- Стоксова 1954 — *Стоксова Н.Н.* Древнерусское литейное дело. Автореферат дис. ... канд. ист. наук М., 1954.
- Шапова 1988 — *Шапова Ю.Л.* Древнерусское ремесло: структура, передача производственного опыта // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 2. Киев, 1988.
- Янин 2003 — *Янин В.Л.* Древний Новгород (70 лет новгородской археологии. Итоги и перспективы) // Псков в российской и европейской истории. Т. 1. М., 2003.

Н.М. Калашикова (Санкт-Петербург)

СЕМИОТИКА И СЕМАНТИКА ДРЕВНЕРУССКИХ СТВОРЧАТЫХ БРАСЛЕТОВ

Многозначность древнерусской одежды представляет собой широкое исследовательское поле, в котором особенно интересен металлический убор (комплекс разнообразных предметов, в том числе украшений), связанный с отдельными этапами развития древнерусской истории. Через определенные семиотические знаки, какими, по мнению автора, являются тип изделия, способы декорирования предмета, материал из которого он выполнен, частота встречаемости с другими украшениями, удастся выявить специфические функции металлического убора. Так, для второй половины XI – первой половины XIII вв. исследователи выделяют металлический убор из серебра с гравировкой на черневом фоне. Он включал витые и плетеные гривны, церемониальные цепи из серебряных колодочек, ожерелья из подвесок, медальонов и серебряных бус, очелья из аграфов, колты и серьги, перстни-печатки, витые и створчатые браслеты-наручи (Бочаров 1984: 143–147; Мовчан и др. 2002: 16–18; Седова 1981: 116–121; Уткин 1970: 31–32).

Предметный состав женского парадного убора XI–XIII вв. в настоящее время хорошо известен исследователям. Споры о том, каким образом закреплялись или на каких местах располагались такие предметы как колты, колодочки, церемониальные цепи, скобочки и аграфы не прекращаются и поныне. Среди названных предметов и створчатые браслеты-наручи, которые женщины носили на запястьях рук, как бы охватывая ими сверху длинные, сильно присборенные рукава одежды. В случае, когда рукава были спущены (освобождены от браслетов), они, по-видимому, намного превосходили длину руки. Такая одежда с длинными рукавами зафиксирована на одном из створчатых браслетов (Рябцева 2005: рис. 133: 5). Вероятно, подобные одежды носили ритуальный характер, что подтверждает момент, запечатленный на миниатюре Радзивилловской летописи, где изображены танцы во время русалий.

В XV–XVII в. рубахи с длинными рукавами, по свидетельству иностранцев, посещавших Россию, были хорошо известны: «Они носят рубашки, со всех сторон затканые золотом, рукава их, сложенные в складки с удивительным искусством, часто превышают длину 8–10 локтей (до 4 м); сборки рукавов, продолжающиеся сцепленными складками до конца руки, украшаются изящными и дорогими запястьями» (Корб 1906: 220). Возможно, в то время запястьями служили не металлические, а накладные тканые браслеты-наручи, известные по коллекциям ГИМ (Москва), РЭМ (Санкт-Петербург) и других музеев России.

Судя по этнографическим материалам, обрядовые рубахи с длинными рукавами (долгорукавки) были распространены на Русском Севере, в Центральной и местами Южной России (XVIII–XIX вв.). В русской деревне они служили праздничной (ритуальной) одеждой, которую невесты надевали на девичник, при исполнении свадебных причитаний (Маслова 1956: 600–618; Соснина, Шангина 1998: 73–74). Существовало несколько способов ношения рубах-долгорукавок: рукава собирали в мелкие горизонтальные складки, закрепляя их у запястья узкими браслетами из ткани, либо прорезали на рукаве (горизонтально) отверстие для кисти при том, что сам рукав спускался вниз. Во время танцев и свадебных причитаний невеста распускала рукава долгорукавки во всю длину, «всплескивала» руками, плакала, пела печальные песни. Об обычае плясать «спустя рукава»

свидетельствует и фольклорная традиция о царевне-лягушке, из которой следует, что длинный рукав мог служить и своеобразным женским карманом, и орудием колдовства.

Таким образом, несомненно, ритуальный характер одежд с длинными рукавами позволяет предположить и особенное назначение створчатых браслетов-наручей, применявшихся при их ношении и являвшихся определенным семиотическим знаком происходивших действий.

Анализ изображений на створчатых браслетах XII–XIII в., происходящих из Киева, Владимира, Чернигова, Рязани и Новгорода, дает возможность не только фиксировать отдельно стоящие фигуры, орнаментальные композиции, но и позволяет трактовать смысловое содержание жанровых сцен (в том числе, возможно, и ритуальные обрядовые действия), говорить об их семантическом значении (Бочаров 1984: 143–147; Брайчевская 1988: 185–192; Даркевич, Монгайт 1967: 215, 217, 221).

Особый ряд составляют браслеты с изображением людей и фантастических животных. Расшифровка этих сцен принадлежит Б.А. Рыбакову, объяснявшему избранную тематику применением браслетов на свадьбах или других празднествах (Рыбаков 1965: 72–73). Так, анализируя рисунки на киевском браслете, где в арочках помещены фигуры птицы, зайца и женщины с распущенными волосами, исследователь пришел к выводу о том, что они символичны и имеют отношение к свадебному обряду (Рыбаков 1981: 436–437). Сюжет на браслете из Тверского клада Б.А. Рыбаков (Рыбаков 1967: 112–126), а вслед за ним В.М. Василенко и М.Г. Рабинович (Василенко 1977: 303–304; Рабинович 1986: 52, 57–58, 60) трактуют как свадебные игрища или русалии. По нашему же представлению, эти изображения могут быть расшифрованы по иному, для чего подробно рассмотрим створчатый браслет из Тверского клада XII в., найденного в 1906 г. (Тверской клад 1915: табл. II: 2). Этот браслет давно привлекает внимание исследователей (Рыбаков 1951: 432; Рыбаков 1965: 72–73; Вагнер 1964: 115). Он состоял из двух (кованых) серебряных пластин, скрепленных шарнирами, и был украшен гравированными изображениями, расположенными в два яруса (рис. 1). Каждая створка наруча разделена на три части накладными арочками. На одной створке (левой) вверху изображены три человеческие фигуры, на другой (правой) — завиток растительного характера, фантастическое существо и зверь с процветшим хвостом. В нижних частях створок, во втором ярусе, соответственно выгравированы три растительные и три плетеные композиции.

В центре левой створки (с изображениями людей) помещен мужчина в рубахе и штанах, лицо его повернуто в профиль, ноги широко расставлены, правая рука с вытянутым указательным пальцем поднесена ко лбу, а левая опущена вниз. Человек, изображенный справа от него, сидит, положив одну руку на колени и держа в другой руке кубок. Человек, выгравированный слева, с сосудом в левой руке стоит, а правой рукой касается фантастического существа, имеющего собачью (волчью) голову, две лапы, «птичьи» крылья и «рыбьего» типа хвост. Обе фигуры (возможно, женские), стоящие по бокам в длинных одеждах, обращены лицами к друг к другу.

В центре правой створки изображено существо с головой и руками человека, но со звериным туловищем. При этом лицо и туловище существа повернуто в профиль, торс — анфас; левая рука с поднятым указательным пальцем поднесена ко лбу, а правая прижата к груди. Справа от него, под арочкой, выгравирован зверь с процветшим хвостом, слева — растение (возможно дерево жизни).

Б.А. Рыбаков считает, что на этом браслете изображено жертвоприношение языческому богу Симарглу-Переплуту (Рыбаков 1967: 112). Так исследователь называет фантастическое существо с головой собаки, крыльями птицы и длинным хвостом, рассматривая его в качестве покровителя семян, растений и корней. Г.К. Вагнер представляет этого персонажа как символа мудрости (Вагнер 1964: 115).

Обратимся к трактовке Б.А. Рыбаковым остальных изображений. Исследователь рассматривает только левую створку наруча, не учитывая целостности композиции. Думается, что браслет, состоящий из двух створок, представляет собой единое целое не только как предмет, но и как смысловая композиция. Так, например, можно заметить, что жесты фигур, помещенных в центре обеих створок, одинаковы — это рука, поднесенная ко лбу. Сходные по композиции, эти изображения разнятся лишь тем, что на одной створке изображен человек, а на другой — человеко-зверь. Б.А. Рыбаков характеризует это кентаврообразное существо следующим образом: «...у кентавра нет конских признаков: лапы у него мягкие, без копыт, с когтями, хвост ближе к львиному, чем конскому» (Рыбаков 1967: 111). Хотелось бы отметить, что на Руси такое кентаврообразное существо имело свое название — Китоврас (Вагнер 1964: 115). Наличие подобного персонажа наталкивает на мысль о сюжете, для выяснения которого следует обратиться к литературным источникам. Наибольшей известностью пользуется широко распространенное в «восточном и западном мире» сказание о «Соломоне и демоне»: в Иудее этот демон —

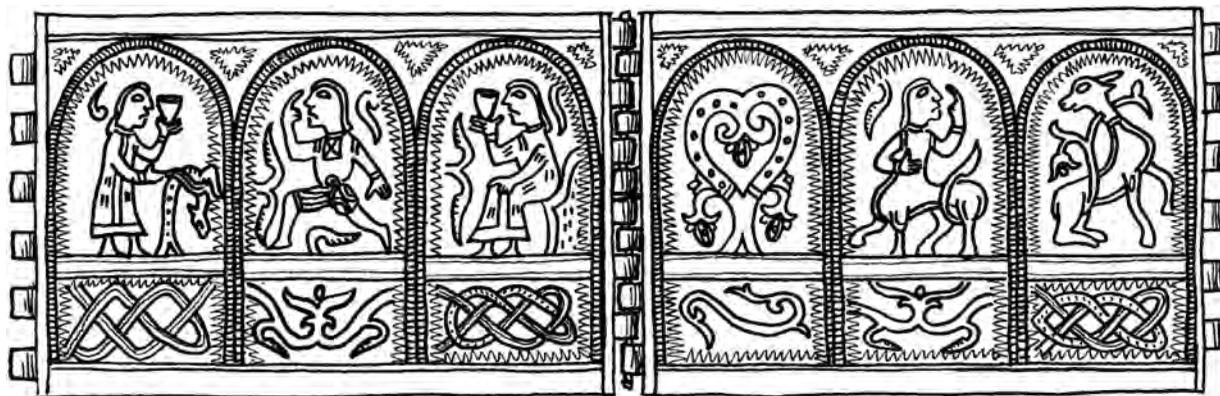

Рис. 1. Браслет из Тверского клада 1906 г. (рисунок Ю.Ю. Пиотровского)

Асмодей, в Западной Европе — Морольф и Мерлин в Древней Руси — Китоврас (Веселовский 1872: 8). На Руси существовало два сюжета, связанных с именем Китовраса:

1. об увозе Китоврасом жены Соломона;
2. о том, как Китоврас, обитающий в пустыне, был пойман Соломоном.

Второй сюжет имеет два варианта и, на наш взгляд, может быть прямо отнесен к изображениям на створках браслета Тверского клада. В повести о Соломоне под названием «Притча царя Соломона о цари Китоврасе» говорится: «Обычай же той имея царь во дни царствует над людьми, а в ночи обращается зверем Китоврасом и царствует над зверьми...» (Пыпин 1854—1855: 283).

О чудесном существе, исполненном мудрости и провидения, говорится и в другой повести о Китоврасе, из которой следует, что умный Китоврас был обманут людьми, подосланными Соломоном, которые наполнили вином и медом кладези, откуда обычно Китоврас пил воду. Когда же Китоврас выпил содержимое и опьянел, они заковали его сонного в оковы и доставили к Соломону, которому он был нужен, чтобы посоветовать, как тесать камни без помощи железа для постройки храма (Буслаев 1861: 715).

Вернемся к изображениям на тверском браслете, где на одной створке выгравирован человек с поднятой ко лбу рукой, а на другой — Китоврас, в той же позе. Отметим, что на левой створке даны изображения только людей, как бы подтверждающие слова о царстве днем над людьми, а на правой створке изображен Китоврас, ночью царствующий над растениями и животными. Важно отметить, что обе фигурки расположены в центре створок, как бы подтверждая композиционно смысловой подтекст сюжета. Об этом же свидетельствуют одинаковые орнаментальные композиции, помещенные во втором ярусе, под центральными фигурами. Думается, что совпадение смыслового и геометрического центра композиции также говорит в пользу нашего предположения.

По мнению Б.А. Рыбакова, главным персонажем изображений на браслете является фантастическое существо (бог Симаргл-Переплут), помещенное в углу левой створки и не выделенное ни размером, ни положением. С нашей точки зрения, этот персонаж, по-видимому, может восприниматься лишь как атрибут того человека, рядом с которым он находится, а вся композиция обращена к центру, т.е. к Китоврасу.

Вместе с тем, несмотря на соответствие в основном текста письменных источников с рисунками на створчатом браслете, имеются и существенные различия. Так, например, по-разному трактуется момент опьянения. По сюжету повести, Китоврас опьянел, напившись меда и вина из кладезей, которые наполнили люди Соломона, а на браслете изображены фигуры (люди) с кубками в руках, при этом трудно утверждать, пьют ли они сами из них или подносят напиток кому-либо другому.

Думается, что сюжетная композиция на Тверском браслете имеет не только иллюстративный, но и символический характер, отражающий основной смысл произведения. Поэтому изображения людей, подносящих кубки, следует рассматривать не как простую иллюстрацию, а как попытку обобщить целую серию определенных действий, направленных на достижение поставленной цели (поймать Китовраса), обозначив это соответствующими символическими знаками (в том числе, фигуры с различными атрибутами: кубки и пр.). Кроме того, необходимо учитывать, что в нашем исследовании мы обращались к сравнительно позднему литературному источнику XV в., в то время как появление сюжета о Китоврасе на Руси восходит к более раннему периоду (Пыпин 1854—1855: 283), а, следовательно, возможны уточнения в деталях сюжета.

Таким образом, створчатый браслет из Тверского клада можно рассматривать как семиотический предмет, маркировавший ритуальную древнерусскую одежду, а изображения на нем трактовать как семантическую композицию, отвечающую легенде о Китоврасе, известной по восточнославянским спискам Толковой палеи и различного рода сборникам XV–XVI вв.

Литература

- Бочаров 1984 — *Бочаров Г.Н.* Художественный металл Древней Руси. М., 1984.
- Брайчевская 1988 — *Брайчевская Е.А.* О содержании изображения на браслете из клада у с. Городище Хмельницкой обл. // СА. № 2. 1988.
- Буслаев 1861 — *Буслаев Ф.И.* Историческая хрестоматия. М., 1861.
- Вагнер 1964 — *Вагнер Г.К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. М., 1964.
- Василенко 1977 — *Василенко В.М.* Русское прикладное искусство. М., 1977.
- Веселовский 1872 — *Веселовский А.Н.* Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872.
- Даркевич, Монгайт 1967 — *Даркевич В.П., Монгайт А.Л.* Старорязанский клад 1966 г. // СА. № 2. 1967.
- Корб 1906 — *Корб И.Г.* Дневник путешествия в Московию (1668, 1669). СПб., 1906.
- Маслова 1956 — *Маслова Г.С.* Народная одежда русских, украинцев, белорусов в XIX — начале XX вв. // ТИЭ. Т. XXXI. 1956.
- Мовчан, Боровский, Гончар 2002 — *Мовчан И., Боровский Я., Гончар В.* Клады Древнего Киева // Древний мир. История, археология, нумизматика. № 3. Киев, 2002.
- Пыпин 1854–1855 — *Пыпин А.И.* Старинные сказки о царе Соломоне. СПб., 1854–1855.
- Рабинович 1986 — *Рабинович М.Г.* Древнерусская одежда IX–XIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы (Материалы к историко-этнографическому атласу). М., 1986.
- Рыбаков 1965 — *Рыбаков Б.А.* Языческая символика русских украшений XII в. // Тезисы докладов сов. делегации на 1-м Междунар. конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965.
- Рыбаков 1967 — *Рыбаков Б.А.* Русалии и бог Симаргл-Переплут // СА. № 2. 1967.
- Рыбаков 1981 — *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981.
- Рябцева 2005 — *Рябцева С.С.* Древнерусский ювелирный убор. СПб., 2005.
- Седова 1981 — *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) М., 1981.
- Тверской клад 1915 — Тверской клад 1906 г. // ЗОРСА. Т. XI. 1915.
- Уткин 1970 — *Уткин П.И.* Русские ювелирные украшения. М., 1970.
- Соснина, Шангина 1998 — *Соснина Н., Шангина И.* Русский традиционный костюм: Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 1998.

Н.Б. Крыласова (Пермь)

ФЛАКОНОВИДНЫЕ ПРОНИЗКИ-ИГОЛЬНИКИ ПРИКАМСКОГО ТИПА

Первая работа, в которой выделяется и классифицируется такая категория предметов материальной культуры, как игольники, принадлежит Л.А. Голубевой (Голубева 1978). Исследовательница отмечает, что игольник — это один из древнейших элементов материальной культуры. Поскольку в странах умеренного и холодного климата первостепенной необходимостью являлась теплая одежда, иглы и футляры для них — игольники — известны еще с эпохи палеолита (Голубева 1978: 199). Как известно по этнографическим материалам, игольники обычно входили в состав женских принадлежностей для шитья, однако ими могли пользоваться и мужчины, надолго покидая дом в сезон охоты (Шутова 1992: 41).

Л.А. Голубева проанализировала игольники X–XIV вв., распространенные на территории севера Восточной Европы, и пришла к выводу, что среди них выделяются две основные группы: вертикальные игольники, характерные для всего Севера Европы, и горизонтальные, которые присущи, прежде всего, населению Приладожья, Белозерья, Костромского Поволжья. Накопленный к настоящему времени археологический материал позволяет в некоторой степени уточнить выводы Л.А. Голубевой. К примеру, в отношении территории распространения вертикальных и горизонтальных игольников сейчас можно с уверенностью утверждать, что горизонтальные игольники можно считать «западными», а вертикальные — «восточными», характерными, в основном, для населения Урала и Сибири, где они сохранялись вплоть до недавнего времени. Исключение составляют, пожалуй, только вертикальные игольники шестого типа по Л.А. Голубевой в виде конусовидной трубочки со своеобразным щитком сбоку (игольники в виде ножен), которые имеют прибалтийско-финское происхождение (Голубева 1978: 200; Голубева 1997: 156).

Вертикальные игольники, по мнению Л.А. Голубевой, являются наиболее древними, почти повсеместно с глубокой древности известны игольники из трубчатых костей или остья пера птиц (Голубева 1978: 199). Д.Н. Анучин зафиксировал особенность использования вертикальных игольников. Он приводит описание чукотских игольников из обрезков трубчатых костей животных, а в более совершенной форме — в виде медных цилиндров. Через такую трубочку пропускался мягкий ремешок с узлом внизу, который не позволял ей соскочить с ремешка; в узел втыкались иголки, и, когда иголка понадобится, чукчанка бралась за трубочку, вытягивала узел и доставала иголку, после чего снова вдергивала ремешок в трубочку, которая и прикрывала таким образом иголки (Анучин 1899: 249–250). Вертикальные игольники, изготовленные из трубчатой кости животных, реже из бронзы, были широко распространены и у удмуртов в XVI–XIX веках (Шутова, 1992: 40). Использование их было таким же, как и у сибирских народов (энцев, нганасан, обских угров, ненцев и т.д.): удмуртки подвешивали вертикальный игольник к поясу, сквозь него продевали кожаный шнурок или тесьму, в которую втыкали иголки. Трубочка могла свободно скользить по ремешку вверх и вниз. Для того, чтобы игольник удерживался на ремешке, к его нижнему концу иногда прикрепляли кольцо или ажурную бляху. В иных случаях нижний конец ремешка завязывали толстым узлом или по аналогии с игольниками сибирских народов затыкали пробкой из кусочков дерева или комочков березовых стружек (Шутова 1992: 40).

В целом игольники, по мнению Л.А. Голубевой, являются элементом финно-угорской культуры; для славян, например, они не свойственны (Голубева 1978: 204).

У финно-угров игольник, как и многие другие утилитарные бытовые предметы (кресала, копоушки, гребни и пр.), со временем приобрел характер важного магического предмета. В составе элементов убранства женского костюма игольники играли роль амулетов заклинательной магии (Голубева 1997: 155). Представление об особых свойствах игольников сохранились в какой-то степени вплоть до этнографического времени. Возможно, особое значение игольника определялось тем, что у большинства финно-угорских народов одним из самых распространенных универсальных оберегов являлись швейные иглы. Коми, например, использовали иглы-обереги, чтобы гарантировать себя от случайностей (Сидоров 1928: 126). Для обских угров в игольнице был запечатлен женский «дух». У тромъеганских хантов приношением на святилище игольницы отмечалось рождение каждой девочки. В угорских мифах с помощью игольницы героини нередко приобретали сверхъестественные способности. Игольница, принесенная в жертву, связывала хантыйских женщин с богиней Эвыт ими (Головнев 1995: 282–283).

Вероятно, именно особое сверхъестественное значение футляров для игл обусловило распространение у финно-угров игольников из цветных металлов, которые занимали определенное место в женском костюме и наряду с утилитарной выполняли магическую и эстетическую функции.

В Пермском Предуралье встречаются и совсем примитивные игольники, например на Рождественском и Анюшкарском городищах обнаружены полые косточки птиц и пушных зверьков с отверстием для привешивания, внутри некоторых из них находились костяные иглы. В погребении № 2 Важгортского могильника встречен игольник в виде полого железного бруска (Генинг, Голдина 1970: табл. 28: 8). По классификации Л.А. Голубевой, эти игольники отнесены к четвертому типу. Они наиболее характерны для могильников Удмуртского Предуралья. В Варнинском могильнике в женском погребении VIII–IX вв. внутри такого игольника находились железные иглы (Голубева 1978: 199–200). На поселениях известны трубчатые орнаментированные костяные игольники как в виде простой трубочки (такие игольники у удмуртов встречаются вплоть до XIX в. (см. Шутова 1992: 41), так и в виде футляра с крышкой, которые скреплялись друг с другом при помощи ремешков, продернутых в отверстия футляра и крышки. Эти игольники были распространены в кочевнических древностях юго-востока Европы с IX в., в Прикамье в IX–XII вв., в Волжской Булгарии в XI–XIV вв., в угорских древностях (Голубева 1978: 200; Иванова 1998: рис. 81: 1–8, 82: 2,3,6; Руденко 2005: 71–72). Л.А. Голубева отнесла такие игольники к пятому типу, в который, согласно ее классификации, вошли и бронзовые игольники аналогичной конструкции (Голубева 1978: 200), в большом количестве представленные в музеях Пермского края. К сожалению, все имеющиеся бронзовые игольники данного типа происходят из дореволюционных сборов, до сих пор ни один из них не обнаружен в датированном культурном слое, поэтому дату их, по-прежнему, установить невозможно.

Вероятно, ошибочным было выделение Л.А. Голубевой третьего типа вертикальных игольников, к которому она отнесла широко распространенные в Среднем Предуралье бронзовые пронизки. Особенности их использования хорошо прослеживаются в материалах могильников. Нанизанные на кожаный шнурок, пронизки входили в состав поясных привесок и украшений нагосников. Внутренний канал у них, как правило, настолько узкий, что сомнительно, чтобы в нем помимо шнурка помещались еще и иглы. Возможно, к западу от Предуралья, где такие пронизки встречаются у пояса по одному экземпляру (Голубева 1978: 199), они выполняли функцию амулетов, поскольку известно, что многие предметы прикамского происхождения (зооморфные гребни, биконьковые подвески, амулеты-ложечки, наборные пояса, биметаллические кресала и многое другое) наделялись особым магическим значением.

Широкое распространение в Пермском Предуралье получил еще один тип вертикальных игольников, который не попал во внимание Л.А. Голубевой, — т. н. флаконовидные пронизки. Впервые мысль о том, что они являлись не только украшением, но использовались в качестве футляров для игл, высказал Д.Н. Анучин (Анучин 1899: 249–250). И действительно, наличие внутри многих из этих пронизок спекшегося железа (например, в Рождественском могильнике) свидетельствует о том, что внутри могли находиться стальные иглы. Иногда нижний край заполнен разложившимся кусочком древесины (пробка?).

Флаконовидные пронизки распространены повсеместно на ломоватовско-родановских памятниках с конца VII по XIV вв. Они имеют форму пустотелого приплюснутого флакона в виде прямоугольника или вытянутой трапеции. Эти пронизки использовались преимущественно в женском костюме, как показал анализ погребений, они подвешивались к поясу или на правую косу (Крыласова 2001: 74, 99). Их представительная коллекция продолжает пополняться новыми находками (рис. 1: 11, 30)

По способу изготовления флаконовидные пронизки делятся на две группы.

Группа 1 — литые из бронзы. Изготавливались из двух половинок, отлитых в двусторонней форме.

Подгруппа 1.1 — флаконовидные пронизки прямоугольной формы размерами 2–3 x 5,5–7,5 см. Отлитые отдельно половинки пронизок соединены штифтами. Сохранившиеся кожаные шнуры на некоторых экземплярах показывают, что для их подвешивания использовались сомкнутые или несомкнутые кольца в верхней части изделия, а шнур, проходивший внутри пронизки, вероятно, служил для крепления игл.

Тип 1.1.1 — верхняя часть пронизки выполнена в виде двух несомкнутых колец (якорька). Представлены в коллекции Теплоуховых (рис. 1: 1).

Тип 1.1.2 — верхняя часть пронизки выполнена в виде двух сомкнутых колец. Представлены в погр. № 13а и 55 Деменковского (рис. 1: 2–3; см. Голдина 1985: табл. XXII: 31–32), погр. № 23 Редикарского могильника (рис. 1: 4, раскопки И.А. Лунегова, ЧКМ).

Флаконовидные пронизки данной подгруппы наиболее широко были распространены в неволинской культуре в конце VII–VIII вв., где их встречено около трех десятков. В их орнаментальных композициях используются круги, косой крест, плетенка, продольные и поперечные линии, насечки (Голдина, Вололага 1990: 84, табл. XLI: 19–34, табл. LXVIII: 42–43).

Подгруппа 1.2 — флаконовидные пронизки подтрапецевидной формы размерами 2–2,5 x 6–6,5 см. Устье выполнено в виде короткой трубочки, чаще всего покрытой гладкими горизонтальными поясками.

Тип 1.2.1 — не шумящие.

Подтип 1.2.1.1 — тулово пронизки покрыто вертикальными полосками, относительно длинная трубочка имеет два вздутия, как у хорошо известных в прикамских древностях трубчатых пронизок. Происходит из погр. № 18 Урынского могильника (рис. 1: 5 — см. Генинг, Голдина 1970: табл. 50: 8).

Подтип 1.2.1.2 — тулово пронизки оформлено прорезным орнаментом в виде решетки, образованной ромбами и треугольниками.

Вариант а — без дополнительной орнаментации (рис. 1: 6–11, 15–16). Это наиболее распространенный вариант флаконовидных пронизок. Они бытовали с VIII до середины XI в., известны на ряде могильников: Деменковском, Урынском, Мало-Аниковском, Баяновском, Загарском (Голдина 1985: табл. XXII: 34–35), Степаново Плотбище (раскопки А.В. Данича, ПОКМ), Рождественском, Огурдинском (раскопки Н.Б. Крыласовой, БХИМ), Телячий Брод (раскопки А.М. Белавина, ЛАИ ПГПУ); городищах Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц, ЛАИ ПГПУ), Рождественское (раскопки А.М. Белавина, ЛАИ ПГПУ), Майкорское (музей с. Майкор), на Ершатском селище (разведка Н.Б. Крыласовой, ЛАИ ПГПУ), у д. Харино (коллекция Теплоуховых, ПОКМ) и других памятниках.

Вариант б — центральная часть с ажурным решетчатым орнаментом обрамлена декоративной полосой с насечками (рис. 1: 12–13). Такие пронизки происходят с Вакинского селища (коллекция Теплоуховых, ПОКМ) и Рождественского могильника (раскопки Н.Б. Крыласовой, ПОКМ).

Вариант в — ажурная решетка дополнена прочерченным решетчатым орнаментом, по контуру решетки — полоса, заполненная выпуклыми наклонными овалами (рис. 1: 14, Рождественский могильник, раскопки Н.Б. Крыласовой, ПОКМ).

Вариант г — перемычки решетки и рамка вокруг нее покрыты имитацией зерни (рис. 1: 17–18, д. Мальцево и с. Кылосово, коллекция Теплоуховых, ПОКМ).

Подтип 1.2.1.3 — не прорезное тулово пронизок украшено решетчатым орнаментом, образованным из гладких ромбов и треугольников с имитацией зерни (рис. 1: 19–21). Известны на Анюшкаре, Антыбарском могильнике (Г.Т. Ленц, ЛАИ ПГПУ), Рождественском городище (подъемный материал, музей школы с. Рождественка).

Подтип 1.2.1.4 — не прорезное тулово пронизок орнаментировано в центральной части композицией из скобковидных линий, образующих «елочку».

Вариант а — без дополнительной орнаментации (рис. 1: 22, Рождественское городище, коллекция Теплоуховых, ПОКМ).

Вариант б — центральная композиция обрамлена по бокам линиями из имитации зерни (рис. 1: 23, Рождественский могильник, раскопки Н.Б. Крыласовой, ПОКМ).

Вариант в — центральная композиция обрамлена двойным валиком, гладким или с косыми насечками (рис. 1: 24–26). Анюшкар (раскопки М.В. Талицкого, Эрмитаж), Вакинское селище (коллекция Теплоуховых, ПОКМ), могильник Степаново Плотбище (раскопки А.В. Данича, ПОКМ).

Тип 1.2.2 — флаконовидные пронизки с шумящими привесками.

Подтип 1.2.2.1 — по размерам аналогичны пронизкам предыдущего типа, орнаментация подобна варианту в подтипа 1.2.1.4. На боковых сторонах пронизки имеется по две петли, в двух из них со-

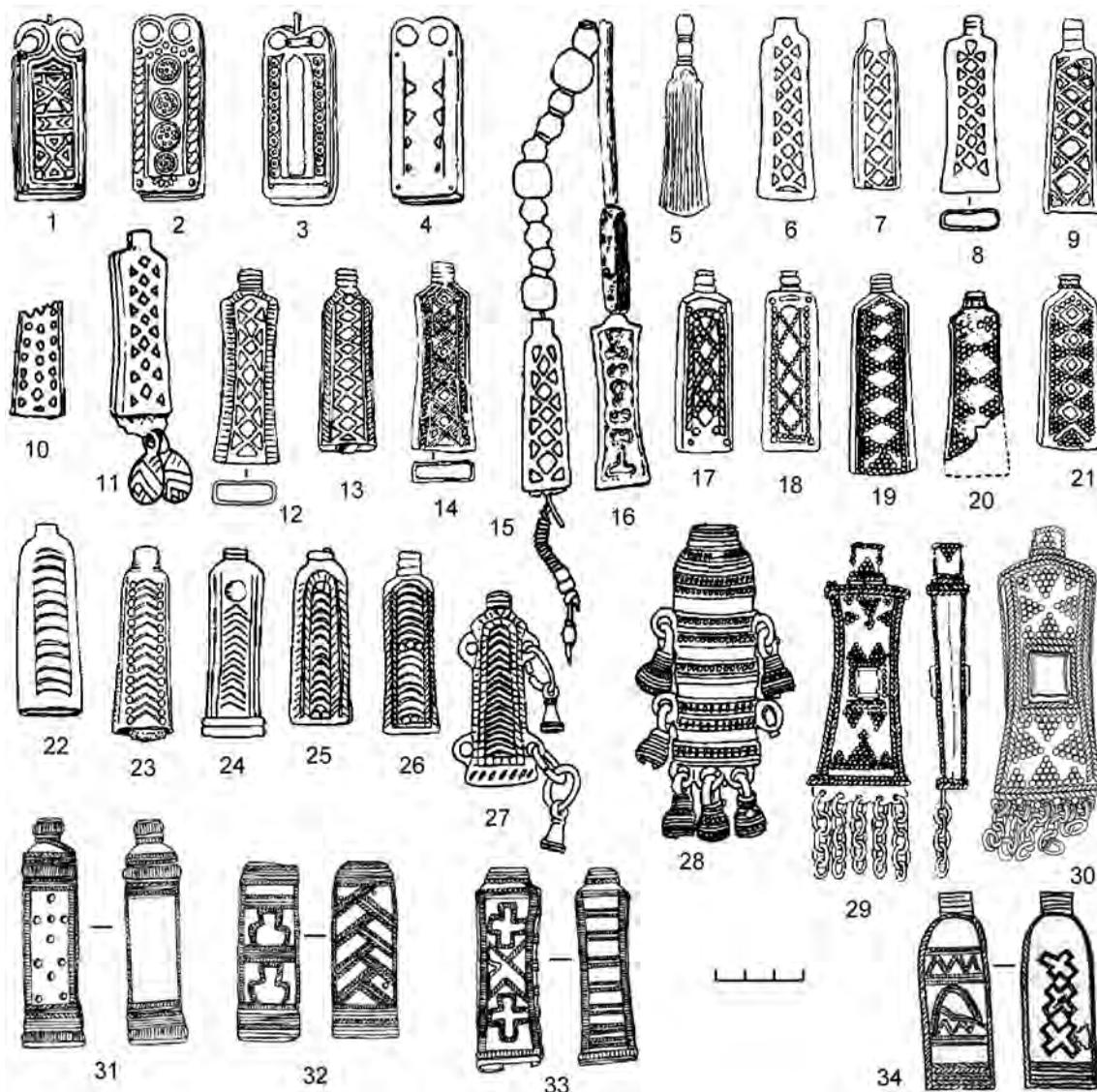

Рис. 1. Флаконовидные пронизки-игольники: 1 — коллекция Теплоуховых, место находки неизвестно; 2, 3 — Деменковский могильник (2 — погр. 55, 3 — погр. 13а); 4 — Редикарский могильник, погр. 23; 5, 16 — Урынский могильник (5 — погр. 18, 16 — погр. 19); 6 — Огурдинский могильник, погр. 123; 7 — д. Харино; 8, 12, 14, 23 — Рождественский могильник (8 — 10 экз., 12 — 2 экз.); 9 — Майкорское городище; 10, 19, 24 — городище Анюшкар; 11, 30 — Прикамье, место находки неизвестно; 13, 25 — Вакинское селище (13 — 3 экз.); 15 — д. Загарье; 17 — д. Мальцево; 18 — с. Кылосово; 20, 22, 27 — Рождественское городище; 21, 34 — Антыбарский могильник; 26 — могильник Степаново Плотбище; 28 — с. Калино; 29 — Лекмартовский клад; 31 — д. Трошата; 32 — д. Трапезникова; 33 — Аннинская волость на р. Весляне

хранились привески в виде простых колокольчиков (рис. 1: 27, Рождественское городище, раскопки А.М. Белавина, ЛАИ ПГПУ).

Подтип 1.2.2.2 — пронизка отличается более крупными размерами 3 x 8 см. Тулово ее покрыто горизонтальными поясками — гладкими, с насечками, с имитацией зерни. По бокам тулова расположено по две петли для привесок, три петли — внизу. В качестве привесок присутствуют цилиндрические колокольчики, также сплошь покрытые горизонтальными поясками. Такая орнаментация типична для прикамских украшений второй половины XI–XIV вв. (рис. 1: 28, коллекция Теплоуховых, ПОКМ).

Группа 2 — выполненные в ювелирной технике. Тулово пронизок изготовлено из гладкой пластины и оформлено в технике филигрانی.

Тип 2.1 — не шумящие бронзовые и серебряные прорезные пронизки, орнаментированные сканью. В некоторых случаях фон тулова позолочен. По размерам пронизки данного типа аналогичны пронизкам

предыдущей группы, однако они менее приплюснутые, иногда почти квадратные в сечении. Орнаментация всех изделий индивидуальна, но выполнена в едином стиле: ряды скани обрамляют обе стороны пронизки, вверху и внизу — в несколько рядов, в центре размещены орнаментальные композиции.

Вариант а — орнаментальная композиция состоит из маленьких отверстий, размещенных в форме крестов: вверху — прямого, внизу — косоуго. Обратная сторона — гладкая (рис. 1: 31, городище у д. Трошата, коллекция Теплоуховых, ПОКМ).

Вариант б — в основе орнаментальной композиции прорези в виде крестов (прямых, косых, или в сочетании тех и других), обрамленные сканью. Оформление обратной стороны во всех случаях индивидуально (рис. 1: 32–34). Такие предметы происходят из д. Трапезниковой, Аннинской волости на р. Весляне (коллекция Теплоуховых, ПОКМ), Антыбарского могильника XII–XIII вв. (раскопки Г.Т. Ленц, ЛАИ ПГПУ).

Тип 2.2 — серебряные ювелирные шумящие пронизки с привесками (рис. 1: 29, Лекмартовский клад, БХИМ; рис. 1: 30 — депаспортизованная находка). Тулово с обеих сторон украшено янтарными вставками в квадратном шатоне, обрамленном зернью и сканью. Тулово и трубочка орнаментированы треугольниками зерни и обрамлены парными рядами скани, фон позолочен. С лицевой стороны пронизки в нижней части расположена пластина с пятью отверстиями, в которых крепятся цепочки. По характеру декоративного оформления пронизка датируется XII–XIII вв.

Таким образом, флаконовидные пронизки-игольники появились в Пермском Предуралье на рубеже VII–VIII вв. Наиболее ранняя подгруппа этих изделий была заимствована у соседей — населения бассейна р. Сылва (неволинская культура), но уже вскоре появилась собственная форма флаконовидных пронизок, которые имели довольно стандартную орнаментацию, и без существенных изменений просуществовали на протяжении почти пяти веков.

Эти пронизки-игольники можно считать характерными исключительно для Пермского Предуралья. На других территориях аналогичные предметы встречаются в единичных экземплярах, и, вероятнее всего, их присутствие может расцениваться как маркер брачных связей. Например, на территории Удмуртского Предуралья, материальная культура которого в период средневековья в очень многих чертах была схожа с культурой Пермского Предуралья, встречено всего два экземпляра флаконовидных пронизок (подтип 1.2.1.2) на Варнинском могильнике (Семенов 1980: 35, табл. VII: 36–37). Две такие пронизки (подтипы 1.2.1.2; 1.2.1.3) обнаружены в Стерлитамакском могильнике на территории Башкирии (Мажитов 1981: рис. 50: 17–18). Более широко флаконовидные пронизки прикамского типа представлены в Волжской Болгарии, хотя и здесь, собственно, их находки немногочисленны: в погр. № 470 Танкеевского могильника (подтип 1.2.1.2 — см. Казаков 1992: рис. 65: 37) и в Биляре (подтипы 1.2.1.2; 1.2.1.3; 1.2.2.1 — см. Губайдуллин, Каримов 2003: 30, фото). Редкие экземпляры встречены в Западной Сибири (подтип 1.2.1.4 — см.: Финно-угры... 1987: табл. LXXXII: 38, тип 2.2 — см.: Семенова 2001: 72, табл. 48; 76).

Литература

- Анучин 1899 — *Анучин Д.Н.* О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах // МАВГР. Т. III. М., 1899.
- Генинг, Голдина 1970 — *Генинг В.Ф., Голдина Р.Д.* Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе // ВАУ. № 9. 1970.
- Голдина 1985 — *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
- Голдина, Водолаго 1990 — *Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.
- Головнев 1995 — *Головнев А.В.* Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
- Голубева 1978 — *Голубева Л.А.* Игольники восточно-европейского Севера X–XIV вв. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- Голубева 1997 — *Голубева Л.А.* Амулеты // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.
- Губайдуллин, Каримов 2003 — *Губайдуллин А.М., Каримов И.Р.* Города Волжской Болгарии. Казань, 2003.
- Иванова 1998 — *Иванова М.Г.* Иднакар. Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск, 1998.
- Казаков 1992 — *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии. М., 1992.

- Крыласова 2001 — *Крыласова Н.Б.* История прикамского костюма. Пермь, 2001.
- Мажитов 1981 — *Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М., 1981.
- Руденко 2005 — *Руденко К.А.* Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха средневековья. Казань, 2005.
- Семенов 1980 — *Семенов В.А.* Варнинский могильник // Новый памятник Поломской культуры. Ижевск, 1980.
- Семенова 2001 — *Семенова В.И.* Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001.
- Сидоров 1928 — *Сидоров А.С.* Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л., 1928.
- Финно-угры... 1987 — Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
- Шутова 1992 — *Шутова Н.И.* Удмурты XVI — первой половины XIX в. Ижевск, 1992.

Л.П. Михайлик (Москва)

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ВАРИАНТОВ ЖЕНСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО УБОРА X — НАЧАЛА XI в. ПО МАТЕРИАЛАМ НЕКРОПОЛЕЙ КИЕВА И КВЕТУНИ¹

Реконструкция древнерусского костюма — один из интереснейших разделов в изучении культуры Древней Руси. Обширный материал для изучения металлического убора, предоставляют нам многочисленные некрополи древнерусского периода. Помимо самих украшений, они дают возможность проследить место и способ их ношения, а исходя из этого, предпринимать попытки реконструкции убора.

Выбранные для реконструкции погребения происходят с территории юга Руси: два — из киевского некрополя, два — из Кветунского могильника. Все погребения датируются X — началом XI в.

Оба рассматриваемых киевских погребения происходят из Верхнего города, открыты и опубликованы они сравнительно недавно.

Первое погребение найдено в 1984 г. на ул. Золотоворотской (Боровский, Архипова 1993). Оно находилось в грунтовой могиле, прослеживались также остатки гроба, сколоченного гвоздями. Костяк в вытянутом положении, головой на запад, руки на животе. Принадлежит женщине 30–35 лет, достаточно богатой, судя по набору украшений. В убор входили две пары височных колец, ожерелье и перстень.

Две пары височных колец относились к разным типам: простые серебряные дрововые с неспаянными концами и однобусинные. Бусины состояли из двух полушарий, спаянных горизонтальным швом. Они были насажены на кольца и зафиксированы в определенном положении обмоткой колец тонкой проволокой. В нашем случае, скорее всего, кольца носились традиционно — однобусинные подвешивались к более простым. В представленной реконструкции (рис. 1: *Л*) колечко продето в прядь волос при начале плетения косы.

Далее шло ожерелье, состоящее из различных бус и серебряной привески — лунницы. Она принадлежит к типу штампованно-филигранных. Украшена зернью, которая выложена косыми рядами. Контуры обведены гладким ободком. В центре три больших шарика, такие же по краям рожек, ушко свернуто трубочкой. Этот тип лунниц достаточно распространен среди древнерусских памятников и является характерным для X — начала XI в. (Корзухина 1954: 84–91; Успенская 1967: 99–103). Стоит назвать аналогичные украшения из гнёздовских кладов 1867, 1993 гг. (Гушин 1936: табл. VI: 21, 22; Пушкина 1996: 171–186). В ожерелье входили также 6 серебряных бусин (4 овальные и 2 круглые) расположенных, вероятно, симметрично по обе стороны от привески. Пять из них орнаментированы треугольниками из зерни. Шарообразные и овальные бусы с геометрической орнаментацией были достаточно широко распространены в X–XI вв. Ближайший пример — бусины из гнёздовского клада 1867 г. (Гушин 1936). Также несколько таких бусин были найдены в Киеве несколько ранее (Каргер 1958: табл. 26, 28 — погр. № 122, 124). Достаточно сложные по технике исполнения, они были явно дорогим украшением. Следом за металлическими бусинами, завершая ожерелье, мы расположили 10 стеклянных бусин различных типов и цветов. Среди них 7 при-

¹ Работа поддержана грантом Научного совета по программе фундаментальных исследований Отделения Историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории».

зматических, покрытых слоем непрозрачной патины, похожим на слоновую кость, многоцветных. Основа — зеленое и оранжевое непрозрачное стекло. Глазки, по четыре с каждой стороны, белого непрозрачного стекла, размещены не симметрично. Достаточно много подобных бусин найдено в Киеве (Каргер 1958: 197, 206, 208). Можно также предложить второй вариант ношения ожерелья: чередование металлических и стеклянных бусин.

На пальце левой руки погребенной был серебряный перстень, пластинчатый широкосерединый с завязанными концами. На плоском щитке зигзагоподобный чеканный орнамент. Такой тип перстня характерен для Днепровского Левобережья, и четко привязывается хронологически: конец X — начало XI в. (Сарачева 1994).

Второе киевское погребение (рис. 1: 2) найдено при раскопках Михайловского Златоверхого монастыря в 1999 г. (Ивакин 2005: 289). Погребение находилось в камере из досок, углублено в материк. Возраст умершей 16–18 лет. На голове был матерчатый венец из серебряной нити с крупной листовой аппликацией. На шее находилось ожерелье, состоящее из 20 мелких стеклянных бусин (в том числе 11 зеленых ребристых, 4 зеленых зонных, 1 зеленая шарообразная, 1 синяя кубическая со срезанными углами и 1 полихромная пастовая четырнадцатигранная). Наличие в ожерелье бусин двух цветов говорит о специальном подборе цветовой гаммы украшений. Между бусинами, в центре, находились три серебряные полусферические выпуклые подвески. Они украшены диагонально-крещатым орнаментом в виде треугольных трехрядных секторов. Орнамент выполнен зернью, в центре напаян колпачок. Такие подвески характерны для Киева и Гнёздова, встречаются в различных кладах. Можно назвать следующие аналогии: подвески из гнёздовского клада 1867 г. (Гушин 1936) и практически идентичные нашим украшения из клада 1993 г. (Пушкина 1996: 171–186). Такие подвески датируются X — началом XI в.

Ближе к краям ожерелья находились две ременные серебряные пряжки сердцевидной и язычковой форм с растительным орнаментом (венгерский стиль, криновидная пальметта и лотос), превращенные в подвески.

На груди находилась серебряная фибула. Украшение полусферической формы, орнамент скано-зерненный, представляет собой 4 волюты в сканом обрамлении, где спины волют образуют ромб. Внутри ромба — сканный шарик, на который напаяна зернь. На тыльной стороне фибулы сохранилась игла и кольцо с заходящими концами (Ивакин 2005: 289). Скорее всего, привеска была превращена в фибулу. Аналогии украшению можно проследить все по тем же кладам X–XI вв., а именно: по гнёздовскому кладу 1867 г. (Гушин 1936). Также близки к рассматриваемому изделию привески из владимирских курганов, исследованных Уваровым у с. Гнездилово и Васильки (Спицын 1905: рис. 174, 177). Очень схожа с нашей привеска из курганной группы у с. Новоселки близ Суздаля (Седова 2001: 26, 27, рис. 2).

К кольцу на тыльной стороне фибулы крепилась серебряная цепочка, длиной 20 см из согнутых вдвое колец, на другом конце которой также находилось проволочное кольцо. На цепочку был нанизан крупный перстень. Он пластинчатый, с quadriлобийным щитком, состоящим из шести каплевидных основ и одной круглой в центре (Ивакин 2005: 289). Перстень серебряный, сверху позолота, контуры украшения покрыты чернью (Класс 2, тип 10 по Т.Г. Сарачевой — см.: Сарачева 1994: 90–92, рис. 6: 12). Второй перстень не «привязан» к какой-либо детали убора, а просто находился возле проволочного кольца цепочки. Возможно, он был положен в могилу при погребении. Этот перстень — пустотелый, с полусферическим щитком покрытым мелкой зернью, дужка перстня украшена сканью (Класс 2 тип 11 по Т.Г. Сарачевой — см.: Сарачева 1994.). Ближайшая аналогия — перстень из клада у с. Гушино (Корзухина 1954: 86, 87, табл. VII: 4). Кольцо на свободном конце цепочки, возможно, было деталью второй фибулы. Скорее всего, фибулы располагались по обе стороны груди, и удерживали одежду. Перстень на цепочке, вероятно, не применялся по назначению из-за того, что был велик хозяйке.

Стоит также упомянуть височное кольцо, из рубчатой золотой проволоки с завязанными концами и надетой на него зонной пастовой оранжевой бусиной. Кольцо находилось у правого виска погребенной, но так как украшение не имеет пары, мы не рассматриваем его, как часть убора.

Кроме украшений, умершую сопровождал ларец (остались оковки и замок), куда были сложены следующие вещи: латунная полусферическая чаша, грубые ножницы, пинцет, одежда, от которой сохранились стеклянные нашивки различного цвета и формы. Возле руки находился кошель (сумка), возможно в форме «сложенного конверта». От нее сохранились серебряные скобы-зажимы со штифтами и штампованная листовая накладка в виде креста, а также серебряный крест-тельник скандинавского типа. Сумка была сделана из кожи синего или черного цвета и шелка византийского производства (Ивакин 2005: 289).

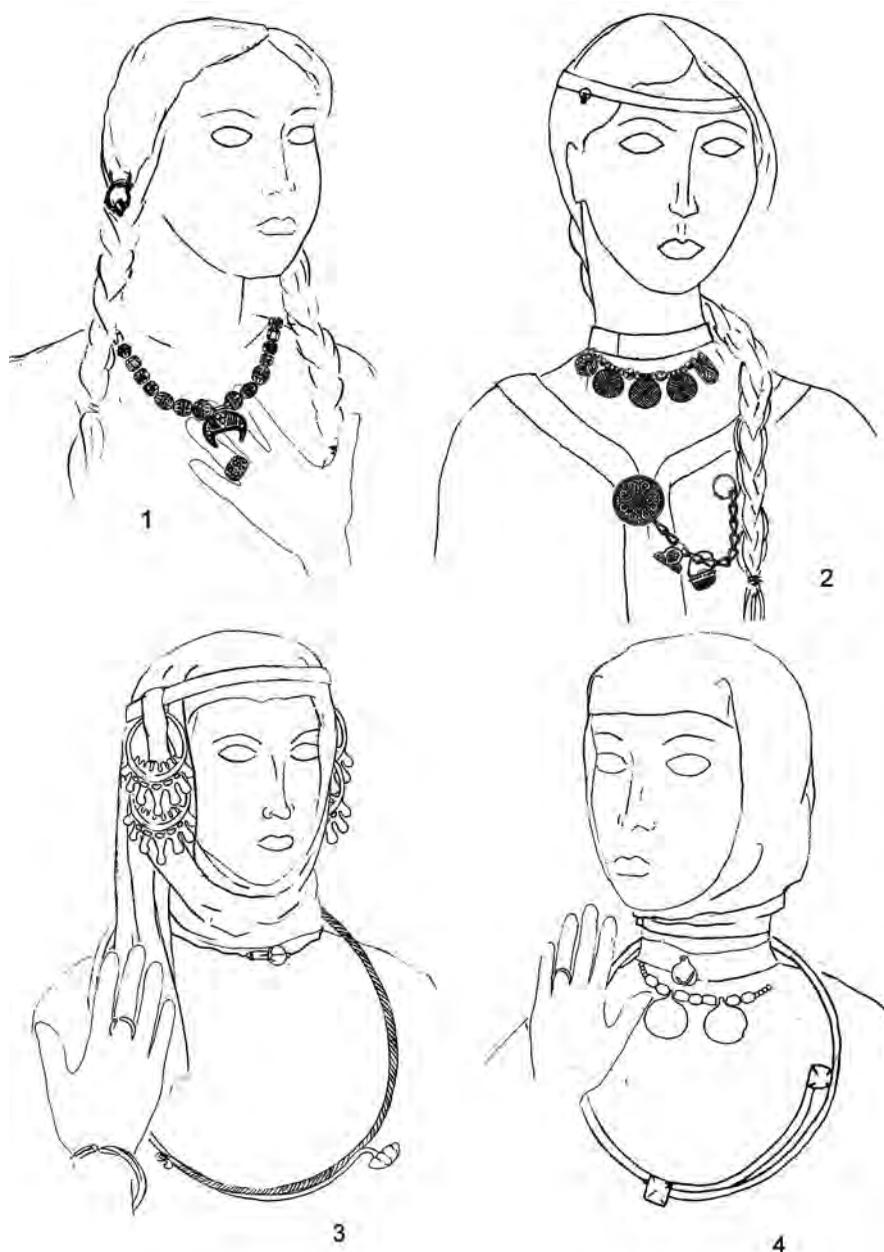

Рис. 1. Примеры реконструкции женского погребального убора: 1 — киевское погребение 1984 г., ул. Золотоворотская (главная деталь: ожерелье из различных бус и серебряной привески — лунницы); 2 — киевское погребение 1999 г., Михайловский Златоверхий монастырь (главные детали: ожерелье из различных бус и трех серебряных полусферических привесок, а также серебряная фибула); 3 — Кветунь, погребение из кургана 53 (главные детали: 4 серебряных семилучевых височных кольца, а также дротовая крученая гривна); 4 — Кветунь, погребение из кургана XX (главные детали: покрытая серебром пластинчатая гривна, а также монетовидные привески)

Вторая пара рассматриваемых погребений с более скромным убором, происходит из Кветунского курганного могильника в Подесенье. Инвентарь исследованных погребений опубликован лишь частично исследователем могильника В.А. Падиным (Падин 1976: 197–209).

Могильник находится у д. Кветунь Трубчевского р-на Брянской области, на правом, коренном высоком берегу Десны. Комплекс поражает своими большими размерами, исследовано 237 насыпей (Падин 2004: 84). Датируются они в целом X–XIII вв. Могильник активно раскапывался разными исследователями, в частности, В.П. Левенком и В.А. Падиным (Падин 1958; Падин 1976).

Первое погребение из кургана 53 принадлежало пожилой женщине (рис. 1: 3). Оно находилось на древнем горизонте, у ног стоял грубо сделанный раннегончарный горшок волынцевского типа с ли-

нейным орнаментом. На голове погребенной находился венчик из серебряной ленты шириной 3 см с крючками на концах. Вероятно, к нему крепились 4 серебряных семилучевых височных кольца, по паре с каждой стороны. Кольца относятся к варианту 29 классификации Е.А. Шинакова (Шинаков 1980: 121, 122). Это вариант характерен именно для Кветунского могильника, и встречается в различных инвентарных комплектах. Еще П.М. Еременко отметил, что при раскопках кольца обнаруживают продетыми через полоску кожи, на одинаковом расстоянии одно ниже другого (Седов 1982: 155).

Шею украшала серебряная, крупная дротовая крученая (тордированная), средней прокрутки, гривна. На одном конце — крючок в виде петли, на другом — головка-цветок (Падин 1976: 206). Такие гривны встречаются достаточно редко, но для радимичей они вполне характерны. Считается, что они имеют прибалтийское происхождение (Фехнер 1967: 58). Также на шее, вероятно, в виде низки находились хрустальная, сердоликовая и две голубоватые бисерные бусины. На правой руке был серебряный дротовый круглый в сечении браслет, с прокованными утолщенными концами и более тонкой тыльной частью. Маленькое бронзовое височное кольцо с сомкнутыми концами, вероятно, служило перстнем (А ИА РАН. Р-1. Д. 432). По характерным типам браслета и гривны погребение можно датировать X в.

Второе погребение, избранное нами для реконструкции убора, принадлежало женщине среднего возраста (рис. 1: 4). В кургане XX оно было не единственным, но два других погребения — впускные, вторичные. Погребение в яме, замечены следы гроба. Практически все украшения находились на груди и шее. Главным элементом следует считать бронзовую, покрытую серебром пластинчатую гривну с розетками на заходящих концах (Падин 1976: 201). В сечении она квадратная. Подобные гривны характерны для Прибалтики или Финляндии, следовательно, кветунский экземпляр — это импорт или заимствование. Подобная гривна известна из радимичских курганов в Козаричах (Фехнер 1967: 59). Далее шло ожерелье из 2 стеклянных золоченых бочонковидных бусин, 5 битрапециевидных синих и 8 бисерин из зеленого стекла. Центральное место занимали две крупные серебряные монетовидные привески (А ИА РАН. Р-1. Д. 432), а также бронзовый бубенчик с крестовидной прорезью (Успенская 1967). Такие крупные бубенчики достаточно редки, этот, вероятно, служил пуговицей на одежде — застегивал воротник. Завершало убор тонкое серебряное проволочное височное колечко с разомкнутыми концами, служило, видимо, перстнем. Погребение датируется началом XI в.

Эту пару погребений из Кветунского могильника, судя по найденным украшениям, достаточно смело можно отнести к радимичам. Это позволяет сделать характерный и показательный набор украшений.

Все четыре погребения объединяет близкая датировка, достаточное богатство убора, отражающее статус умерших, и то, что все погребения одиночные. Объединяющей чертой является и серебряный комплекс всех погребений. Это подтверждает выводы, сделанные Г.Ф. Корзухиной касательно эволюции ювелирного убора. Все наборы украшений можно отнести ко второму периоду развития металлического убора из серебра, типичными чертами которого являются использование техники мелкой зерни, а также такие типы украшений, как ожерелья с лунницами и бусами, височные кольца, различные гривны.

Оба киевских погребения относятся к «киевской дружинной культуре», в которой прослеживается широкий набор различных компонентов — славянских, скандинавских, византийских. Погребенных нельзя определенно отнести к какой-либо этнической принадлежности, но можно предполагать, что это были свободные и достаточно богатые женщины, примерно одного социального статуса. Кветунские же погребения, относятся к памятниками сельской культуры. Вероятно, группы курганов являлись кладбищем родственной общины, где характерными чертами были традиционность и самобытность. Женщины из обоих рассмотренных погребений по нашему мнению состояли в браке, о чем свидетельствуют перстни на пальцах.

Следует отметить, что рассмотренные погребения были отобраны из достаточно большого массива материала. Основным критерием была репрезентативность убора, наличие различных групп украшений, а также их зафиксированное расположение на костях, что и дало возможность реконструкции и интерпретации убора.

Литература

Боровський, Архипова 1993 — *Боровський Я.Є., Архипова Є.І.* Дослідження „Міста Ярослава” 1984–1989 рр. // Стародавній Київ. Київ, 1993.

Гущин 1936 — *Гущин А.С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. М., 1936.

- Ивакин 2005 — *Ивакин Г.Ю.* Погребения X — первой половины XI в. из раскопок Михайловского Златоверхого монастыря (1997–1999 гг.) // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие севера и юга. М., 2005.
- Каргер 1958 — *Каргер М.К.* Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958.
- Корзухина 1954 — *Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.
- Падин 1958 — *Падин В.А.* Материалы раскопок Кветунских курганов X–XIII вв. // СА. № 2. 1958.
- Падин 1976 — *Падин В.А.* Кветунский древнерусский могильник // СА. № 1. 1976.
- Падин 2004 — *Падин В.А.* Среднее Подесенье (Трубчевская округа) в VI–V вв. до н. э. — X–XII вв. н. э. по материалам археологических исследований. Брянск, 2004.
- Пушкина 1996 — *Пушкина Т.А.* Новый Гнёздовский клад // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. Новое в нумизматике. М., 1996.
- Сарачева 1994 — *Сарачева Т.Г.* Металлические перстни Днепровского Левобережья конца IX — первой половины XIII вв. // История и эволюция древних вещей. М., 1994.
- Седов 1982 — *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
- Седова 2001 — *Седова М.В.* Украшения «городского типа» X–XI веков из Суздаля и его округа // КСИА. Вып. 212. 2001.
- Спицын 1905 — *Спицын А.А.* Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. 1905.
- Успенская 1967 — *Успенская А.В.* Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни XI–XIII вв. Т. III / Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967.
- Фехнер 1967 — *Фехнер М.В.* Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни XI–XIII вв. Т. III / Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967.
- Шинаков 1980 — *Шинаков Е.А.* Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. № 3. 1980.

Архивные материалы:

АИА РАН. Р-1. Д. 432. *Падин В.А.* Отчет о раскопках Кветунского древнерусского могильника, проводившихся в 1968 г.

С.М. Новаковская-Бухман (Санкт-Петербург)

УКРАШЕНИЯ ИЗ «РАЗРОЗНЕННЫХ» ДРЕВНЕРУССКИХ КЛАДОВ В СОБРАНИИ М.П. БОТКИНА

В 1917 г. в условиях тревожного военного времени вдова выдающегося коллекционера М.П. Боткина обратилась в Русский музей с просьбой принять на хранение собрание ее мужа. В подвалы Этнографического Отдела привезли тридцать два опечатанных ящика с итальянской майоликой, античными вазами и греческой терракотой, с итальянским серебром и памятниками церковной старины.¹ Один из них под № 27 перенесли в Художественный Отдел. В нем помещались произведения древнерусского прикладного искусства XI–XVII вв., а также отдельные памятники зарубежной культуры: от первобытного топора и бронзового навершия скифского стиля до группы украшений эпохи «великого переселения» народов, ранневизантийских украшений рубежа VI–VII вв., фрагментов древнегрузинской чеканки, украшений волжских болгар, казанских татар и др. В основном в ящике находились украшенные эмалью и сканью, резные и исполненные литьем древнерусской работы складни и кресты, фрагменты окладов евангелий, серебряная парадная и медная бытовая утварь с финифтью, мелкая пластика из камня, дерева и кости, кресты из серебра и бронзы и пр.

Впоследствии при передаче коллекции в Эрмитаж все предметы, находившиеся в этом ящике, остались в Художественном Отделе Русского музея и в течение нескольких лет были оформлены на постоянное хранение.² Наиболее раннюю часть среди древнерусских произведений составляла редкая по художественному уровню группа украшений X–XIII вв., аналогичных найденным в кладах. В составленной в 1917 г. описи они получили название «Черниговский клад».³

Решение об оформлении памятников на постоянное хранение было принято в музее только в 1926 г. За время после 1917 г. произошло немало изменений: отдельные памятники из собрания М. П. Боткина безвозвратно выдали или списали, передали в Государственный Музейный фонд, в другие Отделы музея. В связи с этим пришлось заново устанавливать состав памятников, входивших некогда в собрание М.П. Боткина. Сделать это позволил ряд деталей: краткие, порой неточные («описательные») обозначения вещей в описи 1917 г., наклеенные на некоторые памятники коллекционные марочки с двойной синей каймой с номерами, совпадающими с номерами описи 1917 г., две таблицы с воспроизведением украшений в издании «Собрание М.П. Боткина» 1911 г. (рис. 1, 2) (Собрание... 1911: 36, табл. 92). Все эти данные позволяют установить, какие из разрозненных ювелирных изделий

¹ Кроме ящиков в музей привезли 92 картины Александра Иванова и сразу передали их в Художественный Отдел (ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. КПХО. Ед. хр. 2. Лл. 2–3. Архив ГЭ. Ф. IV. Оп. 1. Д. 1490. Лл. 11–42).

² В 1919–1920 гг. 31 ящик с коллекцией М.П. Боткина был передан в ГЭ (Архив ГЭ. Ф. IV. Оп. 1. Д. 1490. Л. 89 об.). Кроме 432 предметов по описи 1917 г. (в 1926 г. они были учтены за 860 №№ по списку, где все одинаковые предметы, например, бусины, получили отдельный номер, что и увеличило количество инвентарных номеров по сравнению с описью 1917 г.), в ящике оказалось еще 20 предметов и 23 обломка бронзовых и серебряных изделий (Архив ГРМ. Акт от 22. XI. 1921 г., Л. 89 об. Отдел Учета ГРМ, Приложение № 58 к КП 17/1926. Журнал Заседаний Художественного Отдела, № 767, 30/III. 1926).

³ ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. КПХО. Ед. хр. 2. Лл. 11–42.

Рис. 1. Таблица с древнерусскими и зарубежными украшениями из издания «Собрание М.П. Боткина». СПб., 1911. С. 36

X—XIII вв. в коллекции Русского музея принадлежали М.П. Боткину.⁴ За исключением единичных произведений, вошедших в статьи и монографии, а также фотографических воспроизведений украшений в «Собрании М.П. Боткина», лишенных каких-либо комментариев, они не опубликованы.

В основном это золотые и серебряные украшения, характерные для кладов Среднего Поднепровья и Киева. Наиболее значительное среди них — золотые рясны из квадрифолийных бляшек с перегородчатой эмалью из Сахновского клада 1900 г. (цв. вкл. 5: 5; кат. № 1), попавшие в коллекцию М.П. Боткина,

⁴ Большую работу по соотношению инвентаря с золотыми вещами в описи 1917 г. проделал А.П. Смирнов, результатом чего явилось Приложение № 58 к записи в Книге Поступлений музея под № КП 17/1926.

Рис. 2. Таблица с древнерусскими и византийскими памятниками из издания «Собрание М.П. Боткина». СПб., 1911. Табл. 92

в то время как весь клад поступил в собрание коллекционеров Б.И. и В.Н. Ханенко. (Ханенко 1902: 22, табл. XXXI—1096).⁵

Присутствие рясен в этой группе украшений само по себе исключительно. В Архиве Государственного Эрмитажа хранятся документы о поиске в 1921 г. коллекции перегородчатых эмалей из собрания М.П. Боткина уполномоченным Отдела по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины Комиссариата по просвещению инспектором В.П. Полянским.⁶ После смерти М.П. Боткина собрание

⁵ Остальные украшения клада хранятся в Национальном музее истории Украины в Киеве.

⁶ Архив ГЭ. Ф. IV. Оп. 1. Д. 1490. Л. 15.

перегородчатых эмалей, «ценою в 100 000 руб.», было отделено от коллекции и ввиду особой ценности 29 января 1915 г. сдано на хранение в Ссудную казну на имя мужа дочери М.П. Боткина, Е.М. Боткиной, капитана гвардии артиллериста Н.М. фон Эндена.⁷ Затем собрание поступило в Эрмитаж, причем древнегрузинская его часть была впоследствии возвращена Грузии.⁸ И только ясны Сахновского клада — памятник местной киевской работы второй половины XII в. (Макарова 1975: 42, 44), не отделенный от группы произведений древнерусского домонгольского ремесла, оказались в коллекции Русского музея.

Уникальным памятником этой группы украшений является крест-корсунчик XII в. из яшмы в богатой золотой сканой оправе на концах креста (цв. вкл. 5: 3; кат. № 2). Этот памятник по праву должен быть отнесен к числу шедевров ювелирного дела домонгольской Руси. Сочетание гладкого золотого листа его наконечников с двойным сканым контуром характерно для крестов-корсунчиков Старорязанских кладов 1970 и 1979 г. — с серебряными накладками на ветвях креста (Даркевич, Пуцко 1982: 198; Монгайт 1955: рис. 117, 118). Оглавие медальонов т.н. рязанских «барм» из клада 1822 г. и лировидный сканый узор их ажурных бус, больших колтов того же клада (Монгайт 1955: рис. 111–112), сочетание сканого декора с вставками камней буквально повторяются в декоре креста-корсунчика из собрания М.П. Боткина. Это свидетельствует об исполнении его в одной мастерской с украшениями знаменитого рязанского клада 1822 г. (Новаковская-Бухман 2001: 139). Те же черты отличают декор (и его исполнение из витой рельефно-выпуклой скани) подвески-«сионца» Киевского клада 1887 г. (ГРМ). Н.В. Жилина относит крест-корсунчик из собрания М.П. Боткина, как и все названные аналогичные по исполнению произведения, к «золотому филигранному ковровому» (или золотому «пышному») стилю (Жилина 1998б: 75).

В число украшений, известных по киевским домонгольскимкладам, входит очелье XII в. из гладких золотых выпуклых скобочек с петлями для жемчужной обниси (цв. вкл. 5: 7; кат. № 3). Такое же очелье, но включающее и концевые звенья, найдено в составе Сахновского клада 1900 г. (Корзухина 1954: 131, № 127: 9).

К широко распространенному в кладах Киева, Княжей Горы и Чернигова типу колтов принадлежат парные золотые колты с вставными щитками и оправой в виде арочной каймы с колпачками на концах арочек (цв. вкл. 6: 1, 2; кат. № 4, 5). От колтов киевских кладов их отличают щитки-вставки: не эмалевые, а украшенные гравированными (без черни) изображениями птиц (с лицевой стороны) и двух рогов (на обороте). Конструкция и орнаментация колтов восходят к золотым колтам с перегородчатой эмалью, которые создавались в Киеве в середине — второй половине XII в. (Макарова 1975: 95). Очевидно, и колты из коллекции М.П. Боткина также были изготовлены в Киеве. Высокое мастерство их исполнения в сочетании с примитивным рисунком и гравировкой изображений на вставных щитках указывают на разделение труда в ювелирной мастерской или на изготовление их частей в разных мастерских.⁹ По мнению Г.Ф. Корзухиной, пара колтов из собрания М.П. Боткина свидетельствует о переходном периоде в эволюции подобных колтов: от золотых с эмалевыми вставками к серебряным с вставными гравированными щитками (Корзухина 1954: 69, рис. 14). Это мнение подтверждается золотыми колтами из Киевского клада 1955 г. (Кириличев 1982: ил. 92), на которых украшенные гравировкой и чернью вставные щитки совмещаются с завершением арочной каймы рубчатой проволокой вместо колпачков, что характерно уже для серебряных колтов. Наличие новгородских находок литых колтов рубежа XII–XIII вв., выполненных в подражание варианту боткинских, позволяет предположить изготовление колтов Русского музея также на рубеже XII–XIII вв.¹⁰

К группе украшений из золота примыкают два медных золоченых колта, названных в описи 1917 г. среди золотых предметов (цв. вкл. 6: 3, 4; кат. № 6–7).¹¹ Они принадлежат к числу редчайших памятников

⁷ Архив ГЭ. Ф. IV. Оп. 1. Д. 1490. Лл. 15 об., 16, 16 об.

⁸ Архив ГЭ. Ф. I. Оп. V. Д. 303. 1923 г. «О заявлениях на передачу художественных ценностей по мирным договорам» («Памятная записка И.А. Орбели о собрании византийских перегородчатых эмалей М.П. Боткина и значении их для русской науки. /1923/»). Архив ГЭ. Оп. V. Д. 57. 1919 г.: «Докладная записка хранителя Византийского отделения Л.А. Мацулевича о собрании перегородчатых эмалей собрания М.П. Боткина и значении их для русской науки».

⁹ Т. И. Макарова считает, что изготовление и сборка золотых колтов с колпачками на концах арочной каймы производились в разных мастерских (Макарова 1975: 36).

¹⁰ Т.И. Макарова датирует их первой половиной XIII в., считая, что на них применена чернь (Макарова 1986: 62–63). Однако чернь на боткинских колтах отсутствует, а полнейшее сходство их исполнения с золотыми колтами с перегородчатой эмалью позволяет предположить более близкое к ним исполнение по времени.

¹¹ ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. КПХО. Ед. хр. 2. Л. 27. № 9.

древнерусского искусства, подражающих украшениям из золота с перегородчатой эмалью (Макарова 1975: 88, 90, № 136, табл. 27: 12–13). Судя по композиции, орнаментам и единой цветовой гамме эмалей с колтами из ГИМа, они происходят из одного с ними центра (Макарова 1975: 88, табл. 27: 14–15). Традиционная для Киева гамма эмалей синего, сургучно-красного, белого и зеленого цветов позволяет предположить их киевское происхождение и дату XII в. В это время искусство эмали переходит на предметы из простых металлов (Макарова 1975: 93, 95).

* * *

В коллекции широко представлены и височные кольца. Среди них есть низка из семи перстнеобразных височных колец диаметром от 1,36 см до 2,0, 2,2 и 2,7 см. (рис. 5: 2; кат. № 8); на восьмое кольцо впоследствии была надета золотая ажурная бусинка, очевидно, византийской работы. По описи 1917 г. «колец» было 9: «9 ломаных золотых обручей в виде колец».¹² Однако на фототаблице со штампом «Археологической Комиссии», на которой заснята группа золотых домонгольских украшений, оказавшихся в коллекции М.П. Боткина, изображены восемь колец, нашитых на картон по одному (рис. 3).¹³ Концы их не сомкнутые, а соединенные «в стык».

Подобные височные кольца широко представлены в племенных древностях полян и дреговичей (X–XII в.), древлян (XI в.), волынян (XI–XII в), а также в хорватско-тиверских древностях X–XII в. и др. (Сабурова 1974: 85–97; Седов 1972: 54, рис. 18; Седов 1982: табл. XXV–XXXII; Седова 1997: 154–157; Рябцева 2005: 214–215). Их крепили к подвешенным к головному убору лентам и ремешкам, иногда комбинируя с трехбусинными височными кольцами (Сабурова 1974: 85–97), вплетали в волосы (иногда также в соединении с трехбусинными кольцами) (Седова 1997: 154–157).¹⁴ Количество перстневидных колец, судя по материалам суздальских раскопок, отражало возраст погребенной: в погребениях девочек они располагались от висков до плеч; в погребениях молодых женщин часто совмещались с трехбусинными височными кольцами, а в погребениях пожилых перстневидные кольца располагались по одному на уровне уха (Седова 1997: 154–157; Рябцева 2005: 214–215). Аналогичные височные кольца встречаются и в кладах Киева 70-х гг. XII — первой трети XIII в.: золотые — в кладе с ус. Есикорского (14 колец), серебряные (18 колец) — в кладе 1909 г., найденном на усадьбе Десятинной церкви (Корзухина 1954: № 74: 4, № 98: 6). Низки перстнеобразных височных колец в обоих киевских кладах длинные, возможно, входили в убор девочек. Очевидно, аналогичная длинная низка из коллекции М.П. Боткина также входила в убор девочки или, совмещенная с трехбусинными височными кольцами, в убор молодой женщины.

Значительную группу украшений составляет коллекция золотых трехбусинных височных колец XII–XIII в. так называемого «киевского типа» (цв. вкл. 6: 5–19, 21–22) (Новаковская-Бухман 2001: 138). В собрании М.П. Боткина они представлены многими вариантами: височными кольцами с полыми или ажурными бусами со сканью и зернью, а также с зернеными бусами двух типов: с зернью на шаровидной поверхности полых бусин и с зернью на проволочном каркасе.

К раннему типу зерненной орнаментации восходит декор трехбусинного височного кольца с узором из чередующихся ромбов и треугольников мелкой зерни на поверхности полых бусин (цв. вкл. 6: 5; кат. № 9). По типологии Н.В. Жилиной такая орнаментация относится к стилю «зерненому серебряному геометрическому» (Жилина 1998б: 77, 78, рис. 3: 1) и восходит к курганным древностям рубежа X–XI в. (Жилина 2002а: 53, рис. 1–6; Жилина 2005: 54, рис. 11: 17). Однако сложившаяся позже на Руси форма замка, представленная на височном кольце коллекции М.П. Боткина (в виде свернутого трубочкой одного раскованного конца дужки и в виде раскованного ромбовидного щитка с отверстием — другого), позволяет датировать височное кольцо коллекции Боткина более поздним временем — не ранее XII в. — первой трети XIII в. Височное кольцо исполнено из золота и отличается малым размером бусин: 7,6 x 8,0 мм. Аналогичные золотые височные кольца, как архаичные, входят в состав киевского клада 1885 г. (с ус. Есикорского) (Жилина 2002а: 55, рис. I: 6); серебряные — в состав Переяславского клада 1884 г. (ГРМ, БК- 2673).

Бусины семи височных колец имеют сплошной убор из зерни, уложенной в проволочные колечки. На четырех из них зернь в колечках напаяна на поверхность полых шаровидных тисненых бусин

¹² ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. КПХО. Ед. хр. 2. Л. 27. № 24.

¹³ РА НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1885 г. Д. 59. Л. 174. Фотографии сделаны фотографом Миткиным.

¹⁴ Мы исходим из очерка бытования перстнеобразных височных колец, вариантов их применения в женском уборе, входящего в книгу С.С. Рябцевой (Рябцева 2005: 214–215).

Рис. 3. Фототаблица Археологической Комиссии с изображением золотых украшений, оказавшихся в коллекции М.П. Боткина. РА НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1885 г. Д. 59. Л. 175

с уплощенными вершинами. На вершинах — лишь (проволочные колечки без зерни) (цв. вкл. 6: 6–9; кат. № 10–13).

На трех остальных височных кольцах зернь в колечках напаяна на проволочный каркас, образующий шаровидную бусину. На вершинах каркас обнажен — там зерни нет (цв. вкл. 6: 10–12; кат. № 14, 15, 16). Особым совершенством исполнения отличается височное кольцо БК–2734 (цв. вкл. 6: 12).

Зерненные бусинные височные кольца обеих конструкций известны уже в архаичных древнерусских уборах в погребениях IX–XI вв. в Киевском, Владимиро-Суздальском, Рязанском, Гнездовском некрополях (Жилина 2002а: 53, рис. 1: 7, 8). Трехбусинные височные кольца проволочно-каркасной конструкции известны у западных славян и дреговичей (Жилина 1998б: 53, рис. 8). На Руси они применялись в девичьем уборе в волосах и в уборе косы-ленты в начале XII в. Как архаичные встречаются в киевском кладе 70-х гг. XII — первой трети XIII в. из ус. Есикорского (Жилина 1998б: 55, рис. 3: 2).

Однако и в более позднюю эпоху, вплоть до монгольского нашествия, зерненные трехбусинные кольца продолжали использоваться в ювелирном уборе. Об этом говорят литейные формочки для отливки трехбусинных зерненных височных колец из простых металлов, подражающих золотым, найденные в тайнике под развалинами Десятинной церкви (Каргер 1937: рис. 24; Каргер 1961: табл. LIII, LVI). Это позволяет и зерненные височные кольца коллекции М.П. Боткина — прототипы височных колец, исполненных в технике литья — датировать XII — первой третью XIII в.

Десять других трехбусинных височных колец коллекции Боткина представляют несколько вариантов оформления бусин, встречающихся в кладах 70-х гг. XII в. — первой трети XIII в. Три из них с полыми шаровидными бусинами, поверхность которых разделена на три зоны тремя напаянными из одинарной скани окружностями. Внутри колец — скано-зерневая орнаментация в виде четырех лучей, расходящихся от шарика зерни (цв. вкл. 6: 13; кат. № 17) или в виде четырехлепестковой розетки с шариком зерни в центре (цв. вкл. 6: 15; кат. № 18; цв. вкл. 6: 14; кат. № 19). У последнего — с точечными круглыми отверстиями внутри лепестков.

На четвертом височном кольце поверхность бусин поделена на восемь зон восемью напаянными кольцами одинарной скани (по четыре в каждом полушарии). Внутри кругов и в ромбах между ними размещено по гладкому колечку (цв. вкл. 6: 16; кат. № 20).

По классификации Н.В. Жилиной, такие разновидности височных колец принадлежат к первому технологическому этапу развития, а приемы оформления пристержневого участка (оставление его пустым или напаявание шарика зерни по углам поля у отверстия для дужки, образованного напаянными на поверхность бусины кольцами скани) и небольшой размер бусин (с диаметром от 10 до 12 мм) тяготеет к мастерским Киева и киевской земли (Жилина 1998в: 304, 311, рис. 33: 7, 8, рис. 39: 2, 3, 11). находка в Киеве, в том числе в тайнике под развалинами Десятинной церкви, литейных формочек для отливки трехбусинных украшений (Каргер 1961: табл. LVI) с узором, аналогичным декору височного кольца БК 2730 (кат. № 17), свидетельствует о популярности подобного узора на полых шаровидных бусинах и в канун татаро-монгольского нашествия на Русь.

На шести трехбусинных височных кольцах шаровидные бусины орнаментированы восемью прорезанными на их поверхности кругами, с обрамлением сканью в два ряда (цв. вкл. 6: 17–22; кат. № 21–26). Разновидности декора этих ажурных бусин, по классификации Н.В. Жилиной, характерны для третьего технологического этапа их развития (Жилина 1998в: 305–306, рис. 32: 29, 33, 37). Ажурные бусины височных колец коллекции Боткина по этой классификации отчасти соответствуют киевским традициям (пристержневой участок оставлен пустым), отчасти — старорязанским (окружности из двух рядов скани, крупные бусины в диаметре 12 мм) (Жилина 1998в: 311), но при этом не имеют характерной для Старой Рязани крупной зерни. Отнести их к тому или иному ремесленному центру пока не представляется возможным.

Из них одно височное кольцо с уцелевшей на дужке одной бусиной (из двух изначальных) принадлежит к разряду более редких височных колец — с овальными в сечении бусами (кат. № 23; цв. вкл. 6: 20). По пропорциям и крупному размеру бусины, по отсутствию на ней зерни и по примененным композиционным и техническим приемам ее исполнения бусины височного кольца очень похожи на бусины аграфов из владимирских кладов 1865, 1896 гг., исключая обильный припой на вершинах бус аграфов (Гущин 1936: табл. XVII: 2, 3, 4, XXI: 5).

Н.В. Жилина относит подобные височные кольца (с орнаментацией на цельной поверхности полых шаровидных бусин и на ажурных бусах) к украшениям золотого сканого «строгого» стиля древнерусских кладов (Жилина 1998б: 75, рис. 1). В отдельных мотивах их орнаментации прослеживается солярная символика — отголосок язычества (Жилина 1998г: 131–137, рис. 1, 2: III а, б; 3 б: 4: 2, 3).

* * *

Среди золотых украшений коллекции М.П. Боткина есть две низки по девять тисненых бусин: реберчатые бусы в виде конусов с «провисающим» донцем (цв. вкл. 5: 6; кат. № 27) и реберчатые бусы малой выпуклости («чечевицеобразные») (цв. вкл. 5: 4; кат. № 28). Судя по большому числу последних в кладах Киева и киевского княжества (Корзухина 1954: № 80, 85, 103, 109, 117, 127; табл. XXXV: 5, XLVIII: 10; Кондаков 1896: табл. XV: 7, 8; Каргер 1961: табл. LXIV), они изготавливались киевскими ювелирами. Об этом говорит и находка в Киеве матрицы для тиснения реберчатых бус с малой выпуклостью, как раз таких, как в коллекции Боткина, а также литейная форма для отливки аналогичных бус из простых металлов (Каргер 1961: 395, рис. 89: 2, табл. XLVI). Аналогичные бусы найдены и в кладе 1979 г. из Старой Рязани, погибшей при взятии города татаро-монголами в 1237 г., (Даркевич, Пуцко 1982: 200, рис. 4: 2), в кладе из Сахновки (Киевское княжество), включающем византийские монеты

XII в. (Корзухина 1954: № 127: 11). Формочка для отливки подобных, но иных по пропорциям и более рельефных бусин найдена в золотоордынском слое второй половины XIII—XIV вв. в г. Болгаре, попавшая туда, вероятно, при переселении русских ремесленников в пору монголо-татарского нашествия на Русь (Полякова 1983: форма № 41, табл. XVII: 3; Приложение I: 32).

Это позволяет отнести исполнение низки бус из коллекции Боткина к предмонгольской поре — концу XII — первой трети XIII в. Форма подобных бус восходит к более древним формам бус моравских, польских IX—X вв. (Жилина 1998: 112, рис. 6: 1—4).

Бусы, аналогичные реберчатым бусам с «провисающим» донцем (кат. № 27), найдены в киевском кладе 1887 г. (из ограды Михайловского монастыря, ГРМ, БК 2770), близкие по форме — на «сионцах» киевского клада 1824 г. (найден у Михайловского монастыря) (Корзухина 1954: № 107; Кондаков 1896: 103, рис. 64), что также свидетельствует об их киевском происхождении. Провисающее донце указывает на вертикальное расположение бусин-подвесок в уборе. Подобные по форме бусинные привески, но с петелькой вверху, известны среди древностей конца IX — начала X в. (Жилина 2005: 76—78, рис. 18: 1). Бусинные привески киевских кладов второй половины XII в. служили привесами к «сионцам» — они снабжены пропущенными сквозь бусы проволочками с петлями на концах для прикрепления их к «сионцу».¹⁵

Из группы золотых украшений в собрании Боткина есть еще две овальные со сферической поверхностью бусины с плотно обвитыми тонкой сканью концами (цв. вкл. 5: 1, 2; кат. № 29). Вдвое более широкое среднее поле бусы украшено двумя рядами напаянных колец ярусной спиральной скани. Между собой кольца среднего поля соединены «перемычками» — золотыми полосками с продольными бороздками. Такие бусы известны в составе Гнёздовского клада 1868 г. (X—XI в.), Невельского клада 1892 г. (Гущин 1936: табл. III: 21, V: 4; Корзухина 1954: № 49), содержащего прототипы многих бус более поздних древнерусских кладов. «Перемычки», соединяющие соседние завитки скани, известны и на типично скандинавских привесках (Славяне и скандинавы 1986: ил. 14; Duczko 1985: 73, 83). На подвесках ожерелья из клада в Терслеве (Дания), украшенных сканью, весь узор, включая «скрепы» завитков, передает рисунок плетения (Рыдзевская 1915: табл. XXIII: 4—6).

В древнерусских кладов второй половины XII — первой трети XIII в. бусины с «перехватами» встречаются редко (см. Тверской клад 1906 г. (ГРМ БК 3366); такие же бусы, но без «перехватов», входят в состав ожерелий того же Тверского клада 1906 г. и Тереховского клада 1876 г. (ГРМ)).¹⁶ Это позволяет отнести и бусы из коллекции М.П. Боткина ко времени украшений из этих кладов — 70-м гг. XII — первой трети XIII в. От бус-прототипов X—XI вв. их отличают кольца, исполненные не из поставленной на ребро проволочки, а из спиральных завитков (в несколько рядов), создающих рельефный узор, игру сияющего золота (в кладов с серебряными бусами — серебра) и глубоких теней.

* * *

В коллекции М. П. Боткина имеется и группа из четырех золотых перстней. Особым совершенством исполнения выделяется золотой перстень-печать с полым шестигранным верхом, с резным изображением льва на щитке и орнаментом в виде вьющейся лозы по контуру щитка (цв. вкл. 7: 1; кат. № 30). Он принадлежит к группе аналогичных многочисленных, в основном золотых, перстней первой трети XIII в., найденных по преимуществу в Киеве, и по совершенству исполнения представляет собой лучший образец подобных перстней. Конструкция и форма перстня имеют черты типологического сходства с рядом перстней из кладов 70-х гг. XII — первой трети XIII в. Киева, Княжей Горы, Чернигова и черниговской губернии, с. Городище (Деражнянского района) Хмельницкой обл. (Украина), «Изяславля», Полоцка и др. (Кондаков 1896: рис. 69—73; Тарновский 1898: 16, № 631; Ханенко 1902: табл. XXIII: 1018, 1019; Корзухина 1954: № 68, 73, 76, 80, 97, 100, 103, 107, 108, 116, 117, 123, 152, табл. XXXVIII: 3, рис. 69—73; Корзухина 1972: рис. 10; Штыхов 1975: 67, рис. 34: 23; Якубовський 1975: рис. 17; Якубовський 2003: 60, 65, рис. 36, 37; Макарова 1986: гл. 5; Піскова 1988: 18, рис. 1: 7 и др.).

Перстни из кладов не дают достоверных данных для датировки данной группы перстней-печатей. Не имеют твердых датировок и аналогичные зарубежные украшения. Однако перстни, найденные при раскопках на территории древней Руси, имеют основания для датировки. Это перстень из биллона с изображением птицы из слоя 30-х гг. XIII в. из раскопок М.К. Каргера в Полоцке (Штыхов 1975: 67,

¹⁵ В кладе 1887 г., согласно описанию находки клада, их нашли россыпью. Однако изначально они могли быть привешены к «сионцу».

¹⁶ См. литературу о связях славянских типов бус с бусами в скандинавских кладов в статье Н.В. Жилиной (Жилина 1998а: 106.)

рис. 34: 23); серебряный перстень с изображением птицы с городища, известного по литературе как летописный Изяславль (раскопки М.К. Каргера 1957 г.). В культурном слое «Изяславля», нарушенном распашкой, были найдены византийская бронзовая монета фессалоникийского правителя Федора II Ангела Комнина (1223–1230), а также и джучидская монета, вероятно, XIV в., что свидетельствует о продолжении здесь жизни после взятия городища монголо-татарами (Пескова 1981: 69; Пискова 1988: 17–18, 28, рис. 1: 7). Это серебряные и золотой перстни со знаками и с изображениями зверей из клада из раскопок В.И. Якубовского на городище у с. Городище Деражнянского района Хмельницкой области (Болоховская земля). Они датируются по керамике из раскопа, аналогичной керамике Райковецкого городища, гибель которого связывают с монголо-татарским нашествием (Якубовский 1975: 89–90; Якубовский 2003: 60–65). Таковы золотой перстень-печать со знаком «Рюриковичей» из раскопок Г.Ю. Ивакина на территории Михайловского Златоверхого монастыря 1997 г. (отнесен ко времени взятия Киева монголо-татарами в 1240 г.) (Ивакин, Козубовский, Козюба, Поляков 1998: 17–18; Историчний розвиток 1996: 17–18) и серебряный перстень с птицей из клада Московского Кремля 1988 г., датированный по находкам из слоя концом XII–XIII в. (Авдусина, Панова 1989: 272–273; Авдусина, Панова 1988: 180, 181; Панова 1996: 44).

Перстню со львом из собрания Боткина по характеру орнаментации и конструкции наиболее близки перстни клада из Болоховской земли. Однако и остальные датированные найденные на Руси перстни-печати с шестигранным верхом позволяют датировать перстень из собрания Боткина предмонгольским временем, т.к. они принадлежат к одному типу перстней, распространенному на Руси перед монголо-татарским нашествием.

По характеру орнаментации выделяется несколько подтипов таких перстней: с изображением зверей и птиц, с т. н. «знаками Рюриковичей» и с изображением креста.¹⁷ Изображение на перстнях-печатах зверей и птиц, очевидно, связано с формированием на Руси эмблематики (Рыбаков 1940: 230, 236–238, рис. 21–30; Макарова 1988: 241–247, рис. 1). Эти изображения, в том числе фигурка льва на перстне коллекции М.П. Боткина, являются своеобразными знаками собственности, эмблемами рода. Процесс сложения на Руси эмблематики, отразившийся также во владими́ро-суздальской фасадной пластике, происходил на Руси в нач. XIII в. (Вагнер 1962: 257–259, 261; Вагнер 1969: 154).

В характере орнаментации щитков и боковых стенок перстней можно выделить несколько вариантов, из которых к орнаментации перстня коллекции Боткина тяготеют перстни с Болоховского городища (Якубовский 1975: рис. 17), перстни отдельных киевских кладов (Корзухина 1954: № 80, 100). Однако перстень коллекции М.П. Боткина стоит среди всех известных перстней этого типа особняком. Не умиротворенный образ льва, как в древнерусском искусстве, например, в миниатюрах новгородских рукописей (Стасов 1887: LIV, LXII: 18), владимирской пластике, а островыразительный; не спокойная, как на Руси, а внутренне напряженная фигурка льва, его раскосые, перечеркнутые косой чертой глаза, высунутый язык и закинутый (не по владими́ро-суздальски) над спиной хвост находят аналогии в произведениях Малой Азии (бляшках-накладках, подвесках) (Treasures... 1993: 64–65). Это сходство усиливается также общностью технических приемов: растительный орнамент лозы по контуру перстня выступает над заглубленным черным фоном, как и на названных бляшках-накладках и подвесках из Анатолии. Учитывая сходство орнаментации перстня со львом из коллекции М.П. Боткина со многими перстнями древнерусских кладов, с одной стороны, и с ювелирными изделиями Востока — с другой, остается предположить исполнение его в Киеве восточным мастером.

Перстень со львом принадлежит к международному типу перстней. Аналогичные по конструкции и орнаментации перстни известны в исламской культуре (Bequest 1912: № 2292, 2370, 2371), в Византии (Банк 1980: 205–210), в Волжской Болгарии (Кафка 1926: 118–120, табл. I) и Западной Европе (Bequest 1912: № 1028), что отражает тесные контакты Руси с окружающим средневековым миром (Новаковская-Бухман 1995: 9–11).

Три золотых перстня представляют распространенный в кладах Руси XII–XIII вв. вариант перстней с пирамидальной жуковиной (один — с четырехгранной и два — с восьмигранной) с вставным камнем и плоской, из полоски золота, шинкой (цв. вкл. 7: 2–4; кат. № 31–33). Очевидно, они принадлежат к восточной традиции перстней с высокой жуковиной с вставным камнем (Кильчевская, Негматов 1964: рис. 5–6).

¹⁷ Т.И. Макарова выделяет на перстнях также мотив розетки в сердцевидном обрамлении (Макарова 1986: 43, рис. 16, № 67). Однако такая орнаментация, равно как и названный Т.И. Макаровой перстень, по преимуществу принадлежат ювелирному искусству Волжской Болгарии. О щитковых перстнях с шестигранным верхом Волжской Болгарии см.: Кафка 1926: 118–120, табл. I: 1–6; Полякова 1983: 56–57, табл. XXXIII: 11–13.

* * *

Отдельную группу представляют украшения из серебра. Они включают единичные украшения нескольких древнерусских ювелирных уборов X–XIII вв.

На фототаблице Императорской Археологической Комиссии украшения из серебра, оказавшиеся в коллекции М.П. Боткина, включают две редкие для древнерусских кладов массивные плетеные на четыре грани цепи со звериноголовыми наконечниками и группу витых шитковоконечных браслетов с накладными миндалевидными наконечниками (рис. 4). Соединение их на одной фототаблице свидетельствует о принадлежности тех и других до попадания в коллекцию М.П. Боткина одному владельцу.¹⁸

На цепях цилиндрические двуликие драконоголовые наконечники спаяны из двух отлитых в одной форме половин в виде стилизованных рельефных голов дракона с выступающим вниз носом, маленькими ушами и высокими в виде завитков бровями (цв. вкл. 7: 11, 14; кат. № 34, 35). Нос личин и губы имеют форму трилистника. Внизу совмещенных половин (на торцах) проходит сквозное отверстие для соединительного кольца. Вверху наконечники имеют трубчатую форму с рельефными поперечными валиками и выпуклой полусферой-заклепочкой по центру — головкой соединительного штыря, пропущенного сквозь наконечник и цепь. Соединительные кольца цепей свидетельствуют, что они использовались в уборе для ношения подвески, очевидно, креста.

Поперечные бороздки (по линии бровей и вверху наконечников между валиками) словно передают рисунок скано-зерненого узора стиля Еллинг.

Такая форма характерна для трех наконечников цепей коллекции Боткина. Два из них (на цепи с № БК 3275) отлиты в одной форме, третий, аналогичный по виду, от цепи БК–2609, — в другой (к ним близки наконечники цепи из Киевского клада 1876 г. из ус. Лескова).

Четвертый наконечник плоскостный, передает личину змеи. От также трубчатый, двуликий, с рельефными поперечными валиками вверху и продольным — по линии носа. Но главным элементом его декора служит чернь. Для рисунка глаз использованы глубокие концентрические круги-борозды вокруг зрачка, заполненные чернью, что позволяет условно говорить об «инкрустации» чернью. Чернью, теперь во многом утраченной, были заполнены и бороздки между валиками на трубчатом верхе и на линии носа.

На территории Руси цепи со звериноголовыми наконечниками находили редко. Они вошли в состав пяти кладов и в инвентарь погребения у Борисоглебской церкви в Чернигове (Корзухина 1954: № 32, 55, 80, 153, 170; Кондаков 1896: табл. XIII; Гушин 1936: табл. X; Рыбаков 1949: 58, рис. 26). По форме наконечников цепей и характеру орнамента они делятся на три группы: гладкие с рельефно выступающим рисунком морд и крупным орнаментом из завитков (к этому типу относятся три наконечника цепей Русского музея); обильно покрытые измельченным орнаментом, воспроизводящим в литье сканый и зерненный узор (из клада на Мироновском фольварке в Киеве); гладкие с редким узором из прямых отрезков скани (на цепи Тверского клада 1906 г., ГРМ).

Насыщенный орнамент и хищное выражение морд на наконечниках цепей из Русского музея и из клада на Мироновском фольварке характерны для звериного орнамента скандинавского типа, возникшего в южной Скандинавии в X в. и проникшего со скандинавским влиянием в Англию (Рыдзевская 1915: 212–213; Encyclopædia 1961: 169–173). Тип цепи и особенно голов наконечников из клада с Мироновского фольварка А.С. Гушин считал скандинавским (Гушин 1936: 63). Н.П. Кондаков сравнивал характер цепей древнерусских кладов со «служебными» (по его определению) цепями Скандинавии, но предполагал заимствование их варягами из России (Кондаков 1896: 180). Однако именно в кладах Скандинавии аналогичные цепи, в отличие от Руси, широко распространены. Среди них встречаются все типы наконечников, известных по русским кладам (ср. Рыдзевская 1915: 212–213, табл. XXIII: 6; Fornvännen 1908: 275, fig. 150 a, c.; Kivikoski 1951: № 1063, 1065, 1066, табл. 134, 135; Worsaae 1859: № 510 a, b).

Особенно близки наконечникам найденных на Руси цепей наконечники цепи из клада в Терслеве в Дании (Рыдзевская 1915: 212–213, табл. XXIII: 6). Показательно, что аналогичный орнамент в Скандинавии характерен и для предметов другого назначения: для ножичков, ухверток, разделителей ремней (Рыдзевская 1915: 213). Известен по памятникам скандинавского искусства и прием «инкрустации» чернью (Славяне и скандинавы 1986: ил. на обложке издания), в том числе и в декоре наконечников аналогичных боткинским цепей (Рыдзевская 1915: 213). Эти аналогии подтверждают скандинавское происхождение цепей из коллекции Боткина. Использование черни на фоне известно и на уникальном

¹⁸ РА НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1885 г. Д. 59. Л. 176.

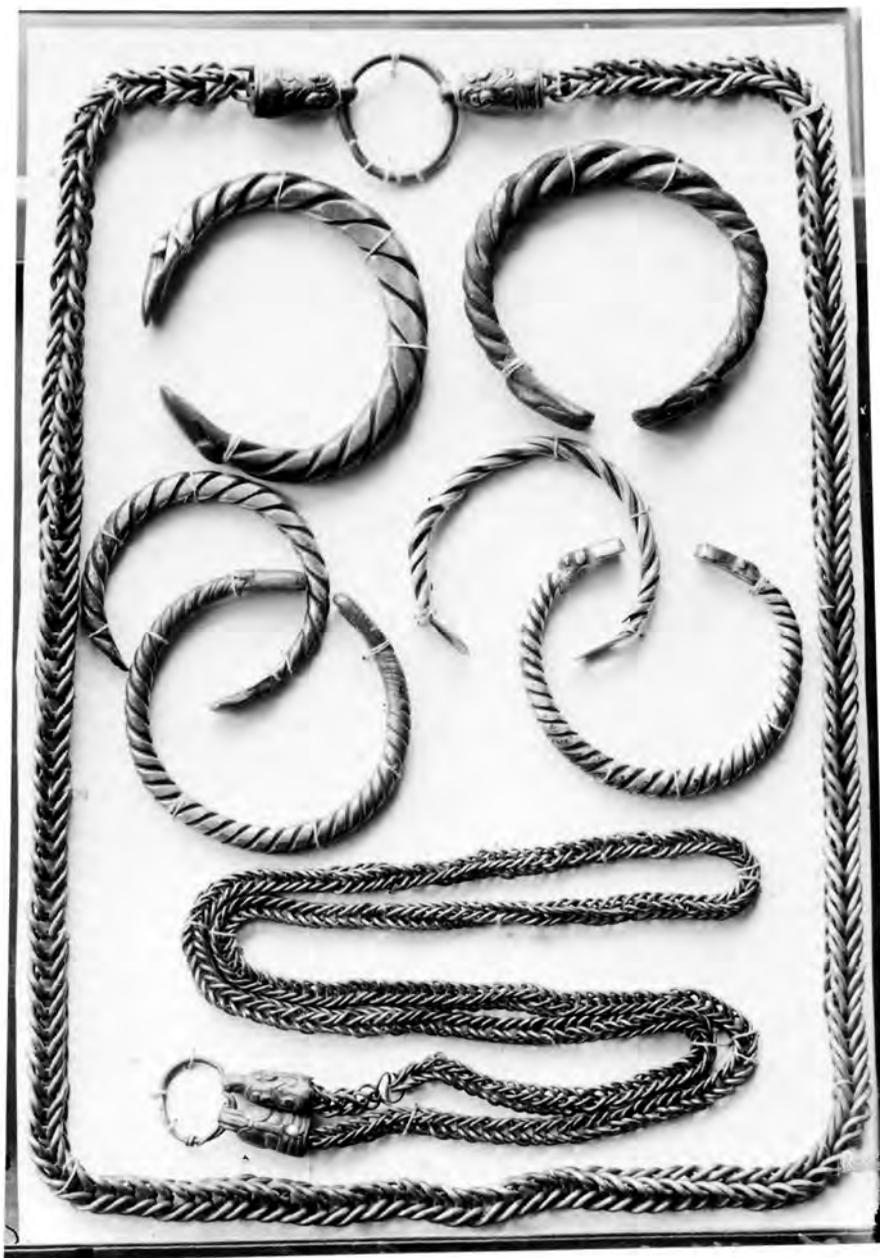

Рис. 4. Фототаблица Археологической Комиссии с изображением золотых украшений, оказавшихся в коллекции М.П. Боткина. РА НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1885 г. Д. 59. Л. 176

кресте из Фуссингос в Дании (Staecker 1999: 155–157). По совместным находкам аналогичных скандинавских цепей с монетами¹⁹ цепи из собрания Боткина следует отнести к X–XI вв.

В Скандинавии цепи были приспособлены в основном для подвешивания молоточков Тора, фибул, а с начала христианизации Скандинавии — с XI в. — для подвешивания крестов (Рыдзевская 1915: 213). В русских кладах среди древнерусских украшений, свидетельствующих о принадлежности клада древнерусскому человеку, их должны были использовать для ношения крестов. Таким же могло быть и назначение цепей из коллекции Боткина.

¹⁹ Клад из Терслева — монеты 892–962 гг., младшая монета клада — 936–962 гг. (Рыдзевская 1915: 212). В кладе, найденном близ Новгорода — монеты 848–1038/1075 гг., младшая монета клада 1038/1075 г. (Корзухина 1954: № 55).

* * *

Отдельную группу составляют пять серебряных витых щитковоконечных браслетов с накладными миндалевидными наконечниками, популярных на Руси и часто встречающихся в кладах конца XI — рубежа XII—XIII вв. (цв. вкл. 7: 5–9; кат. № 36–40). Они появляются в древнерусских кладах конца XI в. и являются первыми памятниками русского черневого дела на Руси (Макарова 1986: 33). Все наконечники браслетов завершаются на вершине рельефными трилистниками.

Наиболее массивными, свитыми из кованных, утолщенных к середине дров, являются два браслета коллекции Боткина (цв. вкл. 7: 5, 6; кат. № 36–37). К раскованным концам их витых дров припаяны массивные литые наконечники с рельефным трилистником и углублениями фона под чернь (утрачена). На одном из них сохранились концы трех сканых проволочек, обвивавших прежде браслет (кат. № 37).

Третий браслет (цв. вкл. 7: 7; кат. № 38) имеет на наконечниках насечку по бокам. Такие браслеты встречаются в кладах конца XI в. (Корзухина 1954: 91, 101; № 32, 34, 49, 55, табл. XIII–XIV). В кладе, найденном близ Новгорода, оказались дирхемы, западноевропейские и византийские монеты с младшей монетой 1038/1075 гг. (Корзухина 1954: 100, № 55).²⁰ Этим же временем следует датировать и браслеты из коллекции Боткина. По наблюдениям Т.И. Макаровой именно массивные браслеты из кованой проволоки представляют первый этап эволюции подобных браслетов на Руси (Макарова 1986: 36).

У двух других браслетов дроты также сужаются к концам, но незначительно. Наконечники у них накладные, золоченые, припаяны к раскованным концам витых дров у одного (цв. вкл. 7: 9; кат. № 40) и соединены штифтами с концами дров у другого (цв. вкл. 7: 8; кат. № 39) (этот способ прикрепления наконечников Т.И. Макарова считает отличительной особенностью браслетов, исполнявшихся на рубеже XI–XII в.) (Макарова 1986: 35; Корзухина 1954: 26; № 32, 55).

Наконечники трех последних браслетов (цв. вкл. 7, 8, 9) украшены растительным орнаментом на фоне черни, изображающим древо (кат. № 39–40) и каплевидную фигуру (кат. № 38).

На браслете БК 2611 (кат. № 40) наконечники четкой миндалевидной формы с трилистником на вершине. Эти черты представляют тот устоявшийся тип браслета, который широко распространен в кладах уже XII в. (Макарова 1986: 37).

По аналогии с новгородскими древностями, исследованными технико-технологическими методами (Рындина 1963: 200–268), можно утверждать, что в группе браслетов из коллекции Боткина отражены разные технические приемы их изготовления. Суженные к концам дроты указывают на изготовление жгутов ковкой (цв. вкл. 7: 5–9). Вместе с тем суженные к концам дроты витых новгородских браслетов, согласно технико-технологическим исследованиям, вначале изготавливались путем отливки прямых толстых жгутов, затем их расковывали и вытягивали концы (Рындина 1963: 230). Установить более точно процесс изготовления витых браслетов боткинской коллекции можно только в ходе лабораторного обследования памятников.

Сплюснутая форма некоторых браслетов по форме руки (цв. вкл. 7: 8, 9) указывает на изгиб перовитого браслета с помощью специальной овальной болванки. При этом округлая выпуклость дров на одном из браслетов (цв. вкл. 7: 9) свидетельствует об изгибе браслета без дополнительной проковки. На других браслетах (цв. вкл. 7: 5–7) — боковые стороны уплощены, что свидетельствует об изгибе браслета с помощью проковки на жесткой наковальне металлическим молотком с последующей обработкой напильником и шлифовкой (ср. Рындина 1963: 228, рис. 21: 2).

По мнению В.П. Левашовой, щитковые витые браслеты с миндалевидными накладными наконечниками являются исконно русскими украшениями. Отдельные их находки за пределами Руси связываются исследователем с экспортом подобных браслетов «за счет интенсивных торговых связей» (Левашева 1967: 221). Витые браслеты, витые гривны и, вероятно, перстни относятся к самому раннему периоду сложения стилистически единого металлического убора на Руси (Макарова 1986: 33).

Драгоценный материал браслетов Русского музея (серебро), тонкость исполнения позволяют считать их произведениями городских ювелиров, а сами браслеты вероятнее всего происходят из разрозненных кладов. Однако вкусы жителей городов, богатых и бедных, были едины. Ювелиры Киева отливали подобные браслеты из простых металлов в каменных литейных формах, создавая «на рынок» украшения, имитирующие изделия из золота и серебра. Литейная формочка для отливки подобных

²⁰ Вариантом таких браслетов в кладах являются плетеные браслеты, датирующиеся тем же временем (Корзухина 1954: 26; Макарова 1986: 3). В Русском музее такой браслет (БК 2616) поступил из Этнографического Отдела музея в Отдел древнерусского искусства.

браслетов найдена в Киеве в тайнике под развалинами Десятинной церкви (Каргер 1958: табл. LV), что свидетельствует о популярности подобных браслетов вплоть до татаро-монгольского нашествия. Витые браслеты, но без черни на наконечниках, встречаются до начала XV в. (Макарова 1986: 37).

* * *

Убор из серебра с зернью и сканью представлен в коллекции М.П. Боткина также звездчатым колтом и низкой крупных серебряных бус с медальоном с изображением процветшего креста.

Колт принадлежит к типу звездчатых с лучами не грушевидной, а уплощенной формы, с напаянной сканой проволочкой по контурам лучей и в виде продольного ребра посередине каждого луча (рис. 3).

Образец из собрания М.П. Боткина плохой сохранности: лицевой круглый щиток-средник разрушен, оборотный щиток сохранился в трех фрагментах, часть лучей открепилась от средника. Однако изображение цельного сохранного колта на фототаблице Археологической Комиссии позволяет составить представление о нем.

Основу колта составляет согнутая кольцом полоска серебра, к которой припаяны основания полых лучей колта. Сквозь них пропущена стягивающая их по окружности гладкая проволочка. Снаружи основания лучей (с обеих сторон) скрыты полоской серебра, обильно усыпанной зернью, напаянной по окружности на кольцо-основу. Венчающая лицевой щиток-средник полусфера была украшена «розеткой» из четырех (или из трех) проволочных (сканых?) колец с ромбами мелкой зерни внутри их. На фотографии Археологической Комиссии четко видны два кольца, вероятно, с треугольниками зерни между ними, но свободное пространство предполагает наличие, по меньшей мере, еще одного кольца. Вверху на линии стыка колец-«лепестков» напаяны три шарика крупной зерни.

Оборотный щиток сплошь покрыт мелкой зернью (в один слой), поверх которой из двойной сканой проволочки напаяны две обращенные в разные стороны дуги и дужка-полукольцо, расположенное вверху между ними — схематичный отголосок рельефного трилистника на расширенном основании, украшавшего оборотный щиток некоторых колтов с грушевидными лучами (Тверской клад 1906 г., ГРМ; клад с. Каменный Брод) (Корзухина 1954: № 138; ОАК 1903: табл. VII—3). С лицевой стороны средник колта обрамлен гладкой проволочкой и кольцом скани, с оборота — двойным сканым кольцом.

Лучи колта венчает пирамидка из зерни трех размеров, с шариком крупной зерни на вершине. Завершает колт маленькая лунница с пропущенной сквозь нее проволочной дужкой, обвитой по краям лунницы сканью. Лунница — узкая, лишь скрывает дужку, вверху украшена продольно напаянной гладкой проволочкой и обрамляющими ее полоской зерни (вверху) и скани (внизу) с примыкающими к полосе скани треугольниками мелкой зерни. Исполнение колта Русского музея нельзя объединить ни с одним из известных звездчатых колтов.

Аналогичные колты известны в кладах 70-х гг. XII — первой трети XIII в. (золотой — с ус. Анненкова, прилегающей к Десятинной церкви в Киеве; в киевских кладах 1903 г. с Трехсвятительской ул. и из ограды Михайловского монастыря, в кладах с Княжей Горы, в Тверском кладе 1906 г. (ГРМ) (Корзухина 1954: № 65, 84, 103, 121, 170; Ханенко 1902: 46, № 975, табл. XXVI). В Новгороде подобные, но исполненные литьем имитационные колты встречены в слоях XII — начала XIV в. (Седова 1981: 20, рис. 5: 10—12). В Киеве — в тайнике под Десятинной церковью — найдена литейная форма для отливки лунничного колта с плоскими лучами с продольными ребрами (тип колта коллекции Боткина), использовавшаяся вплоть до 1240 г. Аналогичный колт, очевидно, из числа исполненных русским ювелиром в золотоордынском плену, найден на территории Волжской Болгарии (г. Болгар) (Кондаков 1896: 97—98, рис. 134). Миниатюрный размер колта с длиной лучей около 14 мм также характерен для предмонгольской поры (такой размер — у лучевого колта из Новгорода из стратиграфического слоя XIII в. (Жилина 2003: 283). Все это позволяет отнести колт коллекции Боткина к предмонгольской поре — первой трети XIII в.

Согласно исследованиям Н.В. Жилиной, звездчатые лунничные колты, в отличие от колтов с грушевидными лучами с широкой дужкой, входили в убор с кичками и кокошниками, носились на узких и легких рясах (с чем и связан небольшой размер лунниц на колтах) на рубеже XII — первой трети XIII в. (Жилина 2002а: 59, рис. 5: 3). По характеру орнамента колты с обильным покрытием поверхности серебра зернью, орнаментацией из ромбов и треугольников и с использованием скани в качестве «рам», обмоток (дужки) и бордюров Н.В. Жилина относит к стилю серебряному зерненому геометрическому (Жилина 1998б: 77, 78, рис. 3). Однако в эту стилистическую группу автор включает колты с грушевидными лучами, а не с гладкими уплощенными, как на колте из коллекции Боткина. По мнению исследователя, на колтах с гладкими лучами орнаментация геометрического стиля постепенно сменяется декором золотого строгого стиля (Жилина 2003: 281—282, рис. 1: 7). Тем не менее, обильное

применение зерни и скани (как дополнения) сближает колт коллекции Боткина с грушевидными колтами со сплошь зернеными лучами. По орнаментации боткинский колт занимает промежуточное положение между колтами с грушевидными зернеными лучами и колтами с гладкими плоскими. Геометрическая орнаментация из зерни на луннице колта, использование на ней зерни по сторонам гладкой проволоочки, обмотка дужки по сторонам лунницы сканью на колте Боткина принадлежат к числу признаков, которые, по наблюдениям Н.В. Жилиной характеризуют работу рязанской мастерской (Жилина 1998б: 81, 83).

* * *

К памятникам того же скано-зерненого геометрического стиля (по классификации стилей Н.В. Жилиной) (Жилина 1998б: 77, 78, 82, рис. 3: 3; 5) следует отнести ожерелье из крупных овальных бусин с восемью накладными овальными полусферами (по четыре в каждом полушарии), с узором из скани и зерни (цв. вкл. 7: 15; кат. № 43). На низку бусин надет медальон с гравированным изображением процветшего креста. Подобное ожерелье с медальонами исследователи традиционно с XIX в. называют бармами (вслед за К. Ф. Калайдовичем); мужским украшением гривной-цетавой (цатой) (Г. Ф. Корзухина, Т.И. Макарова); женским родовым украшением «монистом», передававшимся по наследству, которое могло служить украшением икон, созданным князем, быть основным «прикладом» богородичных икон (И.А. Стерлигова) (Корзухина 1954: 55; Макарова 1986: 100; Стерлигова 2000: 151–153).

В описи коллекции 1917 г. бусы названы вне связи с медальоном, но соединение их в один комплект соответствует подобным ожерельям, известным по кладам XII–XIII в.: из Старой Рязани (клады 1937–1950, 1968–1973 г., 1970) (Монгайт 1955: рис. 118: 6; Даркевич, Монгайт 1978: 10–11, 19, табл. XIV: 3), из Суздальской земли (т.н. суздальское оплечье из с. Исады, клад 1851 г.) (Гущин 1936: табл. XXV; Корзухина 1954: № 169).

Бусы ожерелья коллекции Боткина, как и аналогичные им из названных кладов, по типу восходят к бусам IX–XI вв. из клада в Варби (Швеция) (Жилина 1998а: 111, 112, рис. 5: 1). По типологии металлических бус славянских типов Н. В. Жилиной, они относятся к четвертому типу, подтип II «д», характерному для древнерусских кладов X–XIII вв., и представляют упрощенный вариант эволюции декора скано-зерненных композиций подобных бус (Жилина 1998а: 111, 112; рис. 1: 22; рис. 5: 15–17).

В ожерелье из коллекции Боткина объединены бусы пяти разновидностей единого варианта скано-зерненого декора, исполненного не одним, а как минимум двумя-тремя мастерами. Бусины также несколько различаются размером и мастерством исполнения, набором элементов: несколько бусин не имеют сканой обмотки концов перед вершинами, на одних разделяющий полусферы выпуклый валик гладкий, на других — из канители (обвитого проволочкой жгута); на одной бусе полусферы не овальные, а круглые в основании.

Самая изысканная по исполнению и орнаментам бусина (справа от медальона) имеет не только наиболее сложный зерненный узор между овалами-полусферами (в виде встречных треугольников с маленьким ромбиком на вершине каждого), но и композицию из четырех ромбов мелкой зерни на самих овальных полусферах. Узор между овалами на этой бусе напоминает геометризированную человеческую фигурку. Такую характерную для народных вышивок, на серебряных бусах, а также на колоколовидных рясах древнерусских кладов трактуют как изображение женщины-богини, восходящее еще к языческим сюжетам (Жилина 1996: 6, рис. 5: 1). Скани на вершинах бусы нет.

На большей части бусин между полусферами по вертикали и горизонтали напаяны две пары встречных зерненных треугольников. Скани у вершин бусин также нет.

У одной бусы — между полусферами — только пара треугольников зерни, на вершине скани нет. На другой вершины обвиты сканью, но зерни нет вообще.

На Руси не найдены литейные формы для отливки имитации подобных бус. Но литейные формы для отливки близких по виду бус хранятся в Государственном музее изобразительных искусств Республики Татарстан (Полякова 1983: табл. XVIII, 2–4 (форма № 49, 53; Приложение I, № 49). Очевидно, это инструментарий ювелира, оказавшегося в плену в Золотой Орде (Полякова 1983: Приложение I: 32).

Медальон этого ожерелья по характерному рисунку процветшего креста с почти треугольными лучами, золочению фона и отсутствию черни, по кольцевой кайме из гравированных треугольников по контуру орнаментального поля ближе всего к медальонам клада 1888 г. с городища Великие Болгары (Макарова 1986: 107, № 309, рис. 54, № 303–307, рис. 55, № 299–302).

Все это свидетельствует об исполнении ожерелья с медальоном из коллекции Боткина в канун монгольского нашествия — в 30-е гг. XIII в.

В исполнении подобных медальонов видны разные ремесленные приемы, что, наравне со стилем орнамента и гравировкой, говорит о работе разных мастеров. Оглавие в виде бусины на медальоне из коллекции Боткина имеет серебряный толстый жгут: он опоясывает оглавие на месте соединения двух полусфер, конец его раскован, с оборота «спущен» на тыльную сторону медальона и припаян к ней. Тот же прием мы видим, например, на двух из трех медальонов ожерелья из клада 1868 г. из Старой Рязани (в ГРМ).

Мотив процветшего креста на медальоне коллекции М.П. Боткина — знак-символ Небесного Иерусалима (Лидов 1994: 22, прим. 28), как и изображения святых на медальонах других гривен-цетав, ставит особняком данное украшение в серебряном уборе XII—XIII вв. с гравировкой и чернью. Особенностью его декора, наравне с другими гривнами-цетавами с медальонами, являются христианские мотивы и символы, в то время как зерненная орнаментация бус того же ожерелья, равно как и изображения на других предметах убора из серебра с чернью, подчас содержит изображения, свидетельствующие об отголосках язычества на Руси в XII—XIII вв.²¹

* * *

Остается сказать, что выявлены еще не все серебряные украшения из раздела описи 1917 г. «Черниговский клад». Некоторые из них, судя по кратким описаниям, вряд ли входили в состав домонгольских ювелирных изделий.²²

Не вполне ясно упоминание: «35. Два обручика». Вероятно, это два серебряных височных кольца с тремя бусинами (средние бусы крупнее боковых), надетыми на проволочную дужку и зафиксированными на ней обвитой вокруг дужки сканой проволочкой (цв. вкл. 7: 12, 13; кат. 44—45). Декор бусин — в виде двух петлевидных проволочных «розеток», расходящихся основаниями от вершин бусин. Внутри «петель-лепестков» — свернутая спиралью сканая проволочка («обручами» в Описи «Черниговского клада» названы и перстневидные золотые височные кольца — кат. № 8). Замок височных колец сделан в виде петли и крючка, загнутых на концах проволочной дужки. В коллекции древнерусского отдела имеются две пары таких беспаспортных височных колец. Одна из них (с инв. № БК 1643, 1644) полностью соответствует изображению пары височных колец в издании «Собрание М.П. Боткина» (Собрание 1911: 36). Судя по декору из спиральных завитков скани (характерны для ювелирного дела Северной Европы — Швеции, Готланда, Бирки — эпохи викингов (см. Рыздзевская 1915: табл. XXIII: 5—6; Гушин 1936: табл. II: 6, IV: 21—23, 25; Славяне и скандинавы 1986: ил. 15; Duczko 1985: 73, 99; Жилина 1998в: 313) и по не древнерусской конструкции замка (в виде петли и крючка), это памятники европейского ремесла на территории Руси. Декор в виде спиральных завитков скани относят к стилю завитковому плоскостному. Скандинавские подвески с завитковым орнаментом датируются серединой — второй половиной X в. (Жилина 2005: 64—65).

* * *

Таким образом, коллекция древнерусских украшений X—XIII вв., представленных в собрании Боткина, отличается высоким художественным уровнем изделий, продуманностью ее состава. Она не была главной частью собрания, которое славилось, в первую очередь, греческими вазами и терракотой, произведениями западноевропейского средневековья и эпохи Возрождения, византийской перегородчатой эмалью. По своему уровню на рубеже XIX—XX вв. собрание признавалось одним из крупнейших не только в России, но и в Европе. В 1911 г. оно было опубликовано в роскошном издании, вышедшем на русском и французском языках. Однако и по коллекции ювелирных изделий Древней Руси X—XIII вв.

²¹ Для убора гривен-цат это отметила Т.И. Макарова (Макарова 1986: 107).

²² Таковы описания: «Серебро ...» 25. Ожерелье длины 44 с. ширины 12, 14 подвисяюльки» (по описанию это украшение не домонгольского времени. — С. Н.-Б.); «26. Двойной медальон 5 сан.» (очевидно, имеется в виду двусторонний резной образец с изображением «Богоматери оранты» и святителя Николая); «41. Аграф с отломанным концом, позолоченный 11 сан.» (судя по размеру, имелся в виду крупный «аграф» (застежка), известный в ювелирном деле нового времени, а не домонгольский «аграф» — дужка очелья, встречающаяся в кладах Руси); дважды вписанный памятник (в опись «золота» и «серебра»): «каменная Богоматерь в серебряном ободочке». «Опись» серебра начинается описанием ожерелья с медальонами, еще не выявленного: «1. Великокняжеские бармы в 3 больших медальонах толстой цепью в 60 сант. и запорным крючком». Однако, судя по описанию ожерелья в инвентарной книге Отдела древнерусского искусства музея, оно принадлежит не древнерусскому, а русскому искусству нового времени.

ясно, каким знатоком русских древностей был М.П. Боткин. И это несмотря на то, что значительная часть домонгольских ювелирных изделий, зафиксированная на таблицах Археологической Комиссии, была не собрана, а приобретена коллекционером уже в готовом виде. Кроме украшений из кладов в коллекции Боткина присутствует и значительная группа домонгольских украшений из бронзы, домонгольские литые из бронзы реликварные кресты-энколпионы. За всем этим чувствуется умение оценить памятники древнерусского ремесла. Они собраны с завидной полнотой. В них нашло отражение местное творчество ювелиров, разнообразие типов украшений, взаимосвязи Руси с культурой зарубежных стран. Состав этой части коллекции отражает многие техники ювелирного дела домонгольской Руси: работу по золоту и серебру, тиснение, перегородчатую эмаль, чернь, скань, зернь, а также своеобразие стиля ювелирных изделий (Киев, Рязань, Северо-Восточная Русь). В коллекции нет случайных вещей. В ней явно осознание ценности древностей, среди которых наряду с цельными, хорошо сохранившимися изделиями оказались фрагменты трехбусинных височных колец, в т. ч. разной выделки зерновых, чтобы отразить многообразные технические приемы создания бусин с зернью. По ряду ремесленных приемов исполнения особняком среди звездчатых колтов Руси стоит семилучевой колт.

Коллекция ранних украшений Руси в собрании М.П. Боткина представляет сложность и многогранность древнерусского ювелирного дела X—XIII вв. Это тем более удивительно, что в момент приобретения памятников многие находимые сокровища представлялись редкими, но не вполне понятными памятниками, в основном, зарубежного ремесла. Боткин найденные изделия также часто представлял иноземными. «По всему вероятно, — пишет в издании своего собрания Боткин, — византийские мастера дошли до Киева. В раскопках постоянно находят различные предметы перегородчатой эмали, цепи, серьги, головные уборы в виде корон, кресты и разные образки» (Собрание... 1911: 36). Он не предполагал местное производство перегородчатых эмалей. Но это не помешало ему приобрести коллекцию, собранную с удивительной полнотой. За всем стоит образованный, наделенный тонким художественным чутьем, страстью собирателя и неутомимым характером человек.

Делу собирания художественной коллекции помогала деятельность М.П. Боткина-предпринимателя. Она давала не только средства. С 1903 г. Боткин стал председателем правления акционерного пароходного товарно-пассажирского предприятия «Кавказ и Меркурий» (Алексушин 1997: 140).²³ Суда «Кавказа и Меркурия» плавали по Волге и Каспийскому морю, что, вероятно, способствовало контактам с поставщиками изделий волжских болгар и казанских татар, искусство которых также представлено в коллекции. Содействовали собиранию коллекции и связи с коллекционерами-собирателями, участие в деятельности Археологической Комиссии. В фонде Археологической Комиссии в Архиве ИИМК хранится переписка членов Комиссии с владельцами древностей, обязанных, по положению Комиссии, высылать свои находки для регистрации. В деле с документами, связанными с собиранием членами Археологической Комиссии материалов для будущей монографии Н.П. Кондакова о русских кладах (владельцев украшений просили прислать их для знакомства и фотофиксации), хранятся две уже упоминавшиеся выше таблицы Императорской Археологической Комиссии, на которых запечатлены нашитые на картон золотые и серебряные украшения разрозненных древнерусских кладов, оказавшиеся в собрании Боткина (рис. 3, 4).²⁴ Правда приобрел он эту коллекцию уже после выхода в свет монографии Н.П. Кондакова, т. к. на одной из таблиц сфотографированы ясны Сахновского клада, найденные в 1900 г.

Творческая биография М.П. Боткина рисует нам яркую энергичную личность. Родившийся в семье купца-чаоторговца, он с помощью старшего брата, Василия Петровича, после смерти отца получает высшее образование, становится академиком исторической живописи и представляет ту часть большой семьи Боткиных, которая дала России деятелей науки и культуры. Еще в студенческие годы в Академии Художеств способности его были отмечены П.М. Третьяковым (Боткина 1951: 68). Впоследствии он находится в гуще художественной жизни России, много путешествует, общается с крупными собирателями художественных коллекций — П.М. Третьяковым, Н.М. Постниковым, с А.А. Ивановым (пишет биографический очерк и монографию о нем). Во время заграничных путешествий по Италии, Франции, Германии складывается его коллекция.²⁵ Однако многое он покупает в России, отличаясь крайней предприимчивостью, которая даже создала ему славу хитроумного коллекционера-конкурента. Его деятельность связана со многими культурными учреждениями. Он был членом Совета Императорской Академии Художеств, с 1881 г. — действительным членом Русского Археологического Общества,

²³ Указанием на эту статью я обязана Е.Н. Гусевой.

²⁴ РА НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1885 г. Д. 59. Лл. 175, 176.

²⁵ В Архиве ИРЛИ хранится переписка М.П. Боткина во время его заграничных путешествий (Архив ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 1. Д. 77).

а с 1889 — сверхштатным членом Императорской Археологической Комиссии. М.П. Боткин входит в Комиссию по реставрации древнерусских соборов, в том числе Софийского собора в Новгороде, Мирожского монастыря во Пскове, Благовещенского собора в Москве. От Академии Художеств он был назначен для устройства Русского отдела на художественно-промышленной выставки в Копенгагене (1887), был распорядителем Художественного отдела Московской Художественно-промышленной выставки 1881 г.²⁶ Много внимания уделял М.П. Боткин и русским древностям. С 1896 г. был директором Музея Императорского Общества поощрения художеств, по коллекции которого составил «каталог предметов» (Боткин 1885), был экспертом по покупке памятников для музея Училища барона Штиглица и членом Совета училища,²⁷ экспертом по памятникам древнего искусства в Музее Императора Александра III. Он принял живейшее участие в осмотре дворцов и музеев с целью отбора художественных произведений для музея Императора Александра III, ему было поручено перевозить коллекцию Музея христианских древностей из Академии художеств в Михайловский дворец и устройство залов с этой коллекцией (Нерадовский 1965: 110–111).²⁸

Все это создает образ энергичного коллекционера, заинтересованного родной стариной, что выделяет XIX век — век сложения частных коллекций, энергичного собирания древностей, деятельности Археологической Комиссии, изучения родной старины. Это делает понятным высокий уровень коллекции М.П. Боткина. Его успех в археологическом разделе объясняется хорошим знанием археологии, участием в работе Русского археологического общества и Археологической Комиссии, личным интересом. При описи части собрания, оставшейся после перевозки в Русский музей из особняка М.П. Боткина, особо отмечено собрание книг по археологии.²⁹

Остается загадкой название золотых, серебряных и бронзовых украшений в «Описи», составленной при поступлении собрания Боткина в Русский музей в 1917 г., «Черниговский клад». На территории Чернигова до 1914 г. (год смерти Боткина) было найдено пять кладов, а с учетом кладов черниговской губернии — одиннадцать. (Корзухина 1954: № 147–150; в губернии: № 151–157). Из них пропали два клада. Между 1873 и 1890 гг. исчез клад 1853 г. из д. Лески (Корзухина 1954: № 153) (его украшения были зарисованы после находки, их состав и облик отличны от украшений коллекции Боткина). Второй клад, найденный в Чернигове на усадьбе Елецкого монастыря еще до создания Археологической Комиссии, поступил в Эрмитаж и в конце XIX — начале XX в. исчез из музея (Корзухина 1954: 148). Краткое описание клада вошло в издание Д.Я. Самоквасова «Могила Русской земли» (Самоквасов 1908: 266). В перечне входивших в его состав вещей упомянуты золотые «ожерелья», «серьги», «браслеты», «кольца», имеющиеся в группе домонгольских украшений в коллекции Боткина, и отсутствующие в ней «пояса» и изделия с перегородчатой эмалью (рясны, как упоминалось, просходят из Сахновского клада). Не исключено, что разыскание следов этого клада по документам Архива Эрмитажа XIX в. поможет ответить на вопрос, не изделия ли из коллекции М.П. Боткина входили в состав этого клада. Если же нет, то, возможно, перед нами украшения еще одного черниговского клада, оставшегося неизвестным.

Каталог украшений

1. Рясны из квадрифолийных полых бляшек. Из клада 1900 г. с городища Девичья Гора у села Сахновки (Киевская губ.) Киев. Вторая половина XII в.

Золото, жемчуг; тиснение, перегородчатая эмаль, пайка. Общая длина 82,5 см. Бляшки (с петлями шарнирного замка): 3,2 x 2,6 x 0,3.

В «Описи» золота коллекции Боткина: «1. Византийская цепь, найденная в России из 20 звеньев (медальонов). Эмаль клоазоне».

Инв № БК-3271. Цв. вкл. 5: 5

Собрание ... 1911: 36; Корзухина 1954: № 127; Макарова 1975: 42, 44

2. Крест-корсунчик. Старая Рязань. XII в.

Золото, гранат, яшма; резьба, тиснение, скань, зернь. 5, 6 x 3, 6

²⁶ См. сведения о назначениях и наградах М.П. Боткина в формулярных списках (РГИА. Ф. 789. Оп. 4. Д. 102 Б; РА НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1866. Д. 36-а).

²⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 4. Д. 102 Б. Л. 58.

²⁸ Боткин пишет первый обзор коллекции древнерусского искусства Музея императора Александра III (Лихачев, Боткин 1898).

²⁹ Архив ГЭ. Ф. IV. Оп. 1. Д. 1490. Л. 44.

- В «Описи» золота: «13. 1 крест с золотыми наконечниками».
Инв. № БК 2775. Цв. вкл. 5: 3.
Собрание ... 1911: 36; табл. 92; Жилина 1998 (II): 75; Новаковская-Бухман 2001: 139.
3. Очелье. Киев. XII в.
Золото; тиснение, пайка. Общая длина 11,4 см. размер дужек: 2,6 x 0,7 x 0,3.
В «Описи» золота: «21. Ожерелье из 14 рогов».
Инв. № БК 2787. Цв. вкл. 5: 7.
Публикуется впервые.
- 4–5. Пара золотых колтов с ажурной каймой, с вставными щитками с гравированным изображением птицы и композиции из двух «рогов» на обороте. Киев. Рубеж XII–XIII вв.
Золото; тиснение, гравировка, скань, пайка. 5,1 x 4,5 x 1,3.
В «Описи» золота: «12. Одна большая серьга, круглая с шариками по контуру и гравированным зверем посередине. 17. Одна серьга, такая же как № 12».
Инв. № БК 2776, 2777. Цв. вкл. 6: 1, 2.
Собрание ... 1911: 36; табл. 92; Корзухина 1954: 69, рис. 14; Макарова 1975: 95.
- 6–7. Пара колтов с поясным изображением святой (Богоматери?) и кругов на обороте. Киев. XII в.
Бронза; литье, выемчатая и перегородчатая эмаль, пайка. 3,0 x 3,6 x 1,1.
В «Описи» золота: «9. 2 серьги клоазонэ с Богоматерью».
Инв. № ДРА 812, 813. Цв. вкл. 6: 3, 4.
Собрание ... 1911: 36; табл. 92; Макарова 1975: 88, 90., № 136, табл. 27: 12–3.
8. Височные перстнеобразные кольца. Киев. XII в.
Золото; волочение. Диаметр колец от 1,36 см до 2,0; 2,2 и 2,7 см. Толщина проволоки 0,16 см.
В «Описи» золота: «24. 9 ломаных золотых обручей в виде колец».
Инв. № БК 2788 Цв. вкл. 5: 8.
Публикуются впервые.
9. Трехбусинное височное кольцо с зерненым узором из ромбов и треугольников на бусах. XII — первая треть XIII в.
Золото; тиснение, скань, зернь, пайка. 2,2 x 2,4 x 0,8. Размер бусин: 0,76 x 0,8.
В «Описи» золота о височных кольцах: «16 колец с мелкими пупушками, оч. крупные».
Инв. № БК 2731. Цв. вкл. 6: 5.
Публикуется впервые.
- 10–13. Трехбусинные височные кольца с полыми шаровидными бусами, сплошь покрытыми зернью в проволочных колечках; на уплощенных вершинах бус — по кругу напаяны гладкие проволочные кольца. Отверстие для дужки обрамляет проволочное кольцо. По сторонам бус дужка обвита сканью. XII — первая треть XIII в.
Золото; штамповка, скань, зернь, пайка.
БК 2725. 2,7 x 2,7 x 1,0; БК 2736. 2,6 x 2,7 x 0,8; БК 2737. 2,8 x 2,5 x 0,9;
Собрание ... 1911: 36, табл. 92.
БК 2738. 2,3 x 1,3 x 0,9. Публикуется впервые. Цв. вкл. 6: 6–9.
- 14–16. Трехбусинные височные кольца с полыми боченкообразными бусами, сплошь покрытыми зернью в проволочных колечках, напаянных на проволочный каркас. На вершинах бусин проволочный каркас без зерни, обнажен. По сторонам бус дужка обвита сканью. Отверстие для дужки обрамляет гладкое проволочное кольцо, а у БК 2734 — еще и маленькие золотые радиально расходящиеся щиточки. XII — первая треть XIII в.
Золото; волочение, скань, зернь, пайка.
БК 2721. 2,8 x 2,8 x 0,9. Бусины: 0,86 x 1,0; БК 2722. 2,8 x 2,87 x 0,9. Бусины: 0,88 x 1,0; БК 2734. 3,4 x 3,5 x 1,2. Бусины: 1,08 x 1,16.
Собрание ... 1911: 36, табл. 92. Цв. вкл. 6: 10–12.
- 17–19. Трехбусинные височные кольца с полыми шаровидными бусами, разделенными на три части тремя напаянными на бусы кольцами скани. Внутри колец: радиально расходящиеся от шарика зерни лучи из скани (БК 2730); лепестки из четырех колец скани вокруг шарика зерни в колечке (БК 2729; 2730 — с отверстиями внутри «лепестков»). Отверстия для дужки обрамляет гладкое проволочное кольцо, дужка между бусами обвита сканью. У БК 2739 вокруг отверстия для дужки по углам напаяно по шарик зерни в колечке. Киев, киевская земля. XII — первая треть XIII в.
Золото; тиснение, пайка, скань, зернь.

БК 2729. 2,6 x 2,9 x 1,0. Бусины: 0,9 x 0,8 (золото бусин темнее дужки и скани); БК 2739. Диаметр кольца 2,4. Бусы: 1,1 x 1,2.

Публикуются впервые.

БК 2730. 2,3 x 2,6 x 1,0. Бусины: 0,8 x 1,0; БК 2739. Диаметр кольца 2,4. Бусы: 1,1 x 1,2.

Собрание ... 1911: 36, с. 36. Цв. вкл. 6: 13–15.

20. Трехбусинное височное кольцо с полыми шаровидными бусами, разделенными на четыре части напаянными на бусы кольцами скани. Внутри колец и в ромбах между ними напаяно по колечку из гладкой проволоочки. Дужка между бусами обвита сканью меньшего диаметра, чем на бусах. Киев, киевская земля. XII — первая треть XIII в.

Золото; тиснение, пайка, скань, зернь. 3,1 x 3,1 x 1,0. Бусы: 1,0 x 1,7.

БК 2733.

Собрание ... 1911: 36, табл. 92. Цв. вкл. 6: 16.

21–26. Трехбусинные височные кольца с полыми шаровидными бусами, прорезанными (в два яруса) восьмью кругами, с обрамлением каждого двумя кольцами скани. Дужка между бусами обвита сканью.

Золото; тиснение, скань, зернь, пайка.

На двух кольцах (БК 2723, 2724) ромбы между бусами пересекают крест-накрест отрезки двойной скани: в местах касания колец и на пересечении отрезков скани между кругами напаяно по шару зерни в проволоочном колечке. БК 2723. 3,3 x 3,2 x 1,3. Бусы 0,16 x 0,3 см.

БК 2724. 3,3 x 3,36 x 1,25. Бусы 1,1 x 1,25. Цв. вкл. 6: 17, 18.

У кольца БК 2726 сохранилась одна буса из двух. Кольцо двойной скани обрамляет ее поперек и одинарные — вдоль, соединяя вершины и проходя через точки касания колец скани, обрамляющих прорезанные на поверхности круги. 2,6 x 2,4 x 1,36. Буса 1,36 x 1,0. Цв. вкл. 6: 20.

У кольца БК 2727 двойная скань опоясывает бусины, скрывая шов спайки полусфер, по сторонам от него в ромбах между кругами сделано по проколу в окружении гладкого проволоочного колечка. Проволочная дужка состоит из двух частей, совмещенных внутри средней бусы. 3,4 x 3,4 x 1,2. Бусы: 1,2 x 1,16.

Цв. вкл. 6: 22.

У височного кольца БК 2728 двойная скань опоясывает бусины поперек и вдоль, соединяя вершины. Вдоль поперечного шва поверхность бусин в отдельных местах проколота. Круги-прорезы на поверхности бусин обрамляет гладкое проволоочное кольцо и два кольца скани. 3,8 x 3,6 x 1,2. Бусы 1,2 x 1,1.

Цв. вкл. 6: 21.

Бусы кольца БК 2732 имеют шарик зерни в колечке только в местах касания колец скани. 3,0 x 2,7 x 1,2. Бусы 0,9 x 1,2.

Собрание ... 1911: 36, табл. 92. Цв. вкл. 6: 19.

27. Ожерелье из 9 реберчатых подвесок в виде конуса с провисающим донцем. Киев. Конец XII — первая треть XIII в.

Золото; тиснение, пайка. Общая длина ожерелья 13 см. Подвески: 1,4 x 0,96.

В «Описи» золота: «8. Нитка золотых овальных бус (20 штук)». (Вместе с бусами БК — 2778, 2780).

БК 2779

Публикуется впервые. Цв. вкл. 5: 6.

28. Ожерелье из 9 реберчатых (чечевицеобразных) бус малой выпуклости. Киев. Конец XII — первая треть XIII в.

Золото; тиснение, пайка. Общая длина: 15,27 см. Бусины: 1,7 x 0,8.

БК 2778

Публикуется впервые. Цв. вкл. 5: 4.

29. Две овальные со сферической поверхностью бусы с обвитыми сканью концами и глубокими рельефными кольцами из свитых спиралью завитков скани с соединяющими их полосками золота. Вторая половина XII — первая треть XIII в.

Золото; тиснение, скань, гладкая проволока, пайка. Размеры бусин: 1,6 x 1,0; 1,65 x 1,06.

БК 2780

Публикуется впервые. Цв. вкл. 5: 1, 2.

30. Перстень-печать с изображением льва. Киев. Первая треть XIII в.

Золото; штамповка, резьба, пайка. 2,2 x 2,4. Щиток: 1,9 x 2,2. Шинка: шир. 0,32; толщ. 0,11.

В «Описи» золота все перстни упомянуты под «№ 18. 4 кольца больших, одно из них с красной эмалью клоазоне».

БК 2785. Цв. вкл. 7: 1.

Собрание ... 1911: 36; Новаковская-Бухман 1995: 9–11.

31. Перстень с пирамидальной усеченной 8-гранной жуковиной, плоским донцем, круглым гнездом для вставки и лентовидной шинки в виде $\frac{3}{4}$ окружности кольца. Гнездо и вставка (прозрачное стекло-кабошон темно-розового цвета) открепились от жуковины, но сохранились. Вторая половина XII — первая треть XIII в.

Золото, стекло; тиснение, монтировка, пайка.

2,26 x 1,97. Жуковина: 1,1 x 1,0 x 0,46.

БК 2781

Публикуется впервые. Цв. вкл. 7: 2.

32. Перстень с пирамидальной усеченной 8-гранной жуковиной, плоским донцем, круглым гнездом для вставки и лентовидной шинки в виде $\frac{3}{4}$ окружности кольца. Вторая половина XII — первая треть XIII в.

Золото; тиснение, монтировка, пайка. Камень сохранился во фрагментарном состоянии.

2,3 x 2,3. Жуковина: 2,1 x 1,6 x 0,7.

БК 2786

Публикуется впервые. Цв. вкл. 7: 3.

33. Перстень с пирамидальной усеченной 4-гранной жуковиной, плоским донцем, прямоугольным гнездом для вставки и лентовидной шинки в виде $\frac{3}{4}$ окружности кольца. Вторая половина XII — первая треть XIII в.

Золото, камень (паста?); тиснение, монтировка, пайка.

2,4 x 2,3. Жуковина: 1,9 x 1,5 x 0,7.

БК 2784.

Публикуется впервые. Цв. вкл. 7: 4.

34. Цепь с драконоголовыми наконечниками. Скандинавия. X–XI в.

Серебро; ковка, литье, волочение, плетение. Общая длина 98 см. Наконечники: 3,0 x 1,4 x 1,5. Соединительное кольцо 3,2 x 3,5; диаметр его проволоки 0,3 см.

В «Описи» серебра: «Цепь толстая 2 сан. толщ., а длина 96 с замками и кольцом».

БК 3275

Собрание ... 1911: 36 Цв. вкл. 7: 11.

35. Цепь с драконоголовым и змеиноголовым наконечниками. Скандинавия. X–XI в.

Серебро; ковка, литье, волочение, плетение, чернь. Общая длина см. Наконечники: 2,5 x 1,1 x 0,6; 2,6 x 1,3 x 1,0. Соединительное кольцо 2,3 x 2,1; диаметр его проволоки 0,2 см.

В «Описи» серебра: «36. 1 толстая цепь. в 1 с. толщ. длиной 24 сан.».

БК 2609

Публикуется впервые. Цв. вкл. 7: 14.

36. Браслет массивный витой с накладными наконечниками (один утрачен) с рельефным трилистником на вершине. На наконечнике в каплевидном обрамлении — крин-трилистник. В углублениях фона чернь утрачена. Конец XI в.

Серебро; ковка, витье, литье, пайка. 6,1 x 6,5 x 0,7.

В «Описи» серебра (вместе с БК 2614): «34. Два витых браслета в 6 $\frac{1}{2}$ с в д.»

БК 2628

Публикуется впервые. Цв. вкл. 7: 5.

37. Браслет массивный витой с накладными наконечниками, с рельефным трилистником на вершине. На наконечнике в каплевидном обрамлении — крин-трилистник. В углублениях фона чернь утрачена. Между дротами сохранились фрагменты сканых проволочек, прежде обвивавших браслет. Конец XI в.

Серебро; ковка, витье, литье, пайка. 7,7 x 8,4 x 1,2.

В «Описи» серебра: «33. Два толстых браслета в 7 с. в д. витых».

БК 2629

Публикуется впервые. Цв. вкл. 7: 6.

38. Браслет витой с накладными наконечниками с рельефным трилистником на вершине, с насечкой параллельных бороздок на их боках. На лицевой стороне наконечников — в каплевидном обрамлении изображение древа на фоне черни. У наконечников по жгутам браслета — нарезка под витье. Конец XI в.

Серебро; ковка, витье, литье, пайка, чернь. 7,7 x 8,4 x 1,2.

В «Описи» серебра: «33. Два толстых браслета в 7 с. в д. витых».

БК 2613

Публикуется впервые. Цв. вкл. 7: 7.

39. Браслет витой с накладными наконечниками с рельефным трилистником на вершине и узором в виде каплевидной фигуры на фоне черни. Наконечники соединены с раскованными концами витых дротов штифтами, золоченые. Конец XI — начало XII в.

Серебро; ковка, витье, литье, золочение, чернь, монтировка. 7,7 x 8,0 x 1,0.

В «Описи» серебра: «29. 2 витых браслета в д. 7 сан.».

БК 2612

Публикуется впервые. Цв. вкл. 7: 8.

40. Браслет витой с накладными наконечниками с рельефным трилистником на вершине и узором в виде дерева на фоне черни. Наконечники напаяны на раскованные концы витых дротов, золоченые. XII в.

Серебро; ковка, витье, литье, пайка, золочение, чернь. 7,7 x 8,1 x 1,1.

В «Описи» серебра: «29. 2 витых браслета в д. 7 сан.».

БК 2611

Публикуется впервые. Цв. вкл. 7: 9.

41. Браслет витой двойной петлеконечный из ковального четырехгранного дрота с раскованными окончаниями. XI—XIV вв.

Серебро; ковка, витье. 7,0 x 7,7 x 0,9.

В «Описи» серебра (вместе с БК 2614): «34. Два витых браслета в 6 ½ с в д.».

БК 2614

Публикуется впервые. Цв. вкл. 7: 10.

42. Звездчатый семилучевой колт с лунницей вверху, гладкими лучами, обрамленными провололочкой, и сплошным зерненным покровом оборотного щитка. Старая Рязань. Кон. XII — I треть XIII в.

Серебро; тиснение, скань, зернь, монтировка, пайка. 5,7 x 6,9 x 0,8.

В «Описи» серебра: «31. 1 серьга ломаная, пришитая на картон».

ДРА-352

Публикуется впервые. Рис. 3.

43. Ожерелье из 10 крупных серебряных бус с напаянными в два яруса восемью полусферами с геометрическими фигурами из зерни между ними и обвитыми сканью концами (не у всех бусин), с медальоном с гравированным изображением процветшего креста. 30-е гг. XIII в.

Серебро; тиснение, скань, зернь, монтировка, пайка, золочение, гравировка.

В «Описи» серебра: «27. 18 пуговиц больших с украшениями их пупушек (в действительности — 10. — С. Н.-Б.). 32. Серебряная бляха в 7 с. в д. гравирован крест».

БК 2789 (а-л). Длина ожерелья из бус 36,5. Медальон: 6,9 x 7,1; с оглавием — 8,6 см.

Макарова 1986: 107; № 309.

Бусы: а) 3,6 x 2,7 x 3,1 (общая толщина по напаянным полусферам); б) 3,5 x 2,6 x 3,0; в) 3,4 x 2,7 x 2,9; г) 3,4 x 2,7 x 2,9; е) 3,5 x 2,5 x 2,7; ж) 3,8 x 2,4 x 2,9; з) 3,5 x 2,6 x 2,9; и) 3,4 x 2,7 x 3,0; к) 3,5 x 2,6 x 3,0; л) 3,8 x 2,5 x 2,9.

Бусы публикуются впервые. Цв. вкл. 7: 15.

44—45. Трехбусинные височные кольца (парные) с замком в виде петли и крючка. Ажурные бусы — в виде расходящихся от вершин 6-лепестковых «розеток» из провололочных петель с «вписанной» в них свитой спиралью сканой провололочкой (средняя буса крупнее крайних). Северная Европа. XI—XIII вв. (?)

В «Описи» «Серебра»: «35. Два обручика».

БК 1643, 1644. Диаметр кольца 4,35; средней бусы — 0,9 x 0,74; боковых — 0,7 x 0,6.

Собрание ... 1911: 36. Цв. вкл. 7: 12, 13.

Литература

Авдусина, Панова 1988 — Авдусина Т. Д., Панова Т. Д. Клад в Московском Кремле // Вопросы истории. № 9. 1988.

Авдусина, Панова 1989 — Авдусина Т. Д., Панова Т. Д. О находке клада на территории Московского Кремля // СА. № 4. 1989.

- Алексушин 1997 — *Алексушин Г.В.* Михаил Петрович Боткин — академик живописи и предприниматель // *Материалы научно-практических конференций.* Самара, 1997.
- Банк 1980 — *Банк А.В.* Золотой перстень из собрания Эрмитажа // *Зборник за ликовне уметности.* 16. Нови Сад, 1980.
- Боткин 1885 — *Боткин М.П.* Каталог предметов музея Общества Поощрения художеств. 1885.
- Боткина 1951 — *Боткина А.П.* П.М. Третьяков в жизни и искусстве. М., 1951.
- Вагнер 1962 — *Вагнер Г.К.* К вопросу о владими́ро-суздальской эмблематике // *Историко-археологический сборник (к 60-летию А.В. Арциховского).* М., 1962.
- Вагнер 1969 — *Вагнер Г.К.* Скульптура Древней Руси. Владимир. Боголюбово. XII век. М., 1969.
- Гущин 1936 — *Гущин А.С.* Памятники художественного ремесла древней Руси X–XIII в. Л., 1936.
- Даркевич, Монгайт 1978 — *Даркевич В.П., Монгайт А.Л.* Клад из Старой Рязани. М., 1978.
- Даркевич, Пуцко 1982 — *Даркевич В.П., Пуцко В.Г.* Старорязанские клады (раскопки 1979 г.) // *СА.* № 2. 1982.
- Жилина 1996 — *Жилина Н.В.* Зернь и скань Древней Руси и русская народная вышивка // *Живая старина.* № 3. М., 1996.
- Жилина 1998а — *Жилина Н.В.* Об эволюции металлических бус славянских типов // *Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.Н. Авдусина.* М., 1998.
- Жилина 1998б — *Жилина Н.В.* Стили и технология древнерусской зерни и скани // *РА.* № 3. 1998.
- Жилина 1998в — *Жилина Н.В.* Трехбусинные украшения древнерусских кладов XII–XIII в. (типология, эволюция, технология и орнаментика) // *Культура славян и Русь.* М., 1998.
- Жилина 1998г — *Жилина Н.В.* Об одном из источников по изучению язычества // *Археология.* № 2. 1998.
- Жилина 2002а — *Жилина Н.В.* Эволюция височной подвески славяно-русского металлического убора // *КСИА.* Вып. 213. 2002.
- Жилина 2002б — *Жилина Н.В.* Эволюция древнерусского металлического убора в IX–XI вв. // *История и культура Ростовской земли. 2001. Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль».* Ростов, 2002.
- Жилина 2003 — *Жилина Н.В.* Русская филигрань до и после татаро-монгольского нашествия // *Русь в XIII веке. Древности темного времени.* М., 2003.
- Жилина 2005 — *Жилина Н.В.* Славяно-русская филигрань VIII–X вв. // *Мастера средневековья. Stratum plus 2003–2004.* № 5. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2005.
- Івакін, Козубовський, Козюба, Поляков 1998 — *Івакін Г.Ю., Козубовський Г.А., Козюба В.К., Поляков С.Е.* Дослідження Михайлівського Золотоверхого собора у 1997 р. // *Археологічні відкриття в Україні в 1997–1998 рр.* Київ, 1998.
- Историчний... 1996 — *Историчний розвиток Києва XIII — середини XVI ст.* Київ, 1996.
- Каргер 1941 — *Каргер М.К.* Тайник под развалинами Десятинной церкви // *КСИИМК.* X. 1941.
- Каргер 1961 — *Каргер М.К.* Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1961.
- Кафка 1926 — *Кафка А.* Перстни Камско-Волжской Болгарии. (Собрание ГИМ) // *ИОАИЭКУ.* Т. XXXIV. Вып. 1–2. 1926.
- Килиевич 1982 — *Килиевич С.Р.* Детинец Киева IX — первой половины XIII веков. По материалам археологических исследований. Киев, 1982.
- Кильчевская, Негматов 1964 — *Кильчевская Э.В., Негматов Н.Н.* Находки ювелирных изделий из Шахристана // *СА.* № 3. 1964.
- Кондаков 1896 — *Кондаков Н.П.* Русские клады: Исследование древностей великокняжеского периода. СПб., 1896.
- Корзухина 1954 — *Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.
- Корзухина 1972 — *Корзухина Г.Ф.* Русские клады в зарубежных собраниях // *КСИА.* Вып. 129. 1972.
- Левашова 1967 — *Левашова В.П.* Браслеты // *Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ.* Вып. 43. М., 1967.
- Лидов 1994 — *Лидов А.М.* Образ Небесного Иерусалима в восточнохристианской иконографии // *Иерусалим в русской культуре.* М., 1994.
- Лихачев, Боткин 1898 — *Лихачев Н.П., Боткин М.П.* Обзорение Отдела христианских древностей в Музее Александра III. СПб., 1898.
- Макарова 1975 — *Макарова Т.И.* Перегородчатые эмали Древней Руси. М. 1975.
- Макарова 1986 — *Макарова Т.И.* Черное дело Древней Руси. М., 1986.

- Макарова 1988 — *Макарова Т.И.* Перстни с геральдическими эмблемами из киевского клада // Древности славян и Руси. М., 1988.
- Монгайт 1955 — *Монгайт А.Л.* Старая Рязань // МИА. № 49. 1955.
- Нерадовский 1965 — *Нерадовский П.И.* Из жизни художника. Л., 1965.
- Новаковская-Бухман 1995 — *Новаковская-Бухман С.М.* Перстни с 6-гранными щитками русских кладов. Зарубежные связи // Тезисы конференции, посвященной итогам научно-исследовательской работы за 1994 год и 150-летию со дня рождения И.Е. Репина. СПб., 1995.
- Новаковская-Бухман 2001 — *Новаковская-Бухман С.М.* Памятники древнерусского прикладного искусства в собрании М.П. Боткина // Судьбы музейных коллекций. Материалы VII Царскосельской научной конференции. СПб., 2001.
- Панова 1996 — *Панова Т.Д.* Клады Кремля. М., 1996.
- Пескова 1981 — *Пескова А.А.* Древний Изяславль // КСИА. Вып. 164. 1981.
- Піскова 1988 — *Піскова Г.О.* Скарби стародавнього Ізяславля // Археологія. 61. Київ, 1988.
- Полякова 1983 — *Полякова Г.Ф.* Изделия из цветных и драгоценных металлов из Болгар. Дис. ... канд. ист. наук. Т. 2. М., 1983.
- Рыбаков 1940 — *Рыбаков Б.А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XIII в. // СА. № 6. 1940.
- Рыбаков 1949 — *Рыбаков Б.А.* Древности Чернигова // МИА. № 11. 1949.
- Рыдзевская 1915 — *Рыдзевская Е.* Клад вещей из Терслева // ЗОРСА. Т. XI. Петроград, 1915.
- Рындина 1963 — *Рындина Н.В.* Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. № 117. 1963.
- Рябцева 2005 — *Рябцева С.* Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. СПб., 2005.
- Сабурова 1974 — *Сабурова М.А.* Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) // СА. № 2. 1974.
- Самоковасов 1908 — *Самоковасов Д.Я.* Могилы Русской земли. М., 1908.
- Седов 1972 — *Седов В.В.* Раскопки курганов в Верхнем Поднепровье // КСИА. Вып. 129. 1972.
- Седов 1982 — *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
- Седова 1981 — *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
- Седова 1997 — *Седова М.В.* Суздаль и его округа в X–XV вв. М., 1997.
- Славяне и скандинавы 1986 — *Славяне и скандинавы.* Ред. Е.А. Мельникова. М., 1986.
- Собрание... 1911 — Собрание М.П. Боткина. СПб. 1911.
- Стасов 1887 — *Стасов В.В.* Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1887.
- Стерлигова 2000 — *Стерлигова И.А.* Драгоценный убор древнерусских икон XI–XIV веков. Происхождение, символика, художественный образ. М., 2000.
- Тарновский 1898 — *Тарновский В.В.* Каталог украинских древностей коллекции В.В. Тарновского. Киев, 1898.
- Ханенко 1902 — *Ханенко Б.И. и В.Н.* Древности Приднепровья. Т. V. Киев, 1902.
- Штыхов 1975 — *Штыхов Г.В.* Древний Полоцк IX–XIII вв. Минск, 1975.
- Якубовський 1975 — *Якубовський В.І.* Давньоруський скарб з с. Городище Хмельницької області // Археологія. 16. 1975.
- Якубовський 2003 — *Якубовський В.* Скарби Болохівської Землі. Кам'янець-Подільський, 2003.
- Bequest 1912 — *Bequest Fr.* Catalogue of the Finger rings early christian, Byzantine, Teutonic, Mediaeval and later. London, 1912.
- Duczko 1985 — *Duczko W.* The Filigree and Granulation Work of the Viking Period // Birka. V. Stockholm, 1985.
- Fornännen 1908 — *Fornvännens: meddelanden fran Kungl. Viltterhets historie och antikvitets akademien.* Stockholm, 1908.
- Encyclopedia... 1961 — *Encyclopedia of world art.* Vol. V. New York; Toronto; London, (1961).
- Kivikoski 1951 — *Kivikoski E.* Die eisenzeit Finnlands. II. Helsinki, 1951.
- Staecker 1999 — *Staecker J.* Rex regum et dominus minorum: die wikingerzeitlichen Kreuz und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdanemark und Schweden. Stockholm, 1999.
- Treasures... 1993 — *Treasures of Islamic Art from the Nasser D. Khalili Collection* // Arts. The Islamic World. № 22. Special Issue. 10. Spring 1993.
- Worsaae 1859 — *Worsaae J.J.A.* Nordiske oldsager i Det kongelige museum i Kjöbenhavn. Kjöbenhavn, 1859.

Архивные материалы

Архив ГЭ. Ф. 1V. Оп. 1. Д. 1490. «Описи, охранные удостоверения и переписка об экспертизе, принятии на учет и частичной передаче в Русский Музей и Гос. Эрмитаж художественных предметов, принадлежавших М.П. Боткину и Е.М. Боткиной».

Архив ГЭ. Ф. I. Оп. V. Д. 303. 1923 г. «О заявлениях на передачу художественных ценностей по мирным договорам». («Памятная записка И.А. Орбели о собрании византийских перегородчатых эмалей М.П. Боткина и значении их для русской науки. /1923/»)

Архив ГЭ. Оп. V. Д. 57. 1919 г. «Докладная записка хранителя Византийского отделения Л.А. Мацулевича о собрании перегородчатых эмалей собрания М.П. Боткина и значении их для русской науки».

РА НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1885 г. Д. 59. Дело Императорской Археологической Комиссии «Об издании памятников зодчества и стенописи XII века и русско-византийских древностей».

РА НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1866 г. Д. 36-а. Формулярные списки Боткина М.П., Кондакова Н.П.

ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. КПХО. Ед. хр. 2. «Собрание М.П. Боткина». 1917 г.

РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 102. Б. Боткин М.П. 1870–1914.

Архив ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 1. Д. 77. 1869–1875. М.П. Боткин. Письма к Постникову С.П.

В. Павлова (Варна)

ШЕЙНЫЕ ГРИВНЫ ИЛИ ПОЯСА?

В болгарской археологической литературе все еще остается спорным вопрос о предназначении одного вида серебряных обручей. Они изготовлены из двух скрученных вместе узких серебряных трубочек или проволок, чаще всего перевитых тонкой филигранной провололочкой. Концы обручей оформлены различным образом — в одном случае они заканчиваются широкими трубками, а в другом — переходят в узкую ленту. Все обручи изготовлены из серебра высокой пробы, имеют близкие размеры: диаметр от 19,1 до 24,5 см, а их вес колеблется от 68 до 555 г.

В настоящий момент мне известны 17 подобных обручей из Болгарии. Большая их часть открыта в составе кладов, датированных XIV в., но есть и неопубликованные предметы. Некоторые из них включены в каталоги различных выставок или коллекций, а другие недавно поступили в музеи страны.

Все обручи открыты в северной Болгарии. Условно можем выделить две группы — открытые в северо-западной (Атанасова 1980: 24, 25, обр. 6; Аспарухов 1995: 116, 117, обр. 12) и в северо-восточной Болгарии (La Bulgarie... 1980: № 381, 382; Кузев 1994: 245–247, обр. 1; Петрински 2004: 188, обр. 1: а, б, в, г; Павлова 2005: 292–296, табл. VI). Изучение этих предметов показывает некоторые различия в их конструкции.

Обручи, найденные в северо-западной Болгарии (Дружба — 1 экз., Никополь — 4 экз.), более массивны. Одна их половина — витая, а другая переходит симметрично в трубочки, украшенные чередующимися колечками и розетками. Застежка представляет собой провололочный крючок с кольцом или шарнир (рис. 1: 12).

Обручи из северо-восточной Болгарии отличны — примерно одна четверть общей длины кольца переходит в узкую ленту. Она гладкая или украшена врезными растительными или геометрическими мотивами. Замок представляет собой крючок и петельку. У некоторых из этих обручей на месте застежки находятся одна или две полусферы. Одна из них декоративная, а на обратной стороне другой полусферы имеется вырез или пластинка для крючка (рис. 1: 2–7).

Почти все исследователи считают, что речь идет о шейных гривнах. Этот вывод основывается прежде всего на примерах из земель русских княжеств, подчеркивается, что это украшения, характерные для славян. Действительно, больше всего шейных гривен найдено в русских кладах, датирующихся с XI в. до 40-х гг. XIII в. (татарское завоевание). В исследованиях А. Гушина и Г. Корзухиной представлены различные типы шейных гривен (Гушин 1936; Корзухина 1954). Преобладают плетеные или витые обручи, некоторые с подвесками, реже — из единичной гладкой проволоки или из пластины, скрученной только посередине. Встречаются обручи полностью изготовленные из гладкой трубочки, при этом обруч окрывается шарнирно, плавно сужается, а концы его связаны крючком (Корзухина 1954: табл. XII: 2). Удивительно их сходство с конструкцией «болгарских» обручей (Корзухина 1954: табл. XIV, XV, XXXVIII), но некоторые застегиваются различным образом (Корзухина 1954: табл. I: 2, 3, 4). Ряд исследователей отмечает, что хотя они и были зарыты в землях русских княжеств, некоторые шейные гривны не характерны для славян. Эти украшения были трофеями, предметами торговли между княжествами (Литвинов, Макушников, Дробушевский 1987: 266) или импортом из Скандинавии (Горюнова, Овсянников 2002: 211–220) и принадлежат другим этническим группам и народам — ятвягам, финнам и др. (Корзухина 1954: 40 и сл.; Седова 1981: 22, 23; Финно-угры и балты 1987: 250, 271, 301; Семёнова 2000: 401–406). Если в X–XII вв. этот вид украшений носили и женщины, и мужчины,

то в XIII в., они становятся только женским украшением. Независимо от многообразия, их диаметр и конструкция обуславливают их предназначение — шейное украшение.

Однако близость формы и конструкции, даже одинаковый способ изготовления русских шейных гривен и обручей из Болгарии, совсем не означает, что они имели и одинаковое предназначение.

Более десяти лет назад Александр Кузев впервые предложил новую интерпретацию и определил комментируемые здесь памятники как пояса (Кузев 1994: 245–247, обр. 1). В докладе на конференции в его честь в 2002 г. я остановилась вновь на этой проблематике в связи с одной новой находкой (Павлова 2005: 292–296, табл. VI).

Итак, вопрос в следующем — шейными гривнами или поясами являются серебряные обручи?

Три основания определяют их как девический пояс — размеры, застежка и декор.

1. *Размеры.* Если это «шейные гривны», то из-за большого диаметра они ложатся на грудь, теряют свое специфичное место и предназначение, даже неудобны для ношения. Но как пояса — точно прилегают к талии девушки или стройной молодой женщины. И оба способа доказаны экспериментально.¹

2. *Устройство и замок.* Только два обруча (из Никопольского клада) застегиваются с помощью шарнира. Все остальные замки представляют собой крючок с петелькой. Таким образом застегиваются пафты — двойные металлические застежки на женском поясе в традиционном болгарском костюме. В точности как пафты оформлены концы обручей из «северо-восточной группы», большая часть которых имеют одну или две полусферы: (Климентово — 1 экз., Изворско — 3 экз. и Орешене — 2 экз).² Детали разнообразны (рис. 1: 2–4, 6–10), но не изменен способ застегивания. Он в стиле традиционной женской одежды, при котором и до нового времени пояса застегиваются спереди — с помощью пафт, а не пряжек, характерных для мужского пояса.

По мнению некоторых авторов, недостаточная гибкость обруча показывает, что они не могут быть поясами (Аспарухов 1995: 103). Это относится, прежде всего, к обручам «северо-западной» группы. Здесь отмечу, что в Варненском музее находится обруч (Павлова 2005: 292–296, таб. VI) с небольшими размерами и с меньшей эластичностью, но это, как показывают проведенные эксперименты, не помеха застегнуть его на девической талии. Другой, больших размеров обруч (из Климентово), в расстегнутом состоянии легко гнется и получает S-образное очертание (рис. 1: 11).

Имея в виду изложенные аргументы, логично задать вопрос — зачем необходимо изготавливать сложное приспособление для застегивания при условии, что большой диаметр обруча делает замок бессмысленным — «шейная гривна» просто одевается через голову?

3. *Декор.* Он напрямую связан с предназначением и конструкцией. Это, прежде всего, относится к обручам, на которых сохранились полусферы, также украшенные: сверху — зернью, а в основании — филигранной проволокой (рис. 1: 2, 3, 5). Они служат одновременно украшением и элегантно скрывают замок.

Если эти обручи представляют собой «шейные гривны», декорация не будет видна при обоих возможных вариантах застегивания. Даже если допустить, что они застегивались спереди — лента с полусферами падает слишком низко на грудь, и пластина оказывается развернутой вниз, что мешает видеть декорированную часть обруча.

Как пояс, однако, обруч плотно обхватывает женскую талию, а вся украшенная часть (лента с двумя полусферами), находясь спереди, хорошо видна. Это характерно для всех поясов, где передняя часть всегда самая «представительная».

Как я уже отмечала вначале, значительная часть комментируемых памятников является частью кладов (лишь два открыты самостоятельно), датированных XIV в. Здесь необходимо отметить, что в могильниках XIII–XIV вв. не открыты шейные гривны. Возникает вопрос — почему, если эти украшения употреблялись наравне с другими (независимо от металла или качества изготовления), их нет в могильниках?

Логично, что они входят в состав кладов среди других драгоценностей, поскольку это тяжелые украшения, изготовленные из серебра высокой пробы. Такое дорогое украшение, вероятно, передавалось по наследству — традиция, известная среди многих народностей. Это одна из причин того, что в могильниках находят сравнительно мало украшений из благородных металлов.

Вероятно поэтому и серебряные пояса не открыты в могильниках в болгарских землях или других районах Балкан. И все-таки существуют археологические доказательства, что подобные обручи служи-

¹ Во время научной конференции, посвященной Г.Ф. Корзухиной, эксперименты были продемонстрированы.

² Такую застежку имеют и обручи из двух других кладов, найденных также в северо-восточной Болгарии. Один из них не опубликован и сохраняется в Национальном историческом музее в Софии. Другой был открыт у с. Крумово, недалеко от Варны, и находится в фонде Варненского археологического музея (см.: Павлова в печати).

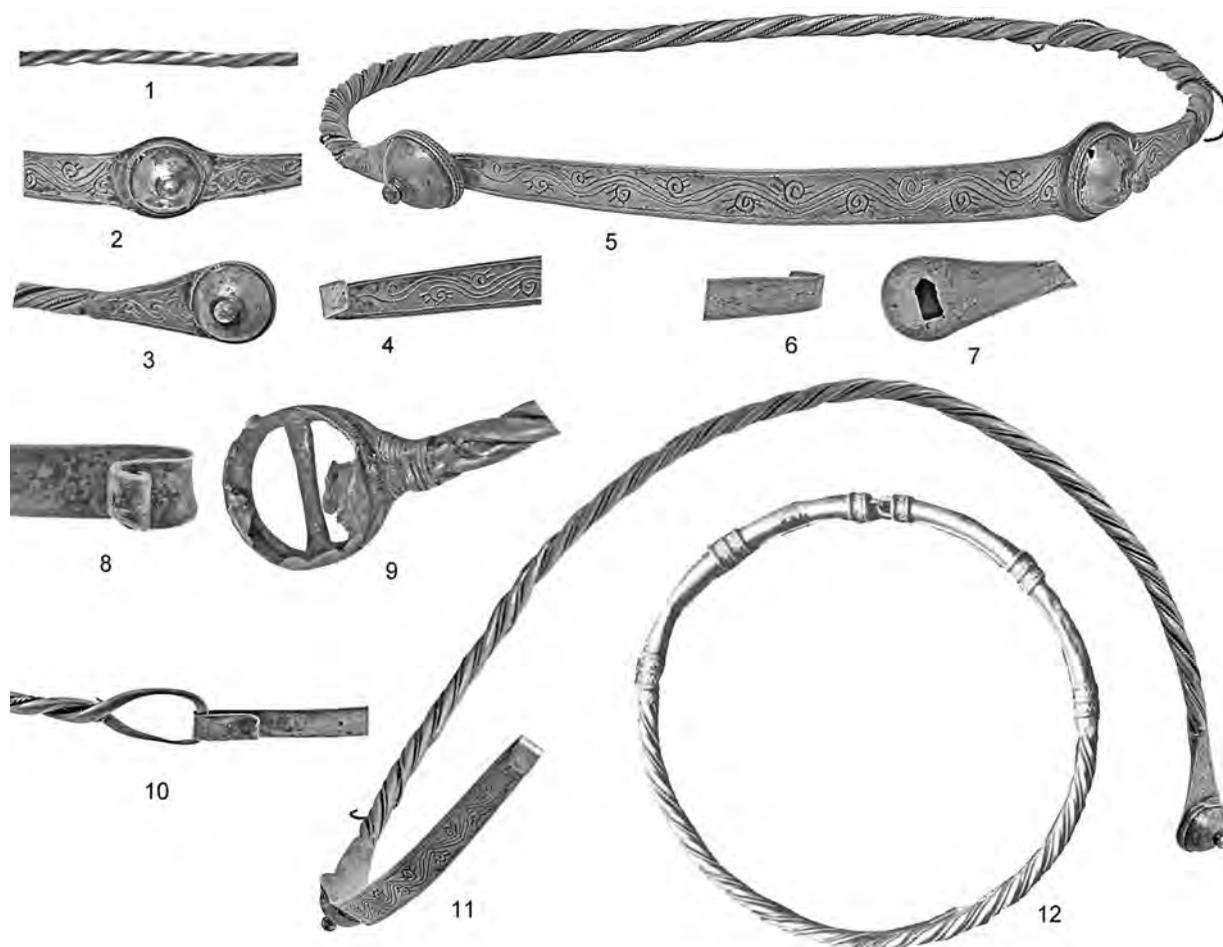

Рис. 1. Серебряные обручи и их детали: 1–4, 6–10 — способы фиксации серебряных обручей; 5, 11 — пояс из с. Климентово Варненского района; 12 — обруч из Никопольского клада

ли поясами. Они найдены *in situ* в двух могилах Гдовского могильника (Псковская область), датированных XIII–XIV вв. (Спицын 1903).³ Одно из погребений (№ 226) — двойное, с мужским и женским скелетами. На талии каждого из них находился пояс из гладкой медной проволоки (Спицын 1903: 92, рис. 89, табл. XXIII: 17). Пояса сделаны совсем просто — их заступающиеся концы скручены, а сверху дополнительно стянуты куском проволоки. Такой же медный пояс открыт и в могиле № 236, где похоронена женщина в полусидячем положении. Любопытно, что покойница похоронена с шейной гривной и поясом, изготовленными из меди (Спицын 1903: 94, рис. 90).

Хотя примеров мало, а указанные пояса довольно примитивны, это пока единственные археологические сведения.

Гипотезу, что все обручи были поясами, как будто опровергает один изобразительный источник. Недавно были полностью опубликованы исследования небольшой церкви у с. Станичене, недалеко от Пирота в Сербии (Поповић, Габелић, Цветковић, Поповић 2005). Фрески храма создавались в 1331–1332 гг. во время царствования болгарского царя Ивана-Александра (1331–1371 гг.). Среди изображений наиболее интересна в нашем случае фигура Ареты (дочери или сестры ктитора). Она изображена в богатых одеждах и с различными украшениями. Поверх двух других ожерелий она носит и шейную гривну (цв. вкл. 8). Великолепные фотографии и масштабный рисунок позволяют увидеть и детали — витой обруч (диаметр около 19 см), его гладкие края (вероятно, из трубочек), и связующее звено между двумя различными частями, обозначенное парами колечек (Поповић, Габелић, Цветковић, Поповић 2005: 91, 92, 38, 39).

³ На эту публикацию мое внимание обратил ст. н. с. Государственного Эрмитажа Юрий Михайлович Лесман, которому я еще раз высказываю искреннюю благодарность.

Стенописное изображение из Станичене Пиротского района в настоящий момент является единственным достоверным свидетельством использования шейных гривен в XIV в. Таким образом «вместе» с находками из Дружбы и Никополя оно оформляет картину распространения этого вида украшений, как характерного для северо-западных земель Второго болгарского царства. Анахронизм это или «возрождение» — не могу пока ответить.

Конструкция, других обручей — с лентой и полусферами, логично предполагает однако, что они являются поясами, а не шейными гривнами. Не вдаваясь в исторические подробности, я только замечу, что конструкция шейных гривен весьма консервативна. Наверное, по этой причине все обручи определяются как шейные гривны.⁴

Я считаю, что обручи с меньшими диаметрами и толщиной, изготовленные непретенциозно, являются детскими поясами, которые носились девочками. Другие обручи — более тяжелые и большие — относятся к наряду невесты.

Стенописные, миниатюрные изображения и данные многочисленных исследованных могильников показывают, что замужние женщины в средневековой Болгарии не опоясывались (Мавродинова 1995: обр. 70, 72, 85, 121; Митова-Джонова 1958: 39–59, фиг. 7; Бобчева 1978: 152–180; Бъчваров 1993: 23–29).

Многочисленные находки почти одинаковых поясов в сегодняшней северо-восточной Болгарии, свидетельствуют о местной традиции.

Вопрос, где точно они изготавливались, остается открытым.

Литература

- Атанасова 1980 — *Атанасова Й.* Средновековно съкровище от село Дружба // МПК. 4. 1980.
- Аспарухов 1995 — *Аспарухов М.* Никополското съкровище // ИМСЗБ. 23. 1995.
- Бобчева 1978 — *Бобчева Л.* Некропол от XIII–XIV век в Калиакра // ИНМВ. XIV (XXIX). 1978.
- Бъчваров 1993 — *Бъчваров И.* Янтренски некрополи. Велико Търново, 1993.
- Горюнова, Овсянников 2002 — *Горюнова В.М., Овсянников О.В.* Клад конца X — начала XIII вв. в устье р. Варзуги (Терский берег Кольского п-ова) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.
- Гущин 1936 — *Гущин А.С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. М.; Л., 1936.
- Колекция... б.г. — Колекция Васил Божков. София, б.г.
- Корзухина 1954 — *Корзухина Г.Ф.* Русские клады. М.; Л., 1954.
- Кузев 1994 — *Кузев Ал.* Сребърни момински колани от XIV в. // Сборник в чест на акад. Димитър Ангелов. София, 1994.
- Литвинов, Макушников, Дробушевский 1987 — *Литвинов В.А., Макушников О.А., Дробушевский А.И.* Клады древнерусских шейных гривен из Белоруссии // СА. № 1. 1987.
- Мавродинова 1995 — *Мавродинова Л.* Стенната живопис в България до края на XIV век. София, 1995.
- Митова-Джонова 1958 — *Митова-Джонова Д.* Археологически данни за селската носия в Северо-западна България през XIV в. // ИЕИМ. 3. 1958.
- Павлова 2005 — *Павлова В.* Нова колекция от средновековни накити в Варненския археологически музей // АМВ III–2. Българските земи през средновековието (VII–XVIII в.). Варна, 2005.
- Павлова в печати — *Павлова В.* Средновековно съкровище от с. Крумово, Варненско // МИФ. 11. София, в печати.
- Петрински 2004 — *Петрински И.* Новооткрито средновековно съкровище при с. Изворско, Варненско // ИНИМ. XIV. 2004.
- Поповић, Габелић, Цветковић, Поповић 2005 — *Поповић М., Габелић С., Цветковић Б., Поповић Б.* Црква Светог Николе у Станичену. Београд, 2005.
- Седова 1981 — *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
- Семёнова 2000 — *Семёнова М.* Быт и верования древних славян. СПб., 2000.
- Спицын 1903 — *Спицын А.А.* Гдовские курганы в раскопках В.Н. Глазова // МАР № 29. 1903.
- Финно-угры и балты 1987 — *Финно-угры и балты в эпоху средневековья.* М., 1987.
- La Bulgarie... 1980 — *La Bulgarie médiévale. Art et civilisation.* Paris, 1980.

⁴ В опубликованной недавно частной коллекции представлен серебряный обруч (диам. 20 см), определенный как «шейная гривна», датированная I–III вв. н. э. Судя по материалу, способу изготовления, конструкции, декору и размерам так называемая «шейная гривна» является скорее всего поясом, подобным найденным в северо-восточной Болгарии, и абсолютно одинакова с обручами из клада у с. Изворско, датированного XIV в. (Колекция Васил Божков: 190, № 241).

Л. Пекарская (Лондон)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КИЕВСКОМ КЛАДЕ 1906 г.

Наибольшим из кладов княжеского периода, хранящихся в музейных коллекциях Запада, является клад золотых и серебряных украшений, найденный случайно в старой части Киева. Это произошло во время прокладки киевским водопроводным обществом новой сети водопроводных труб по ул. Трехсвятительской, у Михайловского Златоверхого монастыря, 5 июля 1906 г. Клад прошел сложную историю от момента своей находки и расхищения до государственных коллекций западных музеев. С ним соприкасались имена известных коллекционеров и исследователей своего времени, среди которых — В.Б. Антонович, А.А. Бобринский, Б.И. Ханенко, В.Е. Гезе, А.А. Спицын, Дж.П. Морган, О.М. Далтон, Г.Ф. Корзухина.

Библиография клада — довольно краткая, и основным источником его изучения была работа Г.Ф. Корзухиной, где исследовательница, суммировав данные археологической хроники и архива ИАК за 1906 г., сделала перечень вещей клада, коротко описав обстоятельства его находки (Корзухина 1954: 124–125, № 108). Согласно этим данным, руководитель работ И. Быстров, остановивший расхищение клада после его находки, забрал драгоценности под предлогом передать их в полицию. В действительности, он продал клад за несколько сотен рублей торговцу древностями М. Золотницкому. Последний пытался перепродать клад за 30 тыс. руб., показав фотоснимки с вещей проф. Киевского университета В.Б. Антоновичу. Председатель ИАК граф А.А. Бобринский сделал краткий перечень вещей клада в своей записной книжке и зарисовал изображения со щитков двух перстней. Небольшая часть клада, отобранная у находчиков полицией, была отправлена в ИАК, которая пыталась получить клад от М. Золотницкого. Тогда владелец вывез его за границу, где по предварительным данным, продал по частям в Кенсингтонский музей и Пирпонтю Моргану.

Спустя почти двадцать лет случай помог Г.Ф. Корзухиной выяснить точное местонахождение вещей этого клада. Просматривая один из каталогов Британского музея, она обратила внимание на серебряный браслет-наруч с характерными для древнекиевских украшений изображениями в виде птиц и растительного орнамента. Относительно его происхождения было указано, что наруч вместе с другими серебряными украшениями найден в Киевской губернии (British Museum ... 1923: 172–174, fig. 232). В ответ на просьбу Г.Ф. Корзухиной ей были присланы из Британского музея фотографии вещей с обозначением, что они найдены в Киеве, на Трехсвятительской улице, в июле 1906 г. и поступили к ним в коллекцию от П. Моргана в 1907 г. Оставшиеся у него предметы клада были опубликованы в начале XX в., хотя место их находки автором упомянуто не было (Dalton 1912: 9, 10, 65, pl. III, IV, № 109, 110).

Сопроводив присланные фотографии известными на то время данными об истории находки клада и его вывоза за границу, исследовательница подготовила его публикацию (Корзухина 1972: 24–30).

Этими данными ограничивались наши знания об одном из самых богатых кладов Киевской Руси, найденных в начале XX столетия. Судьба группы вещей клада, присланной в ИАК из Киевского Окружного суда, а также вещей, похищенных во время находки, остались неизвестными. Остальные предметы, оказавшись на Западе сначала в частных, а затем в разных музейных коллекциях, оставались недоступными для изучения и неопубликованными.

Только в конце 1990-х гг. появилась возможность исследовать вещи этого клада и ознакомиться с документами частного архива Дж.П. Моргана в Нью-Йорке.

Благодаря этому удалось выяснить ряд неизвестных ранее деталей, относящихся как к его продаже и появлению на Западе, так и к составу самого комплекса.

История этого клада тесно связана с именем Моисея Золотницкого, помогавшего в свое время отцу в торговле древностями. Знатки и любители старины хорошо знали родоначальника большой семьи антикваров Абрама Яковлевича Золотницкого (Злотницкого). Начиная с 1860 г., он начал скупать древние вещи и основал антикварную торговлю в Нежине Черниговской губернии. Выгодный обмен и продажа вещей принесли его семье миллионное состояние. Имея богатейшую коллекцию старинного серебра, бронзы, фарфора, картин, старинных тканей и других вещей, он открыл торговлю в Киеве. Большой знаток старины, побывавший во многих европейских музеях и поддерживавший переписку с ними, он имел огромную клиентуру не только в Киеве, но также Москве, Петербурге и за границей. Его услугами пользовались многие коллекционеры, высокопоставленные лица и музеи. Все дела магазина он вел с помощью пятерых сыновей и никогда не привлекал к этому посторонних. Один из его сыновей, а именно Моисей Золотницкий, женившись, отделился от фирмы отца. Он открыл свою торговлю в здании Киевской биржи и пользовался репутацией одного из лучших знатоков старины (Старый Киев. ... 1916). Понимая, что купленные им за бесценок золотые и серебряные украшения являются довольно древними и редкими, он надеялся получить большую прибыль от их продажи. Изготовив фотографии с вещей, якобы предложенных ему за 30 тыс. руб., он показал их проф. Киевского университета В.Б. Антоновичу. Тот был заинтересован в этих древностях для пополнения университетского музея и дал свою оценку в 5–6 тыс. руб.

М. Золотницкий старался держать наличие клада в секрете и искал выгодного покупателя. Хотя он был уличен сделанными им фотографиями, все же отказывался от факта приобретения, утверждая, что не покупал клада (Известия ИАК 1907: 21–22).

Однако новость быстро разошлась среди местных коллекционеров и любителей старины. Один из них, В.Е. Гезе, в письме к своему другу и члену ИАК А.А. Спицыну, эмоционально и подробно описал некоторые обстоятельства и детали, относящиеся к находке клада. Считая, что ИАК должна приложить больше усилий, и предлагая помощь в розысках клада, он в частности писал: «...Если эти вещи рассеются по свету, то будет очень жаль. Мне кажется Комиссия могла бы еще не поздно, забрать эти вещи, но самый верный способ это — через губернатора и начальника содействия полиции, так как клад найден на городской земле... Рабочий и другие свидетели признают вещи, а Золотницкий не будет в состоянии указать, где он купил.... он хочет везти его за границу. Впрочем и за границей можно предупредить..., что клад похищен у города Киева... Все местные собиратели в описываемом случае готовы помочь в розысках...» (РА НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1906. Д. 116. Лл. 1–2).

Боясь утратить клад, М. Золотницкий 12 октября 1906 г. выехал за границу, увозя с собой драгоценности. ИАК через Министерство иностранных дел разослала перечень вещей клада в крупнейшие музеи Западной Европы, чтобы способствовать его возвращению. Уже в январе 1907 г. ИАК получила ноту МИД Великобритании от 16 декабря 1906 г., в которой сообщалось, что член одной из лондонских антикварных фирм (Mr. Murray Marks, «Durlacher Brothers») купил перечисленные драгоценности у парижского антиквара, имя которого назвать отказался, за несколько тысяч фунтов и готов хранить клад до получения инструкций Русского Посольства. Только 7 марта 1907 г. ИАК обратилась в МИД Великобритании с просьбой прислать фотографии вещей для их опознания и сообщить сумму покупки. В ответе, присланном в конце марта, сообщалось, что вещи уже проданы лондонским антикваром, и он не может сообщить ни имени покупателя, ни суммы сделки. К сожалению, после этого ИАК, считавшая, что помимо высокой материальной стоимости, клад по оригинальности и характеру заключающихся в нем предметов представляет огромное научное значение, не предприняла никаких усилий для выяснения деталей его продажи и возможностей для возвращения. Переписка прекратилась.

В действительности, клад тогда еще не был продан, но был в поле интересов известного американского банкира, финансиста и коллекционера Джона Пирпонта Моргана (рис. 1). Обладая огромным собранием древностей, включающим живопись, бронзу, эмали, изделия из кости, хрусталя, стекла, миниатюры, часы, табакерки, книги, рукописи и другие вещи, он проводил сделки с антикварными фирмами в разных странах и, как свидетельствуют документы его частного архива, «Durlacher Brothers» в Лондоне не была исключением.

Весной 1907 г. Дж.П. Морган приехал на пять месяцев в Европу: был в Лондоне и Париже, посетил Италию с Роджером Фрайем (Roger Fry), консультантом по европейскому искусству Метрополитен музея в Нью-Йорке. Именно в марте, когда М. Маркс вел переписку с ИАК в Петербурге, Дж.П. Морган находился в своей Лондонской резиденции на Prince's Gate.

Нет сомнений, что он видел старокиевские драгоценности у «Durlacher Brothers» и вел переговоры об их покупке. Обе стороны были заинтересованы: фирма — в выгодной продаже надежному и хорошо известному покупателю, а последний в пополнении такими редкими средневековыми украшениями своей коллекции.

Благодаря сохранившимся документам частного архива Дж.П. Моргана удалось установить, что 30 апреля 1907 г. он купил через «Durlacher Brothers» (142, New Bond Street, W. 1, London) киевский клад как коллекцию украшений византийского золота и серебра за 5 тыс. фунтов стерлингов. Однако согласно его традиции он проводил оплату всех своих покупок только в конце года, чтобы иметь возможность удостовериться в подлинности вещей. Так же произошло и с оплатой киевского клада, которая состоялась только 27 декабря 1907 г. (Private archive of J.P. Morgan, file «G.L. & AP. Durlacher Brothers» art dealers in London, 1900–1923», letter of April 30, 1907. The Pierpont Morgan Library, New York).

Британский музей в Лондоне, в свою очередь заинтересованный в приобретении хотя бы части клада, обратился с этой просьбой к его новому владельцу. Дж. П. Морган подарил серебряные с чернью украшения клада Британскому музею в мае 1907 г. (The British Museum, London, Department of Prehistory and Europe, registration nos. 1907, 5–20, 1–21). Остальные вещи, преимущественно золотые с перегородчатой эмалью, поступили в частное собрание Дж.П. Моргана в Нью-Йорке, дополнив его великолепную коллекцию эмалей, по составу и качеству с которой не мог конкурировать ни один из музеев.

После смерти Дж.П. Моргана в марте 1913 г., большая часть его коллекции, стоимостью в 50 млн долларов, была распродана. Одна из ее частей в 1917 г. была безвозмездно передана (подарена) его сыном Метрополитен музею в Нью-Йорке. Именно в ней находилась часть киевского клада 1906 г.

Оказавшись в музейной коллекции, эти вещи только в последние десятилетия прошлого века стали несколько больше известны. Западные исследователи, в основном, рассматривали отдельные декоративные элементы орнамента украшений, технику их изготовления и функциональное назначение, однако как комплекс клад оставался неисследованным (Brown 1980: 6–9; Brown 1997: 309–313, №№ 212, 213; Griffin 1993: 5–18; Wixom 1995: 659–665, fig. 3).

Изучая группу вещей клада из бывшей коллекции Дж.П. Моргана, хранящуюся в Метрополитен музее в Нью-Йорке удалось установить, что в ее состав входят не только золотые с перегородчатой эмалью драгоценности, как считалось раньше. Среди предметов были идентифицированы и серебряные с чернью украшения — хорошо сохранившиеся пара колтов и перстень, хранившиеся без указания места находки и не учтенные предыдущими исследователями.

Колты: Инв. №№ 17.190.708–709

Диаметр — 5,7 см; высота — 6,0 см

Вес: 22,8 г (№ 709); 20,6 г (№ 708)

Данная пара колтов относится к типу многолучевых (рис. 2: 1, 3).

Их основу составляют две тонкие серебряные пластинки, по круговому краю которых вырезано 23 луча. На последние напаяна сканая тонкая проволока, повторяющая арочную форму вырезов. Края сложенных вместе пластинок скрепляет толстая и круглая в сечении проволока, орнаментированная штрихами (псевдоскань), припаянная по кругу к краям лучей. Это создает ажурное арочное обрамление.

Вставные щитки круглой формы, с изображениями укреплены с двух сторон колта круговым ободком-рамкой, вокруг которой уложена тонкая сканая проволока. Изображения выполнены на черном фоне.

На лицевой стороне колтов изображены грифоны: одна передняя лапа поднята, вторая, слишком массивная, опущена; задние лапы за отсутствием места резко заканчиваются. Оба крыла подняты, одно из которых соприкасается с поднятым хвостом. Оба грифона изображены шагающими и смотрящими в правую сторону.

На оборотной стороне изображена плетенка. Она выгравирована двойной зигзагообразной линией, заполняя серебряную поверхность. В некоторых местах линии гравировки заходят на поверхность черни.

На одном из колтов отсутствует дужка крепления. Его удалось идентифицировать среди вещей, поступивших из Киевского Окружного суда в ИАК для фотофиксации (Корзухина 1954: табл. XLV, № 11).

Эти колты, хорошая сохранность которых говорит об их сравнительно коротком сроке употребления, несомненно, принадлежат к старокиевской работе. Их стилистическая и технологическая близость прослеживается с рядом других киевских находок. Так, колты аналогичного типа и с аналогичными изображениями на них, включая одинаковое направление грифонов, были обнаружены в составе еще шести киевских кладов, найденных у Десятинной церкви в 1909 и 1936 г., у Михайловского Златоверхого монастыря в 1903 г., в усадьбах Трубецкого, 1872 г., и Есикорского, 1885 г.,

Рис. 1. Дж. Пирпонт Морган (1837–1913).
Фотопортрет Эдварда Стайчена, 1903 г.
Библиотека Пирпонта Моргана в Нью-Йорке

а также на ул. Б. Житомирской в 1902 г. Эта серия изделий, среди которой по изяществу и аккуратности выполнения значительно выделяется описанная выше пара, вышла из одной ювелирной мастерской княжеского двора древнего Киева.

Серебряный перстень (рис. 2: 2) также не был атрибутирован и опубликован, числясь в музейной коллекции без указания места находки как византийская работа XI в. (инв. № 17.190.701; диаметр — 2,1 см). Перстень имеет квадратный щиток с четырьмя овальной формы и углубленными вовнутрь лепестками. Каждый из лепестков заканчивается рельефной сферой, выходящей за пределы щитка. Плоскость щитка между лепестками покрыта чернью и украшена орнаментом со следами позолоты. Состоящие из двух дужек плечики, соединяясь в одну пластину кольца, образуют по сторонам открытые треугольники. За ними, в месте слияния двух раздвоенных дужек в одну, находятся рельефные очертания головы животного (?). За ними с обеих сторон перстня прослеживаются литейные швы.

Аналогичные по форме и декору перстни также встречены среди богатых киевских кладов, что свидетельствует об их местном индивидуальном изготовлении. Один из них находился в составе клада, найденного на усадьбе Есикорского в 1885 г. (Кондаков 1896: табл. V, № 6), другой — в группе вещей с Трехсвятительской улицы, попавших в коллекцию Б.И. Ханенко (Ханенко 1907: табл. XXXIII, № 1109). Приведенные в качестве аналогий перстни не были детально описаны. В каталоге древнерусских вещей с чернью кратко упомянут только один из них, из клада 1885 г. (Макарова 1986: 40, 129, № 60). Однако совершенно идентичная форма щитков и декора трех перстней, которые входили в состав двух богатых киевских кладов, принадлежавших аристократии средневекового Киева, свидетельствует об использовании одной формы для их производства, если не одним ювелиром, то одной киевской мастерской.

Принадлежность описанных колтов и перстня к киевскому кладу 1906 г. подтверждается и документами из частного архива Дж.П. Моргана. Они числятся в детальном перечне вещей, подготовленном для покупки и оплаты клада (Private archive of J.P. Morgan, file «G.L. & AP.Durlacher Brothers» art dealers in London, 1900–1923», letter of April 30, 1907. The Pierpont Morgan Library, New York).

Отдельно следует остановиться на небольшой группе вещей известного киевского коллекционера Богдана Ханенко, приобретенных им в 1906 г. В нее входили серебряные рясны-колодочки, подвеска и два щитковых серебряных перстня, украшенных чернью. Один из них, как мы уже отметили, совершенно аналогичен описанному выше, а другой очень близок по своему стилю перстням этого клада, присланным в ИАК для фотофиксации (Ханенко 1907: табл. XXXIII, № 1108–1112; многобусинное височное кольцо конца XIII в., представленное на таблице с этой группой, по-видимому, не имело отношения к кладу).

Интересен тот факт, что вещи поступили в коллекцию Б.И. Ханенко одновременно с событиями находки и расхищения клада 1906 г. Обстоятельства их находки в каталоге коллекции Б.И. Ханенко не указаны, хотя обозначено, что они найдены на ул. Трехсвятительской в 1906 г. Сравнительный анализ остальных вещей этой группы с пропавшими из клада 1906 г. показал их стилистическую однородность.

Рис. 2. Киевский клад 1906 года:
1, 3 — колты; 2 — серебряный перстень
с чернью и позолотой (Метрополитен
Музей в Нью-Йорке, дар
Дж.П. Моргана, 1917 г. (17.190.708–709)

Так, только в шести киевских кладах (найденных до 1906 г.) находились серебряные рясны-колодочки, но ни одни из них (за исключением клада 1872 г., целиком купленного для музея Киевского университета) не соответствуют найденным в составе клада 1906 г.: они были или меньше по своему размеру, или оттиснуты другим штампом. Однако, рясны-колодочки из группы Б.И. Ханенко совершенно аналогичны ряснам, присланным в ИАК. Таким образом, можно предположить, что эти 14 колодочек, не составляющие полного украшения, первоначально принадлежали кладу 1906 г. Другая вещь, которая соотносится с кладом, это фигурная, серебряная со следами позолоты, подвеска от ожерелья. Первоначально их было около пятидесяти вместе с бусами. В.Е. Гезе в своем письме к А.А. Спицыну упомянул ожерелье из золотых фигурных подвесок, которое видел с другими вещами этого клада один из его знакомых, некто «господин А...» (РА НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1906. Д. 116. Л. 2).

По предположению Г.Ф. Корзухиной, пропавшие подвески были подобной лилиевидной формы, как и в других киевских кладах. Учитывая такое сходство, время и место находки вещей, есть все основания предполагать, что первоначально рассматриваемая подвеска и комплектные с ней, на сегодня утраченные, происходили из клада 1906 г. Похищенные во время его находки, они были проданы в коллекцию Б.И. Ханенко.

Неизвестной оставалась и судьба части клада, присланная в ИАК из Киевского Окружного суда. Благодаря архивным документам удалось установить, что эта небольшая группа вещей, отобранная полицией у рабочих-землекопов рундукового торговца, подрядчика работ И. Быстрова, поступила в ИАК в Санкт-Петербург только через три года после их находки, когда главная часть клада была уже потеряна для России. Вещи находились в Киевском Окружном суде и являлись вещественными доказательствами по делу № 42/1909 о присвоении клада, найденного 5 июля 1906 г. в Киеве на Трехсвятительской улице. Эту группу вещей судебный следователь Киевского Окружного суда Николай Степенко препроводил в ИАК 7 апреля 1909 г. В своем письме, адресованном ИАК, он просил, по миновании необходимости, вернуть вещи ему (РА НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1906. Д. 116. Лл. 55–55а). После ознакомления и фотофиксации этих древностей в ИАК, они были возвращены в Киев 29 апреля 1909 г. и получены лично судебным следователем Н. Степенко, о чем он уведомил ИАК 8 мая 1909 г.

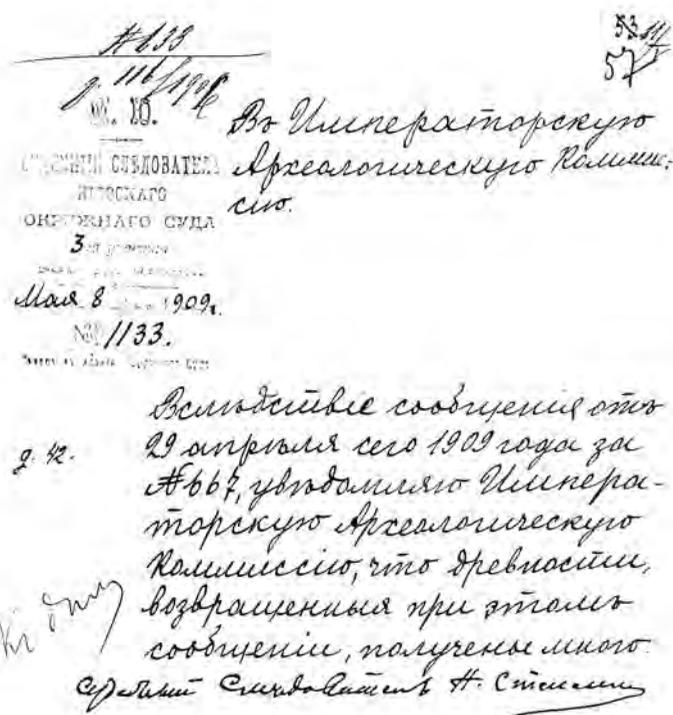

Рис. 3. Письмо Н. Степенко в ИАК от 8 мая 1909 года

(РА НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1906. Д. 116. Л. 57) (рис. 3). Таким образом, последним местом хранения этой группы вещей был Киев.

На основе существующих данных о составеклада и сохранившихся его предметах в музейных коллекциях есть основания предполагать, что в него входило около 80 предметов. Клад включал разные категории женских украшений — головного убора, нагрудные, наручные, персональные с княжескими знаками, золотые монеты и серебряные монетные гривны. В результате изучения музейных и архивных материалов были идентифицированы пять групп, принадлежавших этому кладу, разделенных ныне между музеями и частично пропавшими:

1. Нью-Йоркская группа состоит из 11 предметов, куда входят золотые с перегородчатой эмалью колты, церемониальные цепи из медальонов, серебряные с чернью перстень и пара колтов;
2. Лондонская группа включает 21 серебряный предмет — трехбусинные серьги киевского типа, наруч, колты, перстни с геральдическими эмблемами, монетные гривны киевского типа;
3. Киевская группа состояла из 11 наименований предметов — золотая с жемчугом трехбусинная серьга, серебряные кольца и колт, орнаментированные чернью, дужки от колтов, рясны-колодочки, каменный нашейный крестик в золотых наконечниках, орнаментированные серебряные пластины (16 фрагментов), принадлежавшие, очевидно, окладу иконы;
4. Вещи, попавшие в коллекцию Б.Ханенко, включали два серебряных кольца, подвеску и 14 рясен-колодочек;
5. Последняя группа, сведения о которой базируются на архивных источниках и данных археологической хроники ИАК, имела не менее 25 предметов, исчезнувших сразу после находки.

В заключение нужно отметить, что приведенные в статье неизвестные ранее детали, относящиеся к продажеклада и реконструкции его состава, не исчерпывают всего круга выясненных вопросов. В результате подробного изучения сохранившихся вещейклада, микроскопического исследования его золотых и серебряных украшений, химического анализа состава сплавов и эмали был уточнен целый ряд деталей, относящихся к отдельным элементам орнамента, их историко-художественной характеристике, цветовой гамме и качеству эмалевой поверхности и т.д. Был подготовлен детальный каталог всех предметов, как хранящихся в указанных музеях, так и пропавших, изображения которых или данные о них обнаружены в архивах. Сравнительный анализ этих предметов с аналогичными материалами других киевских кладов, помог выявить ранее неопубликованные вещи и дополнить новыми данными отдельные категории украшений, таких как золотые колты и церемониальные цепи из медальонов,

украшенные перегородчатой эмалью, серебряные браслеты-наручи и другие. Проанализирована реконструкция и функциональное назначение отдельных украшений. Все эти и другие вопросы детально изложены в подготовленной к печати монографии «Princely Treasures From Medieval Kiev in The British Museum & The Metropolitan Museum of Art».

Украшения клада представляют продукцию старокиевской княжеской мастерской, демонстрируя высокий уровень ювелирного искусства в середине XI – начале XII в. и устойчивость местных орнаментальных композиций. Состав клада, богатство и изящество его изделий, геральдические знаки на перстнях дают основание предполагать, что собственником вещей была одна из ветвей киевской княжеской династии.

Литература

- Известия ИАК 1907 — Известия ИАК 1907. Прибавление к выпуску 21. СПб., 1907.
Кондаков 1896 — *Кондаков Н.П.* Русские клады. Т. I. СПб., 1896.
Корзухина 1954 — *Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.
Корзухина 1972 — *Корзухина Г.Ф.* Русские клады в зарубежных собраниях // КСИА. Вып. 129. 1972.
Макарова 1986 — *Макарова Т.И.* Черное дело древней Руси. М., 1986.
Старый Киев 1916 — Старый Киев. Газета «Последние новости» № 3862. Киев, 1916.
Ханенко 1907 — *Ханенко Б.И. и В.Н.* Древности Приднепровья. Киев, 1907.
British Museum 1923 — British Museum. A Guide to the Anglo-Saxon and Foreign Teutonic Antiquities. London, 1923.
Brown 1980 — *Brown K.R.* Russo-Byzantine Enamels in The Metropolitan Museum of Art // Appolo. 1. 1980.
Brown 1997 — *Brown K.R.* Entries on Temple Pendant and Ceremonial Ornaments // The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantium Era, A.D. 843–1261. [Catalogue of the exhibition]. Ed. H.C. Evans, W.D. Wixom. New York, 1997.
Dalton 1912 — *Dalton O.M.* Byzantine Enamels in Mr. Pirpont Morgan's Collection. London // The Burlington Magazine. April – September. Vol. XXI. 1912.
Griffin 1993 — *Griffin P.S.* Jewellery From Kiev // Jewellery Studies. Vol. 6. 1993.
Wixom 1995 — *Wixom W.D.* Two Cloisinne Enamel Pendants: The New York Temple Pendant and the Cleveland Enkolpion // Byzantine East, Latin West. Art-Historical studies in honor of Kurt Weitzmann. Princeton, 1995.

Архивные материалы

РА НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1906. Д. 116. Лл. 1–2. Письмо В.Е. Гезе А.А. Спицыну от 24 августа 1906 г.

Private archive of J.P. Morgan. File «G.L. & AP. Durlacher Brothers» art dealers in London, 1900–1923». Letter of April 30, 1907. The Pierpont Morgan Library, New York.

The British Museum. London. Department of Prehistory and Europe. Registration. №№ 1907, 5–20, 1–21.

Ю.А. Подосёнова (Пермь)

ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА С ГРУШЕВИДНОЙ ПРИВЕСКОЙ В МОГИЛЬНИКАХ И КЛАДАХ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Одним из наиболее ярких и красивых украшений, широко представленных в средневековых древностях Пермского Предуралья, являются височные кольца с грушевидной привеской и зерно-сканым декором. Данные украшения впервые появились здесь с VIII в. С конца IX—X в. на них появился своеобразный зерно-сканый декор. В этот период, по мнению ряда исследователей, либо центр их производства был перенесен на территорию Волжской Булгарии, либо болгарские ювелиры изготавливали эти украшения на территории Пермского Предуралья (Белавин 2000: 70; Рябцева 1999: 350).

Данные височные украшения обнаружены во многих могильниках Пермского Предуралья, датируемых VIII—XII вв. (Плесинский, Редикорский, Мало-Аниковский, Каневский, Рождественский и др.). Этот тип височных колец довольно широко представлен и в кладах Пермского Предуралья: Архангельском, Редикорском, Лекмортовском, Мальцевском, Осокинском и др.

Приведем краткие сведения о характере хорошо известных прикамских кладов, в которых встречены височные кольца с грушевидной привеской, привлеченные нами для выявления показательных признаков изделий рассматриваемого типа:

Архангельский клад. Обнаружен в 1859 г. Датирован VIII—X вв. Вещи клада: Височное кольцо с грушевидной привеской и зерно-сканым декором, серебряные сосуд и шесть чашек.

Лекмортовский клад. Приобретен в 2002 г. Имеет следы двух этапов формирования. Все предметы делятся на два периода: X—XIII вв. и XVI—XVII вв. Состав клада: два серебряных височных кольца с грушевидной привеской и зерно-сканым декором, арочная серебряная подвеска, флаконовидная серебряная подвеска, пять бубенчиков-привесок, две русских серьги, два православных креста.

Мальцевские находки. До сих пор открыт вопрос о том, что это — клад или случайные находки? Комплекс обнаружен в 1901 г. Датирован VIII—X вв. Состав: три серебряных серьги с грушевидной привеской и зерно-сканым декором, четыре коньковые подвески, два браслета, пронизки и бусы.

Осокинский клад. Обнаружен в 1894—1899 гг. Датирован IX—XIII вв. Состав: серебряные поясные бляшки с золотыми привесками и вставками из сердолика, два височных серебряных кольца с грушевидной привеской и зерно-сканым декором, зерненные лунницы с золотыми вставками, медные пронизки со вздутиями и в форме утолщений, бусы из сердолика и янтаря.

Редикорский клад. Обнаружен в 1908 г. Датирован VII—X вв. Состав: две серебряных серьги, две серебряных и две медных подвески, серебряные поясные пряжки и накладки, четыре браслета, две гривны, бусы, арабские монеты.

При детальном изучении морфологических особенностей данного типа височных колец выявилось, что, несмотря на сходство во внешней форме, конструкция и технология изготовления колец, обнаруженных в могильниках, имеют существенные отличия от таких же височных колец, обнаруженных в кладах Пермского Предуралья (Подосёнова 2005: 112—114).

Височные кольца с грушевидной привеской и зерно-сканым декором из могильников Пермского Предуралья (рис. 1, группа I):

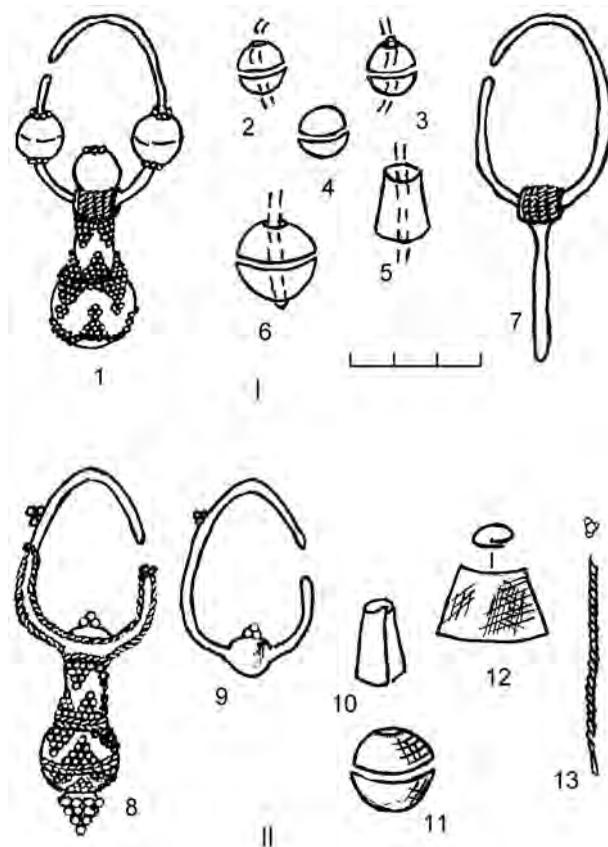

Рис. 1. Височные кольца с грушевидной привеской и зерно-сканым декором: 1–7 — группа I, характерная для могильников Прикамья (1 — целое кольцо; 2–7 — конструктивные детали); 8–13 — группа II, характерная для кладов Прикамья (8 — целое кольцо; 9–13 конструктивные детали)

Основной материал — серебро и бронза. Кольцо овальной формы отлито вместе со стержнем-штырем (рис. 1: 7), на месте перехода кольца в стержень имеется утолщение.

Привеска (рис. 1: 5, 6) нанизывается на стержень. Ее составными частями являются литой усеченный конус, сужающийся кверху (рис. 1: 5), и две половинки полого двусоставного шарика с отверстиями для стержня (рис. 1: 6). Нанизанные на стержень части привески припаяны друг к другу (к основе — конус, к конусу — полый шарик). Снизу штырь либо загнут, либо расплюснен для укрепления конструкции.

В качестве основных декоративных элементов использовались псевдозернь и рубчатая проволока. Рубчатая проволока чаще всего располагались двумя или тремя рядами на месте припая деталей привески (горизонтальные ряды), и на утолщении, на самом кольце над привеской (вертикальные ряды). В некоторых экземплярах рубчатая проволока могла вообще не использоваться в качестве декорирующего элемента, ее заменяла псевдозернь. Конус и полый шарик были украшены треугольниками псевдозерни.

На некоторых экземплярах височных колец встречаются дополнительные украшения: двусоставные полые шарики, нанизанные и припаянные с обеих сторон на кольцо-дужку (рис. 1: 2, 3), либо один такой шарик, припаянный к утолщению над привеской, и украшенный сверху пирамидкой зерни (рис. 1: 4).

Нижняя часть привески часто украшалась пирамидкой зерни.

Иными по конструкции и технологии изготовления были височные кольца с грушевидной привеской и зерно-сканым декором, происходящие из кладов Пермского Предуралья (рис. 1, группа II).

Материал изготовления височных колец этой группы — серебро с использованием позолоты. Кольцо литое, овально-подтреугольной формы. В основании кольца — шарообразное утолщение (рис. 1: 9). Кольцо разделено на две части — верхнюю и нижнюю — декорирующей проволокой (рис. 1: 8). Верхняя часть украшалась только пирамидкой зерни. Нижняя часть оплеталась в 3 ряда псевдовитой проволокой (рис. 1: 13).

Привеска состоит из двух частей — усеченного конуса и полого шарика (рис. 1: 10, 11). Однако, в отличие от колец группы 1, конус не литой, а изготовлен из тонкого прокованного и завернутого листа серебра (рис. 1: 10, 12). Конус припаялся непосредственно к основанию кольца, в том месте, где

имелось шарообразное утолщение, а не нанизывался на штырь. К конусу припаивалась и другая часть привески — полый двусоставной тисненый шарик (рис. 1: 11). То место, где находился припай, украшалось сканью, расположенной двумя нитками так, что создавалось впечатление косички (рис. 1: 8). Гладкие части шарика и конуса украшались зернью, уложенной треугольниками. Зернь имела разные размеры (1–2 мм в диаметре). После декорирования свободная от зерни и скани гладкая часть (фон) шарика и конуса покрывалась позолотой.

Нижняя часть привески украшалась пирамидкой из зерни крупного размера (2–3 мм в диаметре).

Так же, как и в височных кольцах данного типа из могильников, на дужку некоторых экземпляров были нанизаны полые двусоставные шарики, только, в отличие от первых, они были не литые, а тисненые.

Таким образом, в кладах представлены височные кольца с грушевидной привеской и зерно-сканым декором, изготовленные по более трудоемкой технологии и из более дорогих материалов, которые обладали значительной ценностью для их владельцев. На основании этого можно выдвинуть два предположения. Во-первых, вполне вероятно, что дорогие ювелирные украшения являлись парадными, использовались только по особым случаям и составляли семейные драгоценности, передававшиеся по наследству. А для повседневного использования употреблялись более дешевые украшения, изготовленные по упрощенной технологии, которые попадали и в состав погребального инвентаря. Во-вторых, возможно, что богатые ювелирные украшения принадлежали исключительно высшей элите общества, погребений представителей которой на настоящий момент пока не известно.

Литература

Белавин 2000 — *Белавин А.М.* Камский торговый путь. Пермь, 2000.

Подосёнова 2005 — *Подосёнова Ю.А.* О некоторых особенностях технологии изготовления височных колец с зерно-сканевым декором и грушевидными привесками // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Кудымкар, 2005.

Рябцева 1999 — *Рябцева С.С.* «Близнецы» или «двойники»? О сходстве и отличии «волынских» и «прикамских серег» // STRATUM plus: неславянское в славянском мире. № 5. СПб.; Кишинёв; Одесса, 1999.

Л.В. Покровская (Москва)

ПРИВЕСКИ-АМУЛЕТЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА (НЕРЕВСКИЙ И ТРОИЦКИЙ РАСКОПЫ)¹

Многообразии и обилии нагрудных привесок в древнерусском уборе отмечались исследователями неоднократно. При этом всегда подчеркивался тот факт, что многие из них обладали не только декоративной, но и магической функцией. На мой взгляд, любая привеска в средневековом костюме могла в той или иной степени быть амулетом. Однако, определение приоритетной функции, особенно по находкам, происходящим из городского слоя — задача практически невыполнимая. Поэтому в предлагаемой работе рассмотрены только те предметы, магическая функция которых не вызывает сомнения. Это, прежде всего, привески в виде миниатюрных предметов быта и оружия, а так же зооморфные амулеты.

Впервые в самостоятельный раздел амулеты были выделены Б.А. Рыбаковым (Рыбаков 1951; Рыбаков 1953). В дальнейшем, его интерпретация этой группы предметов была подтверждена и получила дальнейшее развитие в работах других исследователей (Журжалина 1961: 122–140; Успенская 1967: 88–99; Рябинин 1988: 55–63; Недошивина 1993: 39–45). Языческие привески-амулеты Северо-Западной и Северо-Восточной Руси достаточно подробно изучены с привлечением широких аналогий, выходящих за пределы территории Древней Руси. Благодаря этим исследованиям, в настоящее время существует достаточно полное и научно обоснованное представление о семантике, областях и времени распространения этих предметов, а также о процессе взаимодействия идеологических представлений и культурных традиций в разноэтничной среде древнерусского государства (см.: Рябинин 1988: 55–63).

Новгородские привески-амулеты рассматривались М.В. Седовой в монографии «Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв.», вышедшей в 1981 г. Кроме того, новгородские материалы привлекались в работах других исследователей. Тем не менее, возвращение к этой теме вызвано рядом причин. Одна из основных заключается в том, что с момента выхода работы М.В. Седовой прошло уже более 20 лет, и за этот период новгородская археологическая коллекция существенно пополнилась за счет крупномасштабных исследований в Людином конце средневекового Новгорода (Троицкий раскоп). Кроме того, в последнее время все больший интерес проявляется к изучению христианских древностей, и археологический материал широко применяется в работах, посвященных вопросам становления христианства на Руси (Мусин 2002). Несомненно, это очень важная проблема и почти неизученный до настоящего времени пласт археологических источников. Тем не менее, на мой взгляд, без подобного анализа языческих древностей картина установления христианства в Древнерусском государстве не может быть объективной.

Археологические исследования на Неревском раскопе Новгорода были начаты в 1951 г. и продолжались до 1962 г. (рис. 1: 1) За 12 лет был исследован участок площадью 8 840 кв. м с мощностью культурного слоя до 7, 5 м. На Неревском раскопе был исследован квартал средневекового города, который включал три улицы (Великую, Козмодемьянскую и Холопью) и прилегающие к ним усадьбы.

На Троицком раскопе археологические работы, начатые в 1973 г., продолжаются до сих пор (рис. 1: 2). На его территории были вскрыты перекресток Черницыной

¹ Работа осуществлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 10-06-00164а «Язычество и христианство древнерусского города в свете историко-археологических данных: комплексное источниковедение»).

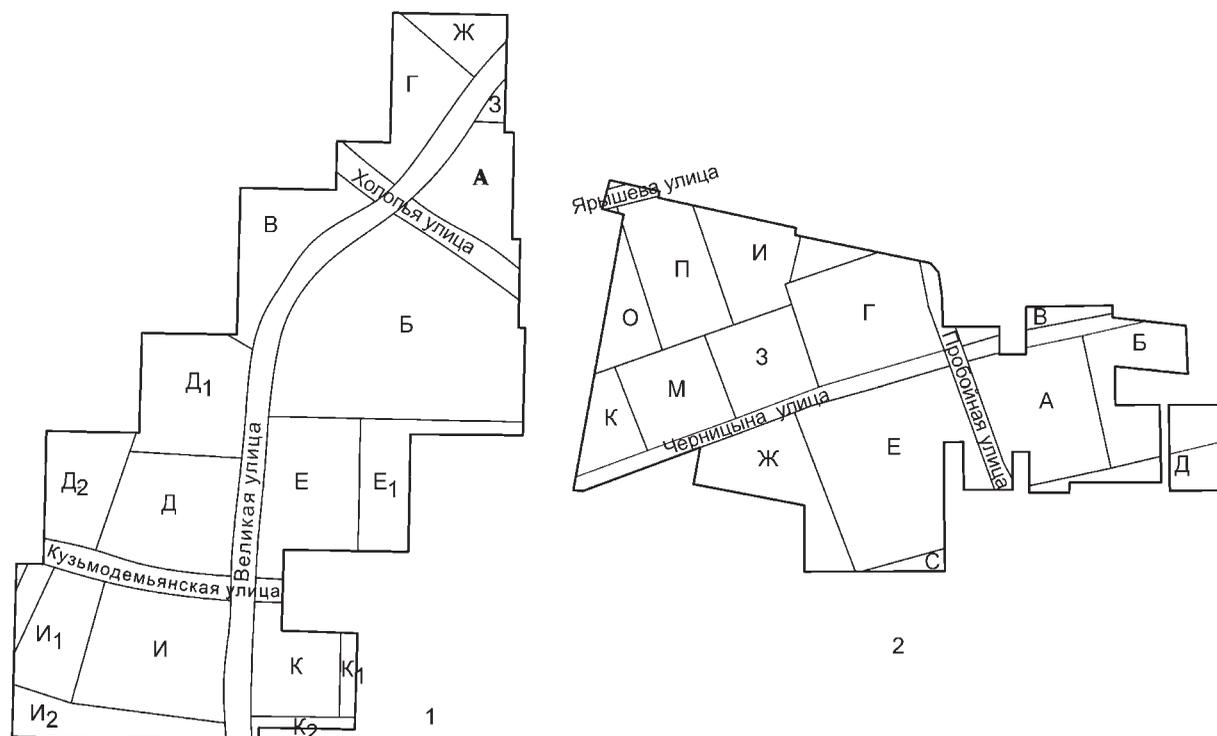

Рис. 1. 1 — схема расположения усадеб на Неревском раскопе; 2 — схема расположения усадеб на Троицком раскопе

и Пробойной улиц и небольшой участок Ярышевой улицы, а также примыкающие к ним усадьбы. Общая площадь Троицкого раскопа составляет более 6 500 кв. м, а его глубина в некоторых частях достигает 7 м. В настоящее время существует уникальная возможность — сравнительное изучение двух средневековых районов Новгорода — Людина и Неревского, сопоставимых по исследованной площади и обилию археологического материала.

Всего на Неревском и Троицком раскопах зафиксировано 110 привесок, которые можно интерпретировать как языческие амулеты: привески в виде миниатюрных предметов быта и оружия, арочные цепедержатели, на которые привешивали такие амулеты, зооморфные амулеты, амулеты-змеевики, а также некоторые единичные привески.

Привески в виде миниатюрных предметов быта и оружия (17 экз.)

	Неревский раскоп (7 экз.)	Троицкий раскоп (10 экз.)
Привески-ложки	3 экз. Конец X — середина XII вв.	5 экз. 2 половина XI в.
Привески -ножны	3 экз. 1 половина XII — начало XIII	1 экз. (двойные). XIII в.
Привески-топорики	1 экз. начало XI в.	3 экз. Конец XI — начало XII вв.
Ключ-амулет		1 экз. XIII в.

Привески-ложки (8 экз.) А.В. Успенская считает, что привески в виде миниатюрных предметов быта и оружия не были характерны для женского убора древней Руси. При изучении и картографировании находок этих привесок исследовательница пришла к выводу, что их производство было сосредоточено в деревне, и единичные находки их в древнерусских городах не меняют общей картины (Успенская 1967: 98).

Привески-ложки, происходящие с Неревского раскопа, опубликованы в монографии М.В. Седовой (Седова 1981: 26). Они найдены в слоях конца X — начала XII вв. Две из них найдены на усадьбе К, расположенной у перекрестка Великой и Кузьмодемьянской улиц, одна — на усадьбе Б, которая находилась у перекрестка Великой и Холопьей улиц, в восточной части раскопа. Привески-ложки, найденные на Троицком раскопе, относятся к слою XI в. (рис. 2: 7). Три из них происходят с одной усадьбы (Е), что позволяет связывать их в единый комплекс.

Привески-топорики (4 экз.). На Неревском раскопе найден только один топорик-амулет в слое начала XI в. (Седова 1981: 26) на усадьбе Д, расположенной у перекрестка Великой и Холопьевой улиц, в западной части раскопа. Две из привесок Троицкого раскопа, происходят из слоя XI в. с усадьбы А, расположенной у перекрестка Черницыной и Пробойной улиц в юго-восточной части раскопа, и М, расположенной в северо-западной части раскопа. Один топорик-амулет найден на усадьбе П, которая располагалась вдоль Ярышевой улицы, в слое XI–XII века (рис. 2: 6).

Привески-ножны (5 экз.). Эти привески отличаются от полых литых имитаций ножен (игольники), используемых в качестве игольников (также известных по новгородским материалам), отсутствием внутреннего канала и, поэтому имеющих только символическое значение. За пределами Древней Руси они были широко распространены в Прибалтике и, вероятно, имеют финно-угорское происхождение (Недошивина 1993: 39–45; Рябинин 1988: 61). Три таких привески происходят с Неревского раскопа: две найдены в слое первой половины XII в., одна — в слое начала XIII в. На Троицком раскопе известны два таких амулета, один из них найден в слое второй половины XI в. (рис. 2: 5), второй, представляющий собой вариант двойных ножен (рис. 2: 4), что должно было усиливать его значение, происходит из слоя второй половины XIII в.

Привеска-ключ (1 экз.). Находки таких амулетов на территории Древней Руси немногочисленны и, как отмечает Е.А. Рябинин, стандартного образца таких привесок выработано не было (Рябинин 1988: 60). Тем не менее, их ареал совпадает с территорией распространения других древнерусских амулетов. Привески-ключи известны в памятниках XI–XII вв., новгородский амулет найден в слое первой половины XIII в. на Троицком раскопе.

Антропоморфные привески (2 экз.). Обе привески происходят с Троицкого раскопа. Одна из них найдена в слое конца XI — рубежа XI–XII вв. Видимо, она представляет собой изображение Перуна (рис. 2: 11). Эта привеска была ранее ошибочно отнесена к слою середины XII в. (Седова 1981: 175). Близкие по форме антропоморфные амулеты известны в Вятском крае, Перми и Чердыни. Аналогичные привески известны в комплексе святилищ на Вайгаче (Алешковский 1980: 284–287; Хлобыстин 1992: 173–180; Хлобыстин 1993: 16–17; Кулаков 2003: 60–71). Вторая привеска найдена в слое второй половины XII в. и представляет собой довольно грубую отливку женской фигуры (рис. 2: 14). Аналогий этой привеске пока не найдено.

Амулеты-змеевики (9 экз.), найденные в Новгороде подробно рассмотрены в монографии М.В. Седовой (Седова 1981: 65–69). Кроме вошедших в книгу М.В. Седовой, в Новгороде на Троицком раскопе найдено еще три амулета. Змеевики охотно привлекают при изучении как христианских, так и языческих древностей. Я не вижу оснований не рассматривать их в контексте изучения амулетов средневекового Новгорода. Не затрагивая проблемы их семантики и происхождения, о чем написано очень много и подробно (см.: Николаева, Чернецов 1991), отмечу, что на мой взгляд, в Новгороде они более характерны для XII в. Так на Неревском раскопе их найдено пять, три из них изготовлены одним мастером, видимо во второй половине XII в. (Седова 1981: 68). Амулет этой серии, найденный в XIII в., худшей сохранности, которая свидетельствует о его изношенности. Еще один амулет найден в слое первой половины XII в. (Седова 1981: 66), амулет первой половины XIV в. происходит с усадьбы И, часть которой это время занимали священнослужители (Седова 1994: 90). На Троицком раскопе из четырех змеевиков, три идентичных происходят из слоя начала XII в., змеевик второй половины XII в. идентичен неревскому, найденному в слое начала этого столетия.

Арочные цепедержатели (2 экз.). Арочные цепедержатели были распространены в зоне славянского расселения и использовались для привешивания различных амулетов (зооморфных, круглых, в виде миниатюрных предметов быта и оружия). По мнению Е.А. Рябининой, цепедержатели этой формы изготавливались русскими ремесленниками и использовались в славянской среде (Рябинин 1988: 62). Оба цепедержателя найдены на Троицком раскопе в слоях XII и XIV вв. Они представляют собой полукруглую «ажурную» арку, которая завершается петлями для привешивания амулетов. У цепедержателя, найденного в слое XII в., — три петли, у цепедержателя XIV в. — две петли и косорешетчатый орнамент на арке. Возможно, он был использован вторично, в качестве накладки или привески, так как на арке прослеживаются три дополнительные петли, видимо, напаянные позже. Можно предположить, что сам цепедержатель относится не к XIV в., а к более раннему времени.

Двуспиральные цепедержатели и арочный балтский цепедержатель XI в., найденные на Троицком раскопе, в работе не привлекались, так как к ним не всегда привешивались привески-амулеты. Они могли использоваться в costume либо как конструктивный элемент, в качестве держателей цепей, или как декоративный, но тоже для прикрепления цепей.

Рис. 2. Привески Троицкого (1–7, 9, 12, 14, 16–21) и Неревского (8, 10, 13, 15) раскопов. 1–14 — привески-амулеты; 15–21 — шумящие полые привески

Амулеты-змеевики

Неревский раскоп			
	Хронология	Усадьба	Описание
1	1 пол. XII в. 1116–1134	Мост\Ж	Крест со схематичным изображением Христа, по сторонам- крылатые фигуры ангелов; Поясное изображение фигуры человека и 12 змей
2	Конец XII в. 1177–1197	Мост\Ж	Архангел Михаил с лабарумом в правой руке; по краю—надпись; Женская голова с семью змеями, вокруг головы надпись
3	Конец XII в. 1177–1197	В	Идентичен № 2; несколько отличается размерами и формой ушка, наличием литого отверстия около ушка. Тем не менее, предполагается, что он был изготовлен тем же мастером
4	2 пол. XIII в. 1238–1268	Д	Идентичен №№ 2, 3; амулет изношен, буквы и изображения плохо различимы
5	1 пол. XIV в. 1313–1340	И	Богородица Оранта и младенец, вместо надписи — узор; Женская голова с 11 змеями, вместо надписи точечный орнамент
Троицкий раскоп			
	Хронология	Усадьба	Описание
6	1 пол. XII в.	А	Архангел Михаил с лабарумом в правой руке и сферой в левой; по краю—надпись; Женская голова с 12 змеями
7	1 пол. XII в.	И	Идентичен № 6
8	1 пол. XII в.	А	Идентичен №№ 6, 7. Манера изображения несколько иная, чем на неревских змеевиках, «более сухая и графичная» (Седова 1981: 69)
9	2 пол. XII в.	Е	Крест со схематичным изображением Христа, по сторонам- крылатые фигуры ангелов; Поясное изображение фигуры человека и 12 змей. Аналогичен неревскому змевику № 1

Зооморфные амулеты (73 экз.). Наиболее распространенной группой амулетов в Новгороде являются зооморфные привески. Они встречаются и у балтов, и у славян, и у финно-угров. Этой группе украшений посвящено немало работ разных исследователей, в которых подробно рассмотрены их типология, хронология, семантика и этническая принадлежность (Седова 1981: 28–34; Рябинин 1978; Голубева 1979; Голубева, Варенов 1978: 228–240). Не останавливаясь подробно на этих вопросах, отмечу, что традиционно типология зооморфных привесок строилась по технологическому принципу, и все привески разделялись сначала на пластинчатые и полые, и уже потом на птицевидные и коньковые. На наш взгляд, при таком подходе на второй план отходит такой важный в решении поставленной задачи вопрос, как вопрос о магическом значении этих амулетов. Поэтому, учитывая типологию предыдущих исследователей, представляется логичным, в данном случае, разделить зооморфных амулетов на две группы: птицевидные амулеты (пластинчатые и полые) и амулеты-коньки (пластинчатые и полые).

Пластинчатые птицевидные амулеты (19 экз.). Наиболее распространенными птицевидными амулетами в Новгороде являются плоские прорезные привески-уточки. Пять из них, найденные на Неревском раскопе, имеют приладожское происхождение. Две привески-уточки этого типа найдены в Новгороде в слоях X–XI вв., одна относится к началу XII в. Еще две привески найдены в слое XIV в. Вероятно, эти привески попали в слой XIV в. случайно (Седова 1981: 28), поэтому условно они отнесены к XI в.

Привеска, найденная на Троицком раскопе в слое конца XI в. (рис. 2: 12), выделена Е.А. Рябининым в отдельный тип в связи с широким распространением подобных подвесок за пределами Древней Руси. Он отмечает, что основной район их концентрации зафиксирован на территории Латвии (Рябинин 1978: 16–17). Возможно, одним из центров производства таких амулетов было городище Даугмале.

Плоские прорезные «рогатые» уточки представляют собой стандартную серию привесок. Е.А. Рябинин отмечает их ограниченную территорию распространения: они концентрируются в северо-западных областях Руси (Рябинин 1978: 17). Привеска, найденная на Неревском раскопе, относится к слою

начала XII в. Три привески этого типа происходят с Троицкого раскопа (рис. 2: 2), две из них датируются началом XII в., одна привеска относится к XIII в.

Непрорезная привеска-уточка найдена в слое первой половины XIII в. на Троицком раскопе (рис. 2: 3). Концентрация подобных привесок во Владимирской земле, особенно в городских центрах Северо-Восточной Руси, указывает на район их изготовления (Рябинин 1978: 18).

Привески, лишённые ажурных прорезей (Седова 1981: 28) с туловом, украшенным рельефными жгутами, крестиками или полосками, найдены на Неревском и Троицком раскопах в количестве трех экземпляров. Две привески Троицкого раскопа происходят из слоев первой половины XII в. и первой половины XIII в. Амулет Неревского раскопа найден в слое первой половины XII в. Е.А. Рябинин отмечает особую концентрацию привесок этого типа в Костромском Поволжье и Прикамье и предполагает их северо-восточное происхождение (Рябинин 1978: 19).

Полые птицевидные амулеты (5 экз.). Два из них найдены на Неревском раскопе в слое начала XI в. (рис. 2: 8). Е.А. Рябинин отмечает ограниченный ареал их распространения — из бассейна реки Ояти происходит 90 % амулетов этого варианта (Рябинин 1978: 36).

Остальные полые привески-уточка происходят с Троицкого раскопа из слоев середины XII в., начала XIII в. и второй половины XIII в. Е.А. Рябинин предполагает их восточно-финское происхождение (рис. 2: 21).

Неревский раскоп

№	Название	Ярус	Хронология	Усадьба
1	Уточка I типа	26	989	Б
2	Уточка XVIII типа	25	1006	К
3	Уточка XVIII типа	25	1006	И
4	Уточка I типа	23	1055	Е
5	Уточка I типа	-	2 половина XI в	Д
6	Уточка I типа	-	2 половина XI в	И
7	Уточка I типа	19	1134	И
8	Уточка III типа	19	1134	А
9	Уточка V типа	19	1134	Б

Троицкий раскоп

№	Название	Пласт	Хронология	Усадьба
10	Уточка V типа	16	2 пол. XI в.	А
11	Уточка II типа	15	2 пол. XI в.	Г
12	Уточка III типа	13	1 пол. XII в.	Е
13	Уточка IV типа	12	1 пол. XII в.	А
14	Уточка XVIII, 6 типа	12	2 пол. XII в.	Г
15	Уточка XVIII, 5 типа	9	1 пол. XIII в.	Г
16	Уточка III типа	8	1 пол. XIII в.	Е
17	Уточка III типа	6?	1 пол. XIII в.	Е
18	Уточка XIX типа	3	1 пол. XIII в.	П
19	Уточка IV типа	2	1 пол. XIII в.	М

Пластинчатые коньки-амулеты (13 экз.) У четырех амулетов на тулове расположены насечки и ряд круглых и овальных прорезей, часто вместо отверстий сохраняются лишь округлые ямки (XIII тип). Около половины всех привесок этого типа происходит с территории Северо-Запада Новгородской земли (Рябинин 1978: 28). Три привески найдены в слое XIII в. на Троицком раскопе. Еще одна привеска, найдена в слое 2-й половины XII в. на Неревском раскопе. Плоские стилизованные коньки т. н. «смоленского типа» с загнутым вверх хвостом и ушами в виде колечек или выступов найдены на Неревском и Троицком раскопах в количестве 6 экз. Одна из неревских привесок относится к началу XI в., вторая происходит из слоя середины XIII в. (рис. 2: 2, 13). Из четырех Троицких привесок три найдены в слое второй половины XI в. (рис. 2: 9), одна датируется второй половиной XII в. В отличие от других привесок они получили широкое распространение на территориях, не связанных с финно-угорским миром.

Остальные пластинчатые привески-коньки (3 экз.) не составляют серий, общим признаком этих привесок является то, что они двухглавые. Одна из них найдена на Троицком раскопе в слое первой половины XI в. (рис. 2: 1). Аналогичная привеска происходит из ливского могильника (Tõnisson 1974: Abb. 29: 4). Еще две найдены на Неревском раскопе в слое второй половины XIII в. и в слое первой половины XIV в. на Неревском раскопе.

Неревский раскоп

№	Название	Ярус	Хронология	Усадьба
1	Конек-амулет XIV типа	25	1006	Д
2	Конек-амулет XIII типа	18	1161	Е
3	Конек-амулет XIV типа	15	1224	Д
4	Конек-амулет пластинчатый	14	1238	И
5	Конек-амулет пластинчатый	4	1422	Е

Троицкий раскоп

№	Название	Пласт	Хронология	Усадьба
6	Конек-амулет пластинчатый	20	1 пол. XI в.	А(Б)
7	Конек-амулет XIV типа	17	1 пол. XI в.	Е
8	Конек-амулет XIV типа	17	1 пол. XI в.	Е
9	Конек-амулет XIV типа	15	2 пол. XI в.	Е
10	Конек-амулет XIV типа	6	2 пол. XII в.	М
11	Конек-амулет XIII типа	4	1 пол. XIII в.	Г
12	Конек-амулет XIII типа	+ 2	2 пол. XIII в.	М
13	Конек-амулет XIII типа	4		П

Полые коньки-амулеты (47 экз.). Широко распространенной в Новгороде группой зооморфных украшений являются полые шумящие коньки-амулеты, отнесенные Е.А. Рябининым к XX типу (Рябинин 1978: 39–43). Подробная характеристика этих амулетов дана в статье Л.А. Голубевой и А.В. Варенова (Голубева, Варенов 1978: 228–239), новгородским конькам этого типа посвящена одна из глав монографии М.В. Седовой (Седова 1981: 31–44). Полые шумящие коньки-амулеты на Неревском и Троицком раскопах преимущественно распространены в слоях второй половины XIII–XIV вв., на Неревском их почти в два раза больше (рис. 2: 15).

Неревский раскоп. Полые шумящие коньки-амулеты

№	Ярус	Пласт	Хронология	Усадьба
1	8	16	кон. XIV в.	А
2	9–8	16	сер. XIV в.	Г
3	9	10	сер. XIV в.	Б
4	11	16	кон. XIII в.	Б
5	9	13	сер. XIV в.	Б
6	16	17	нач. XIII в.	Б
7	5	10	нач. XV в.	Б
8	12	17	сер. XIII в.	Б
9	15	14	сер. XIII в.	Е
10	11	18	нач. XIV в.	Е
11	10	18	нач. XIV в.	Е
12	12–11	10	кон. XIII в.	Е
13	10	18	нач. XIV в.	Е
14	10–9	14	нач. XIV в.	В
15	11–10	15	нач. XIV в.	В
16	10	12	нач. XIV в.	В

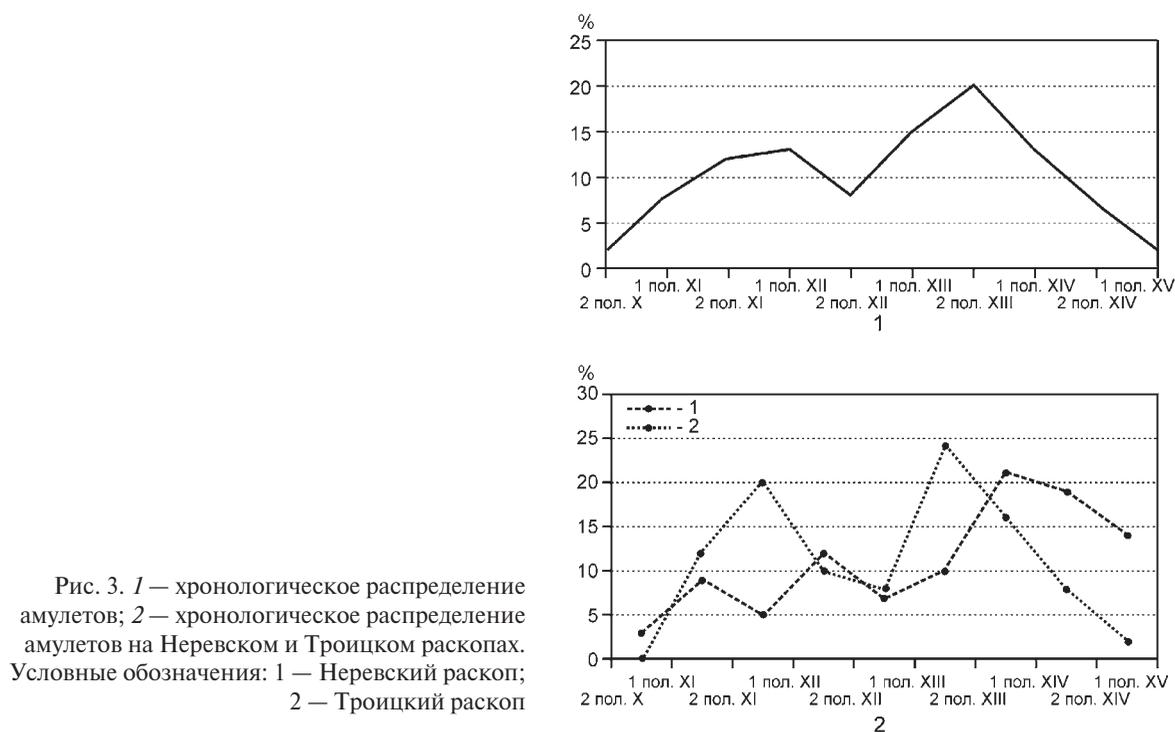
№	Ярус	Пласт	Хронология	Усадьба
17	9	4	сер. XIV в.	Д
18	11	7–6	кон. XIII в.	Д
19	11	18	кон. XIII в.	Д
20	10	7	нач. XIV в.	Д
21			нач. XIV в.	Д
22	19	13	сер. XII в.	Д
23	10	13	нач. XIV в.	И
24	8	12	кон. XIV в.	И
25	12	13	кон. XIII в.	И
26	11	14	кон. XIII в.	И
27	12-11	13	кон. XIII в.	И
28	13	18	кон. XIII в.	К
29	13	18	кон. XIII в.	К
30	8	13	кон. XIV в.	мост.
31	13	19	кон. XIII в.	мост.

Троицкий раскоп. Полые шумящие коньки-амулеты.

№	Пласт	Хронология	Усадьба
32	5	1 пол. XIV в.	А
33	8	1 пол. XIII в.	В
34	4	нач. XIV в.	Г
35	5	нач. XIII в.	З
36	3	2 пол. XIII в.	З
37	5	1 пол. XIII в.	З
38	3	1 пол. XIII в.	М
39	плюс 4	1 пол. XIV в.	М
40	плюс 3	1 пол. XIV в.	М
41	3	кон. XIII – нач. XIV вв.	И
42	3	кон. XIII – нач. XIV вв.	И
43	3	кон. XIII – нач. XIV вв.	И
44	1	2 пол. XIII в.	О
45	плюс 4	1 пол. XIV в.	О
46	плюс 1	2 пол. XIII в.	О
47	8	нет	мост.

Хронологическое распределение амулетов, найденных на Неревском и Троицком раскопах, показывает два пика наибольшего распространения этих предметов: вторая половина XI в. и вторая половина XIII в. (рис. 3: 1), на основании которых можно выделить два периода бытования амулетов в Новгороде.

Первый период (вторая половина X – начало XII в.) характеризуется наибольшим разнообразием привесок. Именно в слоях этого времени найдена большая часть пластинчатых зооморфных амулетов и миниатюрных предметов быта и оружия. Поэтому я думаю, что пластинчатые амулеты и привески в виде миниатюрных предметов быта и оружия можно, в целом, считать более характерными для первого периода. Хронологическое распределение амулетов на Троицком и Неревском раскопах показывает, в принципе, ту же картину, но в то же время отмечается некоторое расхождение (рис. 3: 2). Так, на Неревском раскопе в слоях, относящихся ко второй половине XI в., амулетов практически нет, тогда как на Троицком, именно в это время наблюдается их наибольшее количество. Небольшое количество украшений во второй половине XI в., на мой взгляд, может быть объяснено тем, что в середине XI в. на некоторых неревских усадьбах фиксируется запустение (усадьба И, на территории усадьбы Б

сохраняется всего несколько построек, к западу от Великой улицы заселяется только территория усадьбы В). Кроме того, в это время большая часть исследованной части Неревского конца только начинает застраиваться, а частично еще остается незастроенной, и границы между усадьбами нестабильны. Активное строительство здесь начинается в конце XI — начале XII вв. Интенсивная застройка в это время прослеживается и к западу и к востоку от Великой улицы (см.: Засурцев 1963). На усадьбах резко возрастает количество ювелирных украшений в целом. Это может быть связано не только с ростом населения, но и с развитием ювелирного производства. Поэтому я полагаю, что график распределения амулетов, демонстрирующий спад в середине XI в. и подъем в конце XI — начале XII в., можно считать частным случаем, отражающим особенности заселения этой территории.

Больше всего амулетов в первом периоде на усадьбах, расположенных в южной части раскопа (К, И — 7 экз.). На усадьбе К их четыре: две привески-ложки, полая привеска-уточка, привеска-ножны и пластинчатая прорезная привеска-уточка; на усадьбе И: две — полая и пластинчатая уточки. К западу от Великой улицы (усадьбы Д, В — 3 экз.): топорик-амулет, пластинчатая привеска-уточка, привеска-ножны, к востоку от Великой улицы (Б, Е — 4 экз.): две пластинчатые привески-уточка, пластинчатый конек-амулет и ложка. В северной части раскопа всего две привески — пластинчатые конек-амулет, найденный в слое начала XI в., и привеска-уточка (первая половина XII в.). Думаю, что в первом периоде привески-амулеты еще использовались по прямому назначению. Поэтому, в первом периоде все привески могли иметь сакральное значение. При этом круглые привески концентрируются на тех усадьбах, где амулетов найдено больше всего, т.е. на усадьбах, расположенных в южной части раскопа и к востоку от Великой улицы. При всем разнообразии комплекса ювелирных украшений второй половины X — начала XII в. можно отметить небольшое количество привесок (30 на 230). Думаю, что это свидетельствует о том, что амулеты в это время не входили в состав повседневной одежды, т.е. не были исключительно украшениями, несущими в себе только декоративную функцию.

На Троицком раскопе разнообразие и общее количество привесок-амулетов в целом несколько больше, чем на Неревском. При этом птицевидные амулеты в Неревском конце исчезают в первой половине XII в., а в Людином они есть в слоях XII — первой половины XIII в., что, на мой взгляд, может быть специфической особенностью этой части Новгорода. Во второй половине X в. на исследованной территории располагалось пять больших усадеб. В северо-западной части находились усадьба, расположенная вдоль Ярышевой улицы, и усадьба Г, расположенная вдоль Черницыной улицы. В северо-восточной части раскопа, на перекрестке Пробойной и Черницыной улицы, находилась усадьба В. С южной стороны Черницыной улицы, разделенные Пробойной, были расположены юго-западная

Привески Неревского раскопа I периода

№	Название	Ярус	Хронология	Усадьба
1	Лунница ширококорая	27	кон. X в.	мост.
2	Лунница ширококорая	28	сер. X в.	Б
3	Лунница ширококорая	28	сер. X в.	мост.
4	Лунница ширококорая	28	сер. X в.	К
5	Лунница круторогая	23	сер. XI в.	Б
6	Круглая привеска	28	сер. X в.	Б
7	Круглая привеска	28	сер. X в.	К
8	Круглая привеска	25	нач. XI в.	Д
9	Круглая привеска	28	сер. X в.	Г
10	Круглая привеска	26	кон. X в.	Е
11	Круглая привеска	24	нач. XI в.	И
12	Круглая привеска	20	нач. XII в.	А
13	Грушевидная привеска	20	нач. XII в.	
14	Круглая привеска	19	нач. XII в.	Е
15	Круглая привеска	19	нач. XII в.	Б
16	Ложка-амулет	27-26	кон. X в.	К
17	Уточка I типа	26	кон. X в.	Б
18	Топорик-амулет	25	нач. XI в.	Д
19	Конек-амулет XIV типа	25	нач. XI в.	Д
20	Уточка XVIII типа	25	нач. XI в.	К
21	Уточка XVIII типа	25	нач. XI в.	И
22	Ложка-амулет	24	нач. XI в.	К
23	Уточка I типа	23	сер. XI в.	Е
24	Уточка I типа	-	2 пол. XI в.	Д
25	Уточка I типа	-	2 пол. XI в.	И
26	Уточка I типа	19	1 пол. XI в.	И
27	Уточка III типа	19	1 пол. XI в.	А
28	Ложка-амулет	19	1 пол. XI в.	Б
29	Ножны-амулет	19	1 пол. XI в.	Д (В)
30	Ножны-амулет	19/18	сер. XI в.	К

(Е/Ж) и юго-восточная усадьбы (А). Исследования показали, что частокол между усадьбами Ярышевой улицы и усадьбами, расположенными к западу от Пробойной улицы (северо-западный комплекс Черницыной улицы), стабилен на протяжении всего изучаемого периода. Остальные частоколы, разделявшие усадьбы внутри комплексов, образовались позднее. Таким образом, с середины X до начала XIII в. эта часть Людина конца была окраиной аристократического района, и его планиграфия идентична Неревскому концу, что подтверждается сравнительным анализом материалов Неревского и Троицкого раскопов (Хорошев 1994: 66).

Привески-амулеты здесь в основном концентрируются в слое конца XI в., в слое начала XII в. их практически нет. Комплекс амулетов на Троицком раскопе выявляется на усадьбе Е, расположенной в юго-западной части (6 экз.): три пластинчатых конька-амулета и три привески-ложки. Кроме того именно на этой усадьбе больше всего привесок других типов (лунница и три круглые привески). На усадьбе А к слоям первого периода относится 4 амулета и одна круглая привеска: топорик-амулет, конек, змеевик, антропоморфная привеска и пластинчатая привеска-уточка. С усадьбы Г из слоя второй половины XI в. происходит 3 предмета: топорик, ложка и привеска-уточка и крестовключенная привеска; с усадьбы И — два амулета: топорик и змеевик и четыре привески других типов: лунница, две ложнозерненные и трапецевидная привески.

В общем комплексе ювелирных украшений во второй половине X–XI вв. прослеживается та же картина, что и на Неревском — небольшое количество привесок на общее число украшений (191 на 41).

Привески. Троицкий раскоп

№	Название	Пласт	Хронология	Усадьба
1	Лунница узкорогая	предматерик	сер. X в.	И
2	Круглая со спиральным орнаментом привеска	23	2 пол. X в.	А
3	Круглая ложнозерненная привеска	19	2 пол. X в.	И
4	Круглая ложнозерненная привеска	22	2 пол. X в.	Е
5	Лунница узкорогая	27	сер. X в.	Е
6	Круглая с изображением быка привеска	22	2 пол. X в.	Е
7	Игольник цилиндрический	19	2 пол. X в.	С
8	Круглая с процветшим крестом привеска	25	Нет	нет
9	Змеевик	15	кон. XI в.	А
10	Круглая крестовключенная привеска	17	1 пол. XI в.	Г
11	Круглая ложнозерненная привеска	17	1 пол. XI в.	П
12	Рясно	18–19	2 пол. XI в.	нет
13	Круглая с циркульным орнаментом привеска	17–19	1 пол. XI в.	Е
14	Зооморфная привеска — конек	20	нач. XI в.	Б
15	Трапезиевидная привеска	15	2 пол. XI в.	И
16	Круглая ложнозерненная привеска		Нет	Е
17	Круглая привеска	19	1 пол. XI в.	Е
18	Круглая ложнозерненная привеска	10–11	1 пол. XII в.	Г
19	Змеевик	12	1 пол. XII в.	И
20	Круглая привеска	12–13	1 пол. XII в.	П
21	Змеевик	11	1 пол. XII в.	Е
22	Конусовидная флаконовидная привеска	14	кон. XI — нач. XII вв.	А
23	Конек-амулет пластинчатый	20	1 пол. XI в.	А(Б)
24	Конек-амулет XIV типа	17	1 пол. XI в.	Е
25	Конек-амулет XIV типа	17	1 пол. XI в.	Е
26	Ложка-амулет	16	сер. XI в.	З
27	Ножны-амулет	18	2 пол. XI в.	Е
28	Антропоморфная привеска	18	2 пол. XI в.	А
29	Ложка-амулет	17	2 пол. XI в.	В
30	Топорик-амулет	17	2 пол. XI в.	А
31	Ложка-амулет	16	2 пол. XI в.	Е
32	Уточка V типа	16	2 пол. XI в.	А
33	Уточка II типа	15	2 пол. XI в.	Г
34	Конек-амулет XIV типа	15	2 пол. XI в.	Е
35	Ложка-амулет	15	2 пол. XI в.	Е
36	Ложка-амулет	14/15	2 пол. XI в.	Е
37	Топорик-амулет	12	2 пол. XI в.	П
38	Топорик-амулет	12	2 пол. XI в.	М
39	Уточка III типа	13	1 пол. XII в.	Е
40	Уточка IV типа	12	1 пол. XII в.	А
41	Уточка V типа	12	1 пол. XII в.	А

Таким образом, можно предположить, что в Новгороде, как и на всей территории древнерусского государства в период становления христианской культуры с 988 г. до второй половины XI в., еще сохраняются языческие традиции, которые выражены в сфере материальной культуры посредством использования амулетов (зооморфных и круглых привесок и привесок в виде миниатюрных предметов быта и оружия). То, что такие амулеты встречаются в Новгороде в более поздних слоях может быть объяснено несколькими причинами. Прежде всего, круглые привески повсеместно становятся декоративным элементом древнерусского костюма, именно с этим связано и их широкое

использование в Новгороде в последующие периоды. Что касается зооморфных амулетов и привесок в виде миниатюрных предметов быта и оружия, то в основном, их присутствие в поздних слоях, как это было показано выше, случайно. Некоторые случаи их попадания в поздние слои связаны с особенностями комплексов отдельных усадеб.

Хронологическое распространение языческих амулетов в Новгороде совпадает с их общей периодизацией на всей территории Древней Руси, для которой исследователями обоснована нижняя граница их бытования началом XII в. В Новгороде, так же как и везде в это время, получают распространение амулеты-ложки, топорики и пластинчатые зооморфные привески — уточки и коньки. В некоторой степени, это подтверждает выводы историков, изучающих проблемы, связанные с установлением христианства на Руси: «Христианизация восточного славянства шла параллельно с процессами становления древнерусского государства и образования древнерусской народности... в становлении того и другого цементирующим фактором явилось православие. Конец XI века традиционно считается финальной стадией обоих процессов» (Мусин 2002: 12).

Во втором периоде (первая половина XIII — начало XIV в.), в отличие от первого, не прослеживается большого разнообразия привесок-амулетов, а резкое возрастание их количества в конце XIII — начале XIV в. связано с широким распространением в Новгороде полых шумящих коньков, что, возможно, свидетельствует не о распространении языческого мировоззрения среди населения, а о взаимодействии разных традиций, характеризующих многокомпонентность новгородской материальной культуры. Тем более, что в XIII в. количество украшений финно-угорского происхождения в Новгороде возрастает (Покровская 1998), а коньки этого типа несомненно являются финно-угорскими по своему происхождению. Наибольшее количество полых шумящих коньков амулетов найдено на Неревском раскопе. Больше всего их на усадьбах, расположенных к востоку от Великой улицы (Б-6; Е-5). Именно здесь они появляются в слое конца XII в. (на остальных усадьбах — не ранее XIII в.). К западу от Великой улицы их всего 6 (Д-4; В-2), в южной части раскопа на усадьбах К и И амулеты этого типа появляются только во второй половине XIII—XIV вв., в количестве 7 экземпляров (И-5; К-2). На северных усадьбах А и Г их всего 2. Серийное разнообразие коньков этого типа в пределах одной усадьбы не позволяет без дополнительных исследований выделить ювелирные ремесленные комплексы в Неревском конце. Кроме полых коньков-амулетов на усадьбах Неревского раскопа в слоях второго периода известны два пластинчатых конька. Один из пластинчатых коньков (XIV тип) входит в комплекс прибалтийско-финских нагрудных украшений, найденных на этой же усадьбе в тот же период. Этот комплекс включает: две головки ажурных крестовидных булавок, соединенные цепочкой, фибулу с гранчатыми головками и орнаментом на дуге, фибулу с гранчатыми головками, ромбического сечения и Ф-образную пронизку. Появление этого комплекса в Новгороде — тема отдельного исследования и вероятно может свидетельствовать о каком-то одномоментном событии.

На Троицком раскопе полых шумящих коньков-амулетов в два раза меньше, и они концентрируются на усадьбах, расположенных к западу от Пробойной улицы в слоях, датированных не ранее XIII в. На усадьбах, расположенных вдоль Ярышевой улицы, их 8 (И-4; П-1; О-3). На усадьбах северо-западного комплекса (от Пробойной улицы) таких амулетов зафиксировано 7 (З-5; М-3). На усадьбах А и В — по одному, на Е, Г и К их нет вообще.

На Троицком раскопе в слоях конца XII — первой половины XIII в. отмечается большее разнообразие амулетов, чем на Неревском. В целом, металлический убор Людина конца представляется более архаичным и «провинциальным». Здесь дольше, чем в Неревском конце, бытуют привески с ложнозерненным орнаментом, привески в виде миниатюрных предметов быта и оружия, птицевидные амулеты и лунницы. Кроме того, именно на усадьбах Троицкого раскопа найдено больше всего цепедержателей, отсутствующих на Неревском раскопе. На других раскопах единичные экземпляры. Все эти различия, проявившиеся, в основном в XIII в., вероятно, связаны с известными событиями начала столетия, когда владения Мирошкиничей разорили и сожгли, а часть усадеб, исследованных на Троицком раскопе, была предана новым поселенцам. Изучение характера комплекса ювелирных украшений позволяет сделать вывод о том, что это были выходцы из северо-западных областей Новгородских земель (Покровская 2004: 161—174). Можно предположить, что основное заселение было связано с усадьбами, расположенными к западу от Пробойной улицы. В начале XIII в. здесь происходит окончательное разделение территории на четыре усадьбы (Г, З, М, К). Количество украшений и их разнообразие резко возрастает.

Следует отметить, что именно на этом усадебном комплексе найдены полые привески-уточка восточно-финского происхождения. На их этническое происхождение указывает положение петли для привешивания шумящих привесок — впереди. Я полагаю, что такие нехарактерные ни для Новгорода,

ни для северо-запада Новгородской земли предметы могли попасть в Новгород в силу определенных обстоятельств, требующих дополнительного изучения комплекса троицких украшений.

Появление амулетов во втором периоде, на мой взгляд, никак не связано с первым периодом. Здесь прослеживается совершенно иная традиция, возникающая, по моим представлениям, вне Новгорода и привнесенная сюда в качестве культурного компонента. А.Е. Мусин допускает возможность переноса «элементов дохристианского мировоззрения в новую систему взглядов», при этом «каждое новое поколение воспроизводит в процессе своего становления некоторые примитивные религиозные представления, включая их в новый мировоззренческий контекст. Такие представления существенно близки языческим верованиям, но генетически с ними могут быть не связаны, являясь порождением неразвитой религиозной психологии» (Мусин 2002: 11). Именно поэтому, на мой взгляд, зооморфные амулеты были исключительно принадлежностью женского костюма и являлись женскими оберегами. Поэтому не стоит искать в этих амулетах глубокий «космогонический смысл», некогда присущий им в эпоху язычества. Весьма показательным, на мой взгляд, является тот факт, что полые коньки-амулеты составляют компактные группы лишь на некоторых усадьбах Неревского и Троицкого раскопов. В связи с этим я не исключаю возможности появления на этих усадьбах негородского населения. Предположительно, процесс интеграции нового населения в городской среде происходил более стремительно, чем в сельской округе. С этим процессом, видимо, связано резкое возрастание количества полых коньков-амулетов, распространение их в Новгороде, а также довольно узкие рамки их бытования в городе (конец XIII – первая половина XIV в.).

Таким образом, в результате проделанной работы были выявлены два периода бытования в Новгороде привесок-амулетов. Первый период заканчивается в конце XI – начале XII в. К этому времени, на мой взгляд, Новгород окончательно становится христианским городом и его население перестает считать себя язычниками. В то же время, это не исключает сохранения некоторых пережитков, которые могли принимать форму суеверий.

Резкое количественное возрастание амулетов во втором периоде происходит за счет распространения полых шумящих коньков-амулетов. Думаю, что дальнейшее изучение этих проблем должно идти, прежде всего, по пути сбора и интерпретации археологического материала, накопленного в Новгороде за многие десятилетия. И только после этого можно переходить к разработке теоретических вопросов, касающихся характера и закономерностей мировоззрения средневековых новгородцев, уже с привлечением других источников.

Литература

- Алешковский 1980 — *Алешковский П.М.* Языческий амулет-подвеска из Новгорода // СА. № 4. 1980.
- Голубева 1979 — *Голубева Л.А.* Зооморфные украшения финно-угров // САИ. Вып. ЕІ-59. М., 1979.
- Голубева, Варенов 1978 — *Голубева Л.А., Варенов А.Б.* Полые коньки-амулеты Древней Руси // СА. № 2. 1978.
- Журжалина 1961 — *Журжалина Н.П.* Датировка древнерусских привесок-амулетов // СА. № 2. 1961.
- Засурцев 1963 — *Засурцев П.И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. № 123. 1963.
- Кулаков 2003 — *Кулаков В.И.* Варианты иконографии Одина и Перуна/Перкуно // РА. № 1. 2003.
- Мусин 2002 — *Мусин А.Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.
- Недошивина 1993 — *Недошивина Н.Г.* Об одной группе древнерусских амулетов // Средневековые древности Восточной Европы / Труды ГИМ. Вып. 82. М., 1993.
- Николаева, Чернецов 1991 — *Николаева Т.Н., Чернецов А.В.* Древнерусские амулеты-змеевики. М., 1991.
- Покровская 1997 — *Покровская Л.В.* Зооморфные привески древнего Новгорода (X–XIV вв.) // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. М., 1997.
- Покровская 1998 — *Покровская Л.В.* Украшения балтского и финно-угорского происхождения средневекового Новгорода: систематизация, хронология, топография. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
- Рыбаков 1951 — *Рыбаков Б.А.* Прикладное искусство и скульптура // История культуры Древней Руси. Т. 2. М.; Л., 1951.

-
- Рыбаков 1953 — *Рыбаков Б.А.* Искусство древних славян // История русского искусства. Т. 1. М., 1953.
- Рябинин 1981 — *Рябинин Е.А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XV вв. // САИ. Вып. EI-60. Л., 1981.
- Рябинин Е.А. 1988 — *Рябинин Е.А.* Языческие привески-амулеты Древней Руси // Древности славян и Руси. М., 1988.
- Седова 1981 — *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
- Седова 1994 — *Седова М.В.* Паломнический комплекс XII в. с Неревского раскопа // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994.
- Успенская 1967 — *Успенская А.В.* Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни XI–XIII вв. Т. III / Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967.
- Хлобыстин 1992 — *Хлобыстин Л.П.* Святилища Вайгача // Ранние формы религии народов Сибири. СПб., 1992.
- Хлобыстин 1993 — *Хлобыстин Л.П.* Святилища Вайгача // Ad polus. Памяти Л.П. Хлобыстина. Археологические изыскания. Вып. 10. СПб., 1993.
- Хорошев 1994 — *Хорошев А.С.* Топография, стратиграфия, хронология и усадебная планировка Троицкого раскопа (усадебная А) // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994.
- Tõnisson 1974 — *Tõnisson E.* Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur (11. Jh. — Anfang 13. Jhs.). Tallinn, 1974.

С.С. Рябцева (Санкт-Петербург – Кишинев)

О «ГРОЗДЕВИДНЫХ» УКРАШЕНИЯХ

Значение наследия Г.Ф. Корзухиной для становления школы изучения ювелирного дела трудно переоценить. Она остается и самым востребованным и самым цитируемым автором для исследователей, занимающихся этой проблематикой не только в России, но и далеко за ее пределами. И это касается не только ее фундаментальных трудов, но и небольших по объему статей, таких, как вышедшая около 60 лет назад работа «О технике тиснения и перегородчатой эмали в Древней Руси X–XII вв.» (Корзухина 1946: 45–52).

В этой статье ставятся вопросы об античных истоках некоторых древнерусских украшений и о византийском влиянии на формирование древнерусского ювелирного дела. Подробно рассматриваются в данной работе и ювелирные техники, применявшиеся при изготовлении «волынских» серег, типичных для древнерусского убора с зернью середины X — начала XI в. Кроме того, рассмотрен процесс изготовления колтов, характерных для парадного убора конца XI — первой половины XIII в.

Исследовательницей были проанализированы находки «волынских» серег на древнерусской территории и их аналоги, происходящие из других регионов. Гали Фёдоровной была предложена и первая типология этих украшений, основанная на форме подвески и технике ее изготовления. Сразу необходимо оговориться, что название «серьги» весьма условно и является некоторой данью историографической традиции, по всей видимости, данные украшения носились в качестве височных подвесок. О подобном использовании свидетельствует, например, находка подобных изделий, прикрепленных к деталям головного убора, сделанная при раскопках Пересопницких курганов (Мельник 1901: 505–511).

Даже при первом обращении к историографии вопроса бросается в глаза, что в тип «волынских» серег объединены различные по форме украшения. Одни — с объемной полый подвеской (первый вариант по Г.Ф. Корзухиной), другие — с узкой подвеской-гроздью, собранной из миниатюрных шариков, зерни и поясков скани (второй вариант по Г.Ф. Корзухиной) (Корзухина 1946: 47). Однако, все эти варианты «волынских» серег (поделенные нами в свое время на типы А, В, С и D (Рабинович, Рябцева 1997: 236–245), объединяет и ряд общих конструктивных и декоративных черт.

В форме подвесок этих украшений можно проследить плавное изменение от полый тисненой подвески-балясины, нанизанной на дужку (тип «А») (рис. 1), к подвеске аналогичной формы, но укрепленной под дужкой при помощи штыря и собранной из целого ряда деталей. В состав подвесок таких серег входят крупный тисненый шарик и несколько поясков мелких тисненых или литых шариков (тип «В») (рис. 2) (Строкова 1997: 61–63; Рябцева 2005: 92, рис. 17). Тисненные части подвесок у украшений типов «А» и «В» декорированы треугольниками, ромбами и полосами зерни. Таким образом «волынские» серьги первого варианта, по типологии Г.Ф. Корзухиной, могут быть подразделены на два отдельных типа.

У «волынских» украшений второго варианта, по Г.Ф. Корзухиной, для крепления подвески всегда используется штырь. Подвески собраны из миниатюрных литых шариков, зерни, сканой или рубчатой проволоки. «Волынские серьги» типа «С» (рис. 3) (или, как их часто именуют, «екимауцкие») (Новикова 1990: 107–114) отличает от других многочисленных разновидностей гроздевидных украшений (рис. 4) наличие в структуре подвески комбинации поясков зерни, скани и литых

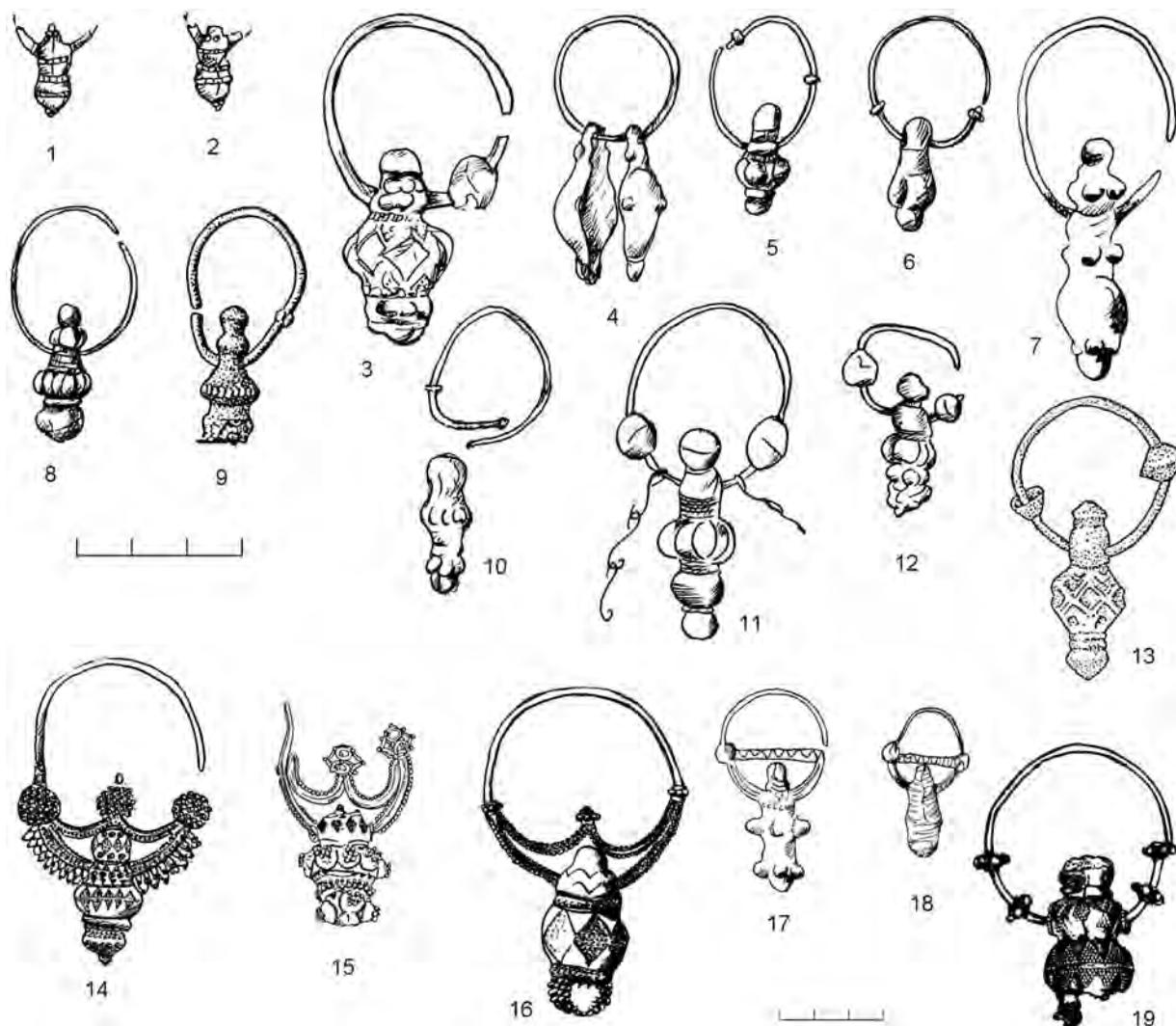

Рис. 1. «Волынские» серьги типа «А» и их прототипы и аналоги. 1, 2 — мог. Арбонь (Венгрия); 3 — Келегейский комплекс (Украина); 4 — городище Пастырское, случайная находка. (Украина); 5, 6, 8 — мог. Нитры погр. 43 (Словакия); 7 — Тырновец над Вагом (Среднее Подунавье); 9 — мог. Нитры погр. 4 (Словакия); 10 — городище Новотроицкое; 11 — мог. Градешники (Болгария); 12 — мог. Вьлчедром (Болгария); 13 — мог. Арсура (Румыния); 14 — клад Боршевка (Украина); 15 — клад Тушта (Хельсингланд); 16 — клад Гнездово 1993 г.; 17 — Тульчинский клад (Украина); 18 — клад Обра-Нова (Польша); 19 — мог. Бёсоб (Венгрия)

миниатюрных шариков. Эти литые шарики, более крупные, чем зернь, расположенные в нижней части подвески, придают ей специфическую устойчивую расширенную в нижней трети форму.

Еще одной характерной особенностью этих украшений является наличие в структуре подвески проволочных (гладких, сканых или рубчатых — псевдозерненных) перехватов между рядами зерни в горизонтальном направлении. Аналогичными перехватами разделяются и наиболее крупные шарики подвесок в вертикальном направлении (рис. 3: 12–28). Серьги типа «D» отличаются от серег типа «C» тем, что их подвеска приобретает коническую форму, и вся ее верхняя часть занята рядами скани (рис. 3: 29–32). Между серьгами типов «C» и «D» грань весьма условна, так у ряда украшений из Копиевского клада или из Миркова (Болгария) (Лінка-Геппенер 1948: 184; Вьжарова 1976: 328) сканых витков больше, чем у типичных украшений типа «C», но они не настолько преобладают, как у типа «D» (рис. 3: 23, 26).

Наиболее часто все четыре типа «волынских» серег встречаются на Волыни и в Поднепровье (рис. 1: 14, 16; рис. 2: 19, 20; рис. 3: 21–25, 28, 32) (Мельник 1901: 540–542; Лінка-Геппенер 1948: 184; Каргер 1958: табл. III; Корзухина 1954: 84–85; Хавлюк 1969: 164; Гупало 1996: 133–129; Пушкина 1996: 79–80; Ениосова 1998: 258–267). В Пруто-Днестровском междуречье количественно, безусловно, преобладают

Рис. 2. «Волинские» серьги типа «В» и их прототипы и аналоги:
 1 — Желовице (Среднее Подунавье); 2 — Гильяре (Среднее Подунавье); 3 — мог. Скальска (Среднее Подунавье);
 4, 5 — мог. Плиски, погр. 19 (Болгария); 6 — Винче (Среднее Подунавье); 7, 14, 15 — мог. Градешники
 (Болгария); 8, 9 — с. Стенье, остров Голлем Град, погр. 64 (Македония); 10 — с. Добрешто, местн. Градишто
 (Македония); 11, 12 — мог. Халимба (Венгрия); 13 — с. Злокукаш (Македония); 16 — Старое Место (Чехия);
 17 — клад Рэдукэнь (Румыния); 18 — клад Токай (Венгрия); 19 — клад Юрковцы (Украина);
 20 — клад Копиевка (Украина); 21 — Елизаветградский у. (Украина); 22 — мог. Бранешты, погр. 34 (Молдова);
 23 — погр. в Клуж-Напока (Румыния); 24 — гор. Екимауцы (Молдова); 25 — Северная Болгария;
 26 — Курвинград (Среднее Подунавье); 27 — Среднее Подунавье

серьги типа «С», есть несколько находок типа «В», но не известны находки серег типов «А» и «D» (рис. 2: 24; рис. 3: 12, 13) (Федоров 1953: 123; Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984: 49). В Румынии также преобладают находки типа «С», есть несколько экземпляров типов «В» и всего одна пара типа «А» (но без зерни) (рис. 1: 13; 2: 17; 3: 8–11, 14, 15) (Teodor 1968: 237; fig. 25: 1; Teodor 1980: 404; Teodor 1981: 109, 110, fig. 17, 18; Spinei 1999: 66, fig. 14).

Рис. 3. «Волинские» серьги типов «С» и «D». Масштабы разные; 1 — Нитра (Словакия); 2 — Добеште (Македония); 3 — Нови Княжевец (Среднее Подунавье); 4, 5 — Перник (Болгария); 6, 7 — мог. Преслава, погр. 2 (Болгария); 8, 9 — мог. Изворул (Румыния); 10, 11 — клад Рэдукэнь (Румыния); 12, 13 — гор. Екимауцы (Молдова); 14, 15 — мог. Бландиана (Румыния); 16, 17 — клад Токай (Венгрия); 18 — Елизаветградский у. (Украина); 19 — мог. Галиче погр. 5 (Болгария); 20, 25 — мог. Плиски, погр. 16 (Болгария); 21–23 — клад Копиевка (Украина); 24, 28 — клад Денис (Украина); 26 — мог. Мирково (Болгария); 27 — мог. Любеново (Болгария); 29 — Батайцы (Сербия); 30 — Брно Маломешнице (Среднее Подунавье); 31 — клад Юрковцы (Украина); 32 — Браничев (Среднее Подунавье); 33 — Преслав (Болгария)

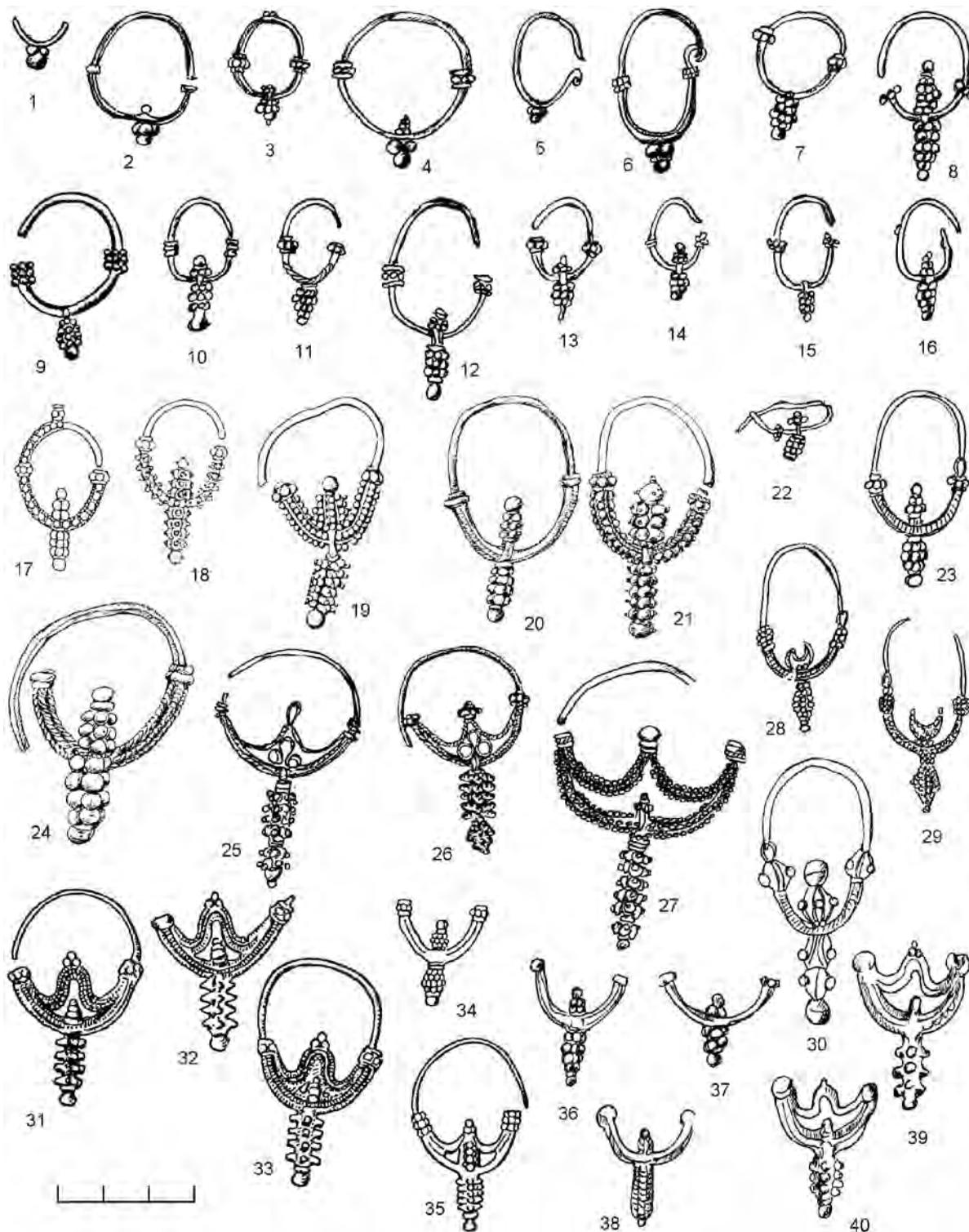

Рис. 4. «Гроздевидные» серьги. Масштабы разные: 1 — Цико (Венгрия); 2 — Хозмезовасазхалу (Венгрия); 3 — Будапешт XIII (Венгрия); 4 — Бискупин (Среднее Подунавье); 5 — Стойкань (Румыния); 6 — мог. Плиски, погр. 19 (Болгария); 7 — Старое Место (Чехия); 8 — Желенко (Среднее Подунавье); 9 — Колочин (Среднее Подунавье); 10 — Триль (Далмация); 11 — Пшедмости (Среднее Подунавье); 12, 15–18 — Старое Место (Чехия); 13, 14 — Блучин (Среднее Подунавье); 19 — Кладно (Среднее Подунавье); 20, 21, 24 — Старый Коуржим (Среднее Подунавье); 22, 26 — Гнездово; 23 — Добошь (Македония); 25 — Липово (Среднее Подунавье); 27 — мог. Галиче, погр. 22 (Болгария); 28, 29 — с. Стенья, о-в Голем Град (Македония); 30 — Неготино (Македония); 31–33 — Среднее Подунавье; 34, 35 — Северная Болгария; 36–38 — Добричко (Болгария); 39, 40 — Средище (Болгария)

На Балканах (в Болгарии, Сербии, Хорватии, Македонии) встречаются украшения типов «С» и «D» (рис. 3: 2–7, 20, 25–27, 29, 31) (Jurić 1986 : 245–289; Ђоровић-Љубинковић 1951: 21–55; Ерцеговић-Павловић 1968: 83–88; Ерцеговић-Павловић 1971: 41–57; Манева 1992: табл. 15). Есть находки серег, близких к типу «А», но, как правило, с более миниатюрными подвесками и без зерни (рис. 1: 11, 12) (Kurnatowska 1980: 155–163; Милчев 1963: 22–37; Въжарова 1976: табл. 18). Весьма популярны и украшения, близкие к типу «В», но также без зерневого декора крупной бусины (рис. 2, 5–10, 25–27) (Masov 1979: 39; Гатев 1977: 34; Въжарова 1974: 9–22; Въжарова 1976: 207, Въжарова 1987: 298–308; Плетнева 1992: 61; Миланова 1993: 121–134; Чангова 1992: 130; Григоров 2004: 69–75; Атанасов, Григоров 2003: 221–391; Манева 1992: табл. 16).

В Карпатской котловине распространены типы «С» и «В» (последний тип встречается как с зернью, так и без) (рис. 2: 11, 12, 18; рис. 3: 16, 17) (Váňa 1954: 50–95; Mésterházy 1994: 193–239). В Польше преобладают украшения типа «С», встречаются и украшения типа «А», причем в нескольких разновидностях: типичной для Волыни, и местной с очень выступающими полусферами или, наоборот, с почти гладкой подвеской и проволочным зигзагом на дужке (рис. 1: 18, 19) (Kóčka-Krenz 1993: мара 31; Рябцева 2005: 96, рис. 22). В Чехии и Словакии встречается типы «С», а также «А» и «В», как правило, без зерни (рис. 1: 5–9; рис. 2: 16; рис. 3: 1) (Hrubý 1955: obr. 41; Chropovský 1962: 175–240; Dostál 1966: tab. 9–11; Kalousek 1971: 189, obr. 344, tab. 27).

«Волынские» серги входят в круг разнообразных серег и височных украшений с «гроздевидной» подвеской, характерных для обширной европейской территории от Адриатики и Дуная до Вислы и от Прикамья до Кавказа, Поднепровья и Крыма. Возрождение античной традиции подобных украшений может быть отнесено к VI–VII вв., наиболее технологически сложные и изящно выполненные изделия датируются концом IX–XI вв. (Корзухина 1946: 59). Внутри типа «гроздевидных» украшений может быть выделено огромное количество подтипов и вариантов. Такая работа зачастую выполняется для отдельных регионов, как например, для Болгарии (Въжарова 1976: 357; Михайлова 1993: 180–196; Миланова 1993: 121–134; Григоров 2004: 69–75; Атанасов, Григоров 2003: 221–391).

На наш взгляд, при классифицировании «гроздевидных» украшений основополагающим является строение подвески (как и в типологии Г.Ф. Корзухиной), декор дужки в некоторых пределах мог варьироваться по желанию мастера, однако, и в нем выделяется несколько важных особенностей.

Вот основные варианты подвесок:

1. Подвеска шарик (как вариант металлическая, пастовая, или каменная бусина), крепящаяся к нижней части дужки серьги при помощи штыря (Gagam 1993: 153, Taf. 34: 11). Подвеска может быть круглой или слегка удлинённой каплевидной формы. Встречаются как составные, так и литые экземпляры.

2. Подвеска, состоящая из шарика и поясков рубчатой проволоки или зерни (рис. 2). В нижней части подвеска может завершаться дополнительно небольшой пирамидкой из миниатюрных шариков или зерни. Встречаются и литые подражания этому типу. Вариант с крупной тисненой бусиной, декорированной зернью представляет собой тип «В» «волынских» серег.

3. Подвеска, состоящая из комбинации нескольких шариков (Kalousek 1971: tab.28). Встречаются как паяные, так и литые экземпляры.

4. Подвеска, состоящая из комбинации шарика и цилиндрика (Рябцева 2005: 107, рис. 30). Встречаются как паяные, так и литые экземпляры.

5. Подвеска-балясина, нанизанная на кольцо (подвеска может быть как многочастная, так и практически гладкая). Встречаются варианты с тисненой подвеской, с литой подвеской, свободно перемещающейся по кольцу, и полностью литые экземпляры (рис. 1: 5, 6). Вариант с массивной тисненой подвеской, декорированной зернью, представляет собой тип «А» «волынских» серег (рис. 1: 14–17).

6. Подвеска гроздь, представленная несколькими основными вариантами:

а) маленькая пирамидка зерни (рис. 4: 1, 2, 4–6).

б) удлинённая неоформленная гроздь (рис.4: 3, 7–9, 12–16, 36, 37).

в) ровная гроздь-столбик, иногда с выделенными вертикальными рядами — «кукурузный початок», в ряде случаев гроздь имеет расширение в средней части и приобретает ромбическую форму (рис. 4: 10, 11, 17, 20, 22, 23, 24, 28, 29, 38).

г) гроздь из зерновых «барабанчиков» — «колосковая» (рис. 4: 18, 19, 25–27, 32–33, 39, 40).

д) гроздь с проволочными перехватами и наибольшим расширением в нижней трети; представляет собой тип «С» «волынских» серег (рис. 3: 8–22).

е) гроздь, выполненная из сочетания большого количества проволочных витков и зерни или только из проволоки; представляет собой тип «D» «волынских» серег (рис. 3: 27, 29, 31, 32).

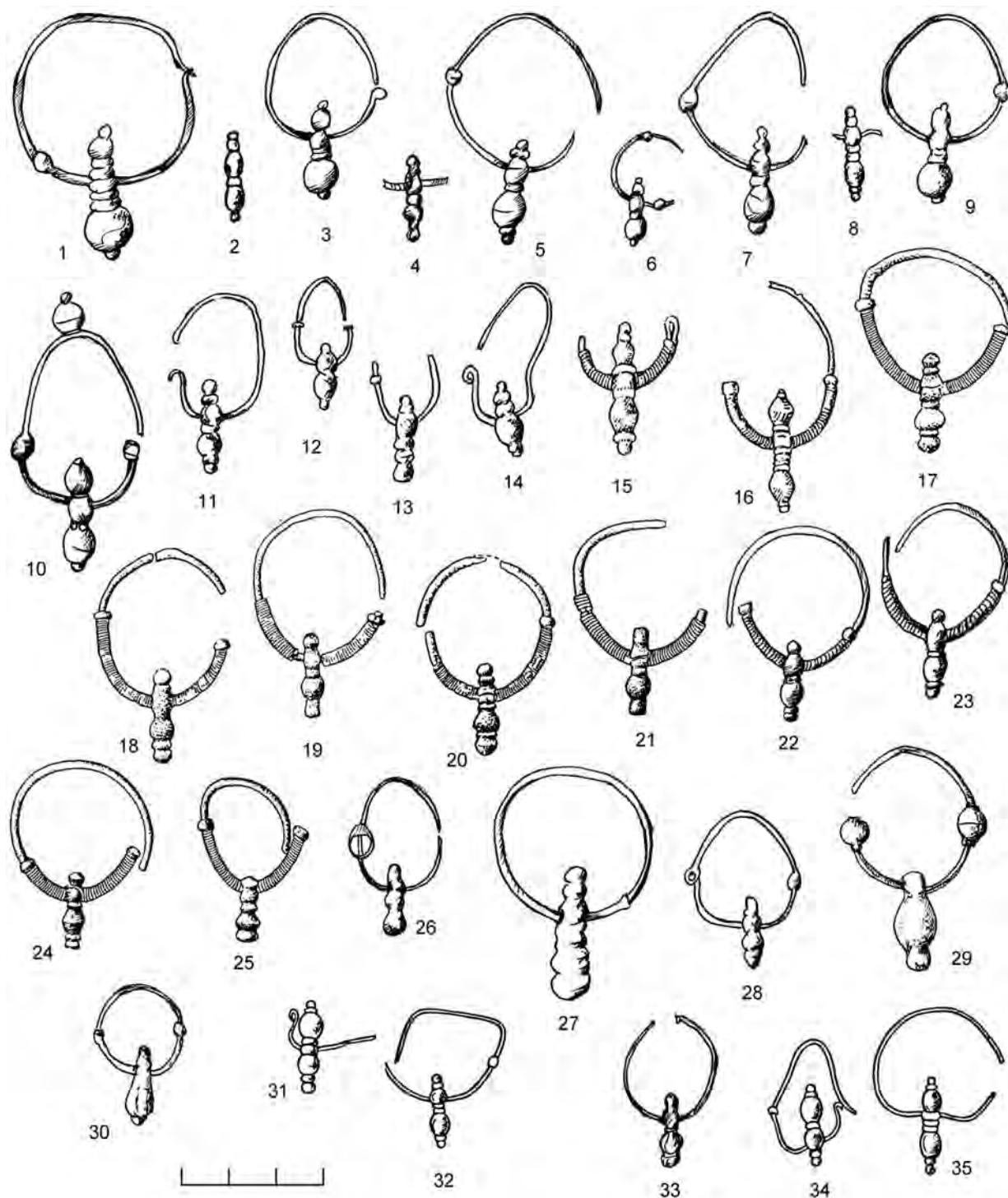

Рис. 5. Серьги с литыми подвесками. Масштабы разные:
 1, 3 — мог. Михайлово, погр. 1, 4 (Болгария); 2 — Северная Болгария; 4 — Гнездово;
 5, 7 — мог. Луковит, погр. 59 (Болгария); 6 — с. Радолиште (Македония); 8 — Северная Болгария;
 9, 10 — мог. Галиче, погр. 4 и вне погр. (Болгария); 11 — Руйно Каргал Кале (Болгария);
 12 — Окорош (Болгария); 13 — Руйно Аязмото (Болгария); 14 — Троянов Мост (Среднее Подунавье);
 15, 17 — Среднее Подунавье; 16 — Курвинград (Среднее Подунавье); 17–25 — мог. Нитры,
 погр. 7, 8, 28, 11, 30 (Словакия); 26 — мог. Галиче, погр. 56, 63 (Болгария);
 27, 28 — мог. Михайлово, погр. 4 (Болгария); 29, 30 — мог. Чимбруд (Румыния);
 31, 32, 34, 35 — Северная Болгария; 33 — гор. Новотроицкое

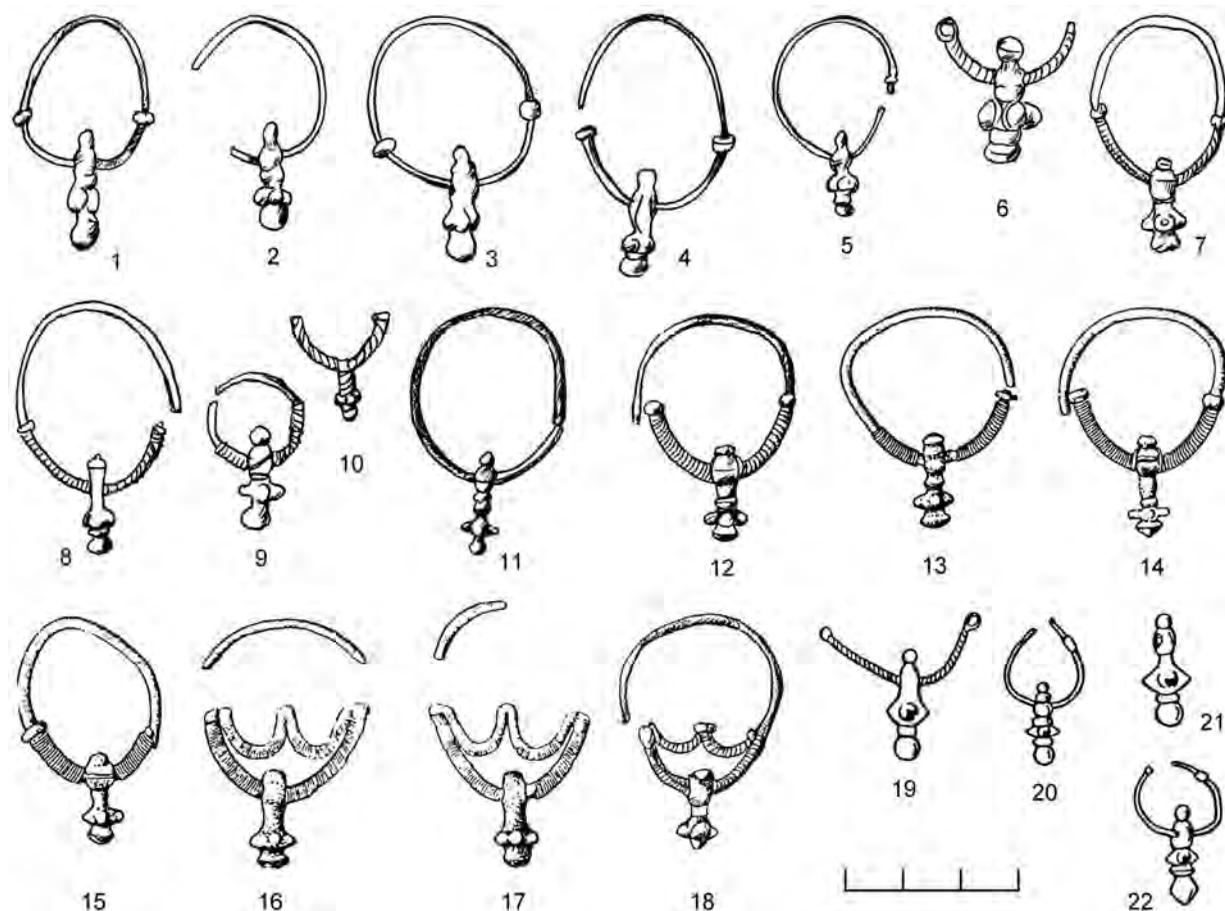

Рис. 6. Серьги с литыми подвесками. Масштабы разные: 1, 2 — мог. Галиче, погр. 50 (Болгария); 3, 4 — мог. Галиче, вне погр. (Болгария); 5 — Врацанский окр. (Болгария); 6 — Преслав (Болгария); 7, 8 — мог. Галиче (Болгария); 9 — Курвинград (Среднее Подунавье); 11 — клад Рэдукэнь (Румыния); 10, 12–18 — мог. Нитры, погр. 11, 4, 51, 7, 28 (Словакия); 19–22 — Северная Болгария

Все эти варианты встречаются как паяные, так и литые.

7. Подвеска гроздь в сочетании с лучевым оформлением нижнего края дужки. Подобных гибридных образцов мне известно немного; подвеска с объемной гроздьё и плоскими лучами происходит из Блучина (Poulik 1960: 14).

8. Подвеска шарик (объемный или плоский) в сочетании с лучевым оформлением нижнего края дужки. Серьга с объемным шариком происходит из Средище (Болгария), с плоской подвеской аналогичной формы из Новотроицкого (рис. 8: 23, 24) (Ляпушкин 1958: 127; Атанасов, Григоров 2003: 221–391).

В оформлении дужки кольца также можно выделить основные варианты:

1. Простая проволочная дужка (например, рис. 1: 4, 7, 8).

2. Проволочная дужка с нанизанными по бокам подвески шариками (например, рис. 1: 11–15).

3. Аналогичная дужка, но еще один шарик крепится чуть сбоку в верхней части дужки (Голдина 1985: 210, табл. II: 12).

4. Аналогичная дужка, но есть только верхний шарик или как вариант — пирамидка зерни. Все эти четыре варианта могут быть как изготовленными отдельно, так и отлитыми вместе с подвеской (Голдина 1985: 210, табл. II: 3).

5. На дужку могло быть нанизано большое количество шариков (Dekan 1979: № 140). Дужка могла быть как изготовлена отдельно, так и отлита вместе с подвеской.

6. На дужку могли быть нанизаны композиции из зерни в окружении проволочных колечек (например, рис. 1: 17, рис. 2: 18–24). Дужка могла быть, как изготовлена отдельно, так и отлита вместе с подвеской.

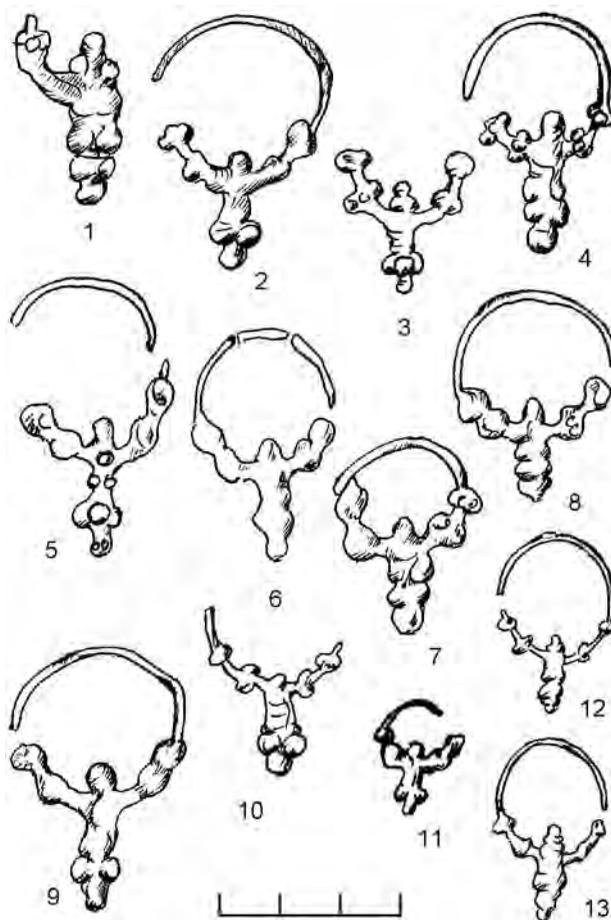

Рис. 7. Литые серьги: 1 — Преслав (Болгария); 2 — Предлока (Среднее Подунавье); 3 — Траянов Мост (Среднее Подунавье); 4 — Клоштар (Среднее Подунавье); 5 — Птуй (Среднее Подунавье); 6, 10 — Клоштар (Среднее Подунавье); 7 — Велики Варанди (Венгрия); 8 — Птуй (Среднее Подунавье); 9 — Юнузовцы (Среднее Подунавье); 11 — Толна Сзанто (Венгрия); 12, 13 — мог. Луковит (Болгария)

7. Дужка могла состоять из двух частей, верхней — проволочной и нижней — раскованой и декорированной сканью, рубчатой проволокой, зернью. Иногда в дополнение к этой расширенной нижней части подвески над ней шла проволочная волна, также декорированная сканью и зернью, в таком случае нижняя часть дужки представляла собой ажурную лунницу. Подобные дужки декорировали при переходе к кольцу композициями из поясков зерни и проволоки или шариками (рис. 1: 14–16; рис. 2: 17; рис. 4: 25–27). Нижняя часть дужки могла быть отлита вместе с подвеской (рис. 4: 31–33, 35, 39, 40).

8. Нижняя часть дужки могла представлять собой небольшую плоскую цельную литую лунницу с шариками на «рожках», изготовленную отдельно от подвески или отлитую вместе с ней (рис. 8: 23).

Для оформления «головки» подвески существовало три основных варианта: шарик, пирамидка зерни, миниатюрная опрокинутая лунница.

Уже в аварских и раннеболгарских древностях VII–VIII вв. присутствует весь набор разновидностей подвесок, характерных для более поздних «волынских» серег (тисненная бусина, продольная тисненная подвеска, зерневая гроздь) (Garam 1993: 126, 154) (рис. 1: 1–3; рис. 4: 1). На золотой серьге с тисненой подвеской предположительно из Келегейского комплекса VII в. (Древнее золото 1975), связываемого с древностями ранних болгар (Семенов 1991: 121–127), в тиснении заложена та система декора из треугольников и ромбов, которая появится в зерневом исполнении на наиболее крупных и роскошных «волынских» серьгах типа «А» в X — начале XI в. (рис. 1: 3, 14, 17). Если для VII–VIII вв. находки украшений с продольной тисненой подвеской единичны (Арбону, Келегея, Пастырское городище) (рис. 1: 1–4), то для IX — первой половины X в. их гораздо больше (рис. 1: 5–13).

В этот же период в Подунайском регионе формируются и остальные типы «волынских» серег (Рабинович, Рябцева 1997: 236–245). Рассмотрение литых подражаний этим украшениям, представленных в памятниках Среднего и Нижнего Подунавья, дает поразительную картину близости всех вариантов «волынских» серег. В материалах могильников Нитры, Галиче, Луковит, Михайлово, Траянов Мост, Курвиноград и др. (Chropovský 1962: 177–240; Въжарова 1976: 207; Атанасов, Григоров 2003: 121–191;

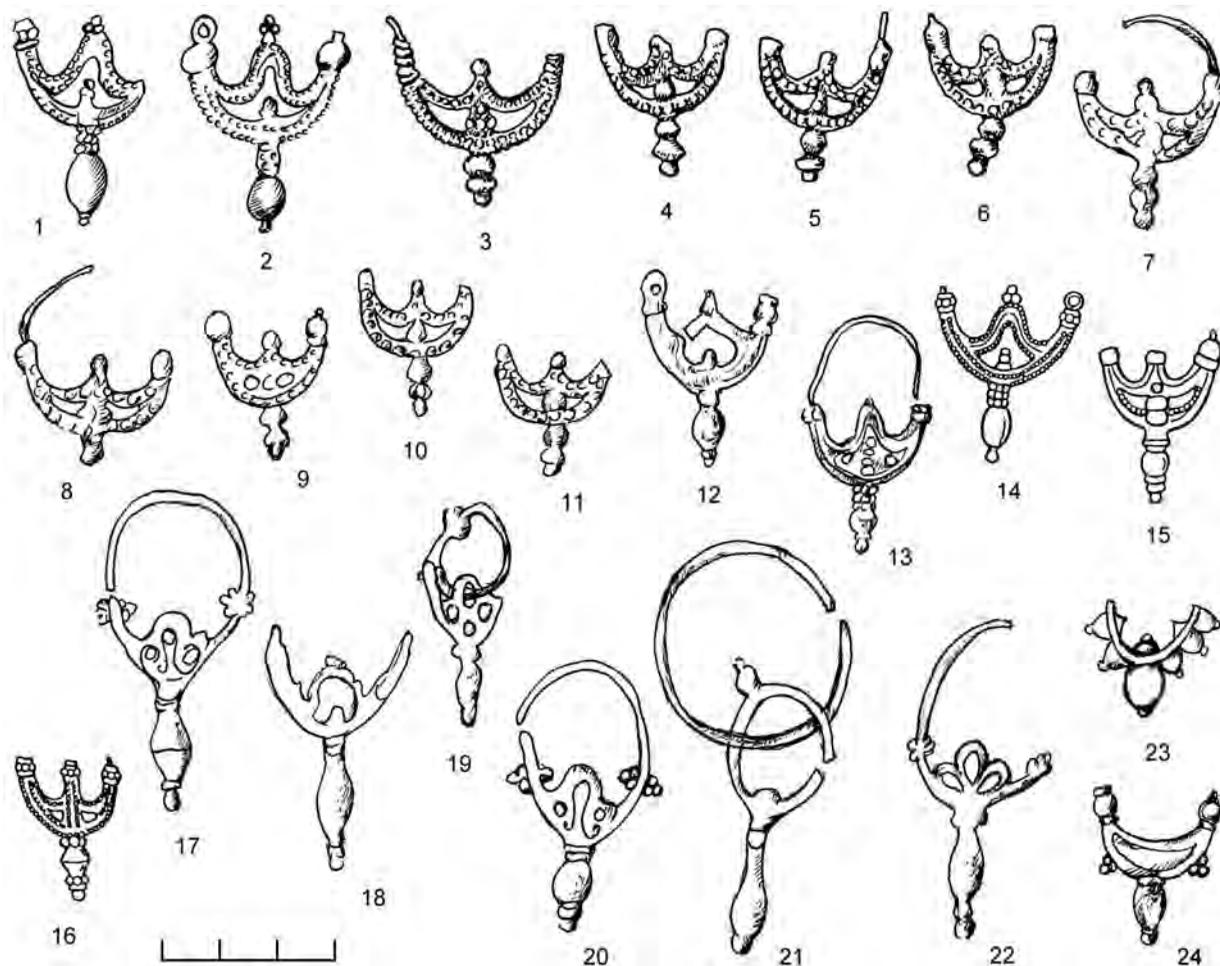

Рис. 8. Литые серьги. Масштабы разные: 1 — Преслав (Болгария); 2 — Купинов (Среднее Подунавье); 3 — Среднее Подунавье; 4, 5, 6 — Винча (Среднее Подунавье); 7, 8 — Маст, окр. Братиславы (Словакия); 9, 10 — Руйно Картал Кале (Болгария); 11 — Воднянци (Болгария); 12 — Руно Аязмато (Болгария); 13 — Скала (Болгария); 14–16 — Северная Болгария; 17, 18 — Фативижский клад; 19 — Херсонес; 20 — Битица; 21 — Железницкий клад; 22 — Гнёздово; 23 — Средише (Болгария); 24 — гор. Новотроицкое

Горовић-Љубинковић 1951: 21–55) представлены украшения со свободно передвигающимися по кольцу литыми подвесками-балясинами (рис. 5: 6). Форма подвески у этих украшений варьирует в довольно большом диапазоне.

Встречаются экземпляры с плавно изгибающимся контуром — (близкие к типу «А») и с акцентированием силуэта нижней бусины — (близкие к типу «В»). Кроме того, есть варианты с выделением пояска выступов в нижней части, среди них встречаются экземпляры с имитацией выступов, присутствующих на ряде тисненых подвесок (типа серег из Тушты или Тульчинского клада (рис. 1: 15, 18), и экземпляры, копирующие зерневую гроздь типа «С».

В Подунайском регионе широко распространены и разнообразные цельнолитые варианты подобных украшений, у которых подвеска отлита вместе с кольцом, а в Преславе был найден фрагмент формочки, предназначенной, по всей видимости, для отливки серьги типа «D» (Михайлова 1993: 187, табл. III), свидетельствующий о местном производстве этих украшений (рис. 3: 33). Контур цельнолитых серег зачастую весьма сглажен, и некоторые имитации типов «А» и «С» оказываются поразительно схожими между собой (табл. 7).

Таким образом, варианты «волынских» серег в большей мере различаются между собой на восточноевропейской территории, где они в основном входили в состав дорогого парадного убора и изготавливались из серебра с применением техник тиснения, скани и зерни. В Подунавье же, где набор

«гроздевидных» украшений гораздо более разнообразен, широко встречаются как паяные, так и литые экземпляры, эти украшения демонстрируют большую степень родства, в том числе и внутри типа «волынских». Это лишний раз подтверждает правильность построений Г.Ф. Корзухиной, объединивший данные украшения в один тип «волынских».

Для восточнославянской территории находки литых «гроздевидных» украшений, близких к «волынским», единичны, они происходят с городищ Новотроицкое и Екимауцы, из местонахождения Тринка 1 в Молдове и из Гнёздовского комплекса (рис. 5: 4) (Ляпушкин 1948: 127; Федоров 1953: 104–126; Борзияк, Рябой 1985: 180–188; Ениосова 1998: 258–267). Несколько чаще встречаются литые серьги IX–X вв. с подвеской-балясиной и лунницей-волной в верхней части, также близкие к серьгам Подунайского региона. Они происходят из Крыма (Херсон), Нижнего Подонья, Киевского Поднепровья (Ходосовка), левобережной части Среднего Поднепровья (Фативижский клад, Битицкое гор.) и Верхнего Поднепровья (Гнёздовское селище) (рис. 8). Гнёздовская находка наиболее поздняя и датируется началом X в. (Айбабин 1993: 121–133; Гавритухин, Обломский 1996: 133–136; Пушкина 1987: 50–57; Зоценко 2001: 121–125).

На восточнославянской территории существовало несколько центров изготовления паяных вариантов «волынских» серег. Одним из них можно считать Екимауцкое городище, где было найдено скопление серег типа «С» и ювелирный инструментарий, в том числе наковальня-волочило (Федоров 1953: 104–127). Один из мастеров, обладавших штампами для тиснения подвесок «волынских» серег типа «А», был захоронен в Пересопницком могильнике (Корзухина 1946: 45–52).

В Гнёздове были найдены разнообразные «гроздевидные» и «волынские» украшения, однако, по мнению Н.В. Ениосовой, характер ремесла гнёздовских ювелиров и употребляемые ими сплавы свидетельствуют о том, что «волынские» украшения из этого комплекса были произведены не в Смоленском Поднепровье. Одно из колец носит следы грубого ремонта, при котором была применена гладкая проволока вместо сканой, проведена грубая пайка, расплавившая зернь (Ениосова 1998: 263, 264).

Количество серег с тиснеными подвесками не очень велико, известно около десятка комплексов с подобными украшениями. Они происходят из Борщевского, Гущинского и Гнёздовского кладов, две серьги найдены в могильнике Берестяне на Волини, одна на городище Искоростень (Корзухина 1954: 84; Пушкина 1996а: 175; Гупало 1996: 124; Звіздецький 2008: 59, рис. 17). Одна подвеска есть в Эрмитаже и несколько сережек в ГИМе (без указания места находки), по одному фрагментированному экземпляру известно из Бёсоб (Среднее Подунавье) и Тушта (Хельсингланд), и, наконец, недавно были опубликованы подобные украшения, происходящие из клада Чеханова (Польша) (Рябцева 2005: 93–95; Nowakiewicz 1998: 531–543) (рис. 1). Видимо, существовало небольшое количество мастеров, имевших штампы, наподобие пересопницких. Однако, их продукция могла расходиться на довольно большое расстояние: так у части волынских серег типа «А» из Гнёздовского клада 1993 г. подвески совпадают по размеру и форме с пересопницкими штампами (Ениосова 1998: 258–267).

Таким образом, в конце IX — начале XI в. на территории Древней Руси были распространены гроздевидные украшения, близкие к подунайским образцам, а в середине X–XI в. существовало и несколько центров, в которых изготавливали паяные «волынские» серьги, распространявшиеся, вероятно, не только на древнерусской территории. Возможно, происходил отток части этих изделий в Среднее Подунавье и Повисленье (Новикова 1990; Рабинович, Рябцева 1997).

Литература

- Айбабин 1993 — *Айбабин А.И.* Могильники VIII — начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. Вып. III. 1993.
- Атанасов, Григоров 2003 — *Атанасов Г., Григоров В.* Метални накити от ранносредновековни крепости в Южна Добруджа // ИНМВ. 38–39 (53–54). 2002/2003. 2003.
- Борзияк, Рябой 1985 — *Борзияк И.А., Рябой Т.Ф.* Средневековые находки в гроте Тринка I // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев, 1985.
- Въжарова 1974 — *Въжарова Ж.Н.* Селища и некрополи (края на VI–XI) // Археология. 3. София, 1974.
- Въжарова 1976 — *Въжарова Ж.* Славяни и прабългари. София, 1976.
- Въжарова 1987 — *Въжарова Ж.Н.* Славяне к югу от Дуная // СА. № 4. 1987.
- Гавритухин, Обломский 1996 — *Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

- Гатев 1977 — *Гатев П.* Накити от погребения от XI–XII в. // Археология. XIX. 1. София, 1977.
- Георгиев, Михайлова 1993 — *Георгиев П., Михайлова Т.* Некрополът при кръглата църква в Преслав // Плиска-Преслав. Т. 6. София, 1993.
- Голдина 1985 — *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
- Григоров 1999 — *Григоров В.* Обечи в старобългарската культура на север от Дуная // Археология. XL. 3–4. София, 1999.
- Григоров 2004 — *Григоров В.* Коллекция ранносредновековни обечи от Северна България // Археология. XLIV. 1. София, 2004.
- Древнее золото 1975 — Древнее золото. М., 1975.
- Гупало 1996 — *Гупало В.* Дослідження курганного могильника в урочищі Майдан біля села Берестяне // Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. Т. XVII. Rzeszów, 1996.
- Ерцеговић-Павловић 1968 — *Ерцеговић-Павловић С.* Гроздоликe византијске наушнице у Србији // Старинар. XVIII. 1967. Београд, 1968.
- Ерцеговић-Павловић 1971 — *Ерцеговић-Павловић С.* Прилог проучавању наушница у Србији од 9 до 13 стољећа // Старинар. XX. 1970. Београд, 1971.
- Ениосова 1998 — *Ениосова Н.В.* Химический состав и техника изготовления височных колец из Гнездова // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4. М., 1998.
- Звіздецький 2008 — *Звіздецький Б.* Археологічні дослідження в північно-східних районах Житомирського полісся. Коростень, 2008.
- Зоценко 2001 — *Зоценко В.Н.* Гнѣздово в системе связей Среднего Поднепровья в IX–X вв. // Гнѣздово 125 лет исследования памятника / Труды ГИМ. Вып. 124. Археологический сборник. М., 2001.
- Каргер 1958 — *Каргер М.К.* Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958.
- Корзухина 1946 — *Корзухина Г.Ф.* О технике тиснения и перегородчатой эмали в Древней Руси. X–XII вв. // КСИИМК. Вып. 13. 1946.
- Корзухина 1954 — *Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.
- Лінка-Геппенер 1948 — *Лінка-Геппенер Н.* Копіївський скарб // Археологія. Т. 2. 1948.
- Ляпушкин 1958 — *Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое // МИА. № 74. 1958.
- Манева 1992 — *Манева Е.* Средновековен накит од Македонија. Скопје, 1992.
- Мельник 1901 — *Мельник Е.Н.* Раскопки в земле лучан // Труды XI АС. Т. I. Киев, 1901.
- Миланова 1993 — *Миланова О.* Гроздевидните обечи и техният ареал на разпространение в българските земи през IX–XI в. // Годишник на националния археологически музей, IX. София, 1993.
- Милчев 1963 — *Милчев А.* Ранносредновековни български накити и кръстове енкалпиони от Северозападна България // Археология. V. 3. София, 1963.
- Михайлова 1993 — *Михайлова Т.* Обечи и наушници от велики Преслав (края на X–XIV вв.) // Преслав. Сборник. 4. София, 1993.
- Новикова 1990 — *Новикова Е.Ю.* О серьгах «екимауцкого типа» // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ) / Труды ГИМ. Вып. 111. М., 1990.
- Плетнева 1992 — *Плетнева С.* Стратиграфические исследования Плиски // Плиска-Преслав. Т. 5. Шумен, 1992.
- Пушкина 1987 — *Пушкина Т.А.* Височные кольца Гнѣздовского комплекса // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 1а. М., 1987.
- Пушкина 1996 — *Пушкина Т.А.* Новый Гнѣздовский клад // Отчетная сессия ГИМ. М., 1996.
- Пушкина 1996а — *Пушкина Т.А.* Новый Гнѣздовский клад // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. М., 1996.
- Рабинович, Рябцева 1997 — *Рабинович Р.А., Рябцева С.С.* Ювелирные украшения с зернью из Карпато-Поднепровья в контексте культурно-исторических процессов X–XI вв. // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб.; Кишинев, 1997.
- Рябцева 2005 — *Рябцева С.С.* Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. СПб., 2005.
- Семенов 1991 — *Семенов А.И.* Византийские монеты Келегейского комплекса // АСГЭ. Вып. 31. 1991.
- Строкова 1997 — *Строкова Л.В.* О технике изготовления серег «вольнского типа» из Копиевского клада // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников четвертого коллоквиума. СПб., 1997.
- Федоров 1953 — *Федоров Г.Б.* Городище Екимауцы. // КСИИМК. Вып. 50. 1953.

- Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984 — *Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф., Великанова М.С.* Бранештский могильник X–XI вв. Кишинев, 1984.
- Хавлюк 1969 — *Хавлюк П. I.* Древньоруські городища на Південному Бузі // Словяно-руські старожитності. Київ, 1969.
- Чангова 1992 — *Чангова Й.* Перник. Т. III. София, 1992.
- Торовић-Љубинковић 1951 — *Торовић-Љубинковић М.* Метални накит Белобродског типа. Гроздолике миђуше // *Старинар*. Нова серија II. Београд, 1951.
- Chropovský 1962 — *Chropovský B.* Slovanské pohřebisko v Nitre na Lupke // *Slovenská Arheológia*. X. 1. 1962.
- Hrubý 1955 — *Hrubý V.* Staré Město. Velkomoravské pohřebiště “Na Valáh”. Praha, 1955.
- Dekan 1979 — *Dekan J.* Wielkie Morawy. Epoka i sztuka. Wrocław, 1979.
- Dostál 1966 — *Dostál B.* Slovanská pohřebiště ze střední doby hradištní na Moravě. Praha, 1966.
- Garam 1993 — *Garam E.* Katalog der awarenzeitlichen Goldgegenstände und der Fundstücke aus den Fürstengräbern im Ungarischen Nationalmuseum. Budapest, 1993.
- Jurič 1986 — *Jurič R.* Srednjovjekovni nakit Istre i Dalmacije // *Izdanja Hrvatskog arheoloskog društva*. 11/2. 1986.
- Kalousek 1971 — *Kalousek F.* 1971. Břeclav-Pohansko. T. I. Brno, 1971.
- Kóčka-Krenz 1993 — *Kóčka-Krenz H.* Bizuteria północno-zachodnio słowiańska we wczesnym średniowieczu. Poznań, 1993.
- Kurnatowska 1980 — *Kurnatowska Z.* Rola strefy naddunajskiej w formowaniu się kultury słowiańskiej VIII–IX wieku // *Slované VI–X století*. Brno, 1980.
- Masov 1979 — *Masov S.* La nécropole médiévale près du village Gradesnica, dep. de Vraca // *Culture et art en Bulgarie médiévale (VIII–XIV s.)*. Sofia, 1979.
- Mésterházy 1994 — *Mésterházy K.* Az ún. Tokaji kincs revíziója. // *Folia Archaeologica*. XXII. Budapest, 1994.
- Nowakiewicz 1998 — *Nowakiewicz T.* Nowe odkrycia zausznicy typu Borszczewka // *Światowit*. XLI. B. Warszawa, 1998.
- Poulik 1960 — *Poulik J.* Staří Moravané budují svůj stát. Gottwaldov, 1960.
- Spinei 1999 — *Spinei V.* Marile migrații din Estul și Sud-Estul Europei în secolele IX–XIII. Iași, 1999.
- Teodor 1968 — *Teodor D.* Contribuții la cunoașterea culturii Dridu pe teritoriul Moldovei // *SCIV(A)*. 19. 2. 1968.
- Teodor 1978 — *Teodor D.G.* Teritoriul est-carpatic în veacurile V–XI e.n. Iași, 1978.
- Teodor 1980 — *Teodor D.* Tezaurul de la Raducaneni // *SCIV(A)*. 31. 3. 1980.
- Teodor 1981 — *Teodor D.* Romanitatea Carpato-Dunaena și bizantul în veacurile V–XI e.n. Iași, 1981.
- Váňa 1954 — *Váňa Z.* Maďaři a Slované ve světle archeologických nálezů X–XII století // *Slovenská archeológia*. 2. 1954.

М.С. Сергеева (Киев)

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЗООМОРФНАЯ РЕЗНАЯ КОСТЬ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Изделия из кости с резным декором хорошо известны среди древнерусских материалов, происходящих с памятников лесостепного Поднепровья. Однако, несмотря на то, что продукция южнорусских косторезов уже привлекала внимание исследователей (Шовкопляс 1954; Шовкопляс 1971; Сергеева 1997; Сергеева 1998), она до сих пор не получила всестороннего освещения. Причем за пределами внимания исследователей осталась, пожалуй, наиболее яркая, хотя и относительно немногочисленная, группа резной кости, а именно, изделия с зооморфным декором. Настоящая статья ставит своей задачей в какой-то мере восполнить этот пробел. Она является лишь первым, обобщающим, шагом в указанном направлении, поскольку многие изделия данной категории могут быть предметом самостоятельного исследования, предполагаемого в дальнейшем.

Декоративное оформление в виде звериных образов для южнорусских художественных изделий из кости менее характерно, чем абстрактная орнаментика. Тем не менее, оно бытует на протяжении всего периода существования древнерусской культуры. Зооморфные образы могут образовывать самостоятельный сюжет, или дополнять орнаментальные композиции, базирующиеся на геометрических или растительных элементах. В качестве наиболее распространенного варианта самостоятельных зооморфных сюжетов можно назвать объемные головы животных или птиц, завершающие предметы разного функционального назначения. Среди них есть как реалистические, так и стилизованные изображения. Контурные и рельефные изображения животных представлены единичными экземплярами.

Зооморфный декор имел достаточно ограниченное распространение, он присутствовал в основном уникальным художественным вещам, вероятно, изготовленным на заказ. На серийных изделиях массового спроса изображения животных редки, исключением являются копоушки со стандартным завершением в виде стилизованной объемной орнитоморфной головки (рис. 1: 1–3). Этот тип копоушек был универсален для всей территории Руси и относится к изделиям массового спроса, изготовлявшимся городскими ремесленниками на продажу. Таким образом, они ориентированы, скорее всего, на определенные художественные тенденции в общерусской городской моде. Согласно новгородской хронологии, разработанной Б.А. Колчиным, указанный тип копоушек бытовал со второй половины XI в. по 70-е гг. XII в. (Колчин 1982: 165, рис. 5). Предварительно отметим, что южнорусские образцы относительно едины в характере исполнения сюжета, тогда как северные экземпляры демонстрируют тенденцию к большему разнообразию: в частности, из Новгорода происходит копоушка аналогичного типа, но с завершением в виде головки дракона (Гайдуков 1992: рис. 73: 1).

Остальные категории изделий с однотипным декором имели ограниченное распространение и обычно бытовали в определенной социальной среде. Как таковые, они должны были нести определенную идеологическую нагрузку.

Наиболее ярким образцом подобных изделий, характеризующихся наличием определенных зооморфных образов в декоративном оформлении, являются острия, выполненные из рога, с резной головой фантастического зверя на тупом конце. Сами зооморфные образы в каждом случае индивидуальны, одинаковым является лишь способ художественного оформления вещи (рис. 1: 6, 9). Острия

обнаружены, на обширной территории от Северной Европы до Хазарского каганата. Некоторое их количество происходит с памятников Южной Руси, в том числе с территории Поднепровья: из Киева (Каргер 1958: 144–145, табл. VI: 3, VII: 5; Толочко, Гупало, Харламов 1976: рис. 15), Шестовицы (Станкевич 1962: рис. 8: 1; Бліфельд 1977: 86–87), Днепровского Левобережья (Третьяков 1947: рис. 6; Кулатова, Супруненко 1991: 66, рис. 5: 1–4; Щавелев 2003: рис. 1). Декоративное оформление остроконечников варьирует от реалистических голов с тщательно проработанными деталями до схематических изображений. С.П. Щавелев выделяет их три варианта: 1) северный — с наиболее реалистичными изображениями драконов или хищных существ, 2) южный (степной), где изображения наиболее абстрактны, 3) промежуточный, представляющий нечто среднее между двумя первыми (Щавелев 2003: 188). Именно этот стиль получил наибольшее распространение на славянских землях. Бытование острий на юге Руси, судя по контексту находок (в основном в дружинных погребениях), связано с дружинной культурой, ориентированной, прежде всего, на Скандинавию. Упрощенный по сравнению с северным, южный стиль как будто свидетельствует в пользу его вторичности, однако в целом вопрос требует отдельного исследования.

О назначении названной категории изделий нет единого мнения. Чаще всего их рассматривали как инструменты для плетения или вязания, кочедыки. Кроме того, они определялись как «шпильки» или «шила» (Бранденбург 1895: 57), писала (Медынцева 1984: 82), предметы сакрального назначения (Михайлова 1991: 11–12). Есть и другие точки зрения (обзор см.: Щавелев 2003: 186–187). Анализ этих достаточно интересных изделий в целом не входит в задачи настоящей работы, поэтому отметим только, что не исключена возможность их полифункциональности (по крайней мере, возможно совмещение практической и сакральной функций).

К категории вещей с однотипным декором, имеющих распространение в определенной социальной среде (в данном случае, в среде конных воинов), относятся также рукояти нагаек с завершением в виде стилизованных голов хищной птицы (рис. 2: 1–2) (Довженок, Гончаров, Юра 1966: табл. XXV: 2, 3, 6; Шовкопляс 1971: рис. 2: 3). В Воинской Гребле они производились на месте, на что указывает находка незавершенного изделия (Довженок и др. 1966: табл. XXI: 6). Здесь они датируются XII в. (в случаях возможности привязки к определенным слоям или объектам). Вообще же орнитоморфные навершия плетей бытуют в рамках X–XII вв. и даже позднее и распространены достаточно широко (Флерова 2001: 62–63).

Сложный зооморфный декор на вещах, происходящих из разных мест, предполагает существование единого источника его происхождения. Примером могут служить почти идентичные изображения птиц (рис. 2: 7а, б) на костяной пластине с киевского Подола (Гупало 1981: 329, рис. 146) и на рукоятке ножа из Старой Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995: рис. 131). Оба изделия относятся к числу случайных находок, при этом киевский экземпляр, согласно М.А. Сагайдаку, может датироваться XI в. (Сагайдак 1991: рис. 42: 10). Сходство изображений позволило допускать принадлежность обоих изделий одному мастеру (Даркевич, Борисевич 1995: 210). В этом нет ничего невероятного, учитывая возможность миграций мастеров и интенсивный межрегиональный обмен. Возможен также вариант использования разными мастерами какого-то единого прототипа. То же можно сказать о застегках недоуздки из Киева (НМИУ, № в-14388) и Вышгорода (НА ИА НАНУ. Ф. е. 1989. Д. 184. Лл. 13–14. Рис. 8: 10), украшенных объемными головками животных, симметрично расположенных по обоим бокам, и конечностью этого животного между головами в центре. По вышгородской находке, происходящей из комплекса с узкой датой, рассматриваемые изделия можно датировать XI в. Киевская находка является законченным изделием (рис. 1: 7), вышгородский экземпляр следует рассматривать как полуфабрикат: его обработка не завершена, центральное отверстие отсутствует (рис. 1: 8). Я.Е. Боровский видел в обоих случаях коней (Боровский 1992: 97, подпись к рис. 2 и 3). Однако на киевском экземпляре, судя по форме головы, округлому уху и изображению в центре звериной лапы, явно представлен хищник (медведь?). Что касается вышгородской находки, то ее незаконченность не позволяет точно определить изображенное на ней существо. Застежка недоуздки близкой формы, но с очень отдаленными следами зооморфизма была обнаружена при исследовании Шестовицкого поселения под Черниговом (Коваленко и др. 2003: рис. 7: 32). Она также может относиться к слою X–XI вв., однако условия находки не дают четкой даты — изделие происходит из заполнения клетей вала, где одновременно встречается керамика от X до XII в. (НА ИА НАНУ. Ф. е. 1989. Д. 184. Л. 23). При том, что единственный полуфабрикат описанного типа изделий найден в Вышгороде, нет оснований считать указанный город центром их изготовления, поскольку находка не имеет отношения ни к одному косторезному комплексу.

Отдельную группу вещей составляют изделия с индивидуальным, нестандартным зооморфным декором, очевидно, изготовленные на заказ и считавшиеся репрезентативными. В числе таких изделий,

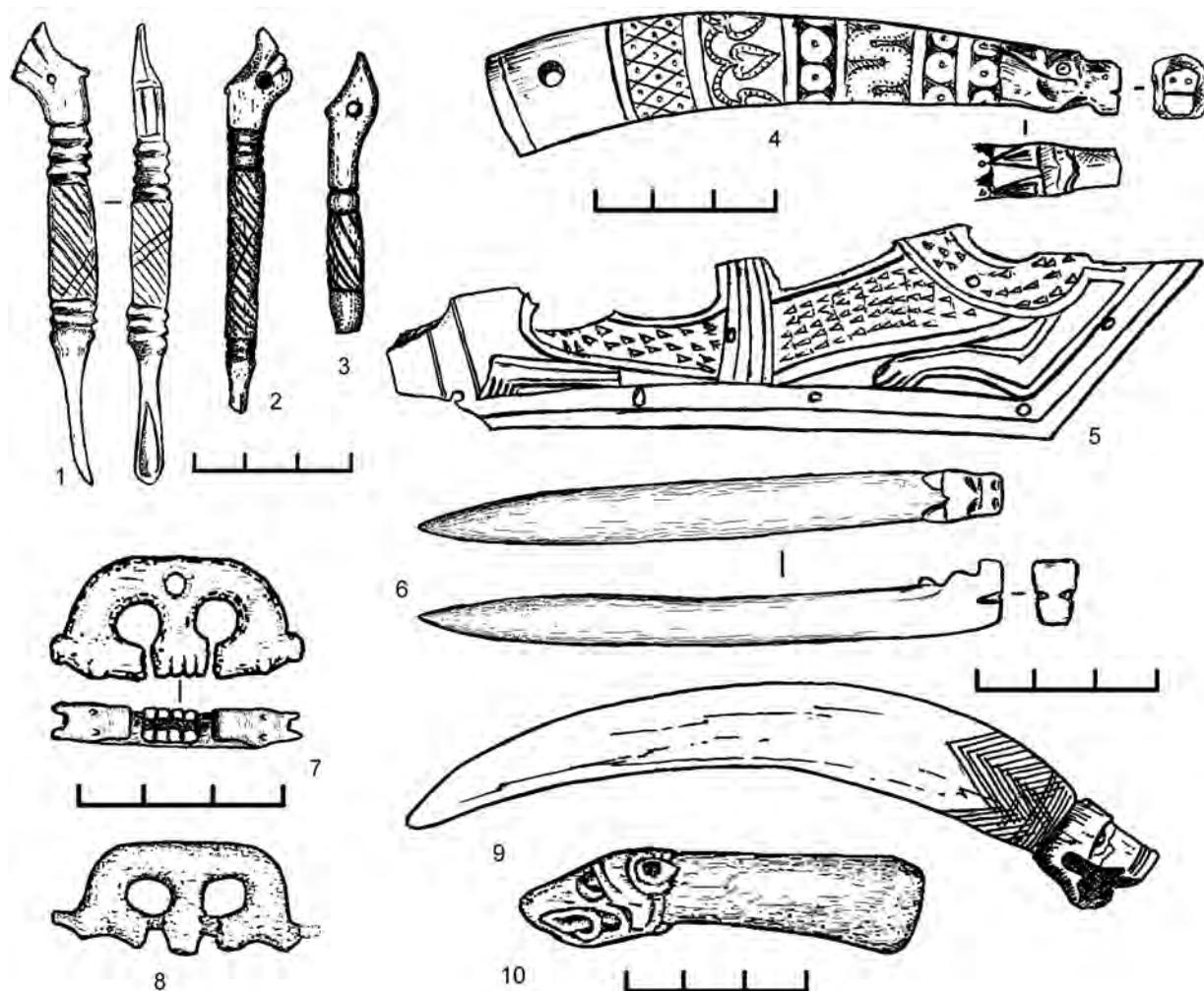

Рис. 1. Зооморфная резная кость из Киева: 1–3 — копоушки с орнитоморфным завершением; 4 — рукоять плети с зооморфным завершением; 5 — накладка с изображением фантастического существа; 6, 9 — острия с головами зооморфных существ на тупом конце; 7 — застёжка недоуздка с изображением зверя из Киева; 8 — заготовка застёжки недоуздка (полуфабрикат) из Вышгорода; 10 — предмет неизвестного назначения с объёмным изображением хищника

найденных в Киеве, следует назвать фрагментарно сохранившуюся накладку с рельефным изображением фантастического существа (рис. 1: 5), рукоять нагайки (рис. 1: 4) с контурным геометрическим орнаментом по корпусу и с завершением в виде реалистично выполненной объемной головки коня (Ивакин, Степаненко 1985: рис. 15). К этой же категории относится изделие удлиненной формы неопределенного назначения, оформленное на конце головкой оскалившегося зверя (рис. 1: 10), опубликованное Б.И. и В.Н. Ханенко (Ханенко, Ханенко 1902: табл. XXXIV: h). В числе наиболее ярких образцов художественной резной кости с зооморфным декором следует упомянуть также ручку зеркала с рельефной плетенкой и завершением в виде объемной головы хищника, происходящую из Каневского района (рис. 2: 4) и также впервые опубликованную (Ханенко, Ханенко 1902: табл. XXXIV: 1204). Голова зверя (ящера?), представленная в упрощенном, стилизованном виде, имеется и на ручке зеркала из Шарков (Шовкопляс: 1971: рис. 3: 4). Это подтреугольное со скругленным завершением окончание рукоятки с гравированным изображением глаз и ноздрей животного (рис. 2: 3). Стилизованное зооморфное изображение на ручке из Шарков сочетается также и с более простым геометрическим орнаментом в виде параллельных прямых линий.

Стилистически зооморфный декор престижных вещей часто восходит к образцам, имеющим распространение далеко за пределами рассматриваемой территории. Рельефная и объемная резьба практиковалась, с одной стороны, на севере Европы, включая Северную Русь, с другой стороны — в византийском

мире. Северные приоритеты в историко-культурных связях до начала христианизации древнерусского государства в конце X в. и усиления влияния византийского искусства обусловили достаточно широкое распространение в Южной Руси вещей североευропейского облика. Этому во многом способствовало бытование на широкой территории Восточной Европы единой дружинной культуры — синкретической, но во многом базирующейся на североευропейских (прежде всего скандинавских) традициях.

К северным художественным традициям могут восходить упомянутые выше острия с зооморфными завершениями тупого конца, а также рукоять зеркала из-под Канева. Рельефный плетеный орнамент по корпусу вещи или архитектурной детали достаточно широко распространен в северных древностях. Отметим, что Г.Ф. Корзухина в неопубликованных архивных материалах поместила эту рукоять в подборке «скандинавская кость» (РА НА ИИМК РАН. Ф. 77. Д. 19). Аналогии декору рассматриваемого изделия можно найти также среди северных славянских, в частности, новгородских древностей. Следует указать на воплощение аналогичной художественной идеи в оформлении рукоятей различных деревянных изделий из Новгорода рельефной плетенкой. Наиболее близким по стилю является плетеное оформление деревянной рукояти булавы, происходящей из слоя XII в. (Колчин 1971: рис. 7: 2, 11). Одна ручка деревянной ложки, кроме плетеных поясков у шейки и на конце черенка, имела также завершение в виде головки фантастического зверя, по стилю напоминающего наше изображение. Это изделие происходит из слоя конца XI в. (Колчин 1971: 13, табл. 3: 26). Концом XI—XII в., очевидно, следует датировать и рассматриваемую ручку зеркала.

Специального внимания заслуживает фрагмент накладки из Киева с изображением грифона (гора Киселевка, случайная находка) (рис. 1: 5).¹ Накладка, очевидно, имела трапециевидную форму. Изображено фантастическое существо, от которого сохранилась нижняя часть туловища хищного зверя. Вверх от брюха вырастает дополнительный элемент. Если рассматривать его как фрагментарно сохранившееся крыло, то изображение можно трактовать как грифона или подобное ему крылатое фантастическое существо. Изображение вырезано мелким рельефом, шкура передана маленькими выемчатыми треугольниками.

Орнаментированные костяные накладки на бытовые изделия, прежде всего на шкатулки и сундучки, были широко распространены по всей Европе, в том числе и на Руси. Образ грифона имеет переднеазиатские корни, в средневековом искусстве Европы он получил широкое распространение. В рассматриваемый период в древнерусском, равно как в византийском и болгарском искусстве, грифон в основном изображался стоя, тогда как наше изображение представляет полулежачее существо. Вопрос о происхождении подобных изображений требует специального изучения, однако предварительно можно заметить, что передняя часть туловища «грифона», его оформление и поза напоминают таковые у фантастических животных на деревянном бруске из Новгорода, датируемом XI в. (Колчин 1971: табл. 19: 1—3). Разница в том, что новгородские звери следуют один за другим, образуя орнаментальный фриз, а на киевской пластине изображение единично. Случайность киевской находки затрудняет ее точную датировку.

Североευропейский «звериный стиль» средневековья мог дать импульс к появлению на юге объемной зооморфной резьбы как таковой, особенно к использованию образа хищника. Примером тому служат рассмотренные выше острия и предмет неопределенного назначения, с завершением в виде звериной головки с оскаленной пастью. Вещи этого типа датируются X в., в крайнем случае, самым началом XI в. При общем синкретизме своего облика это изделие в наибольшей степени связано с северными художественными традициями.

Неместное происхождение могли иметь также костяные подвески — уточки, происходящие из Жовнина (рис. 2: 5—6) (Моргунов 1991: 100, рис. 2: 34—35). По Е.А. Рябинину, они относятся к подвескам VII группы, распространенным в землях радимичей и концентрирующимся в восточной части Днепровского бассейна. Известны экземпляры из кости, а также бронзовые (Рябинин 1981: 43—45, табл. XXV: 10—14). Отдельные находки происходят из других мест, в частности, из Новгорода (Арциховский 1949: рис. 17: г), Рязани (Даркевич, Борисевич 1995: 146) и др. В славянской среде эти фигурки датируются в основном XI—XII вв.

Подвески-птички хорошо известны в угро-финских, а также балтских древностях. В.В. Седов распространение уточек у радимичей объясняет присутствием балтского субстрата (Седов 1970: 140). С этим соглашается и Е.А. Рябинин. Балтские и радимичские подвески-уточка, однако, относятся к разному времени и имеют существенные отличия в трактовке образа. Птички, происходящие с балтских па-

¹ Благодарю Г.Ю. Ивакина за разрешение использовать неопубликованный материал.

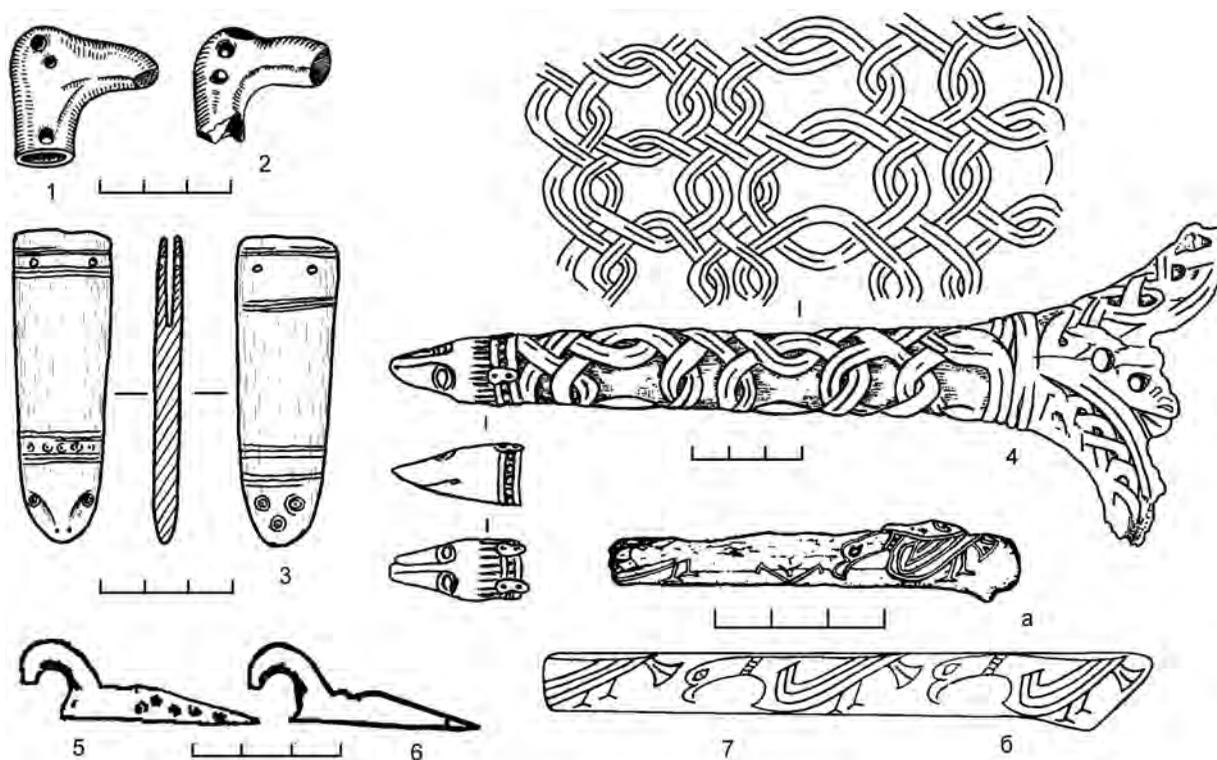

Рис. 2. Зооформная резная кость с различных памятников Среднего Поднепровья: 1–2 — орнитоморфные навершия рукоятей нагаек (Воинская Гребля); 3 — ручка зеркала с зооформным изображением (Шарки); 4 — ручка зеркала с зооформным изображением (район Канева); 5–6 — подвески-уточки (Жовнин); 7 — изображение утки на рукоятке ножа: а — Киев, б — Старая Рязань

мятников, датируются X в. Они имеют головку, однозначно узнаваемую как птичья, и поднятый вверх хвостик, совершенно нехарактерный ни для славянских, ни для финно-угорских фигурок. Особенно-стями балтских уточек (непрослеживаемыми в славянских и финно-угорских вариантах) является то, что они прикреплялись всегда парами, головами врозь, дополнениями служили подвешенные на петлях к их носу и хвосту пластинчатые подвески (Люцинский могильник 1893: 31, 37, табл. VIII: 6; Нукшинский могильник 1957). Балтские уточки, в отличие от финно-угорских и славянских, всегда являлись мужским украшением. Таким образом, они отличны как в иконографическом, так и в семантическом плане. Птички аналогичного облика известны на территории Белоруссии — среди материалов курганов VIII–IX вв. у д. Борки Полоцкого района (Штыхов 1971: 313–314; Штыхов 1978: 11). С другой стороны, внешний облик птичек практически идентичен у славян и финно-угров. У тех и других птичье туловище и стилизованная голова, которую в ряде случаев можно трактовать как звериную (лошадиную), иногда она имеет даже уши. Близкие финно-угорские украшения Л.А. Голубева рассматривает как «коньков» (Голубева 1979: 56–58). Синкретизм рассматриваемого образа дал основания Б.А. Рыбакову трактовать его как символический солярный персонаж, которого он определил как «утко-кони» и считал воплощением двух ипостасей солнца — дневного (кони) и ночного, подземного (водоплавающие) (Рыбаков 1987: 550). Финно-угорские «коньки»-уточки бытуют в IX–XI вв. (Голубева 1979: 56) и могут являться непосредственными предшественниками славянских — более поздних, но близких по иконографии. Их раннее распространение за пределы собственно финно-угорской территории засвидетельствовано экземпляром из Салтовского могильника (Плетнева 1967: рис. 47: 8).

Что касается уточек из Жовнина, то это изображение именно птиц, без «лошадиных» черт (рис. 2: 5–6), они близки салтовскому экземпляру, а также новгородскому и, таким образом, генетически связаны скорее с финно-угорским миром.

Декоративное оформление вещей связано не только с эстетической потребностью, но и с представлениями о мифологическом и магическом содержании орнамента. Восприятие символики северных образов могло быть идентичным во всем ареале их распространения ввиду интенсивных культурных контактов и общности мировоззренческой позиции средневекового населения

в Скандинавии, Балтийском регионе и Киевской Руси. Северные орнаментальные и фигуративные элементы включались в местную образную систему. В целом характер продукции древнерусских городских ремесленников отличался определенным синкретизмом, обусловленным интенсивностью межрегиональных и межэтнических культурных связей. Тем не менее, в Южной Руси преобладали варианты художественного оформления ремесленной продукции, традиционные для местного населения. Орнаментация вещей у славян Среднего Поднепровья была основана в большей степени на абстрактных мотивах. «Звериный стиль», проявившийся в отдельных резных изделиях, можно отнести к элементам, которые имели место, но не преобладали. Элементы, подчеркивающие «хищную» сущность зверя, в частности, оскаленные пасти, характерные для северной образности, хотя и встречаются, но не находят широкого распространения.

Литература

- Арциховский 1949 — *Арциховский А.В.* Раскопки на Славне // МИА. № 11. 1949.
- Бліфельд 1977 — *Бліфельд Д.І.* Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.
- Боровський 1992 — *Боровський Я.Є.* Світогляд давніх киян. Київ, 1992.
- Бранденбург 1895 — *Бранденбург Н.Е.* Курганы Южного Приладожья // МАР. № 18. 1895.
- Гайдуков 1992 — *Гайдуков П.Г.* Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992.
- Голубева 1979 — *Голубева Л.А.* Зооморфные украшения финно-угров // САИ. Вып. Е1-59. М., 1979.
- Довженок, Гончаров, Юра 1966 — *Довженок В.Й., Гончаров В.В., Юра Р.О.* Давньоруське місто Воїнь. Київ, 1966.
- Ивакин, Степаненко 1985 — *Ивакин Г.Ю., Степаненко Л.Я.* Раскопки в северо-западной части Подола в 1980–1982 году // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. Киев, 1985.
- Каргер 1958 — *Каргер М.К.* Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958.
- Коваленко, Моця, Сытый 2003 — *Коваленко В., Моця А., Сытый Ю.* Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998–2002 гг. // Дружинні старожитності Центрально-східної Європи VIII–XI ст. Чернігів, 2003.
- Колчин 1971 — *Колчин Б.А.* Новгородские древности. Резное дерево // САИ. Вып. Е1-55. М., 1971.
- Колчин 1982 — *Колчин Б.А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
- Кулатова, Супруненко 1991 — *Кулатова И.Н., Супруненко А.Б.* Новые находки в ур. Замок у с. Городище // 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею. Матеріали ювілейної наукової конференції. Ч. 2. Археологія Полтавщини. Полтава, 1991.
- Люцинский... 1893 — Люцинский могильник // МАР. № 14. 1893.
- Медынцева 1984 — *Медынцева А. А.* Древнейший тип инструментов для письма на территории Древней Руси // Древнерусский город. Киев, 1984.
- Михайлова 1991 — *Михайлова Р.Д.* Особливості обробки кістки в Південно-Західній Русі (X – перша половина XIV століття). Київ, 1991.
- Моргунов 1991 — *Моргунов Ю.Ю.* Находки из Жовнина в музеях Полтавщины и Черкасщины // 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею. Матеріали ювілейної наукової конференції. Ч. 2. Археологія Полтавщини. Полтава, 1991.
- Гупало 1981 — *Гупало К.Н.* Обработка дерева, кости и камня (параграф 5, глава V) // Новое в археологии Киева. Киев, 1981.
- Нукшинский... 1957 — Нукшинский могильник // Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР. Т. 1. Рига, 1957.
- Плетнева 1967 — *Плетнева С.А.* От кочевий к городам // МИА. № 142. 1967.
- Рыбаков 1987 — *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Рябинин 1981 — *Рябинин Е.А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-60. Л., 1981.
- Сагайдак 1991 — *Сагайдак М.А.* Давньокиївський Поділ. Київ, 1991.
- Седов 1970 — *Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. № 163. 1970.
- Сергеева 1997 — *Сергеева М.С.* Деякі особливості орнаментики давньоруських виробів з кістки в лісостеповому Придніпров'ї // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київській Русі.

Матеріали Міжнародної конференції, присвяченої 900-літтю з'їзду князів Київської Русі у Любечі. Чернігів, 1997.

Сергеева 1998 — *Сергеева М.С.* Орнаментация изделий из дерева и кости в Лесостепном Поднепровье в X–XIII веках // Вопросы истории славян. Вып. 12. Воронеж, 1998.

Станкевич 1962 — *Станкевич Я.В.* Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 года // КСИА. Вып. 87. 1962.

Толочко, Гупало, Харламов 1976 — *Толочко П.П., Гупало К.М., Харламов В.О.* Розкопки Києвоподолу 1973 р. // Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ, 1976.

Третьяков 1947 — *Третьяков П.Н.* Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла // Археологія. Т. 1. Київ, 1947.

Флерова 2001 — *Флерова В.Е.* Резная кость Юго-Востока Европы IX–XII века. СПб., 2001.

Ханенко, Ханенко 1902 — *Ханенко Б.И., Ханенко В.Н.* Древности Приднепровья. Вып. 5. Эпоха славянская (VI–XIII вв.). Киев, 1902.

Шовкопляс 1954 — *Шовкопляс А.М.* Некоторые данные о косторезном ремесле в древнем Киеве // КСИАУ. Вып. 3. Киев, 1954.

Шовкопляс 1971 — *Шовкопляс Г.М.* Давньоруські кістяні вироби з розкопок В.В. Хвойки // Середні віки на Україні. Т. 1. Київ, 1971.

Штыхов 1971 — *Штыхов Г.В.* Исследования в Витебской и Минской областях // АО 1970. 1971.

Штыхов 1978 — *Штыхов Г.В.* Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск, 1978.

Щавелев 2003 — *Щавелев С.* Зооморфные остроконечники из состава дружинных древностей Европы VIII–XI вв. // Дружинні старожитності Центрально-східної Європи VIII–XI ст. Чернігів, 2003.

Архивные материалы

НА ИА НАН У. Фонд экспедиционный. 1989. Д. 184. *Дорофеев В.В., Евтушенко А.И., Калюк А.П., Чабай В.П.* Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Вышгород в 1989 г.

НА ИА НАН У. Фонд экспедиционный. 1988. Д. 84. *Коваленко В., Кондратьев И., Моця О., Овчаров М., Солобай И, Ситий Ю.* Звіт про археологічні дослідження в ур. Коровель біля с. Шестовиця Чернігівської області в 1998 р. Т. 1. Дослідження городища в ур. Коровель.

РА НА ИИМК РАН. Ф. 77 (Личный фонд Г.Ф. Корзухиной). Д. 19. Резная кость, дерево и камень. Часть II. Вещи. 1948. 167 л.

Ю.В. Степанова (Тверь)

ПРИВЕСКИ В СОСТАВЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ЖЕНСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО КОСТЮМА ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ¹

Костюм — это комплекс, который включает одежду, обувь, различные дополнительные предметы (аксессуары) для оформления одежды и частей тела, а также косметику, прическу и грим. Костюм традиционно рассматривается исследователями в двух основных аспектах: функциональном и знаковом (см. например: Пармон 1985; Маслова 1951, 1984, 1987; Мерцалова 1993; Сабурова 1988). Покров создавался человеком для защиты тела от воздействия окружающей среды: холода, зноя, атмосферных явлений, помогал ему в адаптации к внешним условиям. Аксессуары же чаще всего маркировали принадлежность человека к той или иной этнической или социальной группе, соответствовали мировоззрению людей и были призваны способствовать определенному психологическому восприятию человека другими людьми. Таким образом, одежда и аксессуары появились одновременно, и если функциональная сторона костюма, его подчинение конкретным условиям проявляется в одежде, то отдельные элементы ее оформления, определенный набор аксессуаров были призваны соответствовать существующим в обществе традициям, особенностям мировоззрения и поведения.

Традиционный костюм не является чем-то статичным, застывшим. В процессе его складывания на протяжении веков сказывались изменения быта, социальной структуры, взаимосвязи и влияния различных народов. Большинство таких изменений оставило след в комплексе народного костюма, что отразилось на появлении в составе костюма новых элементов и манере их ношения. Все это делает народный костюм важнейшим источником для изучения происхождения народа, его этнического и социального развития, его исторической судьбы, культурных связей и контактов.

В древнерусском костюме в качестве аксессуаров костюма чаще всего выступали привески различных типов.

В данной работе рассматриваются материалы 76 курганных групп Верхневолжья, в которых исследовано 412 женских погребений с деталями погребального костюма. Привески зафиксированы в составе 211 комплексов женского костюма Верхневолжья, что составляет около 50 % от их общего количества. В основном это металлические украшения. Можно выделить следующие типы привесок, входивших в состав древнерусского женского погребального костюма Верхневолжья: 1) круглые привески и привески-монеты; 2) цепочки с привесками и без них (в качестве привесок к цепочкам зафиксированы зубы и кости животных, ножи, «коньки» смоленского типа, бубенчики); 3) бубенчики; 4) кресты; 5) лунницы; 6) шумящие привески; 7) трапециевидные привески; 8) привески из нитей.

По характеру местонахождения привесок в погребениях можно выделить следующие варианты: а) в области шеи и нагрудной зоне; б) в области пояса; в) в зоне кистей рук; г) в области головы.

Круглые привески и привески-монеты (табл. 1)

Круглые привески и привески-монеты обнаружены в 85 женских погребениях (21 % комплексов женского костюма), на всей территории Верхневолжья.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Тверской области, проект № 05-01-57102 а/ц.

Таблица 1. Круглые, в том числе монетовидные привески и привески-монеты в составе древнерусского женского погребального костюма Верхневолжья (общее количество)

№ п/п	курганная группа	Монеты			Круглые				
		восточные	западноевропейские	византийские	подражания монетам	литые с изображением	из тонкой пластины со штампованным орнаментом	неопределенные	прорезные
1	Березовецкий	10	2			7	6		
2	Глинники	4	1					1	
3	Струйское		1						
4	Михаил-Архангел		1						
5	Игрищи							1	
6	Избрижье	13	5		27	1	9		
7	Савинские Горки	1?			2				
8	Кошево-1							1	
9	Заборье		1						
10	Хилово								4
11	Пекуново-2	5	8			2		3	
12	Плешково-1	6	16	1	4	3	3	2	
13	Выркино-3		2						
14	Загорье	1	3				2	3	
15	Высокино (Титовка)		1			19	8	12	
16	Плешково-2		2						
17	Устье	4							
18	Большая Коша					5			
19	Кидомля-3	5							
20	Благовещенье					12			1
21	Горбуново								9
	Всего:	49	43	1	33	49	28	27	10

В большинстве случаев они найдены по одному экземпляру, но единично зафиксированы также в количестве от 2-х до 13 штук в составе одного костюмного комплекса. Зафиксировано всего 146 экземпляров круглых привесок и 93 монеты-привески. Среди круглых привесок можно выделить литые орнаментированные сплошные — 49 экз., прорезные, в верхней части которых читается лунница, а в нижней — крест — 10 экз. (рис. 1: 10), и изготовленные из тонкой пластины со штампованным орнаментом (геометрическим) — 28 экз. или подражающим надписям на восточных монетах — 33 экз. Еще 27 экземпляров невозможно отнести к какому-либо варианту.

Круглые литые привески (рис. 1: 6, 7, 10, 15) обнаружены в семи погребениях курганных групп Избрижье, Пекуново-2, Плешково-1, Высокино, Большая Коша, Березовецкого могильника. В основном это привески с орнаментом в виде розетки (рис. 1: 6), найденные в погребениях второй половины XI — первой половины XII в. Интересно отметить, что в Верхневолжье среди литых круглых привесок встречается довольно много экземпляров, изготовленных в скандинавском стиле. Так, например, в кургане № 65 Пекуново-2 костюм женщины украшала подвеска с изображением дракона и ушком в виде головы. В кургане № 124 Березовецкого могильника, в камерном погребении XI в. в состав ожерелья вместе с лунницей, штампованными привесками и серебряными зернеными бусами входили две литые прорезные привески с изображением двух кусающих друг друга животных, выполненные в стиле Борре. К этому же стилю можно отнести изображения на привесках, найденных в погребениях курганной группы Благовещенье (рис. 1: 7). Здесь в курганах № 3 (погребение 1) и № 5 (погребение 1) было найдено по 12 одинаковых литых привесок с изображением хищной птицы, голова которой повернута

Рис. 1. Типы привесок, входивших в состав древнерусского женского погребального костюма Верхневолжья:

1, 3 — бубенчики; 2 — крест; 4 — трапециевидная привеска; 5 — привеска в виде утиной лапки; 6–7, 15 — круглые литые привески; 8 — энколпион; 9 — трапециевидная привеска со знаком Рюриковичей; 10 — прорезная лунницевключенная; 11 — лунница; 12 — привеска-дирхем; 13, 14 — круглые штампованные привески; 16 — перстневидная; 17 — трезовидная; 18 — треугольная каркасная; 19 — в виде полого конька; 20 — цепочка с «коньком» смоленского типа и ножом; 21 — привеска в виде плетеной лунницы; 22 — привеска-конек; 23 — пластинчатая; 24 — плоская с петушиными головами. 1–3, 5–6, 8, 12–14, 20 — Избрижье; 4, 11 — Березовецкий могильник; 7, 10 — Благовещенье; 9 — Хилово; 15, 17 — Высокино; 16, 18, 21–23 — Плешково-1; 19 — Большая Коша; 24 — Ягодино

вправо, а крылья расправлены. Привеска с похожим изображением была найдена в слоях Новгорода второй половины X в. (Седова 1981: 37). В отличие от нее, на привесках из Благовещенья изображение птицы вплетено в растительный орнамент. Погребения курганной группы Благовещенье датируются концом XI — первой половиной XII в.

Наиболее поздними среди круглых привесок в Верхневолжье могут считаться привески, найденные в кургане № 8 курганной группы Высокино. Здесь найдено десять литых подвесок с изображением зверя с обращенной назад головой (рис. 1: 15) и одна — с процветшим крестом. Привески с процветшим крестом получили распространение в женском уборе, начиная с XIII в. (Седова 1981: 41).

Круглые привески со штампованным орнаментом в основном подражают надписям восточных монет. Иногда изготовители таких привесок старались подражать замысловатой арабской вязи; в некоторых случаях рядами вдавлений различной формы повторялся только характер размещения надписей на арабских монетах (рис. 1: 14). В единичных случаях встречены подражания западноевропейским денариям. Встречаются и привески с геометрическим штампованным орнаментом в виде розеток, круглых вдавлений (рис. 1: 13).

Среди монет-привесок большая часть оказалась восточными — 49 экз. (рис. 1: 12), но велика также доля и западноевропейских монет — 43 экз. В единственном случае в качестве привески использован миллиарсий.

В основном круглые привески и привески-монеты включались в ожерелья вместе с бусами. Встречены также ожерелья из 5—12 монетовидных привесок, без бус. Способы их крепления, соединение в один или несколько рядов, как правило, трудно восстановаемы. В связи с этим особый интерес представляют погребения из курганных групп Благовещенье и Горбуново (Ржевский район Тверской области). Полевая документация раскопок позволяет проследить расположение привесок в них двумя ярусами (рис. 2: 1), по 5—7 штук в каждом (А ИА РАН. Р-1. Д. 10846)

Такой способ ношения круглых привесок характерен для северорусского женского костюма, эстонского костюма XVIII — начала XX в. Известен также случай подвешивания круглых привесок на шейной гривне (Плешково-1) и на цепочке (Кидомля-3).

Круглые привески и привески-монеты распространены на всей территории Верхневолжья. В то же время, можно выделить особенности использования данного типа привесок в костюмных комплексах из разных курганных групп. Так, для женского костюма из Пекуново-2, Глинники и Плешково-1 характерны ожерелья из бус и одной привески-монеты. В Избрижье, Высокино, Благовещенье, Березовецком могильнике в состав ожерелий входят от 5 до 12 привесок. В большинстве некрополей погребения с данным типом привесок составляют от 5 % до 25 %.

Материалы погребальных комплексов Верхневолжья позволяют выделить около 280 женских погребений с нагрудными ожерельями. Следовательно, ожерелья, в которые были включены круглые привески и привески-монеты, составляют среди них сравнительно небольшую долю — около 30 %. Рассматривая более подробно данные украшения, следует отметить, что в основном эти ожерелья состоят из довольно значительного количества бусин. Большинство ожерелий, в составе которых зафиксированы круглые привески, включали от 30 до 80 экземпляров бус. Некоторые ожерелья состоят из нескольких низок, общее количество бусин и бисера в которых иногда достигает нескольких сотен. Некоторые ожерелья включали небольшое количество бус, по 10—30 экз., и единичные бусины. Состав бус в ожерельях с круглыми привесками и привесками-монетами довольно разнообразен. По составу бус ожерелья, включающие привески-монеты, можно отнести к основным и сборным комбинациям. Они получались путем разделения образцовых ожерелий, составленных недалеко от места производства бус, или соединения их частей, дополнения их отдельными экземплярами бус другого происхождения (Шапова, Лихтер 1991: 244—259). Включенные в эти ожерелья привески дополнительно придавали блеск и нарядность таким украшениям.

подавляющее большинство монетовидных привесок и привесок-монет в погребениях конца X—XI в. — это дирхемы, брактеаты дирхемов IX—X вв. и прочие подражания восточным монетам. Не случайно появление и самих подражаний восточным монетам. Изготавливавшие их мастера старались повторить замысловатые арабские надписи, подражая популярным украшениям из восточных монет. Другими словами можно сказать, что монеты-украшения в конце X—XI в. — это модная и престижная, и вместе с тем, традиционная деталь женского костюма. Престижность этих вещей несомненно тесно связана с первоначальной функцией монет. Монеты-привески не только украшали, но и свидетельствовали об имущественном положении их носительниц.

Круглые, монетовидные привески и привески-монеты — украшение, распространенное в древнерусский период почти повсеместно на территории северо-восточной и северо-западной Руси (Успенская 1967:

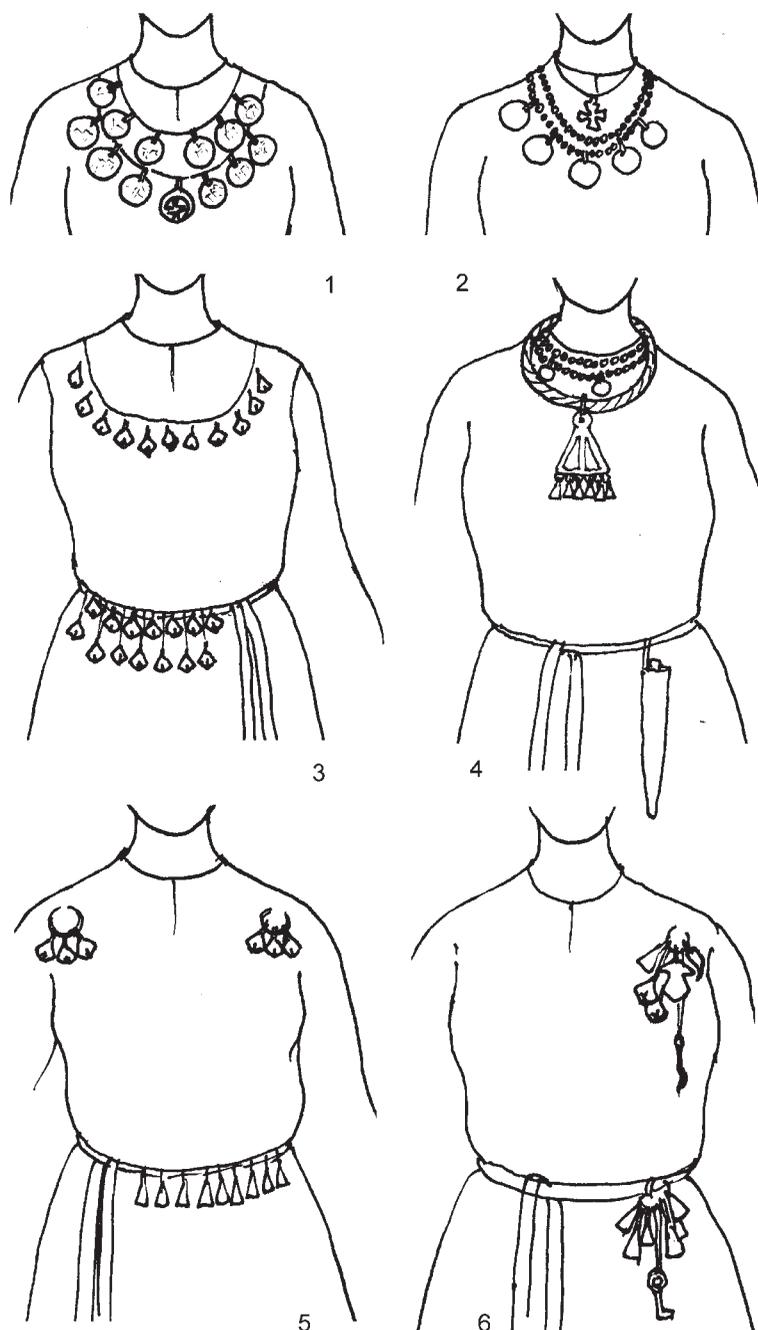

Рис. 2. Способы ношения привесок:
 1 — круглые привески в два ряда;
 2 — крестик отдельно от ожерелья из бус и монетовидных привесок;
 3 — бубенчики на уровне груди и поясе;
 4 — треугольная каркасная привеска на гривне; 5 — парные бубенчики на плечах и трапециевидные привески на поясе; 6 — сложная подвеска из бубенчиков, клыка животного; трапециевидных гладких и со знаком Рюриковичей привесок, миниатюрной ложечки (на плече), из трапециевидных гладких привесок и миниатюрного ключа (на поясе).
 1 — Благовещенье; 2, 5 — Большая Коша; 3 — Глинники; 4 — Плешково-1; 6 — Хилово

111). В Верхневолжье они зафиксированы практически во всех изученных некрополях, но в небольшом количестве погребений. По всей видимости, они не стали столь характерны для верхневолжского костюма, как для костюма других территорий Древней Руси. Возможно, что украшения из монет в дальнейшем не прижились и постепенно исчезли из традиционного костюма. Шейные и нагрудные украшения из монет сохранились в комплексе северорусского женского костюма XVIII — начала XX в. (Маслова 1987: 159–191).

Бубенчики (табл. 2)

Самостоятельное ношение бубенчиков зафиксировано в 20 % костюмных комплексов, чаще всего по одному и по два экземпляра. Гораздо реже в состав костюма входили бубенчики в количестве от 3-х до 33-х экземпляров. Из общего количества найденных в женских погребениях Верхневолжья бубенчиков (271 экз.) 75 % составляют крестопорезные бубенчики с косой насечкой (рис. 1: 1), датирующиеся XI — первой

Таблица 2. Бубенчики в составе древнерусского женского погребального костюма
Верхневолжья (общее количество)

№ п/п	курганная группа	крестопрорезные с косой насечкой	шаровидные линейно-прорезные с тройным рельефным пояском	неопределенной формы
1	Березовецкий	12		
2	Большая Коша	44		33
3	Воробьево-1		3	
4	Глинники	58		
5	Гульцово	2		
6	Струйское	3		
7	Загорье	2		
8	Кидомля-3	4		
9	Мокрые Пожни			5
10	Петровское	1		
11	Игрищи	1		
12	Суходол	12		
13	Избрижье	20	3	
14	Савинские Горки			9
15	Кошево-1			1
16	Дуденево	1		
17	Заборье		3	2
18	Хилово	15		
19	Гостомля		3	
20	Высокино (Титовка)		2	
21	Пекуново-2	2		
22	Плешково-1	23		
23	Плешково-2		2	
24	Устье	5		
	Всего:	205	16	50

третью XII в., и лишь 6 % относятся к типу линейнопрорезных с тройным рельефным пояском (рис. 1: 3), датирующихся второй половиной XI–XIII в. (Лесман 1990: 60, 61). Еще 19 % составляют бубенчики, тип которых не определен. Распределение бубенчиков по зонам в погребении выглядит следующим образом. В 58 % случаев бубенчики располагались в нагрудной зоне, в том числе, по-видимому, крепились к плечам, и входили в состав ожерелий. В 40 % случаев бубенчики были зафиксированы в зоне пояса. Выявлены восемь случаев совместного ношения бубенчиков на поясе и в нагрудной зоне. Известен также комплекс костюма из курганной группы Хилово (курган № 20), в котором по три пары бубенчиков, скрепленных кольцами, располагались в области кистей рук погребенной, и, возможно, украшали края рукавов, либо были прикреплены на браслетах. В целом, в женском костюме Верхневолжья бубенчики использовались чаще в качестве самостоятельных украшений, реже — в составе сложных привесок, или подвешивались на цепочках. Они нашивались на одежду, о чем свидетельствуют находки нитей вместе с бубенчиками. По материалам отдельных погребений можно предположить, что бубенчики могли выполнять функцию пуговиц, застегивающих ворот одежды. Зафиксированы случаи, когда бубенчики нанизывались на кольца, по 2–3 штуки. Такими связками они прикреплялись к плечам или поясу. В составе погребений курганных групп Большая Коша и Глинники зафиксированы симметричные пары бубенчиков на плечах (рис. 2: 5), а также ряды бубенчиков, украшавших, по-видимому, ворот и пояс верхней одежды (рис. 2: 3). Подобные находки позволяют предположить наличие подпоясанной одежды с широким вырезом горловины, либо с лямками, возможно, типа туникообразного «сарafана». Костюмные комплексы, обильно украшенные бубенчиками, выявлены в западной (Селижаровский и Ржевский районы) и восточной (Конаковский, Кимрский районы Тверской области) частях Верхневолжья. Аналогичный костюм зафиксирован по материалам курганных групп, расположенных в бассейне Верхней Мологи — Бежецы, и Сорогожское (Исланова 1996: 62).

Таблица 3. Цепочки в составе древнерусского женского погребального костюма Верхневолжья (общее количество)

№ п/п	курганная групп	материал			привески к цепочкам								без привесок	
		бронзовые	железные	железо+бронза	ножи	просверленные кости жив.	монеты	цепочки	нож+бубенчики	нож+ «конек»	нож+ «конек»+зубы	бубенчики + зубы + кости + привеска в виде конька		ложка+зубы+кости жив.
1	Березовецкий	4	3		4				1					2
2	Большая Коша	3											1	2
3	Выркино-2	2			2									
4	Глинники	5	1		1			1		1	1			2
5	Юрятино	1												1
6	Избрижье	2	1	1	1	1				1				1
7	Васильевское	1												1
8	Заборье		1		1									
9	Пекуново-2		1		1									
10	Плешково-1	6	2	1	2				1		1	1		3
11	Кидомля-3	2				1	1							
	Всего:	26	9	2	12	2	1	1	2	2	2	1	1	12

Цепочки (табл. 3)

Цепочки встречены в составе 9 % костюмных комплексов, как правило, по одной. В большинстве случаев к цепочкам были прикреплены привески (рис. 1: 20): ножи, бубенчики, просверленные кости животных, «коньки» смоленского типа, просверленные зубы животных, цепочки другого плетения, моллюски, монеты и одна оригинальная привеска с двумя парами конских головок, обращенных в разные стороны, найденная в Плешково-1. Зафиксировано ношение привесок на цепочках в следующих комбинациях: а) ножи — 12 экз.; б) просверленные косточки животных — 2 экз.; в) монеты — 1 экз.; г) цепочки другого плетения — 1 экз.; д) бубенчики и ножи — 2 экз.; е) ножи и «коньки» смоленского типа — 2 экз.; ж) ножи, «коньки» и просверленные зубы животных — 2 экз.; з) бубенчики, просверленные кости и зубы животных и оригинальная привеска с парами конских головок — 1 экз. из Плешково-1; и) просверленные кости и зубы животных и миниатюрная привеска-ложечка — 1 экз. из Хилово. Отмечено, что на цепочках прикреплялись как миниатюрные ножички, так и рабочие ножи большого размера. Практически во всех случаях зафиксировано ношение цепочек, прикрепленных за один конец к плечу. Лишь дважды зафиксировано их горизонтальное ношение — в курганных группах Большая Коша и Плешково-1. Украшения данного типа встречены на всей территории Верхневолжья, но наиболее характерны для женского костюма Березовецкого могильника и курганных групп Большая Коша, Глинники и Плешково-1.

Шумящие привески (табл. 4)

Шумящие привески зафиксированы в составе лишь 7 % комплексов женского костюма, как правило, по одному экземпляру в составе костюма, единично — по 2, 3, 4 экземпляра. Шумящие привески, обнаруженные в женских погребениях Верхневолжья, можно разделить на следующие типы:

1) выполненные в мерянском стиле, в том числе: а) треугольные каркасные (рис. 1: 18), б) перстневидные (рис. 1: 16), в) пластинчатые ребристые (рис. 1: 23), г) плоские плетеные коньки (рис. 1: 22), д) привески индивидуальных типов (рис. 1: 21);

2) полые, в том числе: а) коньки (рис. 1: 19); б) уточки;

3) плоские, в том числе: а) уточки; б) коньки; в) с петушиными головами (рис. 1: 24).

Для шумящих привесок мерянского типа характерны такие элементы, как плетеные «косички», волюты, дополнительные привески в виде утиных лапок, треугольные, бутылковидные и бубенчиковидные

Таблица 4. Шумящие привески в составе древнерусского женского погребального костюма Верхневолжья (общее количество)

№ п/п	курганная группа	Треугольные арочные с привесками	Пластинчатые с привесками	Перстневидные с привесками	Плоские плетеные коньки	Плоские зооморфные с привесками	Полые зооморфные с привесками	Шумящие индивидуальных форм	бутылковидная	неопределенные
1	Мокрые Пожни					1	3			
2	Ягодино					1	1			
3	Пекуново-1	1			1					
4	Жела (Даниловка)						1			
5	Плешково-1	8	2	4				4		
6	Кашин	1							1	
7	Васильевское						1			
8	Кривая Улица						1			
9	Посады				1					
10	Воробьево-1									2
11	Большая Коша						2			
12	Кидомля					3				
13	Выркино-7	1								
	Всего:	11	2	4	2	5	9	4	1	2

привески. Среди мерянских привесок преобладают треугольные арочные привески с подвешенными к ним треугольными, бубенчиковидными или бутылковидными привесками — 11 экз. В единичных экземплярах найдены пластинчатые, перстневидные привески и в виде коньков с дополнительными привесками. Интересная коллекция привесок индивидуальных форм собрана в Плешково. Например, в кургане № 37 найдена привеска квадратной формы, из плетеных «косичек», с пятью бутылковидными привесками. На обратной стороне этого украшения имеются петли для крепления к одежде. В кургане № 53 (погребение 3) одна из привесок была изготовлена из двух рядов плетеных «косичек», изогнутых напоподобие лунницы, с тремя привесками в виде утиных лапок (рис. 1: 2I).

Среди зооморфных привесок преобладают полые коньки — 9 экз. Плоских зооморфных привесок найдено 5 экз., в том числе 4 с двумя петушиными головками, повернутыми в разные стороны, и 1 подвеска-уточка.

Находки шумящих привесок, выполненных в мерянском стиле, концентрируются в восточной части Верхневолжья. Материалы раскопок наиболее полно изученной курганной группы Плешково-1 позволяют говорить, что мерянское население составляло значительную часть плешковской общины (Комаров 2002: 167–168). Возможно, что выходцы из земли мери населяли не только микрорегион у д. Плешково, но присутствовали и на территории бассейна Волги при впадении в нее рек Медведица, Кашинка, Нерль. Шумящие привески мерянского типа обнаружены в погребениях курганной группы Пекуново-1, Выркино-7, Посады, в кургане у г. Кашина. Известны также предметы из частной коллекции — украшения мерянского типа из курганной группы Колубеево, расположенной в бассейне р. Медведицы, в числе которых 4 плоских плетеных конька, 2 треугольные каркасные привески и 2 пластинчатые привески. На востоке изучаемой территории обнаружена и большая часть плоских и полых привесок в виде коньков и уточек (курганная группа Кидомля-3, Мокрые Пожни, Воробьево-1). По-видимому, существенную роль в складывании древнерусской народности в восточной части Верхневолжья играло местное балтофинно-угорское население, сохранявшее свои традиции в украшении костюма.

Большинство шумящих привесок являлись нагрудными и плечевыми украшениями в составе женского костюма, но иногда носились и на поясе. Они включались в состав ожерелий из бус. В курганной группе Пекуново-1 и Плешково-1 зафиксировано их ношение на тонкодротовых гривнах-монисто (рис. 2: 4). На востоке Верхневолжья шумящие привески носились женщинами преимущественно

Таблица 5. Привески-кресты в составе древнерусского женского погребального костюма Верхневолжья (общее количество)

№ п/п	курганная группа	Четырехконечные с грубым изображением распятия	Крест с округлыми концами, с эмалью в средокрестии	равноконечные "скандинавского типа"	С шарообразными концами и ромбом в средокрестии	Энколпион с гравированным изображением распятия
1	Большая Коша	1?		1		
2	Глинники	1?				
3	Загорье	1		1		
4	Першино (курганная группа)				1	
5	Першино (грунт. могильник)				1	
6	Избрижье			1		1
7	Пекуново-2			1		
8	Плешково-1		1	1		
	Всего:	3	1	5	2	1

в зоне груди. Интересно отметить, что в единичных мужских захоронениях Плешково-1 тоже встречены шумящие украшения, которые крепились к поясу. Возможно, что в этом случае они являлись украшением исключительно погребального мужского костюма. На западе и в южной части Верхневолжья шумящие привески крепились в основном к поясу, что зафиксировано в курганных группах Большая Коша, Ягодино, Кривая Улица, Жела (Даниловка).

Кресты (табл. 5)

Кресты зафиксированы в составе лишь 3 % костюмных комплексов, во всех случаях по одному экземпляру. Пять экземпляров относятся к крестам «скандинавского типа» — с расширяющимися концами (рис. 1: 2), бытовавшим преимущественно в XI в. (Николаева, Недошивина 1997: 173). Они найдены в курганных группах Большая Коша, Загорье, Избрижье, Пекуново-2, Плешково-1. Еще три экземпляра, найденные в курганных группах Большая Коша, Глинники, Загорье, можно отнести к крестам с грубым литым изображением Распятия, также датирующимся XI в. (Седова 1981: 50). Один экземпляр креста имеет скругленные концы и следы эмали в средокрестии (Плешково-1). Два крестика с шаровидным завершением концов и ромбовидным расширением в центре, относящиеся ко второй половине XIII — началу XIV в. (Седова 1981: 53–54), были найдены в погребениях курганной группы и грунтового могильника у с. Першино. В единственном экземпляре в погребении кургана № 8 Избрижья был обнаружен энколпион с гравированным изображением Распятия (рис. 1: 8), датирующийся началом XII в. (Седова 1981: 57). Во всех случаях кресты располагались в нагрудной зоне или области шеи погребенных и включались в общий комплекс нагрудных украшений. Однако следует отметить, что крестики не только включались в состав ожерелий из бус и других привесок, но иногда и отделялись от прочих составных частей ожерелий и, вероятно, носились на отдельной нитке. Об этом свидетельствует расположение деталей нагрудных ожерелий в погребениях курганных групп Большая Коша и Плешково-1: здесь крестики располагаются отдельно, чуть выше низок бус, шейных гривен и других украшений (рис. 2: 2). Можно сказать, что практически во всех случаях крестики занимали центральное место в нагрудных ожерельях. В погребениях курганного и грунтового могильников у с. Першино и кургане № 8 курганной группы Избрижье кресты являлись единственными предметами погребального инвентаря. Скорее всего, они являлись собственно крестами-тельниками, и их нельзя считать украшениями погребального костюма.

Лунницы (табл. 6)

Так же, как и кресты, редким украшением в Верхневолжье являются лунницы. Они входили в состав лишь 2 % комплексов женского костюма. 11 лунниц относятся к типу круторогих (рис. 1: 11),

Таблица 6. Лунницы в составе древнерусского женского погребального костюма Верхневолжья (общее количество).

№ п/п	курганная группа	Широкорогие	Круторогие	замкнутые	неопределенные
1	Кидомля-3	1			
2	Хилово				1
3	Ягодино				1
4	Высокино (Титовка)		1		
5	Жилые Горы		1		
6	Пекуново-1	2			
7	Березовецкий		3		
8	Кошево-1			5	
9	Загорье		6		
	Всего:	3	11	5	2

Таблица 7. Трапецевидные привески в составе древнерусского женского погребального костюма Верхневолжья (общее количество).

№ п/п	курганная группа	Гладкие	Орнаментированные	В виде утиных лапок	Со знаками Рюриковичей
1	Глинники	4			
2	Березовецкий	5?			
3	Избрижье			5	
4	Хилово	9			2
5	Большая Коша		10		
	Всего:	18	10	5	2

датирующихся XII–XIII вв., 5 — к замкнутым, рубежа XII–XIII вв., и лишь три — к ранним широко-рогим, датирующимся концом X–XI в. (Седова 1981: 24). Во всех случаях лунницы входили в состав нагрудных ожерелий вместе с бусами, как правило, по одному экземпляру. Практически во всех случаях они занимали центральное положение в ожерельях. Находки лунниц приходятся в основном на западную и юго-западную часть изучаемой территории (курганная группа Хилово, Ягодино, Высокино, Жилые Горы, Кошево-1, Березовецкий могильник). В западной части Верхневолжья концентрируются и находки круглых прорезных привесок с орнаментом типа лунница/крест (курганная группа Благовещенье, Горбуново).

Трапецевидные привески (табл. 7)

Самостоятельное ношение трапецевидных привесок зафиксировано в составе лишь 2 % комплексов женского костюма. Среди них можно выделить следующие типы: 1) в виде утиных лапок (рис. 1: 5); 2) орнаментированные; 3) гладкие (рис. 1: 4); 4) со знаками Рюриковичей (рис. 1: 9). Преобладающим типом являются гладкие неорнаментированные привески — около 18 экз. Расположение трапецевидных подвесок в погребениях различно. В двух случаях можно предположить, что эти украшения использовались в составе головного убора: нашивались на головное покрывало вместе с бусами (Березовецкий могильник) и налобную часть головного убора (Избрижье). Еще в двух комплексах трапецевидные

Таблица 8. Орудия труда и бытовые предметы, использовавшиеся в качестве аксессуаров древнерусского женского погребального костюма Верхневолжья (общее количество)

№ п/п	курганная группа	ножи	карманы с пряслицами и гребнями
1	Березовецкий	12	1
2	Воробьево-2	2	
3	Выркино-2	2	1
4	Глинники	3	1
5	Загорье	2	
6	Суходол	4	4
7	Избрижье	10	2
8	Сутоки-2	1	
9	Заборье	3	
10	Хилово	2	1
11	Пекуново-2	17	
12	Пекуново-1	1	
13	Плешково-1	27	
14	Хвошня	1	
15	Плешково-2	2	
16	Устье	2	
17	Кошево-1		1
18	Ягодино		1
19	Дуденево		1

подвески, вероятно, украшали края рукавов и пояс (Березовецкий могильник). Трапециевидные подвески со знаком Рюриковичей входили в состав сложных плечевых украшений в двух комплексах женского костюма из курганной группы Хилово (рис. 2: 6). Костюмные комплексы, в состав которых входили как самостоятельное украшение трапециевидные привески, зафиксированы в западной части Верхневолжья.

Редкие типы привесок

Среди редких, единично встречающихся привесок, украшавших женский погребальный костюм в единичных случаях, следует отметить трюфовидные привески (рис. 1: 17) — 2 погребения, раковины каури — 2 погребения, косточки сливы — 2 погребения, миниатюрные ложечка и ключ. Все они комбинировались вместе с другими типами привесок на кожаных шнурах или кольцах. В женских погребениях курганных групп Юркино и Ягодино в качестве подвесок, по-видимому, использовались перстни — широкосрединные ажурные и «усатые».

Интересной находкой являются тканые подвески в форме бубенчиков из синих и красных шерстяных нитей, являвшиеся деталью головного убора, найденные в курганной группе Плешково-1.

Различные типы привесок как пришивались к одежде, так и подвешивались на кожаных или нитяных шнурах.

Следует также отметить, что в качестве аксессуаров женского костюма в Верхневолжье использовались *орудия труда и предметы быта* (табл. 8), а также различные *нашивные украшения*.

Среди орудий труда и предметов быта, входивших в состав костюма в качестве аксессуаров, чаще всего встречаются ножи. Они зафиксированы в составе 95 (45 %) комплексов женского костюма Верхневолжья, во всех случаях по одному экземпляру. В большинстве случаев ножи подвешивались к поясу (рис. 2: 4). Большинство костюмных комплексов, включающих ножи, подвешенные на поясе, сосредоточено на востоке Верхневолжья (курганная группа Глинники, Загорье, Выркино-2, Пекуново-2, Плешково-1). Прослежено также ношение ножей в зоне груди. Следует отметить, что в качестве нагрудных привесок использовались как миниатюрные ножички, так и рабочие ножи относительно больших размеров.

Зафиксирована целая серия погребений, в которых у пояса зафиксированы гребни и пряслица. Такие комплексы обнаружены в погребениях курганных групп Суходол, Избрижье, Хилово, Глинники,

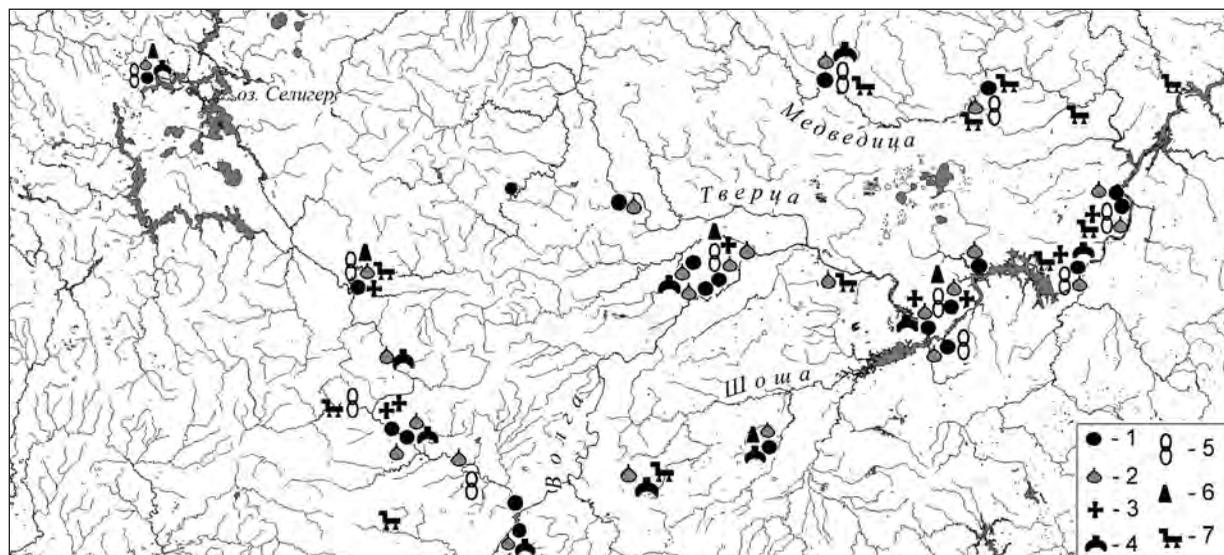

Рис. 3. Распространение типов привесок в древнерусских погребальных памятниках Верхневолжья. Условные обозначения: 1 — круглые привески, 2 — бубенчики, 3 — кресты, 4 — лунницы, 5 — цепочки, 6 — трапециевидные привески, 7 — шумящие привески

Березовецкий могильник, Дуденево, Выркино-2, Ягодино. Можно предположить, что они находились в поясных сумочках или карманах, подвешенных на поясе. Случаи нахождения пряслиц зафиксированы в 11 погребениях. В двух комплексах в поясных карманах находились гребни. Поясные карманы фиксируются не только по находкам самих бытовых предметов, но и по остаткам органики. Так, в погребении кургана № 10 Ягодино пряслице находилось на поясе в кожаном мешке.

Нашивные украшения женского погребального костюма иногда трудно отделить от привесок. Уверенно к категории нашивных украшений можно отнести бляшки и колечки (без дополнительных привесок). На их долю приходится лишь 5 % женских погребений. К нашивным украшениям одежды можно отнести и такие предметы, как монеты, пробитые в нескольких местах, со вставленными в отверстия проволочками. Подобные украшения использовались в качестве нагрудных украшений в погребениях курганов № 107(2) Избрижья и № 29 Плешково-1, и, вероятно, могли быть нашиты на одежду.

Подводя итог, можно сказать, что привески не являются столь же частым элементом в женском погребальном костюме Верхневолжья как височные кольца или нагрудные ожерелья из бус. Однако они служат ярким дополнением костюма, как правило, определяющим его индивидуальный облик. Кроме того, расположение привесок в погребении иногда проясняет состав погребального костюма и покррой входящих в него одежд. Большая часть привесок относится к типам, широко распространенным на территории Древней Руси. В то же время, для отдельных типов привесок, таких, как шумящие, трапециевидные, выделяются районы их концентрации — на востоке и западе Верхневолжья (рис. 3). Практически для каждой курганной группы характерен свой состав привесок, украшающих женский костюм. Например, для костюма курганных групп Пекунново-2 и Глинники характерны ожерелья из бус и одной монетовидной привески в центре; для костюма Плешково-1 — шумящие привески, выполненные в мерянском стиле. Для костюма курганных групп Большая Коша, Суходол, Глинники характерно украшение костюма большим количеством бубенчиков. Следует отметить также, что ношение привесок на поясе преобладает в восточной части изучаемой территории. Возможно, что на складывание типа древнерусского женского костюма здесь оказали влияние балтские и финно-угорские традиции.

Литература

Исланова 1996 — *Исланова И.В.* Элементы женского костюма XI–XII вв. Моложского региона // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. III. Иваново, 1996.

Комаров 2002 — *Комаров К.И.* Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы. Сборник участников Великой Отечественной войны. Тула, 2002.

Лесман 1990 — *Лесман Ю.М.* Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XV вв.) // Материалы по археологии Новгорода, 1988. М., 1990.

Маслова 1951 — *Маслова Г.С.* Народный орнамент верхневолжских карел. М., 1951.

Маслова 1984 — *Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX–XX вв. М., 1984.

Маслова 1987 — *Маслова Г.С.* Одежда // Этнография восточных славян. М., 1987.

Мерцалова 1993 — *Мерцалова М.Н.* Костюм разных времен и народов до XVIII в. В 2-х томах. М., 1993.

Николаева, Недошивина 1997 — *Николаева Т.В., Недошивина Н.Г.* Предметы христианского культа // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.

Пармон 1985 — *Пармон Ф.М.* Композиция костюма. М., 1985.

Сабурова 1988 — *Сабурова М.А.* Погребальная древнерусская одежда и некоторые вопросы ее типологии // Древности славян и Руси. М., 1988.

Седова 1981 — *Седова М.В.* Ювелирные украшения древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.

Успенская 1967 — *Успенская А.В.* Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни XI–XIII вв. Т. III / Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967.

Шапова, Лихтер 1991 — *Шапова Ю.Л., Лихтер Ю.А.* Гнездовские бусы. По материалам раскопок курганов и поселения // Смоленск и Гнездово. М., 1991.

Архивные материалы

А ИА РАН. Р-1. Д. 10846. *Исланова И.В.* Отчет о работах в Калининской области в 1985 г.

О.А. Фетисова (Санкт-Петербург)

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ЗОЛОТЫХ КОЛТОВ, ДЕКОРИРОВАННЫХ ПЕРЕГОРОДЧАТЫМИ ЭМАЛЯМИ

Применительно к древностям домонгольской Руси колт — парное женское украшение в виде металлической подвески, крепившейся к головному убору с помощью разнообразных рясен, лент или цепочек. В составе древнерусских кладов, обнаруживаемых на территории Киевского, Рязанского и Владимирского княжеств, встречаются колты округлой (золотые и медные, орнаментированные перегородчатыми эмалями, серебряные с чернью) и звездчатой формы (сплошь украшенные мельчайшей россыпью зерни). В начале XIII в. местными ювелирами было налажено изготовление дешевых «аналогов» из бронзы и свинца в специальных имитационных формах (Стоксова 1956). Монголо-татарское нашествие привело к практически полному прекращению производства как копий, так и оригиналов.¹

«Колтки» неоднократно упоминаются в описях духовных грамот великих московских и удельных князей. В грамоте Верейского князя Михаила Андреевича (скончался в 1486 г.) среди многочисленных украшений и одежд, перешедших его дочери, княжне Анастасии, после смерти матери, фигурируют «золотые колтки с яхонтами» (Базилевич 1926: 28). В грамоте 1435 г. (список XVII в.) читаем: «А что перстень и колтки золотые, а то Офимьино» (Грамоты... 1949: 171; Словарь... 1980: 254 (К)). Единственным домонгольским источником, позволяющим удревить бытование термина, является берестяная грамота 1116–1134 гг.: «Мени же кълътъке цетыре, по полугривне кълътъкъ золотых» (Седова 1981: 7).

Термин «колты» введен в научную литературу И.Е. Забелиным в середине XIX в. для описания ювелирных украшений, обнаруживаемых в составе древнерусских кладов. Вслед за ним Н.П. Кондаков подразумевал под «колтами» парное украшение, крепившееся непосредственно или с помощью разнообразных подвесок к головному убору так, что они колыхались при движении (Кондаков 1892: 314). С тех пор драгоценные височные подвески неоднократно попадали в сферу внимания исследователей. Большинство соглашалось с мнением Н.П. Кондакова о происхождении колтов от византийских образцов (Кондаков 1896: 196–197; Макарова 1975: 21).² В последних работах получены более конкретные результаты: С.С. Рябцева выводит древнерусские колты от группы височных подвесок, созданных византийскими мастерами в VI в. для кочевнической знати (Рябцева 1997: 15; Рябцева 2005: 169–199); Н.В. Жилина аргументирует процесс параллельного (а не последовательного, как у предыдущих исследователей) формирования кругло-лунничных височных подвесок как в Византии, так и в Древней Руси (Жилина 1999: 164–166).

¹ Разгром и сожжение таких ювелирных центров как Владимир, Рязань, Киев, гибель и взятие в плен лучших мастеров привели к забвению многих уникальных техник и технологий. Лишь в Новгороде, счастливо избежавшем монголо-татарского погрома, по материалам археологических раскопок прослеживается производство свинцово-оловянных копий вплоть до начала XIV в. (Седова 1981: 21).

² Однако, например, В.М. Василенко считал, что форма древнерусских колтов возникла в процессе художественного развития славянского височного кольца (Василенко 1977: 252–253).

Для поиска произведений, повлиявших на разработку древнерусскими мастерами золотых колтов, простого сравнительного анализа форм недостаточно. Так, серьги и височные подвески лунообразной, серповидной, полумесячной или калачиковидной формы изготавливались с незапамятных времен (Тайт 1991: 35, 36, 39, 46). Особой популярностью уже в античности пользовались ладьевидные серьги, богато орнаментированные гравированным или сканым орнаментами, пирамидками зерни, фигурками птиц, сфинксов, головками Медузы Горгоны (Уильямс, Огден 1995: ил. 9, 11, 75, 77, 99, 144, 146). Однако лишь визуальная близость при отдаленности во времени не позволяет считать их непосредственными прототипами древнерусских колтов. Следует выделить определенный набор признаков, присущий именно древнерусским украшениям, обнаружение которого у других, более ранних или синхронных, памятников позволит считать последние «сопричастными» к разработке древнерусского типа.

Вслед за Т.И. Макаровой разделим золотые колты, декорированные в технике перегородчатой эмали, на два стилистических типа — с жемчужной обнизью (цв. вкл. 9: 1–2) и с многолучевой каймой (цв. вкл. 9: 8–9) (Макарова 1975: 21–40).

Для украшений первой группы характерна конструкция из двух золотых выпуклых пластин с овальным вырезом в верхней части. При соединении пластин образуется углубление для жемчужной обнизи, поддерживаемой небольшими боковыми петельками. Сверху при помощи тончайших золотых прямоугольных пластин припаяны кольца для крепления дужки.

В число признаков, присущих древнерусским колтам с жемчужной обнизью, следует включить и изображения, выложенные тончайшими перегородками: сиринов³ вокруг крина или древа жизни, птиц в той же иконографии, павлина, медальона с женским ликом и «рогами-ритонами» по бокам (Макарова 1975: 22–32), святых.⁴ На обороте часто встречается розетка из четырех кринов, фланкированная вытянутыми сегментами с вьющейся лозой. Снизу композиция гармонично завершается небольшим треугольником с городчатым орнаментом.

Следует вспомнить, что политические, торговые, религиозные и родственные связи между Византией и Древней Русью в X–XI вв., контакты с представителями высших слоев византийского общества и императорского двора сформировали интерес к византийской культуре, в частности, — к моде. Сохранившиеся фрески и миниатюры древних рукописей, находки тканей в богатых домонгольских захоронениях (например, в гробнице Андрея Боголюбского в Успенском соборе во Владимире) указывают на популярность среди высших слоев населения Руси одежды, сшитой по византийским образцам из дорогих восточных тканей (Кондаков 1906). Стремилась древнерусская знать иметь и виртуозно исполненные из золота, драгоценных камней, жемчуга и эмалей ювелирные украшения, резко отличавшиеся от произведений, изготовленных местными ремесленниками из простых металлов.

Отдельным изображениям на древнерусских колтах (птицы среди растительных побегов, крины, медальоны с человеческими ликами), их стилистическому и технологическому исполнению, даже цветовой гамме находят прямые аналогии на золотых ювелирных украшениях Византии (корона Константина Мономаха⁵, колт из собрания Метрополитен музея⁶ и др.), свидетельствующие о заимствовании. Эта мысль неоднократно высказывалась в науке. На сегодняшний день исследователями намечен путь развития от плоских золотых ажурных византийских серег лунообразной формы с изображениями распростертой птицы или двух павлинов по обе стороны креста, заключенного в медальон (VI в.), к выпуклым височным подвескам, типа колта из собрания И.П. Балашова (цв. вкл. 9: 10),

³ Сирины — фантастические существа с девичьим лицом и туловищем птицы. По античной и византийской символике, сирины связывались с образами Эроса и Афродиты, а в Иране и Закавказье соотносились с солнечным культом. Особой популярностью пользовались сирины в мусульманском и иранском искусстве, встречаясь в художественном металле, керамике с люстровой росписью (Даркевич 1975: 194–196). По мнению А.Л. Якобсона, образ сирина попал на Русь не из Византии, а через Херсонес и города Таврии, где был распространен на поливной керамике, на которую в свою очередь сильное влияние оказала армяно-персидская традиция (Якобсон 1950: 212).

⁴ Появление колтов с изображениями святых Б.А. Рыбаков и Т.И. Макарова аргументировали распространением христианства и борьбой русской церкви с язычеством (Рыбаков 1971: 125; Макарова 1975: 32). С.С. Рябцева связывает эту группу с мастерской по изготовлению стекла и смальты, обнаруженной в 1950 г. на территории Киево-Печерского монастыря (Рябцева 2001: 158).

⁵ Указанием на эту аналогию я обязана С.М. Новаковской-Бухман.

⁶ Золотой колт с перегородчатыми эмалями из собрания Метрополитен музея впервые опубликован W.D. Wixom в каталоге выставки 1997 г. (The Glory of Byzantium 1997: 246–247, № 170). Исследователь попытался найти аналогии перегородчатым эмалям колта среди византийских памятников светского и религиозного назначения XI–XII вв., а также констатировал близость киевских и оттоновских серег, демонстрирующих «влияние византийских предметов роскоши за границу, как на Киевскую Русь, так и на Германию».

что также свидетельствует в пользу преемственности округлых колтов из Византии. Однако, выявляя центральную линию развития определенного типа украшений, не следует игнорировать возможность существования и параллельных путей, по которым шло формирование близких, но конструктивно отличающихся произведений. Так, золотая височная подвеска из коллекции Дамбартон—Окс (Вашингтон) имеет традиционную конструкцию из двух округлых выпуклых пластин, но уже не с эмалевой, а зерновой орнаментацией (цв. вкл. 9: 5).

В свою очередь балашовский колт также не несет в себе всех выше названных характерных особенностей конструкции и декора домонгольских колтов, что позволяет считать его образцом одной из ветвей, развивавшихся параллельно с типом полых округлых колтов, декорированных перегородчатыми эмалями.

Конструкция, идентичная колтам древнерусских кладов, представлена ювелирным украшением из Старого Галича (Пастернак 1944: 4, 149, табл. XV). Стилистическая близость орнаментации щитков произведений из собрания И.П. Балашова и Старого Галича очевидна, но вариации в конструкции показывают, что перед нами образцы двух типов, развивавшихся самостоятельно, но параллельно.

Колт из Старого Галича (3,7 x 2,5 см), обнаруженный в 1940 г. при раскопках княжеского двора на «Золотом Току» под остатками сгоревшей печи (Пастернак 1944: 4, 149, табл. XV), смонтирован из двух золотых округлых пластин и дужки, прикрепленной при помощи колец и прямоугольных пластин. Любопытна композиция из четырех S-образных соприкасающихся ростков и вытянутых треугольных сегментов по бокам, выложенная тончайшими золотыми перегородками. Золотая височная подвеска (4,9 x 2,4 см) из собрания Метрополитен музея демонстрирует ту же традицию в конструкции, использовании и размещении определенной группы мотивов, применявшихся при создании древнерусских колтов (цв. вкл. 9: 7). Так, серповидной формы лоток лицевой стороны подвески делится центральным медальоном с изображением головы безбородого мужчины⁷ на два вытянутых треугольных сегмента, декорированных небольшими крестиками. На обороте — четыре сердцевидные фигуры окружены выющимися растительными побегами, занимающими все свободное пространство.

Именно знакомством с памятниками типа, представленного произведениями из Метрополитен музея и Старого Галича, можно объяснить появление как самих древнерусских золотых колтов с жемчужной обнизью, так и композиций на них (женской (?) головки в медальоне с двумя «рогами-ритонами» по бокам и розетки из четырех кринов, фланкированной вытянутыми треугольниками-сегментами, орнаментированными выющимися растительными побегами). Но на византийских памятниках поверхность серьги сплошь испещрена перегородками и ячейками, тогда как древнерусский мастер вычленяет из растительного «клубка» три-четыре геометрические фигуры, помещая их в пространство золотого фона. При этом создается совершенно новое произведение, к которому сложно применить понятие «копия», хотя, объективно, и конструкция, и орнаментация восходят к византийским оригиналам.

Обратимся ко второму типу домонгольских золотых колтов, декорированных в технике перегородчатой эмали, — к произведениям с многолучевой каймой. Украшения разрабатываются по схеме — небольшая эмалевая вставка и декоративная оправа, состоящая из двух соединенных вместе пластин, переходящих в лучи, завершающиеся колпачками. На эмалевых вставках выкладываются знакомые композиции: две птицы вокруг древа жизни, шагающая птица, розетка и два «рога-ритона», геометрические орнаменты, женская головка в круге с теми же «рогами-ритонами» по бокам.

Подобная конструкция нам знакома по произведению из собрания И.П. Балашова. Украшение смонтировано из серповидных выпуклых эмалевой и ажурной вставок, окруженных полосами растительного орнамента, дополненных кастами с драгоценными камнями. «Отголоски» подобной конструкции встречаются на золотых колтах с Борисом и Глебом из Старорязанского клада 1822 г. (Макарова 1975: табл. 16), однако в последние вмонтированы плоские круглые эмалевые пластинки, что сближает их с произведениями с жемчужной обнизью, а также в них не запланированы петельки и обнизь из мельчайшей зерны по внешнему краю.

Помимо балашовского колта и других произведений византийских ювелирных мастерских, древнерусским многолучевым колтам находят и восточные параллели.

Лунообразная форма и коробкообразная конструкция, выделение центрального серповидного щитка постановкой на металлический бордюр, многочисленные обниси из золотых зерненных сфер, жемчуга или драгоценных камней, золотые петли по краям для их поддержания считаются атрибутами высокохудожественных височных подвесок, изготовленных в ювелирных мастерских Сирии или Египта периода правления династии Фатимидов (909—1171). Для них также характерна необычайная

⁷ Интерпретируется как лик св. Иоанна Богослова или ангела (The Glory of Byzantium 1997: 247).

пышность, создаваемая за счет многочисленных декоративных деталей, филигранного орнамента, S-видных завитков (или «восьмерок») из сдвоенной тончайшей проволоки (Jenkins 1988: 40). Ярким примером является золотая пара височных подвесок XI в. из Метрополитен музея (The Glory of Byzantium 1997: 420, № 277) (цв. вкл. 9: 3–4).

Лунообразной формы серьга (4,13 x 2,7 см) смонтирована из двух пластин, соединенных широким филигранным ободом. Центральные серповидные сегменты лицевой и обратной сторон поставлены на полоски металла, возвышаясь над «глухим» объемом серьги. Щиток лицевой стороны, декорированный вытянутыми завитками и сердцевидными фигурами из сдвоенной филигранной нити, опоясан рядом крупных полых сфер с шариками зерни и небольшими филигранными кольцами в основании. Лунница обратной стороны оформлена двумя изящными концентрическими кругами и растительными завитками. Полоска из S-образных фигур огибает по внешнему краю всю серповидную форму. Выступы между филигранными лунницами и основным объемом были декорированы обнизями из жемчуга или драгоценных камней, о чем свидетельствуют небольшие петельки-держатели.

Факт местного производства ажурного типа полых украшений доказывают две серьги из клада, обнаруженного в 1927 г. в Ифрикии (современный Тунис). По 82 монетам сохранившиеся произведения были датированы не позже середины XI в. Мерилин Дженкинс утверждает, что серьги, два браслета, три треугольных элемента и бусины были изготовлены в Египте до 1045 г. (Jenkins 1988: 39).

Золотые височные подвески демонстрируют характерный набор ранее обозначенных признаков, наблюдаемый и на древнерусских памятниках: полую конструкцию, округлую форму, вычленение центральных серповидных сегментов, присутствие петелек и толстой дужки, прикрепленной с помощью небольших прямоугольных пластин.

Как видим, сирийские (или египетские) экземпляры имеют много общего с древнерусскими памятниками, а датировка серединой XI в. свидетельствует об их предшествовании не только древнерусским, но и византийским произведениям. Однако следует отметить декорацию центральных щитков. Древнерусские мастера прибегают к воспринятой у византийских ювелиров и хорошо освоенной технике перегородчатой эмали, тогда как восточные изделия полностью декорируются растительными орнаментами из сдвоенной проволоки, дополнительно оформленной мельчайшими капельками зерни, помещенными в раму из S-видных завитков и крупных зерненных полусфер. Тогда как форма и конструкция, акцент на пышность и декоративность произведения, вычленение центрального сегмента характерны как для восточных, так и для древнерусских памятников. Даже золотые дужки прикреплены одинаково — при помощи прямоугольных металлических пластинок и колец.

Выявленное сходство форм и конструкции домонгольских колтов с многолучевой каймой и восточных височных подвесок свидетельствуют о причастности последних к формированию древнерусского типа. Однако в силу многочисленных причин (например, территориальных и религиозных), а также из-за отсутствия абсолютно идентичных по форме, конструкции и орнаментации украшений обеих культур следует говорить не о прямом, а косвенном заимствовании, через еще не выявленные звенья эволюции в культуре сопредельных стран. Акцентированный ранее способ крепления дужек с помощью вспомогательных прямоугольных пластинок металла и колец, как на византийских, так и на древнерусских памятниках, наряду с тезисом о более раннем бытовании восточных памятников указывают на причастность последних и к формированию византийских округлых золотых колтов с эмалевыми изображениями. Исторические события подтверждают возможность подобных влияний.

На протяжении IV — первой половины VII в. Сирия, Палестина и Египет входили в состав Византийской империи, не раз становясь объектом соперничества между Византией и Сасанидским Ираном. После поражения на р. Ярмук в 636 г. Византия полностью утратила контроль над этой территорией, вошедшей в состав Арабского халифата Омейядов (661–750). Позже Сирия и Египет были включены в состав державы Аббасидов, однако в 762 г. эти территории перешли под власть египетской династии Тулунидов, а затем и Фатимидов.

К середине X в. Фатимиды подчинили себе почти весь Магриб и Сицилию, в 969 г. завоевали Египет, где их военачальник Джаухар основал новую столицу — Каир. Египет стал главной частью фатимидского государства. Начав вслед за этим завоевание Сирии, фатимиды столкнулись с Византией, но смогли ей противостоять. С середины XI в. установлены мирные отношения, закрепленные подписанием договора в 1037 г. (История Востока... 1995: 233–238).

Появление в числе подарков или в результате торгового обмена изящных фатимидских ажурных подвесок в Константинополе в 40–50-е гг. XI в. могло привести к заимствованию определенных мотивов, элементов конструкции (например, все той же дужки, прикрепленной с помощью пластинок металла и

колец) или даже разработке столичными ювелирами нового типа серег под влиянием восточных ювелирных украшений. Вполне вероятно, что с оглядкой на ювелирные шедевры Востока середины XI в. были созданы серьги из музея Бенаки (Byzantine Art 1964: 383, № 443; Byzantine and post-Byzantine art 1981: 195, № 212) и височная подвеска из Мистры (цв. вкл. 9: 6) (Byzantine Art 1964: 380, № 434). Украшения византийских ювелиров теряют присущую восточным оригиналам конструкцию с возвышающимися центральными сегментами и пышность обильного орнаментального оформления. Височные подвески рационально декорируются изящными ажурными растительными завитками, даже традиционная византийская композиция из круглой розетки с двумя сегментами по бокам выкладывается уже не золотыми перегородками, а тончайшей проволокой (Byzantine and post-Byzantine art 1986: 195, № 212) (цв. вкл. 9: 11–12).

Соединение элементов византийской и восточной культур наблюдается и на золотой (цв. вкл. 9: 13–14) (The Glory of Byzantium 1997: 308, № 210) и позолоченной паре височных подвесок из Метрополитен музея (The Glory of Byzantium 1997: 309, № 211) (цв. вкл. 9: 15–16), опубликованных и проаннотированных Катариной Браун и Мерилин Дженкинс. Форма и конструкция типичны для фатимидских украшений, тогда как применение филигранных (а не зерневых) сфер, S-видные завитки, выполненные из простой, а не филигранной проволоки, а самое главное, — перегородчатые эмали не характерны для исламских украшений.⁸ Цветовая гамма эмалей, их простой рисунок, сегментированность композиции (четкое выделение на позолоченной паре центральной розетки и двух боковых треугольников) и орнаментация эмалью обеих поверхностей привели исследовательниц к тезису о возможности производства этих украшений в Киевской Руси (The Glory of Byzantium 1997: 308–309).

Древнерусские домонгольские золотые височные подвески с перегородчатой эмалью, как уже было сказано, варьируются в пределах двух типов — колтов с жемчужной обнизью и колтов с многолучевой каймой, среди которых нет аналогов этим парам. Трудно представить, что древнерусскими мастерами были выполнены украшения, практически полностью выпадающие из традиционной схемы производства. Центральная розетка с двумя треугольниками по бокам на золотом фоне также ближе по рисунку внутренним перегородкам византийской традиции.⁹ Скорее всего, перед нами звенья уже упоминавшихся параллельных линий развития округлых выпуклых колтов. Причем серебряную (позолоченную) пару из Метрополитен музея, очевидно, следует считать звеном в эволюции нового типа округлых выпуклых колтов — серебряных с ажурной каймой. Имитация подобной каймы встречается и на серебряном округлом колте из Балтимора (Даркевич 1975: 271, № 382). В свою очередь, этот тип серебряных византийских произведений с ажурной каймой привел к появлению серебряных же «копий» с ажурной каймой и черневыми изображениями, популярными в Киевской Руси вплоть до татаро-монгольского завоевания.

Обнаружение пары традиционных золотых колтов с жемчужной обнизью, но орнаментированных гравировкой (Киевский клад 1901 г. с усадьбы Б.А. Орлова) (Корзухина 1954: 113, № 85-1, табл. XXXV: 3, 4), и пары золотых колтов с лучевой каймой с черневыми изображениями свидетельствуют о смене ориентиров. Идут поиски не только в области формы (округлые—многолучевые—ажурная кайма), металла (золото—серебро), но и в области способов орнаментации (перегородчатые эмали—гравировка—чернь). Вероятно, наряду с определенными восточными формами на Русь проникает и широко распространяется техника чернения.¹⁰

С образованием арабского халифата народы Восточной Европы вошли в тесный контакт с мусульманским миром. Арабские торговцы добирались до побережья Балтики, достигали Праги и Венгерской равнины. В истории торговых отношений Восточной Европы с Ближним и Передним Востоком при-

⁸ Тщательное обследование немногочисленных средневековых исламских украшений с перегородчатыми эмалью проливает свет на процесс их изготовления. Оказывается, что в уже готовые произведения монтировались вставки с эмалью, приобретенные у приезжих мастеров или торговцев. Причем эмалью орнаментировалась лишь внешняя сторона, в отличие от византийских и древнерусских аналогов, у которых эмали встречаются на обеих сторонах произведения (The Glory of Byzantium 1997: 420–421, № 278).

⁹ В качестве аналогов К. Браун приводит розетку на потире XI в. из Сокровищницы Сан-Марко и эмалевые крины в круге на кресте из собрания Дамбартон Окс (The Glory of Byzantium 1997: 309, № 211). К сожалению, абсолютной идентичности нет, что не позволяет безоговорочно отнести пару височных подвесок к работе византийских мастеров. Плохая сохранность эмалей также ставит под вопрос византийское происхождение памятника. Нигде как Византии, мастера-эмальеры достигли высот в технике полировки, сохраняющей эмали в целостности через столетия. Однако, вполне возможно, что неблагоприятные условия хранения смогли вызвать разрушения и безусловно выполненных произведений.

¹⁰ Тезис о распространении техники чернения с Востока был убедительно доказан в работе Т.И. Макаровой (Макарова 1986: 25–38).

нято выделять два периода: с VIII по X вв. (торговля, в основном, серебром и серебряной посудой), с XI в. вплоть до монгольского нашествия, прервавшего торговые контакты, главный акцент делался на ювелирные украшения, ткани, драгоценные камни (Даркевич 1976: 148).

Вела торговлю с восточными странами и Киевская Русь, но ввиду огромных расстояний преобладала не прямая, а транзитная торговля. Посредниками являлись города Южного Прикаспия, Волжская Булгария, причерноморские города — Сурож, Херсон, Тмутаракань. Взаимодействию культур препятствовал, в первую очередь, вероисповедальный барьер, но желание высших слоев древнерусского общества приобщиться к моде и роскоши быта византийской знати и стран Востока являлось той побудительной причиной, которая заставляла ввозить на Русь произведения восточного искусства (Коваль 1999: 233).

Отличительной чертой средневековой внешней торговли вообще и русско-восточной в частности считается манипулирование изделиями небольшого объема, но высокой стоимости, т. к. дальние и опасные перевозки окупались лишь при таких условиях.

К предметам импорта Византии, Венеции, Сирии и Египта относят основную массу стеклянных сосудов, обнаруживаемых при раскопках древнерусских городов. Киевская Русь оказывается активным потребителем и близким торговым партнером восточных стеклоделов. Толстостенный резной бокал группы *Hedvigsglässet* (Ближний Восток) найден в Новогрудке в слое XII в. (Гуревич 1963: 243–246). Аналогичные бокалы, в качестве импорта найденные в городах Европы, имеют на стенках исполненные резьбой имена халифов из династии Фатимидов (Гуревич 1963: 245). В XII в. из мастерских Византии, Сирии и Египта в Новогрудок привозились сосуды с росписью эмалью и золотом (Гуревич 1963: 245; Гуревич 1981: 151, 152). Стеклянные сосуды из Ракки и Алеппо появляются в Новогрудке в XIII в. (Гуревич 1981: 152). В X–XI вв. сиро-египетская фаянсовая посуда была известна в Саркеле–Белой Веже (Гуревич 1981: 151). Фаянсовые сосуды с люстровой росписью, изготовлявшиеся в Рее, Кашане и других городах Ирана, были обнаружены в слоях XII–XIII вв. в Новгороде, Смоленске (Гуревич 1981: 151) и др.

Археологи обнаруживают и стеклянные слитки из Сирии или Египта, имевшие хождение в Древней Руси наряду с ценными металлами, бусы с металлической прокладкой, приписываемые сирийскому или александрийскому производству (Даркевич 1976: 254).

В аристократическом быту Киевской Руси восточные изделия из металла также не были редки: дорогие металлические пояса, оружие, многочисленные кувшины, блюда часто упоминаются в духовных грамотах.

Большей частью из сельджукского Ирана и Средней Азии поступали на Русь дорогие шелковые ткани, шедшие на изготовление парадных одежд знати (Фехнер 1974: 66–70). С Востока шел на Русь и широкий поток серебряных монет, художественной посуды. Для декорации ювелирных украшений поступали драгоценные камни (Аксентон 1974: 9). Вероятно, тем же путем произошло знакомство и с продукцией исламских ювелиров: на Востоке находят корни височных колец с тремя ажурными бусинами, весьма популярные у славянских племен в XI–XIII вв. Так, А.В. Чернецов и Л.А. Беляев утверждают, что прототипы семилопастных височных колец вятичей и семилучевых колец с маленькими шариками радимичей также следует искать на ирано-арабском Востоке (Чернецов, Беляев 1997: 215–216).

Обнаружение на Киевском Подоле в слоях X в. набора литейных формочек для отливки поясных украшений, в том числе с арабской куфической надписью, позволяет сделать вывод о работе в киевских ювелирных мастерских восточных мастеров (Гупало 1981: 302–307, рис. 134).¹¹ Появление многочисленных орнаментальных приемов и элементов в декоре многолучевых колтов, иногда объясняемое возрождением языческих верований в середине XII в. (Василенко 1977: 291), можно связать если не с прямым, то с опосредованным знакомством древнерусских ювелиров с восточными ювелирными украшениями, в частности, с ажурными височными подвесками, разработанными к середине XI в. в Сирии или Египте. Византийские и восточные украшения в XII в. с его многочисленными межгосударственными и торговыми

¹¹ По результатам петрографического анализа установлено, что литейные формочки, найденные на Подоле в Киеве, в том числе и формочка с арабской надписью, были сделаны из пиррофиллитового сланца, «добытого в урочище Ровки близ г. Овруча» (Гупало 1981: 307–308), т. е. последняя была исполнена восточным мастером в киевской земле. Об этнической принадлежности мастера-мусульманина говорит надпись на формочке «турк» (Ивакин 1982: 55–56; Херрман 1986: 376, прим. 147). В.В. Седов отмечал: «Исключено, чтобы в древнем Киеве имелась сильная арабская колония. Многолетние археологические исследования и русские летописи не дают никаких оснований для такого вывода. Весьма важно сообщение абу-Хамида, что киевские мусульмане говорили по-тюркски» (Херрман 1986: 376, прим. 147). Автор благодарит С.М. Новаковскую-Бухман за информацию.

контактами, переходя из рук в руки, в составе даров, в качестве трофеев, в результате торговли попадали в поле зрения древнерусской знати, а впоследствии и древнерусских ювелиров.

В заключение подведем некоторые итоги. На сегодняшний день можно говорить о прототипах древнерусских колтов не только с жемчужной обнизью, но и с многолучевой каймой. Височные подвески из Старого Галича и Метрополитен музея, близкие по форме, конструкции и даже орнаментации древнерусским золотым округлым украшениям с жемчужной обнизью и эмалевыми изображениями, позволяют считать последние самобытными, высокохудожественными аналогами византийских ювелирных украшений середины — конца XI в.

История формирования второго типа древнерусских колтов несколько сложнее. Конструкция височной лунообразной полой подвески с центральным вставным щитком восходит к восточным древностям. Тогда как замена филигранного орнамента щитков изображениями, выполненными в технике перегородчатой эмали, и небольшая «трансформация» конструкции украшения, скорее всего, была произведена в Византии в конце XI в. и лишь затем заимствована, осмыслена и переработана древнерусскими ювелирами в тип золотых колтов с многолучевой каймой.

«Творческие» импульсы из Византии и стран Востока испытывала на себе в XI–XII вв. не только Древняя Русь. Ювелирами соседних стран были разработаны близкие височные украшения, на что указывают фрески (Алибегашвили 1970: ил. 4–5, 16–17) и серьги XII–XVI вв., восходящие к более ранним прототипам (Друмев 1968: ил. 533, 668, 672, 675 и др.). Вполне закономерно предположить, что процесс создания древнерусскими мастерами «по золоту, серебру и меди» эмалевых колтов с жемчужной обнизью и многолучевой каймой проходил не только под влиянием двух формообразующих струй. Большое значение могли оказать и местные, иногда более близкие и знакомые украшения. Однако на сегодняшний день можно выделить лишь два главных формотворческих влияния.

Литература

Аксентон 1974 — *Аксентон Ю.Д.* Дорогие камни в культуре Древней Руси (по памятникам прикладного искусства и литературы XI–XV вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.

Алибегашвили 1970 — *Алибегашвили Г.* Светский портрет в грузинской средневековой монументальной живописи. Тбилиси, 1970.

Базилевич 1926 — *Базилевич К.В.* Имущество Московских князей в XIV–XVI вв. / Труды ГИМ. Вып. 3. М., 1926.

Василенко 1977 — *Василенко В.М.* Русское прикладное искусство. Истоки и становление. М., 1977.

Грамоты... 1949 — *Грамоты Великого Новгорода и Пскова XII–XVI вв.* М.; Л., 1949.

Гупало 1981 — *Гупало К.Н.* Ювелирное ремесло (параграф 3, глава V) // Новое в археологии Киева. Киев, 1981.

Гуревич 1963 — *Гуревич Ф.Г.* Стекланный резной бокал из Новогрудка // СА. № 2. 1963.

Гуревич 1981 — *Гуревич Ф.Д.* Древний Новогрудок. Посад — окольный город. Л., 1981.

Даркевич 1975 — *Даркевич В.П.* Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII вв. М., 1975.

Даркевич 1976 — *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М., 1976.

Друмев 1976 — *Друмев Д.* Златарско искусство. София, 1976.

Жилина 1999 — *Жилина Н.В.* Искусство золотой филигрании по древнерусскимкладам (автохтонность и влияния) // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. Материалы конференции. Москва, 19–21 ноября 1997 г. М., 1999.

Ивакін 1982 — *Ивакін Г.Ю.* Оповіді про стародавній Київ. Київ, 1982.

История Востока 1995 — *История Востока. Восток в средние века.* М., 1995.

Коваль 1999 — *Коваль В.Ю.* О характере восточного керамического импорта в средневековой Руси // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. Материалы конференции. Москва, 19–21 ноября 1997 г. М., 1999.

Кондаков 1892 — *Кондаков Н.П.* История и памятники византийской эмали. Собрание А.В. Звенигородского. СПб., 1892.

Кондаков 1896 — *Кондаков Н.П.* Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. СПб., 1896.

- Кондаков 1906 — *Кондаков Н.П.* Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906.
- Макарова 1975 — *Макарова Т.И.* Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975.
- Макарова 1986 — *Макарова Т.И.* Черное дело Древней Руси. Л., 1986.
- Пастернак 1944 — *Пастернак Я.* Старий Галич. Археологічно-історичні досліді у 1850–1943 гг.. Краків; Львів, 1944.
- Радожкович 1968 — *Радожкович Б.* Накит код Срба до краја 18 века. Београд, 1968.
- Рыбаков 1971 — *Рыбаков Б.А.* Прикладное искусство X–XIII вв. Л., 1971.
- Рябцева 1997 — *Рябцева С.С.* О прототипах древнерусских колтов // Страницы истории русской художественной культуры. СПб., 1997.
- Рябцева 2001 — *Рябцева С.С.* Древнерусский женский ювелирный убор IX–XIII вв. в контексте евразийских культурных связей (основные тенденции формирования). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001.
- Рябцева 2005 — *Рябцева С.* Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. СПб., 2005.
- Седова 1981 — *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
- Словарь... 1980 — Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 7 (К). М., 1980.
- Стоксова 1956 — *Стоксова Н.Н.* Литье способом «навыплеск» в Древней Руси // Вопросы истории естествознания и техники. № 1. 1956.
- Уильямс, Огден 1995 — *Уильямс Д., Огден Дж.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V–IV вв. до н. э. СПб., 1995.
- Фехнер 1974 — *Фехнер М.В.* Некоторые данные о внешних связях Киева XII в. // Культура средневековой Руси. Л., 1974.
- Херрман 1986 — *Херрман Й.* Славяне и норманны в ранней истории балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986.
- Чернецов, Беляев 1999 — *Чернецов А.В., Беляев Л.А.* Средневековая Русь и Восток: некоторые проблемы и перспективы // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. Материалы конференции. Москва, 19–21 ноября 1997 г. М., 1999.
- Яacobson 1950 — *Яacobson А.Л.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. № 17. 1950.
- Byzantine Art 1964 — *Byzantine Art–European Art.* Athens, 1964.
- Byzantine and post-Byzantine art 1981 — *Byzantine and post-Byzantine art.* Athens, 1981.
- Jenkins 1988 — *Jenkins M.* Fatimid jewelry, its subtypes and influences // *Ars Orientalis.* XVIII. 1988.
- Tait 1991 — *Tait H.* Jewellery 7000 years. An international history and illustrated survey from the collection of the British museum. New York, 1991.
- The Glory of Bizantium. 1997 — *The Glory of Byzantium. Art and culture of the middle Byzantine era A.D. 843–1261.* [Catalogue of the exhibition]. Ed. H.C. Evans, W.D. Wixom. New York, 1997.

IV

ПАМЯТНИКИ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В X–XIII ВВ.

Н.И. Асташова (Москва), Т.Г. Сарачева (Москва)

ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ РЕЛЬЕФНЫХ ЭНКОЛПИОНОВ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ¹

Интерес к древнерусским энколпионам возник в конце XIX в., когда начали формироваться первые частные и музейные коллекции крестов, чаще всего из так называемых «покупок на торгу». Следует заметить, что энколпион — предмет двойственного характера. С одной стороны, это — предмет культа, художественное произведение, наполненное определенным смыслом, с другой — легко воспроизводимое литьем ремесленное изделие. Последнее качество способствовало появлению в конце XIX в. мастерских, в которых отливались энколпионы по оттиску древнерусских образцов в связи с возрастающим спросом на них со стороны коллекционеров (Гнутова, Зотова 2000: 14).

Библиография энколпионов весьма обширна. Несмотря на это, классификация и атрибуция мощевиков далека от совершенства. Главным образом, это связано с далеко не полным морфологическим описанием предметов, на основе которого делаются попытки их систематизации и датировки. Последние зачастую даются в пределах столетия без каких-либо аргументов.

На общем фоне такой литературы наиболее обоснованным трудом является исследование Г.Ф. Корзухиной, включающее значительное количество находок. Основанное преимущественно на технологическом анализе изучение позволило автору выделить семь групп русских энколпионов и наметить их датировку. Исследования, начатые Г.Ф. Корзухиной, были продолжены А.А. Песковой, которая существенно уточнила ее выводы и расширила источниковую базу исследования (Корзухина, Пескова 2003). Исследователи неоднократно указывали на необходимость комплексного изучения энколпионов, включающего искусствоведческий, морфологический и химико-технологический анализы (Куницкий 1990: 106–116; Пуцко 1993: 21–33; Самойлов 1993: 43–47; Шемаханская 1993: 8–10). Однако примеры использования системного подхода остаются пока единичными (Жарнов 2000: 183–193, Шемаханская 2000: 82–89). Нам представляется, что благодаря такому комплексному подходу возможно, во-первых, выделить в коллекциях подделки XIX в., во-вторых, разработать относительную хронологию, тогда как абсолютная может быть создана только при опоре на точно датированные археологические находки. Следует заметить, что хронологические построения возможны лишь на основе изучения значительных собраний крестов.

Коллекция энколпионов археологического отдела ГИМ представляет собой одно из таких собраний (около 200 экз.). Самыми многочисленными оказались кресты, несомненно, древнерусского происхождения с округлыми концами и рельефными изображениями Распятия и Богородицы (смотри каталог к настоящей статье). Согласно классификации Г.Ф. Корзухиной, это рельефные и рельефно-черневые энколпионы, а также экземпляры с обратной надписью **СТАА БОБОБЦЕ ПОМАГАН (БОБОБЦЕ)**. Технология их изготовления оказалась настолько взаимосвязана, что мы сочли возможным рассмотреть их вместе.

¹ Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-00121а.

К сожалению, за единичными исключениями, энколпионы относятся к так называемым «безадресным». В лучшем случае есть указание на местность, где они были приобретены. Однако известно, что коллекционерские «легенды» часто существенно отличаются от истины.

Исходя из археологического контекста некоторых находок, бытование рельефных и рельефно-черневых энколпионов относится ко второй половине (?) XI—XIII в.; тип «БОБОБЦЕ» появляется в начале XIII в. (Зоценко 1981; Седова 1981: 55–61). Иконография этих энколпионов описана достаточно подробно (Зоценко 1981; Корзухина, Пескова 2003). Но, несмотря на их определенную стандартность, каждый крест несет на себе отличительную деталь.²

Так, например, обратная створка рельефно-черневого креста-реликвария из Херсонеса с изображением Богоматери с ладонями перед грудью и тремя медальонами (№ 41 — здесь и далее номера каталога данной статьи) имеет редкое оглавие: биконическая бусина с прогнутыми сторонами и центральным швом, декорированная косой насечкой (рис. 1: 1). В нашем собрании есть еще лишь одно такое оглавие, венчающее энколпион балканского производства.

Хорошее качество отливки характеризует крест из с. Винцентовка Киевской губ. (№ 1, рис. 1: 2). Иконографию обеих створок можно назвать классической, однако расположение надписи на нем необычное: **ІС ХС** — под руками распятого Христа на лицевой створке, а **НІ КА** — по сторонам Богоматери Одигитрии на оборотной.

На смену энколпионам типа «БОБОБЦЕ» в XIV в. приходит вариант большого креста с выделенным подпрямоугольным средокрестием. Причем, в отличие от прототипа, расположение сюжетов вновь становится классическим: на лицевой створке — Распятие, на оборотной — Богоматерь или святой. В медальонах же появляются изображения парных святых. Одним из первых экземпляров этого типа является знаменитый реликварий, обнаруженный у Десятинной церкви, который сочетает в себе черты крестов типа «БОБОБЦЕ» и совершенно новые элементы (№ 29, рис. 2). В частности, такие детали, как изображения Благовещения и парных святых встречены только на этом типе энколпионов. Весьма близок ему по иконографии лицевой створки еще один экземпляр нашей коллекции (№ 15, рис. 3). Поскольку эти кресты сделаны в разной технике, они отличаются размерами, но абрис фигур и расположение надписей позволяют предполагать, что крест из Десятинной церкви послужил образцом для отливки створки рассматриваемого экземпляра.

В нашей выборке присутствуют большие энколпионы (высота без ушек более 8 см) и средние (5–8 см); толщина створок колеблется от 0,3 до 0,7 см. Технологически они относятся к литым сборным изделиям. Для составления готового предмета мастеру необходимо было иметь оглавие, которое сохраняется весьма редко, две створки-емкости с ушками и штифты, скрепляющие створки друг с другом и оглавием. Впервые технологию изготовления энколпионов детально рассмотрела Г.Ф. Корзухина (Корзухина, Пескова 2003: 16). Впоследствии ценные наблюдения и дополнения сделала Л. Дончева-Петкова, исследуя находки IX–XIV вв. из Болгарии (Дончева-Петкова 1992: 1–12).

Сравнительное изучение так называемых «сирийских» и древнерусских энколпионов (Дончева-Петкова 1992: 3–8; Асташова, Сарачева 2007: 19–26) показывает, что основные приемы изготовления этих конструктивно довольно сложных изделий были заимствованы и впоследствии развиты русскими мастерами.

Самой сложной и ответственной операцией является получение цельнолитой створки с емкостью и располагающимися в другой плоскости ушками с каналами. Характер исполнения изображений и надписей на многих экземплярах свидетельствуют об использовании выплавляемых моделей для получения створок, которые впоследствии могли тиражировать литьем в пластичных формах, полученных по оттиску. Общая форма створок и наличие выпуклых изображений предполагает формовку моделей на штампах или в жестких резных формах.

Каменные литейные формы для энколпионов обнаружены в Киеве (2 экз.), на поселении у с. Городище Хмельницкой обл. и в Херсонесе (Рыбаков 1948: 455–456, 328; Корзухина, Пескова 2003: 220–221; Якобсон 1959). К сожалению, все они фрагментарны. Однако форма, найденная близ Десятинной церкви, уникальна: сохранились части обеих створок. Одна из них предназначена для формирования лицевой стороны двух створок с изображением Распятия и Богоматери. Другая — с выпуклым изображением гладкого креста, который немного меньше по размерам, могла использоваться для формирования внутренней поверхности створок (Корзухина, Пескова 2003: 221).

² Важность таких отличий заключается в том, что их накопление поможет выявить особенности производственных центров изготовления энколпионов.

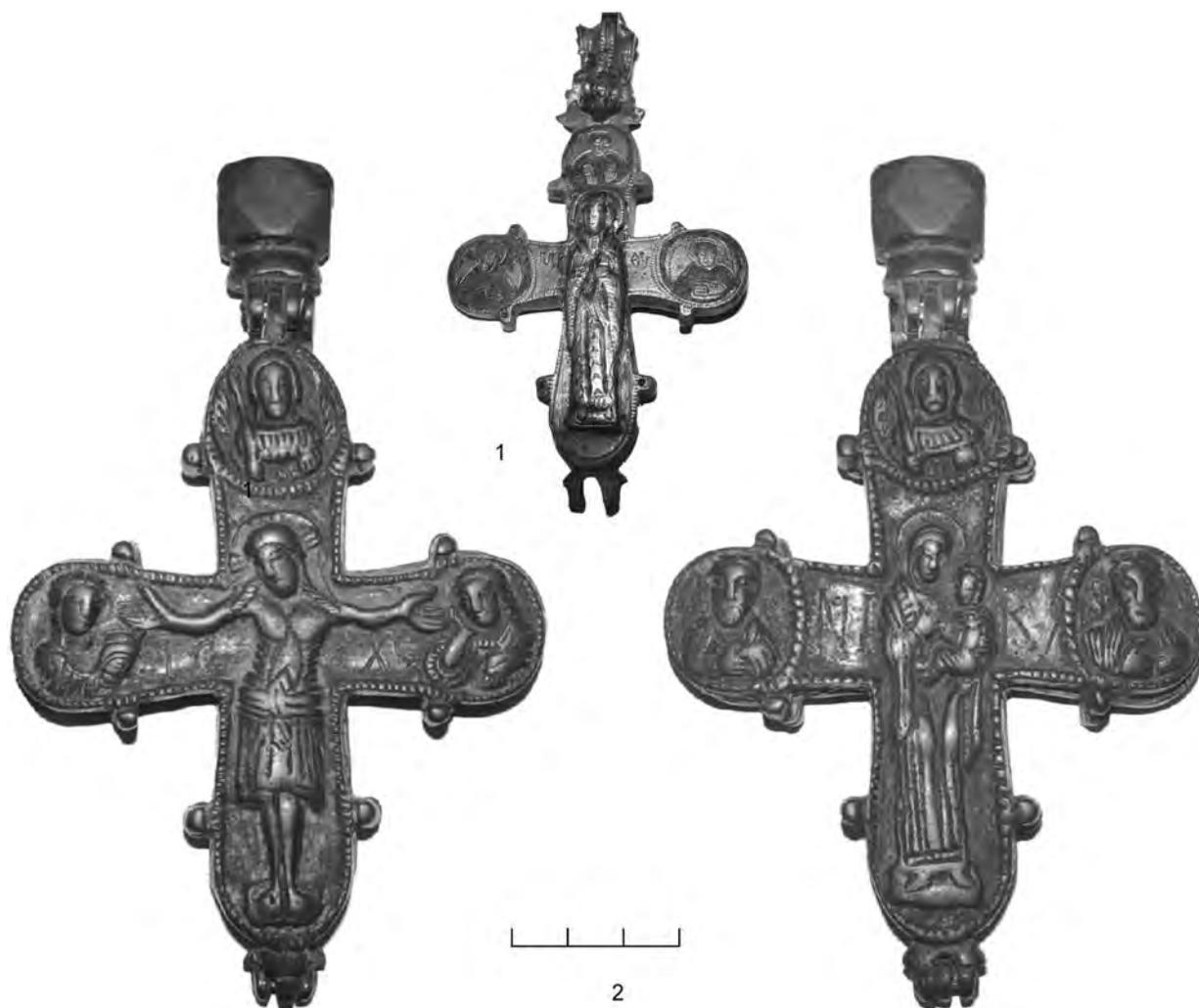

Рис. 1. 1 — оборотная створка энколпиона № 41; 2 — энколпион № 1

На некоторых формах отсутствуют полости для ушек. Это доказывает, что в подобных формах отливали не металлические створки, а их выплавляемые модели.³ На нескольких энколпионах изученной выборки наблюдаются отчетливые следы присоединения ушек на этапе изготовления модели (рис. 4: 1, 2).

В целях экономии металла, для уменьшения толщины створки, мастера, вероятно, применяли литье моделей «навыплеск». Это объясняет наличие углублений с оборотной стороны створок на месте выпуклых изображений и боковых выступов на многих экземплярах выборки (рис. 4: 4). По мнению Г.Ф. Корзухиной, углубления свидетельствуют об использовании литья по оттиску готового предмета (Корзухина, Пескова 2003: 16). Однако они встречаются не только на отлитых по оттиску изделиях, но и на образцах, полученных с помощью выплавляемых моделей. Как правило, они соответствуют сильно выступающей центральной фигуре, в некоторых случаях — изображениям на концах, выполненным в высоком рельефе. Очертания углублений зачастую оплывчаты и лишь в общем повторяют контуры фигур. Нельзя исключить, что они могли появиться в результате выборки излишков мягкого материала на этапе доработки модели.

Уникальный способ изготовления выплавляемой модели демонстрирует находка из Десятинной церкви в Киеве (№ 29, рис. 2). Все рельефные изображения и надписи выполнены резьбой на гладкой литой модели створки без емкости с внутренней стороны, которая постепенно исчезает на поздних

³ Исследователь меднолитой пластики XV–XVIII вв. В.М. Тетерятников указывает, что каменные формы мало пригодны для литья этих изделий, а также приводит убедительные доказательства использования выплавляемых моделей (Тетерятников 1993: 162–164).

Рис. 2. Энколпион № 29, снаружи и изнутри

энколпионах. Несмотря на то, что фигуры и буквы выпуклые, они не превышают высоту створки. На углубленном фоне заметны следы выборки мягкого материала. Нетронутыми остались лишь полоски по контуру и линии, образующие крест и медальоны на боковых ветвях. Изображения проработаны детально, имеют высокий рельеф. Лики объемные, правильной формы. Проработка тончайших линий присутствует не только на ликах, руках, но и на одежде в виде плавных изгибов складок.

Выплавляемые модели различались по степени проработки. Так, например, все изображения, декор и надписи могли быть получены одновременно с формовкой модели, будучи вырезанными в форме или на штампе. Доработка фигур была минимальной: нанесение и проработка углубленных линий на одежде, иногда на ликах. В то же время, некоторые модели существенно дорабатывали после отливки, дополняя литое центральное изображение резными фигурами на концах ветвей и надписями. Эти операции исполняли как на этапе изготовления выплавляемой модели, так и непосредственно на литой металлической створке, получая рельефные энколпионы с гравированными и черневыми изображениями. Изготовление выплавляемых моделей, на которых присутствовали лишь общепринятые, устоявшиеся изображения Распятия и Богоматери, давало возможность получить створку с любым набором фигур на концах, учитывая пожелания заказчика.

Таким образом, становится очевидным, что все энколпионы с рельефной центральной фигурой (дополненные другими литыми или гравированными изображениями) получены в единой технологической традиции. Этот факт позволяет еще раз вернуться к вопросу о генетической преемственности двух групп реликвариев, выделенных Г.Ф. Корзухиной: рельефных и рельефно-черневых. Реконструируя технологию изготовления крестов, исследовательница полагала, что «для получения формы для рельефно-черневых крестов были использованы кресты с высоким рельефом, у которых с концов были спилены рельефные изображения» (Корзухина, Пескова 2003: 18). Такая подправленная створка оттискивалась в глину, далее в форме отливали восковую модель, на которой делались углубления под чернь. С этой

Рис. 3. Энколпион № 15, снаружи и изнутри

модели делали новую глиняную форму, в которой отливали бронзовый крест. Тезис о более позднем появлении рельефно-черневых образцов неоднократно повторяли другие исследователи (Гнутова 1993: 13; Корзухина, Пескова 2003: 101, 240). Получение моделей створок со всеми рельефными изображениями или только с центральной фигурой не имеет никаких отличий с технологической точки зрения. Следовательно, технология изготовления не позволяет утверждать преимущество рельефных и рельефно-черневых крестов.

Кроме того, следует учитывать бесспорный факт первоначального заимствования Русью этих изделий. Среди энколпионов, изготовленных в византийской или провинциально-византийской традиции, есть образцы и с литыми выпуклыми, и с гравированными изображениями, и с черневым покрытием. Вероятно, связь между указанными группами древнерусских энколпионов была не дочерней, а сестринской. находка рельефно-черневого креста в хорошо датированном слое рубежа XI–XII вв. в Новгороде свидетельствует о существовании этих типов (Седова 1981: 55–57, 61).

Выплавляемые модели непосредственно использовали для отливки створок или металлических моделей, применявшихся для оттиска в пластичных формах. Впоследствии каждая из створок готового изделия, бывшего определенное время в употреблении, также могла служить образцом для тиражирования путем оттиска. Широкое распространение практики литья энколпионов по оттиску готового изделия исследователи отмечали неоднократно. Этот факт служил основанием для утверждения о длительном бытовании одних и тех же типов, появившихся еще в домонгольское время. Не отрицая этого утверждения, хотелось бы подчеркнуть, что подобное определение даты, основанное лишь на особенностях технологии изготовления, не всегда выглядит убедительным.

Чаще всего в качестве доказательств отливки по оттиску, появившейся после оригинала спустя несколько десятков лет или столетий, указывают оплывчатость, неотчетливость линий изображений, отсутствие детальной проработки фигур. Однако все это может быть свидетельством не только много-

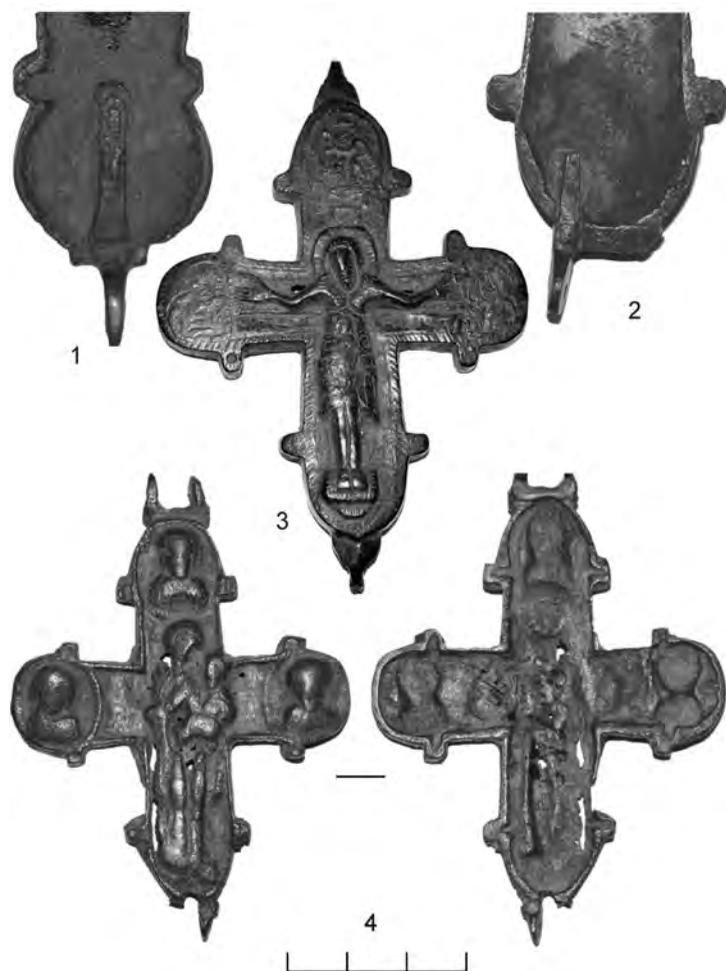

Рис. 4. 1, 2 — следы присоединения ушек на оборотной стороне створок энколпионов № 24 и 1; 3 — лицевая створка энколпиона № 38; 4 — оборотная створка энколпиона № 18, снаружи и изнутри

кратного тиражирования, но и нарушения каких-либо технологических процессов литья, которые мастер не всегда мог проконтролировать.

Схематичность ликов часто считается признаком многочисленного тиражирования. Однако эта схематичность сочетается с гармоничностью изображений, точным расположением фигур на поле створки, что указывает на продукцию опытных мастеров. Легкость в обработке восковой модели позволяла сделать отчетливые, реалистичные изображения фигур. Вероятно, такая задача не стояла перед мастерами. Круг святых был хорошо известен потребителям и поэтому легко узнаваемым, несмотря на отсутствие детальной проработки.

Лишь сочетание многих признаков на одном предмете может служить основанием для определения способа литья по оттиску изделия, бывшего в употреблении. К ним относятся: разные высота и наклон боковых стенок одной створки; заметное уменьшение (впоследствии постепенное исчезновение) емкости с оборотной стороны; отсутствие некоторых деталей в проработке фигур или декора, выявленных на других образцах; частичное или полное заполнение металлом оборотной стороны боковых выступов — так называемых «слезок» или «капелек», а также углублений, соответствующих выпуклым изображениям.

В изученную коллекцию вошло несколько предметов, несущих на себе бесспорные свидетельства отливки по оттиску готового изделия.

1. Створка с изображением Богородицы (№ 6), отлитая по оттиску сломанного на две части образца; на оборотной стороне сохранился выпуклый шов разлома.

2. Полностью сохранившийся энколпион с неподвижным оглавием (№ 15, рис. 3). Причиной появления такого изделия послужил разлом в нижней части створки с изображением Распятия. Почему-то мастер не стал отсоединять оглавие от оригинала перед тем, как сделать оттиск. В результате была отлита створка с залитыми металлом каналами и промежутками между ушками. Для соединения створок

использовали штифты и специально пробитые отверстия. Фигуры рельефные, но оплывчатые, надписи слиты воедино и неразборчивы. Вероятно, послуживший для оттиска энколпион, в свою очередь, был отлит подобным образом, и между ним и первоначальной моделью было сделано несколько отливок. По контуру створки на боковых гранях сохранились следы литейного шва, свидетельствующего об отливке в двустворчатой разъемной форме. Оттиск производили одновременно в обеих частях формы. Такой способ оттискивания неоднократно прослежен при изучении древних металлических изделий, он детально описан в источниках по кустарному ювелирному делу XVIII–XX вв. (Фролова 1993: 55–56; Тетерятников 1993: 164–166).

Литье створки с неподвижным оглавием было зафиксировано при изучении находок XV–XVI вв. из Радонежа (Шемаханская 2000: 84).

3. Уникальным примером использования готового изделия для получения новой литейной формы является створка энколпиона с изображением Распятия (№ 38, рис. 4: 3). Мастер оттиснул в форме створку с черневым покрытием. Образец использовали длительное время, в течение которого чернь частично выкрошилась. В тех местах, где покрытие еще оставалось, на новой створке появились слегка выпуклые металлические наплывы. Боковые выступы с круглыми углублениями также выглядят по-разному: есть отчетливые углубления, как и углубления частично или целиком заполненные металлом. Эти различия отражают степень сохранности черни в углублениях створки, послужившей моделью для оттиска. В огромной выборке, которую исследовала Г.Ф. Корзухина, также был один крест, отлитый по оттиску черногого.

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство образцов, несущих на себе следы литья по оттиску готовых изделий, относятся к самой многочисленной группе рельефных энколпионов без гравировки и черни.

В зависимости от степени проработки выплавляемой модели и набора производственных операций нами выделено четыре технологические схемы изготовления энколпионов выборки.⁴

1. Рельефные выпуклые изображения, надписи и декор получены в процессе литья или формовки на штампе выплавляемой модели, которая в редких случаях незначительно доработана резьбой; литье металлической створки.

2. Модель створки гладкая; рельефные изображения и надписи выполнены резьбой и моделированием на модели; литье металлической створки.

3. На выплавляемой модели получено лишь центральное выпуклое изображение Распятия или Богоматери. Далее отливали металлическую створку и гравировкой исполняли изображения на ветвях, надписи и декор.

4. Изготовление створки произведено по схеме 3 и дополнено операцией нанесения черни.

В коллекции преобладают энколпионы, полученные по первой технологической схеме (рис. 5). По сравнению с другими группами они требовали минимальных затрат труда и легче других подвергались копированию. Значительным числом представлены образцы с гравированными черневыми изображениями.

Энколпионы считаются преимущественно городскими изделиями. Находки каменных литейных форм в Киеве, бесспорно, свидетельствуют об их налаженном производстве в столичных мастерских. Вероятно, оно существовало и в других городах. Так, например, химико-технологический анализ пяти находок из мастерской, раскопанной на детинце Серенска, позволил предположить их местное производство во второй половине XIII в. (Зайцева, Сарачева 2003: 295).

Технология изготовления энколпионов указывает на их производство в мастерских, обслуживавшихся квалифицированными, грамотными мастерами (резчиками по камню, литейщиками, граверами), с полным набором специализированного инструментария (резные формы или штампы для получения выплавляемых моделей, металлические модели для получения качественных оттисков). Они необходимы только в том случае, если производство носит сравнительно массовый характер. В таких мастерских не нужно прибегать к изготовлению предметов по оттиску готового изделия, заведомо худшего качества.

Вопрос о месте производства многочисленных, отлитых по оттиску энколпионов осложняется отсутствием письменных свидетельств. Моделируя производственные процессы эпохи средневековья, мы не можем учесть все случайные факторы, возникавшие при изготовлении изучаемых предметов. Тем не менее, в качестве предположения можно сказать следующее.

⁴ В схемы не включены такие обязательные операции доработки, как удаление литейных швов и дефектов, шлифовка, полировка.

Рис. 5. Распределение энколпионов по схемам изготовления

В местах, где отсутствовало налаженное производство энколпионов, мастер копировал в глине образец, вышедший из стен городской мастерской, для производства новых экземпляров. Кроме того, появление таких изделий возможно в мастерской любого ранга в то время, когда налаженное производство того или иного варианта креста уже прекратилось, и мастеру проще было изготовить один или несколько образцов путем оттиска в глине. Этот способ литья мог быть использован в случае, когда по представленному образцу, пришедшему в негодность, делалась копия на заказ. В нашей выборке есть несколько подобных экземпляров.

Известны немногочисленные находки энколпионов и на сельских памятниках. Сельские ювелиры могли копировать попавшие к ним готовые изделия, т. е. такое производство носило случайный характер. Вряд ли потребители продукции сельского мастера часто нуждались в подобных изделиях. Становится очевидным, что кресты, выполненные в этой технике, могли бытовать одновременно с высококлассными образцами, и этот технологический признак не является единственным основанием для хронологических построений.

Изучение химического состава металла рельефных энколпионов выборки лишь начато (13 экз.).⁵ Мастера использовали разные по своему составу сплавы на основе меди (табл. 1). Все выявленные сплавы обладают хорошими литейными качествами, в особенности оловянно-свинцовая бронза, из которой получена половина образцов. Для нее характерна высокая жидкотекучесть, она хорошо заполняет самые сложные полости литейных форм и имеет небольшую усадку (Урвачев и др. 1991: 81). Особенно возрастает жидкотекучесть бронз с концентрацией выше 6 %. Лишь один образец выборки имеет более низкую концентрацию. Наличие свинца обеспечивает плотность отливок (Равич 1982: 11).

Двойные латуни в выборке отсутствуют; пять сплавов меди с цинком содержат и другие легирующие компоненты — олово и свинец. В современном производстве двойные латуни также редко применяют для литья, так как добавки легирующих элементов значительно увеличивают их литейные и механические свойства (Справочник молодого литейщика 1991: 238).

Высокая концентрация цинка в составе металла энколпиона № 29 (рис. 2) вряд ли случайна. По своей форме, иконографии и технологии изготовления он выделяется на общем фоне находок. Судя по статистически представленным выборкам цветного металла Новгорода и Пскова (X–XVI вв.), латуни со средним и высоким содержанием цинка, в том числе и свинцовые, характерны преимущественно для XIV–XVI вв. (Королева 1996: 237–245; Ениосова и др. 2004: 59–63). В огромной базе данных по составу металла медного литья, составленной сотрудниками ГосНИИР (более 400 экз.), концентрация цинка выше 10 % встречается в изделиях, начиная с XIV в. (Шемаханская и др. 1996: 28–38).

Многокомпонентные сплавы употреблялись мастерами как в домонгольское время, так и впоследствии. Однако необычный способ изготовления энколпиона № 38 (литье по оттиску черного

⁵ Анализ металла проведен в рентгеноспектральной лаборатории кафедры геохимии геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова по методу неразрушающего рентгенофлуоресцентного энерго-дисперсного анализа. О методике анализа см.: Ениосова и др. 1997: 107–131. Благодарим заведующего лабораторией Р.А. Митояна за проведенные исследования.

Таблица 1. Химический состав металла энколпионов

№ по кат.	№ ан.	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Sb	As	Fe	тип сплава
1	2085	66,35	25,69	2,12		0,5	3,52	1,58	0,24	оловянно-свинцовая бронза
1	2086	70,33	22,01	2,28		0,42	3,06	1,38	0,53	оловянно-свинцовая бронза
1	2087	66,54	25,04	2,47		0,53	3,53	1,89	0,24	оловянно-свинцовая бронза
6	2093	47,85	42,79	7,01		0,29	1,26	0,79		оловянно-свинцовая бронза
9	2081	83,09	8,95	6,75		0,07	0,31		0,84	оловянно-свинцовая бронза
11	2083	81,66	8,49	7,03		0,61	2,03		0,17	оловянно-свинцовая бронза
14	2092	70,92	16,38	9,94	2,71			0,06		многокомпонентный сплав
18	2084	89,92	3,62	5,61		0,08	0,35		0,42	оловянно-свинцовая бронза
21	2072	84,43	0,43	7,65		0,19	6,58	0,71		свинцовая бронза
25	2078	87,31	6,27	6,33					0,08	оловянно-свинцовая бронза
29	2171	82,49	0,8	2,09	14,39	0,23				свинцовая латунь
30	2173	86,08	5,58	1,47	6,87					многокомпонентный сплав
34	2076	75,43	9,02	5,95	8,52	0,08	0,37	0,01	0,63	многокомпонентный сплав
38	2082	64,66	7,6	16,07	9,1	0,16	0,34	0,26	1,8	многокомпонентный сплав
43	2073	83,51	9,13	6,73		0,1	0,24	0,28		оловянно-свинцовая бронза

образца — рис. 4: 3) в сочетании с довольно высоким содержанием цинка, также позволяет отнести его к кругу памятников, появившихся после середины XIII в.

Особенностью выборки является преобладание сплавов со сложным элементным составом: в 9 образцах выявлено 6–8 элементов. Состав трех многокомпонентных сплавов, в которых олово и цинк содержатся приблизительно в равных концентрациях, указывает на то, что мастера использовали неоднородное сырье. Безусловно, для отливки таких массивных предметов требовалось значительное количество металла. Как показал анализ обеих створок и оглавия энколпиона из Винцентовки (рис. 1: 2), все изделие отлито из единого расплава (вес — 318 г).

Таким образом, в результате детального изучения технологии изготовления энколпионов выявлено несомненное сходство разных типов. Анализ химического состава металла позволил в некоторых случаях уточнить датировку отдельных экземпляров выборки. Подобное изучение лишь начато, и первые результаты позволяют говорить о продуктивности избранной методики.

Каталог древнерусских рельефных энколпионов из археологического собрания ГИМ

№ п/п	Размеры (в см)			Изображения на створках		Технологическая схема	№ ГИМ и место находки
	высота	ширина	толщина	лицевая	оборотная		
1	2	3	4	5	6	7	8
1	11	9,7	0,7	Распятие и 3 медальона ⁵	Богородица и 3 медальона	1	ГИМ25782 оп.1721/2 Киевская губ., с. Винцентовка
2	10,2	5,8	0,4	Богородица и 4 медальона	Распятие и 4 медальона	1	ГИМ25783 оп.2153/1 Киевская губ., г. Васильков
3	8,7	6,5	0,3	Распятие и 3 медальона		1	ГИМ104415 оп.2515/1 место находки неизвестно

⁵ В таблице указано количество медальонов на створках креста. Изображения в некоторых не читаются в силу плохой сохранности или качества отливки. Изображения в медальонах были достаточно устойчивыми: фигуры Богородицы, Иоанна Крестителя, архангелов, евангелистов; иногда в них помещали равносторонний крест.

1	2	3	4	5	6	7	8
4	8,8	7,4	0,5	Распятие и 3 медальона		1	ГИМ104415 оп.2515/39 место находки неизвестно
5	8,7	7,9	0,4		Богоматерь Оди- гитрия и 3 медальона	1	ГИМ18178 оп.1935/1 место находки неизвестно
6	8,5	7,5	0,4		Богоматерь Оди- гитрия и 3 медальона	1	ГИМ2933щ оп.1979/1 место находки неизвестно
7	8,5	7	0,5	Распятие, пре- стол уготован- ный и 2 медальона		1	ГИМ43066 оп.1940/1 место находки неизвестно
8	8,2	7,3	0,5	Распятие и 3 медальона	Богоматерь Оди- гитрия и 3 медальона	1	ГИМ15876 оп.2174/1 место находки неизвестно
9	8,3	7,2	0,5	Распятие и 3 медальона		1	ГИМ18180 оп.1935/3 место находки неизвестно
10	8,1	7	0,3	Распятие и 3 медальона		1	ГИМ40253 оп.1943/1 место находки неизвестно
11	8	6	0,5		Богоматерь Оди- гитрия и 3 медальона	1	ГИМ40253 оп.1943/2 место находки неизвестно
12	8	7	0,4	Распятие и 3 медальона		1	ГИМ61853 оп.1903/1 место находки неизвестно
13	8	7	0,3	Распятие и 3 медальона	Богоматерь Оди- гитрия и 3 медальона	1	ГИМ61856 оп.1904/1 место находки неизвестно
14	7,8	7	0,5		Богоматерь Оди- гитрия и 3 медальона	1	ГИМ61853 оп.1986/1 место находки неизвестно
15	7,6	6,3	0,3	Распятие и 4 медальона	Св. Илья(?) и 4 медальона	1	ГИМ104415 оп.2515/40 место находки неизвестно
16	7,6	6,9	0,4	Распятие и 3 медальона		1	ГИМ39920 место находки неизвестно
17	7,6	6,8	0,4	Распятие и 3 медальона		1	ГИМ 17086 оп.1902/3 место находки неизвестно
18	7,3	6,7	0,3		Богоматерь Оди- гитрия и 3 медальона	1	ГИМ25785 оп.1977/1 Киев, напротив Десятинной церкви
19	6,8	5,7	0,5	Богоматерь в рост с руками перед грудью и 3 медальона		1	ГИМ31525 оп.1906/1 место находки неизвестно
20	6,6	5,6	0,4	Богоматерь в рост с руками перед грудью и 4 медальона	Распятие и 4 медальона	1	ГИМ25783 оп.2153/1 Киевская губ., г. Васильков
21	6,5	5,5	0,4	Богоматерь в рост с руками перед грудью и 4 медальона		1	ГИМ104415 оп.2515/3 место находки неизвестно

1	2	3	4	5	6	7	8
22	6,4	5,3	0,3	Неизвестный святой в рост и 4 медальона		1	ГИМ104415 оп.2515/4 место находки неизвестно
23	6,5	5,6	0,3		Распятие и 4 медальона	1	ГИМ108118 оп.2637/70 Калужская обл., г. Серенск
24	6,6	5,1	0,3	Богоматерь в рост с руками перед грудью и 4 медальона		1	ГИМ31113 оп.1915/1 место находки неизвестно
25	6	5,1	0,2	Распятие и 4 медальона		1	ГИМ80984 оп.1117/937 Орловская обл., г. Вщиж
26	5,9	5,2	0,3		Распятие и 4 медальона	1	ГИМ104415 оп.2515/6 место находки неизвестно
27	5,6	5,4	0,3	Распятие и 3 медальона (верхняя часть не сохранилась)		1	ГИМ104415 оп.2515/45 место находки неизвестно
28	3,5	3,7	0,3		Богоматерь Одигитрия и 3 медальона (нижняя часть не сохранилась)	1	ГИМ108118 оп.2637/84 Калужская обл., г.Серенск
29	8,2	7,1	0,5	Распятие и 4 медальона	Богоматерь в рост с руками перед грудью и 4 медальона	2	ГИМ54746 оп.1985/1 Киев, Десятинная церковь
30	10,3	9,3	0,7	Распятие и 3 медальона	Богоматерь Одигитрия и 3 медальона	3	ГИМ7210 оп.1907/1 место находки неизвестно
31	8,3	7	0,5	Распятие, крест и 2 медальона		3	ГИМ25211 оп.1941/1 место находки неизвестно
32	8,3	7	0,4	Распятие (медальоны отсутствуют)	Богоматерь Одигитрия (медальоны отсутствуют)	3	ГИМ18178 оп.1721/4 место находки неизвестно
33	5	4,2	0,3	Распятие		3	ГИМ25798 оп.1670/4 Киевская губ., Княжая гора
34	11,2	9,8	0,4		Богоматерь Одигитрия и 3 медальона	4	ГИМ44192 оп.1926/1 место находки неизвестно
35	8,3	6,7	0,5	Распятие и 3 медальона	Богоматерь Одигитрия и 3 медальона	4	ГИМ42609 оп.2359/1 место находки неизвестно
36	8,2	7	0,4	Распятие и 3 медальона		4	ГИМ30266 оп.1938/1 место находки неизвестно
37	8,1	6,7	0,4	Распятие и 3 медальона	Богоматерь Одигитрия и 3 медальона	4	ГИМ44060 оп.1897/1 Киев, бл. Михайловского монастыря
38	8,1	7	0,4	Распятие и 3 медальона		4	ГИМ25793 оп.1670/10 место находки неизвестно
39	7,8	6,4	0,3	Распятие и 3 медальона	Богоматерь Одигитрия и 3 медальона	4	ГИМ26156 оп.1987/1 Киевская губ., г. Канев

1	2	3	4	5	6	7	8
40	7,5	6,5	0,5		Богоматерь Оди- гитрия и 3 медальона	4	ГИМ25796 оп.1670/6 Киевская губ., Княжая гора
41	6,6	5,4	0,4		Богоматерь в рост с руками перед грудью и 3 медальона	4	ГИМ97110 оп.856 Херсонес
42	6,3	5,2	0,4	Распятие и 3 медальона		4	ГИМ40881 оп.1895/1 место находки неизвестно
43	5,1	4	0,4	Распятие и 3 медальона		4	ГИМ104415 оп.2515/5 место находки неизвестно
44	6,4	5,4	0,4	Богоматерь в рост с руками перед грудью и 4 медальона	Распятие и 4 медальона	4	ГИМ39365 оп.2154/1 место находки неизвестно
45	8	6,8	0,4		Богоматерь Оди- гитрия и 3 медальона	4	ГИМ 2972щ оп.1890/1 место находки неизвестно

Литература

Асташова, Сарачева 2007 — *Асташова Н.И., Сарачева Т.Г.* Коллекция сирийских энколпионов в археологическом собрании ГИМ // *Sacrum et Profanum*. Вып. II. Сборник научных трудов. Религиозное мировоззрение в древнем и современном обществах: праздники и будни. Севастополь; Краков, 2007.

Гнутова 1993 — *Гнутова С.В.* Медная мелкая пластика Древней Руси (типология и бытование) // *Русское медное литье*. Вып. 1. М., 1993.

Гнутова, Зотова 2000 — *Гнутова С.В., Зотова Е.Я.* Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI — начала XX века. М., 2000.

Дончева-Петкова 1992 — *Дончева-Петкова Л.* Проблемы при производството на кръстове-энколпиони (материали, технологии, ателиета) // *Археология*. XXXIV. 4. София, 1992.

Ениосова и др. 1997 — *Ениосова Н.В., Колосков С.А., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г.* О применении рентгенофлуоресцентного энерго-дисперсного анализа в археологии // *Вестник МГУ. Серия История*. № 1. 1997.

Ениосова и др. 2004 — *Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г.* Источники поступления цветных металлов в средневековый Новгород // *Новгородские археологические чтения-2*. Великий Новгород, 2004.

Жарнов 2000 — *Жарнов Ю.Э.* Художественное медное литье из раскопок во Владимире-на-Клязьме // № 1. РА. 2000.

Зайцева, Сарачева 2003 — *Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г.* Цветной металл вятичей в XII–XIII вв. (сравнительно-исторический анализ городских и сельских материалов) // *Русь в XIII веке: древности темного времени*. М., 2003.

Зоценко 1981 — *Зоценко В.Н.* Об одном типе древнерусских энколпионов // *Древности Среднего Поднепровья*. Киев, 1981.

Корзухина, Пескова 2003 — *Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003.

Королева 1996 — *Королева Э.В.* Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // *Археологическое изучение Пскова*. Вып. 3. Т. 1. Псков, 1996.

Куницький 1990 — *Куницький В.А.* Близькосхідні енколпіони на території Південної Русі // *Археологія*. № 1. 1990.

Пуцко 1993 — *Пуцко В.Г.* О системном изучении русского художественного литья малых форм // *Русское медное литье*. Вып. 1. М., 1993.

- Равич 1982 — *Равич И.Г.* Исследование разрушения металлических изделий в зависимости от состава, технологии изготовления и условий хранения // Отчет сектора металлов ВНИИР. М., 1982.
- Рыбаков 1948 — *Рыбаков Б.А.* Ремесло древней Руси. М., 1948.
- Самойлов 1993 — *Самойлов Э.Ю.* Проблемы нормативного описания медного литья (мелкой пластики) // Русское медное литье. Вып. 1. М., 1993.
- Седова 1981 — *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
- Справочник... 1991 — Справочник молодого литейщика. М., 1991.
- Тетерятников 1993 — *Тетерятников В.М.* К вопросу о датировке древнерусской меднолитой пластики // Русское медное литье. Вып. 2. М., 1993.
- Урвачев и др. 1991 — *Урвачев В.П., Кочетков В.В., Горина Н.Б.* Ювелирное и художественное литье по выплавляемым моделям сплавов меди. Челябинск, 1991.
- Фролова 1993 — *Фролова Г.И.* К вопросу о технологии Выговского (поморского) медного литья // Русское медное литье. Вып. 2. М., 1993.
- Шемаханская 1993 — *Шемаханская М.С.* К вопросу о химико-технологической атрибуции медного художественного литья // Русское медное литье. Вып. 2. М., 1993.
- Шемаханская 2000 — *Шемаханская М.С.* Результаты химико-технологического анализа комплекса меднолитых энколпионов и крестов могильника в урочище «Погост» на Афанасовом поле в Радонеже // РА. № 1. 2000.
- Шемаханская и др. 1996 — *Шемаханская М.С., Дубровин А.Ф., Дубровин М.Ф., Равич И.Г.* Исследование металла древнерусской меднолитой мелкой пластики как основа ее атрибуции. Экспресс-информация. Вып. 5–6. М., 1996.
- Яacobсон 1959 — *Яacobсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. № 63. 1959.

Георгий Атанасов (Силистра)

СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ – ПЕШИЙ ВОИН-ЗМЕЕБОРЕЦ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИКОНОГРАФИИ, ПАМЯТНИКИ, СЕМАНТИКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ¹

Многие поколения специалистов интересуются темой змееборчества в средневековой литературе и христианском искусстве. Тем не менее, вопросы не только не иссякают, но и продолжают возникать вновь.

Прототипы образа змееборца (драконоборца) ищут в самых разных направлениях, причем взгляды часто устремлены к восточным божествам Митре, Персею, Хору, Таммузу и пр. (DACL. IV: 1537–1541; Kunstle 1926: 108–110; Cumont 1936: 5–51; Aufhauser 1911: 5; Myslivec 1933–1934: 325; Strzygowski 1902: 49–60; Merkelbach 1926: 245–246; Гошев 1929: 22). Действительно, столкновение Добра и Зла — извечная тема, занимавшая человечество с глубокой древности, но трудно себе представить контаминацию этого откровенно языческого образа с личностью св. Георгия или перенесение его черт на христианского мученика. Следует вспомнить, с каким вниманием следила официальная Церковь за посвященными ей литературными произведениями в V–X вв. В этом смысле, полное заимствование подобного, чисто языческого, сюжета представляется маловероятным. К настоящему времени не известно ни единого письменного памятника XI–XII вв., в котором содержался хотя бы намек на битву св. Георгия со змеем-драконом. Поэтому вполне логично возникает вопрос о содержании, времени возникновения и распространения этой иконографической темы.

Действительно, ранние литературные произведения на эту тему отсутствуют, но существует целый ряд росписей и рельефов Египта, Ближнего Востока, Каппадокии, Крыма, Закавказья и Македонии, датирующихся временем до XI в. и изображающих св. Георгия в виде змееборца или повергающим императора Диоклетиана. По сравнению со стабильностью сюжета «*Чудо о царской дочери*», эта сцена представлена здесь самым различным образом. Наиболее ранние рукописи, в которых мы находим этот рассказ, относятся к XI–XII вв. (Clermont-Ganneau 1876: 372–399; Kunstle 1926: 265; Reau 1958: 252; Forrer 1891 (цит. по: Гошев 1929: 11); Тодоров 1972: 103–126; Кирпичников 1879: 89–108; Delehayе 1909: 45–76). Эти старинные тексты повествуют, что при столкновении со змеем у озера св. Георгий, сотворив крестное знамение, произносит молитву: «*Господь Бог мой, погуби ужасного змия, чтобы уверовали эти неверные*». После его молитвы и по изволению Божию, зверь падает к его ногам поверженным и обессиленным, что позволяет царевне связать и отвести его на городскую площадь. Там, уже без всякого сопротивления, змей был повержен мечом святого. Как видно из письменного варианта легенды, здесь не идет речь о напряженном до крайнего предела противоборстве св. Георгия и зверя, изображенном с таким драматизмом в десятках произведений искусства.

Возникает проблема прототипов и идейных влияний. В этом смысле интересно мнение Й. Мысливца о том, что сцена со св. Георгием и царевной, ведущей змея к городу, имеет литературную основу, созданную в XI–XII вв., тогда как сцена драконоборчества, где святой поражает копьём зверя, несет в большей степени

¹ Эта статья является переработанным вариантом главы из монографии автора: *Атанасов Г. Свети Георги победоносец. Култ и образ в Православния изток през Средновековието*. Варна, 2002.

идейно-символический заряд и имеет более раннее возникновение (Myslivec 1933–1934: 374). Й. Ауфгаузер даже склонен предполагать, что рассматриваемый сюжет мог бы являться перевоплощением некоторых устных народных произведений периода VIII–XI вв. (Aufhauser 1911: 237, 245). Его современник и тонкий знаток средневекового искусства Я. Смирнов тоже допускает, что сюжет змееборчества св. Георгия возникает не ранее XI в. (Смирнов 1916: 145). В. Рыстенко идет еще дальше в своих рассуждениях, предполагая, что христианские тексты о царевне и драконе существовали еще до XI в. (Рыстенко 1902: 102, 191, 455–456). Не следует пренебрегать мнением о том, что сцена драконоборчества может быть столь древней, но нет серьезных оснований связывать ее на таком раннем этапе именно с легендой о царевне. Однако за последние десятилетия в науке утвердилось мнение В. Лазарева, М. Алпатовой и Й. Мысливца, что самые ранние художественные произведения о св. Георгии, воине и драконоборце, могут быть датированы не ранее первой половины IX и начала X в. (Myslivec 1933–1934: 304–312; Лазарев 1953: 200; Алпатов 1956: 293). Действительно, если буквально следовать датировке недавно открытых воплощений рассматриваемой темы в изобразительном искусстве, это выглядит именно так.

Авторы старшего поколения — Ш. Клермон-Гано, Р. Форер, О. Вульф, Е. Гайе, Еберс, Й. Стшиговский и др. — отстаивали мнение о существовании ранних художественных и литературных прототипов V–VII вв., но не смогли убедительно продемонстрировать ни одного изображения с сопутствующей надписью и бесспорно ранней датировкой (Clermont-Ganneau 1896: 372–379; Forrer 1891; Wulf 1909: 183, 191, Гошев 1929: 22). Мне остались недоступны исследования Еберса, Гайе и Кауфмана, о которых я могу судить лишь по монографии Й. Стшиговского о коптских памятниках с изображениями св. Георгия, которая была предоставлена мне при любезном содействии профессора Р. Пилингера из Вены (см.: Strzygovski 1902: 53). Впрочем, обнаруженные недавно керамические иконы в крепости Виницы, которые датируются некоторыми исследователями V–VI вв. и изображают св. Георгия, св. Феодора и св. Христофора в виде воинов-змееборцев (рис. 1: 1, 2) (Балабанов 1991: 15–16; Dimitrova 1992–1993: 64–65, fig. 12), отчасти могут подтверждать выводы тех исследователей, которые интуитивно предполагали раннее происхождение изучаемого сюжета.² Однако насколько ранним временем они датируются? Находки в Македонии, по нашему мнению, говорят о рубеже V–VI вв. как о *terminus post quem*, но действительно ли они являются первыми памятниками «драконоборческой» иконографии. Вряд ли! С определенностью можно утверждать, что мастера Виницы заимствовали свою технологию из мастерских Египта и Туниса (DACL. II: 2179–2187; DACL. VI: 1957–1959; Ferron, Pinard 1953: 97–110; Duval, Fevrier 1972: 33–34), где керамические иконки изготовлялись уже в V в. Надо учитывать, что среди экземпляров из Северной Африки часто встречается сцена «воин-всадник, поражающий змея» (рис. 1: 3, 4). Поэтому, после сделанных в Винице открытий, не следует быть столь критичными и хотя бы гипотетически стоит принять отождествление некоторых из безымянных святых-змееборцев V–VIII вв. со св. Георгием. В особенной степени это касается коптской ткани из Ахмима с датировкой конец IV–V в. и изображением, где пеший воин попирает и повергает змея (рис. 2: 1) (Forrer 1907: 159, pl. 46, 3; DACL. III: 3113). Стоит обратить внимание и на иконографическое сходство изображений каппадокийского святого на македонских плитках с другими его иконами VI–VII вв.

Действительно, молодое безбородое лицо, обрамленное кудрявыми волосами, очень напоминает ранние изображения святого из Бауита и с Синая. Более чем очевидным является сходство композиции сцены на плитках из Виницы с коптской тканью. На обоих изображениях святой одет в хитон и хламиду, в одной руке держит крест, а ногами попирает змея, поражая его копьем. Если на ткани из Ахмима действительно представлен св. Георгий, то можно полагать, что змееборческая иконография возникла еще в V в., когда были воздвигнуты первые, посвященные ему святилища на Ближнем Востоке. По этому фундаментальному вопросу мне, однако, трудно выразить окончательное мнение, так как на коптском памятнике отсутствует сопутствующая надпись.

Находки из Виницы не являются изолированным явлением, поскольку на литой форме из Смирны (нынешний Измир в Малой Азии), хранящейся теперь в Британском музее, св. Георгий изображен в виде пешего воина, попирающего ногами змея (Dalton 1901: 112, № 557). Здесь идентичность персонажа с каппадокийским святым является неоспоримой благодаря греческой надписи с именем святого. Датировка V–VI вв., базируется исключительно на стиливых признаках (форма попала в Британский музей от частного коллекционера), в силу чего тень сомнения продолжает тяготеть над ее достоверностью. Та же иконография засвидетельствована на другом памятнике с Ближнего Востока, относимом с большой вероятностью к VI–VIII вв. Речь идет о граффито Абдеха (рис. 2: 2) (Janseen, Savignac, Vincent 1905: 78;

² Ср.: *Walter Ch.* The warrior saints in Byzantine art and tradition. Aldershot, 2003. — *Ред.*

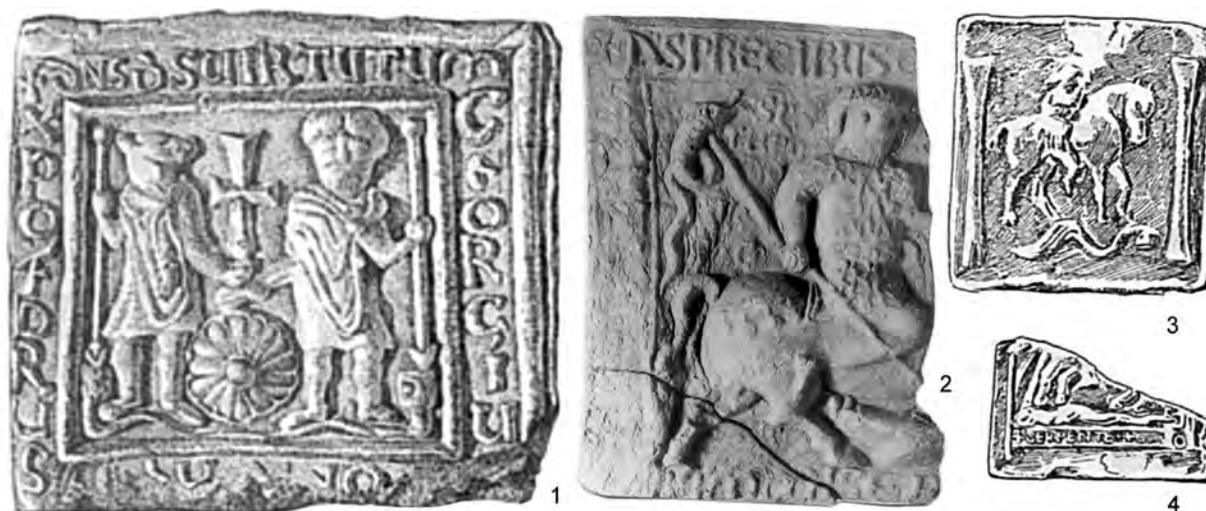

Рис. 1. Керамические иконы: 1–2 — крепость Виница: 1 — с изображением св. Георгия и св. Христофора (VI в.); 2 — с изображением св. Феодора; 3–4 — Северная Африка, с изображением св. Георгия? (V–VI вв.)

DACL. VI: 1497, fig. 5373), на котором изображение позы и вооружения каппадокийского воина очень схожи с изображенными на македонских иконках и на форме из Смирны. В одной руке он держит щит, а копье в другой вновь направлено в голову корчащегося под его ногами змия.

Вполне естественно возникает вопрос об идейных источниках этой иконографии. Очевидно, предположение о прямом заимствовании языческих мотивов преувеличено. Имея в виду насыщенную религиозным мистицизмом духовную среду Ближнего Востока IV–VI вв., можно полагать, что сюжет «Св. Георгий — воин и драконоборец» формировался под сильным воздействием библейских текстов. Наиболее ревностным сторонником этой гипотезы являлся И. Гошев (Гошев 1929: 24).

Сначала рассмотрим семантику дракона, змея и змеи в христианской символике и христианской иконографии. В отличие от положительного значения змеи (змея) в языческих греческо-римских, эллинистических и восточных культурах в целом, в христианстве образ змеи (змея) прочно ассоциируется с темными сатанинскими силами. В первое время эта идея многократно проводилась на самом авторитетном уровне в ветхозаветных и новозаветных библейских текстах. Естественно, христианские авторы уже с первых веков по Рождестве Христовом и вплоть до наших дней не то, что не могли пренебречь Священным Писанием, но были полностью охвачены проводимыми в нем внушениями. Еще в самом начале Ветхого Завета (Быт. 3: 18) змея (аллегория Сатаны) показана злой силой, доведшей человечество до первородного греха. Отсюда начинается эпическая борьба добрых начал, направляемых Богом, с темными сатанинскими страстями, которые ассоциируются преимущественно со старой змеей, с драконом и с многоглавым змеем, о котором в книге Исаи (Ис. 27: 1) утверждается, что тот будет убит самим Господом Богом. Там же повествуется, что имеющий явиться Спаситель сокрушит главу древнего змия.

Гораздо ярче эта тема присутствует в новозаветной литературе, где Иисус, ангелы и святые воюют против Сатаны, воплощенного в диких зверях и демонах. Наиболее образно борьба Добра со Злом проиллюстрирована в 12 и 13 главах Апокалипсиса. После появления Мессии Сатана бросает против него «большого красного дракона с семью головами и десятью рогами» (Откр. 12: 3) (аллегория Рима). Бог защищает своего Сына с помощью небесного воинства во главе с архангелом Михаилом: «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона... И низвержен был великий дракон древний змий, называемый диаволом и сатаною» (Откр. 12: 7–9). Борьба, однако, продолжается на земле, где змей передает свою силу и ярость страшному животному с телом леопарда, головой льва и лапами медведя. Оно продолжает преследовать христиан, воевать со святыми, которые терпят временные поражения, но все-таки с Божьей помощью, в конце концов, апокалиптическое чудовище падает поверженным.

Художественные перевоплощения этого сюжета, по-видимому, становятся популярными сразу после триумфа христианства, т. к. сам Константин Великий (306–337) велел изобразить себя на картине в виде победителя над драконом (Eusebios. Vita Constantini, I, III). Из сказанного Евсевием Кессарийским предполагается, что дракон — это тот самый коварный змей, о котором пишут пророки, являющийся

Рис. 2. 1 — коптская ткань из Ахмима (IV–V вв.); 2 — граффити из Абдеха (VI–VIII вв.); 3 — мозаика в архиепископском соборе в Равенне (V в.); 4 — глиняный светильник из Северной Африки (VI в.); 5 — монета Маркиана (450–457); 6 — монета Валентиниана III (421); 7 — фреска из Фараса (Нубия, VIII в.); 8 — часть диптиха из кости (VIII–IX вв.); 9 — монета Константина Великого (306–337); 10 — каролингский рельеф «арки Егенхарда» (начало IX в.)

олицетворением тиранов, безбожников и, наконец, самого Сатаны, против кого Господь Бог поднял великое и страшное оружие. Неясным остается лишь одно — пешим или всадником повергает дракона Константин Великий, но несколько изображений V–VI вв. подсказывают композицию сцены, изваянной перед императорским дворцом в Константинополе. На мозаике в архиепископском кафедральном соборе в Равенне Иисус представлен под триумфальной аркой, во весь рост, в императорских воинских одеждах — в лорике с длинным бронированным набедренником, высоких воинских сандалиях и хламиде,

скрепленной фибулой. На правом плече он несет крест, а в левой руке держит открытое Евангелие, где можно прочесть 6-й стих 14-й главы Евангелия от Иоанна: EGO SVM VIA VERITAS ET VITA («Я Есть Путь, и Истина, и Жизнь»). Ногами Сын Божий попирает змею и льва (рис. 2: 3) (Deichmann 1958: Taf. 217). В раннесредневековом искусстве очень редко можно встретить изображение Иисуса безбородым и с подобной прической (точно как у св. Константина Великого!) и в императорской воинской одежде, что делает мозаику из Равенны уникальным памятником. Таким образом, с одной стороны, здесь делается акцент на триумфе Христа над темными сатанинскими силами, а с другой — черты лица и одежда наводят на непосредственные ассоциации с изображением Константина Великого, выполненным согласно описанию Евсевия.

В общем, триумфальный образ Христа, победившего змея, массово тиражируется в раннехристианском искусстве V–VI вв., о чем свидетельствует целый ряд ранневизантийских глиняных светильников из восточных и североафриканских провинций (рис. 2: 4) (DACL. VII: 1172, fig. 6672–6678; DACL. II: 511–512, fig. 1390–1393; Hugel 1962: 73, № 92), рельеф над входной аркой баптистерия Равенны VI в. (Kunstle 1926a: 244–245, Abb. 3; Grabar 1971: 237–239, pl. XXVII: 1), церковные рельефы VI в. Сирии и Египта (Grabar 1970: 15–28) и пр. Таким образом, сюжет становится популярным в изобразительном искусстве, но особо широкий размах он находит в императорской иконографии. Все рассмотренные выше памятники дают основание думать, что сходство позы, одежды и креста в руке Константина Великого, изображенного на Мерсинском медальоне (Grabar 1951: 27–49, fig. 8), с портретом Христа на памятниках из Равенны совсем не случайно.

Очевидно, тенденция слияния образа Христа с императорской иконографией появляется сразу после Миланского эдикта (Boher 1964: 670–671; Grabar 1971: 195).³ Подобный подход аргументируется идеей о том, что император — это Божий наместник на Земле, а Иисус — Царь царей. Что же касается совпадения змеборческих сцен, то причины вполне объяснимы на фоне цитированных выше библейских текстов и описания Евсевия Кессарийского. Значит, как Бог воюет против Сатаны и его исчадий, так и христианские императоры ведут битвы, побеждая их земные воплощения — язычников, варваров и еретиков, вновь изображаемых в виде змия (Grabar 1971: 43–45). Еще на монетах, чеканившихся Константином Великим, воспроизведен аллегорический вариант его изображения перед императорским дворцом. На изображении представлен змей, очевидно, аллюзия с Максенцием Лицинием и язычниками, пронзенный императорским лабарумом (рис. 2: 5) (RIC 1966: 572, pl. 18–19). Из церковной истории известно, что перед решающей битвой против Максенция 28 октября 312 г., Константину явилось крестное знамение, он уверовал в Христа, осенил крестным знаком свой лабарум и добился замечательной победы. Дракона, поверженного именно лабарумом, видим и на изображении перед дворцом в Константинополе.

Таким образом, эта сцена приобретает большую популярность и массово тиражируется на нумизматических памятниках, чеканившихся наследниками Константина Великого, в частности, Валентианом III (425–455), Маркианом (450–457), Петронием Максимом (455) и др. (рис. 2: 6, 9) (Cohen 1955: № 8, 18). В отличие от аллегорических изображений на монетах Константина Великого, здесь действие полностью развернуто. Император представлен во весь рост и полном воинском облачении, попирающим ногами корчащегося змия. В правой руке он держит направленное на голову змея копье с крестом, а в левой — Викторию. Нельзя категорически утверждать, что этот, настойчиво повторяющийся в IV–V вв., сюжет, заимствован из композиции, воздвигнутой перед Большим дворцом. Если владетель и не был представлен в виде всадника, то, вероятнее всего, его изображение было сходно с тем на мозаике в Равенне и на монетах V в. Более важно, однако, отметить, что в IV–V вв. змеборческие портреты Христа или императоров в воинских одеждах и в виде пеших воинов занимают прочное место в официальном изобразительном искусстве. Кроме того, они оказывают большое эмоциональное воздействие на широкие круги верующих тогдашнего христианского мира путем их тиражирования на менее претенциозных предметах — глиняных светильниках, не говоря уже о монетах, которые попадают в самые удаленные края Византии и, может быть, в большей степени из всех прочих памятников содействуют популяризации змеборческой темы. А как раз в V–VI вв. тема борьбы против сатанинских сил их земных носителей — варваров, язычников и еретиков, ассоциируемых именно со змеем, является наиболее актуальной в жизни христианской империи. Иногда она становится столь напряженной, что ради победы в нее оказываются вовлеченными все земные и небесные силы. На переднем плане, рядом с Христом в виде драконоборца, изображаются архангелы, чаще всего — Михаил. Из вышесказанного

³ Иное мнение смотри: *Mathews Th. F. The clash of gods: a reinterpretation of early Christian art. Princeton (N.J.), 1993 — Прим. ред.*

видно, что идея заимствована прямо из Апокалипсиса, т. к. во время битвы против сатанинского зверя во главе ангелов стоит архангел Михаил, напутствуемый Господом Богом.

Самое раннее художественное воплощение этой сцены изображено на серебряной плитке (экзагии) VI в., хранящейся ныне в Британском музее (Dalton 1901: 97, № 483). Здесь архангелы Михаил и Гавриил представлены в рост в воинских доспехах, точно так же, как изображен и Иисус на равенских памятниках, причем под ногами первого показан апокалиптический зверь с головой льва, телом леопарда и лапами медведя. Однако, когда именно присоединяются к этой апокалиптической битве святые и, в частности, св. Георгий? Сегодня утвердилось мнение, что подобная идея могла быть реализована только к X в., когда св. Георгий и другие святые были причислены к почетной «лейб-гвардии» Богородицы и Христа во главе с архангелом Михаилом (Лазарев 1953: 201).

Однако хорошо известная икона с Синая дает основание полагать, что отождествление св. Георгия с ангельским воинством происходит значительно раньше. Составляя почетную стражу с обеих сторон Богородицы, св. Георгий и св. Феодор представлены в патрицианских одеждах, а не в воинской форме, за ними два ангела — в тех же одеждах. Бесспорно, что рассматриваемая иконография сформировалась под косвенным воздействием сказанного в двенадцатой главе Апокалипсиса о победной битве архангела Михаила и всего небесного воинства с сатанинским змеем в защите Богородицы и новорожденного Иисуса.

Следовательно, путь воинской змееборческой иконографии св. Георгия, св. Феодора и других воинов-святых оказывается идеологически обоснованным и широко открытым уже в VI в. В качестве доказательства нами был перечислен ряд художественных произведений, современных синайской иконе, где св. Георгий изображен одновременно как пеший воин и змееборец. Не исключено, что эта тема тоже была заимствована из Апокалипсиса, где надо искать корни змееборческой иконографии как Христа, так и архангела Михаила. И подобно тому, как роль Христа в рассматриваемом сюжете становится сущностью его земного наместника — ромейского императора, змееборчество переходит от небесного архистратига Михаила к его земным сподвижникам — святым воинам. Кстати, в V–VII вв. в виде воинов драконоборцев (демоноборцев) изображали не только св. Георгия, но и св. Христофора, св. Сисиния и др. (Dimitrova 1992–1993: 63–64, fig. 11, 12; Dalton 1901: 111, 175, № 548; Diehl 1910: 67, fig. 23). По-видимому, каппадокийский святой был идейно и художественно связан со змееборческой темой за несколько столетий до возникновения чуда о царевне.

В настоящее время мы не знаем, существовал ли письменный вариант ранней легенды о св. Георгии, чей сюжет был бы сходен с чудом о св. Феодоре, убившем евхитского дракона (VII в.) (Delahaye 1909: 20; несколько ранних изображений св. Феодора VI–VII вв. в виде пешего воина-змееборца см.: Ross 1965: 135–138, pl. XCVIII: n, f, а также — Zacos, Weglery 1972: 790–794, № 1282–1291, pl. 101). В настоящее время у нас нет подобной информации, хотя уже целое столетие идут углубленные поиски. Именно поэтому посмотрим внимательнее в изображения св. Георгия на памятниках из Виницы и Ахмима и сопоставим их с текстами Апокалипсиса. Опять же в главе 12: 10, после того, как сатанинский змей был низвержен с неба, сказано: *«ныне настало спасение и сила и царство Бога нашего и власть Христа Его, потому что низвержен клеветник братьев наших, клеветавший на них перед Богом нашим день и ночь»*. Из контекста подразумевается, что мученики становятся свидетелями победы над змеем, т. к. на греческом языке *martys* означает именно «свидетель», а позже слово приобретает значение «мученик».

Та же тема развивается и далее, уже на Земле, где сатанинский зверь продолжает битву со святыми. Ангел небесный предупреждает, что кто поклоняется зверю получит начертание и предстанет перед Страшным судом: *«...и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его. Здесь терпение святых, соблюдающих заповеди Божии и веру в Христа»* (Откр. 14: 11–12). Эпическая битва с сатанинским зверем на Земле заканчивается победой. Мученики — тоже среди победителей у Божьего престола: *«...увидел и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет»* (Откр. 20: 4).

На фоне этих текстов вполне объяснимо, почему на изображениях из Виницы и Ахмима св. Георгий держит в одной руке мученический крест, а в другой — копье, которым пронзает змия. Это может означать, что святой, благодаря своей ревностной вере и мученической смерти достигает бескровной победы над Сатаной, ассоциируемым со змеем. Тогда можно допустить, что древнего текста, повествующего о битве св. Георгия с неким драконом вообще не существовало, а изображаемая сцена V–X вв. — лишь аллегория новозаветного текста. Нами уже упоминалось, а дальше будут приведены и другие примеры, что хотя в житиях святых мучеников (Христофора, Димитрия, Пантелеймона) нет

и намек на драконоборческие подвиги, средневековые художники все же изображают их именно в такой иконографии. В то же время массово появляются сходные аллегорические фигуры на профанном уровне, и большинство христиан не в состоянии понять глубоко заложенную мистическую семантику сцены. Естественно, драматическое единоборство не могло не пленять и не будить фантазию зрителей. Поэтому, совсем не исключено, что под ее воздействием самобытные народные творцы фабриковали легендарные вымыслы. В этом смысле идея А. Кирпичникова о том, что чудо о св. Георгии и драконе формировалось не на основе литературных произведений, а на основе ранних изображений, не лишена смысла (Кирпичников 1879: 1–4). Даже если и существовала подобная легенда, то она, вероятно, долгое время оставалась только в устном народном творчестве. В противном случае, пристальный надзор, осуществляемый Православной Церковью за литературными произведениями, посвященными св. Георгию в V–IX вв., вряд ли мог бы упустить и не заклеить подобный сюжет. В сущности, исключая случай с царевной, среди более поздних чудес отсутствует письменная версия, доказывающая, что св. Георгий ведет напряженную битву, в ходе которой он копьем повергает змея. Все это наводит на мысль о том, что змеборческая сцена принадлежит к сугубо изобразительной традиции без широко распространенной литературной канвы. Как сюжет «Св. Георгий — пеший воин», так и сходная с ним иконография «Св. Георгий — пеший воин-змеборец», не находят отражения в собственно византийской среде в период VIII–X вв. Нами уже несколько раз указывалась причина этого явления, и она, на наш взгляд, связана преимущественно с позицией иконоборчества.

Стоит еще раз обратиться к культуре имперской периферии, остающейся вне зоны действия иконоборческого законодательства. Опять же в Египте (Нубия, кафедральный собор Фараса) находится хорошо сохранившееся фресковое панно VIII в., на котором св. Георгий представлен во весь рост, в виде пешего воина-змеборца (рис. 2: 7) (Jakobielski 1972: 67–72; Martens 1972: 209, 233–236). Он одет в тунику до колен, поверх которой видны латы с длинным набедренником из прямоугольных пластин. Сверху накинута обычная красная хламида, застегнутая на правом плече, а талия подпоясана поясом. Голова увенчана нимбом, вокруг которого читается надпись **ΟΑΓΙΟΣΓ** (?). Нижняя часть лица стерлась, но сохранилось изображение густых черных волос; четко выделяются глаза — большие, широко открытые, согласно восточной манере. Левой рукой святой держит на уровне ног круглый щит со стилизованным орнаментом, напоминающим Горгону, а правой — копье, устремленное к голове змея, корчащегося под его ногами. Персонификация является спорной из-за поврежденности изображения в области нижней части лица и плеч. Некоторые исследователи считают его изображением св. Феодора, но мнения авторов, считающих, что на этой росписи представлен св. Георгий, преобладают (Michalowski 1974: 124–128; Rassart-Debergh 1956: 221, 277, pl. XIV: d). М. Рассар-Деберг выражает сомнение, что эта фреска относится к IX в., и предлагает широкий временной интервал — вплоть до XII в.

Определенные стилевые особенности изображения святого и змея, а также детали одежды и вооружения, дают возможность, по нашему мнению, для более конкретных наблюдений. Так, например, тяжелый и длинный набедренник не является характерным для средневековых воинских портретов, но имеет очень близкий аналог в равеннской мозаике V в. Как уже упоминалось, здесь Иисус представлен в виде воина, повергающего змея. Змий на росписи Фараса имеет специфическую крупную голову с большими глазами. Вполне очевидным представляется сходство между ней и змеей на керамической иконе из Виницы. Она имеет сравнительно точную датировку — начало VI в., и на ней св. Георгий представлен попирающим змею ногами. Впрочем, мы видим ту же форму головы и тела и у пресмыкающегося на граффито из Абдеха, относимом к VII–VIII вв. Это изображение является самой поздней параллелью, т. к. после VII в. подобные иконографические приемы передачи зверя отсутствуют в ранневизантийском и средневизантийском искусстве, где св. Георгия часто изображали в виде пешего воина и всадника-змеборца. Щит, пояс и хламида не входят в противоречие с изображениями воинов-святых из Египта, датируемыми VI–VIII вв. Все это наводит нас на мысль, что фреску из Фараса можно отнести с большим основанием к ранним художественным проявлениям иконографии «Св. Георгий — воин и драконоборец», т. к. она находит свои основания среди памятников VI–VIII вв. Таким образом, это позволяет надежнее обосновать гипотезу, что Египет действительно являлся землей обетованной для иконографии каппадокийского святого, способствовавшей сохранению ряда доиконаборческих сюжетов.

Другим основным хранилищем архаичных изображений в VIII–IX вв. является Западная Европа, так как римско-католическая церковь остается верной иконопочитанию. Здесь змеборческая тема имела вековые традиции, и в период IX–XIV вв. очень часто воспроизводилась сцена, изображающая Христа (диптихи из кости VIII — начала IX в.) (рис. 2: 8) (Hubert, Porche, Volbach 1968: 229; Elbern 1962: Taf. 209, 213) или архангела Михаила (каролингский рельеф из кости начала IX в. и каменный рельеф

над Порто Аппия в Риме) (Gardner 1987: 199–208; Hubert, Porche, Volbach 1968: 223, fig. 212), попирающими сатанинских зверей (змею, дракона, змея).

Почти одновременно с каролингскими рельефами датируется и возведение так называемой арки Егенхарда — началом IX в. (Montesquiou-Fezensac 1949: 79–98, fig. 1; Grabar 1979: 75). В последнее время ее связывают со временем правления Людовика Благочестивого (830–840 гг.), но о том, как она выглядела, мы можем судить только по детальной гравюре, находящейся в Парижской Национальной библиотеке. Мы уже обращали внимание на то, что фигуры пеших воинов, изображенных на левом столбе арки, можно идентифицировать со св. Георгием и св. Феодором (Montesquiou-Fezensac 1956: 147; Montesquiou-Fezensac 1949: 94–95). Каппадокийский святой представлен в обычном для римских офицеров, но не употреблявшимся каролингами, полном боевом вооружении и снаряжении (рис. 2: 10). Неслучайно долгое время считалось, что этот монумент — дело римского зодчества. Тело святого красиво, гармонично и сильно, словно скульптор неуклонно следовал античным образцам. Характерная прическа, округлое молодое лицо, нимб и змей под его ногами святого бесспорно говорят о том, что автор имел в виду именно св. Георгия. В целом композиция сбалансирована и закончена, что подсказывает, что она взята в готовом виде из ранневизантийских образцов. С другой стороны, вооружение, одежда и особенно форма и художественное оформление щита напоминают в известной степени фреску в египетском кафедральном соборе Фараса VII–VIII вв. Различия в стилях профессиональных художников при дворе Людовика Благочестивого и коптских иконописцев очевидны. Вряд ли речь может идти о непосредственных контактах художников, несмотря на близкие датировки их произведений. Исходя прежде всего из особенностей одежды, я склонен думать, что и египетский художник, и каролингский скульптор испытали влияние одного и того же более раннего и довольно популярного раннехристианского памятника V–VI вв. Поэтому не исключено, что св. Георгия изображали именно в виде пешего воина и змееборца в таких известных храмах как мартирий в Лиде и храм в Шакке, где его изображение могло впечатлить художников и простых верующих. Не случайно коптский и западный художники воспроизводят аналогичным образом иконографическую схему, ряд деталей одежды и вооружения каппадокийского святого, но каждый из них пользуется выразительными средствами своего культурного круга. Впрочем, иконографическое сходство замечается и среди остальных изображений змееборческого сюжета, хотя они обнаружены в разных регионах и имеют относительно широкую хронологию. Таким образом, подтверждается предположение, что иконописцы конца V — начала IX в., испытали влияние одной и той же иконографии, одного и того же прототипа (?) и одной и той же идеологической концепции, но их отличают разные выразительные средства, художественный стиль и технические навыки. Указанные памятники в какой-то степени подтверждают идею о том, что в раннем Средневековье рассматриваемая иконография и присущая сцене св. Георгия пешего воина и змееборца семантика, проникают и утверждаются во всем христианском мире. Поэтому отсутствие изображений этой сцены на средне- и поздневизантийских памятниках (X–XV вв.) казалось странным и необъяснимым. Однако эта сцена продолжала существовать в Египте и Западной Европе, о чем свидетельствуют росписи XII в. в Бауите и на стенах собора «Сан Жак де Гюерет» во Франции (Brion-Guerry 1959: 46, pl. 46).

В самой Византии тема змееборчества находит яркие художественные выражения и после X в. Так, например, на мозаичных панно XI–XII вв., изображающих Страшный суд (Дафни, Сан-Марко в Венеции) (Лазарев 1986: 93, 121), подобно раннехристианским образцам V–VI вв., представляют Иисуса пешим воином, с крестом на плече, а под его ногами — корчащегося демон.

Еще более близка к иконографии «Св. Георгий — пеший воин и змееборец» выполненная низким рельефом фигура св. Гедеоны на рельефной византийской иконе XII–XIII вв. (Lange 1963: 93–94). Ветхозаветный судья изображен в виде воина, повергающего дракона. Опять из Священного Писания становится ясно, что змей является аллегорией сатанинских сил (богохульников и поклонников Ваала), уничтоженных Гедеоном с Божией помощью и при содействии архангела Михаила. Аналогичным образом изображен и св. Пантелеймон в начале XI в. на миниатюре из мениологии императора Василия II (Ševčenko 1962: 265). Хотя он и изображен в священнических одеждах, но вооружен копьем и поражает змея.

Эти памятники, некоторые из которых весьма официозные, являются неопровержимым доказательством того, что тема покаяния бесовских существ не раз разрабатывалась в средневизантийском искусстве. Поэтому обнаружение памятников с образом св. Георгия, выполненным в той же иконографии, было вопросом времени и удачи. Действительно, этот пробел в змееборческой тематике был заполнен целым рядом свинцовых иконок, открытых в Добрудже (Атанасов 1992: 36–44). Одна из них обнаружена в летописном Доростоле (рис. 3: 1), а остальные — в небольших окрестных крепостях Попин (рис. 3: 2), Скала (рис. 3: 3, 4) и Средище (рис. 3: 6). Для точной датировки наибольшее значение

имеют иконки из Скалы, обнаруженные во время археологических раскопок. Укрепление возникло в середине средневекового пути в направлении Преслав—Плиска—Дрыстр в первой половине X в., было сожжено и окончательно оставлено во время печенежского нашествия 1036 г. (Йотов, Атанасов 1988: 98–101; Diaconu 1970: 44–54; Атанасов 1991: 79). Тогда же прекращается жизнь и в двух других крепостях недалеко от Попина и Средище (Атанасов 1992: 18–19; Атанасов 1991: 77, 79), так что свинцовые иконки можно датировать в интервале между второй половиной X в. и 1036 г.⁴ На лицевых сторонах всех экземпляров представлен св. Георгий с нимбом, в кольчуге, бронированном набедреннике, хламиде. Левой рукой близко к ногам он держит большой круглый щит с хорошо заметным умбоном, а правой сжимает копьё, воткнутое в широко разинутую пасть однорогого змея. На каждом из экземпляров с двух сторон нимба новым греческим унициалом написано: **ΟΑ(ΓΝΟΣ) ΓΕ ΟΡΓΝΟΣ**. На оборотной стороне, в прямоугольном, обрамленном двойной линией поле гравирован трехступенчатый голгофский триумфальный крест. Вершины ветвей креста расцвели в виде трех сферических бутонов. Из-под его подножия в противоположные стороны извиваются два симметричных акантовых листа, которые почти заполняют нижнюю часть пространства между ветвями. В его верхней части новым греческим унициалом нанесены буквы **ΙΣ ΧΣ ΝΗ** (с лигатурой) **ΚΑ**.

Иконки из Силистры, Попины и Средище имеют одинаковые размеры, изображения и надписи. Совпадают также детали одежды, элементы вооружения, начертание букв и даже изгибы орнаментов и число поделочных жемчугов на периферии. Все это наводит на мысль, что они произведены в одной и той же мастерской, и вовсе не исключено, что они были отлиты в одной и той же литейной форме. Поскольку не обнаружены ни образец, ни литейные формы для их изготовления, мы можем только делать предположения о местонахождении этой мастерской. Вероятнее всего, она находилась в Дрыстре, так как он был одним из самых значимых политических и религиозных центров на Балканах в X–XI вв. (Мутафчиев 1970: 37).

Кроме того, судя по находкам нескольких экземпляров, формочек, заготовок энколпионов и множества свинцовых слитков и готовых изделий — крестов и медальонов, по-видимому, именно здесь существовала мастерская по изготовлению свинцовых культовых предметов (Атанасов 1988: 79–80; Атанасов 1992: 247–248, обр. 1). Известно также, что в XII в. сам константинопольский патриарх восхищался некоторыми произведениями мелкой пластики Дрыстра (Shepard 1979: 219–221).

Свинцовые предметы культа отливались и в крепостях, находившихся на линии: Дрыстр—Плиска—Преслав. В Средище тоже были открыты заготовки крестов и медальонов; того же происхождения — и одна из иконок.

Необходимо отметить, что в крепости недалеко от Цар Асен, находящейся между Дрыстром и Скалой, наряду с заготовками крестов и медальонов, была обнаружена свинцовая пластина, на которой был выгравирован змей с вонзенным в нем копьём (рис. 3: 5) (Атанасов 1990: 45, обр. 3). Принимая во внимание, что в эпоху Средневековья действовали и странствующие мастера (Атанасов 1992: 38), вполне очевидно, что нельзя однозначно определить мастерскую, где изготовлялись иконки. Зато определенно можно утверждать, что существуют серьезные основания полагать, что в Южной Добрудже этого времени проживали мастера культовой свинцовой пластики. Они были хорошими художниками и искусными мастерами, о чем свидетельствуют качественные отливки и умелый и точный контур исполнения композиций на обеих сторонах находок. Очевидными являются некоторые стилистические приемы, дающие представление о времени их исполнения. В изображении св. Георгия замечается определенная возвышенность и застывшая торжественность, граничащая со спиритуализмом. Если учесть и тонкие и удлиненные пропорции изваяния лица, угадываются некоторые характерные особенности византийского искусства эпохи позднего македонского стиля. Все это дает основания датировать эти изделия концом X — началом XI в. (Лазарев 1986: 71, 87; Diehl 1910: 295–297; Restle 1978: 1089, 1096–1098).

Того же времени и иконка из Скалы, но она — изделие другой мастерской, в которой, очевидно, работал менее профессиональный мастер. Иконографические схемы одинаковы, размеры схожи, но надписи сделаны зеркально, пропорции тела нарушены, одежда выглядит декорированной, отсутствует обрамление голгофского креста. По-видимому, местный мастер попытался сделать копию иконки из Дрыстра, однако на конечном результате сказались его скудные технические навыки. Во время раскопок здесь был обнаружен фрагмент еще одной иконки, изображение на которой выполнено более профессионально. Не исключено, что либо она, либо какой-нибудь другой предмет были использованы

⁴ Здесь я не считаю нужным комментировать недоказанные предположения К. Тотева о том, что датировку этих иконок следует отнести к XII–XIII вв., т. к. ни одна из них не была обнаружена в местах с датировкой позже середины XI в. или хотя бы в этом горизонте (Тотев 2000: 366–368; ср.: Атанасов 2004: 82–88).

Рис. 3. Свинцовые иконки из региона Силистры (Добруджа): 1, 7 – Дрыстр / Силистра; 2 – Попин; 3–4 – Скала; 5 – крепость Цар Асен; 6 – Средище. 1–4, 6, 7 – конец X – начало XI в., 5 – X в.

в качестве образца. Следует отметить, что в Скале в массовом порядке создавались свинцовые культовые предметы с использованием техники литья, о чем говорит большое число найденных свинцовых слитков, выплесков и несколько заготовок медальонов.

Трудно добавить что-либо к вышесказанному о семантике изображений. Подобно раннехристианским памятникам V–VIII вв. и здесь св. Георгий представлен как победитель сатанинских сил. Основания для более точной датировки и окончательного прояснения смысла изображения дает образ на оборотной стороне «добруджанских» иконок. Голгофский крест с вершинами ветвей в виде распущенных бутонов и изображением акантовых пальметных листьев на подножии довольно популярен в христианском искусстве Средневековья. Его можно увидеть на многих ставроотеках, печатях, росписях, миниатюрах, иконках и т.п. (Банк 1978: 31–33, рис. 9, 11–13, Тотев 1988: 34; Атанасов 1994: 49–50, обр. 1; Византийский Херсон 1991: 82, № 81; Лихачёва 1977: 13, 97; Spatharakis 1974: 98, fig. 1; Laurent 1981: № 52, 56, 249, 463, 770, 779, 888).

Мы допускаем, что своей композицией этот тип креста символизирует христианский триумф, всепобеждающую христианскую веру, дающую жизнь всем живым существам (Лихачёва 1977: 31–33, рис. 9, 11–13). Кстати, и буквы **IC XC NH KA** подтверждают эту семантику и определяют нижнюю хронологическую границу началом X в. (Frolow 1956: 98–113; Spatharakis 1974: 98–103). Если в VI–VIII вв. пальметты были короткими и упрощенными, к X–XI вв. они становятся более крупными, свободно раскинутыми и превращаются в аканты (Millet 1910: 104–106, fig. 1–5). Именно в таком виде и довольно часто они завершают композицию голгофских крестов на ставроотеках конца X–XI вв. (Банк 1978: 31–33, рис. 9, 11–13). Это позволяет предполагать, что именно неизвестная нам ставроотека с мощами св. Георгия могла бы быть прообразом свинцовых иконок из Южной Добруджи. Важным представляется то, что лейтмотив композиции — христианский триумф, запечатлен победным голгофским крестом на оборотной стороне иконок. Его воздействие еще больше усиливается надписью **NHKA**, являющейся победоносным возгласом воинов во время битвы (Cheynet 1992: 67–78).

Соединение креста с покровителем христианского войска кажется вполне естественной. Следуя этой логике рассуждений можно заключить, что изображения на обеих сторонах дополняют друг друга и приобретают определенное содержание — во имя христианства, со всепобеждающей силой креста и помощью Христовой, св. Георгий становится победителем змея, т. е. язычников, варваров, кочевников и еретиков. Кстати, согласно легенде о чуде св. Георгия, каппадокийский святой повергает дракона именно силою крестного знамения и молитвою. Как уже упоминалось, уже на ранних изображениях V–VI вв. видно, что крест является неотъемлемым дополнением к копьё в змеборческой сцене.

И все же сходство между ранними памятниками (иконки из Виноци, ткани из Амхима) и свинцовыми иконками из Добруджи может оказаться лишь формальным, т. к. первые происходят из культурного ареала римской и коптской церквей, а вторые, конца X в., по уникальным греческим надписям и стилистическим признакам восходят к византийскому культурному кругу и древнеболгарскому искусству, которое в свою очередь испытало сильное влияние византийского искусства. По этой причине, нам кажется минимальной возможность поиска их параллелей среди западноевропейских и египетских памятников V–VIII вв. Хотя в эту эпоху Добруджа находилась в политических и культурных границах Болгарии и Византии, на ее территории не было обнаружено памятников ранее XIII в., которые бы восходили к западному искусству. Именно поэтому я склонен искать первоисточник оригинальной иконографии св. Георгия, представленной на иконках из Силистры, Скалы, Попины и Средище, среди работ византийского культурного круга и их древнеболгарских реплик X–XI вв. Однако существуют мнения, что столичное византийское искусство X–XIII вв. скептически относилось к теме змеборчества. Оно воспринимало св. Георгия как пешего воина и воина-всадника, но избегало изображать змея, считая его апокрифическим персонажем (Лазарев 1953: 206–207; Даркевич 1975: 147–149). Если это действительно так, то возникает вопрос: откуда, когда и каким образом совершилась «иконографическая компиляция» св. Георгия пешего воина и змеборца? Существует достаточно доказательств того, что к концу IX–X в. в восточных провинциях становится популярной иконография «св. Георгий воин-всадник и драконоборец». Не исключено, что к тому же времени и к тому же региону относится и другая иконографическая редакция — «св. Георгий — пеший воин и змеборец». Как уже упоминалось, она была распространена в VI–VIII вв. и сохранилась в отдаленных провинциях Империи в эпоху иконоборчества VIII–IX вв. Учитывая, что постиконоборческое искусство заимствовало темы и сюжеты, сохранившиеся на Западе и Востоке, мы не усматриваем причин, которые могли бы препятствовать художественному возрождению изучаемого сюжета. Будучи изображенным на каком-нибудь достаточно авторитетном памятнике, возможно, на ставроотеке, на что указывает композиция «добруджанских» икон, этот сюжет мог бы занять прочное место и в искусстве средневизантийской эпохи, будучи воспроизведенным на романских и коптских памятниках того времени. Во время интенсивного обмена между болгарскими территориями и Византией в X–XI вв., он мог бы получить распространение и в Добрудже. Не следует забывать, что все свинцовые иконки были обнаружены в крепостях, где в 971 и особенно около 1000 г. размещались византийские гарнизоны (Божилов 1979: 120; Атанасов 1991: 78–79). В то время ромейская армия была разнородной по своему составу — в ее состав входили воины из разных частей империи, но все они почитали св. Георгия как своего покровителя. Основным возражением против такого подхода может быть только отсутствие других византийских памятников с иконографией св. Георгия, пешего воина и змеборца, датируемых временем после VII–VIII вв. Подобных памятников не найдено и в странах византийского культурного круга — России, Грузии, Армении, Сербии и др. На этом фоне иконки из Добруджи выглядят как местный феномен, что, в свою очередь, требует выдвижения еще

одной гипотезы, а именно: в конце X — начале XI в. встречаются оба воинских портрета св. Георгия — официальный, изображающий его пешим, и т.н. каппадокийский, представляющий святого в виде всадника и змееборца.

Действительно, в регионе обнаружены памятники обеих иконографий. Как уже упоминалось, на иконах, энколпионах и многочисленных свинцовых печатях св. Георгий изображен пешим, а впоследствии он превращается во всадника-змееборца на граффити и медальонах. Все это дает основание думать, что после середины IX в., вне прямого влияния раннехристианских, каролингских и коптских памятников, именно в Добрудже возникает и распространяется иконография «Св. Георгий — пеший воин и змееборец». В качестве доказательства можно назвать как конкретные, так и более общие причины политического и религиозного характера. Например, можно полагать, что пеший змееборец был патроном пехоты, а всадник-змееборец — конной армии. Что касается змееборчества, нужно иметь в виду и местную «добруджанскую» действительность второй половины X — первой половины XI в. Это столетие является одним из самых драматичных в судьбе северо-востока Болгарии — непрерывные войны, мощные еретические движения (богомилство) и периодические нашествия варваров-язычников, в частности, русско-варяжских дружин Святослава и печенежских полчищ. В этом смысле, местное болгарское население и размещенные здесь в 971 г. византийские гарнизоны, оставшиеся еще на долгое время после 1000 г., испытывали насущную потребность в покровительстве святого война, который мог бы победить еретиков и язычников в образе змия.

Подобная хронологическая и географическая интерпретация сюжета «Св. Георгий — пеший воин и змееборец» обретает свое вполне конкретное содержание и точный адрес. В настоящее время представляется, что речь идет о местном феномене, связанном с возникновением новой и кратковременной редакции одного из сюжетов раннехристианской иконографии, которая не находит широкого отражения в ранне- и поздневизантийском искусстве. По-видимому, причина этого кроется во всеобщем господстве сюжета с конным св. Георгием-драконоборцем, являющимся более эффективным и гораздо сильнее подчеркивающим победу добра над злом.

Литература

- Алпатов 1956 — *Алпатов М.В.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и древней Руси // ТОДРЛ. XII. 1956.
- Атанасов 1988 — *Атанасов Г.* Раннесредновековни амулети от Дръстър // ИНМВ. 24. 1988.
- Атанасов 1990 — *Атанасов Г.* Сребърен медалион с образите на пророк Даниил и свети Георги от раннесредновековната крепост до с. Цар Асен, Силистренско // Археология. 3. София, 1990.
- Атанасов 1991 — *Атанасов Г.* Етнодемографски промени в Добруджа // ИПр. 2. 1991.
- Атанасов 1992 — *Атанасов Г.* Поглед към добруджанския дунавски бряг от XI до XV век // ИПр. 8–9. 1992.
- Атанасов 1992 — *Атанасов Г.* Раннесредновековни оловни иконки със св. Георги-воин от Южна Добруджа // Археология. 3. София, 1992.
- Атанасов 1992 — *Атанасов Г.* Средновековни кръстове — энколпиони от Силистра // ИНМВ. 28. 1992.
- Атанасов 1994 — *Атанасов Г.* Раннесредновековна оловна иконка със св. Пантелеймон // Археология. 2. София, 1994.
- Атанасов 2004 — *Атанасов Г.* Свети Георги Победоносец — спорни иконографии и датировки // Археология. 3–4. София, 2004.
- Балабанов 1991 — *Балабанов К.* Теракотни икони од Винаца. Скопје, 1991.
- Банк 1978 — *Банк А.В.* Прикладное искусство Византии IX–XII вв. М., 1978.
- Божилев 1979 — *Божилев И.* Анонимът на Хазе. България и Византия на Долния Дунав в края на X в. София, 1979.
- Византийский Херсон 1991 — *Византийский Херсон.* М., 1991.
- Гошев 1929 — *Гошев И.* Един средновековен барелеф от Созопол. Принос към иконографията на драконопобедителите конници Св. Георги и Св. Димитър във византийското изкуство. София, 1929.
- Даркевич 1975 — *Даркевич В.П.* Светское искусство Византии. М., 1975.
- Йотов, Атанасов 1988 — *Йотов В., Атанасов Г.* Скала. Крепост от X–XI век до с. Кладенци, Тервелско. София, 1988.

- Кирпичников 1879 — *Кирпичников А.И.* Св. Георгий и Егорий Храбрый. Исследование литературной истории христианской легенды. СПб., 1879.
- Лазарев 1953 — *Лазарев В.Н.* Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // ВВ. VI. 1953.
- Лазарев 1986 — *Лазарев В.Н.* История византийской живописи. М., 1986.
- Лихачёва 1977 — *Лихачёва В.Д.* Искусство на Византия. София, 1977.
- Мутафчиев 1970 — *Мутафчиев П.* Съдбините на средновековния Дръстър // Избрани произведения. II. София, 1970.
- Рыстенко 1902 — *Рыстенко А.В.* Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славянорусской литературе. Одесса, 1902.
- Смирнов 1916 — *Смирнов Я.И.* Устюжские изваяния св. Георгия Московского Большого Успенского Собора // ТИМАО. XXV. 1916.
- Тодоров 1972 — *Тодоров Е.* Древнотракийското наследство в българския фолклор. Легендата за убиването на дракона от св. Георги // Проблеми на българския фолклор. София, 1972.
- Тотев 1988 — *Тотев К.* Преславската керамична икона. София, 1988.
- Тотев 2000 — *Тотев К.* Средновековные византийские свинцовые иконы из северо-восточной Болгарии // МАИЭТ. Вып. VII. 2000.
- Aufhauser 1911 — *Aufhauser J.* Das Drachenwunder des heilige Georg in der griechischen und latenischen Überlieferung. Leipzig, 1911.
- Boher 1964 — *Boher K.* Rheinische Grabmäler der Merowingerzeit als Zeugnisse des frühen frankischen Christentums // Das erste Jahrtausend Kultur und Kunst im werdenden Abendland an Rhein und Ruhr. II. Düsseldorf, 1964.
- Brion-Guerry 1959 — *Brion-Guerry L.* Fresques romanes de France. Milan; Paris, 1959.
- Cheyne 1992 — *Cheyne J.C.* Quelques remarques sur la culte de la croix en Asie Mineure au Xe siècle // Histoire et culture chrétienne. Paris, 1992.
- Clermont-Ganneau 1876 — *Clermont-Ganneau Ch.* Horus et St. Georges d'après un bas-relief inédit du Louvre // Revue archéologique. 32. 1876.
- Cohen 1955 — *Cohen H.* Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain. Paris, 1955.
- Cumont 1936 — *Cumont F.* La plus ancienne légende de saint Georges // RHR. 114. 1936.
- Dalton 1901 — *Dalton O.* Catalogue of Early Christian Antiquities and Objects from the Christian East in the British Museum. London, 1901.
- Deichmann 1958 — *Deichmann F.W.* Frühchristliche Bauten und Mosaiken von Ravenna. Baden-Baden, 1958.
- Delehay 1909 — *Delehay H.* Les légendes grecques des saintes militaires. Paris, 1909.
- Diaconu 1970 — *Diaconu P.* Les petchenegues au Bas-Danube. Bucarest, 1970.
- Diehl 1910 — *Diehl Ch.* Manuel d'art byzantin. Paris, 1910.
- Dimitrova 1992–1993 — *Dimitrova E.* The Relief Terracotta Plaques from Vinica // Starinar. XLIII/XLIV. 1992–1993.
- Duval, Fevrier 1972 — *Duval N., Fevrier P.* Le décor de monuments chrétiens d'Afrique (Algérie, Tunisie) // Actes de VIII CIAC. Barcelona, 1972.
- Elbern 1962 — *Elbern V.* Das erste Jahrtausend Kultur und Kunst im werdenden Abendland an Rhein und Ruhr. I. Düsseldorf, 1962.
- Ferron, Pinard 1953 — *Ferron J., Pinard M.* Plaques de terre cuite préfabriquées d'époque byzantine découvertes à Carthage // Cahiers de Byrsa. II. Paris, 1953.
- Forrer 1891 — *Forrer R.* Romanische und byzantinische Seidentextilien aus dem Gräberfelde // Achmim-Panopolis. Strassburg, 1891.
- Forrer 1907 — *Forrer R.* Reallexikon der prähistorischen, klassischen und frühchristlichen Alterthümer, VIII. Berlin, 1907.
- Frolow 1956 — *Frolow A.* IC XC NI KA // Byzantionoslavica. XVII. 1956.
- Gardner 1987 — *Gardner J.* An Introduction to the Iconography of the Medieval Italia City Gale // DOP. 41. 1987.
- Grabar 1951 — *Grabar A.* Un médaillon en or provenant de Mersine en Cilicie // DOP. 6. 1951.
- Grabar 1970 — *Grabar A.* Deux portails sculptés paléochrétiens d'Égypte et d'Asie Mineure et les portails Romains // CA. XX. 1970.
- Grabar 1971 — *Grabar A.* L'Empereur dans l'art byzantin. London, 1971.

- Grabar 1979 — *Grabar A.* Observation sur l'arc de triomphe de la croix dit arc d'Eginhard et sur d'autres bases de la croix // CA. XXVII. 1979.
- Hubert, Porche, Volbach 1968 — *Hubert J., Porche J., Volbach W.* L'Empire Carolingien. Paris, 1968.
- Hugel 1962 — *Hugel V.* Frühchristliche Kunst aus Rom. Essen, 1962.
- Jakobielski 1972 — *Jakobielski S.* Faras. III. Warszawa, 1972.
- Janseen, Savignac, Vincent 1905 — *Janseen A., Savignac R., Vincent H.* Abdeh // Revue biblique. II. 1905.
- Kunstle 1926a — *Kunstle K.* Ikonographie der christlichen Kunst. Freiburg, 1926.
- Kunstle 1926b — *Kunstle K.* Ikonographie der Heiligen. Freiburg, 1926.
- Lange 1963 — *Lange R.* Die byzantinsche Relieffikone. Recklinghausen, 1963.
- Laurent 1981 — *Laurent V.* Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. II. Paris, 1981.
- Martens 1972 — *Martens M.* Observation sur la compositions du visage dans les peintures de Faras (VIIIe–IXe siècles) // ET. VI. 1972.
- Merkelbach 1926 — *Merkelbach R.* Drasche // RAC. IV. 1926.
- Michalowski 1974 — *Michalowski K.* Faras. Die Wandbilder in den Sammlungen die Nationalmuseums zu Warschau. Warszawa–Dresden, 1974.
- Millet 1910 — *Millet G.* Les iconoclastes et la croix: à propos d'une inscription de Cappadoce // BCH. XXXIV. 1910.
- Montesquiou-Fezensac 1949 — *Montesquiou-Fezensac B.* L'arc triomphale d'Eginhardus // CA. IV. 1949.
- Montesquiou-Fezensac 1956 — *Montesquiou-Fezensac B.* L'arc d'Egenhard // CA. VIII. 1956.
- Myslivec 1933–1934 — *Myslivec J.* Svaty Jirie ve vychodokrestanském umění // Byzantinoslavica. V. 1933–1934.
- Rassart-Debergh 1956 — *Rassart-Debergh M.* La peinture copte avant le XIIe siècle // Les peintures des couvents du desert d'Esna. Caire, 1956.
- Reau 1958 — *Reau L.* Georges // Iconographie de l'art chrétien. III-2. 1958.
- Restle 1978 — *Restle M.* Kappadokien // Reallexikon zur byzantinischen Kunst. III-23. 1978.
- Ross 1965 — *Ross M.* Catalogue of Early Christian Objects in the Collection of Dumbarton Oaks. II. Washington, 1965.
- Ševčenko 1962 — *Ševčenko I.* The Illuminators of the Menologium of Basil II // DOP. XVI. 1962.
- Shepard 1979 — *Shepard A.* Tzetzes' Letters to Leo at Dristra // Byzantinische Forschungen. VI. 1979.
- Spatharakis 1974 — *Spatharakis I.* The Portrait and the Date of Codex Par. Gr. 510 // CA. XXIII. 1974.
- Strzygowski 1902 — *Strzygowski J.* Der koptische Reiterheilige und der hl. Georg // Zeitschrift für ägyptische Sprache. XL. 1902.
- Wulff 1909 — *Wulff O.* Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke. I. Berlin, 1909.
- Zacos, Weglery 1972 — *Zacos G., Weglery A.* Byzantine Lead Seals. I. 2. Basel, 1972.

Е.М. Веремейчик (Чернигов)

ПРЕДМЕТЫ ХРИСТИАНСКОГО КУЛЬТА XI–XIII вв. НА СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ЧЕРНИГОВСКОГО ПОЛЕСЬЯ

Результаты археологических исследований сельских памятников, представленных поселениями и могильниками разных регионов Древней Руси, существенно изменили наши представления о религиозном сознании жителей деревни в домонгольское время. Убедительные попытки решения этих вопросов с широким использованием археологических материалов на территории Новгородской земли и Белозерья были предприняты в последнее время в специальных исследованиях (Мусин 2002; Макаров 2004).

На сельских поселениях Черниговского Полесья немногочисленную, но весьма показательную группу составляют предметы христианского культа. К ним относятся и предметы личного благочестия (кресты-энколпионы, кресты-тельники, иконки), и детали церковной утвари (фрагменты хоросов, части кадил-кацей, лампадка) (рис. 1). Большинство предметов христианского культа обнаружено при археологических разведках и раскопках сельских поселений. Кроме этого, в настоящей сводке учитывались и случайные находки с селищ, хранящиеся в фондах Черниговского исторического музея имени В.В. Тарновского.

Следует отметить, что в настоящее время источниковая база данного направления исследований намного шире отраженной в данной статье. Так, по сведениям Ю.С. Виноградского, в начале XX в. на поселении «Баба» среди многочисленных предметов древнерусского времени местные жители нашли, по-видимому, и крест-энколпион (Виноградский 1928: 165; Веремейчик 1990: 48). Заслуживает внимания и находка клада 1958 г. в окрестностях Любеча, в 1,5 км к северо-востоку от центра летописного Любеча, в состав которого входил навесной цилиндрический замок, три обломка лампы, две створки от разных энколпионов и 3 бесформенных слитка оплавленной бронзы (Ширинский 1997: 156–161). В связи с тем, что рядом с местом находки поселения не выявлено, предметы культа, найденные под Любечем, в предоставленном сообщении не рассматриваются.

На поселениях региона найдено 7 крестов-энколпионов.

1. При обследовании поселения XI–XIII вв. в урочище Ланок, расположенного на мысу правого берега р. Хмельница (бассейн р. Белоус), обнаружен целый энколпион, размерами 7 x 5,8 см (с петлями — 9,2 x 5,8 см) (Шекун 1981: 322) (рис. 2: 1). Обе створки отлиты из многокомпонентного сплава Cu+Pb+Zn+Sn¹. Энколпион с прямоугольными, слегка расширяющимися концами, с рельефными изображениями, доработанными резцом. На лицевой стороне помещено изображение распятого Христа в колбее на фоне выделенного Крестного дерева с подножием и возглавием, по бокам фигуры предстоящих Богородицы и Иоанна Богослова. Под руками Христа — углубленная греческая надпись (Ин. 19: 26–27). Над Распятием — символы солнца и луны. На оборотной створке — центральное изображение Богородицы Оранты дополняется четырьмя погрудными изображениями евангелистов в медальонах на концах створки, сопровождающимися буквенными обозначениями (Корзухина, Пескова 2003: 46). Этот экземпляр относится к группе византийских энколпионов (тип I.1) и датируется XI–XII вв.

Остальные кресты-энколпионы, найденные на сельских поселениях центральных районов Черниговской земли, изготавливались на территории Руси.

¹ Определение металла проводил Р.С. Орлов.

Рис. 1. Распространение предметов христианского культа на сельских поселениях Черниговского Полесья: 1 — Клонов, 2 — Лесковое, 3 — Очеретяная Гора, 4 — Сибереж, 5 — Ланок, 6 — Шумлай, 7 — Масаны, 8 — Ров-2, 9 — Шестовица-Пойма, 10 — Селище, 11 — Овраменков Круг, 12 — Автуничи, 13 — Горица, 14 — Растереб, 15 — Волынка 1.
Условные обозначения: а — поселение, б — энколпион, в — церковная утварь, г — иконка, д — крест-тельник

2. Из поселка Масаны под Черниговом происходит оборотная створка энколпиона с высоким рельефом (случайная находка на частной усадьбе поселка, на берегу ручья в бассейне р. Белоус) (ЧИМ, № Арх. 794) (рис. 2: 2, 3). На створке, небрежно отлитой из медного сплава (на внутренней стороне отчетливо видны заплата из металла), — изображение Богоматери Одигитрии в рост и трех святых в медальонах. Размеры створки — 7,8 x 7 см (с петлями 9,5 x 7 см). Энколпион (тип II.1 по Г.Ф. Корзухиной и А.А. Песковой), по-видимому, представляет более позднюю переотливку с плохо сохранившимся рельефом и датируется XII–XIII вв. В двух местах на створке слабо читаются буквы [М] и Х.

3. Из постройки № 145 (XII — первая половина XIII в.) поселения Автуничи, расположенного на левом берегу р. Верпч (бассейн р. Снов), происходит оборотная створка миниатюрного литого энколпиона с закругленными концами, размером 3,3 x 2,7 см, утрачены верхние петли (рис. 3: 3) (НМИУ, № В-5351/410; НА ИА НАНУ. Ф. е. 1989. Д. 19а. Рис. 269; Моця и др. 1997: 47, рис. 13). На створке — изображение простого четырехконечного креста, выполненного углубленными линиями и 4 точечных углубления в средокрестии (тип III.3.2) (Корзухина, Пескова 2003: 139).

Остальные 4 энколпиона относятся к группе черневых инкрустированных.

4. В постройке № 2 второй половины XII — первой половины XIII вв. поселения Лесковое 2, расположенного в верховьях р. Белоус, обнаружен целый энколпион (ЧИМ, № Арх. 736; Шекун, Веремейчик 1999: 39) (рис. 3: 1). Крест (3,3 x 2,4 см, с петлями — 4,5 x 2,4 см) с оглавием, размерами 1,8 x 0,9 см в виде биконической цельнолитой бусины с четким черневым рисунком, отлит из многокомпонентного сплава Cu+Pb+Sn+Zn (Cu — 74 %, Pb — 12 %, Sn — 2,5 %, Zn — 8 %, Sb — 2 %). По мнению Р.С. Орлова, подобный сплав характерен как для энколпионов и крестов, так и для других категорий изделий киевского производства (Орлов 2003: 124). Подобные энколпионы относятся к типу IV.6.1 (Распятие—Богоматерь Оранта — прямоконечные, миниатюрные) (Корзухина, Пескова 2003: 168).

5. К типу IV.6.1 относится еще один энколпион, отлитый из медного сплава, происходящий из с. Горица (бассейн р. Десны) (ЧИМ, № 1-40/1/2) (рис. 3: 2). Энколпион (3,3 x 2,5 см, с петлями — 4,4 x 2,5 см) отличается от предыдущего четкой проработкой резцом обеих створок и надписью над головой Богоматери, исполненной тонкими углубленными линиями «MP ΘY». Чернь в некоторых местах не сохранилась (Корзухина, Пескова 2003: 166).

Следует заметить, что в начале XX в. около с. Горица были обнаружены два поселения — в урочищах Дворище и Провалье (Уварова 1906: 92). В фондах Черниговского исторического музея хранится коллекция вещей из с. Горицы, собранная в начале XX в., в которой есть и разнообразные предметы мелкой культовой пластики. Более точно определить происхождение находок в настоящее время не представляется возможным. Тем не менее, считаем возможным использовать материалы коллекции из Горицы в настоящей статье.

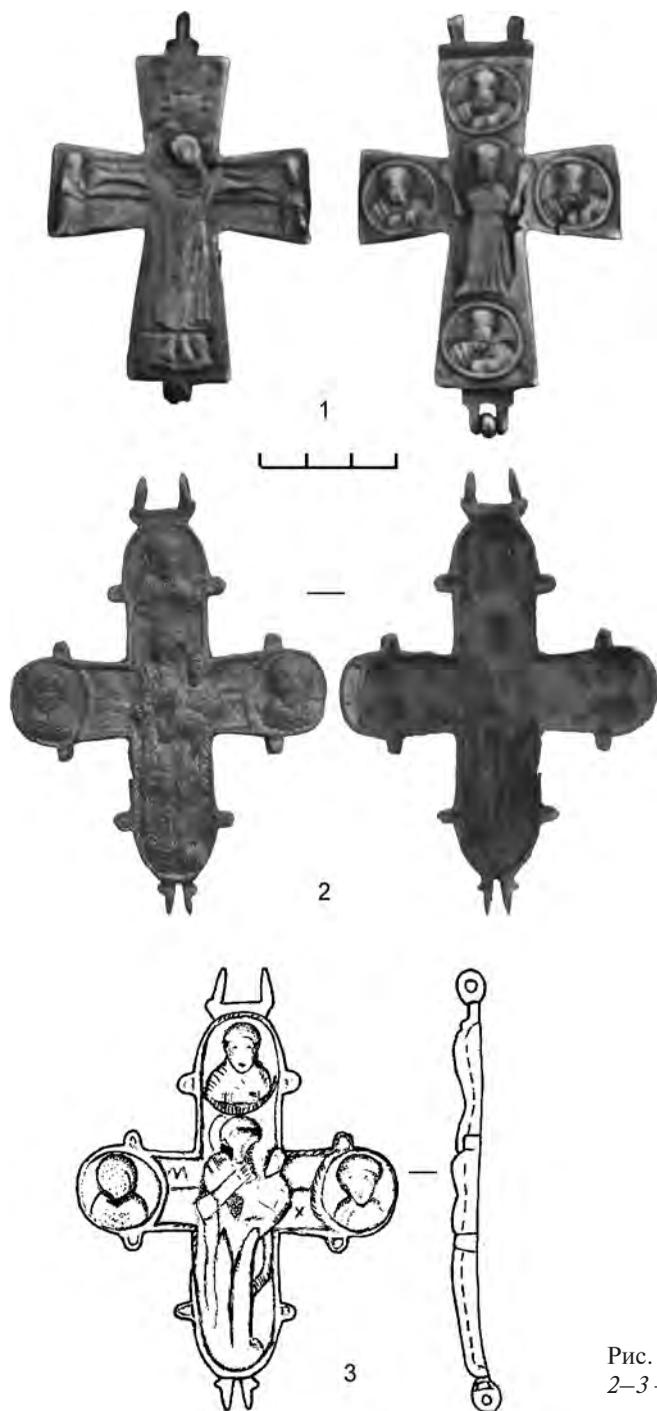

Рис. 2. Кресты-энколпионы: 1 — пос. Ланок; 2–3 — пос. Масаны, фото и прорисовка

6. Из Горицы происходит прямоконечный миниатюрный энколпион с черневыми изображениями 4-конечных крестов, размерами 2,2 x 1,8 см (с петлями — 3,2 x 1,8 см) типа IV.6.3 (Корзухина, Пескова 2003: 171) (ЧИМ, № 1-40/1/1) (рис. 3: 5).

7. В постройке № 126 XII в. поселения Автуничи найдена оборотная створка энколпиона с оглави-ем, размерами 2,3 x 1,5 см, с петлями — 2,9 x 1,5 см, оглави-е — 1,5 см x 0,7 см; НМИУ, № В-5351/409; НА ИА НАНУ. Ф. е. 1989. Д. 19а. Рис. 164; Моця и др. 1997: 47, рис. 13) (рис. 3: 4). Крест относится к типу IV.6.3 (Корзухина, Пескова 2003: 171).

Гораздо более на сельских поселениях региона были распространены разнообразные кресты-тельники, изготовленные из цветного металла (10 экз.), камня (9 экз.), кашина (1 экз.) и перламутра (1 экз.).

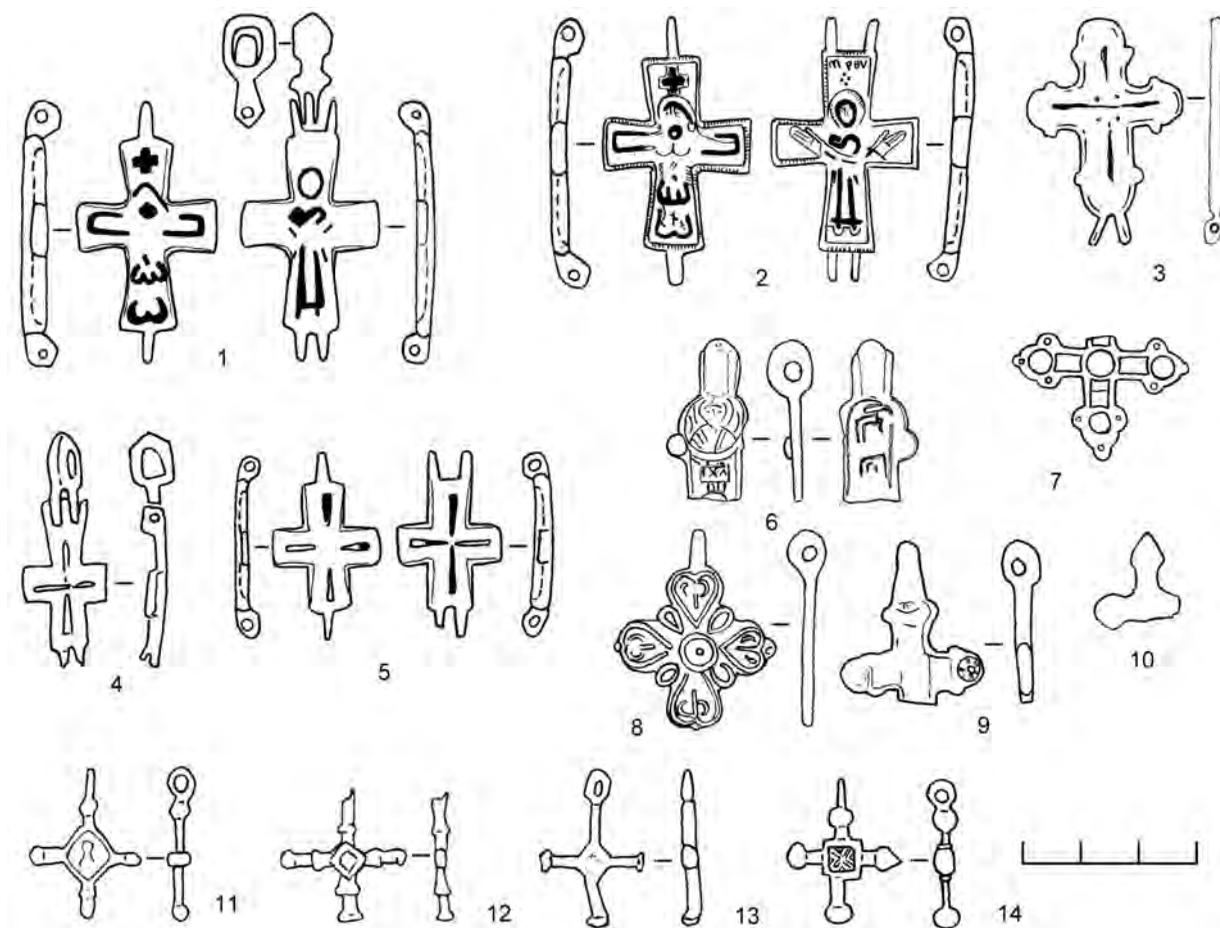

Рис. 3. Кресты-тельники металлические: 1, 7, 10 — Лесковое; 2, 5, 8–9, 14 — Горица; 3–4, 12–13 — Автуничи; 6 — Сибереж; 11 — Шумлай

Из подъемного материала поселения Сибереж происходит обломок верхней части креста из белого металла (сохранившаяся длина с ушком — 2,7 см, толщина — 0,2 см) с изображением святого в круглом медальоне (ЧИМ, б/н) (рис. 3: 6). Ушко массивное, размером 1,0 x 0,7 x 0,7 см с отверстием, диаметром 0,4 см. По-видимому, на кресте было рельефное изображение Распятия с выделением Крестного дерева. В возглавии буквы **IX [C]**. На обороте креста непонятное углубленное изображение. Близкими аналогиями являются бронзовые кресты из Новгорода (Седова 1981: 50) и из Полтавской области (Нечитайло 2001: 70, № 252). А.А. Пескова считает, что основные элементы подобных крестов (иконографический тип Распятия и закругленные концы с парными выступами-«слезками») оказались востребованными при создании древнерусских энколпионов (Пескова 2006: 133).

2. В жилой постройке № 26 селища Лесковое-1 (вторая половина XII — первая половина XIII в.) обнаружен обломок трехлопастноконечного крестика, украшенного желтой двусторонней эмалью (ЧИМ, № Арх. 598) (рис. 3: 7).

3. Из Горицы происходит овальноконечный двусторонний крестик без эмали (ЧИМ, № 1-41/1/2) (рис. 3: 8). Мастерская по изготовлению трехлопастноконечных и овальноконечных крестиков обнаружена на Киевском Подоле в слое конца XII — начала XIII в. (разрушенные горны, целые и фрагментированные тигли и 26 крестиков обоих типов, еще не заполненных эмалью) (Сагайдак и др. 1997: 31–42). Подобные крестики датируются концом XI–XII в., а в XIII в. они постепенно выходят из употребления (Мальм 1968: 116; Николаева, Недошивина 1997: 349).

4–5. Из Горицы (ЧИМ, № 1-41/1/3) и Лесковое-1 (ЧИМ, №43-79/Арх.22) происходят 2 обломка бронзовых трехлопастноконечных крестов-тельников с несохранившимся изображением (рис. 3: 9–10).

6–10. Остальные известные находки представляют собой крестики с утолщениями на концах: с ромбовидным средокрестием, в котором дано схематическое изображение святого, из Шумлая (ЧИМ,

№ Арх. 368) (рис. 3: 11), с ромбовидным средокрестием из Автуничей — 2 экз. и обломок, изготовленные из сплава Cu+Sn+Pb, хранятся в НМИУ (Моця и др. 1997: 47) (рис. 3: 12–13), и с квадратным средокрестием из Горицы (ЧИМ, № 1-41/1/1) (рис. 3: 14). Первый из них датируется XI–XII вв., остальные — XII–XIII вв. (Николаева, Недошивина 1997: 349).

Коллекцию дополняют 8 каменных крестиков, за которыми с конца XIX в. утвердилось название «корсунских» (Беляшевский 1890: 499–500; Кондаков 1896: 43). Традиционно считалось, что часть из них изготавливалась из мрамора и попадала на территорию Киевской Руси из Корсуня (Николаева, Недошивина 1997: 173). Определенную дань этой традиции отдала и автор настоящей статьи (Веремейчик 1992: 51; Веремейчик 2004: 400), хотя неоднократные попытки найти мраморные крестики в коллекциях, собранных на территории Крыма не увенчались успехом. Однако, после ряда публикаций результатов работ археологической экспедиции ИА НАНУ под руководством А.П. Томашевского на территории Овручского кряжа, где были исследованы остатки производственных поселений по обработке пиррофиллитового сланца, автору пришлось изменить свое мнение. Среди многочисленных заготовок и отходов производства из пиррофиллита на поселениях были выявлены заготовки и бракованные крестики, внешне очень похожие на мраморные (Томашевский и др. 2003: 136; Томашевский, Павленко 2003: 279–281).

Предварительное минералогическое определение шести образцов камня разного цвета, в том числе и части обломанного изделия, по внешним признакам похожего на так называемые крестики из «мрамора», сделанное бакалавром геологического факультета С.-Петербургского университета Е. Антощенко, показало, что 2 образца темно-зеленого цвета, в том числе и представленный фрагментом крестика, и 4 образца красного цвета идентичны по составу.² Все они являются смесью глинистых минералов: монтмориллонита, нантронита и пиррофиллита и некоторых других, но в незначительном количестве. Таким образом, цвет обусловлен различным содержанием минералов в структуре пиррофиллитового сланца. Предварительно образцы, как первой цветовой группы, так и второй, можно считать пиррофиллитовым сланцем.

По мнению исследователей пиррофиллитовых мастерских, часть продукции, возможно, подвергалась температурному или химическому воздействию, что придавало готовым изделиям серый цвет с белыми зернистыми вкраплениями (Томашевский и др. 2003: 136; Павленко 2005: 204, 209; Павленко 2006: 147).

Таким образом, пять крестиков с поселений Черниговского Полесья, аналогичные по морфологическим признакам материалу фрагменту, подвергнутому минералогическому определению, изготовлены из серого, зернистой структуры, пиррофиллита: Горица, длина не сохранилась, ширина — 1,5 см, толщина — 0,7–0,9 см (ЧИМ, № 1-48/1); Лесковое — 1,9 x 1,5 x 0,5 см (ЧИМ № 44-77 / Арх. 23) (рис. 4: 3); Очеретяная Гора — 2,4 x 1,9 x 0,5 см (ЧИМ, № Арх. 221) (рис. 4: 1); Шумлай — 1,9 x 1,5 x 0,5 см (ЧИМ, № Арх. 264) (рис. 4: 2); Волянка-1, длина — 3 см, ширина не сохранилась, толщина — 0,7 см (№ 13 по полевой описи) и два из вишневого пиррофиллита разных оттенков (Лесковое 2 x 1,5 x 0,6 см (ЧИМ, № 47–49 / Арх. 26); Клонов — 1,8 x 1,3 x 0,6 см, № 41 по полевой описи). На последнем крестике с одной стороны процарапан крест. По устному сообщению Г.В. Жарова, еще один крестик из серого, зернистой структуры пиррофиллита, происходит из поселения Растереб у с. Смяч.

Размеры каменных крестиков приблизительно одинаковы 1,8–2,4 x 1,3–1,9 см, за исключением крестика из поселения Волянка 1, длина которого составляет 3 см. Толщина всех крестиков — 0,5–0,7 см, кроме крестика из Горицы (0,7–0,9 см). Правда, пиррофиллитовые кресты из вишневого камня отличаются большим разнообразием форм сечения концов. С селища Лесковое происходит крестик с восьмигранным сечением. Кресты же из «мраморовидного» пиррофиллита, встреченные на сельских поселениях Черниговщины, представлены экземплярами одинаковой простой формы, с квадратным сечением концов и с просверленным отверстием для подвешивания диаметром 2 мм. Все находки происходят из культурных слоев памятников, датируемых широко X — первой половиной XIII в. Исключение составляет крестик из Клонова, найденный в хозяйственной постройке № 7, которая на основании керамического и вещевого материала датируется XII в. (НА ИА НАНУ. Ф. е. 1987. Д. 47. Л. 11).

Из культурного слоя поселения Шумлай происходит еще один обломок крестика (ширина — 1,8 см, толщина — 0,5 см), выточенного из серого камня, возможно, стеатита (ЧИМ № Арх. 265) (рис. 4: 4). В предыдущих публикациях этот крестик упоминался как пиррофиллитовый (Веремейчик 1992: 52; Ве-

² Автор выражает глубокую благодарность старшему научному сотруднику отдела древнерусской и средневековой археологии ИА НАНУ А.П. Томашевскому за предоставленные для определения образцы пиррофиллита с производственных поселений Овручского кряжа.

Рис. 4. Кресты-тельники каменные: 1 — Очеретяная Гора, 2, 4 — Шумлай; 3, 5 — Лесковое

ремейчик 2006: 127). Крестик из стеатита с круглыми в сечении концами и с выделением квадратного средокрестия с вырезанным в нем крестом, похож на палестинские кресты из стеатита (Мусин 2006: ил. 7). Такие же находки известны и на территории Болгарии (Тотев 1990: 49, 51). Подобные кресты в комплексах на территории Болгарии и Древней Руси датируются второй половиной XII — началом XIII в. (Мусин 2006: 178).

Известен обломок крестика, вырезанного из полуфаянсовой чаши или блюда с ультрамариновой двусторонней прозрачной глазурью, изготовленного из твердого кашина (Лесковое, ЧИМ, № Арх. 685) (рис. 4: 5). Края оббиты не очень ровно, толщина сосуда 0,6 см, тесто — серо-белого цвета. Судя по сохранившейся части креста, поперечные концы его были значительно меньше (0,8 см) продольного нижнего (1,5 см). По определению В.Ю. Ковалю, сосуд изготовлен на Ближнем или Среднем Востоке в XII–XIII вв.³ Изготовление крестика из сосуда может свидетельствовать о ценности даже отдельного обломка импортной керамики. Возможно, сосуд был привезен из паломнической поездки в Святую Землю. Возможность проникновения подобной керамики на Русь не только в результате торговых операций, но и благодаря паломникам уже высказывалась в исследовательской литературе (Коваль 2005: 223). Аналогии этому кресту неизвестны.

Особо следует отметить находку перламутрового крестика на поселении Автуничи (2,7 x 2,3–2,4 см, ширина концов 1,4–1,6 см, толщина — 3,5 мм, диаметр отверстия — 2 мм) с процарапанным изображением креста на Голгофе (?) (НА ИА НАНУ. Ф. е. 1992. Д. 3. Рис. 125; Готун, Моця 1993: 69). По определению А.В. Корнюшина (Институт зоологии НАНУ), крестик изготовлен из створки морской раковины устрицы *ostrea* sp, место обитания которой — Черноморский, Средиземноморский регионы и Антарктика (Моця и др. 2005: 251–252). Авторы публикации предполагают южное происхождение находки. Перламутровые крестики известны в Новгороде, Пскове, Смоленске, Звенигороде, Херсонесе (Мусин 2006: 189). В.П. Коваленко называет еще две находки перламутровых крестиков на Черниговщине — Чернигов и городище Ляшковцы (Коваленко 2006: 91). Однако автор отчета при описании находок с городища Ляшковцы отмечает обломок крестика из сланца (НА ИА НАНУ. Ф. е. 1990. Д. 123. Л. 23. Рис. 51), что ставит под сомнение его изготовление из перламутра.

Коллекцию крестов дополняет круглая серебряная подвеска с поселения Селище с изображением процветшего креста (Кузнецов, Ситий 1992: 35). Из пиррофиллита фиолетового цвета изготовлена небольшая (4,2 x 3,6 x 0,7 см) резная иконка (ЧИМ, № 38-22 / А-217), случайно обнаруженная сотрудниками Черниговского исторического музея при обследовании комплекса археологических памятников около с. Шестовица в 1970 г. (Сита 2002: 28). В 1984 г. на месте находки А.В. Шекун открыл поселение «Пойма», где провел разведочные раскопки, которые в 2006 г. продолжила автор статьи. Культурный слой поселения на основе керамического и вещевого материала датируется второй половиной XIII–XIV в. (Шекун 1995: 113). Т.В. Николаева в процессе работы над сводом древнерусской мелкой пластики из камня не смогла посмотреть иконку в Черниговском историческом музее, что и отметила в издании (Николаева 1983: 62).

Иконка односторонняя, судя по сохранившейся части, прямоугольная; верхняя часть отбита. Высоким рельефом изображена поясная фигура св. Николая Мирликийского с благословляющей правой

³ Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность научному сотруднику Отдела славяно-русской археологии ИА РАН В.Ю. Ковалю за помощь в определении типа сосуда.

рукой и приоткрытым Евангелием — в левой руке. На плечах — омофор с крестами. Одежда обозначена мягкими складками. Нимб рельефный гладкий, с двойной окантовкой. На сохранившейся части иконки — нижняя половина лица с округлой короткой раздвоенной бородой и усами. Иконка имеет рельефную рамку. Справа у головы читается первая часть колончатой надписи **НН / КО** (рис. 5: 2). Открытое Евангелие встречается достаточно редко в мелкой культовой пластике. Изображение приоткрытого Евангелия есть и на фрагменте иконки св. Николая Мирликийского из стеатита, происходящей из Владимира (Седова, Мухина 1999: 160–161, рис. 1).

Култ св. Николая был очень популярным на территории Древней Руси, и это ярко проявилось в мелкой каменной культовой пластике (Порфиридов 1972: 202–203). Святой в представлениях древнерусского человека считался заступником во всех бедах человеческих, покровителем путников и помощником в опасной дороге (Порфиридов 1972: 203, 205; Николаева 1983: 15). Поселение же Пойма расположено вблизи водного пути по р. Десне и сухопутной дороге Чернигов–Киев вдоль правого берега реки, в непосредственной близости от урочища Узвоз. Урочище Узвоз можно считать самым уязвимым на пути, здесь дорога спускалась с высокой террасы в пойму реки и, по-видимому, жители поселения обслуживали этот участок. Поэтому обнаружение иконки с изображением св. Николая именно на этом поселении можно считать логичным. В более раннее время (X — первая половина XIII в.) аналогичные функции (контроль и обслуживание водного и сухопутного путей на Киев) выполняло поселение в урочище Коровель, посадом примыкающее к урочищу Узвоз (Коваленко 1999: 33).

Предметов церковной утвари на поселениях встречено гораздо меньше, чем предметов личного благочестия. Особо следует отметить на поселениях Черниговщины находки ручных кадилъниц-кацей. Из постройки 19 (вторая половина XII — первая половина XIII в.) поселения Овраменков Круг происходит кацея в виде небольшой (диаметр — 8,5 см, высота — 3 см) полусферической чашки на кольцевом поддоне, диаметром — 3,5 см (рис. 5: 6) (Веремейчик 1987: 316). Ручка не сохранилась, но в месте крепления имеются три отверстия (ЧИМ, № Арх. 574). Кацея отлита из сплава $Cu+Pb+Sn$, с большим содержанием свинца — до 30 %. (Орлов 2003: 125). На поселении Селище, в пойме р. Десны, около Чернигова в постройке 1 (XII — первая половина XIII вв.) обнаружен фигурный щиток от кацеи (11 x 9 см) с рельефным изображением двух птиц, возможно, павлинов, по сторонам Древа жизни, отлитый из медного сплава (рис. 5: 5) (ЧИМ № Арх. 893) (Кузнецов, Ситий 1995: 35). Несколько кацей и их фрагментов обнаружено в Херсонесе (Даркевич 1976: 55; Калашник 1989: 172, рис. 3; Банк, Залесская 1995: 81–82, рис. 45–51; Денисова 2005: 45, рис. 9). На древнерусских памятниках кацеи найдены в Изяславле (Миролюбов 1983: 53–54; Банк, Залесская 1995: 80–81), на городище Монастырек (Максимов, Петрашенко 1988: 51), щиток кацеи обнаружен в Чернигове (Коваленко, Пуцко 1995: 83). Особо следует отметить находку фрагмента кацеи в виде полусферической чашки на кольцевом поддоне с обломанным щитком на поселении Григоровка (Петрашенко 2005: 96, рис. 49: 8). Таким образом, подобные находки известны и на поселениях других регионов Южной Руси.

Кроме этого, на селищах около Чернигова найдены разнообразные детали лампад и хоросов. Из подъемного материала поселения Шумлай происходит отлитая из многокомпонентного сплава ($Cb+Sn+Pb+Zn$) часть лампы (ЧИМ, № Арх. 255). Её диаметр — ок. 12 см, диаметр дна — 5,7 см, высота — 5,5 см. По верхнему краю сохранилась 2 петельки для подвешивания (рис. 5: 8). В жилой постройке 7 (первая половина XIII в.) поселения Ров 2 обнаружены распределитель цепей лампы (ЧИМ № Арх. 468) и составная ажурная часть пластины хороса (рис. 5: 1, 4). На селище Лесковое найдена «чашечка» — поддон свечника хороса, диаметром 6 см, отлитая из многокомпонентного сплава $Cu+Zn+Pb+Sn$ (ЧИМ, № Арх. 740) (рис. 5: 3). И, наконец, из Овраменкова Круга происходит фрагмент нижней части подсвечника с ножкой, изготовленного из сплава $Cu+Pb+Sn$ (ЧИМ, № Арх. 120) (рис. 5: 7).

Находки предметов церковной утвари, обнаруженные на поселениях Лесковое, Овраменков Круг, Ров 2, Селище и Шумлай (рис. 1), свидетельствуют о церковном строительстве в селах, расположенных неподалеку от Чернигова. Кроме этого, на поселении Лесковое отмечены и другие факты, позволяющие предполагать здесь наличие деревянной церкви. Грунтовый могильник XII в. (23 погребения), обнаруженный на правом берегу р. Белоус (Лесковое–1), располагался вокруг небольшой (6 x 8 м), не занятой никакими углубленными в материк постройками, площадки (Шекун, Веремейчик 1999: 43–44, 176, рис. 85). Погребения расположены к северу, востоку и югу от нее, с западной же стороны на площади около 100 кв. м не обнаружено никаких построек и ям. Вполне возможно, что здесь находилась срубная деревянная церковь, остатки которой были уничтожены многолетней распашкой, а перед ней располагалась площадь. В одном из погребений (№ 4, погребенный — мужчина, возрастом 40–45 лет) под головой и ступнями ног обнаружены обломки пиррофиллитовых жерновов. Подобные погребения

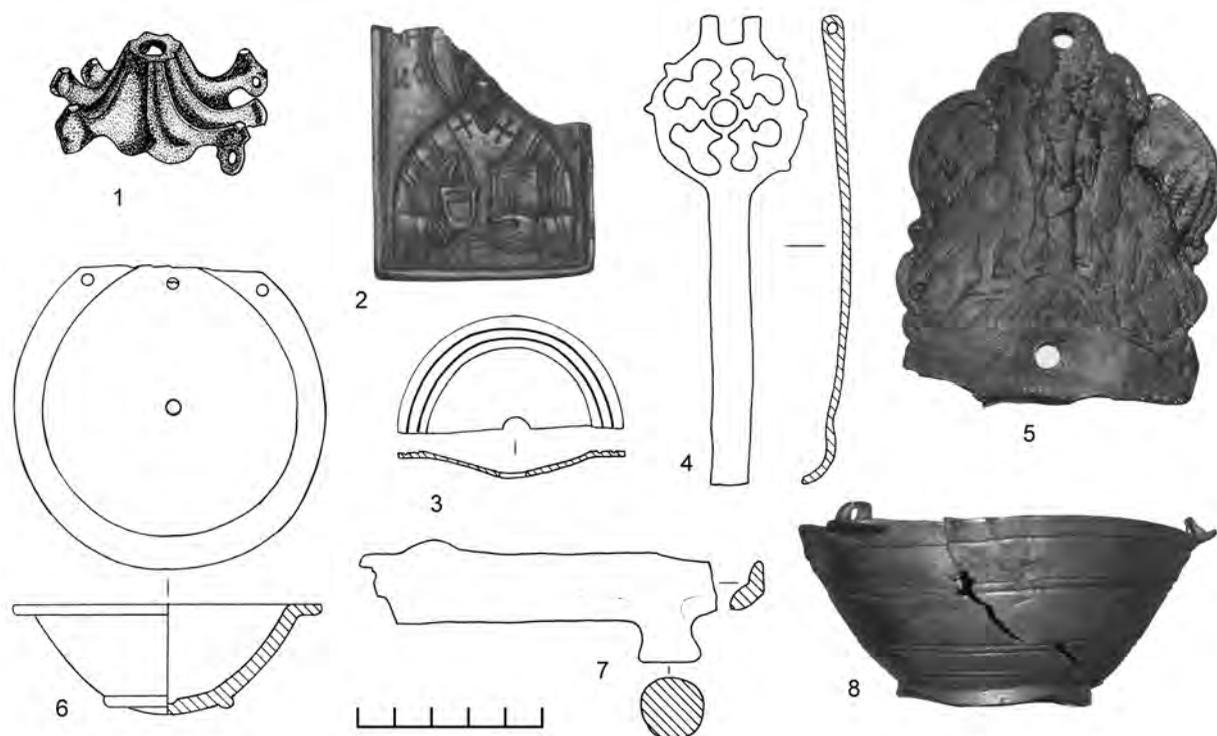

Рис. 5. Фрагменты церковной утвари: 1, 4 — Ров-2; 2 — Шестовица-Пойма; 3 — Лесковое; 5 — Селище; 6–7 — Овраменков Круг; 8 — Шумлай

с каменными подушками в головах, а иногда в головах и в ногах, обычно расположены около церквей (Макаров 1981: 111). Отсутствие инвентаря и украшений в аналогичных погребениях, по мнению исследователя, свидетельствуют об аскетической жизни погребенного (Макаров 1981: 113).

Еще одним косвенным доказательством существования церкви может быть находка кусочка витражного стекла квадратной формы (3 x 3 x 0,4 см) с двумя скошенными углами (ЧИМ, б/н), происходящая из постройки 25 поселения Лесковое–2. Стекло расслоилось, в центре оно зеленоватое, прозрачное, толщиной 0,1 см, с двух сторон покрыто темным, более толстым стекловидным веществом. Подобные находки достаточно редки для культурного слоя городов (Лядова 2005: 149), поэтому находка витражного стекла на селище заслуживает особого внимания.

К перечисленным выше находкам, косвенно свидетельствующим о культовом строительстве, следует добавить находки плинфы на поселениях. Выявленные фрагменты не имели следов раствора. Плинфа, например, могла использоваться в строительстве печей, аналогичные примеры известны на детинце Чернигова, где она использовалась при сооружении подов бытовых печей, и в Елецком монастыре, где исследована печь, полностью сложенная из плинфы (Новик 2007: 302). Судя по количеству обломков обожженной плинфы в наземной жилой постройке второй половины XIII–XIV в. поселения Шестовица-Пойма, можно предполагать, что печь или ее часть были также сложены из этого строительного материала (Веремейчик и др. 2007: 108).

Особо следует отметить скопление плинфы неподалеку от поселения Очеретяная Гора, в верховьях р. Стрижень, в 25 км северо-западнее Чернигова. Здесь, в заболоченной местности, в 50 м от поселения, в шурфе зафиксированы обломки плинфы без следов раствора, толщиной от 2,5 см до 3,2 см, расположенные в вертикальном или слегка наклонном положении. По подсчетам автора раскопок, здесь была выявлена партия плинфы, возможно, затонувшая в лодке (?), состоявшая приблизительно из 30–40 штук (НА ИА НАНУ. Ф.е. 1990. Д.123. Лл. 20–21. Рис. 44–46).

Предполагать, чтобы изготовление плинфы было налажено на значительном расстоянии, иногда до 40–50 км от места строительства монументальных построек, в данном случае от Чернигова, вряд ли возможно, тем более, что в Чернигове были найдены плинфообжигательные печи (Шекун 1989: 64–69, Руденок, Новик 1994: 137–138). Скорее всего, на некоторых городищах и поселениях региона сооружались и монументальные постройки. На поселении Сибереж, где тоже встречены обломки плинфы,

расположенном в 4 км от поселения Очеретяная Гора, местными жителями в 70-х гг. XX в. было распахано погребение, перекрытое пиррофиллитовой плитой. Подобные погребения, обычно, совершались при церквях. Еще в начале 80-х гг. эта плита находилась на пороге местного медпункта.

Кроме этого, не следует забывать, что на поселениях региона часто встречаются находки фрагментов амфор византийского круга. В настоящее время обработано 484 фрагмента от 267 амфор из 47 поселений. Известно еще как минимум 11 селищ с находками фрагментов амфор, не исследовавшихся специально, и их количество возрастает в результате археологических исследований (Веремейчик, Коваль 2005: 47–56). Храмы и монастыри были стабильными потребителями виноградного вина для таинства Евхаристии и оливкового масла для лампад. Однако, как и в случае с плинфой, находки амфорной тары связывать исключительно с церковным потреблением ни в коем случае нельзя, этой продукцией пользовались, безусловно, и миряне, проживающие в селах. Тем не менее, не учитывать эти находки в рассматриваемом контексте тоже было бы ошибкой.

Предметы личного благочестия встречены исключительно в культурных слоях поселений. В отмеченном выше грунтовом могильнике XII в. селища Лесковое не обнаружено ни одного крестика, в то время, как в культурных слоях селища встречены разнообразные предметы личного благочестия. Аналогичная ситуация отмечена и в центральных регионах Новгородской земли (Мусин 2002: 195).

Находки предметов личного благочестия и предметов церковной утвари, в тех случаях, где удалось точно определить дату слоя или постройки, датируются XII — первой половиной XIII в. Часть вещей импортного происхождения привезены, возможно, из паломнических поездок в Святую Землю: к их числу можно отнести энколпион из Ланка, крестики из стеатита и перламутра, стенки кашинного сосуда. Однако большинство изделий изготовлено в мастерских древнерусских городов и широко представлено в культурных слоях XII–XIII вв.

Литература

- Банк, Залеская 1995 — *Банк А.В., Залеская В.Н.* Кацея XII века из Изяславля // У истоков русской культуры XII–XVII века. СПб., 1995.
- Беляшевский 1890 — *Беляшевский Н.Ф.* Княжа гора // Киевская старина. Т. XXXI. 1890.
- Веремейчик 1987 — *Веремейчик Е.М.* Работы Селищного отряда // АО 1985. 1987.
- Веремейчик 1990 — *Веремейчик О.М.* Давньоруське селище “Баба” біля с. Жовтневого // Минуле Сосниці та її околиць. Чернігів, 1990.
- Веремейчик 1992 — *Веремейчик Е.М.* Находки культовых предметов на древнерусских селищах Черниговской земли // 1000 років Чернігівській Єпархії. Чернігів, 1992.
- Веремейчик 2004 — *Веремейчик Е.М.* Предметы южного импорта на сельских поселениях междуречья низовий Десны и Днепра // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004.
- Веремейчик 2006 — *Веремейчик Е.М.* Предметы христианского культа XI–XIII вв. на сельских поселениях Черниговского Полесья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Международная научная конференция. Тезисы докладов. СПб., 2006.
- Веремейчик и др. 2007 — *Веремейчик О., Коваленко В., Моця О., Ситий Ю.* Дослідження в Шестовиці у 2006 р. // Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 рр. Київ; Запоріжжя, 2007.
- Веремейчик, Коваль 2005 — *Веремейчик Е.М., Коваль В.Ю.* Византийские амфоры на сельских поселениях Черниговщины // Наукові записки з української історії. Вип. 16. Переяслав-Хмельницький, 2005.
- Виноградський 1928 — *Виноградський Ю.* Сосниця та її околиці. Топографічні й археологічні матеріали, перекази та історичні відомості // Чернігів і Північне Лівобережжя. Т. XXIII. Київ, 1928.
- Готун, Моця 1993 — *Готун І.А., Моця О.П.* Соціальний аспект в забудові та хронологічні етапи функціонування давньоруського селища Автуничі // Слов’яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Чернігів, 1993.
- Даркевич 1976 — *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока. М., 1976.
- Денисова 2005 — *Денисова Е.А.* «Львиные мотивы» на средневековых памятниках Херсонеса // Символ в религии и философии. Севастополь, 2005.
- Калашник 1989 — *Калашник Ю.П.* Средневековый дом в XX квартале Херсонеса (раскопки 1982–1988 гг.) // Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989.
- Коваленко, Пуцко 1995 — *Коваленко В.П., Пуцко В.Г.* Фрагмент бронзової кацеї з Чернігова // Археологічні старожитності Подесення. Чернігів, 1995.

Коваленко 1999 — *Коваленко В.П.* Нові дослідження Шестовицького археологічного комплексу // Археологічний літопис Лівобережної України. № 1. Полтава, 1999.

Коваленко 2006 — *Коваленко В.П.* Новые византийские находки из Чернигова и его округа // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування давньоруської держави) IX–XI ст. Чернігів, 2006.

Кондаков 1896 — *Кондаков Н.П.* Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. Т. I. СПб., 1896.

Коваль 2005 — *Коваль В.Ю.* Керамика средневековой Сирии в Восточной Европе // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005.

Корзухина, Пескова 2003 — *Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003.

Кузнецов, Ситий 1992 — *Кузнецов Г. О., Ситий Ю.М.* Феодальна садиба XII–XIII ст. на околиці Чернігова // Чернігівська старовина. Чернігів, 1992.

Лядова 2005 — *Лядова А.В.* Фрагменты витражных стекол из раскопок во Владимире и Суздале // РА. № 1. 2005.

Макаров 1981 — *Макаров Н.А.* Каменные подушки в погребениях древнерусских городских некрополей // СА. № 2. 1981.

Макаров 2004 — *Макаров М.А.* Кресты-тельники из раскопок средневековых селищ и проблема христианизации севернорусской деревни // Исторические записки. 7 (125). 2004.

Максимов, Петрашенко 1988 — *Максимов Е.В., Петрашенко В.А.* Славянские памятники у с. Монастырек на среднем Днепре. Киев, 1988.

Мальм 1968 — *Мальм В.А.* Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М., 1968.

Миролюбов 1983 — *Миролюбов М.Б.* Древнерусский город Изяславль // Каталог выставки. Л., 1983.

Моця и др. 1997 — *Моця О.П., Орлов Р.С., Коваленко В.П. та інші.* Поселення X–XIII ст. біля с. Автуничі // Південноруське село IX–XIII ст. Київ, 1997.

Моця и др. 2005 — *Моця О.П., Готун І.А., Петраускас А.В.* Південний вектор зв'язків — один із показників неординарності селища Автуничі // Сугдейский сборник. Вып. II. Київ, 2005.

Мусин 2002 — *Мусин А.Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.

Мусин 2006 — *Мусин А.Е.* Археология «личного благочестия» в христианской традиции Востока и Запада // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. СПб., 2006.

Нечитайло 2001 — *Нечитайло В.В.* Каталог християнських нагрудних виробів мистецтва періоду Київської Русі (X — перша половина XIII ст.). Київ, 2001.

Николаева 1983 — *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. // САИ. Вып. Е1–60. М., 1983.

Николаева, Недошивина 1997 — *Николаева Т.В., Недошивина Н.Г.* Предметы христианского культа // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.

Новик 2007 — *Новик Т.Г.* Охоронні дослідження 2006 року в Єлецькому монастирі м. Чернігова // Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 рр. Київ; Запоріжжя, 2007.

Орлов 2003 — *Орлов Р.С.* Сільське ювелірне ремесло // Село Київської Русі. Київ, 2003.

Павленко 2005 — *Павленко С.В.* Исследование производственных комплексов Овручской средневековой индустрии пиррофиллитового сланца в 2002 г. // Наукові записки з Української історії: Збірник наукових статей, присвячений пам'яті В.В. Седова. Вып. 16. Переяслав-Хмельницький, 2005.

Павленко 2006 — *Павленко С.В.* Изготовление бусин, крестиков и образков из пиррофиллитового сланца на специализированных поселениях средневековой Овручской волости // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Международная научная конференция. Тезисы докладов. СПб., 2006.

Пескова 2006 — *Пескова А.А.* Истоки иконографии древнерусских энколпионов // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. СПб., 2006.

Петрашенко 2005 — *Петрашенко В.А.* Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка). Київ, 2005.

Порфиридов 1972 — *Порфиридов Н.Г.* Древнерусская мелкая каменная пластика и ее сюжеты // СА. № 3. 1972.

- Руденко, Новик 2000 — *Руденко В.Я., Новик Т.Г.* Дослідження плінфовипалювальної печі у Чернігові в 1994 році // Археологічні дослідження в Україні 1994—1996 років. Київ, 2000.
- Сагайдак и др. 1997 — *Сагайдак М.А., Сергеева М.С., Михайлов П.С.* Новые находки древнерусского ремесла в Киеве // Древности 1996. Харьков, 1997.
- Седова 1981 — *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981.
- Седова, Мухина 1999 — *Седова М.В., Мухина Т.Ф.* Новые находки мелкой каменной пластики во Владимире // РА. № 3. 1999.
- Сита 2002 — *Сита Л.Ф.* Участь співробітників Чернігівського історичного музею у дослідженні пам'яток XII—XIII ст. біля с. Шестовиця // Скарбниця української культури. Вип. 2. Чернігів, 2002.
- Томашевский, Павленко 2003 — *Томашевский А.П., Павленко С.В.* Археологічні дослідження в Овруцькому районі Житомирської області у 2002 р. // Археологічні відкриття в Україні 2001—2002 рр. Київ, 2003.
- Томашевский и др. 2003 — *Томашевский А.П., Павленко С.В., Петраускас А.В.* Овруцька пірофілітова індустрія // Село Київської Русі. Київ, 2003.
- Тотев 1990 — *Тотев К.* Стеатитови крѣстове от средновековна България // Археология. 3. София, 1990.
- Уварова 1906 — *Уварова П.С.* Городища и курганы. Выборка из дел Черниговского статистического Комитета общества Нестора-летописца и архива гр. П.С. Уваровой // Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV Археологического Съезда. Вып. 1. М., 1906.
- Шекун, Веремейчик 1999 — *Шекун О.В., Веремейчик О.М.* Давньоруське поселення Ліскове. Чернігів, 1999.
- Шекун 1981 — *Шекун А.В.* Работы Черниговской областной археологической экспедиции // АО 1980. 1981.
- Шекун 1989 — *Шекун А.В.* Производственный комплекс конца XII в. в Чернигове // КСИА. Вып. 198. 1989.
- Шекун 1995 — *Шекун А.В.* Поселения второй половины XIII—XV вв. в междуречье Десны и Днепра // Деснинские древности. Брянск, 1995.
- Ширинский 1997 — *Ширинский С.С.* Клад 1958 г. из окрестностей Любеча // Любецкий з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі. Чернігів, 1997.

Архивные материалы

- НА ИА НАНУ. Фонд экспедиционный. 1989. Д. 19а. *Моця А.П. и др.* Отчет об исследованиях Автунического поселения в 1989 г.
- НА ИА НАНУ. Фонд экспедиционный. 1992. Д. 3. *Моця О.П., Коваленко В.П., Готун І.А. та ін.* Звіт про роботи Поліського загону Дніпровської давньоруської експедиції в 1992 р.
- НА ИА НАНУ. Фонд экспедиционный. 1987. Д. 47. *Шекун А.В.* Отчет об охранных археологических исследованиях в зоне строительства газопровода к г. Славутич в 1987 году.
- НА ИА НАНУ. Фонд экспедиционный. 1990. Д. 123. *Шекун А.В.* Археологические исследования на территории Черниговской области в 1990 г.

А.Г. Герцен (Симферополь), Т.Ю. Яшаева (Севастополь)

ДРЕВНЕРУССКИЕ ЭНКОЛПИОНЫ ИЗ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Среди христианских древностей, найденных на территории Крыма, особый интерес представляют энколпионы, являющиеся не только замечательными образцами средневекового медного литья, но и ценным историческим источником. Преобладающее число находок связано с древнерусскими крестами-мошевиками и приходится на главный христианский центр Таврики — Херсон, однако, ряд экземпляров выявлен и в других районах полуострова (рис. 1) (Jaschaeva, Nagornyak 2003: 50).

В статье рассматриваются древнерусские складни и крест-тельник, происходящие из предгорной части Юго-Западного Крыма.¹ Все экземпляры крестов-складней литые, выполнены из различных медных сплавов, тельник — каменный.² Семь энколпионов найдено на Мангупе (Мангуп-Кале) и в его ближайших окрестностях.

Мангуп — самый крупный из «пещерных городов» Крыма. Он расположен в верховьях Каралезской долины в 20 км к юго-западу от Бахчисарая, в 1,5 км от с. Залесного, на плато горы-останца, площадью около 1 кв. км, возвышающейся над окрестными долинами на 250–300 м. На протяжении своего тысячелетнего существования это укрепленное поселение прошло путь от ранневизантийской крепости Дорос на окраине варварского мира до столицы провинциального греко-готского княжества Феодоро, оказавшегося, по словам А.А. Васильева, «последним осколком Византии на Черном море», и, наконец, в течение трех столетий угасало как административный центр османского кадылыка, постепенно приходя в запустение. На заключительном этапе жизни с конца XV до конца XVIII в. Мангуп-Кале — турецкая крепость, в которой наряду с мусульманами и иудеями-караимами вплоть до середины XVII в. сохранялась христианская община, генетически связанная с населением предшествующей эпохи. Очевидно, именно с периодом пребывания здесь христианской общины и следует связать энколпионы, рассматриваемые в предлагаемой статье.

Большинство мангупских складней являются случайными находками. Только два экземпляра происходят из исследованных археологически комплексов. Они выявлены в могилах средневекового некрополя при храме, расположенном в центре плато, у истока ущелья Гамам-дере, во время раскопок 1992–1993 гг., проведенных Мангупской археологической экспедицией СГУ (с 2001 г. — ТНУ), под руководством А.Г. Герцена (Герцен, Науменко, Черныш 1994: 72–74). Этот храм может быть отождествлен с церковью св. Константина, которую в 1578 г. посетил польский дипломат Мартин Броневский, и в алтаре которой в конце XVIII в. П.С. Паллас видел остатки фресковой росписи с изображением Богородицы, поэтому иногда в литературе она фигурирует под условным названием «Храм Богородицы» (Броневский 2005: 167, 195; Паллас 1999: 64; Герцен 1997: 124). Эта церковь сохранилась лучше других наземных церквей Мангупа. Судя по рисунку художника Вебеля (1853 г.), еще в середине XIX в. боковые стены здания стояли

¹ Авторы выражают искреннюю благодарность С. Нагорняку за разрешение опубликовать энколпионы из личной коллекции.

² При описании энколпионов использовалась классификация Г.Ф. Корзухиной и А.А. Песковой (Корзухина, Пескова 2003).

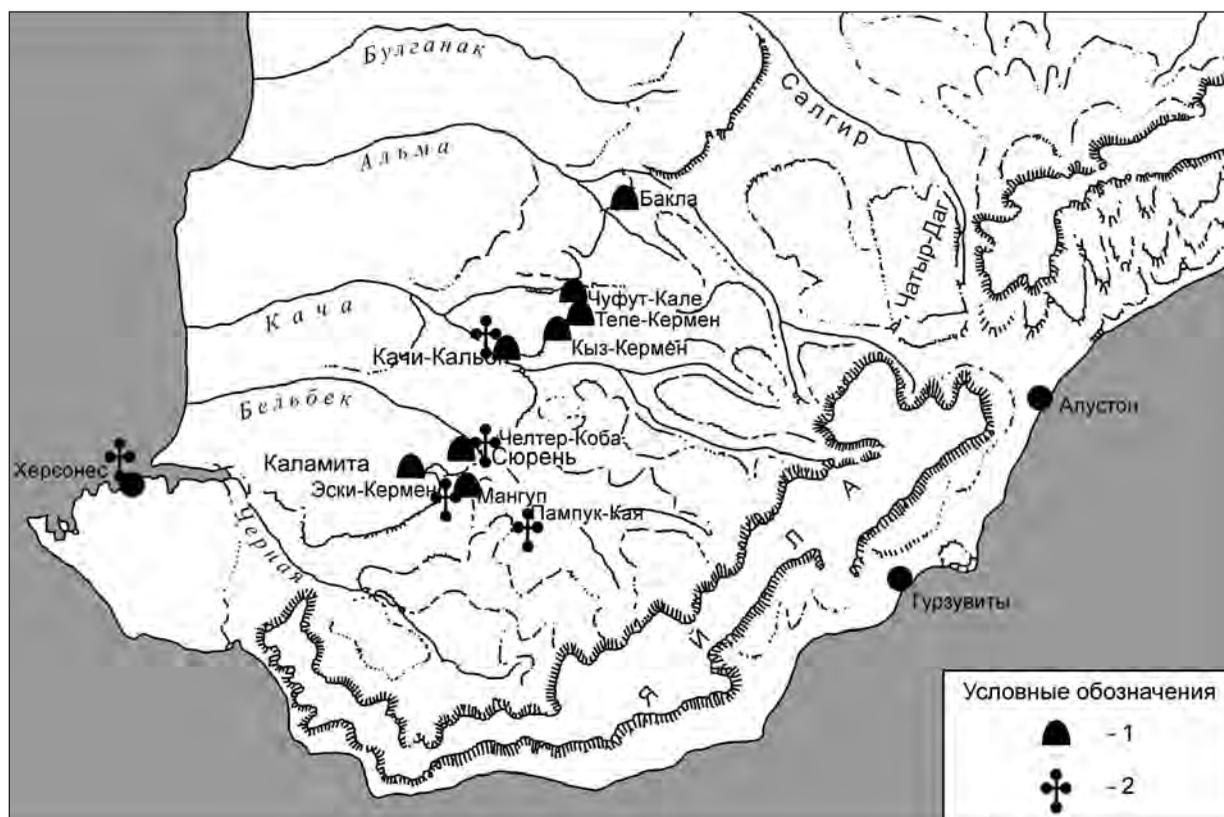

Рис. 1. Находки древнерусских энколпионов в юго-западной части горного Крыма. Условные обозначения: 1 — «пещерные города»; 2 — места находок энколпионов

почти на полную высоту, а в алтарной части была обрушена только конха. Проведенные исследования дают основание предполагать, что церковь Константина была построена на последнем этапе жизни Мангупа как столицы княжества Феодоро (первая — третья четверть XV в.). После захвата крепости турками в 1475 г. здание погибло в пожаре, погребения подверглись разграблению. Однако затем оно было полностью восстановлено и служило церковью квартала в верховьях Гамам-дере, населенного, по крайней мере, до середины XVII в., христианами (Герцен 2001: 42).

В 1853 г. около церкви св. Константина А.С. Уваров раскопал четыре гробницы (Уваров 1910: 14). В 90-х годах XX в. исследование некрополя было продолжено Мангупской археологической экспедицией СГУ. В храме были открыты две вырубленные в материковой скале гробницы, прямоугольной в плане формы. Под северной стеной ближе к входу в храм находилось естественное углубление в скале, также использовавшееся как место для захоронений. Позднейшее из погребений было, по определению антропологов, мужское, возраст погребенного — более 60 лет. Присутствие в могиле звезды, используемой в литургии, бесспорно свидетельствует о том, что погребение принадлежало священнику. Кроме звезды (рис. 2: 2) в могильной яме был обнаружен наперсный крест из полированного зеленого камня, предположительно яшмы (рис. 2: 4). На концах ветвей креста — серебряные обоймицы с гравированными надписями под титлами: на одной стороне **IC** (верхняя ветвь), **[XC]** (нижняя ветвь — обоймица не сохранилась), **NI** (левая ветвь), **KA** (правая ветвь), на другой стороне **Φ** (верхняя ветвь), **ΩC** (левая ветвь), **[ZΩ]** (нижняя ветвь — обоймица не сохранилась), **H** (правая ветвь). Последняя представляет собой архаичную христианскую формулу: «Свет, жизнь», прилагаемую ко Христу, которая в греческой традиции сохранилась до развитого средневековья.

В этой же могиле была найдена оборотная створка литого древнерусского энколпиона, отлитого из медного сплава, имеющая закругленные концы ветвей и парные выступы-«слезки», размеры: 9,4 x 6,8 см (рис. 2: 1). В центре створки помещено рельефное изображение Богоматери с Младенцем; на концах верхней и боковых ветвей — погрудные изображения святых в медальонах; на внутренней поверхности створки — углубления, соответствующие рельефам внешней поверхности. В соответствии с классификацией А.А. Песковой, энколпион представляет собой тип П.1.1, вариант 1, дата

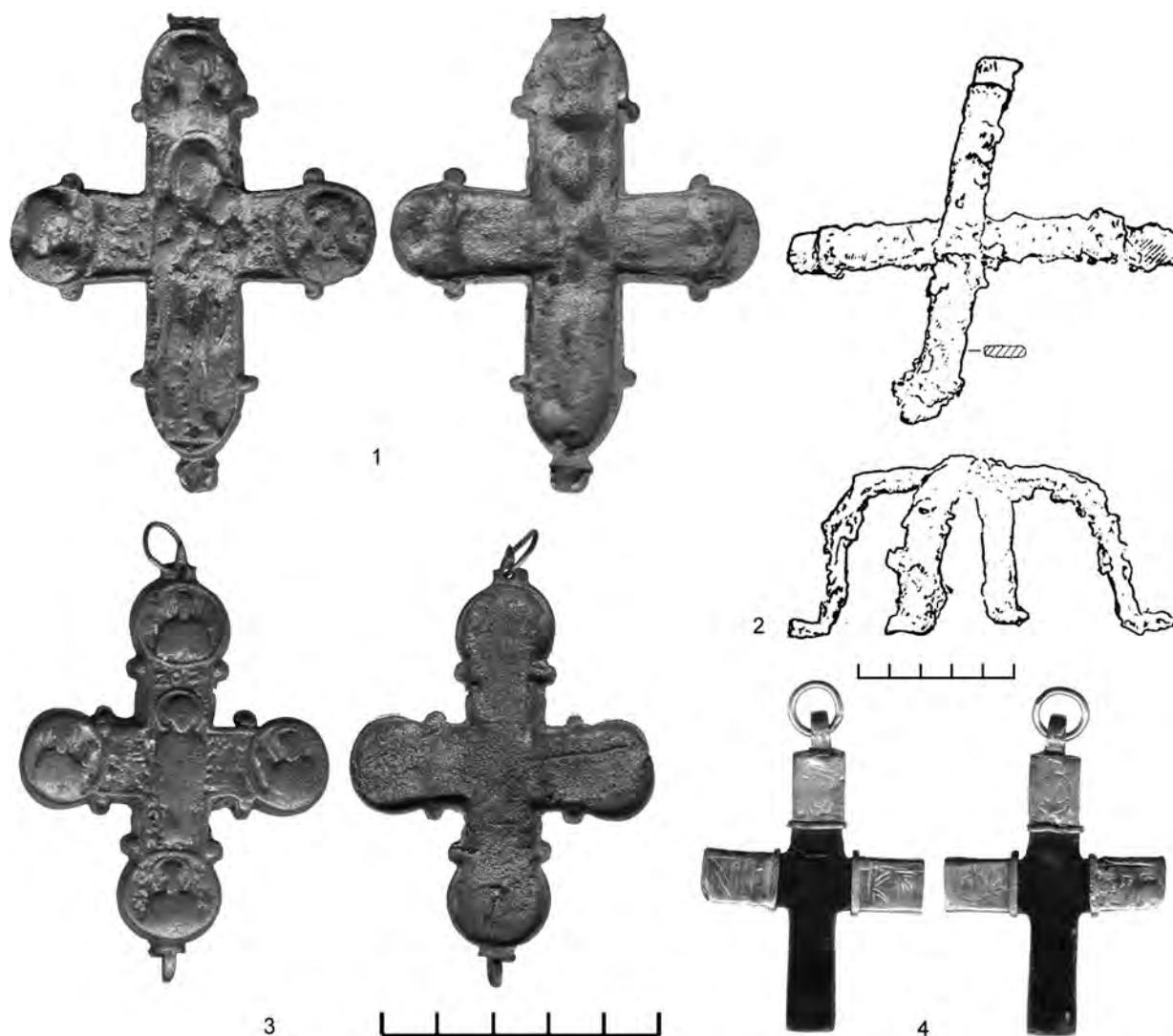

Рис. 2. 1, 3 — створки энколпионов; 4 — крест зеленого камня; 2 — литургическая звезда — из погребений при храме св. Константина на плато Мангуп-Кале

появления модели — XI в. (Зоценко 1981: 123–124; Корзухина, Пескова 2003: 60–61). Изображения на створке сильно затерты, края внутренней стороны заглажены, в нижней ветви на уровне ступней Богородицы пробито сквозное круглое отверстие — все эти признаки свидетельствуют о длительном бытовании складня.

Створка еще одного энколпиона была обнаружена в другой могиле, вырытой с внешней стороны западной стены храма Константина (рис. 2: 3). Она была зафиксирована рядом с шейными позвонками погребенного. Это лицевая створка с закругленными концами ветвей и выступами-«слезками», имеющая размеры 7,9 x 5,8 см. Все изображения рельефные, но более мелкие, чем на кресте описанного выше типа. В центре створки помещен образ Богородицы, с руками, сложенными перед грудью в жесте адорации — иконографический тип Ассунты (Кондаков 1998: 357–358); на концах четырех ветвей в медальонах — погрудные изображения святых. Над нимбом Богородицы сохранились три буквы в зеркальном написании: **БѢ**, по сторонам от фигуры Богородицы и в медальонах — плохо читаемые надписи. Складень относится к типу VII. 1.1, дата модели — первая половина XIII в. (Корзухина, Пескова 2003: 193–194). Нетипичное расположение композиции с Богородицей на лицевой створке, а Распятия — на оборотной является одной из особенностей данного типа (Корзухина, Пескова 2003: 193). О длительном использовании складня свидетельствуют сглаженность краев створки, сильная затертость изображений и надписей, проволочное кольцо для подвешивания, вставленное в верхнее ушко, а также монеты второй половины XVI — начала XVII в., сопровождавшие захоронения на данном участке.

В окрестностях Мангупа вне археологического контекста найдено еще пять фрагментов древнерусских энколпионов:

— фрагмент лицевой створки с рельефным изображением в средокрестии Богоматери Ассунты, на концах ветвей в медальонах — поясные изображения свв. Дамиана и Василия, на что указывают надписи (верхний и левый медальоны утрачены); с двух сторон от Богоматери зеркальные славянские надписи: слева — **ПОМАГАН**, справа — **СТАА Б ДАМНА**, внизу — **ВАСНА**; на концах обеих ветвей — сквозные отверстия (рис. 3: 1). Тип VII. 1.1.

— медальон левой ветви энколпиона с рельефным изображением, вероятно, св. Козьмы (Д. — 1,9 см) (рис. 3: 2). Тип VII. 1.1.

— крупный медальон левой ветви энколпиона с рельефным изображением предстоящих, по-видимому, Богоматери и Марии Магдалины, датируемый очевидно послемонгольским временем (Д. — 2,4 см) (рис. 3: 5).

— целый двустворчатый экземпляр, размерами без ушек и оглавия 6 x 5,2 см, по вертикальной оси (с оглавием — 7,9 см); оглавие — граненое, его лицевая и оборотная стороны орнаментированы низкорельефными четырехконечными крестами, заключенными в ромбы; на лицевой створке энколпиона — поколенное изображение Богоматери Ассунты с углубленной монограммой под титлами (**МНР УФ**), на концах ветвей — медальоны с погрудными изображениями четырех евангелистов; на оборотной створке в центре — Распятие, в боковых медальонах — предстоящие, в верхнем и нижнем медальонах — архангелы (рис. 3: 4); фигуры непропорциональные, с удлинненными ликами, рельефные изображения четкие; внутренняя поверхность створок — гладкая; относится к типу VII.2.1, который появляется в первой половине XIII в. (Корзухина, Пескова 2003: 193–194).

— небольшой фрагмент оборотной створки с сильно затертыми рельефными изображениями, надписи не читаются (рис. 3: 6). В средокрестии створки — изображение Богоматери Одигитрии, на правой ветви — медальон с погрудным изображением святого и следами надписи; на внутренней поверхности створки — углубления, соответствующие внешним рельефам; тип II.1.1, вариант 1; дата модели — XI в. (Корзухина, Пескова 2003: 60–61).

Следующая группа энколпионов происходит из укрепленного поселения, расположенного на большом плато горы Пампук-Кая, господствующей над долиной р. Бельбек в районе села Гончарное (бывшее Варнутка). В раннесредневековый период на скале Пампук-Кая была возведена мощная цитадель, синхронная большому поселению, расположенному у ее подножия (Якобсон 1970: 174, рис. 110). Раскопками 1961–1962 гг., проводившимися А.Л. Якобсоном, на городище открыты небольшая трехнефная трехапсидная базилика VIII в. и примыкающие к ней жилище и некрополь. Поселение существовало в VIII–XI вв., затем, как и другие одновременные селища, оно погибло и возродилось в XIV в. (Якобсон 1970: 110–111). Храм сооружен на краю скалы, над самым обрывом, и был хорошо виден издали. По мнению А.Л. Якобсона, храм и некрополь использовались вплоть до XIII в., а возможно, и в более поздний период (Якобсон 1970: 143).

Один из энколпионов был найден в могиле № 2, расположенной в нартексе храма (Якобсон 1964: 68–69, рис. 25:а, 27:2; 1970: 144, рис. 95, 8; Корзухина, Пескова 2003: 136, № 34). В могиле зафиксировано два погребенных костяка, сохранившиеся без анатомического порядка; энколпион был обнаружен под черепом одного из погребенных. Размеры энколпиона — 3,5 x 2,4 см, он имел закругленные концы и поперечные выступы-«слезки». На лицевой створке изображено Распятие, на оборотной — Богородица-Оранта с воздетыми руками, Тип III.3. (Корзухина, Пескова 2003: 132, 136, № 34). Складни этого типа были широко распространены в Поднепровье, где они датируются концом XII в. Сильная затертость изображения на лицевой створке, отмеченная автором раскопок, свидетельствует о длительном ношении креста (Якобсон 1970: 144). Место хранения энколпиона неизвестно.

Второй мошевик из крепости Пампук-Кая является случайной находкой. Сохранилась лицевая створка с верхним и нижним ушками; концы ветвей — округлые, верхняя и боковые ветви завершаются медальонами; размеры без ушек и оглавия — 8 x 7 см (рис. 3: 10). Контуры креста и медальоны подчеркнуты узким валиком, все изображения — рельефные; на внутренней поверхности створки — углубления, соответствующие наружным рельефам. В центре створки — распятый Христос в крестчатом нимбе, в медальонах на концах боковых ветвей — предстоящие. В верхнем медальоне изображен святой, с двух сторон от которого славянские буквы: **П О / Х**. Лики сильно затерты, но надписи сохранились хорошо: справа от Христа изображена Богородица, слева — Иоанн Богослов. Под правой рукой Христа — монограмма Богоматери: **М[Р-ФУ]**; над левой рукой: **ОА (ГОС)**; под левой рукой: **ІГ/О** и колончатая надпись: **О АГНОС** — один из характерных признаков этого варианта, однако в данном случае ошибоч-

но начертана одна лишняя буква в конце слова (Корзухина, Пескова 2003: 60). Относится к типу II.1, вариант II; время его появления и широкого распространения приходится на последнюю четверть XII в. (Корзухина, Пескова 2003: 60–61). Находится в частной коллекции.

От третьего складня сохранился фрагмент лицевой створки (верхняя ветвь утрачена), размеры — 5,5 x 6,8 см (рис. 3: 9). Концы ветвей с погрудными изображениями святых закруглены, но без традиционных медальонов, что является отличительной чертой данного экземпляра, сохранились лишь слабые следы левого медальона. Голова и тело Христа изображены прямо, волосы ниспадают на две стороны. Энколпион прекрасного качества, все изображения рельефные, четкие, хорошо проработаны резцом. Тщательно промоделированы следы от гвоздей на ладонях (стигматы) и ребра распятого Христа. Под руками Спасителя углубленные надписи: справа — **IG [XG]**, слева — **ННКА**. Близок к типу II.1, вариант I (Корзухина, Пескова 2003: 60). Его можно рассматривать как позднейшую реплику на энколпионы указанного типа. Находится в частной коллекции.

Следующий памятник, на котором был обнаружен древнерусский энколпион — средневековый пещерный монастырь Челтер-Коба. Монастырь высечен в обрыве скального мыса Ай-Тодор в Бельбекской долине, рядом с современным селом Мало-Садовое (бывш. Кучук-Сюйрень). Челтер-Коба, как и большинство других пещерных монастырей Таврики, функционировал в поздневизантийский период (Даниленко 1993: 104–105; Могаричев 1997: 78). Описываемый фрагмент энколпиона был найден вне контекста у подножия монастырского пещерного комплекса. Он представляет собой фрагмент лицевой створки (нижняя ветвь обломана); короткие ветви имеют прямые концы с тремя «слезками»: на углах и в центре (рис. 3: 7). Размеры створки: горизонтальная переключина — 6 см, сохранившиеся размеры вертикальной (с ушком) — 5,4 см. Рельефные изображения на концах ветвей заключены не в традиционные округлые медальоны, а в трапециевидные рамки со слегка вогнутыми торцевыми сторонами боковых ветвей. В центре створки в прямоугольной рамке изображен св. Николай в характерном омофоре с крестами; плечи святого подчеркнута округлые, волосы на голове отсутствуют, уши выступающие, слегка оттопыренные, глаза раскосы поставленные; на верхней границе центральной рамки — славянская надпись: **СТ ... НИКОЛА**. В рамке верхней ветви — шестикрылый Серафим. В рамках боковых ветвей — архангелы: справа — Михаил с копьем, слева — Гавриил, вероятно, с лилией на высоком стебле, но сопутствующие надписи на внутренних боковых границах рамок перепутаны: справа: **ГАВРИ...**, слева: **МИХАИЛ**. Аналогии неизвестны. Находится в частной коллекции.

Из Бельбекской долины происходит еще одна случайная находка — фрагмент лицевой створки складня, от которой сохранились левая и нижняя ветви креста и часть средокрестия. Створка имеет закругленные концы ветвей с медальонами, но без поперечных выступов-«слезок». В средокрестии помещено рельефное изображение Распятого на Голгофе с предстоящими в рост: Богородица — справа от Христа и св. Иоанн — слева (утрачен) (рис. 3: 8). В нижнем медальоне изображение архангела с копьем и сферой, в левом — святого (у внешнего края медальона пробито сквозное отверстие). Надписи не читаются. Аналогичные типы исследователи датируют XIV–XV вв. (Spinei 1992: 157, fig. 1, № 1, 3). Находится в частной коллекции.

И, наконец, последний энколпион был найден в Качинской долине, недалеко от горы Качи-Кальон. На склонах и в обрывах горы в средневизантийский период был основан пещерный монастырский комплекс, известный с XVIII в. как скит св. Анастасии (Веймарн, Чорев 1976: 60–66). Энколпион прямоконечный, размеры без ушек и оглавия: 7 x 5,5 см, с оглавием — 10 см; внутренняя поверхность створок — гладкая (рис. 3: 3). Все изображения рельефные, сильно затертые. Оглавие — граненое, его лицевая и оборотная стороны орнаментированы четырехконечными крестами, заключенными в ромб. В центре лицевой створки изображена Этимасия, на концах ветвей в прямоугольных рамках — погрудные изображения святых. На оборотной створке в центре — поясное изображение, предположительно, Богородицы Оранты; на концах ветвей в прямоугольных рамках — символы евангелистов: вверху — крылатый Лев (Марк), внизу — Ангел (Матфей), справа — Орел (Иоанн), слева — крылатый Бык (Лука). Относится к типу VII.3.1, который появляется в начале XIII в. (Корзухина, Пескова 2003: 195, табл. 144–145; Пуцко 1998: 318–319). Находится в частной коллекции.

Исследователями замечено, что кресты-складни редко встречаются в погребениях. По нашим приблизительным подсчетам, из 70 известных на сегодняшний день в Крыму древнерусских энколпионов, в могилах найдено только шесть. Причем три из них (два — мангупские, один — херсонесский), судя по сквозным отверстиям в верхней части и заглаженности внутренних бортиков створки, служили уже не двустворчатыми складнями, а простыми крестами, которые могли носиться как наперсные или, как святыня, подвешиваться к процессионному кресту. Вероятно, энколпионы, как храмовую или семейную

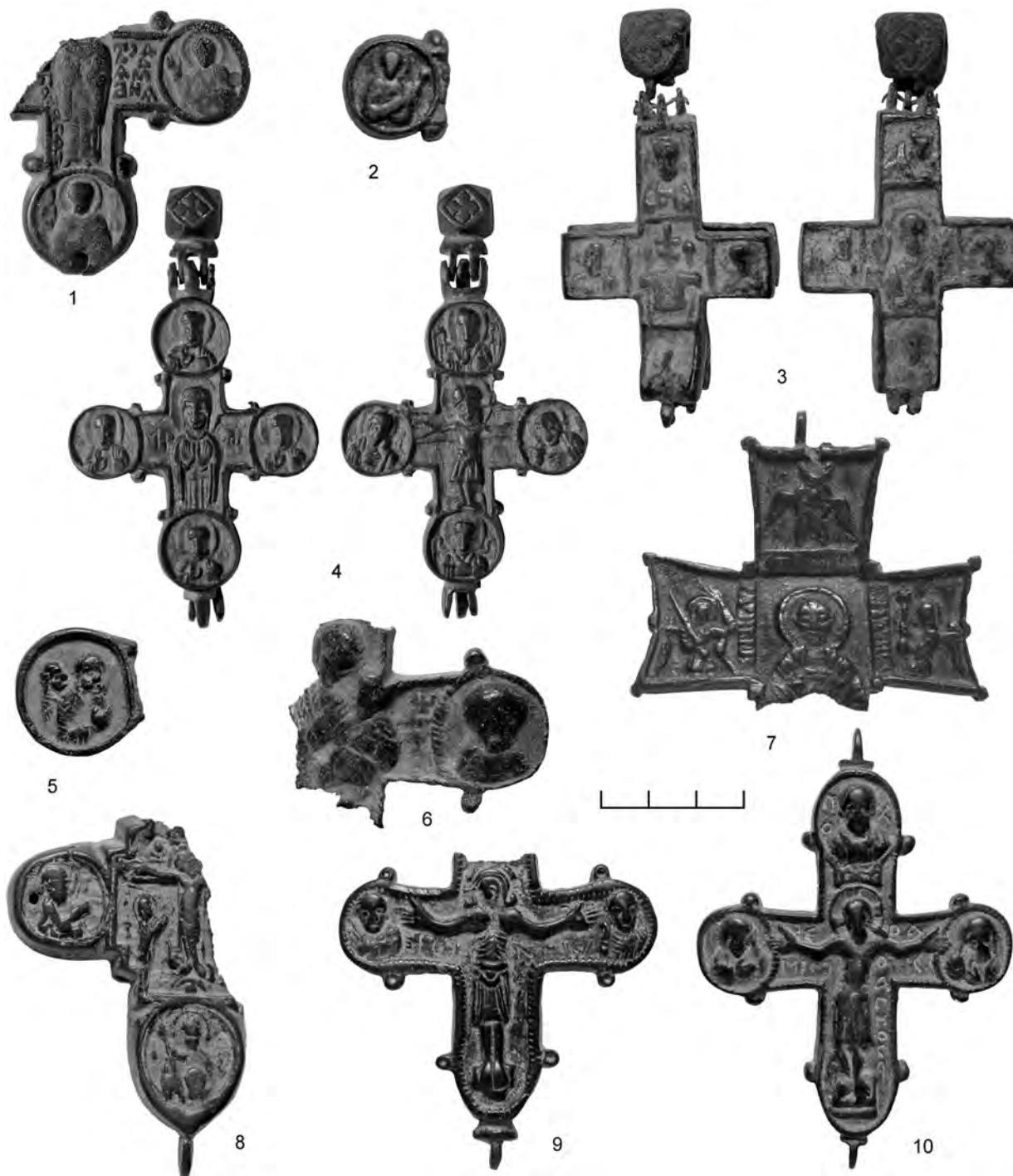

Рис. 3. Энколпионы: 1–2, 4–6 — окрестности Мангуп-Кале; 3 — окрестности монастыря на Качи-Кальоне; 7 — окрестности монастыря Челтер-Коба; 8 — Бельбекская долина; 9–10 — крепость Пампук-Кая

реликвию, долго хранили, передавали по наследству, а в могилу полагали лишь в особых случаях. Поскольку захоронения с энколпионами встречаются большей частью при храмах, не исключено, что с ними погребали священнослужителей или монахов. Интересно отметить, что на некоторых экземплярах сквозные отверстия предназначались не для подвешивания, так как были пробиты не в верхней ветви, а на боковых, нижних или на всех четырех ветвях — явно для крепления на какую-то основу. Возможно, эти отверстия служили для скрепления между собой створок, утративших петли (рис. 2: 1; 3: 1). По нашему предположению, в этих случаях створки использовались в качестве накладок на церковные предметы, например, книги, диптихи и проч.

Ареал древнерусских энколпионов достаточно широк. Они встречаются не только на основной территории Киевской Руси, но и на Северо-Востоке, на Северном Кавказе, в Прикарпатье, Польше, Болгарии, Венгрии, Югославии, Румынии и ряде других регионов (Ginalski 1999–2000: 216, рис. 3–5; Дончева-Петкова 1985: 45–55; Марјановић-Вујовић 1987: 50, fig. 50; Spinei 1975: 237, fig. 5–7, Энгватова 2006: 271, 281, рис. 7, 19; Пивоваров, Чеховский 2003: 163, рис. 1: 6–9; 2). Среди разнообразных путей проникновения древнерусских мощевиков в тот или иной регион исследователи отмечают торговые связи, наличие русской прослойки среди местного населения, татарскую экспансию и паломничество. Средневековый Крым не составлял исключения. Вместе с тем, причины появления древнерусских складней в отдельных районах полуострова были различны, поэтому необходим дифференцированный подход к каждому конкретному памятнику. К примеру, мы не можем говорить о русской прослойке и русских кварталах в городах и крепостях Горного Крыма, как это было в Херсоне, или назвать укрепление Пампук-Кая паломническим центром. По нашим наблюдениям, в тех случаях, когда древнерусские складни, происходящие из Юго-Западного Крыма, были обнаружены в культурном слое, он датировался обычно временем не ранее XIII в., т.е. временем после вторжения татар в Крым. Но и в случаях, когда энколпионы являлись случайными находками на конкретном памятнике, можно найти некоторые хронологические реперы. Так, крепость Пампук-Кая существовала в VIII–XI вв. и вновь возродилась только в XIV в.; XII–XV вв. — время функционирования пещерного монастыря Челтер-Коба и т.д. Наконец, хронологическую привязку могут дать и сами энколпионы. Например, экземпляры варианта II.1. появляются на рубеже XI–XII вв., а складни с Этимасией и с «обратными надписями» — только в XIII в.

Таким образом, в свете вышеизложенного можно заключить, что 9 из 13 рассмотренных нами древнерусских складней не могли появиться в Крыму ранее XIII в. Основной причиной их распространения в рассматриваемом регионе, с большой долей вероятности, можно назвать татарскую экспансию на полуостров со всеми вытекающими последствиями: присутствие русских пленников, бегство последних из плена и т.д. Можно предположить, что некоторые труднодоступные крепости и монастыри Юго-Западного Крыма: Пампук-Кая, Челтер-Коба, Качи-Кальон — на которых или в непосредственной близости от которых были найдены русские складни, на какое-то время становились убежищами беглецов-христиан. Не исключено, что Качи-Кальон был также и местом паломничества русских христиан, так как расположенная у его подножия «церковь Настасьи Христовой мученицы», упомянутая в жалованной грамоте Бориса Годунова — одна из немногих крымских церквей, известных в средневековье на Руси.

Появление древнерусских мощевиков в таком крупном городском центре как Мангуп — столице княжества Феодоро — может быть объяснено, по крайней мере, двумя причинами. С одной стороны, складни могли попадать сюда из Херсона, который в конце XIV в. был фактически покинут жителями, некоторые из них могли переселиться в Мангуп-Феодоро, ставший во второй половине XIV в. не только административно-политическим, но также и церковным центром Юго-Западного Крыма; с другой стороны, следует также учитывать тесные связи правящей элиты Феодоро с Москвой. В конце XIV в. некоторые ее представители, лишившись своих вотчин в результате вторжения войск Тимура, переехали ко двору князя Московского, дав начало нескольким московским княжеским родам греческого происхождения. Не исключено, что это мог быть один из каналов поступления в Феодоро предметов православного культа. Известно, что представители московской аристократической элиты посещали Мангуп. Однако в обоих этих случаях, наши энколпионы должны быть датированы столетием ранее времени их поступления на территорию столицы феодоритов.

Литература

- Бертье-Делагард 1910 — *Бертье-Делагард А.Л.* Вымысел и действительность в истории Георгиевского монастыря // ЗООИД. Т. 28. 1910.
- Броневский 2005 — *Броневский М.* Описание Крыма // Историческое наследие Крыма. № 10. 2005.
- Веймарн, Чореф 1976 — *Веймарн Е., Чореф М.* «Корабль» на Каче. Симферополь, 1976.
- Герцен 1990 — *Герцен А.Г.* Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. Вып. I. 1990.
- Герцен 1997 — *Герцен А.Г.* Христианство в Крыму: время расцвета и испытаний (XIII–XVI вв.) // Материалы международной юбилейной конференции, посвященной 2000-летию Рождества Христова. Симферополь, 1997.

- Герцен 2001 — *Герцен А.Г.* Мангуп-город в крымском поднебесье. Симферополь, 2001.
- Герцен, Могаричев 1996 — *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Мангупа. Симферополь, 1996.
- Герцен, Науменко, Черныш 1994 — *Герцен А.Г., Науменко В.Е., Черныш С.А.* Археологические исследования на Мангупском плато в 1993 г. // Археологические исследования в Крыму 1993 г. Симферополь, 1994.
- Даниленко 1993 — *Даниленко В.Н.* Монастырь Чельтер-Коба: архитектурный аспект // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
- Дончева-Петкова 1985 — *Дончева-Петкова Л.* Древнеруски кръстове-енколпиони от България // Археология. XXVII. 1. София, 1985.
- Зоценко 1981 — *Зоценко В.Н.* Об одном типе древнерусских энколпионов // Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981.
- Кондаков 1998 — *Кондаков Н.П.* Иконография Богоматери. [Репринтное издание]. Т. 1, 2. М., 1998.
- Корзухина 1958 — *Корзухина Г.Ф.* О памятниках «курсунского дела» на Руси. По материалам медного литья // ВВ. Т. XIV. 1958.
- Корзухина, Пескова 2003 — *Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003.
- Малицкий 1933 — *Малицкий Н.В.* Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. Вып. 71. 1933.
- Марјановић-Вујовић 1987 — *Марјановић-Вујовић Г.* Крстови од VI до XII века из збирке Народног музеја. Београд, 1987.
- Могаричев 1997 — *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
- Паллас 1999 — *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793–1794 гг. М., 1999.
- Пивоваров, Чеховський 2003 — *Пивоваров С.В., Чеховський І.Г.* Знахідки давньоруських міднолитих (бронзових) хрестів-оберегів на Прикарпатті і їхні побутування у культовій і магичній практиці місцевого населення // Археологічні студії. 2. Київ; Чернівці, 2003.
- Пуцко 1998 — *Пуцко В.Г.* Киевское художественное ремесло начала XIII в. Индивидуальные манеры мастеров // Byzantinoslavica. LIX. 1998.
- Уваров 1910 — *Уваров А.С.* Рапорт министру уделов // Материалы для биографии и статьи по теории археологии. Т. 3. СПб., 1910.
- Энговатова 2006 — *Энговатова А.В.* Комплексные исследования средневекового поселения Настасьино в Коломенском районе Московской области // In situ: К 85-летию юбилею профессора А.Д. Столяра. СПб., 2006.
- Якобсон 1950 — *Якобсон А.Л.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. № 17. 1950.
- Якобсон 1964 — *Якобсон А.Л.* Новый памятник раннесредневековой архитектуры в Крыму // КСИА. Вып. 99. 1964.
- Якобсон 1970 — *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. № 168. 1970.
- Ginalski 1999–2000 — *Ginalski J.* Enkolpiony z grodziska “Horodyszczce” w Trepczy kolo Sanoka // Acta archaeologica Carpathica. T. XXXV. 1999–2000.
- Spinei 1975 — *Spinei V.* Les relations de la Moldavie avec le Byzance et la Russie au premier quart du II-e millénaire à la lumière des sources archéologiques // Dacia. XIX. 1975.
- Spinei 1992 — *Spinei V.* Circulația unor piese de cult în regiunile românești nord-dunărene în secolele X–XVII вв. // Arheologia Moldovei. XV. Iași, 1992.
- Yaschaeva, Nagornyak 2003 — *Yaschaeva T., Nagornyak S.* Ancient Russia Reliquary Crosses from the Byzantine Taurica // 16th International Congress of antique Bronzes «Typology, chronology, authenticity». Abstracts and Contributors’ list. Bucharest, 2003.

Д.Д. Ёлшин (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ОБЛИКА ДЕСЯТИННОЙ ЦЕРКВИ В КИЕВЕ

Церковь Богородицы Десятинной в Киеве — один из самых сложных и загадочных памятников древнерусского зодчества. Низкая степень сохранности остатков храма породила проблемы в их исследовании и интерпретации. До последнего времени оставались неопределенными основные положения строительной истории храма. Более полувека в научной литературе продолжается дискуссия по поводу реконструкции первоначального облика Десятинной церкви (рис. 1: 1–7) (Брунов 1953: 300; Powstenko 1954: 44; Корзухина 1957: 78–90; Каргер 1961: 36–37; Холостенко 1965: 68–85; Логвин 1978: 31–34; Логвин 1988: 225–229; Реутов 1996: 32–34; Красовский 1998: 149–156; Красовский 2002: 98–107). Г.Ф. Корзухина внесла особый вклад в эту дискуссию. Новые данные позволяют разобраться в причинах сложившейся в историографии ситуации, выделить основную проблему реконструкции и обозначить перспективы ее решения.

По итогам исследований памятника в 1938–1939 гг. М.К. Каргер сделал заключение о двух строительных этапах ранней истории храма. Первоначальным ядром, возведенным в конце X в., исследователь считал трехнефную постройку без галерей (рис. 2: 1). Галереи, по его мнению, были пристроены вскоре, в первой половине XI в. (Каргер 1950: 74, 77). Однако, никаких археологических аргументов в пользу подобного заключения исследователь не привел.

Это и было справедливо отмечено Н.И. Бруновым в его рецензии на первую публикацию результатов исследований Десятинной церкви в Киеве: «В отношении опубликованного плана в целом остается много недосказанного и непонятного. Автор, безусловно, должен был высказать свое мнение по этим неясным вопросам, даже если он не мог дать окончательного их решения. Он должен был это сделать уже хотя бы потому, что раскопанные им части Десятинной церкви в настоящее время засыпаны, вследствие чего нет возможности проверить выводы автора, нет возможности на самых остатках памятника проверить ту или иную гипотезу, на которые неминуемо наталкивает материал самого Каргера. <...> План Каргера выглядит “слепым” и к старым вопросам добавляет новые неразрешенные вопросы» (Брунов 1953: 299, 301). Отвечая на эту рецензию через несколько лет, М.К. Каргер обрушил на «кабинетного искусствоведа» Н.И. Брунова весь праведный гнев археолога, но описание археологических остатков Десятинной церкви не изменил (Каргер 1961: 38–42). П.А. Раппопорт прямо высказался об отсутствии в концепции М.К. Каргера археологических доказательств разновременности частей Десятинной церкви (Раппопорт 1984: 185–192).

Тем не менее, реконструкция первоначального ядра Десятинной церкви в интерпретации М.К. Каргера была принята в науке и до последнего времени являлась основной (Комеч 1987: 168). Правда, уже в 1954 г. А. Повстенко предложил альтернативную реконструкцию. А. Повстенко предположил, что первоначально был осуществлен трехнефный шестистолпный объем с опоясывающими его узкими галереями, которые лишь впоследствии были перестроены и приобрели тот вид, который и был открыт и зафиксирован в ходе археологических исследований 1930-х гг. (Powstenko 1954: 44–45). Развитая и дополненная аргументами, эта версия получила большую известность благодаря

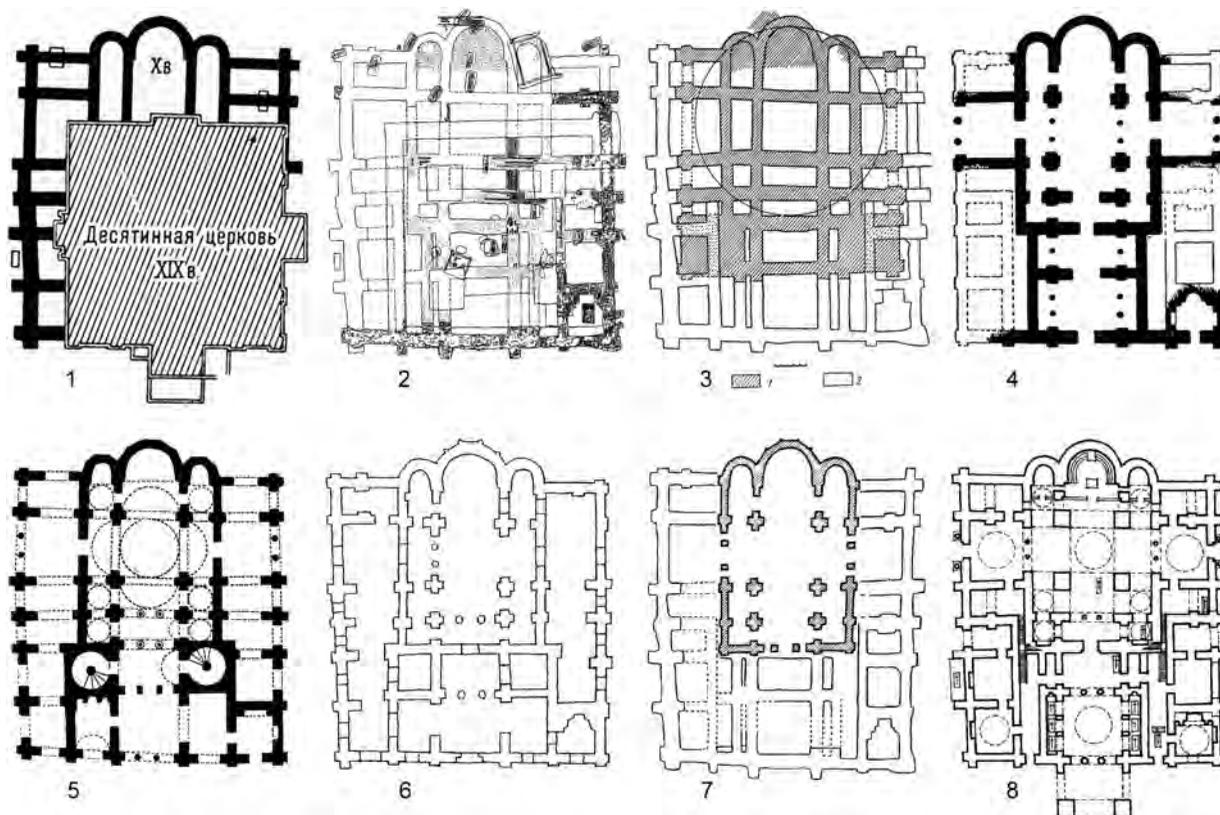

Рис. 1. Варианты реконструкции плана Десятинной церкви в Киеве: 1 — Д.В. Милеев (ОАК 1918: 168); 2 — М.К. Каргер (Каргер 1961: рис. 9); 3 — Г.Ф. Корзухина (Корзухина 1957: 84); 4 — Н.В. Холостенко (Холостенко 1965: 78); 5 — Г.Н. Логвин (Логвин 1978: 32); 6 — Ю.С. Асеев (Асеев 1982: 30); 7 — П.А. Раппопорт (Раппопорт 1993: 32); 8 — А.А. Реутов (Реутов 1996: 33)

статье Г.Ф. Корзухиной (рис. 3),¹ опубликованной в «Советской археологии» в 1957 г.² Однако, для убедительности реконструкции Г.Ф. Корзухиной пришлось развернуть широкую косвенную аргументацию (рис. 2: 1) (Корзухина 1957: 81–87). Основания этой версии были убедительно опровергнуты М.К. Каргером (Каргер 1961: 43–48), но сама идея о перестройке галерей впоследствии использовалась неоднократно (Раппопорт 1962: 63; Раппопорт 1982: 7; Асеев 1982: 28–30). В недавней работе И.С. Красовского была высказана идея о том, что вариант с узкими галереями представлял собой первоначальный, но невоплощенный замысел постройки (Красовский 1998: 149–156).

Наконец, третья и последняя версия была выдвинута Г.Н. Логвиным. Исследователь указал на прямое противоречие плана раскопок 1938–1939 гг. версии М.К. Каргера о пристройке галерей в более позднее время. С точки зрения автора, взаиморасположение фундаментных лент, характер фундаментов (ширина и глубина заложения) и зафиксированные следы субструкций в районе примыкания южной и западной галерей к центральному объему позволяют утверждать одновременность всех конструкций храма (Логвин 1978: 32). Версия была поддержана А.А. Реутовым: «Все части плана Десятинной церкви составляют неразрывное композиционное единство, что исключает их разновременное происхождение» (Реутов 1996: 33).

Значение вывода о первоначальном ядре Десятинной церкви — первого памятника древнерусской архитектуры — трудно переоценить. Концепция М.К. Каргера сразу же была отмечена археологами и

¹ Мнение Г.Ф. Корзухиной в дискуссии особенно важно тем, что Г.Ф. Корзухина принимала непосредственное участие в полевых исследованиях Десятинной церкви в 1938–1939 гг. Г.Ф. Корзухина вела подробные полевые дневники, а также выполняла всю графическую фиксацию раскопок (планы, фасады и разрезы фундаментных кладок) (РА НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1938. Д. 267–268; Ф. 35. Оп. 1939. Д. 223; НА ИА НАНУ. Ф. 20. Д. 60).

² В своей статье Г.Ф. Корзухина приводит версию А. Повстенко (Powstenko 1954: 44) как собственный «опыт реконструкции» (ср. Корзухина 1957: рис. 3). Очевидно, вынужденный «плагиат» был связан с запретом ссылаться на эмигранта и «буржуазного националиста» Олексу Повстенко.

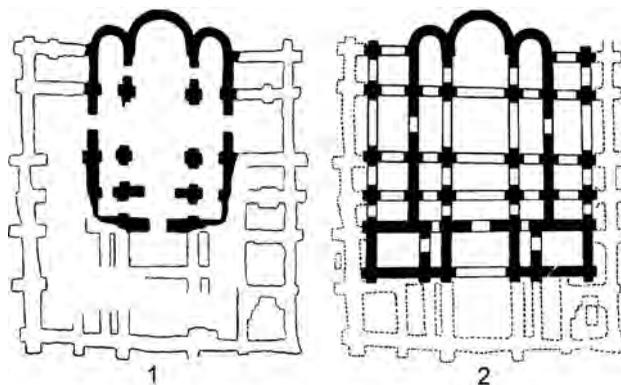

Рис. 2. Варианты реконструкции первоначального ядра Десятинной церкви:
1 — М.К. Каргер (Монгайт 1951: 20);
2 — Г.Ф. Корзухина (Корзухина 1957: 84, 86)

историками архитектуры. А.Л. Монгайт усматривал в первой Десятинной церкви прототип позднейших древнерусских храмов конца XI—XII вв.: «...развитие этого архитектурного типа в зданиях Киева, Чернигова и других русских городов показывает, что с самого начала русская каменная архитектура стала на свой, в значительной степени независимый от Византии, путь развития. Если большие пятинефные Софийские соборы можно в известной мере связывать с византийским искусством, то шестистолпные трехнефные храмы, отличающиеся простотой и компактностью плана, могут рассматриваться как национальный русский тип здания, непрерывно бытующий в течение нескольких столетий развития нашей древней архитектуры» (Монгайт 1951: 20). Н.И. Брунов писал: «Вывод о трехнефности первоначального здания и о его шестистолпной системе чрезвычайно обогатил историю русской архитектуры» (Брунов 1953: 299). Такую же оценку дает и Н.Н. Воронин: «Сейчас, после новейших археологических исследований в Киеве, можно полагать, что действительным “образцом” трехнефных, шестистолпных храмов конца XI—XII веков было основное шестистолпное ядро Десятинной церкви» (Воронин 1955: 103). Эта «справедливая мысль» была поддержана и самим М.К. Каргером (Каргер 1961: 34). Показателен и заключительный вывод исследования Н.В. Холостенко: «Определенно, с Десятинной церкви и началось формирование самобытной школы культового древнерусского строительства, которую никак нельзя считать ответвлением византийской» (Холостенко 1965: 80).

Напротив, Г.Ф. Корзухина акцентировала внимание на том, что Десятинная церковь в ее первоначальном воплощении имела «сильно выраженный византийский облик» и входила в типологический круг памятников древнерусской архитектуры первой половины XI в. (Софийские соборы Киева, Новгорода, Полоцка, соборы патрональных монастырей Киева — св. Георгия и св. Ирины). В сложившейся дискуссии ее версия значительно снижала «самобытность» первого древнерусского храма. Именно поэтому интерпретация М.К. Каргера, дополнительно акцентированная А.Л. Монгайтом и Н.Н. Ворониным, была, вероятно, гораздо более желательна в общих условиях советской идеологической парадигмы 1950-х гг., поощрявшей обнаружение «своих» прототипов,³ даже если дело касалось средневековой и первобытной истории (Раппопорт 1984: 186).

Новые археологические исследования Десятинной церкви, начатые в 2005 г., заставили заново оценить аргументацию прежних концепций, а также предоставили возможность проверить некоторые положения в полевых условиях.

Основным положением версии Г.Ф. Корзухиной было отсутствие в первоначально осуществленном варианте линии периметра фундаментов и развитой западной галереи, причем, по ее мнению, при

³ За 50 лет представления о развитии византийской и древнерусской архитектуры были серьезно скорректированы. «Византийский» характер архитектурного типа пятинефного Софийского собора оказался чисто «кабинетным» построением Н.И. Брунова, не соответствующим действительным остаткам храмов. Исследования византийских памятников во второй половине XX в. показали, что ни одна из церквей Константинополя ныне не может считаться пятинефной (Комеч 1987: 62). С другой стороны, мнение Н.Н. Воронина о «действительном прототипе» шестистолпных храмов было сделано на основании результатов исследований Рождественского собора в Суздале, проведенных А.Д. Варгановым, который выдвинул тезис о несоответствии указаний Киево-Печерского патерика о том, что суздальский собор возведен был «в ту же меру», что и Великая Печерская церковь (Воронин 1961: 30). Последние исследования, проведенные в 1994–1996 гг., позволили пересмотреть реконструкцию суздальского собора и подтвердить сведения патерика (Зыков 1999: 42–45). Именно Софийский собор в Киеве может теперь рассматриваться как самобытное произведение в большей степени, чем церковь Успения Богородицы Киево-Печерского монастыря (Комеч 2005: 7–12).

Рис. 3. Раскопки Десятинной церкви в Киеве экспедицией ЛОИА АН СССР в 1939 г. (ФА НА ИИМК РАН. О.3313.41). Рабочий момент. Справа, с планшетом — Г.Ф. Корзухина

перестройке было произведено «наращивание поперечных фундаментных лент галерей (Корзухина 1957: 80–82). Никаких подтверждений факта этих гипотетических перестроек обнаружено не было. Подробное изучение фундаментов южной и западной галерей позволило установить последовательное устройство их участков без каких-либо следов перестроек, исключая ремонт юго-западного угла храма, произведенный в начале XII в.

Что касается концепции М.К. Каргера, то тщательное историографическое исследование показало, что сама гипотеза о пристройке галерей храма возникла еще в ходе раскопок Десятинной церкви Д.В. Милеевым в 1908 г. Так, в газетном известии, перепечатанном в «Известиях Археологической Комиссии», читаем следующее: «<возможно> точно установить, что Владимиром была построена церковь небольших размеров (на трех апсидах). Другие ее части были пристроены значительно позже, при Ярославе, который, согласно летописным сказаниям, был этой постройкой занят в течение 30 лет» (Известия ИАК 1910: 170). Обоснования этого вывода конкретизируются самим Д.В. Милеевым на докладе по итогам первого года раскопок, сделанном 28 февраля 1909 г. на заседании Отделения русской и славянской археологии РАО.⁴ «Справа и слева к трехапсидной церкви примыкали широкие, до 6–8 аршин, помещения, пристроенные, как видно по сохранившимся признакам конструкции их, позднее, чем возведенная на ростверке церковь. От этих стен местами сохранился фундамент» (Протокол заседания 1913: 219), а также учеником Д.В. Милеева С.П. Вельминым в сообщении на собрании Киевского Отделения Императорского Военно-Исторического Общества в марте 1910 г.: «Техника же постройки боковых прямых частей церкви... показывает, что апсиды и боковые части сооружения были не в одно время: сначала была сооружена сравнительно небольшая церковь чисто Византийского типа — имевшая три апсиды, затем, и вероятно очень скоро (может быть лет через 25–30), к этой церкви были пристроены боковые, прямые части» (Вельмин 1910:

⁴ В обсуждении доклада Д.В. Милеева участвовал Д.В. Айналов, связавший с пристройкой Ярославом Мудрым галерей к храму Владимира известный отрывок из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона. Впоследствии, однако, этот же отрывок Д.В. Айналов связывал с другим храмом, строительство которого, по его мнению, было также начато Владимиром — Софией Киевской (Айналов 1917: 35–36).

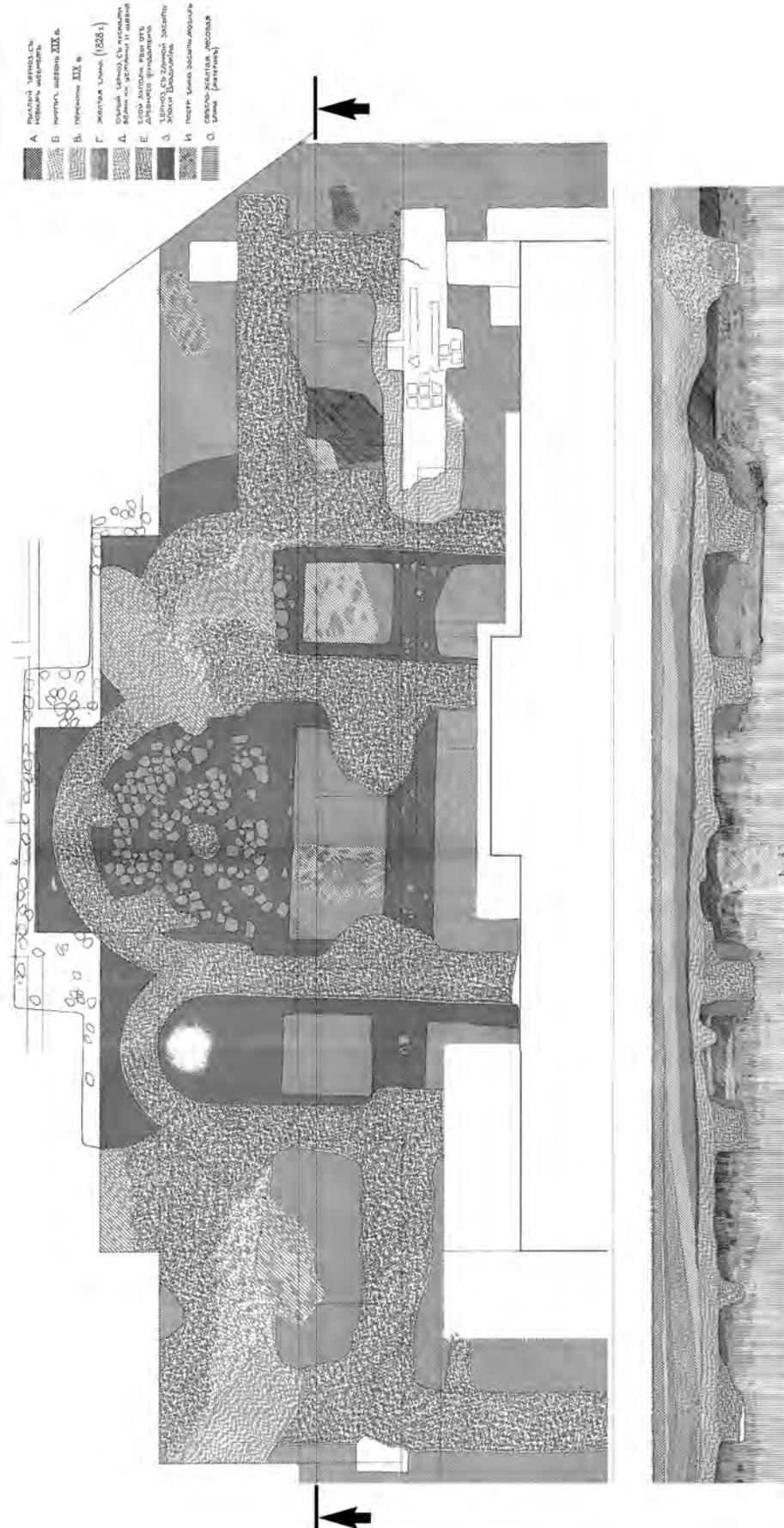

Рис. 4. Раскопки Д. В. Милеева Десятинной церкви в Киеве в 1908—1909 гг. 1 — сводный план восточной части Десятинной церкви в Киеве (РА НА ИИМК РАН. Р-1. Д. 32. Л. 2) на уровне засыпки фундаментных рвов (условные обозначения см.: ОАК 1912: табл. VI); 2 — восточный профиль траншеи С-Ю 1908 г. (поперечный разрез фундаментных рвов храма)

Рис. 5. Раскопки Д.В. Милеева Десятинной церкви в Киеве в 1908 г. (ФА НА ИИМК РАН. II 85908; О.2873.62). Кварцитовые блоки *in situ* в уровне подошвы фундаментного рва между северными подкупольными опорами. Вид с востока

23–24). Свидетельство об обоснованности вывода о различии основного объема и галерей находим и в путеводителе К.В. Шероцкого: «...на основании кладок (курсив мой. — Д. Ё.) можно полагать, что эти заплечья с западной папертью были возведены не при Владимире, а Ярославом Мудрым после пожара 1017 г.» (Шероцкий 1917: 81).

Однако чрезвычайно показательным является то, что эта рабочая гипотеза, определявшая важнейшие хронологические этапы постройки, не была введена в официальный опубликованный текст отчета (ОАК 1912: 132–158). Из писем Д.В. Милеева ясно, что окончательный текст отчета о первом сезоне раскопок был подготовлен лишь в январе 1912 г. (Архив ГЭ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 118. Л. 37–37 об.), т.е. значительно позже упомянутых докладов. Немаловажным является и то, что в 1911 г. Д.В. Милеевым был раскопан сохранившийся северо-западный угол храма, в котором отчетливо прослеживалась идентичная структура деревянных субструкций (см.: ФА НА ИИМК РАН. II 33337, II 33348–33359). Очевидно, что Д.В. Милеев отказался от раннего варианта интерпретации данных раскопок и предпочел более осторожный подход. Несомненно, М.К. Каргеру были известны перечисленные публикации, но ученый привел рабочую версию Д.В. Милеева как без прямой ссылки на автора, так и без необходимого анализа чрезвычайно важной археологической аргументации (Ёлшин 2007: 230).

Результаты археологических исследований 2005–2007 гг. показали, что Д.В. Милеев действительно имел основания разделять возведение центрального объема и галерей храма на разные строительные этапы на основании различий в технологии устройства фундаментов. Фундаментные рвы галерей сооружены уже после возведения фундаментов центрального объема. Глубина заложения фундаментов галерей в среднем на 20 см меньше, чем глубина фундаментов центрального объема.⁵ Фундаменты центрального объема выполнены открытым способом в котловане (сплошной котлован апсидной части и широкие фундаментные рвы, пазухи которых были затем засыпаны грунтом), а кладка фундаментов

⁵ Деревянные субструкции фундаментов закладывались на разных этапах строительства и на разных уровнях, а не синхронно, как считал Г.Н. Логвин (Логвин 1978: 31–34).

галерей полностью заполняла фундаментные рвы (рис. 4: 1–2).⁶ В основании фундаментов центрального объема обильно использован ожелезненный песчаник, в фундаментах галерей — плинфа и серый пористый шлак. С другой стороны, в основании всех фундаментов храма, включая галереи, была использована идентичная система деревянных субструкций из двух ярусов продольных и поперечных лежней, закрепленных вертикальными кольями. Строительный материал фундаментов апсид храма и южной галереи не отличается: это розовый цемяночный раствор и колотый овручский кварцит (рис. 5). В сохранившихся *in situ* участках фундаментов галерей зафиксирована плинфа исключительно одного типа, который относится к концу X в.⁷ Характер использования плинфы не позволяет предполагать, что в галереях она была употреблена вторично. В целом, результаты исследований позволяют считать, что фундаменты центрального объема и галерей являются результатами последовательных строительных этапов, но в пределах одного строительного периода, зафиксированного в летописи (989–996 гг.) (Ивакин, Иоаннисян 2008: 16, 18; Ивакін, Іоаннісіян 2008: 205–206; Ёлшин 2008: 11–13).

По версии М.К. Каргера, облик Десятинной церкви окончательно сформировался лишь ко времени ее повторного освящения 1039 г., т.е. строительство галерей происходило в контексте тенденций, характерных для древнерусской архитектуры эпохи княжения Ярослава Мудрого. Датировка возведения галерей концом X в. позволяет иначе взглянуть на первый этап развития древнерусской архитектуры. В этом случае можно предполагать, что при строительстве Софии Киевской и храмов св. Георгия и св. Ирины зодчими был учтен облик Десятинной церкви, а ее внутренняя пространственная структура была творчески переосмыслена, в результате чего возникло такое яркое и самобытное явление, как пятинефные храмы Древней Руси. Схожие предположения, высказывавшиеся ранее Г.Ф. Корзухиной и Г.Н. Логвиным, теперь достаточно подкреплены и археологическими материалами.

Таким образом, в ходе последних археологических, архивных и историографических исследований было выяснено, что концепция М.К. Каргера о пристройке галерей Десятинной церкви в более позднее время не имеет археологических оснований. Сама версия появилась еще в ходе раскопок 1908 г. и была использована М.К. Каргером без ссылок на ее автора — Д.В. Милеева. Результаты новых исследований позволяют считать центральный объем и галереи этапами одного строительного периода в пределах 90-х гг. X в. Реконструкция первоначального этапа строительства храма, предложенная А. Повстенко и Г.Ф. Корзухиной, не может быть принята. В то же время, именно Г.Ф. Корзухина верно указала на типологическую связь Десятинной церкви и Софийских соборов XI в., что подтверждает особо важную роль первого киевского храма в процессе становления древнерусской архитектуры.

Литература

- Айналов 1917 — *Айналов Д.В.* К вопросу о строительной деятельности св. Владимира // Сборник в память святого равноапостольного кн. Владимира. Петроград, 1917.
- Асеев 1982 — *Асеев Ю.С.* Архитектура Древнего Киева. Киев, 1982.
- Брунов 1953 — *Брунов Н.И.* Рецензия на книгу М.К. Каргера «Археологические исследования Древнего Киева. Отчеты и материалы (1938-1947 гг.)» // ВВ. Т. VII. М., 1953.
- Вельмин 1910 — *Вельмин С.П.* Археологические изыскания ИАК в 1908 и 1909 гг. на территории Древнего Киева // Военно-исторический вестник. № 7–8. Киев, 1910.
- Воронин 1955 — *Воронин Н.Н.* Политическая легенда в Киево-Печерском патерике // ТОДРЛ. XI. 1955.
- Воронин 1961 — *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. 1. М., 1961.
- Ёлшин 2007 — *Ёлшин Д.Д.* Раскопки Императорской Археологической Комиссии в Киеве 1908–1914 гг.: Новые архивные материалы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 4. СПб., 2007.

⁶ РА НА ИИМК РАН. Р-1. Д. 32. Чертежи раскопок в Киеве 1908–1914 гг. Лл. 2 (план), 10, 11, 18 (профили). Два профиля были опубликованы М.К. Каргером, но, к сожалению, слишком схематично и без условных обозначений (Каргер 1958: рис. 8).

⁷ Из этой же плинфы были возведены и гражданские постройки вокруг Десятинной церкви. Характерными признаками этой плинфы являются скошенные борта и размеры около 30 x 30 x 2,5 см. Именно на такой плинфе были обнаружены греческие клейма (Каргер 1958: 455, табл. LXXX). Датировка плинфы подтверждается и тем, что ее фрагменты были обнаружены в засыпке «пустого» рва по оси восточных подкупольных опор Десятинной церкви, траншеи, в которую так и не была уложена каменная кладка (рис. 4) (Реутов 1996: 33; Ивакин, Иоаннисян 2008: 206). Противоречие версии М.К. Каргера тому, что нам известно о плинфе галерей, уже отмечал А.И. Комеч (Комеч 1987: 174).

Ёлшин 2008 — *Ёлшин Д.Д.* Комплекс монументальных сооружений конца X в. на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты. Автореф. дисс... канд. ист. наук. СПб., 2008.

Зыков 1999 — *Зыков П.Л.* К вопросу о реконструкции Суздальского собора конца XI — начала XII вв. // Средневековая архитектура и монументальное искусство. СПб., 1999.

Известия ИАК 1910 — Известия ИАК. Прибавление к № 34. СПб., 1910.

Ивакин, Иоаннисян 2008 — *Ивакин Г.Ю., Иоаннисян О.М.* О новых раскопках Десятинной церкви (2005–2007 гг.) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 1. М., 2008.

Івакін, Іоаннісян 2008 — *Івакін Г.Ю., Іоаннісян О.М.* Перші підсумки вивчення Десятинної церкви у 2005–2007 рр. // Дньєслово: Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя. Київ, 2008.

Каргер 1950 — *Каргер М.К.* Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938–1947 гг.). Киев, 1950.

Каргер 1958 — *Каргер М.К.* Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958.

Каргер 1961 — *Каргер М.К.* Древний Киев. Т. 2. Л., 1961.

Козюба 2005 — *Козюба В.К.* Дослідження садиби Десятинної церкви у Києві в 1908–1914 рр. (за матеріалами щоденників Д.В. Мілеєва) // Ruthenica. Т. IV. 2005.

Комеч 1987 — *Комеч А.И.* Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. М., 1987.

Комеч 2005 — *Комеч А.И.* Пятинефные церкви в византийской и древнерусской архитектуре // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. М., 2005.

Корзухина 1957 — *Корзухина Г.Ф.* К реконструкции Десятинной церкви // СА. № 2. 1957.

Красовский 1998 — *Красовский И.С.* О плане Десятинной церкви в Киеве // РА. № 3. 1998.

Красовский 2002 — *Красовский И.С.* Реконструкция архитектурного облика Десятинной церкви // Археология. № 4. 2002.

Логвин 1978 — *Логвин Г.Н.* Новые исследования древнерусской архитектуры // Строительство и архитектура (Киев). № 8. 1978.

Логвин 1988 — *Логвин Н.Г.* Первоначальный облик Десятинной церкви в Киеве // Древности славян и Руси. М., 1988.

Монгайт 1951 — *Монгайт А.Л.* Раскопки в Старой Рязани // КСИИМК. XXXVIII. 1951.

ОАК 1912 — Отчет Археологической Комиссии за 1908 г. СПб., 1912.

ОАК 1918 — Отчет Археологической Комиссии за 1913–1915 гг. Петроград, 1918.

Протокол заседания 1913 — Протокол заседания ОРСА РАО 28.02.1909 // Записки Отделения русской и славянской археологии РАО. Т. 9. СПб., 1913.

Раппопорт 1962 — *Раппопорт П.А.* Археологические исследования памятников русского зодчества X–XIII вв. // СА. № 2. 1962.

Раппопорт 1982 — *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982.

Раппопорт 1984 — *Раппопорт П.А.* О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры // ВВ. Т. XLV. 1984.

Реутов 1996 — *Реутов А.В.* До проблеми реконструкції Десятинної церкви // Церква Богородиці Десятинна в Києві. Київ, 1996.

Холостенко 1965 — *Холостенко М.В.* З історії зодчества Древньої Русі X ст. // Археологія. Т. XIX. 1965.

Шероцкий 1917 — *Шероцкий К.В.* Киев. Киев, 1917.

Powstenko 1954 — *Powstenko O.* The Cathedral of St. Sophia in Kiev // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S. III-IV. New York, 1954.

Архивные материалы

Архив ГЭ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 118. Письма Д.В. Милеева.

РА НА ИА НАНУ. Ф. 20. Д. 60. Раскопки Киевской экспедиции в 1939 г. (Десятинная церковь). Г.Ф. Корзухина. Дневник.

РА НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1938. Д. 267. Раскопки Киевской экспедиции в 1938 г. (Десятинная церковь). Дневник Г.Ф. Корзухиной.

РА НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1938. Д. 268. Раскопки Киевской экспедиции в 1938 г. (Десятинная церковь). Полевые чертежи.

РА НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1939. Д. 223. Раскопки Киевской экспедиции в 1939 г. (Десятинная церковь). Полевые чертежи.

В.Н. Зоценко (Киев), *М.М. Иевлев* (Киев)

БРОНЗОВАЯ ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА XI в. ИЗ КИЕВА

Рассматриваемая ниже литейная форма была обнаружена в процессе исследований Киевской экспедиции Института археологии в 2000 г., которые проводились в историческом «городе Ярослава». Основной раскоп находился по Рыльскому переулку, 5, и прилегал к ограде Национального заповедника «София Киевская» (рис. 1). Культурный слой на данном участке распределялся по трем горизонтам XI–XIII вв. и его мощность составляла 1,0–1,3 м. На уровне XI в. была исследована часть усадьбы, существовавшей за пределами «города Владимира», будучи отделенной от него с восточной стороны рвом шириной до 4,5 и глубиной 1,4–1,7 м. Ров прослежен на расстояние до 20 м. Материал засыпки рва дает возможность утверждать о прекращении его функционирования в середине XII в. На запад от этого рва были зафиксированы следы частокола. С севера усадьба ограничивалась древним склоном и оврагом, который отделял ее от комплекса построек Софийского собора. Исследованная площадь усадьбы включала две нежилые постройки (№ 1, 4) и хозяйственную яму (№ 7), в нижней части заполнения которой и был найден интересующий нас предмет. Яма прилегала к юго-западному углу постройки № 4, составляя с ней единый комплекс. Вошедшая в раскоп часть этой постройки, представляла собой прямоугольный котлован 3,0 x 0,8 м и глубиной до 1,3 м, ориентированный практически по сторонам света. Упомянутая яма имела следующие параметры: 1,8 (с запада на восток) x 1,3 (с севера на юг) м, при глубине 1,2 м от горизонта запуска.

В заполнении котлована постройки, кроме многочисленных фрагментов керамики, были найдены куски желтой плинфы толщиной 2,5 см, фрагменты стеклянного кубка бирюзового цвета, бронзовая шпилька, оканчивающаяся стилизованной головкой хищной птицы. Среди найденного материала — большое количество железных гвоздей и пластинок, фрагментов оплавленной бронзы, а также фрагмент бронзового клепаного котла. Материал заполнения ямы, помимо створки литейной формы, включал в себя несколько фрагментов венчиков горшков XI в., 4 фрагмента амфор, серую керамическую массу весом до 5 кг. Все постройки данного горизонта погибли в пожаре. В 2,2 м на запад от ямы № 7, в культурном слое, на уровне которого были созданы исследованные постройки и яма, была найдена свинцовая вислая печать хорошей сохранности (рис. 2), дающая прекрасный хронологический репер для датировки усадьбы. Булла принадлежала князю Изяславу (Дмитрию) Ярославовичу и была сделана с матрицы «7: 7-2», на одной из сторон которой изображены розетки, как и на щите св. Димитрия, представленного на другой стороне. Данный сфрагистический тип может быть датирован временем после 1073 г. (Янин 1970: 35–41, № 7; Янин, Гайдуков 1998: 19, № 7-2; Гордиенко 1989: 236–237). Таким образом, частично открытая раскопками в Рыльском переулке усадьба занимала особое место на историко-топографической карте города: на отдельном мысу Старокиевской горы, вне укреплений, как «города Владимира», так и «города Ярослава». Исходя из найденных материалов, усадьба могла принадлежать одному из киевских нобилей второй половины XI в. Характер заполнения вошедших в раскоп построек усадьбы свидетельствует о том, что ее обитатели, а возможно и хозяин, были связаны с ювелирным делом.

Исследуемый артефакт представляет собой створку двусторонней разъемной литейной формы для отливки крестов-тельников так называемого «скандинавского типа» (цв. вкл. 10:1) (Спицын 1905: 117). Он относится к довольно редкой

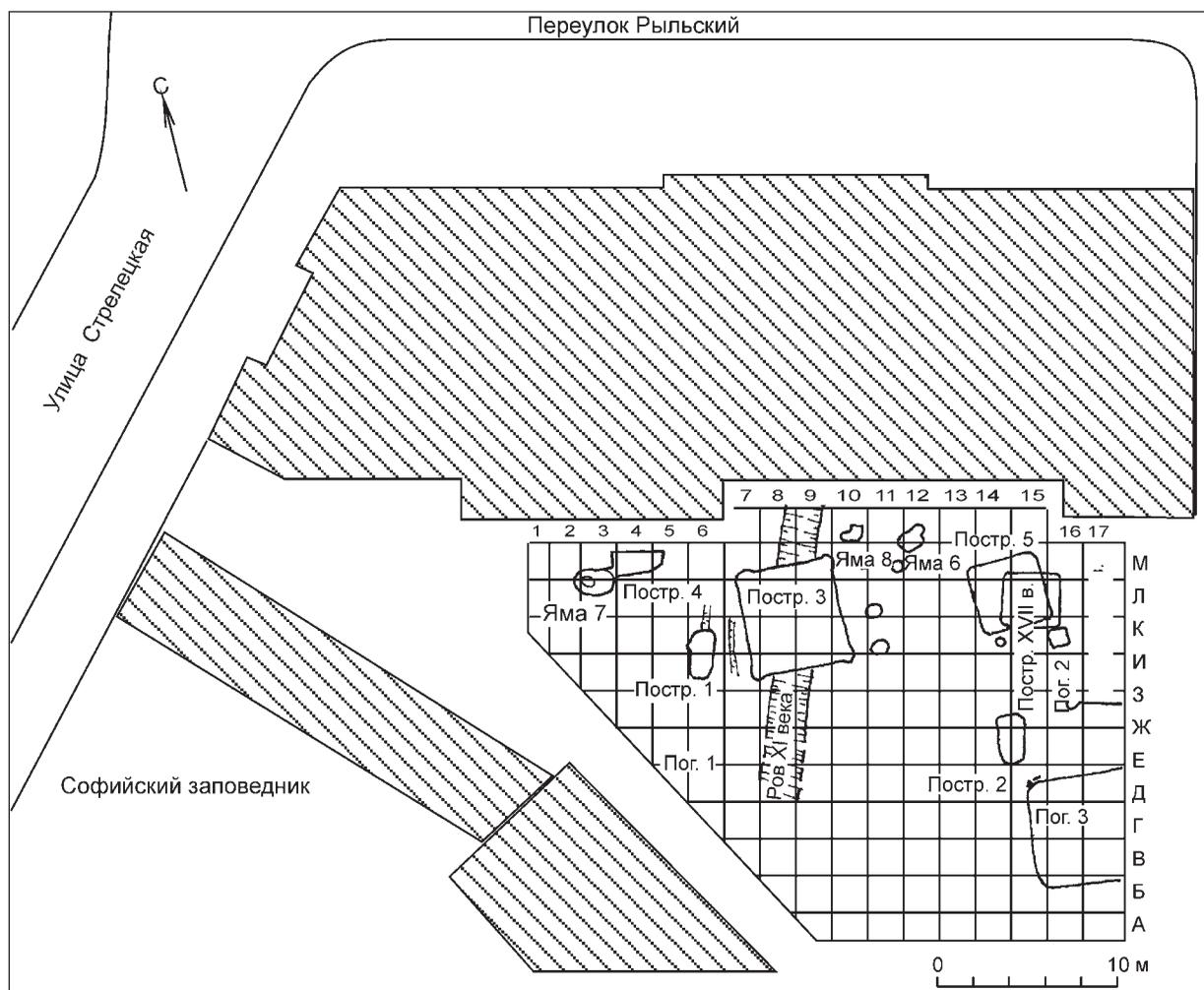

Рис. 1. Ситуационный план основного раскопа в «городе Изяслава»

группе европейских литейных инструментов из металла, используемых в практике отливки мелких украшений, начиная с эпохи поздней бронзы и вплоть до позднего средневековья (Goldmann 1985: 90). Створка имеет форму прямоугольника размерами: 32 x 37 мм при толщине 15–18 мм. По ее краям имеется 4 отверстия диаметрами 3–4 мм для штифтов фиксации со второй половиной формы (сохранилось три бронзовых штифта с остатками древесного тлена; высота штифтов 8–10 мм). Исходя из визуальных признаков, литейная форма была изготовлена по восковой модели с последующей отливкой в глиняной форме. Основным признаком предложенного способа литья является отпечаток грубого диагонального текстиля на обратной (нерабочей) стороне изделия. Подобные следы, согласно реконструкции данного технологического процесса, остаются при вложении восковой модели в пластичную форму с помощью тканевого тампона (Laszlo 1972: 89–90). Отлита створка, судя по внешним физическим характеристикам, из относительно чистой меди, возможно с незначительным добавлением благородных металлов (серебра или золота), что увеличивало температуру тугоплавкости и не создало условий полного окисления предмета при археологизации.

Лицевая (рабочая) сторона створки занята негативным изображением равностороннего («греческого») креста, с расширяющимися перекладинами, завершающимися тремя округлыми углублениями («слезками»), при этом центральный диск выступает за край поля лопасти. В верхней (узкой) части створки имеется желоб на длину стороны и шириной до 3,5 мм. В нынешнем состоянии практически по центру этого желоба наблюдается воронкообразный пролом шириной от 6 (вверху) до 3 (у подошвы) мм и глубиной до 6,5 мм, опускающийся на край лопасти негатива креста и, фактически, поглотившей здесь выступающую «слезку». Скорее всего, пролом образовался на месте литникового канала в результате прожига корпуса створки расплавленным металлом, как результат долговременного ее

Рис. 2. Свинцовый оттиск печати великого князя
Изяслава Ярославовича

использования. О многократном, в течение значительного временного периода, употреблении створки в литейном процессе свидетельствуют, как сквозное с неровными краями отверстие в желобе, справа от пролома литника, так и многочисленные, разной величины каверны по незанятой изображением креста поверхности лицевой стороны. Концентрация этих каверн отмечается близ каналов штифтов и вокруг оконечностей лопастей, особенно — левой. Об этом же говорит и удвоенный канал под правый нижний штифт фиксажа, причем вторичное отверстие частично накладывается на первоначальное. Наличие же желобчатой лейки при литнике — весьма распространенная деталь средневековых металлических литейных форм (Василев 1993: 137, обр. 1а).

Размеры, отливаемого креста, составляют 30 x 30 мм, при ширине лопастей 7,5 мм у основания и 11,5 мм на вершине (окончании) лопасти. Шаг лопастей оформлен в виде конической кривой, с шириной между точками основ в 7 и 10 мм и глубиной 8 мм. Диаметр чаши «слезок»: 2,5 мм. Средокрестие, также, оформлено в виде округлой чаши, но со сквозным точечным отверстием по центру. Позитив чаш «слезок» и средокрестия, естественно, принимал вид полусфер. Плоскостная графика изображения решена в принципе условного вписывания креста в окружность. Декоративное оформление креста представлено несколькими зонами углублений диаметром от 0,5 до 1 мм под псевдозернь, получаемую при отливке. Одна из зон окантовывает края тельника, при том, что основание гиперболы шага лопастей подчеркнута двойным рядом таких углублений. Следующая зона, подчеркивает двумя поясами средокрестие, первый из которых нанесен по окружности края его чаши, а второй, с выходами в поле лопастей, образует ромб, вершины которого оформлены в виде крестчатой композиции. Крестами, составленными из пяти выемок, маркировано и поле лопастей. Наконец, вертикальные ряды данных выемок ограничивают лопасти креста. Кроме псевдозерни, орнаментальным элементом отливаемого креста является и линейный рант внутреннего поля корпуса, пущенный под «жемчужным» обрамлением. Последняя окантовка образует плоскостной крест с расширяющимися трехгранными окончаниями.

Крест, получаемый путем отливки в новооткрытой киевской форме, может быть соотнесен с типом 1: 6, предложенным М.В. Фехнер (Фехнер 1968: 210, рис. 1: 6) или же типом 1.4.3, Var. В.1, по классификации Й. Штекера (Staecker 1999: 111, 470–471, № 75). Можно согласиться с мнением Й. Штекера, усматривающего исходную форма крестов-тельников «скандинавского типа», несмотря на «греческую» схему абриса корпуса, в каролингских крестчатых фибулах конца VIII в. (Staecker 1999: 112–113). Однако начальная стадия их изготовления и бытования, как показывают наиболее ранние комплексы (Гнёздовский клад 1993 г., т.р.к. 950 г., — Путь... 1996: 49, № 171; Киев, Житомирская, 2, раскопки 1988, детское погребение № 1, вторая половина X в. — Боровский, Калюк 1993: 9, рис.5; Киев, усадьба Михайловского монастыря, раскопки 1999 г., погребение девушки № 49, середина — вторая половина X в., — Ивакин, Козюба 2003: 41–43, рис. 5: Б-2; там же, раскопки 1997 г., разрушенное женское погребение № 13, конец X — начало XI вв. — Ивакин, Козюба 2003: 39, рис.1: 3), связаны с варяго-славянской дружинной средой Руси середины — второй половины X в. Поэтому правомочна постановка вопроса о генетической связи крестов-тельников нашего типа с предшествующими им крестами из листового металла, вписанных в окружность (тип 1.2.2. по Й. Штекеру), которые представлены в инвентаре дружинных некрополей Северной и Восточной Европы с конца IX в., но особенно — в первой половине X в.

Стоит высказать несколько соображений относительно датировки рассматриваемой створки. Учитывая факт ее обнаружения в хозяйственной яме вместе с моливдовулом Изяслава Ярославовича периода его киевского княжения (1068, 1069–1073, 1077–1078 гг.), расценивать дату гибели князя на Нежатиной Ниве (3 октября 1078 г.) стоит, скорее как т.а.к. комплекса, нежели чем его т.р.к. Действительно, перед тем, как попасть в выгребную яму, створка отслужила своему хозяину довольно долгий срок, исчис-

ляемый, возможно, несколькими десятилетиями. Исходя из того, что она была обнаружена вместе со штифтами, можно предположить, что она была сознательно выброшена мастером, поскольку стала выдавать литейный брак из-за своего окончательного износа.

Скорее всего, отливаемые в рассматриваемой форме кресты принадлежат к разновидности крестов «скандинавского типа», появившейся в Киеве не позже третьей четверти XI в., а скорее всего, в середине указанного столетия. Этой дате не противоречат и датированные находки крестов типов 1: 6 по М.В. Фехнер и 1.4.3, Var.V.1 по Й. Штекеру (Фехнер 1968: 212–213; Мусин 2002: 153, 155, 180, рис. 68; Staecker 1999: 113–114, 467–469, 470–471, 485–487, 508, №№ 72, 75, 90, 107).

Металлические литейные формы могли использоваться городскими ювелирами Древней Руси наравне с получением ювелирных украшений из легкоплавких металлов и восковых моделей, также как и для отливок предметов из чистого серебра, температура плавления которого ниже в среднем на 80°–120° фазового состояния сплавов меди. В практике ювелирного литья это обычно — 960° против 1083° (Робов 1993: 115). По нашим наблюдениям за материалом крестов «скандинавского типа», абсолютное большинство этих атрибутов христианского культа отлито непосредственно из серебра. Отливки в металлических формах, в сравнении с изделиями, полученными путем литья в каменных или глиняных формах, позволяли достигать четкости изображения и требовали незначительного количества сырья. В свою очередь, малое количество расходуемого исходного и относительно чистого по составу литейного металла существенно снижало количество газов и неметаллических примесей, выделяемых при застывании отливки, что обычно приводит к возникновению каверн и пустот (Долмова 1985: 45). Трудоемкий процесс изготовления литейных металлических форм предполагал наличие специализированных мастерских по их производству, а работа с такими формами требовала высокого профессионального мастерства.

Литература

- Боровський, Калюк 1993 — *Боровський Я.Є., Калюк О.П.* Дослідження Київського дитинця // Стародавній Київ. Київ, 1993.
- Василев 1993 — *Василев В.П.* Бронзови лярски форми за накити // Приноси към българската археология. София, 1993.
- Гордиенко 1989 — *Гордиенко Э.А.* Розетка на печатях князя Изяслава Ярославича // История и культура древнерусского города. М., 1989.
- Долмова 1985 — *Долмова М.* Златарството в Търнов // Културата на средновековния Търнов. София, 1985.
- Ивакін, Козюба 2003 — *Ивакін Г., Козюба В.* Нові Поховання X–XI ст. Верхнього Києва (з розкопок архітектурно-археологічної експедиції 1997–1999 рр.) // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Чернігів, 2003.
- Мусин 2002 — *Мусин А.Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.
- Путь... 1996 — *Путь из варяг в греки и из грек...* Каталог выставки. М., 1996.
- Робов 1993 — *Робов М.* Двумлицев калъп за отдине на накити от Търново // Годишник на музеите от северна България, кн. XIX. Велико Търново, 1993.
- Спицын 1905 — *Спицын А.А.* Владимирские курганы // Известия ИАК. 15. 1905.
- Фехнер 1968 — *Фехнер М.В.* Крестовидные подвески «скандинавского» типа // Славяне и Русь. М., 1968.
- Янин 1970 — *Янин В.Л.* Актовые печати древней Руси. Т. I. М., 1970.
- Янин, Гайдуков 1998 — *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати древней Руси. Т. III. М., 1998.
- Goldmann 1985 — *Goldmann K.* Bronzegusstechniken // Archäologische Bronzen. Berlin, 1985.
- Laszlo 1972 — *Laszlo G.* L'art des Nomades. Budapest, 1972.
- Staecker 1999 — *Staecker J.* Rex regum et dominus minorum: die wikingerzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdänemark und Schweden. Stockholm, 1999.

М. Крук (Краков)

ДРЕВНЕРУССКИЕ КРЕСТЫ-РЕЛИКВАРИИ И МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИКОНЫ В СОБРАНИИ ОТДЕЛА ЦЕРКОВНОГО ИСКУССТВА НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ГОРОДА КРАКОВА

Общая характеристика коллекции церковных предметов из металла в собрании Национального музея города Кракова (далее — MNK) уже была мной дана (Крук 2006: 137–140). В настоящей статье я хотел бы сосредоточиться на рассмотрении памятников, датированных в пределах XI–XVI вв. Среди них стоит отметить, прежде всего, кресты-реликварии или энколпионы, несколько портативных металлических икон, а также украшения, так называемые колты и серьги. Названные памятники можно классифицировать следующим образом:

1. MNK — Отдел церковного искусства:
 - A. Кресты-энколпионы XI–XV вв. — 26;
— в том числе поврежденные — 5;
— вызывающее сомнение вследствие нехватки четких критериев датировки — 2.
 - B. Нагрудные иконки XII в. — 3.
 - C. Нагрудные иконки XIV–XVI вв. — 4.
 - D. Ранневизантийский развес с мотивом креста — 1.
2. MNK — Отдел прикладного искусства:
 - A. Колты — 2.
 - B. Привеска-крест — 1.
 - C. Аппликация (привеска ?) — 1.
 - D. Серьги — 3 пары и 2 разрозненных экземпляра.
 - E. Перстни — 2.
3. MNK — Отдел нумизматики:
 - A. Нагрудные иконки XI–XIII вв. — 2.
4. MNK — Фонд князей Чарторыйских:
 - A. Нагрудная иконка XIV–XV вв. — 1.

К тому же стоит упомянуть иконку, предположительно византийского происхождения, а также каменную иконку XIX в., напоминающую изделия, именуемые «куриные боги», которые в ряде случаев связаны со Смоленщиной (Николаева 1983: табл. 68).

Научное исследование названных произведений связано с решением ряда вопросов: датировка, определение места происхождения, иконография. В этих случаях необходимо обратиться к весьма полезной литературе, посвященной исследованиям древностей в странах Восточной Европы, Германии и Скандинавии (Rom und Byzanz 1997–1999; Staecker 1999; Gnutova, Zotova 2000: 1–134; Мусин 2002; Корзухина, Пескова 2003; Pohanstvo 2004; Крест 2005; Pitarakis 2006). Необходимо сразу подчеркнуть, что в отличие от произведений византийского происхождения энколпионы из Западной Руси и Волыни обычно выполнены в бронзе.

Первый пример — это крест из так называемой «казачьей могилы», очевидно, кургана древнерусской эпохи, раскопанного в окрестности Мотовиловки близ Киева, дар священника Густава Йедловицкого в 1910 (MNK XVIII-167, 39,0 x 39,7 x 2,9 мм (рис. 1: 1) (Kruk, Sulikowska-Gąska, Wołoszyn 2006b: 47, 179. I. 1). Благодаря своей простой, универсальной форме этот крест может быть сопоставлен с серебряным крестом из кургана в Гнёздове под Смоленском (Staecker 1999: 101, fig. 36)

или крестом из Чермно в восточной части Польши (Zbierski 1959: 120, tab. X:47). В этом случае датировка предмета усложняется из-за того, что в кургане, в силу совершения здесь впускных погребений, были одновременно найдены артефакты разного времени.

Действительно, форма креста может иногда ввести исследователя в заблуждение, как об этом хорошо свидетельствует пример единственного креста с кольцом для подвешивания на самой длинной из ветвей, что придает ему облик перевернутого креста, т.н. «креста святого Петра». Это могло казаться бы недоразумением, если бы не аналогии, существующие в Хорватии и на Готланде, позволяющие иначе взглянуть на предмет исследования (Молодин 2005: ил. 20, 27).

Небольшая овальная подвеска с гравированным мотивом креста обращает на себя внимание своей архаичной формой, напоминая паломнические ампулы из Святой Земли, известные еще в VI–VII вв. (Kruk, Sulikowska-Gąska, Wołoszyn 2006b: 113, 207. I.27).

К наиболее древним нагрудным иконам принадлежит двухсторонняя иконка XII в. (?) с изображением Распятия (на лицевой стороне) и Благовещения, которая может быть сопоставима с произведениями новгородского происхождения (MNK XVIII-315. рис. 1: 2; Kruk, Sulikowska-Gąska, Wołoszyn 2006b: 61, 208. I.29).

Еще одна иконка найдена во время пахоты в деревне Жабинец. Она односторонняя, и, скорее всего, несет на себе образ св. Иоанна Предтечи (Kruk, Sulikowska-Gąska, Wołoszyn 2006b: 113, 207. I.28). Эта металлическая иконка представляет совершенно иную иконографию пророка, нежели стеатитовые иконы из местности Белжец (Wołoszyn 2001: 38, ил. 1) и весь корпус близких по сюжетам памятников византийского происхождения, собранный и проанализированный И. Калаврезу-Максайнер (см.: Kalavrezou-Maxeiner 1985).

Наиболее древними среди иконок представляются две из них, предположительно связанные с новгородской культурной средой, датировка которых также весьма проблематична. Одна из них — круглая, в форме панагии XV в., с изображением столь типичной для этого центра темой «Богоматерь Знамение» (MNK XVIII-174; рис. 1: 3) (Kruk, Sulikowska-Gąska, Wołoszyn 2006: 62, 209. I.31), вторая, квадратная, представляет «Сошествие в ад» (XV–XVI вв.) (Kruk, Sulikowska-Gąska, Wołoszyn 2006b: 115–116, 211. I.33).

Еще одна иконка производит впечатление типичной для всей территории Руси и изображает любимых святых — св. Георгия и св. Николая (Kruk, Sulikowska-Gąska, Wołoszyn 2006b: 114. I.30). Датировку иконок усложняет тот факт, что иконографический тип повторяется, что хорошо видно на примере иконки, скорее всего, XVIII в., которая воспроизводит мотив Цареградской Оидигитрии (MNK XVIII-141; рис. 1: 5).

Если позднее создание этого произведения не вызывает сомнения, то трудно однозначно высказать по поводу времени изготовления другой иконки с Богородицей (MNK XVIII-166; рис. 1: 4) (Kruk, Sulikowska-Gąska, Wołoszyn 2006b: 62. I.32). Если иконки обычно изготавливались в технике выпуклого рельефа, то сохранившиеся кресты выполнены с употреблением самых разных техник, среди которых также доминирует рельеф — обычно сильно стертый к настоящему времени. В нашей коллекции есть примеры гравированных крестов, а также крестов, украшенных гравировкой и чернью. Эти часто посеребренные и крупные по размерам памятники принадлежат к наиболее редким и самым ценным. Существуют кресты, изготовленные в смешанной технике, например, энколпион, найденный в деревне Стралков на Икве, на Волини (Kruk, Sulikowska-Gąska, Wołoszyn 2006b: 48. I.3).

Сохранившиеся кресты находятся в самой разной степени сохранности. Наряду с прекрасно сохранившимися, существуют сильно поврежденные. Трудно найти экземпляр с хорошо сохранившимся оглавием, поскольку именно эта часть креста была наиболее хрупкой. Информация о месте находки энколпионов получена непосредственно от лиц, передававших найденные предметы в Краковский музей. Эти кресты обычно находились в процессе земляных работ. Формирование коллекции Краковского музея началось вскоре после его учреждения в 1879 г. и продолжалось до конца XIX столетия. Названия поселений, откуда происходят находки, вносились в инвентарный каталог или просто отмечались на обратной стороне предмета. Эти заметки ныне являются ценным источником сведений о происхождении изделия. Благодаря им нам известен ряд мест концентрации интересующих нас памятников, преимущественно на Волини и в Западной Руси.

Следует подчеркнуть, что уже в XIX в. эти памятники вызвали интерес научного сообщества. Выражением общего интереса к православному искусству явилась Первая польско-русская археологическая выставка во Львове в 1885 г. (Wystawa 1885). Тогда впервые были экспонированы энколпионы

Рис. 1. 1 — Крест, вырезанный из пластины (Скандинавия или Северная Русь, кон. X — нач. XII в. (?), медь, MNK XVIII-167); 2 — нагрудная икона двусторонняя (или часть диптиха), обратная сторона — Благовещение (Русь, Новгород (?), XII в., медное литье, MNK XVIII-315); 3 — нагрудная икона, Богоматерь Знамение (Русь, Новгород (?), XV в., медное литье, MNK XVIII-174); 4 — нагрудная икона, Богоматерь Одигитрия (Русь, Новгород (?), XVI в., медное литье, MNK XVIII-166); 5 — нагрудная икона, Богоматерь Одигитрия (Русь, Новгород (?), XVIII в., медное литье, MNK XVIII-141); 6 — крест с изображением свв. мчч. Бориса и Глеба (Киевская Русь, медное литье, вт. пол. XIII в. — нач. XIV в., MNK XVIII-437); 7 — энколпион, лицевая сторона — Распятие (Русь, XV в., медное литье, MNK XVIII-156); 8 — двусторонняя нагрудная икона, лицевая сторона (?) — свв. Николай и Харлампий; обратная сторона — св. Георгий (Афон (?), кон. XVII — нач. XVIII в., рог (?), MNK-Фонд князей Чарторьских XIII-514).
1 — Медь, вырезан из пластины; 2-7 — медное литье; 8 — рог

с корректными описаниями, что, впрочем, не распространяется на их датировку. Последняя выставка, на которой были показаны энколпионы Краковского музея, была организована в 2001 г. в городе Гнезно и называлась «Церковь — великая Тайна» (Cerkiew — Wielka Tajemnica 2001: 25-45).

На территории современной Польши четкая концентрация находок отмечена вокруг древних русских городов: Хелм, Владимир, а также Санок и Перемышль на юго-востоке. Благодаря последним раскопкам, проведенным Е. Гинальским на городище Трепча возле Санока, были найдены новые, весьма интересные энколпионы (Ginalski 1999 2000: 211-262; Ginalski 2001: 49-54). Особенно ценным

является уникальный энколпион с метеоритом внутри, сохраняемым как реликвия, а также литейная форма для бусины, что играет важную роль для выявления производственных центров древней Руси (Cerkiew — Wielka Tajemnica 2001: tab. IV, III. 17; Ginalski 2004: 131).

В украинской научной литературе последних лет предположительно указываются производственные центры во Владимире и Луцке (Мазурик, Остапюк 2002: 107–109; Охрименко, Остапюк, Стемковський 2003: 114–115; Ostapiuk, Stemkowski, Kubycka, Ochrimenko 2003: 30). В окрестностях Владимира был найденный энколпион с изображением святых воинов и святых князей Бориса и Глеба, сходный с имеющимся в собрании MNK (MNK XVIII-437, рис. 1: 6) (Kruk, Sulikowska-Gaska, Wołoszyn 2006b: 109–110, 203. I.23). Интересно, что при сходстве формы и иконографического оформления здесь ярко проявляется разница в подборе темы на аверсе — на владимирском кресте присутствует Распятие, на краковском — свв. Борис и Глеб.

Названный крест с иконографической точки зрения принадлежит к самым интересным. Правда, стертая надпись усложняет идентификацию изображенного в центре воина с копьем и щитом. К счастью, можно полагаться на аналогии из собрания Музея древнерусского искусства Андрея Рублева (Gnutova, Zotova 2000: ил. 13); здесь святой был «опознан» как св. Феодор Стратилат (см. также: Чудновец 2006: ил. 31). Это произведение может быть причислено к категории так называемых «борисоглебских крестов», однако в других случаях подобные изделия украшены с каждой стороны фигурой воина.

Иконография крестов по традиции основывается на византийских прототипах. С одной стороны изображалось Распятие, с другой — Богоматерь с Христом. В связи с плохой сохранностью рельефных изображений трудно определить персонажи, которые изображены в медальонах по обеим сторонам креста. К наиболее изящным принадлежит энколпион, на котором Распятому Христу с характерным изгибом тела сопутствуют пары персонажей в медальонах (MNK XVIII-156; рис. 1: 7) (Kruk, Sulikowska-Gaska, Wołoszyn 2006b: 60, 206. I.26). Форма эта, по нашему мнению, напоминает произведения так называемого «прекрасного стиля ок. 1400 года», известного в западноевропейском искусстве (см.: The International Style 1962).

В ряде случаев, несмотря на хорошую сохранность памятника, неизвестными остаются надписи, в особенности сокращенные, как это имеет место на крестах из Сонточна (Cerkiew—Wielka Tajemnica 2001: 48), MNK (Kruk, Sulikowska-Gaska, Wołoszyn 2006b: 53. I.14) и Музея г. Черновцы (Пивоваров 2001: ил. 10.7–8). Иногда они довольно развернутые и являются весьма распространенными, как, например, на кресте в собрании MNK (Kruk, Sulikowska-Gaska, Wołoszyn 2006b: 54–55. I.17), а также на энколпионах, хранящихся в частных коллекциях (Нечитайло 2001: ил. 81а–б; Чудновец 2006: ил. 10).

Особого внимания заслуживают энколпионы южного происхождения, иногда греческого, в других случаях — славяно-балканского. Небольшое количество таких произведений находится в собрании Фонда князей Чарторыйских (Kruk, Grotowski, Paszkowski 2001: 58–59, VI-90). К этой группе вещей принадлежит иконка из стеатита, датировка которой вызывает определенную проблему (Kruk, Grotowski, Paszkowski 2001: 58, VI-89). Х. Уолтер признал ее фальсификатом XIX в., в то время как Ю. Пятницкий считает ее подлинником XV в., с чем стоит согласиться. Оба мнения выражены исследователями устно при осмотре коллекции музея и зафиксированы на инвентарной карточке. На подлинность иконки указывают и другие аналогии, в частности, икона похожих размеров из монастыря Ватопед на Афоне (Treasures 1997: 296, fig. 9.7).

Весьма интересным примером является двусторонний энколпион, украшенный филигранью (MNK-Фонд князей Чарторыйских XIII-514; рис. 1: 8) (Kruk, Grotowski, Paszkowski 2001: 58–59, VI-90). Физико-химическим анализом доказано, что энколпион изготовлен из органического материала, скорее всего из рога животного. Употребление материала такого рода может иметь отношение к мифологическим представлениям о единороге, рог которого, согласно поверью, обладал защитными и лечебными свойствами. Здесь изображены св. Георгий, св. Николай и св. Харлампий. Выбор второго святого, возможно, указывает на балканскую среду, в которой этот епископ был особенно популярен в новейшее время, особенно на территории Румынии. Из Валахии происходит аналогичный энколпион, хранящийся на Афоне (Treasures 1997: 632, fig. 9.90).

В конце этого краткого обзора мне хотелось бы обратить внимание читателя на исследовательские проекты, связанные с научным осмыслением коллекции энколпионов в MNK. В 2006 г. совместно с Центром защиты и археологической документации в Варшаве и Государственным Археологическим музеем в Варшаве нами был издан каталог энколпионов в собрании MNK и MNW (Kruk, Sulikowska-Gaska, Wołoszyn 2006b; см. также: Kruk 2007; Kruk 2008). Этому каталогу предшествовала выставка «Sacralia Ruthenica: Энколпионы в собрании Национального музея города Кракова и Национального

музея города Варшавы», которая состоялась сентябре–октябре 2006 г. в главном здании Национального музея в Кракове. Одновременно, в рамках ежегодного собрания Европейской ассоциации археологов в Кракове в сентябре 2006 г. нами было организовано отдельное заседание, посвященное христианским древностям и христианизации Восточной Европы «*Sacralia ruthenica: Studies to christianization of Eastern Europe in the Light of archaeological Sources (10th–13th century)*» (Kruk, Sulikowska-Gąska, Wołoszyn 2006a: 250; Мусин 2008: 265–268).

Литература

Корзухина, Пескова 2003 — *Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII веков. СПб., 2003.

Крест 2005 — Крест как личная святыня / Ставрографический сборник. III, М., 2005.

Крук 2006 — *Крук М.П.* Древнерусские кресты-реликварии и металлические иконы в собрании отдела церковного искусства Национального музея города Кракова // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Международная научная конференция. Тезисы докладов. СПб., 2006.

Мазурик, Остапюк 2002 — *Мазурик Й., Остапюк О.* Хрест-енколпійон з літописного Угровська // Сакральні мистецтва Волині. Вип. 9. Луцьк, 2002.

Молодин 2005 — *Молодин В.И.* Европейские кресты тельники // Крест как личная святыня / Ставрографический сборник. III. М., 2005.

Мусин 2002 — *Мусин А.Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.

Мусин 2008 — *Мусин А.Е.* *Sacralia Ruthenica*: 12-я Ежегодная встреча Европейской Ассоциации археологов (Польша, Краков, 19–24 сентября 2006 г.) // АВ. № 15. 2008.

Нечитайло 2001 — *Нечитайло В.В.* Каталог христианских нагрудных виробів мистецтва періоду Київської Русі (X — перша половина XIII ст.). Київ, 2001.

Николаева 1983 — *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. // САИ. Е1-60. М., 1983.

Охріменко и др. 2003 — *Охріменко Г., Остапюк О., Стемковський В.* Волинські знахідки давньоруських енколпійонів // Волинська икона: дослідження та реставрація. Луцьк, 2003.

Пивоваров 2001 — *Пивоваров С.* Християнські старожитності в межиріччі Верхнього Пруту та Середнього Дністра. Чернівці, 2001.

Чудновец 2006 — *Чудновец А.А.* Каталог средневековой мелкой пластики. М., 2006.

Cerkiew–Wielka Tajemnica 2001 — *Cerkiew–Wielka Tajemnica.* Sztuka cerkiewna od XI do 1917 roku ze zbiorów polskich. Gniezno, 2001.

Ginalski 1999–2000 — *Ginalski J.* Enkolpiony z grodziska „Horodyszczce” w Trepczy koła Sanoka // Acta Archaeologica Carpathica. 35. 1999–2000.

Ginalski 2001 — *Ginalski J.* Wczesnośredniowieczne ślady kultu chrześcijańskiego obrzędu wschodniego na grodzisku „Horodyszczce” w Trepczy koła Sanoka // Cerkiew – Wielka Tajemnica. Sztuka cerkiewna od XI do 1917 roku ze zbiorów polskich. Gniezno, 2001.

Ginalski 2004 — *Ginalski J.* Pectoral (Enkolpion) // Galitzia en Galicia. El arte de Cracovia y la Pequena Polonia. Santiago de Compostela, 2004.

Gnutova, Zotova 2000 — *Gnutova S.V., Zotova E.Y.* Crosses. Icons. Hinged Icons. Artifacts cast from Brass 11th — early 20th Century from the Andrey Rublev Central Museum of Ancient Russian Culture and Art. Moscow, 2000.

Kalavrezou-Maxeiner 1985 — *Kalavrezou-Maxeiner I.* Byzantine Icons in Steatite. Wien, 1985.

Kruk 2007 — *Kruk M.* Enkolpiony ze zbiorów Muzeum Narodowego w Krakowie // Od powietrza, głodu, ognia i wojny... Człowiek wobec nieszczęścia [14 grudnia 2007 — 14 lutego 2008]. Leszno, 2007.

Kruk 2008 — *Kruk M.P.* Krzyże i plakietki metalowe w zbiorach Działu Sztuki Cerkiewnej Muzeum Narodowego w Krakowie // Eikon staroobrzędowy. Materiały z konferencji naukowej «Eikon staroobrzędowy. Przemiany w sztuce ikonowej na obszarze ziem ruskich Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVII–XVIII wieku», 17–19 VI 2005. Szamotuły, 2008.

Kruk, Grotowski, Paszkowski 2001 — *Kruk M.P., Grotowski P., Paszkowski M.* Ikony-enkolpiony ze zbiorów Muzeum Książąt Czartoryskich w Krakowie // Cerkiew–Wielka Tajemnica. Sztuka cerkiewna od XI do 1917 roku ze zbiorów polskich. Gniezno, 2001.

Kruk, Sulikowska-Gąska, Wołoszyn 2006a — *Kruk M. P., Sulikowska-Gąska A., Wołoszyn M.* Byzantine and Russian Devotional Articles in the Collections of the National Museum in Kraków and the National Museum in Warsaw // European Association of Archaeologists. 12th Annual Meeting. Cracow, Poland, 19–24 September 2006. Abstracts Book. Kraków, 2006.

Kruk, Sulikowska-Gąska, Wołoszyn 2006b — *Kruk M. P., Sulikowska-Gąska A., Wołoszyn M.* Sacralia Ruthenica. Early Ruthenian and Related Metal and Stone Items in the National Museum in Cracow and National Museum in Warsaw. Dzieła staroruskie bądź z Rusią związane z metalu i kamienia w Muzeum Narodowym w Krakowie i w Muzeum Narodowym w Warszawie. Warszawa, 2006.

Ostapiuk, Stembowski, Kubycka, Ochrimenko 2003 — *Ostapiuk O., Stembowski W., Kubycka N., Ochrimenko G.* Miniaturowe wyroby sakralne XI–XIII stulecia z muzeów Wołynia // Do piękna nadprzyrodzonego 1. Chełm, 2003.

Pitarakis 2006 — *Pitarakis B.* Les croix–reliquaires pectorales byzantines en bronze. Paris, 2006.

Pohanstvo... 2004 — Pohanstvo a krest'anstvo. 2004.

Rom und Byzanz... 1997–1999 — Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts. I–II. Stuttgart, 1997–1999.

Staecker 1999 — *Staecker J.* Rex regum et dominus minorum: die wikingerzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdänemark und Schweden. Stockholm, 1999.

The International Style 1962 — The International Style. The Arts in Europe around 1400. [Exhibition] October 23–December 2, 1962. Baltimore, 1962.

Treasures 1997 — Treasures of Mount Athos. Thessaloniki, 1997.

Wołoszyn 2001 — *Wołoszyn M.* Archeologiczne zabytki sakralne pochodzenia wschodniego w Polsce od X do połowy XIII wieku (wybrane przykłady) // Cerkiew–Wielka Tajemnica. Sztuka cerkiewna od XI do 1917 roku ze zbiorów polskich. Gniezno, 2001.

Wystawa 1885 — Wystawa archeologiczna polsko-ruska urządzona we Lwowie w roku 1885. Lemberg, 1885.

Zbierski 1959 — *Zbierski A.* Wczesnośredniowieczne materiały archeologiczne z Czeremna nad Huczwą (zabytki ruchome z wyjątkiem ceramiki) // Archeologia Polski. 4. 1. 1959.

Г. Мэнуку-Адамеşteану (Бухарест), И. Полл (Бухарест)

КРЕСТЫ-ЭНКОЛПИОНЫ, НАЙДЕННЫЕ В ИСАКЧЕ, ОКРУГ ТУЛЧА

Крепость Новиодунум-Исакча, расположенная на правом берегу Дуная примерно в двух километрах к северо-востоку от города Исакча (предположительно, средневековая Вичина) в местности «Понтул Век», контролировавшая важнейшую дунайскую переправу в северной Добрудже, привлекла внимание специалистов еще в начале XX в. Долгое время археологические работы проводились здесь исключительно в виде шурфовки (1953, 1955–1956, 1964, 1976, 1983, 1990 гг.), и только с 1995 г. они приобрели характер систематических археологических изысканий (Mănucu-Adameşteanu 2001a: 55–57).

Исследование неукрепленного поселения и могильников византийской эпохи (X–XIV вв.), находящихся к югу от стен крепости и расположившихся на севере за земляным валом, началось в 1990 г. и продолжалось в течение нескольких месяцев. Результаты этих работ были дополнены информацией, полученной из двух контрольных траншей, начатых в 1995 г. и продолженных в 1996 г. (траншея I ориентирована по линии север-юг, траншея II — восток-запад). Исследованиями было установлено, что это чрезвычайно развитое поселение существовало в XI в. и ощутило на себе нападение кочевников: печенегов и огузов. Вследствие одной из подобных атак, которая может быть отождествлена с нападением половцев в 1122 г. (Mănucu-Adameşteanu 2001b: 109–120), жизнь на открытом поселении вне стен крепости прекращается. На этом месте возникает некрополь с погребениями по обряду труположения — всего было исследовано более 400 погребений. В могильнике продолжали совершать захоронения в течение всего XII в., а, возможно, и в начале XIII в. В первой половине XIII в. поселение на этом месте возникает вновь, но меньших размеров и существует в течение непродолжительного времени. На основании монетных находок существование поселения засвидетельствовано и для XIV в., но монетный материал еще недостаточно проанализирован. Археологический инвентарь исследованных комплексов этого периода относительно беден и ограничивается керамикой и монетами.

Начатые в 1997 г. археологические раскопки были сконцентрированы в основном в южной части укреплений и на прилегающей территории. В результате был вскрыт слой мощностью более 3 м, относящийся к XI–XIV вв.. В некоторых местах был исследован подстилающий его слой, датируемый VI–VII вв. (Barnea I., Mănucu-Adameşteanu, Topoleanu 1996: 62–63; Baumann, Mănucu-Adameşteanu, Iacob, Mănăstireanu 1998: 34–35; Bauman, Stănică, Mănucu-Adameşteanu, Olariu, Bejenaru, Lockyear 2001: 108–110; Bauman, Stănică, Mănucu-Adameşteanu, Popescu, Lockyear 2002: 157–159; Bauman, Stănică, Mănucu-Adameşteanu, Lockyear 2003: 156–157; Bauman, Stănică, Mănucu-Adameşteanu, Olariu, Bejenaru, Lockyear, Popescu 2004: 146–149).

В крепости за все время исследований было найдено более 10 000 монет, относящихся к периоду XIII–XIV вв., многие из них еще не опубликованы (Mănucu-Adameşteanu 2001a: 410, 420–459). Была изучена керамика местных типов, а также более десятка гончарных печей XI в. На поселении присутствует и импортная посуда, которая выделяется количеством, качеством и разнообразием форм. Кроме того, были найдены многочисленные предметы вооружения, орудия труда, украшения и предметы культа (Barnea I. 1977: 103–122; Barnea Al. 1984: 97–105;

Mănucu-Adameşteanu 1984: 237–252; Mănucu-Adameşteanu 1987: 285–292), некоторые из этих находок являются уникальными для территории Добруджи (Mănucu-Adameşteanu 1983: 171–174; Topoleanu 1988: 311–317).

Полученные данные очень важны для характеристики византийского влияния в X–XII вв. на исследуемых территориях (Barnea I. 1968: 231–248; Barnea I. 1975: 157–172; Barnea I. 1990: 153–161; Barnea I. 1997: 353–360). Они также свидетельствуют о ведущей роли этого городского укрепленного поселения среди других центров Добруджи. Отметим очень большое количество византийских печатей X–XII вв. Все это свидетельствует о том, что облик этого городского укрепленного поселения существенно выделялся среди остальных центров X–XIV вв., за исключением Силистры-Доростола, бывшей долгое время столицей фемы Паристрион. Богатство и разнообразие археологического материала, открытого в Новидурум-Исакче, позволяет некоторым исследователям локализовать в этом месте средневековый город Вичина.

Хронологические реперы, позволяющие охарактеризовать начало существования и эволюцию данного поселения в средневизантийский период, крайне немногочисленны, однако полученный в результате планомерных археологических исследований нумизматический материал частично поможет заполнить этот пробел. Монетные находки из Исакчи могли бы поставить точку в дискуссии о непрерывности функционирования поселения в течение VII–X вв. Для VII в. известно девять фоллисов императора Фоки (602–610) (Bordea, Nicolae, Popescu 1995: 135) и три монеты императора Ираклия (610–614) (Oberländer-Târnoveanu, Mănucu-Adameşteanu 1982: 119),¹ которые маркируют прекращение жизни на поселении в Новиодунуме где-то в середине второго десятилетия VII в. Ситуация повторяется и в других укрепленных центрах дунайского лимеса: Аежус-Тулча, Фаламониум-Нуфэру, Халмирис-Муридгиол (Mănucu-Adameşteanu 1996: 287–288, прим. 8–12). Присутствие только одной единственной монеты — фоллиса императора Никифора I (802–811) для промежутка между правлением императоров Ираклия (610–641) и Льва VI (886–912) еще недостаточно для подтверждения гипотезы о непрерывном существовании поселения в VII–IX вв.

В корне иная ситуация складывается, начиная со времени правления императора Льва VI (886–912), к эмиссиям которого относятся пять номисм и десять фоллисов, чеканенных в период 886–969 гг. (Mănucu-Adameşteanu 2003a: 163). Как известно, на это время приходится длительный конфликт между Византией и болгарами, закончившийся только со смертью царя Симеона 27 мая 927 г., после чего настал период мира, во время которого византийский император проявлял постоянный интерес к землям устья Дуная. Это выражалось в появлении ряда факторий на побережье Черного моря (Константия-Констанца) (Mănucu-Adameşteanu 1991: 299–328) и других опорных пунктов по дунайской линии, установлением гарнизонов в Пэкуюл луй Соаре, Хыршова или Исакче. Большое количество монет (пятнадцать) и их разнообразие — золотые (пять) и бронзовые (десять), выбитые в Константинополе (семь) или отлитые в Херсоне (три), выводят Исакчу на первое место в Добрудже по количеству находок византийских монет. Чуть меньше (четырнадцать монет) было найдено в Констанце (пять номисм, один милиарсий, восемь фоллисов), в Мангалии обнаружено 12 фоллисов (Mănucu-Adameşteanu 1991: 289, 299).

Реконструкция римско-византийской крепости и постройка новых стен была предпринята в 971 г. по инициативе императора Иоанна Цимисхия и продолжена императором Василием II (976–1025), что позволило достичь необходимой стабильности для быстрого развития. Отметим находку в Исакче шести фоллисов класса А1 чеканки императора Иоанна Цимисхия, что составляет 23 % от всего количества, происходящего из Добруджи (27 экз.), и 509 фоллисов классов А2-А3 эмиссий императоров Василия II (976–1025) и Константина VIII (1025–1028), что составляет 35,54 % от 1432 монет этих типов, известных на территории Добруджи (Mănucu-Adameşteanu 2001a: 57–58, 424–427).

Поступательное развитие Исакчи как военного, административного и религиозного центра в период XI–XII вв. было приостановлено с нашествием татар в 1242 г. (Bauman, Stănică, Mănucu-Adameşteanu, Olariu, Bejenaru, Lockyear 2001: 109; Atanasov, Pavlov 1995: 233–241). Однако жизнь в укрепленном поселении продолжалась и после этого. Настоящий финал последовал после турецкого завоевания, когда в 1419–1420 гг. были захвачены крепости Исакча, Енисала и, возможно, Тулча (Ghiaţă 1986: 49; Mănucu-Adameşteanu 1993: 454).

Крепость Исакча является единственным центром Добруджи, на котором жизнь непрерывно продолжалась в период X–XV вв. Среди многочисленных свидетельств этого длительного периода существования стоит отметить 22 бронзовых креста-энколпиона, выполненных в технике литья и

¹ Идентичные монеты находятся в музее ICSEM в городе Тулча, и еще два аналогичных экземпляра, идентифицированные Виорелом Петак, находятся в Кабинете нумизматики Академии наук Румынии (inv. M 6/47-Constantinopol, годы 610–611; inv. M 5/40 - годы 612/615).

декорированных рельефными и гравированными фигурами. Эти находки мы рассмотрим подробнее ниже. Среди них встречаются также (как исключения) кресты, декорированные геометрическим узором (четыре изделия) (Mănușu-Adameșteanu 1984: 378, cat 7, 9–11) и неорнаментированные (два экземпляра) (Mănușu-Adameșteanu 1984: 378, cat 7, 12–13).

Каталог

А. Кресты-энколпионы с рельефными фигурами

1. Простые кресты-энколпионы, декорированные одиночными фигурами.

Крест «латинского» типа с более длинными вертикальными ветвями, слегка расширенными к окончаниям.

1. Крест малого размера, хорошей сохранности (рис. 1: 1).

Аверс. Изображение распятого Иисуса Христа; голова слегка склонена вправо, окружена большим нимбом овальной формы. Лицо безбородое. Детали лица переданы линиями и точками: глаза, нос, рот. Облачен в колобиум без рукавов, который спускается складками до щиколоток. Босые ноги, со ступнями, развернутыми в стороны, опираются на прямоугольное основание.

Реверс. Изображение Божьей Матери в позе оранты; черты лица практически идентичны с чертами ее Сына на аверсе, только голова не склонена. Аналогично представленному на аверсе изображению переданы ее одеяния, и положение ног.

Изделие выполнено качественно в тщательной манере и принадлежит, вероятно, к работам константинопольской мастерской. Крест был обнаружен случайно в 1999 г. Хранится в частной коллекции в Бухаресте. Размеры: длина 55 мм (с оглавием), 45 мм (без оглавия), ширина 21 мм (Mănușu-Adameșteanu 2003a: 195, cat 1, pl. I: 1a-b).

2. Крест малого размера, сохранилась только лицевая створка (рис. 1: 2).

Аверс. Христос распятый, с головой, обращенной вправо. Лицо обрамлено густой бородой. Одет в колобиум без рукавов, собранный в складки. Крест обнаружен в крепости во время археологической разведки. Размеры: длина 47 мм (36 — без ушка); ширина 23 мм; толщина 3 мм. Хранится в коллекции музея археологии Института эко-музейных исследований (ICEM), Тулча, инв. № 26047 (Mănușu-Adameșteanu 1984: 377–378, cat 1, pl. I: 2).

3. Крест малого размера, сохранилась только одна створка (рис. 1: 3).

Реверс. Фигура Божьей Матери в позе оранты. Иконография идентична представленной на первом экземпляре, но передана более схематично, без деталей, что выдает принадлежность креста к произведениям провинциальной балканской мастерской. Крест подвергался переделке: на всех четырех концах пробиты отверстия, возможно использовавшиеся для прикрепления к стене. Крест был обнаружен случайно, в зоне поселения. Не издан. Размеры: длина 40; ширина 28 мм; толщина 3,5 мм. ICEM Тулча, инв. № 33193.

4. Крест малого размера, сохранность фрагментарная — верхняя часть оборотной створки.

Реверс. Фигура Божьей Матери в позе оранты. Иконография идентична представленной на первом экземпляре, однако изображение выполнено гораздо более схематично, без деталей, принадлежит к работе провинциальной балканской мастерской. Крест был обнаружен случайно в 1990 г., в зоне поселения. Размеры: длина 21; ширина 14 мм; толщина 3 мм. ICEM, Тулча, без инвентарного номера (Mănușu-Adameșteanu 2003a: 195–196, cat 2).

5. Крест большого размера, от которого сохранилась лишь нижняя часть фрагмента, по которой невозможно определить, принадлежит ли он аверсу или реверсу. На изделии читается изображение фигуры, облаченной в колобиум, от которой сохранилось два фрагмента нижней части. Фрагмент найден в крепости. Размеры: длина 30 мм; ширина 25 мм; толщина 5 мм. ICEM Тулча, инв. № 26776 (Mănușu-Adameșteanu 1984, 378, cat 2, pl. I: 3).

II. Кресты, на которых центральные фигуры дополнены погрудными изображениями святых, расположенными на концах ветвей (иногда заключенными в медальоны).

6. Крест среднего размера, целый (рис. 1: 4).

Аверс. Христос распятый, с головой, слегка склоненной вправо, облачен в колобиум с короткими рукавами, спускающийся пышными складками до щиколоток. Возле правой руки с трудом читается погрудное изображение (Богоматерь), место слева, где должно быть изображение Иоанна Предтечи, сильно затерто. Над головой изображен равноконечный крест.

Рис. 1. Рельефные кресты-энколпионы из крепости Исакча (Румыния): 1 — частная коллекция, Бухарест; 2 — музей археологии Института эко-музейных исследований (ИСЕМ), Тулча, инв. № 26047; 3 — там же, инв. № 33193; 4 — Музей национальной истории и археологии, Констанца; 5–6 — частная коллекция, Тулча; 7 — музей археологии Института эко-музейных исследований, инв. № 4071; 8 — частная коллекция, Исакча; 9 — музей археологии Института эко-музейных исследований, без инвентарного номера

Реверс. Матерь Божья Оранта, облаченная в одеяние, нисходящее до щиколоток. На концах ветвей креста размещены погрудные изображения святых (четыре евангелиста).

Экземпляр предположительно происходит из крепости Исакча. Размеры: длина 73; ширина 38 мм; толщина 5 мм. Музей национальной истории и археологии, Констанца (MINAC) (Mănucu-Adameşteanu 1984: 378, cat 3, pl. II: 2a-b).

7. Крест малого размера, целый, но весьма изношенный, изображения на обеих створках читаются с трудом (рис. 1: 5).

Аверс. Христос распятый, с головой слегка склоненной вправо, облачен в колобиум с короткими рукавами, спускающийся пышными складками до щиколоток. Боковые изображения очень затертые, но, вероятно, принадлежат к тому же типу, что и на предыдущем экземпляре.

Реверс. Матерь Божья Оранта, облаченная в одеяние, спускающееся до щиколоток. На концах креста погрудные изображения святых (четыре евангелиста).

Экземпляр обнаружен случайно в крепости. Размеры: длина 40 мм; ширина 21 мм; толщина 6 мм. Частная коллекция, Тулча (Mănucu-Adameşteanu 1984: 378, cat 6, pl. III: 1).

8. Крест большого размера, сохранилась только одна створка в очень хорошем состоянии (рис. 1: 6).

Реверс. Матерь Божия Оранта, облаченная в одеяние с длинными рукавами, перехваченное поясом и ниспускающееся пышными складками до щиколоток. На концах креста размещены погрудные изображения святых (четыре евангелиста).

Изделие хранится в частной коллекции в Тулче и происходит из крепости. Размеры: длина 80 (60 мм без ушка); ширина 36 мм; толщина 5 мм (Mănușu-Adameșteanu 1984: 378, cat 4, pl. III: 3).

9. Створка креста, весьма изношенного, сохранилась верхняя часть (рис. 1: 7).

Реверс. На нем можно с трудом различить изображение Матери Божьей Оранты, а на трех сохранившихся окончаниях ветвей — евангелистов.

Створка была обнаружена случайно в крепости. Размеры: длина 48; ширина 39 мм; толщина 3,2 мм. ICSEM, инв. № 4071 (Mănușu-Adameșteanu 1984: 378, cat 5, pl. III: 2).

10. Реверс креста, весьма изношенного, с большими утратами.

Реверс. На нем можно с трудом различить изображение Матери Божьей Оранты, а на трех окончаниях ветвей — евангелистов. Крест происходит, вероятно, из той же мастерской, что и предыдущий образец. Створка была обнаружена случайно в крепости. Размеры: длина 46 мм. Хранится в коллекции Института археологии «Василе Пырван» в Бухаресте (Barnea I. 1981b: 146, № 2).

11. Фрагмент нижней части ветви креста, очень изношенный, на нем передано погрудное изображение какого-то персонажа, заключенное в круг.²

Фрагмент принадлежит кресту того же типа, на реверсе, в центре — изображение Матери Божьей в позе оранты. На всех четырех окончаниях ветвей креста — погрудные изображения различных персонажей, заключенные в медальоны. На основе надписей эти изображения могут быть отождествлены с четырьмя евангелистами: Иоанном, Лукой, Марком и Матфеем.

Крест был найден случайно на территории поселения в 1995 г. Хранится в частной коллекции в г. Исакча. Размеры: длина 14; ширина 10 мм (Mănușu-Adameșteanu 2003a: 196, cat 3).

В. Кресты-энколпионы с гравированными изображениями.

12. Крест-энколпион, от которого сохранилась одна створка.

Половинка креста-энколпиона, сильно изношенная, на которой весьма схематично изображена Матерь Божья Оранта, облаченная в ризы, со складками, ниспускающимися до пят. Изделие было обнаружено случайно на территории поселения. Размеры: длина 36 мм; ширина 23 мм; толщина 2,2 мм. MINAS, Констанца (Mănușu-Adameșteanu 1984: 378, pl. III: 5).

13. Фрагмент верхней части одной стороны креста. Подвергался переделке: в нем пробито отверстие; вероятно, использовался как простой крест (рис. 1: 8).

На сохранившейся части расположено изображение святого оранта с нимбом. Лицо вытянутое, с большим носом, контрастирующим с глазами и ртом, переданными коротенькими линиями. Персонаж облачен в одеяние с длинными рукавами, которое застегивается спереди и декорировано сеточкой точек. Фрагментарность изделия, отсутствие надписи, которая содержала бы имя или инициалы, как и сама иконография не позволяют идентифицировать изображение. Судя по стилю и приемам изображения одежды, можно предположить, что этот крест был выполнен в мастерской одного из центров Византийской империи.

Крест был обнаружен случайно на территории поселения в 1999 г. Хранится в частной коллекции, Исакча. Размеры: длина 38; ширина 41 мм (Mănușu-Adameșteanu 2003a: 196, cat 4, pl. I: 4; II: 4).

14. Фрагмент створки креста с большими утратами; концы ветвей по углам маркированы овальными или угловатыми выступами (рис. 1: 9).

Аверс. Изображение Иисуса Христа на кресте. Горизонтальная ветвь креста, на котором распят Христос, сильно выделена. Над головой Спасителя в возглавии нанесен знак «X» в середине и изображения Солнца и Луны по бокам. Фигура Христа, с головой слегка склоненной вправо, проработана очень четко и исполнена с большим артистизмом: брови — дугами, глаза полны экспрессии, губы искажены страданием; изображена и короткая борода. Голова окружена крестчатым нимбом. Распятый облачен в колобиум с короткими рукавами, декорированный косыми и вертикальными короткими штрихованными линиями. Под руками Христа, по всей длине горизонтальной ветви креста нанесена гравировкой надпись IC XC NHKA.

Фрагментированный крест был найден во время археологических раскопок 1999 г. внутри крепости: разрез IV, квадрат 7, глубина 0,20–0,30 м. Происходит из слоя, датируемого XIII–XIV вв., найден совместно с анонимной монетой чеканки Золотой Орды, с тамгой на аверсе и розеткой, заключенной

² Помимо 10 крестов, учтенных в настоящем в каталоге, мы можем упомянуть два неизданных экземпляра с рельефными фигурами, хранящихся в коллекции монастыря Кокеш.

в квадрат, на реверсе. Хранится в коллекции ICSEM, Тулча, без инвентарного номера. Размеры: длина 54 мм; ширина 51 мм (Mănuşu-Adameşteanu 2003a: 196, cat 5, pl. I: 5, II: 5).

Кресты-энколпионы, найденные в Новидунуме-Исакче (Вичина), декорированные рельефными фигурами или гравировкой, принадлежат к категории предметов культа, широко распространенных на территории Византийской империи. Наиболее ранние экземпляры, найденные на территории Добруджи, датируются второй половиной X в. Эта дата соответствует времени включения территорий между Дунаем и Черным морем в число провинций Византии после побед, одержанных императором Иоанном Цимисхием осенью 971 г (Mănuşu-Adameşteanu 2001a: 87–99).

Кресты первого типа в каталоге — простые кресты энколпионы, малого размера, декорированные рельефными одиночными фигурами, являются наиболее часто встречающимися среди находок в Добрудже. Аналогичные кресты, у которых совпадают не только изображения, но и размеры, известны в Диногесии-Гарвэн, Нуфэру, Пэкуюл луй Соаре, Сату Ноу, Валя луй Траян (Ştefan, Barnea I., Comşa M., Comşa E. 1967: 358–360, fig. 191:18, 19; 192:8; 193:1, 2, 5; Damian 1996: 235, fig. 2:2, 3; Diaconu, Vilceanu 1972: 160–162, pl. XXVIII:1, 4a-b, 7a-b; Custurea 2001: 584, pl. I:7; Custurea 1999: 303, № 3, fig. 3). На основе этих находок можно утверждать, что эта категория энколпионов, широко представленная на территории Добруджи, была распространена в конце X–XI вв.

Кресты второго типа, на которых центральные фигуры дополняются размещенными на концах ветвей погрудными изображениями евангелистов Иоанна, Луки, Марка и Матфея (Pitarakis 1998: 83),³ иногда заключенными в медальоны, встречаются гораздо реже. Среди более 100 энколпионов, найденных в Добрудже, только небольшое количество принадлежит к этому типу. Они происходят из Мэчина (Ştefan 1940: 417, 419, fig. 27:3), Диногесии-Гарвэн (Ştefan, Barnea I., Comşa M., Comşa E. 1967: 360–363, fig. 193:6a-b; 193:7), Пэкуюл луй Соаре (Damian 1996: 235, № 18). Напротив, отмечается большое количество экземпляров, где изображения не заключены в медальоны: Берео-Остров (Mănuşu-Adameşteanu 1984: 376–377, pl. II: 1a-b), остров Бесерикуца на озере Разим (Nicorescu 1934: 222–226), Капидава (Seacalopol 1962: 192–194),⁴ Диногесия-Гарвэн (Ştefan 1940: 419, fig. 27:2; Ştefan, Barnea I., Comşa M., Comşa E. 1967: 360, fig. 193:9), Хыршова (Harţuche, Anastasiu 1976: 270), Пэкуюл луй Соаре (Diaconu, Vilceanu 1972: 161, pl. XXIX:1a-b; Diaconu, Varaschi 1977: 129, fig. 100:9).

В эту группу входят в основном только крупные экземпляры (с длиной, колеблющейся между 7 и 9 см), с изображениями на обеих сторонах: на аверсе — фигура Иисуса Христа распятого, с фронтальными во весь рост изображениями Богоматери и Иоанна Предтечи, расположенными на горизонтальных ветвях креста. Этот тип крестов датируется XI–XII вв. Экземпляр из Пэкуюл луй Соаре по стратиграфическим данным датируется XI в. В то же время, один из крестов из Диногесии-Гарвэн был найден с биллоновым аспром эмиссии императора Алексея I Комнина периода 1092–1118 (Mănuşu-Adameşteanu 1995: 3–4, 366, cat 350).

Самое большое количество подобных крестов происходит с территории Болгарии, где мы можем выделить серию аналогий, которые появляются во второй половине X в. (Царь Асень (Атанасов, Липчев, Хинева, Дончев, Маринов 1995: 31–32, 42, таб. IX:1,3), Окорш (Atanasov, 1991: 485–486, fig. 1:1), Преслав (Огненова, Георгиева 1955: 405, № 2; Георгиева 1958: 606, обр. 2:2,3,5)) и продолжают существовать в XI–XII вв. (Дядово (Diadovo... 1992: 275, fig. 320 b), Дристр-Силистра (Atanasov 1991: 486, fig. 2:4, pl. 58:1, 2), Перник (Чангова 1992: 153–154, обр. 136:1-2),⁵ Провадиа (Харламбиева 1988: 73–74)). К этому можно добавить серию случайных находок и экземпляров без указания места нахождения, датируемых X–XI вв. (Кокардия, около Варны (Дончева-Петкова 1983: 117–118, таб. V:3), Тырговиско (Антонова 1984: 49–51, таб. II:2) или из коллекции музея в Разграде (Отчет на разградското... 1930: 7, обр. 1v.)).

Прототипы этих вариантов восходят к более ранним образцам: на аверсе Солнце и Луна обрамляют титул, а под руками Христа располагается надпись. На реверсе изображена Мать Божья с младенцем в иконографии, которая не была распространена в Добрудже (Pitarakis 1998: 85–91, fig. 4, 11),⁶ а по бокам расположены погрудные изображения евангелистов, иногда заключенные в медальоны. Этим периодом

³ Здесь опубликован крест, находящийся в музее Хатая (Антиохия), на горизонтальных ветвях которого сохранились изображения св. Андроника и св. Анастасии, а на вертикальных — св. Матфея и св. Иоанна

⁴ В издании «*Paleocreştinism şi creştinism pe teritoriul României. Secolele III–XI*», Bucureşti, 2000. P. 68. Cat. 160, крест датирован XI–XII вв., но крепость Капидава прекратила существование в 1046 г. в результате разрушительного набега печенегов (Mănuşu-Adameşteanu 2001: 117–119).

⁵ Найден совместно с монетой императора Мануила I Комнина (1143–1180).

⁶ Известна целая серия крестов-энколпионов IX–XII вв., найденных в Малой Азии, Греции и т.д. с изображениями Матери Божьей с младенцем на руках (Кириотисса).

может быть датирована половинка креста, найденная в церкви св. Дионисия Ареопита в Афинах. Предположительно, она происходит из некрополя, функционировавшего с конца VI по начало VII в. (Travlos, Frantz 1965: 168, № 14). Еще одно подобное изделие, датируемое VI–VII вв., было найдено в погребальной урне св. Цельсия в церкви с тем же названием (Sciara 1976: 415).

Среди экземпляров, декорированных гравированными фигурами, отметим крест №14 нашего каталога, который единственный был найден в крепости в ходе археологических раскопок и, кажется, является одним из самых поздних среди крестов, происходящих из Исакчи. Стратиграфически слой, из которого он происходит, датируется второй половиной XIII — первой половиной XIV в. О более узкой датировке может свидетельствовать анонимная золотоордынская монета (на аверсе: тамга, на реверсе: розетка, заключенная в квадрат), чеканка которой относится к концу XIII — началу XIV в.⁷ (Oberländer-Târnoveanu, Mănușu-Adameșteanu 1984: 263, № 33; Oberländer-Târnoveanu 1993: 298, pl. XX:8, 9; Лебедев 1990: 151, рис. 2:61-62; Khromov 2001: 4:25/02, p. 1, № 5).⁸

Для этого времени — XIII–XIV вв. — кресты-энколпионы византийского облика крайне редки; бытуют лишь кресты с гравированными изображениями. Эта лакуна отчасти объясняется тем, что для данного периода в Добрудже исследованы и опубликованы только два памятника: крепость Пэкуюллуй Соаре в южной ее части и крепость Енисала на севере. Из Пэкуюллуй Соаре (стратиграфическая привязка находок не определена) были опубликованы две половинки крестов с практически идентичными фигурами орант, приблизительно датирующиеся XIII в. (Diaconu, Baraschi 1977: 131, fig. 100:1, 102:1; Barnea 1981b: 178, № 1, 2, pl. 75). В Енисала во время раскопок 1963 г. была найдена половинка креста с изображением св. Иоанна Евангелиста. Широкая датировка этой находки (XIII–XIV вв.) определяется временем функционирования крепости (Barnea I. 1981b: № 3).

Ни в одном из случаев, приведенных выше, не были найдены экземпляры, близкие по типу креста и иконографии к изделию № 14 из Исакчи. Мы можем констатировать, что кресты-энколпионы с овальными или прямоугольными выступами на концах ветвей были распространены только в X в. в широком географическом ареале. В Болгарии могут быть отмечены: крест X в., найденный в монастыре Равна, недалеко от Варны (Дончева-Петкова 1991: 62, примеч. 71, 74), еще один, происходящий из Гредачево (Борисов 1983: 75–76, fig. 7), и два экземпляра без указания места находки, хранящиеся в музее Казанлыка и датирующиеся на основе аналогий X–XIV вв. (Musée archéologique...1967: 164, № 115 (X–XII вв.), № 114 (XII–XIV вв.)). Еще одно изделие было найдено в Севтополисе и датировано X–XI вв., хотя само поселение существовало с середины XI до XIV в. (Чангова 1972: 121, обр. 97:г).

Интересная находка происходит из Ксиновграда: сохранилась створка с изображением святого в позе оранта, над головой которого вырезана надпись IC XC. Схематизированное и грубое изображение свидетельствует о том, что это продукция местной мастерской, что объясняет и ошибки, затрудняющие идентификацию изображенного персонажа. Крест был обнаружен при археологических раскопках в слое, датируемом концом XII — началом XIII в. (Дончева-Петкова 1983: 120–121, таб. VI:1).

На территории Балкан могут быть отмечены изделия из Кале, Скопье (Od arkeološkoto ...1980: 139, № 81), а из византийской крепости на берегу Дуная Равна (III–VI вв.) происходит два креста. В первой публикации один из них, определенный как выполненный из серебра, был датирован VI в. В новом издании был уточнен материал (бронза) и датировка XI–XII вв. (Marjanović-Vujović 1977: 45–46, № 42). Практически к этому же времени — X–XII в. — относится и экземпляр, хранящийся в музее Детройта (Sandin 1993: 52–54, fig. 13). Это именно тот хронологический интервал, которым датируется большинство подобных изделий.

Крест же из Исакчи, по нашему мнению, выделяется из этого ряда и датируется XIII–XIV вв. Как уже отмечалось выше, для большинства упомянутых крестов-энколпионов археологический контекст находки неизвестен. Многие из них происходят из частных коллекций или, как в случае с крестами из Болгарии, датируются на основании работы К. Миятева, опубликованной еще в 1922 г., хронологические положения которой в настоящее время пересмотрены (Миятев 1922: 59–89). Такова ситуация и с крестом из Севтополиса, который ранее датировался X–XI вв., хотя период существования поселения определяется XI–XIV вв.

Таким образом, судя по особенностям исполнения аверса, крест-энколпион из Исакчи может быть определен как продукция византийской мастерской. Находка датируется второй половиной XIII в.

⁷ Длительное переживание крестов-реликвариев в христианской культуре зафиксировано неоднократно. См. статью А.Г. Герцена и Т.Ю. Яшаевой в настоящем сборнике. — *Ред.*

⁸ Автор приносит благодарность коллегам Е. Николае и А. Вылку, сотрудникам Кабинета нумизматики Института археологии «Василе Пырван» в Бухаресте за идентификацию вещей и помощь в подборе литературы.

а, возможно, и первой половиной XIV в., к тому же, хорошая сохранность исключает предположение о ее использовании в течение длительного времени.

Остальные кресты-энколпионы с гравированными изображениями из Исакчи относятся к гораздо лучше изученной типологической группе. Простота и схематизм изображения фигур — один персонаж орант, без каких-либо атрибутов или надписей — выдают работу местной мастерской XII–XIV вв. В отличие от энколпионов с рельефными фигурами, где иконографический репертуар довольно узок, на крестах с гравировкой присутствует многочисленная серия персонажей: св. Иоанн, св. Георгий, св. Феодор, св. Павел, св. Петр, св. Димитрий и т.д. Как исключение среди них представлена и св. Вероника (Mănucu-Adameşteanu 1984: 381).

Для находки из Исакчи мы хотим заострить внимание только на деталях орнаментации одежды, выполненных гравированными точками, передающими, возможно, накладки из драгоценного металла, или драгоценные камни. Наиболее близкая аналогия по манере изображения лиц орантов и элементов декора одежд присутствует на половинке креста энколпиона, найденной в Старой Загоре (Barinkliev, Dimitrov, Nicolov 1965: 158, № 196). На реверсе одного экземпляра, найденного в Пернике, изображена фигура оранта, облаченная в короткую мантию, декорированную гравировкой, поверх одеяния с рукавами, спускающегося до лодыжек. На основании аналогий изделие было датировано X–XIII вв. (Чангова 1972: 156–157, обр. 138:2). В Варне на поселении, относящемся к римскому времени, была обнаружена половинка креста-энколпиона с изображением Матери Божьей, одетой в хитон и закутанной в мантию, декорированную точками. По аналогии с несколькими неизданными крестами — крестом с изображением архангела Михаила из Национального музея археологии в Софии, и другого с изображением св. Георгия, хранящегося в музее города Видина, крест из Варны датируется XII в. (Дончева-Петкова 1983: 120, таб. III:4). Из этого же региона происходит еще одна половинка креста, найденная в Калиакре, в церкви № 2, период функционирования которой охватывает XIV в. На этом экземпляре представлена фигура св. Иоанна, одежда которого также орнаментирована точками (Dzingov 1985: 111, 113, pl. VIII:6). Кресты энколпионы, найденные в Исакче, выполнены из бронзы, и мы не затрагиваем кресты из драгоценных металлов.

Согласно известию жития св. Никиты Мидикийского, подобные энколпии носили константинопольские христиане, исповедовавшие православную веру.⁹ Они одевали их на шею, как амулеты, объединявшие сакральную форму, изображения и вложения. Первоначально они были предназначены для частиц Честного Креста Господня (Sandin 1993: 51), культ которого был широко распространен в V–VII вв. Со временем большое количество подобных крестов стало служить для хранения частиц земли из святых мест (Davidson 1952: 255).¹⁰

Изготовление крестов-энколпионов получило новое развитие после восстановления иконопочитания в 843 г. (Grabar 1994: 258–262). Энколпионы продолжали изготавливать в Сирии и Палестине после завоевания их мусульманами. Затем Константинополь утверждается в роли места паломничества, а также места производства и продажи энколпионов. Очень велико количество подобных изделий, хранящихся в коллекциях музеев: порядка 800 в Сирии, Палестине, Малой Азии, Греции, России, на Балканах (без Болгарии, где известно около 200–300 экземпляров) (Pitarakis 1998: 81).¹¹ Все это породило обширную библиографию. Некоторое количество изделий, для которых известен археологический контекст находок, может быть положено в основу хронологии энколпионов с рельефными и гравированными изображениями (Gudea, Cosma 1998: 273–303; Дончева-Петкова 1992: 1–12; Витлянов 1996: 98–105; Залесская 1988: 93–98; Hornickova 1999: 209–249; Noti 1999: 29–37). Обратившись вновь к территории Добруджи, можем установить некоторые уточненные хронологические ориентиры.

Кресты-энколпионы с рельефным орнаментом представлены наиболее значительной группой — 63 предмета среди 111, опубликованных к настоящему времени. Среди них наиболее часто встречаются кресты малого размера с изображением Иисуса Христа на аверсе и Матери Божьей Оранты на реверсе.

⁹ Афиногенов Д.Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М., 1997. С. 71, 172. — *Ред.*

¹⁰ В результате проведенных исследований, субстанция, обнаруженная внутри креста инв. № 2059, была идентифицирована как ладан, однако мы не можем уточнить, ладан был положен в крест вместе с реликвией или сам являлся таковой. (Ср. результаты исследований древнерусских энколпионов, проведенных в ИИМК РАН (С.-Петербург), где также был обнаружен ладан: Липатов и др. 2006: 291–308. — *Ред.*)

¹¹ По замечанию автора, лишь незначительное число экземпляров происходит из Болгарии. О находках в Болгарии см. (Atanasov 1991: 483), где отмечено более 350 находок на территории южной Добруджи, однако автор включил в это число и простые крестики, которые он именует «энколпия».

Как вариант этого основного типа могут рассматриваться три креста, найденные в Капидаве (Florescu, Chelută-Georgescu 1974: 435, pl. IV:1-2; Mănușu-Adameșteanu 1984: 375, pl. I:1) и Констанце (Mănușu-Adameșteanu 1992: 349.), на аверсах которых над головой Христа расположен маленький крест. На других крестах, найденных в Нуфэру (Mănușu-Adameșteanu 1984: 379, pl. III:14) и Валул луй Траян (Custurea 1999: 303, № 2), подобный крест окружен изображениями Солнца и Луны. Как орнаментальное дополнение, на кресте из Диногечии-Гарвэн изображено пять кружков: четыре создают крестовидную фигуру над головой Христа, а пятый расположен под его ногами (Ștefan, Barnea I., Comșa M., Comșa E. 1967: 360, fig. 193:2). На небольшом количестве экземпляров, происходящих из Хыршова (Mănușu-Adameșteanu 1984: 379; 1999: 349, № 2), Нуфэру (Mănușu-Adameșteanu 1984: 379, pl. III:14), Валул луй Траян (Custurea 1999: 303, № 2) колобиум заменен на короткое препоясание, доходящее до колен.

Среди разнообразных вариантов крестов этой категории невозможно выделить хронологические отличия для периода X–XI вв. (Aladjov 1994: 85).¹² Датировка второй половиной XI в., подтверждаемая для одного экземпляра из Капидавы, может быть перенесена и на находки из Сату Ноу-Олтина, Пэкуюл луй Соаре, Диногечии-Гарвэн, Новиодунома-Исакчи и Нуфэру. Все эти крепости функционировали в период 971–1000 г., о чем свидетельствуют археологические и нумизматические находки.

Время наибольшего распространения подобных крестов приходится на XI в. Так как кресты-энколпионы маленького размера с рельефными фигурами представлены практически во всех укрепленных центрах дунайского лимеса и приморских центрах, отсутствие их в нескольких пунктах — Аежис-Тулча и Мангалия — может быть объяснено недостаточной исследованностью. Их количество уменьшается в первой половине XII в. К этому периоду относятся некоторые находки из Исакчи, Нуфэру и Диногечии-Гарвэн. На последнем из перечисленных поселений был найден крест с рельефными фигурами и бюстами евангелистов в медальонах, который твердо может быть датирован началом XII в.

Кресты с гравированными фигурами представлены в широком хронологическом интервале X–XIV вв., но датировка некоторых находок вызывает определенные сложности. В данном случае мы не включаем в исследование кресты с геометрическим орнаментом или без узора. Новая находка из Капидавы является единственной, имеющей твердую хронологическую привязку (971–1046). Для периода X–XII вв. известно только семь крестов с гравированными изображениями, что свидетельствует об их ограниченном распространении и на территории Болгарии (Atanasov 1991: 488; Mănușu-Adameșteanu 2001a: 191–193). Среди других находок отметим экземпляр из Диногечии-Гарвэн, происходящий из полуземлянки № 100, сожженной половцами в 1122 г. (Ștefan, Barnea I., Comșa M., Comșa E. 1967: 362, fig. 192:14). Для остальных крестов с гравированными изображениями невозможно предложить узкую датировку (см. таблицы 1 и 2).

Для XIII–XIV вв. выявлено шесть крестов: три из Пэкуюл луй Соаре, один из Енисалы и два из Исакчи, из них только крест № 14 нашего каталога может быть датирован с возможной точностью. Разнообразие и стиль изображений не позволяет выделить четкие хронологические реперы, но на основе находок, крайне немногочисленных к настоящему времени, для которых известны условия обнаружения, можно сделать вывод, что кресты-энколпионы с гравированными фигурами были распространены только до XIV в.

В результате анализа находок византийских крестов-энколпионов, а также крестов византийского облика, было выявлено, что время их наибольшего распространения в Добрудже приходится на X–XII вв., причем численно преобладают экземпляры с фигурами, выполненными в рельефе. Кресты византийского облика¹³ с гравированными фигурами продолжали использоваться и в XIII–XIV вв., но мода на эти предметы культа постепенно проходила.

* * *

Перейдем к анализу сплавов, из которых изготовлены изучаемые кресты. В этой работе было исследовано 22 креста-энколпиона и простых крестиков X–XIII вв., большинство которых происходит

¹²Предположительно в середине X в. Христос изображался облаченным в перизом (Atanasov 1991: 487), предположительно замена перизом на колобиум произошла в течение XI в. Сравни: *perizom*, *perizonium*, *perizoma* (Pitarakis 2006: 75–80).

¹³В Добрудже были найдены и кресты энколпионы «киевского типа» (речь идет о древнерусских крестах-энколпионах вообще. — *Ред.*), которые были распространены в течение XII–XIV вв. (Mănușu-Adameșteanu 1987: 285–292).

Таблица 1. Кресты-энколпионы, найденные в Добрудже (X–XIV вв.)

Место находки	Всего	Рельефные	Гравированные
Сату Ноу	4	4	0
Пэкуюл луй Соаре	27	11	4
Дервент	1	0	0
Капидава	4	3	1
Хыршова	2	2	0
Берое-Остров	5	3	2
Мэчин	1	1	0
Диногоция	28	18	3
Исакча	22	13	7
Нуфэру	6	4	0
Виктория	1	0	1
Енисала	1	0	1
Бисерикуца	1	1	0
Констанца	1	1	0
Чобану	1	0	0
Мирчэ-Водэ	1	0	0
Валул луй Траян	3	2	1
Всего в общем	111	63	20

Таблица 2. Хронология крестов-энколпионов, найденных на территории Добруджи (X–XIV вв.)

Происхождение	Рельефные		Гравированные	
	X–XII вв.	XIII–XIV вв.	X–XII вв.	XIII–XIV вв.
Сату Ноу	4	0	0	0
Пэкуюл луй Соаре	11	0	1	3
Капидава	3	0	1	0
Хыршова	2	0	0	0
Берое – Остров	3	0	2	0
Мэчин	1	0	0	0
Диногоция	18	0	3	0
Исакча	13	0	5	2
Нуфэру	4	0	0	0
Виктория	0	0	1	0
Енисала	0	0	0	1
Бисерикуца	1	0	0	0
Констанца	1	0	0	0
Валул луй Траян	2	0	1	0
Всего	63	0	14	6

из Исакчи (номера 5–11 и 13–21). Для сравнения было проанализировано несколько экземпляров, найденных в других пунктах Добруджи: на юге региона в Тыргшоре (№ 4) и Берое (№ 1, 2 и 3), Нуфэру (№ 22 и 23) на севере региона.

Хотя по стилю и иконографии они были сгруппированы в несколько типов (типы I–VIII), рентгенологическое исследование выявило различный состав металла крестов внутри данных групп/типов, что объясняется использованием различного исходного сырья и принадлежностью их к продукции разных ювелирных мастерских. Мы констатировали различия концентраций как среди основных элементов, так и второстепенных и представленных в следовых количествах. Группировка крестов по мастерским станет возможна после того, как будут выполнены анализы составов большого количества крестов, происходящих из других центров Добруджи (Пэкуюл луй Соаре, Диногоция-Гарвэн и др.).

Примененный метод — рентгено-флуоресцентный анализ — позволяет провести качественный и количественный анализ химического состава объекта, регистрируя флуоресценцию в области мягких рентгеновских лучей, испускаемых химическими элементами вследствие их активации рентгеновскими лучами, гамма-лучами или заряженными частицами (электронами, протонами, альфа-частицами и т. д.). Исследуемый объект излучает рентгеновские лучи, характерные для каждого элемента, которые будут анализироваться по энергии/ частоте и интенсивности с помощью многоканального частотного измерителя, который обработает информацию, полученную от детектора.

Методика является неразрушающей и позволяет выявлять и измерять концентрации вплоть до р.р.т. (одна миллионная, 100 р.р.т. равно 0,0001 гр.) от 100 % базовых и сопутствующих элементов состава, с наилучшей чувствительностью для элементов с атомарными номерами от 40 до 60.

Принимая во внимание, что все кресты выполнены из бронзы, выявляемыми элементами были медь, олово, цинк, железо, свинец, сурьма, мышьяк, никель и висмут, соотношение их пропорций характеризует различия в исходных материалах и/или технологии, т.е. феномен сегрегации выделения металлов из сплавов, условия плавки, иногда переплавку более старых бронзовых изделий. Эти данные указывают на мастерские и/или различные периоды. Роль олова в сплаве с медью заключается в понижении температуры плавления меди (1083° С) и выполнении роли агента дегафикатора, способствующего более качественному литью. Свинец добавляется в сплав для улучшения текучести материала (Henderson 2000: 213).

Цинк и железо могут быть привнесены как примеси из руды или расплава и появляться в небольшой концентрации (менее 1 %) или, в случае цинка, могут быть включены как элемент сплава, в данном случае появляясь в значительных концентрациях. Также в составе бронзы могут присутствовать и другие элементы (порядка миллионных долей) — мышьяк, никель, сурьма, висмут, серебро, кобальт, сера — являющиеся загрязнением. Для сравнения были проанализированы и простые крестики (№ 6–10), категория, для которой имеем информацию, о том, что они были сделаны в дунайских мастерских (Damian 1992: 315–318).

Пытаясь выделить возможные мастерские, мы взяли для сравнения крест-энколпион, найденный в Болгарии, исследованный спектральным методом, который выявляет присутствие составных элементов, но не дает их концентрации (Илинкина 1992: 220–226, таб. 1) и другую группу проанализированных крестов (Дончева-Петкова 1992: 1–12, таб. 1) с концентрациями, отличными от наших результатов.

Типы крестов-энколпионов и крестиков (таб. 3)¹⁴

I. Литые:

- 1: металл более светлый, с большим содержанием свинца;
- 5: маленький фрагмент с умеренным содержанием олова и свинца;
- 14: немного олова и много свинца; отличие от 5 и 19 в большей концентрации цинка;
- 19: больше меди (имеет розоватый отлив); меньше олова.

II. С рельефными фигурами:

- 13: немного олова и много свинца, без следов железа и мышьяка;
- 16: мало свинца, но много цинка;
- 23: больше олова, чем 13 и 16, меньше цинка, чем в 16, но больше, чем в 13.

III. Гравированные:

4: внешний вид темный, металл желтоватый, в составе много цинка и свинца, умеренное содержание олова и меньше меди;

11: очень мало цинка сравнительно с 4 и больше свинца;

22: имеет больше меди сравнительно с 4 и 11 и очень мало цинка и свинца; крест деформирован и очень плохой сохранности.

IV. Гравировки геометрические:

2: имеет наибольшую концентрацию мышьяка среди всех других проб, но в рамках второстепенного элемента, возможно, присутствовавшего тоже в составе руды;

3: содержит много больше олова.

V. Гравировки геометрические, серые:

21: без цинка; много свинца, железа и сурьмы;

18: состав сходный с 21; различия могут быть из-за неоднородности соединения.

VI. Гравировка геометрическая:

20: имеются нервы свинца по середине ветвей; немного олова.

¹⁴ Кресты были пронумерованы от 1 до 23. Крест № 12 был определен как выполненный не из бронзы, поэтому не упоминается в тексте.

Таблица 3. Кресты-энколпионы и крестики, найденные на территории Добруджи (X-XIV вв.).
Композиции элементов (EDXRF) (результаты даны в процентах)

Nr.crt.	Cu	Sn	Sb	Zn	As	Fe	Ni	Pb	Bi
1	84	3	—	0,4	0,6	—	—	12	—
2	90	3,5	—	3	2	—	—	1,5	—
3	82	11,5	—	1,6	0,1	0,2	—	4,5	—
4	69	10,4	—	7,5	0,2	2	—	10,8	—
5	90	5	1,2	0,4	0,02	0,18	0,1	3	0,2
6	87	4,8	2	1,1	0,03	0,5	0,2	4	0,3
7	92	3,7	1,5	—	0,07	0,3	0,1	1,7	0,3
8	86	3,4	1,2	1,5	0,2	0,3	0,2	7	0,2
9	80	1,5	—	0,3	—	8	0,05	10	0,1
10	84	12	0,7	0,4	—	0,7	0,1	2	0,1
11	70	7	2,2	0,2	—	0,3	0,1	20	0,2
13	84	0,3	1,8	1	—	—	0,2	12,5	0,2
14	86	4	1,4	2,2	0,05	—	0,2	6	0,07
15	92	2,8	1,2	1	—	0,4	0,1	2,4	0,2
16	84	2	1	10	0,02	0,5	0,1	1,7	0,2
17	87	6	2	0,4	0,07	0,4	0,1	3,7	0,2
18	63	1	10	3	—	1	0,1	21,7	0,1
19	93	1	1,1	0,4	0,05	0,2	0,1	4	0,2
20	91	1,2	0,3	0,5	0,03	0,2	0,1	6,5	0,2
21	64	5	7	1,9	—	4	0,08	18	0,1
22	86	8	4	0,5	0,02	0,3	0,1	1	0,07
23	86	4,5	1,3	4	0,04	0,2	0,2	3,5	0,1

VII. «Киевские» (древнерусские):

15: немного олова, цинка, свинца; без мышьяка;

17: есть отличия в количестве меди и олова, которые не исключают общий источник.

VIII. Крестики:

6: есть небольшие отличия с № 8 почти во всех элементах;

8: поврежденный.

Кресты маленькие с шариками на концах ветвей:

7: больше меди (металл розоватый), без цинка;

9: много железа и свинца, немного олова и цинка; нет следов сурьмы и мышьяка;

10: больше олова, чем в 9, немного железа, цинка, свинца; нет следов мышьяка.

Классификация на основе композиции элементов:

1. Пониженное содержание олова и свинца: 7 (без Zn), 15 (без As), 16 (много Zn).

2. Содержит значительное количество олова и умеренное свинца: 5, 6, 10 (без As), 17, 23 (много Zn).

Среди них есть различия в концентрации Sn.

3. Пониженное содержание олова и повышенное свинца: 8 (без As), 13 (без As и Fe), 14 (без Fe), 18 (много Sb), 19, 20, 21 (много Sb и Fe). Среди них есть различия в концентрации Sn.

4. Различные: 1 (нет Sb, Fe, Ni и Bi), 2 (содержится наибольший процент As, по сравнению со всеми другими пробами), 3 (нет Sb, Ni и Bi), 4 (содержит немного Cu и много Zn, Pb, Sn), 9 (много Fe), 22 (сплав более твердый, содержит много Cu и Sn в отношении с Pb).

Литература

- Антонова 1984 — Антонова В. Кръстове-энколпиони в историческия музей «Людмила Живкова» // Годишник на музеите от Северна България. X. 1984.
- Атанасов и др. 1995 — Атанасов Г., Липчев Р., Хинева М., Дончев К., Маринов М. История на Алфатар. Алфатар, 1995.
- Борисов 1983 — Борисов Б. Средновековни накити и кръстове-энколпиони от музея в Нова Загора // Векове. 4. 1983.
- Витлянов 1996 — Витлянов С. Новооткрити метални кръстове в Преслав // Бог и цар в българската история. Пловдив, 1996.
- Георгиева 1958 — Георгиева С. Кръстове-энколпиони от средновековен Преслав // Изследвания в чест на акад. Димитър Дечев. София, 1958.
- Джингов 1985 — Джингов Г. Църква № 2 в Калиакра // ИНМВ. XXI (XXXVI). 1985.
- Дончева-Петкова 1983 — Дончева-Петкова Л. Кръстове-энколпиони във Варненския музей // ИНМВ. XIX (XXXIV). 1983.
- Дончева-Петкова 1991 — Дончева-Петкова Л. За някои типове кръстове-энколпиони от Добруджа // Добруджа. 8. 1991.
- Дончева-Петкова 1992 — Дончева-Петкова Л. Проблеми при производството на кръстове-энколпиони (материали, технологии, ателиета) // Археология. XXXIV. 4. София, 1992.
- Залеская 1988 — Залеская В.Н. Связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X–XII веках // Восточное Средиземноморье и Кавказ в IV–XVII вв. Л., 1988.
- Илинкина 1992 — Илинкина В. Развитие на цветната металургия в Кюстендил от античността до средновековието // Приноси към Българската археология. I. София, 1992.
- Лебедев 1990 — Лебедев В.Р. Символика и язык монет Крыма золотоордынского периода // Нумизматические исследования по истории юго-восточной Европы. Кишинев, 1990.
- Липатов и др. 2006 — Липатов А.А., Медникова Е.Ю., Мусин А.Е., Пескова А.А. Священные вложения древнерусских энколпионов в контексте литургической практики: возможности комплексного анализа // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. СПб., 2006.
- Миятев 1922 — Миятев К. Палестински кръстове в България // Годишник на Народния Музей 1921 год. София, 1922.
- Огненова, Георгиева 1955 — Огненова Л., Георгиева С. Раскопките на манастира под Вълкашина в Преслав през 1948–1949 г. // Известия на Археологическия институт БАН. XX. София, 1955.
- Отчет на разградското... 1930 — Отчет на разградското археологическо дружество за 1930 год // Разград. VII. Б/г.
- Хараламбиева 1988 — Хараламбиева А. Новооткрити кръстове-энколпиони // Векове. 2. 1988.
- Чангова 1972 — Чангова И. Средновековното селище над тракийския град Севтополис XI–XIV век. София, 1972.
- Чангова 1992 — Чангова И. Перник. III. Крепостта Перник VIII–XIV в. София, 1992.
- Aladjov 1994 — Aladjov Z. Deux encolpions de la région Preslav // Bulletin de l'Institut d'archéologie. XXXVIII. Sofia, 1994.
- Atanasov 1991 — Atanasov G. Croix-encolpions proche-orientales de la région de la Dobroudja du Sud (Bulgarie) // Akten des XII. Internationalen Kongresses für Christliche Archäologie, Bonn 22.–28. September 1991. 1. 1991.
- Atanasov, Pavlov 1995 — Atanasov G., Pavlov P. Sur l'itinéraire de l'armée tatarе à travers la Bulgarie du Nord (Mésie et Dobroudja) en 1242 (Selon les données des sources numismatiques, archéologiques et narratives) // Добруджа. 12. 1995.
- Barinkliev, Dimitrov, Nicolov 1965 — Barinkliev Ch., Dimitrov M., Nicolov D. Musée National de Stara Zagora. Sofia, 1965.
- Barnea Al. 1984 — Barnea Al. Săpăturile de salvare de la Noviodunum // Peuce. IX. 1984.
- Barnea I. 1968 — Barnea I. Sigilii bizantine de la Noviodunum // SCN. IV. 1968.
- Barnea I. 1975 — Barnea I. Sigilii bizantine de la Noviodunum (II) // SCN. VI. 1975.
- Barnea I. 1977 — Barnea I. Noi descoperiri la Noviodunum // Peuce. VI. 1977.
- Barnea I. 1981a — Barnea I. Arta creștină în România. Vol. 2. Secolele VII–XIII. București, 1981.
- Barnea I. 1981b — Barnea I. Cristian Art in Romania. Vol 2. 7th–13th centuries. Bucharest, 1981.

- Barnea I. 1990 — *Barnea I.* Les sceaux byzantins mis au jour à Noviodunum // Studies in byzantine sigillography. Dumbarton Oaks. 2. 1990.
- Barnea I. 1997 — *Barnea I.* Noviodunum în lumina sigiliilor bizantine // SCIV(A). 48. 4. 1997.
- Barnea I., Mănuclu-Adameşteanu, Topoleanu 1996 — *Barnea I., Mănuclu-Adameşteanu Gh., Topoleanu Fl. Isaccea* // Situri arheologice cercetate în perioada 1983–1992. Brăila. 43. 1996.
- Bauman, Stănică, Mănuclu-Adameşteanu, Lockyear, Popescu 2003 — *Bauman V.H., Stănică A., Mănuclu-Adameşteanu Gh., Lockyear Ch., Popescu A.* Isaccea, jud. Tulcea (Noviodunum). Punct: Cetate. CCA. Campania 2002. Bucureşti, 2003.
- Bauman, Stănică, Mănuclu-Adameşteanu, Olariu, Bejenaru, Lockyear, Popescu 2004 — *Bauman V.H., Stănică A., Mănuclu-Adameşteanu Gh., Olariu C., Bejenaru L., Lockyear Ch., Popescu A.* Isaccea, jud. Tulcea (Noviodunum). Punct: Cetate. CCA. Campania 2003. Bucureşti, 2004.
- Bauman, Stănică, Mănuclu-Adameşteanu, Popescu, Lockyear 2002 — *Bauman V.H., Stănică A., Mănuclu-Adameşteanu Gh., Popescu A., Lockyear C.* Isaccea, jud. Tulcea (Noviodunum). Punct: Cetate. CCA. Campania 2001. Bucureşti, 2002.
- Bauman, Stănică, Mănuclu-Adameşteanu, Olariu, Bejenaru, Lockyear 2001 — *Bauman V.H., Stănică A., Mănuclu-Adameşteanu Gh., Olariu C., Bejenaru L., Lockyear Ch.* Isaccea, jud. Tulcea (Noviodunum). Punct: Cetate. CCA. Campania 2000. Bucureşti, 2001.
- Baumann, Mănuclu-Adameşteanu, Iacob, Mănăstireanu 1998 — *Baumann V.H., Mănuclu-Adameşteanu Gh., Iacob M., Mănăstireanu S.* Isaccea. I. Noviodunum. CCA. Campania 1997. Bucureşti, 1998.
- Ceacalopol 1962 — *Ceacalopol G.* Crucea relicvar de la Capidava // SCIA. 9. 1. 1962.
- Custurea 1999 — *Custurea G.* Câteva cruci relicvar descoperite în Dobrogea // Pontica. 32. 1999.
- Custurea 2001 — *Custurea G.* Descoperiri arheologice şi numismatice de pe raza localităţii Satu-Nou (com. Oltina, jud. Constanţa) // Pontica. 33–34. 2001.
- Damian 1992 — *Damian O.* Despre un atelier pentru confecţionat piese din plumb de la Păcuiul lui Soare // Pontica. XXV. 1992.
- Damian 1996 — *Damian O.* Eléments chrétiens de l'époque byzantine au Bas-Danube // Pontica. 28–29. 1996.
- Davidson 1952 — *Davidson G.R.* Corinth XII. The Minor Objects. Princeton, 1952.
- Diaconu 1994 — *Diaconu P.* Câteva consideraţii privind sigiliile strategului Ioan Malesis // Istros. 7. 1994.
- Diaconu, Baraschi 1977 — *Diaconu P., Baraschi S.* Păcuiul lui Soare. Aşezarea medievală. II. Bucureşti, 1977.
- Diaconu, Vâlceanu 1972 — *Diaconu P., Vâlceanu D.* Păcuiul lui Soare. Cetatea bizantină. I. Bucureşti, 1972.
- Diadovo. 1 1992 — *Diadovo. 1.* Medieval Settlement and necropolis (11th-12th Century). Tokio, 1992.
- Florescu, Cheluţă-Georgescu 1974 — *Florescu R., Cheluţă-Georgescu N.* Săpăturile de la Capidava // Pontica. 7. 1974.
- Ghiaţă 1986 — *Ghiaţă A.* Formations politiques au Bas Danube et à la mer Noire (fin du XIIe – XVe s.) // RESEE. 24. 1. 1986.
- Grabar 1994 — *Grabar A.* Les voies de la création en iconographie chrétienne. Paris, 1994.
- Gudea, Cosma 1998 — *Gudea N., Cosma C.* Crucea relicvar descoperită la Dăbâca. Consideraţii privind tipologia şi cronologia crucilor relicvar bizantine din bronz, cu figuri în relief, descoperite pe teritoriul României // Ephemeris Napocensis. VIII. 1998.
- Hartuclu, Anastasiu 1976 — *Hartuclu N., Anastasiu F.* Catalogul selectiv al colecţiei de arheologie a Muzeului Brăilei. Brăila, 1976.
- Henderson 2000 — *Henderson J.* The Science and Archaeology of Materials. London, 2000.
- Hornickova 1999 — *Hornickova K.* The byzantine reliquary pectoral crosses in Central Europe // Byzantinoslavica. LX. 1. 1999.
- Hoti 1999 — *Hoti A.* Croix-pendentifs médiévaux trouvées en Albanie // Studia Albanica. XXXII. 1999.
- Khromov 2001 — *Khromov K.* The successors of Chinghiz khan and their coins. Khans of the Golden Horde. http://www.hordecoins.folgat.net/e_rulersGH.htm. 2001.
- Mănuclu-Adameşteanu 1983 — *Mănuclu-Adameşteanu Gh.* Un fragment de steatite figurat descoperit la Isaccea // SCIV(A). 34. 2. 1983.
- Mănuclu-Adameşteanu 1984 — *Mănuclu-Adameşteanu Gh.* Elemente de cultură bizantină la gurile Dunării // Peuce. IX. 1984.
- Mănuclu-Adameşteanu 1987 — *Mănuclu-Adameşteanu Gh.* Noi descoperiri arheologice la Isaccea // SCIV(A). 38. 3. 1987.
- Mănuclu-Adameşteanu 1991 — *Mănuclu-Adameşteanu Gh.* Tomis–Constantia–Constanţa // Pontica. 24. 1991.

- Mănucu-Adameșteanu 1992 — *Mănucu-Adameșteanu Gh.* Cruci relicvar de tip bizantin descoperite în sudul Dobrogei // Pontica. 25. 1992.
- Mănucu-Adameșteanu 1993 — *Mănucu-Adameșteanu Gh.* Considerații finale asupra locuirii medievale (secolele XIV–XV) de la Aegyssus, jud. Tulcea // Materiale. (Ploiești). Partea a II-a. București, 1993.
- Mănucu-Adameșteanu 1995 — *Mănucu-Adameșteanu Gh.* Aspecte ale politicii împăratului Alexios I Comnenul la Dunărea de Jos în lumina descoperirilor sfragistice și numismatice // RI. VI. 3–4. 1995.
- Mănucu-Adameșteanu 1996 — *Mănucu-Adameșteanu Gh.* Aspecte privind circulația monetară la Mangalia în secolele X–XI (969–1081) // Pontica. 28–29. 1996.
- Mănucu-Adameșteanu 2001a — *Mănucu-Adameșteanu Gh.* Istoria Dobrogei în perioada 969–1204 // Contribuții arheologice și numismatice. București, 2001.
- Mănucu-Adameșteanu 2001b — *Mănucu-Adameșteanu Gh.* Din nou despre atacul cumanilor din anul 1095 și încetarea locuirii de la Păcuiul lui Soare // Simpozion de numismatică dedicat împlinirii a patru secole de la prima unire a românilor sub Mihai voievod Viteazul, Chișinău, 28–30 mai 2000. București, 2001.
- Mănucu-Adameșteanu 2003a — *Mănucu-Adameșteanu Gh.* Monnaies byzantines de la collection du Musée du Bas Danube découvertes a Păcuiul lui Soare // BSNR. XCII–XCVII. 2003.
- Mănucu-Adameșteanu 2003b — *Mănucu-Adameșteanu Gh.* Cruci relicvar descoperite la Isaccea, jud. Tulcea // Studia Historica et Theologica. Omagiu profesorului Emilian Popescu. Iași, 2003.
- Марјановић-Вујовић 1987 — *Марјановић-Вујовић Г.* Крстови од VI до XII века из збирке Народног музеја. Београд, 1987.
- Musée archéologique 1967 — Musée archéologique Kazanlyk. Sofia, 1967.
- Nicorescu 1934 — *Nicorescu P.* Une croix–réliquaire de Dobroudja // În memoria lui Vasile Pîrvan, București, 1934.
- Oberländer-Târnoveanu, Constantinescu 1994 — *Oberländer-Târnoveanu E., Constantinescu M.* Monede romane târzii și bizantine din colecția Muzeului județean Buzău // Mousaios. 4 (1). 1994.
- Oberländer-Târnoveanu 1993 — *Oberländer-Târnoveanu E.* Un atelier monétaire inconnu de la Horde d'or sur le Danube: Săqçi–Isaccea (XIIIe – XIVe siècles) // Actes du XIe Congrès International de Numismatique, Bruxelles, 8–13 septembre 1991. III. Louvain-la-Neuve, 1993.
- Oberländer-Târnoveanu, Mănucu-Adameșteanu 1982 — *Oberländer-Târnoveanu E., Mănucu-Adameșteanu Gh.* Monede antice și bizantine descoperite la Enisala, jud. Tulcea // CN. 4. 1982.
- Oberländer-Târnoveanu, Mănucu-Adameșteanu 1984 — *Oberländer-Târnoveanu E., Mănucu-Adameșteanu Gh.* Monede din secolele XII–XIV descoperite la Nufăru, jud. Tulcea // Peuce. IX. 1984.
- Od arkeološkoto bogatstvo 1980 — Od arkeološkoto bogatstvo na CP Makedonia. Skopje, 1980.
- Paleocreștinism 2000 — Paleocreștinism și creștinism pe teritoriul României. Secolele III–XI. București, 2000.
- Pitarakis 1998 — *Pitarakis B.* Un groupe de croix-reliquaires pectorales en bronze à décor en relief attribuable à Constantinople avec le Crucifié et la Vierge Kyriotissa // CA. 46. Paris, 1998.
- Pitarakis 2006 — *Pitarakis B.* Les croix-reliquaires pectorales byzantines en bronze. Paris, 2006.
- Poenaru-Bordea, Nicolae, Popescu 1995 — *Poenaru-Bordea Gh., Nicolae E., Popescu A.* Contributions numismatique a l'histoire de Noviodunum aux VIe-VIIe siècles // SCN. XI. 1995.
- Sandin 1993 — *Sandin K.* Liturgy, Pilgrimage and Devotion in Byzantine Objects in the Detroit Institute of Arts // Bulletin of the Detroit Institute of Arts. 67. 4. 1993.
- Sciara 1976 — *Sciara B.* Brindisi. Museo archeologico provinciale. Calderini, 1976.
- Ștefan 1940 — *Ștefan Gh.* Dinogetia I. Risultati della prima campagna di Scavi (1939) // Dacia. VII–VIII. 1940.
- Ștefan, Barnea I., Comșa M., Comșa E. 1967 — *Ștefan Gh., Barnea I., Comșa M., Comșa E.* Dinogetia. I. Așezarea feudală timpurie de la Bisericuța-Garvăn, București, 1967.
- Topoleanu 1988 — *Topoleanu Fl.* Un médaillon byzantin en émail cloisonné découvert a Noviodunum // RESEE. XXVI. 4. 1988.
- Travlos, Frantz 1965 — *Travlos J., Frantz A.* The Church of St. Dionysos the Areopagite and the Palace of the Archbishop of Athens in the 16th Century // Hesperia. XXIV. 3. 1965.

А.А. Пескова (Санкт-Петербург), Л.В. Строчкова (Киев)

ОБ ИСТОРИИ И СОСТАВЕ «СИРИЙСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ» ХАНЕНКО В СОБРАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ УКРАИНЫ¹

Богдан Иванович и Варвара Николаевна Ханенко — известные украинские коллекционеры и меценаты второй половины XIX — начала XX в. С их именем связано создание в Киеве двух музеев: в 1899–1904 гг. — Киевского художественно-промышленного и научного музея имени Государя Императора Николая Александровича, и в 1918–1921 гг. — Музея искусств имени Богдана и Варвары Ханенко. История этих музеев и их коллекций сложна и временами трагична, что связано с историческими событиями первой половины XX в.

Богдан Иванович Ханенко происходил из древнего украинского дворянского рода, прослеживаемого с начала XVII в. и ведущего свое начало от запорожского казака Степана Ханенко и дочери польского старосты. Их сын Михаил был гетманом Правобережной Украины, внук Данила — лубенским полковником, правнук Николай — сподвижником гетмана Павла Полуботка, генеральным хорунжим (Ханенки 1980: 3546–3547; Ковалинский 1998: 357).

Богдан Иванович Ханенко родился 23 января 1848 г. в родовом поместье на Черниговщине, подаренном его предкам еще гетманом Кириллом Разумовским (Шовкопляс 1998: 13). Образование он получил в Москве: сначала в 1-й московской гимназии, потом — на юридическом факультете Университета, который он закончил в 1871 г. со степенью кандидата права и получил назначение в Петербург, где служил судьей. С 1876 г. он уже член Варшавского окружного суда (Шовкопляс 1998: 13; Ковалинский 1998: 357). К петербургскому периоду жизни относится и его женитьба на Варваре Николаевне (Николовне) Терещенко — старшей дочери Николая Артемовича Терещенко, которая становится его другом и соратником.

Попав в атмосферу подъема реалистической художественной школы, Б.И. Ханенко знакомится и общается со многими ее представителями. Под их влиянием у него пробуждается интерес к коллекционированию. Первыми полотнами в ханенковском собрании стали работы старых мастеров западных школ, приобретенные у антикваров. Супруги Ханенко за сравнительно короткое время на Украине и России, а также за их пределами, в частности, на аукционах Берлина, Вены, Мадрида, Рима и других городов Европы приобрели значительное количество произведений отечественной и мировой живописи, скульптуры и декоративно-прикладного искусства.

В 1881 г. Б.И. Ханенко вышел в отставку с государственной службы, и супруги переехали в Киев. Богдан Иванович занялся устройством образцового хозяйства в своих имениях. Он принимает активное участие в деловой жизни города и вскоре завоевывает авторитет в финансовых и промышленных кругах. Его избирают председателем Киевского комитета торговли и промышленности, членом правления Всероссийского общества сахарозаводчиков, членом Совета съездов представителей торговли и промышленности в Петербурге, членом советов нескольких банков и других коммерческих организаций. С 1896 г. Б.И. Ханенко возглавляет управление делами Товарищества заводов братьев Терещенко. Вместе

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Христианские древности “сирийской коллекции” Ханенко», проект № 05-01-01379а.

с тестем он принимает самое непосредственное участие в благотворительных проектах. Но наибольшая заслуга Б.И. Ханенко перед Киевом — это его собственное собрание сокровищ искусства и неутомимая деятельность по созданию Городского музея древностей и искусств (Ковалинский 1998: 360–361).

В 1897 г. в Киеве было создано «Общество Древностей и Искусств», которое возглавил Б.И. Ханенко. Это общество и занималось строительством и созданием первого городского музея. Здание для музея было построено известным киевским архитектором В. Городецким в классическом стиле по улице Александровской (ныне ул. Грушевского, 6). Уже в августе 1899 г. на первом этаже недостроенного здания музея была открыта выставка, посвященная XI Всероссийскому Археологическому съезду, который проходил в Киеве. На выставке были представлены экспонаты, начиная с каменного века до эпохи Киевской Руси. Они были переданы музею Императорской Археологической Комиссией и частными лицами и стали основой археологического собрания будущего музея и первой его экспозицией (Строкова 2001: 8).

Освящение и официальное открытие детища Богдана Ханенко, получившего название «Киевский художественно-промышленный и научный музей имени Государя Императора Николая Александровича», состоялось 30 декабря 1904 г. А через две недели в Петербурге Богдан Иванович «имел счастье представиться Государю Императору, которому благоугодно было милостиво припомнить время и место закладки здания, выразить удовольствие по поводу окончания сооружения музея и передать обывателям города Киева его монаршие пожелания дальнейшего развития и процветания музея» (ГАК. Ф. 304. Оп. 1. Д. 1. Телеграмма Б.И. Ханенко 18 января 1905 г. на имя киевского генерал-губернатора Н.В. Клейгельса; Ковалинский 1998: 369).

К этому времени музейное собрание древностей оценивалось в 134 тыс. руб., и больше половины его составляла подаренная Б.И. и В.Н. Ханенко археологическая коллекция из 3 145 предметов разных эпох (Ковалинский 1998: 370). Семьи Ханенко и Терещенко не только пополняли музей новыми экспонатами, но и субсидировали археологические раскопки.

Деятельность Б.И. Ханенко по созданию музея была отмечена пожалованием ему с 1 января 1910 г. звания действительного статского советника. Деля предствление, киевский губернатор отмечал, что только «благодаря неустанным трудам и материальной поддержке Ханенко, в настоящее время Киевский музей обладает обширными коллекциями в различных отраслях исторической науки, этнографии и художественной промышленности, служащими для развития среди местного населения интереса к родной старине и искусству» (ЦГИАУ. Ф. 442. Оп. 638. Д. 456; цит по: Ковалинский 1998: 370).

После очередной смены власти в Киеве советское правительство декретом от 23 июня 1919 г. объявило Киевский художественно-промышленный и научный музей государственным учреждением и назвало его Первым Государственным. Через пять лет он стал Всеукраинским историческим музеем им. Т.Г. Шевченко. В 1935–1936 гг. музей был реорганизован, коллекции перераспределены, и на их основе созданы Центральный исторический музей им. Т.Г. Шевченко (с 1991 г. — Национальный музей истории Украины) и Киевский музей украинского искусства (с 1996 г. — Национальный художественный музей) (Ковтанюк, Шовкопляс 1999: 71–78). Археологические коллекции музея еще в 1930 г. были переданы вновь образованному Археологическому музею Института народного образования, который, так и не открывшись, в 1936 г. был аннулирован, а коллекции вернулись в Центральный исторический музей.

История собственной коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко не менее сложна, а порой и драматична. Еще в 80-е годы XIX в., получив от своего тестя Н.А. Терещенко участок земли по ул. Терещенковской, 15, Ханенко строят дом, в котором размещают свою коллекцию. Благодаря изданным каталогам и альбому (Ханенко 1896, 1899, 1900, 1899–1902), выставкам в Петербурге в 1908 и 1914 гг., откликам в прессе и репродукциям отдельных картин, коллекция Ханенко стала широко известной. А деятельность коллекционера получила высокую оценку художественной общественности: в 1910 г. его избрали почетным членом Петербургской Академии художеств.

Богдан Иванович и Варвара Николаевна Ханенко мечтали сделать свою коллекцию достоянием Киева, учредить общедоступный публичный Музей. Но помешала начавшаяся в 1914 г. мировая война. 26 мая 1917 г. после продолжительной болезни умер Б.И. Ханенко. Своим завещанием, составленным за месяц до смерти, он передал свои капиталы Киевскому художественно-промышленному и научному музею. Собственную коллекцию он подарил городу Киеву с условием, что Музей должен официально называться «Собранием Ханенко» и сохранить целостность коллекции.

Варвара Николаевна начала готовить коллекцию к преобразованию в Музей. Вступив в сентябре 1917 г. в права официального владения коллекцией, она перевезла в Киев ее петроградскую часть, которая находилась в квартире на Дворцовой набережной, 24. Учитывая сложную политическую ситуацию

в городе, Варвара Николаевна 24 декабря 1918 г. составила дарственную и передала Музей на ул. Терещенковской, 15, Всеукраинской академии наук. В феврале 1921 г. было утверждено название Музея искусств УАН как «Музей имени Ханенко при Украинской Академии Наук» (Історія 1993: 463).

Первый директор Музея в 1920–1925 гг., известный ученый, искусствовед, археолог Николай Емельянович Макаренко писал в 1924 г.: «Музей мистецтв імені Б.І. Ханенка та В.Н. Ханенко для України — то великий скарб, те саме, що для Росії Ермітаж (звичайно не таких розмірів), охоплює собою трохи чи не всі області художніх творів усіх європейських і східних народів» (Макаренко 1924: 11).

7 мая 1922 г. Варвара Николаевна Ханенко умерла и была похоронена рядом с Богданом Ивановичем в Выдубицком монастыре в Киеве. А в апреле 1924 г. было отменено название музея — Ханенковский — «ввиду полного отсутствия за Ханенко революционных заслуг, связанных, так или иначе, со служением идее пролетарской культуры» (Архив НМИБВХ. Оп. 1. Ед. хр. 39. Д. 16. Л. 212).

Для Музея наступили тяжелые времена, когда планомерно и методично стали наноситься удары по целостности собрания Ханенко. В 1925 г. новым директором музея назначили И.И. Врону — более партийного функционера, нежели искусствоведа, который «с большевистским энтузиазмом» берется за смену самой структуры Музея. В конце 1925 г. Укрнаука своим постановлением закрепляет за И. Вроной полномочия Председателя комиссии «з вирішенням питань, що до єдності музейного фонду державних музеїв м. Києва та планомірного обміну речей відповідно до теми кожного музею» (Корниенко 2005: 21; Архив НМИБВХ. Оп. 1. Ед. хр. 41. Д. 27-а. Л. 37). Фактически начался процесс уничтожения Музея искусств имени Б. и В. Ханенко с постепенной его реорганизацией в Музей западного и восточного искусства. В отчете Музея за 1925 г. И. Врона пишет: «Вважати, що при загальному характерові Музею як західно-європейського й східного мистецтва знаходження в ньому речей, що цьому характерові не відповідають, є тільки марним завантаженням приміщень і, маючи на увазі існування у Києві Історичного музею, який спеціально збирає речі українські, Музей визнав слушним піти на зустріч проханню останнього, що до передачі йому таких речей зі складу своїх колекцій» (Корниенко 2005: 19).

Процесс перераспределения фондов киевских музеев активно продолжался и в 1930-х гг. В это время из коллекции музея были изъяты и переданы в другие музеи портретная галерея самих Ханенко, археологическое собрание, значительную часть которого составляли византийские изделия X–XI вв., русская и украинская живопись, фарфор, стекло, ковры, вышивка, иконопись, ценное собрание древнего европейского и восточного оружия, уникальные изделия из драгоценных металлов великокняжеской эпохи и Византии (Корниенко 2005: 22).

О существовании «сирийской коллекции» Б.И. Ханенко, приобретенной им до 1914 г., известно по упоминаниям в книгах его современников Н.П. Кондакова (Кондаков 1914: 258; Кондаков 1915: 104) и Н.И. Петрова (Петров 1915: 25, 26). В настоящее время в Национальном музее истории Украины хранится коллекция под названием «Сирия» (инвентарный номер в-4626), в которой числится 332 музейных предмета. Можно сказать, что она состоит из двух «сирийских коллекций», поступивших в музей в разное время. Коллекционная опись в-4626 была начата в 1951 г., когда в Музее шла новая инвентаризация, начавшаяся еще в 1948 г., что было вызвано утратой основной части инвентарных книг в годы войны.

Первая часть «сирийской коллекции» состоит из 235 предметов из цветного металла, стекла и камня. Это различные украшения и бытовые предметы. Согласно рукописному каталогу археологического отдела музея, начатому еще первым его хранителем В.В. Хвойкой, эта часть коллекции поступила в ноябре 1923 г. от Б.И. и В.Н. Ханенко и происходила из Сирии (Рукописный каталог. Т. II. Книга IV. С. 116–117. № 24413–24724). Но, вероятнее всего, что 1923 г. — это дата инвентаризации, а не поступления коллекции в музей. Так как Б.И. Ханенко умер в 1917 г., а перераспределение музейных коллекций началось только в 1925 г., то данная часть «сирийской коллекции» могла быть передана Киевскому художественно-промышленному и научному музею еще до 1917 г. То, что она не была сразу заинвентаризована, объясняется рядом объективных причин. Нужно только вспомнить историю — Первая мировая война, революции, Гражданская война. По свидетельствам современников, эти события внесли большую сумятицу и в музейную жизнь. Долгое время многие экспонаты были упакованы в ящики и так хранились в течение нескольких лет. Если в 1923 г. коллекция насчитывала 311 предметов, то в 1951 г. — только 235. Разница может быть объяснена утратами, которые понес Киевский исторический музей в годы Великой Отечественной войны (Строкова 2005: 23–28). Многие археологические материалы исчезли бесследно, многие были депортированы.

Вторая часть «сирийской коллекции» состоит из 96 различных крестов. Большую ее часть составляют византийские, так называемые «сирийские» кресты разной формы (76 ед.), остальные энколпионы

являются древнерусскими (20 ед.). Также в эту коллекцию была записана глиняная паломническая ампула, происходящая из собрания Церковно-археологического музея (ср.: Петров 1915: 10, табл. VI, 10). К этой же части коллекции относится еще одна створка «сирийского» креста-реликвария, которая записана в инвентарную книгу «вд», т.к. она была в свое время депаспортизована. Таким образом, в коллекции насчитывается 77 «сирийских» крестов, 20 из которых представляют собой створки 10-ти целых крестов-реликвариев. Эта коллекция, как выяснилось, была передана Центральному историческому музею (ныне Национальный музей истории Украины) из Музея западного искусства (ныне Музей искусств им. Б.И. и В.Н. Ханенко) в 1937 г. (Архив НМИБВХ. Оп. 1. Ед. хр. 4. Д. 6. Лл. 233–244, 307–309). К сожалению, в инвентарной книге Музея искусств за 1925 г. нет никакой информации о ее происхождении. Указано только, что это собрание Б. Ханенко (Инвентар Музею Мистецтв ВУАН. Книга № 2). Кресты были нашиты на планшеты.

В Центральный исторический музей поступило 9 планшетов. В верхнем левом углу каждого была надпись «Собрание Ханенко». Также на каждом планшете было написано «Таблица» и проставлен номер римскими цифрами, а под каждым предметом, помимо четырехзначного инвентарного номера Музея искусств (эти же номера белой масляной краской были написаны и на предметах), стоял трехзначный порядковый номер: XXXVII — № 365–373; XXXVIII — № 374–382; XXXIX — № 383–392; XLI — № 409–426; XLIII — № 436–444; XLIV — № 445–456; XLV — № 457–465; XLVI — № 466–474; XLVII — № 475–482. Как видим, два планшета отсутствовало: XL — № 392–408 и XLII — № 427–435. Судя по номерам таблиц и их организации, эти планшеты были основой для подготовки к изданию III выпуска «Крестов и образков...» коллекции Ханенко. Напомним, что первые два выпуска были опубликованы в 1899–1900 гг. (Ханенко 1899; 1900). Правда, последняя таблица во II выпуске имеет номер XXXII — № 350–360 (Ханенко 1900: 23–25). Между ней и первой из известных нам таблиц предполагаемого III выпуска отсутствуют 4 таблицы, на которых могли быть размещены всего 4 предмета, по одному на каждой таблице: табл. XXXIII–XXXVI — № 361–364. Такая организация материала, в целом не характерная для рассматриваемого издания, в данном случае была обусловлена, по-видимому, большими размерами публикуемых предметов.² Очевидно, это были процессионные кресты, также входившие в состав коллекции Ханенко, и в том числе замечательный византийский крест, открытый В.В. Хвойкой в 1907 г. в ходе раскопок близ Десятинной церкви (Макаренко 1915: 57–58).

Состав крестов, закрепленных на планшетах, поступивших в Исторический музей в 1937 г. и позже размонтированных, сегодня известен нам благодаря архивным записям Г.Ф. Корзухиной, которая в 1949 г., работая в музее с коллекцией Ханенко, переписала номера крестов с 9 доступных ей планшетов: с XXXVII по XLVII, за исключением отсутствовавших XL и XLII планшетов (РА НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Лл. 29–32). «Сирийские» и древнерусские кресты были размещены на них вперемешку. Это и послужило причиной того, что после снятия крестов с планшетов при создании новой послевоенной описи в «сирийскую» коллекцию, поступившую некогда от Ханенко, были записаны и немногочисленные древнерусские кресты, происходящие из того же собрания. Таким образом, в Киевском историческом музее (ныне НМИУ) эта коллекция крестов была записана в «сирийскую» коллекционную опись в-4626 потому, что, во-первых, большая часть крестов на планшетах действительно была «сирийской», во-вторых, тоже происходила из собрания Б.И. и В.Н. Ханенко.

В Музее искусств Б.И. и В.Н. Ханенко данная часть «сирийской коллекции» не значилась как одна коллекция. Об этом свидетельствуют четырехзначные инвентарные номера на крестах в диапазоне от № 4074 до № 4765, нанесенные белой масляной краской, судя по ряду признаков, во время инвентаризации 1925 г. В опись они записывались небольшими группами, в основном, очевидно, тоже по планшетам. Г.Ф. Корзухина считала их номерами коллекции Ханенко (РА НА ИИМК. Ф. 77. Д. 44. Л. 32 об.).

Документов, прямо подтверждающих «сирийское» происхождение этих крестов, пока не обнаружено. Большая часть архива Ханенко была сожжена после смерти Варвары Николаевны ее сестрой Ольгой. Сохранившаяся часть архива, которая хранится в Музее искусств имени Б. и В. Ханенко, еще до конца не разобрана. По свидетельству Н.П. Кондакова, как указывалось выше, Б.И. Ханенко приобрел большую коллекцию крестов и образков в Дамаске (Сирия) у инженера, работавшего на строительстве железной дороги (Кондаков 1915: 104). Н.И. Петров в «Альбоме достопримечательностей Церковно-археологического музея при Киевской Духовной Академии» упоминал о двух коллекциях металлических крестиков, которые Б.И. Ханенко приобрел «одну в Дамаске в Сирии, а другую на острове Крите»

² Напомним, что в I и II выпусках изображения крестов и образков приводятся в натуральную величину.

Рис. 1. Фотоотпечаток с негативов В.В. Хвойки (РА НА ИИМК РАН. Ф. 77. Д. 14. Л. 12)

(Петров 1915: 25). Безусловно, речь идет именно о данной коллекции крестов, которая, как следует из приведенных упоминаний, была приобретена до 1914 г. и вошла в историю под названием «сирийской коллекции» Ханенко, объединив в себе обе части.

Однако существуют косвенные или вторичные свидетельства, указывающие на принадлежность рассматриваемой группы крестов к «сирийской» коллекции Ханенко. В 1949 г. в Историческом музее хранились, по меньшей мере, два «негатива В.В. Хвойки», с которых Г.Ф. Корзухина заказала отпечатки (рис. 1, 2). На этих отпечатках зафиксированы два планшета с нашитыми на них металлическими крестами и образками (всего 40 предметов). Откуда Г.Ф. Корзухина получила сведения о том, что это негативы В.В. Хвойки, пока неизвестно, но такие сведения, несомненно, были, так как на обороте фотоотпечатков ее рукой написано: «Коллекция, купленная Б.И. Ханенко между 1900 и 1915 гг. в Дамаске и на Кипре.³ Нег. Хвойко в КИМ» (РА НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Лл. 12–13). На обложке, в которую вложены эти фотоотпечатки, есть такая надпись: «Сирийская коллекция Б.И. Ханенко в КИМ. Фотоотпечатки сделаны в 1949 г. с негативов В.В. Хвойко, хранящихся в КИМ» (РА НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. между лл. 11 и 12).

В целом на негативах В.В. Хвойки представлено 40 предметов, из них в настоящее время отсутствуют 5 крестов и образков, то есть примерно половина дошедших до нас крестов «сирийской коллекции» Ханенко. Существование «негативов Хвойки» свидетельствует о том, что кресты «сирийской коллекции» Ханенко впервые поступили в Художественно-промышленный и научный музей (ныне НМИУ) еще до 1914 г. (год смерти первого хранителя Музея — В.В. Хвойки). Об этом же свидетельствует и примечание Н.П. Кондакова во II томе «Иконографии Богоматери» о том, что кресты «сирийской» коллекции находятся «В собрании Киевского Художественно-промышленного и Научного музея» (Кондаков 1915: 104, прим. 2). Фото нескольких крестов из этой коллекции Н.П. Кондаков опубликовал там же с подписью «Сирийский крест в Киевском музее» (Кондаков 1914: 261, 264, рис. 164, 173; Кондаков 1915: 66, рис. 75). В 1925 г., как уже отмечалось, они числятся в инвентарной книге

³ Авторы обращают внимание читателя на то, что Г. Ф. Корзухина употребляла в данном контексте и, по-видимому, сознательно «Кипр» вместо «Крит» (так у Н.И. Петрова).

Рис. 2. Фотоотпечаток с негативов В.В. Хвойки (РА НА ИИМК РАН. Ф. 77. Д. 14. Л. 13)

Музея искусств Ханенко, где записаны небольшими группами среди 700 разнообразных музейных предметов коллекции Ханенко.

Таким образом, из «сирийской коллекции», переданной Ханенко Художественно-промышленному музею почти сразу после ее приобретения, очень скоро была выделена группа крестов и образков и возвращена дарителям (на Терещенковскую, 15), по-видимому, временно — только для подготовки к изданию III выпуска альбома. Возможно, именно с этим связана предпринятая В.В. Хвойкой явно спешная рабочая фотофиксация крестов «сирийской» коллекции. После этого первоначальные «сирийские» планшеты были демонтированы, т.к. организация III выпуска, следуя принципам организации первых двух, не предусматривала разделение материалов на древнерусские и византийские. Таблицы в них сформированы на основе единства техники и, отчасти, иконографии.

Основой для создания таблиц к III выпуску стали вновь изготовленные планшеты, на которых «сирийские» кресты были нашиты уже вперемешку с древнерусскими крестами и образками. Издание по какой-то причине не удалось довести до конца, хотя, как выясняется, с них уже были сделаны отретушированные негативы. Планшеты с крестами оставались в Музее искусств им. Б.И. и В.Н. Ханенко до 1937 г., когда они были переданы или возвращены в Исторический музей и присоединены к основной части «сирийской коллекции».

Негативы к III выпуску альбома Ханенко могли бы послужить основой для реконструкции первоначального состава христианской части «сирийской коллекции». Но их местонахождение после смерти в 1922 г. В.Н. Ханенко долгое время оставалось неизвестным. Впервые об их существовании и сохранности сообщил Г.И. Вздорнов в «Археографическом ежегоднике» за 1974 г.: «Несколько лет назад один из московских реставраторов разыскал в Киеве прекрасно сохранившиеся большеформатные ретушированные негативы с неизданных крестов и резных каменных иконок домонгольской эпохи из бывшей коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко. Некоторые из этих крестов и образков были впоследствии утрачены, и найденные фотоснимки являются теперь единственным источником для их изучения» (Вздорнов 1975: 82). Следующее упоминание об этих негативах промелькнуло в монографии Т.В. Николаевой 1983 г.

Таблица 1. Сводка сведений о таблицах Б.И. и В.Н. Ханенко к I–III выпускам альбома «Древности русские. Кресты и образки»⁴

Номера таблиц в альбомах Б.И. и В.Н. Ханенко «Древности русские. Кресты и образки».	Наличие сведений о таблицах в архиве Г.Ф. Корзухиной	Наличие сведений о таблицах в архиве Н.Б. Тетерятниковой
Вып. I: Киев, 1899 г.		
Табл. I–XVI, № 1–169		
Вып. II: Киев, 1900 г.		
Табл. XVII–XXXII, № 170–360		
Вып. III: не издан		
Табл. XXXIII–XXXV, № 361–363 (2196, 2270, 2271)		
Табл. XXXVI, № 364 (4200)		
Табл. XXXVII, № 365–373 (4201–4209)	+	+
Табл. XXXVIII, № 374–382 (4250–4258)	+	
Табл. XXXIX, № 383–393 (4743–4747, 4749–4754)	+	+
Табл. XL, № 394–408		+
Табл. XLI, № 409–426 (4268–4285)	+	
Табл. XLII, № 427–435 (4259–4267)		
Табл. XLIII, № 436–444 (4096–4104)	+	
Табл. XLIV, № 445–456 (4210, 4755–4765)	+	+
Табл. XLV, № 457–465 (4075, 4105, 4736–4742)	+	+
Табл. XLVI, № 466–474 (4074, 4076–4082, 4735)	+	+
Табл. XLVII, № 475–482 (4242–4249)	+	+
Табл. XLVIII		+
Табл. XLIX		+

Из него следует, что «какая-то часть коллекции Ханенко не была опубликована, но она готовилась к изданию, так как для нее были уже сделаны большие отретушированные негативы, попавшие позднее в частные руки и увезенные в США» (Николаева 1983: 13). Эти негативы, как удалось выяснить, были обнаружены В.М. Тетерятниковым и ныне принадлежат его вдове Н. Б. Тетерятниковой, проживающей в Нью-Йорке. Приведенные сведения не оставляют сомнений в том, что в них идет речь о негативах с таблиц к III выпуску «Крестов и образков...» коллекции Ханенко. Это подтверждается и краткой информацией, полученной от Н.Б. Тетерятниковой.⁵ Не имея возможности заняться в ближайшее время разборкой негативов, Наталья Борисовна, тем не менее, сообщила, что ее мужем на основе стеклянных негативов был сделан фотоальбом, в начале которого сохранились следующие заметки его владельца: «25 таблиц, 26 негативов, 205 снимков». На фотографиях, к сожалению, не на всех, сохранились номера таблиц. Сохранившиеся номера: XXXVII, XXXIX–XL, XLIV–XLIX. Отсюда следует, что в III выпуск должны были войти не менее 17 таблиц (если таблица XLIX была последней), а скомпонованных на них крестов и образков было намного больше, чем в коллекции Ханенко, хранящейся ныне в НМИУ (см.: табл. 1.) Сколько было «сирийских» крестов среди неизвестных нам сегодня экземпляров и каких типов, станет ясно лишь после издания негативов Ханенко Н.Б. Тетерятниковой, будем надеяться, скорого.

Таким образом, вопрос о первоначальном составе коллекции пока остается открытым. Ее происхождение тоже не вполне ясно. На негативах В.В. Хвойки, как уже отмечалось, зафиксирована примерно половина известных нам крестов и образков «сирийской коллекции», скомпонованных на двух

⁴ Сведений о таблицах XXXIII–XXXVI, XL, XLII в архиве Г.Ф. Корзухиной нет, их состав установлен предположительно на основе сопоставления музейных описей и архивных материалов.

⁵ Приносим благодарность Н.Б. Тетерятниковой за присланные сведения.

планшетах (РА НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Лл. 12–13). Естественно в такой ситуации предположить, что не все негативы Хвойки сохранились. Но возможно и другое предположение, состоящее в том, что до нас дошли все негативы полностью отснятой «сирийской» коллекции, а остальные византийские, в широком понимании, кресты коллекции Ханенко имеют иное происхождение, например критское, о чем писал Н.И. Петров, возглавлявший в те годы Киевский церковно-археологический музей (Петров 1915: 25, 26). На основании свидетельства Н.И. Петрова и негативов В.В. Хвойки заманчиво было бы разделить все византийские кресты коллекции Ханенко на «сирийскую» и «критскую» части. Однако, типологический анализ крестов, представленных на негативах Хвойки, показывает, что среди них наряду с общераспространенными византийскими крестами есть экземпляры, связанные своим происхождением и локализацией находок исключительно с Балкано-Дунайским регионом. Учитывая это обстоятельство, следует признать, что в коллекцию Ханенко уже к 1914 г. входили различные по происхождению византийские кресты.

«Сирийская коллекция» Ханенко в ее христианской части, с одной стороны, отражает все многообразие византийских крестов, с другой — содержит в себе большое количество крестов с глубоко врезанными изображениями, которые могли бы стать эталонными при решении вопроса о сирийском происхождении этой группы крестов. Однако целостность коллекции была нарушена почти в самом начале ее музейной истории. Потому сегодня мы рассматриваем ее не как эталонную, а как редкое по разнообразию собрание византийских крестов, существенно пополняющих базу источников для изучения византийской и древнерусской культовой пластики.

Литература

- Вздорнов 1975 — *Вздорнов Г.И.* Архивные материалы по истории древнерусского искусства // Археологический ежегодник за 1974 г. М., 1975.
- Історія Академії 1993 — *Історія Академії Наук України.* 1918–1923. Документи і матеріали. Київ, 1993.
- Ковалинский 1998 — *Ковалинский В.* Меценаты Киева. Київ, 1998.
- Ковтанюк, Шовкопляс 1999 — *Ковтанюк Н., Шовкопляс Г.* Скарбниця історичної пам'яті України // Київська старовина. № 4. Київ, 1999.
- Кондаков 1914 — *Кондаков Н.П.* Иконография Богоматери. Т. I. СПб., 1914.
- Кондаков 1915 — *Кондаков Н.П.* Иконография Богоматери. Т. II. СПб., 1915.
- Корнієнко 2005 — *Корнієнко Н.* Музей Ханенків у 1920-ті роки // Ханенківські читання. Вип. 7. Київ, 2005.
- Макаренко 1924 — *Макаренко М.О.* Музей мистецтв ім. Б.І. та В.М. Ханенків Української Академії наук. Повідник // Червоний шлях, 1924.
- Макаренко 1915 — *Макаренко Н.* Выставка церковной старины в музее барона Штиглица // Старые годы. № 7–8. Пг., 1915.
- Николаева 1983 — *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. / САИ Е1-60. М., 1983.
- Петров 1915 — *Петров Н.И.* Альбом достопримечательностей Церковно-археологического музея при Киевской Духовной Академии. Вып. IV–V. Киев, 1915.
- Строкова 2001 — *Строкова Л.В.* Археологія // Національний музей історії України. Фотоальбом. Київ, 2001.
- Строкова 2005 — *Строкова Л.В.* Велика Вітчизняна війна та музейні втрати в Україні // Документознавство. Бібліотекознавство. Інформаційна діяльність: проблеми науки, освіти, практики. Київ, 2005.
- Ханенко 1896 — *Ханенко Б.И. и В.Н.* Собрание картин итальянской, испанской, фламандской, голландской и других школ. Киев, 1896.
- Ханенко 1899–1902 — *Ханенко Б.И. и В.Н.* Древности Приднепровья. Вып. 1–6. Киев, 1899–1902.
- Ханенко 1899 — *Ханенко Б.И. и В.Н.* Древности русские. Кресты и образки. Вып. 1. Киев, 1899.
- Ханенко 1900 — *Ханенко Б.И. и В.Н.* Древности русские. Кресты и образки. Вып. 2. Киев, 1900.
- Ханенки 1980 — *Ханенки* // Енциклопедія українознавства. Т.9. Київ. 1980.
- Шовкопляс 1998 — *Шовкопляс Г.М.* Ханенки і музеї Києва // До 100-річчя Національного музею історії України. Київ, 1998.

Рукописные и архивные материалы

Инвентар Музею Мистецтв ВУАН (Всеукраинской Академии Наук). Книга № 2.

Рукописный каталог Археологического отдела Киевского городского музея древностей и искусств
Т. II. Книга IV.

Архив НМИБВХ — Архив Национального Музея им. Богдана и Варвары Ханенко. Оп. 1. Ед. хр. 41.
Д. 27-а.

Архив НМИБВХ — Архив Национального Музея им. Богдана и Варвары Ханенко. Оп. 1. Ед. хр. 39.
Д. 16.

Архив НМИБВХ — Архив Национального Музея им. Богдана и Варвары Ханенко. Оп. 1.
Ед. хр. 4. Д. 6.

ГАК — Государственный архив Киева. Ф. 304. Оп. 1. Д. 1.

РА ИИМК РАН — Рукописный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук. Ф. 77. Д. 14. Г.Ф. Корзухина. «Сирийские» энколпионы.

ЦГИАУ — Центральный государственный архив Украины Ф. 442. Оп. 638. Д. 456.

В.Г. Пуцко (Калуга)

СВЯТЫЕ ЦЕЛИТЕЛИ В КАМЕННОЙ ПЛАСТИКЕ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЙ РУСИ (иконографические и стилистические параллели)

В исключительно богатой иконографической программе пластического декора Георгиевского собора в Юрьеве-Польском могут быть выделены отдельные циклы и изображения, требующие особого внимания исследователя. Это обусловлено их иконографическими и стилистическими чертами, которые отражают конкретные явления в развитии русского сакрального искусства первой половины XIII в.: юрьев-польский собор сооружен в 1230–1234 гг. Примечательной чертой сооружения служит, по верному замечанию Г.К. Вагнера, что «ни один камень Георгиевского собора не остался не затронутым резьбой» (Вагнер 1964: 6). Нас в данном случае интересует лишь одна небольшая группа иконных изображений, заключенных в круглые обрамления, в смысле выявления их возможных источников и отражения здесь определенного художественного направления. Говоря иными словами, нас привлекает проблема художественного контекста, характеризующего пластическое искусство Владимиро-Суздальской Руси накануне монголо-татарского вторжения, которое надолго приостановило активное церковное строительство.

В фасадной резьбе Георгиевского собора в числе различных избранных святых представлены мученики-целители, бессребреники, со своими медицинскими атрибутами — врачевными ларцами и ложечками в руках (рис. 1). Двое из них, в круглых обрамлениях, юные, изображены в ряду прочих святых на южном фасаде, в его восточной части (рис. 2). Иное сочетание подобных изображений на юго-западной пилястре: это соединенные коленчатым валиком образы целителей-бессребреников Козьмы и Дамиана, обращенные соответственно на западную и южную стороны, выполненные на одном каменном блоке. Ниже их, на таком же квадрате, в столь же тщательно украшенных резьбой обрамлениях, представлены полуфигуры князей Бориса и Глеба, соответственно соединенные под прямым углом (Вагнер 1964: 39–41, рис. 5–8, табл. XIa, XIVb, XXa; Вагнер 1966: 10, 44, ил. 2, 3, 5, 52, 53) (рис. 1: 1). Отмеченное сочетание парных образов требует объяснения, как довольно редкое в русской иконографии.

Резьбе собора в Юрьеве-Польском посвящены специальные исследования, среди которых выделяется своей обстоятельностью монография Г.К. Вагнера, дающая реконструкцию скульптурных групп, а также рассматривающая связь композиций с архитектурными формами сооружения. В решении вопроса об образцах автор так сформулировал свою позицию: «Самобытность мастеров Георгиевского собора проявилась в том, что в их творчестве заметно уменьшилась роль конкретного “образца”. Далекое образцы у каждого мастера и у всех их вместе взятых, конечно, были, но это были, видимо, не столько произведения прикладного искусства, сколько более сложные образы, иногда даже не находящиеся, может быть, под руками, а понравившиеся ранее, запомнившиеся и затем воспроизведенные либо по памяти, либо по хранящимся у мастеров материалам... Практика скульпторов вряд ли сильно отличалась от практики живописцев. Но шаблонов в узком смысле мастера Георгиевского собора не применяли, видимо, даже в орнаменте» (Вагнер 1964: 180). П.А. Раппопорт особо отмечал, что «каждое изображение было нанесено на отдельный камень, вставленный в стену при постройке здания»,

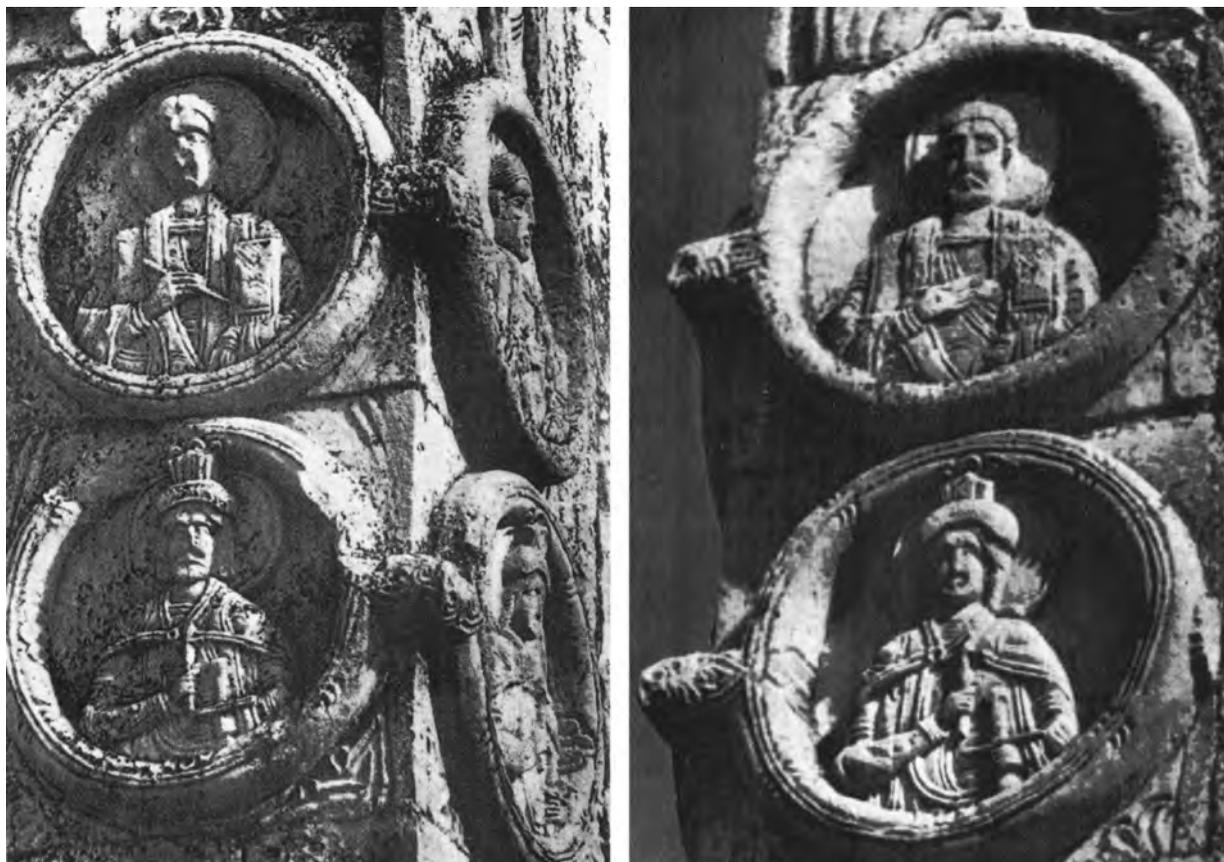

Рис. 1. Святые врачи-бессребреники Козьма и Дамиан, князя Борис и Глеб на рельефах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском: 1 — юго-западная пилястра; 2 — южная сторона юго-западной пилястры. Около 1234 г.

а также то, что «мотивы резьбы Георгиевского собора очень разнообразны: многие сюжеты здесь скопированы с орнаментации тканей, блюд и драгоценных предметов, хранившихся в княжеской казне» (Раппопорт 1993: 101). Теоретически нельзя исключать как использование резчиками непосредственно иконописных, пластических и декоративных образцов, так и их свободную, практически неизбежную интерпретацию. В целом вариативность присуща даже работам одних и тех же мастеров.

Фасадная резьба Георгиевского собора примечательна уже тем, что в ней, при всей специфике архитектурной пластики, четко прослеживается иконописная основа. Она очевидна и в построении многофигурных композиций, и в отдельных сакральных изображениях, в противоположность декоративным элементам, образующим своего рода типологические серии, персонификация внутри которых кажется невозможной. Таковы, например, человеческие маски на капителях и на стене, в одном ряду со львиными: на их характер указывает также отсутствие нимбов.

Упомянутые рельефные медальоны с изображениями свв. Козьмы и Дамиана на юго-западной пилястре собора (рис. 1: 2) типологически соответствуют изображениям мучеников в византийских стенописях, образцом чего могли уже служить мозаики на подпружных арках Софийского собора в Киеве (Лазарев 1960: 125–132, табл. 64–93). Подобные медальоны украшают и обрамления некоторых византийских икон XI–XII вв., а позже встречаются в иконописи Руси и Балкан, причем среди представленных святых есть и бессребреники. Их иконография, устойчиво прослеживаемая с VI в., отличается некоторой вариативностью, неоднократно отмеченной в специальных исследованиях, построенных на обширном материале (см., например: Vergnet 1923; Rosenthal 1925; David-Daniel 1953; Casanova 1964; Skrobucha 1965; Julien et al. 1993). Примеры тому есть и в произведениях русской каменной пластики XIII в.

Образы юных свв. Козьмы и Дамиана можно, в частности, заметить среди избранных святых в резьбе византийской стеатитовой иконы XI–XII вв., хранящейся в Государственном Эрмитаже (Kalavrezou-Maxeiner 1985: 97–98, pl. 5, № 4). Существенно, что некоторые из образцов пластического искусства византийского круга с изображениями святых врачей исторически связаны со средневековой Русью.

Рис. 2. Святые врачи-бессребреники. Рельефы восточной части южного фасада Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Около 1234 г.

Так, овальная двусторонняя резная иконка из стеатита высотой 3,5 см, принадлежащая к стилистической группе «1200 г.», была в 1979 г. найдена при исследовании вала в Переяславле: изображения изысканные, с мягкой моделировкой, свойственной работам лучших константинопольских мастеров (Пуцко 1996: 380–381, табл. II, рис. 3) (рис. 3: 1). В типологическом отношении они сопоставимы с резными медальонами Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Если говорить о стилистической характеристике, то надо, прежде всего, упомянуть о резной иконке свв. Козьмы и Дамиана, изготовленной из глинистого сланца (4,0 x 3,3 см), которая была обнаружена в культурном слое XIII в. при археологических исследованиях на Владимирской улице в Киеве в 1998 г. (Ивакин, Пуцко 2005: 100–101, рис. 6) (рис. 3: 2). Святые представлены стоящими в рост, почти фронтально, с одинаковыми жестами; головы с пышными прическами, лица с крупными чертами. Иконографическую параллель этой композиции представляет изысканная по исполнению византийская икона XII в., находящаяся в монастыре св. Екатерины на Синае (Sotiriou 1956: fig. 84) (рис. 3: 5). Данное обстоятельство существенно для определения

Рис. 3. 1–3, 5 — святые врачи-бессребреники Козьма и Дамиан: 1 — стеатитовая иконка (около 1200 г., Переяслав-Хмельницкий, Национальный музей-заповедник); 2 — иконка из глинистого сланца (первая треть XIII в., Киев, Институт археологии НАНУ); 3 — иконка из глинистого сланца (первая треть XIII в., Тверь, Научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр); 5 — византийская икона (XII в., Синай, монастырь св. Екатерины); 4 — Князя Борис и Глеб. Шиферная иконка из Солотчинского монастыря близ Рязани (первая треть XIII в. Рязань, Историко-архитектурный музей-заповедник)

степени следования резчиков живописным образцам, равно как и их интерпретации. Последняя могла порой заходить довольно далеко, о чем дает наглядное представление иконка из глинистого сланца (3,8 x 3,1 см), найденная в 2005 г. при раскопках у церкви Симеона Столпника на Загородском посаде Твери (Хохлов, Иванова) (рис. 3: 3). Здесь причудливым образом сочетаются нарушения пропорций строения человеческого тела с вполне профессиональной резьбой, о чем можно судить по трактовке деталей. Датировка изделия вряд ли вызывает сомнения в хронологических пределах первой трети XIII в. Можно встретить изображения свв. Козьмы и Дамиана как представленных с иным святым, например, св. Дмитрием Солунским на выполненной около 1222–1225 гг., возможно, солунским мастером, каменной иконке, обнаруженной в 1989 г. на Троицком X раскопе в Новгороде (Пуцко 2000:

23–24, ил. 3). Приведенных примеров достаточно, чтобы судить о степени развития иконографии свв. Козьмы и Дамиана к XIII в.

Популярность святых врачей Козьмы и Дамиана на Руси в домонгольский период также выразилась в появлении одного из иконографических вариантов амулетов-змеевиков, украшенного фигурами этих мучеников-бессребреников (Спасский 1976: 358–362; Николаева, Чернецов 1991: 77–79, табл. XVI). Здесь не место для обсуждения вопроса о том, существовали ли несколько пар одноименных святых врачей или это результат их фольклорного осмысления с различной локализацией и с несовпадением в деталях. Это никак не сказывается на осмыслении как змеевиков, так и описываемой архитектурной пластики.

Случайно ли в резьбе Георгиевского собора изображения свв. Козьмы и Дамиана соединены с образами других святых братьев, русских князей-страстотерпцев свв. Бориса и Глеба? По замечанию Г.П. Федотова, «святые Борис и Глеб были первыми венчанными избранниками русской Церкви, первыми чудотворцами ее и признанными небесными молитвенниками “за новья люди христианские”». Святые братья исцеляют хромого и немого, сухорукого и слепца. Явившийся во сне последнему св. Георгий свидетельствует о том, что “тема есть дана благодать от Бога в стране сей земли Руське прашати и исцеляти всяку страсть и недуг”» (Федотов 1995: 18). Следовательно, свв. князей Бориса и Глеба прежде всего чтит как святых врачей-целителей. Их иконография очень определенная, мученическая и вместе с тем княжеская, окончательно складывается к рубежу XII–XIII вв. Медальоны-пилястры собора в Юрьеве-Польском сопоставимы опять-таки с образцами мелкой пластики, в частности — с широко известной шиферной иконкой (9,6 x 6,8 см) из Солотчинского монастыря близ Рязани (Николаева 1968: 451–458) (рис. 3: 5). Это произведение и уже упомянутая иконка свв. Козьмы и Дамиана из Киева относятся к одной стилистической группе каменной резьбы первой трети XIII в. Именно эти иконки представляют лучшие образцы двух индивидуальных манер, характерных для этой группы. На сегодняшний день группа «мастера Распятая», названная так по первой находке 1899 г., представлена уже 13-ю образцами, связанными своим происхождением с Киевом, Княжей Горой, Рязанской землей, Новгородом, Белозерьем, Владимиром. Данное обстоятельство способно осложнить локализацию мастерской, если полагать, что изделия не были подвержены миграции, равно как и их мастера. Мнению о южнорусской художественной мастерской была противопоставлена версия о связи производства со Средней Русью, что отнюдь не исключает первой локализации: для работы мастера-резчика нужны были заказ, материал, инструменты, однако место для работы он мог избрать любое.

Поэтому локализация указанной мастерской почти невозможна и по существу бессмысленна. Ареал распространения ее произведений становится все шире, но вряд ли каждая находка может быть признана определяющей в отношении места работы хотя бы одного из мастеров. Как известно, говорить о массовости резных каменных иконок не приходится. Оригинальная манера, объединяющая результаты творчества небольшой группы ремесленников, свидетельствует о том, что она скорее всего сложилась за пределами Руси. Попытки усвоения ее на местной почве не дали положительных результатов. В то же самое время существует давно замеченный определенный стилистический параллелизм между упомянутой группой образков и каменной резьбой Георгиевского собора Юрьева-Польского (Рындина 1975: 112–113).

Возникает вопрос: не обусловлена ли манера резьбы монументальных фасадных рельефов, датированных 1230–1234 гг., направлением, определяемым стилем группы «мастера Распятая»? Формальные признаки общности, по крайней мере, постановку вопроса делают возможной. Видоизменения же самой манеры в соответствии с иными масштабами изображений были практически неизбежны, но черты оригинальности при этом все же явно сохраняются, и «ювелирная отделка» при этом превращается в своеобразный элемент декора. Если дело обстоит именно так, то есть основания говорить об одной из разновидностей византийских творческих импульсов начала XIII в., отчасти видоизменившей характер архитектурной пластики Владимиро-Суздальской Руси. Стоит присмотреться к иным изображениям, отличающим фасадную пластику того же Георгиевского собора, и окажется возможным заметить значительно больше стилистических параллелей по сравнению с каменными иконками. То и другое явно представляют общее художественное течение, существующее в тех же самых хронологических границах. И даже в сюжетном плане здесь и там одинаково проявилось почитание святых целителей и русских князей Бориса и Глеба. Нельзя сказать, что из круга этих художественных параллелей, прежде всего в стилистическом плане, совершенно выпадает резьба Дмитриевского собора во Владимире, относимая к 1190-м гг., но, в сущности, не имеющая твердо установленной датировки (Вагнер 1969: 231–425).¹

¹ По поводу возможного происхождения мастеров Дмитриевского собора смотри: *Иоаннисян О.М.* К вопросу о происхождении мастеров Дмитриевского собора во Владимире // Труды по русской истории. Сборник статей в память о 60-летию И.В. Дубова. М., 2007. С. 277–315. — *Ред.*

Стоит, скажем, соотнести изображение архидиакона Стефана на северном фасаде с уже упомянутой киевской иконкой Козьмы и Дамиана, чтобы понять размытость употребляемых дат. В то же время изображение на том же фасаде свв. Бориса и Глеба заметно отличается от солотчинской иконки с их изображением. Следовательно, проводимые наблюдения еще не время превращать в однозначные выводы, поскольку приходится пока фиксировать немного из того, что было создано в конце XII и в первой трети XIII в. Уверенное движение резца убеждает нас, что здесь трудились обладавшие высокой профессиональной квалификацией опытные мастера. Это не могли быть лишь местные ремесленники, хотя теоретически исключать их участие в работе, разумеется, нет оснований. Целью данного экскурса было лишь установление прямой связи архитектурной пластики Владимиро-Суздальской Руси с определенной группой каменных иконок, довольно своеобразной в стилистической характеристике, в то же время свойственной и фасадным рельефам.

Таким образом, конкретный пример, интересный сам по себе как следствие адаптации в русской монументальной пластике византийского образца, свидетельствует о важности привлечения произведений искусства малых форм. Последние по мере их систематизации получают значение своего рода инструмента при изучении явлений эпохи. Надо при этом заметить, что среди известных собственно византийских образцов пока нет столь значимых аналогий. Но ведь и среди русских находок в течение длительного времени оставались неизвестными произведения, подобные обнаруженным недавно. Даже при всей дискуссионности некоторых положений, думается, затронутая проблематика свидетельствует о своей актуальности и нуждается в дальнейшей разработке.

Литература

- Вагнер 1964 — *Вагнер Г.К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польский. М., 1964.
- Вагнер 1966 — *Вагнер Г.К.* Мастера древнерусской скульптуры. Рельефы Юрьева-Польского. М., 1966.
- Вагнер 1969 — *Вагнер В.Г.* Скульптура Древней Руси. XII век: Владимир, Боголюбово. М., 1969.
- Лазарев 1960 — *Лазарев В.Н.* Мозаики Софии Киевской. М., 1960.
- Николаева 1968 — *Николаева Т.В.* Рязанская икона с изображением Бориса и Глеба // Славяне и Русь. М., 1968.
- Николаева, Чернецов 1991 — *Николаева Т.В., Чернецов А.В.* Древнерусские амулеты-змеевики. М., 1991.
- Пуцко 1996 — *Пуцко В.* Константинополь и киевская пластика на рубеже XII–XIII вв. // *Byzantinoslavica*. LVII. 1996.
- Пуцко 2000 — *Пуцко В.* Каменные иконки из археологических раскопок Новгорода // София. № 4. Новгород, 2000.
- Раппопорт 1993 — *Раппопорт П.А.* Древнерусская архитектура. СПб., 1993.
- Рындина 1975 — *Рындина А.В.* Шиферная икона Бориса и Глеба из Солотчи (О роли византийской и южнорусской домонгольской традиций в формировании среднерусской пластики XIII–XIV веков) // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. М., 1975.
- Спасский 1976 — *Спасский И.Г.* Три змеевика с Украины // Средневековая Русь. М., 1976.
- Федотов 1995 — *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси (X–XVII ст.). Париж, 1995.
- Хохлов, Иванова — *Хохлов А.Н., Иванова А.Б.* Каменная резная иконка из раскопок 2005 г. у церкви Симеона Столпника на Загородском посаде Твери. Предварительное сообщение // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья (в печати).
- Casanova 1964 — *Casanova M.* Cosma e Damiane: Iconographia. Roma, 1964.
- David-Daniel 1953 — *David-Daniel M.* L'iconographie des saints médecins Côme et Damien. Lille, 1953.
- Івакін, Пуцко 2005 — *Івакін Г.Ю., Пуцко В.Г.* Пам'ятки пластичного мистецтва з розкопок Верхнього Києва 1998–2001 рр. // Археологія. № 4. 2005.
- Julien et al. 1993 — *Julien P., Ledermann P., Touwaide A.* Cosma e Damiane. Milano, 1993.
- Kalavrezou-Maxeiner 1985 — *Kalavrezou-Maxeiner I.* Byzantine Icons in Steatite. Wien, 1985.
- Rosenthal 1925 — *Rosenthal O.* Wunderheiligen und Ärztl. Schutzpatrone in der bildenden Kunst. Leipzig, 1925.
- Skrobucha 1965 — *Skrobucha H.* Kosmas und Damian. Recklinghausen, 1965.
- Sotiriou G. et M. 1956 — *Sotiriou G. et M.* Icônes du Mont Sinaï. T. I. Athènes, 1956.
- Vergnet 1923 — *Vergnet J.* Essai iconographique sur S. Côme et S. Damien, patrons des chirurgiens. Paris, 1923.

Л.Ф. Сытая (Чернигов)

КРЕСТЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ В.В. ТАРНОВСКОГО

В фондах Черниговского исторического музея им. В.В. Тарновского (далее ЧИМ) хранится коллекция материалов из раскопок Н.Ф. Беляшевского 1891–1892 гг. на городище Княжа Гора, расположенном на правом берегу Днепра, южнее Канева у с. Пекари (Беляшевский 1892: 61–104; 1893: 134–146). В литературе этот памятник принято отождествлять с летописным градом Родень, упомянутым в летописи под 980 г. (Мезенцева 1968).

Раскопки проводились на средства и на землях мецената В.В. Тарновского и находки поступили в его коллекцию древностей. Еще при жизни Василия Васильевича, по его просьбе, предметы доисторического и великокняжеского отделов систематизировал и каталогизировал Н.Ф. Беляшевский. Каталог украинских древностей коллекции В.В. Тарновского с приложением 16 таблиц иллюстраций, был издан в Киеве в 1898 г. Во II отделе каталога представлены предметы из раскопок и случайных находок на Княжей Горе, предметы, найденные между Княжей и Марьиной Горами, и предметы из раскопок у с. Липлявы на Полтавщине, приобретенные у Н.Я. Тарновского (Тарновский 1898). Материалы в каталоге разделены на группы, далеко не всегда подробно описаны и только некоторые из них проиллюстрированы.

Часть вещей из коллекции В.В. Тарновского была включена в каталог Б.И. и В.Н. Ханенко с фотографиями и подробным описанием (Ханенко 1899; 1900). После смерти Василия Васильевича, согласно завещанию, его коллекция древностей была передана Черниговскому губернскому земству для создания музея. В 1901 г. все материалы были перевезены из Киева в Чернигов, а с 1902 г. музей уже был открыт для посетителей (Половникова 1996: 34–38). К сожалению, целостность коллекции В.В. Тарновского была нарушена. Во время Второй мировой войны находки из нее были депаспортизованы, частично утрачены или затеряны.

Богатый вещевой материал с Княжей Горы, в том числе и предметы христианского культа, неоднократно привлекал внимание исследователей. Основным источником информации о них служили довоенные публикации, прежде всего в каталогах В.В. Тарновского и Б.И. и В.Н. Ханенко (Коваленко, Пуцко 1993: 300–309; Корзухина, Пескова 2003).

В каталоге В.В. Тарновского описаны: 51 энколпион, 17 — каменных (из них 2 — с концами, обложенными серебряными пластинами, и 1 — с золотой обкладкой), 3 — янтарных, 1 — серебряный и 20 медных нательных крестиков; 5 «прорезных Распятий с гвоздями на нижней стороне» и 5 железных крестов.

На сегодняшний день в ЧИМ хранятся 20 энколпионов, 3 каменных крестика (1 — с золотой обкладкой концов), 2 крестика из цветного металла и одно Распятие на шестиконечном кресте.

Отождествить, более или менее достоверно, с номерами в каталоге В.В. Тарновского можно только 15 энколпионов, 3 крестика и 1 накладное Распятие (табл. 1 и 2). Остальные соотнести очень сложно, т.к. фотографий большинства предметов в каталоге нет, описание зачастую очень краткое и размеры однотипных вещей сопоставимы.

По классификации Г.Ф. Корзухиной и А.А. Песковой в коллекции наиболее широко представлены энколпионы II и IV групп (по 6 экземпляров), на втором месте — кресты III группы (4 экз.), далее — VII группы (2 экз.) и по одному кресту I и IX групп.

Таблица 1

№	Тип	Инвентарный №	№ в каталоге 1898 г.	Размеры (в см)	Сохранность	Датировка
1	I. 2.	A 5-2/5	35	6,8 (с петлями 7,9) x 4,3	створка оборотная	X–XII
2	II. 1.1.	A 5-10/5		7,7 (с петлями 9,5) x 6,9 8,0 (с петлями 9,7) x 7,0	две створки	XII–XIII вв.
3	II. 1.1.	A 5-154/5		8,6 (с петлями 10,5) x 7,5	створка оборотная	рубеж XII–XIII вв.
4	II. 1.1.	A 5-148/5		7,9 (с петлями 9,8) x 7,0	створка оборотная	XII–XIII вв.
5	II. 1.1.	A 5-14/5	39?	7,7 (с петлями 9,2) x 6,8	створка лицевая	XII–XIII вв.
6	II. 2.1.	A 5-11/5	70	9,8 (с петлями 11,1) x 7,9	створка лицевая	перв. четв. XII в.
7	II. 4.3.	A 5-149/5	63?	5,8 (с петлями 7,0) x 4,2	створка оборотная	перв. пол. XIII в.
8	III. 1.1.	A 5-150/5	45	8,5 (с петлями 10,6) x 7,2	створка лицевая	XII в.
9	III. 1.1.	A 5-151/5	46	8,0 (с петлями 9,7) x 6,7	створка лицевая	XII в.
10	III. 2.3.	A 5-12/5	1695	5,8 (с оглавием 9,0) x 4,5	целый, с оглавием	по модели XII в.
11	III. 2.4.	A 5-5/5		4,8 (с петлями 6,2) x 4,2	целый	кон. XII – перв. пол. XIII вв.
12	IV. 2.1.	A 5-3/5	55	8,5 (с петлями 9,9) x 7,3	створка лицевая	III четв. XII в.
13	IV. 3.2.	A 5-9/5	57	8,0 (с петлями 9,6) x 6,0	целый	XII – перв. пол. XIII вв.
14	IV. 3.3.	A 5-152/5	60	8,4 (с петлями 9,8) x 6,3	створка оборотная	XII в.
15	IV. 3.3	A 5-153/5	59	8,6 (с петлями 10,2) x 6,4	створка лицевая	XII в.
16	IV. 5.1.	A 5-7/5	64	5,0 (с петлями 6,2) x 3,5	створка лицевая	XII в.
17	IV. 5.4	A 5-6/5	65	4,6 (с петлями 6,1) x 3,8	целый	XII – перв. пол. XIII вв.
18	VII. 2.1	A 5-13/5	74	6,3 (с оглавием 9,6) x 5,4	целый, с оглавием	перв. пол. XIII в.
19	VII. 3.1	A 5-8/5	71	7,2 (с оглавием 10,6) x 5,6	целый, с оглавием	перв. пол. XIII в.
20	IX. 1.	A 5-4/5	1696	7,5 (с петлями 8,8) x 5,3	створка оборотная	нач. XIII в.

Группу I составляют византийские энколпионы.

К предметам восточнохристианского художественного импорта принадлежит оборотная створка энколпиона с прямыми, слегка расширяющимися концами с резным изображением Богоматери в позе Оранты и Богомладенца в рост перед нею, над головой греческая надпись ΠΑΝΑΓΗΑ (рис. 1). Этот энколпион относится к числу «сирийских» и датируется X–XII вв. (Куницкий 1990: 110, 112).

Все остальные энколпионы из коллекции датируются XII–XIII вв. и принадлежат, преимущественно, к киевской группе металлопластики.

Группа II представлена 7 створками энколпионов с высоким рельефом.

Две лицевые и три оборотные створки принадлежат средним энколпионам с закругленными концами. На лицевых створках заплывшие изображения композиции Распятия в двух вариантах и 3 святых в медальонах. На одной из них вследствие некачественного литья образовались три незаполненных металлом отверстия (рис. 2: 4).

Композиция Распятия представлена без выделения Крестного древа, только с обозначением возгавия и подножия, Христос изображен в препоясании, с головой, склоненной к правому плечу (рис. 2: 1, 4).

На оборотных створках изображение Богоматери Одигитрии в рост дополняется тремя медальонами с погрудными прямолинейными изображениями святых. Бортики створок и медальонов украшены косой на-

Рис. 1. Византийский крест-энколпион (группа I)

сечкой, на одной из створок сохранились углубленные надписи: по сторонам от изображения Богоматери **MP Θ**, **ΓΕ/ΟΡ/ΓΗ**, **ΠΡ/ΚΟ/Π[Ι]**, на двух других экземплярах надписи не читаются (рис. 2: 1, 2, 3).

Следующая лицевая створка от большого прямоконечного энколпиона с прямыми слегка расширяющимися концами. На ней изображение Распятия с выделением поперечины Крестного дерева, с возглавием и подножием, с символами Солнца и Луны над головой Распятого. Пальцами рук Христос касается голов небольших погрудных изображений Богоматери и Иоанна Богослова в нижних углах боковых створок. Бортики створки и края Крестного дерева выделены прямой насечкой. Надписи углубленные, в возглавии **ΜΧΣ**, в средокрестии под руками Христа слева **НСС**, справа **ХСЪ** (рис. 2: 5).

Еще одна оборотная створка принадлежит малому прямоконечному кресту-энколпиону с едва расширяющимися концами, с изображением в рост в легком повороте Богоматери в молении, со склоненной головой. На верхнем конце помещено прямоличное поясное изображение святого, на боковых — поясные изображения святых, обращенных к Богоматери. Створка очень мелкая по глубине, изнутри на боковом конце сохранилась, вероятно, часть лицевой створки, скрепленной сквозной заклепкой.

В.Г. Пуцко и В.П. Коваленко отождествляют эту створку с № 63 по каталогу В.В. Тарновского (Коваленко, Пуцко 1993: 303). В каталоге описана «часть энколпиона плохой сохранности без нижнего конца; ... пространство между изображениями было заполнено разноцветной эмалью, которая от огня расплавилась» (Тарновский 1898: 9, 10). Экземпляр из нашей коллекции целый, обломаны только левая верхняя и правая нижняя петли, и следов эмали не наблюдается (рис. 2: 6).

Группа III — рельефно-черневые кресты-энколпионы — представлена двумя целыми крестами и двумя лицевыми створками.

Лицевые створки принадлежат энколпионам с закругленными концами с рельефным изображением Распятия. Основная поперечная перекладина Крестного дерева передана углубленными линиями, возглавие — чернью, вплотную к верхнему медальону с изображением св. Георгия. На боковых концах помещены черневые погрудные изображения Богоматери и Иоанна Богослова, не заключенные в медальоны. На одной створке сохранились надписи под руками Христа, слева **ЪНАОН**, справа **ΘΥΥΡ** (рис. 2: 8). На другой створке читаются надписи под изображением св. Георгия, слева **ГОР**, справа **РГН**, и в средокрестии под руками Распятого, слева **MPΘΥ**, справа **НАНО** (рис. 2: 7). По краям створки сохранилась косая насечка.

Следующий энколпион целый, с граненым оглавием, малый, с закругленными концами; найден между Марьиной и Княжей горами. На лицевой створке грубое рельефное изображение Распятия, без предстоящих на боковых концах креста, над головой Христа углубленными линиями нанесен четырехконечный крест.

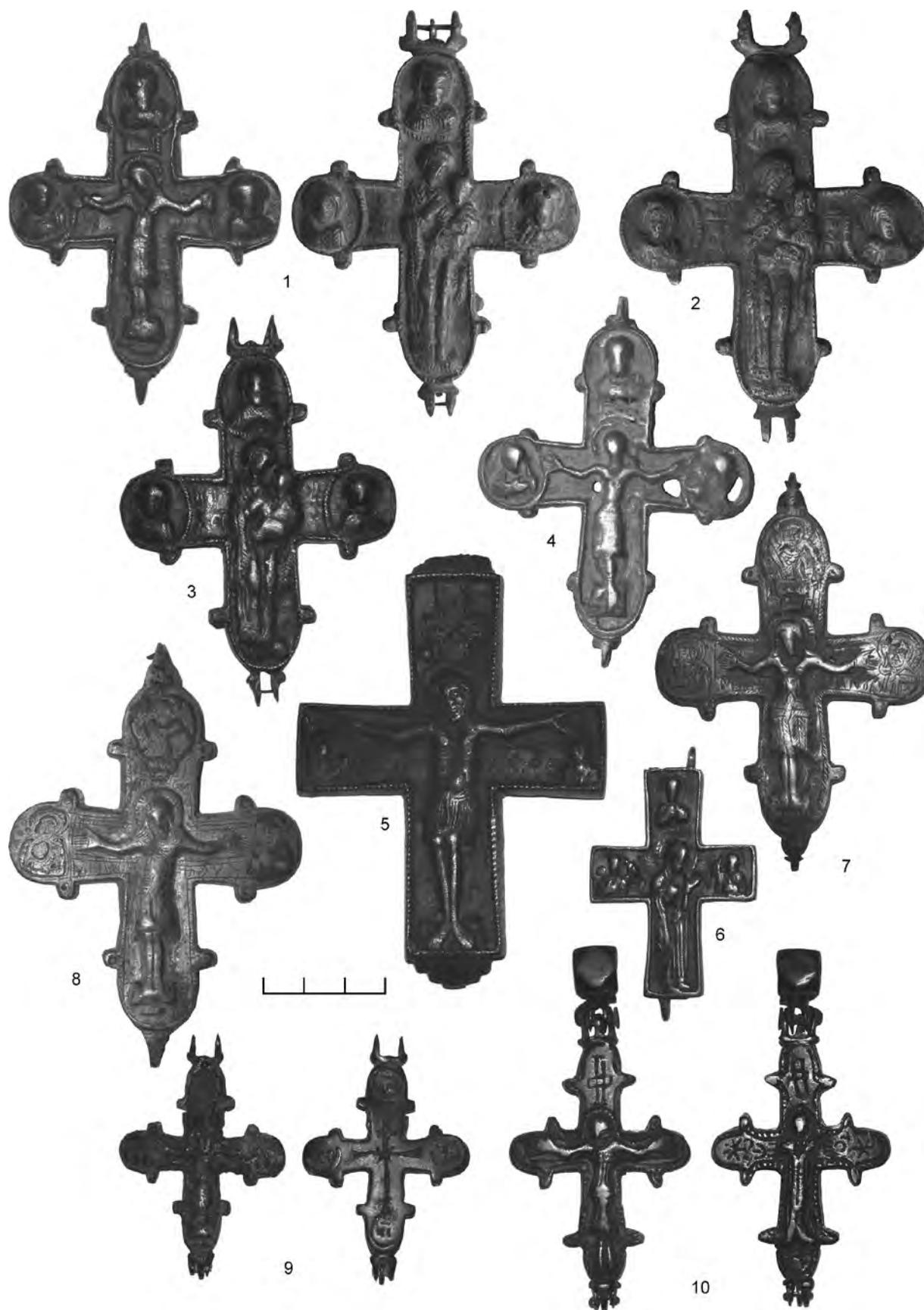

Рис. 2. 1–6 — кресты-энколпионы с высоким рельефом (группа II);
7–10 — рельефно-черневые кресты-энколпионы (группа III)

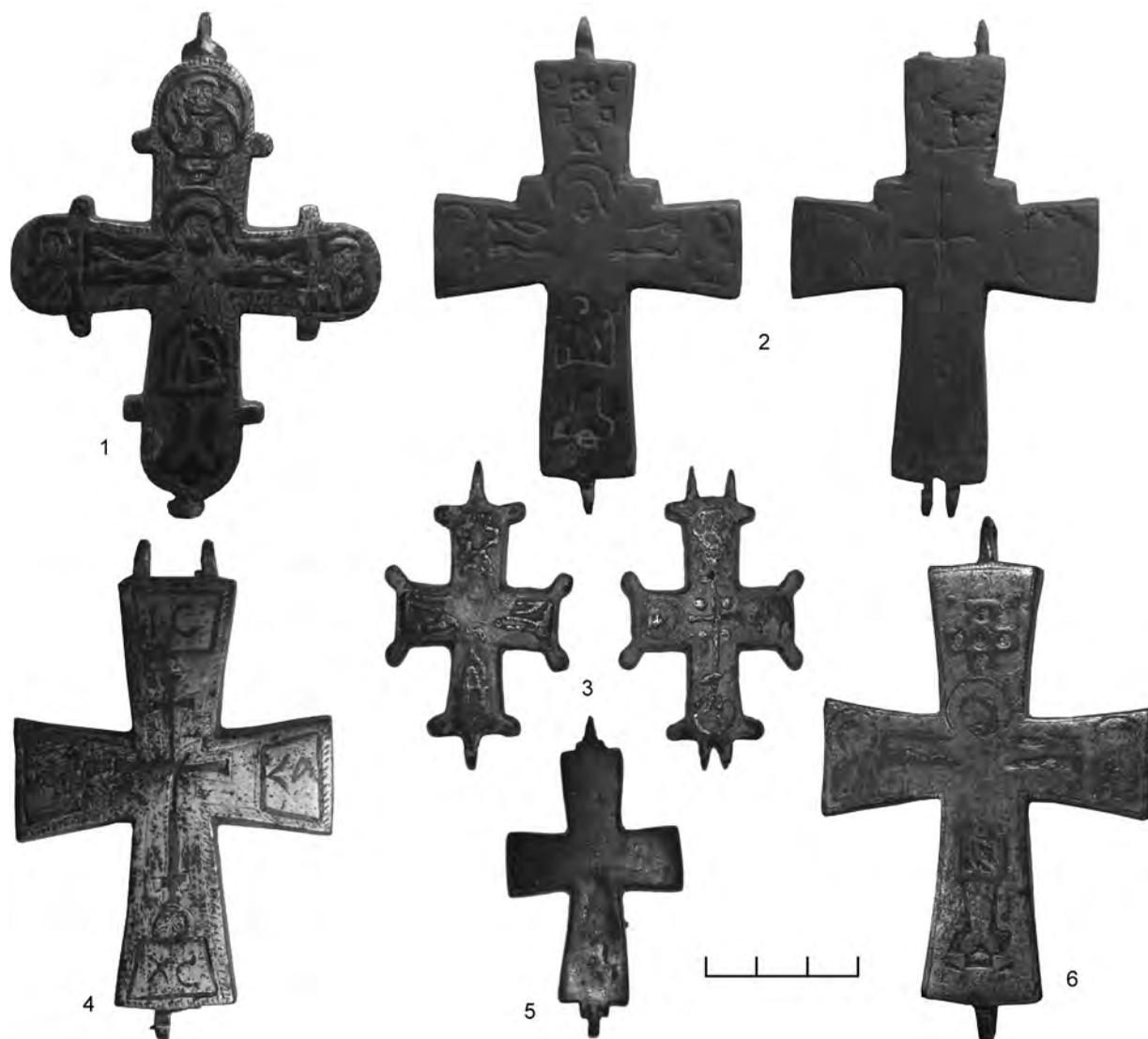

Рис. 3. 1–6 — черневые кресты-энколпионы (группа IV)

На оборотной створке грубое непонятное изображение, по-видимому, Богоматери с ладонями, раскрытыми перед грудью, над головой углубленными линиями изображен четырехконечный крест, на боковых концах вырезаны звезды и неясные значки, по-видимому имитирующие буквы. По краю обеих створок — углубленные линии и насечки (рис. 2: 10).

Еще один крест этой группы — целый, с закругленными концами, малый. На лицевой створке плохо сохранившееся рельефное изображение Распятия и совсем нечитаемые изображения на боковых концах. Верхняя часть створки утрачена. На оборотной створке восьмиконечный крест с сиянием и монограммы в четырех медальонах на концах: вверху — **IC**, внизу — **XC**, слева — **[N]H**, справа — **[K]A** (рис. 2: 9).

Группа IV — черневые энколпионы — отличается большим разнообразием вариантов и представлена двумя целыми крестами, тремя лицевыми и одной оборотной створкой.

Лицевая створка энколпиона с закругленными концами, с изображением Распятия, предстоящих по бокам и св. Георгия вверху, в медальонах, по краю створки косые насечки. Надписи углубленные, резные. В возглавии **ICXC**, под изображением св. Георгия слева — **ГЕО**, справа — **РНГН**, в средокрестии под руками Христа слева — **MP ΘΥ**, справа — **НОАИЪ** (рис. 3: 1).

Следующий тип представлен двумя прямоконечными крестами с расширяющимися концами. Один из них имеет слегка различающиеся по размерам створки, возможно, принадлежащие разным изделиям, инкрустирован чернью. На лицевой створке изображение Распятия, верхней части Крестного дерева придан вид равноконечного креста, по сторонам от него символические обозначения Солнца и Луны.

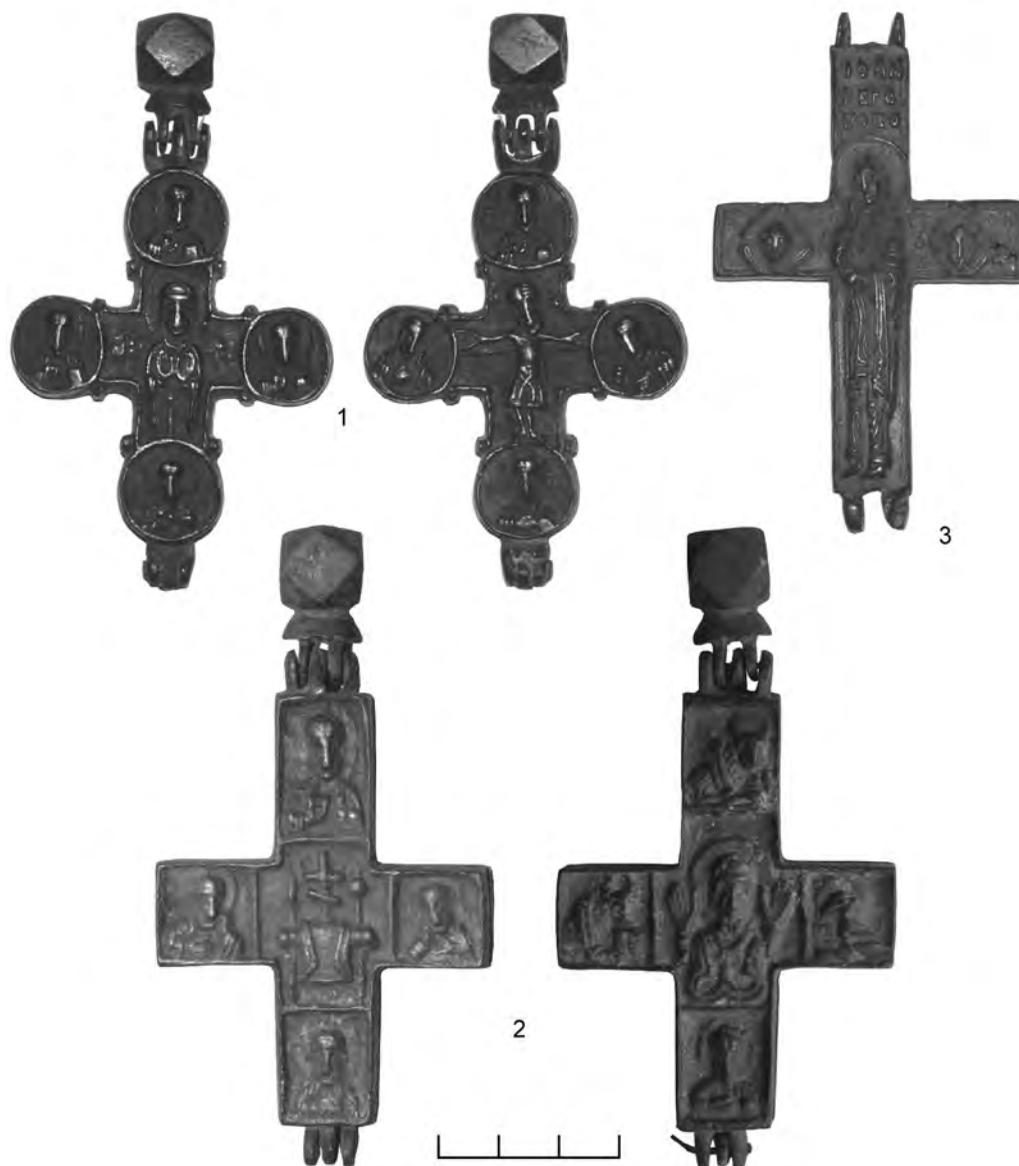

Рис. 4. 1–2 — кресты-энколпионы с мелкими плотно скомпонованными рельефными изображениями (группа VII); 3 — крест-энколпион редкого типа (группа IX)

По бокам поперечной перекладины полустершиеся поясные фигуры Богоматери и Иоанна Богослова с сопроводительными углубленными надписями [М]РΘΥ и Н[Α]Ν (рис. 3: 6).

На оборотной стороне восьмиконечный крест с сиянием, с Адамовой головой. На концах изделия монограммы в четырех трапециевидных рамках: сверху — IC, внизу — XC, слева — NH, справа — KA (рис. 3: 4). По краю створки нанесена косая насечка, правая нижняя петля обломана. Второй крест-энколпион по форме очень похож на предыдущий, но имеет два прямоугольных выступа в средокрестии вверху (рис. 3: 2). Изображения на лицевой стороне соответствуют той же схеме, что и на предыдущем энколпионе, по краю видны следы каймы из косых насечек. На оборотной стороне углубленными линиями без черни изображен восьмиконечный крест с сиянием, три святых в медальонах вверху и по бокам, внизу угадываются следы трапециевидной рамки. Еще одна лицевая створка прямоконечного энколпиона без изображений, только на нижнем конце сохранился след от углубленного изображения Распятия (рис. 3: 5).

Следующий энколпион целый, прямоконечный, с выступами-«слёзками» на углах, малый. На лицевой стороне изображение Распятия, на оборотной стороне — восьмиконечный крест, украшенный четырьмя точками в средокрестии, на концах 4 медальона с буквами (буквы не читаются) (рис. 3: 3).

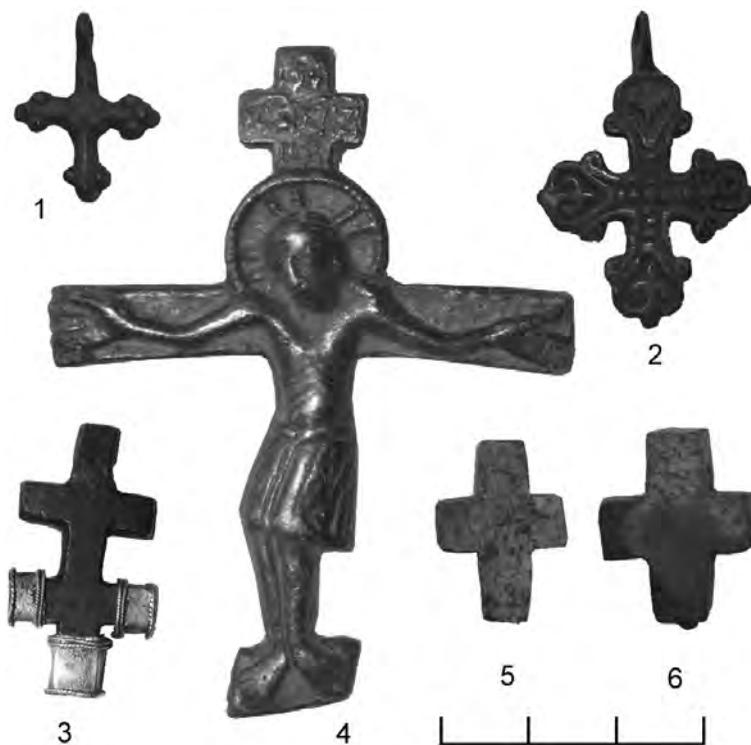

Рис. 5. Кресты-тельники и накладка с Распятием: 1–2, 4 — медный сплав; 3 — камень, золото; 5–6 — пиррофиллит

Группа VII — энколпионы с мелкими плотно компонованными рельефными изображениями — представлена двумя целыми изделиями.

Первый энколпион — с граненым оглавием, с закругленными концами. На лицевой створке изображение Богородицы с ладонями перед грудью (поколенной) и четыре погрудных прямолинейных изображения святых-евангелистов в медальонах. Надписи углубленные: слева от изображения Богородицы **МР**, справа **УФ**. На оборотной створке изображение Распятия с предстоящими Богородицей и Иоанном Богословом и два архангела в медальонах. Все фигуры большеголовые, с массивными носами. Края створок и медальоны выделены гладким бортиком (рис. 4: 1).

Второй энколпион — прямоконечный, с граненым оглавием, края створок выделены гладким бортиком. На лицевой створке изображение Этимасии, на концах погрудные изображения предстоящих Богородицы и Иоанна Богослова и двоих святых. На оборотной створке поясное изображение Богородицы Оранты и четыре символа евангелистов (телец, ангел, лев, орел) на концах в прямоугольных рамках, обозначенных невысокими бортиками (рис. 4: 2).

Группу IX составляют энколпионы редких типов. В нашей коллекции она представлена одной створкой энколпиона (рис. 4: 3).

В каталоге В.В. Тарновского под № 1696 описан целый энколпион с биконическим оглавием, найденный между Марьиной и Княжей горами. Его изображение и описание публикуется в статье В.П. Коваленко и В.Г. Пуцко, а также в каталоге Г.Ф. Корзухиной и А.А. Песковой (Коваленко, Пуцко 1993: 308, рис. 3, 4; Корзухина, Пескова 2003: 229–230). В настоящее время в фондах ЧИМ сохранилась только оборотная створка прямоконечного креста-энколпиона с рельефным изображением скорбящего Иоанна Богослова, херувима и серафима по бокам с сопроводительными углубленными надписями, над головой Иоанна рельефная надпись **IOAN/O BGO/СЛОВО**.

Как можно видеть, коллекция крестов-энколпионов, собранная В.В. Тарновским, достаточно разнообразна. Из девяти групп, выделенных Г.Ф. Корзухиной и А.А. Песковой, в ней представлены шесть.

Нательные крестики из коллекции В.В. Тарновского не были предметом специального изучения. Из большой коллекции крестиков-тельников (41 крестик из разных материалов), представленных в «Коллекции украинских древностей», до настоящего времени сохранилось только 2 литых крестика из цветного металла и 3 — из камня:

Таблица 2

№	Инвентарный №	№ по каталогу 1898 г.	Наименование	Размер, см	Материал
1	A5 – 174/5	1708	Крестик	2,1 × 1,7	Медный сплав
2	A5 – 175/5	1711	Крестик	3,6 × 2,6	Медный сплав
3	A5 – 1/5	21	Крестик	3,1 × 1,7	Камень, золото
4	A5 – 15/5	1689?	Крестик	2,3 × 1,7	Пирофиллит
5	A5 – 17/5	1701?	Крестик	2,1 × 1,5	Пирофиллит
6	A5 – 155/5	87	Накладное Распятие	7,6 × 6,0	Медный сплав

№ 1 — четырехконечный двусторонний, концы перекладин заканчиваются тремя шариками, в средокрестии композиция из пяти шариков (рис. 5: 1). Этот крестик происходит из раскопок у с. Липлява Полтавской губернии. Такие крестики широко распространены на территории Древней Руси: представлены в новгородских древностях, на Киевщине, во владимирских, костромских курганах, Белоозере (Седова 1981: 52; Николаева, Недошивина 1997: 173; Нечитайло 2001: 67; Захаров 2004: 163).

№ 2 — четырехконечный односторонний, орнаментирован, с фигурными окончаниями лопастей (рис. 5: 2). Автору известна только одна аналогия данной вещи (Нечитайло 2001: 66, № 190 Б).

№ 3 — из камня темного цвета, шестиконечный с двумя одинаковыми перекладинами, отстоящими на равном расстоянии от верхнего и нижнего концов, три нижних конца обложены золотыми пластинами со сканой проволокой (рис. 5: 3). Найден в 1891 г. во время раскопок Н.Ф. Беляшевского в составе большого клада золотых и серебряных вещей (Беляшевский 1892: табл. II: 3). Такие «корсунчики», обложенные золотом и серебром, Г.Ф. Корзухина относит ккладам IV группы, зарытым между 70-ми гг. XII в. и 1240 г. (Корзухина 1954: 30–31).

№ 4 — из серого, зернистой структуры пирофиллита, четырехконечный, верхний и нижний концы несколько длиннее перекладки (рис. 5: 6).

№ 5 — из серого, зернистой структуры пирофиллита, четырехконечный, нижний конец несколько удлинен (рис. 5: 5).

Из пяти прорезных Распятий коллекции В.В. Тарновского в фондах музея сохранилось одно (рис. 5: 4) — это одностороннее рельефное изображение Распятия на шестиконечном кресте, с монограммами на верхней перекладине Крестного древа, снабженное с тыльной стороны четырьмя штырями, что свидетельствует о креплении на деревянной основе. Датируется этот крест-Распятие началом XIII в. (Коваленко, Пуцко 1993: 308).

Почти все рассмотренные предметы созданы древнерусскими мастерами и датируются в основном XII–XIII вв. — временем заключительного этапа существования городища на Княжей Горе и гибелью последнего во время нашествия орд Батые (Толочко 1980: 210).

В коллекции ЧИМ сохранилась лишь часть собранной В.В. Тарновским богатой коллекции древностей, оказавшейся распыленной в период Второй мировой войны, но ее ценность не уменьшилась с течением времени и многие предметы, входящие в состав коллекции, заслуживают специального внимания.

Литература

Беляшевский 1892 — *Беляшевский Н.Ф.* Раскопки на Княжей Горе в 1891 г. // Киевская старина. Т. XXXVI. 892.

Беляшевский 1893 — *Беляшевский Н.Ф.* Раскопки на Княжей Горе в 1892 г. // Киевская старина. Т. XLI. 1893.

Захаров 2004 — *Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.

Коваленко, Пуцко 1993 — *Коваленко В.П., Пуцко В.Г.* Бронзовые кресты-энколпионы из Княжей Горы // *Byzantinoslavica*, LIV. 1993.

Корзухина, Пескова 2003 — *Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003.

Куницький 1990 — *Куницький В.А.* Близькосхідні енколпіони на території Південної Русі // *Археологія*. № 1. 1990.

Мезенцева 1968 — *Мезенцева Г.Г.* Древньоруське місто Родень. Княжа Гора. Київ, 1968.

Нечитайло 2001 — *Нечитайло В.В.* Каталог християнських нагрудних виробів мистецтва періоду Київської Русі (X — перша половина XIII ст.). Київ, 2001.

Николаева, Недошивина 1997 — *Николаева Т.В., Недошивина Н.Г.* Предметы христианского культа // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.

Половникова 1990 — *Половникова С.О.* Музей українських старожитностей ім. В.В. Тарновського // Родовід. № 2 (14). Київ, 1990.

Седова 1981 — *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981.

Тарновский 1898 — *Тарновский В.В.* Каталог украинских древностей коллекции В.В. Тарновского. Киев, 1898.

Толочко 1980 — *Толочко П.П.* Киев и Киевская земля XII—XIII веков. Киев, 1980.

Ханенко Б.И. и В.Н. 1899 — *Ханенко Б.И. и В.Н.* Древности русские. Кресты и образки. Вып. I. Киев, 1899.

Ханенко Б.И. и В.Н. 1900 — *Ханенко Б.И. и В.Н.* Древности русские. Кресты и образки. Вып. II. Киев, 1900.

Н.В. Хамайко (Киев)

ДРЕВНЕРУССКАЯ БРОНЗОВАЯ ЮВЕЛИРНАЯ ФОРМА ИЗ РАСКОПОК НА КИЕВСКОМ ПОДОЛЕ

В декабре 2004 г. в Киеве по улице Верхний Вал, 68, Подольской археологической экспедицией под руководством М.А. Сагайдака исследовался участок древнего Подола, расположенный в непосредственной близости от Днепра. Регулярной городской застройки на участке не было прослежено вплоть до XIX в., а многочисленные аллювиальные прослойки указывают на его регулярное затопление весенними паводками. На глубине 3,0 м от уровня современной дневной поверхности, при зачистке горизонта Г-10, была обнаружена длинная полоса культурного слоя шириной 5,20–5,50 м, тянувшаяся через весь раскоп по направлению к Днепру, мощностью до 0,10–0,12 м (горизонт Г-8). Слой изобилует крупным песком и мелкой речной галькой, спаянной в насыщенные металлом конкреции, включая также многочисленные отходы ювелирного производства. По всей видимости, данное образование представляло собою остатки ручья, протекавшего здесь в древности. Среди большого количества бронзовых и железных шлаков, мелких фрагментов металла и обломков металлических изделий была найдена и бронзовая ювелирная форма.

Длительный контакт с влагой способствовал активной коррозии большинства металлических находок из слоя, но состояние публикуемой формы после реставрации оказалось достаточно удовлетворительным. Форма представляет собой литую прямоугольную пластину размерами 4,0 x 3,3 x 0,5 см, с обеих сторон которой выполнены негативные изображения двух пар равнобедренных крестов с подведенными к ним литейными каналцами (рис. 1; цв. вкл. 10: II–III). Вдоль одного из каналцев проходит сквозная трещина; при этом углубленные части изображений гораздо меньше пострадали от коррозии, чем основная поверхность формы.

С одной стороны находятся изображения крестов с расходящимися концами, плоскости которых сплошь покрыты углублениями округлой формы для получения псевдозерни на готовом изделии. Размеры крестиков составляют 1,7 x 1,7 см, при этом каждая из четырех лопастей имеет длину 0,7 см и максимальную ширину 0,9 см. По центру каждого из данной пары крестов имеется выпуклость в виде полусферы, очерченной ободком-углублением. Диаметр, ширина и форма линий-ободков на каждом из крестов отличается, лопасти асимметричны по-разному, расположение, форма и размер углублений на плоскостях крестов индивидуальны, и, следовательно, изображения были изготовлены каждое в отдельности, а не получены оттиском с одного изделия.

Вторая сторона формы также содержит изображения пары равнобедренных крестов с расширяющимися концами. Их размеры более миниатюрны, чем у предыдущих — 1,5 x 1,5 см — при длине лопастей 0,5–0,6 см и максимальной ширине — 0,9 см. Данные изображения выполнены несколько иначе, хотя и похожи на первую пару и по форме, и по манере исполнения. По внешнему контуру крестов был нанесен ряд округлых углублений для получения псевдозерни. В основном пространство каждой из лопастей крестов вписан круг; центр каждого из них обозначен более крупным округлым углублением. Пространство между центром и внешней границей круга заполнено рядом более мелких округлых углублений. Так же, как и вышеописанная пара крестов, эти изображения не идентичны.

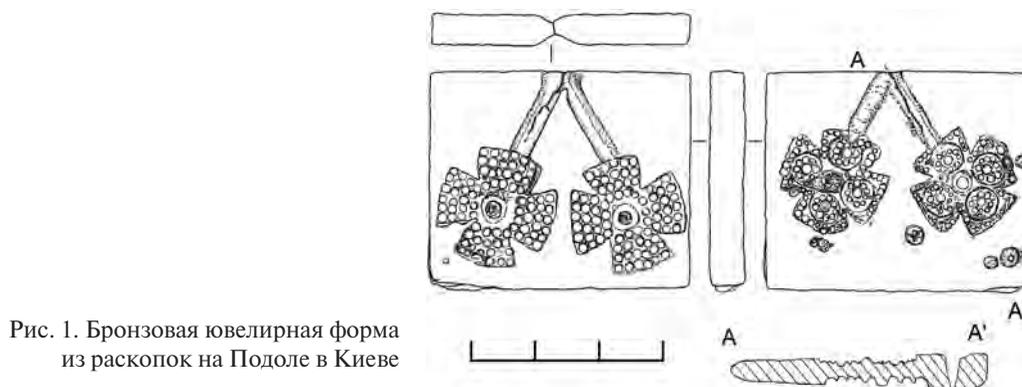

Рис. 1. Бронзовая ювелирная форма из раскопок на Подоле в Киеве

Для первой пары крестов следует отметить, что помимо их более крупных размеров, и сами изображения утоплены в плоскость формы глубже, и углубления для псевдозерни крупнее, что должно соответствовать сравнительно большей «массивности» готовой отливки. Во втором же случае и изображения крестиков углублены очень слабо, и сам декор гораздо мельче, что говорит о большей миниатюрности получаемых изделий. Возможно, именно поэтому на данной стороне имеются три круглых углубления, которые могли служить фиксаторами и помогать при совмещении двух половинок. Парная створка при этом закономерно должна была иметь выступы. В этом случае готовые изделия получались бы толще и были бы намного прочнее и надежнее в использовании. Углубление на уровне нижнего края крестов имеет диаметр 2,5 мм и глубину 1,5 мм. Второе углубление в правом нижнем уголке формы коническое, максимальный диаметр 2,0 мм, углублено до 2,0 мм. Рядом с ним расположено более крупное коническое углубление диаметром 3,5 мм, которое благодаря узкому выходу (1,0 мм) на обратной стороне пластины можно также формально считать отверстием.

Химический анализ формы не проводился, поэтому состав сплава пока не известен, но характерный «медный» цвет изделия, а также появление после реставрации местами пятен восстановленного слоя темно-серебристого металла, должны указывать на бронзу.

Данная форма, несомненно, представляет собой интересный экземпляр для изучения как способа изготовления бронзовых форм, так и технологии производства в них литых изделий. Но мы остановимся лишь на некоторых технологических моментах, которые позволяют понять происхождение и предназначение находки.¹

На сегодня имеется довольно много сведений о ювелирном деле Киевской Руси в целом (Рыбаков 1948; Седова 1972; Седова 1981; Макарова 1975; Макарова 1986; Жилина 1998; Королева 1997; Ениосова 1999б; Зайцева 2003), и, в частности, о ювелирном производстве древнего Киева (Хвойка 1913; Корзухина 1950; Корзухина 1954; Корзухина 1956: 337–342; Каргер 1959; Новое в археологии Киева 1981; 301–312; Толочко 1983: 139–148). При этом большое количество артефактов зафиксировано именно в результате археологических исследований Киевского Подола, чему в большой степени способствуют регулярные спасательные работы, проводимые здесь (Гупало, Ивакин 1975: 46–47; Гупало, Ивакин, Сагайдак 1979: 60; Сагайдак, Сергеева, Михайлов 1997: 31–37; а также новые раскопки 2000, 2003, 2005, 2006 гг.). Благодаря этим исследованиям накоплено достаточно сведений о ювелирных мастерских, способе производства изделий из цветных металлов, используемых сплавах, ювелирных инструментах, самих готовых изделиях.

Находки разнообразных литейных форм практически во всех древнерусских центрах ювелирного дела служат подтверждением тому, что литье пользовалось самой широкой популярностью. Но, в отличие от каменных и глиняных форм, получивших наибольшее распространение, металлические ювелирные формы встречаются исключительно редко. Специально исследовавшие этот вопрос Н.В. Ениосова и Т.Г. Сарачева насчитывают около двух десятков подобных находок на всей территории Древней Руси, причем часть из них, к сожалению, лишена археологической документации (Ениосова, Сарачева 2003: 253–261). Одной из причин, обусловивших редкость подобных находок, исследователи совершенно справедливо считают высокую ценность металла как производственного сырья и следовавшую за этим неизбежную переплавку испорченных либо вышедших из употребления металлических форм, чего, естественно, не могло произойти с каменными или глиняными образцами.

¹ Приносим искреннюю благодарность за ценные наблюдения Т.Г. Сарачевой и Н.В. Ениосовой.

Публикуемая форма с территории Киевского Подола, несомненно, была изготовлена способом литья, о чем свидетельствует литейный дефект на ее нижней грани, а также в центре одного из меньших крестиков (цв. вкл. 10: III: 5, 7). Гораздо сложнее оказалось определить, как был выполнен декор изображений: единовременной отливкой готовой формы или же последующей корректировкой более простой заготовки с помощью гравировки и чеканки. Несомненные следы резца на паре более мелких крестиков, характерная структура надчеканки псевдозерни более крупных крестиков, а также коническая форма углубления, внешне напоминающая результат сверления, позволили нам предположить, что исследуемая форма приобрела свой окончательный вид уже в процессе доработки по отлитой заготовке (Хамайко 2006: 154–155). Коррозия, а также использование металлической формы для отливки непосредственно металлических изделий, несомненно, способны заметно повлиять на рабочую поверхность формы. Последнее особенно ощутимо при использовании сплавов, приближенных по температуре плавления к металлу формы: при многократном использовании формы оплавленность ее рабочей поверхности неизбежна. Даже с помощью металлографического исследования сложно определить, каким образом формировались мелкие детали декора: полиэдрическая структура, имеющаяся на шлифе, образуется в процессе рекристаллизации металла при каждой заливке в нее расплава (Ениосова 1999а: 69–71).

Главным показателем доработки тонких металлических форм-изложниц при помощи пуансона должны выступать ударные следы на обратной стороне пластин. Но в случае с подольской находкой определить это было бы проблематично, учитывая ее массивность. Прояснить вопрос, пожалуй, может заметная деформация последнего ряда «пуансонных» углублений нижних лопастей крестиков, которые вряд ли могли быть достигнуты простым оплавлением в процессе производственной эксплуатации. Находясь на противоположном конце изделий от литейных каналцев, нижние лопасти крестов заполнялись не наиболее горячим, а наоборот, уже частично остывшим металлом. Учитывая же, что именно здесь, внизу формы, находятся и два явных литейных дефекта, возникших при отливке самой формы, нечеткость исполнения декора внизу нижних лопастей крестов несомненно возникла в результате единовременного изготовления всей формы отливкой. Касается это и находящегося в нижней части формы конического отверстия, на первый взгляд напоминающего результат сверления, — на его стенке заметна каверна от воздушного пузырька.

Очевидно, форма была отлита по уже полностью готовой восковой модели, оттиснутой в глине. По мнению Н.В. Ениосовой, такая модель могла быть составлена из двух восковых пластин, на которых был вручную нанесен декор крестиков. Следов шва на форме не наблюдается, следы же слабой доработки шлифовкой отмечены лишь на верхней грани в углу, противоположном по диагонали углу с литейным дефектом (цв. вкл. 10: III: 6). Не исключено, что такая диагональная заливка металла объясняется тем, что в одноразовой глиняной форме были оттиснуты модели сразу двух створок формы. Наличие второй, парной стороны формы в нашем случае предполагают пазы под соединением со второй ее створкой, выполненные на одной из сторон публикуемого изделия.

Предназначение металлических форм до сих пор остается дискуссионным вопросом. Предполагалось, что такие формы предназначались для получения отливок из бронзы, свинцово-оловянных сплавов или восковых моделей (Ениосова, Сарачева 2003: 258–259). В.Н. Зоценко и М.М. Иевлев предположили, что подобные металлические формы использовались также для отливки мелких художественных предметов из серебра (Зоценко, Иевлев 2006: 137). Проанализировав проблему, Н.В. Ениосова и Т.Г. Сарачева заключили, что подобные формы скорее были пригодны для более низкотемпературных свинцово-оловянных сплавов или восковых моделей, поскольку тугоплавкие металлы приводят к сильным деформациям поверхности форм, сводя количество отливок к минимуму, и тем самым делая их изготовление нерентабельным (Ениосова, Сарачева 2003: 259).

Сквозная трещина в желобке одного из литейных каналцев исследуемой формы (цв. вкл. 10: III: 7) подсказывает возможность именно последнего варианта: форма повреждена в самом уязвимом месте, что, вероятнее всего, было связано с резким ее охлаждением, происходившим сразу после отливки.

Вопрос о том, каким образом осуществлялся процесс производства изделий, может быть решен исходя из конструктивных особенностей формы. На одной ее стороне, содержащей более крупные изображения крестиков, нет никаких вспомогательных элементов кроме литейных каналцев. Это означает, что при отливке украшений было необязательно совмещать изображения на двух створках и, следовательно, вторая сторона крестиков была плоской. В этом случае вторая часть формы могла быть даже не металлической, а, например, каменной (Бобровский, Зоценко, Трухан 1989: рис. 7), глиняной или деревянной (Ениосова, Сарачева 2003: 258).

Вторая же сторона имеет ряд углублений, что говорит о необходимости точного соединения двух створок. Наиболее удобно было бы сделать оттиск этой стороной формы в пластичной глиняной массе: при этом легко можно было получить точную зеркальную копию индивидуальных очертаний крестов, которые по полученному оттиску необходимо было только «подправить» в глине и одновременно сделать выступы, которые четко совпали бы с имеющимися на форме углублениями. Единственным неудобством при этом варианте служило бы то обстоятельство, что глина намного менее прочна, чем металл, и плохо выдерживает контакт с расплавом (Шаблавина 2004: 246). В таком случае мастеру-литейщику пришлось бы постоянно обновлять вторую створку. Но также можно предположить, что в качестве второй створки формы могла использоваться и подобная металлическая пластина, несущая оборотные изображения данной пары крестов. Совмещенные две створки перед заливкой металла могли либо обмазываться глиной, либо же вкладываться в специальные деревянные футляры.

Слой, в котором была найдена форма, к сожалению, не содержал выразительных датирующих находок. Но горизонт Г-8 (русло ручья), где были обнаружены остатки ювелирного производства, непосредственно подстилался горизонтом Г-10, широко датированном по немногочисленным мелким фрагментам венчиков древнерусских гончарных сосудов второй половины XI — начала XII вв. Эта дата свидетельствует лишь о моменте, когда литейная форма была выброшена и вместе с другими отходами ювелирного производства смыта в подольский ручей. Но момент изготовления формы, несомненно, относится к более раннему времени.

Металлические литейные формы для производства крестиков также были найдены в Пскове (Королева 1997: 15) и Верхнем городе Киева (Мовчан, Козловский, Иевлев 2005: рис. 2: 2). Информацией о типе крестиков псковской формы мы, к сожалению, не располагаем, в киевской же форме, происходящей из комплекса конца XI в., отливались кресты типа 1.4.3 по Й. Штэкеру (Staecker 1999: 110–111), известные в Киеве по находкам из погребений X в. (Зоценко, Иевлев 2006: 136). Еще одна киевская находка металлической формы (не документирована) предназначалась для отливки «широкорогих» лунниц с трехбусинными окончаниями (Ениосова, Сарачева 2003: 226, рис. 2: 4). Обе упомянутые киевские формы выполнены в виде тонкой пластины, крепившейся к деревянной основе при помощи гвоздиков. Обратная сторона изделий при этом оставалась плоской, парной металлической створки формы не предполагалось. Совершенно иначе выглядит ситуация с анализируемым нами подольским экземпляром. Такие же массивные металлические формы из Гнёздова и Старой Рязани изготовлены с литниками и углублениями для совмещения с парными створками; двустворчатой была и форма из Белоозера (Ениосова, Сарачева 2003: рис. 2: 1, 7).

Собранная Н.В. Ениосовой и Т.Г. Сарачевой информация об условиях обнаружения металлических форм и датировке предметов, которые в них изготавливались, показывает, что формы в основном происходят из слоев конца XI—XII вв., в то время, как изображенные на них предметы более тяготеют к периоду X — первой половины XI в. (Ениосова, Сарачева 2003: 254–258). Как видно, по условиям находки подольская форма действительно отвечает этой тенденции, но вопрос датировки изделий гораздо сложнее, что обусловлено отсутствием прямых аналогий.

Функциональное предназначение изделий, для отливки которых была изготовлена подольская форма, остается не совсем понятным. Дело в том, что ни одна из пар крестиков не имеет петелек для подвешивания, что в значительной степени расширяет допустимые возможности их применения.

Крестовидные изображения подобной формы использовались как нательные крестики, щитки крестовидных фибул, накладки на кожаные изделия (Die Welt von Byzanz 2004: № 276, 310, 311, 314, 315; Early Christian and Byzantine Art 1990: tab. LXVIII: 449; Ивакин 2005: рис. 8: 20). Отсутствие петелек на данной створке могло, во-первых, компенсироваться наличием их на второй половинке, а во-вторых, петельки могли изготавливаться уже после получения отлитого изделия, к примеру, расклепыванием полосок металла, застывшего в литниках. С другой стороны, при использовании бляшек как накладок, на второй створке могли находиться шпеньки для их крепления.

Более информативными являются форма и декор рассматриваемых изделий. Изображенные на форме крестики относятся к большой группе так называемых «греческих» или равносторонних крестов. В отличие от «латинского» креста, «греческий» крест символизировал в христианстве, по мнению некоторых исследователей, не распятие, а «знак Бога». В справочной литературе существует несколько названий интересующего нас варианта креста с расширяющимися к краям лопастями. Иногда его называют «мальтийским», «крестом святого Иоанна», «крестом Освящения» или «крестом Воскресения»; более распространены геральдические варианты названия — *Crois Pattée* («лапчатый») или *Spire Cross*

Рис. 2. Равносторонние лапчатые кресты киевской формы и их аналогии:

1, 2, 3, 4 — Киев, Подол; 5–12 — беспаспортные находки с византийских территорий (по: Die Welt von Byzanz 2004); 13 — Эски-Кермен (по: Айбабин 1993); 14, 16 — Тепсе (по: Майко 2004); 15 — бухта Лимена-Кале (по: Кузьминов 2004); 17 — Dolní Vestonice, pohr. 467 (по: Dekan 1981); 18 — беспаспортная находка, Сербия; 19 — Винча-Ритопек (по: Марјановић-Вујовић 1977); 20 — Haidudorog Gyulas; 21 — Balatonmagyóród Felso Kolonidulo (по: Langó, Türk 2004); 22–23 — Киев (Каталог 2002). Масштабы: а — для № 1–21; б — для № 22–23

(«стреловидный»)² В раннехристианской иконографии такие кресты обычно венчали жезлы *Agnus Dei* (позже — архиепископские жезлы) и служили символом Воскресения Господня или же Христа Победителя (Healey 1977: 291; East Christian Art 1987: № 5); в древнерусское время такое изображение часто размещалось на энколпионах над распятым Христом (Корзухина, Пескова 2003: табл. 17; 72–75; 86–88; 92–96). В нашем случае речь идет о вариации лапчатого креста со слабо прогнутыми наружу краями лопастей. Именно эта деталь сближает форму подольских изображений с крестами, вписанными в круг. Такая композиция в раннем средневековье изображалась под куполом базилик, на керамике, монетах и т.д.; еще чаще она наносилась резьбой на каменные блоки и саркофаги (Айбабин 1993: рис. 18: 3, 7, 12, 13; Беляев 1996: табл. XV: 2–5; XVI: 1–3; Майко 2004: рис. 98 и др.), а также использовалась для амулетов-подвесок (Die Welt von Byzanz 2004: № 239).

В Византии в форме крестов с расширяющимися концами (кресты *Pattée*, *Formée* и *Formée Pattée*) изготовлялись хоросы (Ecclesiastical silver plate 1992: fig. 28.1), контрольные штампы для серебряных изделий (Dodd 1968: № 27.1b; 31.1b; 31.2b; Catalogue of Early Christian Antiquities 1901: № 397, 399); лапчатые кресты венчали бронзовые и керамические светильники, булавки (Catalogue of Early Christian Antiquities 1901: № 376, 496, 821, 822; Die Welt von Byzanz 2004: № 334–336, 339, 412–414), пряжки (Айбабин 1990: рис. 41, 3–7); изображались на деталях поясов (Айбабин 1990: рис. 28: 1–3), в композициях декора на серебряных блюдах, кадилницах, капителях соборов (Cradle of Christianity 2000: 62, 65, 99, 101) и т. д. Гораздо реже форма лапчатого креста встречается среди крестов-подвесок, где большей частью доминируют варианты латинского креста. Близкие рассматриваемым киевским изделиям византийские

² По поводу геральдической терминологии в именовании различных иконографических типов изображений крестов см.: Арсенев Ю.В. Геральдика: Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907/1908 году. М., 1908; Винклер, фон, П.Ф. Главнейшие типы геральдических крестов. Объяснение к таблице // Энциклопедический словарь. Т. XXXII. Коялович — Кулон. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1895. Вклейка после стр. 656, рис. 9. Впрочем, классический «лапчатый» крест в геральдике, вписанный в прямоугольное поле щита, существенно отличается от основного типа исследуемых крестов, вписанных в круг. К тому же, перенесение искусственной геральдической терминологии в историко-археологические исследования зачастую способствуют формированию в обществе неверных коннотаций культурно-исторического характера (например, «греческий» крест, «латинский» крест, «мальтийский» крест) или же вызывают избыточные ассоциации. Существующие в современной геральдике нормы и правила не рекомендуют использование специфических гербовых терминов за пределами геральдического пространства. В данном случае предпочтительны описательные конструкции. Благодарим за любезные консультации члена Геральдического Совета при Президенте РФ М.Ю. Медведева — Ред.

костяные и каменные крестики-подвески с циркульным орнаментом из Мюнхенской коллекции составители каталога относят к V–VII вв. (Die Welt von Byzanz 2004: № 311, 314, 315), хотя эта дата довольно условна. Интересно, что размер таких подвесок совпадает с размером изображений на рассматриваемой форме: от 1,3 до 1,6 см, но их тип все же принадлежит другому варианту креста *Formée Pattée*, а не *Pattée*. Еще одна серия подобных крестов из собрания в Мюнхене — это византийские крестовидные фибулы, предположительно связываемые с территорией южного Подунавья и также датируемые V–VII вв. Они металлические литые и несут на себе пуансонный декор разных вариаций (Die Welt von Byzanz 2004: № 276). В Крыму известны пластинчатые кресты-подвески VIII–X вв. вариантов *Formée* и *Formée Pattée* (Майко 2002: рис. 2; Майко 2004: рис. 140: 1, 4, 7, 8). Но ближе всего из крымских находок киевским изображениям крест с псевдозернью из склепа 189 Эски-Кермена (Айбабин 1993: рис. 6: 31). Учитывая, что в публикуемой подольской форме могли отливаться изделия из свинцово-оловянистых сплавов, внимание следует обратить еще на одну группу находок — свинцовые кресты-пломбы без ушек для подвешивания, среди которых есть и изделия в форме крестов *Pattée* и *Formée*, а также изделия, украшенные псевдозернью (Кузьминов 2004: 442–446, рис. 2: 7, 8, 12; Марјановић-Вујовић 1977: № 70а, 70б, 71).

Проникновение христианства на территорию Руси сопряжено, прежде всего, с появлением христианской атрибутики в археологических материалах, среди которых особое внимание исследователей привлекают пластинчатые крестовидные подвески с пуансонным декором, предположительно имитирующим псевдозернь (рис. 3: 11, 14–17). Основное количество таких крестов происходит из погребений X в., что позволяет некоторым исследователям интерпретировать такие кресты как декоративные подвески, в то время, как Н.Г. Недошивина, Т.А. Пушкина, В.Я. Петрухин и А.Е. Мусин склонны рассматривать их как нательные христианские кресты (Недошивина 1983: 222–225; Petrukhin, Pushkina 1998: 247–258; Мусин 2002: 42–47). Кресты из киевских женских погребений второй половины X в. (погребения № 124, 125 по М.К. Каргеру), могила Искоростеня (Зощенко, Звіздецький 2006: рис. 6) и кургана № 5 могильника Гнёздово принадлежат к варианту *Alisee Formée*. Сходная серия находок происходит из Скандинавии (Staecker 1999: № 113а, 42, 93, 57, 97, 91, 99), а прототип их формы, по мнению Й. Штэкера, восходит к англо-саксонским крестам VII–IX вв. (Staecker 1999: Abb. 21, 26, 27) (рис. 3). Й. Штэкер считал, что в скандинавских странах этот тип креста появляется уже в первой половине X в., в то время как на Руси — только во второй половине X в. (Staecker 1999: 95–96). Но находка аналогичного креста на могилах Искоростеня (рис. 3: 14) датирует их появление на Руси не позже второй четверти X в. Во второй половине X в. на Руси этот тип крестика уже несколько меняет форму — подвески из кургана Ц-301 в Гнёздово и кургана № 459 Тимерёво несколько упрощаются в сторону формы креста *Formée Pattée* (рис. 3: 11, 12). Все они выполнены из тонкого листа серебра, а материалом для крестика из кургана 459 Тимерёво даже послужила монета (Равдина 1988: табл. 10: 9). Но этот вариант вряд ли можно назвать древнерусским, поскольку и в самой Скандинавии известны крестики форм *Pattée* и *Formée* (Staecker 1999: № 20, 53с, 103). Еще одна бляшка в виде креста *Formée* украшала сумку из киевского погр. 49 возле Михайловского Златоверхого собора (Ивакин 2005: рис. 8: 20), в то время как крест-подвеска из этого же погребения представлен другим, т.н. «скандинавским типом», равнобедренного креста или типом 1.4.3 по Й. Штэкеру (Staecker 1999: 110–111). Подобные кресты-подвески обнаружены в Киеве также в михайловском погребении № 13 (Ивакин 2005: рис. 9: 20) и в детском погребении на Большой Житомирской, 2 (Боровский, Калюк 1993: рис. 5). Кресты «скандинавского типа» тоже принадлежат к разряду «лапчатых», но это — вариант креста *Patonce*. Как свидетельствует находка металлической формочки для их отливки в Верхнем Киеве (Мовчан, Козловський, Ієвлев, 2005: рис. 2: 2), такие кресты производились и в самой Руси, не являясь обязательно импортом. Версия же А.Е. Мусина о Киеве, как главном центре их производства, основанная на загадочной информации об обнаружении на Подоле «мастерской по их изготовлению» (Мусин 2005: 155), представляется несомненным преувеличением. Важно отметить лишь тот факт, что в Киеве X в. и на Руси в целом именно форма равнобедренного креста с расширяющимися концами была основной для крестов-подвесок.

Древнерусские листовые крестики X в. декорированы при помощи пуансона, предположительно имитирующего псевдозернь, а крестик «скандинавского» типа с верхнекиевской металлической формы (Мовчан, Козловський, Ієвлев 2005: рис. 2: 2) — литой псевдозернью, что теоретически могло бы послужить прообразом декора крестов публикуемой формы. Но пара крестов большего размера с подольской формы, полностью покрытая псевдозернью (рис. 2: 3, 4), очень близка крымскому кресту из склепа № 189 Эски-Кермена (рис. 2: 13). Еще более близкой аналогией им (по способу производства, форме, размеру и декору) является крестик из Сербии (Марјановић-Вујовић 1977: № 7), хотя лопасти креста немного вогнуты внутрь на концах, а не выгнуты, как на изображениях публикуемой формы, и

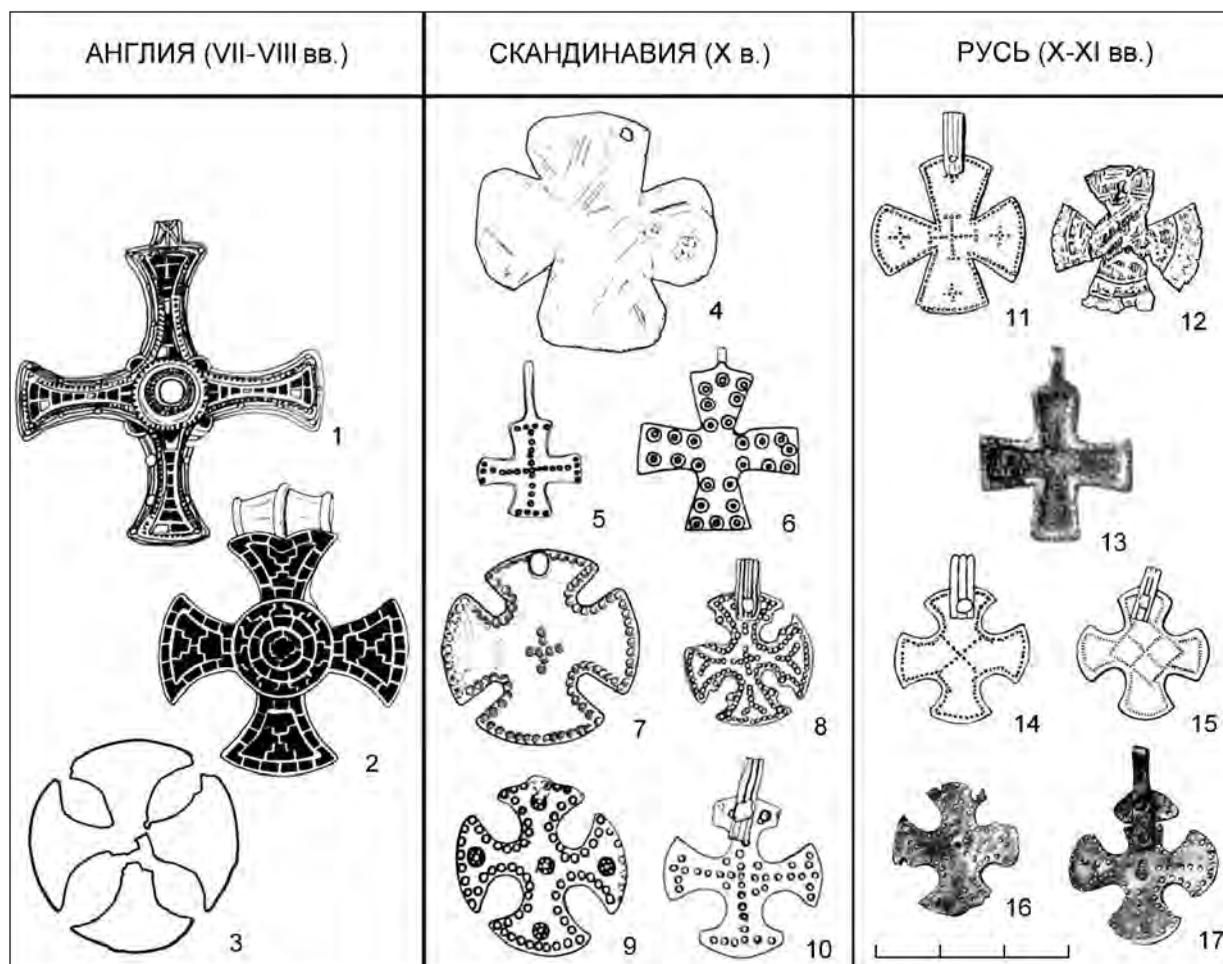

Рис. 3. Древнерусские равносторонние лапчатые кресты X — начала XI вв. и их аналогии:

1 — Cuthbert's Cross; 2 — Wilton Cross; 3 — Whitby Abbey; 4 — Sigtuna; 5 — Birka Grab 698; 6 — Oldenburg; 7 — Kastlösa; 8 — Birka 835; 9 — Skjeppinge Grund; 10 — Birka 480 (по: Staecker 1999); 11 — Гнёздово, Ц-301; 12 — Тимерёво, погр. № 459 (по: Petrukhin, Pushkina 1998); 13 — Гнёздово, погр. № 93 (по: Спицын 1905); 14 — Коростень (по: Зоценко, Звіздецький 2006); 15 — Киев, погр. 124; 16, 17 — Киев, погр. 125 (по: Каргер 1959)

обе его стороны украшены рубчатым бордюром, поверхность обеих сторон крестика покрыта псевдозернью (рис. 2: 18). Интересно также, что, как и на исследуемой форме, изначально отливка не содержала петельки — ушко для подвешивания было прикреплено уже к готовому изделию. находка точно не датирована, поскольку является случайной, но литейная форма для отливки подобных крестов из Великого Градца происходит из слоя XI в. (Марјановић-Вујовић 1977: 28). Близкие по форме венгерские кресты типа 3 (рис. 2: 20) по П. Ланго и А. Тюрку также датируются второй половиной XI в. (Langó, Türk 2004: 390, Abb. 11: 5). Несколько более ранние литые свинцовые крестики из погребения № 467 Дольни Вестонице (рис. 2: 17). Их форма массивнее, на лопастях нет псевдозерни, но центр также выделен рельефным кругом. Интересно, что в ожерелье они были представлены парой, которая была к тому же дополнена еще одним крестиком иной формы.

Декор меньшей пары крестиков подольской формы несколько сложнее — кроме рельефного круга с углублением в центре, еще по одному кругу из псевдозерни с полусферическим выступом в центре расположено на каждой из лопастей. Такая схема характерна для византийских крестов VI–VII вв. (Early Christian and Byzantine Art 1990: № 63; Die Welt von Byzanz 2004: № 268, 426–429, 509, 510, 550, 551, 553, 554, 562, 571), присутствует она и на сербском крестике XI в. из Рама (Марјановић-Вујовић 1977: № 65), а в виде кружков псевдозерни — на свинцовом крестике-пломбе из Судака (Кузьминов 2004: рис. 2: 8). В древнерусское время симметричная композиция из пяти кругов наиболее характерна для крестиков с эмалями (Захаров 2004: рис. 337: 1–6; Петрашенко 2005: рис. 50: 1–5 и др.). Подобный декор существует и на ранних древнерусских энколпионах XI в., показательных в нашем случае еще и

в технологическом плане — их декор, имитирующий пуансон и резец, отливался вместе со створками (Корзухина, Пескова 2003: 14, 15, табл. 12).

Б. Ханенко определил как «оковки энколпиона» две чеканных накладки с выемчатыми эмалями из собрания древностей Киево-Печерской Лавры, найденные в стене Троицкой надвратной церкви и датируемые XII в. (Каталог 2002: № 565). Накладки парные и имеют форму равнобедренных крестов с расширяющимися концами, края лопастей крестов слегка прогнуты наружу, что сближает их с внешними очертаниями крестиков на публикуемой форме. Но обе накладки асимметричны, они вряд ли могли принадлежать одному кресту, к тому же, их размер довольно крупный для подвески (рис. 2: 22–23). Необычное место находки («в стене церкви») заставляет вспомнить о декоративных оковках с эмалями на Холмской иконе Богоматери (XII–XIII вв.), вписанных в детали одежды. Лаврские накладки, скорее всего, связаны с этим декоративным приемом и отражают традиционное изображение равнобедренных крестов на одежде святых.

В целом, равнобедренные лапчатые кресты-подвески в Южной Руси (и в Киеве, в частности) использовались в основном в рамках X — начала XI в. Все находки таких изделий, независимо от того, являлись ли они христианскими крестами или же представляли собой амулеты-украшения еще языческого населения, связаны с погребальными комплексами «русско-скандинавского» облика. Позже, в XI в. традиции лапчатого нательного креста в Южной Руси не наблюдается. Тем более интересным представляется сочетание в крестах анализируемой подольской формочки лапчатой равнобедренной формы и византийской схемы декора, аналогии которым в основном указывают на XI в.

Недостаточная строгость в воспроизведении византийских оригиналов, как и нечеткость местами самой формы, отсутствие ушка для подвешивания, возможность отливки в форме предметов из свинцово-оловянных сплавов — все эти детали говорят о вероятном предназначении крестиков подольской формы как декоративных крестовидных подвесок (ср.: Седов 1982: табл. XLVII: 6) и даже как торговых свинцовых пломб византийского образца, используемых греческими или же русскими купцами пути «из Варяг в Греки». Наконец, самый сложный из предполагаемых вариантов — это версия о нательных крестах. Поскольку крестики на подольской форме не содержат ушек для подвешивания, это значительно затрудняет решение данного вопроса. Однако следует отметить, что именно среди крестиков-подвесок данные изображения находят наиболее близкие аналогии и по форме, и по размерам, и по декору.

Реальное предназначение крестиков подольской формы с определенностью прояснят только новые находки. В настоящее же время следует остановиться на констатации их наиболее вероятной датировки XI в., что вполне согласуется с датировкой слоя, в котором обнаружена форма, концом XI — началом XII в. Эта дата свидетельствует, что публикуемая форма использовалась в основном в XI в. и в заполнение слоя подольского ручья вместе с остальными отходами ювелирного производства попала уже в качестве лома.

Литература

Айбабин 1990 — *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. 1990.

Айбабин 1993 — *Айбабин А.И.* Могильники VIII — начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. Вып. III. 1993.

Беляев 1996 — *Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996.

Бобровский, Зоценко, Трухан 1989 — *Бобровский Т.А., Зоценко В.Н., Трухан А.П.* Отчет об археологических исследованиях Почайнинского отряда Подольской постояннодействующей экспедиции ИА АН УССР за 1989 г. по ул. Нижний Вал, 43. Киев, 1989.

Боровський, Калюк 1993 — *Боровський Я.Є., Калюк О.П.* Дослідження київського дитинця // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984–1989. Київ, 1993.

Гупало, Ивакин 1975 — *Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю.* Ювелирные формы X в. из Киева // Декоративное искусство СССР. № 7. 1975.

Гупало, Ивакин, Сагайдак 1979 — *Гупало К.М., Ивакин Г.Ю., Сагайдак М.А.* Дослідження Київського Подолу (1974 – 1975) // Археологія Києва. Київ, 1979.

Ениосова 1999а — *Ениосова Н.В.* Медная матрица из Гнездова: функция и контекст // Великий Новгород в истории средневековой России. М., 1999.

- Ениосова 1999б — *Ениосова Н.В.* Ювелирное производство Гнездова (по материалам курганов и поселения). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.
- Ениосова, Сарачева 2003 — *Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г.* Металлические литейные формы Древней Руси // Псков в российской и европейской истории. Т. 1. М., 2003.
- Жилина 1998 — *Жилина Н.В.* Стили и технология древнерусской зерни и скани // РА. №3. 1998.
- Зайцева 2003 — *Зайцева И.Е.* Ювелирное дело в городах «земли вятичей» в XI–XIII вв. (регион Верхнего Поочья). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
- Захаров 2004 — *Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.
- Зоценко, Иевлев 2006 — *Зоценко В.Н., Иевлев М.М.* Бронзовая литейная форма XI ст. // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Международная научная конференция. Тезисы докладов. СПб., 2006.
- Зоценко, Звіздецький 2006 — *Зоценко В., Звіздецький Б.* Типологія та хронологія артефактів «скандинавського» типу із розкопок стародавнього Іскоростеня // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави) IX–XI ст. Чернігів, 2006.
- Ивакин 2005 — *Ивакин Г.Ю.* Погребения X — первой половины XI в. из раскопок Михайловского Златоверхого монастыря (1997–1999 гг.) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. М., 2005.
- Каргер 1959 — *Каргер М.К.* Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1959.
- Каталог 2002 — Каталог збережених пам'яток київського церковно-археологічного музею 1872–1922 рр. Київ, 2002.
- Корзухина 1950 — *Корзухина Г.Ф.* Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания // СА. Т. XIV. 1950.
- Корзухина 1954 — *Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.
- Корзухина 1956 — *Корзухина Г.Ф.* Новые данные о раскопках В.В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве. Приложение // СА. Т. XXV. 1956.
- Корзухина, Пескова 2003 — *Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003.
- Королева 1997 — *Королева Э.В.* Ювелирное ремесло средневекового Пскова. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
- Кузьминов 2004 — *Кузьминов А.В.* Средневековые кресты-пломбы из находок в бухте Лимена-Кале // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004.
- Майко 2002 — *Майко В.В.* О локализации Фулл и Фулльской епархии в раннесредневековой Таврике // Православные древности Таврики. Сборник материалов по церковной археологии. Киев, 2002.
- Майко 2004 — *Майко В.В.* Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Київ, 2004.
- Макарова 1975 — *Макарова Т.И.* Перегородчатые эмали древней Руси. М., 1975.
- Макарова 1986 — *Макарова Т.И.* Черное дело древней Руси. М., 1986.
- Марјановић-Вујовић 1987 — *Марјановић-Вујовић Г.* Крстови од VI до XII века из збирке Народног музеја. Београд, 1987.
- Мовчан, Козловський, Іевлев 2005 — *Мовчан І.І., Козловський А.О., Іевлев М.М.* Локальні оборонні споруди Верхнього Києва // Наукові записки з української історії. Вип. 16. Переяслав-Хмельницький, 2005.
- Мусин 2002 — *Мусин А.Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.
- Мусин 2005 — *Мусин А.Е.* Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005.
- Недошивина 1983 — *Недошивина Н.Г.* Средневековые крестовидные подвески из листового серебра // СА. № 4. 1983.
- Новое в археологии 1981 — Новое в археологии Киева. Київ, 1981.
- Петрашенко 2005 — *Петрашенко В.А.* Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка). Киев, 2005.
- Равдина 1988 — *Равдина Т.В.* Погребения с монетами X–XI вв. на территории Древней Руси. М., 1988.
- Рыбаков 1948 — *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- Сагайдак, Сергеева, Михайлов 1997 — *Сагайдак М.А., Сергеева М.С., Михайлов П.С.* Новые находки древнерусского ремесла в Киеве // Древности. 1996. Харьков, 1997.

- Седов 1982 — *Седов В.В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.
- Седова 1972 — *Седова М.В.* Ювелирные изделия из Ярополча Залесского // КСИА. Вып. 129. 1972.
- Седова 1981 — *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981.
- Спицын 1905 — *Спицын А.А.* Гнездовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // Известия ИАК. Вып. 15. 1905.
- Толочко 1983 — *Толочко П.П.* Древний Киев. Киев, 1983.
- Хамайко 2006 — *Хамайко Н.В.* Бронзовая ювелирная форма X—XI вв. с Киевского Подола // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Международная научная конференция. Тезисы докладов. СПб., 2006.
- Хвойка 1913 — *Хвойка В.В.* Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913.
- Шаблавина 2004 — *Шаблавина Е.А.* Пальчатая фибула из коллекции Е.А. Горюнова // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004.
- Byzanz 2001 — Byzanz. Das Licht aus dem Osten. Mainz, 2001.
- Catalogue of Early Christian Antiquities 1901 — Catalogue of Early Christian Antiquities and Objects from the Christian East in the Department of British and Mediaeval Antiquities and Ethnography of the British Museum. London, 1901.
- Cradle of Christianity 2000 — Cradle of Christianity. Jerusalem, 2000.
- Dekan 1981 — *Dekan J.* Moravia Magna: The Great Moravian Empire. Minneapolis, 1981.
- Die Welt von Byzanz 2004 — Die Welt von Byzanz — Europas östliches Erbe. Glanz, Krisen und Fortleben einer tausendjährigen Kultur. München, 2004.
- Dodd 1968 — *Dodd E.C.* Byzantine silver stamps: Supplement II. More treasure from Syria // DOP. 22. 1968.
- Ecclesiastical silver plate 1992 — Ecclesiastical silver plate in sixth-century Byzantium. Washington, 1992.
- East Christian Art 1987 — East Christian Art. London, 1987.
- Early Christian and Byzantine Art 1990 — Early Christian and Byzantine Art. London, 1990.
- Healey 1977 — *Healey T.* The Symbolism of the Cross in Sacred and Secular Art // Leonardo. Vol. 10. 1977. № 4 (Autumn).
- Langó, Türk 2004 — *Langó P., Türk A.* Honfoglalás kori sírok Mindszent-Koszorús-dűlőn // Studia Archaeologica X. Szeged, 2004.
- Musin 1998 — *Musin A.* Two Churches or two Traditions: Common Traits and Peculiarities in Northern and Russian Christianity before and after 1054 AD through the Archaeological Evidence. A View from the East // Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Osteerraum während des 8.—14. Jahrhunderts. B. II. Mainz, 1998.
- Petrukhin, Pushkina 1998 — *Petrukhin V.Ya., Pushkina T.A.* Old Russia: the Earliest Stages of Christianisation // Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Osteerraum während des 8.—14. Jahrhunderts. B. II. Mainz, 1998.
- Staecker 1999 — *Staecker J.* Rex regum et dominus dominorum: die wikingerzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdänemark und Schweden. Stockholm, 1999.

V

**ДРЕВНЯЯ РУСЬ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА
В IX-XI вв.: ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Ф. Андрошук (Сигтуна)

НАХОДКА ИЗ ОЗЕРА HJERMIND В ДАНИИ (некоторые вопросы производства и обращения мечей в эпоху викингов)¹

История ювелирного дела и оружия были одними из многочисленных тем, занимавших Г.Ф. Корзухину. Оба этих важных аспекта материальной культуры раннего средневековья как нельзя лучше совмещены в предмете, которому посвящена настоящая статья. Речь идет о перекрестии меча, хранящемся в фондах Национального музея Дании (NM 1613). Разломанная надвое вещь поступила в музей от двух разных людей. Обстоятельства находки одной половины не ясны, однако, совершенно точно известно, что вторая половина была найдена в 1876 г. на берегу озера Hjermind (Ютландский полуостров), где за год до того был сложен добытый из озера торф. Поскольку обе половины идеально подходят друг к другу можно думать, что они были найдены при добыче торфа из упомянутого озера.

Прямое перекрестие имеет овальную в плане форму (рис. 1). Общая длина перекрестия — 12,1 см, ширина — 2,8–2,3 см, толщина — 1,6 см. Перекрестие состоит из двух литых пластин, соединенных с железной сердцевинной. Длина отверстия для черена рукояти — 3,3 см, длина отверстия для клинка — 6,5 см. Судя по маркированному месту вокруг отверстия для черена, размеры рукояти меча в этом месте были 4,3 x 2 см. Верхняя и нижняя пластины были дополнительно скреплены двумя боковыми бронзовыми пластинами и железными штифтами. Боковые пластины были украшены тремя аметистовыми камнями горизонтально расположенными в специальных отверстиях. Два камня диаметром 0,5 см сохранились. Верхняя и нижняя пластины декорированы отличающимися в элементах плетеным орнаментом в стиле Борре. Наиболее близкие аналогии по композиции и отдельным элементам можно видеть в орнаментации некоторых типов женских трилистных фибул (Rygh 1885: 674; Strömberg 1961: Taf. 71: 1), а также перекрестия меча из погребения в ладье на острове Groix (Arbman, Nilsson 1969: fig. 19; Müller-Wille 1978: Abb. 3: 1). Другой вариант плетения, которым декорированы отверстия для клинка и рукояти, находит ближайšie аналогии в искусстве Вендельского времени (Ørnsnes 1966: tav. 5i). Боковые пластины, кроме серебряной инкрустации, орнаментированы плетеным орнаментом. Пунктирный орнамент внутри лент, а также характерные завитки аналогичного типа можно видеть на одном из типов наконечников ножен мечей эпохи викингов (Paulsen 1953: I: 4b). Несмотря на отсутствие аналогий датской находке, стилистические детали орнаментации позволяют датировать ее X в.

Специального исследования, посвященного мечам Дании эпохи викингов, не существует. Отчасти это можно объяснить трудностью в определении историко-культурных границ этой страны в изучаемую эпоху. Политические границы изменялись за последнее тысячелетие несколько раз, и то, что некогда было «датским»,

¹ I would like to express my gratitude to Dr. Anne Pedersen who helped me during my studies of the swords in the National Museum of Denmark in July 2001 and also supplied me with information about the find circumstances of some Danish swords during my work on this article. The Berit Wallenberg Foundation sponsored my journey to Denmark and the Åke Wiberg Foundation supported my work on this article. It forms part of my project "The gift to men and the gift to the gods: swords, wealth and value in Viking Age Life and Thought". A fuller English version of this article is planned to be published in forthcoming volume of Current Swedish Archaeology.

Рис. 1. Перекрестие меча из озера Hjermind (The National Museum of Denmark)

принадлежит сейчас Швеции (провинции Halland, Skåne и Blekinge) и Германии (Schleswig/Holstein). В ряде работ Анна Педерсен попыталась собрать наиболее полную сводку погребений с оружием, с учетом находок из всех исторических областей Дании (Pedersen 1995; 1997a; 1997b; 2002; 2003). Однако в собранный материал не были включены случайные находки, а также фрагменты или детали мечей, которые опубликованы в виде каталога-приложения к настоящей статье. Этот каталог находок основан на публикациях, личном просмотре фондов и экспозиции Национального музея в Копенгагене, а также двух музеев в Лунде (LUHM и Kulturen).

Учтенные в настоящей работе находки мечей происходят из следующих районов современной Дании: Ютландский полуостров (Jylland) с районом Хедебю, а также острова Зеландия (Sjælland), Лангеланд (Langeland) и Лолланд (Lolland) (рис. 2). Здесь, согласно моим подсчетам, найден 91 меч эпохи викингов. К этому числу можно добавить 19 мечей, известных в шведской провинции Сконе (Skåne). Топография находок мечей не является компактной. За исключением трех районов с их наибольшей концентрацией, это в большинстве случаев пункты, находящиеся на значительном расстоянии друг от друга.

Значительная концентрация находок оружия отмечена в северной части Ютландского полуострова, в особенности средневековой территории херрада² Middelsom (Jørgensen 1991: 299–304), граничащей с фиордом Randers. Здесь найдены мечи как ранней, так и поздней эпохи викингов. Отсюда происходит также и рассматриваемое перекрестие меча. В границах херрада Middelsom известно 16 рунических камней поздней эпохи викингов. Три из них поставлены в память о «дренгах», еще три — в память о «тегнах», и один — в память о «рулевом» (Stoklund 1991: 285–297). Два камня, упоминающие «дренгов», происходят из Hjermind (Jacobsen, Moltke 1942: № 77–78). *Thegn* и *dreng* обычно ассоциируются с лицами, находившимися на службе у короля (Stoklund 1991: 295).

Следующим районом, с наибольшим количеством находок мечей, является Хедебю и его окрестности. Здесь представлены как ранние мечи каролингского производства, так и более поздние типы, характерные для других районов Южной Скандинавии. Хедебю традиционно рассматривается как торгово-ремесленный центр, контролировавшийся королевской властью (Müller-Wille 1984: 366–432). Известное здесь камерно-ладейное погребение, в котором было найдено два меча, интерпретируется некоторыми исследователями как королевское погребение (Wamers 1994: 1–56). Из окрестностей Хедебю происходят два рунических камня, в надписях которых упоминается капитан судна, дренг (Jacobsen, Moltke 1942: № 1) и король по имени Сигтрюг (Jacobsen, Moltke 1942: № 2).

На острове Зеландия наибольшая концентрация находок оружия связана с озером Tissø. Здесь, раскопками последних лет, выявлено большое поселение. В VI–VII вв. на берегу озера существовала аристократическая резиденция с большими домами. Также здесь были выявлены производственные мастерские. На территории резиденции найдено много исключительных по своему богатству находок, среди которых следует упомянуть византийскую печать IX в., аналогичную найденным ранее печатям

² Сотенный округ в Дании и Норвегии эпохи средневековья.

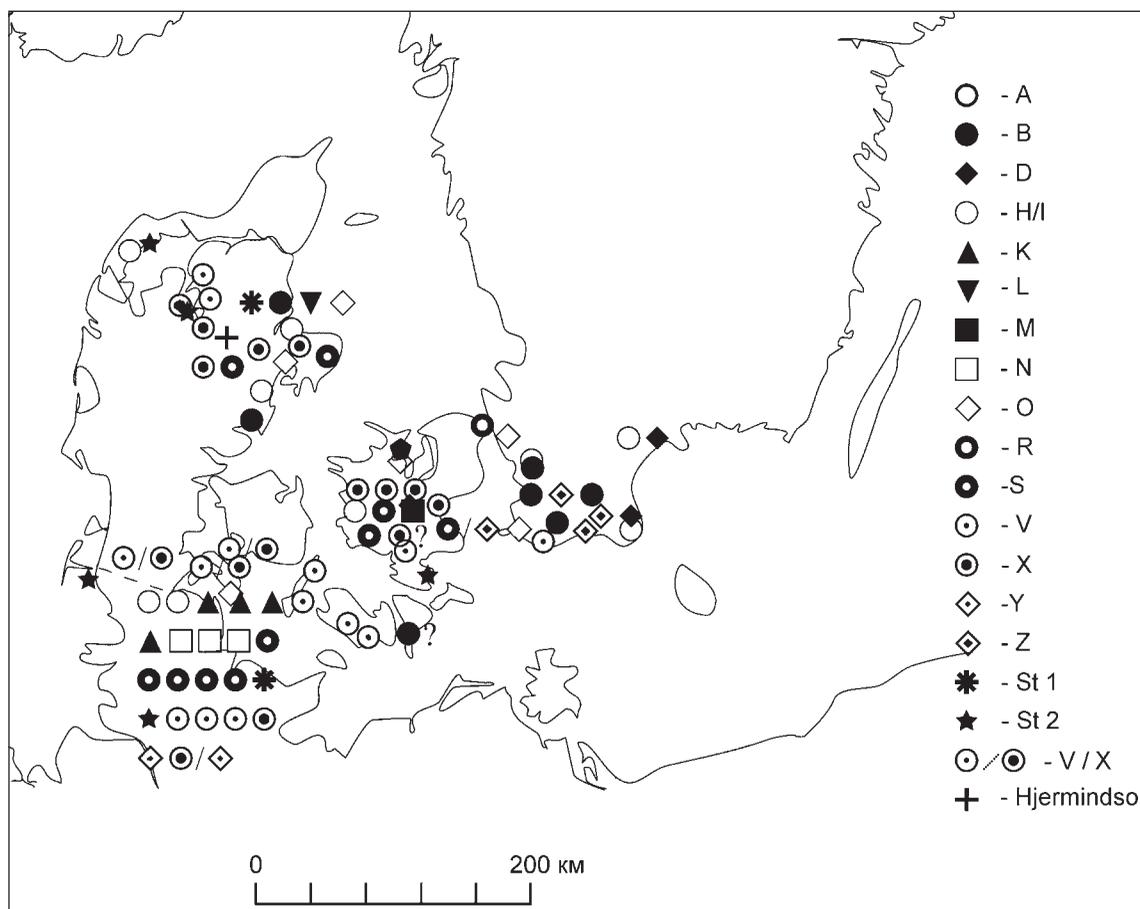

Рис. 2. Распространение типов мечей эпохи викингов на территории современной Дании (типы мечей см. рис. 3)

в Рибе и Хедебю. Весь комплекс интерпретируется как одна из королевских резиденций. Как показали исследования, обитателями усадьбы на протяжении долгого времени производились ритуальные жертвоприношения оружия, бросаемого в озера. Само название озера трактуется как «озеро Тора» (Jørgensen 2003: 175–206).

Топография находок мечей, найденных на территории Дании, существенно отличается от той картины, которую мы наблюдаем в Швеции и Норвегии. В Дании скопления находок, как правило, приурочены к резиденциям элиты или подконтрольных ей торгово-ремесленных центров. В Швеции и Норвегии меч, судя по количеству находок, был оружием свободных людей (Androshchuk 2004; 2006). Здесь можно говорить только об отдельных, исключительных типах мечей, которые могут быть связаны с элитой. Процентное соотношение находок мечей Дании по отношению к другим типам оружия показывает, что более обычным оружием здесь все-таки был топор (Näsman 1991: 163–180). В Исландии, к примеру, наиболее типичным оружием в эпоху викингов было копьё, которому меч количественно уступал (Androshchuk, Traustadottir 2004). Все это указывает на существование определенных локальных особенностей обращения в обществе эпохи викингов отдельных типов оружия. Локальные особенности в предпочтении тех или иных типов мечей можно также видеть на примере разнообразия форм их рукоятей.

В Дании, за исключением двух однолезвийных мечей типов Н (Peirce 2002: 48, 50), преобладают двулезвийные клинки. Однолезвийные клинки, как и наличие единичных мечей типов М, О и R, могут рассматриваться как свидетельство связей с Норвегией. Вместе с тем, высокий процент мечей ранней эпохи викингов («особый тип 1», «особый тип 2» и тип К по Яну Петерсену) указывает на связи Дании с Каролингской империей этого времени. Из 91 меча, известных в Дании (тип 27 неопределим), только 14 можно отнести к этому времени. Наиболее характерными для Дании являются мечи типа V и S, датируемые второй половиной — концом X в. Мечи этих типов составляют соответственно 18 % и 20 %.

Находки в шведской провинции Сконе отличаются только одним — здесь нет ни единого меча типа S, но зато представлен одновременный ему тип Z, который неизвестен в Дании.

Характерной особенностью большинства южно-скандинавских мечей является исключительно богатая отделка их рукоятей. Среди этих находок довольно много уникальных образцов, к числу которых принадлежит инкрустированное аметистом перекрестие из озера Hjermind.

Сразу необходимо отметить, что украшение камнями рукоятей мечей является уникальным явлением для всей эпохи викингов. Единственная аналогия — «имперский меч» Оттона IV (1198–1218 гг.). Полукруглое навершие этого меча, а также прямое длинное перекрестие украшено с двух сторон выгравированными латинскими надписями. Ножны меча богато декорированы: по их краям расположены золотые полосы с овальными отверстиями для гранатовых вставок, а с обеих сторон ножен — вставки из разноцветных эмальерных пластинок. Между ними, с каждой стороны расположено по семь выгравированных в золоте фигур королей от Карла Великого (768–814) до Генриха III (1039–1056) (Schultze-Dörlamm 1995). Этот меч является уникальным произведением ювелирного искусства конца XII в., призванного символизировать величие и преемственность королевской власти.

Если мы обратимся к более раннему времени, то обнаружим, что железно-бронзовая конструкция деталей рукоятей с декорированием аметистом, гранатом или эмалью наиболее характерны для мечей вендельского времени (Behmer 1939: Taf. XL: 1–2; XLII; XLVIII; Arrhenius 1985: 36), причем известны случаи, когда камни, некогда украшавшие древние предметы, заново использовались в изготовлении новых украшений (Arrhenius 1985: 98).

В данной связи уместно привести и другие примеры, свидетельствующие об участии ювелиров в изготовлении мечей эпохи викингов. Это отлитые из серебра навершия и перекрестия мечей из Kallundborg / Holmbæk в Дании, Falkenberg в шведской провинции Halland, Vrångebäck, Dybäck в Skåne, Rostock-Dierkow в северной Германии (Geibig 1993), а также отлитые в бронзе мечи типа O, W и некоторые другие особые типы по Петерсену. Среди древнерусских находок можно упомянуть меч из ст. Хвощеватой и кургана Ц-2 в Гнёздове (Тунмарк-Нюлен 2001: 73–82; Androshchuk 2003: 35–43). Наиболее убедительным свидетельством участия ювелиров в изготовлении как украшений, так и рукоятей мечей, является находка фибулы в Gammel Hviding на территории Ютландского полуострова (Skibsted Klæsøe 2005: 5–13, fig. 2). Фибула по форме и орнаментации имеет единственную аналогию — перекрестие меча из Orpmåna Sjö в Сконе (Strömberg 1961: Taf. 64: 1).

Роль ювелиров в изготовлении престижных мечей и вообще оружия в эпоху викингов дополняет традиционное представление об этой теме. О том, что ювелиры, занимавшиеся изготовлением разного рода предметов из драгметаллов, принимали участие в отделке оружия, свидетельствуют также письменные источники. Например, в перечне предметов из завещания сына короля Этельреда Эдельстана 1015 г., названы «меч с серебряной рукоятью, который сделал Вульффрик», а также «золотой пояс и браслет, которые сделал Вульффрик» (Whitelock 1930: 57).

Нет оснований сомневаться, что как в Скандинавии, так и в Каролингской империи кузнецы могли изготавливать все составные элементы мечей, а также инкрустировать их рукояти. Однако, археологических свидетельств, подтверждающих существование специализированных оружейных мастерских в эпоху викингов, нет. Можно было бы думать, что сохранившиеся надписи на некоторых клинках, вроде хорошо известных ULFBERHT и INGELRED, являются своеобразными «trade marks», удостоверяющими покупателя в подлинности того, что данный продукт действительно изготовлен в Каролингской империи. Однако, такая точка зрения предполагает существование в то время представлений о товарном производстве, чему нет никаких доказательств (см. критический разбор о специфике понятий «ценность» и «товар» в архаических обществах: Appadurai 1988). К тому же, интерпретация надписей на клинках как клейм должна предполагать, что содержание этих надписей понималось одинаково как производителями этой продукции, так и покупателями, чему также нет никаких доказательств. Напротив, те немногочисленные письменные источники, которые могут быть полезны в этом вопросе, свидетельствуют о том, что такие надписи связывались не с производителем этих мечей, а с их владельцами. Например, очень показательным представляется описание так называемого «меча Константина Великого». На нем, согласно источнику, «можно было прочесть золотые буквы имени его древнего владельца». На навершии меча, «над толстыми пластинами из золота можно было видеть прикрепленный железный гвоздь, один из тех четырех, которыми было распято тело нашего Господа» (Whitelock 1955: 282). Можно думать, что это описание представляет собой отражение существования устной традиции, которая сложилась вокруг меча с клеймом на клинке и навершием рукояти, вероятно, имевшей в своей конструкции штифты.

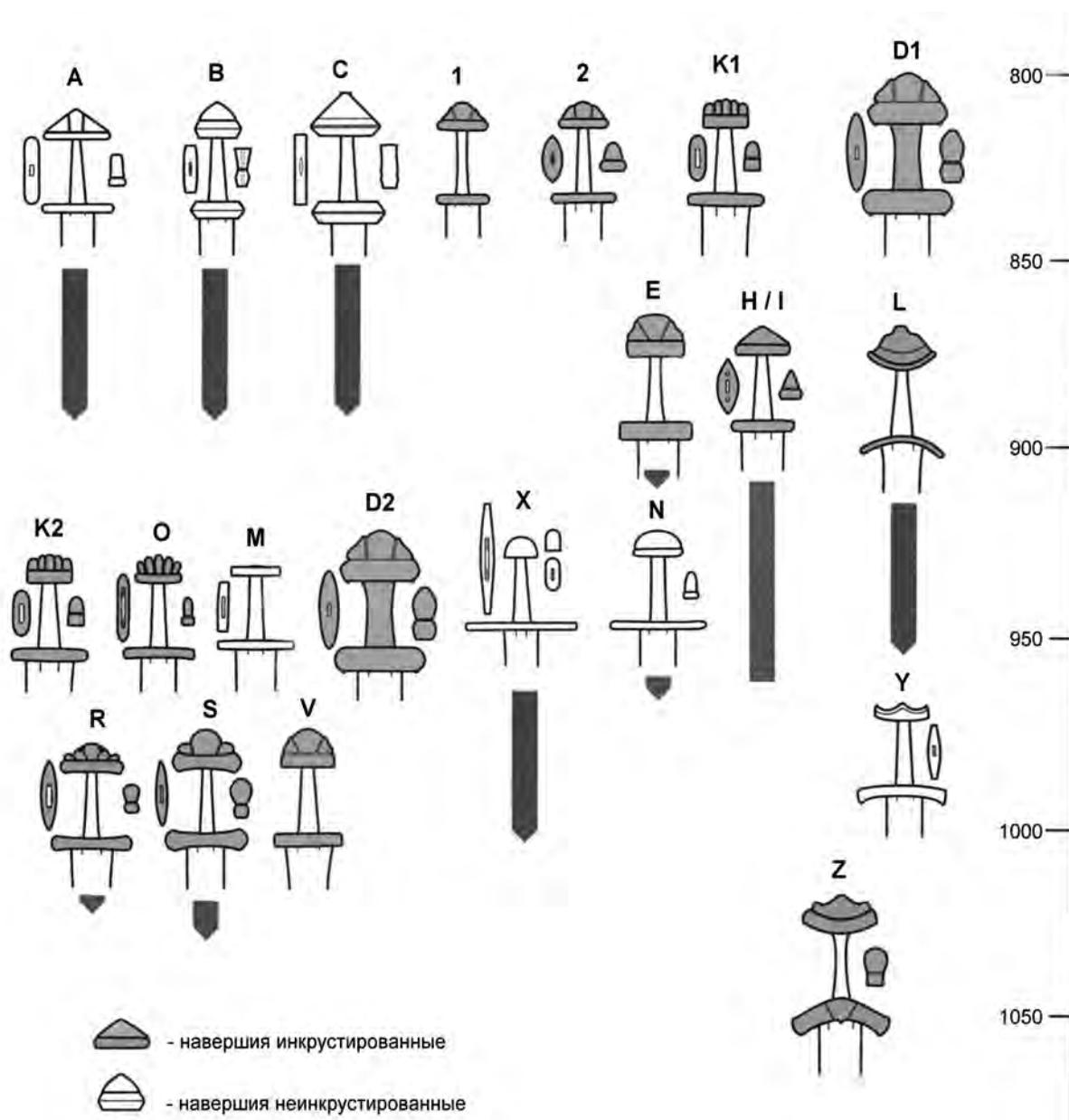

Рис. 3. Типохронология мечей эпохи викингов

Нет никаких сомнений, что в эпоху викингов клинки обладали определенной качественной характеристикой. В письменных источниках нередко можно читать довольно детальные описания хороших мечей, однако, в них мы никогда не услышим об особенностях форм рукоятей. Это, очевидно, можно рассматривать как свидетельство существования представлений об определенном качестве клинков, а не рукоятей, форма и размеры которых вплоть до XI в. подбирались индивидуально, с учетом физических данных и вкусов заказчика. Поэтому, наличие клейма на клинке еще не говорит о происхождении всего меча целиком и его владельца из франкской империи. Железные детали мечей изготавливались кузнецами, в то время как литые элементы рукоятей заказывались у ювелиров. Это хорошо подтверждают находки на Эланде, в Бирке и на Готланде. На Эланде найдено пять подписных клинков без рукоятей, которые интерпретируются как партия, импортированная из Империи (Arbman 1937: 232; Steuer 1987: 152; Thålin Bergman, Arrhenius 2005: 51). В Бирке, среди материалов, относящихся к деятельности ювелирной мастерской середины IX в., были найдены три литейные формы для изготовления бронзовых орнаментированных креплений рукоятей щитов. Здесь же, в горизонтах 900–930/40 и 950–975 гг. найдены заготовки одного навершия и двух перекрестий мечей (Амбросиани, Андрощук 2006: 3–16). Формы

колец для подвешивания скрамасаксов Бирки близки по форме некоторым типам кольцевых фибул с длинной иглой, что может свидетельствовать о происхождении их из одной мастерской (Arbman 1940: Taf. 6: 1, 4, 8; 44: 1, 6). На Готланде найдено два бронзовых перекрестия к мечам типа Z, орнаментированных в деградированном стиле Борре. Аналогии им не известны. Здесь же найден обломок литейной формы наконечника ножен, а также полуфабрикаты навершия меча типа N и перекрестия меча типа T. находка последнего очень примечательна в связи с фактом полного отсутствия мечей этого типа в Швеции. Как уже указывалось ранее, ювелиры Готланда выполняли под заказ украшения, которые не использовали в своей традиционной культуре (Тунмарк-Нюлен 2001: 76). Надо полагать, что это же касается и оружия.

Археологические источники, в совокупности с данными средневековых текстов, дают возможность предположить несколько путей, позволявших мечу менять своего владельца (Härke 2000: 377): 1) подарок господина дружиннику или подарок равному; 2) подарок дружинника господину; 3) семейная реликвия; 4) ритуальная депозиция в погребениях, озерах, реках или земле. Согласно тексту Беофульфа, несмотря на то, что щиты, копья, ножи и стрелы очень часто упоминаются среди оружия знати, наиболее ходовыми подарками были мечи, кольчуги и шлемы (Härke 2000: 380). В англо-саксонских источниках мечи, как и другое оружие, очень часто выступают регуляторами социальных связей между предками, между равными или между господином и слугами. Очень часто такие вещи были связаны с какой-то историей. Например, меч спасший жизнь королю Ательстану во время внезапного нападения норманнов, хранился в королевской сокровищнице, как свидетельство чуда. Меч этот внешне не был ничем примечателен, и, как отмечает источник, никогда не был украшен серебром или золотом (Whitelock 1955: 278).

Меч как регулятор социальных связей, особенно четко проявляется в существовании англо-саксонского института *heriot* (от латинского *herietum*). Буквально слово означает «принадлежности войны», которыми одаривал господин своих подданных в течение жизни. После их смерти это имущество опять возвращалось в собственность господина. Единственным исключением была только гибель человека в битве за короля на территории страны или вне ее. Тогда его хериот прощался, земля и другая собственность переходила к наследникам. Состав хериота определялся в зависимости от социального статуса человека. Согласно законам короля Кнута, хериот ярлов состоял из четырех оседланных и четырех неоседланных лошадей, четырех шлемов, четырех кольчуг, восьми копий, восьми щитов, четырех мечей и денежной суммы в 200 золотых *mancuses*.³ Хериот близких к королю тегнов состоял из двух оседланных, двух неоседланных лошадей, двух мечей, четырех копий и щитов, шлема с кольчугой и 50 золотых *mancuses*. Те, кто находились в близких отношениях к королю, имели хериот, включавший одну оседланную и одну неоседланную лошади, меч, два копья, два щита и 50 *mancuses* (Whitelock 1955: 429–430).

Хериот мы также встречаем в ряде англо-саксонских завещаний. Епископ Теодред (между 941 и 951 гг.) обязывался передать своему королю его хериот, состоявший из двух мечей, четырех щитов и копий, 200 марок золота и трех поместий (Whitelock 1930: 3). Судя по такому составу, его социальное положение приравнивалось к королевскому тегну. Ealdorman Ælfheah (968–971 гг.) завещал королю семь мечей (из которых один — короткий, декорированный золотом), шесть копий, щитов и лошадей, 300 золотых *mancuses*, блюдо и чашу. Кроме этого, еще один меч и денежную сумму в 30 *mancuses*, он завещал старшему сыну короля (Whitelock 1930: 23). Два меча с украшенными серебром рукоятями (*twa seolforhilted sword*), а также четыре лошади и 200 золотых *mancuses* должны были поступить во владение короля по завещанию Вульфрика 1002–1004 гг. (Whitelock 1930: 47). Особо следует остановиться на мечах, перечисленных в завещании сына короля Этельреда Эдельстана 1015 г. Один из них, с серебряной рукоятью (*thæs swúrdes mid tham sylfrenan hiltan*), был завещан монастырю св. Петра, в котором он должен быть похоронен. Второй меч, также с серебряной рукоятью, «который принадлежал Ульфкетелю», Эдельстан завещал своему отцу. Ульфкетель известен тем, что сражался против датчан в 1004 и 1010 гг. и пал в битве при Assandun в 1016 г. Поскольку он был женат на дочери Этельреда, можно заключить, что речь идет о вещи, наследуемой родственниками (Whitelock 1930: 170, note 1.15). Еще один такой же меч он завещал своему брату Эдвигу.

«Меч короля Оффы» был завещан другому брату — Эдмунду Железнобокому, который сменил на престоле своего отца Этельреда. Меч этот имел специфическое навершие — *pyttedan hiltan*, что можно перевести как «навершие, украшенное ячейками». Оффа, как известно, был королем, правившим с 757

³ Mancus/mancosus — в ранней средневековой Англии золотая монета, вес золота, денежная единица эквивалентная 30 серебряным пенсам.

по 796 г. Меч, связанный с его именем, можно рассматривать как символ королевской власти, передававшийся через многие поколения. Меч с инкрустацией (*thæs malswurdes*) был завещан священнику Эдельстана — Эльвайну.

Еще по одному мечу предназначалось для его *seneschal* — Эльфмэру и Сиверду. На последнем, а также на его родном брате Morkære лежал грех убийства короля Этельреда. Известно также, что после их убийства Эдмунд Железнобокий женился на вдове Сиверда, нарушив тем самым волю отца (Whitelock 1930: 170, note 1.16).

Меч «с отпечатком руки» (*thæs swurdes the seo hand is on gemearcod*) был обещан Эдрику, сыну Винфлэда. Под упомянутым в завещании изображением руки следует, вероятно, понимать клеймо на клинке, известное также на монетах короля Эдварда Старшего (около 899–924 гг.), ярла Сихтрика (около 910 г.), а также Этельреда II (978–1016 гг.) (North 1980: 20, 22, 25, pl. VII: 5; 97, pl. IX: 9; 120, pl. X: 20–31). Меч, некогда полученный от слуги Эдельстана — Эдельвайна возвращался к своему прежнему хозяину. Наконец еще один меч, украшенный инкрустацией, был завещан полировщику мечей Эльфноту (Whitelock 1930: 57ff).

Таким образом, шесть мечей в этом завещании должны были изменить свой владельческий статус. Некоторые из них возвращались к своим прежним владельцам, некоторые являлись семейными реликвиями, передающимися внутри рода, а некоторые вполне могли стать таковыми, как, например, меч, обещанный Сиверду. Родовое владение оружием, передающимся по наследству, было условием сохранения уважения и социального положения в обществе, равно как их потеря или добровольное дарение могли привести к утрате социальных позиций их владельца (*Víga-Glúms saga*: VI, XXV).

Мечи, фигурирующие в англо-саксонских завещаниях, — несомненно, дорогое и украшенное оружие. К примеру, меч, завещанный королем Альфредом (873–888 гг.) Этельреду был оценен в 100 *mancuses* (Whitelock 1955: 494). Мечи были частью дипломатических подарков. Обмен оружием и одеждой входил в дипломатическую практику заключения мира между враждующими сторонами (Whitelock 1955: 284). В поэме, посвященной битве в Малдоне в 991 г., вместо требуемых сокровищ, викингам иронично были предложены копыя, отравленное острие и «древний меч» (Whitelock 1955: 294).

Мечи представляют собой артефакты, состоящие из нескольких композиционных частей: клинков, перекрестий, одно- или двусоставных наверший, а также рукояток. Это означает, что все они по необходимости могли быть заменены, о чем свидетельствуют единичные находки этих элементов или их полуфабрикатов. Известны случаи, когда в состав конструкции меча включались части, принадлежавшие более ранним по времени мечам. К таким случаям можно отнести комбинацию деталей от мечей В и Н в Швеции (SHM 6001); Е и М/Н/Х; Mannheim и Н; Н и У в Норвегии (Petersen 1919: fig. 66, 84, 88). В гавани Кальмара, на юге Швеции был найден обломок рукояти двуручного средневекового меча, вершину которого венчало бронзовое навершие от меча типа А-местный по А.Н. Кирпичникову, ближайшая аналогия которому известна из раскопок Рязани (Кирпичников 1966: табл. XXXI: 1). Этот шведский меч опубликован мною в недавно вышедшей статье (Андрощук 2008: 100–111, рис. 3).

Кроме этого, известен один шведский и один норвежский мечи (SHM 5237, SHM 17343: 195B), клинки которых были сломаны, но перед захоронением скреплены при помощи двух заклепок.

Среди находок в России необходимо упомянуть меч с дамаскированным клинком из одного кургана в могильнике Новосёлки на Смоленщине (Шмидт 2005: 146–211, рис. 9: 22). Считается, что меч представляет собой тип В, согласно типологии Петерсена (Кирпичников 1966: 26). Однако, к этому типу можно отнести только его перекрестие. Навершие у этого меча сломано, и от него осталось только овальное основание с отверстиями для двух штифтов, которые некогда скрепляли конструкцию в единое целое. Навершия и их основания у мечей типа В крепились только при помощи черена рукояти. Штифты в креплении наверший использовались в основном у мечей типов Н/И, N, V, S и Z. Судя по пропорциям основания навершия меча из Новосёлок, можно думать, что этот меч имел двусоставное полукруглое навершие, характерное для мечей типа N. Мечи этого типа появились не ранее X в., чему не противоречат и остальные находки из этого погребения (Шмидт 2005: 146–211). Таким образом, мы имеем дело с мечом, который, несомненно, считался «старым» ко времени его депозиции в погребении. Тем не менее, его ремонт в X в. свидетельствует об его определенной ценности. Надо полагать, что такие мечи были своего рода биографическими объектами, т.е. предметами, которые имели собственную историю или биографию. Например, они (вернее инкорпорированная часть их) могли принадлежать одному из предков, или какому-нибудь особенному владельцу, или же они могли быть просто подарками, или были связаны с каким-то событием.

В этой связи, уместно привести историю меча Олава Святого. Меч *Hneitir* был потерян королем во время битвы при Стикластадире. Там нашел его некий воин шведского происхождения, благодаря чему спасся и вернулся домой. Далее меч был передан его сыну и оставался семейной реликвией, пока опять не всплыл при неясных обстоятельствах при дворе византийских императоров. Его чудесным образом обрел один из охранявших императора варягов. Рассказывается, что после того, как император узнал, кому принадлежал этот меч, он приказал повесить его над алтарем в церкви св. Олава (Hák. Негð. XX). Другой пример находим в «Саге о Стурлунгах», где несколько раз упомянута существовавшая на севере Исландии усадьба с необычным названием Miklagard. В ней жил Торвард Эрнольфссон, удостоившийся упоминания в саге только потому, что владел мечом *Brynjubít*, который имел особую биографию. Как говорится в саге, меч этот привез Сигурд Грек из Миклагарда. Затем в битве при Víðines им мужественно сражался Свейн Йоунссон. Стурла и Туми, сыновья Сигвата, сделали предложение о его покупке, но не смогли его купить. Торвард предложил Стурле одолжить меч, но это его не заинтересовало. В конце концов меч был отобран Стурлой силой (Sturlunga saga. XXXII).

Можно предположить, что нечто подобное могло быть связано и с рассматриваемыми здесь мечами. Передача меча через цепь поколений не обязательно предполагала его полную сохранность. Меч мог считаться древним благодаря какой-то части, которая могла входить в состав его элементов. Он мог быть сломан в древности и затем, перед депозицией, символически починен. Исключительный статус меча подчеркивался легендами о них как о творениях не человека, а богов. Подтверждение этому мы находим у Кассиодора в его описании мечей, присланных в подарок королю остроготов Теодорику, где из-за их красоты они сравниваются с творениями не смертных, а богов (цит. по: Theuws, Alkemade 2000: 401). Интерпретация мечей как творений высших сил, позволяет лучше понять смысл их депозиции.

Археологический контекст таких находок позволяет выделить три типа депозиции оружия: в погребениях, в воде (Müller-Wille 2002: 135–166; Androshchuk 2002: 9–14; Lund 2004: 197–220) и вблизи культовых построек (Helgesson 2004: 223ff). Депозиция оружия в погребениях является довольно обычным для всей Европы и Скандинавии, в то время как в воде и сухих местах кажется характерным лишь для Скандинавии. Наибольшее количество находок в воде известно в Дании, где их зарегистрировано около 140 (Lund 2004: 197–220). В несколько меньшем количестве они известны в Швеции, где большая их часть происходит с Готланда, из церкви Estuna и реки Fyris в провинции Uppland (Müller-Wille 1984: 366–432; Ljungkvist 2006: 173ff), Германии (Menghin 1980: 227–255), Англии, Нидерландов (Willemsen 2004: 65–82) и Руси (Андрощук 2001: 126–135).

Вещи, происходящие из воды, часто очень высокого качества и со следами умышленного повреждения, что подчеркивает их ритуальный контекст и одновременно связь с элитой. В некоторых случаях, как например, в Tissø в Дании такие местонахождения связаны с усадьбами местной элиты. Все это позволяет сделать вывод, что акции депозиции оружия, а в их числе и мечей, контролировались этой частью общества. Топография таких находок позволяет сделать вывод о том, что найдены они, как правило, в устьях рек и у старых мостов и переправ (Lund 2004: 203). В большинстве случаев, депонирование должно рассматриваться как жертвоприношение и как властный ритуал. Несмотря на то, что жертвоприношения могли иметь разный смысл, очень вероятно их связь с ритуалами путешествия (Androshchuk 2002; Lund 2004: 208f). Что заставляло людей сознательно ломать, уничтожать и вообще умышленно исключать из обращения вещи, ценящиеся так высоко? Для того, чтобы попытаться ответить на этот вопрос, необходимо конкретизировать понятие «ценности».

Если мы обратимся к эпосу «Беовульф», синхронному рассматриваемому времени памятнику (Chase 1981; Owen-Crocker 2000: 18, 114–123), то обнаружим, что обретенный под водой (!), в логове матери Гренделя, меч обладает следующими качественными характеристиками:

- благословленный на победу меч;
- древний меч великанов;
- лезвие крепкое;
- почетная война слава;
- оружие превосходное;
- рукоять богато украшена;
- меч старый;
- дамаскированное лезвие (1557–1559; 1615–1698 ср. неточности русского перевода с оригинальным текстом в: Wrenn 1958; Беовульф 1975).

Далее, как известно, кровь убитой Беовульфом матери Гренделя расплавила клинок этого меча. Однако, несмотря на утрату функции оружия, оставшаяся от него рукоять все же обладала ценностными

характеристиками. В поэме она описывается как «чудесного кузнеца работа», украшенная плетением, тонкой сияющей золотой пластиной и рунами (1681; 1694–1695; 1698).

Депозиции оружия в погребениях традиционно интерпретируются как отражение прежнего социального статуса умершего. Однако, не исключено, что такие вещи были предназначены для их обретения будущими поколениями. Обретение вещей, некогда принадлежавших каким-либо исключительным людям, могло оказать судьбоносное влияние на развитие событий в будущем. Этим отчасти могут быть объяснены случаи добычи оружия из курганов, принесшие некоторым героям саг славу и знаменитость (Narðar saga ok Hólmverja. XV; Hervarar saga. I). Вместе с тем, если меч депозирован пассивно, вне связи с социальной или ритуальной средой, его ценность для окружающей культуры девальвирована: «У Торольва был добрый меч («мне рассказывали, что меч этот приносит победу»), он хранился в ларе с тех пор, как хозяин оставил бранные дела, и никто им не пользовался... Она (жена Нарви) говорит, что меч зря ржавеет на дне сундука и сейчас, наверное, не многого стоит» (Сага о Битве на Пустоши, XV: Цимерлинг 2000).

Вообще, необходимо отметить, что разделение археологами вещей, найденных в погребениях, кладах и местах жертвоприношений на разные категории археологических памятников, основано на простой констатации обстоятельства находок. Насколько можно судить по тексту того же «Беовульфа», под «кладом» как местом депонирования сокровищ понимались совершенно разные вещи. Например, место хранения клада / сокровищ / владения воинов обозначено как:

- подземный дом (2410);
- злые хоромы (3123);
- зал колец (3053);
- курган (2411);
- вблизи кипящей воды (2412);
- под серым камнем/скалой (2744).

В состав клада-сокровища входили: кольца, золотые пластины, чаши, «древних людей сосуды», украшения, старые ржавые шлемы, браслеты, штандарты, «съеденные ржавчиной» мечи (2244–2245; 2760–2763; 2768; 3048–3049). Из этого перечня видно, что ценность вещи не всегда была определена материалом, из которого она изготовлена. Она могла быть ржавой или изготовлена из простого материала, гораздо важнее было знать ее «биографию».

В качестве иллюстрации о специфике понятия «ценность» и пожертвование / приношение в эпоху викингов, не лишним будет привести историю приобретения древнеанглийского рукописного Евангелия VIII в. церковь Христа в Кентербери. Около середины IX в. эта красочная рукопись была захвачена викингами и впоследствии выкуплена эолдерманом Эльфредом и его супругой Вербург. На одном из листов рукописи, иначе известной как *Codex Aureus*, сохранился текст дарственной записи, узаконивающий передачу дара этому храму. Как говорится в дарственной, супружеская чета приобрела книги у язычников за свои деньги, «которые были из чистого золота». Как говорят жертвователи, они так поступили из-за любви к Богу, ради спасения душ и потому что, они не желали, чтобы эти священные книги находились в руках язычников. Однако в тексте дарственной употреблена риторика контракта, где четко сформулировано условие, на котором дар может быть осуществлен — ежемесячная молитва за спасение душ семьи жертвователей (Gameson 2001). В этой истории интересным представляется как факт ценностной оценки книги викингами, так и дарение, понимаемое как контракт с Богом и его церковью.

В заключение стоит отметить, что социальный аспект оружия в эпоху викингов и раннем средневековье был тесным образом связан с институтом дарения, который был подробно исследован рядом авторов (Mauss 1990; Gurevich 1968: 126–138; Zachrisson 1998; Bazelmans 1999; Habbe 2005). Здесь необходимо кратко остановиться на тех выводах, которые чрезвычайно важны для понимания механизма обмена подарками, а также жертвоприношений и кладов.

Прежде всего, необходимо помнить, что вещь рассматривалась как одушевленная субстанция. Жизнь людей была тесным образом связана с жизнью вещей. Одна из первых групп существ, с которой человек должен был заключить соглашение, были духи умерших и богов. Очевидно, что именно эта группа была полноправным владельцем буквально всех материальных ценностей этого мира. С ней следовало заключить соглашение и установить обмен. В этой связи, деструкция посредством жертвоприношения представляет собой акт дарения, который подразумевает взаимность. Дар, предназначенный для людей и богов, является покупкой мира между ними. Дары-вещи, вне зависимости от их материальной ценности, рассматриваются как воплощение власти, символы богатства и статуса.

Существенным элементом функционирования обмена подарками являются три ключевых обязательства: дать, принять и восполнить / отплатить. Вещи, рассматриваемые как ценные, имеют свою индивидуальность, представленную именем, качеством и властью. Они могут иметь изображенные лица, глаза, зооморфные или антропоморфные маски — все то, что придает им характер живых существ (Mauss 1990: 16, 17, 20, 39, 44).

Эти идеи, как представляется, нашли отражение в декорации ряда мечей эпохи викингов. Некоторые типы имеют трехчастное навершие, боковые части которого оформлены в виде антропоморфных или зооморфных морд (типы D, E, L, R, S, T, Z). Дополнительно они украшаются инкрустированным звериным орнаментом. Одушевленность мечей проявлялась в практике присваивания им имен. Нам известно 176 имен мечей, упомянутых в древней северной литературе (Falk 1914: 47–67). Все сказанное выше, как представляется, наиболее логично объясняет находку в озере Hjermind в Дании и открывает новые перспективы в изучении мечей эпохи викингов.

Каталог 1. Мечи, найденные на территории современной Дании (рис. 2 и 3)

Jylland

Мечи типа В

- 1) C6871 Mossø Sø JP B (Androshchuk 2006)
- 2) C6375 Norrå, Fladbro, Grensten sogn, Middelsom herred, Viborg, Jylland JP B (Androshchuk 2006)

Мечи типа D

- 3) C1572 Sønderlø, Overlade sogn, Års herred, Ålborg amt, Jylland JP D1 (Skibsted Klæsøe 2005)
- 4) Løgstør (Skibsted Klæsøe 2005: 9, fig. 7)

Мечи типа H/I

- 5) C32337, Hospital sengen, Randers, Støvring, Randers amt, Jylland JP H
- 6) D1030 Sjørring sogn, Hundborg herred, Thisted amt, Jylland JP H (Behrend 1970: 90, fig. 91)

Мечи типа L

- 7) D2335 Støvringgård, Støvring sogn, Støvring herred, Frederiksborg, Jylland JP L

Мечи типа M

- 8) C15293, Roum, Roum sogn, Rinds herred, Viborg amt, Jylland JP M (?)

Мечи типа O

- 9) RAM 5403 Fladbro, Haslum, Galten herred, Randers amt, Jylland JP O
- 10) C25221 Stenalt, Ørsted sogn, Rougsø herred, Randers amt, Jylland JPO

Мечи типа S

- 11) Brandstrup I, Vindum sogn, Middelsom herred, Viborg amt, Jylland (Lavrsen 1960)
- 12) Hemstok, Århus amt, Jylland JP S (Pedersen 1995: 71)
- 13) C5205 Kolindsund, Sønder herred, Randers amt, Jylland JP S

Мечи типа V

- 14) C9058 Farsø, Farsø sogn, Gislum herred, Aalborg amt, Jylland JP V (Brøndsted 1936)
- 15) Kammerhøj, Redsted sogn, Mors, Jylland (Brøndsted 1936: 88; Pedersen 1995: 72) JP V (?)
- 16) VSM 6285a Lamhøj, Laastrup sogn, Rinds herred, Viborg amt, Jylland JP V (Brøndsted 1936)

Мечи типа X

- 17) RAM 5401 Grensten, Grensten sogn, Middelsom herred, Viborg amt, Jylland
- 18) Hald, grave 1, Ørslevkloster sogn, Viborg amt, Jylland (Brøndsted 1936: 92; Pedersen 1995: 73)
- 19) C19425 Rends, Burkal sogn, Slogs herred, Tønder amt, Jylland

Мечи «Особый тип 1»

- 20) C6373-6374 Norrå, Fladbro, Grengsten sogn, Middelsom herred, Viborg Jylland (Peirce 2002: 150)

Мечи «Особый тип 2»

- 21) C2504 Graasand, Haderup, sogn, Ginding herred, Ringkøbing amt Jylland
- 22) D1031 Sjørring Sø, Sjørring sogn, Hundborg herred, Thisted amt Jylland

Мечи неопределенного типа

- 23) C23622 Broager, Broager sogn, Nybøl herred, Sønderborg amt, Jylland (Brøndsted 1936: 123; Pedersen 1995: 73) JP X/V
- 24) C1613 Hjermind Sø, Viborg amt, Jylland
- 25) C20600 Ravnholt, Tiset sogn, Aarhus amt, Jylland JP D/U (Brøndsted 1936) (?)
- 26) C5204 Kolindsund, Djurs Sønder herred, Randers amt, Jylland JP M (?)
- 27) C20367 Veggerslev, Veggerslev sogn, Djurs Nørre herred, Randers amt, Jylland JP V (?)
- 28) C5864 Hurup, Als, Hindsted herred, Ålborg amt, Jylland (a mould for a hilt)

Sjælland

Мечи типа А

29) C16348 Hørby, Holbæk amt, Sjælland JP A (Brøndsted 1936: 200; Pedersen 1995: 69)

Мечи типа Н/І

30) C23627 Kirkmosegård, København, Sjælland JP H (Pedersen 1995: 69).

31) C24550 Sørup Sø, Måløv sogn, Smørum herred, Københavns amt, Sjælland JP H (Pedersen 1995: 69).

32) C24554 Tudeå, Hejninge, Slagelse herred, Sorø amt, Sjælland JP H

Мечи типа О

33) C23666 Hellenslev, Holbæk amt, Sjælland JP O1

Мечи типа R

34) C16430 Søborg Sø, Søborg sogn, Holbo herred, Frederiksborg amt, Sjælland JP R (Peirce 2002: 106) (?)

Мечи типа S

35) C5821 Frølunde, Tornborg sogn, Slagelse herred, Sorø amt, Sjælland JP S

36) 15556 Køge havn, Køge sogn, Ramsø herred, København amt, Sjælland JP S

37) C25684 Magleø, Korsør Nor, Tornborg sogn, Slagelse herred, Sorø amt, Sjælland JP S (Pedersen 1995: 71)

38) C25683 Magleø, Korsør Nor, Tornborg sogn, Slagelse herred, Sorø amt, Sjælland JP S (Pedersen 1995: 71)

39) C5821 Storebælt, Frølunde Fed, Tårnборг sogn, Slagelse herred, Sorø amt, Sjælland JP S (Pedersen 1995: 71)

Мечи типа V

40) C22323 Næstelsø, Næstelsø sogn, Hammer herred, Præstø amt JP V

41) C5818 Osted, Osted sogn, Volborgs herred, København amt JP V (Peirce 2002: 112)

42) FSM (Fyns Stiftelsemuseum) A 1775 Jørlunde sogn, Lyngе-Frederiksborg herred, Frederiksborg amt, Sjælland JP V?

Мечи типа X

43) C8727 Tissø, St. Fuglede sogn, Ars herred, Holbæk amt, Sjælland

Мечи «Особый тип 1»

44) C3118 Kallungborg/ Holbæk, Sjælland (Peirce 2002: 30)

Мечи «Особый тип 2»

45) C1849 Øster Egesborg, Bårge herred, Præstø amt, Sjælland

Мечи неопределенного типа

46) C25655 Herlufmagle, Tybjerg herred Sjælland JP (?)

47) C26043 Værebø å, Gundsonagle sogn, Sømme herred, København amt, Sjælland, JP B/H (?)

Langeland

Мечи типа V

48) Langelands museum Stengade I, grave 3, Tullebølle, Langeland

Nørre herred, Svendborg amt JP V (Brøndsted 1936: fig. 66)

Uncertain types

49) Langelandsmuseum Longelse, Longelse sogn, Svenborg amt, Langeland, JP X/V (?)

Lolland

Мечи типа V

50) C8304 Errindlev, Errindlev sogn, Fuglse, Maribo amt JP V (Brøndsted 1936: fig. 93–94; Pedersen 1995: 72)

51) C7371 Hoby, Gloslunde, Maribo Lolland, JP V (Brøndsted 1936: fig. 88)

Мечи неопределенного типа

52) B34881 Nysted, Lolland JP B/C?

53) C25487 Ventave Storeø JP V (?)

Неизвестное место находки

Меч типа E

54) UI1364 JP E

Каталог 2. Мечи из Хедебю и его окрестностей

Мечи типа H

1) Haithabu JP H (Geibig 1991: Kat.-Nr. 287. Taf. 159: 6)

Мечи типа К

- 2) Haithabu JP K (Geibig 1991: Kat.-Nr. 276. Taf. 156: 1–3)
- 3) Haithabu JP K (Geibig 1991: Kat.-Nr. 277. Taf. 157: 1–3)
- 4) Haithabu JP K (?) (Geibig 1991: Kat.-Nr. 284. Taf. 159: 3)

Мечи типа L

- 5) Haithabu JP L (?) (Geibig 1991: Kat.-Nr. 282. Taf. 159: 1)
- 6) Schleswig-Holstein JP L (Geibig 1991: Kat.-Nr. 332. Taf. 165: 1–3)

Мечи типа N

- 7) Angeln JP N (Geibig 1991: Kat.-Nr.329. Taf. 165: 1–3)

Мечи типа O

- 8) Angeln JP O (Geibig 1991: Kat.-Nr.330. Taf. 165: 4–5)
- 9) Haddebyer Noor JP O (Geibig 1991: Kat.-Nr. 274. Taf. 155: 4)

Мечи типа S

- 10) Haithabu JP S (Geibig 1991: Kat.-Nr. 293. Taf. 160: 3)
- 11) Haithabu JP S (Geibig 1991: Kat.-Nr. 301. Taf. 161: 2)
- 12) Haithabu JP S (Geibig 1991: Kat.-Nr. 304. Taf. 161: 5)

Мечи типа V

- 13) Haddebyer Noor JP V (Geibig 1991: Kat.-Nr. 273. Taf. 155: 1–3)
- 14) Haithabu JP V (Geibig 1991: Kat.-Nr. 280. Taf. 158: 5–7)
- 15) Haithabu JP V (Geibig 1991: Kat.-Nr. 303. Taf. 161: 4)

Мечи типа W

- 16) Schleswig JP W (Geibig 1991: Kat.-Nr. 324. Taf. 164: 4–5)

Мечи типа X

- 17) Haithabu JP X (Geibig 1991: Kat.-Nr. 279. Taf. 158: 1–4)

Мечи типа Y

- 18) Haithabu JP Y (Geibig 1991: Kat.-Nr. 302. Taf. 161: 3)

Мечи особого типа I

- 19) Haithabu JP St1 (Geibig 1991: Kat.-Nr. 275. Taf. 156: 4–6,5)

Мечи неопределенного типа

- 20) Haithabu JP (?) (Geibig 1991: Kat.-Nr. 278. Taf. 157: 4–6)
- 21) Haithabu JP (?) (Geibig 1991: Kat.-Nr. 283. Taf. 159: 2)
- 22) Haithabu JP (?) (Geibig 1991: Kat.-Nr. 285. Taf. 159: 4)
- 23) Haithabu JP (?) (Geibig 1991: Kat.-Nr. 286. Taf. 159: 5)
- 24) Haithabu JP (?) (Geibig 1991: Kat.-Nr. 288. Taf. 159: 7)
- 25) Haithabu JP (?) (Geibig 1991: Kat.-Nr. 289. Taf. 159: 8)
- 26) Haithabu JP (?) (Geibig 1991: Kat.-Nr. 290. Taf. 159: 9)
- 27) Haithabu JP (?) (Geibig 1991: Kat.-Nr. 291. Taf. 160: 1)
- 28) Haithabu JP (?) (Geibig 1991: Kat.-Nr. 292. Taf. 160: 2)
- 29) Haithabu JP (?) (Geibig 1991: Kat.-Nr. 294. Taf. 160: 4)
- 30) Haithabu JP (?) (Geibig 1991: Kat.-Nr. 295. Taf. 160: 5)
- 31) Haithabu JP (?) (Geibig 1991: Kat.-Nr. 296. Taf. 160: 6)
- 32) Haithabu JP N/X (?) (Geibig 1991: Kat.-Nr. 297. Taf. 160: 7)
- 33) Haithabu JP N/X (?) (Geibig 1991: Kat.-Nr. 298. Taf. 160: 8)
- 34) Haithabu JP (?) (Geibig 1991: Kat.-Nr. 299. Taf. 160: 7)
- 35) Haithabu JP (?) (Geibig 1991: Kat.-Nr. 300. Taf. 161: 1)
- 36) Haithabu JP (?) (Geibig 1991: Kat.-Nr. 300. Taf. 161: 1)

Список 3. Мечи из современной шведской провинции Skåne

Мечи поздневендельского времени

- 1) SHM 2110:73 Vendel/Viking (Behmer 1939: Taf. LIV: 3)

Мечи типа B

- 2) LUHM 9999 Hällestads JP B (Strömberg 1961: 61, Taf. 40: 3; Androshchuk 2006)
- 3) SHM 28271 Lund, Källby JP B (Arbman 1937: 216; Wilson 1955: 105ff; Strömberg 1961: 46)

Мечи типа D

- 4) LUHM 29087 St. Köpinge JP D (Strömberg 1961: 27, Taf. 64: 3,3)

5) LUHM 24929 Österlövsta, Oppmansjön JP D (Strömberg 1961: 72, Taf. 64: 1)

Мечи типа Н/І

6) LUHM 29026, Burköv, Arlov JP H (Strömberg 1961: 15, Taf. 40: 1)

7) LUHM 12358 Kristianstad, Hammarsjön JP H (Strömberg 1961: 43, Taf. 40: 2)

8) Löderups, Hagestad JP H (Strömberg 1963: 1–25; Strömberg 1961: 149, Abb. 13)

9) Löddeköpinge, Vikhögsvägen JP H (Olsson 1976: 106, fig. 66–67)

10) LUHM 3213 JP H

Мечи типа М

11) LUHM 13078 JP M

Мечи типа О

12) LUHM 28399 Kvistofta, Rya JP O (Strömberg 1961: 44, Taf. 39: 1)

13) SHM 3217:52 Skanör JP O (Strömberg 1961: 56, Taf. 64: 2)

Мечи типа V

14) LUHM 13077 Trelleborg JP V

15) LUHM JP V

Мечи типа X

16) LUHM 24925 Bosärp JP X (Strömberg 1961: 57, Taf. 40: 4; Svanberg 2003: 162, 295, fig. 67: 7)

Мечи типа Z

17) KM 661666:1903 Lund JP Z (Bergman, Billberg 1976: 387–389, fig. 341a-b)

18) LUHM 22930 Sövde, Vrångebäck JP Z (Rydbeck 1932: 253f.; Strömberg 1961: 21–22, Taf. 65: 1; Androshchuk 2003: 35–43, fig. 8)

19) SHM 4515 Ö.Vemmenhög, Dybäck JP Z (Rydbeck 1932: 253f.; Strömberg 1961: 66–67, Taf. 65: 2; Graham-Campbell 1980: 70, pl. 250; Androshchuk 2003: 35–43, fig. 7).

Литература

Амбросиани, Андрощук 2006 — Амбросиани Б., Андрощук Ф. Оружие и восточные связи Бирки // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави ІХ–ХІ ст.). Чернівці, 2006.

Андрощук 2001 — Андрощук Ф.А. Гнёздово, Днепровский путь и финал Бирки // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника / Труды ГИМ. Вып. 124. М., 2001.

Андрощук 2008 — Андрощук Ф.А. К истории контактов между Швецией и Южной Русью в XI–XII вв. // Дньеслово. Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України П.П. Толочко з нагоди його 70-річчя. Київ, 2008.

Беовульф 1975 — Беовульф. Пер. В. Тихомирова // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. Библиотека всемирной литературы. М., 1975.

Кирпичников 1966 — Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие // САИ. Вып. Е 1-36. Ч. 1. М.; Л., 1966.

Тунмарк-Нюлен 2001 — Тунмарк-Нюлен Л. Гнёздовский меч — изделие готландского мастера? // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника / Труды ГИМ. Вып. 124. М., 2001.

Циммерлинг 2000 — Циммерлинг А.В. Исландские саги. Перевод с древнеисландского языка, общая редакция и комментарии. Ч. 2. М., 2000.

Шмидт 2005 — Шмидт Е.А. Курганный могильник у пос. Новосёлки // Смоленские древности. Вып. 4: Курганные могильники VIII–X веков центральной части Смоленского Поднепровья. Смоленск, 2005.

Androshchuk 2002 — Androshchuk F. Har gotländska vikingar offrat vapen i Dnepr-forsarna? // Fornvännen. 97. 2002.

Androshchuk 2003 — Androshchuk F. The Hvoshcheva sword. An example of contacts between Britain and Scandinavia in the Late Viking Period // Fornvännen. 98. 2003.

Androshchuk 2004 — Androshchuk F. Vikingar och bönder. Några anmärkningar om den sociala tolkningen av svärden och de långväga kontakterna under vikingatiden // Current Issues in Nordic Archaeology. Proceedings of the 21st Conference of Nordic Archaeologists, 6–9 September 2001, Akureyri, Iceland. Reykjavík, 2004.

Androshchuk 2006 — Androshchuk F. The Rural Vikings and Viking Helgö. Cultural interaction between east and west // Archaeology, artefacts and human contacts in Northern Europe. Stockholm, 2006.

Androshchuk, Traustadóttir, Gudmumundsdóttir, O'Dochartaigh 2004 — *Androshchuk F., Traustadóttir R., Gudmumundsdóttir A.R., O'Dochartaigh E.* A Viking Age spearhead from Kolkuós, Iceland. Hólar. Hólarannsóknin. 2004.

Appadurai 1988 — *Appadurai A.* (Ed.). *The Social Life of Things. Commodities in Cultural Perspective.* Cambridge; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney, 1988.

Arbman 1937 — *Arbman H.* Schweden und das karolingische Reich. Stockholm, 1937.

Arbman 1940 — *Arbman H.* Birka I. Tafeln. Stockholm, 1940.

Arbman, Nilsson 1968 — *Arbman H., Nilsson N.-O.* Armes Scandinaves de l' époque Viking en France // Meddelanden från Lunds Universitets Historiska Museum. 1966-1968.

Arrhenius 1985 — *Arrhenius B.* Merovingian Garnet Jewellery — emergence and social implications. Stockholm, 1985.

Bazelmans 1999 — *Bazelmans J.* By Weapons Made Worthy. Lords, Retainers and Their Relationship in Beowulf / Amsterdam Archaeological Studies. 5. 1999.

Behmer 1939 — *Behmer E.* Das zweischneidige Schwert der germanischen Völkerwanderungszeit. Stockholm, 1939.

Behrend 1970 — *Behrend R.* Vandfundne sværd fra middelalderen // Nationalmuseets Arbejdsmark. 1970.

Bergman, Billberg 1976 — *Bergman K., Billberg I.* Vapen. Uppgrävt förflutet för Pkbanken i Lund. Lund, 1976.

Brøndsted 1936 — *Brøndsted J.* Danish inhumation graves of the Viking Age // Acta Archaeologica. VII. 1936.

Chase 1981 — *Chase C.* (Ed.). *The Dating of Beowulf.* Toronto; Buffalo; London, 1981.

Gameson 2001 — *Gameson R.* The Codex Aureus. An Eighth-century Gospel Book. Stockholm, Kungliga bibliotek, A. 135. Rosenkilde and Bagger. Vol. 1–2. Copenhagen, 2001.

Geibig 1991 — *Geibig A.* Beiträge zur morphologischen Entwicklung des Schwertes im Mittelalter. Neumünster, 1991.

Geibig 1993 — *Geibig A.* Der Hort eines Edelmetallschmiedes aus der frühslawischen Siedlung Rostock-Dierkow // Offa. Bd 49/50. 1992/93.

Graham-Campbell 1980 — *Graham-Campbell G.* Viking Artefacts. A select catalogue. London, 1980.

Gurevich 1968 — *Gurevich A. Y.* Wealth and gift-bestowal among the ancient Scandinavians // Scandinavica Vol. 7. 1. 1968, May.

Habbe 2005 — *Habbe P.* Att se och tänka med ritual. Kontraktterande ritualer i de isländska släktsagorna. Vägar till Midgård. 7. Lund, 2005.

Hák. Herð... 1911 — Hák. Herð. — Uphaf Hákonar herðibreids. Snorri Sturlusson. Heimskringla. Nóregs konunga sögur. Utgivet af Finnur Jónsson. København. 1911.

Harðar saga 1991 — Harðar saga: Bárðar saga. Þorskfirðinga saga. Flóamanna saga... // Íslensk fornrit XIII, Eds. Þórhallur Vilmundarson & Bjarni Vilhjálmsson. Reykjavík, 1991.

Helgesson 2004 — *Helgesson B.* Tributes to be spoken of: sacrifice and warriors at Uppåkra // Continuity for centuries: a ceremonial building and its context at Uppåkra, southern Sweden. Ed. L. Larsson. Stockholm, 2004.

Hervarar saga 1873 — Hervarar saga ok Heiðreks konungs // Norröne Skrifter af sagnhistorisk Indhold 3. Christiania, 1873.

Härke 2000 — *Härke H.* The circulation of weapons in Anglo-Saxon society // Ritual of power. From Late Antiquity to the Early Middle Ages. The transformation of the Roman world. Leiden; Boston; Köln, 2000.

Jacobsen, Moltke 1942 — *Jacobsen L., Moltke E.* Danmarks Runeindskrifter. København, 1942.

Jørgensen 1991 — *Jørgensen B.* Mammen i Middelsom herred // Mammen. Grav, kunst og samfund i vikingetid. Højbjerg. 1991.

Jørgensen 2003 — *Jørgensen L.* Manor and Market at Lake Tissø in the Sixth to Eleventh Centuries: The Danish 'Productive' Sites // Markets in Early Medieval Europe. Trading and 'Productive' Sites, 650–850. Windgather, 2003.

Falk 1914 — *Falk H.* Altnordische Waffenkunde. Kristiania, 1914.

Lavrsen 1960 — *Lavrsen J.* Brandstrup. En ryttergrav fra 10. Århunderde // Kuml. 1960.

Ljungkvist 2006 — *Ljungkvist J.* En hiar atti ríkr. Om elit, struktur och ekonomi kring Uppsala och Mälaren under yngre järnålder. Aun. 34. Uppsala, 2006.

Lund 2004 — *Lund J.* Våben i vand. Om deponeringer i vikingetiden // Kuml. 2004.

Mauss 1990 — *Mauss M.* The gift. The form and reason for exchange in archaic societies. London, 1990.

- Menghin 1980 — *Menghin W.* Neue Inschriftenschwerter aus Süddeutschland und die Chronologie karolingerischer Spaten aus den Koninent. Vorzeit zwischen Mainz und Donau. Erlander Forschungen. A. Bd 26. 1980.
- Müller-Wille 1978 — *Müller-Wille M.* Das Schiffsgrab von der Ile de Groix (Bretagne). Ein Exkurs zum “Bootkammergrab von Haithabu” // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Bericht 12. Das archäologische fundmaterial III der Ausgrabung Haithabu. Neumünsters, 1978.
- Müller-Wille 1984 — *Müller-Wille M.* Mittel- und westeuropäische Einwirkungen auf die Sachkultur von Haithabu/Schleswig. Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen an ländlichen und frühstädtischen Siedlungen im deutschen Küstengebiet vom 5. Jahrhundert v.Chr. bis zum 11. Jhr. n. Chr. Band 2. Weinheim, 1984.
- Müller-Wille 2002 — *Müller-Wille M.* Offerplatser på kontinenten. Några exempel från förkristen tid // Plats och praxis. Studier av nordisk förkristen ritual. Vågar til Midgård 2. Lund; Falun, 2002.
- North 1980 — *North J.J.* English Hammered Coinage. Volume I. Early Anglo-Saxon to Henry III c. 600–1272. London, 1980.
- Näsman 1991 — *Näsman U.* Grav og øxe. Mammen og den danske vikingetids våbengrave // Mammen. Grav, kunst og samfund i vikingetid. Højbjerg, 1991.
- Olsson 1976 — *Olsson T.* The Löddeköpinge Investigation I. The settlement of Vikhögsvägen. Meddelanden från Lund Universitet Historiska Museum 1975-76.
- Owen-Crocker 2000 — *Owen-Crocker G.R.* The four funerals in Beowulf. Manchester, 2000.
- Paulsen 1953 — *Paulsen P.* Schwertorbänder der Wikingerzeit. Stuttgart, 1953.
- Pedersen 1995 — *Pedersen A.* Vikingetidens grave med våben og hestudstyr i det gammel danske område — inventar og datering, idé og hensigt. Opublicerad avhandling vid Institut for forhistorisk arkeologi og middelalderarkeologi. Århus, 1995.
- Pedersen 1997a — *Pedersen A.* Weapons and riding gear in burials — evidence of military and social rank in 10th century Denmark? // Military Aspects of Scandinavian Society in a European Perspective, AD 1–1300. Copenhagen, 1997.
- Pedersen 1997b — *Pedersen A.* Similar finds — different meanings ? Some preliminary thoughts on the Viking-Age burials with riding equipment in Scandinavia // From Burial to Society. The chronological and social analysis of archaeological burial data. Århus, 1997.
- Pedersen 2002 — *Pedersen A.* Scandinavian Weaponry in the Tenth Century: The Example of Denmark // Companion to Medieval Arms and Armour. Woodbridge, 2002.
- Pedersen 2003 — *Pedersen A.* Reiche Bestattungen einer Aufbruchszeit — Tradition und Erneuerung in den Grabsitten des 10. Jahrhunderts in Südsandinavien // Erinnerungskultur im Bestattungsritual. Archäologisch-Historisches Forum. Mittelalter Studien. 3. München, 2003.
- Peirce 2002 — *Peirce I.G.* Swords of the Viking Age. Woodbridge, 2002.
- Petersen 1919 — *Petersen J.* De norske vikingesverd. En typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaaben. Kristiania, 1919.
- Rydbeck 1932 — *Rydbeck M.* Skånska praktsvärd från vikingatiden // Meddelanden från Lund Historiska Museum. Lund, 1932.
- Rygh 1885 — *Rygh O.* Norske oldsager. Kristiania, 1885.
- Schultze-Dörflamm 1995 — *Schultze-Dörflamm M.* Das Reichsschwert. Ein Herrschaftszeichen des Saliers Heinrich IV. und des Welfen Otto IV. Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Forschungsinstitut für vor- und Frühgeschichte. Monographien. Bd. 32. 1995.
- Steuer 1987 — *Steuer H.* Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. Der Handel der Karolinger- und Wikingerzeit. Teil IV. Göttingen, 1987.
- Skibsted 2005 — *Skibsted Klæsøe I.* Et sælsomt spænde fra Ribe-egnen. By, marsk og geest 17. Kulturhistorisk årbog for Ribe-egnen. 2005.
- Stocklund 1991 — *Stocklund M.* Runesten, kronologi og samfundsrekonstruktion // Mammen. Grav, kunst og samfund i vikingetid. Højbjerg, 1991.
- Strömberg 1961 — *Strömberg M.* Untersuchungen zur jüngeren Eisenzeit in Schonen. Völkerwanderungszeit — Wikingerzeit. Lund, 1961.
- Sturlunga saga 1946 — *Sturlunga saga.* Jón Jóhannesson, Magnús Finnbogason og Kristján Eldjárn sáu um útgáfuna. Reykjavík, 1946.
- Svanberg 2003 — *Svanberg F.* Decolonizing the Viking Age. 2. Death rituals in south-east Scandinavia AD 800–1000. Stockholm, 2003.

Thålin Bergman, Arrhenius 2005 — *Thålin Bergman L., Arrhenius B.* Weapon Investigations. Helgö and the Swedish Hinterland / Excavations at Helgö. XV. Stockholm, 2005.

Theuws, Alkemade 2000 — *Theuws F., Alkemade M.* A kind of mirror for men: sword depositions in Late Antique Northern Gaul // Ritual of power. From Late Antiquity to the Early Middle Ages. The transformation of the Roman world. Leiden; Boston; Köln, 2000.

Víga-Glúms saga 1960 — *Víga-Glúms saga.* Oxford, 1960.

Wamers 1994 — *Wamers E.* König im Grenzland. Neue Analyse des Bootkammergrabes von Haidaby // Acta Archaeologica. 65. 1994.

Whitelock 1930 — *Whitelock D.* (Ed.). Anglo-Saxon Wills. Cambridge, 1930.

Whitelock 1955 — *Whitelock D.* (Ed.). English Historical Documents c.500–1042. London, 1955.

Willemsen 2004 — *Willemsen A.* Scatterd across the Waterside: Viking Finds from the Netherlands // Vikings on the Rhine. Recent Research on Early Medieval Relations between the Rhinelands and Scandinavia. Fassbaender; Wien, 2004.

Wilson 1955 — *Wilson D.* An early Viking Age grave from Källby, Lund // Meddelanden från Lund Universitets Historiska Museum. 1955.

Wrenn 1958 — *Wrenn C.L.* Beowulf with the Finnesburg Fragment. London; Toronto; Wellington; Sydney, 1958.

Zachrisson 1998 — *Zachrisson T.* Gård, gräns, gravfält. Sammanhang kring ädelmetalldepåer och runstenar från vikingatid och tidigmedeltid i Uppland och Gästrikland. Stockholm, 1998.

А.В. Григорьев (Москва)

ДЕНЕЖНО-ВЕЩЕВЫЕ КЛАДЫ IX – НАЧАЛА X в. БАССЕЙНА СРЕДНЕЙ ОКИ

На правобережье средней Оки в IX — начале X в. известны многочисленные клады куфического серебра. На сегодняшний день известно 20 мест находок кладов арабских дирхемов первого и второго периодов обращения, зафиксированных в означенном регионе (рис. 1). Это может считаться наибольшей концентрацией в Европе указанного времени. К сожалению, точное соотнесение клада с первым или вторым периодом не всегда возможно. В части комплексов было определено лишь по несколько монет, что не позволяет с уверенностью говорить об их составе. Достоверно к первому периоду, т.е. к первой трети IX в., могут быть отнесены три клада, ко второму, 833 г. — начало X в. — 13 комплексов. Очевидно, что денежный поток в регионе во второй половине IX в. значительно возрастает.

Часть кладов, помимо монет, содержала ювелирные украшения. Подобных комплексов немного, но их значение трудно переоценить. С одной стороны определенная, достаточно точная хронология кладов позволяет весьма четко датировать найденные в их составе вещи, с другой, — типы вещевого материала позволяют определить направления сложения комплексов. В бассейне средней Оки вещевой материал отмечен в составе семи кладов. Сведения о шести из них, в той или иной степени, опубликованы (Корзухина 1954: 80, 81, № 4–8; Изюмова 1989: 206–213). Клад, найденный у с. Алпатыево Луховицкого района Московской области, стал доступен для исследований лишь в начале 2006 г. К сожалению, три клада — у с. Лапотково, с. Баскач и г. Кашира — не сохранились (Корзухина 1954: 80, 81). Имеющиеся описания найденных здесь вещей не всегда позволяют установить, какие предметы входили в состав комплекса.

Датировка несохранившихся кладов также не столь надежна. Наиболее уверенно определяется время выпадения клада у с. Лапотково, расположенного в бассейне р. Солова, левого притока р. Упы. Здесь были определены 62 монеты, входившие в его состав (Марков 1910: № 281). Дата младшей монеты (817 г.) позволяет отнести клад к первому периоду обращения дирхема. Однако описание вещевого части клада крайне неопределенно. Трудно предположить, что означают «две серебряные рукоятки» и «печать, как кажется, на зеленом воске» (Корзухина 1954: 81, № 6). Ясно лишь то, что вещей в комплексе было немного.

Из монет клада, найденного у с. Баскач, Каширского уезда, определено было только четыре экземпляра. Все они были аббасидскими и датировались 765/6–807/8 гг. (Корзухина 1954: 81, № 7). С некоторой осторожностью клад также может быть отнесен к первому периоду. Вещевой материал из его состава немногочислен и представлен серебряными прутиками и двумя серебряными бляшками, типы которых неизвестны.

Наибольшую проблему составляет время сокрытия клада, происходящего из окрестностей г. Каширы. Из его монетной части доступными для исследователей оказались лишь два аббасидских дирхема. А.И. Черепниным они были отнесены к VIII – началу IX в. (Черепнин 1892: 1). Столь малая выборка и неконкретное определение, не позволяют датировать комплекс на основе нумизматического материала. Вещевая часть клада, в отличие от описанных выше комплексов, вероятно, была весьма представительна. Она включала в себя гривны, «прутики»,

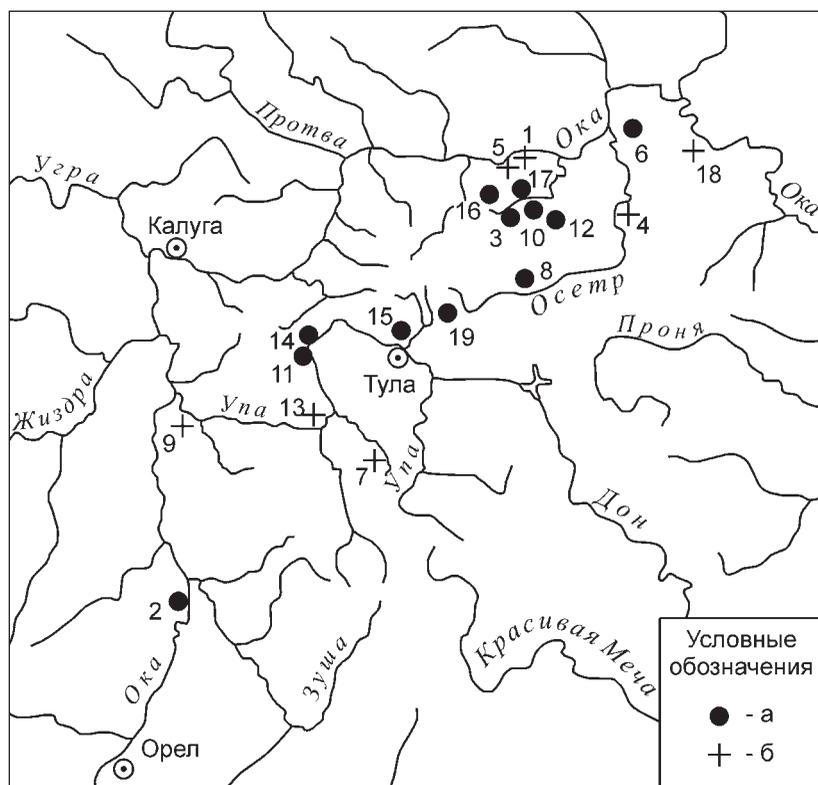

Рис. 1. Клады IX в. в бассейне средней Оки: 1 — Баскач (807–808 гг.); 2 — Бобыли (875–876 гг.); 3 — Гритчино (860–861 гг.); 4 — Железницы (877–878 гг.); 5 — Кашира; 6 — Кунаково (851–852 гг.); 7 — Лапотково (816–817 гг.); 8 — Лесная Веркуша; 9 — Мишнево (868–869 гг.); 10 — Остроги (870 г.); 11 — Протасово (842(?) г.); 12 — Растовец (863–864 гг.); 13 — Супруты (866 г.); 14 — Тимофеевка (749(?) г.); 15 — Тула; 16 — Хитровка (810–811 гг.); 17 — Хитровка (872–873 гг.); 18 — Алпатьево; 19 — Торхово.
Условные обозначения: а — монетные; б — денежно-вещевые

подвески, серьги и перстни. Типы вещей не известны, но подобный набор категорий предметов близок к набору из сохранившихся кладов — Железницкого и Алпатьевского.

Все четыре денежно-вещевых клада, доступных для изучения, относятся ко второму периоду обращения дирхемов в Восточной Европе. Значительная доля в составе кладов монет, чеканенных в 60-е гг. IX в., позволяет отнести их к финальному этапу этого периода и совокупно датировать последней четвертью IX — началом X в. (Янин 1956: 109, 110). Возможно, к этому же времени относился и описанный выше Каширский клад.

Во всех кладах позднего периода, за исключением Мишневского, отмечается большое количество украшений из серебра, как целых, так и сломанных еще в древности. Вес этих изделий превышает вес входивших в комплекс дирхемов. Очевидно, что на этом этапе украшения и серебряный лом выполняют функции платежных средств.

Набор категорий предметов представленных в составе кладов достаточно единообразен (таб. 1). Массивные серебряные шейные гривны отмечены в четырех кладах — Железницком, Алпатьевском, Супрутском и Каширском (Корзухина 1954: 81, № 5, 8; Изюмова 1989: 210, рис. 2: 2). Количество и тип Каширских гривен не известны, все остальные относились к «глазовскому» типу. Подобные украшения в IX–X вв. широко распространены в бассейнах Чепца, Вятки и Ветлуги, а также хорошо представлены в финно-угорских древностях мордвы, муромы и мери. Интересно отметить, что целая гривна содержалась только в составе Алпатьевского клада, в Железницком они были поломаны, а в Супрутах гривна была свернута спиралью. Гривны «глазовского» типа, свернутые в виде спирального браслета, известны в северо-западных материалах. Там они также встречаются преимущественно в составе кладов. Наиболее надежно датированные аналогии имеются в составе денежно-вещевых кладов из Добрино (841/42 г.) и Ральсвика на о. Рюген (849 г.) (Рябцевич 1965; Херрман 1978: 193), к X в. исследователи относят подобные вещи, найденные в Шверинцбурге на Балтийском побережье Германии и на о. Эланд

Тип украшений	Алпатьево	Баскач	Железницы	Кашира	Лапотково	Мишнево	Супруты клад 1972 г.	Супруты слой
Гривны «глазовского» типа	+	-	+	?	-	-	+	+
Лучевые серьги (височные кольца)	+	-	+	?	-	-	-	+
Серьги «салтовского» типа	+	-	+	?	-	-	+	+
Простые серебряные серьги большого диаметра	+	-	+	-	-	-	+	+
Детали поясных наборов	+	+	+	-	-	-	-	+
Браслеты с утолщающимися концами	-	-	+	-	-	-	-	+
Перстни «салтовского» типа	-	-	-	+	-	-	-	-
«Усатые» перстни	+	-	-	-	-	-	-	+
Цепочки	+	-	-	-	-	-	+	+
Металлические бруски	+	+	-	+	?	-	-	-

(Žak 1963: 29, рис. 20; Graham-Campbell, Kidd 1980: 52, ill. 20). Свернутая в браслет гривна имеется в материалах Сарского городища (Леонтьев 1996: 164, рис. 69: 16).

В трех кладах (Алпатьево, Железницы, Супруты) находились простые проволочные височные кольца (серьги ?). Сама категория этих украшений не может служить этническим или хронологическим показателем. Однако кольца из кладов имели свои характерные черты, отличающие их от всего массива подобных украшений, известных в регионе на протяжении нескольких веков. Все они имели большой диаметр, более 3,5 см, и были выполнены из толстой, свыше 2 мм, серебряной проволоки. Аналогичные кольца в ограниченном количестве известны на памятниках роменского круга (Ляпушкин 1958: 26, 30, рис. 13, 16; Москаленко 1965: рис. 42).

Серьги т. н. «салтовского» типа входили в состав Железницкого, Алпатьевского и Супрутского кладов. «Серебряные серьги» отмечены и в Каширском кладе. Возможно, они относились к тому же типу. Согласно работе Д.А. Сташенкова, подобные литые серебряные серьги наиболее характерны для памятников Мордовии и Средней Азии (Сташенков 1998: 219). Представляется необходимым добавить в этот перечень славянские памятники междуречья Днепра и Дона, такие как Воргол, Новотроицкое, Опошня, Ходосовка (Ляпушкин 1958: 26–29; Сухобоков 1977: 56, рис. 7: 3, 8: 4). Все эти памятники относятся к ранним периодам роменской культуры, и их датировка не выходит за пределы второй половины VIII–IX в. Вероятно, временем не позже конца IX в. должны датироваться и серьги рассматриваемого региона. Большое количество этих украшений на Супрутском городище (15 экз.) позволяет предположить их местное производство в соответствии с более ранними салтовскими традициями.

Наиболее яркой категорией вещей, характерной для части кладов, могут считаться лучевые височные кольца (серьги). Они содержатся в Железницком и Алпатьевском кладах. Не исключено, что серебряные подвески, отмеченные в составе Каширского клада, относились к этой же группе украшений. В комплексе Супрутского клада 1972 г. подобных вещей не было, однако они чрезвычайно широко представлены в слое пожара означенного памятника.

Все лучевые кольца, представленные в кладах и слое пожара Супрутского городища, относятся ко второму этапу развития этой категории украшений (Григорьев 1995: 38–41). Датировка этого этапа достаточно конкретна — в пределах последней четверти IX — первых десятилетий X в. Связь колец, найденных в кладах, с аналогичными украшениями Супрут вполне очевидна. Материалы последнего, позволяют предполагать, что кольца изготавливались небольшими, до 6 экземпляров, сериями. Для каждой такой серии использовалась одна модель, возможно из легкоплавкого свинцово-оловянистого сплава. Вещи одной серии идентичны по общему контуру, деталям орнамента и даже по следам брака на модели. Различия между ними состоят лишь в качестве оттиска и заливки металлом. Поэтому, при

рассмотрении украшений данного памятника, внутри типов, к которым отнесены вещи одинаковые по форме и орнаменту, выделяются отдельные серии, изготовленные по одной модели.

Два кольца из состава Алпатьевского клада относятся к наиболее распространенному типу колец Супрутского городища, но изготовлены по модели, не отмеченной в коллекции памятника. Учитывая разнообразие моделей именно этого типа на Супрутах, а также необычайную близость к одной из Супрутских серий, можно предположить, что предметы происходят из одной мастерской.

Одно из колец, найденных на Супрутском городище в 1969 г., было опубликовано С.А. Изюмовой, как неорнаментированное (Изюмова 1978: 102, рис. 1: 3). Однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что оно имело весьма оригинальный орнамент, идентичный орнаменту семилучевых колец Железницкого клада. При сопоставлении этих украшений удалось установить, что они совпадают в малейших деталях и были изготовлены с использованием единой модели. Единственным отличием является худшее качество проработки деталей Супрутского кольца. Форма для его изготовления была сделана небрежно, а количество использованного металла было больше необходимого. Очевидно, что кольца Железницкого и Алпатьевского кладов, а также кольца Супрутского городища имеют общее происхождение.

Достаточно характерными для кладов были детали поясного набора салтовского облика. Это широко известный наконечник ремня из Железниц, полный поясной набор из Алпатьево и, возможно, упомянутые «бляшки» из с. Баскач. Указанная категория вещей достаточно широко распространена на славянских памятниках региона, но наиболее полно поясные бляшки, наконечники и пряжки представлены в материалах Супрут.

Перечисленные выше категории вещей были встречены в трех и более комплексах, и таким образом могут считаться определяющими для группы поздних кладов. Кроме того, в составе кладов присутствуют вещи, известные лишь в одном комплексе. Так, из Мишневского клада происходит фрагмент серебряной цепочки из рубчатой проволоки. Подобные вещи наиболее характерны для памятников Западной и Северной Европы (Корзухина 1954: 80, табл. II). Цепочка такого же сложного плетения, но из обычной проволоки известна в материалах Супрутского городища (Григорьев 2005: 101, 102, рис. 42: 21) и имеет многочисленные аналогии в комплексах Восточной и Северной Европы (Arbman 1940: Taf. 113: 5; Arbman 1943: 69; Solle 1959: 456, obr. 68; Леонтьев 1996: 172, рис. 69: 10; Фехнер 1963: 80; Енуков 1990: 60, рис. 16: 2, 3).

Фрагмент бронзовой цепочки из клада у с. Алпатьево имел значительно более простую систему плетения и, вероятно, являлся частью женского убора, включавшего в себя детали головных венчиков, бронзовые спиральные пронизки и трапециевидные привески. Подобные находки, тем более бронзовые, совершенно не характерны для кладов, но широко известны на поселениях рассматриваемого региона.

Дротовые браслеты с утолщенными концами входили в состав Железницкого клада. Подобные украшения известны в материалах роменской культуры на всем протяжении ее существования (Григорьев 2000: 134, 135). Количество и типы перстней из Каширского клада неизвестны. Один из них, с изумрудной (?) вставкой, по мнению А.И. Черепнина, был «несомненно восточного происхождения». Возможно, речь идет об известном типе салтовских перстней, характерных для второй половины VIII–IX в. (Плетнёва 1989: 115, рис. 61). В верхнем Поочье подобные украшения известны в материалах городищ Дуна и Картавцево (Гендуне 1903: табл. II: 3; Воронцов, Григорьев 2005: 88). Широкосердинные усатые перстни из состава Алпатьевского клада имеют весьма широкие аналогии. Известны они и в материалах роменского типа IX–X вв. (Григорьев 2000: 136).

Не вполне понятно, что в описании несохранившихся кладов у г. Каширы и с. Баскач означали «прутики серебряные». Не исключено, что это фрагменты серебряной проволоки, аналогичные найденной в Алпатьево. Однако более вероятно, что под этим названием выступают металлические брусочки. Десять таких предметов, выполненных из медного сплава, происходит из того же Алпатьевского клада, один — с неизвестного памятника у г. Одоева на р. Упе. Различный металл, отлитый в виде палочек, известен и на других территориях, часто в составе кладов.

Очевидно, что по составу вещевой части, клады второго периода обращения дирхемов схожи между собой и с материалами слоя пожара Супрутского городища. С большой долей вероятности можно говорить о том, что некоторые из предметов, найденных в составе кладов, в частности лучевые кольца и серьги «салтовского» типа, были изготовлены супрутскими мастерами. Данное наблюдение позволяет сделать ряд важных выводов.

Во-первых, кратковременность производства и бытования лучевых украшений второго этапа их развития, указывает на хронологическую близость рассматриваемых комплексов. Младшая монета

из состава кладов датируется 877/8 г. (Железницы). Монеты из слоя пожара Супрутского городища, так же можно рассматривать как единый комплекс, отражающий денежное обращение в регионе на определенный момент. По составу они совершенно идентичны составам кладов, но здесь присутствуют два экземпляра саманидской чеканки — 900 и 903/4 г., что характерно для финального этапа второго периода обращения. Существующая взаимосвязь уточняет и подтверждает датировку выпадения данных кладов и гибели Супрутского поселения. Так, клады с указанным вещевым составом могли выпасть не ранее конца IX в. и не позднее гибели городища. Время пожара на последнем может быть определено не позже второго десятилетия X в.

Во-вторых, появляется возможность проследить направление движения серебра в данном регионе. В многолетней дискуссии о существовании и активном функционировании в IX в. Донского торгового пути, автор придерживался позиции исследователей, считающих, что данный путь все-таки существовал и функционировал. Более того, система славянских поселений IX — начала X в. тесно связана с обслуживанием участка этого пути при переходе из бассейна р. Дон в бассейн р. Оки (Григорьев 2005: 146–153). Вещевой материал кладов подтверждает данные предположения.

Близость украшений из кладов и материалов Супрутского городища указывают, что либо они поступали на Упу с правобережья Оки, либо направление было обратным — от Супрут к Оке. Последнее представляется единственно логичным. Притом, что состав кладов достаточно интернационален, в нем присутствуют вещи исключительно славянской принадлежности (лучевые кольца). Ни к востоку, ни к северу от р. Оки они неизвестны. На правобережье р. Оки ниже устья р. Угры славянские поселения IX — начала X в. также не известны. Исключение составляет лишь рядовое поселение у с. Городна в устье р. Осётр (Коваль 2001: 59–68). Наиболее вероятным местом производства лучевых колец, и возможно, серег «салтовского» типа является Супрутское городище. Следовательно именно в этом районе, в среднем течении р. Упы, и происходило окончательное формирование состава кладов, выпавших в 110–160 км к северо-востоку от городища.

Литература

- Воронцов, Григорьев 2005 — *Воронцов А.М., Григорьев А.В.* Древнерусский слой городища Картавеццево // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV веках. Тула, 2005.
- Гендуне 1903 — *Гендуне Ю.Г.* Городище Дуна. СПб., 1903.
- Григорьев 1995 — *Григорьев А.В.* Еще раз о ранних типах лучевых височных колец // Археологічні старожитності Подесення. Чернігів, 1995.
- Григорьев 2000 — *Григорьев А.В.* Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным / Труды ТАЭ. Вып. 2. Тула, 2000.
- Григорьев 2005 — *Григорьев А.В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула, 2005.
- Енуков 1990 — *Енуков В.В.* Ранние этапы формирования Смоленско-Полоцких кривичей. М., 1990.
- Исюмова 1978 — *Исюмова С.А.* Ранние типы лучевых височных колец Супрутского городища // Вестник МГУ. № 6. 1978.
- Исюмова 1989 — *Исюмова С.А.* Супрутский денежно-вещевой клад // История и культура древнерусского города. М., 1989.
- Коваль 2001 — *Коваль В.Ю.* Поселение в устье Осетра близ Коломны // КСИА. Вып. 212. 2001.
- Корзухина 1954 — *Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII вв. 1954.
- Леонтьев 1996 — *Леонтьев А.Е.* Археология Мери. К предистории Северо-Восточной Руси. М., 1996.
- Ляпушкин 1958 — *Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства / МИА. № 74. 1958.
- Марков 1910 — *Марков А.К.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.
- Москаленко 1965 — *Москаленко А.Н.* Городище Титчиха. Воронеж, 1965.
- Плетнёва 1989 — *Плетнёва С.А.* На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
- Рябцевич 1965 — *Рябцевич В.Н.* Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области // Нумизматика и эпиграфика. Т. V. М., 1965.

-
- Сташенков 1998 — *Сташенков Д.А.* Евразийская мода в эпоху раннего средневековья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.
- Сухобоков 1977 — *Сухобоков О.В.* До питання про пам'ятки волинцевського типу // Археологія. 21. Київ, 1977.
- Фехнер 1963 — *Фехнер М.В.* Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963.
- Херрман 1978 — *Херрман И.* Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
- Черепнин 1892 — *Черепнин А.И.* Значение кладов с куфическими монетами, найденных в Тульской и Рязанской губерниях // Приложение к Трудам Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1892.
- Янин 1956 — *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.
- Arbman 1940 — *Arbman H.* Birka I. Die Gräber. Tafeln. Uppsala, 1940.
- Graham-Campbell, Kidd 1980 — *Graham-Campbell J., Kidd D.* The Vikings. London, 1980.
- Solle 1959 — *Solle M.* Knižeci pohřebiště na Star Kouřimi // Památky archeologické. Część katalogowa. L. 2. Praha, 1959.
- Żak 1963 — *Żak J.* “Importy” skandynawskie na ziemiach zachodniosłowiańskich od IX do XI wieku. Poznań, 1963.

В.Н. Зоценко (Киев)

КИЕВСКИЙ НЕКРОПОЛЬ-II: МЕСТО В ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ГОРОДА, ТИПОЛОГИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ, ХРОНОЛОГИЯ

В «Плоской части» Киева, прилегающей с северо-запада к Подолу, находится серьезно поврежденный и остающийся загадочным комплекс археологических памятников «дружинного периода» (цв. вкл. 11). Его привлекательность для исследователей связана, главным образом, с находками вещей «скандинавского круга», входящих в состав погребений большого курганного некрополя. В отличие от погребений Старокиевской горы, захоронения в «Плоской части» М.К. Каргер объединил в Киевский могильник-II (Каргер 1958: 135). Кроме того, на этой же территории в 1863 г., вблизи Иорданской церкви на Богословском кладбище, на глубине полтора метра (2 аршина) был обнаружен монетно-вещевой клад. Сокровище находилось в горшке, от которого, к моменту обнаружения, сохранились лишь фрагменты. Монетную часть клада составляли 192 арабских дирхема 893/94–935 гг. чеканки. Среди монет необходимо отметить две — с ушками для подвешивания (припаянными или закрепленными заклепками (?)); девять — с пробитыми отверстиями; четыре — с граффити, напоминающими скандинавские руны. По некачественным прорисовкам несохранившихся вещей известны два серебряных пластинчатых перстня с завязанными концами, круглая серебряная подвеска с полусферическим, покрытым зернью, центром, к которому сходятся треугольные, также зерненные, сектора; кусок серебряной проволоки. Общий вес монет и перечисленных предметов: 1 фунт 37 унций 78 долей, что составляет 1563, 78 г. (Тизенгаузен 1867: 138–139; Беляшевский 1888: 137; Корзухина 1954: 84; Каргер 1958: 120–121; Зоценко 1989: 63–64; Гарбуз 1993: 74–83; Мельникова 2001: 136–137). Согласно рукописной сводке В.Б. Антоновича «Монетные клады города Киева», составленной в 1878 г., в состав «Иорданского клада», помимо выше указанного, входили еще два слитка серебра (РНБУ. Ф. I/7818. Спр. № 6. Л. 13).

Могильник и клад, судя по всему, были связаны с городищем, расположенным на Лысой горе (Юрковице). Городище находилось к северу от Щековицы, в верховьях Почайны, фактически вне пределов подольской зоны распространения культурного слоя IX–XIII вв. Оно представляло собой сдвоенный мысовидный выступ коренного высокого берега Днепра в 825 м от береговой линии остатков русла Почайны, образующего ныне узкий залив в сторону Оболони. Между Щекавицей и Лысой горой протекал ручей, известный по документам XVI–XVII вв. как «поток к Юрковому ставку». Южные подступы к Лысой горе, по свидетельству межевания владений Кирилловского монастыря 1530 г., были ограничены «валком старожитним» по первой террасе Почайны от «Юркова ставка» до «Болонья». Этот же «валок» у «Юркова ставка» упомянут и межевными документами 1602 и 1691 гг. Сам же «Юрков ставок», как это явствует из Жалованной грамоты короля Сигизмунда киевским мещанам на гору Щековицу, в 1619 году размежевывал местности «съ тими людьми, которіе между ставком и горою Щековицею и которіе въ долине Кудравца живутъ». Из этого следует, что Юрков ставок находился непосредственно у подножия Щековицы, в долине водораздела «Юркова потока» — Почайны и Кудрявского ручья — Глыбочици. С севера эта местность ограничивалась существовавшим еще в начале XVIII в. «Иорданским потоком» с озером при выходе из оврага,

отделявшим Лысую гору от плато Смородинского спуска. По данным записки Петра Развидовского (начало XVII в.), Иорданское озеро смыкалось с озерами Клашторным и Кирилловским, куда впадал ручей Сырец. На юго-западе, с напольной стороны, Лысая гора узким перешейком соединялась с Шекавицким плато, выводившим на дорогу к древнему Белгороду. Здесь до сих пор прослеживаются остатки земляной насыпи вала, который, по свидетельству исследователей XIX в., имел свое продолжение с юга на восток, до склона к террасе над новой Иорданской церковью. Со времени основания Богословского женского монастыря ок. 1710 г. при Иоанно-Богословской церкви, известной с 1684 г., яр Иорданского ручья получает название Богословского. Между этими ручьями, на террасе, прилегающей к Лысой горе, в усадьбе купца Марра (ныне ул. Кирилловская, 53–59) в 1832 г. К. Лохвицким были открыты руины церковной постройки из плинфы второй половины XI в. Согласно старокиевской легенде о «чуде Николая с полонённым половчином», восходящей к концу XI–XII в. и записанной в XVII в., эти руины могли принадлежать храму свт. Николая, что косвенно подтверждается фактом существования вблизи упомянутого яра еще в XVI в. церкви Николая Иорданского (Сборник материалов... 1874 II: 105–106; III: 59–60; Петров 1897: 28–45; Грушевский 1993: 92–95; Каргер 1961: 407–408).

Наличие курганного могильника под Лысой горой, как и само название горы, с документальной четкостью фиксируются с конца XVII — начала XVIII в. Согласно «Решению о разграничении земель города Киева от земель, принадлежащих Киевскому Кирилловскому монастырю» 1701 года, некрополь располагался у подножья Лысой горы на первой и второй террасах за Щековицей, между «Юрковским» и «Иорданским» потоками, до начала подъема к Кудрявцу, открывавшему дорогу на юго-запад — к Белгороду: «А кгда вернулисьмы мы, от того потока изъ монастыря паненского Иорданского, провадили насъ зъездомъ Лисой Горы панове майстроватыи Киевскийи, на горы, до могилокъ, противъ тогожъ монастыря Иорданского, а особно противъ того яру, въ которомъ тотъ потокъ и гребёлку виделисмо, стоячихъ, показуючи, же яко ставокъ оный зъ низу, такъ тыи могилки на горе суть власною границею земель, межи Киевомъ и монастыремъ Кирилловскимъ будучихъ. А отъ тыхъ могылокъ оны, панове майстровыйи, вели насъ до креста Данилового будучого край шляху, зъ Киева и отъ монастыря Кирилского до Белгородки лежачого» (Сборник материалов... 1874 III: 127).

Ныне Лысая гора в большей своей части уничтожена карьером кирпичного завода, работавшего до последнего времени. Исследования, проведенные в 1965 г. под руководством Е.В. Максимова, зафиксировали на остатках южного мыса горы площадью 60 x 40 м наличие слоя чернолесской и зарубинецкой культур. К зарубинецкому поселению конца II—I вв. до н. э. относились и вал из чернозема вместе с эскарпом по восточному склону останца. На юго-западной оконечности его была исследована углубленная каркасно-столбовая постройка с открытым очагом, которая по развалам двух гончарных горшков может быть датирована первой половиной — серединой X в. Кроме того, по восточному склону и в ложбине между южным и северным мысами горы, на территории старого Богословского кладбища, ближе к его юго-западному краю, были открыты 16 ингумаций в гробах, соответствующих христианскому обряду захоронения и датирующихся по незначительному инвентарю временем не ранее начала XI в. (Максимов, Орлов 1982: 63–72).

Как памятник археологии Киевский некрополь-II известен, главным образом, по погребениям, случайно открытым при различных строительных работах второй половины XIX в. В 70-х и 90-х гг. XIX в. Т.В. Кибальчицем и В.В. Хвойкой в этой местности были предприняты раскопки захоронений, но полное отсутствие вещественных материалов и документации исследований не дает возможности ни представить их обряд, ни установить его хронологию. По разрозненным сведениям в археологической периодике М.К. Каргеру удалось выделить 12 погребальных комплексов, обнаруженных в Плоской части Киева. По характеру обряда и инвентарю они были разделены на «рядовые погребения (трупоположения)»: № 88–93; «рядовые погребения (трупосожжения)»: № 102; «погребения знатных дружинников»: № 116–118; «погребения знатных женщин»: № 124–125 (Каргер 1958: 154–156, 164, 189–198, 208–211, рис. 36–40, 45, табл. XXVIII–XXXIX). При этом даже сам автор сомневался, все ли они принадлежали единому могильнику (Каргер 1958: 135).

Южную границу некрополя-II со стороны Подола и Щековицы, скорее всего, определяет группа курганов на первой и второй террасах юго-западной части южного отрога Лысой горы, исследованных Н.Ф. Беляшевским в 1899 г. при строительстве кирпичного завода Гудымы на усадьбах А.Д. Лурье и Д.С. Левина (бывшая ул. Верхнеюрковская, 14; ныне: ул. Нижнеюрковская, 4–6). Здесь, на возвышенном останце второй террасы, был раскопан один курган высотой до 4 м (по другим сведениям — 2 м) и окруженностью у основания до 40 м, вошедший в историографию под названием «курган-могикан» (погребение № 118, реестр М.К. Каргера) (рис. 1). Под насыпью имелось камерное погребение, опущенное в яму 4,15 x

3,15 м, ориентированную по оси СВ – ЮЗ. В камере были расчищены остатки трех человеческих скелетов, находившихся вследствие древнего ограбления во «взвешенном» состоянии (Скрыленко, Беляшевский 1899: 75–79; Беляшевский 1903: 357–361, табл. XVIII–XIX; Каргер 1958: 191–195, рис. 37–40). В северном углу камеры был найден человеческий череп, под которым находилась одна шпора, близкая по профилю шипа к образцу из погребения в Бирке (Bj 710) (тип I с шипом «А» и петлею «1» по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1973: 63–65); парная ей шпора, но типа IA, с чуть выгнутой скобой, была обнаружена в юго-западной части камеры у правой ступни, удовлетворительно сохранившегося скелета (рис. 1: 3, 4). Здесь же были обнаружены сильно окислившийся железный предмет; бронзовая фигурная рукоять кресала в виде «двух хищных птиц и бородатого мужчины между ними», у которого стальное огниво отсутствовало (группа III: 2 по Л.А. Голубевой (рис. 1: 5) (Голубева 1964). При упомянутом скелете, ориентированном головой на ЮВ, в вытянутом на спине положении, кроме второй шпоры, находились: три пастовых с ромбическими вставками бусин цилиндрической формы, бронзовая литая пуговка (у костей левой руки); костяная накладка на луку седла или футляр для лука (рис. 1: 2), плохой сохранности (под правой ступней), но сравнимая с находкой из погребения № 42 кургана в Шестовицах (Бліфельд 1977: 141, рис. 21); бронзовое литое кольцо (рис. 1: 1); серебряная, с позолотой по остаткам рукояти, оковка венца деревянной чаши (между костями голени ног). В центре камеры был обнаружен миниатюрный стеклянный сосуд тюльпановидной формы с профилированным широким венцом.

Из этих вещей, в плане изучения межэтнических контактов населения, оставившего Киевский некрополь-II, интересными, являются рукоять кресала группы III и костяная аппликация с упомянутой шестовицкой аналогией. Согласно Л.А. Голубевой, с уточнениями Г.Ф. Корзухиной, находки таких огнив насчитывают одиннадцать экземпляров: девять в области камской веси; одно из погребения 14 Юмского могильника в Мари-Эл и последнее — в Киеве. Все эти кресала происходили из комплексов, не выходящих за пределы X в. (Голубева 1964: 130–132; Финно-угры и балты 1987: 113, табл. XLIV: 12; Корзухина 1976: 135–140). Художественный сюжет рукояти, обычно с разноплановыми вариациями, довольно широко представлен в декоративном искусстве средневековой Евразии. Как справедливо отмечала Г.Ф. Корзухина, орнитологическо-антропоморфный сюжет декора прикамских огнив может быть сопоставим с композиционными деталями (мужская фигура между двумя склоненными над ней птицами) синхронных им круглых подвесок, находимых в Скандинавии, на северо-востоке Германии и на Руси. Так, можно отметить находки на следующих памятниках: Бирка, кремация Bj 150 и детская ингумация Bj 762; Скеггесты, приход Барва в шведском Сёдерманланде (также в составе погребального инвентаря); Пренцлау на Иккере, земля Бранденбург (в составе клада); Седнев, курган 1 из раскопок Бранденбурга Н.Е., кремация; Белогорская Николаевская пустынь (ныне с. Горналь Суджанского района Курской обл.); Гнёздовский клад 1868 г.; деревня Васильки близ Суздаля, инвентарь курганного погребения (Новикова 1988: 73; Мурашева 2002: 133; Шавелев 2005: 96, рис. 1: 1).

Необходимо согласиться с Г.Ф. Корзухиной, что перечисленные артефакты, как и огнива третьей группы по Л.А. Голубевой, с рассматриваемым сюжетом, лишены «восточных черт» (Корзухина 1976: 139). Наличие на подвесках из Седнева и Гнёздова псевдожемчужного ранта, признаваемого шведскими археологами, начиная с Т. Арне, «неместным, несевским» орнаментальным элементом, является весьма шатким аргументом в пользу «исламской» вуали художественного оформления данных украшений (Jansson 1989: 44). Поиски И. Янссоном и В.В. Мурашевой иконографического прототипа для этих подвесок в схеме бронзовых с позолотой аппликаций пояса Верхнесалтовского могильника, хранящегося в ГИМ России (Плетнева 1967: 162, рис. 40: 10) с методической точки зрения выглядят не совсем корректными (Jansson 1986: 88–89), хотя необходимо отметить, что привлекая в качестве архетипной аналогии салтовские бляшки, ученый оперировал прежде всего ременной аппликацией из комплекса Bj 845, действительно выполненной в классической традиции восточноевропейских кочевников (Мурашева 2002: 132–133). Зеркальное противопоставление птиц относительно невыразительной человеческой фигуры на аппликациях исключает прямое заимствование их иконографии, а, вероятно, и семантической нагрузки, мастерами, изготовлявшими подвески и кресала, где клювы пернатых хищников развернуты к центру и склонены над головой бородатого мужчины.

Трудно с неопровержимой убедительностью доказать, действительно ли сюжет изображений названных подвесок имеет истоки в повествовании «Видений Гюльви» из «Младшей Эдды» об Одине и двух его воронах — Хугине и Мунине, которые вещают богу о виденном и узнанном в дневном полете «над всем миром» (Корзухина 1976: 137–139). Парные птицы по сторонам антропоморфной фигуры, в изобразительных мифологемах Севера I — начала II тыс. н. э. занимает одно из ведущих мест (Хлевов 2002: 210). С учетом того, что мужская фигура между птицами на подвесках данного вида не совсем точно воспроизводит иконографический канон

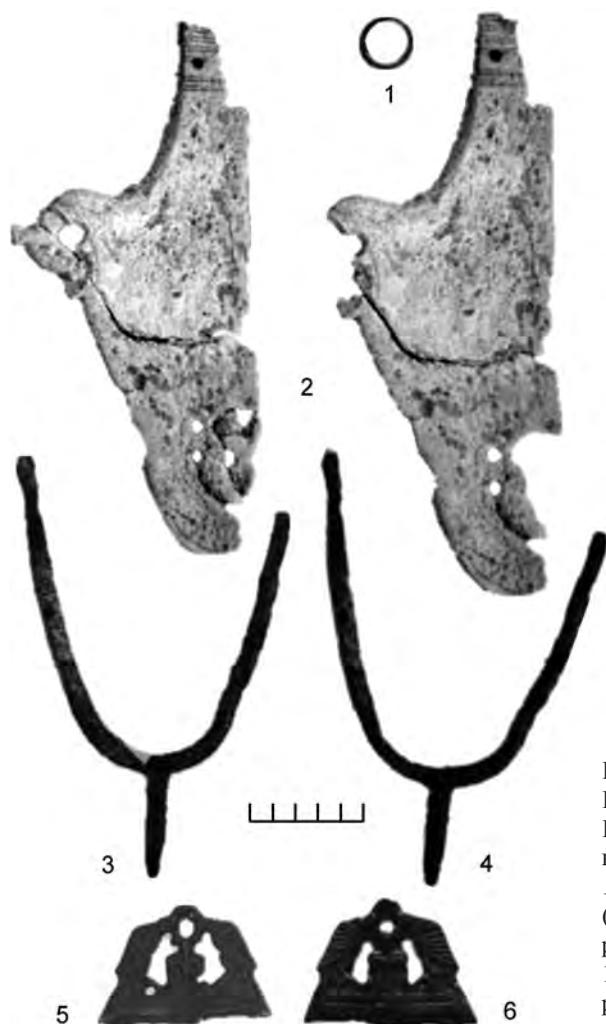

Рис. 1. Киевский некрополь-II.
 Инвентарь погребения № 118 (НМИУ).
 Вещи из раскопок Н.Ф. Беляшевского 1899 г.
 в коллекции НМИУ.
 1 — кольцо бронзовое; 2 — костяная накладка
 (целая и с утратами); 3–4 — шпоры; 5 — бронзовая
 рукоять кресала.
 1–5 — инвентарь погребения № 118; 6 — аналогия
 рукояти кресала. По фотоматериалам НМИУ

Одина, в данном случае, скорее всего, имеет место изобразительное воплощение какого-либо мифического представления о магической помощи герою или эсхатологическом пророчестве. Приоритет же численности находок этих подвесок в Швеции и на Руси, где их местонахождения определяются памятниками с явным варяжским присутствием (Гнёздово, Седнев), небезосновательно предполагает связь первоисточников сюжета именно со Скандинавией и, возможно, с территорией вокруг озера Меларен.

Однако ни в Скандинавии, ни в Финляндии огни с подобным сюжетом декора рукояти не найдено. Судя по всему, эти бытовые устройства имели сугубо местные коми-пермяцкие корни, как и подоснова семантики их изобразительного ряда находилась в мифологемах прикамских финно-угров. По крайней мере, объединение изображений птицы и человеческой фигуры в среде прикамских аборигенов известно со времени ананьинской культуры. На протяжении всего первого и начала второго тысячелетий (минимум до XI в.) птицеподобные идолы с человеческим ликом на груди получают стабильное распространение, как на Верхней Каме, так и ниже названного ареала. Исследователи связывают эти произведения художественного литья с представлениями местного населения о священной птице, которая вносит человеческую душу в рай, а в конечном итоге, с культом пращуров и плодородия. Для родановского периода были характерны и сюжеты с развернутыми друг к другу птицами (Финно-угры и балты... 1987: 157; Оборин, Чагин 1988: 38, 58–63, илл. 64). Композиция изобразительной орнаментики этих огней не может быть признана, в полной мере, традиционно местной. С учетом их узкой хронологии и более или менее локального распространения, можно согласиться с тезисом о заимствовании построения этого сюжета из соседних культур.

В качестве источника такого импорта, учитывая векторы художественно-ремесленных связей родановской культуры, здесь на равных могут выступать как мусульманский Восток, так и Север ви-

кингов. Существует вероятность заимствования идеи сюжета и через контакты Прикамья с Южной Сибирью, осуществлявшиеся трансконтинентальными путями «от Чина, конца Таньской династии и начала периода «пяти династий и десяти царств», до Рума времен императоров Михаила III и Константина Порфирогенета» (Даркевич 1976: 71–75). Во всяком случае, геральдические пары фениксов, удерживающих в клювах процветший ромб, весьма близки позе хищных птиц на рукоятках прикамских огнив. По мнению некоторых исследователей, это таньский символ победы; другие усматривают здесь воплощение идеи «мирового древа», имевшей семантические корни и в местной художественной традиции древних хакасов. Эти фениксы присутствуют в пальметтах известного золотого блюда из шестого кургана Копенского чаа-таса (VIII–IX вв.). Более того, среди древностей средневековой Хакассии эпохи тютятской культуры, следующей за культурой чаа-тас, синхронной финалу харино-ломоватовской и началу родановской культур на Верхней Каме, и в погребениях IX–X вв. тюрков Алтая, выделяются кресала с ажурными железными окаймлениями в виде повернутых одна к другой птицеподобных фигур по обе стороны вертикального стрежня, — возможно, деривативный образ «мирового древа» (Кызласов, Король 1990: 77–79, 137, рис. 25, 56, 57, таб. XXVIII: 1; XXIX: 42). Важно то, что пары птичьих изображений украшают футляры кресал. Сейчас практически невозможно установить, привнесена ли в орнаментику кресал третьей группы родановской культуры, вместе с заимствованием композиции, смысловая нагрузка первоначально чуждого для нее сюжета, будь-то изобразительное воплощение побед аббасидского халифа Абд ар-рахмана III ан-Насира (как предполагают Т. Арне и Н.П. Журжина на примере упомянутых подвесок) или небесного полета Александра Македонского (как считают П. Лундстрем на примере подвесок и Л.А. Голубева на примере огнив и подвесок) или же легенды про Одина и воронов (в соответствии с мнением Э. Юнга — на примере подвески в кладе из Пренцлау и Г.Ф. Корзухиной на примере огнив и подвесок). Скорее всего, мастера, изготовлявшие эти кресала, переосмысливали заимствованную тему декора, соответственно мифологии или эпосу довольно узкой группы веси Верхнего Прикамья X в., связанным с верой в духов пращуров или с практикой шаманской магии. Фрагмент кресала в инвентаре 118-го погребения Киевского некрополя-II — несомненный импорт из Прикамья. Но скандинавы, в том числе и киевские («лысогорские») варяги, действительно, как это подчеркнуто В.В. Мурашевой, могли воспринимать изобразительный фриз кресал данной группы в качестве иллюстрации сказания об Одине и его воронах (Мурашева 2002: 133).

Подтреугольная костяная пластина, вершина которой оформлена в виде зооморфной стилизации (рис. 1: 2), по своему назначению являлась декоративной накладкой на лук седла или, что предпочтительнее, исходя из размеров (195 x 90 мм), креплением футляра для лука или основания колчана (комплект накладок должен был быть парным), корпус которых мог быть выполнен в бересте (Кулаков 1990: 112–115; Андрощук 1999а: 104). Плохая сохранность вещи, затертость линий гравированного рисунка не позволяют проанализировать орнаментику накладки. Однако выступ вершины в виде головы зверя с подчеркнутыми шейными складками даёт возможность, по аналогии с накладками из шестовицкого кургана № 42, усматривать определенные черты североамериканской стилистики и в оформлении киевского образца. Нельзя исключать возможности изготовления шестовицких и киевской накладок в одной и той же декоративно-ремесленной традиции, удовлетворявшей вкусы «русской» дружины. Существенным здесь являлось нанесение орнаментальной резьбы с использованием североамериканских зооморфных мотивов, в данном случае, южноскандинавского стиля «Mammen», на вещь, архетип которой восходит к вооружению евразийских кочевников. Принимая такую интерпретацию орнамента накладки из киевского погребения № 118, логично согласиться с датировкой всего комплекса не позднее начала 70-х гг. X в., по времени появления вещей данной стилистики в Бирке, и, может быть более узко, 950–960 гг., по заключительной фазе Шестовицкого могильника (Андрощук 1999а: 53, 54–55).

Вблизи «кургана-могикана» на мысу террасы при строительных работах было вскрыто еще 5 погребений, но иного характера (№ 89–93, по М.К. Каргеру). Все они были совершены в грунтовых могилах, в деревянных, сбитых гвоздями, гробах. Скелеты были ориентированы головой на запад, с руками, скрещенными на груди. Присутствующий в четырех (№ 89–91, 93) погребениях инвентарь крайне беден: серебряное кольцо с чернью (на правой руке); такое же кольцо, серебряная и стеклянная бусины (у черепа); небольшой сосуд «с волутообразным (волнистым?) орнаментом, у правой ноги»; небольшой железный топор, слева от скелета (Скрыленко, Беяшевский 1899: 79, 93; Каргер 1958: 191–195). Детали обряда ничем не отличаются от христианских захоронений, исследованных в 1965 г. по северному склону второй террасы останца южного выступа Лысой горы.

В 500 м на юго-восток от погребения № 118 при исследовании в 1989 г. Подольской экспедицией Института археологии НАН Украины стратиграфического шурфа по адресу: ул. Юрковская, 1, была

обнаружена подвеска-амулет в виде «молота Тора» (рис. 2: 1). Предмет был выточен из полированного аргиллита (черный глинистый шифер — Tonschiefer), имел форму трапеции со скошенным внутрь нижним основанием. Сквозное ровное в диаметре отверстие для продевания шнура было просверлено перпендикулярно широким плоскостям. Размеры тыльной плоскости амулета — 50 x 25 x 8 мм; внешней — 44 x 23 x 8 мм; сечение — 10 x 8 мм с уменьшением к верхнему основанию; диаметр канала сверления — 3 мм. Типологически подвеска из шурфа на Юрковской улице стоит в одном ряду с каменными амулетами «молотка Тора» из Mindresunde, Stryn, Sogn og Fjordane (Норвегия), изготовленного из стеатита-жировика (IX в., возможно первая его половина) (Petersen 1928: 145–146ff, fig. 170), а также из Йорка (York, Clifford Street, Великобритания), янтарь, X в. (Les Vikings 1992–1993: 328, № 385: d) и Бирки (Birka, Svarta jorden, Швеция), янтарь, середина — вторая половина X в. (Arwidsson 1989: 53–54, Abb. 8: 1, d). Формально такая форма может восходить к «молотовидным» привескам из железа типа D, выделяемого К. Штрём на материалах Бирки (Ström 1984: 129, 137–138, Abb. 15: 1).

Местонахождение указанного шурфа топографически (первая терраса) входит в зону Некрополя-II. Находка была извлечена из горизонта I второго культурного слоя (глубина залегания — 2,95–3,15 м от современной поверхности), практически на уровне подстилающего его аллювиального песчаного заноса. Совокупность находок горизонта, кроме амулета «молота Тора», составили медный гвоздь с полусферической шляпкой, фрагмент точильного бруска прямоугольного сечения из серого мелкозернистого песчаника, фрагменты черноморской амфорной тары, не поддающиеся типологической датировке, и правая берцовая кость человеческого скелета. Все перечисленные объекты, относительно содержащего их горизонта, пребывали во взвешенном состоянии. При этом сам горизонт был выделен по подстилающей и перекрывающей его прослойкам аллювиально-делювиального происхождения (Сагайдак, Сергеева, Тимошук 1989: 41–42). О возможности первичной принадлежности амулета к погребальному инвентарю может свидетельствовать его совместная находка с бронзовым гвоздем и фрагментом человеческого скелета, а также переотложенные вещи, обнаруженные в слое аллювиального заноса. Все вышесказанное, с определенной долей вероятности, позволяет принять место находки описанной подвески-амулета за крайнюю юго-восточную точку Киевского некрополя-II.

Следующее значительное погребение Киевского некрополя-II, попавшее в поле зрения исследователей, находилось в 250–300 м на север от шурфа 1989 г. Было обнаружено в начале 90-х гг. XIX в. (до 1894 г.) при планировочных работах на территории пивоваренного завода М.В. Рихерта (Риккерта) по адресу улица Кирилловская, 35. Топография местонахождения соответствовала подошве первой террасы восточного склона южного отрога Лысой горы. Обстоятельства находки и устройство могилы этого комплекса, получившего в реестре М.К. Каргера № 124, остались неизвестными (рис. 2: 2-16). По инвентарю, хранящемуся в ГИМ России (овальные фибулы), погребение могло принадлежать одиночной женской ингумации, совершенной в камере. Курганная насыпь на момент обнаружения была полностью спланирована. Комплекс весьма уверенно датируется по паре скорлупообразных фибул типа P 51 C3 и двум милиарисиям Романа I Лакапина, Константина VII Багрянородного, Стефана и Константина Лакапинов 928–944 гг. чеканки, превращенных в подвески. По всей вероятности, монеты, как и крестовидная подвеска из листового серебра, входили в состав ожерелья из одиннадцати стеклянных, трех сердоликовых, трех горного хрусталя, по одной пастовой (синего цвета), янтарной и серебряной с зернью бус. В ожерелье мог находиться и литой из серебра наконечник ремня с приклепанным, также серебряным, ушком. Кроме того, среди инвентаря погребения имелись круглая небольшая серебряная фибула, декорированная сканью из рубчатой проволоки и зерненым орнаментом; пара серебряных височных колец с гроздевидными крупной зерни подвесками; кольцо из гладкой серебряной проволоки (диаметр 16 мм) с надетой зонной пастовой бусиной; кольцо из рубчатой золотой проволоки (диаметр 16 мм), концы которого были завязаны двойным с напусками узлом (Археологические известия и заметки 1894: 363–364; Ваге 1896; ОАК 1898: 119, 237; Arne 1914: 56–57; Каргер 1958: 208–210, рис. 45, табл. XXVIII; Viking og Hvidekrist 1993: 75, 307–308, fig. 2, № 306; Путь из варяг в греки... 1996: 34, 82).

Естественно, наиболее яркой частью данного комплекса является пара скорлупообразных фибул. Украшения по типу-технологическим характеристикам можно признать идентичными, хотя продольное сечение одной из фибул больше соответствующего параметра другой на 2 мм: 112 против 110 мм, а у фибулы с меньшей длиной оказалось на 2 мм большим поперечное сечение: 73 против 71 мм. По типологии Я. Петерсена фибулы данного комплекса относятся к варианту P 51 C3 (Petersen 1928: 62, fig. 51). Их декоративное оформление по основным элементам, выделенным И. Янссоном для скорлупообразных фибул, соответствуют показателям: К «d» для отлитых вместе с верхней скорлупой рельеф; Hc, Rc2, Sb — для монстров, заполняющих угловые (H), на спинке (R) и по бокам (S) поля этой же

Рис. 2. Киевский некрополь-II. 1 — погребение № 1/1989; 2–16 — погребение № 124

скорлупы; Bd b и Kt f1 — для борта и канта нижней скорлупы (Jansson 1985: 67–81, 83, 101–105, fig. 52, 54, 56, 89–90, 92–93). Исходя из приведенных параметров, фибулы данного комплекса полностью соответствуют «нормальной» схеме типа P 51 C3 (Jansson 1985: fig. 52: C3, 56: c–d).

Среди скорлупообразных фибул, обнаруженных в Южной Руси, помимо пары из киевского 124-го погребения, известно еще три экземпляра этого варианта «нормальной» схемы 51 типа. Две из них входили в состав погребального инвентаря кургана № 53 (37) Шестовицкого могильника, раскопанного в 1957 г. Комплекс содержал трупосожжение на стороне. Фибулы находились в урне над пережженными человеческими костями (Бліфельд 1977: 144–145, табл. XIV: 2). Вместе с фибулами P 51 C3 находилась и «малая» литая круглая фибула типа P 128 или тип II по И. Янссону. Комбинация данных артефактов скандинавского происхождения в данном шестовицком погребении, позволяет датировать комплекс заключительным периодом существования Бирки или, в периодизации разработанной Ф.А. Андрощуком для Шестовицкого могильника, в пределах фазы II его функционирования, 900–950 гг. (Jansson 1984: 58–74; Андрощук 1999б: 92).

Фрагмент верхней скорлупы фибулы P 51 C3 происходил и из погребения, скорее всего кремации, случайно обнаруженного в ноябре 1987 г. при строительстве кинотеатра «Космос» в Вышгороде (ул. Киевская, 5, местонахождение удалено на полтора км к юго-востоку от детинца древнерусского городища). Ситуация находки осталась невыясненной. Курганная насыпь к моменту обнаружения не прослеживалась. По свидетельству строителей, вещь сопровождали пережженные кости и белесый пепел. Сохранилась лишь половина верхней «скорлупы» с боковым разломом; на поверхности отмечены следы пребывания в огне. Основные элементы орнамента соответствуют: Kd; Hc; Rc2; Sb, — композиционной схеме И. Янсона (Jansson 1984; 1985). Размеры фрагмента: 67x88 мм. Из этого же местонахождения, вместе с фибулой, в музей поступили биллоновая дисковидная подвеска и серебряное из рубленой проволоки, завязанное двумя узлами с петлей по центру, кольцо с напускной крупной шарообразной бусиной горного хрусталя. Вскоре после поступления вещи были выкрадены из фондов музея; запись о подвесках в инвентарной книге отсутствует. Подвеска представляла собой отлитый диск размером 23x20 мм с широким ушком, петля которого загнута на оборотную сторону и прижата к ней, расплюснутым нижним концом. Поле диска было занято золотосканным орнаментом в виде четырех волут, основания которых образуют подобие ромбической фигуры. В центре ромба имелась сканая концентрическая фигура. Украшение соответствует группе филигранных подвесок североевропейского стиля

«с четырьмя волотами» и весьма близко подвескам из погребений Bj 983 и 1161 в сопровождении фибул P 51B и P 52 (Duczko 1985: 36–38). По сопутствующим фибуле вещам, весь комплекс данного вышгородского погребения можно датировать в пределах первой половины X в.

Вместе с овальными фибулами в состав инвентаря 124-го погребения входила и двусоставная серебряная круглая фибула (диаметр 35 мм) с накладным сканым декором. Почти четверть корпуса украшения выломлено, что фиксировалось актом поступления инвентаря погребения из Императорской Археологической Комиссии в Московский исторический музей от 1896 г. На обратной стороне нижней основы имелись игла и «петля для застёжки» (вероятно, под кольцо-цеподержатель). Верхняя основа фибулы разделена на внешнюю и внутреннюю зоны, образованные кольцами из рубчатой проволоки, ширина внешнего кольца — 5 мм. От центра корпуса обе зоны такой же проволокой дополнительно делились на несколько разновеликих секторов. Четко просматривается четыре таких сектора, но их насчитывалось пять или шесть. Точное количество членений поля верхней основы установить не представляется возможным из-за вылома центра корпуса фибулы. Ширина сохранившихся секторов по хорде внешней зоны составляла: 7–9; 18–23; 18–23; 15–20 мм. Внутреннее пространство секторов данной зоны декорировано рядом гладкосканых окружностей диаметром до 3 мм. В меньшем секторе их три, в больших — шесть. Сканый узор рубчатой проволоки больших секторов внутренней зоны представлен скобами-сегментами, разделенными на две части отрезком нити, соприкасающейся с кольцом, ограничивающим данную зону. По сторонам скоб напаяны по две вертикально расположенные окружности, идентичные тем, что наблюдаются в секторах внешней зоны. В меньшем секторе этой зоны просматриваются лишь две окружности, подобные тем, что располагались по сторонам скоб больших секторов. Центр, судя по остаткам сканой нити по краям проема, имел, округлую форму и, возможно, представлял полусферическую выпуклость, не исключено, в виде вставки из камня.

Определенные черты сходства в композиции орнамента фибулы из погребения № 124 усматривается в скано-зерненной подвеске одного из поздних (70-е гг. X в.) комплексов Бирки Bj 825 (Jansson 1985: 36–37, 175, 200–201). На данной подвеске дуги внутренней зоны, разделенные надвое, образуют в центре корпуса подобие квадрифолийной фигуры с выделенным окружностями и крупной гранулой центром (Duczko 1985: 39–40, fig. 30–31). Декор рассматриваемой фибулы целиком принадлежит художественной традиции Западной Европы оттоновского времени. Это т. н. «позднеангло-саксонский стиль» («spätlangobardischen Stil»), получивший со второй половины X в. распространение и заимствования, проявившиеся в стиле «Хиддензее» («Hiddensee») в регионах Южной и Центральной Скандинавии (Vierck 1984: 394–398). Поэтому, в вопросе о происхождении фибулы погребения № 124 нельзя исключать и североамериканского «импорта».

Миру скандинавской материальной культуры принадлежит и крестовидная из листового серебра подвеска. По ее внешнему полю, образованному прямоконечным «греческим» крестом с расширяющимися лопастями, нанесен гравированный точечный рант, а в средокрестии выгравирована ромбическая фигура, перечеркнутая двумя диагоналями. Ушко для подвешивания изготовленное из узкой полоски серебра с продольным, в три ленты, рифлением, крепилось на одной серебряной заклепке. Метрические параметры подвески: крест — 27 x 27 мм; сечение листа — 3,5 мм; высота ушка — 5 мм (Недошивина 1983: 223, 224, рис. 1: 1; Путь из варяг в греки... 1996: 34, 82, № 724; Мусин 2002: 130, рис. 18: 4). Весьма близкими аналогиями данной подвеске являются кресты из погребения № 125 рассматриваемого некрополя и обнаруженный разведочными работами 2005 г. на посаде летописного Искоростеня в слое пожара первой половины — середины X в. (ЖЭ — 2005: Кор.-пос., № 65) (рис. 3: 1). Орнаментация фрагмента креста из погребения № 125, у которого были обломаны лопасти и ушко, в отличие от образца из погребения № 124 была нанесена пуансоном, без применения зубчатого колеса. Декор представлен кружковыми вдавливаниями, обрамляющими расширенные округленные лопасти и косым крестом в средокрестии, выполненным такими же кружками и без ромбической рамки. Орнаментация креста из Коростеня, как и на подвеске погребения № 124 нанесена зубчатым колесом и представляет собой косой крест, но тоже — без обрамления. Ушко крепления идентично с образцом из погребения № 124, однако фиксировалось одной серебряной заклепкой. Орнаментальная композиция средокрестия подвески погребения № 124 находит некоторое соответствие в крестовидной подвеске из листового серебра, входящей, вместе с овальными фибулами типа P 51, в состав женской ингумации Bj 517. Отличия подвески из Бирки состоят в отсутствии креста в ромбической фигуре по ее центральному полю, а также в технике орнаментации: здесь декор выполнен концентрическим пуансоном (Gräslund 1984a: 112, 114–115, Abb. 12: 1).

Совсем иная традиция проявляется в паре идентичных серебряных височных колец с гроздевидными подвесками (рис. 2: 3, 5). Эти украшения входят в группу так называемых «серег волынского типа». Они

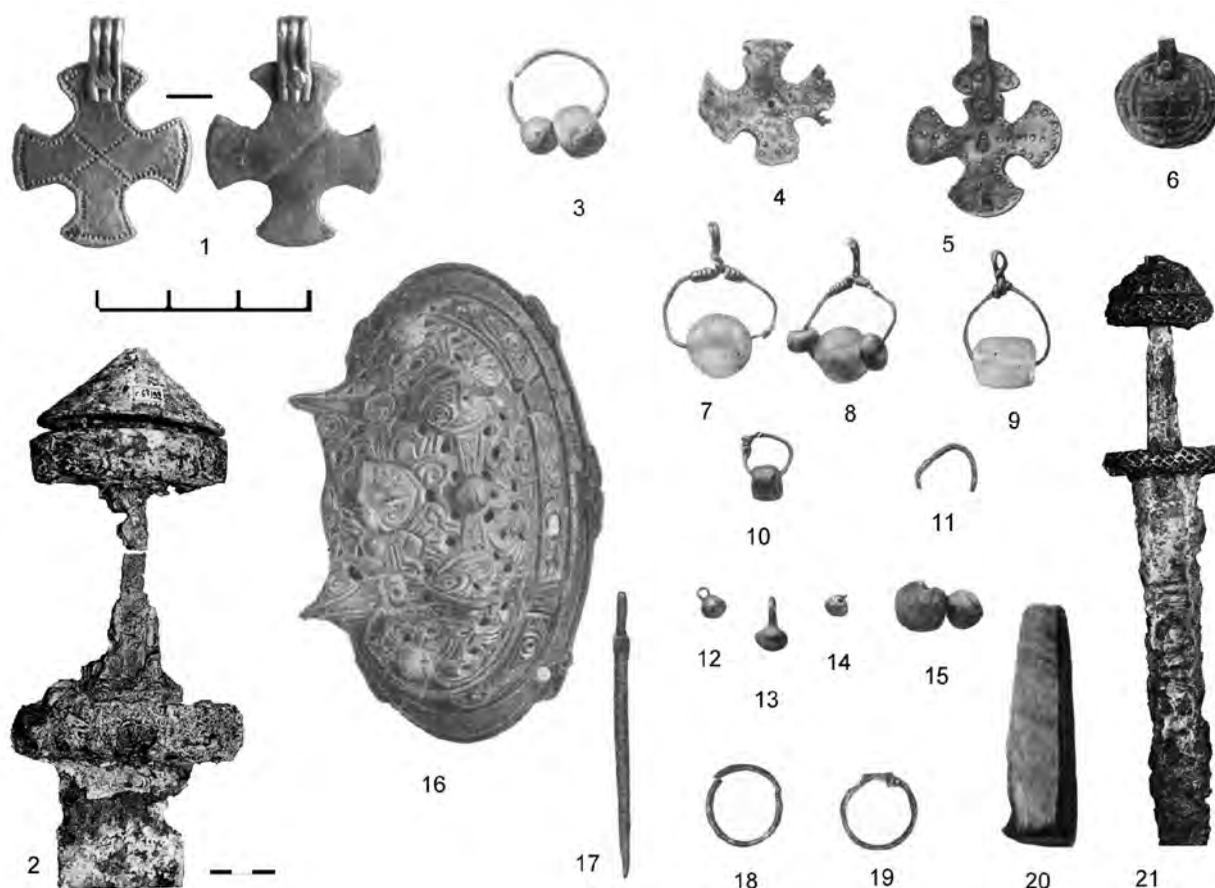

Рис. 3. Киевский некрополь-II и синхронные древности. 1 — крестовидная подвеска, Искоростень; 2 — навершие меча, погребение № 116 (?); 3–21 — погребение № 117/125

составлены из зерни разной величины, опоясывающей в четыре зоны стержень основы. Три нижних пояса представлены крупной зернью и двумя зернеными поясами, гранулы нижнего из которых равны по величине «корневой», а верхний — из более мелкой зерни. Пояса разделены между собою кольцами из сканой проволоки. Средняя часть подвесок имеет вид конуса с нанизанными на него поясами мелкой зерни и скани. Крона представлена пояском из четырех мелких гранул, увенчанным крупной сферической гранулой. Длина подвесок 28 мм. Кольца диаметром 25 мм изготовлены из серебряного дрота сечением 3 мм, на них нанизаны четыре, по два с каждой стороны, пояска зерни.

В типологическом отношении височные кольца погребения № 124 принадлежат к наиболее распространенным артефактам группы, находки которых в различных комплексах отмечены в Юго-Восточной и Центральной Европе, включая Украину, Молдавию, Словакию, Чехию, Польшу и Балканы. Более узко рассматриваемые экземпляры можно сопоставить с типом 3 — Teodor (Teodor 2003: 178, fig. 1: 3–11, 2: 3–11) или же типом I вариантом 1 — Новикова (Новикова 1990: 109–111, рис. I: 1) или типом «С» — Рябцева (Рябцева 2005: 100–102). С.С. Рябцева выделяет два центра производства серег «волынского типа, С»: Балканы и Карпато-Поднепровский, с общей датировкой от последней четверти IX до начала XI в. (Рябцева 2005: 102). Благодаря довольно близкому сходству подвесок погребения № 124 с находками из кладов Рэдукэнь (Пруто-Днестровское междуречье), последняя четверть IX — первая четверть X в. (Teodor 2003: 178, 183–185, fig. 1: 6; 2: 6–7) и Токай (Верхняя Тиса), первая — третья четверти X в. (Рябцева 2005: рис. 26: 1, 3, 6), этот киевский комплекс может быть датирован в пределах от конца IX в. до 60–70-х гг. X в.

В художественных традициях Юго-Восточной Европы выполнены также серебряная сферическая, покрытая зернью, бусина и превращенный в подвеску наременный наконечник, входящие в состав ожерелья погребения № 124. Поверхность бусины (диаметр 10 мм) украшена четырьмя зонами мелкой зерни, образующей равнобедренные треугольники (рис. 2: 12). Пояски треугольных фигур соприкасаются попарно в двух зонах — вершинами, в следующих двух — основами. Края канала бусины подчеркнуты скаными ободками. Подобную технико-композиционную компоновку узора можно наблюдать и на примере

двух биконических бусин из погребения Bj 501, сопровождавшегося парой овальных фибул типа P 51 C1 (первая половина X в.). В. Дучко совершенно справедливо расценивает бусину из Бирки как подражание великоморавским образцам (Duczko 1985: 77, fig. 96; Chropovský 1978: 31–32, 86, № 49).

С «позднехазарской» или «венгерской» школой художественной металлообработки связана подвеска, сделанная из наременного наконечника (рис. 2: 10). Ее размеры: 18 x 15 мм, ушко из серебряной в два каннелюра полоски на двух серебряных заклепках. Орнаментация украшения, представленная растительным сюжетом («лотос с крином»), находит соответствия в поясных бляшках класса XXVI (Мурашева 2000: 44, 91–99). Ближайшей аналогией этой подвеске могут служить бляшка и наконечник, также с приклепанными ушками, из камерного погребения № 49 (раскопки 1999 г. на территории Михайловского монастыря в Киеве), датирующегося третьей четвертью X в. (Ивакин, Козюба 2003: 42, рис. 6: 4).

В одну группу с погребением № 124 можно включить и комплекс воинского захоронения № 116 с конем, обнаруженного в 1872 г. при постройке пивоваренного завода Н.Г. Хрякова на усадьбах № 43–47 по Кирилловской улице. Из инвентаря данного погребения известны «совершенно испорченный окисью меч» (Николаев 1873) «с железной рукоятью, украшенной серебряной насечкой» и медная булава, «открытые вместе со скелетом человека и лошади» (Николаев 1873). К своему сообщению о находке В. Николаев приобщил и зарисовку «булавы» (Антонович 1872; Николаев 1873: 8–9; Каргер 1958: 189–190, рис. 36). Исходя из описания меча, можно предполагать, что его фрагмент в виде навершия рукояти, возможно, сохраняется в фондах Национального музея истории Украины под № В-5363, «найден вблизи Иорданской церкви» (рис. 3: 2). Черен рукояти самого меча крепится лишь на основании навершия. Треугольная головка соединена с основанием при помощи двух штифтов. С нижней стороны основания, у черенка — отпечатки торца деревянной рукояти овальной формы, размерами 32 x 15 мм. Диаметр шайб штифтов — 12 мм. Ширина навершия вместе с основанием — 88 мм, при высоте — 61 мм и сечении — 32 мм. По полю следы вертикальных насечек. Описанная деталь вполне соответствует рукоятям обоюдоострых мечей типа «Н» — Petersen (Кирпичников 1966: 76–77, № 23). Зарисованная же архитектором В. Николаевым бронзовая кольцевая фибула, декорированная зооморфными масками стиля «Вогге», принадлежит к мужской одежной гарнитуре типа P 227.

В рукописных заметках В.Б. Антоновича в «Известиях об археологических находках» за 1877 г., кроме «обоюдоострого меча» и «пряжки с иглой древнегерманского происхождения», обнаруженных при земляных работах на строительстве завода Хрякова, упомянуты также: «...всадник, кольчуга, шишак, ... точильный камень в оправе, сережки из золотой и серебряной проволоки с бусинами, медальон из восточной монеты — половины VIII или конца IX вв.». Эти же заметки дают некоторые представления о стратиграфическом залегании комплекса, которому предшествовали находки «фундаментов погреба, медная посуда XVII в., монета Георгия Вильгельма Бранденбургского...» (ИРНБУ. Ф. I/1185. Лл. 2–2 об.). Названные артефакты определенно характеризуют данное погребение как парное и камерное, дополненное захоронением коня, которое датируется в пределах X в., но не ранее его середины.

Что же касается происхождения «общей похоронной ямы» со «сваленными за раз» около 2000 мужских, женских и детских скелетов (по сведениям В.Б. Антоновича, до 4000 «общих» черепов), обнаруженной этими же работами (согласно Н.И. Петрову, — за два года перед ними, в 1870 г.), то еще Н.И. Петров видел в ней «один из результатов опустошения Киева в 1482 г. крымским ханом Менгли-Гиреем» (Петров 1897: 35–36). С учетом перечисляемых в рукописных «Известиях...» В.Б. Антоновича предметов, обнаруженных в этой яме, она могла в свое время разрушить и комплексы X–XII вв., в том числе и погребения Киевского некрополя-II (ИРНБУ. Ф. I/7785. Л. 1; Андросчук 2004: 38–39).

Группа курганных захоронений, концентрировалась и по двум первым террасам расщелины между южным и северным отрогами Лысой горы, где впоследствии находилась Иорданская церковь. В расположенной здесь усадьбе купца И. Марра (ул. Кирилловская, 53–59), при ее перепланировке в 1876 г., были обнаружены два погребения, насыпи над которыми, как и в предыдущих случаях, уже не существовали. Одно из них, № 117 по М.К. Каргеру, содержало мужской скелет и захоронение лошади, в проломе черепа которой был зафиксирован «большой камень» (Каргер 1958: 190–191). По описанию инвентаря, опубликованному В.Б. Антоновичем, к этому погребению принадлежали меч, сфероконический шлем, пара стремян, 8 наконечников стрел, топор и бронзовая с серебряной насечкой пряжка (Антонович 1879: 252–253; 1884: Отд. I, 43). Второе погребение, № 125 по М.К. Каргеру, описано как богатая женская ингумация (Каргер 1958: 210–211, табл. XXIX). В первоначальной рукописной описи В.Б. Антоновича с этой же находкой связывается инвентарь, явно принадлежащий как женщине, так и мужчине: «... скелеты, фибулы для застегивания корзна на плече, серебряные и золотые серги, бусы из зеленоватого стекла, аббасидский дирхем с ушком халифа Абу-Джафара-аль-Мансура (754–775 г.),

брусок от точильного камня в виде четырехгранника, серебряные бляшки в виде креста с орнаментами, белый глиняный сосуд, украшенный криволинейным орнаментом, жженные человеческие кости, лошадиные кости, обоюдоострый меч с головней, железная часть шишака, стремяна, наконечники стрел, поясная бронзовая пряжка с серебряной насечкой, железный наконечник копья, топор» (ИРНБУ. Ф. 1/7784. Лл. 2–2 об., 6–6 об.). Совмещение мужского и женского инвентаря в этой могиле упомянуто и в записке А. Роговича, сделанной сразу после данного археологического происшествия (Рогович 1876: 233–234). Совершенно справедливым следует считать заключение Ф.А. Андрощука о бесосновательности разделения данного погребения на два комплекса (Андрощук 2004: 39–40). В данном случае, как и в предыдущем, имеем парное захоронение с конем, совершенное в двух саркофагах, опущенных в отдельные ямы, но под одной, некогда существовавшей, курганной насыпью.

Из перечисленных вещей мужского погребения комплекса № 117/125 в Национальном музее истории Украины ныне сохраняется лишь меч (В–4509; Кирпичников 1966: 80–81, № 51) (рис. 3: 2I). Он имеет двусоставное навершие трехчастной формы. Его горизонтальное сечение, как и перекрестья, имеет овальную в плане форму. Орнаментация навершия, его основания и перекрестия представлена углубленными овальными ячейками, образующими трех- и четырехлистники; по центру боковин навершия, плотно друг к другу, нанесено четыре округлых углубления. Пространство между описанными выше элементами орнамента на всех деталях рукояти инкрустировано медной проволокой. На полотне клинка имелись клейма: с одной стороны — плохо различимая надпись, с другой, — орнаментальная композиция из косых крестов, трех параллельных вертикальных линий и незамкнутой окружности. Размеры, сохранившейся части меча, укладываются в следующие параметры: общая длина — 600 мм; навершие — 84 x 55 мм при толщине — 31 мм; высота рукояти — 95 мм; перекрестье — 98 x 12 мм, при толщине — 40 мм. Согласно типологическому ряду мечей эпохи викингов, образец из погребения № 117/125 может быть отнесен к двулезвийному оружию типа «Е», варианта 3, бытовавшего с начала IX по середину X в., с возможным выходом из употребления с середины IX в. (Petersen 1919: 75). Среди восточноевропейских мечей типа «Е» с подобным киевскому экземпляру клейменем полотна можно назвать образцы из непрономерованного погребения в Вискаютен и 131 погребения скалово-прусского могильника Линкунен. Оба эти восточнопрусская меча датируются по составу инвентаря в комплексах в пределах X в. (Mühlen 1975: 31, 100, Taf. 7: 2, 3; 40: 1). Из шведских образцов можно привести также два меча, хранящихся в Историческом музее Швеции в Стокгольме: Gä, Hedesunda sn, Ostveda, SHM 12016B; SHM 33136.

Кроме Киева, в Южной Руси известны еще два экземпляра мечей данного типа. Меч типа «Е» с орнаментацией второго варианта входил в состав инвентаря известного черниговского кургана Гульбище, датируемого самым началом X в. (Кирпичников 1966: 76–77, № 23; Каинов 2001: 57). Следующая южнорусская находка меча типа «Е» происходит из разрушенного могильника, связанного с поселением X в. в с. Пляшева (Радзивиловский район Ровенской области) на высоком левом берегу р. Стыр. По местонахождению меча (60-е гг. XX в.), могильник находился ниже, по этому же берегу, и прилегал к околице с севера (Свешніков, Нікольченко 1982: 106). По способу нанесения орнамента рукояти волынский экземпляр принадлежал к самому распространенному первому варианту типа без дополнительных декоративных элементов. В верхней части полотна клинка имелось клеймо «ULFBERHT» полной схемы, начало которого маркировано прямоконечным крестом. Среди восточноевропейских находок с такой схемой клеймения известен образец из погребения № 125 могильника Линкунен, X в. (Mühlen 1975: 31, 100, Taf. 7: 4). К южнорусским находкам мечей «Е» типа тяготеет и случайно обнаруженный фрагмент рукояти и полотна с территории распространения памятников салтовской культуры: с. Тетянивка Славянского района Донецкой области (Дедов, Шведов 1987: 262–263; Археологический альманах 1993: 55, рис. 67; Андрощук 1999а: 108, № 92, рис. 60).

Инвентарь женского погребения в комплексе № 117/125 известен по таблице на стеклянном негативе, снятом в 1899 г. с витрины XI Археологического съезда в Киеве (Антонович 1879: 251–252; Антонович 1884: 42–44; Антонович 1895: 31; Антонович 1888: 118–119; Каталог 1899: 92–93, № 144–158; Arne 1914: 57). Согласно описанию В.Б. Антоновича, в его состав входила пара овальных фибул, но в музейные фонды поступила лишь одна. Эта фибула вместе с другими вещами погребения зафиксирована на стеклянной фототаблице. Фибула относилась к типу P 52 D (рис. 3: 16). Элементы ее декоративного оформления в классификации И. Янссона: Bd c1; Kt f1; M-fält b; Kr b, практически идентичны с экземпляром Pr.-M. V, 171, 7971:1 и повторяют мотивы декора (Bd c1; ristade dekor på bården 84) фибулы P 52 A (Pr.-M. V, 172, 7971:5) из раскопок 1899 г. Я. Хейдека (J. Heydeck) в Вискаютене; Mühlen 1975: Taf. 42: 1; 30). Данное на-

блюдение примечательно в том отношении, что и меч мужского захоронения данного комплекса имеет определенные сходные черты с восточнопруссским материалом.

Овальные фибулы в составе инвентаря погребения были не единственными предметами «культуры женщин викингов». «У шейных позвонков» (Антонович 1879; Антонович 1884) или «на уровне поясничных позвонков» (Arne 1914) могли находиться две крестовидные с округленными расширенными лопастями подвески из листового серебра с пуансонным орнаментом (рис. 3: 4, 5). Описание одной из них, сохранившейся фрагментарно, было дано выше в качестве аналогии подвеске из погребения № 124. Вторая, также имела округленные по краям расширенные лопасти, обрамленные пуансонным кружковым орнаментом. Пуансонные отпечатки нанесены по полю подвески от центра средокрестия через всю плоскость лопастей, образуя прямоконечный крест. Ушко пластинчатое, узкое, без декоративного оформления, на двух заклепках. Данная подвеска, за исключением фиксации ушка, находит полную аналогию в подвеске из погребения Bj 480, которая имела ушко из пластины в три каннелюра с креплением из одной заклепки (Gräslund 1984a: 113, Abb. 12: 4).

Бронзовая одежная двухэлементная игла, также входящая, исходя из предметов на указанной таблице, в погребение 117/125, соответствует выделяемой J. Waller группе «В» и находит аналогии в комплексах Bj 539, 844, 963, 966, 1159 (Waller 1984). Южно- или центрально-шведского происхождения, скорее всего, был и четырехгранный призматический с боковым отверстием в утонченной оконечности оселок из слоистого сланца (рис. 3: 20), весьма близкий по форме и материалу к образцу из Bj 573 (Sundbergh, Arwidsson 1989). Типично скандинавским (двойной и ординарный узел с петлей) является и способ завязывания серебряных проволочных — с рубленным ободом колец с напускными бусинами, среди которых шаровидная горного хрусталя бусина находилась в центре и пастовые зонные по бокам, а также присутствовали разновеликие шаровидная и зонная пастовые (рис. 3: 7–9). В то же время височные кольца с незамкнутыми концами, а также бронзовые пуговицы — типичные украшения и принадлежность костюма киево-русских женщин. Несмотря на входящую в состав инвентаря женского погребения подвеску из дирхема 759/60 г. чеканки, по остальному вещественному окружению, комплекс 117/125, может быть датирован второй четвертью — серединой — третьей четвертью X в.

Возвращаясь к крестовидным подвескам данного комплекса, следует заметить, что двойной их учет с якобы утраченными экземплярами погребения № 117 (Недошивина 1983: 222; Мусин 2002: 130), является недоразумением, как и разбивка М.К. Каргером всего погребального комплекса на два отдельных захоронения. В типологическом отношении подвески погребений № 124 и 117/125 входят в совокупность крестов из листового серебра с пуансонным орнаментом, выделенных Й. Штекером в тип 1.2.2, — крест в условном круге, с расширяющимися округленными окончаниями лопастей. Исходная форма данного типа была обязана золотым крестовидным подвескам и фибулам, выполненным в стиле «полихромной инкрустации», а также фибулам из листового, покрытого штампованным орнаментом серебра, которые бытовали в христианской среде второй половины VII–IX вв. на территории от Британских островов до Франкских королевств (Staecker 1999: 91–94, Abb. 20–27). А.Е. Мусин вводит в круг ранних прототипов («стадиальных аналогий») крестовидных подвесок Северной и Восточной Европы и кресты из листового золота, нашивавшиеся на погребальный саван франконской, алеманской и лангобардской знати периода массовой христианизации их королевств в VI–VII вв. (Мусин 2002: 143, рис. 53–55). Однако, в согласии со строгой типологией, эти нашивки объединяют равноконечные кресты, как с прямыми ветвями (типы 1.1.1., 1.2.1. по Й. Штекеру), так и с расширяющимися окончаниями, которые вписываются в условную окружность.

В принципе, предложенный А.Е. Мусиным «генерализирующий» иконографический подход к типологии христианской личностной атрибутики Руси, действительно, открывает более широкие возможности в изучении временных и территориальных подвижек в канонических христианских представлениях. Но в случае с древностями территорий начальной христианизации, каковыми являлись Русь и скандинавские конунгства до официальной организации христианской Церкви, совершенно закономерным выглядит вычленение регалий новой религии в особую группу — с более дробной типологической классификацией артефактов, что было характерно для неофитов.

Как показывает материал археологических комплексов дружинной эпохи Руси (табл. I), крестовидные подвески и накладки, датирующиеся до 80–90-х гг. X в., были изготовлены исключительно из серебра, в подавляющем большинстве — листового, но имеются и образцы литых крестиков (№ 9, 11, 16). Обращает внимание и тот факт, что в представленной сводке раннехристианской атрибутики Руси с мужскими комплексами уверенно связаны лишь два образца: Гнёздово, Днепровская группа, курган 4 и Тимерёво, курган № 417. К слову, в Бирке крестовидные подвески из листового серебра

и скано-зерновые наперсные кресты (Bj 750, 660, 501) связаны, также, исключительно с инвентарем женских погребений (Gräslund 1984a: 111, 114).

Крестовидная накладка из погребения № 49 раскопок 1999 г. на территории Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве была изготовлена с применением более сложной технологии. Накладка крепилась на клапане остатков кожаной сумки в форме «сложенного письма» (тип 1 — Birka; Gräslund 1984b: 143–146), располагавшейся у локтевого сустава с левой стороны скелета. Основу накладки составляла тонкая крестовидная пластина с тисненой линейной окантовкой, на которую были напаяны узкие полосы с псевдозерневым тиснением. Образованное этими лентами средокрестие имело форму ромба с выдавленной по центру основы концентрической выпуклостью. Благодаря лентам аппликации срединное поле креста выглядит углубленным. Фиксация накладки на сумку осуществлена серебряными заклепками по углам края перекладин. Подобная техника известна по крестовидным подвескам, объединенным Й. Штекером в тип 1.2.6., получившим распространение в конце эпохи викингов на севере Скандинавского полуострова (норвежский фюльк Тромс), в Лапландии и встречающимся на Готланде, а также в Шлезвиг-Гольштейне (Staecker 1999: 103–105).

Ушки для подвешивания крестов-тельников из листового серебра в представленной выборке сохранились лишь у пяти экземпляров. У № 5, 8 и 10 они были вырезаны из серебряной в три каннелюра полосы, крепились одной серебряной заклепкой. У образца № 19 лента ушка имела два каннелюра, сохранилось и кольцо подвешивания. Судя по рисунку В.И. Сизова, оно было изготовлено из серебряного дрота с концами, завязанными сложным, в спираль, узлом (манера узла данного образца, — в одном ряду со многими скандинавскими, в частности готландскими, дрововыми и пластинчатыми украшениями рук среднего и позднего этапов эпохи викингов (Stenberger 1958: Textabb. 23; Hårdh 1976: Endformentyp 102). Образец № 7 имел ушко из серебряной гладкой узкой полосы и две, также серебряные, заклепки. Фиксаторы литых изделий отливались вместе с корпусом (№ 9, 11) или же изготавливались из гладкой широкой полосы серебра и прикреплялись к корпусу подвески с помощью заклепки (№ 16).

Внешняя поверхность крестов-тельников из листового серебра декорировалась с помощью тиснения кружковым пуансоном (№ 4, 6, 7, 10, 14) или пунктирным зубчатым колесом (№ 5, 8). В орнаментике образца № 19 совмещены обе техники. Декор на образцах из листового серебра наносился по контуру креста («жемчужная обнизь») и в средокрестии. В трех случаях (№ 5, 6, 8) — это косые («андреевские») кресты, ветви которых опущены к вершинам «U»-образных вырезов между лопастями подвески, еще в трех (№ 7, 10, 14) — прямоконечные («греческие»). Причем у последнего образца средокрестие вписанного креста маркировано по сторонам его ветвей четырьмя, несколько увеличенными, пуансонными окружностями; такие же окружности образуют точечные кресты по краю лопастей подвески. Вписанный крест подвески № 10 ставрографически принадлежит, по нашему мнению, к виду «сдвоенных головчатых» и занимает лишь ее средокрестие. К тому же, прямоконечные крестчатые фигуры выбиты в поле лопастей этой подвески. Орнамент образца № 19 выполнен крупными пуансонными окружностями, нанесенными в средокрестии и по концам лопастей: три полусферы «пирамидой». Кроме того, переход от средокрестия к лопастям этой подвески подчеркнут двумя зубчатыми линиями, нанесенными гравировочным колесом. Два креста из листового серебра были лишены орнаментации (№ 13, 15), при этом образец из 38-го погребения Заольшанской курганной группы Гнёздовского могильника был изготовлен из очень тонкой пластины. По местоположению возле пятна органического тлена, возможно, следа черепной коробки, нельзя исключать того, что данный крест мог быть и накладкой на головную повязку или матерчатый венец (Каменецкая 1991: 148, 168).

Литые кресты орнаментированы с помощью штампа. Декор подвески на ожерелье гнёздовского погребения Ц-198 (№ 11) нанесен в схеме, близкой листовому кресту из кургана № 27 Заольшанской группы того же могильника (№ 14). Отличия между ними лишь в оформлении средокрестия: у подвески ожерелья оно маркировано циркульным штампом, образующим кольцо с обозначенным центром. Штампом в виде «жемчужной обнизи» украшены и лопасти подвески из кургана 78/56 Шестовицкого могильника (№ 8). Кроме того, средокрестие и концы трех, недеформированных, лопастей этого экземпляра подчеркнуты циркульными «глазками». Подвеска из кургана 4 Днепровской группы Гнёздовского могильника (№ 16) была декорирована двумя, развернутыми один к другому, рядами треугольников, ограничивающих в средокрестии горизонтальные лопасти.

Ставрография представленных в таблице подвесок и накладок распределяется по нескольким типам в соответствии с конфигурацией лопастей. Наиболее представительную группу составляют крестовидные подвески и накладка из погребения 49/1999 Киевского некрополя-I из листового серебра с расширяющимися округлыми лопастями — тип 1.2.2. по Й. Штекеру. Данному типу принадлежат пять из шести

Таблица 1. Крестовидные подвески и накладки в археологических комплексах Руси до 988 г. (типология указана по: Staesker, 1999; Марјановић-Вујовић, 1987)

№ П/п ¹	Комплекс	Устройство, обряд, пол	Дата	Тип, количество	Технология	Материал	Размер
1-3	Киев, Некрополь-I, погребение № 14	Деревянный саркофаг; женская ингумация западной ориентировки	конец IX — начало X в., т.р.д. 892—907	— 3 шт.	—	Серебро	—
4	Киев, Некрополь-I, погребение № 49/1999.	Срубная камера, женская ингумация западной ориентировки, местоположение — на сумке у левого локтевого сустава	Середина — вторая половина X в.	крестовидная накладка типа подвесок 1.2.2.	По типу подвесок 1.2.6., образец LUNM14079	Серебро	30 x 30 мм; сечение (вместе с аппликацией) — 0,5 мм
5	Киев, Некрополь-II, погребение № 124	Камера, женская ингумация	т.р.д. 928—944 гг.	1.2.2. или Bj 517	Ковка, зубчатое колесо	Серебро	32 x 27; сечение 3,5 мм
6-7	Киев, Некрополь-II, погребение № 125	Камера, ингумация женская или парная, местоположение — у шейных позвонков или на уровне поясных позвонков	середина — третья четверть X в.	1.2.2. 2 шт. (одна имеет аналогию в Bj 480)	Ковка, пуансон	Серебро	—
8	Коростень, посад Искоростя	Культурный слой, подъемный материал	Первая половина X в. т.а.д. 946 г.	1.2.2. или Киев П/125-а	Ковка, пуансон, зубчатое колесо	Серебро	27 x 25 мм, сечение 1 мм
9	Шестовица, Курган №78/56	Камера, женская ингумация в сидячем положении	т.р.д. 913/14	1.2.4. Variante B	Литье, штамп	Серебро	40 X 35 мм
10	Гнездово, Курган № Ц-301	Камера, женская ингумация в сидячем положении, западная ориентировка	970-е гг.	1.2.2.	Ковка, пуансон	Серебро	41 x 33 мм
11	Гнездово, Курган № Ц-198	Камера, женская ингумация	970-е гг.	1.2.1. Variante C	Литье, штамп	Серебро	40x33 мм

12	Гнездово, Центральная группа Курган № 97/1899	Камера, парная ингумация	т.р.ч. 913/14	Марјановић-Вујовић 1987; 60-61	Литье	Серебро	—
13	Гнездово, Заольшанская группа, курган № 5	Камера, женская ингумация в сидячем положении	середина — вторая половина Х в.	1.2.6.	Ковка, без орнамента	Серебро	35x35 мм
14	Гнездово, Заольшанская группа, курган № 27	Камера, женская ингумация, ориентация ЮЗЗ	середина — вторая половина Х в.	1.2.1., Variante C	Ковка, пуансон	Серебро	28x30 мм
15	Гнездово, Заольшанская группа, курган № 38	Ингумация ямная, пол не выяснен	середина — вторая половина Х в.	1.1.1. Variante A	Ковка, без орнамента	Серебро	35x37 мм
16	Гнездово, Днепровская группа, курган ДН-4	Камера, мужская ингумация	975 г., дендродата	1.2.4. Variante B, с прямыми лопастями	Литье, штамп	Серебро	—
17	Тимерево, курган № 459/1977	Подкурганная ямная ингумация, женская	т.р.ч. 969/970	1.2.2., условно	Вырезание из дирхема	Серебро	—
18	Тимерево, курган № 417	Мужская ингумация, подкурганная, на горизонте	т.р.ч. 997 или 999	1.2.2., условно, с прямыми лопастями	Вырезание из дирхема	Серебро	Диаметр 25 мм
19	Озера (Лодейное Поле)	Монетно-вещевой клад	т.р.ч. 1085	1.2.6.	Ковка, пуансон, зубчатое колесо	Серебро	—

¹ № 1-3, 5-7 — по: Каргер 1958: 142-143, 208-211, табл. XXVIII-XXIX;

№ 4 — по: Івакін, Козюба 2003: 41-43, рис. 5, 1;

№ 8 — обнаружен при разведочных работах Житомирской экспедиции ИА НАН Украины в 2005 г. на посаде летописного Коростеня в 150 м к северу от въезда на Городище № 1 (руководитель Б.А. Звиздцкий);

№ 9 — по: Блфельд 1977: 160-163, табл. XXII: 3;

№ 10, 16 — по: Авдусин, Пушкина 1989: 193, 196-200, рис. 1, 3, 4, 2, 7; Путь из варяг в греки...: 25, № 328;

№ 11 — по: Путь из варяг в греки... 1996: 53, № 280;

№ 12 — по: Равдина 1988: 42; Мусин 2002: 133, 135, рис. 34;

№ 13-15 — по: Каменецкая 1991: 148, 164, 167, 168, рис. 12: 1-3;

№ 17-18 — по: Ярославское Поволжье: 37, рис. 21, 12; Нелощивина 1983: 223-224, рис. 1, 6; Равдина 1988: 115, 117, табл. 10, 9;

№ 19 — по: Корзухина 1954: 102-103, № 61; Сизов 1897: 151-152, рис. 29.

сохранившихся подвесок и накладок с территории Южной Руси. Гипотетически к этому же типу могли относиться «три маленьких серебряных крестика», находившихся в составе ожерелья из сорока стеклянных и сердоликовых бус, а также саманидского дирхема Исма'ила I (892–907 гг.) из погребения, раскопанного 25 июня 1906 г. к востоку от руин древней Десятинной церкви, реконструируемого М.К. Каргером под № 14 (Вельмин 1910: 137; Каргер 1958: 142–143, табл. V: 2). К типу 1.2.2, по Й. Штекеру, входит и подвеска из ожерелья гнёздовского погребения Ц-301. Условно к этому же типу можно отнести подвески, вырезанные из дирхемов Мансура I (Саманид), 969/70 г., и Хусам ад-даула ал-Мукаллада (мосульская ветвь Укайлидов), 997 или 999 г. чеканки, входящих в состав, соответственно, погребений № 459/1977 и 417 Тимерёвского дружинного некрополя в Ярославском Поволжье. Из тимерёвских подвесок, более поздняя, относящаяся уже к первым годам после крещения Руси Владимиром Святославичем, отступает от канона типа в оформлении края лопастей: в данном случае они прямые. К тому же, комплекс, включавший эту подвеску, является в представленной выборке единственным, несомненно, мужским погребением.

Отсюда, количество известных на сегодня в дружинных комплексах Руси крестовидных подвесок типа 1.2.2, по Й. Штекеру, вместе с соответствующей ему накладкой на клапан сумки-ташки из киевского погребения 49/1999, датирующихся временем до официального принятия христианства (со второй четверти X в.) или же в пределах десятилетия после 988–989 гг., может исчисляться 11 экземплярами. Территориально их местонахождения ограничены Средним Поднепровьем (Киев, Коростень — 8 экземпляров, при трех гипотетических), Верхним Поднепровьем (Гнёздово — 1 экземпляр) и Верхним Поволжьем (Тимерёво — 2 экземпляра). Что касается накладки из погребения № 49/1999, то ее усложненная технология при сохранении формы классических образцов типа, скорее всего, объяснима спецификой функции: накладка должна быть на излом прочнее подвески. Относительно вырезанных из дирхемов тимеревских подвесок следует заметить, что данные образцы, несомненно, произведены в местной дружинной среде и представляют собой угасание, а возможно и деградацию типа.

Близкими по технике исполнения к образцам 1.2.2., по Й. Штекеру, являются подвески из листового серебра из гнёздовских Заольшанской группы курганов № 5/1978, 27/1979, 38/1979, которые можно бы рассматривать в качестве вариантов указанного типа. Однако, с точки зрения абриса лопастей этих экземпляров, явно усматривается отличная от совокупности крестов 1.2.2. традиция иконографии. Прямые лопасти креста из заольшанского погребения № 27 раскопок 1979 г. имели треугольное завершение — признак, находящийся в строгом соответствии с крестовидными подвесками типа 1.2.1. С (Staecker 1999: 87, 89–91). К этому же типу и варианту можно отнести литую подвеску на богатом ожерелье погребения 198/1966 Центральной группы Гнёздовского некрополя, хотя, по линейно расширяющимся лопастям, данный образец, некоторым образом, сопоставим и с листовыми подвесками типа 1.2.2. Истоки крестовидных подвесок всей совокупности типа 1.2.1. Й. Штекер усматривает как в упомянутых выше золотых нашивках из погребений лангобардской знати VI–VII вв., так и в синхронных накладных и наперсных крестах и крестчатых застежках византийской Европы (Staecker 1999: 90).

Лишенная декора подвеска из погребения № 5/1978 имела ромбические завершения лопастей. Точно такие же окончания и у подвески из клада в Озерах. Типологически такая профилировка окончаний креста характеризует образцы типа 1.2.6. Несмотря на то, что в Скандинавии эти кресты появляются лишь в XI в., наиболее древние прототипы крестов с завершением лопастей в форме ромба можно обнаружить во второй половине VI в. на территориях Византийской империи от коптского Египта до Балкан (Staecker 1999: 103–105).

Крест, вырезанный из серебряной фольги, входивший в состав инвентаря погребения № 38/1979, имел широкие прямые лопасти. Й. Штекер отнес данный экземпляр к выделяемому им варианту «В» типа 1.2.4.: «...литые кресты, украшенные концентрическим пуансоном». Правда, сделал это с оговоркой, что данный образец непосредственно может быть соотнесен с дефинициями типа 1.1.2. («простые литые кресты»). Но по формальному средству с крестовидной подвеской из камерного погребения № 12 первой половины X в. некрополя эпохи викингов в Тумбю-Бинебек (Шлезвиг-Гольштайн), принадлежащей строго типу 1.2.4., данный гнёздовский крест может быть причислен к совокупности образцов последнего из названных типа (Staecker 1999: 101, 410–412).

Если следовать дефинициям Й. Штекера, то изготовленный из очень тонкого листового серебра, лишенный орнамента крест (скорее всего, накладка) из погребения № 38/1979 Заольшанской группы Гнёздовского некрополя, следовало бы отнести к образцам типа 1.1.1.: «...простые крестовидные подвески из листового металла различной («nicht einheitlich») формы». К варианту «А» указанного типа относятся равноконечные кресты, как из листовой бронзы или серебра, так и литые (Staecker 1999: 82–84). Представляется, что совокупность образцов только что названных типов и их вариантов

своим происхождением связана теснее с византийским миром, чем с европейским Севером или Северо-Западом (Staecker 1999: 83–84, 86, 99–10).

Крестовидная литая подвеска из ожерелья кургана № 78/56 Шестовиц имела прямые и закругленные по концам горизонтальные и нижнюю лопасти, при том, что верхняя с ушком была сплющена на ребро. По своим формальным признакам подвеска в полной мере соответствует варианту «В» типа 1.2.4. — по Й. Штекеру. Образцы данного типа и варианта в первой половине X — середине XI в. получают относительно широкое распространение: это Бирка, камерная женская ингумация № 968, женская ингумация, т.р.к. 906 г.; Готланд, 4 пункта; Шлезвиг-Гольштейн (подвеска из упомянутого погребения в Тумбю-Бинебек); Великобритания, 1 местонахождение. Наиболее близкие аналогии шестовицкой подвеске можно усмотреть в материале Готланда конца X — середины XI в. Истоки типа, как уже отмечалось, восходят к византийским образцам, где крестовидные прямоконечные подвески, в том числе и с зауженной развернутой на ребро лопастью, бытуют на протяжении V/VI–X/XI вв. (Staecker 1999: 99–101, 461–463, 478–479, № 67–68, 82). В этой связи, необходимо отметить довольно близкую аналогию шестовицкой подвеске, происходящую из заполнения «салтовского дома» второй половины VIII–IX в. городища Тепсень на Южном побережье Крыма (Майко 2002: 139, рис. 2: 5). С типом 1.2.4. В, по Й. Штекеру, можно связать и подвеску с прямыми равноконечными лопастями кургана 4 Днепровской группы Гнѣздовского некрополя. Отдаленно этот образец напоминает подвеску из погребения Bj 968 (Gräslund 1984a: 112, 114, Abb. 12: 5).

И наконец, равноконечная, с несколько расширенными лопастями, отлитая из серебра крестовидная подвеска из сборов С.И. Сергеева 14 июля 1899 г. в Гнѣздове («курган 97» с дирхемом 913/14 гг. чеканки, Центральная группа). Данный экземпляр не находит аналогий в североευропейских материалах эпохи викингов. По рельефному линейному канту, который придает полю корпуса вид «ковчезца», этот образец вполне сопоставим с наперсными крестами VIII–XI вв., получившими широкое распространение в Юго-Восточной Европе, главным образом на территории балканских провинций Византии и Первого Болгарского царства (Марјановић-Вујовић 1987: 17, 60–62; Teodor 2003a: 92, fig. 20, 5; Teodor 2003b: 30, fig. 1: 2).

Таким образом, христианская атрибутика дружинного периода Руси до официального принятия христианства, по аналогии со скандинавским Севером эпохи викингов, позволяет выявить две традиции в иконографии крестов-тельников. Во первых — это ставрографические типы, возникшие на территориях Византийской империи с давно устоявшейся в массовом сознании населения христианской верой, во вторых — генетически восходящие к наперсным украшениям и накладной фурнитуре одеяний погребального обряда нобилитета меровингско-каролингской Западной Европы. Привнесенными скандинавами на Русь раннехристианскими крестами были кресты из листового серебра типа 1.2.2. — по Й. Штекеру. Именно к этому типу принадлежат все, кроме одного экземпляра, южнорусские находки наперсных крестов и крестовидная накладка, относящиеся к 900–920 — 950–970 гг. Этот тип явился исходной формой для литых крестов так называемого «скандинавского типа», которые представляют первую собственно «русскую» модификацию нательных крестов, датирующихся, если судить по наиболее ранним комплексам, после 950 г. (Гнѣздовский клад 1993 г.; т.р.к. 950 г., — Путь из варяг в греки... : 49, № 171; Киев, Житомирская, 2, раскопки 1988 г., детское погребение № 1, вторая половина X в. — Боровский, Калюк 1993: 9, рис. 5; Киев, усадьба Михайловского монастыря, раскопки 1999 г., погребение девушки № 49, середина–вторая половина X в. — Ивакин, Козюба 2003: 41–43, рис. 5: Б-2; там же, раскопки 1997 г., разрушенное женское погребение № 13, конец X — начало XI вв. — Ивакин, Козюба 2003: 39, рис. 1: 3). Переходным вариантом от крестов 1.2.2. к крестам «скандинавского типа» может быть признан литой экземпляр из парной камеры третьей четверти X в. Ц-198 в Гнѣздово, сочетающий в себе черты как крестовидных подвесок, вырезанных из листового серебра, так и крестов «скандинавского типа».

Массовое использование в качестве крестов образцов из листового серебра, как это демонстрируют вырезанные из дирхемов экземпляры Тимерѣвского некрополя, намечается к 990-м гг. Свою основную функцию к моменту депозиции утратил и крест из клада в Озерах, тезаврированного после 1085 г. С процессом затухания моды на листовые кресты тельники связаны и опубликованные А.Е. Мусиным крестообразные оковки из погребений середины XI — второй–третьей четверти XII в. периферийных некрополей Новгородской земли (Мусин 2002: 127, 129, рис. 18: 14–15). «Оловянный» же крест из погребения № 26 могильника Федово (XI в.), судя по изображению (Мусин 2002: 129, рис. 18: 12), может являться привеской к церковной утвари (например, к кадилу или кацее) или облачению. Подобные крестчатые привески получают широкое распространение в богослужебной практике уже в ранневизантийское время (Марјановић-Вујовић 1987: 10–11), т. е. данный артефакт можно рассматривать как свидетельство укоренившейся христианской веры и церковной организации. Относительно же введенного А.Е. Мусиным в разряд крестовидных подвесок и накладок из листового серебра «креста» из богатого

детского погребения № 110 Киевского некрополя-I, следует заметить: данный предмет, на самом деле, пластинчатая крестовидная фибула западно-балтской схемы, типа «žem. 39: 8b», бытовавшего с конца VIII по XI в. в среде куршей, ломатов и скальвов (Lietuvos TSR 1978: 68–69).

Вернемся непосредственно к анализу Киевского некрополя-II. При работах 1876 г. здесь было открыто и грунтовое в деревянном гробу безынвентарное погребение (в реестре М.К. Каргера под № 88). Стратиграфически оно расположено на уровне подошвы фундамента кирпичного здания XVII в. и, скорее всего, никакого отношения к Некрополю-II не имеет. То же самое можно сказать и о кремации под № 102, открытой вблизи позднесредневекового погребения № 88. Остатки данного трупосожжения, совершенного на стороне, были накрыты перевернутым вверх дном горшком, что характерно для погребальных обрядов пражских культур. Сама же урна, «из белой глины, сделанная на гончарном круге», с волнистым орнаментом по верхней части тулова, вполне соответствует посуде так называемого «пастырского типа», иногда встречающаяся на пеньковских памятниках Среднего Поднепровья. Комплекс погребения № 102, без особой натяжки, можно отнести к VI–VII вв.

Некрополю-II могли принадлежать и погребения, совершенные по обряду ингумации, под невысокими насыпями с западной ориентацией погребенных, раскопанные В.В. Хвойкой по северному берегу Иорданского ручья в усадьбах № 59–61 по Кирилловской улице. В составе погребального инвентаря, суммарно и кратко описанного В.В. Хвойкой, имелись серебряные бусы и височные кольца, украшенные зернью. Даже при особо отмеченных «нередких находках серебряных дирхемов VIII в., использованных в качестве подвесок в ожерельях» (Хвойка 1913: 53–54), данная группа захоронений соотносится с древностями X в. Сложнее обстоит дело с интерпретацией открытых здесь же кремаций (Хвойка 1913: 57). По таким особенностям их устройства, как сожжение на стороне, наличие на древнем горизонте площадок ритуальных кострищ, помещение одиночной урны в небольшой округлой яме, нельзя исключать их принадлежность к эпохе, предшествующей курганным захоронениям, с элементами материальной культуры дружинной киево-русской среды. Наиболее вероятное время совершения таких кремаций — ранняя стадия культуры типа Луки-Райковецкой—VIII — самое начало IX в.

Историографически к Некрополю-II обычно причисляют и несколько сот небольших 1–2,5 м высоты курганов, обследованных В.В. Хвойкой на плато над усадьбой № 71 по ул. Кирилловской. Судя по инвентарю раскопанных им здесь погребений по обряду ингумации, они могут быть отнесены, в целом, к X в. (Хвойка 1913: 54). Однако расположение этой курганной группы связано, скорее, с Лукьяновским плато в районе сегодняшнего стадиона «Авангард», чем с могильником у подножия Лысой горы. Не имеет отношения к Некрополю-II и грунтовый могильник, открытый и частично раскопанный тем же исследователем на краю плато над усадьбой № 81 по ул. Кирилловской (Хвойка 1913: 54–55). Это кладбище, согласно зафиксированному здесь обряду (в деревянных гробах сбитых железными гвоздями, ориентация костяков — западная) и инвентарю, подобному погребениям, открытым по склону Лысой горы в 1965 г., может датироваться концом X — началом XI в. и принадлежать христианам одного из поселений на северо-западной околице Киева, может быть — Дорогожичей.

Имеющиеся на сегодня сведения позволяют представить Некрополь-II в виде курганного поля, вытянутого на первой и второй террасах подножия Лысой горы с юго-востока (со стороны города) на северо-запад (в сторону Дорогожичей и Кирилловских высот), протяженностью до 1250–1300 м. Ширина этой полосы вглубь террас, по оси юго-запад-северо-восток, составляла до 150 м. По оврагам, ограничивающим южный и северный отроги Горы, курганы могли подниматься вдоль Юрковского и Иорданского ручьев на расстояние до 500 м («курган-могикан» с окружавшими его грунтовыми могилами и группа небольших курганов по северному берегу Иорданского ручья). Эти курганы принадлежали одному хронологическому срезу в пределах X в. Вероятнее всего, их захоронения совершались, исключительно, по обряду ингумации. Наиболее ранние из них можно отнести к середине—началу третьей четверти X в. Это погребения № 116, 124, 117/125, возможно, группа небольших курганов по второй террасе вдоль северного берега Иорданского ручья. Наиболее поздние языческие захоронения могильника представляет «курган-могикан» на второй террасе по северному берегу Юрковицкого ручья. По представленному выше анализу инвентаря, этот комплекс может быть датирован 70-ми гг. X в.

Как с ранними, так и с поздними погребениями Некрополя-II хорошо увязывается тот культурный слой городища, который репрезентирует постройка, открытая раскопками 1965 г. на юго-западной оконечности останца южного отрога Лысой горы и датируемая авторами исследований первой половиной — серединой X в. Не противоречит связи Некрополя-II с населением этого городища и хронология клада, обнаруженного в 1863 г. в ложбине между южным и северным отрогами Горы, младшая монета которого была чеканена в 935 г. На четырех монетах клада были нанесены скандинавские рунические

граффити, которые могут быть интерпретированы как отдельная, у края монетного поля начерченная руна «и» (дирхем 899/900 г.) или же как лигатура и начальные буквы древнеисландского «kuþ» — «бог» (дирхемы 899/900, 920/21, 922/23, Насра ибн Ахмада, 414–493, со сбитым годом чеканки). При этом на дирхеме 920/21 г. лигатура «kuþ» соединена с руной «t» — «Тюр» (Мельникова 2001: 136–137, включенная автором в комплекс монета из коллекции AR5246 в Музее исторических драгоценностей Украины чеканки 940/41 г. с граффити в виде руны «sóǫ», на самом деле, к составу клада 1863 г. не принадлежит). Эти граффити, вместе с чисто скандинавскими изделиями в составе погребений Некрополя-II, рассмотренных в каталоге артефактов, убедительно свидетельствуют о присутствии в начале X в. выходцев из Скандинавии среди обитателей городища на Лысой горе.

В конце X — начале XI в. Некрополь-II трансформируется в христианское кладбище, хотя жизнь на городище не прекращается, и некоторые христианские могилы, фиксируемые вблизи «кургана-могикана» и в ложбине между отрогами Горы (раскопки 1965 г.), продолжают нести в себе черты дружинной обрядности (наличие деревянных ведер с коваными железными обручами в инвентаре некоторых погребений). Относительно же трупосожжений, фиксируемых в этой местности исследователями XIX в., можно сказать, что они предшествовали появлению дружинных ингумаций. Прямой континуитет между этими обрядами на данном могильнике не прослеживается. Скорее всего курганные захоронения перекрыли могильник с типичным полянским обрядом грунтовых урновых сожжений с разрывом минимум в столетие.

Вероятно, в VI–VII, а затем в VIII — начале IX в. на Лысой горе имелись поселения, использовавшие укрепления зарубинецкого городища, с населением которых связаны погребение № 102 с кремацией под перевернутым керамическим сосудом и обнаруженные В.В. Хвойкой урновые трупосожжения с ритуальными кострищами. Поскольку на самой Горе слои указанного времени отсутствуют, невозможно говорить и о какой-либо непрерывной связи между пеньковскими древностями, древностями типа Луки Райковецкой и «дружинной культурой» Руси. По мнению В.Б. Антоновича, поддержанному П.П. Толочко, славянское поселение на Лысой горе являлось третьим образующим Киев пунктом — Хоревичей. Для обоснования данного предположения П.П. Толочко использует летописную статью 1171 г. с эпизодом взятия Киева княжеской коалицией во главе с Андреем Боголюбским. Согласно Летописи, войска Андрея Юрьевича, после трехдневной осады, спустились с Дорогожичей: «... Серховичею и ринуша к ним [войску Мстислава Изяславича], долов оу задь Мьстиславу...». По диспозиции битвы наиболее вероятным маршрутом движения осаждающей стороны, с Дорогожичей на Подол, мог быть спуск вдоль Юрковицкого ручья. Следовательно, Серховица (имеющееся разночтение — Сереховица) — это позднейшая Юрковица–Лысая Гора. По звучанию же, «Сереховица имеет много общего с типичным древнерусским выражением «Сехоревица», с перестановкой второго слога» (Толочко 1972: 68–69; Толочко 1983: 48). Однако, этимология названия «Серховица–Сереховица» из летописной статьи 1171 г., которое может относиться к позднейшей Юрковице–Лысой горе, объяснима через древнерусское «серехъкъ» — неровный, грубый, косматый по отношению к пересеченной местности. Рельеф ландшафта предгорий Юрковицы и взвозы по ее склонам на плато коренного берега Днепра вполне подходят этому определению.

Новое освоение и, вероятно, обновление укреплений Лысой горы происходит, как свидетельствуют рассмотренные выше материалы, не ранее второй четверти — середины X в. В это время данный пункт играет роль укрепленного дружинного лагеря на ближайших с северо-запада подступах к собственно Киеву: Подолу, Замковой горе и обширному могильнику на территории будущего Верхнего города. По отношению к этим градообразующим структурам, городище на Лысой горе выступает вторичным образованием. Выразительные материалы, которые можно было бы синхронизовать с наиболее ранними горизонтами Подола или комплексами Некрополя-I, как в слое городища, так и в погребальном инвентаре Некрополя-II, практически отсутствуют. Восходящие к IX в. мечи типа «Е» и «Н», происходящие из обнаруженных тут в XIX в. погребений (Каргер 1958: 190–191, 217; Кирпичников 1966: 76–77, 80–81), не меняют исследовательской картины. На фоне остальных артефактов «варяжского времени», найденных в этой местности, они вполне могут быть датированы серединой — первой половиной X в. Сведения же В.В. Хвойки о дирхемах VIII в. проверить невозможно. Но, даже если эти монеты-подвески действительно присутствовали в ожерельях погребенных на северном берегу Иорданского ручья, то, как показывает инвентарь погребения № 125, ранние монеты могли принадлежать комплексам X в. Поэтому отчасти можно согласиться с Г.С. Лебедевым, видевшим в комплексе памятников Лысой горы «государственную крепость», находящуюся под контролем верховной власти, основной контингент которой составляла варяжская часть княжеской дружины (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 13–14; Лебедев 1985: 240–241).

Однако материалы городища на Лысой горе и прилегающего к ней курганного могильника во многом противоречат построениям ученого. Данные, которые бы свидетельствовали о существовании здесь

«ко времени после 882 г., когда «поиде Олег» из Новгорода, «особого торгово-ремесленного центра», отсутствуют. Нельзя ничего сказать и о выгодах расположения Лысой горы в целях контроля «важного перекрестка» сухопутных и водных путей. Этот тезис Г.С. Лебедева был аргументированно опровергнут П.П. Толочко (Толочко 1983: 48, 50). Неубедительно выглядит и отождествление городища на Лысой горе с «Самбатасом» Константина Багрянородного. Данный топоним, судя по всему, является балтской калькой ойконима всей территории Киева середины X в., но не отдельно его «кастрон-а» — «каструм-а» (Зоценко 1994: 126–132). То, что верно было подмечено Г.С. Лебедевым — это экстерриториальность крепости на Лысой горе относительно Киева и размещение здесь варяжской дружины, однако, не князя Олега, а какой-то иной, появившейся в Киеве не ранее середины X в.

В оказавшихся известными погребениях начальной фазы функционирования киевского Некрополя-II, явно выступает сочетание вещей скандинавского и восточного происхождения (сердоликовые, горного хрусталя и пастовые бусы, получившие в X в. распространение на европейском континенте из районов Ближнего Востока и Закавказья, — погребения № 124, 125; сфероконический шлем из погребения № 117; дирхемы — погребение № 125, клад, возможно, курганы на Иорданском ручье). В меньшей мере, здесь присутствуют византийские монеты и местные, но изготовленные по византийским прототипам, украшения. Погребение № 124 содержит милиарисии и височные кольца так называемого «волынского типа». Приняв во внимание данное обстоятельство, можно предположить, что скопление импортных вещей в синхронных погребениях одного локального участка некрополя является результатом интенсивного, но не продолжительного контакта погребенных или их окружения с регионами на Востоке и Юго-Востоке средневековой Ойкумены. Наиболее вероятный характер такого контакта может быть определен в рамках военной экспедиции. Исходя из хронологии указанных комплексов Некрополя-II, можно с определенной степенью вероятности предполагать их связь с оставшимися в живых дружинниками, ходившими летом 945 г. в Арран. Согласно Ибн-Мискавейха и Мовсеса Каланкатвази, русы шесть месяцев провели в столице Аррана (Агвана) — Бердаа (Партава), откуда ушли «с большой добычей» после эпидемии и под натиском возмущенного грабежами местного населения (Пашуто 1968: 101–103; Сахаров 1980: 184–185, 189–190, 204–208). Последующие события истории этого экспедиционного корпуса князя Игоря можно представить следующим образом. Возвратившиеся в Киев летом 946 г. после казни древлянами князя, в то время, когда Ольга и Святослав осуществляли карательные меры в древлянской земле, его остатки вынуждены были остановиться на северо-западной околице Нижнего города, где было необходимо обновить заброшенные укрепления, перекрывавшие подступы к городу со стороны древлян.

О связи обитателей форпоста на Лысой горе с юго-западным Прикаспием как нельзя лучше свидетельствует и 192 дирхема найденного здесь клада. В династическом отношении основу сокровища составляли монеты Саманидов, вышедшие с дворов Шаша, Самарканда, Андераба, Балха, при наличии чекана Нишапура, Мерва, Пенджхира с 895/6 по 935/36 гг. Доминанта (127 экз.) клада выпадала на дирхемы ал-Амира ас-Саид Насра II, 914–935/36 гг. К чеканке Саманидов следует добавить единственный саффаридский дирхем Тахир ибн Мухаммад ибн Амра, чеканенный в Фарисе в 905/06 г. Характерна также примесь болгарских подражаний монетам Насра II — 12 экземпляров (Зоценко 1996: 67). Состав клада фактически является моментальным снимком с денежного обращения южного и юго-западного Прикаспия, связанного с центральными провинциями саманидского Мавераннахра. По свидетельствам источников, основным узлом, торговым перекрестком середины X в. в регионе выступал Дербент, где сходились товаропотоки из Мавераннахра, Ирана и Индии (Кудрявцев, Шихсаидов 1979: 136–138). При условии, что Дербент в походе 945 г. являлся главной базой русов (Пашуто 1968: 101), именно здесь могло быть получено подавляющее количество монет Иорданского клада 1863 г. Болгарские же подражания были присовокуплены к сокровищу уже на обратном пути дружины в Киев.

Обустройство форпоста на Лысой горе после 945 г., возможно, коснулось и укреплений северо-западных границ Нижнего города в целом. Во всяком случае, упомянутый в 1530 г. «валок старожитний», от «Юрковицкого ставка», «через Болонье» на восток до Почайны — Днепра (Петров 1897: 41, 44–45), практически совпадает с ориентирами, приведенными летописцем при вокняжении Владимира Святославича на великокняжеском столе в 980 г.: «...и стояше Володимирь обрывся на Дорогожичи, межи Дорогожичемъ и Капичемъ, и есть ровъ и до сего дне». Если принимать за «Капичь» — капище Волоса, на месте которого, согласно легенде XVIII в., была поставлена церковь св. Власия — Введенская, то «ровъ» приведенного фрагмента из «Повести временных лет» и «валок» межевания 1530 г., вполне могли принадлежать одной и той же оборонной линии. Весьма правдоподобно, что после 980 г. по этим же укреплениям прошла трасса обороны Подола «столпием отъ Горы оли до Днепра», о котором упоминает летописная статья 1161 г. Таким образом, вопреки сложившемуся мнению, памятники Лысой горы

рассматриваемого времени являются экстерриториальной по отношению к городу топографической структурой, к тому же вторичной, в сравнении с хронологией нижних горизонтов Подола и ранних погребальных комплексов Некрополя-I.

Литература

- Авдусин, Пушкина 1989 — *Авдусин Д.А., Пушкина Т.А.* Три погребальные камеры из Гнездова // История и культура древнерусского города. М., 1989.
- Андрощук 1999а — *Андрощук Ф.О.* Нормани і слов'яни у Подесенні (моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя). Київ, 1999.
- Андрощук 1999б — *Андрощук Ф.* К датировке скандинавских фибул типа Petersen-51 // *Vita antiqua*. № 1. Київ, 1999.
- Андрощук 2004 — *Андрощук Ф.* Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева // *Ruthenica*. Т. III. 2004.
- Антонович 1872 — *Антонович В.Б.* Археологическая находка // *Киевлянин*. № 126 за 21/X. 1872.
- Антонович 1879 — *Антонович В.Б.* Археологические находки и раскопки в Киеве и в Киевской обл. в течение 1876 г. // *ЧИОНЛ*. Кн. I. 1879.
- Антонович 1884 — *Антонович В.Б.* О древнем кладбище у Иорданской церкви в Киеве // *Труды IV АС в Казани*. Т. I. Казань, 1884.
- Антонович 1888 — *Антонович В.Б.* Обзорные предметы великокняжеской эпохи, найденных в Киеве и ближайших его окрестностях и хранящихся в музее древностей в Мюнцкабинете Университета св. Владимира // *Киевская старина*. Т. XXII. 1888.
- Антонович 1895 — *Антонович В.Б.* Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895
- Археологические известия и заметки. № 11. Киев, 1894.
- Археологический альманах 1993 — *Археологический альманах*. № 1. Донецк, 1993.
- Беляшевский 1888 — *Беляшевский Н.Ф.* Клады великокняжеской эпохи, найденные в Киеве // *Киевская старина*. Т. XXII. 1888. Июль.
- Беляшевский 1903 — *Беляшевский Н.Ф.* Курган-могилка на территории Киева // *АЛЮР*. № 6. 1903.
- Бліфельд 1977 — *Бліфельд Д.І.* Древньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.
- Булкин, Дубов, Лебедев 1978 — *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978.
- Вельмин 1910 — *Вельмин С.* Археологические изыскания Археологической комиссии в 1908 и 1909 гг. на территории древнего Киева // *Военно-исторический вестник*. № 7–8. Киев, 1910.
- Гарбуз 1993 — *Гарбуз Б.В.* Реконструкція Київського скарбу саманідських дирхемів // *Пам'ятки декоративно-ужиткового мистецтва з колекцій Музею історичних коштовностей України*. Київ, 1993.
- Голубева 1964 — *Голубева Л.А.* Огнива с бронзовыми рукоятками // *СА*. № 3. 1964.
- Грушевський 1993 — *Грушевський М.* Історія української літератури. Т. I. Київ, 1993.
- Даркевич 1976 — *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока. М., 1976.
- Дедов, Шведов 1987 — *Дедов В. Н., Шведов М. Л.* Находка древнерусского меча в Донбассе // *СА*. № 1. 1987.
- Зоценко 1989 — *Зоценко В.М.* Південне коло обігу дирхемів у Східній Європі // *Археологія*. № 4. 1989.
- Зоценко 1994 — *Зоценко В.М.* Ще раз про Σαμβάτας // *Старожитності Русі–України*. Київ, 1994.
- Зоценко 1996 — *Зоценко В.Н.* Южный круг обращения дирхемов в Восточной Европе VIII–X вв. // *Białoruś, Litwa, Polska, Ukraina. Wspólne dzieje pieniądza*. Warszawa, 1996.
- Івакін, Козюба 2003 — *Івакін Г., Козюба В.* Нові поховання X–XI ст. Верхнього Києва (з розкопок архітектурно-археологічної експедиції 1997–1999 рр. // *Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Чернігів*, 2003.
- Каинов 2001 — *Каинов С.Ю.* Еще раз о датировке Гнездовского кургана с мечом из раскопок М.Ф. Кусцинского // *Археологический сборник / Труды ГИМ*. Вып. 124. 2001.
- Каменецакая 1991 — *Каменецакая Е.В.* Заольшанская курганная группа Гнездова // *Смоленск и Гнездово*. М., 1991.
- Каргер 1958 — *Каргер М.К.* Древний Киев. Т. I. М.; Л., 1958.
- Каргер 1961 — *Каргер М.К.* Древний Киев. Т. II. М.; Л., 1961.
- Каталог 1899 — *Каталог выставки XI АС в Киеве*. Киев, 1899.

- Кирпичников 1966 — *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1–2 // САИ. Вып. Е1-36. М.; Л., 1966.
- Кирпичников 1973 — *Кирпичников А.Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. М.; Л., 1973.
- Корзухина 1954 — *Корзухина Г.Ф.* Русские клады. М.; Л., 1954.
- Корзухина 1976 — *Корзухина Г.Ф.* Об Одине и кресалах Прикамья // Средневековая Русь. М., 1976.
- Кудрявцев, Шихсаидов 1979 — *Кудрявцев А.А., Шихсаидов А.Р.* Опыт периодизации экономического развития средневекового Дербента // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979.
- Кулаков 1990 — *Кулаков В.И.* Ирзекапинис и Шестовицы // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990.
- Кызласов, Король 1990 — *Кызласов Л.Р., Король Г.Г.* Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990.
- Лебедев 1985 — *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
- Майко 2002 — *Майко В.В.* О локализации Фулл и Фулльской епархии в раннесредневековой Таврике // Православные древности Таврики. Сборник материалов по церковной археологии. Киев, 2002.
- Максимов, Орлов 1982 — *Максимов С.В., Орлов Р.С.* Могильник X ст. на гори Юрковиці у Києві // Археологія. № 41. 1982.
- Марјановић-Вујовић 1987 — *Марјановић-Вујовић Г.* Крестови од VI до XII века из збирке Народног музеја. Београд, 1987.
- Мельникова 2001 — *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. М., 2001.
- Мурашева 2002 — *Мурашева В.В.* Еще раз о сюжете «вознесение героя на небеса с помощью птиц» // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. СПб., 2002.
- Мусин 2002 — *Мусин А.Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.
- Недошивина 1983 — *Недошивина Н.Г.* Средневековые крестовидные подвески из листового серебра // СА. № 4. 1983.
- Николаев 1873 — *Николаев В.* Корреспонденция из Киева // Зодчий. № 1. 1873.
- Новикова 1988 — *Новикова Г.Л.* Находки скандинавских языческих амулетов в курганах Черниговщины // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в XI–XIII вв.». Чернигов, 1988.
- Новикова 1990 — *Новикова Е.Ю.* О серьгах «екимауцкого» типа // Проблемы археологии Евразии. М., 1990.
- Оборин, Чагин 1988 — *Оборин В.А., Чагин Г.Н.* Чудские древности Рифея. Пермь, 1988.
- ОАК 1898 — ОАК за 1896 год. СПб., 1898.
- Пашуто 1968 — *Пашуто В.Т.* Внешняя политика древней Руси. М., 1968.
- Петров 1897 — *Петров Н.И.* Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1897.
- Плетнёва 1967 — *Плетнёва С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. № 142. 1967.
- Путь из варяг в греки... 1996 — Путь из варяг в греки и из грек... Каталог выставки. М., 1996.
- Равдина 1988 — *Равдина Т.В.* Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М., 1988.
- Рогович 1876 — *Рогович А.* Об экскурсии, произведенной в 1875 г. по предложению Киевского общества естествоиспытателей // Записки Киевского общества естествоиспытателей. Т. IV. Киев, 1876.
- Рябцева 2005 — *Рябцева С.* Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. СПб., 2005.
- Сагайдак, Сергеева, Тимошук 1989 — *Сагайдак М.А., Сергеева М.С., Тимошук В.Н.* Отчет об исследованиях северо-западной части Подола в 1989 г. // НА ИА НАНУ. Ф. е. 1989 г.
- Сахаров 1980 — *Сахаров А.Н.* Дипломатия древней Руси. М., 1980.
- Сборник материалов 1874 — Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. Т. I–III. Киев, 1874.
- Свешніков, Нікольченко 1982 — *Свешніков І.К., Нікольченко Ю.М.* Довідник з археології України. Ровенська область. Київ, 1982.
- Сизов 1897 — *Сизов В.И.* 1897. Древний железный топор из коллекций Исторического музея // Археологические известия и заметки. М., 1897.

- Скрыленко, Беляшевский 1899 — *Скрыленко А., Беляшевский Н.* Раскопки на верхней Юрковице // АЛЮР. Т. I. № 5–6. 1899.
- Тизенгаузен 1867 — *Тизенгаузен В.Т.* О кладе куфических монет, найденных в Киеве в 1863 г. // Древности. Археологический вестник. I. М., 1867.
- Толочко 1972 — *Толочко П.П.* Исторична топографія стародавнього Києва. Київ, 1972.
- Толочко 1983 — *Толочко П.П.* Древний Киев. Киев, 1983.
- Финно-угры и балты 1987 — *Финно-угры и балты в эпоху средневековья.* М. 1987.
- Хвойка 1913 — *Хвойка В.В.* Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913.
- Хлевов 2002 — *Хлевов А.А.* Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII веках. СПб., 2002.
- Щавелев 2005 — *Щавелев С.П.* Лунница и крест: христианизация юго-востока Руси (по материалам Курского Посеймья) // Днепро-Донецкое междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2005.
- Ярославское Поволжье 1963 — *Ярославское Поволжье X–XI вв.* По материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников. М., 1963.
- Arne 1914 — *Arne T.* La Suède et l’Orient. Uppsala, 1914.
- Arwidsson 1989 — *Arwidsson G.* Bernstein // Birka II: 3. Stockholm, 1989.
- Baye 1896 — *Baye J., de.* Sépulture du X siècle à Kiev // Mémoires de la Société des Antiquaires de France. T. LV. Paris, 1896.
- Chropovský 1978 — *Chropovský B.* Krása slovienskeho šperku. Bratislava, 1978.
- Duczko 1985 — *Duczko W.* The filigree and granulation work of the Viking period // Birka V. Stockholm, 1985.
- Gräslund 1984a — *Gräslund A.-S.* Kreuzanhänger, Kreuzfix und reliquiar-Anhänger // Birka II: 1. Stockholm, 1984.
- Gräslund 1984b — *Gräslund A.-S.* Beutel und Taschen // Birka II: 1. Stockholm, 1984.
- Hårdh 1976 — *Hårdh B.* Wikingerzeitliche Depotfunde aus Südschweden. I. Lund, 1976.
- Jansson 1984 — *Jansson I.* Ovale Schalenspangen // Birka II: 1. Stockholm, 1984.
- Jansson 1985 — *Jansson I.* Ovals spännbucklor. Uppsala, 1985.
- Jansson 1986 — *Jansson I.* Gürtel und Gürtelzubehör vom orientalischen Typ // Birka II: 2. Stockholm, 1986.
- Jansson 1989 — *Jansson I.* Schmuckanhänger von orientalischen Typ // Birka II: 3. Stockholm, 1989.
- Lietuvos TSR 1978 — *Lietuvos TSR archeologijos atlasas, IV.* Vilnius, 1978.
- Mühlen 1975 — *Mühlen B.Z.* Die Kultur der Vikinger in Ostpreußen // Bonner Hefte zur Vorgeschichte. 9. Bonn, 1975.
- Petersen 1919 — *Petersen J.* De norske vikingesverd. En typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaapen. Kristiania, 1919.
- Petersen 1928 — *Petersen J.* Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928.
- Staecker 1999 — *Staecker J.* Rex regum et dominus dominorum: die wikingerzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdänemark und Schweden. Stockholm, 1999.
- Sundbergh, Arwidsson 1989 — *Sundbergh K., Arwidsson G.* Schließ und Wetzsteine // Birka II: 3. Stockholm, 1989.
- Stenberger 1958 — *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Bd. I. Stockholm, 1958.
- Ström 1984 — *Ström K.* Thorshammerringe und andere Gegenstände des heidnischen Kults // Birka II: 1. Stockholm, 1984.
- Teodor 2003a — *Teodor D.* Spațiul carpato-dunăreano-pontic în mileniul marilor migrații. Buzău, 2003.
- Teodor 2003b — *Teodor D.* Des découvertes chrétiennes du premier millénaire après J. Ch. dans les régions Extra-Carpatiques // Христианское наследие Византии и Руси. Сборник материалов II международной конференции «Церковная археология: изучение, реставрация и сохранение христианских древностей» (Севастополь, 2002 г.). Симферополь, 2003.
- Vierck 1984 — *Vierck H.* Mittel- und westeuropäische Einwirkungen auf die Sachkultur von Heithabu/Schleswig // Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen an Siedlung im deutschen Küstengebiet. Bd. 2. Weinheim, 1984.
- Les Vikings 1992–1993 — *Les Vikings.* Paris, Berlin, Copenhagen, 1992–1993.
- Viking og Hvidekrist 1993 — *Viking og Hvidekrist.* København, 1993
- Waller 1984 — *Waller J.* Nadeln/Pfrieme und Pinzetten // Birka II: 1. Stockholm, 1984.

Ю.М. Лесман (Санкт-Петербург)

ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА ИЗ ВЫШГОРОДА

В Национальном историческом музее Украины (Инв. номер В2/968, старый номер 477/1934) хранится найденная в Вышгороде литейная форма (рис. 1), пока не привлекавшая внимания исследователей. Она изготовлена из плотного известняка, имеет форму близкую к прямоугольной призме со сторонами 98 x 48 x 20 мм. На четырех сторонах вырезаны ложа для отливки не менее чем пяти изделий (одна из больших поверхностей призмы частично сколота). Форма найдена в Вышгороде в июле 1934 г. (работы продолжались с 10 по 29 июля) во время раскопок там экспедиции Института истории материальной культуры Украинской АН. Работами экспедиции руководил Ф.А. Козубовский, что следует из его полевого дневника, хотя в описи Национального исторического музея Украины в качестве автора раскопок указан Ф.М. Молчановский. В текстовой части полевого дневника упоминаний о форме нет, но в описи она значится под номером 477: «Матрица для вливки серг и колец форма с камня», «место знахідки» — «випадкова знаходка» (НА ИА НАНУ. ПМК / Вишгород. Д. 4. Лл. 90–91).

Форма не несет следов нагрева, что свидетельствует о ее использовании для изготовления восковых моделей.

На одной из больших плоскостей вырезаны ложа для отливки округлой прорезной подвески (рис. 2: 1), усеченно-конического грузика (рис. 2: 2) и каплевидного по очертаниям изделия с выпуклой центральной частью (рис. 2: 3). К ушку подвески и к узкому окончанию каплевидного изделия ведут литники от краев формы. В центре ложа для отливки грузика коническое углубление для стержня, обеспечивающего получение отверстия в центре грузика. На той же поверхности имеются два конических углубления диаметром 3–4 мм и глубиной 2,5–3 мм, предназначенные для вхождения стержней, обеспечивавших точное совмещение формы с ее второй (не сохранившейся) створкой и крепившихся в ней. Тот факт, что подобные отверстия имеются лишь на этой стороне, позволяет определить эту сторону как основную. Размещение углублений по обе стороны ложа для круглой подвески (по линии диагонали прямоугольника поверхности) вкупе с тем, что это ложе размещено в центре поверхности, позволяет считать подвеску первичной на основной стороне. К углублениям для отливки моделей подвески и каплевидного изделия от краев формы подходят литники. Это свидетельствует об их использовании в составе двусторонней литейной формы не только для отливки подвески, но и для отливки каплевидного изделия. Связность каждого из этих углублений и их глубины давали возможность получить функциональные модели, даже если в несохранившейся створке углубления были сделаны только для литников. Модели грузиков отливались в односторонней открытой форме со вставным стержнем на месте отверстия.

На второй (оборотной) большой плоскости вырезаны ложа для отливки нескольких изделий: кольцевидного с четырьмя треугольниками ложной зерни снаружи (рис. 2: 4) и одного или нескольких предметов неясных очертаний (поверхность формы в этом месте повреждена), декорированных вдоль края рядами ложной зерни. Точки для имитации зерни представляют собой отдельные углубления на плоскости формы, что свидетельствует об использовании формы в качестве второй (накладной) створки. Литников нет, они должны были находиться на основной створке, там же размещались ложа, определявшие основной объем моделей.

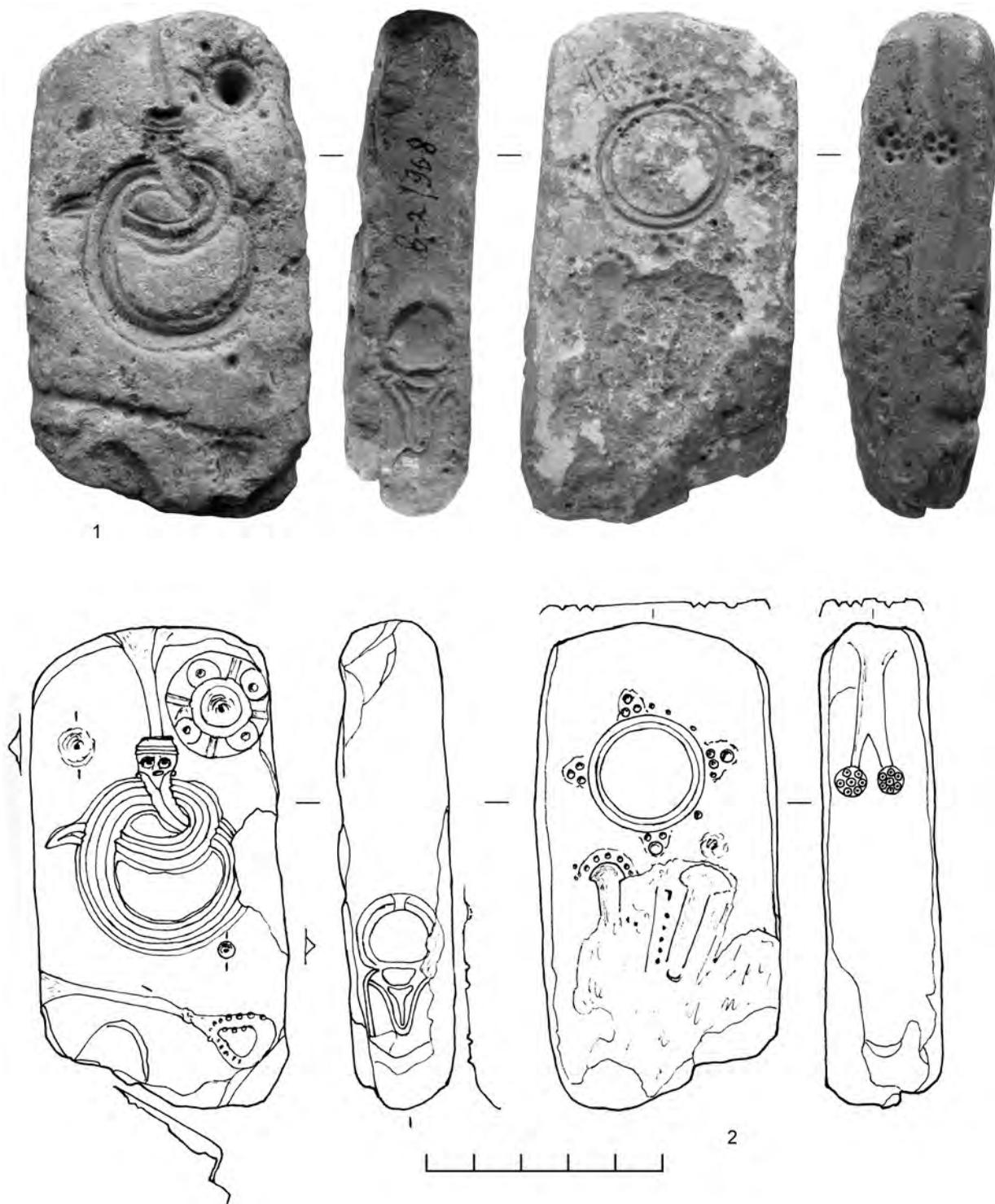

Рис. 1. Литейная форма из Вышгорода. 1 — фото; 2 — прорисовка

На одной из длинных боковых граней призмы вырезаны два плоских округлых углубления для отливки одинаковых плоских бляшек (рис. 2: 5), вся поверхность каждой декорирована розеткой из семи выпуклых точек-конусов (по одной — в центре и по шесть — вокруг). К ломам бляшек ведут два соединенных в истоке литника (открывающихся на ту же верхнюю сторону, что и литник подвески на лицевой стороне). Наличие связного объема и литников говорит об этой стороне как створке для отливки в двусторонней форме.

На второй боковой грани вырезано связное ложе для отливки лицевой поверхности пряжки со щитком (рис. 2: б). Литник отсутствует, но чрезвычайно малая глубина ложа (0,5–1,5 мм) не допускает использование формы как односторонней. Вторая створка, скорее всего, имела литник и достаточно глубокое (не менее 1–1,5 мм) ложе для обеспечения прочности пряжки.

Обратимся к типологическому анализу изделий (насколько это возможно, имея лишь по одной стороне формы), для изготовления моделей которых предназначалась литейная форма. Основное и, скорее всего, первичное ложе предназначалось для модели крупной округлой прорезной подвески, имевшей высоту с головкой 45 мм, без головки 36 мм, ширину до 43 мм. Головка ее широкая (8 мм), имеет форму личины, тело подвески состоит из ленты, образующей простую одинарную незатянутую петлю. Личина проработана с деталями: показаны глаза, нос, рот, даже уши, с известными оговорками напоминает человеческое лицо. Лента отходит от головы вниз (шея не выделена) и, изгибаясь, завершается заостренным окончанием. Головка с личиной — диагностичный признак скандинавских подвесок или подражаний им: на восточноевропейских средневековых украшениях, не связанных со скандинавской ремесленной традицией (непосредственно или опосредованно — в виде отливок по оттискам готовых изделий) они не известны (серию скандинавских аналогов X–XI вв. см.: Stenberger 1958: Abb. 45, 68, 69, 71; Callmer 1989; Jansson 1989: 45 и др.; об интерпретации древнерусских находок см.: Лесман 2003: 70–75; Лесман 2006: 86–89). Среди скандинавских находок известны подвески в виде свернувшейся в спираль змеи, но изображение головы змеи на ушке там всегда обращено вверх (т.е. достаточно реалистично изображена свернувшаяся змея — Petersen 1928: 139, 141, fig. 162, 163). Диаметр нашей подвески превосходил диаметр подавляющего большинства известных в Скандинавии образцов. Необычна для Скандинавии передача тела (или его части) лентой с сечением в виде высокого треугольника с узкими низкими бортиками по бокам. У скандинавских подвесок тело животного может иметь продольное рифление, оно может передаваться тремя лентами с широкой средней и узкими по краю, но эти ленты в сечении всегда округлые. Сечение, которое имела лента рассматриваемой подвески редко встречается и на древнерусских ювелирных изделиях — помимо индивидуальных форм (напр., Седова 1981: 87, рис. 31:13) я могу назвать лишь группу подковообразных фибул с близким сечением дуги. Конструкция ушка не отразилась в литейной форме непосредственно, но показательно отсутствие углубления для штифта, благодаря которому получалось отверстие в ушке обычных древнерусских подвесок. Отсутствие штифта, учитывая ширину ушка около 8 мм, указывает на то, что конструктивно ушко на самом деле почти наверняка было псевдоушком: привеска подвешивалась с помощью пары отверстий, проделанных в пластинках, образующих боковые поверхности ушка (своего рода манишка с грудью и отверстиями для рук, но без спины).¹ Такая конструкция характерна для всех литых скандинавских подвесок с широким ушком, относящихся к эпохе викингов, в частности, для всех скандинавских литых подвесок с изображением личины на ушке (Лесман 2003: 70–75). Иконографически подвеска, при близости к скандинавской традиции, не имеет прямых аналогов ни в Скандинавии, ни на Руси, но конструктивно следует скандинавским ремесленным нормам. По общему рисунку формы, с оговоркой на условность сопоставления, она ближе всего, пожалуй, к лентам-змеям рунических камней XI в. Если говорить о датировке, следует учитывать, что подвески с головкой в форме личины появляются в Скандинавии незадолго до середины X в. и продолжают использоваться в XI в. В Восточной Европе они бытуют несколько дольше, но не позже XII в., причем уверенно можно говорить лишь о первой трети XII в. Если верна стилистическая параллель с руническими камнями, нижнюю дату литейной формочки можно ограничить XI в., скорее всего, без самого его начала.

Ложа для остальных моделей могли быть вырезаны как синхронно основному, так и несколько позже. Грузик, для отливки которого предназначалось углубление в углу поверхности литейной формы

¹ При такой ширине ушка протыкание толстого выступа восковой головки повредило бы само ушко. Боковые пластинки головки (собственно ушки для подвешивания) могли быть получены путем выскабливания в воске полости с задней стороны модели головки (при условии наличия во второй створке литейной формы простого углубления на месте головки), для отливки боковых пластинок головки (собственно ушек для подвешивания) во второй створке литейной формы могли быть сделаны узкие парные углубления, боковые пластинки-ушки могли дополнительно наращиваться в воске после отливки модели. Отверстия, как показывает ознакомление с подвесками подобной конструкции в музеях Швеции (в Государственном историческом музее в Стокгольме, в Музее Сигтуны и др., где я, благодаря стипендиям Шведского Института, имел возможность работать с коллекциями), могли проделываться как в восковой модели, так и в металлической отливке. Среди скандинавских находок есть незавершенные экземпляры, у которых отверстия на парных боковых пластинках по сторонам ушка отсутствуют. — см.: Jansson 1981: 7–9, 16).

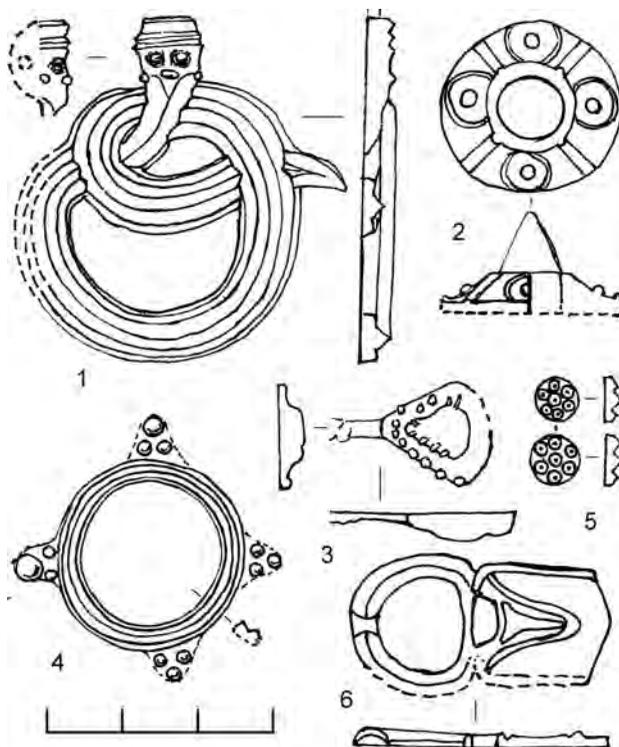

Рис. 2. Модели вещей, для отливки которых предназначалась литейная форма из Вышгорода. 1–6

(несколько выше подвески), имеет многочисленные параллели среди находок из древнерусских городов. Однако в той или иной степени надежную хронологию дает лишь новгородская серия (при всех проблемах, связанных с некоторыми различиями в периодах бытования ряда типов вещей в различных древнерусских землях). В Новгороде, на Неревском раскопе, найдены 10 экз. грузиков,² декорированных одиночными выпуклостями ложной зерни между радиальными рельефными линиями (по одному зерну в секторе), в силу немногочисленности типа датировка его в Новгороде носит предварительный характер — с известной долей условности³ время его бытования может быть синхронизовано с временем функционирования 23–17 ярусов Неревского раскопа (между 1055 и 1281 гг.).

Бляшка каплевидной формы могла быть как самостоятельным изделием (ременной накладкой), так и деталью более сложного украшения (щитком браслета). Вторая трактовка представляется, с учетом наличия прямых аналогов лишь среди щитков овально-конечных браслетов (пластинчатых, витых, плетеных, на основе стержня с обмоткой), более вероятной. Восковые модели щитков могли использоваться при конструировании модели браслета, приклеиваясь к концам модели тела браслета. Однако по ним могли изготавливать и металлические отливки, которые припаивали к концам заготовки браслета. В целом, ювелирные изделия или их части в форме капли или сердца датируются в Новгороде достаточно широко: нижняя дата в рамках новгородской хронологии неопределима, верхняя — до начала XIV в.,⁴ овально-конечные же браслеты с орнаментированными щитками появляются в Новгороде существенно позже — лишь с рубежа XI–XII вв.⁵ Вместе эти особенности позволяют, если опираться

² Согласно принятым в НАЭ обозначениям (ярус-пласт-квадрат): 23-31-728; 21-27-7; 21-26-371; 21-24-1553; 20-19-531; 20/19-17-520; 19-24-159; 18-16-567; 18/17-23-163; 13-18-1189.

³ Условность синхронизации связана с расхождениями в периодах бытования различных типов в разных древнерусских землях, в частности, на Новгороде не сказалось в такой степени, как на южнорусских землях, монгольское завоевание.

⁴ 32 экз. (Неревский раск.: ниже 28-34-136; 27-25-510; 27/26-30-1260; 21-25-329; 21-22-1989; 19-23-307; 19/18-28-1336; 18-23-1214; 18-20-1890; 18-19-451; 17-19-1072; 17-18-972; 16-25-1391; 16-22-2119; 16-21-1291; 16/15-21-257; 15-19-1519; 15-16-1990; 15-14-981; 14-21-760; 14-18-297; 14-17-1613; 14-13-488; 13-21-1465; 13-16-1838; 13-11-489; 11-16/15-4,12-14,22,32; Ил20-25-131; Мих17-27-27; Козм16-9; Козм14-33; Люд15-56). Все находки синхронизируются с ярусами не выше 12 (до 1313 г.).

⁵ 32 экз. (Неревский раск. 21-25-329; 21-22-1989; 19-23-307; 19/18-21-1623; 18-23-1214; 18-20-1890; 17/16-16-1099; 16-22-2119; 16-18-881; 16/15-21-257; 16/15-16-1072; 15-16-1990; 15/14-23-1399; 14-21-760; 14-18-297; 14/13-15-1876;

на хронологию ювелирных изделий Новгорода, условно синхронизовать щитки с 21–12 ярусами Неревского раскопа (1096–1313 гг.).

К сожалению, уверенно определить, что за предметы отливались с помощью углублений на оборотной стороне, не удастся. Если ориентироваться на хронологию декора и морфологии ювелирных изделий Новгорода (учитывая неясность не только типологической, но даже категориальной атрибуции изделия, такая хронологическая опора гипотетична), следует указать на то, что оформление части вещи в форме треугольника из трех кружков или трех шариков ложной зерни встречается в Новгороде до 13 яруса Неревского раскопа (т.е. с середины X в. до 1281 г.).⁶

Хронология пряжек, аналогичных той, что изготавливалась с помощью рассматриваемой литейной формы,⁷ как и хронология круглых бляшек (или соответствующих им деталей других изделий), не разработаны. Таким образом, если предполагать, что синхронно использовались все углубления формочки, она может быть датирована второй половиной XI–XII в. (скорее всего не позже первой трети XII в.). Начало использования формы, к сожалению, не удастся ограничить уже хронологических рамок датировки подвески.

Ярким явлением древнерусской материальной культуры первых веков ее существования являются круглые подвески, традиционно именуемые «подвесками гнездовского типа». В подавляющем большинстве они находят себе прямые аналогии в Скандинавии эпохи викингов, где бытовали сравнительно короткий промежуток времени между серединой X в. и самым началом XI в. Скандинавские находки подвесок были систематизированы И. Кальмером (Callmer 1989), хотя в опубликованную сводку вошли не все их разновидности. Недавно опубликованная сводка древнерусских подвесок гнездовского типа (Дементьева 2008) существенно облегчает анализ восточноевропейских находок. В нее вошли 129 экземпляров, то есть подавляющее большинство подвесок (учтена, в частности, и серия подвесок из частных коллекций), хотя имеются некоторые досадные пропуски и ошибки.⁸

Время появления подвесок гнездовского типа приходится на вторую четверть X в. Выходят из употребления они на Руси позже, чем в Скандинавии, часть находок происходят из комплексов XII в., но находок, уверенно датирующихся временем после середины этого столетия, я не знаю.

С точки зрения степени соответствия/несоответствия скандинавским прототипам и аналогам древнерусские находки можно разделить на четыре группы:

1 группа. Подвески, которые ни иконографически, ни конструктивно (широкие головки имеют конструкцию псевдоушек, узкие — простые) не отличаются от происходящих из Скандинавии и, как минимум, в подавляющем большинстве синхронны им.

2 группа. Подвески, иконографически соответствующие скандинавским аналогам, но отличающиеся от них иной конструкцией ушка. Известные мне находки датируются XI–XII вв. Они изготовлены по оттиску подвесок первой группы (Лесман 2003: 70–75). Обычно такие подвески моложе скандинавских моделей и могли изготавливаться как непосредственные копии или как копии с копий. Характерно, что среди копируемых подвесок с изображением зверя в профиль с обращенной назад головой, нет композиционно сложных, на которых зверь кусает спускающуюся с ушка ленту (по Й. Каллмеру это группа А вариант 3 типы Kållestad, Tuna, Träslöv — см.: Callmer 1989: 23, 26, 27, 38–39, Abb. 3: 6–8, 20, 21).

1–2 группа. Часть подвесок с зооморфными изображениями имели узкие ушки и, как в Скандинавии, так и на Руси, конструктивно едины. Их, как и лишённые ушек фрагменты, невозможно дифференцировать на указанные две группы. Следует учитывать, что часть скандинавских находок, как и часть древнерусских, изготовлены по оттиску с готовых изделий, нередко с потерей четкости изображения.

13-11-489; 12-19-722; 12-7-1737; 11-16-158; Ил25-131; Мих18-28-61; Ил25-131; К27-38; Люд15-56; Нут9/8-14-14; Тр10-92; Козм16-9; Козм14-33; Тихв18-68; литейные формы: Кировский26-70, Кировский24-20). Т. е. время бытования типа синхронизируется с 21–8 ярусами Неревского раскопа (1096–1382 гг.).

⁶ 15 экз. (Неревский раск. 28-32-1184Б; 23-24-936; 20-25-787; 20-24-4; 18-19-934; 17-21-295; 16-17-1790; 15-22-629; 14-11-694, 1729; 13-20-135; 13-14-1806; 13-12-528; Ил11-21-23; Люд12-6; литейная форма: Кировский 26-70).

⁷ Одночастные пряжки подобной формы, отлитые вместе со щитком, относительно немногочисленны на севере Руси (в частности, в Новгороде), они более массово представлены на южных древнерусских поселениях.

⁸ Укажу, в качестве примеров, на отсутствующую в Каталоге подвеску из Сахновки, опубликованную еще в 1902 г. (Ханенко 1902: табл. XVII. 374), и на «раздвоившуюся» подвеску из раскопок В.Н. Крейтона в с. Паниковичи Псковской губ. (она фигурирует под № 16, как утраченная, а затем под № 68 (и на рис. 7: 8), как случайная находка из г. Пскова). Второе замечание к каталогу связано, к сожалению, с некоторой некорректностью его ссылочного аппарата. В качестве основы для части рисунков были использованы материалы, собранные коллективом авторов Каталога скандинавских находок на территории Древней Руси, но ссылки на этот каталог и на его авторов отсутствуют (для находок из Псковской обл. они заменены ссылками на «сведения ПГОИАХМЗ»).

Часть древнерусских находок синхронна скандинавским, но часть несомненно моложе, например, подвеска из Ильинского раскопа в Новгороде (Ил25-4 — см.: Седова 1981: 39, 42, рис. 13:6), найденная в слое, соответствующем 4/5 строительным горизонтам, отложившемся в 1120-х — 1150-х гг. Зафиксированы несомненные следы производства подвесок первой/второй групп: глиняная литейная форма, найденная на Рюриковом городище (см.: Носов, Плохов 2005: 64–65, 201, табл. 29:9); глиняная литейная форма из Белоозера, причем на этой хорошо сохранившейся форме видно, что предназначена она была для изготовления модели лишь тела подвески, модель ушка должна была быть к ней прилеплена позже (Захаров 2004: 227, рис. 52:2).

3 группа. Подвески, конструктивно идентичные скандинавским: с широкими ушками в виде псевдоушек, узкие ушки обычной конструкции, у части фрагментов конструкция ушек неопределима. Стилистически эти украшения близки скандинавской традиции, но не имеют прямых аналогов в Северной Европе, или аналоги единичны и атрибутируются там как инородное явление. Среди таких изделий некоторые датируются X в., часть XI в. и, возможно, XII в.

Наиболее ранняя известная мне подвеска (Гущин 1936: табл. III. 16) происходит из большого гнёздовского клада 1867 г., сокрытого в последней четверти X в. — у этой уникальной подвески необычно для собственно скандинавских изображений в стиле Борре то, что лапа (в верхней части подвески) захватывает тело не целиком, а как бы цепляется за его край. При этом головка для подвешивания имеет конструкцию псевдоушка.

Немногочисленная группа подвесок, выделенных А.С. Дементьевой (2008: 221–222, 224, 229, 262, рис. 9, 9-10, № 87, 88) в тип А IX, представлена двумя находками на Руси и одной на о. Борнхольм, где ее атрибутируют как чужеродную. На них изображены два зверя, сохраняющие некоторые элементы стиля борре. Подвешивались с помощью широкого псевдоушка.

Для XI в. (с возможным выходом в XII в.) показательна отмеченная И.И. Еремеевым (2005: 102, 103, рис. 4:3) и объединенная А.С. Дементьевой в тип А VIII (Дементьева 2008: рис. 9, 5-8, № 78–86; как уже упоминалось, список необходимо пополнить подвеской из Сахновки) группа подвесок. Поле — не прорезное, большого диаметра, что не типично для Скандинавии. Изображения двух оплетенных лентами звериных тел стилистически близки к скандинавским, но не имеют там прямых аналогов. Они подвешивались с помощью псевдоушек.

Еще одна округлая подвеска с личиной на псевдоушке и прорезным орнаментом из причудливо переплетающихся изогнутых продольно рифленых лент (Гущин 1936: 83, табл. XXXIV. 13) происходит из собрания Екатерины II.

Часть подвесок с узкими простыми ушками сохраняет основные черты скандинавской иконографии, некоторые особенности стиля Борре, но на Руси они существенно модифицируются. Это немногочисленные варианты подвесок, выделенные А.С. Дементьевой (2008: 214, 220, 228, 257, 269, рис. 7:7, 13:6, 7, 67, 112, 113) как А III.1-2 и С II (в том числе один экземпляр — заготовка из Довмонтова города во Пскове, у которой не проделано отверстие в ушке).

Возможно, к этой же группе может быть отнесена найденная в Суздале каменная литейная формочка для изготовления круглой подвески с изображением Одина (?) с птицами на плечах и круглой подвески (?) (сохранилась лишь половина диска) с зооморфным декором. По краю ложа для последней подвески были вырезаны скандинавские руны — надпись, которая входила в композицию украшения. На форме вырезаны также углубления для отливки маленьких подвесок-крестиков, грузиков и круглорогих лунниц. Формочка была обнаружена в выбросе из ямы, прорезавшей в XVIII–XIX вв. постройку 7, которую М.В. Седова датирует (как и формочку) XI в. (Седова 1997: 83–86, рис. 20). Однако, хронология лунниц, для изготовления моделей которых использовалась форма, заставляет откорректировать по крайней мере время прекращения использования этого инструмента. В Новгороде ювелирные изделия или их части в форме круглорогих лунниц бытовали лишь после 1134 г. (до 1313 г.),⁹ в то время как разомкнутые лунницы встречаются до 1268 г.,¹⁰ что и определяет (условно) дату лунницы 1134–1268 гг. Конечно, нельзя исключить того, что ложа для отливки подвесок могли быть вырезаны раньше, чем ложа для лунниц, но в землю формочка попала не ранее второй трети XII в.

⁹ 13 экз., в том числе литейная форма (17/16-16-1097; 16-17-1790; 16-16-1992; 16/15-18-1834; 14-21-712; 14-20-276; 14-17-1048; Ил24-305; Ил11-20-63; Мих29-49; Тр6-90; Тр 8 яр. 1976 г.; лит.форма 17/16-20-869), что позволяет синхронизировать период бытования типа с 19–11 ярусами Неревского раскопа (1134–1313 гг.).

¹⁰ 11 экз., в том числе литейная форма (ниже 28-35-48; ниже 28-33-78; 28-32-1184Б; 27-30-312; 23-24-936; 16-16-1922; 16/15-18-1834; 14-21-712; 14-20-276; Ил24-305; лит. форма 17-20-869) что позволяет предположительно синхронизировать период бытования разомкнутых лунниц с ярусами не выше 14 (предположительно до 1268 г.).

4 группа. Разные варианты подвесок, восходящие к скандинавским изделиям или изделиям, принявшим в той или иной степени скандинавскую традицию, но утратившие атрибутирующие эту традицию диагностические черты. Утрата этих диагностических черт происходила не одновременно, и их рудименты сохраняются на ряде изделий, однако сами подвески уже в полной мере можно считать внутренним явлением древнерусской культуры. Ушки подвесок имеют обычную для Восточной Европы конструкцию. К этой группе относятся три подвески с изображением обернувшегося назад зверя, включенные А.С. Дементьевой (2008: 214, 215, 218, 242, 249, рис. 2:5, 5:9,10, 7:7, 13:6,7, № 14, 39, 40) в варианты А I.3 и А III.3, а также три подвески, схематизирующие изображение зверя до полной утраты связи с ним, образующие варианты А IV.5 и С I.5 (Дементьева 2008: 214, 220, 222, 228, 257, 269, рис. 2:5, 5:9,10, 7:7, 13:6,7, № 67, 112, 113). К этим подвескам следует добавить три круглые подвески с простым прорезным изображением зверя в профиль с обращенной назад головой из погребения 2 кургана 9 в ур. Башево I у д. Загорье Корчевского у. Тверской губ. (РА НА ИИМКРАН. Ф. 1. 1906 г. Д. 30. Лл. 32, 46, 73; хр. ГИМ колл. оп. 574/49-51).

На древнерусских памятниках с конца XI в. или, скорее, с XII в. встречаются сплошные круглые подвески (литые и штампованные, известна также матрица для штамповки), они отличаются большим диаметром (что, начиная с XII в., характерно для круглых подвесок) и специфичной иконографией: четырехное животное с обращенной назад головой (иногда оно кусает свой хвост), у которого под брюхом размещено изображение цветка или крина (Сарачева 2003). Возможно, их прототипом (или одним из прототипов) являлись прорезные подвески с композиционно аналогичным изображением зверя в профиль с обращенной назад головой. Следует отметить, что после X в. в Европе изображения животных в такой позе редки. В декоре ювелирных изделий XI в. они известны на дисковидных фибулах, происходящих как из Германии (Spiong 2000: 66, 68–70, 77, Taf. 7: 11, 19, 8: 5, 9: 6), так и из Скандинавии, где распространены преимущественно местные типы, на одном из которых напоминающий цветок трилистник-триквестр размещается под брюхом животного между его ног (Holmqvist 1951: 48, fig. 38). В более позднее время (XII–XIII вв.) изображения животных в аналогичной позе, дополненные крином или ростком под брюхом, известны на пластинах-щитках из Западной Сибири, которые Н.В. Федорова атрибутирует как изделия Волжской Болгарии (Зыков, Кокшаров, Терехова, Федорова 1994: 114, 152, № 272). Весьма вероятно, что там эта иконография могла быть заимствована из Руси.

Подвески, для изготовления моделей которых предназначалась публикуемая литейная форма, относились ко второй группе рассматриваемых изделий, фиксируя в Вышгороде ремесленника-ювелира, работавшего в скандинавской технологической традиции и на основе скандинавского звериного стиля эпохи викингов (ближе всего к стилю Еллинг). При этом резавший форму мастер, по-видимому, утратил регулярный и непосредственный контакт с метрополией, вследствие чего и вышел за рамки привычной для Северной Европы иконографии.

Такие инновации, не выходящие из рамок скандинавской культурной традиции, но дающие результаты, существенно отличающиеся от того, что мы знаем по скандинавским материалам, охватывают целый круг явлений на территории Древней Руси. Они пока мало привлекали внимание исследователей, поэтому перечень носит сугубо предварительный характер. Однако уже сейчас в него можно включить подвески гнёздового типа охарактеризованной выше третьей группы; еще ряд типов подвесок, в том числе часть подвесок со знаками Рюриковичей (Белецкий 2004: рис. 9–11, 13–15, 16–19); изображения знаков Рюриковичей на древнерусских монетах с именем «Святополк» (Сотникова, Спасский 1983: 182–185, 188, № 182-2, 183-1, 185-1, 190-1, 191-2, 198-1), с именем «Петрос» (там же: 191, № 206-1) и с именем «Петор» (там же: 193, 195, 196, № 211-1?, 215-3, 218-1); некоторые деревянные изделия (часть новгородской резьбы — см.: Колчин 1971: табл. 1: 16-22, 5: 1-4, 9-12, 16: 4, 19); а также один из рисунков-граффити в проезде Золотых ворот Киева, на котором изображено змеевидное существо с затылочным пучком (*nacktofs*) — характерной чертой скандинавской иконографии эпохи викингов и перехода к средневековью (Лесман в печати).

Широкая география распространения подобных изделий и их специфика позволяют поставить вопрос о наличии особого культурного пласта, который можно назвать русско-скандинавским (аналогично англо-скандинавскому в Британии эпохи викингов). Время его функционирования определяется на сегодняшний день в пределах X–XII вв., при том, что уверенно можно говорить пока лишь о несколько более узком периоде с середины X до середины XII в. Следует учитывать, что этот культурный пласт, как специфическое культурное явление, вкуче с прямым скандинавским культурным воздействием, внес свой весомый вклад в формирование и развитие древнерусской культуры.

Литература

- Белецкий 2004 — *Белецкий С.В.* Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004.
- Гущин 1936 — *Гущин А.С.* Памятники художественного ремесла древней Руси X–XIII вв. М., 1936.
- Дементьева 2007 — *Дементьева А.С.* «Подвески гнёздовского типа» на территории Древней Руси X–XII вв. // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. М., 2007.
- Еремеев 2005 — *Еремеев И.И.* Волок «с верха Днепра до Ловати» и варяги // АВ. № 12. 2005.
- Захаров 2004 — *Захаров С.Д.* Древнерусский город Белозеро М., 2004.
- Зыков, Кокшаров, Терехова, Федорова 1994 — *Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В.* Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собрания Уральского университета. Екатеринбург, 1994.
- Колчин 1971 — *Колчин Б.А.* Новгородские древности. Резное дерево // САИ. Вып. Е1-55. М., 1971.
- Лесман 2003 — *Лесман Ю.М.* Псевдоушки — диагностический признак скандинавских подвесок эпохи викингов // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников двенадцатого colloquium. СПб., 2003.
- Лесман 2006 — *Лесман Ю.М.* Восточноевропейские реплики скандинавских подвесок с зооморфными изображениями // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Международная научная конференция. Тезисы докладов. СПб., 2006.
- Лесман в печати — *Лесман Ю.М.* Рисунки графито № 301 из Золотых ворот Киева.
- Носов, Плохов 2005 — *Носов Е.Н., Плохов А.В.* Исследования центральной части Рюрикова городища в 1984–1989 гг. // *Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В.* Городище под Новгородом и поселения северного Приильменя. СПб., 2005.
- Сарачева 2003 — *Сарачева Т.Г.* Древнерусские привески с изображением зверя // СА. № 4. 2003.
- Седова 1981 — *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
- Седова 1997 — *Седова М.В.* Суздаль в X–XV вв. М., 1997.
- Сотникова, Спаский 1983 — *Сотникова М.П., Спаский И.Г.* Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л., 1983.
- Ханенко 1902 — *Ханенко Б.И., Ханенко В.И.* Древности Поднепровья. Эпоха славянская (VI–XIII в.). Вып. V. Киев, 1902.
- Callmer 1989 — *Callmer J.* Gegossene Schmuckhänger mit nordischer ornamentik // Birka II: 3. Stockholm, 1989.
- Jansson 1981 — *Jansson I.* Economic aspects of fine metalworking in Viking Age Scandinavia // Economic aspects of the Viking Age. British Museum. Occasional Paper. 30. London, 1981.
- Jansson 1989 — *Jansson I.* Schmuckhänger von orientalischem Typ // Birka II: 3. Stockholm, 1989.
- Holmqvist 1951 — *Holmqvist W.* Viking Art in the Eleventh Century // Acta Archaeologica. Vol. XXII. 1951.
- Spiong 2000 — *Spiong S.* Fibeln und Gewandnadeln des 8. bis 12. Jahrhunderts in Zentraleuropa // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. 12. Bonn, 2000.
- Stenberger 1958 — *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. I. Text. Stockholm, 1958.

Архивные материалы

РА НА ИИМК РАН. Ф.1. 1906 г. Д. 30. *Гендуне Ю.Н.* О раскопках г-жи Ю. Гендуне в Корчевском уезде Тверской губернии и Лихвинском уезде Калужской губернии.

АИА НАНУ. ПМК/Вишгород. № 4. *Козубовский Ф.А.* Шоденник начальника археологичних експедицій Інституту Історії Матеріальної культури ВУ АН. 1934 р. 1 кн. (Київ, Межигір'є, Вишгород. 1.-VII-19.VII.1934 г.)

Р. Ливох (Краков)

БОЛЬШИЕ КУРГАНЫ ЛЕТОПИСНОГО ПЛЕСНЕСКА

В XIX в. в летописной местности Плеснеск (ныне деревня Подгорцы Бродовского района Львовской области Украины) были раскопаны несколько курганов средневекового могильника. В настоящее время мы располагаем сведениями о четырех из них, которые на фоне всего некрополи выделялись своими размерами. Эти памятники, ставшие известными во второй половине упомянутого столетия, и являются предметом нашей статьи.¹

Первый курган, находившийся на земельном участке, принадлежавшем Василию Толочко, был раскопан археологом-любителем Болеславом Шанявским 2 сентября 1874 г. В погребении был обнаружен скелет, ориентированный головой на запад. С правой стороны погребенного лежала сабля, возле ног — ведро. Здесь были обнаружены перстень с эмалью (?), нож, крючок и гвозди. Сабля, известная лишь по архивному рисунку (рис. 1: 1), имеет короткое лезвие и перекрестье типа I A по А.Н. Кирпичникову. Ее приблизительные размеры: с. о. дл. — 81 см, дл. к. — 75 см, ш. к. — 3,3 см, дл. п. — 9,8 см.² Несмотря на некоторые колебания, это оружие можно датировать концом X — серединой XI в. Погребение следует сопоставить с другим подгорцевскими курганами с оружием. Его хронология основывается на датировке сабли (Liwoch 2005: 37–39).

Гораздо лучше сохранилась информация о курганах, которые были профессионально раскопаны Тадеушем Земенцким. В 1881 г. он исследовал курган, названный им «*Большой курган на крестьянском участке № 1*» (wielka mogiła na gruntach włościńskich nr 1) (Ziemięcki 1882: 60; Ziemięcki 1883: 49), а осенью 1882 г. — два других кургана, расположенных вблизи друг с другом и названных им «*Большой двойной курган № 1 и № 2*» (wielka mogiła bliźniacza nr 1 i nr 2) (Ziemięcki 1883: 43–48). Погребальный инвентарь из этих курганов хранится в Археологическом музее города Краков в Польше (инвентарный номер МАК/3744).

Высота *Большого кургана на крестьянском участке* — 2,5 м; в кургане зафиксированы следы грабительской ямы. На глубине 3 м от вершины были обнаружены два скелета в лежачем положении с западной ориентировкой (рис. 1: 2). С правой стороны от мужского костяка найден плохо сохранившийся железный меч типа S по Й. Петерсену (рис. 1: 4, 5; цв. вкл. 12: 13, 14). Его размеры: с. о. дл. — 86 см, с. дл. к. — 69 см, с. ш. к. — 5,2 см, дл. р. — 17,5 см, ш. к. — 9,6 см, выс. н. — 6,8 см, с. дл. п. — 10,9 см, выс. п. — 2,8 см. Перекрестье и навершие имеют полихромное украшение (серебро, медь, латунь /aurichalcum/, составляющие мотив плетеного

¹ Археологические находки из Подгорцев оказались в Польше, на Украине и в России (Liwoch 2005; Ливох 2006; Liwoch 2006а; Liwoch 2006b; Liwoch 2007). Надеюсь, что это заинтересует российских коллег, автор позволяет себе в очередной раз дать предварительный обзор сохранившихся в Кракове материалов. В настоящей публикации приводится лишь основная литература вопроса. Обширная библиография и фундаментальное исследование памятников из Подгорцев будут представлены в подготавливаемой автором итоговой публикации. Дополнительные сведения о летописном Плеснеске, проведенных там исследованиях и исчерпывающую библиографию смотри в: Кучера 1962; Liwoch 2003: 217, 260–261.

² Приводя размеры находок, мы употребляем следующие сокращения: в. — вес; выс. — высота; д. — диаметр; дл. — длина; к. — клинок; л. — лезвие; н. — навершие; о. — общая; п. — перекрестье; р. — рукоять; с. — сохранившаяся часть (в случае когда размеры сохранившейся части значительно отличаются от первоначальной); т. — толщина; ш. — ширина.

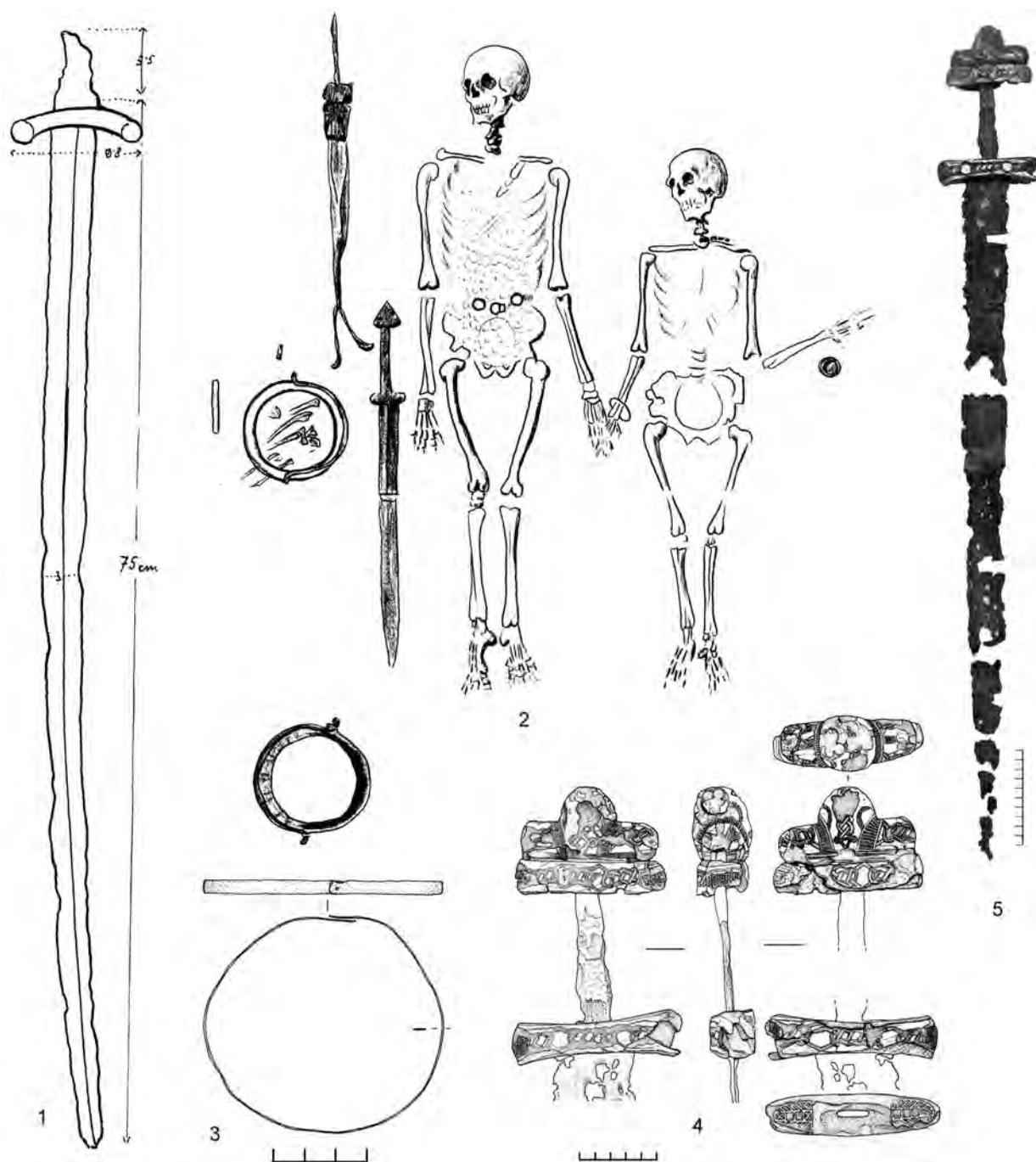

Рис. 1. Погребения курганов летописного Плеснеска. 1 — сабля из кургана, находящегося на земельном участке принадлежащем Василию Толочко (Архив МАК); 2–5 — погребение из Большого кургана на крестьянском участке № 1: 2 — план; 3 — золотой пластинчатый браслет; 4–5 — меч. Рисунки А. Дзедзиц; фото Р. Лапановского

орнамента) по аналогии с рукоятями других мечей типа S. Погребение следует датировать второй половиной X — началом XI в. (Liwoch 2005: 42, 45, 49, 50, 52). На правой руке женского скелета находился золотой пластинчатый браслет (рис. 1: 3; цв. вкл. 12: 3), размер которого: д. — 24,1 см, ш. — ок. 0,4 см, т. — ок. 0,01 см, в. — 1,95 г. Нам не удалось найти аналогий этому изделию в российской и украинской литературе (Liwoch 2006a: 5–6, гус. 1). В рассматриваемом погребении найдена также кольчуга, которая не сохранилась, железный ключ (?), два бронзовых поясных кольца и лировидная пряжка, остатки двух ведер, одно из которых хорошо сохранилось, кости животных, оселок и костяная оправа. Все перечисленные предметы находились возле мужчины, а возле женского скелета были найдены сердоликовые

бусины и глиняная посуда. Во рту мужчины, между зубами, обнаружена золотая бляшка — обол мертвых. Г. Ленъчик (Leńczyk 1930: 371) писал о мече: «Znaleziono go przy boku rycerza, który wraz z małżonką spoczął w jednej wielkiej mogile. Nie był to zatem rycerz wędrowny, ale tu osiadły, co zdaje się potwierdzać duży klucz w kształcie kotwicy, klucz od ciężkiej bramy, złożony obok głowy zmarłego. Czy zmarły był Wikingiem, Warjagiem?— tego stwierdzić nie można, bo broń przejmowały ludy od siebie nawzajem; obecność dzielnego Warjagi jako pana na Pleśniku nie jest wykluczona». Курган несомненно, был насыпан над погребением представителя местной элиты. Однако здесь не были зафиксированы предметы христианского культа. Это позволяет предположить, что погребенные являлись язычниками. Курган этот был сооружен, скорее всего, в последней четверти X — первой половине XI столетия.

Большой двойной курган (погребение № 1) достигал значительных размеров — его высота около 2 м, диаметр около 16 м. Здесь были прослежены остатки деревянной конструкции. На глубине около 2,75 м от вершины кургана покоились два человеческих скелета, повернутые головами к западу (рис. 2: 1). Длина мужского скелета 1,8 м, женского около 1,67 м. Могильный инвентарь богат и разнообразен. С правой стороны скелета мужчины лежал плохо сохранившийся железный меч (рис. 2: 14; цв. вкл. 12: 16) с дамаскированным клинком и рукоятью, украшенной медью и серебром (рис. 2: 11; цв. вкл. 12: 15). Его размеры: с. о. дл. — 80 см, с. дл. к. — 63 см, ш. к. — 3,9 см, дл. р. — 17,1 см, с. ш. к. — 6,5 см, выс. н. — 4,4 см, дл. п. — 10,1 см, выс. п. — 1,9 см. Согласно Й. Петерсену, меч принадлежит к типу V. Украшение рукояти для мечей этого типа не свойственно. Мотив плетенки на перекрестье сходен с мечом типа S, но украшающие наверху зигзаги и волоты не имеют аналогий. Меч следует датировать рубежом X—XI столетий (Liwoch 2005: 46, 51—54). Остатки клинка и ножен сохранились в виде бутероли (рис. 2: 13; цв. вкл. 12: 19), изготовленной из бронзы. Его размеры: выс. — 8,3 см, ш. — 4,1 см, т. — 2 см. Он украшен достаточно скромно. Наиболее близки этому экземпляру наконечники типа IIIc по В. Казакевичюсу, появившиеся в конце X — начале XI в. Погребение также возможно датировать концом X — началом XI в. (Liwoch 2005: 47, 53—54). Железный чекан (рис. 2: 12; цв. вкл. 12: 17), найденный рядом с мечом, имеет следующие размеры: о. дл. — 14,5 см, ш. л. — 3,1 см, д. отверстия — 2,2 см, в. — 136,7 г. Он принадлежит к типу I по А.Н. Кирпичникову, а датировать его можно концом X — началом XI в. (Liwoch 2005: 48, 54—55). Рядом со скелетом мужчины, около правой руки, был обнаружен разомкнутый серебряный граненый браслет (рис. 2: 9; цв. вкл. 12: 5) со следующими размерами: д. — 8,2 см, в. — 68,43 г., прут — 0,75 x 0,75 см. Украшение имеет аналогии среди памятников X — начала XI в. (Liwoch 2006a: 7—8). На пальце правой руки мужского скелета был обнаружен перстень из золотой пластины (рис. 2: 6; цв. вкл. 12: 7). Размеры перстня следующие: д. — 2,0 см, ш. — до 0,5 см, т. — 0,04 см, в. — 1,85 г. Изделие весьма простое по форме, выделяется лишь благородным материалом, из которого оно изготовлено (Liwoch 2006b). На левой руке покойника также находилось похожее кольцо (рис. 2: 7; цв. вкл. 12: 6) изготовленное из широкой плоско-выпуклой серебряной ленты. Размер кольца: д. — до 2,5 см, ш. — 0,6 см, т. — 0,22 см, в. — 6,70 г. (Liwoch 2006b). Несомненно, самым примечательным ювелирным изделием *Большого двойного кургана* является обнаруженный на пальце правой руки женского скелета серебряный перстень с полусферическим щитком-погремушкой (рис. 2: 8; цв. вкл. 12: 4). Размер кольца: выс. — 3,2 см, выс. щитка — 1,3 см, д. щитка — 1,9 см, в. — 14,76 г. Он украшен зернью и сканью. Датировать его можно второй половиной X — первыми десятилетиями XI в. (Liwoch 2006a: 9, 12). На левой руке у женщины найдены два более скромных серебряных перстня (Liwoch 2006b). Один (рис. 2: 15; цв. вкл. 12: 9), выполненный из плоско-выпуклой ленты имеет размеры: д. — до 2,1 см, ш. — 0,4 см, т. — 0,11 см, в. — 2,41 г., второй (рис. 2: 10; цв. вкл. 12: 2), является кольцом из профилированной тесьмы размерами д. — 2,2 см, ш. — 0,35 см, т. — 0,1 см, в. — 1,35 г. Особое внимание привлекают два серебряных крестика, найденных рядом со скелетами, принадлежащие к так называемым «крестам скандинавского типа» (рис. 2: 2, 3; цв. вкл. 12: 8, 12). Один имеет размеры выс. — 5,94 см, ш. — 5,14 см, т. — 0,15 см, д. колечка — 1,80 см, в. — 9,62 г., второй же выс. — 6,10 см, ш. — 5,12 см, т. — 0,15 см, д. колечка — 1,76 см, в. — 10,08 г. В схеме Й. Штекера эти кресты отнесены к варианту В.1 типа 1.4.3. Их можно датировать концом X — первой половиной XI в. (Liwoch 2006a: 7, 9—10, 12, рис. 2, 3; Liwoch 2007: 367—378). Интересно, что во рту обоих скелетов находились золотые бляшки, которые к настоящему времени не сохранились (рис. 2: 5). Их следует интерпретировать как оболочки умерших. В рассматриваемой могиле найдены также и другие предметы: две серебряные поясные бляшки, остатки двух ведер, три ножа (один украшенный тонкой серебряной проволокой), кости животных, обломок стеклянного предмета. Все это зафиксировано возле скелета мужчины, а возле скелета женщины найдены бусины сердолика, горного хрусталя и стекла, височные кольца, в том числе серебряные, бронзовая ажурная подвеска, деревянная чаша, нож, глиняное пряслице и клыки кабана.

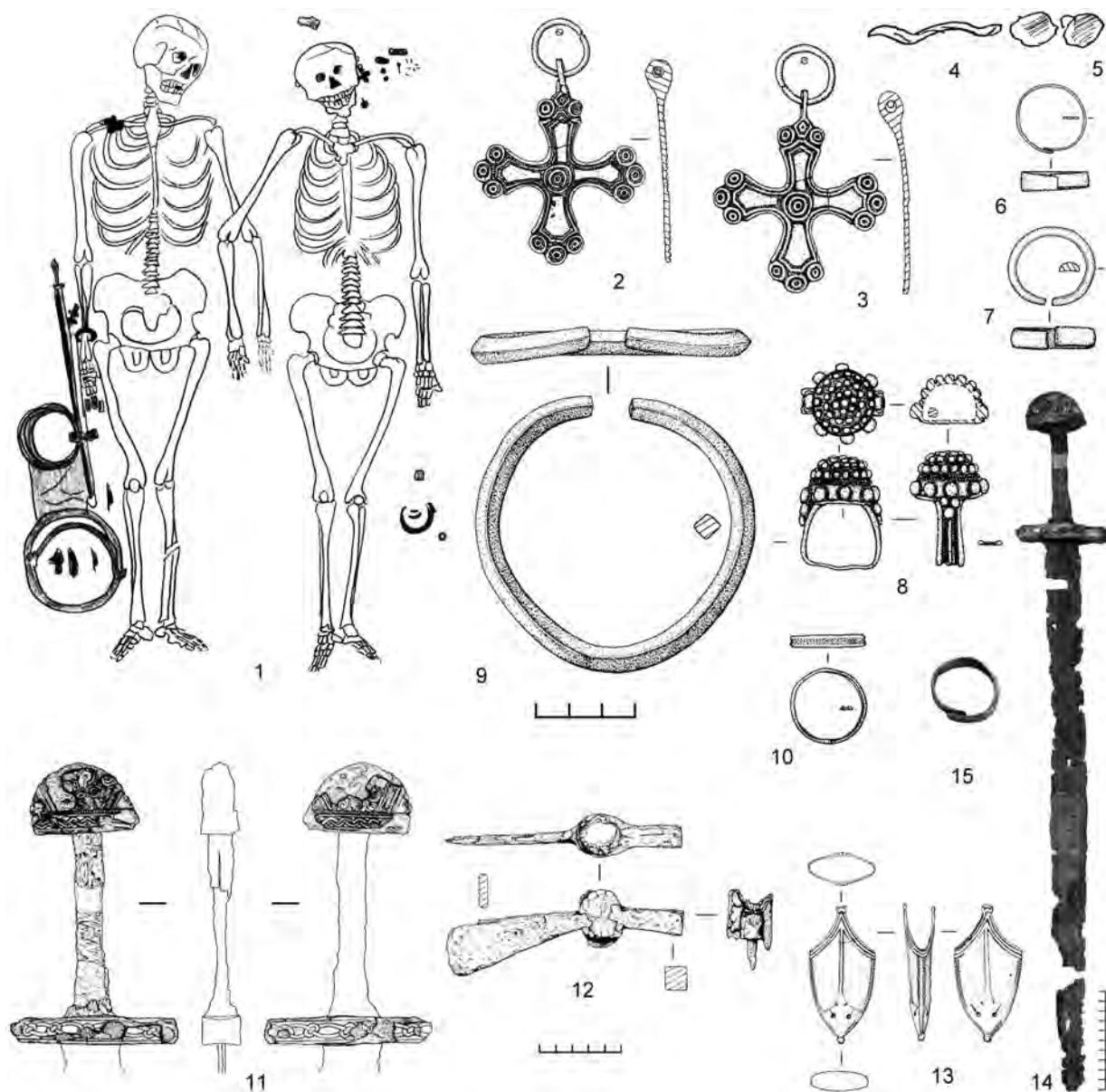

Рис. 2. Погребения курганов летописного Плеснеска. Погребение № 1 Большого двойного кургана: 1 — план; 2–15 — инвентарь: 2–3 — серебряные кресты-тельники; 4 — золотая проволока; 5 — золотые бляшки; 6–7, 10 — золотые перстни; 8–15 — серебряные перстни; 9 — серебряный граненый браслет; 11, 14 — железный меч; 12 — железный топорик; 13 — наконечник ножен меча. Рисунки А. Дзедзиц; фото Р. Лапановского

Большой двойной курган интерпретировали по-разному. В. Антониевич (Antoniewicz 1928: 215) писал: «Charakterystyczne wyposażenie tego małżeńskiego grobu, tak odznaczającego się pośród ubogich grobów kurhanowych na cmentarzysku podhoreckim, zdaje się wskazywać na dominujące znaczenie zmarłego, być może, chrześcijanina wikińskiego, który pojawiwszy za żonę Słowiankę, mógł dojść do znakomitej godności naczelnika szczepru na różnocnem Podolu». Г. Ленчик (Leńczyk 1930: 372, 374) предположил, что в могиле в конце XII в. похоронили „znakomitszego rycerza ruskiego”. П. Паулсен в свою очередь (Paulsen 1939: 37) отметил: „Zu dem Grab, in dem man sie fand, gehörte dann noch ein reich verziertes Schwert und ein bronzenes Ortband, die der ersten Hälfte des 11. Jahrhunderts zuzuschreiben sind. In dem Grab ruhte ein Wikinger“. На нынешнем этапе исследований возможно заключить, что в могиле в конце X — середине XI в. похоронили супружескую пару, скорее всего, не местного происхождения, которая в государстве князей Владимира Святого (980–1015) и/или Ярослава Мудрого (1019–1054) принадлежала общественной элите. Возможно, что мужчина был скандинавом.

В Большом двойном кургане (погребение № 2) также зафиксированы следы грабительской ямы. Высота кургана 2 м, его диаметр 16 м, внутри прослежены остатки деревянной конструкции. Непосредственно под насыпью на глубине 2 м был обнаружен скелет (длина 1,71 м), ориентированный головой на юго-запад (рис. 3: 1). Погребальный инвентарь гораздо скромнее, чем в первом кургане. С правой стороны скелета находился железный чекан, инкрустированный медью (рис. 3: 7; цв. вкл. 12: 18) типа I по А.Н. Кирпичникову, размеры: с.о.дл. — 12,9 см, с. ш. л. — 3 см, д. отверстия — 2,1 см, с.в. — 99,2 г. Чекан можно датировать концом X — первой половиной XI в. (Liwoch 2005: 48, 54–55). На пальцах обеих рук находились два золотых перстня (Liwoch 2006b). Один (рис. 3: 6; цв. вкл. 12: 10), размеры ш. — 0,7 см, т. — 0,07 см, д. — 2,3 см, в. — 5,53 г., был выполнен из дугообразной в профиле пластины, второй же (рис. 3: 5; цв. вкл. 12: 1), изготовленный из орнаментированной ленты, имеет следующие размеры: ш. — 0,35 см, т. — 0,1 см, д. — 2,0 см, в. — 2,57 г. Весьма интересны обнаруженные возле покойного два креста. Бронзовый энколпион (рис. 3: 2), к сожалению, утраченный, — принадлежит к типу т.н. «сирийских» энколпионов, традиционно рассматриваемых как импорты «из Святой Земли». ³ На нем имелись рельефные изображения Распятия и Богоматери Оранты. Датировать его можно XI столетием (Liwoch 2007: 367–378). Так называемый «крестик св. Петра» из серебра (рис. 3: 3; цв. вкл. 12: 20), размер выс. — 2,6 см, д. — 2,3 см, в. — 1,62 г. может быть отнесен к варианту А типа 1.1.2 по Й. Штекеру. Этот тип мог возникнуть в конце X — первой половине XI столетия. Крестик является свидетельством принятия христианства его владельцем (Liwoch 2006a: 10–11, гус. 4; Liwoch 2007: 367–378).

Золотая проволока (рис. 3: 4; цв. вкл. 12: 11) (размеры дл. — 1,9 см, д. — 0,14 см, в. — 0,45 г.), найденная во рту покойника, является оболочкой мертвого. Кроме этих предметов, в составе инвентаря можно отметить железный серп, железный инструмент неопределенного характера, два ведра, в одном из которых находились кости животных и нож; возможно также, что в погребение была помещена и несохранившаяся деревянная посуда. Во втором погребении *Большого двойного кургана* также мог быть похоронен представитель высшего общественного слоя Киевской Руси. Само погребение относится к XI в., скорее всего, к первой его половине. Погребение, несмотря на языческие элементы обряда, определенно демонстрировало христианство погребенного здесь человека.

Погребения *Большого двойного кургана* являются замечательным примером взаимосуществования и взаимопроникновения двух традиций в важный для древнерусских земель период рубежа первого и второго тысячелетия — древней языческой и новой христианской веры. Старая, проявляющаяся через богатый погребальный инвентарь, свидетельствует о языческом мировоззрении пришлого населения, и восходит к могильникам типа Старая Ладога—Гнёздово—Шестовица. Новая, особенно проявляющаяся во втором погребении *Большого двойного кургана*, связана с помещением в могилы предметов христианского культа и является своего рода яркой демонстрацией приверженности христианству. Западная ориентировка ингумаций также рассматривается как христианский обряд. Необходимо отметить, что этот обряд на востоке Славянского мира известен и во внехристианском контексте. Могильный холм над погребением также расценивается как языческая практика, однако Восточная Церковь в отличие от Западной мирилась с его существованием спустя еще два столетия после официального крещения Руси в 988 г. Синкретизм *Большого двойного кургана* свидетельствует, что даже среди элитных слоев древнерусского общества перемены, связанные с отказом от древних верований и принятием христианской идеологии, проходили медленно, а языческое мировоззрение проявлялось в похоронном ритуале даже при погребении тех, кто считали себя приверженцами Христа (Liwoch 2007: 367–378).

В трех рассмотренных нами погребениях во рту покойных находились мелкие золотые предметы. Интерпретировать их следует как «оболы мертвых». Обычай класть в погребение монеты или иные ценные вещи известен в разных частях Европы, Азии и Северной Африки с ранних времен до настоящего дня. Его цель — предоставить умершим средства на оплату переправы в Аид («обол Харона») или для выплаты загробной дани. Однозначно трудно сказать, какую роль играли бляшки и проволока в Больших подгорцевских курганах. В обширной литературе, посвященной погребальному обряду раннего средневековья, нет упоминаний о находках, сходных с подгорцевскими. Лишь в нескольких великоморавских могилах отмечены золотые бляшки и византийский солид императора Михаила III. Находки из Подгорцев и Великой Моравии следует интерпретировать как местные и не связанные между собой варианты упомянутого нами обычая. В данном случае монеты или их фрагменты были заменены маленькими предметами из золота, которые следует признать заменой византийской золотой монеты, находившейся в обращении как на юге от Карпат, так и на территории южной Руси (Liwoch 2007: 367–378).

³ В настоящее время представляется очевидным балкано-дунайское происхождение данного типа крестов. — *Ред.*

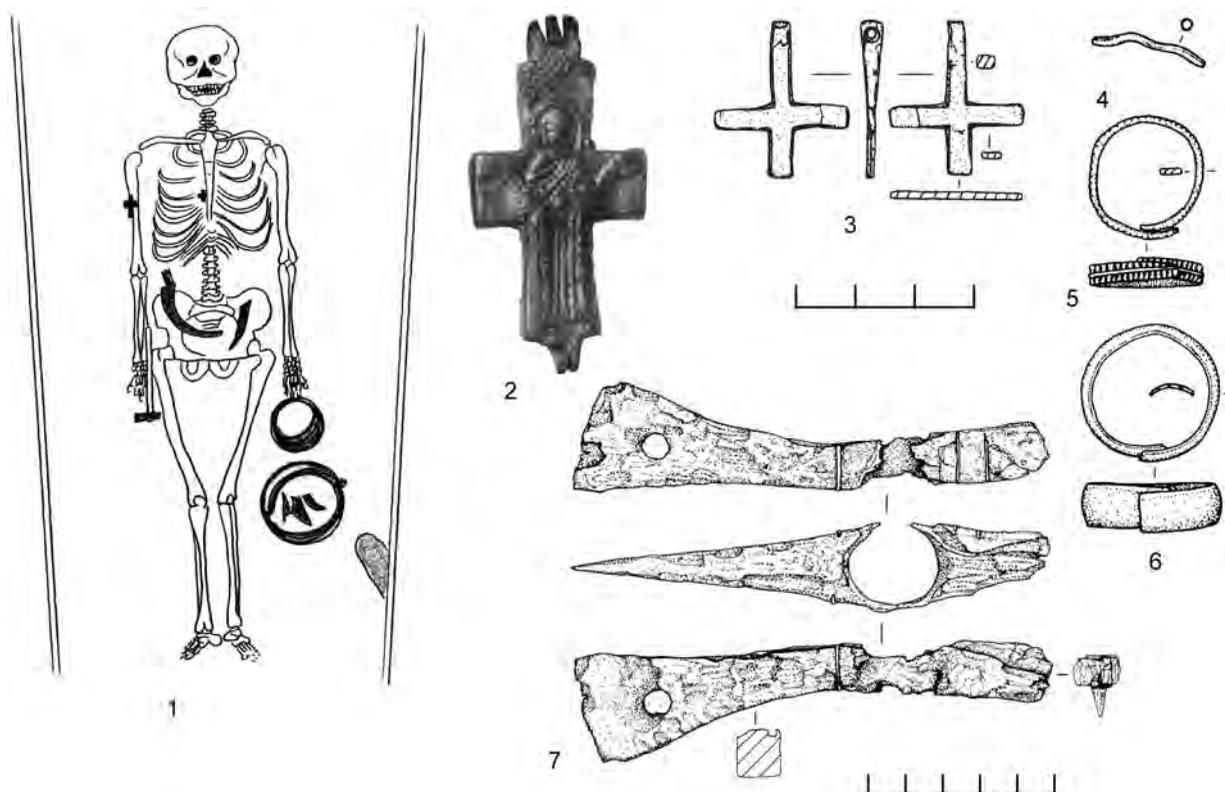

Рис. 3. Погребения курганов летописного Плеснеска. Погребение № 2 из Большого двойного кургана: 1 — план; 2–7 — инвентарь: 2 — бронзовый энколпион; 3 — серебряный крест-тельник; 4 — золотая проволока; 5–6 — золотые перстни; 7 — железный топорик-чекан. Рисунки А. Дзедзиц; фото Р. Лапановского

Все четыре упомянутые нами погребения выделяются как по размерам, так и по богатству погребального инвентаря на фоне всего некрополя. Их следует признать единственным исследованным дружинным некрополем на Западной Украине. Очевидно, его стоит причислить к поздним стадиям развития дружинного погребального обряда, который в польской археологической литературе соотносится с «некрополями типа Старая Ладога–Гнёздово–Шестовица». Можно добавить, что на упомянутой территории известны другие, богатые и датированные тем же временем одиночные курганы (женское погребение из Судовой Вишни, Галичина могила в с. Крылос). Наличие в Подгорцах дружинных могил позволяет предположить, что Плеснеск эпохи раннего средневековья являлся, скорее всего, благодаря своему удачному расположению у истоков Западного Буга, Стрия и Сирета (бассейны рек Вислы, Припяти и Днестра), местом пребывания представителей князя киевского. Трудно определить хронологические границы функционирования этого гипотетического центра великокняжеской администрации. Вполне возможно, что этот центр возник при князе Владимире Святом в начале его правления в связи с территориальной экспансией Киевской Руси на запад и продолжал существовать еще в XI в. (Liwoch 2005: 56; Liwoch 2007: 367–378).

Перевод с польского: Эльжбета Возняк

Литература

Кучера 1962 — Кучера М.П. Древній Пліснеськ // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XII. Київ, 1962.

Ливох 2006 — Ливох Р. Большие курганы летописного Плеснеска // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Международная научная конференция. Тезисы докладов. СПб., 2006.

Antoniewicz 1928 — Antoniewicz W. Archeologia Polski, Warszawa, 1928.

Leńczyk 1930 — Leńczyk G. Trzy miecze wikińskie w zbiorach Muzeum archeologii przedhistorycznej Polskiej Akademji Umiejętności w Krakowie // Księga pamiątkowa ku uczczeniu siedemdziesiątej rocznicy urodzin prof. dr. Włodzimierza Demetrykiewicza, red. J. Kostrzewski. Poznań, 1930.

Liwoch 2003 — *Liwoch R.* Stan badań nad grodziskami wczesnośredniowiecznymi i z początków późnego średniowiecza na zachodniej Ukrainie (obwody: iwano-frankowski, lwowski i tarnopolski) // *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego*. T. XXIV. 2003.

Liwoch 2005 — *Liwoch R.* Militaria z dziewiętnastowiecznych badań w Podhorcach // *Acta Militaria Mediaevalia*. T. I. 2005.

Liwoch 2006a — *Liwoch R.* Zabytki z wykopalisk T. Ziemięckiego w latopisowym Pleśniku // *Олжині читання*. Львів, 2006.

Liwoch 2006b — *Liwoch R.* Wczesnośredniowieczne ozdoby rąk z grodziska i cmentarzyska w Podhorcach na Ukrainie // *Świat Słowian wczesnego średniowiecza*. Szczecin, Wrocław, 2006.

Liwoch 2007 — *Liwoch R.* Wielkie kurhany latopisowego Pleśnika // *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині*. Вип. 11. Львів, 2007.

Paulsen 1939 — *Paulsen P.* Axt und Kreuz bei den Nordgermanen. Berlin, 1939. T. I.

Ziemięcki 1882 — *Ziemięcki T.* Sprawozdanie z wycieczki archeologicznej w r. 1881 dokonanej przez T. Ziemięckiego. (Sieniawa, Tryncza, Grodzisko, Leżajsk, Podhorce) // *Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej*. T. VI. 1882.

Ziemięcki 1883 — *Ziemięcki T.* Sprawozdanie z wycieczki archeologicznej do Podhorzec w r. 1882 dokonanej przez T. Ziemięckiego // *Zbiór wiadomości do Antropologii Krajowej*. T. VII. 1883.

А.В. Михайлов (Псков), С.А. Салмин (Псков)

ЛАРЕЦ ИЗ КАМЕРНОГО ПОГРЕБЕНИЯ 2 СТАРОВОЗНЕСЕНСКОГО РАСКОПА В ПСКОВЕ (опыт реконструкции)

В декабре 2003 — январе 2004 г. в Пскове, на территории Окольного города, около церкви «Старое Вознесение» (Старовознесенский I раскоп) было открыто женское камерное погребение конца X — начала XI в. — одно из самых богатых камерных захоронений на Северо-Западе Руси. В июне 2004 г. исследования в этой части средневекового Пскова были продолжены (Старовознесенский II раскоп). Их результатом стало обнаружение еще одной камеры, что сделало возможным выдвинуть гипотезу об открытии нового, доселе неизвестного могильника эпохи викингов в ближайшей округе Пскова X в. К настоящему времени опубликованы первые общие результаты исследований этих интересных памятников (Яковлева 2006: 66–79; Михайлов 2006: 79–87). Настало время более детального изучения отдельных вопросов, связанных с открытыми камерными погребениями, в том числе, и анализа погребального инвентаря. Настоящая публикация посвящена ларцу, обнаруженному в составе погребального инвентаря камеры № 2.

Камерное погребение № 2 было открыто в 9 м к северо-западу от камеры № 1, под культурными отложениями XVI–XVII вв. (рис. 1). О существовании курганной насыпи свидетельствует фрагмент ровика, выявленный в 2,5 м к юго-западу от юго-западного угла могильной ямы. Ровик сохранился на протяжении 3 м, его ширина — 1,1–1,2 м, глубина — ок. 0,3 м. Если принять за центр кургана центр могильной ямы, то предполагаемый диаметр кургана составлял ок. 8 м.

Общие размеры могильной ямы составили 2,95–3,2 x 2,3–2,4 м, глубина — 1,1–1,3 м. В центральной части ямы зафиксированы деревянные конструкции погребальной камеры. Из-за трансформации деревянных стенок под тяжестью материкового грунта первоначальные размеры установить невозможно. Зафиксированные в ходе раскопок размеры камеры — 2,45 x 1,5–1,6 м. Стенки камеры прослеживались на высоту 0,6–0,7 м от дна могильной ямы в виде полос органического тлена. Ям от угловых столбов, следов выпусков бревен или плах, а также железных гвоздей в конструкции камеры не встречено. Возможно, стенки камеры были составлены из досок или нетолстых плах. Способ их крепления по углам достоверно не устанавливается.

Остатки верхних перекрытий были выявлены в западной части камеры несколько выше уровня пола. Здесь зафиксировано скопление хаотично расположенных досок очень плохой сохранности. Максимальная длина досок — до 1 м при ширине в 0,08–0,1 см. Погребальная камера, по всей видимости, имела дощатый пол на дощатых лагах. Элементы пола наиболее отчетливо зафиксированы в восточной части камеры, где сохранился фрагмент лаги длиной 0,25 м и лежащие на ней три доски пола (в западной части камеры уровень пола фиксировался по пятну органического тлена).

Остатки погребения обнаружены в восточной части камеры. От костяка сохранились только кости обеих ног, включая мелкие кости стопы и фаланги пальцев ног. Сохранность костей крайне плохая. Ориентировка погребения — юго-запад–северо-восток. По мнению специалистов, можно с большой долей вероятности говорить о женском поле погребенного индивида. Биологический возраст определяется в широких пределах зрелого возраста (35–55 лет), с предпочтением интервала 35–45 лет. Антропологические определения были проведены

Д.В. Пежемским, которому авторы выражают свою признательность. Предлагаемая датировка погребения в камере № 2 — вторая половина — конец X в.

Встреченный в погребении инвентарь сгруппирован в двух комплексах. Исключение составляет железное навершие, которое было обнаружено в западной части камеры (кв. К-9), отдельно от вещевых комплексов. Навершие имеет железную скобку в верхней части, внутри сохранились остатки дерева, снаружи на небольшом участке сохранился отпечаток ткани.

Вещевой комплекс I выявлен у правого бедра и включает 4 предмета: огниво с бронзовой рукоятью, железный ключик, небольшой ножик с костяной рукоятью, перевитой серебряной проволокой у основания (2 фрагмента), а также неопределимый железный предмет, у которого отчетливо виден черешок. Все предметы очень плохой сохранности, за исключением огнива с бронзовой рукоятью. Рукоять огнива несет стилизованные изображения двух звериных голов, повернутых друг к другу, раскрытые пасти зверей образуют прорезь в форме ромба. Огниво датируется второй половиной X — началом XI в. (Голубева, Варенов 1993: 100–101). Подобные огнива производились в Прикамье, Среднем Поволжье, Среднем Зауралье, возможно, в Западной Финляндии, и имели широкий ареал распространения. В частности, по одному такому огниву обнаружено в Тимерёво и Старой Ладогге, два огнива происходят из Новгорода, 5 — с территории Финляндии и Аландских островов (Голубева, Варенов 1993: 100). Кроме того, огниво такого типа встречено и в камерном погребении № 644 в могильнике Бирка (Hårdh 1984: 158–159). Аналогичный нож с костяной рукояткой, перевитый у основания рукояти тонкой серебряной проволокой, был обнаружен в камере № 1.

Вещевой комплекс II, представленный фрагментами крышки деревянного сосуда с железными накладками, располагался справа от костяка, в юго-восточном углу камеры (кв. К-8). К моменту обнаружения ларец представлял округлое пятно органического тлена диаметром ок. 0,3 м, в котором располагались металлические элементы крышки. В процессе расчистки отчетливо прослеживались две треугольные железные пластины, расположенные под прямым углом друг к другу (восточный и южный сектора). В центре пятна фиксировался округлый железный предмет (центральное кольцо). В северной части массива скопление железных деталей (как выяснилось впоследствии, детали замка) на 0,15 м выступало за границы гипотетического круга. В северо-западном секторе был встречен небольшой фрагмент бронзовой тисненой накладки, частично перекрытый прослойкой древесного тлена. По границе окружности повсеместно встречались сильно корродированные железные гвозди.

Поскольку атрибуция находки в поле была не очевидна, было принято решение весь комплекс взять единым массивом с подстилающим его грунтом. Предмет был доставлен в реставрационную мастерскую в день обнаружения, единым монолитом, на листе оцинкованного железа. В реставрационной мастерской он был перенесен на лист пластика и частично расчищен, т.к. толщина песчаного слоя не позволяла сделать рентгенограмму. На следующий день были произведены рентгенографирование предмета и фотофиксация частей распадающегося под собственной тяжестью монолита, а также отделение остатков тисненой пластины, сохранившейся на истлевшем дереве крышки предмета. Исключительно плохая сохранность деревянной основы крышки ларца не позволила провести ее реставрацию. Все дальнейшие реставрационные мероприятия были связаны только с металлическими деталями предмета.

Были выделены четыре крупных фрагмента, входящих в монолит: три пластины подтреугольной формы и бесформенный комок металлических конструкций с прикипевшим к нему кольцом. Все фрагменты были покрыты толстым слоем песка, пропитанного солями железа и меди, образовавшими сплошную твердую корку толщиной до 1,5 см и полностью скрывавшими форму предметов. Рентгенограмма показала сильную минерализованность фрагментов, многочисленные трещины и утраты на теле пластин. Кроме крупных фрагментов были обнаружены 29 небольших гвоздиков, типа обойных, и неидентифицируемые фрагменты черного металла.

Состояние сохранности фрагментов не позволяло применить к ним активные химические или электрохимические методы очистки поверхности и поэтому на начальном этапе предметы подвергались обессоливанию в подогретой дистиллированной воде, периодически верхние слои твердой песчаной корки точно разрушались при помощи бормашины и размывались жесткими щетинными и мягкими круговыми металлическими щеточками. После удаления песка предметы расчищались механически, как при помощи бормашины, так и вручную. Расчищенные фрагменты пропитывались ПБМА (10 %, затем 20 % раствор на толуоле), в случае необходимости крепились на подложках из пропитанной тем же составом стеклоткани. После окончательной расчистки металл был обработан спиртовым раствором танина и после сушки покрыт раствором ПБМА. Склейка разрозненных фрагментов производилась высоковязким ПБМА. Тисненая латунная пластика была подвергнута обессоливанию в дистиллирован-

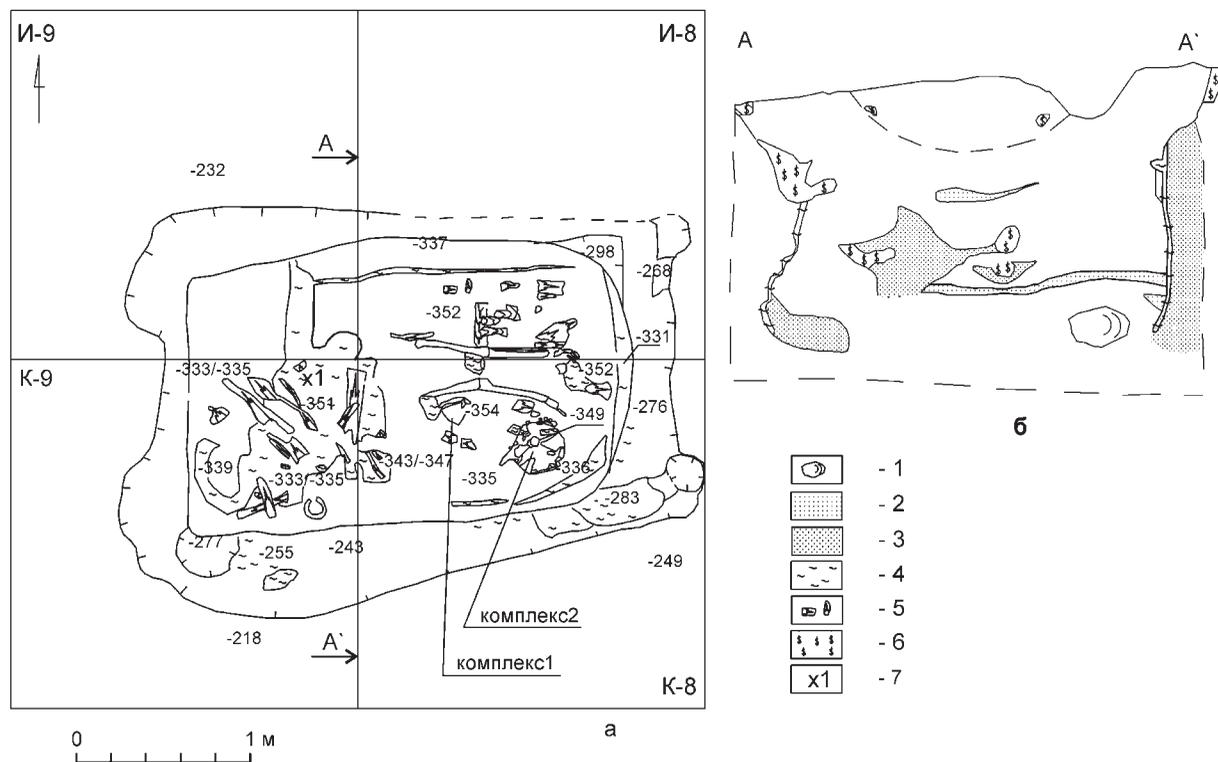

Рис. 1. Псков. Старовознесенский I раскоп. Камерное погребение № 2: а — план; б — разрез.
Условные обозначения: 1 — валун; 2, 3 — песок; 4 — древесный тлен; 5 — доска; 6 — серая супесь; 7 — индивидуальная находка

ной воде, промывке мягкими и жесткими щетинными кистями, после удаления загрязнений и окислов пропитана ПБМА и в связи с необходимостью экспонирования помещена на подложку из пропитанной тем же составом технической кальки.

Таким образом, в ходе реставрации были выявлены следующие элементы крышки ларца. Рентгенограмма достоверно показала, что между железными треугольными пластинами располагались треугольные тисненые бронзовые накладки, которые по краям крепились к деревянному основанию крышки гвоздиками с интервалом около 1 см. До нас дошел со значительными утратами лишь один небольшой фрагмент такой бронзовой пластинки, максимальными размерами 7,2 x 5,7 см (цв. вкл. 13: I). Реконструируемый размер бронзовых накладок — 13 x 10 см.

Четыре железные треугольные накладки имеют различную степень сохранности. Хуже всего сохранилась пластина, в которой крепился запор замка. Размеры пластин — 10,5–13,0 x 10–11 см. По краям пластин прослежен орнаментальный поясик из двух параллельных рядов, образованных небольшими выступами. В углах железных накладок расположены небольшие гвоздики, которыми они крепились к деревянной основе. Одна из накладок имеет следы починки в виде закрепленной в ней небольшой проволочной скобочки. Центральное железное кольцо диаметром 4,5 см изготовлено из прута толщиной ок. 0,7 мм и вставлено в пробой из плоской железной пластины. К деталям замка, безусловно, относится железный запор с припаянной пружиной, который имеет кольцевидное окончание. Его размеры — 11 x 1 x 0,5 см. Длина пружины — 6,7 см. В кольцевидное окончание вставлено звено проволочной цепочки. Всего обнаружены 3 звена этой цепочки диаметром 2,2 см, к одному из которых прикреплена небольшая скобочка. Около запора была найдена пластинка размерами 3,0 x 1,0–1,3 см, в которую упиралась пружина замка в закрытом состоянии. К деталям крышки также относятся две скобочки и 29 обойных гвоздиков. Учитывая, что некоторые гвоздики загнуты, можно предположить, что толщина деревянной основы крышки не превышала 1 см.

Аналогии подобным ларцам с крышками, имеющими треугольные железные накладки, известны в Дании и Швеции. Так, в могильнике Тюмби-Бинебек (Южная Ютландия) в камерных погребениях № 51 и 54а, которые датируются первой половиной — серединой X в., встречены аналогичные сосуды, внутри которых хранились деревянные чаши, украшенные серебряными гвоздиками. Ларцы из этих погребений имели по две треугольные железные накладки, орнаментированные по периметру двумя

рядами насечек (Müller-Wille 1987: 66–68, Taf. 85, 93; Eisenschmidt 1994: 105). Примечательно, что в крышке из погребения 51 сохранился механизм замка. Диаметр крышек здесь доходил до 30 см. Ранее аналогичная находка была сделана в погребении № 18 могильника Кеттинг на Альзене (Сенддерборг, Дания). Здесь сохранилась одна железная и четыре бронзовых накладки ромбической формы, расположенных крестообразно, при этом диаметр крышки составлял 0,28 м (Arwidsson, Thorberg 1989: 121).

Находки подобных ларцов известны и в Бирке в камерных погребениях № 585, 644 и 965 (группа D по Арвидссон) (Arwidsson, Thorberg 1989: 119–121). В погребении № 585 была обнаружена одна треугольная железная накладка вместе с центральным кольцом и четырьмя бронзовыми тисненными пластинами; диаметр крышки составлял 22 см. В камере № 965 встречены две треугольные железные накладки и фрагменты бронзовых тисненых пластин; диаметр крышки составлял ок. 30 см. В парном погребении № 644 также были встречены фрагменты круглой крышки ларца, представленные четырьмя треугольными фрагментами бронзовых тисненых пластин; диаметр крышки составлял 12 см. Все бронзовые пластины орнаментированы в стиле Еллинг, а железные треугольные накладки украшены двумя рядами пуансонного орнамента (Müller-Wille 1987: 68). Для всех описанных выше камер характерно присутствие среди погребального инвентаря железных ключиков, аналогичных найденному среди вещей комплекса I.

На основе сделанных в ходе реставрации наблюдений и привлечения европейских аналогий стало возможным выполнить трехмерную реконструкцию крышки ларца из камерного погребения № 2. Реконструкция выполнена в программе 3d Studio MAX старшим научным сотрудником Псковского археологического центра Р.Г. Подгорной, которой авторы выражают искреннюю признательность.

На поверхности крышки маленькими гвоздиками укреплены четыре треугольных железных пластины, орнаментированные по краям двойной полосой насечек (цв. вкл. 13: 2). В центре крышки закреплено железное кольцо на скобке. Между треугольными накладками расположены тонкие бронзовые пластинки, орнаментированные в стиле Еллинг. Как показали результаты рентгенографии, бронзовые пластины первоначально также были треугольными. Бронзовые пластины были закреплены железными гвоздями с широкими шляпками. Расстояние между гвоздями составляет около 1 см. По внешнему краю крышку окаймляет ободок из таких же гвоздей с широкими шляпками.

Интересна конструкция замка, закрепленного в стенке ларца (цв. вкл. 13: 3). Она состоит из железного штифта с пружиной, упорной пластины для пружины и железного основания для ключа. Штифт прикреплен к внешней стороне крышки железной цепочкой. Вариант работы механизма замка возможно представить графически соответствующей иллюстрацией (цв. вкл. 13: 4). Он достаточно сильно отличается от находки из Дании и предложенной для нее реконструкции в первую очередь тем, что располагается не горизонтально, под пластиной, а вертикально, в стенке ларца. Для того, чтобы крышка надежнее фиксировалась в закрытом положении, на противоположной от замка стороне на корпусе ларца расположена железная скобка, к которой мог крепиться кожаный ремешок, который не позволял крышке отойти от корпуса.

Литература

- Голубева, Варенов 1993 — *Голубева Л.А., Варенов А.Б.* Новое об огнивах с бронзовыми рукоятями // РА. № 4. 1993.
- Михайлов 2006 — *Михайлов А.В.* Камерное погребение Старовознесенского II раскопа // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы LI научного семинара. Псков, 2006.
- Яковлева 2006 — *Яковлева Е.А.* Камерное погребение X в. из Старовознесенского раскопа // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы LI научного семинара. Псков, 2006.
- Arwidsson, Thorberg 1989 — *Arwidsson G., Thorberg H.* Kasten und Schachteln // Birka II: 3. Stockholm, 1989.
- Hårdh 1984 — *Hårdh B.* Feuerstahle // Birka II:1. Stockholm, 1984.
- Eisenschmidt 1994 — *Eisenschmidt S.* Kammergräber der Wikingerzeit in Altdänemark. Bonn, 1994.
- Müller-Wille 1987 — *Müller-Wille M.* Das wikingerzeitliche Gräberfeld von Thumby-Bienebeck. (Kr. Rendsburg-Eckenförde). II. Neumünster, 1987.

В.Я. Петрухин (Москва)

О СКАНДИНАВСКИХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ В ДРЕВНЕРУССКОМ ИСКУССТВЕ

Г.Ф. Корзухина специально обращала внимание на скандинавские традиции в древнерусском искусстве не только в связи со стилистическими особенностями искусства эпохи викингов, но и в связи с сюжетами, связанными с мотивами скандинавской мифологии и эпоса. К таким стилистически не связанным со скандинавскими традициями памятникам декоративного искусства Г.Ф. Корзухина относила, в частности, камские кресала X — начала XI в. с симметричной композицией: бородатый человек между двумя хищными птицами (см. каталог находок — Крыласова 2006: 64–73). Г.Ф. Корзухина конкретизировала изобразительные параллели этой композиции — на круглых серебряных или бронзовых привесках из Бирки (погребение 762), Гнёздова, Васильков и других памятников X в. изображен бородатый персонаж, обнимающий двух птиц (рис. 1: 1, 2).

Симметричные композиции — универсальный прием в декоративном искусстве, что способствует появлению многочисленных интерпретаций сюжета. Показательно, что и рукояти камских кресал украшались симметричными композициями, по преимуществу лишенными изобразительных мотивов (рис. 1: 3–8). Мотив человека меж двух птиц воспринимается в историографии как воспроизведение «бродячего сюжета» Александрии об Александре Македонском, поднимаемом на небо грифонами; мотив человека между двумя кошачьими хищниками — как воспроизведение библейского сюжета Даниил во рву со львами (И. Вернер и др.)¹ и т. д. Г.Ф. Корзухина (вслед за Э. Юнгом) предположила, что изобразительный мотив человека между двумя птицами отражает эддический мотив Одина меж двух воронов — Хугина и Мунина, который также оказывался «бродячим», т.к. его отражение было известно в предметах декоративного искусства от Прикамья и Поволжья до Скандинавии и Балтики. Исследовательница при этом хорошо осознавала, что такая интерпретация встречает вполне определенные иконографические проблемы, связанные, прежде всего с образом самого Одина: он асимметричен, одноглаз, в то время как на кресалах и подвесках очевидна полная симметрия образа — видны оба глаза. Не меньше проблем с иконографией «воронов» — еще Т. Арне (Arne 1914: 164–165) отмечал, что фланкирующие человека существа могут представлять орлов или даже драконов и т. п. (ср. один из наиболее проработанных поздний вариант мотива с драконами — From Viking to Crusader 1992: 388, fig. 605a).² В скандинавском

¹ Эта интерпретация распространяется и на парных симметричных «хищников» вообще, в том числе на «диких зверей» из Мартыновского клада, композиция фигурок которого передает тот же сюжет Даниила (ср. Щеглова 2006: 52). Звериные фигурки Мартыновского клада натуралистически разделялись по традиции на «коней» и «бегемотов», в зависимости от массы тела; как показали исследования звериного стиля «натуралистический» подход неприменим для интерпретации изображений (ср. Переводчикова 1994): декоративные элементы в разных сочетаниях могут превратить хищника в травоядное и т.п. «Когти» мартыновских зверей не признак их хищной природы, а декоративный элемент окончания лап в зверином стиле эпохи переселения народов. Оскаленные морды мартыновских зверей в той же мере могут характеризовать сражающихся жеребцов (мотив известный и германской, и иранской культурам), что и «хищников».

² Соответственно, сама симметричная схема — человек между двумя териоморфными существами, может возводиться к более архаичным, чем германские, восточным традициям и т.п. (ср. Jansson 1988: 580–581).

литейном искусстве действительно известна композиция, чрезвычайно близкая камским кресалам: это бронзовое навершие дуги с Готланда (рис. 1: 9); случайная находка, датируемая IX в. (ср.: Наследие варягов: 25; Thunmark-Nylen 1998: tab. 268: 3.), где две птицы сидят на плечах антропоморфного персонажа.³ Однако, подобные симметричные композиции широко распространены в искусстве германских народов с эпохи Великого переселения, причем наличие центрального элемента — собственно маски меж двух птиц и т.п. — не обязательно (ср. Böhner 1969: 173; László 1971: tab. 40; Ворсо 1861: № 429; Шукин 2005: 187–188; Кулаков 1995 и др.).⁴ Наконец, на известном рейнском надгробии (VIII в.) из Гондорфа персонаж, на плечах которого сидят птицы, вероятно, воплощает образ Христа с голубями (Diesner 1976: tab. 108); четыре зверя, симметрично по углам окаймляющие композицию, едва ли могут быть привязаны к сюжету Даниила (ср. схожие христианские мотивы — Давид меж двух птиц и т. п. (Смирнова 2000: 326–327).

Если предполагать пути проникновения образа Одина с воронами в Прикамье, то связи Прикамья со Скандинавией действительно прослеживаются в эпоху викингов и даже в предшествующий период, в частности, локусом контактов могла быть Ладога (ср. из последних находок — Кирпичников, Сакса 2002: 136).⁵ Но если говорить о конкретных истоках композиции на прикамских кресалах, то как раз для прикамского искусства VI–X вв. характерны симметричные ажурные бляхи, где центральный персонаж фланкирован существами зоантропоморфной природы, головы которых могут быть оформлены как в виде лосиных, так и орлиных головок или уборов. Прорезь широко распространенных в Восточной Европе прикамских коньковых привесок также имеет антропоморфные очертания (ср. Оборин, Чагин 1988: 141 и сл.). Увязать эти симметричные композиции с каким-либо конкретным мифологическим сюжетом затруднительно, хотя Н.Б. Крыласова (Крыласова 2006: 64–73) предположила обско-угорский мифологический мотив о Мир-сусне-хуме как разорителе гнезд в качестве основы композиции на кресалах. На взгляд автора, речь может идти об универсальных мотивах (евразийско-американский миф о разорителе гнезд — один из них), связанных с шаманским путешествием к небесам по мировому дереву и т.п. Собственно говоря, вариантами этих мифологических мотивов можно считать и мотив Одина с воронами, и мотив Александра с грифонами. Столь же затруднительно соотнесение с Одином других изображений с симметричным птичьим мотивом, в том числе мужчины в рогатом шлеме с птичьими головками (из Ладоги и Эланды: ср. From Viking to Crusader 1992: 150, fig. 7; ср. fig. 185; мотив воина в рогатом шлеме известен в северно-германском искусстве с VII в. — Duczko 2002: 181–182). Кажется, единственная находка традиционно увязываемая с Одином — случайно обнаруженная бронзовая статуэтка из Линдбю, Сконе, где можно подозревать, что персонаж — одноглазый (ср. Мурашева 2005:

³ Ажурные навершия дуг упряжи в Скандинавии напоминают рукояти кресал и по принципам декоративной композиции: элементарная в основе декоративная композиция может обогащаться изобразительными мотивами, декором — плетенкой и т.п. (рис. 1: 10) Композиционно близкая готландской дуге литая фигурка (X в.) обнаружена в Гудме (Дания) (From Viking to Crusader 1992: fig. 188). Она интерпретируется то как фрагмент Распятия, то как языческий амулет; лицо фигурки симметрично и не может принадлежать Одину.

⁴ Стереотипы интерпретаций остаются, однако, самодовлеющими, и изображение парных львов в окружении змей на вестготской пряжке соотносится с сюжетом Даниила во рву, хотя антропоморфная маска помещена не между хищниками, а сбоку от симметричной композиции: львы терзают некое чудовище, подобное дракону и симметрично развернутое (имеющее две головы) (Diesner 1976: tab. 120). В.И. Кулаков (1995: ср. Кулаков 2003) вслед за Г.Ф. Корзухиной стремится усмотреть в этих симметричных композициях «иконографию Одина и воронов», несмотря на очевидную и для него несообразность: приводимые им антропоморфные маски скандинавского декора симметричны (имеют два глаза) и не могут принадлежать одноглазому Одину; заметим, что сходные же симметричные композиции с протомами и т.п. воспроизводят практически все мотивы германского звериного стиля: его исследователи справедливо указывали на бесперспективность поисков буквальных соответствий сюжетам «Эдды», отмечая связь симметричных композиций с универсальной схемой мирового дерева (ср. Веймарн, Амброз 1980: 258–259). Несообразным представляется и сделанное Кулаковым соотнесение фигурок с питьевым рогом с образом Перуна: неясно, почему рог считается атрибутом громовника. Уникальная на Руси находка — сидячий божок из Черной могилы — передает, скорее всего, образ громовержца Тора: он держится за бороду — атрибут и характерный жест громовержца в индоевропейской традиции (ср. Пушкина 1984: 87–90).

⁵ Известен также обломок камского кресала с «ажурной» рукоятью, лишенной изобразительных мотивов (Петренко 1984: рис. 2: 9). А.Н. Кирпичников и А.И. Сакса относят к финским изделиям ладожский топорик, украшенный бронзовым литьем, который Г.Ф. Корзухина (1966) приписала шведским мастерам; авторы справедливо отмечают, что в Швеции нет точных аналогий топорiku, но не известны они и в Финляндии; можно заметить, что мотивы литья воспроизводят распространенные образцы, свойственные как Востоку в широком смысле, так и романскому западу.

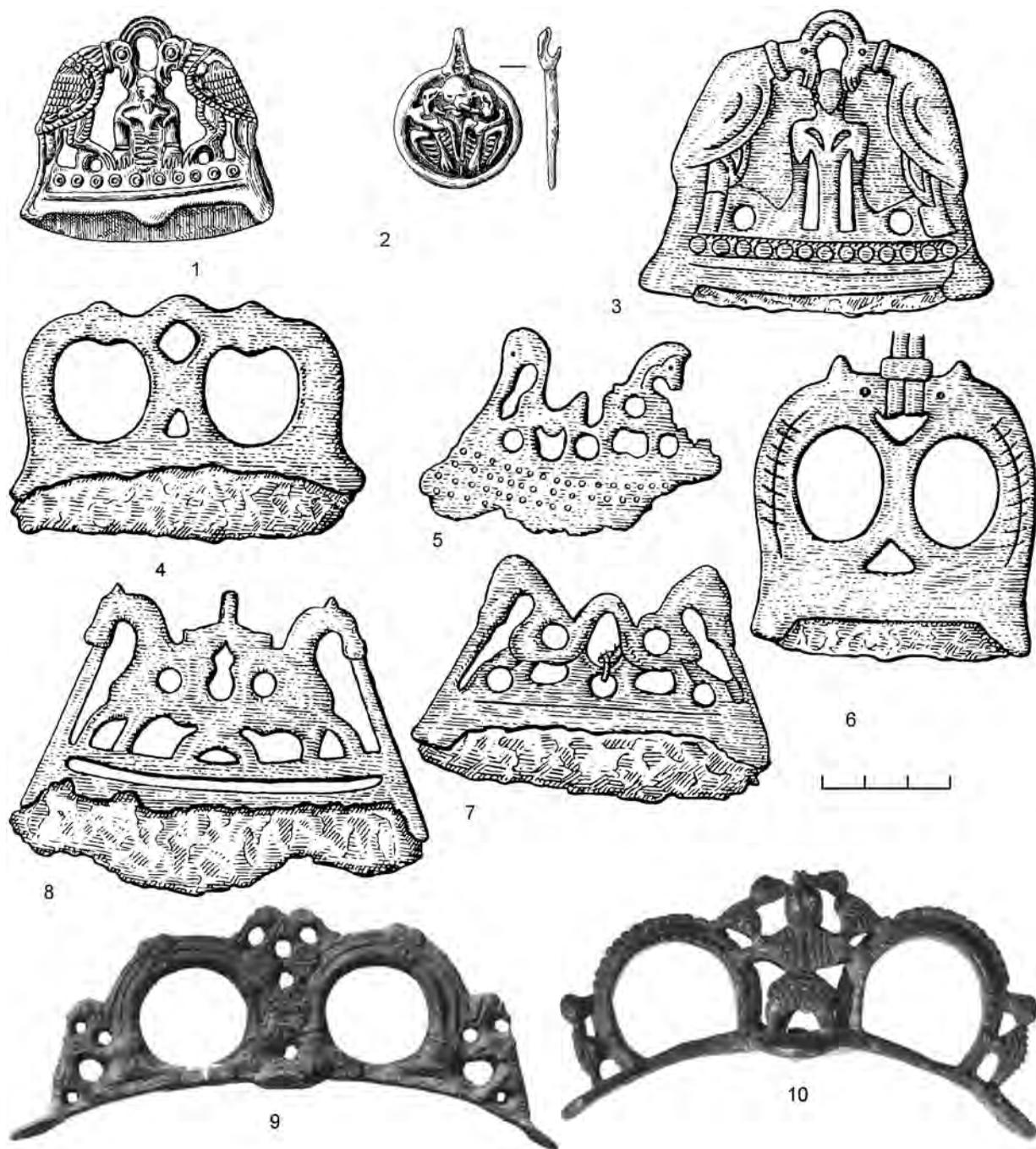

Рис. 1. Антропоморфный персонаж между двумя птицами: 1, 2 — кресало из Прикамья и подвеска из с. Васильки Владимирской обл. (по Корзухиной); 3–8 — прикамские кресала (по: Финно-угры и балты 1987: 302); 9 — навершие дуги упряжи с Готланда, Швеция; 10 — навершие дуги упряжи из Гудме, Дания

рис. 2,3); с Одином традиционно соотносится и одноглазый персонаж на средневековом ковре из Северной Швеции (Skogk) (Roesdahl 1991: 297), но его атрибут на ковре — топор, что затрудняет однозначную идентификацию.

Определенные стереотипы сложились в историографии и в отношении женских образов в скандинавском искусстве эпохи викингов: привески-амулеты в виде профильных женских фигурок (русские находки из Гнёздова, Рюрикова городища, литейная форма из Ладоги) в длинном платье традиционно ассоциируются с валькириями. Интересной представляется попытка дифференцировать содержание образов по атрибутам (Плохов 2004: 202–217). Фигурки, изображенные держащими питьевой рог,

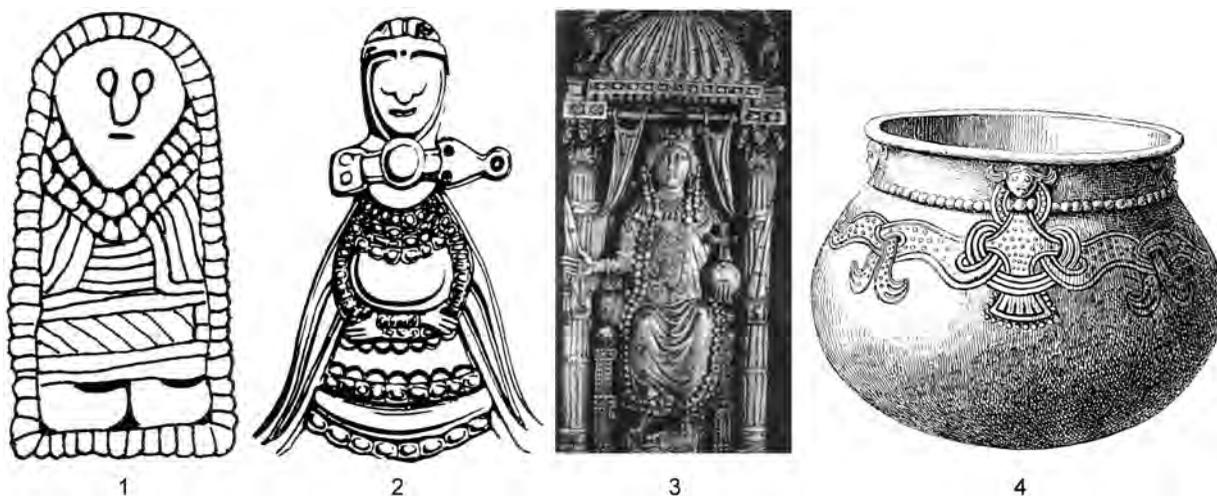

Рис. 2. Женские образы в позднееримское время: 1–3 — подвеска из Аске (2) и изображения женщин в позднееримской традиции; 4 — серебряная чаша из музея в Копенгагене

убедительно трактуются как валькирии на основе распространенного поэтического тропа («вином валькирии вождя встречают») и в силу того, что тот же мотив женщины с рогом включен в композиции встречи героя на готландских и шведских рунических камнях.⁶ Фигуркам без рога в руках свойствен иногда иной атрибут — ожерелье: если это «ожерелье Брисингов», то перед нами его владелица — богиня Фрейя, самый известный женский персонаж скандинавского пантеона. Впрочем, интерпретация здесь зависит по преимуществу от исследовательского «дискурса»: если исследователь ориентирован на поиск соответствий в мифопоэтической традиции, то он склонен видеть в женских образах с ожерельем Фрейю (ср. Arrhenius 2001: 306; Плохов 2004: 212–213), если его больше интересует культ, то он может видеть в женском образе прорицательницу-вельву и т.п. (ср. Price 2002: 158). Дело доходит до своеобразного языческого «кошунства» (в духе эддической «Перебранки Локи»), особенно в отношении уникальной подвески из погребения в Аске (ок. 800 г.), когда женская фигурка поддерживающая руками живот трактуется как беременная Фрейя (ср. Плохов 2004: 212). Натуралистическая трактовка произведений декоративного искусства представляется в принципе неправомерной, тем более, когда она не находит соответствий в мифологических мотивах. Более продуктивным кажется поиск иконографических параллелей, и Ульф Несман (Näsman 1998: 117) (рис. 2: 1–3) находит их в позднееримской–византийской традициях изображения знатных дам. Возможности включения мотивов женских образов в чисто декоративный контекст демонстрирует, в частности, серебряная чаша из музея в Копенгагене (Vorsø 1861: № 458) (рис. 2: 4), где при желании можно разглядеть и ожерелье и птичий хвост (волшебное оперение — иной атрибут Фрейи), но образ явно «тиражируется» как декоративный элемент чаши, украшающий ее симметрично с четырех сторон. Существенно при этом, что в собственно скандинавской традиции не существовало четкого разделения по категориям женских мифологических персонажей — дис, норн и валькирий, и сама Фрейя могла именоваться «дисой ванов» (Ström 1954: passim).

В большей мере увязывается со скандинавскими мифопоэтическими сюжетами другой мотив древнерусского искусства, исследованный еще И. Паульсеном: на лезвии т.н. топорика Андрея Боголюбского помимо симметричного мотива двух птиц у дерева с одной стороны, изображен дракон, пораженный мечом. Композиция, по некоторым предположениям, образует буквицу А (ср. Корзухина 1966: 94) (рис. 3: 1), но имеет полное соответствие в композициях на рунических камнях XI в. и в резьбе норвежских деревянных церквей, передающих сцену убийства Сигурдом дракона Фафнира. При этом на лезвии отсутствует изображение собственно Сигурда. Это означает, что сам изобразительный мотив десемантизируется в русской традиции, становится декоративным.

⁶ Впрочем, стилистически сходные фигурки, держащие в руках неясные предметы, вытканы на ковре из Осеберга: они располагаются рядом с изображениями повешенного на древе и шествующего воина с мечом, т.е. в контексте культа Одина (ср. Price 2002: 159). Более того, на одном из готландских камней (Barhaldershed) женщина с питьевым рогом встречает другую даму, едущую на повозке; на другом позднем камне с христианской надписью (Levide kyrka), напротив, дама, едущая в повозке, держит рог (Ellmers 1986: Abb. 16, 23; ср. Kreutzer 1988: 18–20).

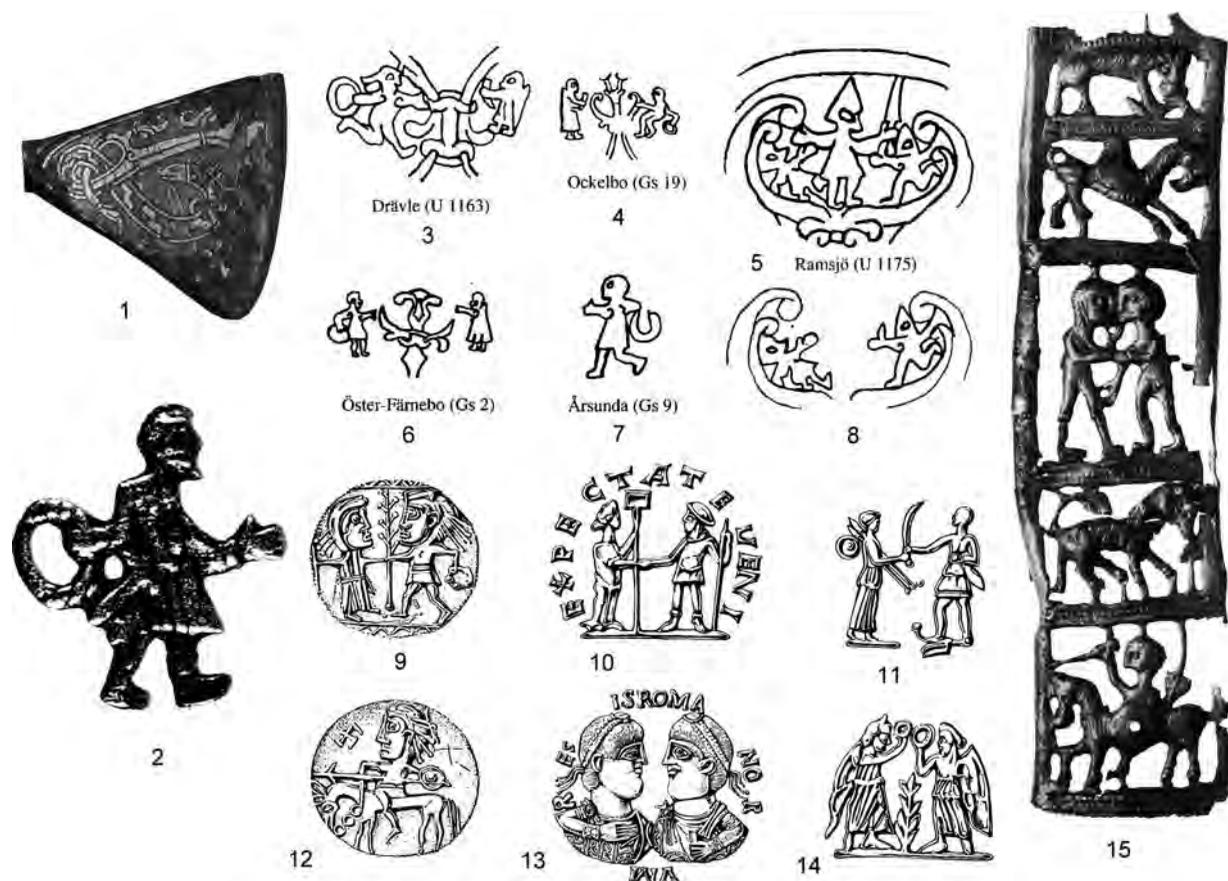

Рис. 3. Скандинавские мифоэпические сюжеты и их параллели в позднеримском и раннесредневековом европейском искусстве: 1 — изображение пронзенного змея на «топорике Андрея Боголюбского»; 2 — «Фигурка викинга» из Даугмале; 3–8 — мотивы встречи Сигурда и Брюнхильд на скандинавских рунических камнях; 9–14 — брактеат из Викена и аналогичные римские композиции; 15 — накладка на ножны меча из Гринева

Зато образ Сигурда с мечом обнаруживается в уникальных «фигурках викинга» из Даугмале и Верхнего Днепра (Новый Быхов) (рис. 3: 2). Точных аналогий бронзовым фигуркам в Скандинавии и в других регионах нет, но мотив воинов, несущих в руке кольцо, характерен для скандинавского искусства, особенно для готландских памятных камней. Культовые сюжеты композиций на готландских памятных стелах (ок. 800–1000 гг.), передающие сцену триумфального вступления павшего героя с кольцом в Вальхаллу, восходят к римским образцам — изображениям триумфаторов с венками (а те повторяют более ранние ахеменидские изобразительные мотивы — ср. Vierck 1981: 71–80). Героя встречает валькирия с питьевым рогом — изображения на камнях стилистически близки литым фигуркам «валькирий». В собственно скандинавской традиции, однако, кольца — сакральный предмет, символ нерушимой клятвенной связи («обручения») с вождем, в сценах вступления в Вальхаллу — с владыкой этого воинского рая Одином, который собирает в своем загробном чертоге дружину павших в бою героев. Этот религиозно-правовой мотив известен и древней Руси — в договоре с греками 944 г. «некрещеная Русь полагают щиты своя и мече свое наге, обруче свое и прочаа оружья, да кленутся о всем».

Вместе с тем, восточноевропейские «фигурки викинга», помимо готландских аналогий, имеют в древнескандинавском искусстве более точные параллели и в стилистическом, и в хронологическом отношении. Аналогии мечу (близкого типу Z) на поясе «викингов» обнаруживаются в изображениях на рунических камнях первой половины XI в. в Рамсунде и Гёке (Сёдерманланд, Швеция). В одну группу изобразительных сюжетов (мотив Сигурда) с ними входят рунические камни из Древлe (Упланд, Швеция) и др. (Düwel 2005: passim) (рис. 3: 3–8). Их объединяет мотив главного героического деяния Сигурда, пронзающего своим мечом Грамом змея Фафнира. В центре композиции — процветший крест, над которым и совершает свой подвиг Сигурд, а по сторонам верхнего отростка — бегущий человек с протянутой левой рукой и кольцом в правой руке, и женщина — с питьевым рогом.

Традиционно считалось, что персонаж с кольцом — это карлик Андвари, первый владелец золота Нифлунгов: коварный бог Локи вынудил его отдать все богатство, которое карлик спрятал в скале, включая и волшебное кольцо, которым Андвари особенно дорожил. Оно, как и кольцо Одина Драупнир, могло вернуть карлику богатство. Андвари заклял свое богатство. Однако композиция на упомянутом руническом камне из Древле явно связана с самим Сигурдом — новым владельцем кольца и клада, которые он получил, пронзив мечом стерегущего их змея, а не с Андвари. «Викинг» также помимо кольца имеет на поясе атрибут Сигурда — меч. Сигурд — самый популярный герой не только германского эпоса, но и изобразительного искусства, показательно, как мотив с кольцом тиражируется не только на рунических камнях, но и в мелкой пластике.

Сцена встречи героя с кольцом женщиной с ритонем на руническом камне связана и с последующими деяниями Сигурда: он дважды овладевает валькирией Брюнхильд, второй раз — приняв облик сватающегося к ней жениха, Гуннара. «Наутро [...] он дал Брюнхильд свадебный дар — то золотое кольцо, что Локи отнял у Андвари, а у нее взял на память другое кольцо» (Младшая Эдда). В более поздней «Саге о Вёлсунгах» (гл. XXI), где кольцо Андвари оказывается уже не браслетом, а обручальным перстнем, Брюнхильд и Сигурд обмениваются кольцами и выпивают вместе кубок, чтобы герой запомнил этот день и познал тайные руны. Очевидно, эта сцена и изображена на руническом камне из Древле.

Мотив женщины, встречающей с ритонем героя, известен не только скандинавскому изобразительному искусству — тем же готландским камням, но и эддической поэзии (и поэзии скальдов). «Вином валькирии вождя встречают» («Речи Эйрика») — сцена, также относящаяся к явлению героя в Вальхаллу. Протянутые руки персонажа на руническом камне из Древле и «викингов» с Днепра и Даугавы как бы готовы принять кубок.

Композиция встречи героя на руническом камне из Уппланда и готландских камнях имеет аналогии в раннем скандинавском прикладном искусстве VI–IX вв.: это вотивные золотые пластинки с тисненым изображением встречающихся и обнимающихся пар, среди которых наиболее близки нашему сюжету сцены, где женщина держит в руке ветвь (но не ритон). Эти сцены передают сюжет сакрального брака (*hieros gamos*), один из универсальных мифо-ритуальных сюжетов, эпическим вариантом которого можно считать и брак героя (в том числе Сигурда) с валькирией. Ранним вариантом такой композиции оказывается сцена на золотом брактеате V в. из Викена (Норвегия), где держащая ветвь (или деревце: ср. процветший крест на камне из Древле) женщина стоит лицом к мужчине, держащим сзади кольцо (рис. 3: 9–14). Герой на другой стороне брактеата изображен едущим на коне с копьем (?) и щитом; и хотя изображения на брактеате традиционно относятся к тем же сценам, воспроизводящим римские и даже более архаичные традиции — *imitatio imperii* (Vierck 1981: 71–74; Näsman 1998: 115; Bonfante 1999: *passim*), но положение кольца указывает на иной, вероятно, германский эпический сюжет.

Любопытно, что те же мотивы священного брака и всадника со щитом воспроизведены на уникальном памятнике восточноевропейского изобразительного искусства — накладке на ножны меча из Гринева (под Львовом), относящейся к пшеворскому времени; отдельные мотивы, представленные на брактеате и накладке, могут отражать некий эпический сюжет. Композиция включает всадника в нижнем регистре, четвероногое животное у дерева (или с процветшим хвостом), «священный брак в центре композиции, выше — грифона и животное, топчущее змею (Kozak 1982: 533–545.) (рис. 3: 15).⁷ В целом отдельные и, казалось бы, изолированные фигурки-амулеты («викинги» и «валькирии», обнаруженные на разных археологических памятниках Восточной Европы) вписываются (благодаря скандинавским аналогиям) в единую «сюжетную» схему (Петрухин 2000: 43–46).

При этом женский персонаж на брактеате из Викена держит в руке предмет, который должен был восприниматься как символ не менее значимый, чем кольцо в руке мужского партнера: можно предположить, что это — веретено, характерный атрибут божеств (духов) судьбы, скандинавских норн, дис и валькирий, каковой была Сигдрива (Брюнхильд) в эпическом сюжете о Вёлсунгах–Нибелунгах.

⁷ Д.Н. Козак обнаруживает античные, фракийские и кельтские стилистические параллели мотивам накладки. Ближайшая, хотя и поздняя параллель, свидетельствующая о живучести героических мотивов в искусстве Центральной Европы, — поясная накладка из Великой Моравии: в нижнем регистре — Геракл с палицей, выше — герой убивает кентавра, выше — борьба Геракла с царицей амазонок (вариант священного брака), вверху — вебрь, убитый Гераклом (Dekan 1980: fig. 65).

Литература

- Веймарн, Амброз 1980 — *Веймарн Е.В., Амброз А.К.* Большая пряжка из Скалистинского могильника // СА. № 3. 1980.
- Ворсо 1861 — *Ворсо И.И.А.* Северные древности королевского музея в Копенгагене. СПб., 1861.
- Кирпичников, Сакса 2002 — *Кирпичников А.Н., Сакса А.И.* Финское население в составе северорусских средневековых городов // *Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси.* СПб., 2002.
- Корзухина 1966 — *Корзухина Г.Ф.* Ладожский топорик // *Культура средневековой Руси.* М., 1966.
- Корзухина 1976 — *Корзухина Г.Ф.* Об Одине и кресалах Прикамья // *Средневековая Русь.* М., 1976.
- Крыласова 2006 — *Крыласова Н.В.* Об интерпретации кресал с сюжетом, известным в историографии как «Один и вороны» // РА. № 4. 2006.
- Кулаков 1995 — *Кулаков В.И.* Варианты иконографии Одина и Тора V–XI вв. // *Древняя Русь: новые исследования.* Вып. 2. СПб., 1995.
- Кулаков 2003 — *Кулаков В.И.* Варианты иконографии Одина и Перуна/Перкуно // РА. № 1. 2003.
- Мурашева 2005 — *Мурашева В.В.* «Идол» из Гнездова // РА. № 1. 2005.
- Наследие варягов 1996 — *Наследие варягов (диалог культур).* Stockholm, 1996.
- Оборин, Чагин 1988 — *Оборин В.А., Чагин Г.Н.* Искусство Прикамья. Пермь, 1988.
- Переводчикова 1994 — *Переводчикова Е.В.* Язык звериных образов. М., 1994.
- Петренко 1984 — *Петренко В.П.* Финно-угорские элементы в культуре средневековой Ладоги // *Новое в археологии СССР и Финляндии.* Л., 1984.
- Петрухин 2000 — *Петрухин В.Я.* «Сага о Волсунгах» на «Восточном пути» // *Археологический сборник памяти М.В. Фехнер / Труды ГИМ.* Вып. 111. М., 2000.
- Плохов 2004 — *Плохов А.В.* Уникальная литейная форма из Старой Ладоги // АВ. № 11. 2004.
- Пушкина 1984 — *Пушкина Т.А.* Бронзовый идол из Черной Могилы // *Вестник МГУ. Серия История.* № 3. 1984.
- Смирнова 2000 — *Смирнова Э.С.* Мотивы тератологического орнамента русских рукописей: «Авторский портрет», «Давид псалмопевец» // *Florilegium.* К 60-летию Б.Н. Флори. М., 2000.
- Финно-угры и балты 1987 — *Финно-угры и балты в эпоху средневековья.* М., 1987.
- Щеглова 2006 — *Щеглова О.А.* «Тайна пляшущих человечков» и «следы невиданных зверей» // *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Международная научная конференция. Тезисы докладов.* СПб., 2006.
- Шукин 2005 — *Шукин М.Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005.
- Arne 1914 — *Arne T.* La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914.
- Arrhenius 2001 — *Arrhenius B.* Beliefs behind the use of polychrome jewelry in the Germanic area // *Roman gold and the development of the Early Germanic kingdoms. Konferenser KVHAA 51.* Stockholm, 2001.
- Böhner 1969 — *Böhner K.* Beziehungen zwischen den Norden und dem Kontinent zur Merowingerzeit // *Sweagold und Wikingerschmuck aus Statens Historiska Museum, Stockholm.* Stockholm, 1969.
- Bonfante 1999 — *Bonfante L.* Marriage scenes, sacred and otherwise: the conjugal embrace // *Проблемы на изкуството.* № 4. 1999.
- Dekan 1980 — *Dekan J.* Moravia Magna. Bratislava, 1980.
- Diesner 1976 — *Diesner H.-J.* Die Völkerwanderung. Leipzig, 1976.
- Duczko 2002 — *Duczko W.* Tańczący wojownicy: ikonografia rytuałów kultowo-militarnich w skandynawskiej sztuce wczesnego średniowiecza // *Imago narrat. Obraz jako komunikat w społeczeństwach europejskich.* Historia. CLXI. 2002.
- Düwel 2005 — *Düwel K.* Sigurddarstellung // *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde.* Bd. 28. 2005.
- Ellmers 1986 — *Ellmers D.* Schiffdarstellungen auf skandinavischen Grabsteinen // *Zum Problem der Deutung frühmittelalterlicher Bildinhalte.* Sigmaringen, 1986.
- From Viking to Crusader 1992 — *From Viking to Crusader.* Ed. E. Roesdahl, D.M. Wilson. 1992.
- Jansson 1988 — *Jansson I.* Wikingerzeitlichen orientalischer Import in Skandinavien // *Oldenburg; Wolin; Staraja Ladoga; Novgorod; Kiev.* Frankfurt am Main, 1988.
- Kozak 1982 — *Kozak D.N.* Eine Bestattung aus dem ersten nachchristlichen Jahrhundert am Oberlauf des Dnjeestr // *Germania.* 60. 2. 1982.

- Kreutzer 1988 — *Kreutzer G.* Schiffe für Linkshänder und achtbeinige Pferde // Gotland. Tausend Jahre Kultur- und Wirtschaftsgechichte im Ostseeraum. Sigmaringen, 1988.
- László 1971 — *László G.* Steppenvölker und Germanen. Kunst der Völkerwanderungzeit. Berlin, 1971.
- Näsman 1998 — *Näsman U.* The Scandinavian's view of Europe in the Migration period // The World-View of Prehistoric Man. Konferenser KVHAA 40. Stockholm, 1998.
- Price 2002 — *Price N.S.* The Viking Way. Religion and War in Late Iron Age Scandinavia. Uppsala, 2002.
- Roesdahl 1991 — *Roesdahl E.* Nordisk førkristen religion // Nordisk hedendom. Odense, 1991.
- Ström 1954 — *Ström F.* Diser, nornor, valkyrior. Stockholm, 1954.
- Thunmark-Nylen 1998 — *Thunmark-Nylen L.* Die Wikingerzeit Gotlands. Bd. II. Stockholm, 1998.
- Vierck 1981 — *Vierck H.* Imitatio imperii und interpretatio Germanica vor der Wikingerzeit // Les pays du Nord et Byzance. Uppsala, 1981.

Н.А. Плавинский (Минск)

НАКОНЕЧНИКИ НОЖЕН МЕЧЕЙ X–XIII вв. С ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ

Одной из известнейших работ Г.Ф. Корзухиной является статья 1950 г. «Из истории древнерусского оружия XI века». В этой статье она разделила наконечники ножен мечей, найденные на Руси и в сопредельных регионах, на 8 рядов (иначе говоря, типов) (Корзухина 1950: 63–74). Через три года вышло в свет наиболее обстоятельное исследование по истории наконечников ножен Балтийского региона, автором которого был Петэр Паульсен. Он выделил 7 основных типов наконечников, которые разделяются на группы и подгруппы. Главным основанием для выделения типов стали морфологические признаки наконечников и стилистические особенности их орнаментации (Paulsen 1953: 17–142). Предложенная Паульсеном типология стала общепринятой и была впоследствии использована многими исследователями для систематизации находок из различных регионов бассейна Балтийского моря и сопредельных территорий. Следует отметить, что принципы выделения типов у Г.Ф. Корзухиной и П. Паульсена во многом сходны, как и выводы этих исследователей относительно хронологии и происхождения ряда типов.

После Г.Ф. Корзухиной и П. Паульсена специалисты, занимающиеся древнерусской археологией, редко обращались к исследованию наконечников ножен мечей. Наибольший интерес к этому вопросу проявили Н.В. Ениосова, разработавшая собственную типологию ажурных наконечников ножен X–XI вв. (Ениосова 1994), и В.Н. Зоценко, обратившийся к рассмотрению «высоких» наконечников Балтийского региона и наконечников «с германским птичьим мотивом» (Зоценко 1999; 2005). Следует также упомянуть статью К.А. Михайлова и Е.Н. Носова, посвященную публикации наконечников ножен с Рюрикова городища (Михайлов, Носов 2002).

Данная работа посвящена рассмотрению наконечников ножен мечей X–XIII вв. с территории Белоруссии. На сегодняшний день на территории Беларуси найдено 25 целых и фрагментированных наконечников ножен мечей этого периода. Все находки можно разделить на две большие группы. К первой относятся литые наконечники эпохи викингов и, так сказать, их «потомки» — прибалтийские наконечники XI–XIII вв. Для систематизации наконечников этой группы мы используем типологию П. Паульсена. Ко второй группе принадлежат чаще всего сделанные из железа «U»-образные оковки, которые распространяются по всей Европе в романскую эпоху.

Самый ранний узкодатированный наконечник ножен меча с территории Беларуси был найден на городище Франополь (табл. I, № 1). Обе его стороны украшены одинаковым зооморфным орнаментом в стиле Еллинг (рис. 1: 1). По стратиграфическим данным наконечник хорошо датируется рубежом X–XI вв. (Гоў, Вяргей 1993: 122; Кулаков, Иов 2001: 80–81). Находка принадлежит к типу наконечников «с германским четвероногим зверем», к его четвертой группе — «с четвероногим зверем и пальметтой» (тип II: 4) (Paulsen 1953: 54–57). П. Паульсен предполагал, что этот тип шведский, а именно: готландский. В.И. Кулаков и О.В. Иов считают, что франопольский наконечник был сделан на южном побережье Балтийского моря в третьей четверти X в. (Кулаков, Иов 2001: 81–83).

Случайно найденный наконечник ножен из Юрович (табл. I, № 2) украшен трехлистной пальметтой в нижней части и трехрядным бортиком с сильно

стилизованной распластанной головой животного на венчике (рис. 1: 3) (Исаенка 1999: 40). Он относится к «варяжской группе типа наконечников с пальметтой» (тип III: 1) (Paulsen 1953: 59–67). П. Паульсен датировал подобные наконечники второй половиной X в. и считал, что они возникли в результате соединения североевропейских и восточных орнаментальных традиций.

Плохо сохранившийся наконечник ножен был найден при раскопках Городища на Менке (табл. I, № 3) (Штыхов 1979: рис. 17, 21: 1). Он побывал в огне, отчего вся внешняя поверхность покрылась припекшимися угольками (рис. 1: 4). Исходя из пропорций наконечника и наличия на венчике бортика с крайне стилизованным изображением головы птицы (?) в профиль, он может быть отнесен к «типу наконечников с пальметтой», возможно, к его «варяжско-балтийской группе» (тип III: 2) (Paulsen 1953: 63–73). П. Паульсен узко датировал наконечники этой группы первой половиной XI в., но не исключал и возможность их более широкого датирования X–XI вв. (Paulsen 1953: 142). Г.Ф. Корзухина считала, что разные варианты подобных наконечников (пятый ряд в ее типологии) существовали с конца X до XII в. (Корзухина 1950: 67–68), а В. Казакиявичюс предполагал, что все варианты типа III изготавливались в XI в. (Kazakevičius 1998: 298–303). Наконечник с Городища на Менке не имеет узкой стратиграфической датировки. При этом существовавшее уже в X в. поселение на Менке достигло наибольшего расцвета в первой половине XI в. (Штыхов 1978: 63–72), что хорошо согласуется с узкой датировкой наконечника по П. Паульсену. Исследователи единодушны в определении места изготовления наконечников типа III, или, по крайней мере, части из них в Юго-Восточной Прибалтике (Корзухина 1950: 68; Paulsen 1953: 92–96; Kazakevičius 1998: 298–303).

Еще один наконечник типа III: 2, хранящийся в частной коллекции, возможно, происходит из Гольшан (табл. I, № 24). Несмотря на повреждения, особенно сильные в верхней части, на обеих сторонах сверху и снизу хорошо виден орнамент — пальметта с сердцевидными завершениями и растительными завитками (рис. 1: 6). Наконечник может быть предварительно датирован XI в.

Наконечник ножен с изображением двух птиц, повернутых друг к другу клювами, был найден в Друцке. Венчик завершается трехлистной пальметтой (рис. 1: 5) (табл. I, № 4). Находка принадлежит к типу с «птичьим мотивом в медальоне» (тип IV) (Paulsen 1953: 97–101). Л.В. Алексеев не приводит данных о стратиграфическом положении находки (Алексеев 1966: 158–159, рис. 72: 37). П. Паульсен относил наконечники типа IV к XI в. При этом он не был полностью уверен в точной локализации места их производства, колеблясь между Готландом и Прибалтикой, но все-таки склоняясь к Курземе (Paulsen 1953: 101). Г.Ф. Корзухина и В. Казакиявичюс также датируют наконечники «с птичьим мотивом в медальоне» XI в. Но если В. Казакиявичюс был полностью уверен в том, что это продукция балтийских мастеров (Kazakevičius 1998: 304–306), то Г.Ф. Корзухина склонялась к мысли о Готланде как более вероятном месте их производства (Корзухина 1950: 66–67).

Случайной находкой является наконечник ножен из деревни Литвиновичи (рис. 1: 8) (табл. I, № 5). В непосредственной близости от места находки археологических памятников не выявлено (Макушников, Лупиненко 2003: 109–110, рис. 2). Одна из сторон наконечника украшена изображением креста в окружении растительного орнамента. Углубления орнамента заполнены чернью. Вверху по центру венчика наконечник украшен трехлистной пальметтой. Предмет принадлежит к «варяжско-ливской» группе типа «с крестом и усиками» (тип V: 1), который датируется концом X–XI в. (Paulsen 1953: 103–107, 142). Г.Ф. Корзухина считала, что наконечники этого типа изготавливались на Готланде (Корзухина 1950: 66–67).

Вероятно, к типу V: 1 следует отнести и наконечник, случайно найденный в Гольшанах (рис. 1: 7) (табл. I, № 6). Он, по-видимому, побывал в огне и сохранился только частично. С обеих сторон наконечник покрыт растительным орнаментом, который, в отличие от предыдущего экземпляра, не был заполнен чернью. Очень близкий наконечник, правда, с чернью, происходит из Турейды и датируется XI в. (Paulsen 1953: 104, Abb. 137). Однако, размер, отсутствие черни и характер орнамента, который можно рассматривать как переходный между «варяжско-ливской» и «куршско-восточнопрусской» группами типа «с крестом и усиками», вероятно, позволяют расширить датировку рассматриваемого наконечника до XI–XIII вв.

Целой серией находок из 10-ти экземпляров представлена «куршско-восточнопруская» группа типа «с крестом и усиками» (тип V: 2). П. Паульсен разделял тип V: 2 на 3 подгруппы в соответствии с их орнаментацией. В материалах с территории Беларуси представлены две из трех подгрупп. К первой из них (тип V: 2-а) относятся экземпляры, в орнаменте которых основным элементом остается пальметта (Paulsen 1953: 107).

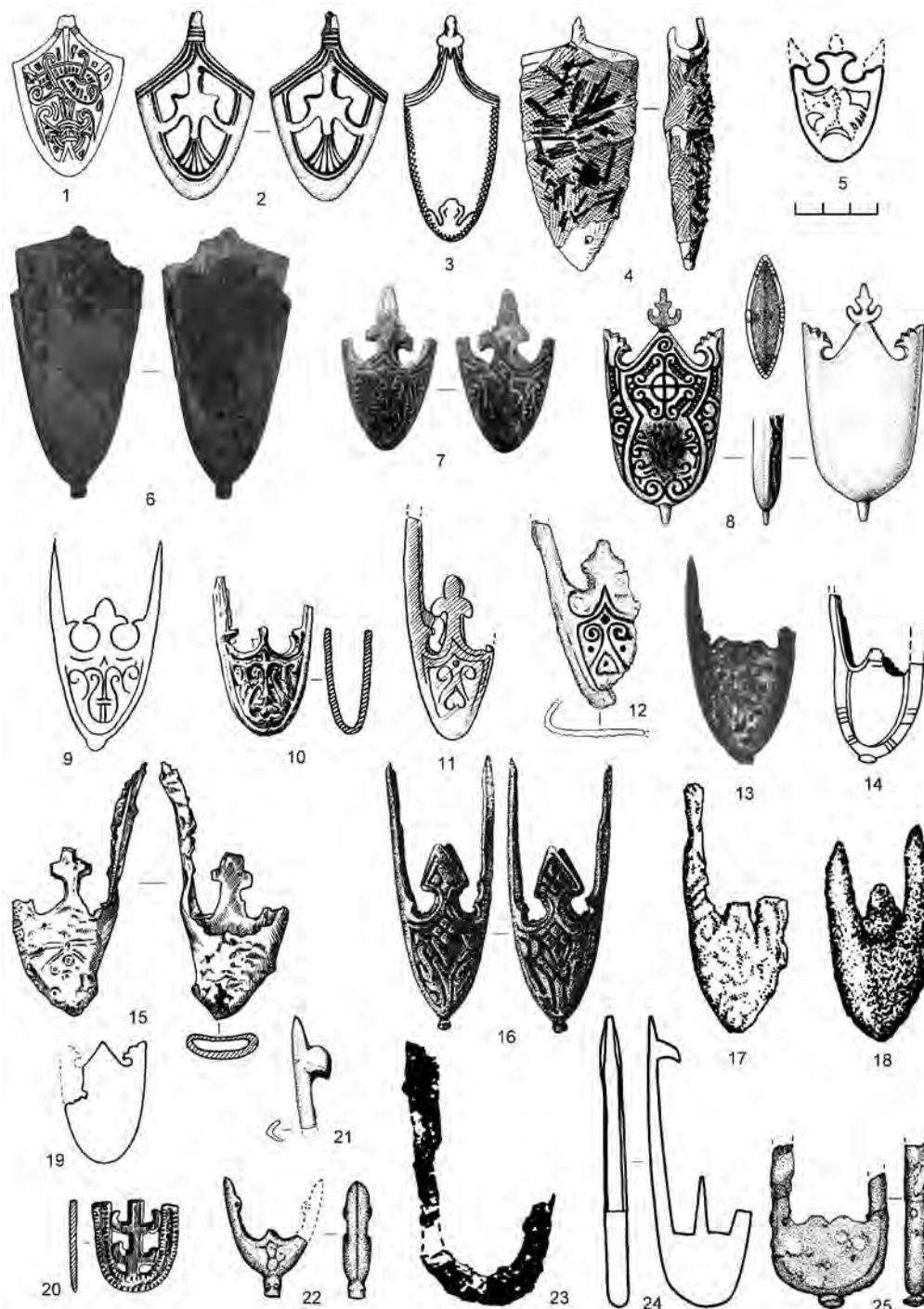

Рис. 1. Наконечники ножен мечей с территории Белоруссии: 1 — городище Франополь (по: Кулаков, Иов 2001: рис. 2: 4); 2 — территория Беларуси; 3 — Юровичи (по: Исаенка 1999: 40); 4 — городище на Менке (по: Штыхов 1979: рис. 21: 1); 5 — Друцк (по: Алексеев 1966: рис. 72:37); 6 — Гольшаны (?); 7 — Гольшаны; 8 — Литвиновичи (по: Макушников, Лупиненко 2003: рис. 2); 9 — курганный могильник Гурковичи (по: Paulsen 1956: Abb. 147); 10 — Новогрудок, детинец (по: Гурэвіч 2003: мал. 63:1); 11 — Полоцк, Верхний Замок (по: Штыхов 1975: рис. 33:17); 12 — Минская область (?); 13 — Волковыск, городище Замчище; 14 — городище Масковичи (по: Дучыц 1991: рис. 22:1); 15 — курганный могильник Ашмянец (по: Зайкоўскі 2002: мал. 2:3); 16 — Гомель, окольный город (по: Макушников, Лупиненко 2004: рис. 9); 17 — Мстиславль (по: Алексеев 1995а: рис. 19:6); 18 — Волковыск, городище «Шведская гора» (по: Тарасенко 1957: табл. II:6); 19 — Лукомль (по: Ласкавый 1993: рис. 2:11); 20 — Новогрудок, окольный город (по: Гуревич 1981: рис. 88:2); 21 — Друцк; 22 — территория Беларуси; 23 — Орша (по: Драгун 1965: рис. 23:3); 24 — Полоцк, Заполотье (по: Тарасов 1987: рис. 54:1); 25 — Полоцк, Заполотье. 9, 13, 18, 19 — без масштаба

Первый из таких наконечников был найден в курганном могильнике Гурковичи (табл. I, № 7) (Paulsen 1953: 107). Центральный мотив его орнаментации — стилизованное изображение креста, концы которого плавно превращаются в растительные завитки. По центру венчика размещена трехлистная пальметта (рис. 1: 9). Наконечник «припекся» к острию меча типа I по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966: 84–85) или типа T1 куршский по В. Казакевичюсу (Kazakevičius 1996: 112). Как и сам меч, наконечник может быть датирован только в широких рамках XI–XIII вв.

На детинце Новогрудка был найден наконечник (табл. I, № 8), орнамент которого близок к гурковичскому экземпляру, но изображение креста кажется еще более стилизованным (рис. 1: 10). Находка происходит из слоя XII в. (Гуревич 1974: 97, рис. 33: 3; 2003: 165, мал. 63: 1).

Еще один наконечник ножен типа V: 2-а найден на Верхнем замке Полоцка в слое 30-х годов XIII в. (табл. I, № 9). Орнаментация наконечника состоит из крайне стилизованного изображения креста, практически полностью «растворившегося» в растительном орнаменте, на венчике трехлистная пальметта (рис. 1: 11) (Штыхов 1975: 71, рис. 33: 71).

Сильно оплавленный наконечник ножен типа V: 2-а хранится в Солигорском краеведческом музее (табл. I, № 10). Находка, как и ряд других, поступивших в музей вместе с ней, по-видимому, происходит из кургана (или курганов) с погребениями по обряду трупосожжения, вероятно, восточнолитовских. По своей орнаментации наконечник очень близок к полоцкому. Его венчик также украшен трехлистной пальметтой (рис. 1: 12). Датировать его можно только широко — XI–XIII вв.

Вторая подгруппа типа V: 2, представленная в материалах с территории Беларуси, — это наконечники, в орнаментации которых изображение креста и растительный орнамент постепенно дополняются точками. Со временем точечная орнаментация начинает преобладать и в результате полностью вытесняет первоначальные орнаментальные мотивы (тип V: 2-с) (Paulsen 1953: 118). В ряде наконечников этой подгруппы проявляется полная деградация всех элементов первоначального орнамента.

Рассмотрение этой подгруппы следует начать с находки на городище Замчище в Волковыске (табл. I, № 11). В существующих публикациях наконечник с Замчища описан как гладкий (Зверуго 1969: 168, рис. 5: 19; 1967: 307, рис. 2: 1; 1975: 100, рис. 32: 11; 2000: мал. 105: 13). Однако после расчистки наконечника выявилось, что его поверхность покрыта орнаментом, состоящим из равноконечного креста и двух шпоровидных знаков посередине, по бокам от которых размещены стилизованные усики растительного орнамента с точками (рис. 1: 13). Находка происходит из слоя, который датируется XI–XIII вв.

Следующим представителем типа V: 2-с является наконечник из разрушенного кургана в восточнолитовском могильнике Ашмянец (табл. I, № 12). Он был найден вместе с мечом типа II по А.Н. Кирпичникову. От пребывания в огне наконечник достаточно сильно оплавился, утрачена одна боковая штанга (Зайковский 2001: 414, рис. 2: 3; 2002: 181–182). В орнаментации наконечника растительные мотивы деградировали полностью, превратившись в точки и линии. Пальметта на венчике превратилась в крест (рис. 1: 15). Как и весь комплекс находок из Ашмянца, наконечник может быть датирован первой половиной — серединой XIII в.

Финальную стадию развития орнаментации наконечников типа V: 2-с представляет экземпляр с городища Масковичи (табл. I, № 13). Он утратил последние остатки растительной орнаментации. Поверхность вообще не имеет украшений, за исключением размещенной вдоль сторон окантовки, украшенной параллельными горизонтальными линиями (рис. 1: 14). Наконечник не имеет узкой стратиграфической даты и может быть отнесен к XI–XIII вв. (Дучыц 1991: 41, рис. 22: 1).

К типу V: 2-с должен быть отнесен и наконечник с окольного города Гомеля (табл. I, № 14). Но особенности его орнаментации удерживают нас от того, чтобы причислить его какой-нибудь из подгрупп типа V: 2. В центре орнаментальной композиции наконечника находится ромб, состоящий из четырех маленьких ромбиков. Вокруг него размещен стильно стилизованный растительный орнамент. Венчик наконечника завершается ромбом, а не обычным трехлистником (рис. 1: 16). Наконечник был найден в погибшей в пожаре ювелирно-литейной мастерской, датируемой О.А. Макушниковым концом XII — началом XIII в. (Макушников, Лупиненко 2004: 209–210, рис. 9). Исключительно важно то, что наконечник не был завершён обработкой — с него не были сняты оставшиеся после отливки заусенцы.

В завершении описания наконечников типа V: 2 следует упомянуть находки с городища «Шведская гора» в Волковыске и (рис. 1: 18) (табл. I, № 15) и Мстиславля (рис. 1: 17) (табл. I, № 16). Оба наконечника известны в литературе как неорнаментированные (Тарасенко 1957: табл. II: 6; Зверуго 1967: 307, рис. 2: 3; 1975: 100, рис. 32: 9; Алексеев 1995а: 165, рис. 19: 6; 1995б: рис. 6: 12). Однако, вполне вероятно, что их орнаментация «скрылась» под слоем окислов так же, как и на экземпляре с Волковыского Замчища. Судя по форме и пропорциям наконечников, они также могут быть отнесены к типу V: 2.

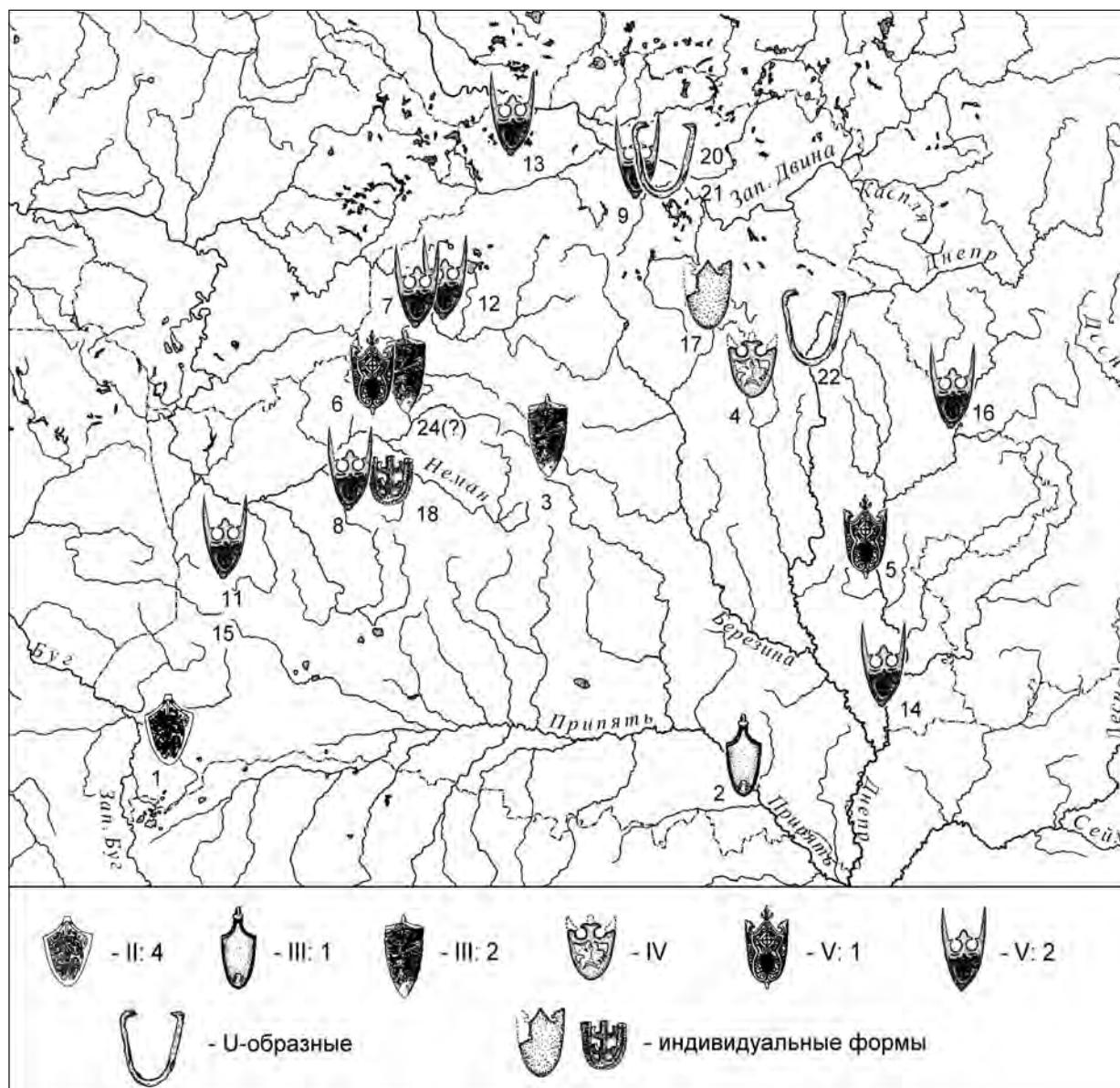

Рис. 2. Находки наконечников ножен мечей X–XIII вв. на территории Белоруссии

П. Паульсен считал, что основным центром производства наконечников типа V: 2 на протяжении XI–XIII вв. были земли, заселенные куршами (Paulsen 1953: 124). Такого же мнения придерживаются и другие исследователи (Корзухина 1950: 68; Кулаков 1990: 31; Мугуревич 1965: 53). По подсчетам В. Казакевичюса, тип V: 2 является самым многочисленным среди балтских наконечников ножен XI–XIII вв. (Kazakevičius 1998: 307–310).

Частично сохранившийся наконечник был найден во время раскопок в Лукомле (табл. I, № 17). Имеющаяся короткая боковая штанга завершается трелистником, выступ на венчике не украшен (рис. 1: 19). В существующей публикации находки наличие орнаментации не отмечается (Ласкавий 1993: 25, рис. 2: 11). Точных аналогий наконечник, как кажется, не имеет. По форме он наиболее близок к типу IV или V: 1, однако без расчистки любые уверенные суждения о его типологической принадлежности будут преждевременными.

Своеобразный предмет, вероятно являющийся наконечником ножен меча, найден на околном городе Новогрудка (табл. I, № 18). В отличие от обычных наконечников он плоский. Основным элементом прорезного орнамента является стилизованное изображение шестиконечного креста, концы которого превращены в растительные завитки (рис. 1: 20). По своей орнаментации наконечник сближается с продукцией балтийских ремесленников, что было отмечено уже Ф.Д. Гуревич (Гуревич 1981: 107, рис. 88: 2).

Кроме того, в Друцке была выявлена боковая штанга бронзового литого наконечника. Типологическую принадлежность предмета определить невозможно, что, однако, не мешает отнести его к балтийской группе (рис. 1: 21) (табл. I, № 19).

Группа «U»-образных наконечников значительно менее многочисленна и представлена пока всего тремя находками. Следует, однако, оговориться, что «U»-образные наконечники были более хрупкими и могли чаще ломаться (Кирпичников 1975: 35), а их фрагменты могут быть попросту не идентифицированы среди других мелких коррозированных оковок из городских слоев.

Два «U»-образных наконечника найдены в Полоцке. Первый из них был обнаружен в ходе раскопок в Заполотье (табл. I, № 20) (АИГ НАНБ. Спр. 953. Рис. 25: 1). Наконечник сделан из железа. К «U»-образной оковке с двух сторон были припаяны фигурные пластинки (рис. 1: 25).

Второй «U»-образный наконечник также происходит из Заполотья (табл. I, № 21). Он был найден во время разлива Западной Двины (АИГ НАНБ. Спр. 953. Л. 25. Рис. 54: 18). Наконечник украшен вытянутым треугольным выступом на венчике и кринообразными завитками в верхней части боковых штанг (рис. 1: 24).

В Орше были найдены фрагменты третьего «U»-образного железного наконечника (табл. I, № 22). Они сильно коррозированы, что не позволяет реконструировать первоначальный вид предмета (рис. 1: 23) (АИГ НАНБ. Спр. 278. 7. Рис. 23: 3; 1969: 117).

Все три «U»-образных наконечника не имеют узкой стратиграфической датировки. В Европе такие наконечники широко распространяются после 1100 г. (Oakeshott 1960: 239). Вероятно, с этого же времени они появляются и на Руси.

В конце рассмотрения находок с территории Беларуси следует упомянуть еще два наконечника из частных коллекций, точное место находки которых неизвестно. Первый из них — ажурный наконечник с изображением птицы (рис. 1: 2) принадлежит к третьей подгруппе «шведско-варяжской» группы типа «с германским птичьим мотивом» (тип I: 2-с) (табл. I, № 23). П. Паульсен считал, что наконечники этого типа изготовлялись в Бирке и на Готланде во второй половине X — начале XI в. (Paulsen 1953: 22–34). Такого же мнения придерживалась и Г.Ф. Корзухина (Корзухина 1950: 65–66). В то же время, высказывается предположение о бытовании наконечников типа тип I: 2-с и в более раннее время, а именно: в первой половине X — начале XI в. (Зоценко 2005: 68).

Второй предмет — это «низкий наконечник без креста и пальметты» (тип VII: 2) (табл. I, № 25). Обе стороны наконечника украшены слабо проработанным орнаментом, состоящим из геометрических и растительных элементов. Внизу наконечник завершается выступом, оформленным в виде сильно стилизованного изображения звериной морды (рис. 1: 22). По сути, данный предмет является переходной формой между группой наконечников балтийского региона и «U»-образными наконечниками романской эпохи. П. Паульсен считал, что наконечники этого типа изготовлялись на Готланде после 1100 г. (Paulsen 1953: 136–139) (при этом, в заключительной хронологической таблице исследователь широко датирует этот тип XI–XIII вв. (Paulsen 1953: 142)).

Подведем некоторые итоги. Ко второй половине X — началу XI в. можно отнести только 3 из найденных на территории Беларуси наконечника ножен (типы I: 2-с, II: 4, III: 1) (рис. 2; рис. 3). Все они имеют североευропейское происхождение. Остальные находки датируются XI–XIII вв. Наконечники типов III: 2, IV, V: 1, V: 2, VII: 2 изготовлялись в Прибалтике. При этом тип VII: 2 имеет готландское происхождение, как, вероятно, и часть наконечников типов IV и V: 1. Остальные типы происходят из Юго-Восточной Прибалтики. Это означает, что уже приблизительно со второй половины X — первой половины XI в. прослеживается взаимовлияние военно-технических традиций населения западно-русских земель и жителей Юго-Восточной Прибалтики. Этот процесс особенно интересен с той точки зрения, что первоначально основные мотивы орнаментации наконечников ножен мечей балтийские ремесленники позаимствовали на Руси (Paulsen 1953: 93–141; Корзухина 1950: 66–68; Зоценко 1999: 45–47). Вероятно, отчасти этим можно объяснить такую широкую популярность наконечников ножен балтийских типов во многих регионах Руси в XI–XIII вв.

Таким образом, из 22 наконечников ножен XI–XIII вв. с территории Беларуси 16 могут быть уверенно отнесены к продукции балтийских оружейников. Еще два экземпляра индивидуальных форм, по-видимому, также имеют балтийское происхождение. Гомельский наконечник был сделан древнерусским мастером, который в своей работе подражал балтийским образцам. «U»-образные романские наконечники представлены всего 3 находками. Как видим, на 1 «U»-образный наконечник приходится сразу 6 балтийских. Напомним, однако, об определенной условности подобных подсчетов по причине трудности идентификации мелких фрагментов «U»-образных наконечников. Приведенные цифры стоит

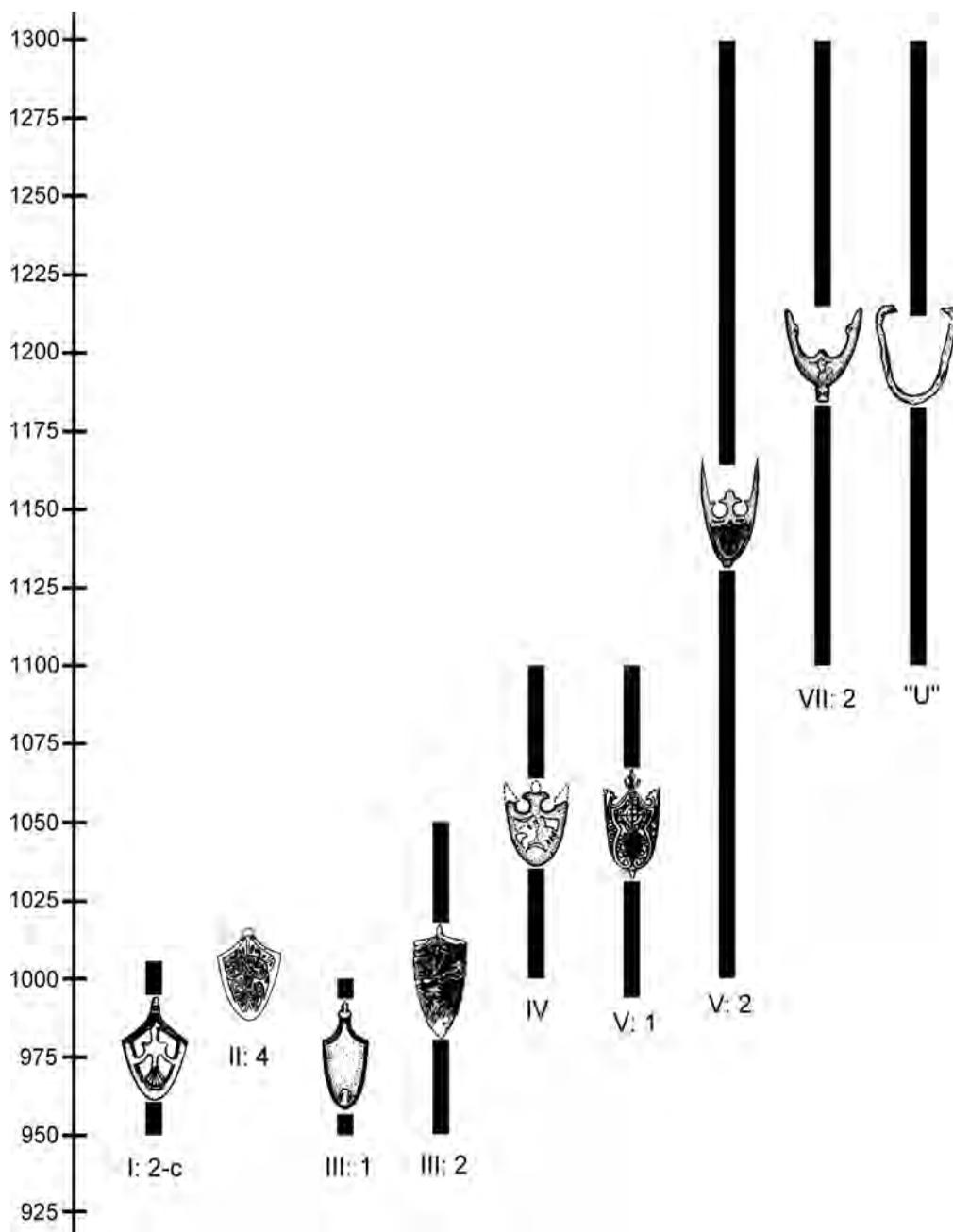

Рис. 3. Хронология типов наконечников ножен мечей X–XIII вв. с территории Белоруссии

сравнить с соответствующим соотношением наконечников ножен из Изяславля, где на 14 «U»-образных экземпляров приходится всего 2 балтийских образца (Кирпичников 1975: 32–33). К сожалению, подобных подсчетов по другим древнерусским памятникам или регионам нет.

Наибольшую популярность у воинов XI–XIII вв. на территории Беларуси приобрели наконечник типа V: 2. Все варианты этого типа вместе насчитывают 10 единиц, иначе говоря, 2/5 от общего числа наконечников ножен. Широкая популярность наконечников типа V: 2 подтверждается тем, что западнорусские оружейники в конце XII — начале XIII в. начали их собственное производство. Сейчас невозможно сказать, приобрело ли это производство сколько-нибудь значительные размеры. При этом найденный в мастерской гомельского ювелира незавершенный обработкой наконечник является специфическим образцом типа V: 2.

Находки «U»-образных наконечников ножен на территории Беларуси немногочисленны. Такие наконечники на протяжении XII–XIII вв. были в несколько раз менее популярными, чем балтийские.

Таблица I. Наконечники ножен мечей X–XIII вв. с территории Белоруссии

№	Место находки, автор и год раскопок	Комплекс	Тип	Датировка	Размеры	Литература	Рис.	Примечания
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Франополь <i>Брестский р. и обл.</i> О.В. Иов 1988–1991	из культурного слоя	II:4	рубеж X–XI вв.	---	Кулаков, Иов 2001. С. 80–81, рис. 2:4	1:1	найден вместе с оковками верхней части ножен
2	Юровичи <i>Калинковичский р. Гомельской обл.</i>	случайная находка (?)	III:1	приблизительно вт.п. X в.	---	Ісаенка 1999. С. 40	1:3	
3	Городище на Менке <i>Минский р. и обл.</i> Г.В. Штыхов 1978	из культурного слоя	III:2 (?)	приблизительно п.п. XI в.	---	АІГ НАНБ. Спр. 578. Рис. 17, 21:1	1:4	побывал в огне
4	Друцк <i>Толочинский р. Витебской обл.</i> Л.В. Алексеев 1956–1962, 1965	из культурного слоя	IV	XI в.	---	Алексеев 1966. С. 158–159, рис. 72:37	1:5	
5	Литвиновичи <i>Кормянский р. Гомельской обл.</i> 1999	случайная находка	V:1	кон. X–XI в.	---	Макушников, Лупиненко 2003. С. 109–110, рис. 2	1:8	
6	Гольшаны <i>Ошмянский р. Гродненской обл.</i> Примерно между 2000 и 2005	случайная находка из разрушенного кургана или культурного слоя	V:1	XI–XIII вв.	ШН–3,4	из частной коллекции	1:7	вероятно, побывал в огне
7	Гурковичи <i>Сморгонский р. Гродненской обл.</i> до 1930	курган	V:2-a	XI–XIII вв.	ВН–8, ШН–4	Antoniewicz 1930. S. 117, fig. 16; Paulsen 1953. S. 107, Abb. 147	1:9	«припёкся» к острию меча
8	Новогрудок, детинец Ф.Д. Гуревич 1968–1973	из культурного слоя	V:2-a	XII в.	---	Гуревич 1974. С. 97, рис. 33:3; 2003. С. 165, мал. 63:1	1:10	
9	Полоцк, Верхний замок А.Г. Митрофанов, В.Р. Тарасенко, Г.В. Штыхов 1958–1963, 1967	из культурного слоя	V:2-a	30-е гг. XIII в.	---	Штыхов 1975. С. 71, рис. 33:17	1:11	

1	2	3	4	5	6	7	8	9
10	Минская область (?)	случайная находка (разрушенный курган ?)	V:2-a	XI–XIII вв.	ВН–6,6, ШН–≈4	информация С.М. Симо-нюкова	1:12	оплавлен
11	Волковыск, Замчище <i>Гродненская обл.</i> Я.Г. Зверуго 1967	из культурного слоя	V:2-c	XI–XIII вв.	ВН–6,5	Зверуго 1967. С. 307, рис. 2:1; 1969. С. 168, рис. 5:19	1:13	
12	Ашмянец <i>Сморгонский р. Гродненской обл.</i> 1999	из культурного слоя	V:2-c	XIII в.	---	Зайкоўскі 2002. С. 181–182, мал. 2:3	1:15	оплавлен
13	Масковичи <i>Браславский р. Витебской обл.</i> Л.В. Дучиц 1976–1988	из культурного слоя	V:2-c	XI–XIII вв.	---	Дучыц 1991. С. 41, рис. 22:1	1:14	
14	Гомель, окольный город О.А. Макушников 1987	из культурного слоя	V:2	кон. XII – нач. XIII в.	---	Макушников, Lupinenko 2004. С. 209–210, рис. 9	1:16	
15	Волковыск, «Шведская гора» <i>Гродненская обл.</i> В.Р. Тарасенко 1954	из культурного слоя	V:2 (?)	XI–XIII вв.	ВН–8,5	Тарасенко 1957. Табл. II:6	1:18	
16	Мстиславль <i>Могилевская обл.</i> Л.В. Алексеев 1959–1989	из культурного слоя	V:2 (?)	XI–XIII вв.	---	Алексеев 1995а. С. 165, рис. 19:6; 1995б. Рис. 6:12	1:17	
17	Лукомль <i>Чашникский р. Витебской обл.</i> Г.В. Штыхов 1966–1974	из культурного слоя	---	XI–XIII вв.	---	Ласкавый 1993. С. 25, рис. 2:11	1:19	
18	Новогрудок, окольный город Ф.Д. Гуревич 1957–1977	из культурного слоя	---	XI–XIII вв.	---	Гуревич 1981. С. 107, рис. 88:2	1:20	
19	Друцк <i>Толочинский р. Витебской обл.</i> Л.В. Алексеев 1958	из культурного слоя	---	XI–XIII вв.	---	---	1:21	боковая штанга
20	Полоцк, Заполотье С.В. Тарасов 1986	из культурного слоя	«U»-образный	XII–XIII вв.	ШН–4,1	АІГ НАНБ. Спр. 953. Рис. 25:1	1:25	

1	2	3	4	5	6	7	8	9
21	Полоцк, Заполотье	случайная находка из культурного слоя	«U»- образ- ный	XII— XIII вв.	---	АИГ НАНБ. Спр. 953. Рис. 54:18	1:24	
22	Орша <i>Витебская обл.</i> Ю.И. Драгун 1965	из культур- ного слоя	«U»- образ- ный	XII— XIII вв.	---	АИГ НАНБ. Спр. 278. С. 7, рис. 23:3; 1969. С. 117	1:23	сохранился во фрагмен- тах
23	территория Бело- руссии	случайная находка	I:2-с	вт.п. X — нач. XI в.	ВН— 6,8, ШН— 4,3	из частной коллекции	1:2	
24	Гольшаны (?) <i>Ошмянский р.</i> <i>Гродненской обл.</i>	случайная находка из разру- шенного кургана или культурного слоя	III:2	X—XI вв.	---	информация С.Д. Дерно- вича	1:6	
25	территория Бело- руссии	случайная находка	VII:2	XII— XIII вв.	ВН— 4,3	из частной коллекции	1:22	

Все размеры в таблице приводятся в сантиметрах

ВН — высота наконечника

ШН — ширина наконечника

Это хорошо согласуется со статистикой мечей второй половины XI—XIII вв., где на 12 находок мечей типов I и II по А.Н. Кирпичникову, которые имеют прибалтийское происхождение, приходится всего 6 мечей общеевропейских романских типов III, IV, V, VI (Плавинский 2006: 317–318).

Литература

Алексеев 1966 — *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля: Очерки истории Северной Белоруссии в IX—XIII вв. М., 1966.

Алексеев 1995а — *Алексеев Л.В.* Древний Мстиславль в свете археологии // ГАЗ. № 6. 1995.

Алексеев 1995б — *Алексеев Л.В.* Мстиславльский детинец в XII—XIV веках // РА. № 3. 1995.

Гуревич 1974 — *Гуревич Ф.Д.* Некоторые итоги археологического исследования детинца древнего Новогрудка // КСИА. Вып. 139. 1974.

Гуревич 1981 — *Гуревич Ф.Д.* Древний Новогрудок (посад-окольный город). Л., 1981.

Гурэвіч 2003 — *Гурэвіч Ф.Д.* Летapisны Новгородок (Старажытнарускі Наваградак). СПб.; Наваградак, 2003.

Драгун 1969 — *Драгун Ю.И.* Социально-экономическое развитие белорусского города в XI—XVIII вв. (по материалам Орши). Дис. канд. ист. наук. Минск., 1969.

Дучыц 1991 — *Дучыц Л.У.* Браслаўскае Паазер'е ў IX—XIV стст. Мінск, 1991.

Ениосова 1994 — *Ениосова Н.В.* Ажурные наконечники ножен мечей X—XI вв. на территории Восточной Европы // История и эволюция древних вещей. М., 1994.

Зайковский 2001 — *Зайковский Э.М.* Исследование восточно литовского кургана XIII века с кремацией у д. Ашмянец // LA. Т. 21, 2001.

Зайкоўскі 2002 — *Зайкоўскі Э.М.* Даследаванне культавага комплексу Ашмянец // ГАЗ. № 17. 2002.

Зверуго 1967 — *Зверуго Я.Г.* Оружие древнего Волковыска // Белорусские древности. Минск, 1967.

- Зверуго 1969 — *Зверуго Я.Г.* Новые данные о древнем Волковыске (Материалы раскопок 1967 года // Древности Белоруссии. Минск, 1969.
- Зверуго 1975 — *Зверуго Я.Г.* Древний Волковыск (X–XIV вв.). Минск, 1975.
- Звяруга 2000 — *Звяруга Я.Г.* Рэчавы інвентар // Археалогія Беларусі. Т. 3. Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.). Мінск, 2000.
- Зоценко 1999 — *Зоценко В.Н.* Высокие наконечники ножен мечей конца X — начала XI вв. // Ранне-средневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999.
- Зоценко 2005 — *Зоценко В.Н.* Наконечники ножен мечей типа I: 2-Р. Paulsen в Южной Руси // Наукові записки з української історії. Вип. 16. Переяслав-Хмельницький, 2005.
- Юў, Вяргей 1993 — *Юў А.В., Вяргей В.С.* Гандлёва-эканамічныя сувязі насельніцтва заходняга Палесся ў IX — пачатку XI ст. // ГАЗ. № 1. 1993.
- Исаенка 1999 — *Исаенка У.Ф.* Ад Кіеўскай Русі да Вялікага княства Літоўскага // Памяць. Калінкавіцкі раён. Минск, 1999.
- Кирпичников 1966 — *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. I. Мечи и сабли IX–XIII вв. / САИ. Вып. Е1–36. М.; Л., 1966.
- Кирпичников 1975 — *Кирпичников А.Н.* Мечи из раскопок древнего Изяславля // КСИА. Вып. 144. 1975.
- Корзухина 1950 — *Корзухина Г.Ф.* Из истории древнерусского оружия XI века // СА. Т. XIII. 1950.
- Кулаков 1990 — *Кулаков В.И.* Древности пруссов VI–XIII вв. // САИ. Вып. Г1–9. М., 1990.
- Кулаков, Иов 2001 — *Кулаков В.И., Иов О.В.* Наконечники ножен меча из кургана 174 могильника Кауп и с городища Франополь // КСИА. Вып. 211. 2001.
- Ласкавый 1993 — *Ласкавый Г.В.* К истории оружия Белорусского Подвинья в VI–XIII вв. Статья первая // Полоцкий Летописец. № 1 (2). Полоцк, 1993.
- Макушников, Лупиненко 2003 — *Макушников О.А., Лупиненко Ю.М.* Две случайные находки предметов круга дружинной культуры X–XI вв. из Гомельского Посожья // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Чернігів, 2003.
- Макушников, Лупиненко 2004 — *Макушников О.А., Лупиненко Ю.М.* Новые данные о характеристике и производстве клинкового вооружения восточнославянского ратника конца XII — первой половины XIII в. (по материалам раскопок в Гомеле) // ГАЗ. № 19. 2004.
- Михайлов, Носов 2002 — *Михайлов К.А., Носов Е.Н.* Новые находки наконечников ножен мечей на Рюриковом городище // АВ. № 9. 2002.
- Мугуревич 1965 — *Мугуревич Э.С.* Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига, 1965.
- Плавинский 2006 — *Плавинский Н.А.* Мечи Западной Руси второй половины XI–XIII вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы LI научного семинара. Псков, 2006.
- Тарасенко 1957 — *Тарасенко В.Р.* Раскопки городища «Шведская гора» в Волковыске в 1954 г. // Материалы по археологии БССР. Т. 1. Минск, 1957.
- Штыхов 1975 — *Штыхов Г.В.* Древний Полоцк (IX–XIII вв.). Минск, 1975.
- Штыхов 1978 — *Штыхов Г.В.* Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск, 1978.
- Antoniewicz 1930 — *Antoniewicz W.* Czasy przedhistoryczne i wczesnodziejowe ziemi Wileńskiej // Wilno i ziemia Wileńska. Т. 1. Wilno, 1930.
- Kazakevičius 1996 — *Kazakevičius V.* IX–XIII amžių baltų kalavijai. Vilnius, 1996.
- Kazakevičius 1998 — *Kazakevičius V.* Iš vėlyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (kalavijų makštų galų apkalai) // LA. Т. 15. 1998.
- Oakeshott 1960 — *Oakeshott R.E.* The Archaeology of Weapons. Arms and Armour from Prehistory to the Age of Chivalry. London, 1960.

Архивные материалы

АІГ НАНБ. Спр. 278. Драгун Ю.И. Отчет Оршанского отряда археологической экспедиции Белорусского государственного университета имени В.И. Ленина о полевых исследованиях, проведенных в 1965 году

АІГ НАНБ. Спр. 578. Штыхов Г.В. Отчет об археологических исследованиях в 1978 г.

АІГ НАНБ. Спр. 953. Тарасов С.В. Отчет о раскопках в г. Полоцке в 1986 г.

А.В. Плохов (Санкт-Петербург), М.А. Кулькова (Санкт-Петербург)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О «ФРИЗСКИХ» КУВШИНАХ НИЖНЕГО ПОВОЛХОВЬЯ¹

Более 35 лет назад Г.Ф. Корзухина опубликовала результаты исследований кургана № 7 могильника в урочище Плакун у д. Чернавино, расположенной на правом берегу Волхова, напротив Староладожской каменной крепости. Курган, раскопанный Г.П. Гроздиловым в 1952 г., содержал остатки женского погребения в ладье, совершенного по обряду кремации. Среди зафиксированных в насыпи и в слое кострища находок было представлено большое количество обломков от нескольких лепных горшков, а также около сотни гончарных фрагментов (Корзухина 1971а: 61, рис. 17, 18). По цвету и характеру теста часть осколков кругового сосуда ассоциировалась у исследователей кургана с амфорами.

Эти гончарные черепки были атрибутированы Г.Ф. Корзухиной как обломки «фризского» кувшина. Исследовательница сделала графическую реконструкцию сосуда, дала описание этого типа изделий, очертила круг аналогий и привела имеющиеся в скандинавской литературе суждения о времени их бытования (Корзухина 1971а: 61, 62, рис. 18: 1, 2; 1971б: 129, 130, рис. 1). Проанализировав вещевой материал, Г.Ф. Корзухина, опираясь на датировку «западных» аналогий «фризскому» кувшину и биконическим бусам из серебряной рубчатой проволоки, пришла к заключению, что курган № 7 «был насыпан в IX в., а может быть, и в первой его половине» (Корзухина 1971а: 62, 63; 1971б: 130). С этим выводом исследовательницы согласились многие ученые (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 89; Лебедев 1985: 209; Назаренко 1985: 165). Такая датировка сделала захоронение под седьмой насыпью самым ранним в могильнике Плакун. В дальнейшем некоторые исследователи посчитали возможным передвинуть нижнюю границу существования этого некрополя ко второй половине IX — началу X в. (Кирпичников 1980: 450, 451; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 194; Богуславский, Мачинская 1993: 120; Михайлов 2002: 67; Михайлов 2003: 158; Мачинский 2003: 31; Богуславский 2006: 25; Френкель 2008: 228–252).

В настоящее время в фондах Государственного Эрмитажа хранится около сотни гончарных обломков, найденных при раскопках седьмого кургана. В основном это небольшие, часто расслоившиеся осколки от стенок сосудов. Несколько лучше сохранились обломки верхней части кувшина с массивным носиком, что позволило ее реставрировать (цв. вкл. 14: 3). Есть также два фрагмента от широкой, имеющей восьмеркообразное сечение, ручки. Толщина стенок изделия 0,65–0,75 см. На некоторых фрагментах с внутренней стороны видны параллельные горизонтальные бороздки (цв. вкл. 15: 3) — следы вытягивания изделия на быстром гончарном круге (Бобринский 1978: 209). Почти все фрагменты подверглись вторичному обжигу в погребальном огне и приобрели светло-коричневый цвет. Только два небольших осколка венчика и один обломок стенки сосуда сохранили черную исходную окраску поверхности и светло-серый цвет в изломе. Они позволили измерить первоначальный диаметр венчика сосуда, который составил 12 см. Несмотря на пребывание в огне, на нескольких обломках стенок видны следы орнамента в виде коричневых, слегка выпуклых

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 05-06-80415а).

фигур, выполненных оловянной фольгой.² Декор тулова состоит из фриза в виде кривой сетки, обрамленной рядами ромбов. Внизу, чуть левее ручки, располагался равноконечный «мальтийский» крест.

До последнего времени Плакун считался единственным на территории Древней Руси местом находки кувшина «фризского» типа. Между тем еще в 1939 г. при разборке комплекса «Г», залежавшего в нижнем ярусе горизонта Д культурных напластований Земляного городища Старой Ладogi, был встречен обломок ручки аналогичного изделия (цв. вкл. 14: 4; цв. вкл. 15: 1). В последующие годы в отложениях первой половины IX — первой половины X в. этого памятника было сделано еще четыре находки фрагментов³ от разных частей такой посуды (цв. вкл. 14: 1, 2, 5, 6) (Плохов 2007: 23, 24).

В европейской научной литературе «фризские» кувшины, названные так по одному из предполагаемых мест производства, определяются также как «кувшины Бирки», «северные» или «татингские» кувшины. Последнее, наиболее распространенное в настоящее время, название пошло по коммуне Татинг в земле Шлезвиг-Гольштейн в Германии, где в начале XX века был обнаружен хорошо сохранившийся экземпляр такого сосуда.

Европейские исследователи объединяют в тип «Татинг» кроме кувшинов — самой известной и распространенной формы, также изделия других категорий. Характерной особенностью посуды этого типа является чернолощенная поверхность, украшенная тонкой оловянной фольгой (Stilke 2001: 258; Timby 1988: 109). Реже встречается узор, выполненный золотой фольгой (кубок из погребения 457 Бирки) или белой краской (Хедебю). Посуда, в основном, изготавливалась на быстром гончарном круге. Кувшины имеют плоское дно, иногда чуть выгнутое, и высокое стройное тулово с плавно изогнутым профилем. Шарообразная нижняя часть сосуда переходит в узкое высокое горло, слабо расширяющееся к округлому венчику. Каплевидный в горизонтальном сечении массивный длинный носик кувшина изготавливался из отдельной пластины (цв. вкл. 15: 4). Нижний его конец входит в отверстие в стенке, соединяя слив с основным объемом сосуда. Для дополнительного крепления внутренний край носика присоединялся к венчику, а затем его верх зигзагообразно обрезался. Массивная длинная уплощенная с продольным пазом ручка сосуда крепилась наверху в месте перехода от шейки к плечу, а внизу — на уровне наибольшего расширения тулова. В верхней части изделия для укрепления ручки в стенке делалось отверстие. В него входил ее заклепкообразный конец, который потом примазывался к внутренней поверхности. Низ ручки закреплялся с внешней стороны сосуда, при этом на ее конце оставался отпечаток большого пальца (Es, Verwers 1980: 97). После формовки сосуда подвергались лощению и низкотемпературному восстановительному обжигу (Besteman 1974: 84), после которого они получали гладкую блестящую черную или серую внешнюю поверхность. Цвет в изломе, обычно, бывает несколько светлее: светло-серый, серо-коричневый. После обжига на готовые сосуды с помощью клеевой массы прикреплялась фольга (Selling 1955: 31).⁴ Состав этой массы окончательно не установлен. Это мог быть какой-то сорт клея,⁵ смола или деготь (Selling 1955: 32; Stjernquist 2001: 205). В орнаментации, в основном, представлены ряды вертикальных полос, ромбов, треугольников, пересекающихся крестов и косая решетка, разделенные горизонтальными лентами. Уникальной чертой «татингских» изделий является изображение в придонной части многих кувшинов «мальтийских» крестов (Hodges 1981: 18, fig. 3, 1: 1; Hougen 1960: 94, fig. 1b; Lundström 1971: 57, fig. 4; Selling 1955: 54, Abb. 7, 8, 10–11, 13, Taf. 1: 1a, 2, 3, 4a, b, d; Rudh 1936: 37, fig. 60; Timby 1988: 109, fig. 9: 167, 168). В литературе их называют также «греческими» или «крестами св. Георгия».

Форма, орнаментация и размеры кувшинов (высота 22–25,5 см, диаметр венчика около 10 см) очень устойчивы (Es, Verwers 1980: 97, 98, fig. 54; Selling 1955: 46). Известная исследовательница средневековой

² Использование для украшения «татингской» посуды оловянной фольги подтверждено рентгенофлюоресцентным анализом для всех находок обломков сосудов этого типа в нижнем Поволжье, сохранивших остатки декора. Анализы проведены в отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа ст. н. с. С. В. Хавриным.

³ При раскопках Староладожской экспедиции Института истории материальной культуры на Земляном городище в 2008 г. в слое, предварительно датированном последней третью IX — первой половиной X в., были обнаружены еще семь небольших обломков горловины и стенок сосуда/ов «татингского» типа. Благодарим А. Н. Кирпичникова за информацию о находках.

⁴ Технология изготовления золотой, серебряной и оловянной фольги описана в средневековом манускрипте «Записка о разных искусствах» монаха Теофила Пресвитера (Манускрипт Теофила 1963: 86–88).

⁵ Теофил описывает технологию приготовления клея из различных природных материалов, а также использование сбитого без воды яичного белка и белужьего клея для закрепления на разных поверхностях листов золота, серебра, олова и меди (Манускрипт Теофила 1963: 83, 84, 87, 91, 92, 96, 180).

шведской керамики Д. Селлинг писала, что сходство между ними так велико, как-будто они сделаны в одной мастерской, а может быть и руками одного мастера (Selling 1955: 55). Именно такие сосуды с чернolощеной блестящей поверхностью, украшенные инкрустацией из оловянной фольги, исследователи относят к «классическим» «татингским» изделиям. Однако найдены и кувшины разных оттенков серого цвета, а также изделия с матовой поверхностью, слегка песчанистые на ощупь (Besteman 1974: 84; Es, Verwers 1980: 58; Holand 2003: 204; Timby 1988: 90). В Хедебю обломки керамики с серой заглаженной поверхностью были выделены в отдельную подгруппу «татингской» посуды (Hübener 1959: 40; Janssen 1987: 22). Некоторые ученые считают, что отсутствие фольги и серый цвет изделий «классических» форм могут быть следствием нахождения обломков в земле и неправильного хранения (Stilke, Heih, Mommsen 1999: 412). Сосуды, встреченные в захоронениях, совершенных по обряду трупосожжения, часто имеют коричневатую или красноватую поверхность, что связано с их пребыванием в погребальном костре (Hougen 1960: 96, fig. 3; Lundström 1971: 56; Selling 1955: 44; Schindler 1956: 131).

Г.Ф. Корзухина отмечала всего 12 пунктов, где были встречены «фризские» кувшины (Корзухина 1971а: 62; 1971б: 129, 130). К настоящему времени «татингские» сосуды зафиксированы более чем в пятидесяти пунктах в регионе Балтийского и Северного морей от Майнца и Лорша в Германии до Борга на Лофотенских островах в северной Норвегии, от Саутгемптона, Йорка в Англии и Сен-Дени во Франции до Старой Ладogi в России (Brorsson 1999: 52; Hodges 1981: 17, 18, 65, 66, fig. 3, 1: 1–3; 7, 3; Holand 2003: 203, 204, fig. 9E: 5, 6; Müller 2001: 10, 19, 20, Abb. 2; Redknap 1988: 15; Ring, Wiczorek 1979: 359, 360, Abb. 4). На территории Каролингской империи и англосаксонских королевств «татингские» сосуды, главным образом, найдены в основных торговых центрах, королевских и епископских резиденциях, а также в монастырях (Hurst, Hodges 1976: 250; Wamser 1999: Abb. 6; Мюллер-Вилле 2000: 924). На землях, заселенных скандинавами и славянами, они встречаются как в крупных прибрежных торговоремесленных местах, племенных центрах, так и на сельских поселениях, хуторах (Holand 2003; Müller 2001: 10; Stilke, Heih, Mommsen 1999: 409–412). Кроме Приладожья, «фризские» кувшины обнаружены в десяти скандинавских могильниках, причем, за исключением трех захоронений по обряду ингумации могильника Бирки, эти изделия зафиксированы только среди инвентаря погребенных, подвергшихся кремации. Самые представительные коллекции «татингских» сосудов происходят из раскопок в крупных торговых центрах раннего средневековья, таких как Бирка, Каупанг, Хедебю и Дорестад (Es, Verwers 1980: 58, 97, 98, fig. 54; Hougen 1993: 20, 21, pl. 6, 7, 8: 1; Janssen 1987: 21, 22, Taf. 19–22; Selling 1955: 44–59, Taf. 1–3).

Английский исследователь Р. Ходжес считал «татингские» изделия наиболее интересными построманскими артефактами (Hodges 1981: 68). В литературе этой небольшой группе западноевропейской раннесредневековой посуды уделено значительное внимание (Stilke 2001). Несмотря на исследования, начатые уже почти сто лет назад, после публикации Т. Арне первых экземпляров рассматриваемого типа (Arne 1914: 198, fig. 333), все основные проблемы, связанные с этими сосудами, остаются предметом дискуссий и все еще далеки от окончательного решения. Одной из таких проблем является место их производства.

Г.Ф. Корзухина писала, что исследователи «довольно единодушно относят местонахождение мастерской», где изготавливались кувшины, «к низовьям Рейна, т.е. к территории Фризии» (Корзухина 1971а: 62). В действительности только часть археологов придерживалась такого мнения (Arne 1929: 18; Arbman 1937: 102–104; Hussong 1939: 182, Anm. 24; Херрман 1986: 104), другие же рассматривали в качестве места происхождения этих сосудов территорию Скандинавии или среднего Рейна (Holwerda 1930: 73; Selling 1951: 282–288, 295; 1955: 50–54, 230).

Во второй половине XX в. ученые для выяснения места изготовления «татингских» сосудов стали активно привлекать методы естественных наук. Образцы черепков из Хедебю, Зюдеренда и Гамбурга были подвергнуты петрографическому анализу, который показал, что гончарные мастерские на среднем Рейне не могут быть местом производства рассматриваемой керамики (Hübener 1952: 116; 1959: 135, 137; Schindler 1956: 131, Anm. 23). Этот вывод подтвердило и изучение образца из Каупанга, указавшее на возможность изготовления сосудов, украшенных оловянной фольгой, в регионе нижнего Рейна севернее Дуйсбурга и в Голландии (Hougen 1969: 101). Другие результаты были получены шведскими учеными (Selling 1972: 42, 43). Для проверки гипотезы о производстве «татингской» посуды (тип AI:1a) в бенедиктинском монастыре в Лорше на среднем Рейне, где был найден фрагмент подобного изделия, исследователи провели сравнительный петрографический, а также температурный анализ нескольких обломков кувшинов из Швеции и образцов из Германии. Последние состояли из глины, взятой недалеко от монастыря, черепицы местного происхождения и кирпича из церковной стены.

Проведенные исследования показали, что черепки из Бирки и материалы из Лорша имеют похожий минералогический состав, а также сходные характеристики по данным температурного анализа. Глины всех образцов содержат небольшое количество отошителя (25%), в качестве которого применялся кварцевый песок и небольшая добавка трахита. Наличие во всех образцах угловатых или окатанных включений трахита — щелочной эффузивной вулканической породы, позволило Д. Селлинг утверждать, что источниками сырья для изготовления представленных образцов могли быть глины из окрестностей монастыря Лорш (Selling 1972: 42, 43). Нужно отметить, что в Европе эффузивные породы щелочного состава встречаются в областях Средиземноморского складчатого пояса (Балканы, Пиренеи, регионы Италии и Трансильвании). Выходы вулканических пород в долине Рейна развиты только в пределах Верхнерейнской низменности.

Наиболее крупное петрографическое изучение изделий типа «Татинг» к началу 1980-х гг. проделал Р. Ходжес (Hodges 1981: 18, 37, 42, 43, 65, 66). Им были рассмотрены черепки из Каупанга, Риббе, Дорестада, Падерборна и нескольких английских памятников. В результате анализа шлифов исследователем было выделено восемь типов формовочных масс, объединенные в пять групп:

Группа 1a

В группу входит уникальный сосуд из англосаксонского Хемвика (предшественник Саутгемптона) и два образца из Дорестада. Это тонкостенные фрагменты керамики с нелощеными поверхностями черного цвета и красным внутренним слоем. В шлифе материал имеет оптически анизотропную глинистую матрицу красного цвета. Присутствуют включения неокатанных зерен кварцевого песка от 0,03–0,5 мм, зерна плагиоклаза, санидина, горнблендита, включения железистой руды или фрагментов лавы, округлые включения тонкозернистого песчаника или алеврита.

Группа 1b

Включает «типичную» для сосудов типа «Татинг» ручку из Дорестада, фрагмент сосуда из Падерборна, по одному образцу из Винчестера и Каупанга. Фрагменты имеют серую, темно-серую или черную лощенные (в половине случаев) поверхности, светло-серый или красный (Каупанг) внутренний слой, грубо-песчаную текстуру. В шлифах отмечается оптически анизотропная светло-коричневая глинистая матрица с включениями неокатанных зерен кварцевого песка, размером 0,03–0,1 мм, наблюдаются ясные включения черного железистого минерала или лавы, а также отдельные зерна алевролита, размером до 0,8 мм. В образце из Дорестада наблюдаются зерна кварцита.

Группа 1c

Включает образец из Йорка. Это тонкостенный фрагмент сосуда с чернолощеной поверхностью. Внутренний слой имеет светло-серый цвет. В шлифе наблюдается оптически анизотропная глинистая матрица светло-коричневого цвета с включениями редких рассеянных неокатанных и окатанных зерен кварцевого песка, размером 0,02–0,6 мм. Наблюдаются включения зерен кварцита, калиевого полевого шпата, окатанные зерна тонко- и среднезернистого песчаника, включения окислов железа. Присутствуют зерна известняка. Черные железистые включения аналогичны включениям, представленным в образцах групп 1a и 1b.

Присутствие вулканических зерен, которые отмечены в группе 1a, дало возможность предположить тип сырья. Вероятно, в его качестве использовали глинистые отложения, представленные в регионе среднего течения Рейна, вероятно, в районе Эйфельских гор. Минеральный состав глинистой матрицы данных образцов также имеет сходство с сосудами из Майена, хотя имеются и существенные различия.

Группа 2a

Образец из Дорестада представлен тонкостенным венчиком сосуда с черной поверхностью и внутренним слоем белой окраски. В шлифе наблюдается оптически анизотропная глинистая матрица светло-коричневого цвета. В качестве отошителя был добавлен кварцевый песок. Зерна кварцевого песка неокатанные, размером 0,02–0,5 мм. Присутствуют также рассеянные зерна известняка около 0,5 мм в диаметре.

Группа 2b

Образец от высокогорлого кувшина с чернолощеной поверхностью из Бранкастера (Норлфок). Черепок в изломе имеет серую окраску. В шлифе фиксируется оптически анизотропная глинистая матрица коричневого цвета, в которой наблюдаются рассеянные неокатанные зерна кварцевого песка и включения известняка с размером зерен 0,01–0,5 мм, отдельные включения плагиоклаза и железистой руды.

В качестве отошителя к глинистому сырью образца из группы 2a, вероятно, добавлялся речной песок, а в образце группы 2b использовался дробленый известняк. Возможными выходами известняков могли быть коренные отложения в регионе Аргонн в северо-восточной Франции. Если дорестадацкий

образец, похоже, имеет рейнское происхождение, то для кувшина с необычным носиком из Бранкастера, по мнению Р. Ходжеса, более вероятно французское производство.

Группа 3

В группу включены характерные для «татингских» изделий ручки из Хемвика и Риббе (2 экз.), фрагмент стенки сосуда из Риббе, а также два образца из Каупанга и один из Дорестада. Первые четыре обломка обладают чернолощенной внешней поверхностью и серым внутренним слоем. Два других имеют серый цвет, причем на образце из Каупанга отмечены следы оловянной фольги. Последний черепок, происходящий с того же памятника, имеет коричневую лощеную внешнюю и рыжеватую внутреннюю поверхности при серой сердцевине. В шлифах наблюдается оптически анизотропная светло-коричневая глинистая матрица, отощенная несортированным, неокатанным песком (0,03–0,5 мм). Состав песка: кварц, калиевый полевой шпат, кварцит, мусковит, биотит. Наблюдаются отдельные железистые включения и плотные скопления глинистых пеллитов.

Минеральный состав образцов этой группы не позволяет, как считает исследователь, решить вопрос о месте их изготовления, вследствие чего доказательства рейнского происхождения сосудов должно базироваться на других основаниях.

Группа 4

В группу входит фрагмент ручки «татингского» сосуда из Северного Элмхам Парка (North Elmham Park), которая несколько тоньше, чем у «классических» изделий этого типа. Обломок имеет гладкую поверхность, цвет от серого до черного, декор из оловянной фольги в виде ряда ромбов. Окраска внутренней части черепка светло-серая. В шлифах наблюдается оптически анизотропная глинистая матрица светло-коричневого цвета, в которой рассеян сортированный неокатанный кварцевый песок и железистые включения размером 0,1–0,5 мм.

Р. Ходжес полагает, что сходство текстур этого сосуда и части изделий с черной поверхностью из Хемвика (класс 14, группа 5) может говорить о его производстве в северной Франции или, возможно, в долине р. Маас.

Группа 5

Образец из Хемвика. Фрагмент нелощеной керамики коричневого цвета, который с «татингскими» сосудами объединяют только следы оловянной фольги. В шлифах наблюдается оптически анизотропная ясная глинистая матрица коричневого цвета с редкими включениями плохо сортированных зерен неокатанного кварцевого песка средним размером 0,3 мм.

Таким образом, если первые три группы содержат типичные «татингские» сосуды, то группы 4 и 5 причислены к этому типу только из-за оловянного декора. Анализ петрографических шлифов привел Р. Ходжеса к мысли о том, что «татингская» посуда не делалась в одном месте, а имелось несколько различных центров ее изготовления. В качестве области, в которой возникла и первоначально была сосредоточена традиция производства украшенных оловянной фольгой сосудов, ученый определил при-рейнские земли. Одним из возможных центров изготовления изделий данного типа им рассматривался регион Майена. Однако, Р. Ходжес признавал также возможность усвоения рассматриваемой традиции и за пределами рейнского бассейна. Значительную часть зафиксированных на территории Англии находок «татингских» сосудов исследователь включил во «франкскую группу» (Hodges 1981: 66).

Рассматривая продукцию из средневековых гончарен Майена, немецкий археолог М. Редкнап привел новые свидетельства связи «татингских» сосудов с керамикой местных гончаров (Redknap 1984: 414; 1988: 15; 1999: 86, 88). Среди позднемеровингских изделий этого гончарного центра исследователь выделил группу чернолощенной посуды морфологически и технологически близкую изделиям, декорированным фольгой. Отсутствие подобной орнаментации на известных экземплярах майенской керамики М. Редкнап объяснил нанесением декора после обжига вдали от расположения горнов (Redknap 1984: 414; 1999: 86).

Однако отсутствие в Майене находок «классических татингских» сосудов, а также значительный временной разрыв между периодом их бытования и местной позднемеровингской чернолощенной керамикой вызывало у некоторых ученых сомнения в гипотезе о производстве украшенной фольгой посуды в эйфельском регионе. Во второй половине 1990-х гг. для ее проверки был использован метод нейтронно-активационного анализа (Stilke, Heih, Mommsen 1996; 1999). Всего было отобрано 93 черепка нескольких типов керамики Майена и 44 образца, в основном, от «классических татингских» изделий из семи поселений (Риббе, Хедебю, Козел, Ольденбург, Падерборн, Дорестада и Девентер). По химическому составу было выделено несколько групп, причем 41 обломок «татингских» сосудов образовал одну из них. Из трех оставшихся образцов лишь один вошел в одну из четырех групп майенской керамики (Stilke,

Neih, Mommsen 1996: 29, 30; 1999: 415–417). Тесто изделий из этого гончарного центра в отличие от «татингской» посуды оказалось обогащено такими микроэлементами как тантал, хром, железо, скандий и обеднено цезием. Авторы исследования пришли к выводу о том, что в Западной Европе существовал только один основной центр изготовления сосудов, декорированных фольгой, не исключая, впрочем, наличия еще нескольких мест, где делали имитации «классических» изделий, в том числе и Майен. Вопрос же о месте главной гончарни остался открытым. В качестве возможных регионов производства этого типа керамики была предложена обширная территория от среднего Рейна до северной Франции, где еще со времен Меровингов существовали необходимые традиции гончарного производства (Stilke, Neih, Mommsen 1996: 31; 1999: 418; Stilke 2001: 267).

Существенные различия между данными Р. Ходжеса и результатами анализа Х. Стилке, А. Хейха, Х. Моммзена не вызывает удивления, поскольку, если английский исследователь изучил обломки сосудов, различающихся как по внешнему виду, так и по форме, то немецкие ученые взяли образцы почти исключительно от «классических» чернолощенных «татингских» кувшинов, украшенных оловянной фольгой.

По мнению Л. Вамзера, только часть из числа западноевропейских находок «татингской» посуды изготавливалась в северной Франции, в то время как «классические» по форме «кувшины Бирки» могли производиться в гончарнях округа Майена (Wamser 1999: 214). При этом по его гипотезе готовые сосуды покрывались фольгой в прибрежных торговых центрах в дельте Рейна (в первую очередь в Дорестаде), которые находились вблизи месторождений олова южной Англии и Франции (Wamser 1999: 215). Другой немецкий исследователь У. Мюллер, рассмотрев последние предположения ученых о месте производства рассматриваемой керамики, пришел к выводу, что место ее изготовления нужно искать между южной Англией, северной Францией, восточной Бельгией и регионом нижнего и среднего Рейна (Müller 2001: 12).

Таким образом, исходя из имеющихся в настоящее время данных, несомненно, можно говорить о существовании нескольких гончарных центров, в которых делали украшенные фольгой сосуды. Петрографические исследования, результаты нейтронно-активационного анализа, а также ряд морфологических признаков определенно свидетельствуют о производстве части изделий, отнесенных к «татингскому» типу, в регионе Майена (Hodges 1981: 18, 66; Redknap 1984: 414; 1988: 15; 1999: 86, 88; Stilke, Neih, Mommsen 1996: 28, 30; 1999: 417). Изучение керамики методами естественных наук показало также, что «классические» кувшины изготавливались в другом гончарном центре (Stilke, Neih, Mommsen 1996: 30; 1999: 417). Возможно, что он, как считала Д. Селлинг, располагался несколько выше по Рейну. Здесь к обломку из Лорша в последние десятилетия добавились находки из Майнца и поселений в бассейне Майна, отнесенные исследователями к изделиям «татингского» типа (Ring, Wiczorek 1979: 355, 358, Abb.2, 3; Wamser 1999: 212, 213). Значительное сходство в металлическом декоре между «кувшинами Бирки» и сосудом из Хемвика, являющемся продуктом мастеров Майена, также свидетельствует о соседстве керамических мастерских, в которых они были изготовлены. Особую группу составляют сосуды, встреченные в Сен-Дени и на ряде английских памятников. Они как по форме, так и по способу нанесения декора, отличаются от «типичных фризских» кувшинов⁶. Р. Ходжес относил эту керамику к изделиям франкских гончарен,⁷ расположенных в северной Франции или, возможно, в долине р. Маас (Hodges 1981: 66). Судя по датировке, предлагаемой исследователями для находок из Сен-Дени и Wharrem Percy (Hurst, Hodges 1976: 249; Meyer-Rodrigues 1993: 271; Redknap 1999: 88), эта группа является самой ранней среди «татингских» сосудов, возможно, наряду с майенской.

Для определения черт сходства и различия между встреченными в низовьях Волхова обломками «татингских» сосудов, установления технологии их изготовления, а также для сравнения этих находок с аналогичной керамикой, происходящей из других регионов, нами были использованы некоторые естественнонаучные методы: петрографический, рентгено-спектральный флуоресцентный, рентгено-фазовый и термический анализы. Нужно отметить, что такое комплексное изучение образцов «фризских» кувшинов проводится впервые. Известные зарубежные исследования, как правило, ограничиваются применением какого-либо одного метода, например, петрографического или спектрального анализа,

⁶ Если на кувшинах Бирки прослежено последовательное сверху вниз приклеивание отдельных немногочисленных элементов геометрического зонального орнамента (полосок, ромбов, треугольников и, иногда, кругов), то черепки из монастыря Сен-Дени несут узор, вырезанный после закрепления фольги (Selling 1955: 31; Stilke 2001: 262, 263; Meyer-Rodrigues 1993: 269).

⁷ Ходжес считал кувшин из Олд-Винзора любопытным гибридом, по большей части франкским по форме. Только ручка, по его мнению, более характерна для изделий «татингского» типа (Hodges 1981: 40).

что не дает полного представления о составе, текстурных особенностях, температуре и условиях обжига керамики.

Всего было проанализировано пять образцов:

1) обломок венчика кувшина⁸ (цв. вкл. 15: 2) из кургана № 7 могильника Плакун. Черепок плотный, светло-коричневый в изломе, сохранивший исходный черный цвет поверхностей. Образец № 120;

2) фрагмент ручки кувшина⁹ (цв. вкл. 14: 4; цв. вкл. 15: 1) из раскопок 1939 г. нижнего яруса горизонта Д Земляного городища, датированного 920-ми — 950-м гг. Толщина сохранившейся стенки сосуда около 0,5 см. Широкая ручка имеет восьмеркообразное сечение. Большая часть поверхности обломка черного цвета со следами лощения, в то время как стенка под ручкой, а также внутренняя сторона последней только заглажена и имеет коричневую окраску. В изломе черепок плотный, светло-серого цвета. Образец № 127;

3) придонная часть кувшина,¹⁰ сохранившаяся на высоту около 6,5 см (цв. вкл. 14: 5), из раскопок 1958 г. нижней части отложений горизонта Д Земляного городища. Толщина стенок 0,5–0,6 см. Обломок имеет черный цвет поверхностей, плотный черепок светло-серо-коричневой в изломе окраски.¹¹ На внешней поверхности отмечено не очень качественное вертикальное лощение. На фрагменте видны остатки накладной орнаментации — полосы коричневатого цвета. Образец № 144;

4) обломок придонной части сосуда¹² (цв. вкл. 14: 6), найденный в 1959 г. при разборке культурных напластований верхней части горизонта Е₃ Земляного городища, датируемой 810–830-ми гг. Черепок плотный, толщиной 0,55–0,7 см. Внешняя поверхность имеет черный цвет и качественное вертикальное лощение. Внутри фрагмент имеет темно-серую, а в изломе светло-серо-коричневую окраску. Образец № 145;

5) фрагмент верхней части кувшина диаметром 10 см (цв. вкл. 14: 1), найденный на Земляном городище в 2003 г.¹³ в отложениях последних десятилетий IX — начала X в. Венчик округлый утолщенный, толщина стенки 0,4 см. Черепок плотный черного, а в изломе светло-серого цвета. На внешней поверхности обломка отмечены лощение и следы декора в виде светло-коричневого налета. Образец № 151.

Методы исследования

Петрографический анализ

Изучение керамических фрагментов проводилось под бинокляром в шлифованных образцах и под поляризационным микроскопом ПОЛАМ С-111 в шлифах в проходящем и поляризационном свете при увеличении в 15 раз. Петрографические исследования позволили выявить минеральный состав формовочной массы, идентифицировать естественные и искусственные добавки и определить их количество, изучить текстурные особенности керамики. Особенности минерального состава позволили предположить возможные условия и температуру обжига.

Описание шлифов под поляризационным микроскопом:

№ 120

(цв. вкл. 15: 5). Глина (жирная) гидрослюдисто-каолинитового состава, кластического материала 1%, слюдястая, содержит большое количество мусковита. В состав кластической составляющей входят кварц, полевой шпат, гематит, гетит. Фиксируются отдельные поры округлой формы, занимающие ок. 1% объема керамического материала. Отощитель не использовался. Температура обжига ок. 700°C. Среднее содержание Р₂О₅ — 0,643%. Потери при прокаливании, которые отражают общее количество органической и карбонатной составляющей — 7,5%.

№ 127

(цв. вкл. 16: 1). Внешняя поверхность покрыта очень тонким слоем бежевого цвета, граница резкая. Глина (жирная) гидрослюдистого состава, кластического материала 1%, содержит большое количество

⁸ Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург). Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. Опись хранения 65-VII. (Далее: ГЭ. ОАВЕС. Оп. хр. ...).

⁹ ГЭ. ОАВЕС. Оп. хр. 273: 1828.

¹⁰ ГЭ. ОАВЕС. Оп. хр. 71: 39.

¹¹ В свежем изломе светло-серый.

¹² ГЭ. ОАВЕС. Оп. хр. 85: 67.

¹³ Благодарим А.Н. Кирпичникова за возможность использовать материал раскопок.

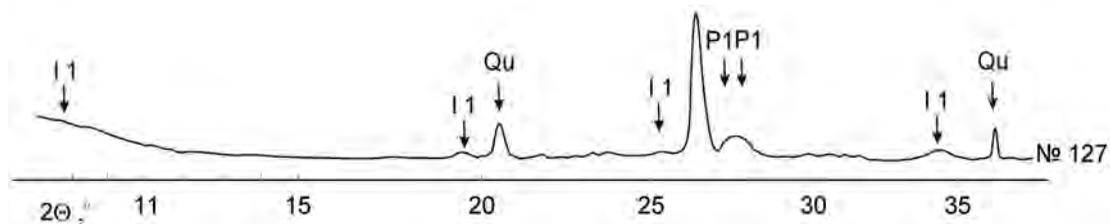

Рис. 1. Дифрактограмма образца № 127

мусковита. В состав кластической составляющей входят кварц, полевой шпат, гематит, гетит. Отмечены отдельные поры округлой формы, занимающие ок. 1 % объема керамики. Отошитель: возможно, в небольшом количестве был добавлен песок (0,1–0,3 мм) и шамот, отдельные зерна которого имеют размер 0,3 мм. Температура обжига ок. 700°C. Среднее содержание P_2O_5 — 2,82 %. Потери при прокаливании — 6,63 %.

№ 144

(цв. вкл. 16: 2). Глина (жирная) гидрослюдистого состава, кластического материала 5 %. В его состав входит слюдястый гнейс, много тяжелых минералов. Наблюдаются сильно преобразованные минералы, изменения по краям зерен, присутствие амфибола и шпинели. Поры тонкие, вытянутые, до 1 мм, занимающие около 5 % объема керамики. Следы выгоревшей органики. Отошитель не использовался. Температура обжига ок. 1000°C. Среднее содержание P_2O_5 — 1,73 %. Потери при прокаливании — 7,73 %.

№ 145

(цв. вкл. 16: 3). Глина (тощая) гидрослюдистого состава, кластического материала 30 %. В его состав входит кварц, слюда, полевой шпат, амфибол. Поры округлые, занимающие ок. 1 % объема керамики. Отошитель: песок (30 %) — кварц, полевой шпат, мусковит, размером зерен песка 0,1–0,3 мм; шамот (20%) — высушенная глина, округлые зерна до 1 мм. Температура обжига ок. 800°C. Среднее содержание P_2O_5 — 2,01%. Потери при прокаливании — 6,02 %.

№ 151

(цв. вкл. 16: 4). Глина (жирная), гидрослюдисто-каолинитового состава, слюдястая, плохо перемешанного кластического материала около 3 %. В его состав входят кварц, полевой шпат, гетит. Зафиксированы отдельные поры округлой формы, занимающие около 1 % объема керамики. Отошитель: кварц-полевошпатовый песок, зерна округлой формы размером от 1 до 2,5 мм. Температура обжига ок. 700°C. Среднее содержание P_2O_5 — 2,2 %. Потери при прокаливании — 5,0 %.

Рентгено-фазовый дифракционный анализ

Минеральный состав фрагмента ручки «фризского» кувшина (образец № 127) был определен с помощью рентгено-фазового дифракционного анализа на установке ДРОН-3. Условия съемки: $CuK\alpha$ — излучение, Ni — фильтр, 26 кВ, 30 шА. Для расшифровки дифрактограмм использовалась база данных PDF-2003. Анализ дает представление обо всех кристаллических фазах, которые присутствуют в образце (рис. 1). Основные минеральные компоненты керамики: низкотемпературный кварц, полевой шпат альбит-анортитового (Na-Ca) состава. Глинистая составляющая состоит из минерала класса гидрослюды-иллита.

Термический анализ

Для определения температуры обжига керамики среди прочих методов в археологии используется термогравиметрия — дифференциально-термический анализ (ДТА) основанный на изучении физико-химических превращений вещества при нагревании (Сайко, Кузнецова 1977: 16, 17; Campanella, Favero, Flamini, Tomassetti 2003: 127–142). Термический анализ образца № 127 был выполнен на установке Термоскан-2. Образец были растерт до состояния пудры и нагрет в интервале температур от 25° до 800°C со скоростью нагрева 10° в минуту. Преобразование минеральных составляющих, происходящее при нагревании и проявляющееся в виде эндотермических и экзотермических эффектов, фиксировалось в виде графика (рис. 2). Метод дифференциально-термического анализа хорошо работает для керамики, подвергнутой высокотемпературному обжигу, поскольку в этом случае происходит формирование

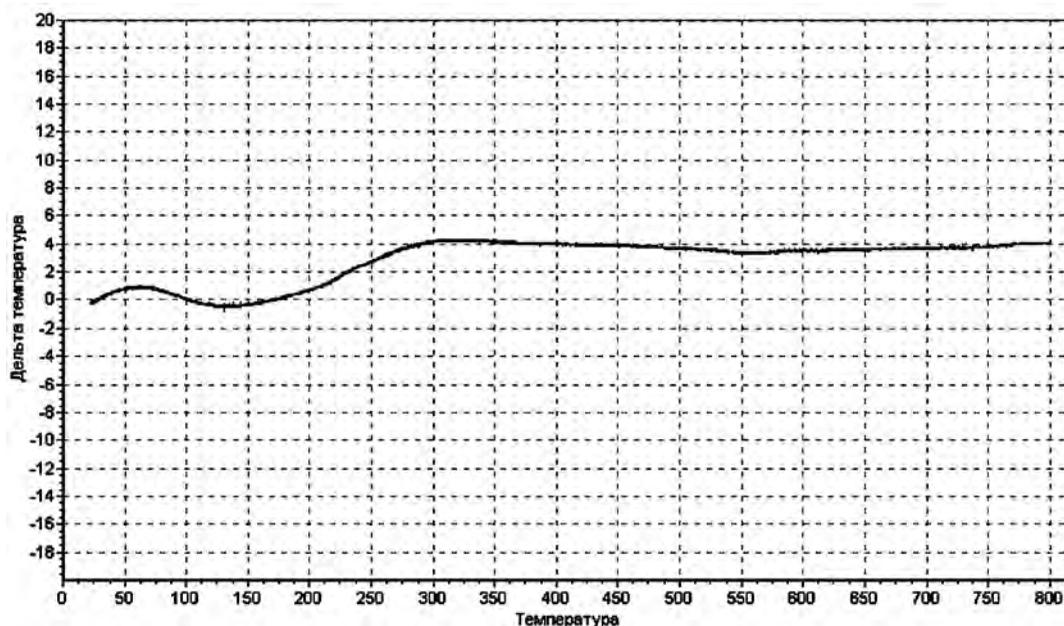

Рис. 2. Термограмма образца № 127

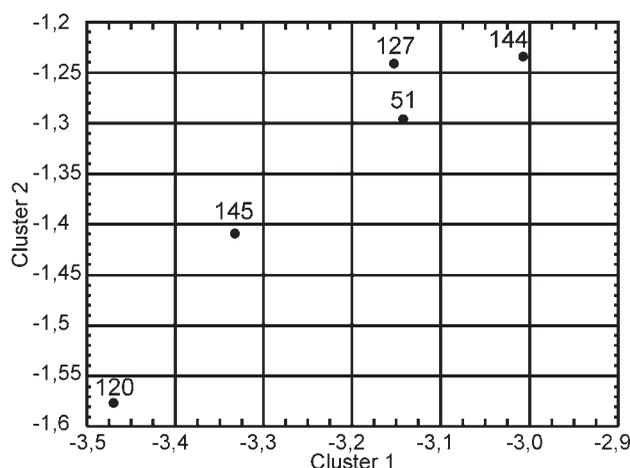

Рис. 3. Распределение образцов по данным кластерного анализа

новых минеральных фаз, устойчивых при повторном нагреве и практически не изменяющихся при воздействии различных природных факторов, в том числе процессов, которые влияют на глиняные изделия при нахождении в почвенных отложениях. Для керамики, обожженной при низкой температуре, многие фазовые процессы являются обратимыми, особенно если керамика долгое время была подвержена влиянию химического и физического выветривания. А таким процессам подвергается практически вся археологическая керамика. Эндотермический эффект у исследованного нами образца в области 140–150°C характеризует процесс удаления адсорбционной воды из глинистых минералов, которую они адсорбировали после попадания в культурный слой. Другой эндотермический эффект, который связан с процессами дегидратации в глинистых минералах (удалении кристаллизационной воды), фиксируется в керамике при температуре 550–600°C (Болотин, Дубиновский, Романов, Сидельников 2006: 27–37). Нужно отметить, что этот эффект проявляется в исследованном нами образце, но имеет очень низкую интенсивность. Реакция удаления кристаллизационно-связанной воды при температуре обжига выше 600°C является труднообратимой при последующем влиянии выветривания. Полученные данные нужно очень корректно использовать для определения температуры обжига низкотемпературной керамики. Необходимо их сопоставление с результатами других методов исследования.

Рентгено-спектральный флуоресцентный анализ

Количественный состав главных породообразующих элементов керамики определялся с помощью рентгено-спектрального флуоресцентного анализа (табл. 1). С его помощью были получены данные для сравнения образцов по химическому составу. Полученные результаты были обработаны методами математической статистики. Для определения наиболее близкого сходства образцов применялся кластерный анализ по методу евклидовых расстояний. Для расчета использовались значения десятичных логарифмов элементов, нормированных по отношению к SiO_2 . Как видно на диаграмме (рис. 3), наиболее близкий химический состав имеют образцы № 127, 144 и 151. Образец № 120 отличается от других пониженными концентрациями CaO и MgO, а образец № 145 имеет повышенное содержание кремнезема, низкое содержание глинозема и окислов магния.

Результаты исследования

Проведенные исследования дают возможность предположить, что в горнах при обжиге поддерживалась нейтральная или слабоокислительная газовая среда (Лукич 1979: 43). Об этом свидетельствует светло-серый или светло-серо-коричневый цвет в изломе у исследованных нами «татингских» черепков. В конце обжига гончары, по-видимому, создавали в камерах, загруженных керамическими сосудами, восстановительную атмосферу. В результате этого процесса изделия получали гладкую блестящую черную внешнюю поверхность. Возможно, что подобного эффекта западноевропейские мастера добивались не «чернением», а обвариванием сосудов с последующим их томлением (Бобринский 1978: 236–240). В пользу использования такого химико-термического способа обработки раннесредневековой посуды свидетельствует обломок ручки кувшина, найденный на Земляном городище. Большая часть поверхности этого сосуда имеет черный цвет, тогда как стенка под ручкой и внутренняя сторона последней имеет коричневую окраску (цв. вкл. 15: 1).

Очевидно, что обваривание использовалось и при изготовлении «татингских» изделий гончарами Майена, у продукции которых однотонная черная поверхность сочетается с красным окрасом излома (Бобринский 1978: 237; Hodges 1981: 18, 65, 66; Stilke, Heih, Mommsen 1996: 28, 30; 1999: 412, 417). Следует отметить, что появление на ряде западноевропейских памятников посуды рассматриваемого типа с серой поверхностью, возможно, объясняется тем, что эти экземпляры не были подвергнуты окончательной химико-термической обработке.

По составу формовочной массы среди обломков «татингских» сосудов, найденных при раскопках в Старой Ладогe и могильнике Плакун, выделяются следующие группы:

I группа (образец № 120). Сосуд выполнен из жирной глины каолинит-гидрослюдистого состава с низким содержанием кластического материала, отощитель не использовался. Керамика чернолощенная, внутренний слой светло-бежевого цвета. Температура обжига ок. 700°C.

II группа (образцы № 127 и 151). Сосуды изготовлены из жирных гидрослюдистых глин, содержание кластического материала низкое. В качестве отощителя использовались кварц-полевошпатовый песок и небольшое количество шамота. Температура обжига ок. 700°C.

III группа (образец № 144). Сосуд изготовлен из жирной глины гидрослюдистого состава с небольшой примесью кластического материала, в состав которого входят мелкие зерна слюдястого гнейса и минералов группы гетита. Отощитель не использовался. Наличие высокотемпературных минеральных фаз указывает на высокую температуру обжига до 1000°C. Возможно, термические изменения фазового состава фрагмента являются следствием того, что при обжиге придонная часть подвергалась воздействию более высокой, по сравнению с другими частями кувшина, температуры.

IV группа (образец № 145). Сосуд изготовлен из тощей глины гидрослюдистого состава с повышенным содержанием кластического материала. Использовался отощитель, представленный кварц-полевошпатовым песком и шамотом. Температура обжига ок. 800°C.

Образцам групп II и IV по составу формовочных масс наиболее близка группа 3, выделенная Р. Ходжесом в результате петрографического изучения находок изделий типа «Татинг» с ряда памятников Западной Европы (Hodges 1981: 66). Среди образцов этой группы в наибольшем количестве, по сравнению с четырьмя другими, представлены обломки «типичных» для этого типа сосудов.

Сравнение химического состава по главным породообразующим окислам, а также некоторым микроэлементам исследованных нами образцов с опубликованными результатами нейтронно-активационного анализа изделий майенских мастерских и «классических татингских» кувшинов (табл. 2) показало, что

Таблица 1. Содержание главных окислов и микроэлементов в «тагинской» керамике из раскопок в могильнике Плакун и на Земляном городище Старой Лядоги

	1 TiO ₂ %	2 Fe ₂ O ₃ %	3 MnO %	4 MgO %	5 CaO %	6 Na ₂ O %	7 K ₂ O %	8 P ₂ O ₅ %	9 V %	10 Cr %	11 Ba %
120	1,13	3,87	0,015	0,996	0,16	0,05	2,84	0,643	0,00922	0,0145	0,0594
127	1,04	3,63	0,146	1,06	1,9	0,05	2,66	2,82	0,0092	0,0128	0,208
144	1,08	3,47	0,107	1,41	1,31	0,228	2,84	1,73	0,0108	0,0115	0,278
145	0,807	2,23	0,0915	0,652	1,43	0,05	2,56	2,01	0,00661	0,00829	0,161
151	1,17	2,36	0,144	1,01	1,88	0,13	2,18	2,2	0,00992	0,00669	0,243

Таблица 2. Содержание основных окислов породообразующих элементов и микроэлементов в керамике гончарных мастерских Майена, а также «тагинских» сосудов из Западной Европы и нижнего Поволжья (Stilke, Heih, Mommsen 1996: 29; 1999: 416)

	1 K ₂ O %	2 Na ₂ O %	3 CaO %	4 Fe ₂ O ₃ %	5 TiO ₂ %	6 Ba %	7 Cr %
Tating	2,34	0,229	2,407	3,09	0,78	0,951	0,0109
u-may	2,06	0,216	0,965	6,76	1,35	0,622	0,0212
v-may	2,04	0,229	0,923	7,99	1,43	0,727	0,0219
s-may	1,77	0,216	0,686	6,87	1,53	0,485	0,0230
w-may	1,63	0,216	0,756	6,87	1,67	0,48	0,0244
120	2,84	0,05	0,16	3,87	1,13	0,0594	0,0145
127	2,66	0,05	1,9	3,63	1,04	0,208	0,0128
144	2,84	0,228	1,31	3,47	1,08	0,278	0,0115
145	2,56	0,05	1,43	2,23	0,807	0,161	0,0083
151	2,18	0,13	1,88	2,36	1,17	0,243	0,0067

наиболее близки последним номера 127, 144 и 151. Два других образца (№ 120 и 145) существенно отличаются по составу от всех пяти групп, выделенных немецкими учеными.

Итак, зафиксированное нами среди фрагментов «татингских» сосудов нижнего Поволжья различие в формовочных массах и в химическом составе подтверждает мнение о существовании нескольких центров изготовления этой керамики. Проведенные методами естественных наук исследования показали также, что найденные при раскопках горизонтов E₁-D Земляного городища четыре обломка чернолощеной посуды принадлежат не одному, а, по крайней мере, двум изделиям (Плохов 2007: 24).

Нужно отметить, что на данном этапе мы обладаем достаточно разрозненными сведениями о составе и технологии производства такого уникального типа сосудов как «Татинг». Представленные на раннесредневековых памятниках многих европейских регионов целые и фрагментированные изделия, украшенные оловянной фольгой, опубликованы недостаточно полно, отсутствуют комплексные методологически проработанные подходы к исследованию этой керамики, вследствие чего место производства «татингской» посуды и источники сырья для неё до сих пор не определены. Для решения этих вопросов необходимо: 1) проведение специальных исследований рассматриваемого типа сосудов с применением различных методов естественных наук из как можно большего количества памятников, выполненных по единым методикам; 2) сравнительный анализ находок такой посуды из разных регионов; 3) тщательное изучение продукции (морфологии и технологии) и сырьевой базы гончарных центров на предполагаемой территории возникновения традиции декорирования керамики оловянной фольгой (от среднего Рейна до северной Франции), с последующим сопоставлением результатов с данными по «татингским» изделиям. Остается только надеяться, что найдутся научные силы и финансовые возможности для осуществления этих работ.

Литература

Бобринский 1978 — *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.

Богуславский 2006 — *Богуславский О.И.* Юго-Восточное Приладожье и Ладужская земля (вопросы соотношения) // Ладога и Ладужская земля в эпоху средневековья. Вып. 1. СПб., 2006.

Богуславский, Мачинская 1993 — *Богуславский О.И., Мачинская А.Д.* Сясьское городище и поселения нижнего Поволжья (опыт сопоставления) // ПАВ. № 6. 1993.

Болотин, Дубиновский, Романов, Сидельников 2006 — *Болотин О.А., Дубиновский В.Л., Романов Л.Ф., Сидельников В.К.* Bentonитовые глины водораздельного пространства рек Чага-Скиноаса // Buletinul Institutului de Geofizică și Geologie al AȘM. 2. 2006.

Булкин, Дубов, Лебедев 1978 — *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л., 1978.

Кирпичников 1980 — *Кирпичников А.Н.* Новооткрытая Ладужская каменная крепость IX–X вв. // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология. М., 1980.

Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986 — *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986.

Корзухина 1971а — *Корзухина Г.Ф.* Курган в урочище Плакун близ Ладоги // КСИА. Вып. 125. 1971.

Корзухина 1971б — *Корзухина Г.Ф.* О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги // Скандинавский сборник. Вып. XVI. Таллин, 1971.

Лебедев 1985 — *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.

Лукич 1979 — *Лукич Г.Е.* Конструирование художественных изделий из керамики (теоретические основы формообразования). М., 1979.

Манускрипт Теофила 1963 — Манускрипт Теофила «Записка о разных искусствах» // Сообщения Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных художественных ценностей. Вып. 7. 1963.

Мачинский 2003 — *Мачинский Д.А.* Ладога — древнейшая столица Руси и ее «ворота в Европу» // Старая Ладога. Древняя столица Руси. Каталог выставки. СПб., 2003.

Михайлов 2002 — *Михайлов К.А.* Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки о хронологии и топографии) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.

- Михайлов 2003 — *Михайлов К.А.* Курганные могильники Старой Ладоги // Старая Ладога. Древняя столица Руси. Каталог выставки. СПб., 2003.
- Мюллер-Вилле 2000 — *Мюллер-Вилле М.* Внешние связи раннесредневековой Руси по археологическим свидетельствам // Вестник РАН. Т. 70. № 10. 2000.
- Назаренко 1985 — *Назаренко В.А.* Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.
- Плохов 2007 — *Плохов А.В.* О связи Нижнего Поволжья с Западной Европой по керамическим материалам // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007.
- Сайко, Кузнецова 1977 — *Сайко Э.В., Кузнецова Л.В.* Методические основы исследования древней керамики. Обзорная информация. М., 1977.
- Френкель 2008 — *Френкель Я.В.* Скандинавский могильник Плакун: время первых погребений и проблема сопоставимости хронологических шкал // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы ЛПЗ заседания. Псков, 2008.
- Херрман 1986 — *Херрман Й.* Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986.
- Arbman 1937 — *Arbman H.* Schweden und das karolingische Reich. Studien zu den Handelsverbindungen des 9. Jahrhunderts. Kungl. Viterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar 43. Stockholm, 1937.
- Arne 1914 — *Arne T.J.* La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914.
- Arne 1929 — *Arne T.J.* Birka-Frisland // Kulturhistoriska Studier, tillägnade V. Ewald. Halmstad, 1929.
- Besteman 1974 — *Besteman J.C.* Carolingian Medemblik. Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek 24. Instituut voor Prae- en Protohistorie 195. 1974.
- Brorsson 1999 — *Brorsson T.* Keramik // *B. Jacobsson.* Trelleborgen i Trelleborg. Förhistoriska boplatsslämningar och graver, vikingatida ringborg och medeltida bebyggelselämningar. Skåne, Trelleborg, kv Gröningen, kv Kråkvinkeln, Bryggaregatan och Svenstorpsgatan. UV Syd Rapport 1999: 93. Lund, 1999.
- Campanella, Favero, Flamini, Tomassetti 2003 — *Campanella L., Favero G., Flamini P., Tomassetti M.* Prehistoric Terracottas from the Libyan Tadrat Acacus: Thermoanalytical study and characterization // Journal of Thermal Analysis and Calorimetry, 73. 2003.
- Es, Verwers 1980 — *Es W.A., van, Verwers W.J.H.* Excavations at Dorestad 1. The Harbour: Hoogstraat I. Nederlandse Oudheden 9. Amersfoort, 1980.
- Hodges 1981 — *Hodges R.* The Hamwih pottery: the local and imported wares from 30 years' excavations at Middle Saxon Southampton and their European context. Southampton Archaeological Research Committee. Report 2. The Council for British Archaeology. Research Report 37. London, 1981.
- Holand 2003 — *Holand I.* Pottery // G. S. Munch, O. S. Jansen, E. Roesdahl. (Eds.). Borg in Lofoten. A chieftain's farm in North Norway. Arkeologisk Skriftserie 1. Trondheim, 2003.
- Holwerda 1930 — *Holwerda J.H.* Oprovingen van Dorestad // Oudheidkundige Mededeelingen. Nieuwe Reeks XI. Leiden, 1930.
- Hougen 1960 — *Hougen E.K.* Tinnfoliert keramikk fra Kaupang // Universitetets Oldsaksamling Årbok 1958/59. Oslo. 1960.
- Hougen 1969 — *Hougen E.K.* Leirkar-Materialet fra Kaupang // Viking XXXIII. Oslo, 1969.
- Hougen 1993 — *Hougen E.K.* Bosetningsområdets keramikk. Kaupang-Funnene IIIB. Norske Oldfunn XIV. Oslo, 1993.
- Hübener 1952 — *Hübener W.* 1952. Bemerkungen zu einer Verbreitungskarte der Tatinger Gruppe // Offa. 11. Neumünster, 1952.
- Hübener 1959 — *Hübener W.* Die Keramik von Haithabu. Die Ausgrabungen in Haithabu 2. Neumünster, 1959.
- Hurst, Hodges 1976 — *Hurst J.G., Hodges R.* A Tating-type ware sherd from Wharram Percy, North Yorkshire // The Antiquaries Journal. 56. Oxford, 1976.
- Hussong 1939 — *Hussong L.* Ред.: H. Arbman. Schweden und das karolingische Reich // Germania. 23. 1939.
- Janssen 1987 — *Janssen W.* Die Importkeramik von Haithabu. Die Ausgrabungen von Haithabu. Bd. 9. Neumünster, 1987.
- Lundström 1971 — *Lundström A.* Cuppa vitrea auro ornata // Antikvariskt Arkiv. 40. Early Medieval Studies. 3. 1971.
- Meyer-Rodrigues 1993 — *Meyer-Rodrigues N.* Tessons de céramique dite "de Tating" découverts a Saint-Denis // La céramique du Vème au Xème siècle dans l'Europe du ord-Ouest. Actes du colloque d'Outreau (10–12 avril

1992) Ed. D. Piton / Travaux du Groupe de Recherches et d' Etudes sur la céramique dans le Nord — Pas-de-Calais // Nord-Ouest Archéologie. Numéro hors-série. Arras, 1993.

Müller 2001 — Müller U. Tatinger Ware im Gebiet des Mare Balticum // Aus der Frühgeschichte des südwestlichen Ostseegebietes. Greifswalder Mitteilungen. 5. Frankfurt, 2001.

Redknap 1984 — Redknap M. Late merovingian black and red burnished wares from Mayen (Rheinland-Pfalz) // Archäologisches Korrespondenzblatt. 14. Mainz, 1984.

Redknap 1988 — Redknap M. Medieval pottery production at Mayen: recent advances, current problems // D. R. M. Gaimster, M. Redknap, H.-H. Wegner. (Eds.). Medieval and later pottery from the Rhineland and its markets. BAR. International Series. 440. Oxford, 1988.

Redknap 1999 — Redknap M. Die römischen und mittelalterlichen Töpfereien in Mayen, Kreis Mayen-Koblenz. Berichte zur Archäologie an Mittelrhein und Mosel 6. Trierer Zeitschrift für Geschichte und Kunst des Trierer Landes und seiner Nachbargebiete. 24. Trier, 1999.

Ring, Wieczorek 1979 — Ring E., Wieczorek A. Tatinger Kannen aus Mainz // Archäologisches Korrespondenzblatt. 9. Mainz, 1979.

Rudh 1936 — Rudh H. Förhistoriska undersökningar på Adelsö. Stockholm, 1936.

Schindler 1956 — Schindler R. Das wikingerzeitliche Hügelgräberfeld "Monklembergem" bei Süderende auf Föhr // Offa. 15. Neumünster, 1956.

Selling 1951 — Selling D. Problem Kring Vikingatida Keramikkannor // Fornvännen. 46. 1951.

Selling 1955 — Selling D. Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955.

Selling 1972 — Selling D. Пер.: E. K. Hougen. Leirkarmaterialet fra Kaupang // Norwegian Archaeological Review. Vol. 5. № 2. 1972.

Stilke 2001 — Stilke H. Tatinger Ware // Handbuch zur mittelalterlichen Keramik in Nordeuropa. Schriften des Archäologischen Landesmuseums. 6. Neumünster, 2001.

Stilke, Heih, Mommsen 1996 — Stilke H., Heih A., Mommsen H. Results of Neutron Activation Analysis on Tating Ware and the Mayen Industry // Medieval Ceramics. 20. 1996.

Stilke, Heih, Mommsen 1999 — Stilke H., Heih A., Mommsen H. Neutronenaktivierungsanalysen an mittelalterlicher Keramik aus Mayen und an Tatinger Ware // Redknap M. Die römischen und mittelalterlichen Töpfereien in Mayen, Kreis Mayen-Koblenz. Berichte zur Archäologie an Mittelrhein und Mosel. 6. Trierer Zeitschrift für Geschichte und Kunst des Trierer Landes und seiner Nachbargebiete. 24. Trier, 1999.

Stjernquist 2001 — Stjernquist B. Metal Decoration on Glass and Pottery // Vi får tacka Lamm. The Museum of National Antiquities, Stockholm. 10. Stockholm, 2001.

Timby 1988 — Timby J.R. The Middle Saxon pottery // Southampton finds, volume 1: The coins and pottery from Hamwic. Southampton archaeology monographs. 4. Gloucester, 1988.

Wamser 1999 — Wamser E. Zu einer Tatinger Kanne und ausgewählten Kleinfunden aus Karburg am Main // Dedicato. H. Dannheimer zum 70. Geburtstag. Kataloge der Prähistorischen Staatssammlung. 5. München, 1999.

М.А. Сагайдак (Киев)

ГРАЖДАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА КИЕВА X–XII вв. (некоторые аспекты изучения восточнославянского жилища)

На современном этапе исследований археологам пока не удается связать воедино историю жилища ранних славян с жилищами первых древнерусских городов. В пределах культурных ареалов, отождествляемых современными исследователями с летописными племенами и племенными союзами Восточной Европы, наблюдается многообразие типов и форм построек, которое можно объяснить наличием местных традиций. Домостроительство территории, впоследствии составившей ядро Киевской Руси, характеризуется широким диапазоном размеров, разными пропорциями котлованов, конструкцией стен и типами отопительных устройств. О каком-то определенном типе славянского жилища можно говорить, только начиная с середины I тыс. В VI–VII вв. конструкция жилища представляла собой углубленное в землю сооружение с каркасно-глинобитными стенами и угловой печью, которая могла быть сложенной как из камня, так и глины. В течение длительного периода дома не претерпевали существенных изменений, разве что их размеры стандартизировались все больше, форма приближалась к типу правильного квадрата, а печь стала занимать постоянное место в углу. На поселениях пражской культуры, занимавшей огромный ареал от Моравии на Западе и до Днепра на Востоке, где исследовано наибольшее количество построек, прослеживается закономерность, связанная с тем, что вход в жилище находился, как правило, напротив устья печи. На Левобережье Днепра, на протяжении VI–VIII вв., продолжает функционировать т.н. полуземлянка с центральным столбом и открытым очагом. Местом распространения наземных срубных жилищ этого времени была лесная зона.

Какими путями из указанного многообразия традиций, складывался тип городской застройки, мы достоверно не знаем. То же, что предстает перед глазами археологов, исследующих ранние этапы жизни славянских городов, и, в частности, Киева, по своему уровню является совсем иным типом строительства, чем то, которое можно было видеть на славянских поселениях. В новой застройке не так легко отыскать такие характерные черты предшествующего строительства, как хаотичность, однообразие, когда все пространство заполнялось примерно одним типом домов. Не видно и былой разбросанности, когда дома довольно далеко стоят друг от друга.

Раскопками в ряде случаев выявлено хорошо организованное пространство, с разбивкой городской территории на прямоугольные участки. Исходным элементом такого плана становится усадьба, застройка которой ведется очень продуманно, исходя из функционального назначения построек. Гибкость трассировки улиц, которые огибают природные препятствия, не может служить свидетельством отсутствия регулярности плана. Можно говорить и о планировочных решениях, которые были полностью связаны с городской функцией. Иногда первая городская застройка появляется вдоль оживленного пути, который и становится главной улицей, иногда планировка складывается вокруг главного ядра, которым служит культовая постройка или площадь. Все это указывает на влияние на местное строительство довольно развитой городской строительной культуры, которая обладает целым рядом новых качеств.

Нужно подчеркнуть, что интерпретация раскопанных остатков жилищ не всегда была одинаковой. Первые выводы, касающиеся типов архитектурных сооружений, возводимых в древнерусском Киеве, были сделаны в начале XX в. Викентием Хвойко. Как можно судить по довольно небольшой публикации, в центральной части Старокиевской горы, раскопками 1907–1908 гг., ему удалось выявить остатки примерно 20-ти жилых построек. Автор отмечает, что постройки были сооружены из деревянных бревен, которые в основном были заглублены в землю и только незначительно возвышались над поверхностью. Постройки имели форму правильного четырехугольника, но иногда имели на одной стороне пристройку в виде бокового выступа, представлявшего собою род сеней. По углам были зафиксированы обгоревшие или истлевшие столбы, в середине — рухнувшие потолочные перекрытия. Стены сооружались из толстых деревянных бревен (Хвойко 1913: 73)

Теперь очень сложно правильно определить, какой тип построек описывает автор. Впечатляет не только количество жилищ, выявленных на достаточно небольшом по площади участке, который, прежде чем стать т. н. «городом Владимира», длительный период был местом, где языческое население хоронило своих умерших.

В последние десятилетия топография и размеры некрополя-I (под этим названием некрополь IX — первой половины X в., обнаруженный на Старокиевской горе, вошел в литературу) существенно уточнены. В юго-восточном направлении он простирался вплоть до склонов Михайловской горы, в юго-западном доходил почти до района Золотых ворот «города Ярослава» Уточнение топографии могильника принесло и другие важные для науки результаты. Киевские археологи научились более четко дифференцировать выявленные в земле древние котлованы, поскольку не всегда углубление с остатками деревянных конструкций могло быть жилищем.

Теперь, спустя многие десятилетия, можно предположить, что какая-то часть объектов зафиксированных В. Хвойкой, могла являться вовсе не остатками гражданских деревянных архитектурных сооружений раннего Киева, а, скорее всего, представляла остатки погребальных комплексов, возведенных в центральной части Старокиевской горы в дохристианский период киевской истории. Прежде чем насыпался курган, здесь выкапывался котлован, площадь которого нередко составляла около 10 кв. м, стенки его укреплялись деревянной столбовой, реже срубной, конструкцией, после чего делалось перекрытие. Тем не менее, выводы, сделанные В. Хвойко, на долгие годы прочно укоренились в умах исследователей.

Следующий этап изучения деревянных построек Киева следует связывать с именем Г. Ф. Корзухиной, которая уже в середине 50-х гг. XX в. вновь сумела обратить внимание исследователей на эту важную проблему. Используя выписки А. А. Спицына, исследовательница произвела повторный анализ материалов раскопок В. В. Хвойко и пришла к выводу, что остатки трех построек, раскопанных в 1907–1908 гг. на территории Старокиевской горы (в то время — усадьба М. М. Петровского), были «полностью или частично двухэтажными, с подвальными производственными помещениями». Прилегающие же к центральной камере боковые сооружения были одноэтажными. Стены сооружений были рублеными или же в их основе лежал деревянно-столбовой каркас (Корзухина 1956: 322–329). Интересно, что выводы сделанные исследовательницей более чем 50 лет назад, невзирая на то, что источниковедческая база изучения гражданского строительства средневекового Киева за прошедшее время увеличилась многократно, не потеряли своего значения. Ныне они стали актуальны в свете развернувшейся дискуссии о причинах, начале и способах появления гражданской застройки в Старокиевской части города.

Оказалось, что в рамках утвердившихся в 70–80-е гг. XX в. представлений о Старокиевской горе как месте, где уже с VI в. до второй половины X в. сохранялось практически непрерывное развитие городской застройки, стало весьма сложно объективно интерпретировать имеющиеся в распоряжении науки факты. Возникла необходимость создания новой концепции развития и становления города, учитывающей развитие городской жизни на территории Подола. В последние десятилетия XX в. раскопками на Подоле и одновременно в Верхнем городе был выявлен целый ряд важных археологических свидетельств, ярко иллюстрирующих процесс смены одного городского ландшафта другим (рис. 1).

Срубные постройки появились на Подоле в конце 80-х гг. IX в. Самая ранняя дендродата — 887 г., то есть время, когда в Верхнем городе начинается насыпка курганов. Впечатляют и темпы освоения под массовую городскую застройку, до того практически девственной местности между подножьями гор и правым берегом реки. Начиная от первых построек и вплоть до 20–30-х гг. X в. под городскую застройку уже была освоена огромная по средневековым меркам территория — примерно 100 га. При этом необходимо учесть, что в указанный хронологический отрезок времени территория Подола как минимум пять раз подвергалась воздействию таких катастрофических явлений как паводки. Следовавшие

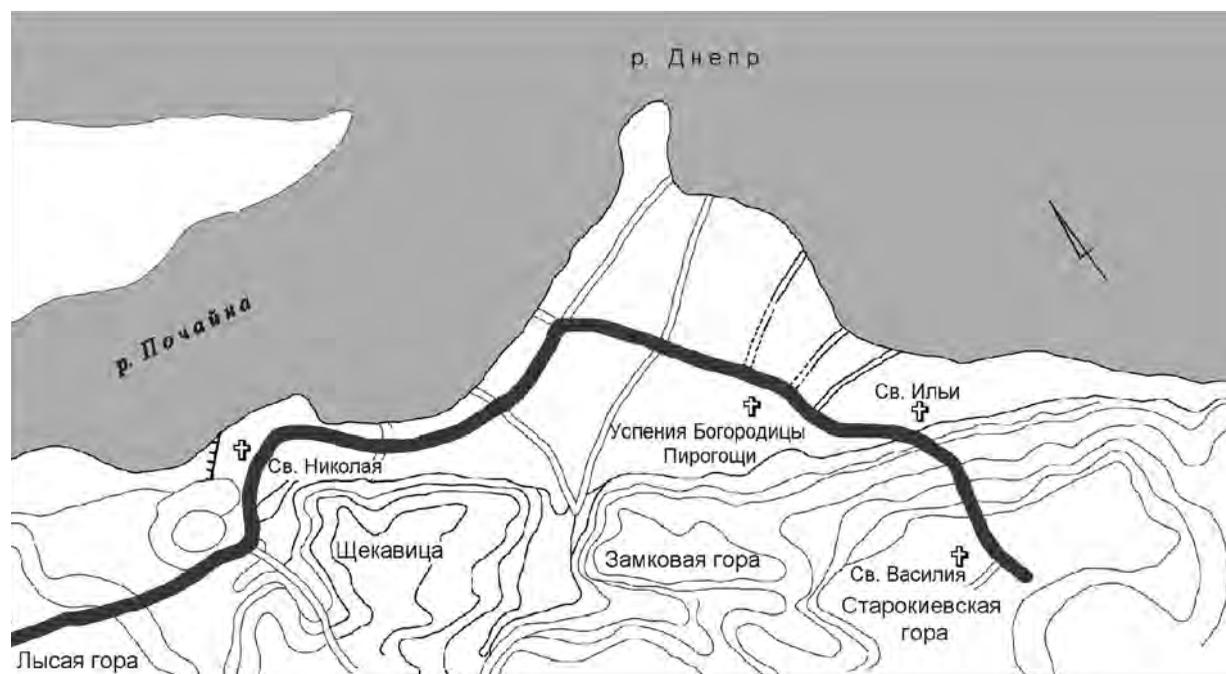

Рис. 1. Карта Киева X–XII вв. Реконструкция уличной сети и топографии храмов

за этим оползнями и намывами речного песка вынуждали горожан каждый раз осуществлять новую застройку своих усадеб (Сагайдак 1991: 48–65).

Город начал формироваться вдоль главной улицы, которая тянулась параллельно береговой линии. Концы улицы, как показывают новейшие исследования, упирались в возвышенности и выходили к двум древнейшим подъемам (узвозам), ведущим в Верхний город. Это обстоятельство, на наш взгляд, может служить подтверждением тезиса о связи населения Подола с курганами Верхнего города. Итак, дорога, вдоль которой начала формироваться первая застройка Подола, выводила к ранним городским некрополям: южное направление дороги — к Некрополю-I на Старокиевской горе, северное направление — сначала к подножью Кирилловских высот, а дальше на верхнее плато, где располагалась хорошо знакомая исследователям исторической топографии местность — Лысая гора, где еще в конце XIX в. была выявлена и изучена группа ранних курганных погребений — Некрополь II (Sahajdak 2007: 114).¹

В настоящее время очень важно правильно восстановить историческую смену одного ландшафта другим. Наиболее результативными в этом отношении оказались раскопки Я.Е. Боровского, проведенные прямо у кромки оборонного рва, который оградил «город Владимира» в начале XI в. Здесь были зафиксированы три квадратных котлована, являвшихся остатками погребальных камер с обрядом кремации, а также еще не менее трех достаточно глубоких и больших по площади ям овальной или «апсидоподобной» формы. В заполнении последних, как и предыдущих, в основном были выявлены находки, характерные для погребальных комплексов IX–X вв. На рубеже X–XI вв. на исследуемой площадке произошли существенные изменения: курганы и насыпи, являвшиеся, в авторской интерпретации, культовыми постройками — капищами, были снесены. На их месте появилась городская жилая застройка с главной улицей и переулком, заборами, ограждавшими участки и постройки на них. Эта застройка просуществовала вплоть до второй половины XII в., когда произошли новые радикальные изменения, связанные с возникшим поблизости монастырским комплексом (Боровский, Калюк 1993: 3–33).

Новые исследования вновь напомнили, что на протяжении IX–X вв. на этой территории города, судя по всему, практически отсутствовала жилая застройка, за исключением Замковой горы и незначительного участка Старокиевской горы. На протяжении указанного хронологического периода доминантами застройки были только курганные насыпи дохристианского могильника. Они были разбросаны группами по живописному плато, покрытому остатками реликтовых дубрав.

Теперь уже можно говорить о том, что археологические памятники, бытование которых в центральной части Киева укладывается в рамки VI–VIII вв., не составляли единого непрерывного этапа, и в силу

¹ См. также статью В.Н. Зоценко в настоящем сборнике.

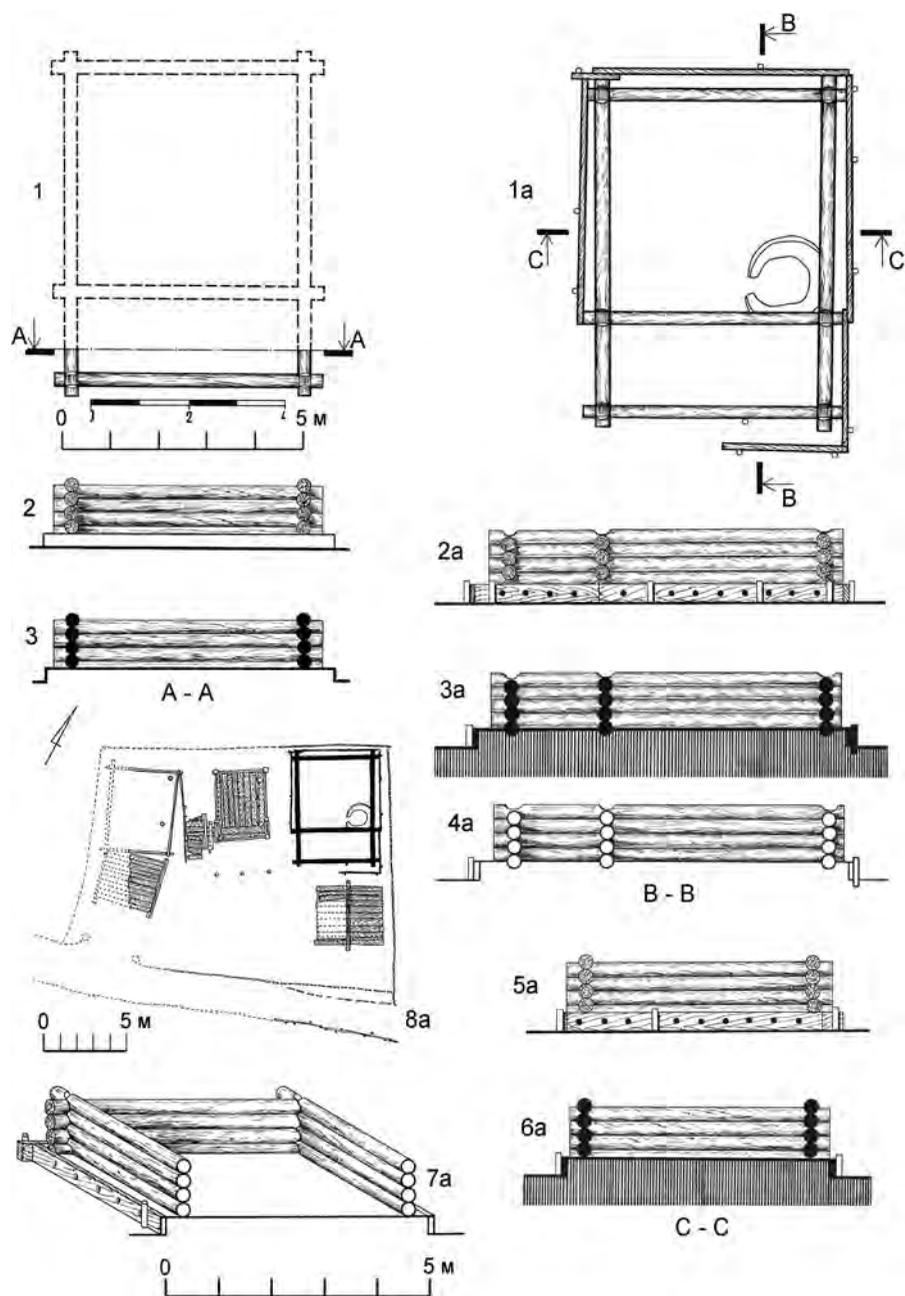

Рис. 2. Типы платформ для фундаментов построек

этого они не могли являться подосновой того развитого городского комплекса застройки, который возник на Старокиевской горе в конце X — начале XI в. (Mühle 1986: 100–101).

Итак, внедрение в киевском строительстве срубной техники стало отправной точкой, с которой можно вести отсчет истории городского гражданского массового строительства. В результате новых исследований начала зарождаться новая концепция образования и развития городского организма (Сагайдак 2001: 13). Ее ключевым моментом стали древности, обнаруженные раскопками на территории Подола, т.е. горизонты первого заселения нижнего города. Это заселение, начавшееся примерно в последней четверти IX в., мы считаем полноценным началом городского образа жизни, как и связанного с этим началом гражданского массового строительства.

В процессе раскопок на Подоле удалось собрать значительную по количеству и наиболее полную по типологии коллекцию деревянных построек, представляющую гражданскую застройку средневекового города. С этого времени прочно утвердился тезис о том, что жилищно-хозяйственный комплекс

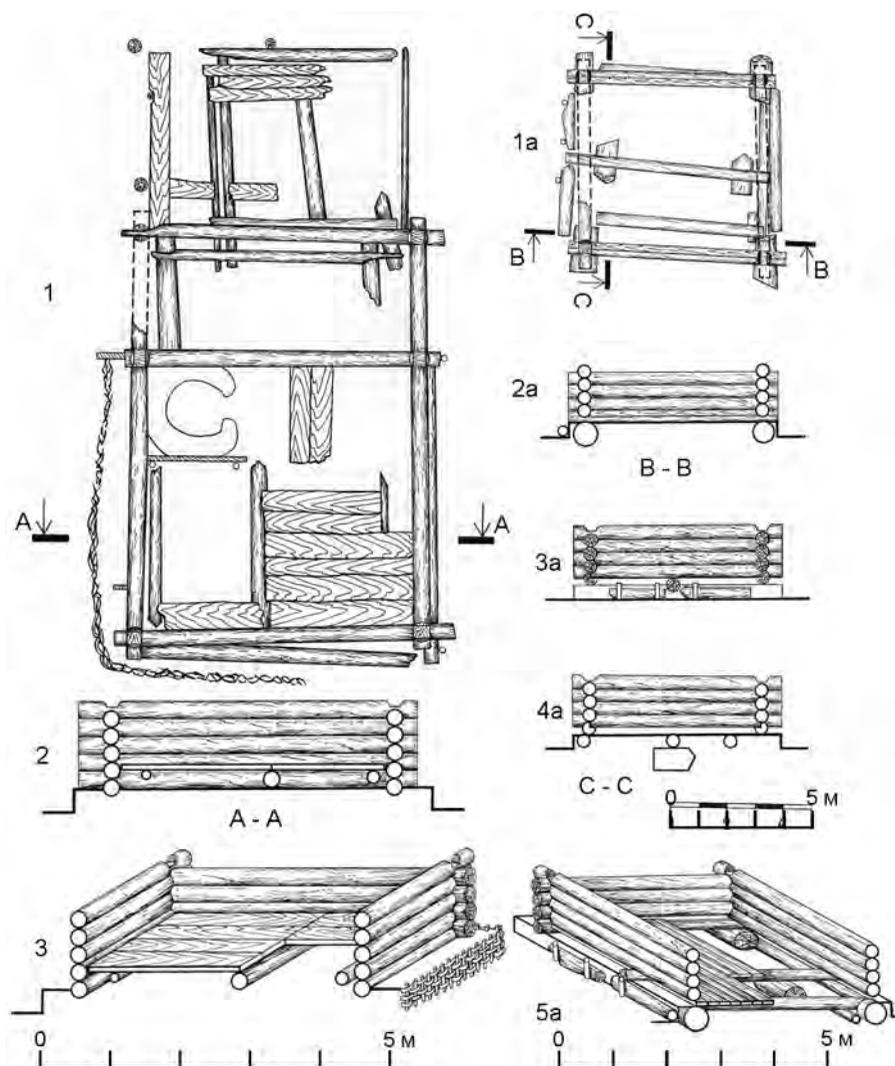

Рис. 3. Типы платформ для фундаментов построек

подольской усадьбы в основном был представлен однокамерными и двукамерными срубами (Гупало 1981: 85). Раскопки на Подоле дали ответы на многие вопросы, в том числе и об использовании в средневековом Киеве столбовой конструкции. Последняя, безусловно, была хорошо знакома киевским строителям с самых ранних пор, однако она не стала преобладающей и преимущественно использовалась как вспомогательная. Это стало понятным, когда все выявленные раскопками киевские постройки были подвергнуты архитектурному анализу, который выполнил В.О. Харламов (Харламов 1981: 57). К столбовой конструкции прибегали в основном в тех случаях, когда требовалось не совсем стандартное решение, например, остававшееся после главных построек усадьбы пространство не позволяло поставить полноценную квадратную или прямоугольную постройку, и его заполняли столбовой конструкцией.

1. Типы построек и конструкции, используемые в раннем киевском массовом строительстве

Обзор киевских построек начнем с фундамента. Наиболее простым способом была земляная площадка, которая выравнивалась, подсыпалась и утрамбовывалась для придания ей ровной горизонтальной поверхности (рис. 2). Следующим приемом было обустройство предназначенной для возведения сруба горизонтальной площадки дополнительной деревянной конструкцией, предохранявшей строение от проседания. Она часто изготавливалась из досок, которые устанавливались по периметру площадки на боковую поверхность и с внешней стороны укреплялись вертикально вбитыми кольями. Земляная платформа, устроенная таким образом, возвышалась над общей дневной

поверхностью усадьбы на высоту доски (рис. 2: 2а, 3а, 4а). Особенностью досок, удерживающих платформу, были сквозные отверстия, предназначавшиеся для дренажа воды, что предотвращало гниение нижнего венца сруба. Встречаются случаи, когда платформа обносилась досками не только по периметру снаружи, но и внутри. Доски обноси по углам скреплялись вырубками между собой, а также соединялись при помощи пазов к бревнам самого сруба. Оказалось, что в арсенале строителей такие способы использовались начиная с первых шагов строительства на Подоле. В 2002 г., на участке по Ярославскому проулку, 2, был раскопан сруб, который был установлен на земляной, возвышающейся над дневной поверхностью усадьбы платформе, обнесенной по периметру досками, установленными на ребро. От распознания доски крепились вбитыми в землю кольями, а их торцы специальной врубкой соединялись с бревнами сруба, концы которых выступали из замка. Специфической особенностью данного сруба была рубка угловых замков, отличающаяся целым арсеналом способов: западный и восточный углы постройки были соединены обычным способом «в обло», северный — «в лапу», южный — одно бревно «в лапу», другое — «в обло» (Сагайдак, Тимошук 2002: чертеж 2).

Для обустройства земляных площадок использовали круглые колоды, подобные тем, которые шли на строительство стен сруба, а иногда и конструктивные детали верхних частей. Еще один способ подготовить платформу для установки сруба состоял в том, что земля удерживалась конструкцией, сделанной из плетня, возвышавшегося над дневной поверхностью на 20–30 см (рис. 3: 1, 3). Тщательная подготовка земляной платформы производилась, как правило, под главной срубной постройкой усадьбы, которая служила жилищем, вспомогательные же постройки, служившие для хранения товаров, ставились прямо на землю.

Следующим этапом была установка самого фундамента, поверх которого возводились бревенчатые стены. Основанием служили округлые окоркованные колоды различной длины (50–80 см; 1,5–2,5 м), которые можно дифференцировать по положению относительно стены. Горизонтально уложенные бревна, один край которых был обрублен топором на «конус», составляли доминирующий способ устройства фундамента. Их также можно дифференцировать по месту укладки: стены, углы или под переводины пола сруба (рис. 3: 1а, 2а, 4а). Количество подкладок под стенами зависело от их длины. Иногда использовалась разновидность горизонтальных подкладок из обрезков досок; они укладывались перпендикулярно стене, по ее длине на расстоянии примерно 30–50 см, в некоторых случаях — в комбинации с подкладками других типов (рис. 4: 1, 1а, 2а, 3а).

Отдельно следует отметить четырехъярусную подкладку из обрезков досок, зафиксированную под восточным углом сруба № 2, раскопанного в 1972 г. на Контрактовой площади (рис. 4: 3). Для увеличения устойчивости венцов сруба, колоды, используемые для подкладок, иногда имеют в верхней части специально вырубленный паз-чашку.

Тип вертикальных фундаментных опор использовался для построек, предназначавшихся для хранения товаров. Так называемые «стулья» изготавливались из обрезанных колод, которые тоже ставились как под блоки угла, так и под стены. Для подкладок делалось специальное углубление в землю. В отдельных случаях северный угол сруба опирался на вертикально поставленную опору, а противоположный — на камень (рис. 4: 1б, 2б).

Иногда большая подкладка дополнялась меньшей, установленной сверху, также имевшей паз для соединения с бревном сруба. В срубе № 2 была зафиксирована подкладка, уложенная под угловой блок, состоящая, как минимум, из 5-ти деревянных элементов, уложенных один на другой. Тут же была обнаружена отдельно стоящая подкладка. Характер вырубki пазы в ее верхней части показывал, что к ней крепилась доска, установленная на ребро.

Еще один тип обустройства фундаментов широко использовался в подольском строительстве. Он может быть признан самым рациональным, поскольку не требовал никаких дополнительных затрат: опорой венцов сруба служили верхние венцы построек, оказавшиеся занесенными землей. Если новый сруб оказывался меньшего размера, один из углов приходилось ставить прямо на землю или использовать для этой цели настил пола или переводины этой же постройки (рис. 5: 7, 8; рис. 6: 1, 3). Остальные углы опирались на один угол и стены.

При использовании в качестве фундамента стен более древних (занесенных) построек, их остатки, находящиеся над дневной поверхностью разбирались и зачастую использовались при новом строительстве. Как правило, новые постройки врубались в расположенные ниже при помощи специально вырубленных пазов. Мог также использоваться прием, при котором на углы находящихся в земле конструкций устанавливали фундаментные подкладки для нового строительства.

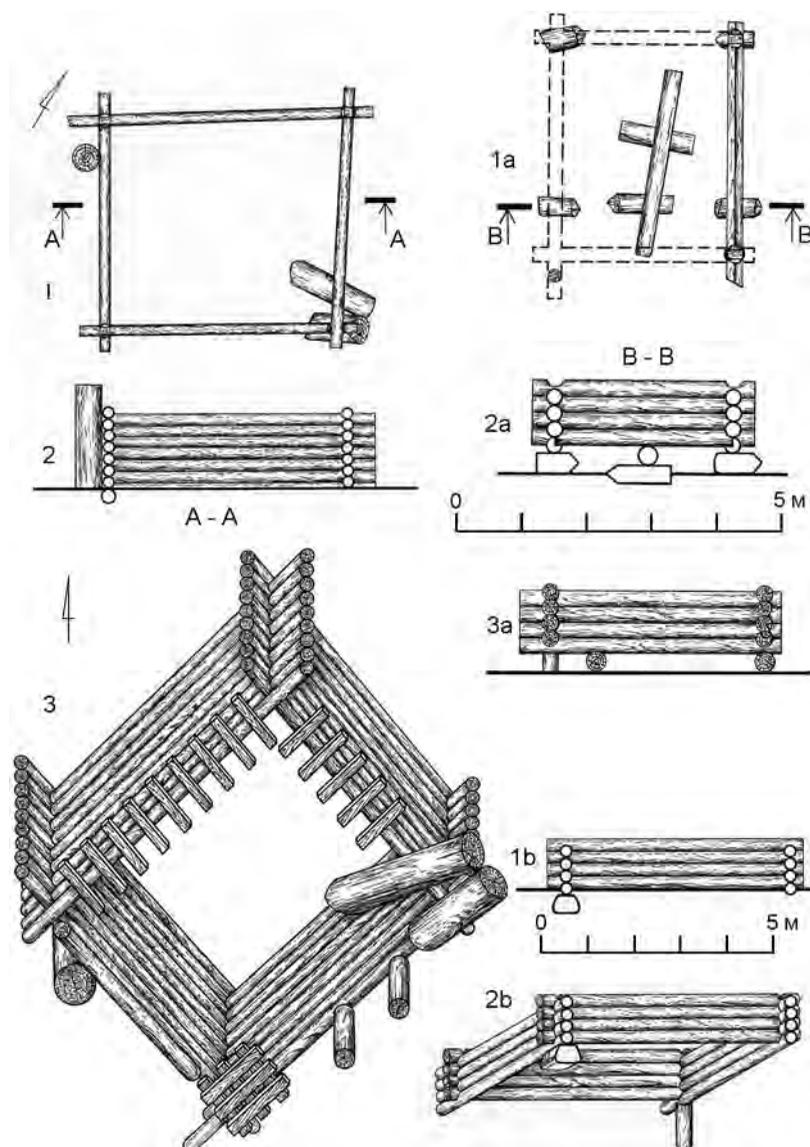

Рис. 4. Типы фундаментных подкладок, сделанных из горизонтальных и вертикальных колод

Подводя итог вышесказанному, можно выделить следующие типологические составные устройства фундаментных площадок для ранних построек Киева, которые подразделяются на следующие варианты:

К типу I относятся:

А — земляная платформа с утрамбованной поверхностью;

Б — земляная платформа, удерживаемая по периметру дополнительной деревянной конструкцией, состоящей из досок, установленных на ребро и укрепленных с внешней стороны кольями; досок, скрепленных по углам специальным пазом; досок, установленных на ребро, укрепленных кольями, а также при помощи паза скрепленных с частью угла сруба, выступавших из замка;

В — обкладка площадки плахами и колодами;

Г — обноска платформы, выполненная из плетня.

Следующий этап строительства, относящийся непосредственно к постройкам — обустройство фундамента — также поддается и типологической классификации.

Тип I. Горизонтальные подкладки:

А — из обрезков толстых бревен разной длины (от 0,30–0,60 м; 0,60–2,20 м);

Б — из обработанных бревен и колод в один или несколько ярусов;

В — из обработанных бревен, сложенных решетчатым способом.

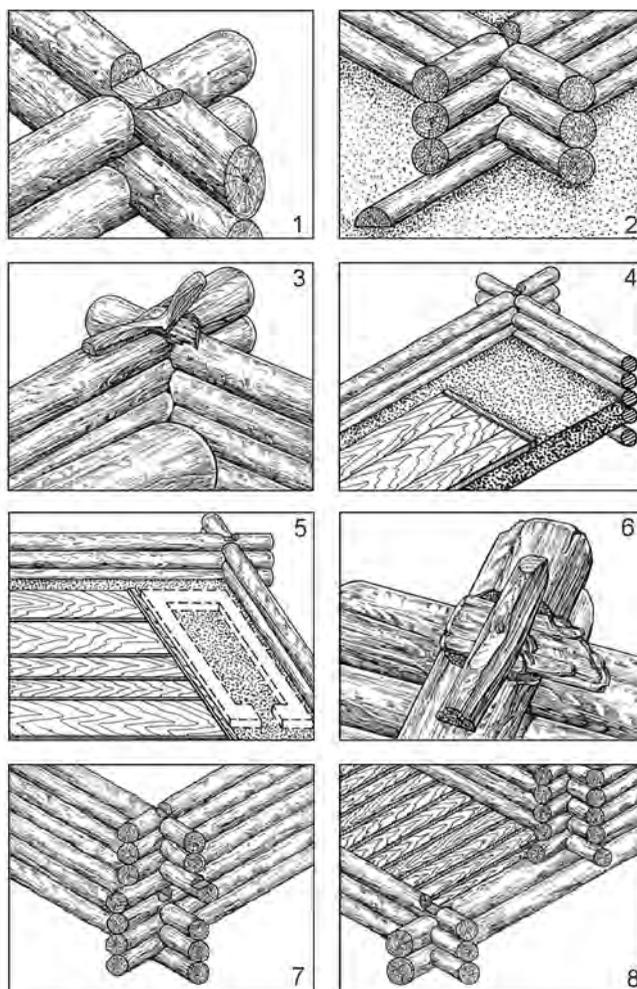

Рис. 5. Типы угловых соединений бревен в срубных стенах (1–4); устройство полов (5–6); использование для фундамента стен предшествующих построек (7–8)

Тип II. Вертикальные подкладки:

А — из круглых колод, установленных под блоки углов;

Б — из колод, установленных под блоки углов в комбинации с камнем, положенным под блок угла.

Тип III. В качестве фундамента используются предшествующие элементы построек.

Тип IV. Комбинированные подкладки, в которых сочетались вышеперечисленные типы.

Теперь перейдем к основному элементу архитектуры сруба — его стенам. Для их создания требовались идеально ровные круглые бревна одного размера и примерно одного диаметра. Естественно, что даже в условиях обилия лесных ресурсов такая задача была не совсем простой. Требовалось не только тщательно отобрать сырье для запланированной постройки, но и довести его до необходимой кондиции. Уже самые ранние постройки киевского Подола показывают, что киевские строители владели довольно высоким уровнем знаний технологии сборки этой архитектурной конструкции. Бревна тщательно обтесаны со всех сторон, их диаметр (особенно в жилых постройках) идеально согласуется между собой, в тех же случаях когда ощущается нехватка бревен одной толщины, компенсация производится за счет размера «чашки» — угловой вырубке, через которую скреплялись углы постройки. Кроме подбора одинаковых бревен одинаковый уровень по периметру укладки венцов сохраняли, чередуя верхнюю часть ствола с комлем.

Основная масса срубов Подола построена в технике рубки «в обло» с чашкой в нижележащей колоде (рис. 5: 1, 2). Точность изготовления «чашки» в решающей степени влияла на качество стен, основными требованиями к которым были плотность прилегания и устойчивость. Случаи досадных ошибок, когда одна из вырубок оказывалась слишком заглублена, исправлялись вкладыванием в чашку крест-накрест двух деревянных пластин, скрепленных между собой и колодой деревянным шпунтом (рис. 5: 3, 4). Устойчивость увеличивали за счет простого приема: края нижних венцов не обрубались (рис. 5: 2).

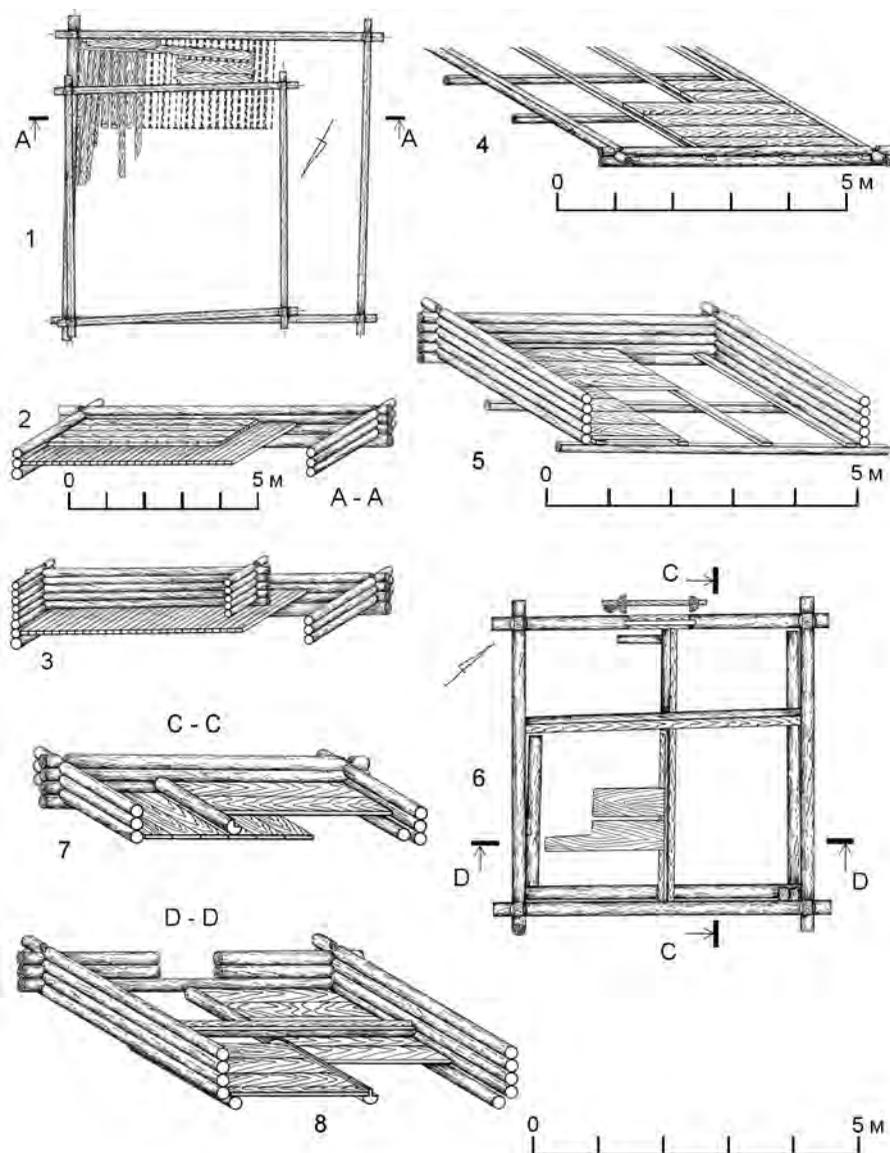

Рис. 6. Способы устройства полов: 1 — планы срубов № 4а, № 4, Красная площадь, 1972 г.; 2 — сруб № 4а, разрез по осям А-А; 3 — срубы № 4а, № 4, использование настила пола для опоры верхнего сруба; 4 — сруб № 8, Красная площадь, 1972 г., система укладки переводин пола; 5 — сруб № 8, Красная площадь, 1972 г., аксонометрия; 6 — план сруба № 7. Житный рынок, 1973 г.; 7 — сруб № 7. Житный рынок, 1973 г., аксонометрия, разрез по осям С-С; 8 — сруб № 7, разрез по осям D-D

Плоскости «сцепления» колод также тщательно обрабатывались и подгонялись, особенно это касается нижележащей; «постельная» плоскость дополнительно подтесывалась иногда до «чашеобразного» углубления по всей длине колоды. Кроме обработки внешних поверхностей бревен, уплотнение производилось при помощи прокладок, выполненных из мха, иногда из кусков бересты. Для строительства служебных построек подбор бревен был менее тщательным. Нижние венцы выполнялись из самых толстых колод, а при сборке верхних венцов толщина бревен постепенно уменьшалась. Сборка таких сооружений могла происходить прямо на усадьбе, очень похоже, что подготовка бревен велась заранее, на что указывают строительные метки, нумеровавшие бревна. Жилые срубы, при постройке которых использовались бревна большого диаметра и длины, обрабатывались на месте, о чем свидетельствует большое количество древесной щепы вокруг постройки и в ее середине.

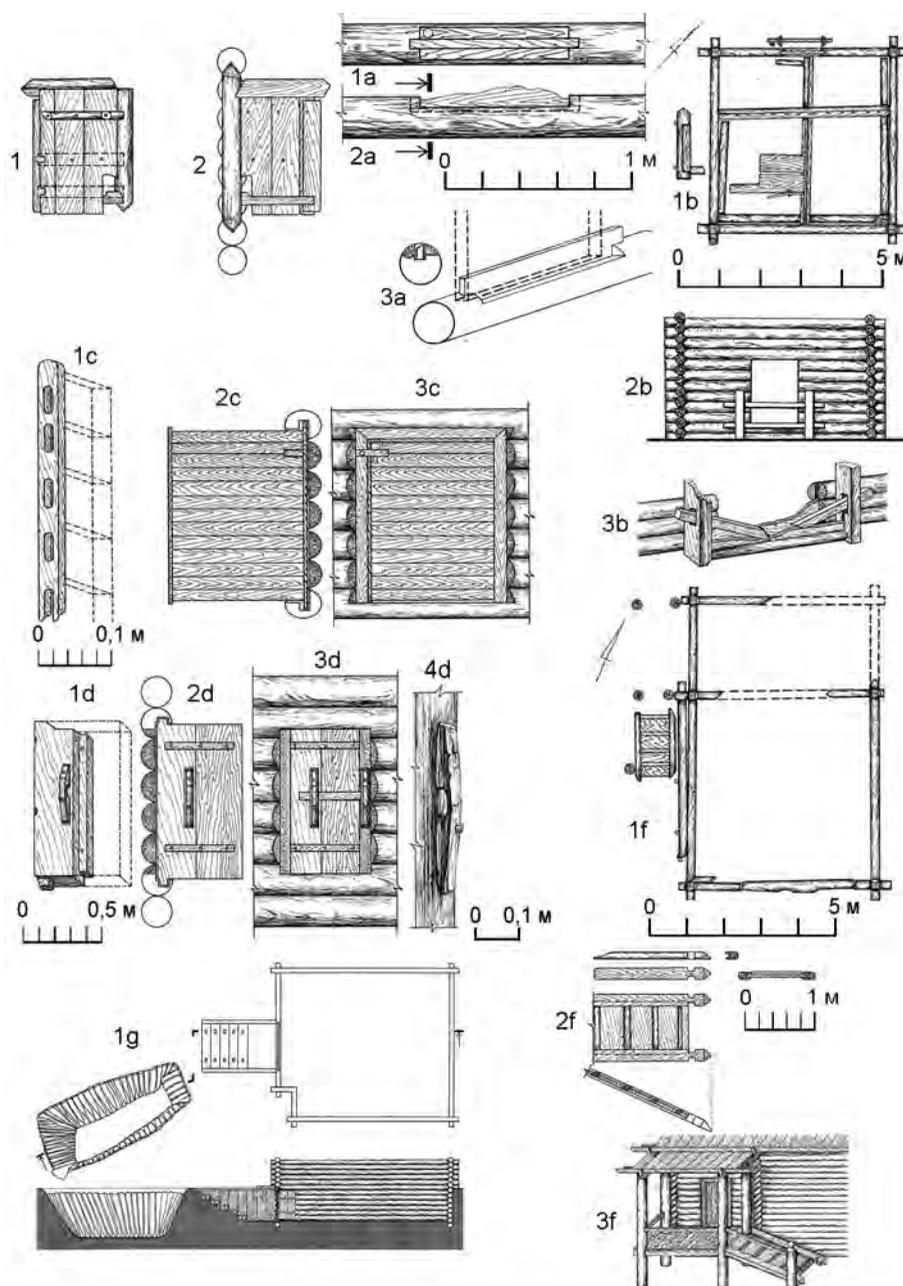

Рис. 7. Типы дверей, лестниц, входов

Применялись приемы, с помощью которых искусственно увеличивали длину бревна. Если это был нижний венец, колоды скрепляли с помощью двузубого паза, дополнительно укрепленного вбитыми в землю кольями. При удлинении колод в стене скрепление производилось с применением простого прямоугольного паза с деревянным шпунтом. В жилых срубах диаметр бревен составлял 18–30 см, в постройках хозяйственного назначения — 10–15 см.

Для стен практически всегда использовались только круглые окоркованные сосновые бревна. Зафиксирован лишь один пример, когда в срубе один венец по всему периметру был выполнен из окантованного восьмигранником дубового бревна.² Ель применялась преимущественно для верхних частей построек. Высота стен зависела от толщины колод, хозяйственные постройки имели высоту,

² При строительстве оборонных фортификаций Киева в первой половине XI в. в качестве внутренней конструкции земляного оборонного вала использовались только дубовые бревна, окантованные восьмигранником (см.: Сагайдак 1982).

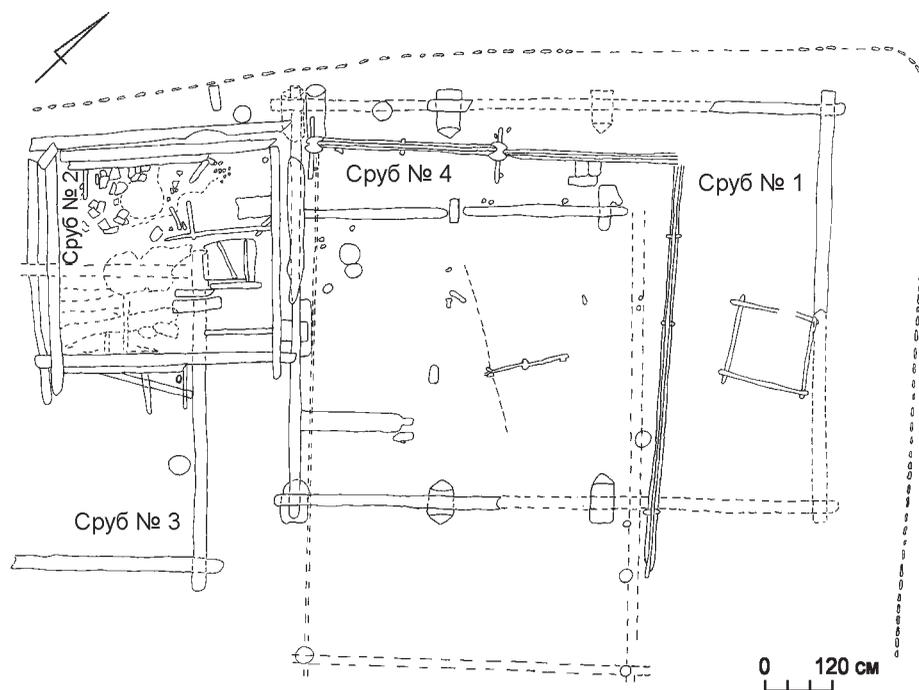

Рис. 8. План большой постройки, ул. Героев Триполья, 1972 г.

не превышавшую двух метров, одновременно жилые срубы, имеющие два функциональных яруса, т.е. подклет, могли достигать трехметровой высоты и более.

Категорическое утверждение об отсутствии глиняной обмазки на подольских срубах, прозвучавшее вскоре после их открытия, опровергается находками в культурном слое глиняных блоков, на которых сохранились отпечатки деревянных стен (Гупало 1981: 139).

Основная часть жилых построек имела полы, которые были сделаны из колотых довольно широких досок. Обычная ширина их составляет 20–40 см, толщина 4–5 см. В одних случаях полы прямо укладывались на земляную подсыпку (рис. 5: 5, 6). Половицы плотно подгонялись друг к другу, раскреплялись брусками и крепились при помощи деревянных колышков. Чаще пол настилался на лагах — переводинах. Сами лаги укладывались непосредственно на землю, в одних случаях, не скрепляясь со стенами (рис. 6: 6), либо врубались в венцы постройки (рис. 6: 6, 8). Глухая врубка встречается чаще, чем сквозная. Лаги иногда делили пространство внутри постройки на большую и меньшую части, соответственно использовались длинные и короткие доски. В квадратных в плане постройках лага укладывалась так, что разделяла их на две равные части. В переводинах выбирался продольный паз на высоту, соответствующую толщине края закладываемой доски. Иногда паз выбран только с одной стороны лаги. В подольских постройках встречена более архаичная форма укладки — без механической связи между полом и стеной (пол настилался прямо на землю), и развитая — пол был связан со стеной через половицы, которые крепились изнутри стены. Обычно лаги врубались в пазы в нижних венцах срубов. Доски пола, таким образом, оказывались между первым и вторым венцами стен. Наиболее совершенной была конструкция, примененная строителями сруба № 8 на участке Красная площадь (рис. 6: 4, 5). Половицы сруба были уложены параллельно длинной стене и крепились через вырубку, выходя за наружную часть стены под нижним венцом бревен стены. Доски пола, уложенные на лаги-половицы, также оказывались между первым и вторым венцами. Так создавалась прочная связь между полом и стенами, что эффективно сказывалось на эксплуатационных свойствах постройки.

Теперь остановимся на внутреннем пространстве подольских срубов. Как подчеркивают большинство исследователей, основные различия внутреннего пространства постройки почти всегда обусловлены взаимным расположением входа и печи. Однокамерные постройки составляли примерно половину из общего числа зарегистрированных срубов. Их площадь колеблется от 16,8 до 30,8 кв. м. К сожалению, в этом типе построек очень редко удается выявить «in situ» место входа. Из-за природных условий Подола его старались поднять как можно выше. Для определения места входа использовались косвенные данные: направленность досок пола, или переводин, характер планировки усадьбы, наличие улицы

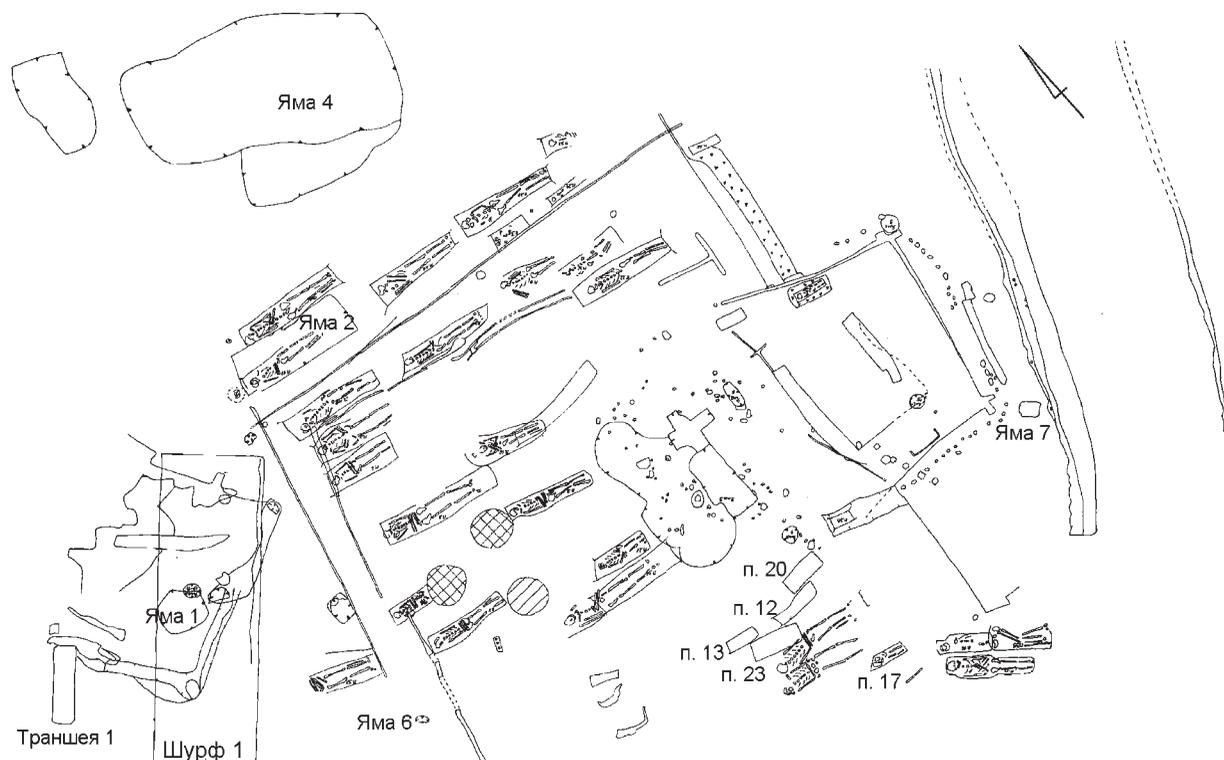

Рис. 9. План остатков деревянного христианского храма XII в. (ул. Межигорская, 3/7, 2003 г.)

или переулка и т.д. Выявлена закономерность — печи располагались в одном из ближайших углов от входа, причем, это наблюдалось в интерьерах однокамерных срубов и так называемых «пятистенках» (Гупало 1981: 142).

Этот тип построек имел внутреннюю, рубленую из бревен стенку, которая делила пространство на большую комнату (как правило, квадратную в плане) и меньшую. Правый от входа угол большей камеры служил для расположения печи. Это было круглое или овальное в плане глинобитное сооружение, от которого оставалась преимущественно нижняя часть — под, иногда остатки вертикально поднимавшихся стенок. Размеры внутреннего диаметра печей колеблются от 0,6 до 1,2 м, ширина устья составляет 30–40 см. Печь устанавливалась на песчаной подсыпке — «подушке» высотой 10–15 см. Далее выкладывалось основание, которое могло состоять из мелких камней, фрагментов, или даже целых кирпичей-плинф, битой керамики, впоследствии перекрывавшееся прослойкой из чистой глины толщиной в 3–5 см. По периметру подковообразного основания зачастую устанавливались деревянные прутья, служившие каркасом для набивания глины стенок печи. В некоторых отопительных сооружениях отмечено 4–5 слоев глиняной подмазки, зачастую в глину добавлялась мелко битая гончарная посуда, что свидетельствует о регулярных ремонтах печей.

Довольно редким типом, использовавшимся в подольских постройках, были печи, имевшие прямоугольный план (рис. 5: 5). Они были значительных размеров: в длину — более 2 м, при ширине — ок. 0,8 м. По углам прямоугольных развалов из испекшейся глины были обнаружены угловые деревянные толстые (до 10 см) столбы, которые дают основание говорить, что печи стояли на деревянном помосте, поднимавшемся над уровнем пола. Аналогичные по типу отопительные устройства были выявлены при раскопках древнего Новгорода (Засурцев 1963: 29). В верхней части глинобитных печей средневекового Киева устраивались глиняные жаровни. Целая жаровня была обнаружена при раскопках усадьбы на ул. Щекавицкой. Она имела прямоугольную форму размером 80 × 60 см, с бортиками высотой 4 см.

Наиболее распространенным является мнение, согласно которому большинство светских построек отапливалось способом, который называется «по-черному», т.е. дымоход в вышеописанных печах не применялся. Однако в одном случае на Подоле все же удалось выявить внутри сруба остатки глиняной трубы, которая могла служить дымоходом.

Местоположение печей, при котором устье всегда обращено к входу, дает основание предполагать, что настил пола примыкал торцевым участком к печи, а боковой стороной — к боковой стене сруба.

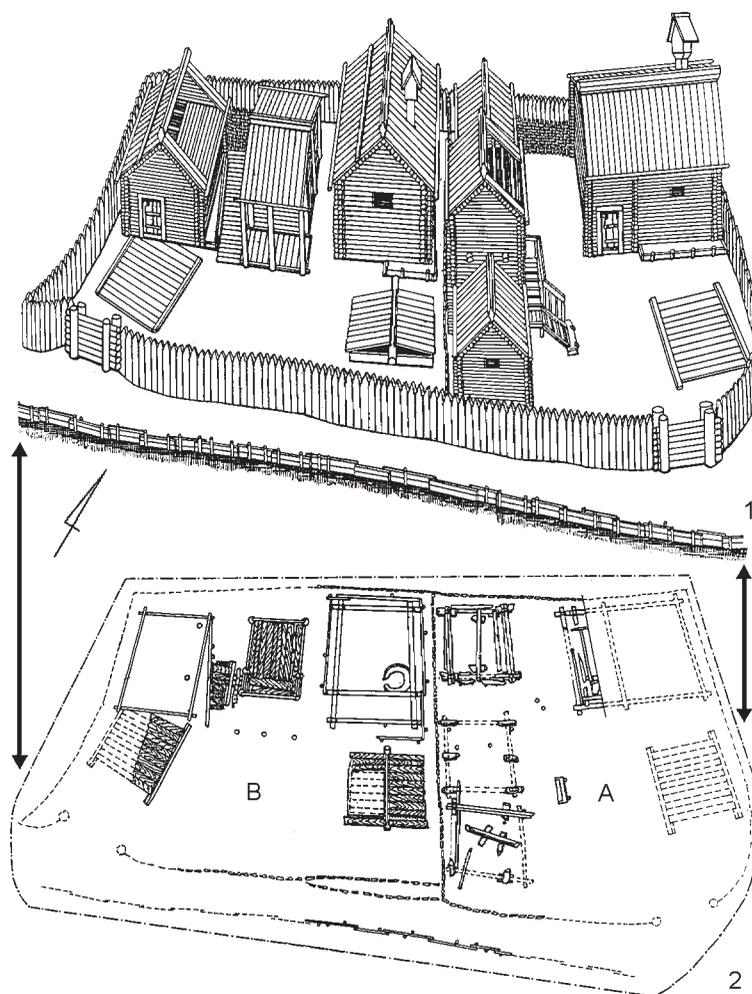

Рис. 10. План двух усадеб (А, В) (Житный рынок, 1973 г.) (2) и вариант авторской реконструкции усадебной застройки (1)

Эта конструктивная особенность устройства настилов имеет распространение в подольских срубах, причем использовалась и в «пятистенках» и в однокамерных срубах с печью. Исследователи находят ближайшие аналогии такого рода на синхронных по хронологии памятниках из западных регионов Киевской Руси (Засурцев 1963: 29).

В нескольких срубах, датированных XI в., печь ставилась в левом углу от предполагаемого входа в помещение «пятистенка» (сруб № 7, участок по ул. Волошская, 16), или же печное устройство размещалось в центральной части большой камеры сруба. В отдельных случаях место, где стояла печь, ограждалось досками, положенными на ребро и укрепленными кольями. Такая конструкция позволяла поднять «опечек» выше уровня пола и создавала необходимое пространство перед устьем, где мог быть установлен глиняно-деревянный короб, служивший дымоходом.

В процессе археологических раскопок в Киеве была получена информация и об устройстве входов в светские постройки. Жилой сруб-«пятистенок» имел, как правило, двое дверей. Первые устанавливались на стене малой камеры-сеней, выходящей во двор, причем они открывались вовнутрь, что было связано с необходимостью выхода из дома во время снежных заносов, а также после заносов сруба песком и глиной после паводка. С целью обезопасить жилище от природных стихий подольские строители старались поднять проем дверей. В большинстве случаев проемы выполнялись на уровне четвертого венца, хотя есть постройки, сохранившиеся на девять венцов, в которых отсутствует вход. Вторая дверь, ведущая из жилого помещения в сени, открывалась, как правило, наружу, что диктовалось соображениями пожарной безопасности.

Ширина дверных проемов составляла 0,65–0,78 м. В одних случаях, со стороны, куда открывалась дверь, делался продольный паз на четверть. Иногда продольный паз прорезался на всю ширину бревна. При этом приеме в пазу делался дополнительный (узкий) паз, предназначенный для установки тонкой, хорошо вытесанной доски, служившей упором дверного полотна. Ближе к краю паза вырубалось круглое

отверстие для установки шипа крепления двери (рис. 7: 1a, 2a, 3a). В этнографии такой прием установки двери называется «на пятке». Кроме широко используемой «пятки» киевские строители могли крепить двери к стене при помощи «хитроумных» деревянных подшипников. На это указывают торцевые плоскости дверного полотна, имеющие не круглый, а прямоугольный шип (рис. 7: 1d, 2d, 3d).

Еще один вариант крепления дверей удалось выявить при раскопках на Подоле. Как и в предыдущих вариантах, из широких, тесаных досок набиралось дверное полотно, которое скреплялось поперечными планками на деревянных гвоздях. Края этих планок выпускались в одну сторону и крепились с помощью таких же гвоздей к круглому бревну, идущему параллельно доскам. Нижний край круглого бревна обтесывался «на конус» и, таким образом, служил упором дверей и одновременно их поворотным элементом. Петли, крепившие полотно к одверинам или прямо к стене сруба, могли быть сделаны на краю поперечных планок (рис. 7: 1, 2). Материалы раскопок позволяют считать, что в Киеве изготавливали двери рамной конструкции (рис. 7: 1c, 2c, 3c).

Перед входом в постройку устраивались деревянная ступенька и навес, опирающийся на дополнительные столбы. Покрытие такого навеса, как и в целом всей крыши сруба, было сделано из теса. Конструкция покрытия, состоящая из дощатого настила, упиралась в плоскость доски, которая, в свою очередь, поддерживалась врубленными досками-кокошниками (Гупало 1981: 133).

В тех случаях, когда жилое пространство сруба было поднято на уровень четвертого венца и выше, применялась более сложная конструкция порога. Он мог состоять из настила, выполненного перед дверью на всю ширину стенки сеней. Вертикально вкопанные столбы служили опорой для порога и одновременно навеса над ним. К порогу примыкала деревянная лестница, упиравшаяся другим концом в землю. В срубе № 13, исследовавшемся на Житнеторгской площади, судя по наклону лестничного пандуса, дверь могла располагаться на высоте от 1,3 до 1,5 м. Здесь, при помощи целой системы вертикально вкопанных столбов у восточного фасада постройки, была устроена развитая галерея, примыкавшая к срубам с севера. Основой лестницы (места, где она упиралась в землю) служило горизонтально лежащее толстое бревно, которое фиксировалось деревянными кольями, вбитыми в землю. Крепление плоскости лестницы в бревне осуществлялось через два гнезда, куда вставлялись торцы брусьев, образующих наклонную плоскость от настила на уровне дверного проема по направлению к земле (рис. 7: 1f, 2f).

В.О. Харламов выполнил детальную реконструкцию этой части постройки (рис. 7: 3f). Согласно этой реконструкции, крыльцо имело навес, на что указывает система довольно толстых (20–25 см) столбов-стоек. Кровля крыльца, повторяющая угол наклона лестницы, примыкала к кровле галерей, расположенных у северной стены сруба. Галерея представляла собой крытую обходную площадку. В столбы-стойки врубались переводины пола (или «моста»), а сверху на стойки опирались конструкции тесовой кровли. К вертикальным столбам крепилось ограждение балюстрады (Харламов 1981: 137).

Срубные постройки Подола X–XI вв. состояли из трех основных частей: подклета, жилого яруса и чердака. В связи с этим возникала проблема устройства автономных входов в эти помещения. В 2003 г. на участке по ул. Хорива, 39, была обнаружена значительная по своим размерам срубная постройка. Удалось раскопать ее юго-восточный фасад, к которому примыкала лестница, опускающаяся в подклет. Пандус лестницы был устроен в специально выкопанном котловане глубиной 1,3 м. Стенки его были укреплены, положенными по длине бревнами-тесинами. Нижняя пара кантованных на квадрат тесин крепилась к земле при помощи специальных врезок через отверстия, в их центральной части. Указанные квадратные вырубki-чашки могли служить также для укладки переводин, служащих опорой настила, который не сохранился. Верхняя пара бревен лестницы была сделана из круглых бревен, которые были уложены прямо на дневной поверхности земли. Наружный конец бревен был перевязан бревном, уложенным поперек колод и скрепленным с ним врубленной «чашкой». Другим концом верхняя пара бревен была врублена в стену сруба (рис. 7: 1g).

Между нижней и верхней парой бревен были установлены на торец широкие доски, которые прижимались к земляным стенам и удерживали их от расползания. Сходни лестницы были выполнены из горбылей длиной 1,1 м, которые округлой частью опирались частично на землю, частично на вбитые под ними опоры-брусья. К земле сходни были прибиты деревянными квадратными по форме кольями-тиблями, пропущенными через пазы такой же формы. Перед входом на лестницу был выстлан настил из широких досок.

Массивная конструкция, добротная выполненная строителями, указывает на важное назначение указанного входа, ведущего в подклет постройки. Цокольное помещение, очевидно, являлось складом-хранилищем, на что указывает тот факт, что выход был сделан в ремесленную часть усадьбы, на которой

располагалось большое кожевенное производство, о чем свидетельствуют специальные деревянно-земляные чаны, располагавшиеся тут же.

Как свидетельствуют вышерассмотренные случаи, благоустройству входов в дом придавалось большое значение. Они дифференцированы по функциональному назначению: одним пользовались для выхода в центральную часть двора и дальше на улицу, другим — в «подклет».

Движение по пространству двора вокруг сруба организовывалось с помощью специальных галерей. К такого рода находкам исследователи подольских срубов относят столбовую конструкцию, обнаруженную в раскопе по ул. Героев Триполья (современная ул. Спасская) в 1972 г. (рис. 8). Направление последней восстанавливается по серии одинаковых толстых столбов (20 см), в каждом из которых были вырублены одинаковые по размерам вертикальные пазы. В нижнюю часть паза была пропущена балка (диаметр 8 см) с полукруглой выемкой в верхней части по всей окружности. Сверху балки конструкция забиралась колотыми досками, нижний край которых лежал в желобообразной балке, а торцы пропущались в упомянутые пазы столбов стоек. В верхней части досок стены были сделаны отверстия.

Постройка представляет особый интерес, во-первых, внушительными размерами — длина одной из стен которой составляла более 10 м, при ширине постройки более 6 м, а, во-вторых, является примером использования столбовой конструкции в сочетании со срубом. Все это может указывать на не совсем обычный характер ее функционального назначения. На это указывают также результаты новых раскопок Подольской археологической экспедиции (2003 г.). На расстоянии примерно до 15 м на север от первого раскопа, удалось выявить и исследовать остатки первого в истории археологических исследований древнерусского Киева деревянного христианского храма, постройка которого может быть датирована первой половиной XII в.

Размеры церкви составляли 11,23 x 12,35 м, она сохранилась на высоту от трех до пяти венцов (рис. 9). Диаметр колод отвечал подольскому стандарту — 20 см. Техника рубки стен постройки — «в обло» с выпуском венцов от замков до 20 см. Два нижних венца были опущены в котлован, выкопанный по периметру стен.

Конструктивные особенности большого сруба связаны с наличием выступа, врубленного по центру восточного прясла стены, внешняя часть которой дополнительно была укреплена приставным плетнем круглой формы, укрепленным глиняной обмазкой. Размеры выступа: 2,1 x 1,7 x 1,8 м. Этот выступ отделялся от основного внутреннего пространства перемышкой, не перевязанной со стенами выступа. Брус основания перегородки был опущен в углубление. На расстоянии 0,7 м от перегородки по центральной широтной оси постройки удалось проследить крестообразное углубление 0,65 x 0,70 м с остатками древесного тлена. В западной стене обнаружен проем входа в виде вырубki в бревне и двух столбовых опор большого диаметра. Ширина прохода составляла 0,83 м. В этой же западной части постройки были раскопаны 15 безынвентарных погребений в деревянных колодах, которые залегали тремя ярусами. Погребения ориентированы по оси восток—запад; положение — на спине, руки сложены крест-накрест на уровне груди. Захоронения такого же характера, в том числе и детские, размещались за пределами церкви, вдоль южной и северной стен. Комплекс находок, в который входили части бронзового паникадила, так называемые бронзовые «застежки книг», массивный дверной замок и т.д. вместе с такими конструктивными особенностями как выступ восточного прясла стены, мощные столбы у западного выхода и наличие места, где могла стоять купель, показывает, что это мог быть христианский деревянный храм.

Таким образом, большая срубная постройка с галереями с двух сторон, датируемая серединой X в., предшествовавшая на подольской усадьбе храму, не могла быть обычной, рядовой постройкой усадьбы. Она явно претендует на нечто большее. Возможно, она также была связана с отправлением культов.

Заметим в этой связи, что в городах Северной Европы в состав усадебно-дворовой застройки входили специальные церемониальные залы, в которых могли отправляться культы и совершаться традиционные обряды. Деревянный зал как репрезентативная часть усадьбы вместе с жилой зоной, куда входила кухня, мастерские и склады, являлись основной составляющей городских усадеб таких городов Северной Европы, как Тронхейм, Осло, Сигтуна и т.д. Подольская постройка была возведена в срубной технике возведения основных стен, и только обходная галерея была создана посредством столбовой конструкции, весьма схожей с существовавшими в Скандинавии. Зал стоит плотно прижатым к той части усадьбы, которая граничит с улицей, ведущей в сторону Днепра, чем создавалось свободное внутреннее пространство двора. Это наблюдение приложимо и к открытому деревянному христианскому храму, который по своей планиграфии в структуре застройки усадьбы может быть признан приходской церковью (Zotsenko 2006: 3413–3427).

На Житнеторгской площади Подола, располагавшейся у самого подножья Замковой горы, были раскопаны остатки целого городского квартала, состоявшего из усадеб, которые были обозначены буквами А, В и С. Наиболее полно была изучена усадьба В, жизнь на которой прослеживается на трех горизонтах бытования общей хронологией в 129 лет (887–1116 гг.). Границы усадьбы практически не изменились, как и площадь, которая составила 375 м². С трех сторон усадьба соседствовала с примыкающими к ней аналогичными усадьбами, а юго-восточной стороной примыкала к ручью, протекавшему в сторону Днепра из Кожемяцкого и Глубочицкого оврагов. Она представляла собой типичную для Подола усадьбу, в которой отразились наиболее характерные черты гражданского строительства X–XI вв. Постройки, а их вместе с погребом насчитывалось четыре, размещались по периметру усадьбы. Жилой сруб располагался в северном углу усадьбы, примыкая к забору. Ворота находились в южном углу усадьбы, по диагонали от жилища. Въезд на усадьбу был устроен в виде настила на двух параллельных лагах, заканчивавшегося у входа в большую срубную постройку, которая располагалась в западном углу усадьбы напротив ворот. Центральная часть усадьбы оставалась свободной от застройки и представляла открытый двор. С юго-западной стороны усадьба соседствовала с усадьбой А, чуть меньшей по площади. С юга ее естественной границей служила береговая линия небольшой речки, с северо-запада и юго-запада она была ограждена заборами. Назначение построек на усадьбе показывает, что прилегающая к ручью часть усадьбы выполняла парадную функцию (чистый или «белый» двор), а другая — хозяйственную функцию. В результате археологических исследований ученые получили возможность осуществить архитектурную реконструкцию изучаемых памятников (рис. 10) (Sagaydak 2006: 2775).

Попробуем подвести некоторый итог. Срубная конструкция приходит в Среднее Приднепровье вместе с возникновением городского образа жизни. Изначально это — простейшая подквадратная, а к XI в. прямоугольная постройка из круглых бревен, уложенных одно на другое и соединенных на концах вырубками. Древнейшим и наиболее распространенным ее способом является круглая с чашей в нижнем бревне, позволявшая соединять бревна под прямым углом.

Развитие конструкции жилого сруба шло по линии превращения квадратного сооружения в двухкамерный «пятистенок». Древнейшие срубы Киевского Подола (IX–X вв.) сделаны, как будто, по индивидуальному заказу: используются массивные бревна, тщательно подобранные по толщине и длине. Их диаметр зачастую превышает 20–25 см, фундаментные подкладки — до 40 см представляют собой толстые колотые доски (до 6 см), используемые для настила пола. И хотя все элементы конструкции обрабатываются очень тщательно, исправлялись малейшие просчеты, а постройки получались прочными, они выглядели чрезмерно массивными для своих размеров. Значительно гармоничнее по своим пропорциям были постройки больших размеров, открытые на Подоле лишь однажды. По своему типу сооружение напоминает так называемые «нефные» или зальные сооружения. Стена галерей выполнялась из досок, уложенных одна на другую и вставленных в вертикально вырезанный паз в столбах, которые устанавливались параллельно срубной стене.

Строители размещали постройки по периметру усадьбы, стараясь как можно ближе поставить их к линии забора. Все перечисленные особенности наиболее раннего этапа развития киевской деревянной архитектуры, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что эта архитектура переживала этап ученичества. К началу XI в. картина меняется. Появляется устойчивый тип жилища, который постепенно становится массовым. Возникает оптимальное соотношение всех размеров постройки. Можно говорить о единстве функционального назначения срубной конструкции и ее архитектуры. Основной постройкой этого этапа являлся двухкамерный сруб-«пятистенок». Обязательным элементом установки жилого сруба становится специально подготовленная площадка, укрепленная деревянной обноской. Пропорции сруба вытягиваются, начинают использоваться более тонкие и длинные бревна. Чашка вырубается более глубокая, практически на полную толщину бревна, так что плотность прилегания бревен друг к другу увеличивается. Перегородка разделяет прямоугольный сруб на большую (квадратную) клеть и малую камеру. В первой клетке, теплой, в одном из углов, а иногда и в центре, ставится печь, обязательно настиляется дощатый пол, вторая, холодная, камера, куда ведет входная дверь, носит вспомогательный характер. Иногда со стороны малой камеры добавляют приставную клеть.

Таким образом, развитие деревянной гражданской архитектуры Киева, пусть и происходившее путем заимствования срубной конструкции, нельзя назвать простым подражанием. Скорее это можно считать поиском и усвоением необходимых форм и профессиональных навыков. Постепенно такие формы были найдены, и архитектура обрела необходимую гармоничность и легкость. Этому способствовала выработка оригинальных форм, которые стали создаваться с высоким уровнем стандартизации.

Архитектура самым тесным образом связана с жизнью. На нее влияют самые различные факторы (социальные, экономические, научные, технические, этнические), но определить четко, что прежде всего повлияло на выбор тех или других архитектурных форм, не всегда просто. Являясь памятниками определенной исторической эпохи, архитектурные сооружения несут на себе печать этих эпох. Условия возникновения той или иной архитектуры могут быть различными, но с момента своего возникновения архитектура становится самостоятельным организмом, продолжающим свою жизнь за пределами эпохи, в которой она родилась. Это чрезвычайно важное обстоятельство, которое позволяет понять более основательно развитие славянской деревянной архитектуры. Прежде чем превратиться в составную часть традиционной культуры, которую в основном интерпретируют как сельскую, деревянная архитектура прошла достаточно долгий путь, связанный со становлением и развитием восточнославянского города.

Не вызывает сомнения, что городская застройка киевского Подола с самого своего начала обладала устойчивой традицией, связанной с размещением построек по периметру двора. На данный момент сложно сказать, откуда в Среднем Поднепровье во второй половине IX в. появляется столь хорошо развитый способ деревянного строительства, поскольку предыдущие археологические культуры, бытовавшие в этом регионе на протяжении VII–VIII вв., не обладали им в такой высокоразвитой степени. Легкость, с которой новый способ внедрился в застройку города, показывает, что на протяжении IX–X вв. здесь формируется новая культура, способная к быстрому освоению и распространению новых тенденций.

Литература

- Боровський, Калюк 1993 — *Боровський Я.Е., Калюк О.П.* Дослідження київського дитинця // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984–1989 рр. Київ, 1993.
- Гупало 1981 — *Гупало К.Н.* Деревянные постройки древнекиевского Подола // Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981.
- Засурцев 1963 — *Засурцев П.И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. № 123. 1963.
- Корзухина 1956 — *Корзухина Г.Ф.* Новые данные о раскопках В.В. Хвойко // СА. Т. XXV. 1956.
- Сагайдак 1982 — *Сагайдак М.А.* Великий город Ярослава. Киев, 1982.
- Сагайдак, Тимошук 2002 — *Сагайдак М. А., Тимошук В.Н.* Отчет Подольской экспедиции ИА НАНУ об археологических исследованиях по адресу: Ярославский переулок, 4 в 2002 г. // А ИА НАНУ, 2002.
- Сагайдак 2001 — *Сагайдак М.А.* Актуальны питання зародження та формування раннього Києва // Магістеріум. Вып. 6. Київ, 2001.
- Харламов 1981 — *Харламов В.А.* Массовая городская застройка Киева X–XIII вв. // Новое в археологии Киева. Киев, 1981.
- Хвойко 1913 — *Хвойко В.* Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913.
- Mühle 1986 — *Mühle E.* Die Antänge Kievs (bis ca 980) in archäologischer Sicht // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 35. 1986.
- Sagaydak 2006 — *Sagaydak M.* Building Archaeology of the 10th — 11th Century Kyivan Rus' Town // Proceedings of the Second International Congress on Construction History. V. 3. London, 2006.
- Sahajdak 2007 — *Sahajdak M.* Some Contested Questsons of the Historical Topography in Early Medieval Kiev // Cultural interaction between east and west. Archaeology, artifacts, and human contacts in northern Europe. Stockholm, 2007.
- Zotsenko 2006 — *Zotsenko V.* A Wooden Church of the Twelfth Century in Podil // Proceedings of the Second International Congress on Construction History. V. 3. London, 2006.

Я.В. Френкель (Санкт-Петербург)

БОРЬБА ЗА КУРГАН № 7 СКАНДИНАВСКОГО МОГИЛЬНИКА ПЛАКУН (о датировке кургана и о синхронизации его с культурными напластованиями Земляного городища Старой Ладogi)

1. Введение

В 2008 г. исполнилось 105 лет с начала археологических раскопок скандинавского курганного могильника «Плакун». Первый курган был раскопан еще Н.И. Репниковым в 1903 г. Позднее могильник исследовался Староладожской экспедицией В.И. Равдоникаса (1940), Невской экспедицией Н.Н. Гуриной (1952), Староладожскими отрядами Г.Ф. Корзухиной (1968) и В.А. Назаренко (1971).

Могильник расположен на правом берегу Волхова, на низкой надпойменной террасе, в урочище Плакун (территория бывших деревень Нижнее Подтыкалово и Малое Чернавино). Сегодня площадь могильника застроена домами современной деревни Чернавино. Сравнительно раннее признание могильника Плакун скандинавским некрополем (Равдоникас 1945: 40–41) определило интерес к этому археологическому памятнику. Тем не менее, аналитических работ о самом могильнике издано сравнительно немного. Материалы могильника были опубликованы В.А. Назаренко (Назаренко 1985: 156–169). В 2002 г. К.А. Михайлов изложил свои представления о топографии и хронологии могильника (Михайлов 2002: 63–68). Есть несколько публикаций об отдельных курганах (Корзухина 1971а: 123–132, 1971б: 59–64; Михайлов 1996: 52–60; Назаренко 1997: 91–95; Френкель 2008: 228–252).

Одним из наиболее ранних курганов могильника признан курган № 7. Его ранняя датировка была предложена в работах Г.Ф. Корзухиной (Корзухина 1971а: 123–132; Корзухина 1971б: 59–64). Г.Ф. Корзухина отмечала, что «кроме кургана №7, вещевой материал могильника поддается датировке плохо» (Корзухина 1971а: 64).

2. Существующие даты кургана № 7 и их соотношение со стратиграфической колонкой Земляного городища (историографический обзор)

Научная дискуссия о хронологической индикации кургана № 7 не прекращается уже четвертое десятилетие. Курган начал раскапываться в 1940 г. экспедицией В.И. Равдоникаса, но не был тогда докопан. Основная работа была проведена экспедицией Н.Н. Гуриной и Г.П. Гроздилова в 1952 г. (рис. 1)¹. Публикация материалов раскопок кургана произошла спустя 19 лет (Корзухина 1971а: 123–132, 1971б: 59–64). Рассмотрим, какие даты для этого кургана предлагались в литературе.²

Г.Ф. Корзухина датирует курган № 7 IX веком (Корзухина 1971а: 130; 1971б: 63). Тогда же формулируется осторожное предположение, что, возможно, речь

¹ Выражаю сердечную благодарность сотрудникам Научного архива ИИМК РАН Н.А. Лазаревской и М.В. Медведевой за помощь в подборе фотоиллюстраций.

² Сразу подчеркнем, что предлагаемая работа сфокусирована не на утверждениях, а на доказательствах. Мы будем рассматривать лишь те исследования, в которых предлагаемая дата кургана № 7 авторски обосновывается. Работы, в которых даты кургана приводятся без какой-либо авторской аргументации, будут игнорироваться.

идет о первой половине названного столетия. Отметим, что возможность сужения даты кургана до первой половины IX в. Г.Ф. Корзухина обозначила подчеркнуто предположительно.³

В работе 1980 г. А.Н. Кирпичников проверил выкладки Г.Ф. Корзухиной о кургане № 7 и обнаружил, что предложенная в 1971 г. дата кургана неоправданно удревнена и сужена (Кирпичников 1980: 450). В 1980-е гг., начиная с работы А.Н. Кирпичникова (Кирпичников 1980: 441–455), в археологической литературе наметилась тенденция к омоложению нижней даты могильника Плакун по сравнению с работами 1960-х — 1970-х гг. (литературу см.: Михайлов 2002: 63). Датировки приводились для могильника в целом, без оригинальной аргументации, иногда в одной констатирующей фразе (напр., Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 194).

В 1992–1993 гг. О.И. Богуславский и А.Д. Мачинская скорректировали существовавшую датировку кургана № 7 в сторону омолаживания (Богуславский 1992: 146–148; Богуславский, Мачинская 1993: 120). Исследователями назывался интервал от 860-х до 890-х гг.⁴ Эта научная позиция в работах О.И. Богуславского оказалась устойчивой (см., напр., Богуславский 2006: 25).

Напротив, позиция К.А. Михайлова по вопросу о дате кургана № 7 от публикации к публикации изменялась. В 1996 г. исследователь связывает курган № 7 с IX в. (Михайлов 1996: 56). В 2002 г. К.А. Михайлов пытается «затянуть» этот курган в X в. (Михайлов 2002: 65, 67), но в следующем 2003 г. исследователь отказывается от своих прежних хронологических выкладок и возвращается к датировке первых курганов (в т.ч. и кургана № 7) концом IX в. (Михайлов 2003: 155, 158).

В 2007 г. А.В. Плохов на основании распределения в культурных напластованиях Земляного городища «татингской» керамики, найденной в кургане № 7, допустил более позднюю датировку 7-го кургана (Плохов 2007: 24–25). Однако исследователь воздержался от приведения какой-либо конкретной даты кургана, осторожно ограничившись подтверждением возможности его более поздней датировки.⁵

Наконец, в работе 2008 г. благодаря датирующему потенциалу стеклянных бус, нам удалось «зажать» хронологию кургана № 7 в 20-летний интервал 880-х — 890-х гг. (Френкель 2008: 228–252). Однако при этом выявились технические затруднения, проявляющиеся при сопоставления Волховской и Северо-европейской хронологических шкал.

Находящийся на правом берегу р. Волхов могильник Плакун расположен напротив левобережного ладожского средневекового поселения, чуть севернее Земляного городища. Закономерным является проблема хронологического соотношения курганов могильника и культурных напластований городища. Г.Ф. Корзухина писала, что курган № 7 синхронен постройкам горизонта E_2 (Корзухина 1971а: 131; Корзухина 1971б: 64). В свою очередь горизонт E_2 датировался Г.Ф. Корзухиной первой половиной IX в. (Корзухина 1961: 83–84; Львова⁶ 1968: 65; ссылка 7; Корзухина 1971а: 126–127). В прочих названных работах датировка кургана № 7 проводилась в рамках хронологического интервала, отвечающего горизонту E_1 Земляного городища. Согласно выкладкам Н.Б. Черных, хронологические границы этого горизонта определяются, как вторая половина 60-х гг. IX в. — конец 20-х гг. X в. (Черных 1996: 113). Дата кургана, определяемая разными исследователями, «плавала» в пределах этих 65 лет, локализуясь с разной степенью надежности то в первой половине, то в середине, то ближе к концу данного интервала.

3. Основания хронологических выкладок (историографический обзор)

Не подлежит сомнению, что научная полемика — это «сопоставление аргументов, а не тезисов» (Панеях 2005: 99). В силу этого, наиболее важным является анализ аргументации, используемой исследователями при той или иной хронологической индикации. Позволим себе еще одну пространную цитату. В статье «Река времени» М.Б. Щукин писал: «Опыт работы с европейскими археологическими системами учит двум вещам: во-первых, не смешивать процедуру установления относительной хронологии с определениями абсолютных дат. Это две разные процедуры. Во-вторых, занимаясь последними, очевидно, нужно стараться добраться до первоисточника, выяснить, на каких основаниях базируются абсолютные даты импортных сосудов и других вещей, служащих нам реперами абсолютной хронологии.

³ Иногда при ссылках на работы Г.Ф. Корзухиной эта предположительность опускается (Давидан 1971: 136; Лебедев 1974: 179). И.В. Дубов и В.А. Назаренко, напротив, предельно точно передают позицию Г.Ф. Корзухиной (Дубов 1976: 85; Дубов 1997: 186; Назаренко 1985: 157, 165; Назаренко 1997: 91).

⁴ По логике работы О.И. Богуславского и А.Д. Мачинской, встречающиеся в тексте статей этих авторов хронологические интервалы, обозначающиеся, как 860–890-е гг., следует понимать, как 860-е — 890-е гг. Благодаря О.И. Богуславского за устную консультацию по данному вопросу.

⁵ См. также статью М.А. Кульковой и А.В. Плохова в настоящем сборнике. — *Ред.*

⁶ В работе 1968 г. З.А. Львова ссылается на рукопись Г.Ф. Корзухиной.

Рис. 1. Старая Ладога. Урочище Плакун. Сезон 1952 г. Раскопки кургана № 7 (ФА НА ИИМК РАН, к. 379.20)

Невзирая на авторитет установивших эти даты исследователей — и авторитеты могут ошибаться и быть не совсем точными. Понятно, что это и трудоемко, и не всегда доступно, но в идеале — необходимо. Только так можно создать более или менее объективную картину» (Щукин 2004: 273).

Исследователи не всегда развернуто публикуют логическую схему, следуя которой приходят к своим выводам. В этой ситуации приходится реконструировать такую схему, повторяя проделанные выкладки. Хотя реконструкция логики рассуждений исследователя, непосредственно не изложенной в публикациях, является неблагодарным делом, но при грамотно организованном ссылочном аппарате она возможна.

А. Выкладки Г.Ф. Корзухиной

Датировка кургана № 7 приведена в двух статьях Г.Ф. Корзухиной (Корзухина 1971а; 1971б). В статье, опубликованной в «Скандинавском сборнике XVI» (Корзухина 1971а), исследовательница полемизирует с В.И. Равдоникасом и некоторыми другими авторами о датировке горизонтов Е Земляного городища, и о времени появления и характере проживания в Ладоге скандинавов. Обряд и датировка кургана № 7 являются важными аргументами Г.Ф. Корзухиной в этой полемике. По этой причине раздел о кургане № 7 в статье занимает заметное место. В этом разделе приведен развернутый хронологический анализ найденных в кургане № 7 вещей, которые Г.Ф. Корзухина считала хронологически чувствительными. Статья, опубликованная в КСИА №125 (Корзухина 1971б), целиком посвящена кургану № 7 и в значительной степени дублирует соответствующий раздел статьи (Корзухина 1971а). Однако в новой статье курган № 7 рассматривается более подробно.

Дата кургана № 7 (IX в.), приведенная в названных работах, базировалась на датировке по северо-европейским аналогиям следующих двух хронологических индикаторов (далее «ХИ») (рис. 2):

ХИ-1: «Татингская» керамика;⁷

ХИ-2: Бусы «из рубчатой проволоки».

Синхронизация кургана № 7 именно с горизонтом E_2 получилась у Г.Ф. Корзухиной как следствие более общих выкладок, касающихся хронологии горизонтов Е (Корзухина 1971а: 124–127). Сначала была обозначена стратиграфическая приуроченность известной формочки для отливки трехрогой лунницы (на дате которой В.И. Равдоникас строил раннюю датировку Ладоги) не к древнейшему горизонту E_3 , а к горизонту E_2 (Корзухина 1971а: 124). Датировка горизонта E_3 при этом омолаживалась с VII в. до VIII в.

⁷ В работах Г.Ф. Корзухиной речь идет о разновидности «татингской» керамики, иногда называемой «фризскими кувшинами». Подробнее см.: Плохов 2007: 26–28.

Отмечалась находка в культурных напластованиях горизонта E_2 деревянной палочки с рунами (Корзухина 1971а: 126). Потом демонстрировалось, что датировка оппонентами Г.Ф. Корзухиной горизонта E_2 концом VIII — началом IX в. приводит к противоречию, возникающему при сопоставлении имеющихся датировок ладожской и шведских рунических надписей. Далее датировка ладожской рунической надписи перемещалась из конца VIII — начала IX в. в первую половину IX в. Такая корректировка следовала из опубликованной ранее датировки Г.Ф. Корзухиной горизонта E_2 первой половиной IX в.⁸ После этого демонстрировалось, что такая передатировка снимает противоречие, возникавшее при сопоставлении ладожской и шведских рунических надписей (Корзухина 1971а: 127).

В своих выкладках Г.Ф. Корзухина соглашалась с Г.П. Гроздиловым, что горизонт E_1 (перекрывающий горизонт E_2) локализуется во второй половине IX в. и отвечает непродолжительному промежутку времени (Корзухина 1961: 83). Важное место для определения датировки горизонта E_1 в выкладках Г.Ф. Корзухиной занимала дата младшей монеты найденного на городище клада 1938 г.

Сделаем короткое отступление. В силу историографического недоразумения дата младшей монеты клада 1938 г. в литературе долго обозначалась как 860 г. (Корзухина 1961: 82; Давидан 1976: 115).⁹ Общепринятая неверная дата, в свою очередь, при сравнительной малочисленности на том этапе исследования надежных хронологических индикаторов, приводила к хронологическому «перекосу» в датировке стратиграфических горизонтов Земляного городища. Если о датировке горизонта E_2 в литературе существовали разные точки зрения (конец VIII — начало IX в. или первая половина IX в., см. выше), то датировка горизонта E_1 согласно определялась как кратковременный эпизод второй половины IX в.

Существует полемика о нижней дате горизонта Д. В этом вопросе позиции Г.Ф. Корзухиной и О.И. Давидан заметно расходились. Г.Ф. Корзухина разделяла, скорее, позицию своего оппонента В.И. Равдоникаса, говоря о рубеже IX/X вв. (Корзухина 1971б: 63; Корзухина 1973: 35). О.И. Давидан считала возможным на основании, как теперь очевидно, ошибочной нумизматической даты датировать горизонт E_1 третей четвертью IX в. — с соответствующим удревнением горизонта Д (Давидан 1976: 115). Данная полемика прекратилась только после публикации дендродат раскопок Е.А. Рябинина (Рябинин 1985: 27–75, Черных 1985: 76–80). Заметим, что двусмысленность в вопросе о нижней дате горизонта Д продолжает сохраняться (см. Френкель 2008: 228–252).

Нельзя не отметить некоторые противоречия и в позиции Г.Ф. Корзухиной о хронологической протяженности горизонта E_1 , определяемого как «кратковременный». Если, согласно Г.Ф. Корзухиной, горизонт E_2 датируется первой половиной IX в., а горизонт Д отсчитывается от рубежа IX/X вв., то горизонт E_1 никак не получается «кратковременным». Тем не менее, даты, обозначенные Г.Ф. Корзухиной в работах 1971 г., были заметным шагом вперед в изучении хронологии раннесредневековой Ладоги. Сама Г.Ф. Корзухина осознавала переход этого историографического рубикона «1971 года». В своей работе исследователь прямо пишет об этом: «Указанные здесь даты несколько расходятся с датировками культурных напластований Ладоги, принятыми в литературе, но, на мой взгляд, несколько заниженными. Развернутое обоснование здесь не может быть дано из-за отсутствия места» (Корзухина 1971б: 63, прим. 18). В другой работе 1971 г. полемика со сторонниками хронологии В.И. Равдоникаса звучит очень жестко (Корзухина 1971а: 124–128).

Вернемся к работам Г.Ф. Корзухиной 1971 г. Отметив наличие «в толще Е» предметов скандинавского происхождения, Г.Ф. Корзухина переходит к североевропейским аналогиям находок из кургана № 7. Здесь она обозначает даты хронологических индикаторов: ХИ-1 — IX в., ХИ-2 (в поддающихся датировке комплексах) — тоже IX в. (напр.: Корзухина 1971а: 128–131). При этом, в передаче Г.Ф. Корзухиной, датировка ХИ-1 некоторыми североевропейскими учеными¹⁰ сужалась до первой половины IX в. (Корзухина 1971а: 130, Корзухина 1971б, 63; ср. Плохов 2007: 35). Отсюда у Г.Ф. Корзухиной и получалась возможность синхронизации кургана № 7 в рамках IX в. именно с горизонтом E_2 , датирующимся, согласно ее выкладкам, также первой половиной этого столетия.

⁸ В работе 1961 г. Г.Ф. Корзухина датировала горизонт E_2 первой половиной IX в. (Корзухина 1961: 76–84), и в тексте статей 1971 г. ссылается на эту работу (Корзухина 1971а: 125, прим. 11; Корзухина 1971б: 63, прим. 18).

⁹ Е.Н. Носову удалось показать, что в действительности младшая монета клада датируется 847 г. (Носов 1976: 100, 100–102, прим. 23; Кирпичников 1995: 38).

¹⁰ Речь идет о работах Д. Селлинг и Г. Янкуна. Обратившись к первоисточникам, А.В. Плохов первым отметил, что в упомянутых работах датировка «фризской» керамики относится не к первой половине IX в., как у Г.Ф. Корзухиной, а ко второй–третьей четверти этого столетия (Плохов 2007: 35).

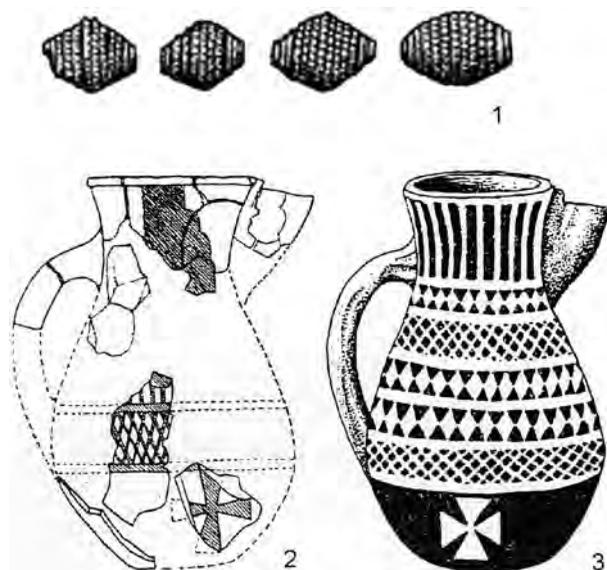

Рис. 2. Хронологические индикаторы, использованные Г.Ф. Корзухиной: 1 — бусы из рубчатой проволоки (ХИ-2), могильник Плакун, курган № 7 (по: Корзухина 1971а: рис. 17); 2, 3 — «татингская» («фризская») керамика (ХИ-1): 2 — Плакун, курган № 7 (реконструкция Г.Ф. Корзухиной); 3 — Бирка, погребение № 551 (по: Корзухина 1971а: рис. 1)

Итак, синхронизация кургана № 7 и культурных напластований Земляного городища проведена Г.Ф. Корзухиной по такой схеме. Считается, что норманнские древности в подавляющем большинстве попадают в культурные напластования горизонта Д. Но такие древности попадают и в культурный слой толщи Е (горизонтах E_{1-3}). Из горизонтов толщи Е IX в. датируются горизонты E_{1-2} . Горизонт E_1 — это кратковременный эпизод. Горизонт E_2 датируется первой половиной IX в. Курган № 7 датируется IX в., может быть, первой его половиной. Значит, скорее всего курган № 7 синхронен горизонту E_2 .¹¹ Такая синхронизация — приблизительная, «на общих основаниях»: ведь в рамках этой логики возможна и синхронизация с горизонтом E_1 , и даже с нижней частью отложений горизонта Д, если учитывать существовавшую к 1971 г. полемику о нижней дате этого горизонта (см. выше).¹²

Тут следует сделать немаловажное замечание. Г.Ф. Корзухина, говоря о дате бус из рубчатой проволоки (ХИ-2 наших обозначений) в североамериканских комплексах, подчеркивает, что когда комплексы с такими бусами поддаются датировке, они датируются IX в. (Корзухина 1971а: 130; Корзухина 1971б: 62). Однако если сравнить посвященные рубчатым бусам разделы текста этих во многом дублирующих друг друга статей Г.Ф. Корзухиной, то обнаруживается некоторое разночтение. В статье, опубликованной в «Скандинавском сборнике», в разделе о комплексах, поддающихся датировке, Г.Ф. Корзухина пишет о бусах из рубчатой *серебряной* (здесь и ниже выделено нами. — Я. Ф.) проволоки (Корзухина 1971а: 130). В другой статье материал бус обозначается более осторожно: «...бусы особого типа, биконические, свитые из рубчатой серебряной (*редко — бронзовой*) проволоки», «...когда комплексы с *проволочными* бусами поддаются датировке...» (Корзухина 1971б: 62). При этом комплексы с бусами из рубчатой проволоки в обеих статьях перечислены одинаковые: погребения на о-вах Эланд (рис. 3), Адельсё, Аландских о-вах и в некрополе Бирки.¹³ Получается, что Г.Ф. Корзухина одни и те же бусы обозначает то как серебряные, то как бронзовые (ср. Arwidsson 1989: 51). К сожалению, перечень «поддающихся датировке» комплексов не приводится в обеих работах.

Ненадолго отойдем непосредственно от ладожской тематики. В 1973 г. был исследован курган № 95 Тимерёвского могильника (Дубов 1976: 82–86). В инвентаре погребения 2 этого кургана были обнаружены бусы из рубчатой серебряной проволоки (Дубов 1976: рис. 2: 1, 4), т.е. ХИ-2. В работе 1976 г., сообщающей о результатах этих раскопок, В.И. Дубов ссылается на экспертную оценку Г.Ф. Корзухиной следующим образом: «Курганы с аналогичными бусами на территории Скандинавии, как отмечает

¹¹ Интересно, что Г.Ф. Корзухина мельком отметила, что курган № 7 был насыпан, когда постройки горизонта E_2 уже стояли на городище (Корзухина 1971а: 131), т.е. не в самом начале хронологического интервала, отвечавшего этому горизонту.

¹² Похоже, Г.Ф. Корзухина отдавала себе отчет в некоторой шаткости своих построений. Отчасти противореча самой себе, но в соответствии с логикой датирования (см. выше) в работах 1971 г. она дважды, как бы мельком, относит горизонт E_2 к IX в., а не к первой его половине (Корзухина 1971а: 124; Корзухина 1971б: 64).

¹³ Следует признать, что в нашей работе (Френкель 2008) данный аспект был не замечен, и соответствующие разделы статей Г.Ф. Корзухиной 1971 г. ошибочно обозначены как идентичные.

Г.Ф. Корзухина, датируются IX–X вв., или, там, где возможна более узкая датировка — IX в.» (Дубов 1976: 85). При этом В.И. Дубов (Дубов 1976: прим. 15) ссылается на страницу 63 работы Г.Ф. Корзухиной 1971 г., опубликованной в КСИА (см.: Корзухина 1971б: 63). Здесь явное недоразумение: в указанном месте работы соответствующие данные о X в. отсутствуют, там назван только IX в. Возможно, В.И. Дубов сослался на устную консультацию, полученную им у Г.Ф. Корзухиной после раскопок 1973 г.

В одном из гнёздовских кладов, опубликованных А.С. Гушиным (Гушин 1936) и в 1954 г. переопубликованных Г.Ф. Корзухиной (Корзухина 1954: 87, № 23), присутствует «бусина серебряная овальная из спирально свитой рубчатой проволоки»¹⁴ (Гушин 1936: табл. III: 21; Корзухина 1954: 88, № 18) (рис. 4: 8). Речь идет о XII-2 наших обозначений. В этом кладе XII-2 встречается с монетами первой половины X в. (Корзухина 1954: 87, № 1–6), что явно указывает на время сокрытия клада. Но в работах 1971 г. этот комплекс Г.Ф. Корзухина никак не привлекает.

Возможно, Г.Ф. Корзухина не упоминала в 1971 г. гнёздовскую находку, учитывая специфику накопления сокровищ в кладах.¹⁵ В пользу этого говорит следующее соображение. Г.Ф. Корзухиной была известна работа М. Стенбергера (Stenberger 1947; Stenberger 1958), посвященная готландским кладам (напр., Корзухина 1973: 36, 37, ссылка 7, 10). В работе М. Стенбергера приведены клад с XII-2 рубежа X/XI в. (Stenberger 1947: 21–24, Abb. 171: 2) (рис. 4: 9).¹⁶ Однако в работах Г.Ф. Корзухиной 1971 г. клад в качестве аналогий не приводятся. С другой стороны, в работе 1976 г. И.В. Дубов, перечисляя комплексы с подобными бусами, благодарит Г.Ф. Корзухину за «ссылку на клад в Дании» (Дубов 1976: 63, ссылка 15). Называет И.В. Дубов и указанный Г.Ф. Корзухиной гнёздовский клад, ссылаясь на работу А.С. Гушина (Гушин 1936).

Г.Ф. Корзухина называет восемь погребений Бирки, в инвентаре которых были найдены бусы из рубчатой проволоки (Корзухина 1971а: 130, ссылка 31; Корзухина 1971б: 62, ссылка 16).¹⁷ Перечислим эти погребения: Бирка-66, 551, 606, 639, 649, 791,¹⁸ 1081 и III-1932 (рис. 4, 3–7). Если обратиться к работе Х. Арбмана, на которую ссылается Г.Ф. Корзухина, то обнаруживается разночтение. Г.Ф. Корзухина перечисляет погребения Бирки с рубчатыми бусами и ссылается на изображения этих бус в работе Х. Арбмана (Arbman 1940: Taf. 114: 1, 7–12; ср. Корзухина 1971а: 130, ссылка 131). Но в соответствующей таблице Х. Арбмана для погребения Бирка-649 изображены бусы не из рубчатой, а из гладкой проволоки (Arbman 1940: Taf. 114: 8) (рис. 4: 1, 2).¹⁹

Попытаемся проследить, каким образом в выкладках Г.Ф. Корзухиной для некоторых из названных погребений Бирки получался IX в. Погребение Бирка-III-1932, в инвентаре которого встречаются XII-1 и XII-2 (Arbman 1937: Taf. 24:2), перекрыто валом. В одной из статей 1971 г. приводится время сооружения вала: «... около 900 г.» (Корзухина 1971б: 62, 63). Отсюда верхняя дата этого погребения в выкладках Г.Ф. Корзухиной очевидна. Понять, почему другие погребения были отнесены к IX в., сложнее. В инвентаре приведенных у Г.Ф. Корзухиной погребений Бирка-639, 791 и 1081 есть овальные фибулы P51. В работах Я. Петерсена 1928 г. и П. Паульсена 1933 г. приведены датировки таких фибул — X в. (Petersen 1928: 54–67, Paulsen 1933: 67). Г.Ф. Корзухина в ряде работ ссылается на работу Я. Петерсена (напр., Корзухина 1964: 301). Откуда же взялся IX в.?

В погребениях Бирка-639 и 1081 были найдены арабские монеты 799/805 и 835 гг. Похоже, Г.Ф. Корзухина, оценивая даты этих двух погребений, сделала выбор между датирующими потенциалами монет и фибул в пользу датировки по монетам. Из этого, казалось бы, следует, что Г.Ф. Корзухина к 1971 г. не особенно доверяла «фибульной» хронологии Северной Европы, во всяком случае, в изложении Я. Петерсена. Но Г.Ф. Корзухина тут же признает и датирующий потенциал овальных

¹⁴ А.С. Гушин описал эту бусину так: «Серебряная свернутая в моток проволока. Возможно, является частью застежки шейной гривны» (Гушин 1936: 56).

¹⁵ О подходе Г.Ф. Корзухиной к датировке денежно-вещевых кладов (см.: Корзухина 1954: 18–19).

¹⁶ Следует упомянуть еще «большой» монетно-вещевой клад Бирки, обнаруженный в ходе раскопок Х. Столле в 1872 г. Позднейшие монеты клада чеканены в 960–х гг. В состав клада входила биконическая бусина из рубчатой проволоки, напущенная на колечко (Zachrisson 1992: 54, 55, fig. 3:2b).

¹⁷ Г.Ф. Корзухина называет и иные североευропейские погребения с бусами из рубчатой проволоки. Мы ограничиваемся здесь материалами Бирки из формальных соображений, связанных с ключевым положением Бирки в североευропейской хронологической системе.

¹⁸ В погребении Бирка-791 одна из бусин из рубчатой проволоки смонтирована с перстнем (Arbman 1940: Taf. 111: 2).

¹⁹ Заметим в этой связи, что в иллюстрациях к работе В.А. Назаренко 1985 г. рубчатые серебряные бусы кургана № 7 изображены как сделанные из гладкой проволоки (ср. Назаренко 1985: рис. 6: 5; Корзухина 1971б: рис. 17: 1). См. рис. 2 и 6 данной статьи.

Рис. 3. Находки из погребения с о-ва Эланд (Vickleby, Karlevi) с рубчатыми бусами (по: Arbmán 1937: Taf. 64). Без масштаба

фибул. Так, говоря о дате погребений Бирки, в которых встречена «татингская» керамика (ХИ-1 наших обозначений), Г.Ф. Корзухина ссылается на работы Х. Арбмана и Д. Селлинг, которые «...очень тщательно проанализировали материалы, сопутствующие фризским кувшинам (*овальные фибулы* (выделено нами. — Я. Ф), стеклянные кубки, монеты и др.)...» (Корзухина 1971б: 62). Однако в названном случае речь шла об овальных фибулах Р37,²⁰ датировка которых в работе Я. Петерсена (Petersen 1928: 12, 33–44) согласуется с концепцией Г.Ф. Корзухиной. При этом в работе П. Паульсена отмечено, что фибулы Р37 иногда встречаются и в комплексах Х в. (Paulsen 1933: 67). В таком случае получается, что в работах 1971 г. отношение Г.Ф. Корзухиной к датирующим возможностям скандинавских овальных фибул противоречиво.

В работах Г.Ф. Корзухиной, затрагивающих проблематику североевропейских металлических украшений, по отношению к датирующему потенциалу работы Я. Петерсена как будто прослеживается определенная динамика. В работе 1964 г. о находках скандинавских вещей близ Торопца, Г.Ф. Корзухина использует датировки, восходящие к работам Х. Арбмана и Я. Петерсена (Корзухина 1964: 301, 308). Однако в работе Г.Ф. Корзухиной 1973 г., хотя и присутствуют ссылки на работу Я. Петерсена 1928 г., но не в связи с построением хронологии (Корзухина 1973: 39), даты североевропейских украшений в этой работе называются без ссылок. Похоже, у Г.Ф. Корзухиной от работы 1964 г. к работе 1973 г. уменьшалось доверие к датировкам, опирающимся на работу Я. Петерсена 1928 г. В то же время, потенциал работы П. Паульсена 1933 г. не использовался: ссылки на эту работу в перечисленных статьях Г.Ф. Корзухиной отсутствуют, хотя названная монография была в принципе доступна.²¹ Заметим здесь, что работы Х. Арбмана использовались Г.Ф. Корзухиной систематически, и именно для хронологических выкладок (Корзухина 1964: 302; Корзухина 1971а: 130; Корзухина 1973: 35). Это наблюдение имеет

²⁰ Погребения Бирка-597 и 1158

²¹ Книга П. Паульсена была в личной библиотеке О.И. Давидан. В статье О.И. Давидан 1971 г., помещенной в тот же «Скандинавский сборник» XVI, что и статья Г.Ф. Корзухиной, есть ссылка на работу П. Паульсена (Давидан 1971: 137, прим. 12).

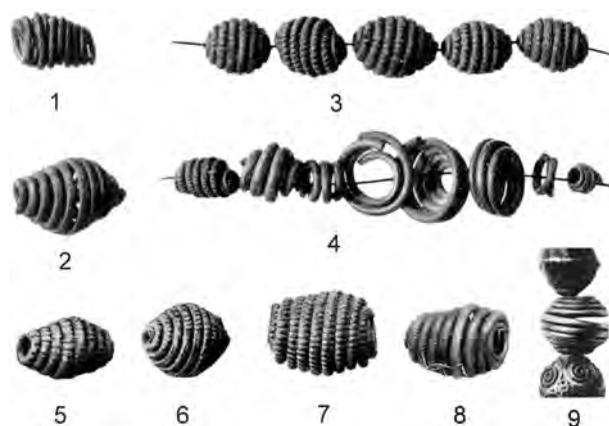

Рис. 4. Проволочные бусы погребений Бирки: 1–2 — бусы из гладкой проволоки, погребение Бирка-649; 3–9 — бусы из рубчатой проволоки: 3–7 — погребение Бирка-606, 551, 791, 1081 (по: Arbman 1940: Taf. 114: 8; 9–12); 8 — Гнёздово, клад 1868 г., № 23 согласно нумерации Г.Ф. Корзухиной (по: Гушин 1936: таб. 3: 21); 9 — о. Готланд, Фельхаген, Бьерке (по: Stenberger 1947: Abb. 171). Без масштаба

самостоятельное значение. Исследования Я. Петерсена 1928 г. об овальных фибулах Норвегии легли в основу последующих типологических и хронологических построений, посвященных этим североевропейским древностям эпохи викингов (напр., Jansson 1984: 56). Но именно в работе П. Паульсена 1933 г. эти наблюдения были формализованы и упорядочены, в т.ч. и с хронологической точки зрения.

Вернемся к погребениям Бирки, в которых найдены бусы из рубчатой проволоки. В погребение Бирка-606 была найдена овальная фибула P42 (Jansson 1984: 47). В работе Я. Петерсена такие фибулы помещены в группу фибул IX в. (Petersen 1928: 12, 44–51). А вот в работе П. Паульсена отмечено, что эти фибулы встречаются как в IX в., так и в X в. (Paulsen 1933: 66).²² Видимо, приоритет, отдаваемый Г.Ф. Корзухиной работе Я. Петерсена, определил хронологическую позицию погребения Бирка-606 в ее выкладках по датировке бус из рубчатой проволоки в погребениях Северной Европы.

В погребении Бирка-66 был найден гребень,²³ соответствующий гребням 1-й группы по О.И. Давидан (Давидан 1968: 54–63). В Ладоге такие гребенки встречаются преимущественно в горизонтах Е. «Толща Е» в 1971 г. датировалась не позднее IX в. (см. выше). Видимо, гребень и сыграл главную роль при оценке даты погребения Бирка-66. Хронологическая принадлежность гребня восходила к скрупулезным разработкам О.И. Давидан, друга и коллеги Гали Фёдоровны, ее соавтора по первой публикации раскопок кургана № 11 могильника Плакун (Корзухина, Давидан 1969: 16–17). И, добавим, соратника по «ереси фактологического норманизма».²⁴ О.И. Давидан специально занималась ладожскими гребнями и именно в это время опубликовала о них ряд работ (Давидан 1962, Давидан 1968). В погребении Бирка-551, как и в погребении Бирка-III-1932 (см. выше), «татингская» керамика (ХИ-1) встречается с бусами (ХИ-2). Учитывая, как Г.Ф. Корзухина датировала ХИ-1, мы можем понять, что определило верхнюю дату погребения.

Если подытожить изложенные выше соображения, то получится следующий результат. Курган № 7 датирован на основании ХИ, в свою очередь датированных по аналогиям североевропейского круга древностей. Узкая дата ХИ-1 проистекает из не совсем точной передачи хронологических построений европейских исследователей Г. Якуна и Д. Селлинг. В ряду аналогий ХИ-2 присутствует известное смещение бус из гладкой и рубчатой проволоки. При оценке даты ХИ-2 значимую роль играют занижающие дату монетные находки, противоречивое использование «фибульной» хронологии и неоправданно суженная дата ХИ-1. Материалы Земляного городища (гребни) для датировки кургана если и привлекались, то опосредованно, играя роль скорее не хронологических индикаторов, а индикаторов синхронизации.²⁵

Таким образом, синхронизация кургана № 7 и горизонта Е₂ Земляного городища проведена на достаточно общих основаниях, в значительной степени «в пику» поздним работам В.И. Равдоникаса.²⁶ Хочется подчеркнуть, что хронологические выкладки Г.Ф. Корзухиной выгодно отличаются от вы-

²² И. Янссон показал, что такие фибулы преимущественно встречаются в X в. (Jansson 1984: 57). В соответствующем разделе работы И. Янссона, касающемся нижней даты фибул P42, есть ссылки на работы Я. Петерсена 1928 г. и П. Паульсена 1933 г.

²³ Группа А2 по К. Амброзиани (Ambrosiani 1984: 164).

²⁴ В этой связи см., напр.: Давидан 1971.

²⁵ По схеме: «в кургане № 7 найдены рубчатые бусы; такие же бусы есть в погребении Бирки, в котором также есть гребень, однотипный экземплярам, встречающимся на Земляном городище в толще Е».

²⁶ См.: Давидан 1971: 136, ссылка 8.

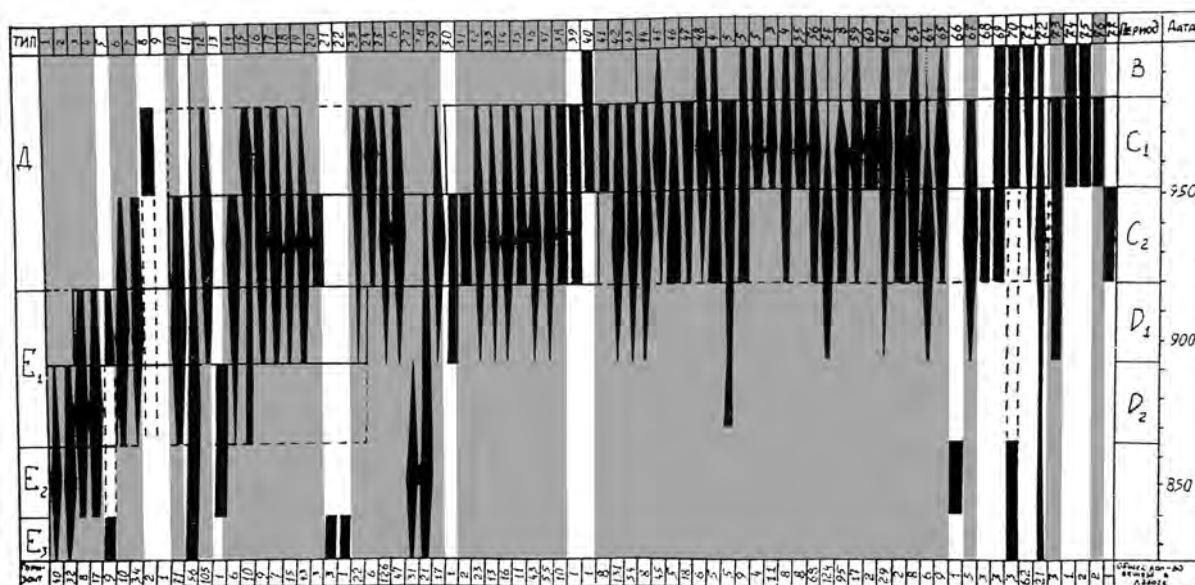

Рис. 5. Находки вещей приладожских типов на Земляном городище Старой Ладоги (по: Богуславский 1992а: 282, рис. 25). Из 77 датирующих типов 59 позиций принадлежат типам бус (выделены заливкой серого цвета)

кладок В.И. Равдоникаса конкретностью, последовательностью и логикой. Сегодня очевидно, как верно понимала Г.Ф. Корзухина многие проблемы ладожской археологии, в том числе и «плакунскую» проблематику. И, тем не менее, опубликованные выводы Г.Ф. Корзухиной при рассмотрении их с современных процедурно-методических позиций уязвимы, причем даже на уровне источниковедческих возможностей конца 1960-х — начала 1970-х гг.²⁷ В этом случае оказывается не столь существенным, что при датировке горизонта E_2 использована нумизматическая информация о кладе 1938 г., оказавшаяся неверной.

Б. Проверочные выкладки А.Н. Кирпичникова

В 1980 г. А.Н. Кирпичников опубликовал статью «Новооткрытая Ладожская каменная крепость IX–X вв.» (Кирпичников 1980: 441–455). Статья была посвящена ранним каменным укреплениям, обнаруженным на территории Ладожской каменной крепости XVI в. В этой работе, помимо изложения темы, вынесенной в заглавие, затрагивался широкий спектр проблем, связанных с археологией раннесредневековой Ладоги. Затронута была и проблематика могильника Плакун.

А.Н. Кирпичников в нескольких словах дал характеристику могильнику, приведя положенные ссылки на работы предшествующих исследователей (Кирпичников 1980: 450). В работе назывался курган № 7, и это не удивительно — курган № 7 с ярким обрядом (сожжение в ладье) и эффектными находками был уже давно известен как самый яркий погребальный комплекс среди исследованных курганов могильника. А.Н. Кирпичников кратко охарактеризовал курган № 7, привел ссылку на работу Г.Ф. Корзухиной 1971 г. и назвал упомянутые Г.Ф. Корзухиной хронологические индикаторы — «фризская» керамика и серебряные бусы (Кирпичников 1980: 450). Однако после этого исследователь сделал неожиданное для формата статьи короткое замечание. Приведем его полностью: «Просмотр западных аналогий упомянутых вещей (речь идет о XII. — Я. Ф.)... показывает, что их даты представлены у нас излишне суженными. Фризские кувшины, по словам Х. Арбмана, употреблялись и в конце IX в., а описанные бусы бытовали на Руси (Белоозеро, Гнёздово, Тимерёво) и в Швеции (Готланд и Аландские острова) в течение IX и X столетий...» (там же). Изложенные тезисы подкреплены ссылками на работу Г.Ф. Корзухиной 1971 г., доклад Т.А. Пушкиной «Клады Гнёздова», прочитанный в 1976 г.

²⁷ Конечно, мы не имеем права утверждать, что рассуждения Г.Ф. Корзухиной были именно такими, как изложено у нас. Но наша реконструкция базируется на опубликованных «доказательных формулах» Г.Ф. Корзухиной и объясняет опубликованные ею выводы. Постулирование каких-то иных аргументов, неких «скрытых факторов», известных Г.Ф. Корзухиной, но никак не проявившихся в ее текстах, представляется методически некорректным.

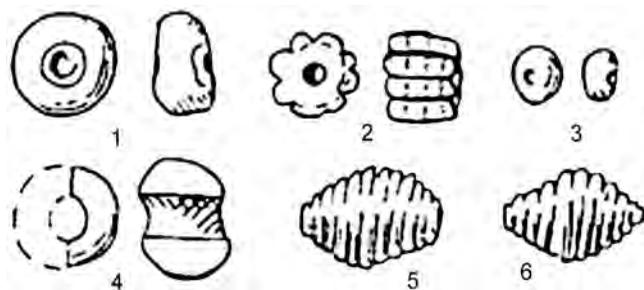

Рис. 6. Старая Ладога. Урочище Плакун. Курган № 7. Стекланные и серебряные бусы (по: Назаренко 1985: рис. 6: 5)

и на работы М. Стенбергера и Э. Кивикоски (Stenberger 1947, 1958; Kivikoski 1973). Фактически, в работе А.Н. Кирпичникова намечен пересмотр даты кургана № 7, предложенной Г.Ф. Корзухиной. Пересмотр основывается на ревизии дат XII, на основании которых Г.Ф. Корзухина вычисляла время сооружения кургана № 7.

Для датировки XII-1 А.Н. Кирпичников, как и Г.Ф. Корзухина, использует североевропейскую хронологическую шкалу. Но в качестве источника для датировки «фризских кувшинов» выбирается работа Х. Арбмана, полагавшего, что «фризские» сосуды могли существовать до самого конца IX в. (Arbman 1937: 88–90, 101–104). Для передатировки XII-2 А.Н. Кирпичников использует такой археологический источник как монетно-вещевые клады. Ссылка на доклад Т.А. Пушкиной о гнёздовских кладах несомненно означает, что А.Н. Кирпичников привлекает тот самый гнёздовский клад с монетами первой половины X в., который не стала упоминать в своей работе Г.Ф. Корзухина, но который был упомянут И.В. Дубовым со ссылкой на работу А.С. Гушина (см. выше). Ссылка на М. Стенбергера вновь означает обращение к источнику (готландские клады X–X/XI вв.), целенаправленно не использованному Г.Ф. Корзухиной.

В аргументации А.Н. Кирпичникова задействованы и погребальные памятники. Упомянута находка XII-2 из Белоозера. Имеется в виду работа Л.А. Голубевой (Голубева 1973). На территории Белоозера был обнаружен одиночный курган. В состав инвентаря одного из погребений входила серебряная рубчатая бусина. Л.А. Голубева датировала курганное погребение первой четвертью XI в. (Голубева 1973: 77, 81–82, 84). Интересно, что А.Н. Кирпичников, упомянув Белоозерское погребение, почему-то не назвал опубликованную Л.А. Голубевой дату (первая четверть XI в.) в качестве верхней хронологической границы интервала бытования XII-2.

Упомянув тимерёвскую находку XII-2, А.Н. Кирпичников имеет в виду уже названную работу И.В. Дубова о раскопках кургана № 95 могильника Тимерёво (Дубов 1976). И.В. Дубов датировал исследованный курган IX в., предположительно первой его половиной, т.е. так же, как Г.Ф. Корзухина датировала курган № 7 могильника Плакун (Дубов 1976: 86). Характерно, что И.В. Дубов, упоминая даты XII-2, также ссылается на Л.А. Голубеву, но тоже не называет в качестве верхней даты XII-2 XI в., ограничившись X в., причем в аргументации И.В. Дубова в работе 1976 г., как и в аргументации А.Н. Кирпичникова в работе 1980 г. используются клады (см. выше). Заканчивая обзор источников А.Н. Кирпичникова, заметим, что один из могильников из работы Э. Кивикоски, присутствовавшей в ссылках статьи А.Н. Кирпичникова — Kvarnbacken (Kivikoski: 500, Abb. 500) — упомянут в работе Г.Ф. Корзухиной (Корзухина 1971а: 130, прим. 31).

Таким образом, А.Н. Кирпичников на основании североевропейских аналогий датирует XII-1 всем IX в., а XII-2 датирует на основании североевропейских и древнерусских аналогий — IX–X вв., используя для датировки клады. При сопоставлении датировок XII-1 и XII-2 сосуществование XII прослеживается для IX в. Но А.Н. Кирпичников не стал в своей работе самостоятельно датировать курган № 7, ограничившись тем, что назвал даты XII, на основании которых эту операцию легко можно было бы провести. В заключение короткого сюжета о могильнике Плакун, исследователь без всякой аргументации привел время функционирования могильника: 850-е — 950-е гг., добавив, что «не исключает и более сжатой хронологии, привязанной ко второй половине и рубежу IX и X столетий» (Кирпичников 1980: 450). Критический пересмотр даты Г.Ф. Корзухиной не был, к сожалению, доведен А.Н. Кирпичниковым до логического конца. Курган № 7 — один из самых ранних курганов могильника Плакун, и значит приведенная А.Н. Кирпичниковым нижняя дата могильника — 850-е гг. — должна как-то соотноситься с датой кургана № 7. Такая дата не противоречит хронологии кургана № 7, вычисленной из передатированных А.Н. Кирпичниковым XII, но и не следует из нее.

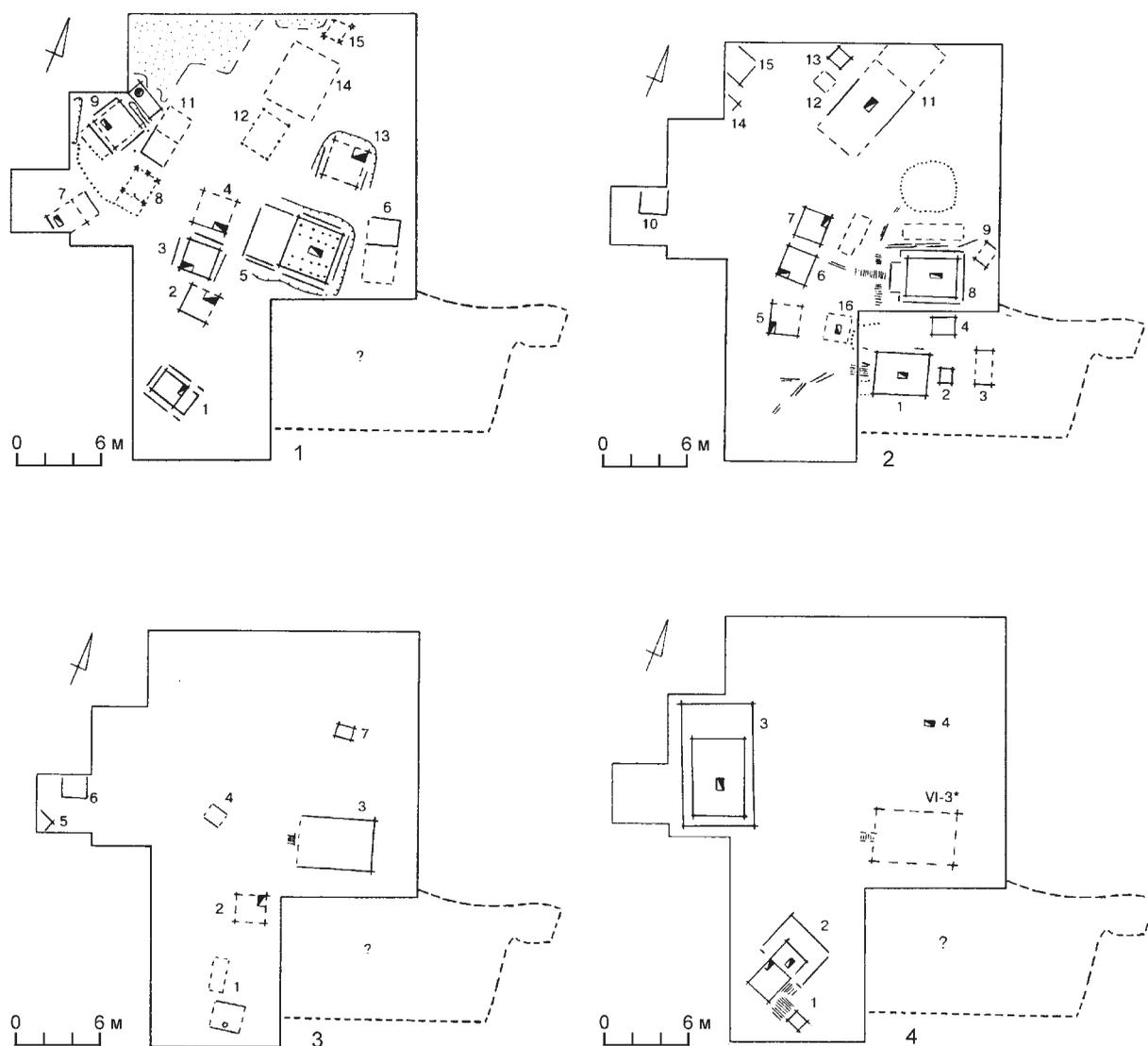

Рис. 7. Ярусы застройки Земляного городища по С.Л. Кузьмину и А.Д. Мачинской. 1 — ярус IV (810 — ок. 840 гг.); 2 — ярус V (ок. 840 — ок. 865 гг.); 3 — ярус VI (ок. 865—890-е гг.); 4 — ярус VII (890-е — 920-е гг.) (по: Кузьмин 1997)

Когда была опубликована статья А.Н. Кирпичникова, уже шли работы Е.А. Рябина на Земляном городище. Но «первая редакция» дендродат, полученных в ходе этих раскопок, будет опубликована только в 1985 г. (Рябинин 1985: 27—75; Черных 1985: 76—80). Это значит, что в 1980 г. базовой была еще хронология, основывающаяся на разработках Г.Ф. Корзухиной и О.И. Давидан. В таком случае, курган № 7, согласно работе А.Н. Кирпичникова 1980 г., попадал в горизонт E_1 . Это было принципиально новым: как мы помним, Г.Ф. Корзухина соотносила курган № 7 с горизонтом E_2 .

В связи с этим коротким сюжетом в работе А.Н. Кирпичникова хочется отметить, что исследователь первым отошел от использования исключительно северо-европейской шкалы и критически пересмотрел выкладки Г.Ф. Корзухиной, привлек для датировки кургана древнерусский материал и связал курган № 7 с горизонтом E_1 . Но в то же время при пересмотре дат XII-2 А.Н. Кирпичниковым активно использовались клады. Первые из названных методических позиций представляются конструктивными, последняя — спорной.

В. Выкладки О.И. Богуславского и А.Д. Мачинской

По иному методологическому пути датировки пошли О.И. Богуславский и А.Д. Мачинская. Проблемы датировки кургана № 7 могильника Плакун названные авторы касаются в двух исходных

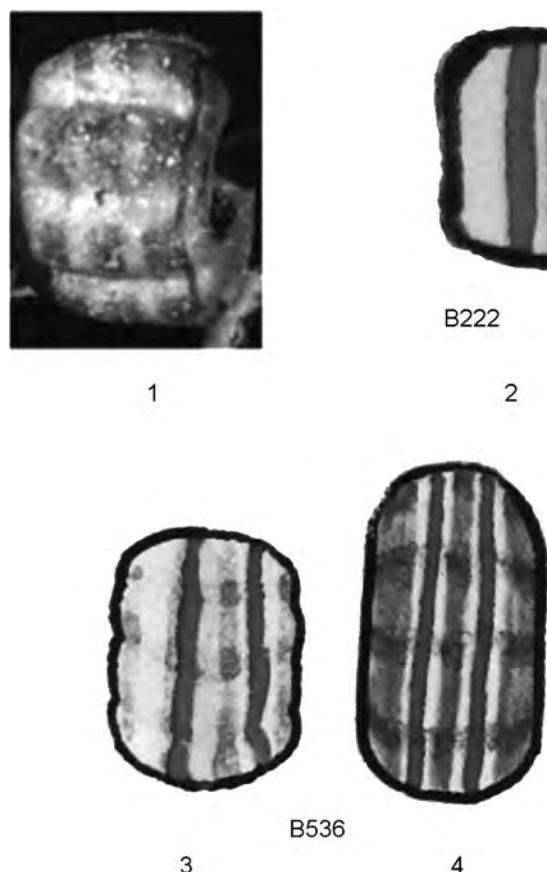

Рис. 8. Бусина Ку7-№ 134 и типологические аналогии, использованные в работе (Френкель 2008): 1 — Ку7- № 134; 2 — тип B222 (Callmer 1977); 3, 4 — тип B536 (2–4 — по: Callmer 1977). Без масштаба

работах: диссертационном труде О.И. Богуславского (Богуславский 1992а) и совместной статье 1993 г. (Богуславский, Мачинская 1993: 117–122). Еще одна статья О.И. Богуславского, затрагивающая данную тему (Богуславский 2006: 13–46), является производной от диссертационной работы 1992 г. Все перечисленные работы посвящены иным объектам: курганам Юго-Восточного Приладожья и Сясьскому городищу. Тематика, связанная с могильником Плакун, затронута в этих исследованиях вскользь. Тем не менее, с методической и результативной позиций значение названных работ велико.

К началу 1990-х гг. исследователи были в выигрышном источниковедческом положении. Появилась определенность в ряде спорных вопросов, связанных с Земляным городищем. Е.Н. Носов обнаружил ошибку в датировке клада 1938 г. (Носов 1976: 100–102). Были опубликованы дендродаты Земляного городища (Рябинин 1985; Черных 1985; Рябинин, Черных 1988: 72–100). Определелись хронологические границы горизонтов толщи Е. Датировка горизонта E_2 сузилась, датировка горизонта E_1 , напротив, расширилась. В то же время Ю.М. Лесман в ряде работ опубликовал хронологическую систему, базирующуюся на новгородских древностях, и датировал с ее помощью средневековые погребения новгородских земель (Лесман 1984: 118–151; Лесман 1988: 29–98). Даже по факту компактного появления работ конца 1980-х — начала 1990-х гг. заметны оживление и оптимизм, царивший тогда среди молодых ленинградских исследователей.²⁸

Уточнение датировок находок Земляного городища было проведено к началу 1990-х гг. С.Л. Кузьминым и А.Д. Мачинской. В ряде статей об этой работе упоминается, как о уже сделанной (Мачинская 1990: 56; Кузьмин 1990: 97, прим. 1; Богуславский 1991: 106–107). Историографический парадокс заключается в том, что в публикациях какое-то время уже были ссылки на результаты проделанной ра-

²⁸ См. напр. (Богуславский 1989: 40; Богуславский 1991: 99). С.Л. Кузьмин так вспоминал об этом ощущении предстоящего научного прорыва: «Наш разговор и свернул в эту сторону. Если в Новгороде ... хронологическая шкала уже есть ... и по ней датируют комплексы и памятники за его пределами, то нельзя ли ту же операцию проделать и с ладожским «мокрым» слоем середины VIII–X вв., для которого существовали дендродаты» (Кузьмин 2003: 46).

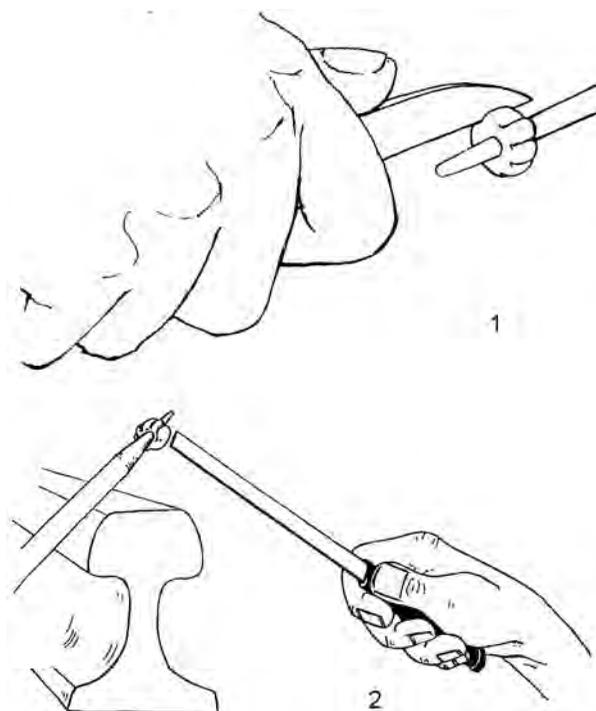

Рис. 9. Ручное нанесение на навитую бусину продольного рифления: 1 — экспериментальная реконструкция Т. Гам (по: Gam 1991: fig 11); 2 — современная этнографическая аналогия, зафиксированная Т. Соде (по: Sode 1997: fig. 5)

боты, сама же работа еще несколько лет не публиковалась.²⁹ Тем не менее, работа в общих чертах была сделана.³⁰ Авторы уточнили, сузили и свели в систему даты ряда археологических контекстов³¹ Земляного городища. Эта хронологическая система была использована для датировки погребальных памятников, «не охваченных» новгородской хронологической системой. Наиболее подробно датировка могильника Плакун и отдельно кургана № 7 была осуществлена в диссертационном труде О.И. Богуславского о Южном Приладожье (Богуславский 1992а). Дробная хронология Земляного городища интересующего нас времени являлась необходимой частью работы (Богуславский 1992а: 137–171).³²

Одним из методических приемов О.И. Богуславского было соотнесение групп погребений со стратиграфическими горизонтами Земляного городища. От дробности стратиграфических горизонтов зависела точность датировки погребений. Столкнувшись с невозможностью корректно сослаться в 1992 г. на результаты исследования С.Л. Кузьмина и А.Д. Мачинской, опубликовавших к тому времени только короткие тезисы, О.И. Богуславский был вынужден «протаскивать» в свою работу дробную хронологию Земляного городища «с черного хода», по схеме, реализованной им в работе о хронологии мужских погребений Юго-Восточного Приладожья (Богуславский 1991: 99–114). Делалось это путем изыскания в публикациях о Старой Ладогe номенклатурных единиц периодизации, совпадавших по длительности со стратиграфическими ярусами С.Л. Кузьмина и А.Д. Мачинской. Так, был использован выделенный в 1985 г. А.Н. Кирпичниковым этап развития древней Ладогe, отвечающий 860-м — 890-м гг. (Кирпичников 1985: 25), синхронный VI ярусу С.Л. Кузьмина и А.Д. Мачинской (ок. 865–890-е гг., Кузьмин 1997: 349–350). Сославшись после первого обозначения этого интервала на работу А.Н. Кирпичникова 1985 г., О.И. Богуславский далее использует данный интервал с двойной ссылкой на тезисы

²⁹ Напр. С.Л. Кузьмин в 1991 г. ссылается на работу «Ярусная стратиграфия нижних слоев Староладожского городища» как на находящуюся в печати (Кузьмин 1991: 88, 97, прим. 1). Опубликована работа была лишь в 1997 г. (Кузьмин 1997: 343–358). Наметившаяся историографическая двусмысленность иллюстрируется тем, что в работе О.И. Богуславского 1991 г., в прочих случаях детально аргументированной, ссылка на тезисы С.Л. Кузьмина и А.Д. Мачинской, сжато излагающие результаты исследования (Кузьмин, Мачинская 1989: 142–143) не привязана к тексту статьи (Богуславский 1991: 114, прим. 16).

³⁰ С.Л. Кузьмин писал о возникавшей в ходе работы необходимости вносить многочисленные корректировки (Кузьмин 2003: 46). Возможно, это была одна из причин, оттягивавших публикацию.

³¹ Построек, сооружений, стратиграфических номенклатурных единиц.

³² Поскольку работа О.И. Богуславского была посвящена погребальным памятникам, в автореферате О.И. Богуславского хронология Земляного городища не представлена.

С.Л. Кузьмина и А.Д. Мачинской и статью Е.А. Рябинина и Н.Б. Черных 1988 г. (Богуславский 1992а: 21, 146, ссылка 51, 262). При этом выделение данного этапа А.Н. Кирпичниковым было проведено скорее по историческому принципу, с позиций же стратиграфии этап отвечал «старой редакции» горизонта Е₁, пересмотренной после известной работы Е.А. Рябинина и Н.Б. Черных (Рябинин, Черных 1988). Следующие два периода Земляного городища (890-е — рубеж 920/930 гг. и рубеж 920/930 гг. — 950-е), выделенные в работе О.И. Богуславского (Богуславский 1992а: 116, 117, 119, прим. 192, 194, 195), синхронны VII и VIII ярусам С.Л. Кузьмина и А.Д. Мачинской (Кузьмин 1997: 346–349). В работе О.И. Богуславского 1992 г. эти периоды опираются на сугубо стратиграфическую периодизацию раскопок Е.А. Рябинина. Последняя взята О.И. Богуславским из работы Е.А. Рябинина и Н.Б. Черных (Рябинин, Черных 1988; см. Богуславский 1991: 107), где выделенный интервал, синхронный VIII ярусу С.Л. Кузьмина и А.Д. Мачинской (рубеж 920/930 гг. — 950-е), носил скорее локально-служебный характер.³³

В работе О.И. Богуславского 1992 г. по отношению к датировке могильника Плакун в целом и конкретно кургана № 7 этого могильника наблюдается методический дуализм. Весь могильник О.И. Богуславский датирует согласно выбранной исследователем генеральной методике, используя локальную шкалу Юго-Восточного Приладожья, построенную на основе погребальных памятников этого региона. Методические основы исследования подробно описаны О.И. Богуславским как в диссертационной работе (Богуславский 1992: 43–134), так и в ряде статей (Богуславский 1991: 99–114; Богуславский 1992б: 44–68), и инициировали полемику в литературе (Лесман 1996: 53–56; Михайлов 1997: 114). О хронологических границах погребений, датируемых по используемой методике, О.И. Богуславский писал: «Абсолютная датировка выделенных периодов (совершения погребений. — Я. Ф.) возможна за счет соотнесения их со стратиграфическими горизонтами поселенческих памятников. Слой или группа слоев, набор типов вещей в котором максимально близок набору типов вещей выделенного нами периода, принимается за синхронный» (Богуславский 1991: 105). Таким образом, основной базой для хронологии могильника Плакун выступали стратифицированные материалы Старой Ладogi, но не напрямую, а опосредованно, через материалы погребальных памятников Юго-Восточного Приладожья. Результирующая дата могильника, получающаяся согласно этой методике — 860-е — 950-е гг. — обозначена во всех трех работах, названных в начале данного раздела (Богуславский 1992а, Богуславский, Мачинская 1993: 120; Богуславский 2006: 25, 33–34).

Курган № 7 датируется О.И. Богуславским иначе (Богуславский 1992а: 146–148), более традиционно. Основанием для нижней даты кургана послужила стратиграфическая позиция, занимаемая в культурных напластованиях Земляного городища стеклянными бусами определенного облика, аналогичными найденным в кургане (Богуславский 1992а: 147–148). Основанием для верхней даты послужила «татингская» керамика (ХИ-1 наших обозначений, см. выше), датированная по северо-европейским аналогиям (Богуславский 1992а: 147). В работе четко прописана результирующая дата кургана: «... отмечая условность верхней даты, мы можем датировать курган № 7 временем между концом 860-х и 900-м годом» (Богуславский 1992а: 147).

Остановимся на аргументации О.И. Богуславского подробнее. Нижняя дата дается по локальной «бусинной» шкале Старой Ладogi. Фактически, это первый случай использования староладожской шкалы для датировки могильника Плакун. О.И. Богуславский в работе 1992 г. большую роль уделит датировочному потенциалу бус (Богуславский 1992а: 87–95). Для Юго-Восточного Приладожья исследователем было выделено и рассмотрено 92 типа³⁴ стеклянных, каменных и бронзовых бус, представленных в стратифицированных культурных напластованиях Старой Ладogi и Новгорода (рис. 5). Бусы кургана № 7 могильника Плакун обладали необходимой «зацепкой» за эту впечатляющую группировку. Однако в 1992 г. реализация датировочного потенциала данного археологического источника была осуществлена О.И. Богуславским не особенно удачно. В качестве хронологически значимой была выбрана «желтая зонная бусина типа 54» (Богуславский 1992а: 147). Согласно типологии О.И. Богуславского, тип 54 представлял собой «зонные бусины диаметром 4–9 мм с округлыми боками из глухого желтого стекла. Характерной особенностью этих бус является их более или менее ярко выраженная асимметрия» (Богуславский 1992а: 92). Рассмотрев распределение бус, соответствующих этим характеристикам, на

³³ Пожар 950-х гг., отмеченный Е.А. Рябининым и Н.Б. Черных при раскопках Большого дома горизонта Д-нижнее, никак не был использован данными исследователями при предложенной ими периодизации поселения в целом (Рябинин 1985; Черных 1985; Рябинин, Черных 1988).

³⁴ В работе О.И. Богуславского под типом понимается «группа вещей, обладающих рядом специально оговоренных общих признаков, и которая может получить хронологическую привязку» (Богуславский 1992а: 210, прим. 136).

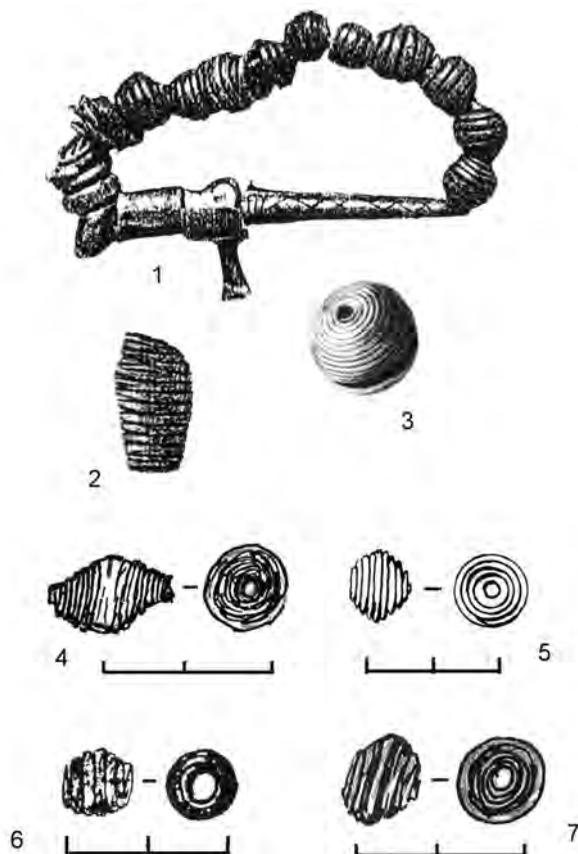

Рис. 10 Бусы из гладкой проволоки Северной Европы: 1–2 — Норвегия (по: Petersen 1928: fig 200, 202); 3 — Готланд (по: Stenberger 1947: Abb. 153); 4 — Старая Ладога, раскоп 2004 г. на правом берегу р. Ладожка; 5 — Рюриково городище (по: Носов 1990: рис. 10: 3); 6 — Старая Ладога, Земляное городище (по: Кирпичников 2002: рис. 13); 7 — Старая Ладога, Земляное городище, случайная находка. 1–3 — без масштаба

Земляном городище Старой Ладоги (Богуславский 1992а: 282–283, рис. 25), О.И. Богуславский пришел к следующему выводу: «Такие бусы известны в Ладоге не ранее горизонта E_1 », что определило датировку кургана № 7 «временем после 860-х гг.» (Богуславский 1992а: 147).

Здесь речь идет о найденном в кургане № 7 экземпляре, изображенном на иллюстрации работы В.А. Назаренко 1985 г. (Назаренко 1985: рис. 6:5, крайняя правая позиция верхнего ряда) (рис. 6: 3). Это рубленый бисер³⁵ желтого непрозрачного стекла (VIII группа, третья подгруппа по З.А. Львовой, см.: Львова 1968: 64–94). В кургане № 7 были найдены три экземпляра таких бус, все диаметром 5–6 мм. (Френкель 2008: 239–240). Методические основания выделения асимметричного бисера желтого стекла отмеченных размеров в качестве датирующего типа спорны. Признаки, принятые здесь в качестве типобразующих, не подкреплены обоснованными выкладками и производят впечатление произвольных. В группировке О.И. Богуславского отмечено 2 типа рубленного бисера (в терминологии исследователя — бус) непрозрачного желтого стекла асимметричной формы и одинаковых размеров: типы 54 и 55 (Богуславский 1992а: 257, рис. 3, X-54, 55). Желтый бисер типа 55 номенклатуры О.И. Богуславского отличается от желтого бисера типа 54 этой номенклатуры наличием «уплощенных боков» (Богуславский 1992а: 92). Тип 54, согласно выкладкам О.И. Богуславского, не встречается ранее горизонта E_1 , тип 55 не встречается ранее горизонта Д (Богуславский 1992а: 282–283, рис. 25). Обозначенное О.И. Богуславским полное отсутствие экземпляров, обладающих такими признаками, в горизонтах E_{3-2} (тип 54) и горизонтах толщи Е (тип 55) является ошибочным: о симметричности бисера желтого стекла в ранних стратиграфических горизонтах Земляного городища можно говорить лишь в тенденции.

Громоздкое обоснование этого утверждения в рамках настоящей работы не является необходимым по следующей причине. Уже в публикации 1993 г. тезис о датирующих возможностях желтого бисера, отвечающего типу 54 группировки О.И. Богуславского 1992 г., для датировки кургана № 7 был снят. В совместной статье О.И. Богуславского и А.Д. Мачинской, после консультации с З.А. Львовой,³⁶

³⁵ В работе О.И. Богуславского разница между бусами и бисером определялась размерами. Бисером назывались бусы диаметром 1–4 мм. (Богуславский 1992а: 212, прим. 161).

³⁶ Сообщение О.И. Богуславского

в качестве бусины, определяющей нижнюю границу кургана № 7, выступает бусина зеленого прозрачного стекла (Богуславский, Мачинская 1993: 120), отвечающая типу 83 группировки О.И. Богуславского 1992 г. (Богуславский 1992а: 94–95) (рис.6: 4). Такие бусы по классификационной схеме З.А. Львовой относятся к первому виду второй подгруппы IV группы (Львова 1968: 78). В кургане № 7 подобных бус две³⁷ (Френкель 2008: 236, 240). В работе О.И. Богуславского 1992 г. хронологические границы таких бус определялись датировкой горизонтов E_{1-2} Земляного городища (Богуславский 1992: 147, 148, 282: рис. 25), но после консультации с З.А. Львовой они были скорректированы в сторону омолаживания. В статье 1993 г. про бусину этого типа написано: «... аналогии ... известны на Земляном городище не ранее горизонта E_1 (860–920-е гг.)» (Богуславский, Мачинская 1993: 120). Таким образом, переход в рамках «бусинной» хронологии с одного датирующего типа на другой в данном случае не повлиял на определение нижней даты кургана № 7.³⁸

Отметим небольшой технический разнобой в хронологических выкладках О.И. Богуславского. В 1992 г., отметив приуроченность нижней даты кургана № 7 не ранее горизонта E_1 , исследователь, переходя к абсолютным датам, на этом основании обозначает нижнюю дату кургана «...концом 860-х гг.» «...после 860-х гг.» (Богуславский 1992а: 147). В работе 1993 г. этот горизонт отсчитывается от 860-х гг. (Богуславский, Мачинская 1993: 120). Вероятно, это объясняется следующими соображениями. В работе 1988 г. Е.А. Рябинин и Н.Б. Черных на основании дендрохронологии обозначили дату пожара Земляного городища, «отбивающего» рубеж горизонтов E_2 и E_1 между 863 г. и 870 г. (Рябинин, Черных 1988). В работе 1992 г. с неким «запасом прочности» горизонт E_1 отсчитывается от 870 г.³⁹ В работе следующего года для нижней хронологической границы этого горизонта уже обозначена несколько иная датировка (860-е г.), употребляющаяся и в настоящее время (иногда — ок. 865 г.).

Это не слишком важное замечание можно было бы опустить, если бы не историографическое недоумение. В обзорной статье о Ладоге, помещенной в каталог «Старая Ладога. Древняя столица Руси» (Старая Ладога 2003), Д.А. Мачинский, говоря о кургане № 7, отметил: «Бусы, найденные в этой могиле, позволяют ограничить время захоронения 870–900 гг.» (Мачинский 2003: 31), никак не аргументировав этот тезис. Датировка, приведенная Д.А. Мачинским, восходит к работе О.И. Богуславского 1992 г.: на 2003 г. иных датировок бус кургана № 7 могильника Плакун в научный оборот введено не было. Диссертационная работа О.И. Богуславского приведена в списке литературы в конце каталога (Старая Ладога 2003: 182). Жанр вводной статьи каталога определил ее формат: академический ссылочный аппарат в статье отсутствовал. Однако Д.А. Мачинский в тексте статьи неоднократно ссылается на археологов, являющихся авторами тех или иных упомянутых в статье тезисов.⁴⁰ Есть ссылка и на О.И. Богуславского, но применительно к могильникам Юго-Восточного Приладожья (Мачинский 2003: 31). На этом основании А.В. Плохов приводит датировку кургана № 7 870–900-ми гг. уже как результат выкладок самого Д.А. Мачинского (Плохов 2007: 22).

Вернемся к датировке О.И. Богуславским кургана № 7. Как уже было отмечено, верхняя дата кургана № 7 определяется им из «тагинской» керамики (ХИ-1 наших обозначений), датированной по североамериканским аналогиям (Богуславский 1992а: 147). В этом наблюдается определенная преемственность с позициями Г.Ф. Корзухиной и А.Н. Кирпичникова. Если бы О.И. Богуславский, вслед за Г.Ф. Корзухиной, использовал дату, предложенную в работах Д. Селлинг и Г. Янкуна, причем провел бы эту операцию корректно, в его работе могла бы появиться узкая дата кургана № 7. Исходя из логики работы О.И. Богуславского 1992 г., это были бы 870-е гг., исходя из логики работы О.И. Богуславского и А.Д. Мачинской 1993 г. — 860-е — 870-е гг. Но исследователь предпочел в данном случае, как до него

³⁷ Ку7-№№ 168, 201. Авторы имели в виду экземпляр Ку7-№ 168, изображенный на иллюстрации в работе В.А. Назаренко 1985 г. (Назаренко 1985: рис. 6: 5, крайняя левая позиция нижнего ряда). Экземпляр Ку7-№ 201 покрыт плотной тонкой патинной пленкой.

³⁸ Тезис О.И. Богуславского «...все остальные бусы, найденные здесь, также не встречаются в Ладоге раньше горизонта E_1 » (Богуславский 1992а: 147, 219, ссылка 269) в данной работе не рассматривается, поскольку относится ко всем бусам, изображения которых приведены в работе В.А. Назаренко 1985 г. (см.: Назаренко 1985: рис. 6).

³⁹ В заключительной части работы исследователь пишет о появлении первых курганов Плакуна в текстовом контексте, начинающемся с обозначения 860-х гг. (ср. Богуславский 1992а: 182–183). Это не приводит к внутреннему противоречию в работе О.И. Богуславского, поскольку речь идет о событиях, произошедших в интервале между 860-ми и 890-ми гг. (ср. Богуславский 1992а: 183–184). Более четко данная позиция обозначена в работе 2006 г. (Богуславский 2006: 25).

⁴⁰ Напр., Мачинский 2003: 23: «Н.Б.Черных датировала...»; Мачинский 2003: 26: «по догадке Г.С. Лебедева»; Мачинский 2003: 29: «по О.И. Давидан и Е.А. Рябинину», «как установил В.П. Петренко», «по С.Л. Кузьмину и А.Д. Мачинской».

А.Н. Кирпичников (Кирпичников 1980: 450), опираться на более осторожную позицию Х. Арбмана. О.И. Богуславский, как и А.Н. Кирпичников, обратил внимание на то, что «... Х. Арбман отмечал, что подобная посуда могла бытовать до конца IX в.» (Богуславский 1992а: 147). Но, в отличие от алгоритма Г.Ф. Корзухиной и А.Н. Кирпичникова, у О.И. Богуславского «татингская» керамика работала на верхнюю, а не на нижнюю дату кургана № 7. Последующие раскопки на Земляном городище (Кирпичников 2004: 278–280; Плохов 2007: 18–44) подтвердили правильность этого методического хода О.И. Богуславского.

Итак, в работах О.И. Богуславского и А.Д. Мачинской 1992–1993 г. курган № 7 был датирован 860-ми — 900-ми гг. или, что то же самое — 860-ми — 890-ми гг. Этот интервал здесь приведен с учетом внесенной в 1993 г. корректировки нижней даты (860-е гг.), хотя в работе О.И. Богуславского и А.Д. Мачинской 1993 г. верхняя дата кургана № 7 не обозначалась. По сравнению с выкладками Г.Ф. Корзухиной датировка была уточнена и омоложена. Это получилось благодаря определению нижней даты с использованием «бусинной» хронологии⁴¹ и дробной стратиграфии культурных напластований Земляного городища. Нижняя дата кургана как будто близка датировке, намеченной у А.Н. Кирпичникова (не в смысле абсолютных дат, а по приуроченности к стратиграфическому рубежу E_1/E_2), но в отличие от нижней даты работы А.Н. Кирпичникова 1980 г., имеет строгое обоснование. Курган был синхронизирован с нижней частью культурных напластований горизонта E_1 . За прошедшее с 1992–1993 гг. время позиция О.И. Богуславского в этом отношении не изменилась (Богуславский 2006: 25).

Характерно, что в 1991 г., изучая мужские погребения Юго-Восточного Приладожья (Богуславский 1991), О.И. Богуславский фактически первым опубликовал вариант членения горизонта E_1 на два субгоризонта, верхний и нижний, хронологически соответствующих VI и VII стратиграфическим ярусам С.Л. Кузьмина и А.Д. Мачинской (Кузьмин 1997). Хотя такое членение горизонта E_1 и было результатом парадоксальной историографической ситуации конца 1980-х — начала 1990-х гг. (см. выше), на него хочется обратить внимание, учитывая формальную разницу между ярусологией и стратиграфией (ср. Кузьмин 2003: 49).

Завершая данный раздел, хочется подчеркнуть методическую сложность, обозначившуюся в работах О.И. Богуславского, хотя она и слабо проявилась при датировке исследователем кургана № 7 могильника Плакун. Перед автором встала проблема соотношения конкурирующих хронологических шкал: ладожской, североευропейской и новгородской. По североευропейской типологической шкале (Богуславский 1991: 112–113; Богуславский 1992а: 132–133) О.И. Богуславский проверяет даты погребений, полученные с использованием ладожской и новгородской шкал. Но при осуществлении непротиворечивой увязки этих шкал исследователь вынужден отметить, что «характер бытования новгородских вещей значительно отличается от характера бытования древностей в предшествующее время» (Богуславский 1992а: 124–125). В статье 1991 г. присутствует даже более пессимистическое замечание О.И. Богуславского: «Вопрос о причинах расхождений в датировках вещей в Старой Ладогe и Новгороде невозможно решить в рамках данной работы» (Богуславский 1991: 106).

Г. Выкладки К.А. Михайлова

В выкладках К.А. Михайлова проблема даты кургана № 7 тесно переплетается с проблемой датировки другого кургана могильника Плакун — кургана № 11 с камерным погребением. В 1996 г. публикуется статья К.А. Михайлова «Южноскандинавские черты в погребальном обряде плакунского могильника» (Михайлов 1996: 52–60). Статья посвящена камерному погребению в кургане № 11. Курган № 7 упоминается из-за находки в нем «татингской» керамики. К.А. Михайлов предполагает, что эта керамика указывает на связи кургана Плакуна с Южной Скандинавией (Михайлов 1996: 56).

Дендродаты кургана № 11 в 1996 г. еще не вызывали у К.А. Михайлова таких возражений, какие обнаруживаются в более поздних работах исследователя (Михайлов 2002: 63–68; Михайлов 2003а: 73–78). Из опубликованных в 1985 г. датировок кургана № 11 — в интервале от 860-х гг. до конца IX в. (Черных 1985: 78, 80)⁴² или 880–900 гг. (Назаренко 1985: 165) — К.А. Михайлов выбирает вторую, хотя

⁴¹ В разделе «Вопросы абсолютного датирования» О.И. Богуславский пишет: «синхронизация хронологических периодов, выделенных для женских погребений, более проста и надежна, поскольку существует возможность использовать массовый серийный материал, а именно находки бус» (Богуславский 1992а: 120).

⁴² В работе 1985 г. Н.Б. Черных синхронизировала бревна кургана № 11 с бревнами горизонта E_1 Земляного городища. Горизонт E_1 в работе 1985 г. датировался от 860-х гг. до конца IX в. (Черных 1985: 80). В 1996 г. вышла монография Н.Б. Черных, в которой дата возведения кургана № 11 определялась как первая половина 890-х гг. (Черных 1996: 119).

и называет ее «достаточно спорной» (Михайлов 1996: 58). Датировка Г.Ф. Корзухиной кургана № 7 IX в. была вполне созвучна такой дате кургана № 11.

Отметив находку «фризской» керамики в кургане № 7, К.А. Михайлов пишет, что такая керамика в IX в. бытовала «в Северной Германии, Дании, Южной Норвегии и Бирке» (Михайлов 1996: 56, 59, прим. 17), т.е. обращается к датам североευропейских аналогий. Приведенную дату (IX в.) К.А. Михайлов обосновывает ссылками на работы Г.Ф. Корзухиной (Корзухина 1971б), В.А. Назаренко (Назаренко 1985) и Й. Херрмана (Херрман 1986: 104). Но в указанных К.А. Михайловым разделах работ В.А. Назаренко и Й. Херрмана имеются ссылки на ту же самую работу Г.Ф. Корзухиной (Назаренко 1985: 165, ссылка 8; Херрман 1986: 104, 381, ссылка 220). У В.А. Назаренко это единственная ссылка, касающаяся даты «фризской» керамики. Й. Херрман о датировке «фризской» керамики ничего не пишет, а в его ссылке 220 помимо работы Г.Ф. Корзухиной упоминается только работа У. Шокнехта 1977 г. В этой работе У. Шокнехт пишет о возможности существования «фризских кувшинов» и в X в. (Schoknecht 1977: 112; см. Плохов 2007: 36).

Итак, К.А. Михайлов, называя IX в. в качестве дат североευропейских аналогий, во-первых, несколько раз ссылается на работу Г.Ф. Корзухиной (для обоснования даты X следует ссылка на автора А и на других авторов Б и В, которые сами о дате X не пишут, но ссылаются на автора А), а, во-вторых, совершает ошибку (для обоснования даты X следует ссылка на автора А, который сам о дате X не пишет, но ссылается на автора Б, называющего дату У, отличную от даты X). Получается, что ссылки К.А. Михайлова на работы В.А. Назаренко и Й. Херрмана в хронологических построениях исследователя носят декоративный характер. В работе К.А. Михайлова 1996 г. даты кургана № 7 и XI-1 полностью повторяют датировки Г.Ф. Корзухиной 1971 г.: IX в., возможно — первая его половина. Такой вывод непосредственно следует из ссылочного аппарата К.А. Михайлова. Мы договорились, что рассматриваем лишь те работы, в которых предлагаемая дата кургана № 7 авторски обосновывается. Работа К.А. Михайлова 1996 г. не соответствует этому признаку. Если бы не последующие работы К.А. Михайлова, можно было обойтись без упоминания об этой статье. Но при ретроспективном просмотре работ исследователя статья 1996 г. оказывается существенной.

Дело в том, что в работе 1996 г. К.А. Михайлов еще не отбрасывает существующую в литературе датировку камерного погребения в кургане № 11 концом IX в., хотя и обозначает такую дату как «достаточно спорную». К.А. Михайлов даже называет «наиболее ранние погребения плакунского типа»⁴³ конца IX в. в Южной Дании (Михайлов 1996: 58). Датировка кургана № 7, сформулированная Г.Ф. Корзухиной в 1971 г., в 1996 г. еще не противоречила концепции К.А. Михайлова о южноскандинавских чертах камерного обряда могильника Плакун (см.: Михайлов 1996, Михайлов 1997).

В работе 2002 г. К.А. Михайлов датирует весь могильник первой половиной X в.; возникновение могильника Плакун относится к началу этого столетия (Михайлов 2002: 67). Существовавшую датировку камерного погребения в кургане № 11 концом IX в., согласно выкладкам К.А. Михайлова о камерном погребальном обряде, следовало пересмотреть и переместить из конца IX в. в первую четверть X в. (Михайлов 2002: 64). Основанием для такого пересмотра послужило сопоставление традиционной даты кургана № 11 и дат типологически сопоставимых камерных погребений Северной Европы. «Камерное погребение плакунского могильника оказывается не только самым ранним погребением этого типа на землях Древней Руси, — пишет К.А. Михайлов, — но и одним из самых ранних в самой Скандинавии» (там же). Нельзя не обнаружить сходства с хронологическим парадоксом, сложившимся в 1950-х гг. при сопоставлении даты деревянной палочки с рунами, найденной в культурных напластованиях толщи Е Земляного городища и даты типологически близких рунических надписей Швеции (Корзухина 1971а: 127, см. выше). Г.Ф. Корзухина тогда разрешала это противоречие путем тщательного пересмотра ладожского материала.

К.А. Михайлов пошел другим путем. Реконструировать замысел исследователя можно из ретроспективного просмотра его работ. В работе 2003 г. К.А. Михайлов датировал курган № 11 первой половиной — серединой X в., а ранние дендродаты объяснял вторичным использованием бревен (Михайлов 2003а: 74, 77). Но тогда образовывался зазор в несколько десятилетий между такой датировкой кургана № 11 и датировкой кургана № 7, обозначенной в работах Г.Ф. Корзухиной, О.И. Богуславского и А.Д. Мачинской.⁴⁴ Зазор нечем было заполнить. Протяженное существование небольшого могильника вступало в противоречие с его поздней датировкой, обосновать которую пытался К.А. Михайлов (Михайлов 2002:

⁴³ Речь идет о камерных погребениях, близких камерному погребению кургана № 11.

⁴⁴ В данном случае разница между датировками, предложенными этими авторами, несущественна.

63). Соглашаясь с непрерывным функционированием могильника, следовало объяснить, почему для длинного хронологического интервала существования в его составе так мало курганов.

Целью К.А. Михайлова была передатировка кургана № 11, ранней датой выбивавшегося из концепции К.А. Михайлова о развитии камерного погребального обряда. Версия о вторичном использовании бревен возможна, но маловероятна. Такое объяснение может сработать только после того, как хронологический зазор будет уже устранен и весь могильник отнесен к X в. Эта версия будет озвучена позднее, на VII чтениях памяти А.Д. Мачинской (20-е числа декабря 2002 г.), и опубликована уже в 2003 г. А пока в работе 2002 г. К.А. Михайлов проводил яростную атаку на ранние даты Плакуна. Прежняя дата кургана № 7 в статье 2002 г. сразу ставится под сомнение. К.А. Михайлов пишет: «Не столь бесспорной представляется ранняя датировка кургана № 7» (Михайлов 2002: 65). Но усомниться в прежней дате недостаточно, надо еще передатировать курган началом X в.

Последовательность упоминаний кургана № 7 в статье 2002 г. такова. В начале статьи приводится существующая в литературе датировка кургана IX в. Потом приводятся возражения такой датировке. В конце статьи называется новая дата — начало X в. Таким образом, фактически К.А. Михайлов проводит передатировку кургана № 7, хотя и не размещает эту операцию в компактный раздел своей статьи. Осуществляется передатировка в статье 2002 г. следующим образом. Сначала в историографической части работы К.А. Михайлов перечисляет оба ХИ, использованные в 1971 г. Г.Ф. Корзухиной: «фрагменты «фризских» кувшинов и бусы из рубчатой проволоки» (Михайлов 2002: 63–64). Можно было бы ожидать, что дальше последует ссылка на работу У. Шокнехта 1977 г., в скрытом виде присутствующую в работе К.А. Михайлова 1996 г. через ссылку на Й. Херрмана (см. выше). Тезис о верхней дате ХИ-1, помещенной У. Шокнехтом в X в., сильно облегчил бы задачу, стоявшую перед К.А. Михайловым. Но «татингская керамика» далее в статье 2002 г. никак фигурирует. Проведенная Г.Ф. Корзухиной датировка IX в. этого ХИ не корректируется и не комментируется. Это еще раз доказывает, что ссылка на Й. Херрмана в работе К.А. Михайлова 1996 г. носила декоративный характер.

Больше внимания уделяется бусам из рубчатой проволоки (ХИ-2 наших обозначений). К 2002 г. верхняя дата ХИ-2 помещалась в XI в. Упоминалось также, что в 1973 г. Л.А. Голубева опубликовала погребение с ХИ-2, датировав его первой четвертью XI в. (Голубева 1973: 77, 81–82, 84). В 1990 г. Н.А. Макаров передатировал это погребение серединой XI в. (Макаров 1990: 107).⁴⁵ В 1995 г. в Швеции вышла работа Л. Тунмарк-Нулен, в которой приведены готландские комплексы с ХИ-2 XI в. (Thunmark-Nylen 1995: 174). Расширился список гнёздовских кладов X в., содержавших ХИ-2. В 1996 г. Т.А. Пушкина опубликовала статью о кладе 1993 г. с монетами середины X в., в составе которого была и бусина из серебряной рубчатой проволоки (Пушкина 1996: 171).⁴⁶ В 1997 г. И.В. Дубов опубликовал небольшую работу «О биконических проволочных бусах северного происхождения», специально посвященную ХИ-2 (Дубов 1997).⁴⁷ В этой работе общая датировка ХИ-2 IX–X вв. была четко обозначена,⁴⁸ хотя XI в. для ХИ-2 И.В. Дубов по-прежнему не называет.

Тем не менее, в статье 2002 г. К.А. Михайлов еще раз приводит доказательства датировки ХИ-2 X в. на примере погребений «дружинных некрополей» Древней Руси. Называются два погребения X в.: гнёздовский курган Лб-1 и один из курганов⁴⁹ Шестовицкого могильника (Михайлов 2002: 65), приведенный, кстати, и в работе И.В. Дубова (Дубов 1997: 187). В статье К.А. Михайлова североевропейские аналогии ХИ-2 помещаются в ссылки (Михайлов 2002: 67, прим. 22 и 26). Сначала исследователь упоминает неопубликованные погребения Средней Швеции X в. При этом К.А. Михайлов ссылается на информацию, полученную им «от сотрудников Стокгольмского исторического музея» (Михайлов 2002: 65, 67, прим. 22). Для научной аргументации такой ссылки недостаточно. Если было дано

⁴⁵ Позднее, в работе 2004 г., С.Д. Захаров привел данные о найденном на Белоозере кладе, согласующиеся с датировкой погребения, опубликованной Н.А. Макаровым (Захаров 2004: 74, 75, табл. 20). Заметим, что исследователь подчеркивал морфологическое несходство белоозерской бусины со скандинавскими экземплярами (Захаров 2004: 114).

⁴⁶ Еще один гнёздовский клад, содержащий ХИ-2 и монеты середины X в., был приобретен археологами у местных жителей в 2001 г. (Ениосова, Пушкина 2006: 190). Клад находится в ГИМе.

⁴⁷ Заметим, что в этой работе И.В. Дубов полностью придерживается датировки кургана № 7 могильника Плакун, приведенной в работе Г.Ф. Корзухиной 1971 г. (Дубов 1997: 186).

⁴⁸ И.В. Дубов предположил существование двух групп подобных бус. Более ранняя группа, писал он, собственно скандинавская (IX в.), более поздняя — древнерусская (X в.). (Дубов 1997: 187).

⁴⁹ К.А. Михайлов пишет о кургане № 10 (Михайлов 2002: 65, 68, прим. 25), ссылаясь на монографию Д.И. Блифельда. В работе Д.И. Блифельда данный курган обозначается как № 100 (Блифельд 1977: 171–172, табл. XXVII). В тексте статьи это противоречие К.А. Михайлов никак не комментирует.

разрешение ссылаться на неопубликованные комплексы, то ссылка должна быть полной; если разрешения не было дано, то и ссылаться не следует.

Далее К.А. Михайлов называет погребения Бирки, в которых обнаружен ХИ-2. Однако из восьми погребений, названных в 1971 г. Г.Ф. Корзухиной (см. выше), называются только четыре погребения: Вj 606, 639, 791 и 1081. К.А. Михайлов пишет: «В могильнике Бирка бусы из рубчатой проволоки открыты в погребениях №№ 606, 639, 791 и 1081 вместе с овальными фибулами типа P51..., что позволяет датировать эти находки концом IX—X вв.» (Михайлов 2002: 68, прим. 26).⁵⁰

Непонятно, какие «эти находки» датирует К.А. Михайлов концом IX—X вв. Бусы из рубчатой проволоки в Бирке найдены не только в названных погребениях, и датировать их на основании заведомо усеченного ряда нельзя. Специальное доказательство датировки ХИ-2 X в. излишне: к 2002 г. уже существовали публикации, включая работу, специально посвященную именно таким бусам (Дубов 1997), датирующие эти украшения X и XI вв. (см. выше).

Итак, датировка IX в. ХИ-1 в работе К.А. Михайлова 2002 г. не оспаривается. Дата ХИ-2 в работе расширена в сторону омолаживания. Новых хронологических индикаторов для датировки кургана К.А. Михайлов не предлагает. Точно такая же ситуация складывалась в 1980 г. в работе А.Н. Кирпичникова 1980 г. (см. выше). При сопоставлении датировок ХИ-1 и ХИ-2 (с учетом коррективы) существование ХИ обозначится в IX в. Тогда почему в выводах К.А. Михайлова курган № 7 датируется началом X в.? Дата, обозначенная К.А. Михайловым в выводном разделе статьи, не следует из приведенных им данных, и, стало быть, ничем не обоснована.

Итак, в начале статьи К.А. Михайлов приводит датировку Г.Ф. Корзухиной кургана № 7 IX в. Ближе к середине статьи он сомневается в правомерности этой датировки. Во второй половине статьи исследователь осуществляет процедуру передатировки. Получается IX в. После этого в конце статьи пишет, что курган датируется началом X в. Получается, что К.А. Михайлов в конце статьи датирует курган началом X в. только потому, что ближе к середине статьи усомнился в правомерности его датировки IX в. Ничего другого из выкладок К.А. Михайлова не следует. Доказательство подменяется утверждением.

К.А. Михайлов датирует курган по аналогиям. Аналогии привлекаются из Северной Европы, Поднепровья, Подесенья, Поволжья. Ладожские материалы для датировки кургана № 7 К.А. Михайлов не привлекает.⁵¹ Тут опять есть заметное сходство со схемой, использованной А.Н. Кирпичниковым, но с одним существенным отличием: К.А. Михайлов не привлекает клады. В конце статьи К.А. Михайлов обращается к проблеме соотношения могильника и поселения. Исследователь рассматривает Земляное городище с точки зрения динамики его застройки (Михайлов 2002: 66). Этот подход, казалось бы, созвучен работе С.Л. Кузьмина и А.Д. Мачинской (Кузьмин 1997). Прочитируем К.А. Михайлова дословно: «... ранняя датировка могильника заставляет заново посмотреть на соотношение могильника и старолadoжского поселения. Девятый век — это период далеко не самый благополучный для ладожских жителей. Количество построек на Земляном городище сокращается» (Михайлов 2002: 66). Ниже следует ссылка на неоднократно здесь упомянутую работу С.Л. Кузьмина о дробной хронологии Ладоги почему-то в ее французской версии (Михайлов 2002: 68, прим. 42). Ссылок на русскоязычные работы С.Л. Кузьмина, опубликованные к 2002 г. (Кузьмин 1997; Кузьмин 2000) нет.

Здесь вновь имеет место недоразумение. С.Л. Кузьмин не писал и не мог писать обо всем IX в. как о неблагоприятном времени для Старой Ладоги (см.: Кузьмин 1997: 343–358; ср. Кузьмин 2000: 69–94; Кузьмин 2008: 69–94). В первой половине IX в. (ярус IV, 810 — ок. 840 гг.) исследованный центральный участок городища плотно застроен (Кузьмин 1997: 349, рис. 5) (рис. 7: 1). Поселение во второй трети IX в. распространяется за пределы городищенского холма, начинается застройка посада, продолжающаяся на протяжении IX и X вв. (Петренко 1985: 81–116). В V ярусе (ок. 840 — ок. 865 гг.) плотность застройки, выявленная в центральной и восточной части раскопа, тоже достаточно высока (Кузьмин 1997: 350, рис. 6) (рис. 7: 2). Слабая сохранность застройки VI яруса (ок. 865–890-е гг., Кузьмин 1997: 351, рис. 7) (рис. 7: 3), как и плохая сохранность культурного слоя, отвечающего нижней части горизонта E₁, с 1940-х гг. является источниковедческой проблемой, обсуждаемой в литературе (напр., Назаренко 1997а: 112–114). Но это проблема ученых-археологов, а не ладожских жителей IX в. Однако, даже если принять слабую застройку VI яруса за показатель интенсивности жизни на поселении, то в верхней части горизонта E₁, соответствующей VII ярусу (890-е — 920-е гг.) (рис. 7: 4), когда, согласно позиции

⁵⁰ Тип овальных фибул погребения Бирка-606 не P51, а P42 (Jansson 1985: 204).

⁵¹ При этом К.А. Михайлов использует ладожскую шкалу (даты гребней) при датировке кургана могильника Шестовицы (Михайлов 2002: 65).

К.А. Михайлова, сооружаются первые курганы могильника Плакун, застройка ладожского поселения никак не плотнее (Кузьмин 1997: 352, рис. 8).

Уже отмечалось, что в работе 2003 г. К.А. Михайлов вновь меняет свою позицию, относя теперь курган № 7 к концу IX в. (Михайлов 2003: 155, 158). Аргументы все те же, что и у Г.Ф. Корзухиной в 1971 г. — «татингская» керамика и бусина из рубчатой проволоки, ХИ-1 и ХИ-2 наших обозначений. Авторские обоснования датировки отсутствуют. Таким образом, К.А. Михайлов в 2003 г. признал аргументацию О.И. Богуславского и А.Д. Мачинской 1992–1993 гг. и согласился с выводами, сделанными этими учеными десятью годами раньше. В работе К.А. Михайлова 2002 г., как было показано, есть многочисленные логические и источниковедческие ошибки. Но на наш взгляд и базовая методика была выбрана неудачно. В работе К.А. Михайлова 2003 г. сформулировано теоретическое положение, которым исследователь руководствуется: «...если при анализе древнерусских камер учитывать их скандинавское происхождение, то следует учитывать и скандинавскую хронологию этих захоронений» (Михайлов 2003: 74). Видимо, в этом и заключается причина того, что К.А. Михайлов при датировке скандинавского могильника Плакун даже не пытался использовать ладожский материал, а изначально исходил из приоритета североευропейской хронологической шкалы. Степень сопряженности этой шкалы с ладожской шкалой никак не проверялась.

Д. Наши выкладки: короткий методический комментарий

О наших выкладках здесь мы писать не будем, переадресовывая тех, кто заинтересуется, непосредственно к предыдущей работе (Френкель 2008: 228–252). Ограничимся лишь коротким комментарием методического плана. Время сооружения кургана № 7 было «зажато» в двадцатилетний хронологический интервал: 880-е — 890-е гг. (Френкель 2008: 247). Датировка проводилась с использованием и ладожских (ХИ-1) и североευропейских (стеклянные бусы) аналогий. Особо продуктивным было использование датирующего потенциала ХИ-1. В 2007 г. А.В. Плохов опубликовал серию фрагментов «татингской» керамики, найденной на Земляном городище (Плохов 2007). Это исследование заметно усилило надежность проведенной датировки кургана № 7. Погребальный памятник привязывался к стратифицированному горизонту поселения, расположенного напротив него, на другом берегу реки.

К сожалению, для стеклянных бус привязки к стратифицированным слоям Земляного городища осуществить не удалось. Точные аналогии бусины Ку7-№ 134 (рис. 8: 1, ср. рис. 6: 2), полагаемой ключевой для хронологической индикации кургана (Френкель 2008: рис. 5: 2, 14-а), нам не известны. Это заставило при датировке бусины совмещать хронологические выкладки с типологическими построениями. Дата бусины определялась через даты других бус, близких технологически и морфологически по форме и орнаменту, и относящихся к памятникам Северной Европы того же культурно-исторического пласта, что и могильник Плакун (Френкель 2008: 240–244). Соответственно, и датировка была проведена по североευропейской шкале. В ходе проведения выкладок обнаружилось рассогласование североευропейской и ладожской шкал и историографическая путаница в хронологической индикации рубежа горизонтов E₁/D-нижнее ладожской шкалы (Френкель 2008: 244–247).

Мы старались, чтобы все выкладки были логичны и последовательны. Но следует признать, что если бы в культурных напластованиях Земляного городища была найдена хотя бы одна аналогичная бусина, то планиграфические и стратиграфические характеристики включающего такую находку контекста были бы для нас несомненно любых изошренных типологических построений. Полагаем уместным еще раз процитировать уже упомянутую работу М.Б. Шукина: «...интуиция даже классного эксперта остается интуицией. Еще основоположник метода Оскар Монтелиус подметил, что в типологическом исследовании важнейшим является наличие некоего «типологического рудимента»... Что же касается остальных случаев типологических разработок — ножка фибулы уже или шире ... и тому подобное — то это требует еще дополнительной аргументации за счет стратиграфических наблюдений и прочего» (Шукин 2004: 263).

Однако нам при датировке кургана № 7 в работе 2008 г. приходилось использовать возможности, имевшиеся в наличии. Мы привлекали датированные аналогии из материалов Северной Европы эпохи викингов. Один из двух использованных при типологических построениях типов бус (тип B536, Callmer 1977) (рис. 8: 3, 4) соотносился с бусиной кургана № 7 по технологии и форме бусины, по технике нанесения и полихромии орнамента. Другой используемый тип бус (тип B222, Callmer 1977) (рис. 8: 2) имел такие же орнамент и расцветку, как и бусина кургана № 7, отличаясь лишь формой. При этом форма бус типа B222 могла быть превращена в форму бусины кургана № 7 благодаря несложной технологической операции — грубому нанесению инструментом продольных бороздок, превращавших округлую форму

в продольно-рифленую (Gam 1991: 163, fig. 11; Sode 1997: 323, fig. 5) (рис. 9). Датировка типов бус B222 и B536 по североευропейской «фибульной» шкале оказывалась синхронной. Датировка фибул бралась из классических работ И. Янссона и Г.-Б. Аагард (Jansson 1984: 45–57; Jansson 1985; Aagård 1984: 95–110). Большинство погребений с такими бусами (6 из 8) обнаруживалось в могильниках Центральной Швеции, располагавшихся компактной группой вокруг Бирки. При условии внутренней непротиворечивости и хорошей сопряженности североευропейской и ладожской хронологических шкал перечисленных позиций было бы вполне достаточно. Но, как это обычно и бывает, именно в соотношении шкал в ходе выкладок выявилось рассогласование. Нам удалось выявить одну из причин рассогласования и частично снять обозначившееся хронологическое противоречие (Френкель 2008: 244–247).

Получившийся для кургана № 7 хронологический интервал — 880-е — 890-е гг. — по схеме обоснования оказывается близким к работе О.И. Богуславского (Богуславский 1992, см. выше): одна дата определяется по стеклянным бусам, другая — по «татингской» керамике, в одном случае привязка осуществляется к стратифицированному культурному слою Земляного городища, в другом — к североευропейской шкале. Только, во-первых, «татингская» керамика давала нижнюю дату кургана, в то время как в работе О.И. Богуславского этот ХИ определял его верхнюю дату. Во-вторых, «татингская» керамика привязывалась к стратиграфии Земляного городища, в то время, как в работе О.И. Богуславского ее дата определялась по североευропейской шкале. Со стеклянными бусами, соответственно, ситуация была зеркальной.

4. Адаптация системы хронологических индикаторов Г.Ф. Корзухиной применительно к ладожскому поселению

Из приведенных выше соображений следует, что говорить о датировке кургана № 7 (как, впрочем, и о датировке любого другого археологического объекта, относящегося к рассматриваемому культурно-историческому пласту) следует, лишь делая уточняющую оговорку: по какой хронологической шкале определяется дата кургана. В самом деле, по североευропейской шкале, используя датирующий потенциал ХИ-1, ХИ-2 и стеклянных бус, курган № 7 может быть датирован не позднее самого конца IX в. Но нижняя дата кургана, определяемая по такой шкале, не позволяет говорить о сколько-нибудь узкой хронологической локализации. Напротив, компактная датировка возможна при одновременном использовании североευропейской и старолдожской хронологических шкал. Однако такой прием датирования методически уязвим для критики, т.к. в нем отсутствует строгий формализм согласования этих шкал.⁵² Естественной выглядит попытка «привязать» курган № 7 к хронологической шкале Старой Ладogi.

Обратимся еще раз к бусинам из серебряной рубчатой проволоки (ХИ-2), обнаруженным в кургане № 7. Хотя подобные бусы Земляного городища пока не введены в научный оборот, все же существует возможность использовать этот ХИ для синхронизации поселенческих материалов Старой Ладogi и кургана № 7 могильника Плакуна. Наряду с биконическими бусами из рубчатой проволоки, в Северной Европе известны биконические бусы, «намотанные» из гладкой проволоки. Такие бусы (рис. 10: 1–3) встречаются в материалах скандинавских памятников эпохи викингов, в том числе — в Бирке (Petersen 1928: 165, fig. 200, 202; Arbman 1940: Taf. 114: 8; Stenberger 1947: Abb. 151: 4, 5, Abb. 153: 1). Бусы из гладкой проволоки синхронны бусам, изготовленным из рубчатой проволоки, но менее сложны в изготовлении. Скандинавские мастера-ювелиры изготавливали рубчатую проволоку, шедшую на изготовления разных ювелирных украшений, с помощью специального инструмента — органа-риума (Мурашева, Ениосова, Фетисов 2007: 67). Для изготовления бус из гладкой проволоки такого технического арсенала не требовалось. Это позволяет трактовать бусы из гладкой проволоки, как изготовленные по упрощенной технологической схеме подражания бусам из рубчатой проволоки. Таким образом, в эпоху викингов бусы-подражания сопутствуют «рубчатым» проволочным бусам, но вторичны по отношению к последним.

Считаем нужным отметить, что сегодня появились дополнительные источниковедческие возможности, позволяющие адаптировать ХИ-2 Г.Ф. Корзухиной к культурным напластованиям ладожского поселения. Это заставляет нас отдать методическое предпочтение ладожской хронологической шкале,

⁵² Заметим, что О.И. Богуславский обходил эту методическую сложность, рассматривая североευропейскую шкалу как независимый источник для проверки разработанной им локальной хронологической системы Юго-Восточного Приладожья, базирующейся на древностях Новгорода и Ладogi (Богуславский 1991: 112–113; Богуславский 1992а: 132–133). Проблема согласования используемых шкал (базовых и проверочной) О.И. Богуславским не затрагивалась.

несмотря на то, что это может на первом этапе исследовательской процедуры привести к расширению хронологического интервала, в пределах которого, согласно этой шкале, достоверно сооружается курган № 7.

В 2004 г. на правом берегу р. Ладожки проходили охранные археологические раскопки (Волковицкий, Селин, Френкель 2007). В ходе этих работ была обнаружена биконическая бусина из гладкой серебряной проволоки (рис. 10: 4). Бусина была найдена в верхней части слоя навоза со щепой (Волковицкий, Селин, Френкель 2007: 294). Проведенная синхронизация с материалами Земляного городища позволила предварительно датировать весь массив этого слоя 860-ми — 890-ми гг. На момент написания статьи авторам работы представлялось, что датировка верхней границы этого слоя 920-ми гг. менее вероятна (Волковицкий, Селин, Френкель 2007: 295). Верхняя дата слоя навоза со щепой раскопа 2004 г. на правом берегу р. Ладожки занимает существенное место в приводимых выкладках. По этой причине обозначим нашу позицию более подробно.

Слой навоза со щепой раскопа 2004 г. перекрывается слоем бурого гумуса (Волковицкий, Селин, Френкель 2007: 291). Первый слой содержал исключительно лепную керамику, слой бурого гумуса наряду с лепной содержал и раннегончарную керамику (Волковицкий, Селин, Френкель 2007: 291, 295). В самой нижней части слоя бурого гумуса, на границе этого слоя и подстилающего слоя навоза со щепой, была обнаружена крупная черно-желтая продольно-полосатая бусина (Волковицкий, Селин, Френкель 2007: 292–293, рис. 4: 2). Эта бусина относится к поздним типам 2-й подгруппы VIII технологической группы по З.А. Львовой (Львова 1968: 85). Бусы этих типов, характерные для второй половины X в.,⁵³ редки на Земляном городище, зато серийно встречаются в раскопе В.П. Петренко на Варяжской улице⁵⁴ и в культурных напластованиях Новгорода (Щапова 1956: 175). Бусы раскопа на Варяжской улице были обнаружены при разборке 6-го штыка культурного слоя. Не вдаваясь в подробности соотнесения пластов искусственной пластографии, строительных горизонтов и строительных периодов раскопа на Варяжской улице (см.: Петренко 1985; Черных 1985; Горюнова 2002: 56–60), отметим, что культурные напластования 6-го штыка раскопа на Варяжской улице датируются не раньше последних десятилетий X в. В работе 1956 г. о бусах Неревского раскопа Новгорода Ю.Л. Щапова отмечает значительную серию подобных бус⁵⁵ ниже 28-го яруса (Щапова 1956: 175, табл. 12). Мы вынуждены вновь отметить, что проблема доярусного слоя Неревского раскопа выходит за тематические рамки данной работы. Учитывая раннюю дендродату 28 яруса (953 г.), обозначим нижнюю дату таких бус в Новгороде не ранее 940-х гг.⁵⁶

Новгород и Старая Ладога являются эталонными археологическими объектами, дробная стратиграфия которых подкреплена дендродатами. При всей очевидной сложности соотнесения в данном случае новгородских и ладожских материалов, нижняя дата подобных бус на названных памятниках должна быть с запасом прочности обозначена не ранее середины второй трети X в.

Итак, на границе слоя бурого гумуса и слоя навоза со щепой найдена бусина, датирующаяся на эталонных памятниках не ранее 940-х гг. При этом, в верхней части слоя гумуса со щепой была обнаружена специфическая цилиндрическая мозаичная пронизка (Волковицкий, Селин, Френкель 2007: 293, рис. 4: 7). Обе известные нам в материалах Земляного городища бусины, изготовленные из подобных мозаичных заготовок, датируются не позднее IX в., причем без последних десятилетий (Волковицкий, Селин, Френкель 2007: 295). На этом основании верхняя хронологическая граница слоя навоза со щепой локализуется в пределах нижней части горизонта E₁ или VI яруса по С.Л. Кузьмину и А.Д. Мачинской: ок. 865–890-е гг. (Кузьмин 1997), иначе говоря — не позднее 890-х гг.

Из такой даты следовало, что интенсивность накопления культурного слоя в первой половине X в. на данном участке поселения была по какой-то причине незначительной (Волковицкий, Селин, Френкель 2007: 297). Нижняя хронологическая граница слоя навоза со щепой по бусам, обнаруженным в этой части массива культурных напластований (Волковицкий, Селин, Френкель 2007: 293, рис. 4: 5, 6, 9), и по бусине, обнаруженной в подстилающем аморфном темно-сером гумусированном слое (Волковицкий, Селин, Френкель 2007: 293, рис. 4: 8) датировалась 860-ми гг. Тогда верхняя часть слоя навоза со щепой раскопа 2004 г. на правом берегу р. Ладожки датируется в пределах 880-х — 890-х гг.

⁵³ Вопроса о верхней дате таких бус (локализующейся где-то в середине — третьей четверти XI в.) в данной работе мы затрагивать не будем.

⁵⁴ Напр., САЭ-74/ЛП1-519, 716; САЭ-75/ЛП1-339, 517.

⁵⁵ Ю.Л. Щапова отмечает наличие у новгородских бус «сосковидных бугорков у отверстий» (Щапова 1956: 175).

⁵⁶ Факт обнаружения двух подобных бус на Сясьском городище (Френкель 1997: 125, 129) на котором обнаружена только лепная керамика, в этом контексте мы рассматривать не будем. Из методических соображений при процедуре датирования приоритет должен быть отдан эталонным памятникам (Новгороду, Ладоге).

Таким образом, бусина, найденная в 2004 г. на правом берегу р. Ладожки, датируется в пределах того же хронологического интервала, что и культурные напластования Земляного городища, в которые выпадают первые фрагменты «татингской» керамики поздней серии: 880-е — 890-е гг. (Френкель 2008: 247–248).

Подобные бусы, только изготовленные из гладкой бронзовой и латунной проволоки (значит, еще более дешевые), были найдены на Рюриковом городище и Земляном городище (Носов 1990: 41, рис. 10: 3; Кирпичников 2002: 243, 237, рис. 13; см. также: Старая Ладога 2003: 72, 73. № 121). Авторы раскопок датируют включающие культурные напластования в пределах X в. Бусина Рюрикова городища (рис. 10: 5) была найдена на мысовой части поселения, на южном берегу Сиверсова канала, в слое черного гумуса. Слой черного гумуса на этом участке датируется не раньше 900 г.⁵⁷ (Носов 1990: 40–41, 43, 47). Бусина Земляного городища (рис. 10: 6) была найдена в 1998 г. в ходе исследований А.Н. Кирпичникова на раскопе № 2. А.Н. Кирпичников обозначил принадлежность бусины горизонту В, исследованному в 1997 г. и датированному на основании дендрохронологического анализа началом X в. (Кирпичников 2002: 234–235).⁵⁸ Еще одна подобная бусина была обнаружена на Земляном городище в сезоне 2004 г. в ходе проверки отвала раскопа № 3 сезона 2003 г. с помощью металлоискателя (рис. 10: 7). Итак, на Земляном городище есть бусы-подражания ХИ-2, вторичные по отношению к последним. Самая ранняя такая бусина, серебряный экземпляр раскопок 2004 г., датируется в пределах 880-х — 890-х гг.

В этом случае, пусть и косвенным образом, но удастся задействовать для датировки кургана № 7 через культурные напластования ладожского поселения второй ХИ, предложенный Г.Ф. Корзухиной в 1971 г. Слабое место такой датировки — подмена ХИ-2 бусами из гладкой проволоки. Правомерность этой подмены аргументируется тезисом об соотношении этих двух типов бус по схеме оригинал — подражание. Бусы из гладкой проволоки — подражание бусам из рубчатой проволоки. Следует ожидать, что бусы из гладкой проволоки появляются на поселении не раньше бус из рубчатой проволоки. В культурных напластованиях ладожского поселения до 880-х гг. бусы данных двух типов обнаружены не были. Появление в хронологическом интервале 880-х — 890-х гг. в культурном слое поселения бусины-подражания сигнализирует о том, что в это время в Ладоге уже был известен объект подражания. Такой объект подражания — это бусы из рубчатой проволоки, ХИ-2. Обнаружение бусы из рубчатой проволоки в кургане № 7, датирующемся по поздней серии ХИ-1 не ранее 880-х гг., делает допущение об известности в Ладоге этого времени объекта подражания правомерным.

Подчеркнем, что нижняя хронологическая граница — 880-е гг. — получилась для ХИ-1 (поздняя серия) и ХИ-2 на ладожском поселении (Земляное городище и посад на правом берегу р. Ладожка) независимо.

Итак, «татингская керамика» поздней серии на Ладожском поселении датируется 880-ми — 920-ми гг. Нижняя дата ХИ-2, высчитанная через бусы из гладкой проволоки, — 880-е гг. Итоговый хронологический интервал, в пределах которого сооружается курган № 7, по материалам ладожского поселения и системе ХИ Г.Ф. Корзухиной, вычисляется, как 880-е — 920-е гг.

Принципиальное отличие этой датировки кургана № 7 от предшествующих, рассмотренных выше, заключается в следующем. Хронологическая привязка кургана № 7 осуществляется не к североевропейской хронологической шкале и произведена не с помощью совместного использования ладожской и североевропейской шкал, но именно к хронологической шкале ладожского поселения. Иначе говоря, курган № 7 могильника Плакун датируется по материалам поселения, в целом синхронного могильнику, и отделенного от этого могильника лишь шириной р. Волхов. Методически это наиболее надежная схема датировки. Плата за эту методическую надежность на наш взгляд довольно высокая. В процедуре датировки задействованы все те ХИ, которые были предложены Г.Ф. Корзухиной. Однако стеклянные

⁵⁷ Спил, давший дендродату 900 г., был взят у лаги вымостки, зафиксированной М.В. Шориным. Вымостка располагалась на границе черного и коричневого гумуса (Носов 1990: 47).

⁵⁸ Датировка бусины через дату включающего слоя В, предложенная А.Н. Кирпичниковым (Кирпичников 2002: 234–235), на наш взгляд, спорна. В бортах раскопа хорошо заметно наклонное расположение культурных напластований (Кирпичников 2002: рис. 2, 3). Бусина найдена в кв. В-35. На линии квадратов 35 (там же, рис. 11) в западной стенке раскопа (там же, рис. 3) заметен перегиб в расположении слоев: уклон к р. Ладожка становится более крутым. Это допускает возможность сползания культурного слоя вниз по склону. Тогда есть вероятность, что включавший бусину контекст стратиграфически перекрывал слой В, хотя и располагался в кв. В-35 на тех же высотах. Тогда этот контекст датируется несколько более поздним временем, чем собственно слой В, датированный по спилам деревянных конструкций, расположенных южнее перегиба (там же, рис. 11).

бусы здесь не использованы вовсе. Вспомним, ведь привлечение именно этой категории древностей позволило сузить датировку кургана (см.: Богуславский 1992а; Богуславский, Мачинская 1993; Френкель 2008). Такое ограничение диктуется жесткими требованиями методической процедуры. В самом деле, бусина, использованная в работе (Богуславский, Мачинская 1993), привязана к ладожской шкале, но на сегодняшний день не приводит к сужению датировки кургана; бусина, использованная в работе (Френкель 2008), датируется по североευропейской шкале.

В результате, вместо 20-летнего интервала в дате кургана № 7 (880-е — 890-е гг., Френкель 2008: 228—252) получается 40-летний интервал (880-е — 920-е гг.). Но такая плата вполне естественна — при увеличении вероятности для неизменной выборки приходится расширять доверительный интервал.

Закончить данный сюжет хотелось бы следующим замечанием. Получившаяся выше датировка кургана № 7 — 880-е — 920-е гг. — является лишь рутинным результатом перенесения потенциала XII, предложенных Г.Ф. Корзухиной в 1971 г., с североευропейской шкалы на старолажскую. Это промежуточный, технический этап датировки, проведенной с помощью ограниченной системы XII. Такой этап предполагает дальнейшее сужение датировки кургана. Сужение датировки, на наш взгляд, следует осуществить путем расширения системы XII за счет привлечения датирующего потенциала стеклянных бус кургана № 7, но проведенного на ином методическом уровне. Эти бусы уже типологически выделены, и были использованы в предшествующих датировках (см. выше). И археологические объекты для осуществления такого сужения датировки (помимо потенциала ладожского поселения) тоже уже известны: это комплексы Северной Европы со стеклянными и металлическими бусами, однотипными набору кургана. Впечатляющий ряд таких комплексов тоже уже обозначен в предшествующих работах. Но для корректного, аргументированного и надежного привлечения этого уже выделенного богатейшего материала необходимо провести трудоемкую работу по синхронизации хронологических шкал: Североευропейской и Волховской (Старая Ладога, Рюриково городище, Новгород) или хотя бы, для начала, шкалы Бирки и шкалы Старой Ладоги.

Литература

- Богуславский 1988 — *Богуславский О.И.* Древнейший погребальный памятник Юго-Восточного Приладожья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. [1]. Новгород, 1988.
- Богуславский 1991 — *Богуславский О.И.* К хронологии Юго-Восточного Приладожья IX—XII веков // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Сборник статей молодых ученых. Л., 1991.
- Богуславский 1992а — *Богуславский О.И.* Южное Приладожье во второй половине I — начале II тысячелетия н. э. (опыт историко-культурной периодизации). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992
- Богуславский 1992б — *Богуславский О.И.* Юго-восточное Приладожье и трансевразийские связи IX—XI веков // Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб., 1992.
- Богуславский 2006 — *Богуславский О.И.* Юго-восточное Приладожье и Ладожская земля (вопросы соотношения) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 1. СПб., 2006.
- Богуславский, Мачинская 1993 — *Богуславский О.И., Мачинская А.Д.* Сясьское городище и поселения нижнего Поволховья (опыт сопоставления) // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. Сборник археологических статей в честь 65-летия Дмитрия Алексеевича Мачинского / ПАВ. 6. СПб., 1993.
- Бліфельд 1977 — *Бліфельд Д.И.* Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.
- Волковицкий, Селин, Френкель 2007 — *Волковицкий А.И., Селин А.А., Френкель Я.В.* Охранные раскопки в Старой Ладоге в 2004 г. (предварительное сообщение) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы ЛII заседания. Псков, 2007.
- Голубева 1973 — *Голубева Л.А.* Вещь и славяне на Белом озере. X—XIII в. М., 1973.
- Горюнова 2002 — *Горюнова В.М.* Раннегончарная керамика Рюрикова городища и Старой Ладоги. Опыт синхронизации // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002.
- Гущин 1936 — *Гущин А.С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII в. М.; Л., 1936.
- Давидан 1962 — *Давидан О.И.* Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 4. 1962.
- Давидан 1968 — *Давидан О.И.* О происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 10. 1968.

- Давидан 1971 — *Давидан О.И.* К вопросу о контактах Древней Ладоги со Скандинавией (по материалу нижнего слоя Староладожского городища) // Скандинавский сборник. XVI. Таллин, 1971.
- Дубов 1976 — *Дубов И.В.* Новые раскопки Тимерёвского могильника // КСИА. Вып. 146. 1976.
- Дубов 1997 — *Дубов И.В.* О биконических проволочных бусах северного происхождения // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М.; Петрозаводск, 1997.
- Ениосова, Пушкина 2006 — *Ениосова Н.В., Пушкина Т.А.* Скандинавские украшения из гнездовых кладов // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Международная научная конференция. Тезисы докладов. СПб., 2006.
- Захаров 2004 — *Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.
- Кирпичников 1980 — *Кирпичников А.Н.* Новооткрытая Ладожская каменная крепость IX–X вв. // Памятники культуры. Новые открытия. 1979. Л., 1980.
- Кирпичников 1995 — *Кирпичников А.Н.* Ладога VIII–X вв. и ее международные связи // Славяно-русские древности. Вып. 2. Древняя Русь: новые исследования. СПб., 1995.
- Кирпичников 2002 — *Кирпичников А.Н.* Производственный комплекс IX в. из раскопок Старой Ладоги // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.
- Кирпичников 2004 — *Кирпичников А.Н.* Раскопки Староладожского «Земляного городища» в 2003 г. // Старая Ладога. Международная археологическая экспедиция-школа. СПб., 2004.
- Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986 — *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги (руско-скандинавские отношения древнерусского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986.
- Корзухина 1954 — *Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.
- Корзухина 1961 — *Корзухина Г.Ф.* О времени появления укрепленного поселения в Ладоге // СА. № 3. 1961.
- Корзухина 1964 — *Корзухина Г.Ф.* Новые находки скандинавских вещей близ Торопца // Скандинавский сборник. VIII. Таллин, 1964.
- Корзухина 1971a — *Корзухина Г.Ф.* О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги // Скандинавский сборник. XVI. Таллин, 1971.
- Корзухина 1971b — *Корзухина Г.Ф.* Курган в урочище Плакун близ Ладоги // КСИА. Вып. 125. 1971.
- Корзухина 1973 — *Корзухина Г.Ф.* Некоторые находки бронзолитейного дела в Ладоге // КСИА. Вып. 135. 1973.
- Корзухина, Давидан 1969 — *Корзухина Г.Ф., Давидан О.И.* Раскопки на урочище Плакун близ Старой Ладоги // АО 1968. 1969.
- Кузьмин 1991 — *Кузьмин С.Л.* О хронологическом соотношении сопок и длинных курганов (по материалам западных районов Новгородской земли) // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Сборник статей молодых ученых. Л., 1991.
- Кузьмин 1997 — *Кузьмин С.Л.* Ярусная стратиграфия нижних слоев Староладожского городища // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. Т. 1. СПб.; Псков, 1997.
- Кузьмин 2000 — *Кузьмин С.Л.* Стратиграфия и некоторые проблемы истории Староладожского поселения VIII–X // *Stratum plus*. № 5. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000.
- Кузьмин 2003 — *Кузьмин С.Л.* Пожары и катастрофы в Ладоге: 250 лет непрерывной жизни // Ладога. Первая столица Руси — 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 2002 г. Сборник статей. СПб., 2003.
- Кузьмин 2008 — *Кузьмин С.Л.* Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII – начало XII в.) // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб., 2008.
- Кузьмин, Мачинская 1989 — *Кузьмин С.Л., Мачинская А.Д.* Ладога и ее округа в VIII–X вв. // Тезисы докладов XI Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М., 1989.
- Кузьмин, Петров 1990 — *Кузьмин С.Л., Петров Н.И.* «Большие дома» Северо-западной Руси VIII–XI вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 3. Новгород, 1990.
- Львова 1968 — *Львова З.А.* Стекланные бусы Старой Ладоги (Часть I) // АСГЭ. Вып. 10. 1968.
- Лесман 1984 — *Лесман Ю.М.* Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.
- Лесман 1988 — *Лесман Ю.М.* Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. [1]. Новгород, 1988.

- Лесман 1996 — *Лесман Ю.М.* Хронология средневековых древностей лесной зоны Восточной Европы // Археология Петербурга (Archaeologia Petropolitana). 1/1996. СПб., 1996.
- Макаров 1990 — *Макаров Н.А.* 1990. Население русского Севера в XI–XIII вв. По материалам могильников восточного Прионежья. М., 1990.
- Мачинский 2003 — *Мачинский Д.А.* Ладога — древнейшая столица Руси и ее «ворота в Европу» // Старая Ладога. Древняя столица Руси. Каталог выставки. СПб., 2003.
- Михайлов 1996 — *Михайлов К.А.* Южноскандинавские черты в погребальном обряде Плакунского могильника // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 10. Новгород, 1996.
- Михайлов 1997 — *Михайлов К.А.* Погребение воина с конями на вершине Плакунской сопки в свете погребальных традиций эпохи викингов // Древности Поволховья. СПб., 1997.
- Михайлов 2002 — *Михайлов К.А.* Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки о хронологии и топографии) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.
- Михайлов 2003 — *Михайлов К.А.* Курганные могильники старой Ладоги // Старая Ладога. Древняя столица Руси. Каталог выставки. СПб., 2003.
- Михайлов 2003а — *Михайлов К.А.* Время появления камерных погребений в Старой Ладоге // Ладога. Первая столица Руси — 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской Старая Ладога, 21–23 декабря 2002 г. Сборник статей. СПб., 2003.
- Михайлов 2005 — *Михайлов К.А.* Древнерусские элитарные погребения X–начала XI вв. (по материалам захоронений в погребальных камерах). Автореф. дис.... канд. ист. наук. СПб., 2005.
- Мурашева, Ениосова, Фетисов 2007 — *Мурашева В.В., Ениосова Н.В., Фетисов А.А.* Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007.
- Назаренко 1985 — *Назаренко В.А.* Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Л., 1985.
- Назаренко 1997 — *Назаренко В.А.* О возможной интерпретации захоронения в кургане № 11 Плакунского могильника // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. Т. II. СПб.; Псков, 1997.
- Назаренко 1997а — *Назаренко В.А.* Об одной особенности планировки ладожской застройки VIII–X вв. (по материалам «Земляного городища») // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской, Старая Ладога, 20–22 декабря 1997 г. Материалы к чтениям. СПб., 1997.
- Носов 1976 — *Носов Е.Н.* Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII–X вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. VIII. Л., 1976.
- Носов 1990 — *Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Носов, Горюнова, Плохов 2005 — *Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб., 2005.
- Панеях 2005 — *Панеях В.М.* Историографические этюды. СПб., 2005.
- Петренко 1985 — *Петренко В.П.* Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.
- Плохов 2007 — *Плохов А.В.* О связи нижнего Поволховья с Западной Европой по керамическим материалам // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007.
- Пушкина 1996 — *Пушкина Т.А.* Новый Гнездовский клад // Древнейшие государства Восточной Европы. Новое в нумизматике за 1994 г. М., 1996.
- Равдоникас 1945 — *Равдоникас В.И.* Старая Ладога // КСИИМК. XI. 1945.
- Рябинин 1985 — *Рябинин Е.А.* Новые открытия в Старой Ладоге // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.
- Рябинин, Черных 1988 — *Рябинин Е.А., Черных Н.Б.* Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя старолadoжского земляного городища в свете новых исследований // СА. № 1. 1988.
- Старая Ладога 2003 — Старая Ладога. Древняя столица Руси. Каталог выставки. СПб., 2003.
- Френкель 1997 — *Френкель Я.В.* Стекланные бусы Сясьского Городища // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1997.
- Френкель 2008 — *Френкель Я.В.* Скандинавский могильник Плакун: время первых погребений и проблема сопоставимости хронологических шкал // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы III заседания. Псков, 2008.
- Херрман 1986 — *Херрман Й.* Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986.

- Черных 1985 — *Черных Н.Б.* Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.
- Черных 1996 — *Черных Н.Б.* Дендрохронология и археология. М., 1996.
- Шапова 1956 — *Шапова Ю.Л.* Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. № 55. 1956.
- Щукин 2004 — *Щукин М.Б.* Река времени (Некоторые замечания о методиках хронологических расчётов эпохи Латена и римского времени) // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. СПб., 2004.
- Aagård 1984 — *Aagård Gun-Britt.* 1984. Gleicharmige Spangen // Birka II:1. Stockholm, 1984.
- Ambrosiani 1984 — *Ambrosiani K.* Kämme // Birka II:1. Stockholm, 1984.
- Arbman 1937 — *Arbman H.* Schweden und das karolingisch Reich. Stockholm, 1937.
- Arbman 1940; 1943 — *Arbman H.* Birka I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm, 1940; Text. Stockholm, 1943.
- Arwidsson 1989 — *Arwidsson G.* Metallperlen // Birka II:3. Stockholm, 1989.
- Callmer 1977 — *Callmer J.* Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca. 800–1000 A.D. Malmö, 1977.
- Gam 1991 — *Gam T.* Glasperlefremstilling i yngre jernalder og vikingetid. En analyse af teknologi og håndværk // Eksperimental Arkæologi. Studier i Kultur og Teknologi 1. Liere, 1991.
- Kivikoski 1973 — *Kivikoski E.* Die eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973.
- Paulsen 1933 — *Paulsen P.* Studien zur Wikenger-Kultur. Neumünster, 1933.
- Petersen 1928 — *Petersen J.* Vikingetidens Smykker. Stavanger, 1928.
- Schoknecht 1977 — *Schoknecht U.* Menzlin ein frühgeschichtlicher Handelsplatz an der Peene. Berlin, 1977.
- Sode 1997 — *Sode T.* Contemporary Anatolian glass beads. An etno-technological study // Perlen. Archäologie, Techniken, Analysen. Akten des Internationalen Perlensymposiums in Mannheim vom 11. bis 14. November 1994. Bonn, 1997.
- Stenberger 1947 — *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands. Der Wikingerzeit. Rd. II. Fundbeschreibung und Tafeln. Lund, 1947.
- Stenberger 1958 — *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands. Der Wikingerzeit. Rd. I. Text. Stockholm, 1958.
- Thunmark-Nylen 1995 — *Thunmark-Nylen L.*, Churchyard finds from Gotland (11th – 12th centuries) // Archaeology East and West of the Baltic. Stockholm, 1995.
- Jansson 1984 — *Jansson I.* Ovale Shalenspangen // Birka II:1. Stockholm, 1984.
- Jansson 1985 — *Jansson I.* Ovale spännbuckllor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-funden. Aun. 7. Uppsala, 1985.
- Zachrisson 1992 — *Zachrisson T.* Silver and gold hoards from the Black Earht // Investigations in the Black Earht. V. 1. Stockholm, 1992.

И. Янссон (Уппсала), *М.В. Потупчик* (Винница),
Ф. Андросчук (Сиггуна)

СКАНДИНАВСКАЯ ФИБУЛА ИЗ ВИННИЦКОЙ ОБЛАСТИ

Настоящая статья посвящена публикации бронзовой фибулы, случайно найденной на территории Винницкой области Украины. Точное место находки не известно, и в настоящее время она принадлежит частному собранию. Наше описание фибулы основано на публикуемой здесь фотографии (рис. 1).

Фибула диаметром 6,2 см отлита из бронзы, двухскорлупная, слегка выпуклая со следами позолоты на верхней ажурной скорлупе. На верхней скорлупе отлита композиция из фигур четырех зверей, представлен вид сверху. Головы зверей изображены с большими глазами и носами и обращены к расположенной в центре шишечке. Головы фигур несколько возвышаются и придают центру фибулы «коронаобразный» вид. С каждой стороны «хребта» туловища зверей можно видеть штриховку. Конечности зверей имеют форму плетения вокруг каждого зверя. Звери изображены с двумя трехпальными лапами, по одной с каждой стороны шеи. Вокруг расположенной в центре шишечки на шеях зверей изображено кольцо, перехваченное лапами зверей. Кольцо, как и все плетеные детали, имеет двухреберчатую поверхность. Край фибулы украшен пояском, декорированным двойной поперечной штриховкой и четырьмя симметрично расположенными рельефными звериными головами.

Нижняя скорлупа прикреплена к верхней при помощи трех маленьких штифтов. С ее тыльной стороны у края расположены иглодержатель, приемник иглы и ушко для подвешивания. Все эти конструктивные детали, как можно судить по фотографии, обломаны, и игла не сохранилась. Поскольку ушко расположено снизу, при одевании фибулы головы зверей вдоль края будут обращены к наблюдателю крестообразно, в то время как звери ажурной композиции — Х-образно.

Слегка выпуклые круглые рельефные фибулы с ушком для подвешивания внизу, украшенные звериным орнаментом, плетенкой или их смесью являются типичными украшениями скандинавской культуры X в. Их можно разделить на две группы. К первой группе относятся фибулы диаметром 4,5–7,3 см, предназначенные для скрепления верхней женской одежды. Анализ материалов могильника Бирка позволил определить, что речь могла идти о куртке с рукавами. Ко второй относятся маленькие диаметром 2,4–3,4 см фибулы, которые скрепляли на груди разрез нижней сорочки (Jansson 1984: 58ff, 75ff). Фибула из Винницкой области принадлежит к типу P116/117 по Петерсену (Petersen 1928: fig. 116–117) или типу ПВ по Янссону (Jansson 1984: 81, Abb. 9: 1), который представляет собой самые большие и многочисленные застежки этой категории. Изображения большеглазых зверей и плетенки на этих фибулах находят ближайшие соответствия в скандинавском стиле Борре.

Тип ПВ известен в двух вариантах. ПВ1 (P117; рис. 2) имеет узкий поясик вдоль края без звериных голов и маленький круг, расположенный в центре. ПВ2 (P116) имеет плоский, более широкий поясик края с четырьмя звериными головами в высоком рельефе, а также расположенную в центре большую шишечку. Фибула из Винниччины как раз принадлежит последнему варианту. Первоначальным вариантом этих украшений был тип ПВ1, орнамент которого, как правило, лучше и более детально выполнен, в то время как фибулы типа ПВ2 представляют более роскошный вариант. Однако какого-либо хронологического различия в сочетаниях находок этих двух вариантов не наблюдается.

Рис. 1. Большая круглая фибула типа ПВ2 (P116) из Винницкой области и ее тыльная сторона. (фото М.В. Потупчика)

Согласно опубликованным ранее сводкам о находках подобных фибул (Petersen 1928: 115–117; Дедюхина 1967: 199–201; Capelle 1968: 114, Karte 18; Jansson 1984: 81), известно около 50 экземпляров фибул типа ПВ. Один происходит из Дании, 11 фибул найдены в Норвегии, 6 — в различных погребениях Бирки и около 20 происходят из разных мест в Швеции, одна находка известна на Аландских островах и 13 фибул зафиксированы в России. Шведские находки происходят из следующих провинций: Småland, Öland, Närke, Södermanland, Uppland, Västmanland, Dalarna, Gästrikland, Jämtland, Västerbotten. Наибольшая их концентрация связана с провинцией Västmanland, расположенной к северо-западу от озера Меларен. Фибула из провинции Västerbotten, которая находится вне скандинавского культурного ареала, найдена в погребении на острове в Ботническом заливе (Christiansson 1969: 197ff, fig. 1–2). Российские находки происходят из Гнёздова, Верхнего Поволжья и, прежде всего, Юго-Восточного Приладожья (Дедюхина 1967: 199–201; Кочуркина 1973: 85). Наиболее обычным вариантом среди рассматриваемых фибул является тип ПВ2. В отдельных регионах (например, Västmanland) этот вариант определенно доминирует, в то время как равное соотношение между обоими вариантами можно наблюдать в Бирке и Норвегии.

Обращаясь к датировке экземпляров данного типа важно учитывать их сочетания с определенными типами скорлупообразных фибул. Пять из шести погребений с большими круглыми фибулами ПВ в Бирке были встречены вместе со скорлупообразными фибулами типа P51C (прежде всего, с вариантом P51C3). Шестое погребение содержало уникальный тип скорлупообразных фибул, но на основании других вещей, найденных в этом погребении, можно полагать, что и оно относится к тому же времени, что и упомянутые выше погребения (Jansson 1984: 83). Также вне Бирки можно отметить связь между фибулами типа ПВ и скорлупообразными фибулами типа P51C. Единичные случаи обнаруживают связь с приблизительно одновременными фибулами типа P52. На основании этих сочетаний и находок монет можно сделать вывод, что фибулы типа ПВ использовались, прежде всего, во второй четверти — середине X в., т. е. относятся ко времени, близкому к финалу Бирки (Jansson 1985: 131, 138, 161f, 172f, 174f, 182, fig. 108, 110, 121, 123, 127, 129). Одно из рассматриваемых ниже погребений, исследованных в России, указывает, что в единичных случаях эти фибулы могли использоваться еще и в XI в.

Фибулы типа ПВ происходят как из раннегородских центров типа Бирки и Гнёздова, так и из сельских районов. Многие найдены на обычных кладбищах, без каких-либо намеков на особое богатство, но известны тоже экземпляры, связанные со средой высокого социального статуса. Прежде всего, речь идет о погребениях в Бирке (погребения № 644, 731, 750, 791, 845, 847; Arbman 1940–1943; Jansson 1985: fig. 108). Пять из них представляют собой камерные погребения, из которых три — парные. Монеты и другие предметы из серебра найдены во всех шести погребениях, маленькие золотые предметы найдены в трех из них. Одно погребение (№ 750), кроме молоточка Тора, содержало крестовидную подвеску из серебра. Эта подвеска принадлежит к самому раннему типу христианских крестов в Скандинавии, который представлен также в Гнёздове, Шестовице, Киеве и Искоростене (Staecker 1999: 91ff, 487–502; Jansson 2005: 76–82; Зоценко, Звіздецкий 2006: 76–82). В погребении № 845 была найдена женщина

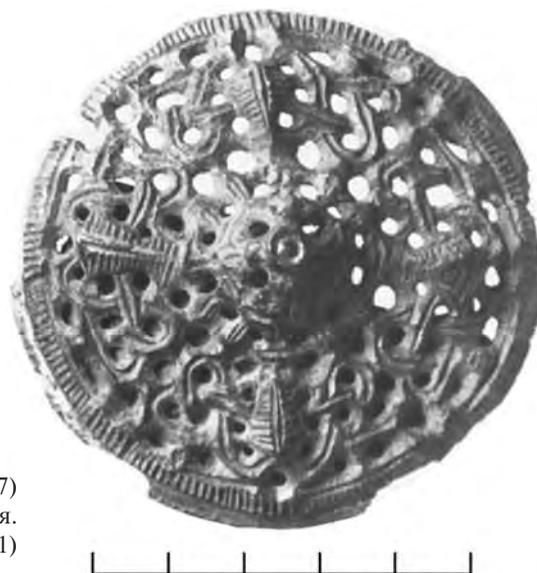

Рис. 2. Большая круглая фибула типа ПВ1 (P117)
из погребения 750 могильника Бирки, Швеция.
(Jansson 1984: Abb. 9:1)

в сидячем положении с железным жезлом на коленях, который интерпретируется как ритуальный объект (Price 2002: 140, 181ff, 186ff, fig. 3.10–11, 3.59).

Среди других шведских погребений следует упомянуть погребения в ладьях 23В и 79 из Туна в приходе Badelunda, в провинции Västmanland (Nylén, Schönback 1994: 87ff, 130ff, fig. 121, 161). Они принадлежат известному могильнику, где ограниченное количество женщин было погребено в ладьях без сожжения (ср. могильники Vendel и Valsgårde в провинции Uppland, где наоборот, мужчины погребены в ладьях). Погребальный инвентарь из этих погребений не особенно богатый, но одно из них содержит две скорлупообразные фибулы типа P51C3.

Другой шведский пример связан с погребением № 15 могильника Jägarbacken в городе Örebro, в провинции Närke (Hansson 1983: 8, 15, 24; Price 2002: 194f, fig. 3.81–82). Здесь, кроме фибулы типа ПВ2, найдены две скорлупообразные фибулы типа P52, маленькая серебряная круглая фибула и серебряная кресаловидная привеска. Интересной деталью является то, что скорлупообразные фибулы были найдены не в кострище, а над погребением под дерном, а само кострище было проткнуто железным жезлом, аналогичным упомянутому выше из погребения № 845 в Бирке.

Необходимо также упомянуть курган «Tinghaugen» в Ytre Arna, приход Haus в Hordaland, в западной Норвегии. Здесь в насыпи были выявлены остатки парного сожжения, покрытого берестой, на которой лежали фибула типа ПВ1, маленькая круглая фибула типа P129, две скорлупообразные фибулы типа P51C1, два меча типов P и X, два топора типа I по Петерсену (Schetelig 1903: 11ff; 1912: 195ff, fig. 452–472).

Среди русских находок имеется несколько экземпляров, которые обращают на себя внимание. В их числе необходимо упомянуть два погребения из Юго-Восточного Приладожья. В состав кремации исследованной в д. Залющик на р. Паша входила большая круглая фибула варианта ПВ2 и две скорлупообразные фибулы типа P51C3, а также разные украшения финно-угорского характера (Salonen 1929: 244 f, Abb. 3). Другое погребение — ингумация, исследованная Н.Е. Бранденбургом в деревне Вахрушево на р. Паша, — заметно отличается от всех рассматриваемых здесь погребений как по своему культурному контексту, так и датировке. В одежде погребенной преобладают украшения, характерные для финно-угорской среды Юго-Восточного Приладожья XI в.: на груди три маленькие бронзовые подковообразные фибулы, серебряные шейная гривна, браслет и перстень, а также четыре бронзовых бубенчика, найденные в разных местах погребения. В этом погребении единственный скандинавский предмет — круглая фибула типа ПВ1, обнаруженная у таза, что указывает на ее вторичное (нескандинавское) использование. Приемник иглы этой фибулы отремонтирован, и к ушку привешена цепочка финно-угорского характера. В состав обнаруженного в погребении ожерелья входили шесть серебряных монет, переделанных в привески: пять арабских монет династии Саманидов и подделки, а также немецкая монета, чеканенная при епископе Лиутольфе в Аугсбурге в 987–996 гг. (Бранденбург 1895: 131, погребение 117: 4, табл. 1: 6; Arne 1914: 29, fig. 7; Равдина 1988: 32). Последняя монета является одной из редких западноевропейских монет конца X–XI в., найденных в погребениях с украшениями, характерными для могильника

Бирки и других памятников того же времени. Еще один пример дает соседняя ингумация 117: 2 в том же кургане в Вахрушеве. Это свидетельствует о том, что большие круглые фибулы типа ПВ в отдельных случаях использовались, по крайней мере, во вторичной функции, еще в XI в.

Предложенная датировка больших круглых фибул типа ПВ, а также их встречаемость со скорлупообразными фибулами типов P51C и P52 позволяют уточнить время бытования мечей типа Х по Яну Петерсену. Последний, как известно, выделил два варианта этих мечей — «ранний» и «поздний» — и датировал их появление первой половиной X в. (Petersen 1919: 159 ff; Андрощук 2004: 5). Вместе с тем, совстречаемость в упомянутом выше норвежском погребении «Tinghaugen», а также Бирке, этих мечей с рассматриваемыми выше большими круглыми фибулами (погребение № 731), фибулами типа Терслев (погребение № 834), а также скорлупообразными фибулами типа P51C (упомянем находки из двух других провинций: Kungsbäck, Gävle, Gästrikland SHM 25170 и Enehagen, Vernamo, Småland SHM 12634: 12; в последнем случае меч найден в насыпи, над кострищем) и типа P52 (Gavleån, Valbo, Gästrikland; Appelgren, Broberg 1996: 85) позволяют отнести бытование «раннего» варианта мечей типа Х ко второй четверти — середине X в. К этому следует добавить еще и стратиграфическое наблюдение. Три из пяти мечей этого типа известны в погребениях Бирки, найденных в курганах, сооруженных до возведения городского вала около середины — второй половины X в. (823A, 834, 855A; Амбросиани, Андрощук 2006: 9).

Таким образом, находка из Винничины должна быть отнесена ко времени наиболее тесных контактов Руси и Скандинавии. Пока это единственная находка украшения такого типа, встреченная на территории Украины и самая западная находка скандинавских женских украшений в Южной Руси (ср. Зоценко 2004: 87–105). Причины такой топографии, скорее всего, нужно искать в контексте изучения синхронных славянских памятников Южного Буга, где известны следы ювелирного производства украшений с зернью, ставших популярными как в скандинавской, так и славянской культурной среде этого времени (Duczko 1983: 224).

Литература

- Амбросиани, Андрощук 2006 — Амбросиани Б., Андрощук Ф. Вооружение и восточные контакты Бирки // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави IX–XI ст.). Чернівці, 2006.
- Андрощук 2004 — Андрощук Ф. О первой археологической находке из Шестовицы // Стародавній Іскоростень і словянські граді VIII–X ст. Київ, 2004.
- Бранденбург 1895 — Бранденбург Н.Е. Курганы Южного Приладожья // МАР. № 18. 1895.
- Дедюхина 1967 — Дедюхина В.С. Фибулы скандинавского типа // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967.
- Зоценко 2004 — Зоценко В.М. Скандинавські артефакти Південно-Західної Русі // Стародавній Іскоростень і словянські граді VIII–X ст. Київ, 2004.
- Зоценко, Звіздецький 2006 — Зоценко В., Звіздецький Б. Типологія та хронологія артефактів «скандинавського» типу із розкопок стародавнього Іскоростеня // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави IX–XI ст.). Чернівці, 2006.
- Кочкуркина 1973 — Кочкуркина С.И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973.
- Равдина 1988 — Равдина Т.В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М., 1988.
- Appelgren, Broberg 1996 — Appelgren K., Broberg A. Gravar och ugnar vid Gavleån. Gästrikland. Rapport. UV. Stockholm, 1996.
- Arbman 1940–1943 — Arbman H. Birka I. Die Gräber. Tafeln. Text. Stockholm, 1940–1943.
- Arne 1914 — Arne T. La Suède et l’Orient. Uppsala, 1914.
- Capelle 1968 — Capelle T. Der Metallschmuck von Haithabu. Studien zur wikingischen Metallkunst. Die Ausgrabungen in Haithabu. 5. Neumünster, 1968.
- Christiansson 1969 — Christiansson H. Obbolagraven och dess runda spännen // Nordsvensk forntid. Kungl. Skytteanska samfundets handlingar. 6. Umeå, 1969.
- Duczko 1983 — Duczko W. En slavisk pärla från Uppland // Tor. XIX. 1983.
- Hansson 1983 — Hansson P. Jägarbacken (Borrarbacken). Ett gravfält från yngre järnåldern. Örebro, 1983.
- Jansson 1984 — Jansson I. Grosse Rundspangen // Birka II: 1. Stockholm, 1984.

Jansson 1985 — *Jansson I.* Ovals spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fyndet. Aun. 7. Uppsala, 1985.

Jansson 2005 — *Jansson I.* Situationen i Norden och Östeuropa för 1000 år sedan — en arkeologs synpunkter på frågan om östkristna inflytanden under missionstiden // Från Bysans till Norden. Östliga kyrkoinfluenser under vikingatid och tidig medeltid. Skellefteå, 2005.

Nylén, Schönback 1994 — *Nylén E., Schönback B.* Tuna i Badelunda. Guld kvinnor båtar. 2. Västerås, 1994.

Petersen 1919 — *Petersen J.* De norske vikingesverd. En typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaaben. Videnskapsselskapets skrifter, II. Hist.-filos. Klasse. Kristiania, 1919. (рус. перевод: *Петерсен Я.* Норвежские мечи эпохи викингов. Типохронологическое изучение оружия эпохи викингов. СПб., 2005).

Petersen 1928 — *Petersen J.* Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928.

Price 2002 — *Price N.* The Viking way. Religion and war in Late Iron Age Scandinavia. Aun. 31. Uppsala, 2002.

Salonen 1929 — *Salonen H.* Gräberfunde aus dem Ladogagebiet // Eurasia septentrionalis antiqua. 4. 1929.

Schetelig 1903 — *Schetelig H.* Fortegnelse over saker indkomne i 1903 // Bergens museums årbok. 1903.

Schetelig 1912 — *Schetelig H.* Vestlandske graver fra jernalderen // Bergens museums skrifter. 2: 1. Bergen, 1912.

Staecker 1999 — *Staecker J.* Rex regum et dominus dominorum: die wikingzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdänemark und Schweden. Stockholm, 1999.

SHM = Statens historiska museum (Государственный исторический музей, Стокгольм). <http://mis.historiska.se/mis/sok/sok.asp>

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ — Археологические вести. Санкт-Петербург, Москва
А ИА РАН — Архив Института археологии РАН, Москва
АЛЮР — Археологическая летопись Юга России. Киев
АН СССР — Академия наук СССР
АО — Археологические открытия. Москва
АП — Археологічні пам'ятки Української РСР. Київ
АІГ НАНБ — Архіў Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.
Минск
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
БХИМ — Березниковский художественно-исторический музей
ВА ГРМ — Ведомственный архив Государственного Русского музея. Санкт-Петербург
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск; Екатеринбург
ВВ — Византийский временник. СПб.; Москва
Векове — Векове. София
ВНИИР — Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации музейных ценностей, Москва
ГАЗ — Гістарычна-археалагічны зборнік. Минск
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей. Москва
ГЭ — Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург
ДГУ — Днепропетровский государственный университет
Добруджа — Добруджа. Варна
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб
ИАК — Императорская Археологическая Комиссия. Санкт-Петербург
Известия ИАК — Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб.; Петроград
ИА НАНУ — Институт археологии Национальной академии наук Украины. Киев
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук. Москва
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
ИЕИМ — Известия на Етнографския институт с музей. София
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург
ИМСЗБ — Известия на на музеите от Северозападна България. София—Враца
ИНИМ — Известия на Националния исторически музей. София
ИНМВ — Известия на Народния музей Варна
ИОАИЭКУ — Известия Общества археологии, истории и этнографии Казанского университета. Казань
ИПр — Исторически преглед. София
ИРЛИ — Институт Русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Санкт-Петербург
ІРНБУ — Інститут рукописів Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського. Київ
КИМ — Киевский исторический музей
КМДИ — Киевский городской музей древностей и искусств

- КОИХМ — Калининградский областной историко-художественный музей
КПХО — Книга поступлений Художественного отдела Русского музея. Санкт-Петербург
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИАУ — Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР. Киев.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
ЛАИ ПГПУ — Лаборатория археологических исследований Пермского государственного педагогического университета
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории
МАНГР — Материалы по археологии восточных губерний России. М.
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии. Симферополь
МАР — Материалы по археологии России. СПб.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИДУ — Музей исторических драгоценностей Украины, филиал НМИУ, Киев
МИФ — Миф. София
МПК — Музеи и паметници на културата. София
НА ИА НАНУ — Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины. Киев
НАЭ — Новгородская археологическая экспедиция
НМИУ — Национальный музей истории Украины. Киев
ОАК — Отчет Императорской Археологической Комиссии. СПб.
ОИФН — Отделение историко-филологических наук Российской академии наук. Москва
ПАВ — Петербургский археологический вестник. СПб.
ПБМА — полибутилметакрилат
ПГОИАХМЗ — Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ПГПУ — Пермский государственный педагогический университет
ПОКМ — Пермский областной краеведческий музей
ППИК — Проблемы на праболгарската история и култура. София—Шумен
ПУАК — Полтавская ученая архивная комиссия
РА — Российская археология. Москва
РАЛОИА / ИИМК — Рукописный архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР / Института истории материальной культуры РАН
РАН — Российская академия наук
РА НА ИИМК РАН — Рукописный архив Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук
РАО — Русское археологическое общество. Санкт-Петербург
РЭМ — Российский этнографический музей. Санкт-Петербург
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М.; Л.
СГУ — Симферопольский государственный университет
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
ТИМАО — Труды Императорского Московского Археологического общества. М.
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР. М.
ТНУ — Таврический национальный университет. Симферополь
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы. Л.; СПб.
ТрудыТАЭ — Труды Тульской археологической экспедиции. Тула
ФА НА ИИМК РАН — Фотоархив Научного архива Института истории материальной культуры РАН
ХГУ — Харьковский государственный университет
ЧИМ — Черниговский исторический музей им. В.В. Тарновского
ЧИОНЛ — Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Киев
ЧКМ — Чердынский краеведческий музей
- AMV — Acta musei Varnaensis. Varna
АН — Archaeologia Hungarica. Budapest
АР — Archeologia Polski. Warszawa
АŞМ — Academia de Ştiinţe a Moldovei. Chişinău

-
- Aun — Archaeological studies. Uppsala University. Institute of North European Archaeology / Societas archaeologica Upsaliensis. Institutionen för arkeologi och antik historia, Uppsala universitet. Uppsala
- BAR — British Archaeological Reports. Oxford
- BCH — Buletin Corespondance helléniques. Paris
- BSNR — Buletinul Societății Numismatice Române. București
- CA — Cahiers archéologiques. Paris
- CCA — Cronica cercetărilor arheologice. București
- CIAC — Congrès international d'archéologie chrétienne
- CN — Cercetări numismatice, Muzeul Național de Istorie a României. București
- Dacia — Dacia. Revue d'archéologie et d'histoire ancienne. Bucarest
- DACL — Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie. Paris
- DOP — Dumbarton Oaks Papers. Washington
- EN — Ephemeris Napocensis. Cluj Napoca
- ET — Etudes et travaux. Paris
- Hesperia — Hesperia. Athena
- ICEM — Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, Tulcea
- Istros — Istros. Muzeul Brăilei
- KVHAA — Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, Stockholm
- LA — Lietuvos archeologija. Vilnius
- LUHM — Lunds Universitets Historiska Museum
- MAB — Monumenta Archaeologica Barbarica
- MAK — Muzeum Archeologiczne w Krakowie
- MINAC — Muzeul de istorie națională și arheologie, Constanța
- MNK — Muzeum Narodowe w Krakowie
- Mousaios — Mousaios. Muzeul județean Buzău.
- Museum f. V. u. F — Staatliches Museum für Vor- und Frühgeschichte. Berlin.
- PA — Památky archeologické. Praha
- Peuce — Peuce, Studii și cercetări de istorie și arheologie, Institutul de Cercetări Eco-Muzeale. Tulcea
- Pontica — Pontica, Muzeul de Istorie Națională și Arheologie. Constanța
- p.p.m. — parts per million
- RAC — Revista di archeologia christiana. Roma
- RESEE — Revue des études sud-est européennes. București
- RI — Revista istorică. București
- RIC — The Roman imperial coinage. London
- SCIA — Studii și cercetări de istoria artei. București
- SCIV(A) — Studii și cercetări de istorie veche și (arheologie). București
- SCN — Studii și cercetări de numismatică. București
- SHM — Statens Historiska Museum, Stockholm
- SPÖG — Schriften d. phys. ökon. Gesellsch. Jg. Königsberg
- UV — Riksantikvarieämbetets arkeologiska uppdragsverksamhet, Sverige

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Аксёнов Виктор Степанович — заведующий Отделом археологии Харьковского государственного исторического музея им. Г. Сковороды, Украина
- Андрощук Фёдор Александрович — археолог-исследователь, музей Сигтуны, Швеция
- Асташова Наталья Ивановна — ст. научный сотрудник Государственного исторического музея, Москва
- Атанасов Георгий — исследователь, Исторический музей Силистры, Болгария
- Баранов Вячеслав Игоревич — мл. научный сотрудник Отдела археологии Киева Института археологии НАНУ, Киев
- Воронцов Алексей Михайлович — заведующий отделом Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле», Тула
- Веремейчик Елена Михайловна — доцент Черниговского государственного педагогического университета им. Т.Г. Шевченко, Украина
- Герцен Александр Германович — профессор, декан исторического факультета Таврического национального университета, Симферополь, Крым, Украина
- Григорьев Александр Вадимович — археолог и реставратор, Москва
- Ёлшин Денис Дмитриевич — научный сотрудник Отдела архитектурной археологии Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург
- Жилина Наталья Викторовна — ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, Москва
- Зайцева Ирина Евгеньевна — научный сотрудник Института археологии РАН, Москва
- Зоценко Владимир Николаевич (1955–2009) — ст. научный сотрудник Института археологии НАНУ, Киев
- Иевлев Михаил Михайлович — ст. научный сотрудник Отдела археологии Киева Института археологии НАНУ, Киев
- Калашникова Наталья Моисеевна — заместитель директора Российского этнографического музея, Санкт-Петербург
- Клейн Лев Самойлович — профессор Санкт-Петербургского государственного университета
- Комар Алексей Викторович — ст. научный сотрудник отдела древнерусской археологии Института археологии НАНУ, Киев
- Крук Мирослав Петр — исследователь, Гданьский университет / Национальный музей в г. Краков, Польша
- Кулаков Владимир Иванович — ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, Москва — Калининград
- Кулькова Марианна Алексеевна — доцент Санкт-Петербургского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
- Крыласова Наталья Борисовна — ведущий научный сотрудник Пермского филиала Института истории и археологии Уральского отделения РАН
- Лесман Юрий Михайлович — ст. научный сотрудник Отдела архитектурной археологии Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург

- Ливох Радослав — исследователь, Археологический музей в г. Краков, Польша
- Медведева Мария Владимировна — научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
- Михайлик Лариса Петровна — археолог-исследователь, Москва
- Михайлов Александр Валерьевич — заведующий лабораторией археологии и культурного наследия Псковского государственного педагогического университета
- Мэнуку-Адамештеану Георгий — куратор Муниципального музея в г. Бухарест, Румыния
- Новаковская-Бухман Светлана Михайловна — ст. научный сотрудник Государственного Русского музея, Санкт-Петербург
- Павлова Ваня (1952–2010) — куратор Регионального исторического музея в г. Варна, Болгария
- Пекарская Людмила Вячеславовна — археолог-исследователь, Британский музей, Лондон
- Пескова Анна Анисимовна — ст. научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
- Петрухин Владимир Яковлевич — ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, Москва
- Пивоварова Надежда Валерьевна — ст. научный сотрудник Государственного Русского музея, Санкт-Петербург
- Плавинский Николай Александрович — мл. научный сотрудник Института истории НАН Беларуси, Минск
- Плохов Алексей Вячеславович — научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
- Подосёнова Юлия Александровна — директор Музея археологии и этнографии Пермского Приуралья, ПГПУ
- Покровская Любовь Владимировна — ст. научный сотрудник кафедры археологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
- Полл Ингрид Диана — научный сотрудник Муниципального музея в г. Бухарест, Румыния
- Потупчик Михаил Валентинович — заведующий Сектором охраны культурного наследия Управления культуры и туризма Винницкой областной государственной администрации, Винница, Украина
- Пуцко Василий Григорьевич — заместитель директора Калужского областного художественного музея, Калуга
- Рябцева Светлана Станиславовна — ст. научный сотрудник Института культурного наследия АН Республики Молдова, Кишинёв
- Сагайдак Михаил Андреевич — директор Центра археологии Киева Института археологии НАНУ, Киев
- Салмин Сергей Анатольевич — ст. научный сотрудник Археологического центра Псковской области, Псков
- Сарачева Татьяна Григорьевна — заведующая филиалом «Покровский собор» Государственного исторического музея, Москва
- Сергеева Марина Сергеевна — научный сотрудник Отдела археологии Киева Института археологии НАНУ, Киев
- Степанова Юлия Владимировна — доцент кафедры отечественной истории Тверского государственного университета, Тверь
- Строкова Людмила Владимировна — директор Музея исторических драгоценностей Украины, Киев
- Сытая Людмила Фёдоровна — научный сотрудник Черниговского исторического музея им. В.В. Тарновского, Чернигов
- Фетисова Ольга Александровна — исследователь, Санкт-Петербург
- Френкель Яков Викторович — ведущий сотрудник редакционно-издательского отдела Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург

- Хамайко Наталья Витальевна — мл. научный сотрудник Центра археологии Киева ИА НАНУ, Киев
- Хомякова Ольга Алексеевна — ст. научный сотрудник Калининградского областного историко-художественного музея
- Шаблавина Екатерина Арнольдовна — мл. научный сотрудник Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург
- Щеглова Ольга Алексеевна — ст. научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
- Янссон Ингмар — профессор, Уппсала, Швеция
- Яшаева Татьяна Юсуфовна — заведующая отделом Национального заповедника «Херсонес Таврический», Севастополь, Крым, Украина

SUMMARIES

Leo Klejn (Saint-Petersburg)

From the Hoards of Russia: G. F. Korzukhina

Gali Feodorovna Korzukhina, a hereditary intellectual, granddaughter of a known artist and a daughter of an architect, was destined to deal with Russian art. She grew up in a family with democratic traditions and was filled with civic dignity. No wonder that later, in the Institute for the History of Material Culture, she became part of the backbone that made it possible for the team to maintain the reputation of high scholarship despite all upheavals and the Soviet ideological pressure. Korzukhina studied artifacts of the early Medieval period, Russian hoards in particular, and other materials formerly studied by N. P. Kondakov. Like his apprentices in the early 20th century, the so-called ‘fact-worshippers’, she revived in practice his idea of Combinationism (formation of the new on the basis of crossing of different ethnic components), and especially his methods of iconographic analysis. With her natural inclination to reveal latent order in everything (from football matches to the traffic of vessels along the Neva), she sought one in the archaeological materials either. That was a specific trait of her personality as a researcher. In her thriving to acquire a clear picture she never projected a theory on the material, but she always relied on the material itself, classifying it and revealing interconnections. Due to this very approach it was Korzukhina who, side by side with I. I. Lyapushkin and M. A. Tikhanova, managed to withstand the doctrine implanted by B. A. Rybakov and P. N. Tretyakov. This was the speculative doctrine of the through (penetrating several millennia) continuity in the development of Russian culture and state in the Ukraine. The doctrine was popular only because it met the political situation. Korzukhina defended not merely the objective picture of ethnogenesis on the territory of the Ukraine, but also the picture of ethnic diversity of the Russian plain in the second half of the 1st millennium A.D. Among other peoples, she spared a place there for Normans, opposing her views to the ultra-patriotic theories developed by Anti-Normanists. G. F. Korzukhina’s contribution to archaeology is unforgettable. Its estimation grows, along with its value. The scholar’s unpublished papers become printed, and nowadays her role in the history of Russian archaeology is getting increasingly important and irrefutable.

Illustrations:

Fig. 1 — P. 17.

The “cover” of G. F. Korzukhina’s unpublished manuscript “The Origins of Rus”, 1951.

Fig. 2. — P. 18.

I.P. Shaskolsky. L.S. Klejn’s friendly jests, middle 1960’s.

Fig. 3. — Pp. 20–21.

Draft of “Norman Battle” with friendly jests for the disputants of “Varangian discussion”. From left to right top-down: I. V. Stepanov, S. L. Peshtich, I. P. Shaskolsky, A. L. Shapiro, L. S. Klejn, G. F. Korsukhina.

Marija Medvedeva (Saint-Petersburg)

The Heritage of G. F. Korzukhina in the Materials of the Photo Archive of the Russian Academy of Sciences Institute for the History of Material Culture

The article gives the description of photographic materials connected with the work of Galy Feodorovna Korzukhina, which are in custody of the Institute. It gives more precise

information concerning the chronological characteristics and the circumstances under which the materials were obtained by the Archive. The connection is maintained between the photographs and the published works and subjects studied by G. F. Korzukhina, as well as the archive files stored in the Russian Academy of Sciences Institute for the History of Material Culture. The published material provides a wider scope of the scholar's heritage stored in archives and is a part of collective work on the publication of the collections of the Institute.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 25.

G. F. Korzukhina. 1 — 1930; 2 — 1935; 3 — 1949; 4 — early 1960's; 5 — 1970.

Fig. 2. — P. 26.

Expedition at Staraya Ladoga, 1947. 1 — Galy Feodorovna and her son are sitting on the wall, top row; 2 — G. F. Korzukhina (on the right) working at the excavation.

Fig. 3. — P. 27.

Expedition at Toropets, 1960. 1 — the team, from left to right: M. V. Malevskaya, E. Vilinbakhova, T. Ratner, G. F. Korzukhina, K. D. Laushkin; 2–3 — G. F. Korzukhina guides trial-pits digging at the "Big Hillfort".

Olga Scheglova (Saint-Petersburg)

The Heritage of G. F. Korzukhina in the Manuscript Archive Collection of the Scientific Archive of the Russian Academy of Sciences Institute for the History of Material Culture

The article describes the formation and acquisition of new materials for the archival Fund № 77 — the personal fund of Galy Feodorovna Korzukhina, which is preserved as part of the the Manuscript Archive Collection of the Russian Academy of Sciences Institute for the History of Material Culture, and which includes the materials of published works, topical collections of various documents (extracts, pictures, photographs), as well as the texts of unpublished articles and monographs. Fund № 77 include 164 archive files reflecting the results of the scholar's work since 1926 to 1974.

Specially interesting are the finished manuscripts of two monographs — "The Origins of Rus'" 1951 (File 43) and "The Ancient Russian Carved Bone" 1954 (File 105), as well as the monumental work "The History of the Dnieper Region in the 5th–7th Centuries" (Files 113–116), which G. F. Korzukhina was writing until her last days, and a number of articles which did not lose neither their subtlety nor their urgency ("The Aurochs Horns in Chernigov Burial Mounds — File 106; "The Problems of History of the Middle Dnieper Region in the 1st Millennium BC" — File 142).

The materials associated with the works composed by the scholar during the period of over 50 years, scrupulously selected and classified, acquired the status of important sources, as among others they describe archeological finds lost in the II World War.

Several topical blocks of materials were singled out, among them "The Jeweller's Art in the Ancient Rus'"; "The Religious Repoussage"; "The Antiquities of Old Ladoga"; "The Parts of Attire with Champlève Enamels"; "The Pieces of the 6th–7th Centuries Artistic Handcraft Within and Outside the Middle Dnieper Region".

Attached to the article are the inventory lists of Fonds № 77 (The Personal fonds of G. F. Korzukhina) and other materials of G. F. Korzukhina, mostly associated with her field work and discovered by the research officer of the Manuscript Archive Collection N. A. Belova in the other fonds of the Manuscript Archive Collection Scientific Archive of the Russian Academy of Sciences Institute for the History of Material Culture.

Nadezhda Pivovarova (Saint-Petersburg)

G. F. Korzukhina in the Russian Museum. On Some Unknown Facts from the Scholar's Biography

The article unveils some unknown facts from the biography of Galy Korzukhina (1906–1974). It is focused on the scholar's work in the Department for Ancient Russian Art of the Russian Museum (1935–1938), where she was the custodian of the precious metals collection. On the basis of the materials from the Departmental Archive and documents from the Department for Ancient Russian Art, the Russian Museum, the author systematizes the facts concerning Galy Korzukhina's work and offers the information about some of her unpublished works and preparatory materials. The author also discovers the reasons which forced the scholar to leave the Russian Museum.

The second part of the article gives an account of the main results of the work on discovering and systematizing the applied arts collections at the Department for Ancient Russian Art, the Russian Museum, greatly contributed to by G. F. Korzukhina.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 65.

A paper from the inventory of the Department for the Old Russian Art, State Russian Museum, with G. F. Korzukhina's notes.

Fig. 2. — Pp. 66–67.

G. F. Korzukhina's report on the ambon of Saint Sophia's Cathedral, Novgorod.

Fig. 3. — P. 68.

G. F. Korzukhina. The description for the catalogue of Russian hoards.

Color page:

01. The cover with the image of a 'Crucifixion' from the Solotchinsky monastery, was donated to the Russian Museum by G.F. Korzukhina, the State Russian Museum.

Victor Aksionov (Kharkov)

The Objects of Slavic Type from the Saltovo Culture Sites in the Upper Donetz Region

The objects of Slavic type are found in some burial complexes of Saltovo-Mayatskaya archeological culture in the basin of the Seversky Donetz river. The studied burials are dated to the second half of the 8th — the beginning of the 9th century. Among the studied objects those associated with female dress dominate. This fact could indicate that these objects came from the Slavic culture through matrimonial relations. The male persons (Alans and Prebulgarians) who came to the Upper Donetz region in the early 8th century used to marry local women. The presence of objects associated with the equipment of a warrior's horse let us suppose that in Saltov military detachments there were representatives of the local population. The discovery of Slavic objects in the closed Saltov complexes confirms the thesis that there existed symbiosis of different ethnic groups: the locals (Slavs and Sarmato-Alans) and the new-comers (Alans and Prebulgarians) in the basin of the Seversky Donetz river.

Illustrations:

Fig. 1.—P. 75.

Objects of Slavic type at Saltovo sites of the upper Donets region: 1–9 — Staro-Saltovsky burial ground, catacomb № 21; 10–16 — Verkhne-Saltovsky (main) burial ground: 10–11 — catacomb № 42, 12–16 — catacomb № 24; 17–25 — Sukhogomolshansky cremation burial ground: 17–19 — burial № 29, 20–23 — burial № 54, 24–25 — burial № 175, fragments of horse's brow-band.

Vjacheslav Baranov (Kiev)

The Burial Complex near Sagi Farm. To the History of the Discovery and Publication of Assemblage

In 1887 near Sagi farm close to town Alyoshki (nowadays town Cyuryupinsk, Kherson region) a rich hunnish complex was occasionally discovered. Eventually, the artifacts from this complex found their place in the State Hermitage Museum. Later some artifacts were published by different scholars as separate items as if found in different places. These facts inevitably decreased the scientific value of the complex and complicated its interpretation. The aim of the publication is to show ones more all the presently surviving finds from "Sagi farm 1887" assemblage and to reveal all the facts concerning this discovery.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 83.

Complex of finds "Sagi Farm, year 1887". 1–2 — big belt buckle; 3–4 — nail-heads; 5 — buckle ring; 6 — belt plate; 7 — fragment of the base of a shoe buckle; 8 — ring; 9 — belt plate; 10, 13 — belt ends; 11 — wire ring; 12 — shoe buckle; 14 — belt end; 15–16 — plaque facing; 17 — belt end facing; 18 — stranded wire necklace; 19–20 — clamps from bridle belts. 1–2, 5–6, 8 — silver; 7, 10–11, 13–18 — gold.

Alexey Vorontsov (Tula)**The New Finds of the Horizon Objects of the East European Champleve Enamels at the Sites of the Oka and Don Watershed**

The article is aimed at denoting the range of antiquities associated with the horizon of East European champleve enamels on the territory of the Oka and Don Watershed. The recent researches made it possible for the first time to determine stratigraphically the archaeological layers connected with this period and to define its position on the local chronological scale. These results allowed to narrow the period of the presence of East European champleve enamels in the region of Oka and Don Watershed to the 2nd half of the 3rd century. The finds associated with the East European champleve enamels are considered together with the other categories of objects and ceramics.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 87.

Hillforts in the region of the Oka and Don watershed, where the items of the circle of East European Champleve enamels were found, and synchronous sites on the contiguous territories: 1 — Supruty, 2 — Porechye, 3 — Schepilovo, 4 — Torkhovo, 5 — Fediashevo, 6 — Duna, 7 — Moshchinskoye, 8 — Ogubskoye, 9 — Troitskoye, 10 — Borisoglebskoye, 11 — Shcherbinskoye, 12 — Kuznechiki t, 13 — Djakovo, 14 — Kuzminsky Burial Ground, 15 — Koshibejevsky Burial Ground, 16 — Lipetskoye, 17 — Podgorenskoye. Map symbols: a — sites belong to Moshchinskaya culture, б — sites belong to Dyakovskaya culture, в — sites belong to Ryazano-Okkskaya Burial Ground culture, r — sites belong to Verkhnedonsky type.

Fig. 2. — P. 88.

Objects from the layer of East-European champleve enamels at the sites of the Oka and Don watershed: 1–9 — Schepilovo hillfort; 10–11 — Supruty hillfort.

Fig. 3. — P. 89.

1–5, 7 — plates with anthropomorphous images from the sites of the late Dyakovo: 1 — Ogubskoye hillfort (according to G. F. Korzukhina), 2, 5 — Troitskoye hillfort (according to A. F. Dubinin), 3, 7 — Scherbinskoje hillfort (according to A. F. Dubinin), 4 — Kuntsevskoye hillfort (according to I. G. Rosenfeldt); 6 — Fragment of Moschinskaya ceramics from Torkhovskiy hillfort.

Fig. 4. — P. 91.

Schepilovo hillfort. The layer of East-European champleve enamels: 1–9 — rough hand-modeled ceramics; 10–14 — glazed hand-modeled ceramics; 15–17 — covers.

Fig. 5. — P. 92.

The place of the layer of East-European champleve enamel finds in the chronology of the sites of the Oka and Don watershed: I — the layer of the sites of Novo-Klejmenovo type; II — the layer associated with the finds of East-European champleve enamels; III — the layer of Moschinskaya culture when influenced by Cherniakhovskaya culture.

Alexey Komar (Kiev)**Fragments of the East European Nomads' footwear, 6th–7th Centuries A.D.**

The paper analyzes the metal details found in the feet area of East European nomad graves. The analysis of sets of metal shoe fragments — their disposition and combination — show that they were part of bandage belts for soft boots.

The reconstruction the schemes of bandage gives two basic types (with variants) used by East European nomads in the 6th–7th centuries A.D. Type I: single bandage belt usually fixed as a figure-of-eight. Type II: bandage with additional moveable or half-moveable heel belt.

Both traditions of bandage originate in the traditions of the Iranian peoples of the Late Antiquity and Early Medieval times (Scythians, Sarmathians, Parthians, Sassanian Perse), although the style of metal fragments found in the graves of East European nomads of the 6th–7th centuries A.D. is usually of Byzantine origin and identical to those found at the Early Medieval cemeteries in the Crimea.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 96.

Shoe details in images of fine arts: 1 — Tovsta mogila (4th c. B. C.); 2–4 — Orlat (1st–2nd c. A.D.); 5 — Takht-i Sangin (1st–2nd c. A.D.); 6 — Persepolis (5th c. B. C.); 7 — statue of Kanishka (mid. of the 2nd c. A.D.);

8–15 — Sassanian silver dishes with royal images: 8 — Khusro I (531–579 A. D.); 9 — Kavad I (488–531 A. D.); 10 — Khusro II? (591–628 A. D.); 11 — unknown (6th c. A. D.); 12 — Khusro II (591–628 A. D.); 13 — unknown (6th–7th c. A. D.); 14 — unknown (7th c. A. D.); 15 — Yazgard I (399–421 A. D.); 16, 17 — Kissuphim (end of the 6th c. A. D.); 18, 19 — Saint Denis basilica (15th c. A. D.).

Fig. 2. — P. 98.

Shoes of 5–6th c. A. D. from Lutchistoe cemetery, reconstruction of E.Khairedinova: I — Gr. 5 Crypt 88; II — Gr. 168; III — Gr. 8 Crypt 176; IV — Gr. 1 Crypt 99.

Fig. 3. — P. 98.

Shoe details of nomads of the 5th — first half of the 6th c. A. D. and variants of bandage reconstruction: 1–6 — Likhachevka, Barrow 6; 7–11 — Novo-Podkrjash, Gr. 3 Barrow 3.

Fig. 4. — P. 99.

Shoe details of nomads of the 6th c. A. D. and variants of bandage reconstruction: 1–3 — Zhivotino, Gr. 4; 4–6 — Shipovo, Gr. 2; 7, 8 — Tsarev, Gr. 2 Barrow 66; 9, 10 — Bolshoj Tokmak, Gr. 1 Barrow 1.

Fig. 5. — P. 99.

Shoe details of nomads of the end of 6th–7th c. A. D. and variants of bandage reconstruction: 1–8 — Shelugi, Gr. 1 Barrow 3; 9–18 — Sivashskoje, Gr. 2 Barrow 2.

Fig. 6. — P. 102.

Shoe details of the second half of 6th — 7th c. A. D. from Lutchistoe cemetery, reconstruction of E.Khairedinova: I — Gr. 1 Crypt 204; II — Gr. 3 Crypt 204; III — Gr. 3 Crypt 170; IV — Gr. 3 Crypt 189.

Fig. 7. — P. 102.

Shoe details of the 7th c. A. D. from Gr. 2 Barrow 3 of Sivashovka and bandage reconstruction.

Fig. 8. — P. 103.

Shoe details of the 7th c. A. D. nomad graves from Lower Volga region and variants of bandage reconstruction: 1–4 — Avilovsky; 5–9 — Zinovyevka.

Fig. 9. — P. 103.

Shoe details of the 7th c. A. D. from Gr. 3 Barrow 5 of Vinogradnoje and bandage reconstruction.

Fig. 10. — P. 105.

Shoe details of the 7th c. A. D. from Gr. 12 Barrow 1 of Dmitrievka and bandage reconstruction.

Fig. 11. — P. 105.

Shoe details of the 7th c. A. D. from Gr. 7 Barrow 7 of Hristoforovka and variant of bandage reconstruction.

Fig. 12. — P. 105.

Shoes with bandage of variant II–1b: I — Tsibilium–1a, Gr. 3; II — Lutchistoe Gr. 3, Crypt 77; III — Lutchistoe Gr. 3, Crypt 64.

Fig. 13. — P. 105.

Shoe details of nomads of the second half of 7th c. A. D. and variants of bandage reconstruction: 1–8 — Vasilevka, Gr. 1 Barrow 2; 9–15 — Kovalevka II, Gr. 11 Barrow 1; 16–19 — Kostogryzovo, Gr. 7 Barrow 1.

Fig. 14. — P. 107.

Possible shoe details from nomad graves of the 7th c. A. D.: 1–8 — Bogachevka, Gr. 12 Barrow 8; 9–16 — Izobilnoye, Gr. 4 Barrow 1; 17–27 — “Tsarskij Barrow»; 28–36 — Natashino, Barrow 7; 37–44 — Hristoforovka, Gr. 12 Barrow 7 (drowning of R.S.Orlov); 45 — Jasyrev III Gr. 9 Barrow 5; 46 — Voznesenka; 47–50 — Risovoe, Gr. 10 Barrow 2; 51–53 — Belozherka, Barrow 14; 54–64 — Uch-Tepe, Barrow 3.

Color pages:

02. The detailed images of shoes from the Subashi casket, 6th–7th centuries (Tokio National Museum).

Vladimir Koulakov (Moscow — Kaliningrad)

“Monströse” Brooches in the Baltic Sea Region

Oscar Almgren, the pioneer of studying provincial-Roman and “barbarous” brooches, has attributed the “Monströse” Brooches to the Group VII. The brightest feature of “Monströse” Brooches is a specific device on their back. In addition to complex design, fasteners were beautifully decorated with gold foil that covered the specified overlays. Due to all those features, it becomes obvious that the brooches had ceremonial value.

In the delta of the Vistula river, in the historical Prussia and along the Baltic coast, to the right of the Neman, there were found 7 “Monströse” brooches belonging to the group Almgren VII. These finds are

situated outside the northeast border of Wielbark-culture. The samples of these type of fasteners could come on the Amber coast as prototypes for the brooches “Monströse” in the beginning of “Cymbern” chronological horizon with the wave of resettlement of groups of German population from Jutland during Marcomannic wars.

Samland (Sambia) and the delta of the Vistula river, two major territories of spread the brooches “Monströse” were the most important parts of the sacred way connecting the East-Germanic areas around the Dniester and the Dnieper with the religious centers situated on the islands in the western part of the Baltic Sea Region.

An accumulation of the brooches “Monströse” on a narrow piece of the Baltic coast between the modern cities of Gdansk and Zelenogradsk, a specificity of local type brooches “Monströse” are obviously not casual. A hypothesis is suggested that defined groups of the “Monströse” brooches were of local origin. In the third quarter of the 4th century A.D. these brooches started moving with small groups of the local German tribes to the West, to the all-Germanic sacred centers, and to the South-East, to the flourishing Black Sea Coast.

Thus, this part of the future historical Prussia, during the epoch of Gothic wars, could become the area where one of the most important material features typical of the old-Germanic cult — namely, the female “Monströse” brooches — were wide spread.

Illustrations:

Fig. 1 — P. 117.

“Monströse” brooches and their immediate predecessors in Almgren VII typological group (according to: Almgren).

Fig. 2. — P. 118.

The distribution of “Monströse” brooches at phases C₁ and C₂. (according to: Werner 1988: Abb. 5, supplemented by M. Levada and the author): 1 — Todireni, 2 — Vasilica, 3 — Budești, 4 — Dančeny, 5 — Chanska, 6 — Slusegaard, 7 — Grebieten, 8 — Wekllice, 9 — Lubieszewo, 10 — Lauth, 11 — Brandenburg, 12 — Lietuva, 13 — Polowity, 14 — Grunajki, 15 — Petrikivtsy, 16 — Novopolovetskoje, 17 — Medvedovka. Map symbols: a — type Almgren VII, 217; 6 — type Matthes B and Matthes C.

Fig. 3. — P. 118.

The finds of “Monströse” brooches at the north-eastern border of Wielbark-culture (according to Gaerte 1932). Map symbols: a — the border of the geographic range of “Gothic” antiquities; 6 — the finds of “Monströse” brooches and their numbers (see fig. 2). Archeological sites along the border of the geographical range of “Goths” antiquities: 1 — Huntenberg burial ground, 2 — Pettelkau burial ground, 3 — Heinerkau hoard, 4 — Wormditt burial ground, 5 — MigeInnen site, 6 — Heiligenfelde burial ground, 7 — Lengainen burial ground and site, 8 — Gr. Bartelsdorf burial ground, 9 — Schönwalde site, 10 — Hirschberg site, 11 — Scheufelmühle burial ground, 12 — Sagsau burial ground, 13 — Klauendorf burial ground.

Fig. 4. — P. 119.

1–2 — fibula and aureus from Ushakovo burial ground, 3–4 — fibula from the former Grebieten — G (Nord)–177 (3–4), 5 — fibula from burial 600 Slusegaard burial ground. (no scaling).

Fig. 5 — P. 119.

Earth burial ground Wekllice–7, burial 150: 1 — plan; 2–5 — examples of inventory.

Fig. 6. — P. 120.

Lubieszewo burial ground, burial 10: 1–8 — examples of inventory.

Fig. 7. — P. 122.

“Monströse” brooches, typologically close to the clasps of type Almgren VI, 168: 1 — Lietuva, 2 — Polowity, 3 — Grunajki-D.

Fig. 8. — P. 124.

Crossbow-like fibulas from burial 261, Gerojskoje burial ground (Eisliethen).

Fig. 9. — P. 124.

Crossbow-like fibulas with a tongue-like plate on a leg: 1 — burial 194, Gerojskoje burial ground; 2 — burial X (excavated in 1905), Nowe Boczwinki burial ground; 3 — burial 150, the former Greibau burial ground.

Fig. 10. — P. 125.

Types of Roman provincial spindles with the composite body. 1–5 — horn spindles of Hürth-Hermülheim type (the 2nd — the first half of the 4th centuries A.D.): 1 — Hürth-Hermülheim, 2 — Sotteville, 3 — Poundbury, 4 — Emona, 5 — Köln; 6–7 — amber spindles of Dorweiler type (the 3rd — the early 4th centuries A.D.): 6 — Dorweiler, 7 — Niederzier; 8–11 — amber spindles of Aquilea type (second half of the 1st — second half of the 4th centuries A.D.): 8–9 — Sopron, 10 — Köln, 11 — Aquilea.

Olga Khomiakova (Kaliningrad)

“Ringgarnitur” Style in the Antiquities of the Sambian-Natangian Culture of the Late Roman Period

The goods decorated in “Ringgarnitur» style are prevalent in the Sambian-Natangian culture. They include crossbow brooches of types A. 211 and A. 167, the so-called “große Armbrustfibel”, neck rings, pins and other goods ornamented with hoops made of notched wire. There exist several types or “Ringgarnitur”, among them those with one or several ranks of notched wire, or those which combine wire and mould elements or embossed foil. Different types of “Ringgarnitur» may be used for archeometrical purposes, for each of them existed in rather limited time periods. The most luxurious types (type II and its modifications) found in Hassleben-Leuna horizon indicate that it should be attributed to the period of C_{1b}–C₂. The latest types (I, III) prevail in phases C₂, C₃ and D₁. The finds ornamented with notched wire have tremendous parallels to those found in the regions of Vistula, Northland and the islands of the Baltic Sea, which may be the evidence of permanent contacts between the population of Sambia and Europe.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 129.

The map of concerned burial grounds: a — finds of different goods decorated “Ringgarnitur” type II and its modifications, б — big crossbow brooches with “Ringgarnitur” type I and III.

Fig. 2. — P. 130.

The crossbow brooches ornamented with hoops made of notched wire in Sambian-Natangian culture according to N. Åberg.

Fig. 3. — P. 132.

The types of ornament with hoops made of notched wire represented on objects of Sambian-Natangian culture.

Fig. 4. — P. 133.

Ring decor elements and application techniques.

Fig. 5. — P. 137.

Exemples of fibulas with ring decor, types I–III from the territory of Sambian-Natangian culture.

Fig. 6. — P. 138.

The dating of types of “Ringgarnitur» ornament with hoops made of notched wire.

Ekatherina Shablavina (Saint-Petersburg)

The Eagle-headed Buckle from A.A. Bobrinsky’s Collection

The collection of the State Hermitage Museum includes several series of silver and brass eagle-headed buckles, produced by different craftsmen. Among them there is an eagle-headed buckle, which differs tremendously from all the other known examples. This object has no analogues among Bosphoran antiquities either. This buckle is an occasional find, which was purchased by the earl A.A. Bobrinsky. As the result of the X-ray fluorescence analysis of its metal composition, it was determined that the object was made of bronze. The study of its technique shows that the buckle was produced by means of imprinting from the brass eagle-headed buckle, but not by wax model, as it was with silver buckles. The closer analogies to this buckle are found among the finger-shaped fibulas of the Dnieper type from the so-called “Antae’s Antiquities”. These facts lead us to the supposition, that this bronze eagle-headed buckle, which was made by primitive copying of a Bosphoran object, but ornamented in the Middle Dnieper manner, has to be considered in the context of the Slavic Dnieper antiquities.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 143.

Eagle-headed buckles, front and back views: 1 — Kerch, crypt 152 (inventory No. 1820/301), the original; 2 — Kerch, crypt 152 (inventory № 1820/300), replica from silver buckle.

Fig. 2. — P. 144.

Eagle-headed buckle, front and back view. Kerch, A. A. Bobrinsky collection (inventory No. 1101/6). Replica from brass buckle.

Olga Scheglova (Saint-Petersburg)

**“The Mystery of Dancing Little Men” and the “Traces of Unknown Beasts”.
Anthropo- and Zoomorphous Images in Early Slavic Art-metal Craft**

The silver figures from Martynovka hoard are unique among the pieces of applied arts found on the territory of expansion of the early Slavic archeological cultures. Firstly, compared to the other jewelry, Martynovka “little men and horses” are notable for their marked ornamentality, the function of the items being still not completely determined. Secondly, until recently they were considered a unique find, without any analogies neither in the Middle Dnieper region nor on the wider territory. Therefore the attempts to discover the meaning of the images never referred to the wider context of the synchronous antiquities, which resulted in the interpretation of the finds as a naïve realistic image of the people participating in some pagan ritual dances (B. A. Rybakov, V. M. Vassilenko) or in circus merry-making (G. F. Korzukhina).

Recently some more complexes containing figures of Martynovsky type were discovered (Troubchevsk hoard, “hoard from S. N. Platonov’s collection”, Serpoukhov hoard), single items of the same type were found on a very big territory, from Sardis in Asia Minor, the North Caucasus and Corinth to Nüdam in Denmark. If the figures were found in the dated archeological contexts, the latter bore the date within the early Byzantine period, the 6th–7th centuries.

The Martynovka-type figures are for the first time considered from the point of view of the traditional study of objects, which means that at the first stage not only the ornamental, but also the technological qualities are taken into account. The range of the closest analogies is determined. The templates for such figures are also known (Velestinon hoard, Biscupie, Fönlac, Koban’, Sardis) the assortment of templates being much wider than the range of known castings. Cover plates with the images of lions and typologically close to one of the templates from Velestinon hoard, are present in the symmetrical composition of the wooden saddle decorations from Lombard necropolis at Castel Trozino (A. Kish). Among the specific characteristics of such saddle-decorations is the triple symmetrical composition, consisting of the compound central figure and one or several pairs of animals symmetrically opposed to each other — lions, dolphins, birds. Similar plates were attached to shields, in which case the composition could be less strict. Whatever the case, the finds of cover plates in European burial complexes are associated with the items of male martial subculture of the 6th–7th centuries.

These analogues indicate that the functional set of Martynovka-type figures should eventually include a human figure and two reflection symmetric animal figures opposed to each other. A composition consisting of an anthropomorphous figure and two animal protoms turned to it similar to Martynovka “horses”, was found on the plates of the Dnieper anthropozoomorphous fibulas.

The next step in the research implies involving iconographic parallels for both single images and the whole reconstructed composition. For instance, Martynovka “dancing little men” figures, beardless, with bowl haircuts, dressed in shirts with embroidered insets, trace back to the image of a young warrior and circus merry-maker typical of the early Byzantine fine and applied arts. Images of that type can be found on surviving Byzantine mosaics in the Middle East (Kissufim, Gerassa) and North Africa (Cartago, Bawit in Egypt) etc. The same character is depicted on a series of cast Byzantine candlesticks “with the figure of a young man”, which were wide-spread on the territory of the Empire and its Eastern provinces.

The animal figures found in the Dnieper region are usually interpreted as the images of horses and hippopotamuses. Although one should note some predator features preserved by these images (talons, hooked tail, exaggerated teeth — fangs, mighty mane, completely covering the animal’s neck). The Dnieper figures show some fantastic and aggressive beast of prey. Hence the iconography of the reconstructed composition consisting of a human and two animal figures traces back to the composition “Daniel and Lions” well known in the early medieval Christian art. The 7th century was the time when the theme was very popular with the applied art of the German world that was accepting Christianity. The composition “Daniel and Lions” can be found on the buckle plates of Burgunds in France, Visigoths in Spain, the theme is also present on the bag plates from Sutton-Hoo.

The indicated iconographic resemblance is not an accidental coincidence. It proves that the craftsmen who made Martynovka-type figures, were familiar with the West European tradition of representing the theme of “Daniel and Lions”. They borrowed their images and shapes from the pieces of applied art of the Byzantine periphery, which could be occasionally found in Eastern Europe, as well as from the sufficiently uniform European early medieval martial subculture.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 149.

Variants of reconstructing function of “Martinovka figures»: 1 — Saddle decorations (according G. Laslo); 2 — Accessoires of male dress (according O.M. Prikhodniuk, drawing P.N. Kornienko); 3 — Wooden idol decorations (according K.I. Bakumenko, drawing K.I. Bakumenko).

Fig. 2. — P. 150.

Analogies to “Martinovka figures» according to G.F. Korzukhina prepared publication “Midle Dnieper region in V–VIII c.c. AD. 1 — supposed it was planned to place item from Koban’; 2, 3 — stanitsa Pregradnaya; 4 — Čitluk; 5, 6 — Fönlak; 7 — Biskupie; 8 — Velestinon, 9 — Samchintsi, 10 — Asia Minor.

Fig. 3. — P. 152.

Distribution of “Martinovka figures» and models for their production. Numbers corresponds with the same in find list: 1 — Martinovka; 2 — Cherkassi region, find from Platonov’s collection; 3 — Troubchevsk; 4 — Degtiarevka; 5 — Serpoukhov region, find — 2008; 6 — Shilovo region; 7 — Samchintsi; 8 — Nüdam; 9 — Koban’; 10 — Kamunta; 11 — stanitsa Pregradnaya; 12 — mountain Kugul’; 13 — Galaiti; 14 — Southern Dobrudza; 15 — Čitluk; 16 — Biskupie; 17 — Fenlak; 18 — Velestinon; 19 — Corinth; 20 — Sardis; 21 — Novo-Bikkino; 22 — Cherkassi region, stray find; 23 — Luchistoe; 24 — Tisafüred.

Fig. 4. — P. 153.

Figures from Trubchevsk hoard. 1, 3 — casting; 2 — cut from thin plait. Silver.

Fig. 5. — P. 157.

«Nüdam lion”. Silver.

Fig. 6. — P. 163.

Fantastic animals in composition “Man with horses / lions”. 1 — Spain, bukule dated by 7th c.; 2 — Martinovka; 3 — Trubchevsk.

Color pages:

03. The casted figures of Martynovka type. Discovered in 2008. Serpoukhov District, Moscow Region (?). Copper alloy. Photographed by G. Naumenko.

04. The symmetrical composition: 1–3 — A man and horses / lions: 1 — Martynovka; 2 — Cherkassky Region, “Platonov’s Hoard”; 3 — Serpoukhov Region, discovered in 2008; 4 — ‘Daniel in the Lions’ Den’, the glass patera, Dokla near Podgoritsa, Montenegro (so-called “Basilevsky’s Cup”, the State Hermitage Museum), 4th century; 5 — an anthropozoomorphic composition on the fibula’s top plate, Middle Dnieper Region.

Natalia Zhilina (Moscow)

The History of the Russian Metal Attire of the 9th–13th Centuries

For each of the periods, which G.F. Korzoukhina defined for hoards of the 9th–13th centuries, the article regards the following: to trace back the development of the types of headgear and necklaces; of jewel technique; of the types, variants, constructive details and style of items.

In the 9th century the band headgear with cast and wire temple rings, worn on both sides of head by the band or frizz, was the most popular. The cumbrous gear with noising pendants bound the head of a woman. Torques and necklaces with pendants and noising bells were very popular.

In the 10th century the band headgear was decorated with jeweled ear-pendants of cluster type, temple rings were stringed with filigree beads, and the first samples of Russian three-bead rings are attributed to this period. The filigree necklace composed of lunula pendants, medallions and beads become popular. In the beginning of the 10th century the *volumetrical geometrical* style was wide-spread, in the middle of the 10th century it gives place to the *linear-geometrical* style, at the end of the 10th century — to the *geometrical* style.

The 11th century is the period of wide diversity of gears: the band headgear with temple rings; compound “kichka” type gear with bell-formed pendants combined with chest chains in *archaic national* style.

At the turn of the 11th and 12th centuries the enamel attire become popular among elite: women’s “ubrus” with forehead metal hoops, a diadem and colts on double chains of round metal plates; a men’s crown with church-type pendants. The early styles of enamel and niello attires were the same: *ascetics-sacred* style and *plant* style. In the niello attire the pagan-like motifs were developed.

In the first half of the 12th century there existed band filigree headgear with ray colts on a wide hoop, worn as temple rings.

In the second half of the 12th century and the first third of the 13th century the attires of different techniques became closer. The filigree attire changed under the influence of the enamel one: there developed the type of forehead adornment of three-bead hoops and ray colts on the chains with a lunula hoop.

In the enamel attire there appeared chains of quatrefoil plates. Comfortable chains composed of little stamp blocks were created in the stamp technique. They developed from wide and double forms to the narrow single ones with triangular ends. As a result, the universal type of stamp chains was developed.

The *extra-plant* style was introduced in the enamel attire, and *wattle* style in the niello attire. Stamp necklaces developed from the *plant* style to *wattle* and *splendor* styles. The *splendor* style was formed in the gold filigree examples. For the 13th century the princess' crown may be reconstructed.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 177.

The metal attire according the hoards of 9th century:

1, 3, 5, 15, 17 — Ivachniki of Poltava province, 1905; 4 — Mishnevo of Kaluga province, 1892; I, III, 2, 7, 8, 10, 19 — Zaraysk district of Ryazan province, 1855; II — Poltava, 1905, Brovarky of Poltava province; IV, 6, 9, 11, 18 — Poltava, 1905; 12, 13 — Ugodichi of Yaroslavskaia province, 1914; 14 — Gorky of Saint-Petersburg province, 1875; 16 — Uzmina of Saint-Petersburg province, 1889. I, 1–5, 16 — the boundary of the 8th–9th centuries; 6, 7, 10, 11, 14, 16, 17 — the first half of the 9th century; 8, 9, 12, 13, 15 — the second half of the 9th century; IV, 19 — the boundary of the 9th–10th centuries.

Fig. 2. — P. 179.

The development of the metal attire of the 10th century:

1, 9 — Gnezdovo of Smolensk province, 1867; 2, 3 — Peresopnitsa cemetery; Kiev cemetery — 4 — the tomb № 112 (920–923), 5 — the tomb № 124 (931–944); 6 — Kopievka of Kiev province, 1928; 7 — Gnezdovo of Smolensk province, 1993; 8 — the metal attire according the dregovich barrows in the basin of Berezina near Mozyr. 1, 2, 4 — the boundary of the 9th–10th centuries; 3, 5, 6 — the first half of the 10th century; 7–9 — the second half of the 10th century. 1–8 — volumetrical geometrical style; 7, 9 — line-geometrical style.

Fig. 3. — P. 181.

The filigree items of the metal attire of the 10th century:

1–4, 15, 29 — Kopievka of Kiev province, 1928; 5, 6, 18 — Borshevka of Volyn province, 1883; 7, 22, 23, 25 — Gnezdovo of Smolensk province, 1993; 8–11, 13, 14, 26, 27, 36 — Vladimir barrows, Kiev cemetery; 12, 19, 20, 28, 30–32 — Gnezdovo of Smolensk province, 1867; 16 — Pinsk district; 17 — Gnezdovo of Smolensk province, 1870; 21, 34, 37 — Yurkovtsy of Kiev province, 1864; 33 — Gushino near Chernigov, around 1930; 24, 35 — Denis of Poltava province, 1912. 1, 7, 8, 15, 26 — the boundary of the 9th–10th centuries; 2–4, 9–11, 16–18, 22–25, 28–34 — the first half and the middle of the 10th century; 5, 6, 12–14, 19–21, 35–37 — the second half of the 10th century. 1–4, 8, 9, 26 — volume-geometrical style; 10, 11, 15–23, 25, 27–30 — line-geometrical style; 5, 6, 13, 14, 24, 31–36 — geometrical style.

Fig. 4. — P. 182.

The bracelets and torques of the hoards of the 10th century:

1 — Kiev, 1851; 2, 3, 5 — Kiev, 1913; 4 — Spilyovka of Kharkov province; 6, 9, 10 — Borshevka of Volyn province, 1883; 7 — Gnezdovo of Smolensk province, 1867; 8 — Kopievka of Kiev province, 1928. 1, 6 — the beginning of the 10th century; 2, 7, 8 — the first half and the middle of the 10th century; 3–5, 9, 10 — the second half of the 10th century.

Fig. 5. — P. 183.

The metal attire of the 11th century:

1, 2, 12 — Shalachova of Nevel district of Vitebsk province, 1892; 3 — Belogostits monastery of Yaroslavl province, 1836; 4 — Vaskovo of Pskov province, 1923; 5 — Spanka of Saint-Petersburg province, 1913; 6 — Mironov folvark of Kiev province, 1883; 7 — the toweling hesdgear of the Svyatoslav' wife on the miniature of the Izbornik of 1073; 8 — the ubrus of the princess Irina, the wife of Yaropolk on the miniature of the Trir Psalter of the 11th century; 9 — the ubrus of the princess Olga on the miniature of the Chronic of Ioann Skilita 1079/1081; 10 — Kamenny Brod of Kiev province, 1903; 11 — Elets monastery near Chernigov, 1848. 1–6, 11, 12 — the first half of the 11th century; 7–10 — the second half of the 11th century. 2, 3 — line-geometrical style; 6 — archaic style.

Fig. 6. — P. 184.

The temple adornments of the 11th century: 1, 7, 22 — Shalachova of Nevel district of Vitebsk province, 1892; 2 — Berezovetsy cemetery, barrow № 19, the boundary of 10th–11th centuries; 3, 4, 11, 12 — Vaskovo of Pskov province, 1923; 5 — Mironov folvark of Kiev province, 1883; 6, 8, 10 — Spanka of Saint-Petersburg province,

1913; 9 — Belogostits monastery of Yaroslavl province, 1836; 13–21 — Vladimir barrows; 23 — the barrow from Brovarky of Poltava province; 24 — Novgorod, Troitsky excavation site, around 1070. 2, 13 — the boundary of X–XI centuries; 3–12, 14–23 — the first half of the 11th century; 24 — the second half of the 11th century.

Fig. 7. — P. 185.

The bracelets and torques of the 11th century:

1, 10, 11 — Bogdychov of Volyn province, around 1860; 2, 18 — Mironov folvark of Kiev province, 1883; 3 — Strazhevich of Mogilyov province, 1903; 4, 8, 19–21 — Pilyava of Kiev province, 1895; 5, 6 — Shalachova of Nevel district of Vitebsk province, 1892; 7, 9 — Buzhiski of Grodnensky province, 1885; 12, 15 — Kiev, the house of Brodsky, 1899; 13, 14 — Vaskovo of Pskov province, 1923; 16, 17 — Iskovshina of Kanev district of Kiev province, 1891. 1–4, 11–14 — the boundary of 10th–11th centuries; 2, 3, 10, 15, 16 — the first half of the 11th century; 5–9, 17–21, 22 — the second half of the 11th century.

Fig. 8. — P. 187.

The necklaces of the 11th century:

1 — Vaskovo of Pskov province, 1923; 2 — Vitebsk province, before 1907; 3, 14 — Staraya Ladoga, 1920; 4 — Skadino of Leningrad province, 1928; 5 — Elets monastery near Chernigov, 1848; 6 — Shalachova of Nevel district of Vitebsk province, 1892; 7, 10, 12 — Belogostitsy monastery of Yaroslavl province, 1836; 8, 9, 15 — Mironov folvark of Kiev province, 1883; 11, 16 — Sobachy Gorby of Novgorod province, 1906; 13 — Spanka of Saint-Petersburg province, 1913. 1, 2–4, 5, 6, 8–12 — the boundary of 10th–11th centuries; 3, 6, 7, 13, 14 — first half of the 11th century; 16, 17 — second half of the 11th century. 1, 2, 4, 5, 7 — line-geometrical style; 8–13 — geometrical style; 15, 16 — archaic beast style; 17 — ascetic sacral style.

Fig. 9. — P. 189.

The jewel attire in the first half of the 12th century:

I–III — Reconstructions of typical assemblages — I — the kichka type gear with bell form pendants and chains; II — the band headgear with colts of the 1 group; III — the enamel gear with ubrus and diadem; 1–10 — Reconstructions upon concrete hoards — Martynovka, 1886 and Mironov folvark, 1883 — of Kiev province; 2 — Staraya Ryazan, 1967, Tver, 1906; 3 — Kresty of Tula region, 1876, Staraya Ryazan, 1868; 4 — Chernigov, 1958 and Staraya Ryazan, 1887, 1979; 5 — the tomb under the cathedral of Boris and Gleb in Staraya Ryazan, 2001; 6 — Staraya Ryazan, 1970; 7 — Vladimir, 1837; 8 — Kiev, St. Michael monastery, 1903; 9 — Kiev, the house of Leskov, 1876; 10 — Kiev, the house of Grebenovsky, 1889. I, 1, 5 — the boundary of 11th–12th centuries; II, III, 2, 3, 6, 7, 10 — the first half of the 12th century; 4, 8, 9 — the middle of the 12th century. I, 1 — the archaic style; 2 — line-geometrical style; II, 3, 6–9 — geometrical style; III, 10 — ascetic sacral style; 4 — strict style.

Fig. 10. — P. 190.

The items of filigree attire of the first half of the 12th century:

1 — Miropol of Zhitomir province, 1938; 2, 10 — Staraya Ryazan, 1868; 3 — Staraya Ryazan, 1967; 4 — Kresty of Tula province, 1876; 5, 9 — Chernigov, 1958; 6 — Gorodishe of Khmel'nits province, 1970; 7, 17 — Kiev, the house of Leskov, 1876; 8, 14, 27 — Tver, 1906; 11 — Staraya Ryazan, 1822; 12 — Kiev, 1885; 13 — the tomb under the cathedral of Boris and Gleb in Staraya Ryazan, 2001; 15 — Vladimir, 1896; 16, 32 — Staraya Ryazan, 1970; 18–26 — the ornamental compositions of the beads of three-beads rings; 28 — Moscow, 1988; 29, 35 — Staraya Ryazan, 1937/1950; 30 — Kiev, 1986; 31 — Sakhnovka, 1900; 33 — Staraya Ryazan, 1979; 34 — Kiev of unknown place; Lesky of Orlov province, 1853; 37 — Kiev, the Michailov monastery, 1903; 38 — Staraya Ryazan, 1887. 1, 2, 7, 12, 13, 32 — the boundary of 11th–12th centuries; 3, 4, 8, 14, 15, 18–24, 27–29, 33–37 — the first half of the 12th century; 5, 6, 9–11, 16, 17, 30, 31, 38 — the middle of the 12th century. 1, 2, 7, 32 — archaic style; 3, 8, 14, 18–23, 27, 28, 32–35 — line-geometrical style; 4, 6, 15, 24–26, 29, 36, 37 — geometrical style; 5, 9–11, 30, 31, 38 — strict style; 17 — plant (krin) style.

Fig. 11. — P. 192.

The enamel and niello attires in the second half of the 12th — the first third of the 13th centuries:

1, 2 — the type reconstructions of woman and man prince enamel attire in sacral-ascetic style; 3 — Sakhnovka, 1900; 4 — the type reconstruction of woman prince enamel-filigree attire in splendor style; 5 — Kiev, St. Michael monastery, 1824; 6 — Staraya Ryazan, 1822; 7, 12 — Kiev, Desyatinnaya Church, 1936; 8, 14 — Kiev, the house of Orlov, 1901; 9 — Kiev, Malo-Vladimirskaya ul., 1893; 10 — Terichovo of Orlov province, 1876; 11, 20 — Svatoye Ozero of Chernigov province, 1908; 13, 15, 21 — Kiev, St. Michael monastery, 1903; 16 — Romanovo of Mogilyov province, 1892/1893; 17 — Gorodishe of Khmel'nits province, 1970; 18 — Kiev, Streletskaya ul., 1939; 19 — Tver, 1906; 22 — Kiev, Michailovskaya Gora, 1841. The end of the 11th — the beginning of the 12th centuries: 1, 2, 5 — ascetic sacral (geometrical) enamel style; 6 — gold strict filigree style; 8, 13, 16, 20 — enamel-like niello style; the middle of the 12th century: 9, 10, 14, 17, 21, 22 — plant style in the enamel and niello; the end of

the 12th century — the first third of the 13th century: 3, 7 — exaggerate-plant style in enamel; 4 — gold splendid filigree style; 11, 12, 15, 18, 19 — wattled niello style.

Fig. 12. — P. 193.

The filigree attire in the second half of the 12th — the first third of the 13th centuries:

The geometrical style in granulation — 1 — the type reconstruction of woman prince enamel attire in sacral-ascetic style; 2 — Kiev, St. Michael monastery, 1824; 3 — Izyaslavl; 4, 13–15 — Staraya Ryazan, 1937/1950, 1970; 5 — the type reconstruction of granulation and filigree women attire with temple rings of the 2 group; 6, 9, 17, 18, — Staraya Ryazan, 1970; 7 — Kiev, St. Michael monastery, 1903; 8 — Staraya Ryazan, 1974; 10, 11 — openwork beads of three-beads jewelry ornaments; 12 — Staraya Ryazan, 1979; 16 — Moscow, 1988; 19 — Staraya Ryazan, 1937/1950.

Fig. 13. — P. 194.

The process of emerging of the forehead band from the three-beads hoops in the filigree attire in the second half of the 12th century:

1a — the type reconstruction of the forehead band of enamel attire; 1 — Kiev, the house of Leskov, 1876; 2 — Kiev, St. Michael monastery, 2000; 3 — Kolesishe of Kanev district of Kiev province; 4 — Kiev, St. Michael monastery, 1824; 5 — Kiev, the house of Grebenovsky, 1899; 6, 7 — Staraya Ryazan, 1967; 8 — Staraya Ryazan, 1974; 9 — Lgov, 1979; 10 — Vladimir, 1837; 11 — Staraya Ryazan, 1979; 12 — Verbov of Lvov province, around 1920; 13 — Terechovo of Orlov province, 1876; 14 — the type reconstruction of the forehead band from the three-beads hoops; 15 — Staraya Ryazan, 1992; 16 — Vladimir, 1865; 17 — Vladimir, 1896.

Fig. 14. — P. 195.

The development of the ryasno-chains for colts in the second half of the 12th — the first third of the 13th centuries: 1 — the type reconstruction of the wearing of the enamel colts on the chains from round plates; 2 — Kiev, the house of Esikorsky, 1885; 3, 16 — Kiev, Desyatinnaya Church, 1936; 4 — the type reconstruction of the wearing of the enamel colts on the chains from quatrefoil plates; 5, 12 — Kiev, St. Michael monastery, 1903; 6 — Gubin of Bolochov land; 7 — Kiev, 1909; 8 — Kiev, 1906; 9 — Kiev, 1914; 10 — Kiev, the house of Trubetskoy, 1872; 11 — Staraya Ryazan, 1937/1950; 13 — Moscow, 1988; 14 — Staraya Ryazan, 1974; 15 — Kiev, 1911; 17 — Kiev, 1898; 18, 20, 22 — Verbov of Lvov province, around 1920; 19a — Staraya Ryazan, 2005; 19b — the stamp of the filigree ornamentation of the three-bead hoop on the skin detail, micro photo by N.V. Zhilina; 21 — Bolochov, the hoard № 5; 23 — Kiev, Desyatinnaya Church, before 1899; 24 — the headgear of Desislava, the fresco in the Church of Saint Panteleymon in Boyan, Bulgaria, the middle of the 13th century.

Fig. 15. — P. 197.

The necklaces of the in the second half of the 12th — the first third of the 13th centuries:

1 — Kamenny Brod of Kiev province, 1903; 2 — Kiev, St. Michael monastery, 1824; 3 — Isady near Suzdal, 1851; 4 — Staraya Ryazan, 1822; 5, 15 — Sakhnovka of Kiev province, 1900; 6, 7 — Staraya Buda of Kiev province, 1908; 8, 13 — Vladimir, 1837; 9 — Kiev, Streletskaia ul., 1939; 10 — Staraya Ryazan, 1970; 11, 22 — Vladimir, 1865; 12, 19, 21 — Staraya Ryazan, 1868; 14 — Moscow, 1988; 16, 20 — Kiev, St. Michael monastery, 1903; 17 — Kiev, the house of Orlov, 1901; 18 — the house of Leskov, 1876; 23 — Vladimir, 1993; 24, 25 — Kiev, 1949. 1, 6, 8, 16 — the beginning of the 12th century; 2, 3, 9–12, 17–23 — the middle and the second half of the 12th century; 4, 5, 13–15, 24, 25 — the end of the 12th century — the first third of the 13th century. 1, 2, 6, 7, 9 — the ascetic sacral style in enamel and niello; 8, 10 — geometrical style in granulation; 16, 18, 21 — geometrical style in stamping; 3, 12–14, 20, 22, 23 — plant (krin) style in niello and stamping; 4, 5, 15 — gold splendid filigree style; 25 — splendid style in stamping; 14 — exaggerate-plant style in enamel and stamping.

Irina Zajtseva (Moscow)

On the Problem of Organization of Jeweller's Handicraft in Ancient Russian Towns

The problem of organization of jeweller's handicraft is discussed on the basis of planigraphic and stratigraphic analysis of production complexes for processing of nonferrous metals discovered in the towns of "Land of Vyatches" — in Spas-Gorodok, 11th–14th centuries, and Serensk, 13th century. Both centres belong to the category of so-called "small" towns that was singled out by A. V. Kouza.

Near the rampart in Spas-Gorodok there was found a production area for ferrous and nonferrous metals processing: the remains pise metallurgical furnace, pre-Mongolian two-room earth-house, where the remains of clay oven were discovered in one of the rooms, and on the floor there were found fragments of brass plates remaining from vessels, an iron hammer, clusters of small completely decayed and unidentifiable bronze objects. T. N. Nikolskaya considers this structure a workshop.

In the south-east corner of the stronghold in Serensk at the horizon of the 1st half of the 13th century a big multi-product handicrafts complex of 6 structures was explored. One of them accommodated the industrial forge; in three other structures with ovens the evidence of handicrafts was discovered, there were found a lot of iron balls, knives — whole and in fragments, arrowheads, belt rings, keys, locks, decorated with leaf brass, iron buckles, brigandine plates (pieces of lamellar armor?). Two accumulations of fragmented glass bracelets were found within the handicrafts complex, all in all over 6 thousand fragments, 70% of them being misshapen and fire-polished. One could suppose that the fragments of bracelets were used for making glass inserts or enamels. There were also found some jeweller's instruments, including 16 bronze molds, flaps from stone casting forms, and many other objects.

As the jeweller's shops in many "small" towns, the handicrafts complexes in Serensk and Spas-Gorodok occupy marginal zones of strongholds near the ramparts. Detailed consideration of the town production complexes where the jewelry was made shows that they were multi-product. Usually jewelry-making was accompanied by ferrous metal working, amber crafts, painting, glass and enamel working. Complexes consisted of several structures and an open yard. Ferrous and non-ferrous metals were most commonly treated in the same building, using the same ovens.

The industry was organized by an owner-craftsman who hired workers, or by a merchant, or the knyaz' or a boyar. Serensk workshops were possessory patrimonial. Making jewelry, especially of precious metals, required that the craftsman was provided with expensive materials and that the sale of his products was guaranteed. Therefore of all handicrafts jewelry had the strongest association with high-rank patrons and customers — knyaz' and the aristocracy.

The complexes are dated mostly from the 12th century. Their beginnings should be obviously explained by the wide development of the market in the 12th century that was noted by many specialists. For later periods, the experts find multi-production complexes mostly in the possessory, patrimonial sector of economy. The free urban handicrafts develop mostly in the direction of strictly specialized manufactures.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 200.

Towns of the "Land of Viaticy".

Fig. 2. — P. 201.

Stronghold in Serenskoje hillfort. Plan of level 2 (first half of the 13th century).

Fig. 3. — P. 203.

Multiproduct handicraft production complex in the south-western part of Serensky stronghold. The map.

Natalia Kalashnikova (Saint-Petersburg)

Semiotics and Semantics of Old Russian Folding Bangles

The article considers Old Russian hand-bangles (a piece of silver metal jewelry consisting of two semi-circular folds joined with hinges) used as women's decoration in the period from the second half of the 11th to the first half of 13th century. N.S. Kalashnikova examines the semiotic meaning of this ritual object and suggests the semantic interpretation of the scenes engraved on the folding hand-bangle from the hoard discovered in the city of Tver.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 208.

Bracelet from Tver hoard of 1906 (drawing by Yu. Yu. Piotrovsky).

Natalia Krylasova (Perm)

Flask-shaped Pierced Needle-Cases of Prikamye type

Special needle-cases are typical of the Finno-Ugric material culture from the medieval times till the 19th century. On the western territories inhabited in Finno-Ugric population, horizontal needle-cases were widely spread. In the East, from the Urals to the Western Siberia, the vertical type of needle-cases prevailed. These needle-cases consisted of a bone or metal tubule and a cord, on which the tubule moved freely and which was pierced with needles. Metal needle-cases in the shape of a flattened flask, which are characteristic of the Perm Cis-Ural region only, can be attributed to the vertical type. Their shape and decoration are more or less standard. In terms of the production technique, these items could be divided into 2 groups — cast steel and jewelry. The complex and

intricate decoration of these needle-cases could be explained by a peculiar feature of the population of the Perm Cis-Ural region. The inhabitants of this area tended to attribute amulet functions to any items, even to those of everyday domestic usage. This tendency is clearly seen in the items with special appendages, producing noise. Single specimens of flask-shaped needle-cases were found on the territories of Udmurtya, Bashkirya, Tatarstan and Western Siberia. Probably they reached these areas through matrimonial contacts.

Illustrations:

Fig. 1.—P. 213.

Flask-shaped pierced needle-cases: 1 — Teploukhov's collection; 2, 3 — Demenkovsky burial place (2 — grave 55, 3 — grave 13a); 4 — Redikarsky burial place, grave 23; 5, 16 — Uryinsky burial place, 5 — grave погр. 18, 16 — grave 19; 6 — Ogurdinsky burial place, grave 123; 7 — Kharino village; 8, 12, 14, 23 — Rozhdestvenskiy burial place (8 — 10 ex., 12—2 ex.); 9 — Maikorskoye protected settlement; 10, 19, 24 — Anyushkar protected settlement; 11, 30 — place unknown; 13, 25 — Vakinskoe settlement (13 — 3 ex.); 15 — Zagarye village; 17 — Maltsevo village; 18 — Kilosovo village; 20, 22, 27 — Rozhdestvenskoe protected settlement; 21, 34 — Antybarsky burial place, 25 — Vakinskoye settlement, 26 — Stepanovo Plotbische burial place, 28 — Kalino village, 29 — Lekmartovskiy treasure; 31 — Troshata village; 32 — Trapeznikova village, 33 — Ananino district, Veslyana River.

Larissa Mikhailik (Moscow)

The Attempt of Reconstruction of the Basic Variants of Women's Burial Attire from the 10th — the early 11th centuries according to the Materials of Kiev and Kvetoun Burial places

The article is devoted to the reconstruction, study and interpretation of the Ancient Russian women's funeral attire of the 10th—11th centuries. For this purpose four of the most representative burials from Kiev and Kvetoun' burial graves were selected. All four were closely studied, separate details of the attire were provided with analogies, their types were specified in the accepted typology. All the burials are relatively rich in the attire finds, all similar in their character (being single burials), in the age and in the status of the deceased. Another common feature of the burials is their silver complexes. This confirms the conclusions made by G.F. Korzukhina concerning the evolution of the jewelry attire. All the sets of ornaments can be attributed to the second period of the silver attire, which is typically characterized by fine granulation technique, and also by special types of decorations, such as necklaces with moon-shaped pendants and beads, temporal rings, various torcs. The Kievan burials belong to the "Kiev drujina (prince's military band) culture" with a wide set of components — Slavic, Scandinavian, Byzantine.

The Kvetoun burials are monuments of rural culture, and consequently reflect the originality and traditional character of the region.

As the result of the research, the graphic variants of reconstruction were provided for each of the burials.

Illustrations:

Fig. 1.—P. 218.

Examples of Old Russian female burial attire: 1 — Kiev, burial complex from Zolotovorotskaya str. — 1984 (Main detail: necklace of various beads and silver moon-shaped pendant); 2 — Kiev, burial complex from Mikhailovskiy Zlatoverhii monastery — 1999 (Main detail: necklace of various beads and three semispherical silver pendants, and a silver fibula); 3 — Kvetun' barrows, barrow 53 (Main detail: 4 seven-rayed temporal rings, and a twisted torc); 4 — Kvetoun' barrows, barrow XX (Main detail: silver-plated plaque torc, and coin-shaped pendants).

Svetlana Novakovskaya-Boukhman (Saint-Petersburg)

Jewelry from the "Disintegrated" Ancient Russian Hoards in the Collection of M. P. Botkin

The article offers the first complete publication of the materials from the oldest part of M. P. Botkin's collection deposited in the State Russian Museum, which includes the 10th—13th centuries jewelry of rare artistic level, analogous to those from the Ancient Russian hoards. The author ascertained that once some of them were parts of well-known hoards which eventually lost their integrity.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 222.

Table with Old Russian and foreign decorations published in "The Collection of M. P. Botkin".

Fig. 2. — P. 223.

Table with Old Russian and Byzantine objects published in “The Collection of M. P. Botkin”.

Fig. 3. — P. 226.

Golden decorations from M. P. Botkin's collection. Phototable from the file of Archeological Commission.

Fig. 4. — P. 231.

Silver decorations from M. P. Botkin's collection. Phototable from the file of Archeological Commission.

Color pages:

05. Jewelry, the collection of M. P. Botkin. 1–2 — beads from a necklace (second half of the 12th — the first third of the 13th centuries (cat. № 29); 3 — a ‘korsounchik’ cross, Old Ryazan, 12th century (cat. № 2); 4 — a necklace of ribby (lentil-like) beads, Kiev, the end of the 12th — the first third of the 13th centuries (cat. № 28); 5 — a necklace, Sakhnovsky hoard, discovered 1900, Kiev, second half of the 12th century (cat. № 1); 6 — a conic ribby pendants, the end of the 12th — the first third of the 13th centuries (cat. № 27); 7 — a diadem, Kiev, 12th century (cat. № 3); 8 — temple rings of a signet-ring type, Kiev, 12th century (cat. № 8).

06. Jewelry, the collection of M. P. Botkin. 1–2 — golden colts with insert plates, Kiev, the turn of 12th and 13th centuries (cat. № 4, 5); 3–4 — bronze colts with a champlévé and a cloisonné enamel, Kiev, 13th century (cat. № 6, 7); 5–12 — three beads temple rings with a granulation, 12th — first third of 13th centuries: 5 — with a granulated lozenges and triangles (cat. № 9), 6–9 — with a granulation inside rings on the hollow beads surface (cat. № 10–13), 10–12 — with a granulation on a wire frame (cat. № 14–16); 13–22 — three beads temple rings, 1170's — the first third of 13th centuries: 13–16 — with hollow spherical beads, decorated with cloisonné rings, Kiev, Kiev Land, (cat. № 17–20), 17–22 — with open-work beads (cat. № 21–26).

07. Jewelry from the collection of M. P. Botkin. 1 — a signet-ring with a lion image, Kiev, eastern craftsman, first third of 13th century (cat. № 30); 2–4 — rings with a stone, second half of 12th — first third of 13th centuries (cat. № 31–33); 5–10 — a silver bracelets with the plate-endings, 11th–13th centuries (cat. № 36–41); 11, 14 — chains tips in the shapes of a with dragon and a snake, Scandinavia, 10th–11th centuries (cat. № 34–35); 12, 13 — three beads temple rings, Northern Europe, 11th–13th centuries (cat. № 44–45); 15 — a necklace of silver beads and a medallion with a ‘Blossoming Cross’, Old Ryazan (?) (cat. № 43).

Vania Pavlova (Varna)

Torques or Belts?

The article considers the silver hoops found in some hoards of the 14th century in modern Bulgaria. The question of their intended purpose is so far disputable: are they in fact torques or belts? All of them are made of narrow twisted tubular circles or of thick twisted wires. The finds from North-West Bulgaria (near the village of Druzha, District of Vidin, and in the town of Nikopol) are more massive and weighty. One half of the hoops is twisted, while the other half turns into tubes decorated with rings and rosettes. Their clasp is made of a hook and a ring or hinge.

All other finds were discovered in North-East Bulgaria: by the villages of Klimentovo, Izvorsko and Krumovo, District of Varna. They are made in the same way, but one quarter of their total length passes into a narrow band, sometimes plain and sometimes engraved. Some of these decoration circles end in one or two small hemispheres: one being just decorative and the other used for clasping.

The amazing likeness with similar fine jewelry from the Medieval Russia (11th — forties of 13th centuries) is the main argument used by the Bulgarian scholars to accept that all these hoops are torques.

Although, it has to be pointed out that so far the only sure evidence for using torques in the Mediaeval Bulgaria is a church mural in the village of Stanichene, District of Pirot (present Serbia). These murals were painted in 1331–1332, during the times of the Bulgarian king Ivan Alexander (1331–1371). The torque on the mural, depicted on a Bulgarian noble woman's neck, is identical to the torques from the hoards found in Druzha village and Nikopol.

According to the author's opinion, the hoops ending in a band and hemispheres have another purpose. They served as belts, which is logically deduced from their size, decoration and the way of clasping. This opinion is proved by tests made on a contemporary young woman's waist. These belts were used as a special decoration of a maiden's festive attire.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 247.

Silver hoops and their details: 1–4; 6–10 — mood of hoops fixation; 5, 11 — belt from Klimentovo, District Varna; 12 — torque, treasure from Nicopol.

Color page:

08. Mural painting, the church near Stanichene, District Pirot, Serbia.

Liudmila Pekarskaya (London)

The New Data about Kiev Hoard — 1906

The article presents the hoard found in Kiev near Mikhailovsky Golden Dome Monastery in July 1906. Its surviving parts are kept in the British Museum in London and the Metropolitan Museum of Art in New York. That is the largest of the 11th–12th century hoards that survived in the western museums. The hoard contains outstanding materials, which belong to the culture of Kievan Rus'. The paper establishes and gives a brief account of some unknown details of the hoard's entry abroad, and presents new dates of its original content. Some of the pieces from the Metropolitan Museum, previously said to be of unknown origin, in reality belong to the hoard of 1906, as well as some items from B.Khanenko's collection. The new archival evidence is brought up, namely the unpublished documents from the Pierpont Morgan Library which bear upon the details of his purchase of the Kiev hoard.

All the results of the study of this 1906 hoard and some other Kievan medieval objects of decorative art in custody of western museums are going to be presented in the monograph: *Princely Treasures from Medieval Kiev in The British Museum and The Metropolitan Museum of Art*.

Illustrations:

Fig. 1.—P. 252.

J. Pierpont Morgan (1837–1913). Photographic Portrait by Edward Steichen, 1903. The Pierpont Morgan Library, New York.

Fig. 2. — P. 253.

Kiev hoard, 1906: 1, 3 — temple pendants, pair; 2 — finger-ring, silver-gilt, niello. The Metropolitan museum of Art, Gift of J.Pierpont Morgan, 1917. (17.190.708–709). Photograph, all rights reserved, The Metropolitan Museum of Art.

Fig. 3. — P. 254.

Letter of N. Stepenko to the Imperial Archaeological Commission, May 8th, 1909.

Julia Podosenova (Perm)

Temple Rings with Pear-Shaped Pendants in Burial Grounds and Hoards of Perm Cis-Ural Region

The article is devoted to one of the most beautiful and loved decoration of the 9th–12th centuries headdress in Perm Cis-Ural Region — to the temple ring with pear-shaped pendants and filigree and granulated ornamentation. The analysis of their technology made it possible to divide the almost identically-looking objects into two groups: the objects made using simplified technology and those made using labour intensive technology. The association of the objects' technology and places of their occurrence showed that the items from the first group were found in burials only, while those from the second group appear in hoards. Thus the temple rings indicate not only the level of jewelry in Perm Cis-Ural Region, but they may also be a significant indicator of the social position.

Illustrations:

Fig. 1. —P. 257.

Temple rings with pear-shaped pendants and granulated and filigree decoration: 1–7 — group I, typical of burial grounds in the Kama region; 1 — whole ring; 2–7 — details of design; 8–13 — group II, typical of hoards from the Kama region: 8 — whole ring; 9–13 — details of design.

Liubov Pokrovskaya (Moscow)

Amulet-Pendants of Medieval Novgorod (Nerevsky and Troitsky Excavations)

The article is devoted to amulet-pendants documented at Nerevsky and Troitsky excavation sites (110 items). Among them: pendants in the shape of miniature articles of daily use and weapons, arcuate chain-holders used for hanging

the amulets, zoomorphous amulets, amulets with serpent images and some unique pendants. As the result of the work two periods of their existence in Novgorod were singled out. The first period (2nd half of the 10th — early 12th centuries) is characterized by the largest variety of pendants which may be caused by certain pagan ideas that still survived among the townspeople. It is in the levels of this period that most of flat zoomorphous amulets and miniature articles of daily use and weapons were found. The second period (1st half of the 13th — early 14th centuries), unlike the first one, does not show large variety of amulet-pendants. Sharp increase in the amount of hollow rustling hangers-horses in the late 13th — early 14th centuries indicates, in the first place, the interplay between different traditions, characterizing multicomponent nature of Novgorod material culture, but not the prevalence of pagan superstitions in Novgorod.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 260.

1 — layout of yards at Nerevsky excavation site; 2 — layout of yards at Troitsky excavation site.

Fig. 2. — P. 262.

Pendants from Troitsky (1–7, 9, 12, 14, 16–21) and Nerevsky (8, 10, 13, 15) excavation sites. 1–14 — amulet pendants; 15–21 — noising hollow pendants.

Fig. 3. — P. 267.

1 — chronological distribution of amulets; 2 — chronological distribution of amulets at Nerevsky and Troitsky excavation sites. Map symbols: 1 — Nerevsky excavation site; 2 — Troitsky excavation site.

Svetlana Riabtseva (Saint-Petersburg — Kishinev)

On “Grape-Like” Jewellery

The problem of the so-called “Wolyn” type earrings” is one of the most notable among the variety of subjects studied by Galy Feodorovna Korzukhina. The scholar proposed the first typology of the items, considered the problems of their technique and possible analogues and prototypes. Presumably, it is important to consider “Wolyn” earrings” in the wide context of the “grape-like” jewellery style which developed in Danube region under the direct Byzantine influence. The analysis brings us to the conclusion that the variants of “Wolyn” earrings” differ from each other most in the East Europe, where they were part of expensive garments for show and were made of silver, applying techniques of embossing, filigree and granulation. Whereas in Danube region, where the “grape-like” jewellery is represented by a wider range of different items, including both brazed and cast objects, they display much closer cognation, even within the “Wolyn” type”.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 274.

“Wolyn” rings of “A” type with their prototypes and analogues: 1, 2 — burial ground Arbonu (Hungary); 3 — Kelegeja complex (the Ukraine); 4 — Pastyrskoje hillfort, an occasional find (Ukraine); 5, 6, 8 — Nitra burial ground, burial 43 (Slovakia); 7 — Trnovec nad Vahom (the Middle Danube Region); 9 — Nitra burial ground, burial 4 (Slovakia); 10 — Novotroitskoje hillfort; 11 — Gradeshniki burial ground (Bulgaria); 12 — Vylchedrom burial ground (Bulgaria); 13 — Arsura burial ground (Romania); 14 — Borschevka hoard (Ukraine); 15 — Tushta hoard (Helsingland); 16 — Gniozdovo hoard (1993); 17 — Tulchinsky hoard (Ukraine); 18 — Obra-Nova hoard (Poland); 19 — Bószob burial ground (Hungary).

Fig. 2. — P. 275.

“Wolyn” rings of B type with their prototypes and analogues: 1 — Želovce (Middle Danube region); 2 — Ho-liare (Middle Danube region); 3 — Skaliska burial ground (Middle Danube region); 4, 5 — Pliska burial ground, burial 19 (Bulgaria); 6 — Vinča (Middle Danube region); 7, 9 — Stenje settlement, Goljam Grad island, burial 64 (Macedonia); 8, 14, 15 — Gradeshniki burial ground (Bulgaria); 10 — Dobresho settlement, Gradishto district (Macedonia); 11, 12 — Halimba burial ground (Hungary); 13 — Zlokukash settlement (Macedonia); 16 — Stare Mesto (Czechia); 17 — Rădukăneni hoard (Romania); 18 — Tokaj hoard (Hungary); 19 — Yurkovtsy hoard (Ukraine); 20 — Kopievka hoard (Ukraine); 21 — Elizavetgradsky uyezd (Ukraine); 22 — Brănești burial ground, burial 34 (Moldova); 23 — burial in Kluj-Napoka (Romania); 24 — Ekimăuți hillfort (Moldova); 25 — North Bulgaria; 26 — Kurvingrad (Middle Danube region); 27 — Middle Danube region.

Fig. 3. — P. 276.

“Wolyn” rings of types C and D: 1 — Nitra (Slovakia); 2 — Dobeshte (Macedonia); 3 — Novi Kniaževac (the Middle Danube region); 4, 5 — Pernik (Bulgaria); 6, 7 — Preslav burial ground, burial 2 (Bulgaria); 8, 9 — Izvorul

(Romania); 10, 11 — Rădukăneni hoard (Romania); 12, 13 — Ekimăuți hillfort (Moldova); 14, 15 — Blandiana burial ground (Romania); 16, 17 — Tokaj hoard (Hungary); 18 — Elizavetgradsky uyezd (Ukraine); 19 — Galiche burial ground, burial 5 (Bulgaria); 20, 25 — Pliska burial ground, burial 16 (Bulgaria); 21–23 — Kopievka hoard (Ukraine); 24, 28 — Denis hoard (Ukraine); 26 — Mirkovo burial ground (Bulgaria); 27 — Liubenovo burial ground (Bulgaria); 29 — Batajci (Serbia); 30 — Brno Malomesnitse (Czechia); 31 — Yurkovtsy hoard (Ukraine); 32 — Brančev (Middle Danube region); 33 — Preslav (Bulgaria). Different scales.

Fig. 4. — P. 277.

Branch-like rings: 1 — Ciko (Hungary); 2 — Hódmezővásárhely (Hungary); 3 — Budapest XIII (Hungary); 4 — Biskupin (Middle Danube region); 5 — Stoicani (Romania); 6 — Pliska burial ground, burial 19 (Bulgaria); 7 — Stare Mesto (Czechia); 8 — Zelenko (Middle Danube region); 9 — Koločin (Middle Danube region); 10 — Trilj (Dalmatia); 11, 15–18 — Stare Mesto (Czechia); 12 — Pšedmosti (Middle Danube region); 13, 14 — Blučin (Middle Danube region); 19 — Kladno (Middle Danube region); 20, 21, 24 — Stare Kouřim (Middle Danube region); 22, 26 — Gniozdovo; 23 — Dobosht' (Macedonia); 25 — Lipovo (Middle Danube region); 27 — Galiche burial ground, burial 22 (Bulgaria); 28, 29 — Stenje settlement, Goljaem Grad island (Macedonia); 30 — Negotino (Macedonia); 31–33 — Middle Danube region; 34, 35 — North Bulgaria; 36–38 — Dobrichko (Bulgaria); 39, 40 — Sredische (Bulgaria). Different scales.

Fig. 5. — P. 279.

Rings with cast pendants: 1, 3 — Mikhailovo burial ground, burial 1, 4 (Bulgaria); 2 — North Bulgaria; 4 — Gniozdovo; 5, 7 — Lukovit burial ground, burial 59 (Bulgaria); 6 — Radolishte settlement (Macedonia); 8 — North Bulgaria; 9, 10 — Galiche burial ground, burial 4 and outside it (Bulgaria); 11 — Rujno Kartal Kale (Bulgaria); 12 — Okorosh (Bulgaria); 13 — Rujno Ajazmoto (Bulgaria); 14 — Trajanov Most (Middle Danube region); 15, 17 — Middle Danube region; 16 — Kurvingrad (Middle Danube region); 17–25 — Nitra burial ground, burials 7, 8, 28, 11, 30 (Slovakia); 26 — Galiche burial ground, burials 56, 63 (Bulgaria); 27, 28 — Mikhailovo burial ground, burial 4 (Bulgaria); 29, 30 — Cimbrud burial ground (Romania); 31, 32, 34, 35 — North Bulgaria; 33 — Novotroitskoje hillfort. Different scales.

Fig. 6. — P. 280.

Rings with cast pendants: 1, 2 — Galiche burial ground, burial 50 (Bulgaria); 3, 4 — Galiche burial ground, outside the burial (Bulgaria); 5 — Vranč okrug (Bulgaria); 6 — Preslav (Bulgaria); 7, 8 — Galiche burial ground (Bulgaria); 9 — Kurvingrad (Middle Danube region); 11 — Rădukăneni hoard (Romania); 10, 12–18 — Nitra burial ground, burials 28, 11, 4, 51, 7, 28 (Slovakia); 19–22 — North Bulgaria. Different scales.

Fig. 7. — P. 281.

Cast earrings: 1 — Preslav (Bulgaria); 2 — Predloka (the Middle Danube region); 3 — Trajanov Most (Middle Danube region); 4 — Kloštar (Middle Danube region); 5 — Ptuj (Middle Danube region); 6, 10 — Kloštar (Middle Danube region); 7 — Veliki Varandin (Варандин) (Hungary); 8 — Ptuj (Middle Danube region); 9 — Junuzoviči (Middle Danube region); 11 — Tolna Zsanto (Hungary); 12, 13 — Lukovit burial ground (Bulgaria).

Fig. 8. — P. 282.

Cast earrings: 1 — Preslav (Bulgaria); 2 — Kupinov (Middle Danube region); 3 — Middle Danube region; 4, 5, 6 — Vinča (Middle Danube region); 7, 8 — Mast, Bratislava okrug (Slovakia); 9, 10 — Rujno Kartal Kale (Bulgaria); 11 — Vodniantsi (Bulgaria); 12 — Rujno Ajazmoto (Bulgaria); 13 — Skala (Bulgaria); 14–16 — North Bulgaria; 17, 18 — Fativizhsky hoard; 19 — Chersones; 20 — Batitsa; 21 — Zheleznijsky hoard; 22 — Gniozdovo; 23 — Sredische (Bulgaria); 24 — Novotroitskoje hillfort. Different scales.

Marina Sergeeva (Kiev)

Old Russian Zoomorphic Carved Bone of the Middle Dnieper Area

The article gives a survey of the Old Russian bonecarved items with zoomorphic decorations. The “Animal style” was not a widespread decorative motif in the South Russian bonecarving production. It is represented by separate objects only. Its most widespread version is volumetrical heads of animals or birds, which finish the objects of different functional purpose. The contour and relief pictures are represented by isolated specimens. The zoomorphic decoration is characteristic of unique objects, probably made to order. The only exception is ear-cleaners with standard tops in the shape of stylised ornitomorphic heads, which concerned to be production of mass demand. The style of representative objects often roots in non-local artistic traditions, especially in those of North European art.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 288.

Zoomorphic carved bone from Kiev: 1–3 — ear-cleaners with ornithomorphic ending; 4 — lash handle with zoomorphic ending; 5 — plate with the image of a fantastic creature; 6, 9 — points with the heads of zoomorphic creatures on the blunt end; 7 — halter buckle with the image of a beast from Kiev; 8 — half-finished halter buckle from Vyshgorod; 10 — object of unknown purpose with a volumetrical image of a beast.

Fig. 2. — P. 290.

Zoomorphic carved bone from various sites of the Middle Dnieper region: 1–2 — ornothomorphic finials of whip handles (Voinskaja Greblia); 3 — mirror handle with a zoomorphic image (Sharki); 4 — mirror handle with a zoomorphous image (Kanev region); 5–6 — duck pendants (Zhovnin); 7 — duck image on knife handles: a — Kiev, б — Old Ryazan.

Julia Stepanova (Tver)

Suspension Brackets as Parts of the Old Russian Women's Burial Attire in the Upper Volga Region

This article is devoted to various types of the suspension brackets, which played the important role in an Old-Russian female costume — the round and trapezoid suspension brackets, the coins, chains, crosses, rustling and other types of this ornaments. The suspension brackets are not so frequent element in female funeral costume of Upper Volga area, as the temporal rings or breast necklaces from a beads. However they serve as bright addition of a costume, as a rule, determining its individual shape. The place of the ornaments in burial sometimes allows to find out the structure of a funeral costume and breed of clothes entering into it. The most part of the suspension brackets concerns to the types widely widespread to territories of Ancient Russia. At the same time, for separate types the suspension brackets, such as rustling, trapezoid, the areas of their concentration are allocated — in the east and west parts of Upper Volga area. The belt suspension brackets prevail in east part of this territory. Probably, that the Baltic and Finno-Ugric traditions have influenced folding of the Old-Russian female costume here.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 295.

Types of the suspension brackets which are a part of Old-Russian female funeral costume in the Upper Volga area: 1, 3 — small bells; 2 — cross; 4, 5 — trapezoid suspension brackets; 6, 7, 15 — round cast suspension brackets; 8 — encolphion; 9 — trapezoid suspension bracket with sign of Rurikovichi; 10 — round cast openwork suspension bracket; 11 — lunnitza; 12 — dirkham; 13, 14 — round stamping suspension brackets, 16 — ring suspension bracket; 17 — trefoliashaped; 18 — triangular frame suspension bracket; 19 — hollow suspension bracket; 20 — chain with a knife and a figure of a “horse»; 21 — rustling lunnitza; 22 — suspension bracket in the form of a horse; 23 — lamellar suspension bracket; 24 — flat suspension bracket with heads of the cocks.

1–3, 5, 6, 8, 12–14, 20 — Izbrizhje; 4, 11 — Berezovetsky; 7, 10 — Blagoveschenje; 9 — Khilovo; 15, 17 — Visokino; 16, 18, 21–23 — Pleshkovo–1; 19 — Bolshaja Kosha; 24 — Yagodino.

Fig. 2. — P. 297.

Types of the suspension:

1 — round suspension brackets in two of some, 2 — the cross separately from a necklace, 3 — bells at a level of a breast and on a belt, 4 — triangular frame suspension bracket on a neck-ring, 5 — pairs bells on shoulders and trapezoid suspension brackets on a belt, 6 — complex suspension brackets on the shoulder and the belt.

1 — Blagoveschenje, 2, 5 — Bolshaya Kosha, 3 — Glinniki, 4 — Pleshkovo, 1, 6 — Khilovo.

Fig. 3. — P. 304.

Types of the suspension brackets in the Old-Russian necropolis of Upper Volga area:

1 — round suspension brackets, 2 — bubenchik (bells), 3 — crosses, 4 — lunnitza, 5 — chain, 6 — trapezoid suspension brackets, 7 — rustling suspension brackets.

Olga Fetissova (Saint-Petersburg)

On the Problem of Origins of Ancient Russian Golden Kolts Ornamented with Cloisonné Enamels

The article considers two possible roots of the original Ancient Russian golden kolts ornamented with cloisonné enamels. Kolts of the first type (with pearl edging and enamel images), to the author's opinion, ascend directly

to Byzantine models of the middle and late 11th century. The history of the second-type Ancient Russian golden kolts (with multi-beam edging) seems to be more complicated. The structure of temple crescent-shaped hollow pendant with set-in central plate roots in the eastern antiquity. It is supposed that the change of the eastern filigree ornament on the plates for images in the technique of cloisonné enamel, along with slight “transformation” of the whole structure, was most likely carried out in Byzantine in the late 11th century, and afterwards borrowed, comprehended and re-designed by Russian jewellers.

Color pages:

09. Byzantine and Ancient Russian temple pendants: 1–2 — a pair of ‘colts’, discovered 1887, Kiev hoard, by the fence of Mikhailovsky nunnery, Kiev, the end of 11th century (the State Russian Museum, St. Petersburg); 3–4 — a pair of temporal pendants, Syria or Egypt, 11th century (the Metropolitan Museum of Arts, New York); 5 — a temporal pendant, Constantinople, 11th–12th centuries (Dumbarton Oaks, Washington, D.C.); 6 — a temporal pendant, Byzantine Empire (?), 10th–12th centuries, Sparta, Greece (the Mystra Museum); 7 — a temporal pendant, Constantinople, the end of 11th — the first half of 12th centuries (the Metropolitan Museum of Arts, New York); 8–9 — a pair of ‘colts’, hoard, discovered 1897, Knyazha Gora, Kanevsky Uyezd, Kiev Guberniya, Kiev, 12th century (the Museum of Ukrainian Historical Treasures, Kiev); 10 — a temporal pendant, the collection of I. P. Balashov (the Slocket Collection, Brussels); 11–12 — a pair of temporal pendants, Byzantine Empire (?), 11th–13th centuries (the Benaki Museum, Athens); 13–14 — a pair of ‘colts’, Kievan Rus’ (?), 11th–12th centuries (the Metropolitan Museum of Arts, New York); 15–16 — a pair of ‘colts’, Kievan Rus’ (?), Byzantine Empire (?), 12th century (the Metropolitan Museum of Arts, New York, donated by J. G. P. Morgan, 1917). 1–5, 7–14 — gold; 6, 15–16 — gold plated silver.

Natalia Astashova, Tatiana Saracheva (Moscow)

The Chemical and Technological Investigation of the Old Russian Relief Enkolpia from the Archaeological Collection of the State Historical Museum

The scientific attention to the Rus’ enkolpia rose at the end of the 19th century. That was the time when the first private and museum collections started to be formed, mostly from the so-called “market purchases”. The bibliography of enkolpia is rather extensive and impressive, but the research undertaken by G. F. Korzukhina in the middle of the 20th century is the most significant and well-reasoned one.

At present a special research of crosses from the archaeological collection of the State Historical Museum is carried out. This collection includes about 200 examples, 45 of them belonging to 2 types (after G. F. Korzukhina’s classification): relief and relief-nielloed enkolpia. Their halves depict well-known images of Crucifixion and the Virgin. The measured attributes allow to reveal the examples of big (8–10 cm) and average (6–8 cm) size and to determine the proportion features of these types.

The study of manufacturing of enkolpia is based on the visual analysis, which allows us to propose several reconstructions of the main fabrication techniques. The techniques differ in the way of forming the relief images, inscriptions, design and the presence of finishing post-casting operations. The majority of objects still bear the clear traces of casting in a clay mould made by the impression of another enkolpion. Some objects were made using wax or metal models.

The chemical investigation of metal by non-destructive X-ray fluorescent spectrometry method showed that the enkolpia were made of different alloys: mainly multi-compound bronze and brass. Such alloys indicate that different raw metal materials were mixed together.

This work is the first attempt to apply the system method to the study of a representative collection of the ancient Rus’ enkolpia, which should be continued.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 319.

1 — reverse of encolpion № 41; 2 — encolpion № 1.

Fig. 2. — P. 320.

Encolpion № 29, obverse and reverse.

Fig. 3. — P. 321.

Encolpion № 15, obverse and reverse.

Fig. 4. —P. 322.

1, 2 — traces of loop's attaching on the reverse side of encolpia № 24 and № 1; 3 — obverse of encolpion № 38; 4 — reverse of encolpion № 18.

Fig. 5. —P. 324.

Distribution of encolpia according to the schema of production.

Georgi Atanasov (Silistra, Bulgaria)

The Iconography of Saint George: Foot Soldier and Dragon-Fighter (Semantics, Monuments, Dating)

There exists evidence that the iconography of Saint George as a Warrior and Dragon-Fighter originated in the east provinces of the Byzantine Empire as early as in the 5th–6th centuries. Simultaneously with the classical iconographies of Saint George as a Foot Soldier and Saint George as a Rider and Dragon-Fighter, there appeared the image of Saint George as a Foot Soldier and Dragon-Fighter. This is indisputably documented by a fabric from Ahmim (5th century) and a terracotta icon from Vinitsa (today's Macedonia) dated to the 6th century, with an accompanying inscription: *Saint George*. Later, with the falling of the southern provinces under the pressure of Arabic invasion and as a result of iconoclastic movement, this specific iconography disappeared from the Byzantine art. Although, it continued to exist outside the political borders of the Empire. The examples of this iconographic type can be found on a mural painting from Faras (South Egypt), a graphite from Abdeh (Asia Minor) dated to the 8th century and a relief upon the so-called Arch of Einhardt from the beginning of the 9th century. We attribute the new version of the iconography of Saint George — as a Foot Soldier and Dragon-Fighter — in the Byzantine cultural circle to the end of the 10th — the beginning of the 11th centuries. In the course of excavations in Drastar (Silistra — Bulgaria) and the adjacent Fortresses Skala, Sredishte, Popina, lead icons of the same type were discovered, with a Golgotha Cross engraved upon one side, and Saint George as a Foot Soldier upon the other — treading on and spearing a dragon, with an inscription around it: OATHOC ΓEOPTHOC. But for the time being no records depicting this scene were discovered outside the Region of Drastar. There exists evidence that the icons were cast in a local atelier (probably in Drastar), and it seems possible that they transcribe the iconography of some stavrothecca which did not survive to the present day, but was very popular in the 10th–11th centuries.

Illustrations:

Fig. 1. —P. 332.

Ceramic Icons. 1–2 — from The Fortress Vinitsa: 1 — depicting Saint George and Saint Christopher (6th century); 2 — depicting Saint Theodor (6th century); 3, 4 — from North Africa depicting Saint George? (5th–6th centuries).

Fig. 2. — P. 333.

1 — Kopt fabrics from Ahmim (4th–5th c. A.D.); 2 — graphitty from Abdeh — (6th–8th c. A.D.); 3 — mosaic in Archbishop's Cathedral in Ravenna (5th c. A.D.); 4 — clay lamp from North Africa (6th c. A.D.); 5 — coin of Markian (450–457); 6 — coin of Valentinian III (421); 7 — frescoe from Faras — Nubians (8th c. A.D.); 8 — bone diptych (8th–9th c. A.D.); 9 — coin of Constantine The Great (306–337); 10 — relief 'Arches of Egenhardt (the beginning of 9th c. A.D.).

Fig. 3. — P. 339.

Lead Icons from Silistra (Dobrudzha — Bulgaria): 1, 7 — Drastar/Silistra 2 — Popin; 3, 4 — Skala; 5 — The Fortress of Tsar Asen; 6 — Sredishte. 5 — 10th century, 1–4, 6, 7 — the end of 10th — the beginning of 11th c. A.D.

Elena Veremeychyk (Chernigov)

The Objects of Christian Cult from the 11th–13th Centuries at the Village Settlements in Chernigov Polesye

The article gives the review of personal piety items (crosses — encolpia, perctora crosses, small icons) and details of church utensils, found at the village settlements in Chernigov Polesye.

The main conclusions are that the personal piety items could be used by different categories of village population. The presence of church utensils and plinth at the settlements allows to assume that there were churches in the villages of Chernigov region.

Illustrations:

Fig. 1.—P. 345.

Map of the spread of the objects of the Christian cult on village settlements of the Chernihiv Poles'je. 1 — Klonov, 2 — Leskovoje, 3 — Ocheretjanaja Gora, 4 — Siberezh, 5 — Lanok, 6 — Shumlaj, 7 — Masany, 8 — Rov-2, 9 — Shestovitsa-Flood-Lands, 10 — Selyshe, 11 — Ovramenkov Krug, 12 — Avtunichi, 13 — Goritsa, 14 — Rasterep, 15 — Volynka 1. Map symbols: а — settlement, б — encolpions, в — church utensils, г — icon, д — personal crosses.

Fig. 2. — P. 346.

Encolpia crosses: 1 — Lanok settlement; 2–3 — Masany settlement, photograph and drawing.

Fig. 3.—P. 347.

Underwear crosses of metal: 1, 7, 10 — Leskovoje; 2, 5, 8–9, 14 — Goritsa; 3–4, 12–13 — Avtunichi; 6 — Siberezh; 11 — Shumlaj.

Fig. 4.—P. 349.

Underwear crosses of stone: 1 — Ocheretianaja Gora; 2, 4 — Shumlaj; 3, 5 — Leskovoje.

Fig. 5. —P. 351.

Church plate fragments: 1, 4 — Rov-2; 2 — Shestovitsa-Pojma; 3 — Leskovoje; 5 — Selische; 6–7 — Ovramenkov Krug; 8 — Shumlaj.

Alexander Gertsen (Simferopol), Tatjana Yashayeva (Sevastopol)

Ancient Rus' Reliquary Crosses from South-West Crimea

This article analyzes the Ancient Rus' copper cast reliquary crosses from different centers of South-West Crimea: Pampuk-Kaya fortress, cave town Mangup-Kale, the neighborhood of rock monasteries Chelter-Koba and Kachi-Kal'on, and the valley of the river Belbek. All the reliquary crosses under consideration are chance finds. Only three examples originate from the cultural layer: two of them come from the medieval necropolis near St. Constantine's church in Mangup-Kale and another from the burial within the basilica in the citadel of Pampuk-Kaya.

The collection of reliquary crosses includes the following types, according to A.A. Peskova's classification: II.1, variant 1; II.1, variant II; III.3; VII. 1.1; VII.3.1. Besides, there is a rare specimen that has no analogues, namely the reliquary cross with straight arms, portraying St. Nicholas in the middle of its front leaf and archangels and seraph in frames on the ends of the arms.

According to the position of the holes drilled through the cross, some single leaves were worn as underwear crosses or were hanged on processional crosses, used as appliqués on liturgy books, diptyches, etc.

The Ancient Rus' reliquary crosses penetrated to different centers of Taurica in different ways, therefore we propose to vary approaches depending on the specificity of each individual find. According to many characteristics, eight out of thirteenth reliquary crosses under the present analysis could not appear in the Crimea earlier than the 13th century. In our opinion, some difficult-of-access fortresses and monasteries in South-West Crimea, where (or in close neighborhood of which) the Rus' reliquary crosses were found (Pampuk-Kaya, Chelter-Koba, Kachi-Kal'on and others), could become shelters for runaway Christian captives in the period of Mongol expansion. It is also possible that the pilgrims from Rus' visited Kachi-Kal'on, as the church of "Nastasya the Martyr of Christ" was well-known in Rus' during the Late Byzantine period. Close relations between the ruling elite of Theodoro Principality and Moscow could influence the fact that the Ancient Rus' reliquary crosses appeared in the capital of Theodoro. The Rus' crosses could also be imported to the region of Mangup-Kale from Cherson which was actually abandoned in the late 14th century, and some of its former residents could migrate to Mangup-Theodoro; the latter became both political and religious center of South-West Crimea in the second half of the 14th century.

Illustrations:

Fig. 1. —P. 356.

Map of the finds of Ancient Rus' reliquary crosses in the south-western area of the mountainous region of the Crimea.

Fig. 2. —P. 357.

1–3 — reliquaries; 4 — stone cross; 2 — liturgical tool from the burials near St. Constantine's Church, Mangup-Kale plateau.

Fig. 3. —P. 360.

Reliquaries: 1–2, 4–6 — crosses from the vicinities of Mangup-Kale plateau; 3 — from the vicinity of the monastery in Kachi-Kal'on; 7 — from the vicinity of Chelter-Koba monastery; 8 — from the valley of river Belbek.; 9–10 — from Pampuk-Kaya fortress.

Denis Jolshin (Saint-Petersburg)**On the Reconstruction of the Original Design of the Tithe Church in Kiev**

The article considers the historiography of reconstruction variants of the original design of the Tithe (Desyatinnaya) church in Kiev (989–996), as well as the problem of dating the galleries of the church. The lack of archaeological evidence forces the author to criticize the hypothesis of M.K. Karger, who dated the galleries to 1030's. The recently alighted archive records and drafts of D.V. Mileev (the chief excavator of the site in 1908–1914) indicate definitely that it was him to who the idea of multistage building history of the church occurred first, and the hypothesis was based on the differences in the structure of foundations. Nevertheless, the archaeological data (received in the course of the excavations carried out in 1908–1914, 1938–1939, 2005–2007) do not allow neither to date the galleries to the later time nor to accept the theory of O. Powstenko–G.F. Korzoukhina (who supposed that the galleries were rebuilt).

Illustrations:

Fig. 1. — P. 364.

The variants of the reconstruction of the plan of the Tithe church in Kiev: 1 — D.V. Mileev; 2 — M.K. Karger; 3 — G.F. Korzoukhina; 4 — N.V. Kholostenko; 5 — G.N. Logvin; 6 — Yu.S. Aseev; 7 — P.A. Rappoport; 8 — A.A. Reutov.

Fig. 2. — P. 365.

The variants of the reconstruction of the plan of the Tithe church original core: 1 — M.K. Karger; 2 — G.F. Korzoukhina.

Fig. 3. — P. 366.

Excavations of the Tithe church in Kiev in 1939 by the expedition of The Institute of Archaeology (Leningrad Department). G.F. Korzoukhina is drafting on the right.

Fig. 4. — P. 367.

D.V. Mileev. 1 — plan of the excavations of the eastern part of the Tithe church in Kiev (1908–1909); 2 — eastern section of the trench excavated in 1908, showing the fundamental trenches.

Fig. 5.—P. 368.

Excavations of the Tithe church in Kiev in 1908: quartzite blocks found in situ at the base of northern fundamental trench of the central nave. View from the east.

Vladimir Zotsenko, Mikhail Yevlev (Kiev).**The 11th-Century Bronze Casting Mould from Kiev**

The article is devoted to the publication and analysis of a unique 2-flap divided bronze casting mold that was used for casting crosses which A. A. Spitsyn called “Scandinavian-type crosses”. According to archeological context the mold is dated back to the 2nd half of the 11th century and indicates that Kiev should be considered as the centre of manufacture of such crosses. The authors express their ideas concerning the origins of their shape and technology of their production.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 372.

Plan of the main excavation site at “Izyaslav's town”.

Fig. 2. — P. 373.

Lead seal of prince Izyaslav Yaroslavovich.

Color pages:

10. I — Front and back of a half of a casting mold, excavations at “Izyaslav's Town”, second half of 11th century.

Mirosław Piotr Kruk (Krakow)**The Ancient Russian Reliquary Crosses and Metal Icons
in the Collection of the Orthodox Department of the National Museum in Krakow**

The National Museum in Krakow (MNK) owns one of the oldest collections of Orthodox art in the Central and Eastern Europe, which started to be gathered since the origins of the Museum, i.e. since the year 1879.

Among the oldest and the most valuable monuments there are a few dozens of enkolpia, mainly reliquary crosses, but also plaques which were shown at the exhibition “Sacralia Ruthenica” in the Main Building of the MNK in September-October 2006, in connection with the 12th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists held in Krakow. Within the schedule of the Meeting there was a one-day session entirely devoted to the research on enkolpia carried out in various countries of Europe. The exhibition, as well as the accompanying catalogue, included enkolpia from the collections of two museums — the National Museum in Krakow and the National Museum in Warsaw (MNW). The MNK collection is constituted mainly by the works which the Museum obtained as early as at the end of the 19th century, directly from Vohlynia and Red Ruthenia, while the MNW collection is based on the collection of Józef Choynowski, the more varied one, among other objects including a wide range of later crosses and plaques, which should be associated rather with Novgorod. These works had never been published before, thus the exhibition and the catalogue gave an occasion to promote their scholarly circulation, which was preceded by papers presented in Wigry in June 2005 and in St. Petersburg in April 2006.

The present communication outlines the problems relating the dating of selected works, excavated in usually unknown circumstances, and examined on the basis of comparative analysis. The search for Old Rus' works in different departments of the MNK also resulted in the recognition of various jewelry. Byzantine enkolpia from the Prince's Czartoryski Collection in Krakow gathered through purchases made in the Western Europe are also worth paying attention to.

From the statistical point of view, the collection of the Orthodox Department of the MNK consists of 26 enkolpia dated between the 11th and the 15th centuries, 3 enkolpia-plaques and 1 early Byzantine weight with a cross motif. In the Decorative Art and Material Culture Department there are 2 temple pendants (kolti), 1 cruciform-pendant, 1 appliqué-pendant, 3 pairs of earrings, 2 separate pieces and 2 rings. Two enkolpia-plaques of amulet character were recognized during the exhibition in the Numismatics Room of the MNK, while in the Prince's Czartoryski Collection we found one Old Rus' medieval plaque coming from the area of the northern Poland. The inclusion of the described works of the Old Rus' art into scholarly circulation helps to supplement the picture of the spiritual culture of Rus' in its material dimension; many objects have been underestimated for a long time and are still often unknown.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 377.

1 — cross (Scandinavia or Northern Rus' (?), late 10th — early 12th cent., cast bronze); 2 — double-sided plaque — pendant or part of diptych: reverse — Annunciation (Rus', Novgorod (?), 12th cent.); 3 — pendant plaque, Mother of God of the Sign — Znamenie (Rus', Novgorod (?), 15th cent.); 4 — pendant plaque, Mother of God Hodegetria (Rus', Novgorod (?), 16th cent.) 5 — pendant plaque, Mother of God Hodegetria (Rus', Novgorod (?), 18th cent.); 6 — enkolpion — reliquary cross: obverse — Martyr Saints Boris and Gleb (Kievan Rus', 2nd half of 13th — early 14th cent.); 7 — enkolpion — reliquary cross: obverse — Crucified Christ (Rus', 15th cent.); 8 — double-sided plaque: obverse (?) — Saints Nicholas and Charalampous; reverse — Saint George (Athos (?), 2nd half of 17th — early 18th cent.). 1 — bronze; 2–7 — cast bronze; 8 — horn.

Georgy Mănucu-Adameşteanu, Ingrid Poll (Bucharest, Romania)

Enkolpia Crosses found in Isaccea, District Toulcha, Romania

The article offers the analysis of enkolpion crosses found within the territory of the ancient town Noviogunum-Isaccea in the Lower Danube Region (North Dobroudzha). In the medieval times Isakcha fortress was one of the leading urban centres of North Dobroudzha and the only centre in this region where people lived continuously through the period of the 10th–15th centuries. 22 bronze enkolpia crosses remain from those times (of which only one is of archeological origin), made in the technique of casting and ornamented with relief and engraved figures (the article gives a detailed review of 14 items).

The analysis brings to the conclusion that the period when Byzantine enkolpia crosses and crosses of Byzantine looks were especially wide-spread in Dobroudzha was the 10th–12th centuries, items with figures in relief being more numerous. Crosses of Byzantine looks with engraved figures were also used in the 13th–14th centuries.

Using the method of X-ray fluorescence analysis, quality and quantity analysis of the crosses from Isaccea was carried out (see Table 3: № 5–11, 13–21), as well as the analysis of some crosses found in other locations

of Dobroudzha — in the South of the region in Tyrgshor (№ 4) and Beroy (№ 1, 2 and 3), and also in Noufarou (№ 22 and 23) in the North of the region.

Illustrations:

Fig. 1.—P. 384.

Relief encolpia crosses from Isaccea fortress (Romania): 1 — private collection, Bucharest; 2 — Archeological Museum of the Institute for Eco-Museum Studies, Tulcha, inventory No. № 26047; 3 — *ibid.*, inventory No. 33193; 4 — Museum of National history and Archeology, Constans; 5–6 — private collection, Tulcha; 7 — Archeological Museum of the Institute for Eco-Museum Studies, Tulcha, inventory No. 4071; 8 — private collection, Isakcha; 9 — Archeological Museum of the Institute for Eco-Museum Studies, Tulcha, unnumbered.

Anna Peskova (Saint-Petersburg), *Liudmila Strokova* (Kiev)

On the History and Composition of Khanenko's "Syrian Collection" in the Collection of the National History Museum of the Ukraine

The article studies the history and content of the "Syrian Collection" of B. I. and V. N. Khanenko which, according to N. P. Kondakov, they acquired in Damascus, Syria, from a railway construction engineer. According to N. I. Petrov, B. I. Khanenko bought two collections of metal crosses, "one in Damascus, Syria, another on island Crete". However, the collection came down into the history as "Syrian", being considered as a sample collection of Syrian crosses and miniature icons.

Nowadays the collection called "Syrian" remains deposited at the National History Museum of the Ukraine. It includes 332 items received from B. I. Khanenko. The collection consists of 2 parts: 235 articles of non-ferrous metals, glass and stones, represented by jewelry and welfare items, and 96 different crosses, among them 20 Ancient Russian ones. It was discovered that the integrity of the "Syrian Collection" was first broken in B. I. Khanenko's lifetime, in the course of editorial preparation of the 3rd issue of the album "Russian Antiquities. Crosses and Miniature Icons". Afterwards it was broken again many times, in the course of redistribution of museum collections and of evacuation process during the war. The analysis of the Christian part of Khotinenko's "Syrian Collection" proved that it represents the full diversity of Byzantine crosses including Balkan-Danube types. There fore nowadays it is more correct to consider it not as a sample Syrian collection, but as a uniquely diverse collection of Byzantine crosses that enriches significantly the basic sources for the study of Byzantine and Ancient Russian religious plastic art.

Illustrations:

Fig. 1. —P. 400.

Photoprint from V. V. Khvojka's negatives.

Fig. 2. —P. 401.

Photoprint from V. V. Khvojka's negatives.

Vassily Poutsko (Kaluga)

Saint Healers in the Stone Plastic of Vladimir-Suzdal Russia (Iconographic and Stylistic Parallels)

The study is devoted to the reliefs of Holy Martyrs-Healers Kozma and Damian on the south-west pilaster of Georgievsky Cathedral in Yurjev-Poslky, erected in 1230–1234. These images are compared with those of saint healers in Byzantine plastics represented by items historically connected with Medieval Russia and dating back to the early 13th century. Of special interest is an icon from Kiev with images especially close in its artistic manner. Stylistically it is similar to the icon of Boris and Gleb which originates from Solotchinsky monastery near Ryazan. They are products of the same studio, of which many were discovered in different Russian towns. New archeological finds of similar items are also taken into consideration. As a result it becomes possible to suppose that such stone figures could be used as samples by the carvers who worked on the façade sculpture of Georgievsky Cathedral in Yurjev-Poslky.

Illustrations:

Fig. 1. —P. 406.

Saint Cosma and Damian, princes Boris and Gleb on the relieves St. George Cathedral in Yurjev-Polsky: 1 — south-western pilaster; 2 — southern side of a south-western pilaster. Around 1234 A.D.

Fig. 2. —P. 407.

Saint Healers. Relieves on the eastern part of the southern side St. George Cathedral in Yurjev-Polsky. Around 1234 A.D.

Fig. 3. —P. 408.

1–3, 5 — Saint Unmercenary Healers Cosma and Damian: 1 — talc icon (around 1200, Perejaslav-Khmel-nitsky, National Open-Air Museum; 2 — shale icon (first third of the 13th century, Kiev, Archeological Institute National Academy of Sciences, Ukraine); 3 — shale icon (the first third of the 13th century, Tver, Research Center for History, Archeology and Restoration); 5 — Byzantine icon (12th century. Mount Sinai, St. Catherine nunnery); 4 — Princes Boris and Gleb. Slate icon from Solotchinsky monastery near Ryazan. (First third of the 13th century. Ryazan, Open-Air Museum_of History and Architecture).

Ludmila Sitaya (Chernigov)

Crosses from V.V. Tarnovsky's Collection

The article is devoted to the crosses from the collection of V. V. Tarnovsky. In the catalogue of V. V. Tarnovsky's collection in 1898 there were 51 encolpia, 41 underwear crosses, made of various materials, and 6 crucifixes. There are 20 encolpia, 5 underwear crosses and 1 Crucifix in the modern collection of V.V. Tarnovsky Museum. Only one half of an encolpion was imported from the Eastern Church and dates back to the 10th–12th centuries. All the others are dated to the 12th–13th centuries and were produced by the Old Russian craftsmen.

Illustrations:

Fig. 1. —P. 413.

Byzantine encolpia cross (group I).

Fig. 2. —P. 414.

1–6 — encolpia crosses with high relief (group II); 7–10 — relief-and-niello encolpion crosses (group III).

Fig. 3. —P. 415.

1–6 — niello encolpia crosses (group IV).

Fig. 4. —P. 416.

1–2 — encolpia crosses with small densely placed relief images (group VII); 3 — encolpion cross of rare type (group IX).

Fig. 5—P. 417.

Underwear crosses and a plate with Crucifixion: 1–2, 4 — copper alloy; 3 — stone, gold; 5–6 — pyrophyllite.

Natalia Khamayko (Kiev)

Old Rus' Bronze Jewelry Mould from the Excavations in the Lower Town (Podol) of Kiev

The paper publishes a rare bronze mould discovered during the excavations of an area near the Dnieper river at the Podol (Lower Town) of the Old Kiev. This is a two-halves mould with the images of small decorated crosses of the Croix Pattée shape. The mould was produced with wax model casting and final cutting of details. A crack in the mould is the result of destruction in epy process of using — probably, casting tin ornaments. This mould was found in the river-bed of Podol stream of the 12th century along with the other products of jewelry-making. The images of crosses seem to be older than the archaeological context of the find. Similar crosses were popular in the ornaments of the 10th–11th centuries. Unfortunately, due to the lack of the second half of the mould, we cannot specify the function of products. The existing analogues allow to suppose that they were used as pendants, tin-plates or brooches, but only the future finds of identical ornaments can solve this problem.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 421.

Bronze mould — Kiev, Podol.

Fig. 2. — P. 424.

Equilateral Pattée crosses of the Kiev mould and their parallels: 1, 2, 3, 4 — Kiev, Podol; 5–12 — finds from Byzantine provinces; 13 — Eski-Kermen; 14, 16 — Tepsen'; 15 — Kalos-Limen; 17 — Dolní Věstonice, pohr. 467; 18 — Serbia, 19 — Vinča-Ritopek; 20 — Haidudorog-Gyulas, 21 — Balatonmagyoryd-Felső-Koloni-dulo; 22–23 — Kiev.

Fig. 3. — P. 426.

Old Rus' equilateral Patée crosses of the 10th — beginning of 11th centuries and parallels: 1 — Guthbert's Cross; 2 — Wilton Cross; 3 — Whitby Abbey; 4 — Sigtuna; 5 — Birka Grave 698; 6 — Oldenburg; 7 — Kastlosa; 8 — Birka Grave 835; 9 — Skjeppeinge Grun; 10 — Birka Grave 480; 11 — Gnezdovo; Grave II-301; 12 — Time-revo, Grave 459; 13 — Gnezdovo, Grave 93; 14 — Korosten; 15 — Kiev, Grave 124; 16, 17 — Kiev, Grave 125.

Color page:

10. II — jewelry bronze mold, excavations at Podol in Kiev;

III — faults of the mold surface created during the process of the mold production and use: 1 — side A; 2–4, 7 — side B; 5 — lower facet; 6 — upper facet.

Fjodor Androshchuk (Sigtuna)

A Find from Lake Hjerminsø, Denmark, and Some Peculiarities of the Production and Circulation of Swords in the Society of the Viking Age

This article deals with the analysis and interpretation of the lower guard of a unique sword type from the Viking Age found in lake Hjerminsø in Denmark. The find is related to the other swords found in South Scandinavia. Apart from 19 sword finds known from the former Danish province Skåne (now Sweden), 91 swords and fragments or details of swords have been registered on the territory of ancient Denmark. It is possible to define three main areas with the largest concentration of finds — Middelsom herred (medieval locality) and Hedeby on Jutland and the area of lake Tissø on Sjælland (Zealand). It is stressed that, contrary to the situation in Norway and Sweden, where most finds come from rural areas, Danish sword finds mostly come from the areas where aristocratic sites controlled by the royal power have been registered. On the basis of the analysis of the guard from Hjerminsø and other sword hilts cast of silver or bronze, it is concluded that jewelers could take part in the production of some swords. This means that different parts of swords could be produced by different craftsmen. The analysis of written sources makes it possible to suggest four different models for the circulation of swords in the Viking Age. Finds of weapons in water could be explained in different ways, but some finds like the Hjerminsø guard should be interpreted as offerings, a kind of “contract” between the people and the gods.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 434.

The lower guard from lake Hjerminsø.

Fig. 2. — P. 435.

Map of the distribution of Viking ages swords in Denmark.

Fig. 3. — P. 437.

Typochronology of Viking ages swords.

Aleksandr Grigorjev (Moscow)

Monetary and Ware Hoards of the 9th — the Early 10th Centuries in the Middle Oka Basin

The right bank of the Middle Oka river in the 9th — the early 10th centuries is characterized by dense concentration of hoards of Arabian silver. For today there are 20 places of finds of Cufic coins in hoards of the first and second periods, fixed in the indicated region. Some hoards, in addition to coins, contained jewelry. Such complexes are very few, but their value can hardly be overestimated. Seven hoards found in the basin of the Middle Oka include ware material. Unfortunately, three hoards — Lapotkovo, Baskach and Kashira — did not survive. The available descriptions of their contents do not always allow to define the objects which constituted the complex.

All the four monetary and ware hoards, still available for study, belong to the second period of circulation of Arabic coins in East Europe. The significant share of coins dated to 860's allows to date the given group of hoards to the turn of the 9th and the 10th centuries. Perhaps Kashirsky hoard should be dated to the same period. The set of categories of objects represented in different hoards is relatively uniform. It includes “Glazovsky”-type neck rings, beamed temple-rings, Saltovo-type earrings, simple wire rings and fragments of Saltovo-type strap sets. The objects from hoards have direct analogies in the materials from the layer of the fire at Supruty Gorodische. There are reasons to believe that some of these objects, the beamed temple-rings for example, were made by the craftsmen from Supruty. The structure of the monetary parts of the hoards is also similar to the set of coins from the layer of the destruction of the settlement.

It is supposed that the time when the indicated group of hoards was lost, corresponds to the final stage of existence of the settlement. The structure of the hoards was formed in the area of the Middle Upa, which is indicated by the objects of local production.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 450.

9th-century hoards in the the Middle Oka basin: 1 — Baskach (807–808 A.D.); 2 — Bobyli (875–876 A.D.); 3 — Gritchino (860–861 A.D.); 4 — Zheleznitsy (877–878 A.D.); 5 — Kashira; 6 — Kunakovo (851–852 A.D.); 7 — Lapotkovo (816–817 A.D.); 8 — Lesnaja Verkusha; 9 — Mishnevo (868–869 A.D.); 10 — Ostrogi (870 A.D.); 11 — Protasovo (842 (?) A.D.); 12 — Rastovets (863–864 A.D.); 13 — Supruty (866 A.D.); 14 — Timofejevka (749(?) A.D.); 15 — Tula; 16 — Khitrovka (810–811 A.D.); 17 — Khitrovka (872–873 A.D.); 18 — Alpatjevo; 19 — Torkhovo. Map symbols: a — monetary hoards; б — monetary and ware hoards.

Vladimir Zotsenko (Kiev)

Kiev Cemetery-II: Place in Historical Topography, Typology of Grave Goods, Chronology

The finds of Scandinavian import from the “Flat part” of Kiev stay apart from the same Podol district, Zamkovaya Gora and the “Upper Town”. The artifacts found here (excluding 4 coins with inscriptions, which remind Scandinavian runes from the hoard with 192 dirhams of 894 — 935, found near the Jordan church in Bohoslov’s cemetery originate from four graves of Kiev Cemetery II. According to the available information, the cemetery was a field of barrow mounds that stretched along the first and the second terraces of the basic bank of the Dnieper River lower than Lysa Gora. It stretches for 1250–1300 meters from South-East to North-West. The width of this stripe inside the terrace varied from 150–200 meters up to 500 meters. The excavated burials of this cemetery refer to the same chronological span, corresponding to 950–970 A.D. Like in the complexes of Cemetery I, the Scandinavian antiquities from the burials of this cemetery referred to both men’s and women’s attire including 2 swords of types J. Petersen “E3” and “H”, a ringed fibula with a long needle of type J. Petersen 227, and two pairs of oval brooches of each type J. Petersen — I. Jansson 51 C3 and 52 D. These burials are well correlated with the cultural layer excavated in 1965 in the Southern part of the hillfort on Lysa Gora and dated by the authors of the excavations to the early 10th century. Despite the prevalent opinion, the monuments of Lysa Gora of this time are secondary in relation to the lower residential horizons of Podol district and the early barrow complexes of Kiev Cemetery I, and obviously extraterritorial to the city. They must be connected to the independent retinue which appeared in Kiev not earlier than the forties of the 10th century.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 458.

Kiev necropolis-II. 1–5 — The inventory of grave 118.

Fig. 2. — P. 461.

Kiev necropolis-II. 1 — The inventory of grave №1/1989; 2–16 — The inventory of grave 124.

Fig. 3. — P. 463.

Kiev necropolis-II and contemporary items. 1 — Cross from Iskorosten’; 2 — the top of sword, supposedly from grave 116; 3–21 — The inventory of grave 117/125.

Color pages:

11. The Kiev necropolis-II. 1 — plan of general location; 1–2 — general view of the surroundings.

Yury Lesman (Saint Petersburg)

A Casting Mould from Vyshgorod

This is the publication of a casting mould discovered in 1934 in Vyshgorod near Kiev (deposited in the National History Museum of the Ukraine, inventory number B2/968). The mould made of solid limestone was used for making wax models of several metal decorations. At the first stage it was intended for casting a round pendant with a human face on the pseudo-loop (the head is backless, wholes in the side facets were used for hanging). The slot ground of the pendant is formed by the creature’s neck transforming to tail. The pendant develops

Scandinavian traditions of the Viking epoch, although there are no analogues in Scandinavia. The most likely date of this casting form is the 2nd half of the 11th — the 1st one-third of the 12th centuries. This is one of the samples of a whole group of East European objects that develop the tradition of Scandinavian animal style on the local basis, which indicates that it would be expedient to single out a special Russian-Scandinavian cultural constituent dated within the 10th — 12th centuries.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 479.

Casting mould from Vyshgorod. 1 — photograph; 2 — drawing.

Fig. 2. — P. 481.

Models of the objects to be casted in the casting mould from Vyshgorod.

Radostaw Liwoch (Krakow)

Great Barrows in Plesnesk

In the second half of the 19th century there were conducted research excavations of the burial ground in the village of Pidgirci (early medieval Plesnesk) in western Ukraine. In 1874 one of the burial mounds was explored by amateur B. Szaniawski. In the grave he found a skeleton and furnishings (including a sabre). We have more information about other graves which were explored — fairly professionally for the times — by T. Ziemięcki. In 1881 he explored a barrow (height 2.5 m) hiding a double burial — probably of a married couple — with furnishings (a sword, a chain mail, jewelry, buckets and others). In the teeth of the male skeleton there was a piece of gold. In 1882 he explored two burial mounds which he called the Great Twin Barrows. In one of them (height app. 2.0 m, diameter app. 16.0 m) there was a richly furnished double burial (a sword, a hatchet, jewelry, buckets) of a man and a woman with pieces of gold in their mouths and crosses. In the other grave (height app. 2.0 m, diameter app. 16.0 m) there was a male skeleton with a gold wire in his teeth, two crosses and furnishings (a hatchet, a sickle, rings, buckets). Twin barrows are an example of two traditions coexisting and merging in Kievan Rus' at the turn of the 1st and 2nd millennia A.D. The old tradition is manifested in the rich furnishings of the graves confirming their owners' pagan mentality, while the new tradition is manifested by the religious items which were put in the graves to demonstrate their owners' Christianity. The context in which the crosses were discovered confirms that, even among the Old Russia's social elite, the changes connected with abandoning old beliefs and adopting Christian eschatology occurred slowly, and the pagan outlook was still reflected in the burial rituals of the people who regarded themselves as the followers of Christ. Small gold objects were found in the mouths of the dead from the barrows excavated by T. Ziemięcki, which can be interpreted as a local variation of the "obolus of the dead" custom. All the four graves ought to be regarded as the only necropolis with team burials, found in western Ukraine, which is a chronological and material equivalent of the late phases of the burial grounds such as Old Ladoga — Gnezdovo — Shestovica. They date back to the end of the 10th, the first half of the 11th centuries.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 487.

Burial mounds in Plesnesk (drawn by A. Dziedzic, photo by R. Łapanowski). 1 — sabre from the barrow on the ground of Tołoczko; 2–5 — inhumation from the Great barrow on peasant grounds; 2 — plan of the inhumation; 3 — bracelet; 4–5 — sword.

Fig. 2. — P. 489.

Burial mounds in an 'annalistic Plesnesk' (drawn by A. Dziedzic, photo by R. Łapanowski). Inhumation from the Great Twin Barrow burial № 1. 1 — plan of the inhumation; 2–14 — grave goods; 2, 3 — crosses; 4, 5 — a pieces of gold from (the archives of MAK); 6–8, 10, 15 — rings; 10 — bracelet; 11 — handle; 12 — axe; 13 — scabbard chape; 14 — sword.

Fig. 3. — P. 491.

Burial mounds in an 'annalistic Plesnesk' (drawn by A. Dziedzic). Inhumation from the Great Twin Barrow № 2. 1 — plan of the inhumation; 2 — reliquary cross — enkolpion; 3 — cross; 4 — wire, 5–6 — rings; 7 — axe.

Color page:

12. Finds from burial mounds in an 'annalistic Plesnesk' (photo by R. Łapanowski): 1, 10–11, 20 — the Great Twin Barrow, burial № 2; 2, 4–9, 12, 15–19 — the Great Twin Barrow, burial № 1; 3, 13, 14 — the Great Barrow burial, from the farmstead № 1.

Alexander Mikhailov, Sergey Salmin (Pskov)

A Chest from Chamber Burial 2 at Starovoznesensky Excavations in Pskov (An Attempt of Reconstruction)

A burial ground of the second half — the end of the 10th century was excavated in historic Pskov (Okolny Gorod) in 2004. It contained two chamber burials of Scandinavian cultural tradition. This publication is devoted to a small chest from the funeral stock of chamber 2. The chamber contained a female burial (age 35–45). A round spot of organic decay about 0.3 m in diameter with metal pieces was found in the chamber's corner to the right of the skeleton remains. It appeared to be a fragment of wooden vessel cover. The X-ray analysis of the find and the study of metal pieces carried out in the restoration process allowed to reconstruct the outlook of small chest. The cover was decorated with four iron triangular plates. One of them had a lock hole. Four bronze stamped plates ornamented in Elling style were situated between the iron plates. There was an iron ring in the centre of the cover. In the process of study of the find, according to the remaining details, we managed to reconstruct the lock. The finds similar to this one from Pskov are known in the chamber burials of Dane and Sweden, which are dated to the middle 9th — second half of the 10th century. This is the first find of this type on the territory of Russia.

Illustration:

Fig. 1. — P. 495.

Pskov. Starovoznesensky I excavation site. Chamber burial № 2: a — plan; б — section. Symbols: 1 — boulder; 2, 3 — sand; 4 — remains of decayed wood; 5 — wooden board; 6 — grey clay sand; 7 — individual find.

Color page:

13. A burial with a chamber, № 2, Pskov: 1 — a fragment of a bronze plate; 2 — a version of a reconstruction of a casket cover; 3 — a casket lock; 4 — a construction of locking mechanism.

Vladimir Petrukhin (Moscow)

Scandinavian Iconographic Traditions in Old Russian Art

Scandinavian figurative traditions in Old Russian art are usually connected with a few mythic and epic topics: Odin between two ravens (on the steels from Kama region, according to Gali Korzoukhina et al.), “valkyries” and the deeds of Sigurd Völsung (Ivar Paulsen). The first topic could be considered as romantic: symmetrical scheme — a man between two birds etc. — is one of universal motives (known in Kama region itself), which do not yield to concrete interpretation; the anthropomorphic person is deprived of the necessary feature characterizing Odin — the Scandinavian god is one-eyed. It is difficult to differentiate female images: the figures of “valkyries” from Gnezdovo, Ryurikovo, Ladoga have analogues in Scandinavia, but the attempt of differentiation the images of “valkyries” and deities according to their attributes (drinking horn or necklace) is not convincing. There was no clear differentiation of various categories of female mythological persons (disir, norns, valkyries) in the Scandinavian tradition. The motives connected with the deeds of Sigurd reproduce the compositions known in Scandinavian art: serpent pierced with a sword (“axe of Andrej Bogolyubsky”) and the hero himself with sword and the ring behind (“figures of the Vikings” from Daugmale and Novy Bykhov).

Illustrations:

Fig. 1. — P. 499.

Anthropomorphic person between two birds. 1, 2 — Anthropomorphic person between two birds on the steel from Kama region and on the pendant from Vasil’ki; 3–8 — Steels from Kama region; 9–10 — Harness-bow mounts from Gotland and Danemark (according L.Thunmark-Nylen).

Fig. 2. — P. 500.

Female images in Late Roman art: 1–3 — Pendant from Aska and female images in the Late Roman tradition (according to U. Näsman); 4 — Silver bowl from the National museum in Copenhagen (according to I. Worsaae).

Fig. 3. — P. 501.

Scandinavian mythological and poetical subjects and corresponding ones in Late Roman and Medieval European Art. 1 — Pierced serpent on the “axe of Andrej Bogolyubsky”; 2 — “Figure of the Viking” from Daugmale; 3–8 — Motifs of the meeting of Sigurd and Brynhild (according to K. Düwel); 9–14 — Bracteat from Viken and analogous Roman compositions (according to H. Vierck); 15 — Scabbard cover plate from Grinivovo.

Nikolaj Plavinskij (Minsk)

The Sword Chapes of the 10th–13th Centuries from the Territory of Belarus

Among the far-famed works of G. Korzukhina there is the article “From the History of Old Russian Weapons of the 11th Century» published in 1950. In this article the scholar developed her typology of sword chapes in Old Rus’ and adjoining territories. Three years later Peter Paulsen’s work dedicated to the study of sword chapes of the Baltic region appeared. The typology suggested by Paulsen has become most commonly used. However, it is worth mentioning that the principles of determining different types proposed by Korzukhina and Paulsen have much in common, as well as their conclusions concerning the chronology and origins of several types. After the publication of above-mentioned works, the specialists in Old Russian archaeology have hardly paid any attention to studying sword chapes. Most interest in the question was taken by N. Eniosova, V. Zotsenko, K. Mikhailov, N. Nosov. To the present day 25 intact and fragmented sword chapes were discovered on the territory of Belarus. They can be divided into two big groups: 1) sword chapes of the Viking Age and later period (for their systematization we use Paulsen’s typology), 2) “U”-shaped swords that spread in Europe in Romanesque Epoch. The first finds of sword chapes on the territory of Belarus date to the late 10th — early 11th centuries. They all pertain to North European types. 16 of 22 sword chapes could be ascribed to the Baltic group — III:2, IV, V:1, V:2, VII:2 types. Moreover, VII:2 type — has its origins in Gotland as well as probably part of the examples of IV and V:1 types. Two more sword chapes of individual shapes could also be attributed to the Baltic group. At the same time, there are only three finds of “U”-shaped Romanesque sword chapes on the territory of Belarus which date to the 12th–13th centuries. The statistics indicates the wide popularity of the Baltic type sword chapes in the 11th–13th centuries. “U»-shaped sword chapes that appeared at the end of the 12th century could not compete with them. V:2 type sword chapes, which make almost a half of the total number of the 11th–13th century finds, were the most popular. The demand for these sword chapes caused the emergence of their local manufacturing, which was traced in Homel.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 507.

Sword chapes from the territory of Belarus: 1 — Franopol’ hillfort; 2 — territory of Belarus; 3 — Jurovichi; 4 — hillfort on the river Menka; 5 — Drutsk; 6 — Golshany (?); 7 — Golshany; 8 — Litvinovichi; 9 — barrow cemetery Gurkovichi; 10 — Novogrudok, detinets; 11 — Polotsk, Upper castle; 12 — Minsk region; 13 — Volkovysk, hillfort Zamchishche; 14 — hillfort Maskovichi; 15 — barrow cemetery Ashmianec; 16 — Homel; 17 — Mstislavl’; 18 — Volkovysk, hillfort “Swidsh mound”; 19 — Lukoml; 20 — Novogrudok, Okolny town; 21 — Drutsk; 22 — territory of Belarus; 23 — Orsha; 24 — Polotsk, Zapolotie; 25 — Polotsk, Zapolotie.

Fig. 2. — P. 509.

The map of sword chapes finds of 10th–13th centuries from the territory of Belarus.

Fig. 3. — P. 511.

Types chronology of sword chapes of 10th–13th centuries from the territory of Belarus.

Alexey Plokhov, Marianna Koul’kova (Saint-Petersburg)

New Data about Tating Ware in the Lower Volkhov Region

The article considers the remains of “Frisian («Tating») Ware”, originating from the barrow №7 at the burial ground in Plakun area and from the occupation layer of the Zemlyanoje Gorodische at Staraya Ladoga. The work contains detailed description of the items including the technological analysis of their production, it also marks the territory in Europe where such vessels were discovered. The article gives a review of published judgments concerning the problem of their origins, special attention being paid to the works where methods of natural science were used (petrography research, prompt gamma neutron activation analysis). The consideration of published data brought the authors to the conclusion that there existed several centres of pottery making, where “Tating Ware» was made.

In order to define similarities and differences between the fragments of “Tating Ware” found in the lower Volkhov Region, to find out their technology and to compare the finds with analogous ceramics originating from other regions, the authors used some methods of natural science (petrographic method, X-ray fluorescence analysis, X-ray phase and thermal analysis). The tests were carried out on five samples. The results were compared with the data obtained by English and German scientists. The comparison of the mould masses and

chemical compounds showed that some of the “Tating Ware” are very close, but some of them differ significantly from the samples taken from the West European items.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 523.

Diffraction pattern of sample № 127.

Fig. 2. — P. 524.

Thermogram of sample № 127.

Fig. 3. — P. 524.

Distribution of the samples according to cluster analysis data.

Color pages:

14. Fragments of ‘Tating’ vessels, Zemlyanoje Gorodische at Staraya Ladoga and a burial ground in Plakun area.

15. Fragments of “Tating” vessels: 1 — Zemlyanoje Gorodische at Staraya Ladoga; 2–4 — a burial ground in Plakun area; 5 — sample № 120: — structure of ceramics; — the polished section without analyzer, — in the polished section with crossed polarizer

16. 1 — sample № 127: — structure of ceramics; — the polished section without analyzer, — in the polished section with crossed polarizer; 2 — sample № 144: — structure of ceramics; — polished section without analyzer, — the polished section with crossed polarizer; 3 — sample № 145: — structure of ceramics; the polished section without analyzer, — the polished section with crossed polarizer; 4 — sample № 151: — structure of ceramics; — the polished section without analyzer, — the polished section with crossed polarizer.

Michail Sagaidak (Kiev)

Civil Wooden Architecture of the 10th–12th Century Kiev

Based on the new archaeological data, the article gives the information on the town-planning and social and economic aspects of the development of the town. The paper touches upon the disputable question of the origins of the town building. The data concerning the main street of the Lower Town in Kiev (the Podil District) was presented and a variant of its reconstruction proposed. A special part of the article presents detailed information on the types of buildings and constructive peculiarities of the secular architecture of Kiev, such as the arrangement of the horizontal earth platforms underlying log houses, the construction of foundations made of logs of big diameter and combined in different ways, the technique of walls erection and the arrangement of floors, ovens, entrances, doors, staircases and external galleries. The information about a wooden Christian church — the first one in the history of archaeological study of Kiev — discovered during the excavations was also introduced in the paper. The building was a part of the message lay-out and must have been used for religious rituals. In conclusion, the author analyzes the construction of a log dwelling house, the location of buildings on the territory of a homestead, and the ways of historical development of the mass wooden architecture.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 532.

Map of the 10th–12th century Kiev.

Fig. 2. — P. 533.

Foundation platform supports.

Fig. 3. — P. 534.

Foundation platform supports.

Fig. 4. — P. 536.

Foundation underpinnings — logs, foot blocks, piers.

Fig. 5. — P. 537.

Types of corner joints in the the log walls (1–4). Methods of laying floors (5–6). Superposition of new over older buildings (7–8).

Fig. 6. — P. 538.

Methods of laying floors: 1 — plans of log houses № 4a, №4, Red Square 1972; 2 — log house № 4a, Section along the axes A-A; 3 — log houses № 4a and № 4, the usage of the flooring for the support of the upper log house; 4 — log house № 8, Red Square 1972, the system of laying the floor joists; 5 — log house № 8, Red Square 1972,

Axonometry; 6 — plan of log house № 7, Zhytniy Market, 1973; 7 — log house № 7, Zhytniy Market, 1973, Axonometry, Section along the axes C-C; 8 — log house № 7, Zhytniy Market, 1973, Section along the axes D-D.

Fig. 7. — P. 539.

Architectural elements — doors, stairs, entrances.

Fig. 8. — P. 540.

Plan of a big building, Geroev Tripol'ya Street, 1972.

Fig. 9. — P. 541.

Plan of the remains of the 12th century wooden Christian church, 3/7 Mezhygorskaya Street, 2003.

Fig. 10. — P. 542.

Plan of two yards (A and B), Zhytniy Market, 1973 and a variant of the author's reconstruction.

Jakov Frenkel (Saint-Petersburg)

The Struggle for Barrow №7 of the Scandinavian Burial Ground Plakun (On the Dating of the Barrow and its Synchronization with the Cultural Strata of Zemlyanoye Gorodische at Staraya Ladoga)

The Scandinavian burial ground Plakun (9th–10th centuries) is located on the right bank of the river Volkhov, opposite the medieval settlement of Staraya Ladoga. The settlement existed since the middle of the 8th century. Barrow №7 is one of the earliest burial mounds at Plakun. The dispute about the date of the barrow №7 started in 1970's. The most important works are: Korzukhina 1971, 1971a; Boguslavsky 1992; Boguslavsky, Machinskaya 1993, Mikhailov 2002; Frenkel 2008. Unfortunately, the verification arguments contained in these works, are sometimes inaccurate (Korzukhina 1971, 1971a; Mikhailov 2002). The methodological aspect of the dating procedure is more important for dating the mound. The authors of the articles (Korzukhina 1971, 1971a; Mikhailov, 2002) used the chronological scale of Northern Europe. The authors of other articles (Boguslavsky 1992; Boguslavsky, Machinskaya 1993, Frenkel 2008) for the same purposes use simultaneously the chronological scales of Northern Europe and the settlement of Staraya Ladoga. The chronological scales of Northern Europe and Staraya Ladoga are not coincide with each other. Barrow №7 could be dated to 880's — 920's only using the scale of Staraya Ladoga. After the alignment of the time-scales of Northern Europe and Staraya Ladoga more accurate dating would become possible.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 549.

Staraya Ladoga. Plakun Site. 1952. Excavations of the barrow № 7.

Fig. 2. — P. 551.

Chronological indicators used by G. F. Korzukhina: 1 — beads made of ribbed wire, Plakun burial ground, barrow № 7; 2, 3 — “Tating” (“Frisian”) ceramics: 2 — Plakun, barrow № 7 (reconstruction by G. F. Korzukhina); 3 — Birka, Bj № 551.

Fig. 3. — P. 553.

Finds from burial on Eland island (krsp Vickleby, Karlevi) with ribbed beads. No scaling.

Fig. 4. — P. 554.

Wire beads from Birka burials: 1–2 — beads of smooth wire, burial Birka — Bj 649; 3–9 — beads of ribbed wire: 3–7 — burial Birka — Bj 606, 551, 791, 1081; 8 — Gnezdovo, hoard from the year 1868, № 23 according to the numeration of G. F. Korzukhina; 9 — Gothland island, Felhagen, Bjerke. No scaling.

Fig. 5. — P. 555.

Finds from Ladoga region — type objects at the Zemlianoje Gorodishche in Staraya Ladoga (women's burials). 59 out of 77 dating types belong to the types of beads (marked with grey background).

Fig. 6. — P. 556.

Staraya Ladoga. Plakun site. Barrow № 7. Glass and silver beads.

Fig. 7 — P. 557.

The building levels of Zemlianoje Gorodishche according to S. L. Kuz'min and A.D. Machinskaja. 1 — level IV (810 — c. 840); 2 — level V (c. 840 — c. 865); 3 — level VI (c. 865–890's.), 4 — level VII (890's — 920's).

Fig. 8. — P. 558.

Bead Barrow7-№ 134 and its typological analogies: 1 — Barrow7- № 134; 2 — type B222; 3, 4 — type B536. No scaling.

Fig. 9. — P. 559.

Manual application of longitudinal corrugation on coiled bead: 1 — experimental reconstruction of T. Gam; 2 — modern ethnographical analogy, fixed by T. Sode.

Fig. 10. — P. 561.

Beads of smooth wire from the Northern Europe: 1–2 — Norway; 3 — Gothland; 4 — Staraya Ladoga, excavations in 2004 on the right bank of the Ladozhka river; 5 — Ryurikovo Gorodishche; 6 — Staraya Ladoga, Zemlianoje Gorodishche; 7 — Staraya Ladoga, Zemlianoje Gorodishche, occasional find. 1–3 — no scaling.

Ingmar Jansson (Uppsala), Mikhail Potupchik (Vinnitsa), Fjodor Androshchuk (Sigtuna)

A Scandinavian Brooch from Vinnitsa Region

This article deals with a stray find of a large circular brooch of Scandinavian type from the Middle Viking Period (10th century A.D.), which recently came to light in the vicinity of the village Kovalivka, Nemyrov region, Vinnitsa, Ukraine. A detailed description of the brooch and its ornament is given, as well as the associations of the find with the other brooches of the same type known from both Scandinavia and Old Rus'. The chronology and cultural context of this brooch type are the main questions of the article.

Illustrations:

Fig. 1. — P. 576.

Large circular brooch of type IIB2 (P116), front and back, from the Vinnitsa, Ukraine (photo by M. Potupchik).

Fig. 2. — P. 577.

Large circular brooch of type IIB1 (P117) from grave 750 of Birka cemetery, Sweden.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.....	5
-------------------------	---

I. Гали Фёдоровна Корзухина: материалы к научной биографии

Список трудов Г.Ф. Корзухиной.....	11
<i>Л.С. Клейн.</i> Из кладов России: Гали Фёдоровна Корзухина.....	14
<i>М.В. Медведева.</i> Наследие Гали Фёдоровны Корзухиной в Фотоархиве Научного архива ИИМК РАН.....	24
<i>О.А. Щеглова.</i> Научное наследие Г.Ф. Корзухиной в Рукописном архиве Научного архива ИИМК РАН..	31
<i>Н.В. Пивоварова.</i> Г.Ф. Корзухина в Русском музее. О некоторых неизвестных фактах биографии ученого	63

II. Ювелирное дело народов Восточной Европы в III–VIII вв.: эмали и «древности антов»

<i>В.С. Аксёнов.</i> Вещи славянского облика на салтовских памятниках Верхнего Подонечья	73
<i>В.И. Баранов.</i> Погребение гуннского времени у хутора Саги. К истории обнаружения и публикации находки 1887 г.	79
<i>А.М. Воронцов.</i> Новые находки предметов горизонта восточноевропейских выемчатых эмалей на памятниках Окско-Донского водораздела	86
<i>А.В. Комар.</i> Детали обуви восточноевропейских кочевников VI–VII вв.	94
<i>В.И. Кулаков.</i> «Чудовищные» фибулы в Балтии.....	116
<i>О.А. Хомякова.</i> Стиль кольцевого декора в материалах самбийско-натангийской культуры позднеримского периода	128
<i>Е.А. Шаблавина.</i> Орлиноголовая пряжка из собрания А.А. Бобринского	142
<i>О.А. Щеглова.</i> Тайна «пляшущих человечков» и «следы невиданных зверей». Антропо- и зооморфные изображения в раннеславянской металлопластике	146

III. Художественная культура Древней Руси IX–XIII вв.: проблемы становления и развития различных отраслей ювелирного дела и художественного ремесла в общеевропейском контексте

<i>Н.В. Жилина.</i> История древнерусского металлического убора IX–XIII вв.	175
<i>И.Е. Зайцева.</i> К вопросу об организации ювелирного дела в городах Древней Руси.....	199
<i>Н.М. Калашикова.</i> Семиотика и семантика древнерусских створчатых браслетов	206
<i>Н.Б. Крыласова.</i> Флаконовидные пронизки-игольники прикамского типа.....	210
<i>Л.П. Михайлик.</i> Опыт реконструкции вариантов женского погребального убора X – начала XI в. по материалам некрополей Киева и Кветуни	216
<i>С.М. Новаковская-Бухман.</i> Украшения из «разрозненных» древнерусских кладов в собрании М.П. Боткина	221
<i>В. Павлова.</i> Шейные гривны или пояса?	245
<i>Л. Пекарская.</i> Новые данные о киевском кладе 1906 г.	249
<i>Ю.А. Подосёнова.</i> Височные кольца с грушевидной привеской в могильниках и кладях Пермского Предуралья	256
<i>Л.В. Покровская.</i> Привески-амулеты средневекового Новгорода (Неревский и Троицкий раскопы)	259
<i>С.С. Рябцева.</i> О «гроздевидных» украшениях.....	273
<i>М.С. Сергеева.</i> Древнерусская зооморфная резная кость Среднего Поднепровья.....	286
<i>Ю.В. Степанова.</i> Привески в составе древнерусского женского погребального костюма Верхневолжья	293
<i>О.А. Фетисова.</i> К проблеме происхождения древнерусских золотых колтов, декорированных перегородчатыми эмалями.....	306

IV. Памятники христианской культуры Древней Руси и сопредельных территорий в X–XIII вв.

<i>Н.И. Асташова, Т.Г. Сарачева.</i> Химико-технологическое изучение древнерусских рельефных энколпионов из археологического собрания Государственного Исторического музея	317
<i>Г. Атанасов.</i> Святой Георгий — пеший воин-змееборец: возникновение иконографии, памятники, семантика и распространение	330
<i>Е.М. Веремейчик.</i> Предметы христианского культа XI–XIII вв. на сельских поселениях Черниговского Полесья	344
<i>А.Г. Герцен, Т.Ю. Яшаева.</i> Древнерусские энколпионы из Юго-Западного Крыма	355
<i>Д.Д. Ёлшин.</i> К вопросу о реконструкции первоначального облика Десятинной церкви в Киеве	363
<i>В.Н. Зоценко, М.М. Иевлев.</i> Бронзовая литейная форма XI в. из Киева	371
<i>М. Крук.</i> Древнерусские кресты-реликварии и металлические иконы в собрании Отдела церковного искусства Национального музея города Кракова	375
<i>Г. Мэнуку-Адамештеану, И. Полл.</i> Кресты-энколпионы, найденные в Исакаче, округ Тулча	381
<i>А.А. Пескова, Л.В. Строчкова.</i> Об истории и составе «сирийской коллекции» Ханенко в собрании Национального музея истории Украины	396
<i>В.Г. Пуцко.</i> Святые целители в каменной пластике Владимиро-Суздальской Руси (иконографические и стилистические параллели)	405
<i>Л.Ф. Сытая.</i> Кресты из коллекции В.В. Тарновского	411
<i>Н.В. Хамайко.</i> Древнерусская бронзовая ювелирная форма из раскопок на Киевском Подоле	420

V. Древняя Русь и Северная Европа в IX–XI вв.: проблемы культурного взаимодействия

<i>Ф. Андрошук.</i> Находка из озера Hjermind в Дании (некоторые вопросы производства и обращения мечей в эпоху викингов)	433
<i>А.В. Григорьев.</i> Денежно-вещевые клады IX — начала X в. бассейна Средней Оки	449
<i>В.Н. Зоценко.</i> Киевский некрополь-II: место в исторической топографии города, типология погребального инвентаря, хронология	455
<i>Ю.М. Лесман.</i> Литейная форма из Вышгорода	478
<i>Р. Ливох.</i> Большие курганы летописного Плеснеска	486
<i>А.В. Михайлов, С.А. Салмин.</i> Ларец из камерного погребения 2 Старовознесенского раскопа в Пскове (опыт реконструкции)	493
<i>В.Я. Петрухин.</i> О скандинавских изобразительных традициях в древнерусском искусстве	497
<i>Н.А. Плавинский.</i> Наконечники ножен мечей X–XIII вв. с территории Белоруссии	505
<i>А.В. Плохов, М.А. Кулькова.</i> Новые данные о «фризских» кувшинах Нижнего Поволжья	516
<i>М.А. Сагайдак.</i> Гражданская архитектура Киева X–XII вв. (некоторые аспекты изучения восточнославянского жилища)	530
<i>Я.В. Френкель.</i> Борьба за курган № 7 скандинавского могильника Плакун (о датировке кургана и о синхронизации его с культурными напластованиями Земляного городища Старой Ладogi)	547
<i>И. Янссон, М.В. Потупчик, Ф. Андрошук.</i> Скандинавская фибула из Винницкой области	575
Список сокращений	580
Сведения об авторах	583
Summaries	586

CONTENTS

In place of a forward.....	5
----------------------------	---

I. Galy Feodorovna Korzukhina: Materials to the Scholar's Biography

List of publications of G.F. Korzukhina.....	11
<i>Leo Klejn</i> . From the Hoards of Russia: G. F. Korzukhina.....	14
Summary.....	586
<i>Marija Medvedeva</i> . The Heritage of G.F. Korzukhina in the Materials of the Photo Archive of the Russian Academy of Sciences Institute for the History of Material Culture.....	24
Summary.....	586
<i>Olga Scheglova</i> . The Heritage of G. F. Korzoukhina in the Manuscript Archive Collection of the Scientific Archive of the Russian Academy of Sciences Institute for the History of Material Culture.....	31
Summary.....	587
<i>Nadezhda Pivovarova</i> . G.F. Korzukhina in the Russian Museum. On Some Unknown Facts from the Scholar's Biography.....	63
Summary.....	587

II. Art of Jewelry in Eastern Europe in the 3rd – 8th centuries A.D.: Enamels and “Antae’s Antiquites”

<i>Victor Aksionov</i> . The Objects of Slavic Type from the Saltovo Culture Sites in the Upper Donetz Region.....	73
Summary.....	588
<i>Vjacheslav Baranov</i> . The Burial Complex near Sagi Farm. To the History of the Discovery and Publication of Assemblage.....	79
Summary.....	588
<i>Alexey Vorontsov</i> . The New Finds of the Horizon Objects of the East European Champlévé Enamels at the Sites of the Oka and Don Watershed.....	86
Summary.....	589
<i>Alexey Komar</i> . Fragments of the East European Nomads' footwear, 6 th – 7 th centuries A.D.	94
Summary.....	589
<i>Vladimir Koulakov</i> . “Monströse” Brooches in the Baltic Sea Region.....	116
Summary.....	590
<i>Olga Khomiakova</i> . “Ringgarnitur” Style in the Antiquities of the Sambian-Natangian Culture of the Late Roman Period.....	128
Summary.....	592
<i>Ekatherina Shablavina</i> . The Eagle-headed Buckle from A.A. Bobrinsky's Collection.....	142
Summary.....	592
<i>Olga Scheglova</i> . “The Mystery of Dancing Little Men” and the “Traces of Unknown Beasts”. Anthropo- and Zoomorphous Images in Early Slavic Art-metal Craft.....	146
Summary.....	593

III. The Ancient Rus' Art Culture in the 9th – 13th Centuries: the Problems of Different Branches of Jewelry and Decorative Handicraft Formation and Development in the European Context

<i>Natalia Zhilina</i> . The History of the Russian Metal Attire of the 9 th – 13 th Centuries.....	175
Summary.....	594
<i>Irina Zajtseva</i> . On the Problem of Organization of Jeweller's Handicraft in Ancient Russian Towns.....	199
Summary.....	597
<i>Natalia Kalashnikova</i> . Semiotics and Semantics of Old Russian Folding Bangles.....	206
Summary.....	598
<i>Natalia Krylasova</i> . Flask-shaped Pierced Needle-Cases of Prikamyé type.....	210
Summary.....	598

<i>Larissa Mikhailik</i> . The Attempt of Reconstruction of the Basic Variants of Women’s Burial Attire from the 10 th – the early 11 th centuries, according to the Materials of Kiev and Kvetoun Burial places	216
Summary	599
<i>Svetlana Novakovskaya-Boukhman</i> . Jewelry from the “Disintegrated” Ancient Russian Hoards in the Collection of M. P. Botkin	221
Summary	599
<i>Vania Pavlova</i> . Torques or Belts?	245
Summary	600
<i>Liudmila Pekarskaya</i> . The New Data about Kiev Hoard – 1906	249
Summary	601
<i>Julia Podosenova</i> . Temple Rings with Pear-Shaped Pendants in Burial Grounds and Hoards of Perm Cis-Ural Region	256
Summary	601
<i>Liubov Pokrovskaya</i> . Amulet-Pendants of Medieval Novgorod (Nerevsky and Troitsky Excavations)	259
Summary	601
<i>Svetlana Riabtseva</i> . On “Grape-Like” Jewellery	273
Summary	602
<i>Marina Sergeeva</i> . Old Russian Zoomorphic Carved Bone of the Middle Dnieper Area	286
Summary	603
<i>Julia Stepanova</i> . Suspension Brackets as Parts of the Old Russian Women’s Burial Attire in the Upper Volga Region	293
Summary	604
<i>Olga Fetissova</i> . On the Problem of Origins of Ancient Russian Golden Kolts Ornamented with Cloisonné Enamels	306
Summary	604
IV. The Pieces of Christian Culture in Old Russia and Neighbor Countries in the 10th–13th Centuries A.D.	
<i>Natalia Astashova, Tatiana Saracheva</i> . The Chemical and Technological Investigation of the Old Russian Relief Enkolpia from the Archaeological Collection of the State Historical Museum	317
Summary	605
<i>Georgi Atanasov</i> . The Iconography of Saint George: Foot Soldier and Dragon-Fighter (Semantics, Monuments, Dating)	330
Summary	606
<i>Elena Veremeychik</i> . The Objects of Christian Cult from the 11 th –13 th Centuries at the Village Settlements in Chernigov Polesye	344
Summary	606
<i>Alexander Gertsen, Tatjana Yashayeva</i> . Ancient Rus’ Reliquary Crosses from South-West Crimea	355
Summary	607
<i>Denis Jolshin</i> . On the Reconstruction of the Original Design of the Tithe Church in Kiev	363
Summary	608
<i>Vladimir Zotsenko, Mikhail Yevlev</i> . The 11 th Century Bronze Casting Mold from Kiev	371
Summary	608
<i>Mirosław Piotr Kruk</i> . The Ancient Russian Reliquary Crosses and Metal Icons in the Collection of the Orthodox Department of the National Museum in Krakow	375
Summary	608
<i>Georgy Mănucu-Adameşteanu, Ingrid Poll</i> . Enkolpia Crosses found in Isakcha, District Toulcha, Romania	381
Summary	609
<i>Anna Peskova, Liudmila Strokova</i> . On the History and Composition of Khanenko’s “Syrian Collection” in the Collection of the National History Museum of the Ukraine	396
Summary	610
<i>Vassily Poutsko</i> . Saint Healers in the Stone Plastic of Vladimir-Suzdal Russia (Iconographic and Stylistic Parallels)	405
Summary	610

<i>Ludmila Sitaya</i> . Crosses from V.V. Tarnovsky's Collection	411
Summary.....	611
<i>Natalia Khamayko</i> . Old Rus' Bronze Jewelry Mould from the Excavations in the Lower Town (Podol) of Kiev	420
Summary.....	612
V. Old Russia and Northern Europe in the 9th–10th Centuries A.D.: the Problems of Cultural Interaction	
<i>Fjodor Androshchuk</i> . A Find from Lake Hjerminsø, Denmark, and Some Peculiarities of the Production and Circulation of Swords in the Society of the Viking Age	433
Summary.....	612
<i>Aleksandr Grigorjev</i> . Monetary and Ware Hoards of the 9 th – the Early 10 th Centuries in the Middle Oka Basin	449
Summary.....	613
<i>Vladimir Zotsenko</i> . Kiev Cemetery-II: Place in Historical Topography, Typology of Grave Goods, Chronology	455
Summary.....	613
<i>Yury Lesman</i> . A Casting Mould Form from Vyshgorod	478
Summary.....	614
<i>Radosław Liwoch</i> . The Great Barrows in Plesnesk	486
Summary.....	614
<i>Alexander Mikhailov, Sergey Salmin</i> . A Chest from Chamber Burial 2 at Starovoznesensky Excavations in Pskov (An Attempt of Reconstruction)	493
Summary.....	615
<i>Vladimir Petrukhin</i> . Scandinavian Iconographic Traditions in Old Russian Art.....	497
Summary.....	615
<i>Nikolaj Plavinskij</i> . The Sword Chapes of the 10 th –13 th Centuries from the Territory of Belarus	505
Summary.....	616
<i>Alexey Plokhov, Marianna Koul'kova</i> . New Data about Tating Ware in the Lower Volkhov Region	516
Summary.....	616
<i>Michail Sagaidak</i> . Civil Wooden Architecture of the 10 th –12 th Century Kiev	530
Summary.....	617
<i>Jakov Frenkel</i> . The Struggle for Barrow № 7 of the Scandinavian Burial Ground Plakun (On the Dating of the Barrow and its Synchronization with the Cultural Strata of Zemlyanoye Gorodische at Staraya Ladoga	547
Summary.....	618
<i>Ingmar Jansson, Mikhail Potupchik, Fjodor Androshchuk</i> . A Scandinavian Brooch from Vinnitsa Region	575
Summary.....	619
List of Abbreviations.....	580
Information about the authors	583

Славяно-русское ювелирное дело и его истоки

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны КОРЗУХИНОЙ
Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.

Редактор *В.П. Мартыненко*
Оригинал-макет *Л.А. Философова*
Дизайн обложки *Е.В. Кудина*

Подписано в печать 30.03.2010. Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 78. Тираж 1000 экз. Заказ № 1482

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб, Петрозаводская ул., д. 7, тел.: (812)235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095 СПб, ул. Розенштейна, д. 21
тел.: (812)622-01-23